

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 3433 07919793 9

*QCA

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ

ЖУРНАЛЪ

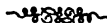
ЛИТЕРАТУРНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКІЙ

ИЗДАВАЕМЫЙ

М. КАТКОВЫМЪ.

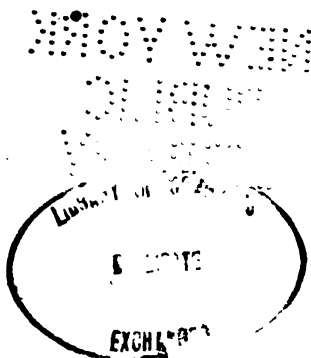
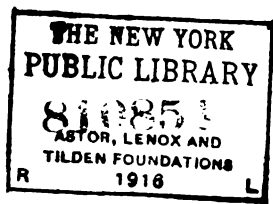
ТОМЪ СОРОКЪ ВТОРОЙ.

МОСКВА.

Въ типографіи Каткова и К^о.

1862.

Одобрено цензурой въ Москвѣ, 3 декабря 1862 года.

Ир.

О ВЪ ИЗДАНИИ

„РУССКАГО ВѢСТНИКА“

И

„МОСКОВСКИХЪ ВѢДОМОСТЕЙ“

ВЪ 1863 ГОДУ.

1863

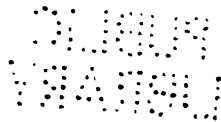
Годовое изданіе *Русскаго Вѣстника*, состоящее изъ двѣдцати ежемѣсячныхъ книжекъ, будетъ въ 1863 году стоить въ Москвѣ и [Петербургѣ] ТРИНАДЦАТЬ РУБЛЕЙ ПЯТЬДЕСЯТЬ КОПѢЕКЪ, СЕРЕБРОМЪ; съ почтовою пересылкой въ другіе города и съ доставкою на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ — ПЯТНАДЦАТЬ РУБ. (СЕР.

Подписка принимается: въ редакцію *Русскаго Вѣстника*; въ конторѣ типографіи Каткова и К^о; въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ; въ книжной лавкѣ И. В. Базунова, въ Москвѣ; въ книжной лавкѣ А. Ф. Базунова въ Петербургѣ.

Иногородные адресуются преимущественно въ редакцію *Русскаго Вѣстника*, въ Москвѣ.

Московскія Вѣдомости, съ казенными объявленіями и воскресными прибавленіями, въ 1863 году будутъ стоить въ Москвѣ безъ доставки на домъ ДВѢНАДЦАТЬ РУБ. СЕР.; въ Петербургѣ безъ доставки на домъ ТРИНАДЦАТЬ РУБ. СЕР.; съ почтовою пересылкой въ другіе города и съ доставкой на домъ въ Москвѣ и Петербургѣ ПЯТНАДЦАТЬ РУБ. СЕР.

Подписка на *Московскія Вѣдомости* принимается: въ Москвѣ, въ конторѣ Университетской типографіи, на Страстномъ бульварѣ; въ редакціи *Русскаго Вѣстника* и въ газетныхъ экспедиціяхъ Московскаго и С.-Петербургскаго почтамтовъ. Въ Петербургѣ, кромѣ того, можно подписываться на *Московскія Вѣдомости* въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

ЕВРОПА ВЪ КОНЦѢ XVIII ВѢКА

СТАТЬЯ ЧЕТВЕРТАЯ. ¹

Въ то время, какъ Россія находилась въ затруднительномъ положеніи, застигнутая врасплохъ войною турецкою и шведскою, угрожаемая разрывомъ съ Пруссіею и Англіею, въ Польшѣ, подъ шумокъ, спѣшили приготовить важныя перемѣны. Мы прервали разказъ нашъ о событіяхъ въ Польшѣ на томъ времени, когда Репнинъ, доведенный до крайности упорствомъ Поляковъ въ диссидентскомъ дѣлѣ, принужденъ былъ поднять диссидентскую конфедерацію, и въ то же время, не вида со стороны Чарторыйскихъ ни малѣйшаго желанія помогать Россіи, рѣшился обратиться къ врагамъ ихъ, которыхъ они одолѣли съ помощію русскаго оружія.

Вожди диссидентовъ сдержали свое слово, данное ими Репнину. Къ назначенному сроку, въ мартѣ 1767 года, образовалась конфедерація изъ протестантовъ въ Торнѣ, маршаломъ которой былъ графъ фонъ-Гольцъ; въ то же время образовалась другая конфедерація въ Слуцкѣ подъ маршальствомъ генерала Грабовскаго: къ ней принадлежали православныя Новогрудска и другихъ сосѣднихъ областей. Чтобы поднять католическую конфедерацію изъ враговъ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ*, №№ 4, 5, 6.

фамиліи, и дать этой конфедерациі сильнаго вождя, еще въ январѣ начаты были сношенія съ изгнанникомъ, княземъ Радзивиломъ, первымъ богачомъ Литвы: ему обѣщано было позволеніе возвратиться въ отечество, съ восстановленіемъ во всѣхъ правахъ и въ прежнемъ значеніи, но подъ условіями: дѣйствовать въ интересахъ императрицы всероссійской, особенно поддерживать ея намѣренія относительно диссидентовъ, не притѣснять ихъ въ своихъ имѣніяхъ, возвратитъ имъ ихъ церкви, выдавать русскихъ персѣжчиковъ, вести себя благоразумно. Последнее условіе было необходимо, потому что знаменитый вельможа, особенно подъ веселый часъ (и эти часы случались нерѣдко), позволялъ себѣ дикія выходки. Радзивиль былъ въ восторгѣ, и отвѣчалъ Репнику¹, что, проникнутый чувствомъ самой живой признательности къ императрицѣ за предлагаемое покровительство, покорный ея великодушной волѣ для блага республики и всѣхъ добрыхъ патріотовъ, провозглашаетъ и обѣщаетъ, что будетъ всегда держаться русскою партіи, что приказанія, которыя угодно будетъ русскому двору дать ему, будутъ приняты всегда съ уваженіемъ и покорностію, и что онъ будетъ исполнять ихъ безъ малѣйшаго сопротивленія, прямого или косвеннаго (*déclare et promet qu'il sera toujours du parti russe, qu'il fera dépendre toutes ses démarches de la cour de Russie, et que les ordres qu'il plaira à cette cour de lui faire donner, seront toujours reçu avec respect et soumission, et qu'il les suivra sans la moindre opposition directe ou indirecte*). Чтобы не оставить и тѣни сомнѣнія на счетъ его поступковъ, чтобы не дать врагамъ ни малѣйшей возможности чернить его, и въ знакъ покровительства императрицы, Радзивиль просилъ, чтобы при немъ постоянно находилась русскій чиновникъ, который бы давалъ ему непосредственно знать о намѣреніяхъ императрицы. Въ заключеніе Радзивиль обѣщалъ содѣйствовать успѣху диссидентскаго дѣла всѣми силами и въ тѣхъ размѣрахъ, какія русскій дворъ заблагоразсудитъ дать этому дѣлу.

Съ Радзивиломъ дѣло было улажено; и относительно другихъ вельможъ, враговъ *фамиліи*, пришли благоприятныя вѣсти. Мы видѣли уже, что о составленіи католической

¹ 28 февраля 1767, изъ Дрездена.

конфедерациі хлопоталъ коронный референдарій Гавріилъ Подоскій: въ началѣ марта онъ возвратился изъ своего объѣзда, и донесъ Репнину, что видѣлся съ епископомъ краковскимъ Солтыкомъ, съ воеводою воынскимъ, Оссолинскимъ, съ надворнымъ маршалкомъ короннымъ, съ великимъ подскарбіемъ короннымъ, съ кухмистромъ литовскимъ Вельгурскимъ, съ воеводою кіевскимъ и другими Потоцкими, которые всѣ согласны общимъ письмомъ просить покровительства императрицы, а потомъ образовать конфедерацию подъ ея протекціей и провести диссидентское дѣло по ея желанію, но хотятъ прежде всего видѣться съ русскимъ посломъ. Репнинъ далъ имъ знать, чтобы пріѣзжали въ Варшаву не позднѣе 10 апрѣля новаго стиля. „Кажется сіе начало столь хорошо, сколь желать было можно, писалъ Репнинъ Панину ¹: однако я, бывъ уже здѣсь столько разъ каждымъ особо обмануть, за успѣхъ отвѣчать совѣмъ не смѣю, а стараться не упущу оный вѣрнымъ сдѣлать.“ Кромѣ Подоскаго, Репнинъ нашелъ себѣ еще союзника и не межу Полаками, разрывъ съ Чарторыйскими, неподатливость короля въ диссидентскомъ дѣлѣ, движеніе русскихъ войскъ въ польскія владѣнія возбудили въ принцѣ Карлѣ Саксонскомъ надежду на важныя перемѣны въ Польшѣ, которыми онъ можетъ воспользоваться. Агентъ Карла, Алое, получилъ отъ него приказаніе облизиться съ Репнинымъ, и во всемъ сообразоваться съ его желаніями. Это было очень выгодно для русскаго уполномоченнаго, потому что Алое былъ въ сношеніяхъ со всею старою саксонскою партіей, съ которою теперь хотѣлъ дѣйствовать за одно противъ Чарторыйскихъ. При помощи Алое и Подоскаго Репнинъ составилъ проектъ литовской католической конфедерациі.

Что же король? Въ январѣ мѣсяцѣ, когда дѣлались приготовления къ конфедерациямъ, Станиславъ Августъ удивилъ Репнина вопросомъ: какъ онъ думаетъ? французская актриса Клеронъ предлагаетъ ему, королю, свои услуги, и онъ хочетъ ими воспользоваться: но безпокойства нынѣшняго года не помѣшаютъ ли удовольствіямъ? Репнинъ отвѣчалъ, что удивляется, какъ его величество серіозныя дѣла мѣшаетъ съ такими мелочами. Но король продолжалъ раз-

¹ 7 марта.

говоръ объ актрисѣ и кончилъ вопросомъ: „Не пойдете ли вы на насъ войною?“ Репнинъ отвѣчалъ, что это зависитъ отъ нихъ, потому что война бываетъ тамъ, гдѣ есть сопротивленіе; кто же не сопротивляется ни прямо, ни происками у другихъ, но, вида и право и силу въ соединеніи, старается имъ удовлетворить *добрыми манерами*, смотря съ терпѣніемъ на подвиги ихъ, тотъ не можетъ опасаться войны. „Мое мнѣніе то же самое, оказалъ на это король: увѣряю васъ, что не хочу ни прямо, ни стороной противиться Россіи въ случаѣ вступленія вашихъ войскъ сюда; но кромѣ этого, что вы мнѣ присовѣтуете еще сдѣлать?“ „Удовлетворить нашимъ требованіямъ, отвѣчалъ Репнинъ: если это удовлетвореніе будетъ соединено съ осторожнымъ и благоразумнымъ поведеніемъ, то ваше величество непременно достигнете прежней дружбы съ Россією.“¹

Случай послѣдовать совѣту Репнина скоро представился: конфедерациі торнская и слудкая потребовали, чтобы правительство признало ихъ законность, чтобы король принялъ ихъ пословъ. Чарторыйскіе настаивали, чтобы король не соглашался на это, а между тѣмъ въ глаза увѣряли Репнина, что не только ничего не предпринимаютъ противъ русскихъ мѣръ, но готовы и пособлять имъ по возможности; король же давалъ разумѣть нослу, что дядья не позволяютъ ему принять конфедератовъ. Во второй половинѣ марта созванъ былъ сенатскій совѣтъ, въ которомъ читались русская и прусская деклараціи въ пользу диссидентовъ и самый актъ диссидентской конфедерациі. Засѣданіе кончилось тѣмъ, что назначили собрать генеральный сенатскій совѣтъ къ 25 мая. Король далъ знать Репнину, что онъ нарочно отложилъ такъ далеко срокъ генеральнаго совѣта, чтобы дать время русскимъ войскамъ углубиться въ польскія владѣнія. Но Репнину не этого хотѣлось: онъ хотѣлъ, чтобы король прямо и открыто дѣйствовалъ въ пользу диссидентовъ². 4 апрѣля онъ призвалъ къ себѣ пана Огородскаго, управляющаго королевскимъ кабинетомъ, и потребовалъ немедленнаго и прямого рѣшенія вопроса, приметъ ли король диссидентскихъ депутатовъ или нѣтъ? Посолъ кон-

¹ Репнинъ Панину 31 января 1767 г.

² Репнинъ Панину $\frac{28 \text{ марта}}{8 \text{ апрѣля}}$ 1767 г.

чилъ свой разговоръ съ Огородскимъ словами: „Если король и министерство не захотятъ депутатовъ съ пристойностію принять, то его величество рискнетъ лишиться дружбы вашей всемилостивѣйшей государыни.“ Слова эти произвели немедленное дѣйствіе: Огородскій возвратился съ объявленіемъ, что „король, уважая дружбу ея императорскаго величества и всегда желая доказывать свою къ ней преданность, хотя совѣтъ его и противился, намѣренъ однакоже принять депутатовъ диссидентскихъ.“¹

28 апрѣля новаго стила былъ этотъ приемъ. Послѣ предъавленія своихъ желаній депутаты были допущены къ королевской рукѣ, что было знакомъ утвержденія законности диссидентской конфедераціи. Но ужъ не было тайною, что конфедерація не ограничится предѣлами диссидентской, что готовится генеральная конфедерація, поднимаемая врагами Чарторыйскихъ и короля, что Радзивилъ будетъ ея маршалоомъ. Въ маѣ мѣсяцѣ Станиславъ-Августъ обратился къ Репнину съ вопросомъ: „Правда ли, что князь Радзивилъ будетъ маршалоомъ генеральной коронной (польской) конфедераціи?“ — „Правда“, отвѣчалъ посолъ. — „А для чего это дѣлается?“ спросилъ опять король. — „Для того“, отвѣчалъ Репнинъ, „что я болѣе увѣренъ въ его зависимости отъ насъ чѣмъ въ зависимости всякаго другаго; я желаю имѣть людей послушныхъ, а не ждать изъ чужихъ рукъ исполненія моихъ собственныхъ дѣлъ, тогда какъ я уже столько разъ былъ обманутъ фальшивыми обѣщаніями.“ Репнинъ впрочемъ кончилъ увѣреніемъ, что поведеніе Радзивила останется совершенно въ границахъ увѣренности. Послѣ этого откровеннаго объясненія съ королемъ, является къ Репнину Чарторыйскій, воевода русскій: „Конфедераціи начинаютъ, обстоятельства такіа деликатныя: не знаю, какъ вести себя съ *фамиліей* и пріятелями; боюсь, чтобы по незнанію не сдѣлать чего-нибудь непріятнаго императорскому двору, которому мы такъ преданы.“ — Знаю силу твоихъ словъ, подумалъ Репнинъ и отвѣчалъ: „Конфедераціи эти дѣлаются противъ вредныхъ новостей введенныхъ въ правленіе, дѣлаются противъ нарушенія древнихъ законовъ и формы правленія, согласны слѣдовательно съ полезными видами ея императорскаго величества на счетъ

¹ Репнинъ Павилу 4 апрѣля стараго стила 1767 г.

республики здѣшней; а сверхъ того, такъ какъ эти конфедерации прибѣгаютъ къ покровительству ея императорскаго величества, и ручательства ея просятъ, для непоколебимаго сохраненія правъ республики и вольностей, то это высочайшее покровительство имъ и слѣдуетъ, съ утвержденіемъ, по ихъ желанію, на всѣ вѣка, формы здѣшняго правленія и преимуществъ каждаго. Но такъ какъ великодушіе и челоуѣколюбіе суть основаніе справедливаго поведенія ея императорскаго величества, вслѣдствіе того и не должны эти конфедерации никакою силою принуждать къ соединенію съ ними, а только тѣхъ за злодѣевъ почитать будутъ, которые противъ нихъ дѣйствовать дерзнутъ. Поэтому вы, господа, совершенно вольны пристать къ конфедерациямъ, или нѣтъ, оставаясь покойными и нейтральными зрителями.“ Чарторыйскій разсыпался въ благодарности, превозносилъ умѣренность русскаго правительства, нежеланіе употреблять силу, въ заключеніе предлагалъ свои услуги, сколько сможетъ. Но услуги Чарторыйскаго могли теперь только затруднить Репнина: опять сблизиться съ Чарторыйскими значило удалить всѣхъ новыхъ приверженцевъ, которые потому только и перешли на русскую сторону, что Репнинъ разладилъ съ *фамилією* ¹.

Репнинъ, принужденный прибѣгнуть къ такому сильному средству, какъ конфедерация, хлопоталъ однако, какъ бы предотвратить безпорядки, потрясенія, бывшія обыкновенно слѣдствіемъ конфедерации. По старому обычаю, какъ о коро конфедерация образовывалась и получала признаніе, то вдругъ всѣ прежнія власти переставали дѣйствовать; авторитетъ всѣхъ существующихъ магистратуръ и юрисдикцій исчезалъ; все подчинялось верховной волѣ сконфедерованной шляхты; король, сенатъ, всѣ высшіе чиновники и суды должны были отдавать ей отчетъ. Репнинъ не хотѣлъ на это согласиться: „Понеже напрасно бѣ я короля тѣмъ оскорбилъ, ибо по нашимъ видамъ оное не нужно, а только бѣ дало болѣе власти конфедерации, отщепеная прежнія дѣла по внутреннимъ судамъ, несправедливости дѣлать. Сверхъ того, запретивъ всѣ юрисдикціи, запретили бѣ чрезъ то и комиссіи скарбовую и военную, а ихъ поправка хотя точно нужна, но совершенное испроверженіе

¹ Репнинъ Павлу 16/27 мая 1767 г.

нѣ кажется не авантажю; и тако держусь сколь возможно и противлюсь сему закрытію юрисдикцій, а межъ тѣмъ пользуюсь симъ же, *угодность и пріятство тѣмъ дѣлаю королю*, котораго для переды въ преданности я хочу сообразность къ нашему двору, находя за полезное, *чтобы не всегда здѣсь съ употребленіемъ силы все дѣлать*. Сверхъ же того доажень я и въ томъ по справедливости признаться, что его величество, не входя явнымъ образомъ въ содѣйствование съ нами, противностей однакоже никакихъ не дѣлаетъ, и хотя съ оскорбленіемъ иногда и съ натуральною вросьбой, чтобы друзей его сберегали, но все почти по внутреннимъ здѣсь моимъ мѣрамъ къ исполненію допускаетъ и удерживаетъ преданныхъ себѣ отъ безразсудной горячности.¹

Дѣйствительно король допускалъ все по внутреннимъ мѣрамъ русскаго посла: смертію примаса, князя Лубенскаго, очистилось первое духовное мѣсто въ королевствѣ, архіепископство гвезенское, и король согласился на желаніе Репнина возвести Подоскаго на это мѣсто. Репнинъ былъ очень доволенъ: „Возвышеніе Подоскаго въ примасы великое приумноженіе нашей инфлюенціи здѣсь сдѣлаетъ (писалъ онъ въ Петербургъ.² Онъ (Подоскій) открытымъ образомъ мнѣ преданъ былъ и какъ бы секретарь мой во всѣхъ настоящихъ обстоятельствахъ работалъ; черезъ его же возвышеніе увидитъ нація вся, коль мы великолѣпно награждаемъ тѣхъ, которые намъ прямо и усердно служатъ. Увидитъ она, что можно совершенно полную довѣренность имѣть къ покровительству нашего высочайшаго двора, когда въ самое сочиненіе столь оскорбительной королю конфедерации, не могъ онъ отказать первый чинъ въ государствѣ тому точно, который въ угодность Россіи главнымъ и начальнымъ работникомъ въ томъ былъ.“

Между тѣмъ, къ началу іюня 1767 года, въ Литвѣ образовалось уже 24 конфедерации, маршалами которыхъ повсюду выбраны были друзья Радзивила, а самъ онъ былъ выбранъ маршаломъ подляшской конфедерации. Въ Польшѣ и Литвѣ конфедерация считала подъ своими знаменами до 80.000 шляхты. 3-го іюня Радзивиль, окруженный толпами

¹ Репнинъ Пакилу 31 мая (11 іюня).

² 14 (25) іюня 1767 г.

шляхты, имѣлъ торжественный вѣздъ въ Вильну, а черезъ три недѣли послѣ этого провозглашенъ былъ генеральнымъ маршаломъ соединенной польско-литовской конфедераціи, собравшейся въ Радомъ (въ 15 миляхъ отъ Варшавы.) Но Репнинъ тотчасъ же увидѣлъ, что этимъ дѣло не кончается, а только начинается. Репнинъ поднялъ генеральную конфедерацію, чтобы покончить диссидентское дѣло: не хотѣли кончать его король и Чарторыйскіе, пусть покончатъ враги ихъ. Но конфедераты откликнулись на приглашеніе русскаго посла, имѣя въ виду свергнуть короля и сдѣлать съ Чарторыйскими то же, что тѣ сдѣлали съ вами во время своего торжества. Начальные люди конфедераціи къ диссидентскому дѣлу были равнодушны, а толпа была одушевлена тою же нетерпимостію какъ и прежде; слѣдовательно опять Репнинъ, чтобы преодолѣть это тупое сопротивленіе, долженъ былъ прибѣгать къ крайнимъ средствамъ, къ военной силѣ. Рядомъ съ предложеніемъ о правахъ диссидентовъ шло предложеніе о томъ, чтобы все постановленное на будущемъ сеймѣ было гарантировано Россіей. Въ Радомѣ предложенія прошли, и то вслѣдствіе присутствія русскихъ войскъ; но въ провинціяхъ шляхта волновалась, — а что будетъ на сеймѣ? Краковскій епископъ Солтыкъ сталъ въ чело религиознаго движенія: пятнадцать секретарей день и ночь писали его пастырскія посланія. „Любезнѣйшіе сыны, пастырству нашему порученные!“ гласили посланія: „упражняйтесь во всякаго рода добрыхъ дѣлахъ, взывайте съ сокрушеніемъ духа къ трону милосердія, чтобы прославилъ надъ нами милость свою, чтобы ниспослалъ Духа Святаго на сеймъ для утвержденія вѣры св. католической, для мужественнаго отпора претензіямъ диссидентовъ, для сохраненія кардинальскихъ правъ вольности. Чтобы во все продолженіе сейма во всѣхъ косцѣлахъ ежедневно происходило молебствіе предъ св. тайнами, съ пѣніемъ: Святыи Боже!“ Въ этомъ посланіи Солтыкъ является передъ вами какъ епископъ католическій; но въ письмѣ къ одному изъ друзей своихъ, Вильгурскому, онъ является какъ политикъ: „Императрица, пишетъ онъ, домогается двухъ вещей: генеральнаго поручительства и возстановленія диссидентовъ. Гарантировалъ король польскій курляндскія вольности, утвердилъ привилегіи земель прусскихъ, и черезъ это обѣ націи привлечены были въ зависимость отъ республики. Главное сред-

ство отбиться отъ гарантіи, это поднять вопросъ, что Турція не позволить. Что касается до диссидентовъ, то покой націи зависитъ отъ того, чтобы диссиденты, а именно не уніаты, не были ни въ сенатѣ, ни въ министерствѣ; довольно будетъ припомнить, что въ Россіи есть тридцать фамилій, которыя ведутъ родъ свой изъ Польши, а раздача достоинствъ въ Польшѣ находится во власти императрицы русской: такъ хорошо ли будетъ, когда сенатъ московскій перенесенъ будетъ въ Польшу, а насъ передвинуть въ Сибирь. Главная политика польскихъ недовольныхъ должна состоять въ продленіи сейма для того: 1) чтобы конфедерация пришла въ совершенство; 2) чтобы иностраннымъ дворамъ дать время къ негоціаціи; 3) чтобы электоръ (саксонскій) пришелъ въ совершеннолѣтіе; 4) чтобы лучше изъясниться съ дворомъ петербургскимъ чрезъ нашихъ посланниковъ, а не чрезъ того деспота (Репкина); 5) для слабости короля прусскаго: есаубы умеръ, то что бы помѣшало саксонскому войску войти въ Польшу?"

Для бóльшаго воспламененія умовъ, въ Польшѣ явилось циркулярное письмо къ епископамъ папы Климента XIII противъ правъ диссидентскихъ; на копіи письма, пересланной Репкинымъ въ Петербургъ, отмѣчено тою же рукою, которая писала Наказъ: „Куда панъ гораздъ сказки оказывать!“ Но что были сказки въ Петербургѣ, тому съ благоговѣніемъ внимали въ Польшѣ. „Я не могу довольно изобразить, писалъ Репкинъ, сколь заражена здѣшняя нація суевѣріемъ и фанатизмомъ закона, и думаю, что не могло то въ сильнѣйшемъ градусѣ быть и во время самыхъ кроазадовъ.“¹ Но кромѣ фанатизма толпы, Репкина приводило въ отчаяніе двоедушіе людей руководившихъ толпою: посолъ видѣлъ, что и прежній вѣрный секретарь его, новый примасъ Подоскій, стаскнулся съ Солтыкомъ, съ Красивскимъ (епископомъ каменецкимъ), маршаломъ Мнишкомъ-Потоцкимъ (воеводою кievскимъ) и подскарбіемъ Веселемъ; но, дѣйствуя заодно, эти люди пріѣзжали къ Репкину, и Богъ знаетъ что наговаривали другъ на друга. „Изволите видѣть, писалъ Репкинъ, съ сколь честными людьми я дѣлаю имѣю, и сколь пріятны должны быть мои обороты и поведеніе; истинно боюсь, чтобы самому, въ семь

¹ Репкинъ Папику 5 (16) августа.

ремесль съ ними обращаясь, мошенникомъ наконецъ не одѣлаться.“ Но главнымъ мучителемъ посла былъ все тотъ же Солтыкъ: „Истинно я ему отъ себя бѣ что ни есть подарилъ, чтобъ онъ отсель куда-нибудь провалился: надоѣлъ ужъ мнѣ смертельно,“ писалъ Репнинъ. Однажды прѣвзжаютъ къ нему два прелата, Подоскій и Солтыкъ, и начинаютъ жаловаться на насиліе русскихъ войскъ во время сеймиковъ, на арестъ шляхтича Чацкаго, сдѣланный по приказанію Репнина: „Если мы, говоритъ Солтыкъ, не можемъ сносить деспотизма собственнаго короля, то тѣмъ менѣе можемъ сносить деспотизмъ иностранной государыни, которая къ тому же еще объявляетъ, что поддерживаетъ нашу свободу.“ Репнинъ отвѣчалъ ему прямо: „Если вы такъ смотрите на дѣло, то объявите войну императрицѣ и ея войскамъ, собирайте для этого собственныя войска.“ — „У меня никогда не было въ головѣ столь страшныхъ и безумныхъ идей, сказалъ на это Солтыкъ: я не хочу даже воевать съ посланникомъ императрицы, желаю только для себя и для націи пользоваться высокимъ покровительствомъ императрицы. дружбою и благосклонностію ея посланника.“ Во время этого разговора Подоскій сидѣлъ не открывая рта. ¹

Приближалось время сейма: „Если хотимъ мы успѣха въ диссидентскомъ дѣлѣ на будущемъ сеймѣ, писалъ Репнинъ, то необходимо надобно будетъ епископа краковскаго и подобныхъ фанатиковъ забрать подъ караулъ, а иначе отъ ними никакимъ образомъ не совладѣемъ.“ Получивъ на это позволеніе изъ Петербурга, посоль отвѣчалъ Панину: „Имѣю честь отвѣчать съ увѣреніемъ наискрѣпчайшимъ, что безъ самой крайней необходимости конечно пользоваться не буду позволеніемъ употреблять мѣры силы противъ здѣшнихъ противниковъ, но признаюсь, что весьма боюсь, чтобы къ тому не былъ принужденъ.“² Страхъ былъ не напрасный: Солтыкъ разослалъ по сеймикамъ письма, въ которыхъ объявляетъ, что и на будущемъ сеймѣ будетъ поступать въ диссидентскомъ дѣлѣ точно также, какъ и на прошедшихъ; то же самое говорилъ всѣмъ въ Варшавѣ. Репнинъ поручилъ Подоскому поговорить дружески Солтыку,

¹ Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

² Репнинъ Панину 6 (17) сентября.

чтобъ онъ остерегался, что терпѣнію бываетъ конецъ, что передъ російскою императрицею онъ не важный господинъ, что его могутъ взять и не выпустить. „Не стану молчать, когда интересъ религіи потребуесть моей защиты,“ отвѣчалъ Солтыкъ. „Сокрушаетъ онъ меня своимъ непреодолимымъ упорствомъ противъ диссидентскаго дѣла, писалъ Репнинъ: я уже ему стороной внушалъ, чтобъ онъ на сеймъ не ѣздилъ, коль не хочетъ участвовать диссидентскому возстановленію и коль не можетъ воздержаться, чтобы противъ нихъ не говорить, но и на то не соглашается!“. Наконецъ Солтыкъ далъ знать Репнину, что желаетъ войти съ нимъ въ соглашеніе, ручаясь за всѣхъ епископовъ и за всю свою партію. Репнинъ отвѣчалъ, что въ формальное трактованіе онъ можетъ войти только съ тѣми, кто по своему чину въ республикѣ имѣетъ на то право; епископъ же краковскій и всѣ епископы вмѣстѣ этого права не имѣютъ; если же онъ хочетъ по-пріятельски договориться, то пусть пріѣзжаетъ самъ безо всякихъ церемоній; но прежде всего надобно согласиться въ самомъ главномъ, а именно чтобы диссиденты были уравнены въ правахъ съ католиками, безъ чего ни въ какіе договоры вступать нельзя. Въ отвѣтъ на это, Солтыкъ началъ разглашать, что скорѣе тѣло свое на разсѣченіе дастъ, скорѣе умереть со всѣми своими пріятелями чѣмъ позволить на уравненіе диссидентовъ съ католиками. Желая показать, что готовъ подвергнуться той участи, какою грозилъ ему Репнинъ, онъ сталъ готовить подарки для тѣхъ, которые придутъ брать его подъ стражу, такъ что, по словамъ Репнина, комната его стала похожа на нюренбергскую лавку. Но мученичество, какъ видно, не очень нравилось краковскому епископу, и онъ далъ знать Репнину, что беретя уговорить всѣхъ ревностныхъ католиковъ дать удовлетвореніе диссидентамъ, если русскій посолъ позволитъ ему продолжать прежнее поведеніе для сохраненія кредита въ своей партіи. Репнинъ отвѣчалъ ему черезъ Подоскаго, что никакъ не можетъ на это согласиться: или епископъ не понимаетъ, что такое поведеніе можетъ причинить только вредъ дѣлу, а не пользу, что не дѣлаесть чести его головѣ; или онъ хитритъ, чтобъ испортивъ дѣло, послѣ

¹ Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

вывернуться и всю вину сложить на другихъ, выставая на видъ, что внутренно согласенъ былъ съ нимъ, посломъ. „Я прошу епископа,“ продолжалъ Репнинъ, „чтобъ онъ и словами и поступками, прямодушно и явно, дѣйствовалъ въ пользу совершеннаго равенства диссидентовъ съ католиками.“¹

Между тѣмъ король понималъ, что только тотъ можетъ утишить бурю, кто ее поднялъ, понималъ, что только Репнинъ можетъ защитить его отъ враговъ, и отдался въ полное распоряженіе русскаго посла: „Король,“ писалъ Репнинъ, „со мною разговоръ имѣлъ, въ которомъ неоднократно съ клятвами обѣщалъ именно сими терминами, что хотя бы всѣ струны лопнули, хотя бы всѣ наши партизаны отъ насъ отстали, хотя бы наконецъ одинъ онъ остался, но непремѣнно и непоколебимо насъ держаться станетъ, и безъ изъятія все то дѣлать будетъ, что я потребую для успѣха диссидентовъ и желанныхъ нами дѣлъ, то-есть и ручательства.“² Но надобно было условиться съ королемъ, чего же именно требовать для диссидентовъ, какъ разумѣть уравниеніе правъ?

Подчиняя все политическимъ расчетамъ, Панинъ прямо писалъ Репнину, что русское правительство, стараясь о диссидентскомъ дѣлѣ, вовсе не должно имѣть въ виду распространеніе въ Польшѣ православія и протестантизма въ ущербъ католицизму. Самое видное право, которое всего лучше свидѣтельствовало объ уравниеніи православныхъ съ католиками, состояло въ томъ, чтобы православные архіереи могли присутствовать въ сенатѣ наравнѣ съ католическими, право, которое еще въ XVII вѣкѣ было уступаемо православнымъ на бумагѣ; но на дѣлѣ католики никогда не могли рѣшиться пустить православнаго архіерея въ сенатъ. Теперь православные требовали, чтобъ епископъ бѣлорусскій получалъ мѣсто въ сенатѣ; но король требовалъ, чтобы вмѣстѣ съ православнымъ епископомъ вошелъ въ сенатъ и два униатскіе. Россія требовала уравниенія правъ не для однихъ православныхъ, но для всѣхъ диссидентовъ, дѣйствовала тутъ не одна, но вмѣстѣ съ другими

¹ Репнинъ Панину 12 (23) сентября.

² Репнинъ Панину 30 августа (10 сентября).

державами протестантскими, слѣдовательно исключительности быть не могло. Но Панинъ взглянулъ на дѣло и съ другой стороны: „хотя,“ писалъ онъ, „помѣщеніе въ сенатѣ двухъ епископовъ уніатскихъ и согласуетъ отчасти въ существѣ своемъ съ вышеположеннымъ главнымъ правиломъ (чтобы не имѣть въ виду распространенія другихъ вѣроисповѣданій въ ущербъ католицизму), однакоже въ разсужденіи настоящаго, совсѣмъ разнствующаго случая было бы весьма *прикро* для славы ея императорскаго величества. Не можетъ ли такое уніатскихъ епископовъ помѣщеніе показаться свѣту какъ бы нарочно сдѣланное въ досаду ея величества, когда напротивъ самое состояніе дѣла требуетъ, чтобы всѣ ея желанія исполнены были.“—На второе и третье требованіе короля, чтобы королемъ могъ быть только католикъ и чтобы католическая религія была признана господствующею, Панинъ изъявлялъ согласіе; но не соглашался на четвертое объ опредѣленіи наказанія отступникамъ отъ господствующей религіи. Панина затрудняло то, что издавна позволено было уніатамъ переходить въ православіе, и потомъ надобно, писалъ онъ, „сохранить предъ глазами публики непорочность нашихъ намѣреній, касающихся до нашей собственной вѣры.“ На пятое королевское требованіе, чтобы необходимое число диссидентовъ въ сенатѣ и сеймѣ было съ точностію опредѣлено, Панинъ соглашался; требованіе это онъ даже считалъ для себя желательнымъ, потому что безъ точнаго опредѣленія числа, королю католику и шляхтѣ католической, составляющей огромное большинство, легко будетъ вовсе удалить диссидентовъ; но Панинъ не хотѣлъ согласиться на шестое требованіе, чтобы четыре епархіи, отступившія въ унію, оставлены были въ настоящемъ ихъ состояніи не тронутыми. „Требованіе это,“ писалъ онъ, „будучи само по себѣ согласно съ главнымъ нашимъ правиломъ, не повстрѣчало бы конечно съ нашей стороны препятствія; но какъ всякое о сакъ епархіяхъ упоминновеніе можетъ подлежать неудобству, выше сего описанному, то дабы въ разсужденіи ихъ не навести себѣ и королю польскому новыхъ и напрасныхъ хлопотъ, всего лучше будетъ оставить ихъ со всею уніею какъ на сеймѣ, такъ и въ будущемъ трактатѣ въ полномъ и неприкосновенномъ молчаніи, яко такую секту, которая

ни съ тѣмъ, ни съ другимъ закономъ прямо соединенною считаться не можетъ.“¹

Эти рѣшенія Павина не остались безъ сильныхъ возраженій со стороны Репнина. „Если воспрепятствовать введенію униатскихъ епископовъ въ сенатъ, то это будетъ значить, что мы требуемъ уже не равенства, а преимуществъ; давая православнымъ больше правъ, побуждаемъ униатовъ переходить въ православіе: Какъ же не будемъ имѣть въ виду распространеніе нашей вѣры? Правда, что по закону 1635 года позволено было свободно переходить изъ уни въ православіе и наоборотъ, но о католикахъ нигдѣ не упоминается, а есть нацстрожайшіе законы, которые запрещаютъ отступать отъ католической религіи: какимъ же образомъ будетъ успокоить сумасбродство и фанатизмъ, представляющій себѣ, что мы хотимъ совсемъ другое исповѣданіе здѣсь ввести и ихъ всѣхъ отъ католической религіи отворотить, когда не позволимъ возобновить этихъ законовъ? Нельзя опредѣлять необходимое число диссидентскихъ депутатовъ на сеймъ, потому что нѣскольکو сеймиковъ въ разныхъ мѣстахъ можетъ разорваться, но это не мѣшаетъ собираться сейму, хотя въ немъ и не будетъ депутатовъ съ разорванныхъ сеймиковъ; теперь можетъ случиться, что сеймики разорвутся именно въ тѣхъ мѣстахъ, которыя должны будутъ присылать диссидентскихъ депутатовъ, то неужели сеймъ не будетъ имѣть права собираться вслѣдствіе отсутствія диссидентскихъ депутатовъ, когда онъ собирается при отсутствіи католическихъ? развѣ мы можемъ этого требовать? Въ сенатъ можетъ быть допущено опредѣленное число диссидентскихъ членовъ, но, разумѣется, отсутствіе кого-нибудь изъ нихъ по болѣзни или другой какой-нибудь причинѣ не можетъ уничтожить сенатскихъ совѣтовъ. Чтобъ оставить въ молчаніи четыре отпадня на унию наши епархіи, стараться я стаю; но если сумасбродство и фанатизмъ представляютъ себѣ, что мы хотимъ увеличить здѣсь число своихъ исповѣдниковъ, чѣмъ же то успокоить?“² Сами диссиденты усиленно просили, чтобы не вводить ихъ въ правительство опредѣляемымъ числомъ: слишкомъ полутораѣтковое

¹ Павинъ Репнину 14 августа 1767 г.

² Репнинъ Павину 6 (17) сентября.

говеніе, испытанное ими отъ господствующей религіи, требовало между ними знатную шляхту, и потому у нихъ не было достаточнаго числа кандидатовъ на высшія мѣста. Самое назначеніе епископа бѣлорусскаго въ сенатъ встрѣчало затрудненіе: какъ сенатору, ему слѣдовало быть шляхетскаго происхожденія. Конискій думалъ, что въ Малороссіи есть монахи изъ польской шляхты, и Репнинъ просилъ Панина освѣдомиться объ этомъ, и дать знать, если найдутся люди, соединяющіе съ шляхетскимъ происхожденіемъ личныя качества достойныя сенаторскаго званія ¹.

Но въ то время какъ Репнинъ думалъ еще о возможности утушить фанатизмъ, сохраняя уваженіе къ законамъ страны, не касаясь правъ господствующей религіи, Солтыкъ съ товарищами вели дѣло къ другой развязкѣ. Получивъ возможность сконфедероваться благодаря Россіи, съ помощію русскаго войска, теперь, чтобы отвергнуть русскія требованія, они, разумѣется, прежде всего должны были требовать удаленія этого войска: „Сейма нельзя держать при иностранныхъ войскахъ!“ кричали они. Чтобы заглушить эти крики, король и маршалы конфедерацій согласились съ Репнинымъ, чтобы конфедерация декретомъ своимъ объявила русскія войска дружескими и помогающими вольности народной; потомъ, для избѣжанія противорѣчія и *шумовъ*, конфедерация должна была объявить, что всѣ присяги, принесенныя на сеймикахъ земскими посланцами въ противность смысла акта конфедерации и въ противность точныхъ правъ, уничтожаются. Но конфедераты отвергли оба декрета, несмотря на все стараніе обоихъ генеральныхъ маршаловъ, и главнымъ дѣятелемъ въ этомъ случаѣ явился незначительный шляхтичъ Кожуховскій, крестура маршала Мвишка. Репнинъ велѣлъ взять Кожуховскаго подъ арестъ, и потомъ скоро выпустилъ; но уже кратковременнаго ареста было достаточно, чтобы сдѣлать Кожуховскаго мученикомъ вѣры: папскій нунцій отправился къ нему съ визитомъ, за нунціемъ Поляки толпами. Тогда Репнинъ отослалъ Кожуховскаго въ его деревню подъ карауломъ ².

23 сентября долженъ былъ начаться сеймъ. Въ этотъ

¹ Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).

² Репнинъ Панину 21 сентября (2 октября).

день, когда послы съѣхались у князя Радзивила, чтобъ оттуда вмѣстѣ отправиться на первое засѣданіе, прѣзжа-етъ нунцій и начинаетъ говорить, что вѣра погибаетъ, что ихъ долгъ защищать ее до послѣдней капли крови, а не допускать до уравнианія съ прочими религіями; именемъ папскимъ объявилъ онъ, чтобы никакъ не соглашались на на-значеніе отъ республики делегатовъ съ полною мочью для переговоровъ съ русскимъ посломъ, ибо слѣдствиемъ будетъ необходимо гибель вѣры. Собраніе было сильно наэлектри-зовано: послышались со всѣхъ сторонъ рыданія, клятвы, что готовы погибнуть за вѣру, что мученическая смерть будетъ имъ пріятна. Въ самый разгаръ этихъ сценъ вдругъ является въ собраніе Репнинъ. Нѣсколько умѣренныхъ де-путатовъ выбѣжало къ нему навстрѣчу съ увѣщаніями, чтобъ онъ возвратился, и что иначе они ни за что не отвѣчаютъ; но Репнинъ не принявъ ихъ совѣтовъ и вошелъ прямо въ сере-дину толпы, которая встрѣтила его крикомъ, что всѣ го-тovy умереть за вѣру. „Перестаньте кричать!“ сказалъ громко Репнинъ: „а будете продолжать шумѣть, то и я съ своей стороны шумъ заведу, и мой шумъ будетъ сильнѣе вашего“. Тутъ оправались и маршалы конфедерацій и стали уговаривать депутатовъ перестать кричать. Когда водво-рилась тишина, Репнинъ началъ: „Я прѣехалъ только съ визитомъ къ князю Радзивилу, а не трактовать съ вами, потому что никто изъ васъ этой чести имѣть не можетъ, не будучи уполномоченъ отъ республики; но частнымъ об-разомъ, по-пріятельски, скажу вамъ, что удивляюсь и со-жалѣю, видя васъ въ такомъ возмутительномъ состояніи; вы позабыли, сколько имѣете доказательствъ доброжела-тельства ея императорскаго величества, позабыли, что только подъ ея покровительствомъ могли вы сконфедеро-ваться для сохраненія своей вольности и правъ“. — Тутъ рѣчь Репнина была прервана крикомъ: „Мы соединились также и для сохраненія закона католическаго!“ Въ другой разъ объявилъ Репнинъ, чтобы перестали шумѣть, иначе самъ шумѣть станетъ, и когда крики утихли, продолжалъ: „Никто не отнимаетъ у васъ права имѣть ревность къ своему закону, эта ревность конечно похвальна; но развѣ кто хочетъ нарушать права римскаго вѣроисповѣданія? Если вы подлинно вѣрны своему закону, то должны исполнять его справедливыя предписанія, чтобы никому въ вѣрѣ привуж-

деня не дѣлать, бытъ непоколебимыми въ сохраненіи своихъ обязательствъ и въ отдаваніи справедливости каждому. Если хотите жить въ добромъ соудствѣ съ Россіей и пользоваться покровительствомъ ея императорскаго величества, то соблюдайте договоры“. Отвѣта на эту рѣчь не было; но раздались крики: „Освободить Кожуховскаго!“ — „Если станете кричать,“ отвѣчалъ Репнинъ, „ничего не сдѣлаю; крикомъ у меня ничего не возьмете; просите такимъ, учтивымъ, порядочнымъ образомъ, и тогда, можетъ-быть, сдѣлаю вамъ удовольствіе.“ Подошелъ Радзивилъ и сталъ просить учтиво о Кожуховскомъ; Репнинъ общалъ и немедленно исполнилъ обѣщаніе.

Теперь надобно было хлопотать, чтобы на сеймѣ тѣмъ или другимъ образомъ началось дѣло о диссидентахъ. Репнину хотѣлось, чтобы сеймъ прислалъ къ нему делегатовъ спросить, чего ея императорское величество желаетъ для диссидентовъ? Еслибы противники воспрепятствовали этому, то не оставалось другого средства, какъ послать на сеймъ для прочтенія меморіала и просить рѣшительнаго отвѣта. Во всякомъ случаѣ Репнинъ хотѣлъ дѣйствовать сообща со всеми иностранными министрами, поддерживавшими вмѣстѣ съ Россіею диссидентское дѣло. Главнымъ между ними былъ прусскій министръ Бенуа, но Репнину дали знать, что Бенуа подъ рукою препятствуетъ успѣху диссидентскаго дѣла, увѣряя, что Русскіе только грозятъ, а никогда угрозъ своихъ не исполняютъ, да и король прусскій не выдастъ Поляковъ; особенно Бенуа хлопоталъ, чтобы не была принята русская гарантія. Также подъ рукою, тихо, но усердно работали противъ гарантіи Чарторыйскіе, выдавъ по ночамъ съ краковскимъ епископомъ. Со стороны Чарторыйскихъ особенно сильно дѣйствовалъ противъ Россіи князь Любомирскій, великій маршалокъ коронный, но также подъ рукою. Зная расположеніе къ Россіи князя Адама Чарторыйскаго, старики дядя запретили ему подъ проклятіемъ и лишеніемъ наслѣдства быть делегатомъ для трактованія съ Репнинымъ о диссидентскомъ дѣлѣ. Репнинъ имѣлъ по этому случаю разговоръ съ княземъ Адамомъ, уговаривалъ его быть делегатомъ, представляя, какія вредныя слѣдствія могутъ производиться отъ ихъ упорства. Чарторыйскій отвѣчалъ, что чувствуетъ всю правду словъ Репнина, но согласиться на его требованіе не можетъ. Репнинъ видѣлъ

что бѣдный Адамъ говорилъ отъ искренняго сердца, потому что навзрыдъ плакалъ.

Между тѣмъ, благодаря стараніямъ Солтыка съ товарищами, умы всѣхъ депутатовъ были такъ настроены, что нечего было ожидать согласія на начатіе переговоровъ съ Репнинымъ относительно диссидентскаго дѣла и гарантіи. Сеймовое засѣданіе 1 (12) октября началось рѣчью епископа кievскаго, который въ своихъ выходкахъ противъ диссидентовъ дошелъ до того, что вольность утверждаемую закономъ называлъ дьявольскою, а не вольностію правовѣрныхъ; потомъ началъ протестовать противъ ареста Кожуховскаго, и обратясь къ королю, требовалъ, чтобы тотъ не на словахъ только, а на дѣлѣ показалъ свое правовѣріе. Король отвѣчалъ, что кромѣ усердія къ вѣрѣ католической онъ обязанъ еще имѣть попеченіе о благополучіи отечества; напомнилъ объ обязательствахъ, въ которыя сама нація вступила чрезъ конфедерацію и посольство, отправленное къ императрицѣ, указавъ на вредъ, который произойдетъ, если этихъ обязательствъ не исполнить, и въ заключеніе потребовалъ, чтобы прочтенъ былъ приговоръ конфедераціи. Когда приговоръ былъ прочтенъ, то начался страшный шумъ; со всѣхъ сторонъ крики: „Кто подписалъ грамоту?“ На это отвѣчалъ секретарь конфедераціи, что подписали маршалы по приговору соединенной генеральной конфедераціи. Тутъ поднялся Солтыкъ: „Вся конфедерація и сочинявшіе ее совѣтники отроду кредитивныхъ грамотъ не читывали, и вѣрно грамотъ не умѣютъ, если такую грамоту подписали; впрочемъ, продолжалъ онъ, я этому не удивляюсь, потому что конфедерація принуждена была къ этому силою отъ абсолютной державы; но мы теперь можемъ и должны все ею сдѣланное ко вреду Польши испровергнуть, въ томъ числѣ и эту грамоту, какъ противную религіи и вольности; вольность наша нарушена совершенно взятіемъ Чацкаго и Кожуховскаго; надобно послать къ русскому послу делегатовъ отъ сейма съ требованіемъ письменнаго отвѣта, по чьему повелѣнію онъ такъ поступалъ и имѣетъ ли на то инструкцію? Прежде полученія отвѣта отъ Репнина и прежде освобожденія Чацкаго не позволяю ничего ни дѣлать, ни говорить на сеймѣ. Согласны ли всѣ на это?“ Большая часть пословъ закричали: „согласны!“ Опять король началъ тихую рѣчь:

„Сами не знаете, чего хотите: такая делегация оскорбить достоинство самой императрицы; вмѣсто всего этого надобно прилежно рассмотреть поданный при началѣ сейма княземъ Радзивиломъ проектъ, сличить его съ основаніемъ, то есть съ актомъ конфедераціи, и съ грамотою, отправленною къ ея императорскому величеству; для этого даю я времени до 16 числа этого мѣсяца.“ Этимъ засѣданіе и кончилось.

Узнавши эти подробности, Репнинъ почелъ необходимымъ покончить съ Солтыкомъ. Во вторникъ $\frac{9}{13}$ числа у краковскаго епископа собралось провинціальное засѣданіе Малой Польши. Тутъ хозяинъ говорилъ еще сильнѣе чѣмъ на сеймѣ противъ диссидентовъ и гарантій, и объявилъ, что сейма нельзя продолжать долѣе какъ два дня, будущую пятницу и субботу, потому что обыкновенный двухнедельный срокъ для чрезвычайныхъ сеймовъ этими двумя днями закончится. Еще сильнѣе Солтыка говорилъ воевода краковскій, Венцеславъ Ржевускій, за нимъ архіепископъ львовскій, и епископъ кievскій Залускій. Вся провинція была согласна съ ними, исключая одного маршала Белопольскаго, краковскаго земскаго посла, который тѣсно противился этимъ рѣшеніямъ: никто его не слушалъ. Князь Чарторыйскій, воевода русскій, бывъ въ засѣданіи, прямо противился гарантіи, о диссидентахъ же и продолженіи сейма говорилъ межъ зубовъ.

Когда засѣданіе кончилось и всѣ разъѣхались, Солтыкъ поѣхалъ ужинать къ маршалу Мвишкѣ; узнавъ здѣсь, что команда, отправленная Репнинымъ, уже дожидается его на возвратномъ пути, онъ расположился ночевать у Мвишка; тогда полковникъ Игельстромъ вошелъ въ домъ къ Мвишкѣ и арестовалъ Солтыка, оттуда отправился къ Залускому, захватилъ его, а между тѣмъ подполковникъ Штапельбергъ забралъ Ржевускаго, и сына его, Северина, старосту Долинскаго. Всѣ захваченные отправлены были съ достаточнымъ конвоемъ въ Вильну, къ генералъ-поручику Нумерсу, которому приказано было содержать ихъ съ довольствомъ и не оскорблять ничѣмъ¹. На третій день послѣ арестовъ явились къ Репнину делегаты, по одному

¹ Репнинъ Панину $\frac{9}{13}$ октября.

сенатору изъ каждой провинціи, съ просьбою, чтобъ арестованнымъ была возвращена свобода, и чтобъ остальные депутаты получили ручательство за свою безопасность. „Арестованныхъ не выпущу,“ отвѣчалъ Репнинъ, „потому что они заслужили свою участь; я не отдаю никому отчета въ мои поступкахъ, кромѣ одной моей государыни, и если хотите, можете обратиться прямо къ ней съ своею просьбой. По всемилостивѣйшему обѣщанію ея императорскаго величества, преимущества и безопасность каждаго члена республики будутъ свято соблюдаемы, если вы, въ свою очередь, будете свято сохранять свои обязательства, заключающіяся въ послѣднихъ актахъ конфедераціи и въ грамотѣ, отправленной къ ея императорскому величеству съ посольствомъ всей сконфедерованной республики, если земскіе послы поступать будутъ въ силу данныхъ имъ отъ сеймиковъ инструкцій.“

Все успокоилось. Назначена была коммиссія для окончательнаго рѣшенія диссидентскаго дѣла, и 19 ноября постановила слѣдующее: всѣ диссиденты шляхетскаго происхожденія уравниваются съ католическою шляхтою во всѣхъ политическихъ правахъ; но королемъ можетъ быть только католикъ, и религія католическая остается господствующею. Бракъ между католиками и диссидентами дозволяется; изъ дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ браковъ, сыновья остаются въ религіи отца, дочери въ религіи матери, если только въ брачномъ договорѣ не будетъ на этотъ счетъ особенныхъ условій. Всѣ церковныя распри между католиками и диссидентами рѣшаются смѣшаннымъ судомъ, состоящимъ на половину изъ католиковъ и на половину изъ диссидентовъ. Диссиденты могутъ строить новыя церкви и заводить школы; они имѣютъ свои консисторіи и созываютъ синоды для дѣлъ церковныхъ; всякій и не принадлежащій къ католическому исповѣданію можетъ приобрѣтать индигенатъ въ Польшѣ.

Между тѣмъ Репнинъ, котораго обыкновенно представляютъ тираномъ короля Станислава, старался разсѣять то впечатлѣніе, которое было произведено въ Петербургѣ врагами Понятовскаго, членами посольства отправленнаго къ императрицѣ конфедераціею, Віельгурскимъ съ товарищами. Онъ старался выставить услуги, оказанныя королемъ Россіи въ послѣднее время, старался показать, что

нѣтъ никакой нужды приносить Станислава-Августа въ жертву врагамъ его, которые вовсе несильны и что конфедерация не имѣетъ той важности, какую ей приписываютъ ея посланники въ Петербургъ; стоитъ только удовлетворить троихъ или четверыхъ вождей, то все успокоится. Репнинъ представлялъ, что интересы императрицы требуютъ уважать короля, доказать ему, что съ ея дружбою тѣсно соединено его благополучіе, приобрести его полную довѣренность и прямую привязанность; приверженный къ Россіи король не будетъ отказывать ея посланнику въ просьбахъ о награжденіи людей преданныхъ Россіи, и такимъ образомъ легко будетъ составить себѣ сильную партію. Но какъ привязать къ себѣ короля, какъ составить себѣ партію изъ лучшихъ, достойнѣйшихъ людей? Король и лучшіе люди желали ограниченія *liberum veto*. Репнинъ по этому поводу писалъ Панину: „Если вы намѣрены Польшѣ дать какую, хоть малую консистенцію, для употребленія иногда противъ Турокъ; то внутренній сей порядокъ позволить нужно, ибо безъ оного никакой, ни самой малой услуги или пользы мы отъ нея имѣть не будемъ: понеже сумятица и беспорядокъ въ гражданствѣ и во всѣхъ частяхъ въ такомъ градусѣ, что уже болѣе быть не могутъ. Если желаете, чтобы по прежнему всѣ головой матерію на сеймахъ подъ единогласіемъ трактовались, и чтобы чрезъ *liberum veto* сеймы какъ и прежде разрывались, то и оное исполню. Сила наша въ настоящее время все можетъ. Но осмѣлюсь то представить, что не только тѣмъ не утвердимъ довѣренность націи къ намъ и нашу здѣсь инфлюенцію, но напротивъ совсѣмъ оныя разрушимъ, оставя въ сердцахъ рану всѣхъ резонабельныхъ и достойныхъ людей, которые раздѣленія законовъ желаютъ (на государственные проходящіе единогласіемъ, и внутренніе принимаемые по большинству голосовъ), на которыхъ однихъ надеяться можно и которые наконецъ одни же только и могутъ чрезъ свой разсудокъ націей предводительствовать; следовательно, и оскорбимъ мы ту бѣольшую часть націи, если подвергнемъ ее прежнему беспорядку чрезъ совершенное разрываніе сеймовъ, особливо когда желаемый ими порядокъ намъ не вреденъ, чрезъ которое легко будетъ доказать всей націи, что мы много не желаемъ, какъ ее видѣть въ порабощеніи и сумятицѣ. Такоево мнѣніе

произвестъ натурально крайнюю недовѣрку и сильно сѣдовательно препятствовать будетъ къ собранію намъ, въ независимую ни отъ кого, кромѣ насъ, партію надежныхъ и достойныхъ людей, на коихъ бы мы характеръ и на ихъ въ народѣ инфлюенцію полагаться могли. Если жъ нашу партію соберемъ изъ людей, кои почтенія въ націю не имѣютъ, то они намъ болѣе будутъ въ тягость нежели въ пользу, не имѣя сами по себѣ никакаго кредита: и такъ принуждены будемъ все дѣлать единственною силою, которая совершенно разрушаетъ сей важный предметъ, чтобы свою независимую въ землѣ партію имѣть; изъ сего же то произойдетъ, что при первомъ случаѣ, при коемъ аттенція наша или силы отвращены будутъ въ другую сторону, Польша, по бессилію только снося строгость нашего ига, тѣмъ воспользоваться захочетъ, дабы оного избавиться. Правда, нами сдѣланы обѣщанія чрезъ декларацію о изпроизверженіи всего того что вопреки волюности народной послѣдними сеймами постановлено было, обѣщая собою націю въ ея преимуществахъ. Но не сдержимъ ли мы торжественнымъ образомъ наши обѣщанія, когда форму правленія чрезъ кардинальные законы такъ утвердимъ, что уже не только конфедерацию, но и самое единогласіе того перемѣнить не будетъ въ силахъ? Не оставимъ ли мы націю въ преимуществахъ *liberum veto*, когда всѣ штатскія матеріи однимъ единогласіемъ на вольныхъ сеймахъ рѣшены быть могутъ? Достающее все принадлежитъ до единого порядка, какъ-то внутренности судебного обряда, тожь экономіи учрежденныхъ уже доходовъ и содержанія имѣющагося уже войска. Большая часть націи, въ томъ числѣ всѣ резонабельные люди того желаютъ. Не вѣрьте, ваше сіятельство, тѣмъ, кои вамъ противное сему отъ имени сконфедерованной націи говорятъ. Засѣданія конфедерации совѣтъ съ начала сейма ни единого не было, а безъ собранія такового никакія повелѣнія именовъ ея посылаться не могутъ. Сіи всѣ доношенія вамъ чинащіяся суть токмо плоды интриги, желая при настоящемъ случаѣ въ мутной водѣ рыбу ловить и забирая на свои персоны репрезентации націи.“¹ Репникъ оканчиваетъ свои представленія

¹ Репникъ Панику 11 (22) декабря 1767 г.

словами: „Какая слава составить счастье цѣлаго народа, позволивъ ему выйти изъ безпорядка и анархіи! Я вѣрю въ возможность соединенія политики съ человѣколюбіемъ; я льстился быть исполнителемъ намѣреній императрицы, и вмѣстѣ содѣйствовать счастью народа, у котораго я шлю честь быть ея представителемъ.“¹

„Для чего бы не дозволить пользоваться соудьямъ нѣкоторымъ намъ индифферентнымъ порядкомъ, который еще и намъ иногда можетъ въ пользу оборотиться?“ замѣтила императрица на донесеніе Репнина, и во владствіе этого, относительно сеймовой формы, было постановлено, что въ первые три недѣли будутъ рѣшаться только экономическіе вопросы и рѣшаться большинствомъ голосовъ; всѣ же государственныя дѣла будутъ рѣшаться въ послѣдніе три недѣли—единогласіемъ.

С. СОЛОВЬЕВЪ.

¹ Репнинъ Памилу 12 (23) декабря.

СЕМЕЙНЫЯ ЗАПИСКИ

V. Житѣ въ новомъ домѣ.

На другой же день послѣ нашего переселенія къ бабушкѣ, она поднимала Иверскую Божию Матерь. Какъ скоро внесли образъ въ залу, все семейство и собравшаяся прислуга пали ницъ, по православному обычаю, и бабушка приказала и намъ нагнуться, чтобъ икону пронесли надъ нашими главами. Когда молебень отошелъ, старушка поцѣловала и перекрестила сестру и меня, изъявивъ надежду, что мы будемъ жить ладно. Потомъ угостили священника чаемъ, и проводивши его, Вѣра Васильевна позвала меня къ себѣ.

Въ продолженіе молебна она очень плакала, и глаза ея были еще красны отъ слезъ. Она крѣпко обняла меня: „Дай Богъ, чтобы вамъ было хорошо у насъ“, сказала она мнѣ. „Ты знаешь какъ я любила вашего отца и мать, и я обещаю тебѣ ихъ именемъ, что все сдѣлаю для васъ.“

Надо сказать, что со дня кончины моей матери, семейство почти совсѣмъ потеряло насъ изъ виду, такъ что

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 10.

мы очутились въ совершенно новомъ мѣрѣ, и смотрѣли вокругъ себя со страхомъ и недоувѣрчивостію. Мы вносили въ нашъ новый бытъ столько горькихъ воспоминаній, что намъ было дорого малѣйшее ласковое слово. Бабушка приняла насъ очень радушно; Надежда Васильевна обрадовалась намъ, какъ обрадовалась бы всякому новому лицу, а къ Вѣрѣ Васильевнѣ я тотчасъ же привязалась. Что касается до моей бѣдной сестры, то она, по своему робкому характеру, была запугана рѣзкимъ тономъ моей тетки, которая ее однако очень любила, и говорила мнѣ часто, что она виновата передъ Ольгенькой, но не въ силахъ себя передѣлать.

Новый домъ былъ безцвѣтенъ и безхарактеренъ, какъ всѣ строенія той эпохи. Внизу были парадныя комнаты, съ вышедшею изъ моды мебелью, разставленною симметрически около стѣнъ, и спальня Вѣры Васильевны. Тутъ, въ углу, за ширмами обтянутыми зеленою тафтой, стояла кровать, а надъ кроватью была полка съ образами и лампадой, которую моя тетка зажигала каждую субботу, по возвращеніи отъ всенощной. По другую сторону ширмъ стояло нѣсколько креселъ времени Французской имперіи, покрытыхъ темною шерстяною матеріею, диванъ и два стола. На одномъ стояла чернильница, лежали бумаги и деревянные счеты, а у противоположной стѣны, на комодѣ, хранились въ шкатулкѣ старыя письма. Тутъ же стоялъ маленькій ящикъ обклеенный краснымъ сафьяномъ. Когда мы были еще дѣтьми, Вѣра Васильевна часто отпирала его по нашей просьбѣ, и позволяла намъ разбирать на ея кофляхъ лежавшія въ немъ сокровища. Тамъ хранился крошечный золотой футляръ, въ которомъ Маргарита Кирилова берегла свои *мушки*, костяной игольникъ принадлежавшій Натальѣ Васильевнѣ, огромныя перламутровыя луговицы въ серебряной оправѣ, украшавшія когда-то кафтанъ моего дѣдушки, изломанныя старинныя серьги, кольцо подаренное моею матерью, и другія бездѣлушки того же рода, напоминавшія Вѣрѣ Васильевнѣ ея молодость или дѣтство.

На томъ же комодѣ лежалъ альбомъ, подаренный ей въ тринадцатомъ году. Въ немъ хранились рисунки и стихи ея молодыхъ пріятельницъ, нѣсколько четверостишіи моего

отца и дяди, много литературныхъ произведеній того времени, между прочимъ, извѣстный романъ: „Vous me quittez pour marcher à la gloire“, и наконецъ первыя стихотворенія Пушкина.

Надъ диваномъ висѣлъ, въ позолоченной рамкѣ, акварельный портретъ Бориса Васильевича. Этотъ портретъ былъ единственнымъ украшеніемъ комнаты.

На верху помѣщались бабушка и старшая моя тетка. Надежда Васильевна украсила свою комнату картинами и гравюрами висѣвшими по стѣнамъ. Между оконъ, стоялъ подъ зеркаломъ столъ, и на немъ красовалось множество ящичковъ, красный хрустальный прессъ-папье, подъ которымъ не было бумагъ, фарфоровыя баночки, и наконецъ фарфоровый купидонъ. Передъ кроватью стояли низенькія ширмы, оклеенныя вырѣзанными картинками; у кровати шкапъ съ образами, а въ другомъ углу двѣ стеклянныя этажерки, въ которыхъ лежало несмѣтное число и золотыхъ и бронзовыхъ цѣпочекъ, браслетъ, фальшивыхъ бусъ, и нѣсколько старинныхъ портретовъ въ медальюнахъ. Тутъ же стояли разноцвѣтные стаканы, купленные въ рядахъ, и ваза съ давно-поливявшимся букетомъ фальшивыхъ цвѣтовъ, вокругъ которыхъ извивалась черная змѣя. Нѣкоторыя кресла были вышиты самою Надеждой Васильевной; другія обтянуты красною шерстяною матеріей. На столахъ стояли разныя коробочки, корзиночки, и лежали французскіе романы, которыми ее снабжала пріятельница абонированная въ книжномъ магазинѣ.

Бабушка занимала три комнаты: убранство первой, выкрашенной желтою краской, состояло изъ уродливаго дивана, стола, нѣсколькихъ креселъ и висѣвшаго на стѣнѣ, въ черной рамѣ, портрета митрополита Филарета. Тутъ пили чай по утрамъ, обѣдали и ужинали: эта комната называлась *чайной*. Изъ нея дверь вела въ бабушкину спальню, гдѣ стояли кровать, шкапъ наполненный образами и молитвенниками, и коммодъ уставленный стариннымъ и новымъ фарфоромъ. За спальней была еще комната, которая наводила на меня тоску всякій разъ какъ мнѣ приходилось въ нее входить. Бабушка давно сдала Вѣрѣ Васильевнѣ всѣ распоряженія по маленькому имѣнію, но домашняго хозяйства она не уступала ей вполнѣ, и раздѣляла

съ ней всѣ хлопоты по любви къ искусству. Въ одну половину комнаты, о которой я говорю, она набрала множество бутылокъ и банокъ, и пустыхъ, и наполненныхъ разною разностью; а въ другой половинѣ стояли два старинныя бюро краснаго дерева. Въ одномъ изъ нихъ, моя бабушка берегла свою казну, бумаги и удѣлѣвшее серебро; на другомъ была навалена въ страшномъ безпорядкѣ бездна вещей, которыми старушка дорожила, потому что онѣ были у нея на глазахъ въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ. Чего-чего тутъ не было!—и старинный рѣзной футляръ для часовъ, и разбитыя чашки, и заржавленные математическіе инструменты принадлежавшіе Василию Семеновичу. На полу лежали груды старыхъ книгъ и бумагъ; изъ-за нихъ возвышался, писанный масляными красками, портретъ Фридриха Великаго, а въ углу стояла трость моего дѣда. Весь этотъ странный музей былъ покрытъ густымъ слоемъ пыли. На стѣнѣ висѣло деревянное распятіе. Въ этой комнатѣ, тускло освѣщенной низенькимъ окномъ, все напоминало безпорядокъ оставленный смертію въ опустѣломъ домѣ. Я нѣсколько разъ предлагала бабушкѣ все разобрать, смести пыль, и привести въ порядокъ этотъ хаосъ; но она отвѣчала постоянно, что и такъ хорошо, и что а у нея только все *перепутано*.

Мы помѣщались во флигелѣ, который примыкалъ къ дому посредствомъ холодныхъ стѣнъ.

Левъ Васильевичъ поселился въ одной изъ нашихъ отдаленныхъ губерній, къ великой радости всего семейства, которое вздохнуло свободно по его отъѣздѣ. Во время его житія въ Москвѣ, всѣ страдали отъ его крутаго нрава, въ особенности послѣ кончины моей матери, и отъ исторій, въ которыя онъ умѣлъ втягивать всѣхъ и отъ которыхъ не страдалъ только онъ одинъ.

Борисъ Васильевичъ женился. Его свадьба была грустнымъ событіемъ въ семействѣ. Съ его женой никто сойтись не могъ, и отношенія ограичивались тѣмъ только, чего требовало строгое приличіе. Дядя мой это чувствовалъ, и страдалъ молча, сознавая, что дѣло несправедливо. Большая всѣхъ отозвалась его женитьба на Вѣрѣ Васильевнѣ. Она поняла съ первой минуты, что недолима преграда легла между ею и страстно любимымъ братомъ, и что онъ умеръ для нея. Физическія ея силы не

устояли противъ этого удара: она жестоко занемогла. Привязанность ея къ Борису Васильевичу не охладѣла, да и онъ отъ нея не отдалился: но они боялись, въ своихъ бесѣдахъ, коснуться близкихъ имъ предметовъ, боямая, что имъ нѣтъ возможности сойтись на нихъ, и что малѣйшее слово только раздражитъ всегда свѣжія раны. Больно имъ было отвыкнуть отъ принятой съ дѣтства привычки думать вслужь другъ передъ другомъ. Дядя мой никому объ этомъ не говорилъ, но я знаю сколько страданій и кровавыхъ слезъ стоило это моеи бѣдной теткѣ. Наконецъ Борисъ Васильевичъ уѣхалъ съ женой и дѣтьми въ деревню, гдѣ прожилъ до самой своей смерти.

Онъ пріѣзжалъ иногда въ Москву, чтобы повидаться съ своими. Когда его ожидали, Вѣра Васильевна была вѣв себя отъ радости. Она выбиралась въ чайную, и уступала ему свою комнату, которую приготовляла для него съ большою заботливостію. Видно было, что онъ дорожилъ даже малѣйшими проявленіями ея любви. „А ты, Вѣра, гдѣ будешь сегодня ночевать?“ спрашивалъ онъ: „вѣдь я знаю, что ты готова на чердакъ уйдти, лишь бы мнѣ было покойно,“ и онъ нѣжно цѣловалъ ее. Лицо ея сіяло счастіемъ, но не проходило десяти минутъ, какъ я заставала ее въ горькихъ слезахъ: „Я бы за него жизнь отдала,“ говорила она мнѣ, „и я знаю сама какъ онъ меня любитъ; но отчего же мы стали чужими другъ другу? Вѣришь ли ты, что онъ не смѣетъ остаться со мною наединѣ? Боится, чтобъ я не сказала ему лишняго слова.“

Когда мы переѣхали къ бабушкѣ, то наши вокругъ нея почти совершенную пустыню. Хаживали, правда, къ намъ, гащивали даже два по два, скроевныя на одинъ и тотъ же фасонъ приживалки, да являлись изрѣдка *дамы пріятныя во всякъ отношеніяхъ*, и тѣмъ ограничивался весь кругъ знакомства, исключая, однако, немногихъ свѣтскихъ лицъ, съ которыми Надежда Васильевна поддерживала свои отношенія. Она къ нимъ ѣзжала часто, и обыкновенно на цѣлый день. Благодаря веселости ея характера и ея оживленному разговору, ее всегда принимали съ удовольствіемъ, но предпочитали видѣть ее у себя нежели ѣздить въ ея скучный, опустѣлый домъ, и заглядывали къ ней лишь изрѣдка. Гордость Вѣры Васильевны сильно страдала отъ положенія, которое приняла ея сестра передъ свѣтскими

людьми, и она вѣрѣдко давала ей это чувствовать. „Вы, кажется, ужь разъ десять были у Р***“, говорила она ей, когда Надежда Васильевна собиралась выѣхать.—„А сегодня поѣду въ одиннадцатый.“—„Но странно, что никто изъ нихъ не могъ обезпokoиться заглянуть къ вамъ хоть на пять минутъ. Мнѣ кажется, что въ ваши дѣта вы были бы въ правѣ этого требовать.“—„А я не требую, и очень рада, что ко мнѣ никто не ѣздитъ. Къ чему? Чтобы слышать твои любезности? До нихъ охотниковъ мало.“ Она намъ предлагала нѣсколько разъ выѣзжать съ ней, но мы не охотно на это поддавались, не доверяясь именно ея незаконному положенію въ свѣтѣ. Къ великому ея прискорбію, отъ театра она должна была давно отказаться, потому что знакомый ей директоръ вышелъ въ отставку.

Надежда Васильевна сознавала однако, что стала въ неловкое положеніе; но старалась въ этомъ отношеніи обдѣлать себя и обманывать другихъ, и съ этою цѣлю не рѣдко она бывало и прихвастаетъ. Намъ она иногда разказывала, подавая видъ что не замѣчаетъ устремленнаго на нее, саишкомъ выразительнаго взгляда и насмѣшливой улыбки своей сестры, какъ такая-то собиралась къ ней съ визитомъ; но она, по разнымъ причинамъ, просила ее убѣдительно не ѣздить; въ свѣтѣ же она желала всѣхъ обмануть насчетъ своихъ скудныхъ средствъ. Помню, что разъ пріѣхала къ ней свѣтская дама, и спросила у Оленьки и у меня, были ли мы на концертъ какого-то виртуоза явившагося въ Москву. Мы отвѣчали отрицательно. Надежда Васильевна посмотрѣла на насъ значительно. „Не могла ихъ уговорить“, сказала она, „музыки не любятъ, принуждена была ѣхать одна. Всѣ находятъ, что онъ страшно дорого беретъ, а по моему, такъ нѣтъ. C'est un talent hors ligne“, и она очень ловко пустялась въ общія мнѣта о талантѣ музыканта.

Проводивши гостью, бабушка обернулась къ Надеждѣ Васильевнѣ:—„Совсѣмъ ты меня сконфузила, Наденька“, сказала она. „Ну, къ чему ты разказывала, что была въ концертѣ? Какъ ты такую вещь скажешь, всегда вспомню голубчика моего, Василия Семеновича: терпѣть не могъ, если кто лжетъ.“—„Это не ложь“, отвѣчала та, „а принято въ свѣтѣ такъ говорить.“ У Вѣры Васильевны уже давно кипѣло на сердцѣ. „Это принято только тѣми“, возразила она, „которые стыдятся, какъ позора, своего скромнаго со-

стоянія, и чтобы скрыть его, унижаются до ажи.“ — „Позвольте поцѣловать ручку за наставленіе,“ отвѣчала съ принужденною улыбкой Надежда Васильевна. „Ужь ты бы опредѣлила почемъ берешь за урокъ. Восьмой мудрецъ въ юнкѣ!“ Потомъ она прибавила, обращаясь къ намъ: „Comme ma soeur a toujours quelque chose d'aimable à me dire!“ и вышла изъ комнаты.

Наружность моей бабушки не представляла ничего рѣзкаго. Она была маленькая, не много сутуловатая старушка. Ея въ молодости бѣлокурые волосы уже совсѣмъ побѣлѣли и очень шли къ ея наморщенному, кроткому лицу; но къ сожалѣнію она находила приличнымъ прятать ихъ подъ накладку темныхъ волосъ, которая нарушала гармонію всей ея старческой физиономіи. Свѣтло-голубые глаза ея смотрѣли ласково и открыто. Носъ у нея былъ немного широкъ, ротъ довольно правильный, лицо круглое и покрытое веснушками. Можно было не рѣдко уловить на ея физиономіи какое-то дѣтское выраженіе; когда она слышала рѣчи, на которыя готовила неотразимое, по ея мнѣнію, опроверженіе, она заранѣе качала головой, и лукаво улыбалась. Ходила она медленно, всѣ движенія ея были кротки, и выраженія мягки, какъ ея характеръ. Она намъ часто разказывала, что въ ея молодости знакомыя ей дамы прозвали ее *бѣлоручкой*, потому что она не бивала людей, и говорили смѣясь, что она боится *замарать свою ладонь о холопыи щекки*. И эти насмѣшки до того ее кофузили, что ей становилось всегда неловко, когда рѣчь шла о хозяйствѣ.

Бабушкинъ костюмъ состоялъ изъ темной блузы съ длинною пелернякой и тюлевого чепца, съ коричневыми или малиновыми лентами. Она сохранила, какъ многія изъ ея сверстницъ, привычку носить на рукѣ мѣшокъ, или *ридикль*, вышитый по бархату, и придръванный къ бронзовому или серебряному замочку, и не снимала никогда своего вѣнчального кольца и маленькаго желѣзнаго колечка привезеннаго ей съ кievскихъ мощей.

Такой уживчивой старушки я съ тѣхъ поръ и не встрѣчала. У нея не было тѣни капризовъ. Лишь бы ея привычки не нарушались, — а чтобы онѣ не нарушались, объ этомъ хлопотали всѣ въ домѣ, не исключая и Надежды Васильевны, —

она была не взыскательна, и въ особенности не требовала никакихъ внѣшнихъ знаковъ уваженія: „Тебѣ какъ будто не ловко сидѣть? Не устала ли ты,“ говорила она иногда которой-нибудь изъ насъ: „прилягь немножко на диванъ.“ — „Да совѣстно при васъ, бабушка.“ — „Вотъ вздоръ какой!“

Но несмотря на мягкость и даже на слабость ея характера, на совершенное въ ней отсутствіе деспотизма или желанія удержать свою власть надъ поспѣвшими уже дѣтьми, мои тетки свято хранили патриархальныи нравъ и привычки равно привитыи влияніемъ Василія Семеновича, — влияніемъ которое распространилось даже на старшихъ его дочерей, воспитанныхъ не дома. Ни которая изъ моихъ тетокъ не рѣшилась бы поспать за два шага слугу не спросясь предварительно у бабушки; ни которая изъ нихъ не выходила изъ дома не подымавъ ея руки и не прибавивъ: „Я, маменька, туда-то собираюсь. Можно?“ — „Богъ съ тобой,“ отвѣчала обыкновенно старушка. И нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ одна изъ нихъ забыла когда-нибудь исполнить этотъ обрядъ, бабушка не пріялазъ бы того за оскорбленіе своей власти, но испугалась бы не на шутку какъ всякимъ небывалымъ еще явленіемъ.

Впрочемъ, за исключеніемъ этихъ патриархальныхъ обычаевъ, которые въ сущности не были нисколько стѣснительны, мои тетки обращались совершенно свободно съ бабушкой; но въ ея чувствѣ къ нимъ проглядывала ощутительная разница: Вѣру Васильевку она нѣжно любила, между тѣмъ какъ къ старшей дочери была довольно холодна. Но надо сказать правду: къ ней никто не могъ бы горячо привязаться, потому что она сама не была способна на горячую привязанность, и вполне довольствовалась тѣми мелкими отношеніями, которыя не налагаютъ ни горя, ни пожертвованій, а только способствуютъ удобствамъ жизни.

Вѣра Васильевна, желая избавить бабушку отъ хлопотъ по хозяйству, привяла ихъ на себя, и ея страстная, умная природа какъ-то умѣла уживаться съ мелочными заботами. Сколько разъ видѣвши ее блѣдную и разстроенную отъ сцены съ Надеждой Васильевной, или отъ какого-нибудь случая напомнишаго ей саишкомъ живо никогда не умиравшее въ ней

горе, я входила къ ней, чтобы *потолковать по душѣ*, какъ она выражалась, но она цѣловала меня и говорила: „А ты ужь и замѣтила, что я разстроена; мнѣ бы и самой хотѣлось съ тобой поговорить, да некогда; я еще счетовъ не сводила.“ — „А развѣ нельзя этого сдѣлать завтра?“ — „Нѣтъ, нельзя.“ — „Почему же?“ — „Потому, что я себѣ на этотъ счетъ води не дамъ. Ужь у меня положено, когда этимъ заниматься.“

На словахъ она была неумолима къ падшему, однако на дѣлѣ ригоризмъ ея исчезалъ передъ живымъ инстинктивнымъ чувствомъ. Я помню съ какимъ горячимъ сочувствіемъ она хлопотала о томъ, чтобы помочь бѣдной женщинѣ, отвергнутой своимъ семействомъ за связь съ человѣкомъ, который ее бросилъ, отказавшейся отъ присланнаго имъ пособія, и впавшей въ совершенную нищету. — „Да ужь ты, ради Бога, не очень *бросайся*,“ сказала Вѣра Васильевна, видя, что я приняла къ сердцу эту печальную исторію: „ты меня иногда пугаешь тѣмъ что говоришь.“ — „Я теперь ничего не говорила,“ отвѣчала я, „а вы гораздо больше меня хлопочете, и оправдываете не ваши, а мои же мнѣнія. Не я говорила, что о такихъ женщинахъ и жалѣть не слѣдуетъ.“ — „Нѣтъ, ради Бога, не начинай этого глупаго разговора. Ужь ты меня не переимачишь. Да поди ты, пожалуста, отъ меня: мнѣ некогда. И я-то дура, что тебѣ это разказала.“

Она косилась на меня цѣлый вечеръ, но я этого нисколько не боялась, потому что знала ее коротко. Послѣ ужина, когда всѣ разошлись по мѣстамъ, я, по обыкновенію, отправилась въ ея комнату. „Спать пора,“ сказала мнѣ довольно холодно Вѣра Васильевна. — „Еще рано,“ отвѣчала я: „мы съ вами никогда въ этотъ часъ не ложились.“ Она молчала; я обняла ее. „Не сердитесь, ради Бога, тетенька. Моя ли вина, что вы Иванъ Грозный.“ Она меня поцѣловала, но продолжала молчать. Я опять что-то сказала; она начала съ того, что отвѣчала мнѣ полусловами, но черезъ четверть часа между нами завязался самый оживленный разговоръ.

Надежда Васильевна вставала къ ранней обѣднѣ, и по возвращеніи изъ церкви, пила чай въ своей комнатѣ, между тѣмъ какъ въ восемь часовъ кипѣлъ другой самоваръ въ чайной, для бабушки и Вѣры Васильевны. Тогда явля-

лись и мы, чтобы поздороваться съ семействомъ, и потомъ каждый отправлялся къ своему дѣлу. Вѣра Васильевна хлопотала о хозяйствѣ, бабушка начинала свою долгую молитву, сестра и я занимались въ своемъ флигелькѣ, а Надежда Васильевна, несмотря ни на какую погоду, отправлялась гулять, то-есть обходила обыкновенно знакомыхъ сосѣдей. Около часа мы собирались въ чайную, гдѣ бабушка, съ вязаніемъ въ рукахъ, ожидала насъ, сидя подъ окномъ. Въ дверяхъ стояла, для посылки, дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Она вязала чулокъ, и лицо ея оживлялось лишь когда ей давали какое-нибудь порученіе; тутъ она клала обыкновенно работу на полъ, и какъ стрѣла вылетала изъ комнаты. Какъ вся прислуга женскаго пола, она надѣвала башмаки только по воскресеньямъ, а въ будни щеголяла въ однихъ чулкахъ.

Вдругъ бабушка опускала свое вязанье на колѣни. „Посмотри-ка, Вѣра,“ говорила она: „съ тѣхъ поръ какъ я здѣсь сижу, Марья три раза прошла по двору. Позвольте спросить, куда она ходитъ? Эдакъ она немного наработаетъ.“— „Да, много они о работѣ думаютъ,“ отвѣчала Вѣра Васильевна. Тутъ она обращалась къ стоявшей въ дверяхъ дѣвочкѣ: „Аленка, поди спроси у Марьи, куда это она все изволитъ прохаживаться? Этакъ, скажи, ты масла не собьешь.“ Аленка исчезла.— „Ну, теперь и эта пропала,“ говорила бабушка черезъ нѣсколько минутъ. „Экая шалунья дѣвочка! Вотъ только бы ей вырваться да побѣгать!“— „Бабушка,“ замѣчала сестра: „вѣдь поятно, что ей побѣгать хочется; скучно вязать чулокъ цѣлый день.“— „Что за вздоръ, Оленька,“ отвѣчала бабушка: „да я и вѣкъ вяжу.“ Тутъ Аленка возвращалась съ извѣстіемъ, что Марья къ коровѣ ходила. „Не правда,“ говорила бабушка: „не за чѣмъ три раза съ раду къ коровѣ ходить. А ты сама куда такъ долго пропадала?“ Дѣвочка молчала. Бабушка грозилась на нее пальцемъ, и приказывала подавать обѣдать.

Нечего и говорить, что люди не только отроду щелчка не получали, но никто изъ нихъ не слышалъ браннаго слова, а со всѣмъ тѣмъ, по ихъ же выраженію, *и мѣ житья не было*, по милости бесполезнаго надзора и постоянного ворчанья; и благодаря именно этому надзору, люди кругомъ обманывали господъ, и несмотря на непрерывныя правоученія, которыя производили на нихъ

то же, вѣроятно, дѣйствіе, что жужжаніе мухъ, ровно ничего не дѣлали. Я нѣсколько разъ заводила объ этомъ разговоръ съ Вѣрой Васильевной, и говорила ей откровенно, что всѣ эти домашнія дразги только раздражаютъ ея характеръ. Она въ этомъ вполне сознавалась, и даже твердо знала, что ея рѣчи не что иное какъ гласъ вопіющаго въ пустынь: „а все-таки,“ прибавляла она, „сказать надо.“

Столъ былъ накрытъ въ два часа. Какъ скоро сѣли обѣдать, Надежда Васильевна начинала разказывать о событіяхъ своего утренняго похода, и всегда въ бабушкѣ находила самага внимательнаго слушателя. „Маменька,“ говорила она, „отгадайте, кого и сегодня встрѣтила на улицѣ? Вижу, идетъ какое-то знакомое лицо, думаю себѣ: кто бы это былъ? А ужъ тутъ какъ поравнялась, глядь—Агаеья Пантелевна. Какъ потолстѣла! Зять къ ней погостить прѣхалъ.“—„Вотъ, сударыня!“ говорила бабушка, разливая супъ.—„Къ Лизаветѣ Михайловнѣ зашла. Какую она себѣ мантилью сшила, просто чудо! Просила на фасонъ, да того и гляжу, что моя Устинья испортить. У Вертаевыхъ тоже была; ужъ такъ мнѣ были рады! Марья Павловна сказывала, что новый сосѣдъ дочь замужъ отдаетъ.“—„За кого?“ спрашивала бабушка.—„То-то не знаетъ: какъ же, говорю, вамъ не стыдно, что не разспросили? Послѣ обѣда послать бы узнать.“—„Никифоръ,“ говорила бабушка, обращаясь къ слугѣ, „соберешь со стола, такъ сходи къ Андрееву что недавно сюда переѣхалъ, да разспроси у людей, за кого, молъ, господа, дочку отдають и когда свадьба будетъ?“—„Да не перевери чего-нибудь,“ прибавляла Надежда Васильевна: „да спроси много ли у нихъ дѣтей; кто говоритъ двѣ дочери, кто—три.“ Въ этихъ разговорахъ Вѣра Васильевна никогда не участвовала. Она съ чисто-практическою цѣлю освѣдомлялась о томъ, куда идетъ Марья; но рѣшительно не понимала, чтобы можно интересоваться тѣмъ что дѣлается у незнакомыхъ сосѣдей, и не позволяла себѣ по этому поводу никакихъ замѣчаній единственно потому что бабушка принимала въ подобныхъ разказахъ самое живое участіе.

Послѣ обѣда семейство отправлялось отдыхать, а мы уходили съ сестрой въ нашъ флигель, гдѣ жили особою жизнію среди нашихъ книгъ и занятій. Въ шесть часовъ всѣ собирались въ гостиную, гдѣ Вѣра Васильевна разли-

вала чай. Бабушка пользовалась всегда несокрушимым здоровьем, но годы взяли свое: она уже никуда не выѣзжала, кромѣ церкви. Въ субботу она отправлялась обыкновенно ко всеобщей съ Вѣрой Васильевной, а въ воскресенье къ обѣднѣ въ домовую церковь митрополита. Возвращаясь оттуда, она кушала обыкновенно кофе. Разъ она предложила мнѣ выпить чашку.—„Бабушка,“ спросила я ее: „позвольте мнѣ съѣсть просвирку что вы привезли.“ „Съ кофеемъ-то! опомнись, Катерина Владиміровна,“ воскликнула она: „да развѣ это можно?“—„Да вы всегда съ чаемъ кушаете,“ сказала я.—„Чай, дѣло другое, а ты говоришь, съ кофеемъ.“—„Отчего же можно съ чаемъ, а съ кофеемъ нельзя?“ Бабушка задумалась.—„Объ этихъ вещахъ грѣхъ разсуждать, мой другъ,“ сказала она: „эти мыслы ты вѣрно въ нывѣшнихъ книжкахъ вычитала. Очень мнѣ не по душѣ, что вы всякія безбожныя книги читаете.“

Вечеръ мы по большей части проводили въ семейномъ кругу. Старшая моя тетка отправлялась обыкновенно въ гости, и когда оставалась дома, то посылала позвать какую-нибудь сосѣдку. Помню, что разъ, во время подобнаго посѣщенія, бабушка открыла машинально книгу принесенную нами и забытую на столѣ.—„Что это такое? спросила она, съ удивленіемъ передистывая ее: „Каменный Гость?“—„Ахъ, бабушка, какъ это хорошо!“ воскликнула сестра. Гостя улыбнулась, посмотрѣла очень значительно на сестру, и обратилась къ бабушкѣ.—„Я это читала,“ сказала она: „и признаюсь, пожалѣла о направленіи нывѣшней молодежи. Извините меня,“ продолжала она, обращаясь къ намъ, „я имѣю право это говорить, потому что сама мать семейства. Вообразите, Марья Андревна, въ чемъ дѣло. Представлена развратная женщина; какой-то разбойникъ убиваетъ ея мужа, и она приходитъ плакать къ нему на могилу. Ужь разумѣется, какія тутъ слезы—однѣ только гримасы. И тутъ же, на могилу-то мужа являетъ его убійца, и она съ нимъ объясняется въ любви. Какое! Признаюсь, у меня просто волосы дыбомъ стали. Ну, говорю, моя Амета этого читать не будетъ.“—„Ахъ, ахъ! какое безобразіе!“ сказала съ ужасомъ бабушка. „Охъ, дѣти,“ продолжала она, дѣлая отчаянный жестъ рукою: „сколько разъ я вамъ говорила о вашихъ чтеніяхъ! Признаюсь, не жду отъ нихъ пути!“

Помню я тоже трагикомическое событіе, о которомъ у насъ протоковали цѣлый вечеръ. Явилась къ намъ бабушкина сестра, Елизавета Андреевна Н^{***}, престарѣлая дѣвица, жившая за нѣскольکو домовъ отъ насъ. Она ѣздилъ къ намъ рѣдко, потому что сестры были не дружны между собой. „Слышала ты,“ спросила она, своимъ обыкновенно-сердитымъ голосомъ, у моей бабушки, между тѣмъ какъ усаживалась въ кресло: „что у меня сегодня случилось? Вѣришь ли, до сихъ поръ въ себя не приду.“— „Что такое?“— „Да Фекаля-то Емельяновна какъ отъ тебя вчера отправилась, и зашла ко мнѣ. Что же, говорю, ночевала двѣ ночи у Марьи Андреевны, ночуй и у меня; куда тебѣ спѣшить? Такъ я, сударыня моя, у себя ее и оставила. Ночью захотѣлось ей кваску: совсѣмъ, говорить, въ горлѣ пересохло, да и стала она въ темнотѣ-то шарить, бутылку искать; а я на бѣду и табакъ въ бутылкѣ держу. Она, съ просонья-то не почувствовала, да все горло табакомъ-то и засыпала: такъ и обмерла; не скоро, говорить, опомнилась.“— „Господи! Твоя воля!“ сказала бабушка крестась: „еще слава Богу что съ рукъ сошло.“

Вечеръ проходилъ въ подобнымъ разговорахъ. Въ десять часовъ мы шли на верхъ гдѣ уживъ былъ уже готовъ, а потомъ всѣ отправлялись по мѣстамъ; но я уходила къ Вѣрѣ Васильевнѣ, и толковала съ ней часовъ до двухъ. Случалось также, что она поутру, окончивши рано свои хозяйственныя распоряженія, приходила къ намъ, и мы читали для нея вслухъ. Ея литературный вкусъ не получилъ никакого развитія, но ей было вполне доступно все что затрагивало живое чувство, и не разъ она плакала во время чтенія.

Отношенія наши къ Надеждѣ Васильевнѣ были самыя пріятныя и покойныя. Она говорила, что благодаря нашему присутствію, въ домѣ стало гораздо живѣе, и обращалась съ нами очень ласково. Въ особенности любила она мою сестру, у которой характеръ былъ мягче и уживчивѣ моего. Иногда моя тетка заходила къ намъ передъ своею утреннею прогулкой. „Скажи пожалуйста,“ спрашивала она меня, „вѣдь тебѣ повѣряются эти тайны: что сегодня съ Вѣрой? Она только что не кусается. Надо мнѣ было зайти къ ней въ комнату, да побоялась, того и гляди что въ уголъ поставитъ.“— „Она разстроена,“ отвѣчала я: „у нея

точно несчастный характеръ, и она сама въ этомъ сознается, но вы знаете какъ она добра.“— „Почемъ мнѣ это знать? Надо вѣкъ копать, чтобъ до ея доброты добратся, а я въ рудокопы не гожусь. Да что вы все какъ улитки сидите на одномъ мѣстѣ? Пойдемте, которая-нибудь, погулять со мной; вдвоемъ веселѣе: куда-нибудь зайдемъ. Погода чудесная.“— „Нѣтъ, тетенька, холодно,“ говорила я.— „Да ужъ ты зашей себя совсѣмъ въ мѣшокъ, авось отогрѣешься. Пойдемъ, Оленька, это очень здорово.“ Сестра заглядывала въ окно.— „Да вѣдь снѣгъ идетъ,“ говорила она.— „Что за снѣгъ, самый маленькій, совсѣмъ его и незамѣтно. Настоящая весна; даже птицы поютъ.“ И дѣйствительно вороны каркали безъ умолка. Сестра отправлялась съ ней и возвращалась полузамерзшая.— „Ты когда-нибудь сляжешь отъ этихъ прогулокъ,“ сердито замѣчала ей садясь за столъ Вѣра Васильевна, знавшая очень хорошо что она не совсѣмъ добровольно отправлялась въ подобный походъ.— „Ты до сихъ поръ ни на что не похожа. Ъшь супъ-то, пока не простыла.“— „Молчи, Оленька, отогрѣмся,“ говорила Надежда Васильевна: „и какой же у тебя будетъ чудесный цвѣтъ лица!“

Нельзя подуматъ однако что она это утверждала по собственному опыту. Она никогда не была хороша, и въ ней поражалъ особенно непріятно неровный, красный цвѣтъ лица. Носъ ея былъ черезъ-чуръ длиненъ и крайне неуклюжъ, маленькій ротъ испорченъ толщею нижней губы, а подбородокъ выдавался остриемъ, благодаря трехъ-угольному окладу лица. Только живое и веселое выраженіе ея бѣлыхъ карихъ глазъ немного выручало немилость всей физиономіи. Она зачесывала черную, но сильно уже посѣдѣвшую косу на затылокъ, и придерживала ее сѣткой, а на вискахъ прикалывала бронзовыми булавками свѣтлыя кольца волосъ. Платье ея отличалось всегда пестротой; пальцы были унизаны кольцами. Когда она выходила, то надѣвала нѣсколько браслетъ, брошку, цѣпочку, и чепецъ съ красными или розовыми лентами. Она была средняго роста, худа и вертлява. Ходила она очень скоро и въ прыжку; ея движенія были быстры и поражали своею неожиданностью.

Вѣра Васильевна, также худая, не высокая ростомъ и черноволосая, представляла одлако разительный контрастъ съ нею. Видно было, что въ молодости она была очень

красива. Въ ея блѣдномъ, желтоватомъ лицѣ, не было, какъ говорится, ни кровинки. Ея грустные зеленоватые глаза устремлялись неподвижно впередъ когда она задумывалась. Въ эти минуты можно было угадать, что она пережила много черныхъ дней. Синеватая блѣдность ея губъ придавала рту строгое выраженіе. Окладъ лица былъ правильный, носъ тонкій и небольшой. Странно, что въ ея черныхъ какъ смола волосахъ, гладко зачесанныхъ подъ гребенку, не пробивалось сѣдины. Движенія ея были обыкновенно сосредоточены и судорожны въ минуту раздраженія: походка ея была медленна и тверда. Костюмъ ея состоялъ изъ темнаго платья и длинной мантіи или шали, приколотой золотою или черною булавкой. Для выѣзда она надѣвала кисейный чепецъ, обхватывавшій весь окладъ лица и обшитый кругомъ оборкою и дикою лентой.

Однако дни тянулись медленно за днями. Ихъ однообразіе нарушалось только посѣщеніями брата и сестеръ. Сестеръ отпускали къ намъ обыкновенно погостить на нѣсколько дней. Ихъ пріѣздъ и для насъ, и для нихъ, былъ истиннымъ праздникомъ. Какъ ни горько текла ихъ жизнь, и какъ у насъ самихъ ни щемило сердце при мысли о нихъ, молодость брала свое. Наплакавшись вдоволь, мы принимались болтать безъ умолка и часто смѣялись по цѣлымъ часамъ, по поводу малѣйшей бездѣлицы. Вѣра Васильевна плакала съ нами и радовалась нашему безумному смѣху. Она горячо любила насъ, и одна знала всѣ закулисныя тайны нашего житья у близкой родственницы, о которой я уже упомянула. Сколько было возможно, мы скрывали ихъ даже отъ брата, не желая напрасно класть этотъ камень ему на сердце.

Послѣ обѣда Вѣра Васильевна уходила по обыкновенію въ свою комнату, но мы не давали ей рѣшительно заснуть. Она насъ выгоняла смѣясь, но видя что дѣлать нечего покорялась своей судьбѣ. Мы усаживались около нея, и начинали самый душевный разговоръ. А тутъ глядишь, явится и братъ, любимецъ всего семейства, не исключая и моей бабушки, которая ожидая его къ обѣду, не забывала никогда заказать, въ честь ему, бараній бокъ съ кашей и щи. Онъ одинъ заносилъ въ нашъ темный уголокъ извѣстія о томъ что дѣлается въ обитаемомъ мірѣ,

читалъ намъ еще въ рукописи только-что явившіеся стихи или какую-нибудь вновь вышедшую книгу, или рассказы-валъ объ университетѣ, и только этимъ бесѣдаемъ и вліянію брата мы обязаны нашимъ развитіемъ.

Вечеромъ начинались хлопоты о томъ, кого куда положить. Вѣра Васильевна приказывала приготовить постель на своемъ диванѣ для которой-нибудь изъ насъ, но мы все приходили къ ней послѣ ужина, и совершали въ ея комнатѣ свой ночной туалетъ. Тутъ подымалась ужасная суматоха: кто искалъ свою кофту, кто ночной чепецъ, хотогали, бѣгали, падали на разбросанныя по полу платья, и Вѣра Васильевна увѣряла, что она въ послѣдній разъ терпитъ у себя *такое базобразіе*, и что съ нами не успѣешь даже *лба перекрестить*.

Я припоминаю теперь маленькій эпизодъ, который не относится прямо къ нашему тогдашнему житью, но какъ мнѣ кажется, не лишень интереса. Разъ Надежда Васильевна, возвратившись съ прогулки, объявила бабушкѣ, что она встрѣтила у какой-то пріятельницы Марью Павловну Сурмину. „Что ты!“ воскликнула бабушка. — „Какъ постарѣла!“ продолжала Надежда Васильевна: „легко сказать: двадцать шесть лѣтъ не видались! Обо всѣхъ, разумѣется, спрашивала; да жаль, немного я ее видѣла.“ — „Что жь, будетъ она къ намъ?“ — „Какже! Завтра же поутру будетъ. Да вообразите: какъ я ей рассказала, что дѣти живутъ у насъ, такъ она сконфузилась и спросила, похожа ли которая-нибудь изъ нихъ на покойнаго брата. Вѣдь она была въ него очень влюблена,“ продолжала она, обращаясь къ намъ: „а тутъ, какъ обѣщались пріѣхать завтра, такъ стала ко мнѣ приступать когда можетъ застать меня одну. Да что, говорю, за вздоръ, тебѣ и маменька и Вѣра очень обрадуются. Вижу, переминается: я, говорить, имъ сама очень рада буду, и съ твоими племянницами желала бы вознакомиться, да только не теперь, а когда-нибудь въ другой разъ, а у самой слезы на глазахъ. Ну, говорю, поздравляю, развѣжничалась, ты видно все такая же какъ и была. Однако, дѣти, когда она завтра пріѣдетъ, дѣлать нечего, вы не показывайтесь. Elle a toujours été très étrange.“

И Надежда Васильевна начала рассказывать о томъ, какъ

она выѣзжала и веселилась во время оно, какъ кто-то, *en homme si aimable*, ухаживалъ за ней, какъ она спросила у него разъ, играя въ *secrétaire*, почему онъ задумывается какъ влюбленный и все просить молодыхъ дѣвушекъ погадать ему на трэфовую даму, и онъ ей написалъ въ отвѣтъ:

„Надѣвъ парикъ ты бѣлокурый,
Я съ дамой трэфовой прощусь,
Изъ умной сдѣлайся ты душой,
И я ужъ не влюблюсь,

и о томъ, какъ въ это самое время Марья Павловна мечтала о своемъ отцѣ. Да только она была что-то не ловка и не хороша собой, и очень ему не нравилась. „Разъ привезла она мнѣ свой альбомъ, чтобъ я ей что-нибудь нарисовала, а ужъ я сейчасъ вижу что ей совсѣмъ не того хочется, и стала къ вашему папенькѣ приступать чтобъ онъ ей нѣсколько строкъ написалъ. Ну за что! Чтѣ же я, говорить, буду къ ней писать, когда она мнѣ положительно не нравится. Ну, говорю, хоть что-нибудь. А, ну, какъ я что-то вибудъ напишу, а ты будешь не довольна? Вздоръ, говорю, чтѣ бы ты ни написалъ, все будетъ хорошо. Коли такъ, такъ пожалуй. Да возьми, да мнѣ насмѣхъ, и напиши эпиграмму. Такъ я и обмерла, а онъ смѣется. Это, говорить, тебѣ урокъ: въ другой разъ не приступай съ ножомъ къ горлу, чтобъ я писалъ по заказу въ альбомахъ сентиментальныхъ дамъ. Дѣлать нечего, принуждена вырвать листокъ, а онъ на бѣду былъ исписанъ ея же рукой съ той стороны, такъ что она тотчасъ замѣтила. Ну ужъ, говорю, Marie, извини, чернилами обила листъ, и вырвала его.“

Въ послѣдствіи мой отецъ, уже женившись, убѣдился, что любовь Марья Павловны нѣсколько не походила на романтическія впонышки сентиментальныхъ свѣтскихъ героинь. Онъ узналъ, что она живетъ чуть ли не въ бѣдности у какой-то отдаленной родственницы, и упорно отказывается отъ замужства, хотя не разъ имѣла случай сдѣлать выгодную партію. Съ тѣхъ поръ онъ всегда интересовался ею, но они уже не встрѣчались. Послѣ его кончины она прѣзжала издалека поклониться его могилѣ.

На другой день Надежда Васильевна, въ ожиданіи Сурминой, возвратилась съ своей прогулки раньше обыкновеннаго и за обѣдомъ толковала о ея посѣщеніи. „Ну, ужь, вразумюсь, удивила меня Marie,“ сказала она, „вообразите, мамелька, вѣдь она какъ пріѣхала, велѣла себя прямо провести въ мою комнату, а я только-что домой пришла. У меня, говорить, до тебя есть просьба, Nadine, обѣщай сказать мнѣ то, что я у тебя спрошу.—Что такое? Разумѣется, скажу.—Помнишь, говорить, еще тогда, а тебѣ привезла мой альбомъ, и ты мнѣ его возвратила съ вырваннымъ листомъ. Онъ былъ мной исписанъ, и ты увѣряла что обила его чернилами. Но я этому не повѣрила, потому что ты очень конфузилась, когда это мнѣ разказывала. Мало ли чего ты не могла сказать тогда, а теперь все сказать можешь. Кто вырвалъ этотъ листъ и почему?—Экой, говорю, вздоръ какой! Хотя убей не помню о чемъ ты говоришь; вѣдь ужь этому около тридцати лѣтъ.“

Сурмина возвратилась опять черезъ нѣсколько дней, и пожелала насъ видѣть. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ разказовъ, я много о ней думала, и мое воображеніе рисовало заранѣе ея образъ въ самыхъ симпатическихъ чертахъ, и можетъ-быть, благодаря этому произвольно-созданному образу, ея наружность поразила меня своею бѣдностью и безцвѣтностью. Марья Павловна смотрѣла очень пристально на насъ, и въ особенности на сестру, которой, какъ говорятъ, отецъ мой передалъ свой взглядъ. Потому ли что мы глядѣли на нее съ заднею мыслію, дѣйствительно ли это было такъ, но намъ показалось, что ей съ нами не ловко, такъ что мы не сблизились съ ней, а напротивъ того избѣгали случая стѣснять ее нашимъ присутствіемъ. Черезъ годъ она уѣхала обратно въ деревню, и вскорѣ мы узнали о ея кончинѣ.

Мы жили уже болѣе двухъ лѣтъ у моей бабушки, когда ее поразилъ страшный, неожиданный ударъ. Получили извѣстіе, что Борисъ Васильевичъ боленъ. Вѣра Васильевна рѣшилась тотчасъ ѣхать къ нему, и чтобы приготовить бабушку къ своему отъѣзду, который иначе напугалъ бы ее своею внезапностью и открылъ бы ей глаза насчетъ опасности, которую старались, по возможности, скрывать

отъ нея, она начала говорить о томъ, что уже давно не видалась съ братомъ, и какъ бы кстату съѣздить къ нему теперь, пока ему не здорвится, тѣмъ болѣе что зимній путь уже сталъ. „Почему же и не съѣздить,“ оказала наконецъ бабушка, „повъжай съ Богомъ,“ и Вѣра Васильевна повъжала, поручая бабушку нашему попеченію.

Вскорѣ послѣ ея отъѣзда мы получили отъ нея письмо слѣдующаго содержания: „Надежды нѣтъ. Надо маменьку приготовить. Обо мнѣ не думайте: я на ногахъ.“ Это извѣстіе тѣмъ болѣе поразило насъ, что хотя болѣзнь была опасна, но она могла, по словамъ медика, продолжиться еще много лѣтъ. Тяжело было готовить бѣдную старушку къ потерѣ послѣдняго, нѣжно любимаго сына. Я говорю: послѣдняго, потому что на Льва Васильевича она не смотрѣла какъ на сына. Любить его она не могла, и признавалась въ этомъ съ ужасомъ. Но съ именемъ *Бореньки*, какъ она звала моего дядю до послѣдней минуты, соединялось для нея столько дорогихъ воспоминаній. Боренька! это было послѣднее слово, произнесенное ею мужемъ, который умирая какъ будто завѣщалъ ей свою страстную привязанность къ сыну. И какъ хорошъ былъ Боренька! Какъ онъ напоминалъ ей моего отца! Какъ онъ самъ былъ къ ней ласковъ и нѣженъ! Сколько разъ, бывъ еще ребенкомъ, онъ говорилъ ей, видя ея слезы: „Не плачьте, маменька; я скоро вырасту, и тогда Левъ не посмѣетъ васъ обижать.“ И надо было ее приготовить къ мысли, что можетъ быть въ эту минуту ея Боренька зоветъ ее въ предсмертномъ бредѣ, или лежитъ уже бѣднымъ и холоднымъ въ гробу!

Я слышала отъ многихъ, что нельзя *приготовить* человѣка къ несчастію. Что касается до меня, я думаю что его нельзя *пожирить* съ несчастіемъ, но можно приготовить организмъ къ ожидающему его удару, то - есть, смягчить дѣйствіе слишкомъ внезапнаго потрясенія. Извѣстное количество ада причиняетъ внезапную смерть, но то же количество, раздѣленное на нѣсколько приѣмовъ, производитъ хроническую болѣзнь, съ которою человѣкъ можетъ еще долго прожить.

Мы совѣтывались и рѣшили, что не надо успокаивать бабушку, или отдавать отъ нея мысль объ опасномъ поло-

земли моего дяди, и стали толковать о томъ, что къ сожалѣнiю нельзя перевезти больного въ Москву, и что излеченiе такой болѣзни трудно повѣрить увѣданнымъ медикамъ, и что вотъ сегодня письма не было, между тѣмъ какъ обыкновенно почта доставляетъ ихъ аккуратно. Ужь не успѣлась ли болѣзнь?

Тяжело было повторять эти заранѣе затверженныя рѣчи, съ цѣлью влить отраву въ душу бѣдной матери. Она слушала молча, но страшно было взглянуть на нее въ эти минуты; она блѣднѣла и старалась перемѣнить разговоръ.

— А я сегодня, дѣти, по вашей милости то и дѣлаю просыпалась ночью, сказала она намъ однажды. — Чего вы вчера наговорили, вѣдь все вздоръ. Эка важность какая, что письмо опоздало! Почему знать, можетъ оно и на почтѣ заежалося. — И она смотрѣла намъ прямо въ глаза какимъ-то умоляющимъ взоромъ, и какъ будто бы упрашивая насъ отказаться отъ вчерашнихъ словъ.

— Да что все даромъ разстроиваетесь, родная, подхватила Надежда Васильевна, цѣлуя ея руки. — Такъ болтаютъ; сами не знаютъ что говорить. Письма вѣкъ опаздываютъ, а болѣзнь брата самая пустая.

И она тутъ же распространилась на счетъ неаккуратности почты, и рассказала, какъ она слышала отъ одной прiятельницы, что у нея сосѣдъ занемогъ тою же самою болѣзнию и выздоровѣлъ безъ малѣйшаго пособiя.

— И точно, Богъ милостивъ, сказала бабушка, выслушавъ ее. — Какъ ты завтра, Наденька, пойдешь къ ранней обѣдѣ, такъ возьми мое задравное поминанiе, и просвирку вынь. Да нищимъ подай; деньги у меня лежатъ на столѣ.

— Слава, Богу, что я ее хоть немножко успокоила, сказала Надежда Васильевна уходя въ свою комнату съ поминанiемъ и мелкими деньгами въ рукахъ.

— Скажите, ради Бога, тетенька, сказала я, — что вы дѣлаете? Развѣ мы ее изъ удовольствiя мучимъ? Не забудьте, что мы сегодня же ждемъ письма, и можно отгадать заранѣе каково будетъ его содержанiе. Развѣ мы не говорили, здѣсь же, съ вами, что надо ее приготовить къ этому удару, чтобъ ей дать возможность перемести его.

— Не знаю, милая; я тутъ не причемъ; вы говорили, вы и рѣшали какъ хотѣли. А я ее терзать не стану. По милости вашихъ приготовленiй, я ужъ который день бѣгаю

изъ дома; она такъ разстроена, что я ее просто видѣть не могу. Теперь схожу къ тетенькѣ; она за мной прислала.

Надо сказать, что Вѣра Васильевна адресовала обыкновенно Лизаветѣ Андреевнѣ письма, которыя не должны были проходить черезъ бабушкины руки. Я одѣлась и пошла съ Надеждой Васильевной, чтобъ узнать не получила ли старуха какихъ-нибудь извѣстій.

„Здорово!“ сказала она, только что мы вошли: „письмо отъ Вѣры: она сюда ѣдетъ; все кончено.“ Мы обѣ заплакали, я бросилась на шею тетки. „Что дѣлать! ужь видно такъ угодно Богу,“ сказала она, обнимая меня, и крестясь. Мы нѣсколько минутъ простояли молча. „А бабушка?“ вымолвила я наконецъ.—„Я все на Бога надѣюсь, онъ ее подкрѣпитъ. Да когда же Вѣра будетъ? Гдѣ письмо?“ Оно состояло изъ двухъ строкъ: „Онъ скончался вчера; похороны послѣ завтра. Приготовьте маменьку; я выѣду тотчасъ послѣ отпѣванія, и приѣду съ задняго крыльца къ дѣтямъ во флигель.“

По числу, выставленному на письмѣ, мы разочли, что она должна быть въ Москвѣ въ тотъ же день.

„Хороша она бѣдная приѣдетъ,“ сказала Надежда Васильевна, утирая слѣзы. „Вѣдь ужь она себя вѣрно не пожалѣла; точно этимъ поможешь. Вѣра ни въ чемъ мѣры не знаетъ. Elle est très déraisonnable, ma chère.“ Успокоившись немного мы собрались домой. „Однако ты съ этимъ лицомъ не вздумай бабушкѣ показаться,“ сказала мнѣ тетка. „Сохрани Богъ объявить ей объ этомъ на ночь. Пусть она хоть уснетъ спокойно.“

Къ счастью была суббота, и бабушка собиралась ко всеобщей, такъ что сестра и я, мы ее почти совсѣмъ не видали. Напившись чаю наскоро, изъ опасенія опоздать въ церковь, она уѣхала съ Надеждой Васильевной, а мы стали ходить по комнатѣ, прислушиваясь къ скрипу экипажей по замерзлой мостовой. Между тѣмъ Вѣра Васильевна приѣхала къ своей теткѣ, только что мы съ ней простились, и остановилась у нея, разчитывая, что еще свѣтло, и бабушка можетъ увидѣть ее, если она приѣдетъ прямо домой. Только что дворникъ, караулившій по ея приказанію у воротъ, объявилъ ей что возокъ Марьи Андреевны проѣхалъ, она пришла къ намъ. Пока мы ходили съ сестрой взадъ и впередъ по комнатѣ, толкуя все объ одномъ, одна

изъ горничныхъ вошла съ объявленіемъ, что „Вѣра Васильевна во *ближаль*,“ и прибавила: „Ну, барышни, какъ онѣ искудали! взглянуть на нихъ страшно!“ Мы побѣжали къ ней.

Тетка моя, въ шубѣ и теплыхъ сапогахъ, сидѣла на диванѣ. Она не плакала, но дрожала всѣмъ тѣломъ. Когда мы къ ней подошли, она притянула насъ обѣихъ къ себѣ, крѣпко прижала къ своей груди, и громко зарыдала. Мы дали ей опомниться, потомъ раздѣли ее, уложили въ постель, устлели у ея ногъ, и дали ей высказать все что накипѣло на ея наболѣвшемъ сердцѣ. Это ее немножко успокоило, тѣмъ болѣе, что съ минуты кончины моего дяди, она въ первый разъ видѣла около себя дружескія лица.

Явилась наконецъ и Надежда Васильевна, возвратившаяся съ бабушкой отъ всемогущей. „Здравствуй, Вѣра,“ сказала она обнимая свою сестру, со слезами на глазахъ: „ну что ты?“— „Ничего,“ отвѣчала та.— „Побереги ты себя, ради Бога, того и гаяжу, что ты разнеможешься. Только этого не достаетъ. Ночуй здѣсь, а завтра увидимъ что Богъ дастъ.“— „Тетенька,“ сказала я, „мы думаемъ на всякій случай пригласить доктора.“— „И прекрасно. А вы обѣ не ходите къ ужины. Я скажу маменькѣ, что вы угорѣли, и лежите отъ головной боли.“

Она ушла, а мы долго толковали, и наконецъ улеглись спать. Но мы съ сестрой не скоро могли заснуть; что же касается моей бѣдной тетки, то она всю ночь не сомкнула глазъ.

Докторъ явился на другой день, пока бабушка была еще у обѣдни. Онъ на всякій случай запасся ланцетомъ, и велѣлъ намъ приготовить спирта и холодной воды. Мы всѣ сидѣли молча около стола и вздрогнули, когда бабушкинъ возокъ остановился у подъѣзда; нашъ слухъ былъ такъ напряженъ, что мы слышали, черезъ двойныя рамы, какъ лакей хлопнулъ дверцей и закричалъ: „отъѣзжай.“

Медаль было нечего, докторъ всталъ. „Пойдемте,“ сказалъ онъ. Мы послѣдовали за нимъ. Но дошедши до сѣней, Вѣра Васильевна остановилась, и почти бѣгомъ возвратилась въ оставленную нами комнату, бросилась на келѣни передъ распятіемъ, и съ какимъ-то судорожнымъ движеніемъ прижала голову къ стоявшему передъ ней дивану. Мы остановились. Такъ прошло минуты двѣ: она встала и довольно

твердымъ шагомъ послѣдовала за нами. Докторъ вошелъ съ нами въ чайную, гдѣ сидѣла бабушка. Вѣра Васильевна остановилась за дверью.

— Я ѣхалъ мимо, и завернулъ сюда, чтобъ узнать объ васъ, Марья Андреевна, сказалъ докторъ.— Не получали ли вы извѣстій отъ Бориса Васильевича?

— Вѣдь письма часто опаздываютъ, отвѣчала она не твердымъ голосомъ,— не хотите ли кофею?

— Что это вы точно разстроены? спросилъ онъ, не отвѣчая на ея вопросъ:— пожалуйста-ка ручку. Почта не опаздываетъ, продолжалъ онъ, щупая ея пульсъ,— и я вамъ скажу даже, что я получилъ извѣстіе отъ Вѣры Васильевны.— Бабушка страшно поблѣднѣла; онъ продолжалъ, не выпуская ея руки изъ своей:— она пишетъ, что надежды мало, и я не беру на себя скрывать отъ васъ истину: болѣзни этого рода неизлѣчимы. Хорошаго нечего ждать. По мѣрѣ того какъ онъ говорилъ, лицо блѣдой старушки совершенно искажалось: черты ея вытягивались, морщины становились глубже, взоръ тускнѣлъ, и черная тѣнь образовалась около глазъ; каждая минута отзывалась годами на этомъ измученномъ лицѣ.

Докторъ заставлялъ ее насильно проглотить нѣсколько капель воды, и намочилъ ей укусомъ голову и виски.— Марья Андреевна, сказалъ онъ наконецъ,— Вѣра Васильевна возвратилась.

Въ эту минуту моя тетка вошла, и остановилась какъ окаменѣлая у двери. Бабушка обратила на нее свои мутные, сухіе глаза.

— Ахъ, Вѣра! Ахъ, Боже мой! проговорила она, и всплеснула руками.

Вѣра Васильевна зарыдала, упала на колѣни передъ ней, и заключила ее въ свои объятія.

— Ахъ какой ужасъ! какой ужасъ! повторила едва внятно старушка.

— Родная моя, говорила прерывающимся голосомъ Вѣра Васильевна,— голубушка моя, поберегите себя для насъ...

Но бабушка, казалось, ничего не слышала. Она рыдала въ свою очередь, но глухимъ рыданіемъ, безъ слезъ.

— А какъ я молилась! промолвила она наконецъ, и сардоническая улыбка пробѣжала по ея блѣднымъ губамъ. Силы окончательно измѣнили ей: голова опустилась на

грудь, глаза закрылись. Ее отнесли на постель. Мы не отходили от нея. Она пролежала молча цѣлый день, и только изрѣдка обращалась къ намъ съ вопросами: „какой часъ? скоро ли стемнѣетъ? Вѣра, ты здѣсь?“ Вечеромъ Вѣра Васильевна предложила ей прочесть въ слухъ молитвы, которыя старушка привыкла съ дѣтства читать отходя ко сну. „Не надо,“ отвѣчала она. — „Отчего же не надо, родная?“ спросила моя тетка, цѣлуя ея руку. „Вѣдь я буду же читать ихъ для себя; ужь лучше помолиться шѣсть.“ И не дожидаясь отвѣта, она вынула изъ стекляннаго шкапа съ образами старинныя святцы, и начала читать вслухъ канонъ ангелу хранителю. Когда она произнесла: *Всакыхъ мя напастей свободы, и отъ печалей спаси...*

— Не отъ чего не спась, прервала ее старушка. Голосъ моей тетки какъ будто оборвался. Она молча закрыла книгу и положила ее на мѣсто.

Наступило глубокое молчаніе.

— Ради Бога, дѣти, сказала вдругъ бабушка: — говорите что-нибудь, мнѣ страшно когда молчатъ кругомъ меня.

Мы всю ночь не ложились, не гасили свѣчъ, и говорили безъ умолка все что приходило на умъ. Она иногда дремала подъ звукъ нашего говора. Поутру она встала въ изнеможеніи, и сѣла въ кресло. Намъ казалось, что этому дню конца не будетъ. Вечеромъ никто не смѣлъ напомнить ей о молитвахъ. Мы опять просидѣли попеременно цѣлую ночь у ея постели. На слѣдующій день она пожелала сойти внизъ. „Меня здѣсь что-то давить,“ сказала она: „не знаю куда броситься. Можетъ легче будетъ когда выйду изъ этихъ комнатъ.“ Когда мы свели ее внизъ и усадили въ диванной, Вѣра Васильевна позвала меня въ свою комнату.

— Мнѣ кажется, что я съ ума сойду, сказала она, — ужь не первое испытаніе намъ Богъ посылаетъ, и никогда еще оно на нее такъ не дѣйствовало. Посмотри, вѣдь она слезинки не проронила, и не молится. Мнѣ страшно. Свѣзжу я къ отцу Алексѣю, она его всегда любила; что-то онъ посоветуетъ. Если она меня спроситъ, скажи, что я уснула.“

Черезъ часъ она возвратилась, и шепнула мнѣ на ухо, что отецъ Алексѣй сейчасъ будетъ. Не прошло десяти минутъ какъ онъ точно вошелъ въ комнату.

Отецъ Алексѣй былъ человекъ умный; онъ понималъ, что никакое краснорѣчіе не утѣшитъ разбитого сердца матери, и пріѣхалъ съ тѣмъ только чтобъ ей возвратить разбитое отчаяніемъ чувство вѣры, въ которомъ она привыкла искать облегченіе горю.

— Я узналъ о вашемъ несчастіи, сказалъ іеромонахъ, подходя къ моей бабушкѣ, и благословляя ее, — и пріѣхалъ васъ провѣдать. Ну что, какъ вы себя чувствуете?

— Мнѣ очень тяжело, отвѣчала она.

— Къ несчастію, никто не въ силахъ утѣшить васъ: вы найдете утѣшеніе только въ вѣрѣ. Скажите, вы молитесь?

Она не отвѣчала; священникъ повторилъ свой вопросъ.

— Не могу, сказала она наконецъ, вполголоса.

— Ради Бога, началъ онъ опять, — не поддавайтесь этой слабости, не отнимайте сами у себя вашего единственнаго утѣшенія.

— Не могу... Во мнѣ точно что-то оборвется, когда я вздумаю, что на молитвѣ придется поминать его... (голосъ ея задрожалъ, она остановилась) усопшимъ, произнесла она наконецъ съ усиленіемъ.

— Это горькая дѣйствительность, и вы отъ нея не уйдете, сказалъ монахъ, качая медленно головой: — повѣрьте мнѣ, переломите себя; помяните его, чтобы не осиротѣла его могола безъ материнскихъ молитвъ.

— Не могу, повторила она, и закрыла лицо руками.

Онъ всталъ, и вышелъ молча въ залу, гдѣ велѣлъ все приготовить къ панихидѣ, облачился и возвратился къ намъ. Строгая красота монаха, его блѣдность, длинные его волосы, черная риза и золотой крестъ блестящій на его груди придавали ему что-то торжественное.

— Мы хотимъ помолиться о вашемъ сынѣ, Марья Андреевна, сказалъ онъ твердымъ голосомъ, — и вы не можете ему отказать въ вашихъ молитвахъ. Пойдемте.

Она встала безмолвно, и робко какъ ребенокъ послѣдовала за нимъ. Панихида началась. Бабушка не молилась, и взоръ ея былъ упорно устремленъ на полъ, но когда священникъ произнесъ: „Упокой, Господи, душу новопреставленнаго раба твоего боярина Бориса,“ она вздрогнула, зарыдала и опустила на колѣни.

Переломъ совершился: во все продолженіе панихиды она плакала и молилась. Когда ушелъ священникъ, мы увели ее

на верхъ. Она легла въ совершенномъ изнеможеніи, и казалась покойнице.

— Вѣра, сказала она вдругъ, слабымъ голосомъ, — разкажи мнѣ какъ все это было.

Вѣра Васильевна сѣла у ея ногъ, и начала свою грустную повѣсть, часто прерывавшуюся слезами дочери и матери. Около полуночи бабушка заснула.

Она не оправилась отъ этого удара; хотя она и не занемогла, но силы ея стали видимо ослабѣвать. Вѣра Васильевна ночевала у нея, и днемъ не оставляла ея почти ни на минуту. Иногда только, послѣ обѣда, когда бабушка засыпала, она уходила къ себѣ, и плакала на свободѣ пока колокольчикъ старушки не возвѣщаль, что она проснулась.

Тетка моя не почувствовала сгоряча, что она сама разнемогается; но не прошло мѣсяца, какъ она начала страдать не на шутку. Сонъ ея сталъ такъ тревоженъ, что изъ опасенія разбудить бабушку она стала уходить на ночь въ свою комнату, и просыпалась иногда съ тѣмъ, что была не въ силахъ встать. Наконецъ докторъ объявилъ, что начинается нервная горячка.

Младшія сестры пріѣхали къ намъ, съ тѣмъ чтобы ходить за больною. Насъ было четверо, но мы всѣ такого незавиднаго здоровья, что насъ часто не ставало на нее и на бабушку, требовавшую другаго рода попеченія и въ особенности постоянной бесѣды, которая бы насильственно отрывала ее отъ слишкомъ свѣжихъ еще воспоминаній. Надо сказать, что Надежда Васильевна помогала намъ сколько могла; она даже измѣнила своимъ привычкамъ, сокращала постоянно утреннюю прогулку, и часто проводила вечера дома, чтобы посидѣть съ бабушкой.

Судьба послала намъ другую, еще болѣе дѣятельную помощь. Противъ насъ жило милое, доброе семейство, среди котораго Вѣра Васильевна нашла еще смолоду истинныхъ друзей. Они постоянно дѣлили съ ней и радость и горе, были ей вѣрными спутниками въ жизни, и они же закрывали насъ въ ея послѣднія минуты, и закрыли ея глаза. Ихъ имя нераздѣльно въ моемъ умѣ съ воспоминаніями о моей бѣдной теткѣ. Послѣ ея кончины, они перенесли на насъ неизмѣнное чувство, которое питали къ ней, и я счастлива, что могу заявить имъ теперь наше глубокое чувство благодарности и привязанности.

Сколько разъ сидѣли они съ нами ночью у постели больной и старались успокоить насъ, или раздѣляли наши опасенія. Моя бѣдная тетка жестоко страдала; ей все мерещилась въ бреду ея умершій братъ, и она звала его съ глухимъ рыданіемъ или крикомъ. Наконецъ болѣзнь уступила усиліямъ науки. Вѣра Васильевна оправилась, и жизнь ея потекла повидимому своимъ обычнымъ чередомъ.

Но что касается до меня, я еще до сихъ поръ не могу хладнокровно вспомнить о моихъ бесѣдахъ съ ней. Она дѣлала надъ собой неимоверныя усилія, чтобы казаться спокойною передъ бабушкой, но дождалась съ нетерпѣніемъ минуты, когда могла излить въ дружеской бесѣдѣ все горе, наполнявшее ея душу. Когда, послѣ ужина, я приходила въ ея комнату, она начинала говорить съ такою страстію обо всѣхъ пережитыхъ ею несчастіяхъ, словно она переживала ихъ снова, и плакала какъ надъ свѣжими могилами, говоря о могилахъ, надъ которыми пронеслись цѣлые десятки лѣтъ.

Въ это время мы получили письмо, которое сильно смутило все семейство. Левъ Васильевичъ прожился еще разъ, и возвращался въ Москву, съ тѣмъ чтобы искать мѣста. Разъ, мы пришли по утру поздороваться съ бабушкой. Когда убрали чай, и мы всѣ встали, съ тѣмъ чтобы разойтись по своимъ угламъ и дать ей помолиться, она меня остановила подъ какимъ-то пустымъ предлогомъ. „Послушай, Катя.“ сказала она, когда мы остались вдвоемъ: „Вѣра собирается въ городъ; какъ она уѣдетъ, а Наденька пойдетъ гулять, приходи ко мнѣ. Мнѣ надо съ тобой переговорить: только имъ не сказывай.“

Черезъ полчаса, когда я убѣдилась что моихъ тетокъ не было дома, я вошла къ бабушкѣ. Она стояла на колыняхъ и молилась. При шумѣ моихъ шаговъ, она обернулась, и увидя меня встала, заложила бумажкой псалтырь, который держала въ рукахъ, и взяла ключъ, лежавшій на столѣ. „Пойдемъ со мной,“ сказала она. Мы вошли въ ея угольную комнату. Марья Андреевна отперла свое маленькое бюро, и обернулась ко мнѣ.—„Послушай,“ сказала она смущеннымъ голосомъ: „я вѣроятно не долго наживу...“ она остановилась и замѣтно поблѣднѣла. Я чувствовала, что у меня слезы навернулись на глазахъ, и чтобы скрыть

свое смущеніе нагнулась къ ней, и поцѣловала ея руку. Она меня обняла. „Ради Бога, мой другъ,“ продолжала она, „будь похладнокровнѣе: подумай, что и мнѣ самой объ этомъ говорить не легко; хоть жить и не весело, а никому умирать не хочется. Я давно откладываю что могу на свои похороны: ужь и такъ горя будетъ не мало, а тутъ еще бросайся во все стороны за деньгами. Она выдвинула маленькій ящикъ, и показала мнѣ три свертка полуимперіаловъ! „Знай же, гдѣ они лежатъ,“ продолжала она: „а вотъ еще портфель, серебро и кое-какія вещи. Обѣщай мнѣ, что ты это все приберешь къ себѣ, какъ только меня не станетъ. Ты знаешь, гдѣ у меня ключъ лежитъ; да спрячь тоже мои часы. Я просто не покойна какъ вздумая, что Левъ сюда ѣдетъ. Онъ тетенекъ кругомъ бы обобралъ, еслибы могъ. Имъ разумѣется не до того будетъ, а ужь ты, ради Бога, не плошай.“ Она стала укладывать все вещи по мѣстамъ, но вдругъ остановилась. — „Ахъ! еслибы вѣсто его я ждала Бореньку!“ сказала она дрожащимъ отъ слезъ голосомъ. „Ну, теперь поди, мой другъ,“ продолжала она, немного помолчавъ, и запирая бюро: „вѣдь я еще не домоглась.“

Я была очень смущена этимъ разговоромъ, и уходя отъ бабушки задумалась, и остановилась въ чайной. Минуты черезъ три я заглянула машинально въ сосѣднюю комнату: старушка опять стояла на колѣняхъ съ псалтыремъ въ рукахъ, и читала вполголоса свою молитву.

Левъ Васильевичъ оставилъ дальнюю провинцію, гдѣ свилъ было себѣ гнѣздо, и пріѣхалъ въ деревню къ своей старшей дочери, которая недавно вышла замужъ. Но не долго важилъ онъ у нея; онъ разосорился съ зятемъ, и явился въ Москву.

Въ немъ начинала развиваться водяная. Его забота о своемъ здоровьи доходила до невозможныхъ мелочей, но онъ тщательно старался скрывать постоянное о немъ печеніе, и терпѣть не могъ, чтобъ его спрашивали о болѣзни. „Это твои, что ли, капли, Левъ?“ спрашивала иногда бабушка. — „Спасибо, что напомнили,“ отвѣчалъ онъ: „возьму ихъ съ собой, а всегда забываю принимать.“ А между тѣмъ, онъ то и дѣло смотрѣлъ на часы, чтобы не пропустить минуты принять капель. За обѣдомъ онъ постоянно отказывался отъ всего что ему казалось жирнымъ или

вообще нездоровымъ. „Да ты бы сказывалъ что тебѣ готовить, если тебѣ докторъ не все позволяетъ,“ замѣчала бабушка.—„Да, много я его слушаюсь, нечего сказать. Не знаю, право, зачѣмъ я къ себѣ пускаю этого дурня (это было его любимое выраженіе): просто, вѣсть не хочется.“ Если кто замѣчалъ, что онъ похудѣлъ, или не въ духѣ, и имѣлъ притомъ неосторожность спросить, хорошо ли онъ себя чувствуетъ, онъ отвѣчалъ принужденнымъ смѣхомъ, и пускался въ такіа натавутыа шутки, что становилось недовко и больно слушать его. Чувствовалось невольна, что онъ старается скрыть отъ другихъ одолевашій его страхъ, и обмануть себя насчетъ своего положенія.

Подъ вліяніемъ постоянно гнодавшей его мысли, буйный его нравъ замѣтно смирился. Нужно было чѣмъ-нибудь особеннымъ вызвать его проявленіе, и уже тогда онъ бралъ свое. Люди не мѣняются: не измѣнилася въ сущности и мой дядя; но тотъ, кто довѣрилася бы наружности, отказался бы признать въ немъ извѣстнаго ему, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Льва Васильевича. Левъ Васильевичъ не только уже не кощунствовалъ, но служилъ молебны, говѣлъ, вынималъ задравныя просвиры, и носилъ на груди взятую съ мощей вату. Онъ сначала дѣлалъ все это въ глубокой тайнѣ, но скоро почуввалъ невозможность скрывать цныя вещи, и рѣшилася объявить торжественно, что онъ *созналъ истину*. „Ужь это видно Богъ на тебя оглянулся, Левъ,“ оказала ему моя бабушка, и набожно перекрестилася. „Можетъ онъ, по своей милости, и болѣзнию тебя испыталъ, для того только чтобы ты къ нему обратилася.“—„А можетъ быть дѣло гораздо проще,“ отвѣчалъ онъ, стараясь скрыть подъ видомъ равнодушія, до чего его взбѣсила недовкая выходка старушки: „скучно стало дураку жить вѣкъ бобылемъ безъ отца и матери, безъ семьи и пріюта; вотъ и вспоминалъ онъ о Богѣ.“ Бабушка оробѣла и замолчала, боясь вызвать какую-нибудь страшную сцену.

Разъ, — это случилось черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ пріѣзда моего дяди, — сестры гостили у насъ. Бабушка была за обѣдомъ очень въ духѣ, и къ чаю сошла по обыкновенію внизъ. Мнѣ не здоровилася, и я отправилася въ нашъ флигель, съ тѣмъ чтобы прилечь. Вдругъ послышались быстрые шаги, и испуганное лицо сестры Вари показалося въ дверяхъ. „Съ бабушкой ударъ,“ сказала она дрожащимъ

голосомъ, и скрылась опять. Я вскочила съ постели и побѣжала за ней.

Очевидно, что меня не вдругъ хватились. Священникъ сидѣлъ уже въ залѣ. Въ домѣ шла страшная суматоха: люди бѣгали безъ цѣли изъ комнаты въ комнату. Въ гостиной, бабушка лежала на диванѣ, блѣдная, и безъ малѣйшаго признака жизни. Вѣра Васильевна стояла неподвижно у ея ногъ. Губы моей блѣдой тетки дрожали, взоръ былъ упорно устремленъ на мать: казалось, она не вполне сознавала что дѣлалось около нея. Надежда Васильевна, вся въ слезахъ, суетилась совершенно бесполезно, бросалась во все углы, требовала холодной воды чтобы помыть бабушкинъ голову, подушку чтобы ее положить помягше, одѣвало, которымъ хотѣла одѣть ея ноги; но никто ее не слушалъ. Между тѣмъ докторъ стоялъ на коленяхъ, и бинтовалъ надъ локтемъ руку больной. Наконецъ, онъ коснулся до нея ланцетомъ, и кровь брызнула. Тогда медикъ обтеръ инструментъ, обернулся къ намъ, и сказалъ вполголоса: „жива“.

VI. Смерть.

Бабушка, пришедши въ себя, посмотрѣла на насъ съ удивленіемъ, и спросила слабымъ голосомъ что съ ней случилось. Ей отвѣчали что съ ней былъ обморокъ, отъ котораго она скоро оправится, но что теперь ей необходимъ покой. Докторъ, написавъ рецептъ, взялъ шляпу и вышелъ. Я послѣдовала за нимъ, чтобы разспросить его о состояніи больной. Когда мы вышли въ залу, меня поразило какое-то еще незнакомое мнѣ, отвратительное выраженіе лица Льва Васильевича. Дядя мой ходилъ по комнатѣ, закинувъ руки назадъ, и видимо чего-то ждалъ. Какъ скоро мы показались въ дверяхъ, онъ ускорилъ шагъ, и подошелъ къ доктору. „Ну, что,“ спросилъ онъ: „вѣдь дѣло кончено, не правда ли? Долго ли она можетъ еще протянуть? Сутки? двое? вѣдь не больше?“ Медикъ поглядѣвъ на него съ удивленіемъ. „Я теперь не могу ничего сказать,“ отвѣчалъ онъ. „Надо ждать дѣйствія лѣкарства. Дай только Богъ, чтобы она прожила нѣсколько дней; тогда увидимъ: но до тѣхъ

поръ ни за что ручаться нельзя. Посудите сами, хотя она очень крѣпкаго сложенія (я единственно на это и различиваю), но все-таки въ восемьдесятъ лѣтъ ударъ...“

— Восемьдесятъ три года, перебилъ его Левъ Васильевичъ,—восемьдесятъ три, батюшка. Такъ вы говорите нѣсколько дней. Увидимъ!

Докторъ вышелъ, а Левъ Васильевичъ обратился къ двери ведущей въ переднюю, и крикнулъ:

— Ванька!

Въ дверяхъ показался молодой малый, лѣтъ пятнадцать, котораго онъ на всякій случай привозилъ съ собой, когда прѣзжалъ къ намъ на нѣсколько часовъ.

— Ванька, продолжалъ онъ, обращаясь къ мальчику, который стоялъ передъ нимъ на вытяжкѣ. — Я здѣсь пробуду нѣсколько дней, отправляйся домой, и привези все что нужно; ты самъ знаешь. Осторожнѣй со спиртомъ, которымъ я натираюсь, и совѣтую ничего не забыть, прибавилъ онъ значительнымъ тономъ, и грозилъ медленню пальцемъ. Тутъ онъ посмотрѣлъ на часы, и сталъ глотать свои пилюли.

Левъ Васильевичъ поселился въ залѣ. Онъ сталъ командовать всѣмъ домою, и позволилъ себѣ въ продолженіи этихъ нѣсколькихъ дней такія отвратительныя выходки, что я не рѣшаюсь ихъ описывать. Я вспомнила о моемъ разговорѣ съ моею бѣдною бабушкой; она боялась, чтобъ онъ не воспользовался ея смертію какъ удобнымъ случаемъ обобрать тетокъ, но онъ такъ повелъ дѣла, что я начала опасаться, что онъ и смерти ея не станетъ дожидаться. Видно было, что и больную мучили какія-то неясныя, при ея слабости, опасенія. Она часто подзывала которую-нибудь изъ насъ, заставляла къ себѣ нагнуться, и спрашивала шепотомъ: „Левъ здѣсь? Вѣдь онъ и ночуетъ здѣсь?“

Дрожь пробѣгала по мнѣ, когда мнѣ приходилось отвѣчать на эти вопросы. Къ несчастію, не было возможности успокоить бѣдную старушку. Нельзя же было ей сказать, что я догадываюсь о тайномъ опасеніи, котораго она не можетъ и не хочетъ сознать ясно, и что если ея дѣйствительно не станетъ, мы спасемъ отъ ея же сына скудное добро, которое она готовила дочерямъ.

Наконецъ, я рѣшилась преодолѣть непріятное чувство, которое овладѣвало мной; пошла на верхъ, выбрала изъ

бабушкина бюро бумаги, вещи и деньги, отправила все къ добрымъ знакомымъ, оставила при себѣ только небольшую сумму на расходъ, и когда всѣ немного успокоились, сказала Вѣрѣ Васильевнѣ, что буду вести счеты, потому что ей не до того.

Черезъ нѣсколько дней, докторъ потребовалъ консилиума. Передъ прїѣздомъ медиковъ, Вѣра Васильевна, блѣдная и встревоженная, позвала меня въ свою комнату. „Докторъ будетъ на вѣрное говорить съ каждою изъ васъ откровеннѣе нежели со мной,“ сказала она: „дай мнѣ слово, что ты отъ меня ничего не скроешь. Какова бы ни была истина, а хочу ее знать.“

На консилиумѣ рѣшили единогласно, что бабушка не будетъ уже никогда владѣть ни рукой, ни ногой; вся правая сторона была разбита параличомъ. Но больная могла еще долго прожить въ этомъ грустномъ состояніи.

Послѣ отъѣзда медиковъ, я вошла къ Вѣрѣ Васильевнѣ. Она сидѣла неподвижно, опираясь локтемъ на столъ и поддерживая голову ладонью. Я взяла ея руку и поцѣловала ее. Она была холодна какъ ледъ. Моя блѣдная тетка поглядѣла мнѣ прямо въ глаза. „Ну, что?“ спросила она. Я ей все передала; она заплакала. „И за это надо благодарить Бога,“ сказала она: „а хуже ожидала; думала, что всему конецъ. Хоть жива будетъ.“

Оставивъ ее, я пошла на верхъ къ Надеждѣ Васильевнѣ, и застала ее на колѣняхъ передъ образами. Увидя меня, она быстро заткнула уши, и сказала скороговоркой:

— Нѣтъ, ради Бога, если они что-нибудь страшное скажутъ, ты мнѣ не повторяй. Придетъ несчастье, и такъ узнаю. Изъ чего себя мучить!

Я отдала ея руки отъ ушей:

— За кого вы меня принимаете, тетенька, отвѣчала я.— Я бы не поторопилась къ вамъ съ плохою вѣстью. Доктора ручаются за жизнь бабушки...

— Слава Богу, промолвила Надежда Васильевна, и положила нѣсколько поклоновъ, потомъ встала и сказала мнѣ.—Теперь, благодаря Бога, я спокойна, и пойду погулять; можетъ даже зайдю куда-нибудь. Вѣдь я носа почти не показывала на улицу всѣ эти дни.

Левъ Васильевичъ не могъ сдержать первой минуты досады, когда услышалъ мнѣніе медиковъ: „Есть чему радо-

ваться“, сказалъ онъ: „это значитъ, что она проживетъ ровно на столько, чтобы стать въ тягость и себѣ, и другимъ. Но во всякомъ случаѣ я въ сердобольныя не гожусь.“ И онъ тутъ же приказалъ своему слугѣ перевозиться.

Но долго еще ничто не могло придти въ обыкновенный порядокъ. Обѣдали и спали гдѣ попало. По ночамъ мы сидѣли обыкновенно по двѣ около больной. Я помню одну ночь, которая особенно вѣззалась въ моей памяти. Бабушка уснула и тяжело дышала; въ комнатѣ царствовалъ страшный беспорядокъ; на мебели валялись подушки и одеяла. Столы были уставлены аптечными стеклянками. Ночникъ, горѣвшій въ углу комнаты, освѣщалъ тускло всѣ предметы, и мѣрный бой стѣнныхъ часовъ наводилъ на душу невыносимое уныніе. Я сидѣла вдвоемъ съ Вѣрой Васильевной. Мы обмѣнялись вполголоса нѣсколькими словами, и замолкли. Должно-быть обстановка дѣйствовала на насъ одинаково. Моя тетка вдругъ обернулась ко мнѣ, и сказала отрывистымъ голосомъ: „Останови маятникъ: онъ тоску нагоняетъ.“

Черезъ часъ Надежда Васильевна явилась къ намъ на смѣну, и я думаю, что благодаря нѣсколькимъ оказаннымъ ею словамъ, эта ночь мнѣ такъ памятна. Не знаю, почему меня особенно поразила тогда разница характера, которую обнаруживали такъ рѣзко мои тетки, какъ въ серьезныхъ вещахъ, такъ и въ бездѣлицахъ.

— Что еще? спросила Надежда Васильевна съ безпокойствомъ.

— Ничего, все тоже отвѣчала я.

— Признаюсь, я ужъ думала Богъ знаетъ что случилось. Сидятъ обѣ, точно языки проглотили и лица вытянули. Да этакъ просто одурь возьметъ.

— Не до разговоровъ и не до веселыхъ лицъ, сказала Вѣра Васильевна.

— Ну ты сиди и кисни; много этимъ поправишь дѣло. Однако подите спать, а ты разбуди которую-нибудь изъ сестеръ, продолжала она, обращаясь ко мнѣ:—я не намѣрена два часа битыхъ сидѣть молча какъ кукла. Да кто же это часы-то остановилъ? Какъ они бьютъ, такъ гораздо веселѣе.

И мы едва успѣли переступить черезъ порогъ, какъ въ нашихъ ушахъ раздался ненавистный тикъ-такъ маятника.

Наконецъ мы всё поняли, что тратимъ свои силы не въ пользу, а въ ущербъ большой: она требовала ухода, для котораго нуженъ былъ навыкъ: мы не умѣли ни повернуть, ни приподнять ее, не причиняя ей боли, и рѣшились пригласить сердобольную. Тогда все пришло въ обычный порядокъ. Даже Вѣра Васильевна возвратилась въ свою комнату; но она такъ отвыкла отъ покойнаго сна, что просыпалась по нѣскольку разъ въ ночь и приходила освѣдомиться о бабушкѣ.

Братъ мой женился, и взялъ на себя попеченіе о младшихъ сестрахъ. Онѣ простились наконецъ съ великодушнымъ домою, въ которомъ мы пролили столько слезъ, и вздохнули свободно. Вскорѣ потомъ Ольга вышла также замужъ. Мы отправились всею семьей въ каширское имѣніе, гдѣ должны были отпраздновать ея свадьбу, съ тѣмъ чтобы черезъ нѣсколько мѣсяцевъ возвратиться въ Москву, и жить всѣмъ троимъ съ замужнею сестрой. Обстоятельства принуждали брата поселиться въ деревнѣ на неопредѣленное время, а бѣднымъ затворницамъ хотѣлось взглянуть на свѣтъ Божій. Вѣра Васильевна разсталась съ нами съ благословеніемъ и слезами, и получила отъ насъ обѣщаніе, что, по возвращеніи въ Москву, которая-нибудь изъ насъ будетъ постоянно гостить у нихъ. Надежда Васильевна потужила о томъ, что въ домъ уже не будетъ такъ оживлено, а бабушкѣ сказали просто, что мы на свадьбу сестры идемъ въ деревню, гдѣ проведемъ цѣлое лѣто.

Старушка была въ странномъ положеніи. Она говорила мало и рѣдко; мысли ея путались, какъ скоро рѣчь шла о вчерашнемъ днѣ, но лишь только заводили разговоръ о старинѣ, она оживлялась, начинала разказывать слабымъ голосомъ о быломъ времени, и я не помню, чтобъ она когда-нибудь сбивалась въ самой мелочной подробности.

Еще до бабушкиной болѣзни съ ней познакомился, совершенно случайно, единственный молодой человѣкъ, котораго я видѣла въ домѣ. Онъ принадлежалъ къ мелкому дворянству. Жизнь его могла бы быть темой для самаго грустнаго романа. Его звали Андрей Платоновичъ Лиманскій. Когда онъ познакомился съ нами, онъ былъ одинъ въ мірѣ, безъ семьи и друзей, и привязался къ намъ со всею горячностью своей природы. Вѣру Васильевну онъ полюбилъ какъ мать, а въ насъ онъ встрѣтилъ наконецъ отго-

досокъ своимъ молодымъ мечтаніямъ и порывамъ. Грустно мнѣ обернуться къ этому времени, и вспомнить сколько съ тѣхъ поръ воды утекло. Это

Дѣла давно миновавшихъ дней,
Преданья старины глубокой.

Онъ полюбилъ меня. Вѣра Васильевна скоро замѣтила его чувство, и испугалась его, отчасти по предрасудку, а отчасти по самому простому расчету: при моихъ скромныхъ средствахъ, мнѣ предстояла бы трудная будущность съ человѣкомъ, который перебивается со дня на день. Но я успокоила ее однимъ словомъ: я не любила Лиманскаго.

Андрей Платоновичъ явился къ намъ въ деревню для окончательнаго со мною объясненія, которое однако кончилось, по обыкновенію, ничѣмъ. Я его спросила предупредила ли онъ Вѣру Васильевну о своей поѣздкѣ къ намъ: „Нѣтъ,“ отвѣчалъ онъ, „я зналъ, что она меня будетъ уговаривать не ѣздить, а я хотѣлъ непременно пріѣхать. По моемъ возвращеніи, я ей все разкажу.“

Но я знала горячій нравъ моей тетки, очень дорожила ея привязанностію къ Лиманскому и не хотѣла его подвергнуть первой вспышкѣ ея гнѣва, послѣ котораго могъ послѣдовать между ними окончательный разрывъ. Я повѣрила откровенно мои опасенія Андрею Платоновичу, и мы рѣшили, что онъ отсрочитъ свой визитъ къ ней, чтобы дать ей время получить письмо, гдѣ я сама ей разкажу объ его посѣщеніи и постараюсь ее успокоить.

Но къ несчастію, это письмо до меня не дошло, и прежде чѣмъ я успѣла написать другое, Вѣра Васильевна узнала стороной, что Лиманскій былъ у насъ. Она вообразила тутъ же, что я не хотѣла ей признаться въ моихъ настоящихъ чувствахъ къ нему, и что мы вдвоемъ ее обманываемъ, и самымъ яснымъ для нея доказательствомъ служило то, что Андрей Платоновичъ къ ней не является, а я не пишу. Въ первую минуту она себя не вспомнила, написала Лиманскаго, и осыпала его самыми оскорбительными упреками. „Еслибы мужчина себѣ позволилъ сказать мнѣ хоть половину того, что я отъ нея выслушала, писалъ онъ ко мнѣ, ничто на свѣтѣ ни спасло бы его отъ меня. Прошу васъ передать это ей. Что касается до меня, я ее никогда не увижу.“

Отпустивши Лиманскаго, Вѣра Васильевна написала къ брату письмо, которое онъ не рѣшился показать мнѣ, понимая, какъ глубоко оно огорчило бы и оскорбило бы меня. Онъ отвѣчалъ ей, что очень цѣнить ея расположеніе къ намъ, но просить ее не имѣть со мной никакихъ письменныхъ объясненій, пока она не успокоится.

Вѣра Васильевна повѣла, что она зашла слишкомъ далеко; но такъ какъ письмо моего брата было написано довольно голымъ, и не заключало въ себѣ никакихъ объясненій, то оно еще болѣе подтвердило ея догадки. Моя бѣдная тетка была такъ потрясена, что съ ней два раза начиналась нервная горячка, которую, къ счастью, перервали вовремя. Оправившись, она не уведомила насъ о своей болѣзни, но такъ какъ она не могла оставить насъ безъ извѣстій и не зная ничего о насъ, то она возобновила съ нами переписку, которая заключалась въ извѣстіяхъ о состояніи бабушки и въ разспросахъ о насъ. Письма ея были адресованы ко всѣмъ вообще, и моего имени въ нихъ не встрѣчалось. Сестры на нихъ отвѣчали.

Однако это положеніе становилось для меня невыносимымъ. Я рѣшилась отправиться въ Москву, для объясненія съ Вѣрой Васильевной.

Я пріѣхала поутру и прошла прямо къ ней, готовясь заранѣе на довольно бурный разговоръ. Она стояла передъ столомъ и умывалась. Я остановилась въ дверяхъ, и мы оба заплакали; Вѣра Васильевна бросилась ко мнѣ, обняла меня своими мокрыми руками, и начала цѣловать. Она хотѣла что-то сказать, но слезы не позволяли ей вымолвить ни слова. Когда она успокоилась, мы сѣли, и объясненіе продолжалось не болѣе пяти минутъ. Вѣра Васильевна кончила тѣмъ, что схватила мою руку и поцѣловала ее. „Ради Бога, говорила она, прости меня; это все мой скверный характеръ. Но вѣдь ты знаешь, какъ я тебя люблю.“

За такія минуты ей прощали все на свѣтѣ. Мы пошли къ бабушкѣ. Вѣра Васильевна оставила меня у дверей и съ сіяющимъ лицомъ объявила старушкѣ о моемъ пріѣздѣ.

Я пребыла нѣсколько дней въ Москвѣ. Тетка моя разсказывала мнѣ, что Левъ Васильевичъ, послѣ нашего отъѣзда, продолжалъ ѣздить попрежнему, но болѣзнь его приняла вдругъ неожиданный оборотъ. Онъ уже не могъ встать, и объявилъ, что хочетъ лечь въ больницу. „Когда я

узнала объ этомъ продолжала Вѣра Васильевна мнѣ стало страшно. Ты знаешь, что кромѣ самаго непріязненнаго чувства, я къ нему ничего не имѣю, и дышу свободно лишь когда онъ далеко. Но тутъ я не могла подумать хладнокровно, что онъ умретъ одинъ въ больницѣ, на рукахъ наемной сидѣлки. Доктора говорятъ, что онъ едва ли проживетъ еще мѣсяцъ. Я отправилась къ нему съ предложениемъ переѣхать въ вашъ флигель. Онъ не согласился. Ему хочется непременно, чтобы его одинокая смерть легла на насъ упрекомъ. Страшно подумать, что онъ, умирая, не можетъ отказаться отъ своей ненависти и злобы. Къ дочери онъ точно также отказался переѣхать: сердится на нее съ тѣхъ поръ какъ поссорился съ ея мужемъ. А ты бы все-таки у него побывала.“

Наканувъ моего отъѣзда я поѣхала ко Льву Васильевичу, который лежалъ уже въ больницѣ. Сердце мое сжалось невольно, когда я вошла въ его маленькій, темный и почти пустой номеръ. Все его убранство состояло изъ кровати, на которой онъ лежалъ, блѣдный и исхудалый, изъ двухъ крашеныхъ стульевъ и маленькаго столика, уставленнаго лѣкарствами. Тутъ умиралъ одиноко человекъ, который могъ бы быть окруженъ многочисленною семьей.

Когда я вошла, сидѣлка собиралась идти отъ него.

— Мнѣ теперь некогда, батюшка, сказала она,—тамъ у меня въ другомъ номерѣ номеръ одинъ, а я его еще не совсемъ собрала. Ужо и къ вамъ зайду, а вы не забудьте микстурку-то принять.

— Что это, ты точно нахмурилась? спросилъ меня Левъ Васильевичъ, когда мы остались вдвоемъ:—или тебѣ не нравится мой дворецъ? Напрасно; здѣсь чудо какъ хорошо!

— Скажите, пожауйста, дяденька, спросила я, подвигая стулъ и усаживаясь около его кровати,—отчего вы не согласились переѣхать въ нашъ флигель? Онъ пустой, и довольно просторенъ для одного; вамъ было бы въ немъ покойно.

— Мало ли гдѣ просторно и покойно, отвѣчалъ онъ, и видно просторъ и покой не про меня.

— Почему же такъ? Тетенька предлагала вамъ его. Наконецъ, если вамъ почему-нибудь тамъ неудобно, ваша дочь

была бы очень рада, еслибы вы переѣхали къ ней, и ей нужь готовъ отъ всей души помириться съ вами.

— Мать? дочь? что это за слова? Я ихъ не знаю. Я сынъ природы, и дѣтей у меня нѣтъ. Пусть же всѣ знаютъ, что я жилъ бобылемъ и умру бобылемъ. А не читала ли ты этого? продолжалъ онъ взявъ со стола книгу, которую онъ развернулъ передо мной.

Я отвѣчала отрицательно.

— Совѣтую прочесть. Славно написано. Съ какимъ мастерствомъ авторъ разказываетъ о нравахъ обезьянъ!—И онъ впустился въ подробный разборъ книги.

Наконецъ я встала и собралась ѣхать.—Я съ вами прощаюсь не надолго, сказала я:—мѣсяца черезъ полтора мы всѣ будемъ въ Москву.

Онъ расхохотался какимъ-то неестественнымъ, принужденнымъ смѣхомъ.—Къ чему ты меня сказками-то угощаешь? спросилъ онъ:—вѣдь ты очень знаешь, что мнѣ полутора мѣсяца не прожить. Ну прощай, своихъ поцѣлуй; да муфты-то не забудь.

Я вынесла отъ него самое тяжелое впечатлѣнiе. На другой день я уѣхала въ деревню, а недѣлю черезъ двѣ Вѣра Васильевна увѣдомила насъ о его кончинѣ, которую очень легко было скрыть отъ бабушки.

Когда мы возвратились въ Москву, то пріѣхали уже на приготовленную заранее квартиру. Бабушку мы застали все въ томъ же положенiи, и при первомъ посѣщенiи сказали Вѣрѣ Васильевнѣ, что которая-нибудь изъ насъ пріѣдетъ къ нимъ погостить какъ скоро мы устроимся дома.

Два черезъ три она пріѣхала сама, и застала только меня одну.

— Мнѣ показалось, что я встрѣтила Андрея Платоновича у воротъ, спросила она:—развѣ онъ у васъ бываетъ?

— Разумѣется. Что онъ сдѣлалъ такого что бы далъ вамъ право отказать ему отъ дому? Мы съ нимъ, напротивъ, всѣ очень дружимъ.

— Все, что онъ дѣлалъ, прекрасно, и вы можете дружить-ся съ нимъ, сколько вамъ угодно, отвѣчала она сердитымъ тономъ:—въ ваши же годы очень прилично дружить-ся съ двадцатипятилѣтнимъ мужчиной и привинать его на короткой ногѣ, тѣмъ болѣе что всѣ знаютъ, какого рода ружбу онъ къ тебѣ питаетъ: да это не мое дѣло. Но я

его видѣть не хочу, и сдѣлай одолженіе, устрой такъ, чтобъ я его у васъ не встрѣчала.

— Это ничего не стоитъ, тетенька. Когда вы къ намъ прїѣдете, и онъ будетъ здѣсь, я его спрячу въ свою комнату. Если вы находите что это прилично, то это можно сдѣлать очень легко.

Она не отвѣчала, и послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія встала и надѣла перчатки.

— Вы вѣрно прїѣхали съ тѣмъ, чтобъ увезти которую-нибудь изъ насъ, сказала я ей:—мнѣ вѣхать нельзя, потому что я еще не все устроила по хозяйству, но сестры свободны. Онъ скоро возвратится, и которая-нибудь изъ нихъ поѣдетъ съ вами.

— Мнѣ некогда ждать, сухо отвѣчала Вѣра Васильевна. Она поцѣловала меня очень холодно и уѣхала.

Два дня послѣ этой сцены Димаскій явился ко мнѣ съ сіяющимъ лицомъ.

— Отгадайте съ кѣмъ я сейчасъ бесѣдовалъ? воскликнулъ онъ:—съ Вѣрой Васильевной.

— Это не шутка? спросила я, удивленная такою неожиданностью.

— Вчера, сказалъ Андрей Платоновичъ,—я получилъ отъ нея записку; она писала, что хотя и потеряла всякое право обращаться ко мнѣ зачѣмъ бы то ни было, и въ особенноти звать меня къ себѣ, однако умоляетъ меня быть сегодня въ двѣнадцать часовъ у общей знакомой, которую она предупредила, что ей нужно переговорить со мной о дѣлѣ, но просить меня вамъ этого не сообщать. Тонъ записки таковъ, что я тутъ же почувствовалъ, что готовъ забыть все прошлое, и понялъ, что мы опять будемъ друзьями. Сегодня я явился въ назначенный часъ. Когда я вошелъ, хозяйка дома скрылась, а Вѣра Васильевна подошла ко мнѣ: „Я передъ вами такъ виновата,“ сказала она, „что извиненія для меня быть не можетъ. Въ силахъ ли вы мнѣ простить?“ Я былъ такъ разстроганъ, что взялъ ея руки и поцѣловалъ, но говорить не могъ. Вѣра Васильевна заплакала, и промолвила: „Какъ вы добры! Я этого никогда не забуду.“ Мы пробесѣдовали часа два, и мнѣ кажется, что я никогда не любилъ ее такъ какъ теперь.

Я была до того обрадована и тронута этимъ разказомъ,

что повѣхала ту же минуту къ бабушкѣ. Вѣра Васильевна сидѣла въ своей комнатѣ и что-то шила.

— Вы меня сегодня не ожидали, сказала я обнимая ее, — а пріѣхала васъ благодарить за вашу мировую съ Андреемъ Платоновичемъ.

Она отсторонила меня рукой, и сказала съ досадой: — Погоди пожалуста; ты всю мою работу смяла. Да что это ты пріѣхала за него благодарить? Влюблена ты что ли въ него?

Эта неожиданная выходка взбѣсила меня. — Еслибы я была въ него влюблена, отвѣчала я, — я бы этого не скрывала ни отъ него, ни отъ васъ, и была бы давно его женой. Но кажется, что я пріѣхала не вовремя. Зайду на минутку къ бабушкѣ, и уйду. Прощайте.

Но я не успѣла дойти до двери, какъ она меня позвала.

— Катя! сказала она такимъ мягкимъ голосомъ, что я невольно обернула голову. Вѣра Васильевна помавила меня пальцемъ, и когда я къ ней подошла, она притянула меня къ себѣ, и обвила свои руки около моей шеи.

— Не сердись на меня, ради Бога, говорила она. — Развѣ я не знаю, что я всѣхъ отталкиваю своею грустью, а вы еще меня балуете, и все мнѣ съ рукъ сходитъ. Вотъ еслибы ты теперь въ самомъ дѣлѣ уѣхала, прибавила она смѣясь, — такъ я бы въ другой разъ на тебя не огрызалась.

И не надобно забыть, что ей было за пятьдесятъ лѣтъ, и что она простодушно вивилась передъ родившемся на ее глазахъ двадцатитрехлѣтнею дѣвушкой, на которую она смотрѣла какъ на ребенка.

Лиманскій явился вечеромъ. Вѣра Васильевна обращалась съ нимъ очень радушно, и видимо искала всякаго случая быть съ нимъ какъ можно любезнѣе. Съ тѣхъ поръ между ними окончательно установилась неразрывная дружба, и мало-по-малу дошла до того, что онъ выбралъ мою тетку въ повѣренныя своихъ чувствъ ко мнѣ. Бѣдный другъ! И его могла обросла уже травой, но память о немъ не умереть въ тѣснотѣ кругу близкихъ ему людей.

Бабушка прожила три года послѣ своего удара, лежа недвижимо на томъ мѣстѣ гдѣ ее разбилъ параличъ, не поднимая головы и слабѣя все болѣе и болѣе. Это состояніе не столько походило на жизнь, сколько на полусознательное прозябаніе. Вѣра Васильевна часто говорила мнѣ,

обливаясь горькими слезами: „Я на нее уже не смотрю какъ на живую, и спрашиваю у себя каждое утро, просыпаясь, чѣмъ кончится день.“ Иногда она садилась около нея и обнимала ее ноги.—„Это ты, Вѣра?“ спрашивала больная, едва слышнымъ голосомъ.—„Я моя родная,“ отвѣчала она, и старалась ее заинтересовать какою-нибудь новостью, или втянуть ее въ разговоръ о старинѣ. Но послѣ первыхъ словъ бабушка начинала дремать. Вѣра Васильевна смотрѣла грустно на нее, тихо удалялась чтобы не потревожить ея сна, и утирала украдкой слезу.

Разъ она явилась къ намъ.

— Поѣдемъ, пожалуста со мной, сказала она, — мнѣ что-то грустно эти дни.

— А что бабушка?

— Все тоже. Слаба по обыкновенію, но ни на что не жалуется.

Дорогой мы заѣхали въ магазинъ, чтобы купить чаю и лакомства для больной. Когда мы пріѣхали, она дремала. Мы сѣли на диванъ, и стали говорить вполголоса, между тѣмъ какъ Вѣра Васильевна раскладывала на тарелку привезенные нами бисквиты и всыпала чай въ хрустальную сткланку. Вдругъ сердобольная сидѣвшая около кровати встала и перекрестилась. Мы поняли, что старушка доживаетъ свои послѣднія минуты, встали также и опустились на колѣни. Она отрывисто вздохнула, и наступило страшное безмолвіе, потомъ еще вздохъ,—и это былъ послѣдній.

Вѣра Васильевна встала медленно, подошла къ матери, закрыла ей глаза, потомъ поцѣловала ея блѣдную руку, и вышла изъ комнаты.

Я была такъ поражена, что не смѣла шевельнуться. Наконецъ сердобольная подошла ко мнѣ. „Подите,“ сказала она: „ихъ надо одѣть.“ Я встала, пошла безъ цѣли по корридорю, и встрѣтилась лицомъ къ лицу съ Надеждой Васильевной, которая возвращалась съ своей прогулки. „Что съ тобой?“ спросила она, взглянувъ на меня. Только тутъ я опомнилась и заплакала. „Что маменька?“ спросила она опять, и хотѣла идти дальше, не дожидаясь отвѣта. „Не ходите, нельзя,“ говорила я, стараясь ее остановить. Она повала, измѣнилась въ лицѣ и сбросила съ себя шубу. „Нѣтъ, пусти меня,“ сказала она, между тѣмъ какъ слезы

вскатились по ея щекамъ, и она направилась къ бабушкиной спальнѣ; я пошла за ней, и остановилась въ дверяхъ.

Сердобольная обрасывала одѣяло съ умершей; праздничное платье и чепецъ моей бѣдной бабушки, такъ долго заключенные въ комодѣ, лежали на столѣ. Горничная готовила воду.... Я въ первый разъ видѣла эти страшныя и готовленія, и сердце мое сильно сжалось. Надежда Васильевна подошла, стала на колѣни у кровати, начала молиться. „Скорѣй,“ сказала ей сердобольная: „вашъ время дорого.“ Минуты черезъ двѣ моя тетка встала, поцѣловала въ свою очередь руку умершей и вышла изъ спальни. Я затворила за ней двери. „Гдѣ Вѣра?“ спросила она меня, прерывающимся отъ слезъ голосомъ. Мы вошли въ комнату Вѣры Васильевны, но комната была пуста. „Посидите здѣсь, тетенька,“ сказала я: „она можетъ наверху.“ Но и наверху не было. Я обошла весь домъ и не нашла ее нигдѣ. Наконецъ я отворила дверь въ сѣни: Вѣра Васильевна, въ одномъ платьѣ, сидѣла на крыльцѣ, прислонясь головой къ притоку отворенной двери. Глаза ея были сухи. Морозъ трещалъ на дворѣ, но, казалось, она потеряла всякое сознаніе окружающаго міра. Я стала уговаривать ее встать, но она не отвѣчала. „Надежда Васильевна васъ спрашиваетъ,“ сказала я ей наконецъ. „Она бѣдная очень плачетъ; она тотчасъ хватилась васъ и беспокоится что васъ нѣтъ.“ Она обернулась ко мнѣ; я повторила мои слова; тогда она встала и пошла за мной.

Когда мы вошли, Надежда Васильевна обняла сестру, которая поцѣловала ее, и зарыдала въ свою очередь. Мы всѣ сѣли и долго молчали. Вскорѣ меня стали вызывать за разными распоряженіями. Вѣра Васильевна вздрагивала каждый разъ какъ горничная высовывала голову въ полурастворенную дверь, и говорила мнѣ: „Пожалуйте, барышня, мы не знаемъ какъ вы тамъ прикажете...“ Наконецъ я должна была объявить моимъ бѣднымъ теткамъ, что священникъ сейчасъ придетъ. Вѣра Васильевна закрыла судорожно лицо руками, Надежда Васильевна перекрестилась и обернулась къ сестрѣ.

— Послушай, Вѣра, сказала она,—гдѣ ты думаешь похоронить ее?

— Ради Бога, отвѣчала та,—рѣшите вы сами.

— Я думаю, что лучше всего въ А...мъ монастырѣ; она его очень любила.

Вѣра Васильевна обняла ее.—Какъ я рада, сказала она, что мы въ этомъ сошлись. Я очень боялась, что вы пожелаете ее положить рядомъ съ покойною бабушкой, а это такъ далеко отсюда! Но боюсь вамъ, что я не позволила бы себѣ поперечить вамъ въ этомъ. Я и такъ много виновата передъ вами.

— Поано, Вѣра, отвѣчала Надежда Васильевна, цѣлуя ее,—вѣдь я знаю, что ты предобрая.

Брата моего не было въ Москвѣ, но я немедленно написала сестеръ, дала знать о случившемся всѣмъ близкимъ знакомымъ, и домъ скоро наполнился посетителями, желавшими поклониться тѣлу бабушки и навѣстить ее дочерей. Горе моихъ тетокъ, необходимыя распоряженія, поминуды, прїѣзжіе, которыхъ нужно было принимать и провожать, совершенно утомили насъ, не говоря уже о томъ, что мы сами очень любили бабушку и плакали объ ней. Вечеромъ, когда всѣ разъѣхались, я едва стояла на ногахъ.

— Ложись, и усни, сказала мнѣ Вѣра Васильевна,—а я сейчасъ лягу. Меня клонитъ сонъ. Скоро двѣнадцать часовъ.

Я принесла подушку на ея диванъ, легла полуодѣтая, и уснула въ ту же минуту. Когда я проснулась, свѣча горѣла на моемъ столѣ. Въ бабушкиной опустѣлой спальнѣ пробило два часа. Я тихо позвала Вѣру Васильевну... она не отвѣчала. Тогда я встала, и осторожно раздвинула ширмы; постель ея была пуста и даже не смята. Я взяла свѣчу съ тѣмъ чтобъ идти въ заду, но признаюсь, когда я отворила дверь въ бабушкину комнату, мнѣ стало такъ страшно, что я захлопнула ее опять и обошла корридоромъ.

Дьячокъ читалъ заспаннымъ голосомъ псалтырь. По другую сторону тѣла, Вѣра Васильевна стояла на колѣнахъ, обернувшись ко мнѣ спиной, но по судорожному движенію ея плечь видно было, что она сильно рыдала. Въ углу пять или шесть старушекъ, пригоубленныя моею бабушкой и часто приживавшихъ у насъ, сѣдѣли группой на полу; и толковали въ полголоса. Иныя взирали чудокъ¹. Нѣсколько

¹ Въ старинныхъ домахъ можно видѣть еще этотъ извѣстный въ селахъ обычай. Женщины, въ особенности старушки, приходятъ ночью

тканью восковыхъ свѣчъ, поставленныхъ въ серебряный церковный подсвѣчникъ обтянутый чернымъ крепомъ, тускло освѣщали комнату. Я подошла къ Вѣрѣ Васильевнѣ и стала уговаривать ее пойти отдохнуть, но на всѣ мои просьбы она отвѣчала сквозь слезы: „нѣтъ, нѣтъ, я отъ нея не отойду.“ Наконецъ, мнѣ удалось найти аргументъ, который убѣдилъ ее. „Какъ бы вы себѣ не приготовили большого горя,“ сказала я ей: „вы знаете свое здоровье и если очень утомитесь, то слажете и не попадете на похороны.“ Эта мысль ее испугала. „Ну пойдемъ, сказала она, я лягу.“ Мы прошли бабушкиной комнатою. Вѣра Васильевна остановилась въ дверяхъ и окинула ее взоромъ. „Боже мой!“ сказала она съ отчаяніемъ: „какъ пусто! какъ страшно!“

Я ее уложила и дала ей принять успокоительныхъ капель. Она долго плакала, и заснула только къ утру.

Не буду описывать грустнаго обряда похоронъ, ни всего горя имъ вызваннаго. Эти хватающія за душу сцены извѣстны всѣмъ. Наконецъ мы услышали, среди облачнаго дыма ладона, послѣдній возгласъ заунывнаго напѣва: „вѣчная, вѣчная, вѣчная память,“ и бросивъ на свѣжую могилу послѣднюю горсть земли, поспѣшили возвратиться въ опустѣвшій, но уже убранный и приведенный въ порядокъ домъ. Собравшись въ комнату Вѣры Васильевны, молча сидѣли мы, пока человѣкъ не доложилъ въ обычный часъ, что „кушать готово“.

Вѣра Васильевна такъ давно привыкла смотрѣть на каждый новый день какъ на послѣдній день жизни бабушки, она столько выстрадала въ продолженіи этихъ трехъ лѣтъ, что это спасло ее отъ порывовъ отчаянія, которые овладѣвали ею послѣ смерти Бориса Васильевича. Она много плакала, часто ѣздила на могилу матери, и долго не могла войти безъ нервной дрожи въ комнату старушки, но горе ея было довольно тихо. Въ первое время она намъ часто говорила: „Что я теперь буду дѣлать? У меня уже нѣтъ никакой заботы, не за кѣмъ ходить, не о комъ думать, не

сидѣть въ комнатѣ гдѣ стоитъ тѣло умершаго. Это не налагаетъ на нихъ обязанности молиться; онѣ по большей части бесѣдуютъ между собой и работаютъ. Я заинтересовалась узнать отъ нихъ цѣль ихъ ночнаго бдѣнія, и онѣ мнѣ отвѣчали: „надо же покойника чѣмъ-нибудь уважить. Жаль его оставить одного, какъ сироту круглаго.“

за кого даже страдать.“ Но мало-по-малу необходимость заставила ее приняться за дѣло. Хозяйство осталось по прежнему на ея рукахъ, потому что Надежда Васильевна была совершенно неспособна не только вести счеты, но и сдѣлать самое пустое распоряженіе.

Первое время послѣ кончины бабушки, сестры жили довольно ладно. Настоящаго оближенія между ними не было и быть не могло; но Вѣра Васильевна старалась, на сколько было возможно укротить себя. Къ тому же, горе ея было такъ еще свѣжо, что она не обращала вниманія на то что оскорбляло ее. Но послѣ законныхъ шести недѣль, моя старшая тетка объявила, что надо отдать визиты всѣмъ бывшимъ на похоронахъ бабушки, и сѣла въ карету съ такимъ наивнымъ удовольствіемъ, что Вѣра Васильевна невольно вспомнила о пунцовомъ платьѣ, замѣнившимъ когда-то ея трауръ.

Съ этой минуты стали быстро возстановляться не на долго измѣнившіяся отношенія. Пока моя бабушка была на ногахъ, мы видѣли, что все повиновалось ея слабой волѣ; во время ея болѣзни никому не приходило въ голову измѣнить заведенный ею порядокъ; но какъ скоро ее не стало, Надежда Васильевна поняла очень естественно, что ей не для кого себя стѣснять, и она не захотѣла повиноваться тому что она называла *пунктами полнотельства Вѣры*, и требовала часто невозможныхъ въ хозяйствѣ измѣненій. Ея сестра пыталась ей доказать, что нѣтъ возможности исполнять чужихъ прихотей, что они пожалуй дойдутъ до того, что нечѣмъ будетъ жить, и видя наконецъ, что все ея краснорѣчіе пропадаетъ, предлагала ей взять на себя распоряженія по хозяйству. Но Надежда Васильевна сознавала свою неспособность; кромѣ того, она боялась скуки подобнаго занятія и отказывалась на отрѣзъ. „Прекрасно, отвѣчала, та: „но какъ скоро я буду этимъ завѣдывать, то знайте, что *сдѣлаю какъ хочу*.“— „Это не новость; ты, кажется, вѣкъ дѣлала какъ хочешь.“ Тутъ завязывался споръ, и онъ не рѣдко обмѣнивался оскорбительными словами, которыя, во время оного, сдерживались отчасти присутствіемъ бабушки.

Но не прошло двухъ лѣтъ послѣ ея кончины, какъ Надежда Васильевна стала жаловаться на свое здоровье, и доктора рѣшили, что у нея открылась болѣзнь, которая

сведетъ ее быстро въ могилу. И дѣйствительно, она должна была запереться въ свою комнату и вскорѣ окончателно слегла.

Вѣра Васильевна была сильно поражена, и начала за ней ходить не жалѣя своихъ истощенныхъ силъ. Ее мучила совесть; она старалась, сколько возможно, искупить свое обращеніе съ сестрой, и не отходила отъ нея по цѣлымъ ночамъ. Разъ мы сидѣли всѣ у больной; она дремала. Вѣра Васильевна приютилась на скамеечкѣ у ея ногъ и долго на нее смотрѣла. Видно было, что ею овладѣло какое-то мучительное чувство. Наконецъ слезы ея брызнули, она нагнулась, поцѣловала руку сестры и быстро вышла изъ комнаты, чтобы скрыть свое смущеніе. Больная открыла глаза и позвала меня съ испугомъ..

— Чтò такое? сказала она:—мнѣ показалось, что Вѣра поцѣловала мою руку. Неужели я такъ плоха, и скоро должна умереть?

Мнѣ стало невыносимо больно отъ этихъ словъ; я обняла ее и сѣла къ ней въ ноги.

— Какъ вамъ не стыдно, тетенька, говорить такія вещи? отвѣчала я, стараясь, на сколько возможно, придать своему лицу веселое выраженіе:—развѣ вы ее не знаете? Она, по ея же словамъ, на всѣхъ *огрызается*, чтò ей не мѣшаетъ быть предоброю и любить васъ искренно. Съ тѣхъ поръ какъ вы больны, она сама не своя, и готова бы все отдать, чтобы васъ поскорѣе на ноги поставить, а какъ скоро вы будете на ногахъ, за ней дѣло не станетъ: она опять *огрызнется*. Если вы сомнѣваетесь въ моихъ словахъ, я могу за ней пойти. Она въ себѣ твердо увѣрена, и подтвердитъ все чтò я сказала.

Обманутая моимъ тономъ, она разсмѣялась, и между нами завязался разговоръ. Не прошло получаса и она уже мнѣ рассказывала о своей молодости, и о томъ, какъ всѣ любили ея черными волосами, и какъ одинъ изъ ея поклонниковъ прозвалъ ее *бархатною головкой*.

Она обманывалась до конца насчетъ своего грустнаго положенія, тѣмъ болѣе что почти не страдала, но болѣзнь развивалась съ неумовѣрною быстротой. Всѣ усилія медиковъ оказались тщетными. Въ послѣднюю ночь, когда Вѣра Васильевна поняла, что смерть неумолимо беретъ свое, то бросилась, рыдая, на колѣни, обняла ноги своей сестры и

умоляла, чтобъ она ее простила и благословила. Но Надежда Васильевна не слышала уже ничего, и отвѣчала только несвязными словами предсмертнаго бреда...

Моя бѣдная тетка очень плакала и почти не отходила отъ тѣла умершей. Когда мы ее уговаривали отдохнуть немного, она отвѣчала: „Нѣтъ, оставьте меня, ради Бога, развѣ вы не видите, что меня не горе убиваетъ, а совѣсть мучить. Я хочу ей отдать, по крайней мѣрѣ, этотъ послѣдній долгъ.“

Когда мы возвратились съ похоронъ, на нее больно было взглянуть. „Теперь настала, наконецъ, и моя очередь, сказала она: „мнѣ уже и переживать некого.“ Но она поняла, что эти слова могли сильно огорчить насъ, и прибавила: „Вы одни у меня остались, и знаете, что вы мнѣ всегда были гораздо дороже моей сестры, съ которою, къ несчастію, я не могла сблизиться; но я уже отжила свой вѣкъ, когда вы только что начинали ползать; мнѣ съ вами не о чемъ вспомнить. Мы съ ней такъ мало походили другъ на друга, что у насъ не могло быть общихъ воспоминаній, это правда; но я только теперь сознаю, что одно ея присутствіе напоминало мнѣ обо всемъ томъ что мнѣ было дорого, и я же передъ ней кругомъ виновата; она была много добрее меня.“

Одиночество ее пугало. Когда ей надо было идти за чѣмъ-нибудь наверхъ, она всегда звала съ собой которую-нибудь изъ насъ. „Мнѣ страшно туда заглянуть,“ говорила она: „и какъ-то легче, когда я вижу около себя живое лицо.“

Мы стали уговаривать ее оставить этотъ домъ, гдѣ она столько страдала, и поселиться у насъ или у брата, котораго она любила съ особенною нѣжностію; но она упорно отказывалась. „Этотъ домъ для меня совершенный гробъ,“ говорила она: „но какъ мнѣ ни больно въ немъ жить, было бы еще больнее съ нимъ разстаться. Гостите у меня, живите у меня, я буду этому очень рада, но оставьте меня вдѣсь.“

Братъ мой пріѣхалъ изъ деревни, и мы надѣялись, что его увѣщанія на нее подѣйствуютъ, но она настояла на своемъ, и просила его только устроить ея дѣла. Онъ началъ съ того, что посоветовалъ ей измѣнить весь порядокъ хозяйства, основанный съ незапамятныхъ временъ на

вспомнилъ черезчуръ уже патриархальныхъ. Мы думали, что это предложеніе встрѣтитъ сильную оппозицію со стороны моей тетки, но къ великому нашему удивленію она согласилась немедленно. Дѣло въ томъ, что мы безсознательно имѣли на нее большое вліяніе. „Вѣдь я на васъ ворчу,“ говорила она часто, смѣясь: „а вижу, что во многомъ вы правы, а я поступаю безтолково.“ Она упорно спорила и заступалась за предрасудки привитыя съ дѣтства, но мало-по-малу уступала вліянію разумной мысли. Что касается до живаго чувства, она могла оскорбить его только въ минуту необдуманнаго порыва гнѣва, или повторяя твердо вытверженныя теоріи, которыя на дѣлѣ всегда забывались, благодаря горячности ея природы и добротѣ ея сердца. Но я должна сознаться, что отъ бессмысленныхъ привычекъ, съ которыми, повидимому, было бы легче справиться, она никакъ не могла ототать.

„Говори мнѣ только, какъ все устроить,“ сказала она брату: „я на все согласна.“ По его совѣту, она собрала всю свою прислугу, и объявила, что оставить при себѣ, на извѣстныхъ условіяхъ, тѣхъ изъ людей, которые пожелаютъ этого сами, а остальнымъ выдать паспорта. Они остались почти всѣ, и Вѣра Васильевна говорила съ тѣхъ поръ, что никогда еще они такъ усердно не служили.

Весной она собралась ѣхать съ нами въ деревню, но дѣла должны были задержать ее еще мѣсяца на полтора въ Москвѣ, и я перебралась къ ней, а сестры уѣхали впередъ.

Она отдала въ мое распоряженіе маленькую гостиную, гдѣ скончалась бабушка, и, благодаря нашей мебели, я извѣстила совершенно видѣ комнаты. Вѣра Васильевна, какъ скоро она была свободна, приходила ко мнѣ съ работой, и мы разговаривали или я читала вслухъ. „Какъ ты здѣсь хорошо устроилась, Катя,“ говорила она: „гдѣ вы сидешь, вездѣ столикъ, и все подъ рукой. Такъ уютно!“ Я ей предложила убрать точно также и ея комнату, но она не согласилась. „Ни за что,“ сказала она: „здѣсь очень хорошо, и я люблю быть у тебя въ гостяхъ, но у себя я не потерплю, чтобы кресла и столы торчали гдѣ попало. Имъ извѣстное мѣсто: стоять порядкомъ, около стѣны.“ — „Но вы сами говорите, тетенька, что если не около стѣны и не по-рядкомъ, то покойнѣе и лучше.“ — „Ужь ты тамъ разсуждай какъ хочешь, а я буду дѣлать по своему. Ты знаешь, что

я не упряма, и вы успѣли меня во многомъ убѣдить, а тутъ не могу. Оно дѣйствительно покойнѣе, когда я сижу у тебя, а будь это моя комната, вѣришь ли, я бы просто измучилась. Привыкла къ другому. Посуди сама, изъ чего я буду себя коверкать?" Она была права: ея резоны не допускали ни малѣйшаго противорѣчiя.

Когда она покончила съ своими дѣлами, мы собрались въ путь. Она привыкла ѣздить *на своихъ*, и рѣшительно не могла помириться съ мыслию, что ей дорогой нечего будетъ хлопотать ни о лошадяхъ, ни о ночлегѣ, что не поѣдетъ передъ нами обозъ, не поѣдетъ цѣлый полкъ людей, что мы выѣдемъ поутру и будемъ въ тотъ же вечеръ пить чай на нашей деревенской террасѣ, то-есть пройдемъ въ нѣсколько часовъ сто с лишкомъ верстъ.

Какъ я ее ни увѣряла, что на каждой станціи мы найдемъ порядочный обѣдъ, она забрала цѣлую корзину съѣстныхъ припасовъ на дорогу, и мы наконецъ покатались по тульскому шоссе. Какъ скоро подѣзжали мы къ станціи, ямщики окружали насъ съ вопросомъ: „тотчасъ ли закладывать?" Я спрашивала у Вѣры Васильевны не желаетъ ли она отдохнуть, или что-нибудь съѣсть, но она почти постоянно отказывалась, и черезъ нѣсколько минутъ ямщикъ садился на козлы, и погонялъ опять лошадей.

— Боже мой! говорила съ ужасомъ моя тетка:—точно отъ Французовъ мчимся!

— Если вы устали, тетенька, спрашивала я,—почему же вы не отдохнули на станціи?

— Я совсѣмъ не устала; но меня одно пугаетъ: какъ вы скоро привыкаете ко всякому безобразію! Лить бы было покойно, а тамъ ничего знать не хотите. Ну скажи, ради Бога, кто насъ гонитъ?

Но я не пробовала съ ней спорить, вспоминая о мебели своей комнаты. Дорогой мы напилась чаю, и довезли нашу провизію на тролету.

Вѣра Васильевна, избавленная отъ хозяйственныхъ распоряженій и домашнихъ заботъ, вѣдохнула у насъ свободно, и говорила, что ей давно не было такъ хорошо. Она уже много лѣтъ не была у насъ въ деревнѣ, и даже не выѣзжала изъ Москвы, и любила, гуляя, отыскивать знакомыя мѣста, и рассказывать намъ, какъ по этимъ садовымъ дорожкамъ она носила насъ на рукахъ. Потомъ мы по-

шлаи съ ней къ брату, который жилъ въ двухъ стахъ верстахъ отъ насъ. Тамъ все занимало ее, и новыя для нея мѣста, и прогулки, и въ особенности дѣти, къ которымъ она очень привязалась; она баловала ихъ и тѣшилась тѣмъ, что они ее называютъ бабушкой.

Въ слѣдующую весну она говорила съ удовольствіемъ, что будетъ у насъ опять гостить дѣтомъ. Какъ скоро снѣгъ сошелъ, мы повѣхали всѣ вмѣстѣ поклониться могиламъ бабушки и Надежды Васильевны похороненной съ ней рядомъ. Явился на кладбище священникъ, давно уже знакомый со всѣмъ семействомъ, и моя тетка попросила его, по обыкновенію, отслужить панихиду. Мы вошли въ дерковъ, и служба началась. Вдругъ священникъ, поминая усопшихъ назвалъ „боярыню Марію, и дѣвицу Вѣру.“ Во второй разъ онъ повторилъ ту же ошибку. Тогда я подошла и замѣтила ему вполголоса, что онъ сбивается въ именахъ. „Вамъ это посыпалось,“ сказалъ онъ: „какъ мнѣ ихъ не знать?“ и въ третій разъ громко произнесъ: „упокой, Господи, души усопшихъ рабъ твоихъ, боярыни Маріи и дѣвицы Вѣры.“ Мы невольно переглянулись, но Вѣра Васильевна продолжала молиться, не оборачивая головы, и какъ будто ничего не замѣчая.

Это обстоятельство, неоспоримо ничтожное, если на него взглянуть серіозно, очень однако смутило насъ, и мы возвратились домой въ глубокомъ безмолвіи.

Два черезъ два Вѣра Васильевна позвала меня въ свою комнату, и затворила за мной дверь.

— Послушай, Катя, сказала она,—я чувствую, что не долго наживу. Здоровье мое слабѣетъ, и намедни меня уже стѣлали на панихидѣ. Я знаю, что тебѣ грустно это слышать, мой другъ, продолжала она,—но дай мнѣ пожалуста, высказать все что у меня на сердцѣ, и тогда я буду покойна. Я хочу писать свою духовную, но это не по твоей части. Твой братъ будетъ моимъ душеприкащикомъ, и я переговорю съ нимъ, а тебѣ я завѣщаю другое.

Тогда она передала мнѣ свою послѣднюю волю, просила, чтобъ ее похоронили съ медальономъ, котораго она никогда не снимала и въ которомъ лежали волосы бабушки и Бориса Васильевича; потомъ обернулась къ портрету моего дяди:

— Обѣщай мнѣ, сказала она,—что если этотъ портретъ вашъ не особенно дорогъ, вы его сожжете. Мнѣ было бы

боавно думать, что онъ будетъ когда-нибудь служить простымъ украшеніемъ комнаты. Я всегда смотрѣла на него какъ на мое единственное сокровище.

— А теперь, начала она опять, помолчавъ немного,—подумаемъ о томъ, какъ провести дѣто. Мнѣ хочется съѣздить въ Петербургъ, чтобъ помолиться на могилѣ моей бѣдной Наташи, и повидаться съ ея мужемъ. Вы между тѣмъ отправляйтесь въ деревню. Я къ вамъ явлюсь тотчасъ по возвращеніи изъ Петербурга, и мы поведемъ, какъ прошлаго года, къ брату. На обратномъ пути я погощу опять у васъ, потомъ ворочусь сюда, и буду васъ поджидать. Я хочу васъ всѣхъ объѣздить, мои друзья, со всѣми вами проститься, и благословить васъ, а тамъ—что Богъ дастъ.

Все исполнялось какъ она желала. Въ деревнѣ она была совершенно довольна и спокойна, и уѣхала отъ насъ во второй половинѣ августа, говоря, что ей надо еще кое-что подѣлать.

Недѣли черезъ двѣ она писала къ намъ, что она совершенно покойна, потому что справилась со всѣми дѣлами, но не совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ. „Только, ради Бога,“ продолжала она: „не подумайте Богъ знаетъ чего. Эта простая простуда. Полежу нѣсколько дней, и кончено. Я бы объ этомъ и не писала, еслибъ вы не взяли съ меня слова, что я напишу какъ только прихворну. Пока я была на ногахъ, то ходила каждый день къ К...мъ, а теперь онъ то и дѣло у меня. Вотъ ужъ подавно настоящіе друзья.“

Это письмо насъ нѣсколько не встревожило, тѣмъ болѣе что съ своей стороны Лиманскій успокаивалъ насъ. Но черезъ нѣсколько дней мы получили эстафету отъ К...хъ. Онъ насъ уведомлялъ, что болѣзнь приняла вдругъ самый опасный характеръ, и что доктора не подаютъ никакой надежды.

Одна изъ моихъ сестеръ гостила у пріятельницы жившей въ другой губерніи, другія сильно простудились отъ первыхъ осеннихъ холодовъ, и не выходили изъ комнаты. Я одна была свободна, и выѣхала немедленно.

Я пріѣхала въ Москву среди темной дождливой сентябрьской ночи. Когда ямщикъ снялъ шапку и перекрестился у заставы, мнѣ казалось что я никогда не доѣду. Но наконецъ карета остановилась, я выглянула въ опущен-

ное окно, ставни были затворены. Человѣкъ сѣвъ съ козель, и началъ стучать въ ворота. „Сейчасъ,“ прокричалъ протяжно со двора знакомый мнѣ голосъ дворника, и тяжелые шаги стали медленно приближаться. „Евдокимъ,“ крикнула я, „что Вѣра Васильевна?“— „Померла,“ отвѣчалъ онъ, и отворилъ настежь ворота...

Мы раздѣлили между собой всѣ бездѣлушки, которыя были ей дороги, и сокровища хранилися въ красномъ сафьянномъ ящикѣ, но портрета Бориса Васильевича мы не рѣшились оставить у себя. Онъ находится въ хорошихъ рукахъ. На немъ останавливается часто, съ выраженіемъ вѣжной грусти, милый женскій взоръ,—взоръ, когда-то любимый *и.м.*

ТОЛЫЧОВА.

ПОЗЕМЕЛЬНЫЙ КРЕДИТЪ

И

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ ИНОСТРАННЫХЪ

КАПИТАЛОВЪ

I.

Одинъ молодой Бельгидецъ, мой пріятель, проѣхавшій Россію отъ Петербурга до Чернаго моря и находящійся въ настоящую минуту въ Таврической губерніи, сообщилъ мнѣ вышшемъ дѣломъ слѣдующій, не слѣшкомъ лестный очеркъ состоянія, въ которомъ находится ваше земледѣліе:

„Въ настоящую минуту нѣтъ рѣшительно никакихъ средствъ для оживленія сельскаго хозяйства; помѣщики не могутъ отдѣлить части отъ своихъ капиталовъ на земледѣліе, которое находится въ самомъ плачевномъ состояніи... Въ этой обширной странѣ (въ Таврической губерніи) дѣла идутъ до крайности дурно. Жатва въ вышшемъ году очень плоха; косишь-косишь, и едва попадетса колось. Съ 26 апрѣля, надъ головами нашими стелется бронзовое небо, и къ довершенію несчастія, тучами несется саранча... Впрочемъ урожай въ Россіи вообще скуденъ. Я имѣлъ случай убѣдиться въ томъ, во время путешествія моего отъ С.-Петербурга до Чернаго моря. Эта скудость урожая не

должна удивлять тѣхъ, кому придется, какъ мнѣ, изучить существующіе нынѣ способы земледѣлія въ нѣкоторыхъ значительныхъ помѣстьяхъ, пользующихся заслуженною репутаціей. Земяю пахутъ (и это *maximum*) на три дюйма въ глубину. Навозъ выкидывается у самыхъ дворовъ (хлѣбовъ здѣсь нѣтъ); онъ разлагается въ продолженіи цѣлыхъ мѣсяцевъ рѣжется на кирпичи, высушивается, и потомъ, принимая названіе *кизьяка*, обращается въ топливо и служитъ для поджариванія баранины, составляющей почти единственную пищу скуднаго населенія южной полосы. Что касается до Крыма, гдѣ я живу теперь, то эта несчастная страна, насмѣнная нѣкогда Татарами, находится теперь въ самомъ жалкомъ положеніи, потому что народъ этотъ, такъ хорошо свыкшійся съ климатомъ и свойствомъ почвы, выселяется массою. Крымъ большею частію представляетъ пустыню, селенія лежатъ въ развалинахъ. Тамъ и сямъ встрѣчается крупный землевладелецъ выдерживающій борьбу; но что ему дѣлать безъ этихъ трехъ элементовъ благосостоянія: науки, капитала и рукъ?... Впрочемъ, овцеводство здѣсь единственно выгодная отрасль сельскаго хозяйства, но ею занимаются — Богъ знаетъ какъ! — отставные офицеры принимающіе на себя должность управителей, а иногда даже камердинеры. И въ рукахъ такихъ-то людей находится будущность русскаго земледѣлія!“

Впрочемъ мой юный соотечественникъ не можетъ надивиться (какъ было и со мною во время моего путешествія во Россіи) громадности естественныхъ богатствъ вашего отечества, и черноземъ приводитъ его въ совершенный восторгъ. Но вамъ извѣстно, что однихъ естественныхъ богатствъ недостаточно, что къ нимъ нужно прибавить капиталы, разуміе и руки. Первый изъ этихъ элементовъ самый существенный, потому что всегда и вездѣ капиталъ *поселяется*, или, что одно и то же, привлекаетъ умы и руки, если только имъ не ставятъ искусственныхъ преградъ.

Для васъ важнѣе всего, — знаю, что говоря такимъ образомъ, я нѣсколько впадаю въ тоя покойнаго г. Лапалисса, — привлечь капиталы къ земледѣлію. Но какъ это сдѣлать? *That is the question.*

Объ этомъ вопросѣ не разъ высказывали свое мнѣніе въ

Русскою Вѣстникъ самые компетентные люди, и я не намеренъ поднимать его опять *ab ovo*. Я постараюсь только, для разрѣшенія его, представить вамъ нѣсколько дополнительныхъ указаній, на которыя навело меня только что совершившееся устройство и развитіе учреждений поземельнаго кредита, имѣющихъ цѣлю привлеченіе къ австрійскому земледѣлію западныхъ капиталовъ, и особенно бельгійскихъ и голландскихъ.

Вы знаете, что капиталы по самой натурѣ своей космополиты, и что отечество ихъ тамъ, гдѣ они находятъ наибольшія выгоды при наименьшихъ рискахъ: если не препятствуютъ ихъ движенію, если обезпечиваютъ имъ свободное обращеніе, не стѣсня ихъ торговыми монополіями и банковыми привилегіями, то они стремятся повсюду придти къ одному уровню, и принимаютъ въ соображеніе только разницу рисковъ при своемъ помѣщеніи. Для перемѣщенія своего, въ видахъ приобрѣтенія большихъ выгодъ сравнительно съ тѣми, которыя имъ предлагаютъ у нихъ на родинѣ, они принимаютъ самыя разнообразныя формы: иногда они переселяются въ видѣ звонкой монеты, коммерческихъ векселей или обыкновенныхъ фондовъ; иногда въ видѣ товаровъ разнаго рода, жизненныхъ потребностей, тканей, машинъ и проч. По прибытіи въ свое новое отечество, они или употребляются подъ своею первоначальною формою, или—и это чаще всего—промѣниваются на предметы необходимые для устройства предпріятій, организаціи или развитію которыхъ они должны помочь. Одна часть служить для составленія *основнаго капитала*, куда относятся зданія для производства работъ, машины и разные снаряды, потребные для всякаго предпріятія; другая идетъ на составленіе *оборотнаго капитала*, къ которому принадлежатъ суровье и фонды, необходимые для платы рабочимъ и содержанія заведеній. Что же касается до отраслей человѣческой дѣятельности, которымъ они служатъ, то онѣ такъ же разнообразны, какъ и формы, подъ которыми употребляются капиталы. Иногда—и увь, слишкомъ часто!—призываютъ содѣйствіе заграничныхъ капиталовъ только для построенія крѣпостей, отливки и отдѣлки пушекъ, экипировки и содержанія войска, то есть для развитія промышленности самой непродуцительной; иногда же, напротивъ, ихъ приглашаютъ для построенія желѣзныхъ дорогъ, прорытія

каваловъ, основанія новыхъ предпріятій земледѣльческихъ, промышленныхъ и торговыхъ, то-есть для развитія производительнаго труда націи. Но въ обоихъ случаяхъ, даже и въ первомъ, полезно призывать ихъ, или по крайней мѣрѣ давать имъ свободный ходъ.

И въ самомъ дѣлѣ, если какому-либо правительству нужны капиталы для развитія его оборонительныхъ или наступательныхъ средствъ, то очевидно, что оно, какъ занимающее деньги, старается о томъ только, чтобы добыть себѣ капиталъ повыгоднѣе, то-есть за возможно меньшіе проценты, нисколько не заботясь о его происхожденіи. Что же произойдетъ въ такомъ случаѣ, если оно задумаетъ отвергнуть иностранные капиталы, подъ тѣмъ предлогомъ напрямѣръ, что дѣло идетъ о защитѣ національной территоріи, которая не должна быть осквернена нечистымъ прикосновеніемъ иностраннаго, даже можетъ-быть вражескаго капитала, и вслѣдствіе этого ограничится приглашеніемъ однихъ національныхъ капиталовъ? Произойдетъ то, что ограничивая такимъ образомъ предложеніе капиталовъ, тогда какъ это предложеніе было бы несравненно значительнѣе при допущеніи всякаго рода капиталовъ, правительство принуждено будетъ платить болѣе высокіе проценты, а если національные капиталы окажутся недостаточными или слишкомъ требовательными, то можетъ-быть ему придется прибѣгнуть къ насильственному займу подъ видомъ бумажныхъ денегъ, или какъ-нибудь иначе, — отъ чего Боже васъ сохрани! Но допустимъ, что оно будетъ держаться добровольнаго займа, и обращаться къ однимъ только національнымъ капиталистамъ, во всякомъ случаѣ оно принуждено будетъ платить за свои капиталы дороже чѣмъ при допущеніи конкуренціи капиталовъ иностранныхъ. Конечно, національные капиталисты могутъ отъ того выиграть; но за то останется въ убыткѣ нація, которая будетъ обязана платить лишніе проценты, и можетъ быть платить ихъ въ теченіи цѣлыхъ столѣтій, если заемъ будетъ сдѣланъ въ видѣ непрерывной ренты; такимъ образомъ общій интересъ будетъ принесенъ въ жертву интересу вѣсколькихъ отдѣльныхъ лицъ, принадлежащихъ конечно къ достаточному классу. Вотъ отъ чего—и это стоить замѣтить—никогда не видало было, чтобы правительство добровольно отказывалось отъ содѣйствія иностранныхъ

капиталовъ, и самого папу никакое національное или религиозное предубѣжденіе не остановило занять деньги у г. Ротшильда.

Также и въ дѣлѣ частныхъ предпріятій, каковы желѣзные дороги, разработка рудниковъ, мануфактуры, торговые или банковые дома, не менѣе важно приобрѣтеніе капиталовъ по самой дешевой цѣнѣ, какого бы они ни были происхожденія. И въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ изобильнѣе капиталъ, тѣмъ многочисленнѣе становятся предпріятія, къ великой выгодѣ не только для рабочихъ, дѣятельности которыхъ они открываютъ обширное и плодотворное поприще, но даже и для національныхъ капиталовъ, которые находятъ наконецъ въ производствѣ, основанномъ въ обширныхъ размѣрахъ, удобное для себя и постоянное помѣщеніе. Богатство быстро возрастаетъ, и всѣ остаются въ выгодѣ.

Конечно, все это истины самыя элементарныя, но несмотря на то, незнаніе ихъ обнаруживается ежедневно. Такъ напримѣръ, недавно еще, итальянское правительство представило на утвержденіе своего парламента конвенцію, заключенную имъ съ домою Ротшильда для построенія сѣти неаполитанскихъ желѣзныхъ дорогъ. Какъ же поступилъ парламентъ? Нельзя сказать, чтобы совершенно честно и добросовѣстно; правда онъ утвердилъ конвенцію, да только замѣнилъ г. Ротшильда г-мъ Бастоджи. Домъ Ротшильдовъ принялъ на себя трудъ сдѣлать приготовительныя работы по этому обширному и полезному предпріятію; сверхъ того, на его сторонѣ было несомнѣнное превосходство кредита и опытности; но г. Бастоджи обладаетъ неопредѣленнымъ преимуществомъ,—онъ Итальянецъ; къ этому злые языки прибавляютъ, что онъ умѣлъ заинтересовать въ свою пользу значительное число депутатовъ, которымъ нисколько не противны свободныя акціи и преміи. При всемъ томъ, нѣкоторые депутаты еще колебались подать свой голосъ въ его пользу. Г. Риччарди положилъ конецъ ихъ недоумѣнію, воскликнувъ въ достохвальномъ порывѣ патриотическаго энтузіазма: „Мы не можемъ заключить контрактъ съ г. Ротшильдомъ; у его капиталовъ австрійская душа. Мы должны отвергнуть ихъ съ презрѣніемъ.“

И туринскій парламентъ, исполненный отвращенія къ этимъ ужаснымъ капиталамъ съ австрійскою душою, тотчасъ же поспѣшилъ устранить ихъ до содѣйствіе. Побѣда

осталась за г. Бастоджи. Каковъ же будетъ результатъ тако-го патриотическаго рѣшенія? По всѣмъ вѣроятностямъ тотъ, что неаполитанскія желѣзныя дороги обойдутся Италиі въ-скольکو дороже противъ того, во что бы онѣ обошлись ей, еслибы предпріятіе это было отдано г. Ротшильду. Конечно, и г. Бастоджи постарается добыть себѣ капиталы какъ можно дешевле, не справаясь, какъ бы то одѣлалъ и самъ г. Ротшильдъ, къ какой національности принадле-жать ихъ душа, и никакъ нельзя поручиться, чтобы въ часѣ ихъ не проскользнули и такіе, у которыхъ будетъ *астрійская душа*; но допустимъ, что г. Бастоджи изъ патриотизма будетъ принимать только одни итальянскіе капи-талы,—что же выйдетъ изъ этого? Такъ какъ, при настоя-щихъ обстоятельствахъ, въ Италиі не замѣтно слишкомъ большаго обилія капиталовъ, то ему придется долго ждать, пока соберется нужный для него капиталъ, и платить за него дорого. Отъ этого Неаполитанцамъ придется въ-сколь-ко долѣ путешествовать съ веттуринами и проч., и под-вергаться по прежнему грабежамъ разбойниковъ или по край-ней мѣрѣ радушныхъ трактирщиковъ; потомъ, когда на-конецъ желѣзныя дороги будутъ построены, они должны будутъ платить дороже за свои куповы, и довольство-ваться менѣе прочными и менѣе удобными вагонами. Вотъ къ чему ведетъ патриотизмъ въ дѣлѣ капита-ловъ. Прибавлю къ этому, что неудача, которую потерпѣла компанія Ротшильда, ни въ какомъ случаѣ не поощритъ иностраннныя капиталы къ переселенію въ Италиі для со-дѣлствія другимъ предпріятіямъ, и что наступитъ день, когда итальянцы горько раскаются въ томъ, что они при-ложили къ капиталамъ свой патриотическій афоризмъ: *Italia farà da se*.

Къ счастью, не вездѣ обнаруживается такой овертныи патриотизмъ, и откуда бы ни приходили капиталы, ихъ принимаютъ охотно, не спрашивая у нихъ паспорта. Такъ помѣщали и ежедневно помѣщаютъ свои капиталы въ цѣ-ломъ мірѣ самыя бережливныя и дѣятельныя націи. Англія, которая въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, занимаетъ первое мѣсто, помѣстила болѣе двухъ миллиар-довъ въ желѣзныя дороги Соединенныхъ Штатовъ и Ка-нады, не говоря уже о громадныхъ суммахъ, помѣщенныхъ ею въ торговлю Нью-Йорка и другихъ большихъ центровъ

Сѣверо-Американскаго Союза; англійскіе же капиталы, въ значительной степени, придаютъ движеніе, подъ формою долгосрочнаго кредита, производству Вестъ-Индіи, улучшаютъ овчарни мыса Доброй Надежды и самой Австраліи, а равно идутъ на устройство ость-индскихъ желѣзныхъ дорогъ, и на воздѣлываніе хлопчатой бумаги въ большихъ размѣрахъ. Тѣ же самые англійскіе капиталы совершили мирное и плодотворное вторженіе на европейскій материкъ: имъ обязано своимъ существованіемъ значительное число заводовъ, преимущественно желѣзныхъ и газовыхъ (одна континентальная газовая компанія, англійская, освѣщаетъ болѣе 50 городовъ во Франціи, въ Бельгіи и въ другихъ мѣстахъ), не говоря о желѣзныхъ дорогахъ, построенныхъ на англійскія деньги. За Англію, въ качествѣ главной производительницы и распространительницы капиталовъ, слѣдуетъ Голландія. Производство доставляющее, за всѣми издержками, чистый барышъ, сбереженная часть котораго становится капиталомъ, не достигло въ Голландіи такого развитія какъ въ Англіи; оттого и предпріятія ея не размножаются такъ быстро. Добрые сосѣди наши Голландцы не привыкли къ роскоши. Дамы ихъ блистаютъ необыкновенною чистотою и все въ нихъ на мѣстѣ, но мебель не отличается парижскимъ изяществомъ, и столъ у нихъ вообще скромнѣе. Они довольствуются кирпичными домами, вислолько не помышляя о привозѣ изъ-за границы дорогаго мрамора, который скоро потускнѣлъ бы въ ихъ климатѣ. Они строятъ мало памятниковъ, за исключеніемъ тѣхъ, которые плаваютъ на водахъ и приносятъ имъ добрый процентъ. Отъ того и капиталы у нихъ въ изобиліи. А такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ эти люди очень благоразумны, то они и помѣщаютъ ихъ не иначе какъ при хорошемъ обезпеченіи. Старые Голландцы даже оставляютъ часть ихъ у себя подъ рукою, то въ видѣ драгоценныхъ металловъ, то въ видѣ китайскаго и японскаго фарфора, которые хранятъ они въ своихъ глубокихъ шкафахъ, то въ драгоценныхъ камняхъ и разныхъ издѣліяхъ изъ золота и серебра. На амстердамскій рынокъ не рѣдко являются фрисландскія фермерши, разукрашенные жемчугомъ и брилліантами тысячь на десять флориновъ. Впрочемъ и тамъ помѣщеніе капиталовъ вошло въ общій обычай. Только съ точки зрѣнія утилитарной, и даже нравственной, назначеніе этихъ

помѣщеній должно бы нѣсколько измѣниться. До сихъ поръ голландскіе капиталисты оказывали предпочтеніе займамъ разныхъ правительствъ, и особенно австрійскаго, нисколько не осѣдомляясь, на какое употребленіе идутъ ихъ деньги. Ихъ бы даже очень удивило, еслибы кто-нибудь попытался по этому поводу потревожить ихъ совѣсть. Еслибы имъ сказали, что содѣйствовать дурному дѣлу деньгами также безнравственно какъ умомъ или руками, и чтобы поразить ихъ, привели бы имъ примѣръ такого рода: капиталистъ снаряжающій негроторговческій корабль также виновенъ,—и еще болѣе, потому что не можетъ извиниться нищетою,—какъ и матросъ нанимающійся у него въ услуженіе. Но, повторю, въ этомъ отношеніи, образованіе голландскаго капиталиста, да и капиталиста вообще, еще очень недостаточно.

За Голландіей, по производству капиталовъ, слѣдуетъ непосредственно Бельгія. У насъ, къ несчастію, буржуазія почти исключительно участвуетъ въ этомъ производствѣ, заключающемъ въ себѣ зародышъ будущаго богатства. Но рабочіе классы—увы!—сберегаютъ очень мало, во первыхъ по скудости получаемой ими заработной платы повиженной искусственно самыми маккиавеллистическими комбинаціями, во вторыхъ потому что до сихъ поръ еще ничего не сдѣлано для развитія въ нихъ духа экономіи и для удобнаго помѣщенія ихъ скромныхъ сбереженій. За то высшій и средній классы значительно разбогатѣли въ послѣднія тридцать лѣтъ. Кромѣ помѣщеній, которыя они дѣлаютъ внутри государства, они принимаютъ дѣятельное участіе въ займахъ иностранныхъ правительствъ, и болѣе всего въ австрійскихъ займахъ. Суммы, доставляемыя въ видѣ займа австрійскому правительству капиталистами бельгійскими и голландскими, простираются до двухъ съ половиною миллардовъ; правда, что доля голландскихъ капиталистовъ гораздо значительнѣе. Часть нашихъ капиталовъ помѣщена также въ испанскіе фонды, хотя такимъ помѣщеніемъ и нельзя очень похвалиться. Наконецъ, въ послѣдніе 15 лѣтъ, наши капиталы начали также направляться къ граничнымъ промышленнымъ предпріятіямъ: они содѣйствовали устройству множества заводовъ, желѣзныхъ дорогъ и разработкѣ рудниковъ въ Испаніи, и, какъ увидимъ ниже, все

болѣе и болѣе принимаютъ участія въ развитіи земледѣльческихъ орудій Австріи. Впрочемъ, если мы отпускаемъ наши капиталы во многія иностранныя государства, то и сами получаемъ изъ-за границы значительное число капиталовъ. Большая часть обширныхъ рудоконныхъ и металлургическихъ заведеній въ Геннегау основана была съ помощію французскихъ капиталовъ, и многія изъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ обязаны своимъ происхожденіемъ капиталамъ англійскимъ.

Наконецъ, въ числѣ странъ наиболѣе производящихъ и отпускающихъ капиталы, я назову сѣверную полосу Франціи и потомъ Швейцарію, капиталами которой большею частію существуетъ эльзасская промышленность.

Этотъ отпускъ капиталовъ изъ странъ, которыя производятъ ихъ въ наибольшемъ количествѣ и гдѣ они дешевле, въ тѣ страны, гдѣ ихъ немного и гдѣ они дороже, будетъ постоянно развиваться по мѣрѣ уменьшенія естественныхъ и искусственныхъ преградъ, до сихъ поръ еще раздѣляющихъ народы. Онъ былъ ничтоженъ пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; по всѣмъ вѣроятностямъ, по прошествіи другихъ пятидесяти лѣтъ, онъ будетъ вдесятеро значительнѣе нынѣшняго. Я не буду вдаваться въ подробности о результатахъ такого переселенія капиталовъ; скажу только, что не знаю явленія, которое бы рѣзче опровергало узкій и близорукій взглядъ тѣхъ отсталыхъ утопистовъ, которые желаютъ снова раздѣлить людей на отдѣльныя стада, съ различными, часто враждебными одно другому интересами, смотря по звуку ихъ голоса или по цвѣту кожи. „Я былъ и останусь естественнымъ врагомъ Англичанъ,“ восклицалъ еще такъ недавно одинъ изъ старинныхъ апостоловъ протекціонизма, г. Дюмортье, по случаю только что заключеннаго нами торговаго трактата. Какъ! неужели, потому что предки наши ненавидѣли другъ друга, и мы осуждаемы питать эту ненависть изъ рода въ родъ до послѣдняго поколѣнія? Но что же происходитъ между тѣмъ, когда этотъ отголосокъ страстей прошедшаго времени раздается на защиту умирающихъ предрасудковъ? Въ какомъ-нибудь уединенномъ коттеджѣ Англіи или Шотландіи, заботливая и бережливая хозяйка откладываетъ каждую недѣлю два-три шиллинга изъ заработковъ своего мужа. Капиталъ образуется: съ недѣли на недѣлю кучка шиллинговъ все

растетъ, растетъ. Потомъ шиллинги превращаются въ гинеи; а гинеи очень любятъ производить дѣтей: онѣ отправляются къ банкиру, который ссужаетъ ихъ подъ вексель фабриканту или купцу, или подъ видомъ долгосрочнаго займа сосѣднему земледѣльцу. Но гинеи бѣгутъ за гинеями, не заботясь о продолжительности пути, и нѣтъ границы, естественной или искусственной, которая могла бы остановить ихъ. Онѣ переплываютъ проливъ, онѣ промѣниваются на акціи желѣзныхъ дорогъ или на гипотечную росписку. Изъ рукъ своего новаго владѣтеля, онѣ переходятъ въ руки каменьщика, механика или земледѣльца. Желѣзная дорога построена, поле воздѣлано или улучшено. Всѣ мы эти пользуемся; мы можемъ теперь путешествовать скорее и дешевле, можемъ также найти новые рынки для нашихъ продуктовъ, которые прежде растрчивались безъ всякой пользы для кого бы то ни было, и при видѣ улучшенныхъ полей, не будемъ опасаться голода, и все это потому, что въ какомъ-нибудь отдаленномъ уголкѣ „коварнаго Альбіона“ есть промышленность, которая процвѣтаетъ, мужъ, который честно зарабатываетъ деньги, и предусмотрительная хозяйка, которая оберегаетъ ихъ. Эти скромныя добродѣтели распространили свое плодотворное вліяніе за предѣлы семейнаго очага; онѣ обратились въ капиталъ и переправились за море, чтобы доставить работу и достатокъ другимъ семействамъ. Онѣ способствовали распространенію цивилизаціи и солидарности человѣчества болѣе многихъ звучныхъ декламацій. Пусть же капиталы—хотя это не по сердцу г. Риччарди и единомышленнику его г. Дюмортье—проходятъ свободно, пусть также свободно проходятъ и продукты, которые въ свою очередь сдѣлаются капиталами. Не станемъ допытываться, какая у нихъ „душа“, англійская, австрійская или голландская. Они чада труда и того глубокаго чувства ответственности и любви, которое побуждаетъ отца работать, а мать отказывать себѣ въ необходимомъ, чтобы скопить что-нибудь для своихъ дѣтей. Они родились отъ самыхъ благородныхъ склонностей, отъ самыхъ трогательныхъ добродѣтелей нашей природы, и упрочивъ будущность семейства, расправляютъ крылья и летятъ, безъ различія націи и племени, содѣйствовать цивилизаціи рода человѣческаго. Не правда ли, какъ дивенъ законъ Провидѣнія, который солидарностию

интересовъ, помимо всѣхъ границъ, показываетъ людямъ, что они не принадлежатъ враждебнымъ племенамъ, что имъ суждено не пожирать другъ друга до скончанія вѣка, а напротивъ того составлять единую и великую семью, всѣ члены которой, будь они бѣлые, желтые или черные, заинтересованы въ общемъ благосостояніи!

Извините меня за это отступленіе; но признаюсь вамъ, я не въ состояніи удержаться отъ негодованія, когда слышу, что ни къ чему неспособные и хвастливые боатуны полагаютъ преграды этому великолѣпному процессу образованія и распространенія капиталовъ, сѣмени всевозможныхъ успѣховъ, надъ которыми трудятся столько милліоновъ существъ смиренныхъ и неизвѣстныхъ, вполне заслуживающихъ называться истинными строителями цивилизаціи. Возвращаюсь къ своему предмету, то-есть къ средствамъ прівлеченія этого плодотворнаго сѣмени нашего запада, гдѣ оно даетъ иногда незначительные продукты, и даже часто остается безъ употребленія, въ восточную Европу, гдѣ оно можетъ найти для своего развитія, дѣвственную почву и неисчерпаемое плодородіе.

II.

Нѣтъ сомнѣнія, что въ эти послѣдніе годы Австрія лучше всѣхъ другихъ государствъ поняла всю важность содѣйствія, которое могутъ доставить ей иностранные капиталы, и что для прівлеченія ихъ она употребила самыя дѣйствительныя средства. Я не стану говорить вамъ о желѣзныхъ дорогахъ, проведенныхъ ею съ помощію этихъ могущественныхъ союзниковъ; упомяну только объ отпускѣ земледѣльческихъ продуктовъ, который она начинаетъ производить при ихъ содѣйствіи. Вамъ извѣстно, что австрійское земледѣліе, во многихъ отношеніяхъ и по тѣмъ же самымъ причинамъ, находится въ одинаковомъ положеніи съ вашимъ. Послушайте лучше, что говоритъ неизвѣстный, но очень свѣдущій авторъ брошюры, изъ которой я заимствую нѣсколько весьма интересныхъ указаній: ¹

¹ *Considérations économiques et financières sur les ressources de L'Empire d'Autriche.* Paris. Guillaumin et Co 1862.

Уничтоженіе феодальной зависимости, полное освобожденіе почвы, отмена барщины и законовъ о десятинахъ, ириво и быстро совершившіяся въ Австріи въ послѣднія пятнадцать лѣтъ, нанесли ударъ, конечно мимолетный, но тѣмъ не менѣе чувствительный, кредиту частной собственности въ этой странѣ. Этотъ законный и благодѣтельный переворотъ, стоившій въ другихъ мѣстахъ потоковъ крови и совершившійся здѣсь спокойно, поставилъ однакоже крупныхъ собственниковъ въ положеніе довольно затруднительное, потому что права помѣстное, барщинное и проч. вообще налагали на подданныхъ, обязанныхъ обрабатывать господскую землю, повинность доставлять орудія обработки, рабочій скотъ и ручной трудъ. Вслѣдствіе такой внезапной перемѣны, помѣщики и крупные землевладѣльцы, почти всѣ пользовавшіеся помѣщичьими правами, вдругъ увидѣли себя въ необходимости пріобрѣтать орудія, которыхъ у нихъ не было. Если принять въ соображеніе пристрастие большей части крупныхъ владѣній въ Австріи, и особенно въ Венгріи, то нельзя не согласиться, что эта реформа требуетъ значительныхъ капиталовъ.“

Не правда ли, что въ этомъ описаніи вы безъ труда узнаете ваше собственное положеніе? И здѣсь, и тамъ, для преобразованія сельскихъ хозяйствъ, одинаково необходимы капиталы. Впрочемъ есть и разница, которой нельзя не замѣтить, и которая ставитъ Австрію въ болѣе выгодное положеніе. Впервыхъ, поземельная собственность въ Австріи не такъ обременена долгами, какъ въ Россіи. Сумма гипотекъ, тяготящихся надъ нею, по самымъ позднѣйшимъ вычисленіямъ, простирается до 1.476.729.882 гульденовъ (3 миллиарда 591 миллионъ 824.705 франковъ), или около 13% валовой цѣнности. У васъ, если не ошибаюсь, эта порція гораздо значительнѣе, хотя и у васъ она оставляетъ еще очень широкій просторъ поземельному кредиту. Вторыхъ, и эта разница гораздо существеннѣе, Австрія пользуется съ прошедшаго вѣка такимъ законоположеніемъ о гипотекахъ, которое принадлежитъ къ самымъ лучшимъ въ Европѣ. Я представляю вамъ очеркъ его, составленный мною по вышеупомянутому сочиненію для тѣхъ изъ читателей вашихъ, которые съ нимъ незнакомы.

Какія условія должна выполнять хорошая гипотечная

система? Условія эти могутъ ограничиться тремя пунктами.

Вопервыхъ, всякій осторожный капиталистъ долженъ имѣть возможность удостовѣриться легко и дешево въ прочности правъ на собственность того, кого онъ намѣревается осудить своимъ капиталомъ.

Вовторыхъ, онъ долженъ составить себѣ по возможности точное понятіе о цѣнности недвижимаго имущества, предлагаемаго ему въ залогъ.

Втретьихъ, онъ долженъ удостовѣриться, не находится ли уже это недвижимое имущество въ залогъ и какъ велика сумма, въ которой оно заложено; онъ долженъ, наконецъ, въ случаѣ невыполненія обязательствъ принятыхъ должникомъ, имѣть возможность тотчасъ же, и безъ убыточныхъ формальностей, вступить во владѣніе недвижимымъ имуществомъ обезпечивающимъ его суду.

Къ этому можно присоединить еще четвертое условіе, и такое, безъ котораго всѣ прочія не могутъ имѣть никакой силы: необходимо, чтобы правосудіе было организовано такимъ образомъ, чтобы при невыполненіи обязательствъ со стороны должника, къ суду можно было прибѣгнуть съ полною увѣренностію въ его немедленномъ и неуклонномъ содѣйствіи.

Во всѣхъ этихъ отношеніяхъ, кромѣ можетъ-быть въ-которой неповоротливости судебной машины, заимодавцы иностранные и національные находятъ въ Австріи всевозможное обезпеченіе.

Обратимъ прежде всего вниманіе на позырку титуловъ недвижимои собственности, на обыку ихъ стоимости и на повинности которыя съ ними связаны.

Всѣ недвижимыя имущества Австрійской имперіи внесены офиціально въ общественные списки, носящіе названіе *земскихъ таблицъ, городскихъ книгъ, поземельныхъ регистровъ*, или наконецъ (въ Венгріи) *регистровыхъ книгъ*.

Эти публичные регистры заключаютъ въ себѣ самый вѣрный отчетъ о свойствахъ и объемѣ недвижимыхъ имуществъ (домовъ и земель) въ нихъ внесенныхъ, о правахъ ихъ владѣльцевъ, и обо всѣхъ лежащихъ на нихъ повинностяхъ (права закладныя, сервитуты, фиденкоммиссы и пр.). Такимъ образомъ они служатъ къ утверженію права владѣльцевъ на ихъ недвижимую собственность, а равно

и къ показанію долговъ и повинностей ограничивающихъ это право. Назначеніе ихъ опредѣлять въ точности недвижимый кредитъ всякаго собственника, положеніе всякаго имущества и расчетъ падающихъ на него налоговъ.

Общій гражданскій кодексъ имперіи привозглашаетъ, что никакое *реальное право* (собственности, залога, наследства и пр.) *не можетъ быть приобретено иначе, какъ чрезъ внесеніе его въ эти книги*, и наоборотъ, что *права, внесенныя въ эти книги, существуютъ до тѣхъ поръ пока они не исключены изъ нихъ*.

Логическое сдѣлствіе этихъ двухъ правилъ состоитъ въ томъ, что передача недвижимаго имущества совершается посредствомъ *транскрипціи* (переписки), то-есть внесенія въ книги, что имѣніе отъ одного лица переходитъ къ другому. Вотъ необходимыя условія такой транскрипціи: 1) уступающій долженъ значиться въ книгѣ какъ собственникъ, 2) приобретающій долженъ объявить о желаніи своемъ получить имѣніе; 3) онъ долженъ представить свой актъ на приобретеніе и согласіе уступающаго переписать имѣніе на его имя. Если онъ имѣетъ только актъ на приобретеніе, а уступающій отказывается въ упомянутомъ согласіи, то приобретающій можетъ сдѣлать *пренотацію*, то-есть предварительное заявленіе своихъ правъ, посредствомъ котораго онъ обезпечиваетъ себя отъ притязаній третьяго лица.

Другое сдѣлствіе этихъ распоряженій состоитъ въ томъ, что *актъ на владѣніе* даетъ только личное право; для превращенія его въ вещное право, онъ долженъ быть внесенъ въ публичныя регистры.

Эти *публичные регистры* состоятъ изъ сдѣлующихъ книгъ:

1. *Главная книга*, содержащая подробное описаніе недвижимости, мѣстъ и положенія; обозначеніе титула владѣнія и имени владѣльца; денежная оцѣнка недвижимости; поземельныя повинности и долги, лежащія на ней; уступка и передача гипотекъ, уплата процентовъ и погашеніе долговъ и повинностей: все это съ обозначеніемъ приговоровъ или распоряженій, разрѣшавшихъ внесеніе въ книгу.

2. *Книга документовъ*, содержащая брачные контракты, завѣщанія, приговоры и пр., дающіе право на владѣніе или

участіе въ немъ, также какъ и оцѣнку заложенныхъ имуществъ.

3. *Долговая книга*, въ которой буквально вписываются подаваемые прошенія о внесеніи долга и со всѣми приложеніями и разрѣшеніемъ трибунала.

4. *Книга уплатъ*, содержащая текстъ квитанцій и пр.

5. *Urbarium*, или *книга поземельныхъ повинностей*, содержащая подробное, подписанное самимъ владѣльцемъ, изложеніе всѣхъ поземельныхъ повинностей лежащихъ на его недвижимости.

Прибавимъ, что для внесенія чего-либо въ эти книги, предварительно составляется запись о томъ, что желаютъ внести въ нихъ; запись эту владѣлецъ утверждаетъ своею подписью, и копию съ нея оставляетъ у себя. Въ книгахъ не должно быть ни помятокъ, ни поправокъ.

Всѣ эти книги, какъ видите, ведутся такимъ образомъ, что въ нихъ должны быть упомянуты всѣ обстоятельства, относящіяся къ недвижимости, хотя бы даже они касались только третьихъ лицъ. Отъ этого-то онѣ указываютъ во всякое время и во всякій часъ, съ точностію можно сказать математическою, фактическое и юридическое положеніе какой бы то ни было недвижимости. Можно сказать, что онѣ заключаютъ въ себѣ лѣтописи недвижимой собственности Австрійской имперіи, разказанныя день за днемъ, часъ за часомъ, съ совершеннѣйшею точностію и аккуратностію. Такимъ образомъ австрійское законодательство довело до крайнихъ предѣловъ германскій принципъ гласности вещныхъ правъ, и можно сказать безошибочно, что въ Австріи легче узнать юридическое состояніе всякой недвижимости чѣмъ гражданское положеніе какого-либо лица.

Взглянемъ теперь на гипотечное законодательство относительно правъ кредиторовъ и способа ихъ обезпеченія.

Австрійскій законъ, выходя изъ двухъ великихъ принциповъ *гласности* и *обязательной инскрипціи* (записки, внесенія въ книги или регистры), доставляетъ заимодавцу для утвержденія, поддержки и приведенія въ дѣйствіе его правъ исключительное удобство, и даетъ ему способъ болѣе краткій и быстрый чѣмъ всякое другое законодательство. Такъ напримѣръ:

1. Право залога на недвижимость (право гипотечное,

передача гипотечнаго обязательства) *приобрѣтается только теснѣе изъ публичныя книги*; потому что по австрійскому праву, *въ принципѣ нѣтъ негласныхъ гипотекъ*, которыя могли бы имѣть силу безъ внесенія ихъ въ публичныя книги. Если ипотеки негласныя или скрытыя (*occultes*)¹ допускаются въ видѣ исключенія для податныхъ недоимокъ, сборовъ по взаимному страхованію отъ огня, и пр., то онѣ отражены до такой степени, что гипотечный кредиторъ не можетъ потерпѣть отъ нихъ.

2. Способъ веденія *публичныхъ регистровъ* поземельной собственности даетъ возможность кредитору получить точныя свѣдѣнія о повинностяхъ лежащихъ на недвижимости, поступающей къ нему въ залогъ, и вслѣдствіе этого о суммѣ, которую онъ долженъ вычесть изъ оцѣночной стоимости имущества чтобы судить, доставить ли ему предложенная ипотека достаточныя гарантіи. Онъ можетъ разсматривать книги во всякое время. Онъ имѣетъ возможность, съ самыми малыми издержками на гербовую бумагу и переписку, требовать когда ему угодно выписки изъ этихъ книгъ съ надлежащимъ засвидѣтельствомъ. Выписки эти должны быть совершенно согласны съ содержаніемъ книгъ до конца того дня, въ который онѣ выданы; этого мало, въ нихъ должны быть обозначены всѣ поступившія до той минуты требованія новыхъ записей (даже если онѣ еще не исполнены), съ показаніемъ ихъ содержанія и очереди, въ которой требованія были представляемы.

3. Изъ этихъ правилъ оказывается, что порядокъ записей опредѣляется временемъ поступленія требованій и заурочеванія ихъ въ указатель. Законъ придаетъ такое значеніе очередному порядку инскрипцій, что императорскимъ указомъ отъ 12-го августа 1851 г. дано собственникамъ право заранѣе заявлять въ книгахъ предполагаемые ими займы. Эта такъ-называемая *пренотация*, подчиняемая нѣкоторымъ формальностямъ, имѣетъ силу только относительно заявленнаго займа и лишь въ продолженіи 60 дней. То же самое дѣлается и съ претензіями на имѣніе, которыя предъявляемы, но еще не признаны законными; ихъ отбѣчаютъ заранѣе, *пренотируютъ*, чтобы не оставить

¹ То-есть предшествующія гласнымъ.

въ невѣдѣніи другихъ кредиторовъ. Это та самая *примочія*, которую въ 1851 г. де-Ватимевиль предлагалъ французскому законодательному собранію.

4. Гипотечные кредиторы удовлетворяются, смотря по очередному порядку записи ихъ правъ на ипотеку.

5. Если гипотечный кредиторъ не удовлетворенъ, по истеченіи назначеннаго срока, по неисправности должника, просрочившаго уплату процентовъ или капитала, то онъ долженъ обратиться въ судъ съ предъявленіемъ своихъ правъ на залогъ. Законъ предоставляетъ ему для этого всѣ удобства. Онъ можетъ наложить секвестръ на имѣніе находящееся въ залогѣ, и получать уплату изъ доходовъ; онъ можетъ также требовать продажи недвижимости и получить полное удовлетвореніе изъ суммы вырученной отъ этой продажи; ибо къ этимъ займамъ присоединяется обыкновенно условіе, по которому всякая просрочка въ платежѣ даетъ кредитору право требовать немедленной уплаты всего долга и уничтожаетъ *ipso facto* всѣ прочіе сроки. Такимъ образомъ гипотечный кредиторъ можетъ немедленно, и съ самыми малыми издержками, получить уплату по своему заемному письму, особенно если онъ принялъ предосторожность засвидѣтельствовать его у мѣстнаго нотаріуса; тогда ему предоставляется право дѣйствовать *сокращенною процедурою*, установленною законами 21 мая 1855 г. 3 и 18-го іюля 1859 г. и 19 го сентября 1860 г. Эта процедура исключаетъ всѣ безполезныя проволочки, и удовлетворяетъ кредитора въ возможно кратчайшій срокъ.

6. Гипотека вычеркивается изъ книги:

По письменному требованію кредитора.

По тридцати-лѣтней давности.

Когда ипотека внесена въ списки уже тридцать лѣтъ, то должникъ можетъ требовать судебнымъ порядкомъ (*Edictal-Process*), чтобы тѣ, которые считаютъ себя имѣющими право требовать удержанія записи, предъявили это право въ теченіи одного года шести недѣль и трехъ дней; въ противномъ случаѣ запись будетъ вычеркнута.

Такимъ образомъ запись существуетъ до тѣхъ поръ пока не предъявленъ судебнымъ порядкомъ искъ объ ея исключеніи изъ книгъ. Слѣдовательно кредиторъ не обязанъ возобновлять ее, какъ это дѣлается въ другихъ странахъ.

Таково гражданское состояніе поземельной собственности и гипотечнаго законодательства въ Австріи.

III.

Итакъ капиталы могутъ съ полною безопасностью переселяться на австрійскую почву и находить въ ней для своихъ оборотовъ поприще обширное и чрезвычайно выгодное. Производительная почва Австріи состоитъ изъ 57 милліоновъ гектаровъ, дающихъ 4.820.000.000 фр. Круглымъ числомъ, валовой доходъ съ гектара 88 франковъ; поземельная рента 17 фр. 60 сент.; продажная цѣна гектара 352 фр., оборотный капиталъ—56 фр. на гектаръ. Во Франціи производительная почва занимаетъ 47 милліоновъ гектаровъ, дающихъ пять милліардовъ франковъ; валовой доходъ 100 фр. съ гектара, рента 30 фр., продажная цѣна 1000 фр., оборотный капиталъ 100 фр. Въ Бельгіи производительная почва состоитъ изъ 2.945.593 гектаровъ, дающихъ 540.000.000 фр.; валовой доходъ съ гектара 180 фр.; рента 59, прод жная цѣна 1550; оборотный капиталъ 375 фр. Наконецъ въ Англіи, производительная почва занимаетъ 30 милліоновъ гектаровъ, дающихъ 4 милліарда фр.; валовой доходъ 135 фр., рента 40; продажная цѣна 1033 и оборотный капиталъ 200 фр.

При сравненіи этихъ цифръ оказывается, что австрійское земледѣіе, располагая естественными средствами плодородія далеко оставляющими за собою земледѣіе Франціи, Бельгіи и Англіи, очень отстало отъ нихъ, и особенно отъ двухъ послѣднихъ: валовой доходъ его—88 фр. противъ 100, 135 и 180. Стало-быть нужно увеличить этотъ доходъ, который, какъ вамъ извѣстно, распредѣляется между тремя агентами земледѣльческаго производства,—трудомъ, въ видѣ задѣльной платы, капиталомъ въ видѣ процентовъ и барышей, и землею въ видѣ ренты. Возвысить валовой доходъ значитъ то же, что увеличить сумму, раздѣляемую между этими тремя факторами производства, и следовательно улучшить положеніе всѣхъ тѣхъ, которые ихъ доставляютъ, если только увеличеніе доли одного не уменьшитъ доли другаго. Увеличеніе долей земли и капитала, употребленнаго на разработку почвы, выражается естественно возрастаніемъ цѣны на землю. Во Франціи возрастаніе это простирается до 5 фр., въ Англіи до

10 и 15 фр. ежегодно; въ Бельгii, гдѣ къ несчастiю, чрезмѣрная густота населенiя, въ соединенiи съ непоколебимымъ преобладанiемъ буржуазiи, препятствуетъ рабочему классу пользоваться своею долею въ возвышенiи валоваго дохода, возрастанiе цѣнъ на землю простирается ежегодно до 30 или 31 фр. Въ Австрiи оно доходитъ въ послѣднiе годы до 10—18 фр.

Итакъ, въ Австрiи валовой доходъ можетъ значительно возвыситься, а слѣдовательно могутъ увеличиться и относительныя доли различныхъ факторовъ производства. Какимъ же образомъ можетъ тамъ возвыситься доходъ? Во-первыхъ, увеличенiемъ количества продуктовъ; во-вторыхъ расширенiемъ ихъ рынковъ. Два эти условiя не раздѣльны. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ никакой цѣли увеличивать количество продуктовъ, если рынки для нихъ не приготовлены, а также и расширенiе рынковъ не будетъ имѣть значенiя для народнаго богатства, если вмѣстѣ съ тѣмъ не будетъ увеличено и производство. Оба эти явленiя привнесутъ пользу только при взаимодѣйствии. Когда какое-нибудь усовершенствованiе даетъ возможность увеличить въ обширныхъ размѣрахъ количество произведенiй, то для сбыта ихъ стараются расширить рынокъ, устраивая пути сообщенiя, снiмая таможи и пр. Когда открываются новые рынки, то производство рѣдко не получаетъ съ тѣмъ вмѣстѣ новаго развитiя, если только недостатокъ безопасности не поставитъ его развитiю роковой преграды. Но и въ этомъ случаѣ возвысившаяся *цѣнность* безопасности подстрекаетъ къ тому, чтобы производить ее въ большемъ количествѣ.

Что же необходимо, какъ для увеличенiя производства, такъ и для расширенiя рынка? Необходимо посредничество добавочнаго капитала, который бы можно было употребить съ одной стороны на землевладѣльческiе или промышленныя обороты, съ другой на устройство быстрыхъ и дешевыхъ способовъ перевозки, которые расширили бы районы сбыта. Въ Австрiи, благодаря посредничеству иностранныхъ капиталовъ, необыкновенно дѣятельно принялись за построенiе желѣзныхъ дорогъ, а это побудило и землевладѣльцевъ прибѣгнуть къ тѣмъ же капиталамъ для развитiя и улучшенiя ихъ хозяйствъ. Находя достаточными предложенныя имъ гарантiи, капиталы дружно отвѣчали на призывъ, не только внутри государства, но и за

границей; оборотный капиталъ замѣтно увеличивается, и ведетъ за собою приращеніе дохода, ренты и цѣности почвы, что вполнѣ вознаграждаетъ поземельную собственность за пожертвованія, наложенныя на нее прекращеніемъ остатковъ крѣпости и феодальныхъ поборовъ.

Инициатива этого движенія принадлежитъ крупнымъ землевладѣльцамъ, которые принялись за преобразование своего хозяйства: одни стали занимать капиталы и употреблять ихъ на улучшеніе своихъ земель, другіе отдали эти земли въ наемъ земледѣльческимъ предпринимателямъ или обществамъ предпринимателей, обладающимъ достаточными капиталами для устройства сельско-хозяйственныхъ мануфактуръ, производящихъ работы усовершенствованными орудіями и по способамъ указаннымъ современною наукой. Такъ распорядился своими помѣстьями одинъ изъ богатѣйшихъ землевладѣльцевъ въ имперіи, князь Павелъ Эстергази. Прежде онъ самъ управлялъ ими и получалъ ежегоднаго дохода милліонъ гульденовъ ($2\frac{1}{2}$ милліона фр.); теперь онъ отдалъ ихъ въ наемъ компаніи фермеровъ за два милліона гульденовъ въ годъ (5 милл. фр.), и въ Австріи извѣстно всѣмъ, что въ рукахъ фермеровъ они доставятъ болѣе 4 милл. гульденовъ или 10 милл. франковъ дохода. Эти фермеры—сами крупные землевладѣльцы или крупные промышленники владѣющіе капиталомъ во сто милліоновъ франковъ. Они не только заплатили князю Эстергази впередъ за шесть мѣсяцевъ ($2\frac{1}{2}$ милл. фр.), но еще положили значительный капиталъ на заведеніе хозяйственныхъ принадлежностей, которыя дадутъ имъ возможность замѣнить прежнюю варварскую обработку земли современной культурой.

Примѣръ князя Павла Эстергази долженъ былъ вызвать множество подражателей, и онъ дѣйствительно вызвалъ ихъ. Впрочемъ, возможенъ всякаго рода комбинатіи, которыя дѣйствительно и употреблялись, чтобы вызвать преобразование сельскаго хозяйства при содѣйствіи добавочнаго капитала, употребляемаго съ знаніемъ дѣла и осторожностью. Въ иныхъ случаяхъ, собственникъ можетъ самъ хозяйничать на своихъ земляхъ, занимая подъ залогъ ихъ оборотный капиталъ для устройства хозяйства въ усовершенствованномъ видѣ. Онъ можетъ также продать ихъ или отдать въ аренду частнымъ

лицамъ, или обществамъ (съ тѣмъ условіемъ, чтобы смѣшанные и устарѣлые предрасудки не препятствовали, какъ въ Бельгіи, устройству акціонерныхъ обществъ для обработки земли) которыя владѣютъ недостающими ему капиталами и средствами, или могутъ добыть ихъ себѣ на болѣе выгодныхъ условіяхъ чѣмъ онъ самъ. Наконецъ онъ можетъ также, какъ это дѣлалось въ большей части нашихъ обширныхъ рудоконныхъ предпріятій, обмѣнять свои земли частію на деньги, частію на акціи компаніи составившейся для ихъ обработки, и даже обмѣнять ихъ сполна на акціи этой компаніи; однимъ словомъ, можетъ встрѣтиться множество комбинацій, и конечно, собственныя выгоды землевладѣльца заставятъ его избрать изъ нихъ такую, которая наиболѣе сообразна съ его обстоятельствами, если только выбору его не помѣшаетъ какое-нибудь стѣснительное законоположеніе. Прибавлю къ этому, что при видѣ быстрого, совершающагося у насъ на глазахъ, преобразованія землевладѣльческихъ орудій и способовъ, невозможно уже болѣе сомнѣваться, что будущее принадлежитъ крупному земледѣлю также какъ оно принадлежитъ и крупной мануфактурной промышленности. Я знаю, что есть еще очень умные люди, мечтающіе о сохраненіи на вѣчныя времена мелкихъ земледѣльческихъ мастерскихъ, какъ они мечтали и о сохраненіи мелкихъ промышленныхъ мастерскихъ. Но машинная работа, все болѣе и болѣе замѣняющая ручную какъ въ земледѣліи, такъ и въ промышленности, обнаруживаетъ намъ всю тщету этихъ мечтаній. Въ земледѣліи, также какъ и въ промышленности, мелкая мастерская, гдѣ ручная работа служитъ главнымъ двигателемъ производства, не въ состояніи будетъ выдерживать конкуренцію крупныхъ мастерскихъ, гдѣ машины и наука замѣняютъ физическую силу работника. Безъ сомнѣнія, борьба окончится не вдругъ, но такъ какъ физическая работа не способна къ прогрессу, между тѣмъ какъ работа механическая находится еще, по крайней мѣрѣ въ земледѣліи, на исходномъ пунктѣ своего прогрессивнаго развитія, то эта борьба будетъ все болѣе и болѣе становиться неровною. Упорствовать въ искусственной поддержкѣ мелкой культуры и полагать препятствія образованію и развитію крупной, стѣсняя напримѣръ устройство ассоціацій для разработки земли, или какъ-нибудь иначе, это значитъ то же, что отсрочивать па-

дене мелкнхъ мастерскнхъ, и только дать страданія людей, ннн существующнхъ. Въ промышленности, мы уже видѣли страшные примѣры бѣдствій, поражаемыхъ этнмъ неразумнымъ покровительствомъ такой организаціи и такимъ способамъ, которые отжили свой вѣкъ. Такъ въ нашихъ Фландріяхъ, покровительство оказываемое ручной пряжей и ручному ткачеству насчетъ механическихъ, едва не погубило нашей цвѣтущей льняной промышленности, потому что работники, занимавшіеся ею, умирали тысячами отъ нищеты и истощенія. Не гораздо ли бы еще страшнѣе была эта катастрофа, еслибы дѣло шло о такой громадной промышленности каково земледѣліе? Итакъ прежде всего необходимо избѣгать устройства мелкнхъ земледѣльческихъ мастерскнхъ въ странахъ гдѣ онѣ не существуютъ, потому что недалеко уже минута, когда эти мелкія мастерскія исчезнутъ совершенно, несмотря на всѣ старанія поддержать ихъ. Уже и теперь, несмотря на то, что *machinery* усовершенствованнаго земледѣлія еще въ колыбели, борьба очевидно невозможна; что же будетъ, когда эта *machinery* достигнетъ такого же развитія, каково она достигла въ промышленности мануфактурной?

Въ Австріи, движеніе совершается въ смыслѣ развитія крупнаго сельскаго хозяйства и средствъ содѣйствовать ему пріобрѣтеніемъ необходимаго для него добавочнаго капитала. Этого добавочнаго капитала потребовали сначала у самой страны, и Вѣнскій національный банкъ получилъ разрѣшеніе выдавать ссуды подъ залогъ, по 6 процентовъ, уплачиваемыхъ за полгода впередъ. Онъ выдаетъ капиталъ облигаціями, которыя выкупаютъ потомъ у заемщика, смотря по курсу ихъ на биржѣ, по 84 и даже по 87 за сто. Слѣдовательно, ссуда выдаваемая Вѣнскимъ банкомъ стоить собственнику заемщику болѣе 7%, кромѣ преміи погашенія, или вмѣстѣ съ нею болѣе 8%¹. Это слншкомъ дорого. Оттого, въ теченіи 1860 года, Вѣнскій банкъ ссудилъ подъ залогъ только сумму въ 5.410.950 гульденовъ. Въ концѣ того же года, вся сумма гипотечныхъ ссудъ, вписанныхъ въ его книгахъ, не превышала 55.726.072 гульденовъ, а облигацій было выпущено на сумму въ 41.834.535 гульденовъ. Всѣ эти цифры

¹ *Considérations économiques et financières sur les ressources de l'Empire d'Autriche.* стр. 72.

крайне незначительны сравнительно съ потребностями сельскаго хозяйства.

Эта дороговизна національныхъ капиталовъ потребныхъ для земледѣлія въ странѣ, гдѣ помѣщеніе ихъ обезпечено вѣрнѣе чѣмъ въ большей части государствъ западной Европы, естественно должна была дѣйствовать въ видѣ поощрительной преміи привозу капиталовъ изъ западныхъ государствъ въ Австрію. Таковъ дѣйствительно и былъ ея результатъ въ эти послѣдніе годы, когда въ Бельгіи, въ Голландіи и въ самой Австріи основались общества съ спеціальною цѣлю снабженія австрійскихъ сельскохозайственныхъ заведеній западными капиталами. Главная изъ этихъ компаній, *Виндобона*, была основана въ Вѣнѣ въ 1859 г.; ея акціонеры и администраторы большею частію Бельгійцы. Заемщикъ обращающійся къ ней платитъ 5 процентовъ. Плата эта вносится въ полугодичные сроки, но уже по истеченіи полугодія. Сверхъ того заемщикъ платитъ *страховую премію*, учрежденіе которой, принадлежащее инициативѣ Виндобоны, еще дополняетъ всѣ гарантіи предоставляемыя заимодавцамъ австрійскою гипотечною системою. Вотъ отъ какихъ рисковъ должны предохранять эти страхованія:

Самая лучшая ипотека не доставляетъ полной увѣренности въ математической точности уплаты процентовъ и возвращенія капитала. Другими словами, несмотря на покровительство закона, несмотря на *дѣйствительную* прочность сдѣланнаго помѣщенія, несмотря на всѣ гарантіи, моветвыя, политическія или экономическія, окружающія гипотечнаго кредитора, онъ не имѣетъ никогда *абсолютной* увѣренности, что по истеченіи сроковъ, опредѣленныхъ закономъ или договоромъ, слѣдующіе ему проценты или капиталъ будутъ выплачены пунктуально. Если эта уплата не будетъ сдѣлана, то, при всемъ совершенствѣ гипотечнаго законодательства, кредиторъ принужденъ будетъ или ждать, или прибѣгать къ судебному иску, то-есть во всякомъ случаѣ терять время и терпѣть нѣкоторое потрясеніе въ своемъ кредитѣ, какъ бы ни было оно незначительно.

Для предотвращенія подобныхъ неудобствъ, Виндобона завела въ Австріи *страхованіе* гипотечныхъ займовъ. Операции этого учрежденія состоятъ въ принатіи на свою отвѣтственность за извѣстную премію: 1) обезпеченія пра-

льняного платежа капиталовъ, гарантированныхъ ипотекою; 2) обезпеченія правильного платежа процентовъ съ капиталовъ, гарантированныхъ ипотекою, равно и рентъ, также гарантированныхъ ипотекою. Итакъ цѣль основанія Вандобоны двоякая: гарантировать заимодавцамъ возвращеніе ихъ капиталовъ и правильную уплату процентовъ, привлекая къ ипотекамъ принципъ страхованія; привлекать въ Австрію, на выгодныхъ условіяхъ, иностранные капиталы для ипотечныхъ ссудъ, обезпечиваемыхъ вмѣстѣ и залогомъ, и поручительствомъ Вандобоны. Такимъ образомъ за страховую премію, выплачиваемую заемщикомъ, Вандобона выплачиваетъ кредитору проценты и капиталъ, въ случаѣ если должникъ просрочить исполненіе своихъ обязательствъ.

Это учрежденіе поземельнаго кредита доставляетъ уплату даже въ самомъ въ мѣстожителствѣ заемщика и въ сроки обозначенные въ условіяхъ ссуды.

Премія освобождающая кредитора отъ всякихъ непріятностей, какъ нравственныхъ, такъ и матеріальныхъ, и перекладывая ихъ на страховую компанію, вознаграждаетъ послѣднюю за выдачу суммъ, которая она обязана выплачивать вмѣсто заемщика, покрываетъ судебныя издержки и исправляетъ ущербъ, происходящій отъ несвоевременныхъ ликвидаций и уже не падающій на заимодавца.

Итакъ, все обезпечено кредитору, проценты, капиталъ, доходъ вѣрный и правильный, капиталъ ни въ какомъ случаѣ не гибнущій, спокойствіе духа и тѣла. Вмѣсто одного действительнаго обезпеченія, состоящаго въ недвижимости, ему предоставлены три: заложенная недвижимость, компанейскій капиталъ Вандобоны и касса страховаго общества, отвѣчающія за неуклонное выполненіе обязательствъ лавныхъ должникомъ.

Таково учрежденіе Вандобоны, которая, несмотря на свое недавнее существованіе, оказала уже важныя услуги австрійскимъ капиталистамъ. Она поддерживаетъ ипотечное обязательство съ его залогомъ, утверждаетъ его, удвояетъ его собственною силою и сообщаетъ платежу процентовъ движеніе правильности и быстроты, отличающее хорошо организованный государственный долгъ ¹.

¹ *Considerations* etc. Стр. 49.

Къ этому обществу недавно присоединилось другое: *Гипотечный нидерландскій банкъ*, основанный въ Амстердамѣ, съ главною цѣлю—производить гипотечныя помѣщенія въ Австріи. Этотъ банкъ, возникшій по инициативѣ бельгійскихъ капиталистовъ, принадлежащихъ большею частію къ католической партіи (вы увидите, что эта подробность имѣетъ свое значеніе), долженъ былъ сначала имѣть свое пребываніе въ Брюсселѣ. Но когда основатели его обратились къ правительству (увы! въ нашей свободной странѣ, необходимо всегда обращаться къ правительству), чтобы выхлопотать себѣ разрѣшеніе составить банкъ въ формѣ акціонернаго общества, то правительство находящееся нынѣ въ рукахъ либеральной партіи, стало придумывать всевозможныя затрудненія, и подъ предлогомъ тщательнаго разсмотрѣнія проекта, отложило его въ долгій ящикъ. Что же они сдѣлали тогда? Они обратились къ голландскому правительству, которое поспѣшило дать имъ немедленно просимое ими дозволеніе, и они перенесли центръ своихъ операцій въ Амстердамъ. Какъ видите, наша бюрократія лишила насъ полезнаго учрежденія, къ выгодѣ нашихъ сосѣдей, и даже къ выгодѣ самого *Гипотечнаго банка*, которому, какъ увѣряютъ его основатели, гораздо удобнѣе помѣщаться въ Амстердамѣ чѣмъ въ Брюсселѣ, потому что тамъ капиталы находятъ болѣе обширный рынокъ. Въ теченіи года, Гипотечный банкъ далъ уже Австріи въ ссуду болѣе 15 милліоновъ гульденовъ, и обороты его увеличиваются съ каждымъ днемъ. Составились и другія компаніи, частію съ цѣлю земледѣльческихъ помѣщеній, частію съ цѣлю помѣщеній промышленныхъ, и даже для застрахованія пожизненныхъ капиталовъ. Въ самой Вѣнѣ, три года тому назадъ, нѣсколько бельгійскихъ капиталистовъ основали компанію для застрахованія пожизненныхъ капиталовъ, подъ названіемъ *Якоря*. Это общество начало устраиваться въ то самое время, когда Европа готовилась къ италіанской войнѣ. Однако этотъ великій кризисъ не помѣшалъ компаніи въ нѣсколько лѣтъ реализовать цифру въ 60 милліоновъ гульденовъ (150 милліоновъ франковъ). Чтобы дать понятіе о важности этого результата, скажемъ, что въ Австріи съ 1830 года существовали четыре другія компаніи застрахованія пожизненныхъ капиталовъ, и что всѣ эти компаніи вмѣстѣ, до времени

основанія Якора, собрали не болѣе 20 милліоновъ въ теченіе 30 лѣтъ. Результаты, добытые Якоремъ, вызвали конкуренцію соперничающихъ компаній и оны въ три года сдѣлали болѣе чѣмъ прежде въ 30 лѣтъ. Не заключается ли въ этомъ многозначительный урокъ для тѣхъ, кто воображаетъ, что непременно нужно покровительствовать національнымъ капиталамъ насчетъ иностранныхъ?

На первый взглядъ, кажется, что система бумажныхъ денегъ должна была затруднять плодотворный приливъ иностранныхъ капиталовъ, но австрійское правительство имѣло благоразуміе дозволить, чтобы контракты заключались на *опредѣленную монету* и чтобы банковые билеты, упавшіе въ цѣнѣ, были принимаемы въ уплату по настоящему курсу; это предохраняетъ иностранныхъ кредиторовъ отъ потерь при упадкѣ денегъ, а иначе, капиталы ихъ непременно удалились бы съ австрійскаго рынка ¹.

¹ Вотъ очень интересный историческій очеркъ австрійскаго монетнаго законодательства, составляемый подъ формою консультаціи извѣстнымъ профессоромъ Вѣнскаго университета, г. докторомъ Штубенраухомъ.

„Въ 1811 г. постигъ Австрію первый финансовый кризисъ; онъ вызвалъ законъ 20-го февраля 1811 г., столь знаменитый въ финансовой исторіи этой страны. Въ силу этого закона *Wiener Währung* объявлено было единственною государственною монетою; и съ 15-го марта 1811 г. рѣшено было всѣ контракты между австрійскими подданными заключать на одну эту монету. Всякій контрактъ, который былъ бы впредь заключенъ на другихъ основаніяхъ, объявленъ былъ недействительнымъ. Но этимъ же самымъ закономъ постановлено, чтобы въ томъ случаѣ, когда заемъ будетъ дѣйствительно сдѣланъ особымъ видомъ монеты, уплата производилась тѣмъ же видомъ монеты или звонкою монетою; относительно же заграничныхъ займовъ допускалось писать обязательства на всякаго рода денежные знаки, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы уплата *производилась пунктуально условленною монетою*. Что же касается до займовъ, предшествовавшихъ 13-му марта 1811 года, то повелѣно было, что вообще заимодавцы должны принимать въ уплату *Wiener Währung*, и даже въ томъ случаѣ, если уплата условлена была звонкою золотою и серебряною монетою (законъ 13-го ноября 1811 г.), или даже червонцами и талерами, безъ всякаго обозначенія чекава (законъ 27 марта 1813); но когда уплата условлена особою монетою (какъ напримѣръ голландскими червонцами или прусскими талерами), то она должна производиться согласно сословію, и кредиторъ не можетъ принудить получить уплату бумажными деньгами.

„Вскорѣ по возстановленіи мира, эти ограниченія были уничтожены, и законами 1-го іюня 1816 г. и 25-го октября 1817 г. постановлено было, что контракты, заключенные на условленную монету или на золотую и серебряную, безъ обозначенія ея вида, должны быть выполняемы на бу-

Благодѣтельные результаты этого прилива иностранныхъ капиталовъ, употребляются ли они на построение желѣзныхъ дорогъ или на прогрессивное преобразование земледѣлія, ощутительны уже въ отпускъ австрійскихъ товаровъ.

важными дѣльгами, но золотомъ или серебряною монетою, имѣющею законный курсъ.

„Финансовый кризисъ 1848 года вызвалъ мѣры, одинаковыя съ тѣми, которыя приняты были въ 1811 г. Закономъ 2-го апрѣля запрещенъ былъ отпускъ за границу серебряной монеты; закономъ 4-го апрѣля того же года запрещенъ былъ вывозъ золотой монеты; закономъ 21-го мая и 2-го іюня устанавливается принудительный курсъ банковыхъ билетовъ и предписано принимать въ уплату банковые билеты по ихъ номинальной цѣнѣ. Это предписаніе должно было имѣть силу и въ тѣхъ случаяхъ, когда условія были заключены на звонкую монету, или на серебряную монету вообще или на серебряную національную (напримѣръ на цванцигеры), хотя бы эти условія исключали всякую бумажную монету и содержали въ себѣ формальное отреченіе должника отъ всякой выгоды, которую могъ бы доставить ему позднѣйшій законъ. Но если плата условлена была *опредѣленною* иностранною монетою, по вышеупомянутому закону и по закону 22-го мая 1848 года, то она должна производиться или по условію, или банковыми билетами, *по курсу*.

„Однако закономъ 7-го февраля 1856 г. постановлено было, что займы, заключаемые послѣ обнародованія означеннаго закона, на звонкую монету, должны быть уплачиваемы по условію, если заимодавецъ выговорилъ, чтобы проценты и капиталъ уплачивались *опредѣленными* деньгами или звонкою монетою, и чтобы должникъ не имѣлъ права, въ силу закона 22-го іюня 1848 г. требовать отъ заимодавца, чтобы онъ принялъ въ уплату банковые билеты вмѣсто звонкой монеты.

„Правда, законъ 30-го августа 1858 года далъ новымъ банковымъ билетамъ, получившимъ значеніе общей монеты обязательной для всей Австріи (*Oesterreichische Währung*), тѣ же привилегіи, какъ и прежнимъ, которые имѣютъ своимъ основаніемъ такъ-называемую конвенціонную монету (*Conventions-Münze*); но эти привилегіи имѣютъ то же значеніе, какъ и тѣ, которыя мы изложили, выше то-есть: новые банковые билеты, также какъ и прежніе, не могутъ быть отдаваемы въ уплату иначе какъ по биржевому курсу (а не по номинальной цѣнѣ), если дѣло идетъ о платежахъ, условленныхъ иностранною золотомъ или серебряною монетою.

„Тѣ же правила содержатся въ патентѣ 27 апрѣля 1858 года, устанавлиющемъ новую *Oesterreichische Währung*. По смыслу этого закона, платежи, опредѣляемые извѣстными числомъ прямо обозначенныхъ золотыхъ монетъ, должны производиться этими же золотыми монетами; а платежи, условленные вообще золотомъ или опредѣленною золотомъ монетою, должны быть производимы этою же монетою (какъ напримѣръ наполеондорами) или банковыми билетами, но только *по настоящему ихъ курсу*. Платежи условленные особымъ видомъ иностранныхъ денегъ должны также производиться этими условленными деньгами. Займы, по которымъ

„До 1860 года, говоритъ отличный инженеръ г. Буту¹, привозъ венгерскаго зерноваго хлѣба въ Триестъ былъ очень незначителенъ, да и въ 1860 году онъ возвысился только до скромной цифры 254.193 метрическихъ quintаловъ, изъ которыхъ часть конечно шла на мѣстное потребленіе. До конца 1860 года отпущкъ венгерскаго хлѣба черезъ Средиземное море былъ ничтоженъ. Всему этому причиною былъ не-

проценты и капиталъ должны быть уплачиваемы опредѣленною національною серебряною монетою или звонкою монетою вообще, должны быть перечислены на новую Oesterreichische Währung, и уплачиваемы по этому численію серебряными знаками этой новой австрійской монеты.

„Послѣдній законъ 27 декабря 1860 г., которымъ утверждены принудительный курсъ банковыхъ билетовъ въ Ломбардо-Венеціанскомъ королевствѣ, соответствовалъ закону 27-го апрѣля 1858 г., такъ что и тамъ платежи, условленные опредѣсленнымъ числомъ золотыхъ монетъ, точно обозначенныхъ либо золотомъ національною или иностранною монетою, или опредѣленнымъ видомъ серебряной монеты, національной или иностранной, должны были выплачиваемы въ точности по условіямъ.

„Изъ всего сказаннаго выходитъ, что австрійское правительство, во всякое время, даже въ самыхъ сильныхъ финансовыхъ кризисахъ, соблюдало права иностранныхъ кредиторовъ, и поддерживало во всей ихъ неприкосновенности тѣ принципы, что займы, по которымъ уплата процентовъ и капитала условлена на опредѣленную иностранную монету золотую или серебряную, должны быть уплачиваемы пунктуально и согласно съ условіями; что должникъ не можетъ пользоваться для своей выгоды принудительнымъ курсомъ банковыхъ билетовъ; что во всякомъ случаѣ банковые билеты, имѣющіе принудительный курсъ, не могутъ быть принимаемы по ихъ номинальной цѣнности, а только по цѣнности настоящаго курса, что равняется серебру.“

На основаніи этого счерка послѣдовала нижеслѣдующая декларація:

„Мы нижеподписавшіеся объявляемъ настоящимъ свидѣтельствомъ, что консультація, изложенная г-мъ докторомъ Штубенраухомъ, профессоромъ императорско-королевскаго университета на предложенный ему вопросъ: „Можетъ ли кредиторъ, по существующимъ австрійскимъ законамъ, обезпечить себя уплату опредѣленною иностранною монетою суду, имъ сдѣланной“, была тщательно разсматриваема нами и найдена согласно съ австрійскими законами; вслѣдствіе этого мы соглашаемся съ нимъ на всѣхъ пунктахъ. Вслѣдствіе чего мы и утвердили настоящій актъ нашими подписями.“

„Въня 27 июля 1861.

„Докторъ Краммесъ, адвокатъ при палатѣ и судѣ,
„деканъ юридической коллегіи.

„Докторъ Игнатій Грассъ, совѣтникъ правительства,
„профессоръ правъ въ Вѣнскомъ университетѣ.“

¹ La Hongrie et l'alimentation de l'Europe. Статья въ Revue des deux Mondes 15 ноября 1861.

достатокъ путей сообщенія. И дѣйствительно,“ продолжаетъ г. Буту, „тотчасъ же послѣ открытія желѣзной дороги отъ Пешта до Прагергофа, промежуточной станціи на желѣзной дорогѣ изъ Вѣны въ Триестъ, произошла значительная пере-мѣна въ отправкѣ хлѣба изъ Венгріи къ Адриатиче-скому морю. Съ 1-го апрѣля по 1-е іюля 1860 г., привозъ зернового хлѣба къ триестскому дебаркадеру не достигалъ 50.000 метрическихъ квинталовъ; въ тѣ же мѣсяцы 1861 г. онъ возвысился до 225.000 метрическихъ квинталовъ, и по всѣмъ вѣроятностямъ, къ концу 1861 года движеніе венгерскаго хлѣба къ Триесту значительно превзойдетъ миллионъ метрическихъ квинталовъ. Конечно, это еще не много; но до сихъ поръ для перевозки открытъ одиѣ только путь, и то самый дорогой. Въ 1862 году начнется навигація по Дравѣ, и окончится кرواتская желѣзная дорога; если движеніе 1861 г. уже учетверилось сравнительно съ 1860 г., то конечно движеніе 1862, и осо-бенно 1863, учетверится сравнительно съ 1861 г. и достиг-нетъ 4-хъ миллионвъ метрическихъ квинталовъ (около 6 миллионвъ гектолитровъ). Въ 1860 г. валовой отпускъ зер-нового хлѣба изъ Австрійской имперіи простирался до 7.036.538 квинталовъ (Zoll Centner).“

Честь такихъ результатовъ болѣе всего принадлежитъ желѣзнымъ дорогамъ, но не слѣдуетъ забывать, что желѣз-ныя дороги не создаютъ продуктовъ для перевозки; онѣ только содѣйствуютъ расширенію сбыта. Для созданія этихъ продуктовъ въ количествѣ возрастающемъ въ та-кихъ размѣрахъ, чтобы предложеніе ихъ соотвѣтство-вало возрастающему спросу, необходимы добавочныя ка-питалы, и эти-то добавочныя капиталы, или по крайней мѣрѣ значительную долю ихъ, готовы доставить австрій-скому земледѣлю Бельгія и Голландія.

IV.

Всѣ вышеизложенные факты должны, какъ мнѣ кажется, имѣть для васъ особенный интересъ. Въ Россіи, также какъ въ Австріи, а можетъ-быть и еще болѣе, отмѣна крѣ-постнаго права неизбѣжно влечетъ за собою преобразование

земледѣлія. Прибавлю къ этому, что это преобразование, къ которому приступаютъ уже въ западной Европѣ, и примѣръ которому подаетъ въ настоящее время Англія, какъ прежде она подала примѣръ преобразованія мануфактурной промышленности, непременно совершилось бы у насъ даже и безъ отмены крѣпостнаго права: скажу болѣе, подъ его вліяніемъ крѣпостное право рушилось бы само собою. И въ самомъ дѣлѣ, опытъ доказываетъ, что ручная работа должна наконецъ пасть во всѣхъ отрасляхъ матеріальной дѣятельности при конкуренціи работы механической, направляемой умомъ работника, возвысившагося со степени исполнителя работъ въ наблюдателя за ними, то-есть переставшаго исполнять должность машины и начавшаго управлять машиною. Такъ мы видимъ, что въ послѣднія пятнадцать лѣтъ американскій хлѣбъ все болѣе и болѣе соперничалъ съ русскимъ на рынкахъ Запада, несмотря на то что свободные работники восточныхъ штатовъ Союза получаютъ заработной платы среднимъ числомъ по 1 доллару въ день: но разница между этою цѣною и цѣною крѣпостнаго труда вознаграждалась съ диквою выгодами, которыя доставляло американскому земледѣльцу употребленіе машинъ прилагаемыхъ или къ производству, или къ перевозкѣ его хлѣба. И замѣтимъ, что употребленіе машинъ въ земледѣліи едва только начинается. Когда,—и это время уже близко,—земледѣльческая промышленность достигнетъ въ этомъ отношеніи той степени прогресса, на которомъ стоитъ мануфактурная промышленность, борьба сдѣлается невозможною для ручной работы и въ земледѣліи, какъ она сдѣлалась рѣшительно невозможною въ фабричной промышленности. Тогда преобразование должно послѣдовать непременно подъ опасеніемъ раззоренія. Опытъ доказываетъ, что если ручная работа въ промышленности, находящейся еще во младенчествѣ, можетъ быть въ извѣстныхъ обстоятельствахъ выполняема съ болѣею выгодною крѣпостными или невольниками чѣмъ свободными работниками, то совершенно не то бываетъ съ механическою работою промышленности усовершенствованной. Здѣсь крѣпостной или невольникъ обходится гораздо дороже свободного работника, да и нѣтъ возможности удерживать въ крѣпостномъ состояніи или работѣ челоуѣка получившаго умственное развитіе, необходимое для управленія орудіями усовершенствованной

промышленности, которая уже не нуждается въ его физической силѣ, и пользуется преимущественно его умственными способностями. Такимъ образомъ освобожденіе работниковъ является естественнымъ и необходимымъ слѣдствіемъ великаго промышленнаго переворота, совершающагося въ наши дни, переворота, которому суждено измѣнить видъ міра.

Но въ благородномъ терпѣніи вашемъ вы предупредили этотъ естественный ходъ вещей; вы уничтожили крѣпостное состояніе, не ожидая земледѣльческаго прогресса, вмѣсто того чтобы предоставить самому земледѣльческому прогрессу заботу объ его прекращеніи. И потому вамъ крайне необходимо замѣнить ручную работу, которая сдѣлалась у васъ рѣже, ненадежнѣе, дороже, работой механической, и старинное земледѣліе замѣнить новымъ. Но такъ какъ это преобразование можетъ совершиться только при содѣйствіи добавочнаго капитала, безъ сомнѣнія очень значительнаго, то все дѣло въ томъ чтобы добыть себѣ капиталъ на самыхъ выгодныхъ условіяхъ внутри ли государства, или за границей. Въ этомъ отношеніи Австрія показываетъ вамъ путь, которымъ вы должны идти: вамъ остается только подражать ей, по ея примѣру установить систему гарантій, которая бы вполне обезпечивала помѣщенія капиталовъ подъ землю и избавила бы ихъ отъ всѣхъ излишнихъ издержекъ. Сдѣлайте это, и капиталы запада притекутъ къ вашему земледѣлію, какъ они уже притекли къ земледѣлію австрійскому. Гипотечныя банки, агентства и пр. возникнутъ тогда сами собою для совершенія или облегченія этой эмиграціи капиталовъ къ рынку, представляющему имъ вѣрныя выгоды; безъ этого условія, ни банки, ни агентства, которые будутъ основаны съ этою цѣлю, не принесутъ никакой пользы, напротивъ того могутъ сильно повредить дѣлу, потому что вовлекутъ нѣкоторыхъ капиталистовъ въ операціи неудачныя и отобьютъ охоту къ дальнѣйшему переселенію иностранныхъ капиталовъ. Не думаю, чтобы кто-нибудь сталъ оспаривать, что введеніе австрійской системы въ дѣлѣ гражданскаго состоянія собственности и гипотечнаго законодательства, не было для васъ, какъ было бы оно и для насъ, важнымъ успѣхомъ. Но возможно ли вдругъ создать подобный успѣхъ? Возможно ли создать и обобщить эту систему гарантій, необходимыхъ для при-

влеченія капиталовъ къ почвѣ, такъ быстро чтобъ она могла удовлетворить потребностямъ поземельной собственности, не допускающимъ ни малѣйшей отсрочки въ настоящее время? На это, не колеблясь, можно отвѣчать утвердительно. Правительство могло бы даже не вмѣшиваться въ это дѣло, предоставивъ частной дѣятельности и опредѣленіе гражданскаго состоянія поземельной собственности, а устройство всѣхъ гипотечныхъ гарантій, удержавъ за собой только надзоръ надъ ними. Не вижу причины, почему бы этого великаго труда не предоставить частнымъ компаніямъ, которыя приняли бы на себя повѣрку права собственности, измѣреніе и оцѣнку земель, внесеніе въ ипотеки и проч., за плату, которая покрывала бы ихъ издержки, доставляя имъ прибыль, одинаковую съ прочими промышленностями. Эта система имѣла бы даже значительное преимущество передъ австрійскою, въ томъ отношеніи, что компаніи, которымъ было бы поручено гражданское состояніе собственности, могли бы подлежать отвѣтственности за свои ошибки или нерадѣніе, тогда какъ эта отвѣтственность не существуетъ или остается совершенно мечтательною, если ее беретъ на себя администрація. Наконецъ компаніи, привлеченныя приманкою барыша, исполняли бы въ полгода работу, съ которою администрація вѣроятно не совладѣла бы и въ двадцать лѣтъ. Обязанность правительства ограничилась бы, при этой системѣ, реформой въ отправленіи правосудія для довершенія и обезпеченія всѣхъ гарантій, которыя создало бы устройство этого усовершенствованнаго положенія поземельной собственности. Эта самая реформа могла бы быть значительно обезпечена приложеніемъ къ ней экономическихъ принциповъ, управляющихъ всѣми отраслями человѣческаго труда; но вопросъ этотъ завлекъ бы меня за предѣлы настоящей статьи. Я ограничусь только посажднымъ замѣчаніемъ чтобы показать, какъ необходимо вамъ создать систему гарантій, способную обратить къ Россіи потокъ капиталовъ запада, направляющійся теперь къ Австріи: земледѣльческая промышленность этой имперіи, благодаря иностранному капиталу, начинаетъ уже соперничествовать съ вашей въ бассейнѣ Средиземнаго моря, и если вы не примете своихъ мѣръ, если вы не поспѣшите обратить противъ нея орудіе прогресса, которое она за-

хватала прежде васъ, то она скоро займетъ тамъ ваше мѣсто. Не надо забывать, при этомъ, что мы вступили въ эру международной конкуренціи, и если этотъ новый экономическій порядокъ обѣщаетъ великолѣпную будущность тѣмъ, которые идутъ впередъ, то онъ безжалостно сокрушаетъ рутинистовъ и отсталыхъ.

V.

Позвольте мнѣ, въ видѣ постъ-скриптума, обратить ваше вниманіе на это заведеніе, основанное два года тому назадъ бельгійскимъ правительствомъ для обученія сельскому хозяйству. Я старался показать вамъ всѣ выгоды, которыя можетъ доставить вашему земледѣлію значительный привозъ иностранныхъ капиталовъ; необходимо также, особенно при замѣнѣ старинной рутинной новой системой усовершенствованной культуры, чтобъ употребленіе этихъ капиталовъ направляемо было людьми разумными и специально образованными; необходимо, чтобы новое земледѣліе имѣло въ своемъ распоряженіи инженеровъ, которые замѣнили бы работниковъ на фермахъ, достаточныхъ при старой системѣ, подобно тому какъ механики и инженеры при желѣзныхъ дорогахъ и рудоконьяхъ замѣнили старинный личный составъ возчиковъ. Въ противномъ случаѣ капиталы, которые попадутъ въ руки людей неспособныхъ или мало образованныхъ, будутъ растрчены безъ всякой пользы. Итакъ важность хорошихъ заведеній для земледѣльскаго образованія неоспорима, и по всѣмъ вѣроятностямъ, эти заведенія, теперь еще малочисленные и мало посѣщаемыя, займутъ со временемъ первое мѣсто между всѣми специальными. Въ Бельгіи, правительство, подѣ влияніемъ этой мысли, основало нѣсколько лѣтъ тому назадъ до дюжины земледѣльческихъ школъ; но это посѣщенное основаніе школъ въ странѣ, гдѣ старинное земледѣліе остается господствующимъ, потому именно что оно достигло здѣсь высшей чѣмъ гдѣ-нибудь степени совершенства, не имѣло никакого успѣха; земледѣльческія школы шли дурно и учителей въ нихъ было болѣе чѣмъ учениковъ. Общественное мнѣніе возстало наконецъ противъ такой растраты общественной казны, и прави-

тельство замѣнило, два года тому назадъ, свои многочисленныя школы однимъ земледѣльческимъ институтомъ, которому и отвело помѣщеніе въ пространномъ и великолѣпномъ аббатствѣ, въ Жамблу (Gembloux), на разстояніи 1½ часа отъ Брюсселя (по люксембургской желѣзной дорогѣ). Вамъ извѣстно, что въ принципѣ я непримиримый врагъ казеннаго обученія; я полагаю, что правительству не слѣдуетъ мѣшаться въ обученіе, и вотъ что можно не безъ основанія сказать противъ земледѣльческаго института въ Жамблу: правительство даетъ въ этомъ институтѣ каждому воспитаннику за 700 фр. въ годъ (со включеніемъ квартиры и стола) образованіе, которое правительству обходится конечно отъ 2.000 до 3.000 франковъ. Мнѣ кажется, что въ высшей степени несправедливо обременять массу плательщиковъ податей, — изъ которыхъ бѣольшая часть такъ бѣдна, что не въ состояніи выучивать дѣтей своихъ грамотѣ, — расходами по воспитанію молодыхъ людей принадлежащихъ къ зажиточнымъ классамъ, и сверхъ того большою частію иностранцевъ. Это совершенно то же какъ еслибы мы платили ежегодную премію въ 1.000 или 2.000 фр. на каждого Русскаго, Нѣмца, Англичанина, который вздумаетъ учиться въ Жамблу. Но сдѣлавъ эту оговорку, я полагаю, трудно гдѣ-либо найти заведеніе лучше устроенное. Я подробно осматривалъ его нѣсколько дней тому назадъ, и былъ отъ него въ совершенномъ восторгѣ. Директоры и преподаватели въ немъ — молодые люди чрезвычайно способные и энергическіе, выбранные изъ числа служившихъ при закрытыхъ нынѣ земледѣльческихъ школахъ; на этотъ разъ администрація имѣла благоразуміе предоставить имъ полную свободу. Вслѣдствіе этого, они извлекали всевозможную пользу изъ вѣременнаго имъ обширнаго заведенія, заключающаго въ себѣ, кромѣ самаго института, еще двѣ большія фермы, изъ которыхъ одна обрабатывается воспитанниками, и заводы свеклосахарный и водочный.

Теоретическое преподаваніе заключаетъ въ себѣ слѣдующіе курсы:

А. *Сельско-хозяйственное инженерное искусство*, содержащее въ себѣ элементарную алгебру, плоскую геометрію, стереометрію, землеѣрное искусство, съемку плановъ, планировку, рисованіе чертежей, начала механики, устройство

земледѣльческихъ орудій и машинъ, построение сельскихъ дорогъ и зданій, дренажъ и орошение.

В. Науки физическія и химическія, куда относятся физика, метеорологія, химія органическая и неорганическая съ приложеніемъ ея къ земледѣлію, анализы и земледѣльческая технология.

С. Естественная исторія: минералогія, геологія, ботаника и зоологія, съ приложеніемъ ихъ къ земледѣлію.

Д. Зоотехнія: основанія анатоміи и физиологіи животныхъ, гигиена, производство, воспитаніе и улучшеніе домашнихъ животныхъ.

Е. Культура: общее и частное земледѣіе, лѣсоводство, садоводство и древоводство.

Ф. Сельская и лѣсная экономія, заключающая въ себѣ начала политической экономіи, земледѣльческія системы, сѣвообороты, земледѣльческіе капиталы и пр.

Г. Сельское право.

Н. Сельская бухгалтерія.

Практическое обученіе заключаетъ въ себѣ всѣ приложенія предыдущихъ курсовъ, а именно:

А. Сельско-хозяйственное инженерное искусство. Упраженія въ чертежномъ рисованіи, въ землемерномъ искусствѣ, въ кубическомъ измѣреніи, въ проектахъ, смѣтахъ и выполненіи работъ по дренажу и орошенію, проекты и смѣты по сельскимъ построеніямъ.

В. Химія. Химическія манипуляціи, приготовленіе нѣкоторыхъ тѣлъ, опыты и анализы земель и удобреній. Посѣщеніе фабрики дренажныхъ трубъ, кирпичныхъ заводовъ, печей для обжиганія извести, крахмальныхъ фабрикъ, пивоварель, заводовъ водочныхъ и сахарныхъ и пр.

С. Естественная исторія. Гербаризація, минералогическія и геологическія экскурсіи.

Д. Зоотехнія. Анатомическіе и физиологическіе опыты, на анатомическихъ препаратахъ; перевязка, санитарное посѣщеніе хлѣвовъ, обращеніе съ животными операціи, ветеринарной медицины, осмотръ животныхъ, поступающихъ въ продажу, посѣщеніе конскихъ заводовъ, хлѣвовъ, стадъ, ярмарокъ, конкурсовъ и пр.

Е. Культура. Употребленіе орудій, инструментовъ, повозокъ, машинъ; работы по приготовленію вочвы, пашня, бо-

роvincia, укатываніе, употребленіе удобреній; сѣваніе и искусственная мультипликація; полотье, перепахиванье, орошеніе, очистка деревьевъ; сѣнокосъ, жатва, различная уборка: скирды; молотьба хлѣба и пр.; осмотръ специальныхъ культуръ, садовъ, лѣсовъ, расадниковъ и земледѣльческихъ работъ.

Г. Сельская и административная экономія. Организация земледѣльческихъ работъ и отчеты о состояніи хозяйства, надъ которымъ имѣли наблюденіе воспитанники. Оцѣнка, проекты культуры, посвященіе фермъ и пр.

Н. Бухгалтерія. Веденіе земледѣльческихъ книгъ въ хозяйствѣ. Открытіе, веденіе и заключеніе счетовъ, балансы, инвентари, бюджеты и пр.

Семь профессоровъ, съ помощью трехъ репетиторовъ и ученаго садовника, завѣдываютъ всѣмъ преподаваніемъ. Курсы проходятся на французскомъ языкѣ. Курсъ трехгодичный, и воспитанники раздѣлены на три отдѣла, согласно съ раздѣленіемъ преподаванія. Курсы, конференціи, класныя занятія, практическія работы и экзамены обязательны.

Коллекціи, снабженныя въ изобиліи всѣми нужными предметами, служатъ пособіемъ для преподаванія: бібліотека, составленная изъ специальныхъ сочиненій, находится въ распоряженіи воспитанниковъ.

Библіотека для чтенія, гдѣ разложены земледѣльческіе журналы и ученныя обзоренія, открыта имъ въ назначенныя часы.

Для поступленія въ институтъ воспитанники должны имѣть 16 лѣтъ отъ роду и доказать, что обладаютъ достаточными свѣдѣніями для прохожденія курса съ успѣхомъ, то есть знаютъ французскій языкъ, ариметику и четыре первыя книги геометріи Лежандра. Есть полные пансіонеры, пользующіеся квартирой и столомъ за 700 франк. въ годъ, и экстерны, которые платятъ 300 фр. и занимаютъ квартиры въ маленькомъ городкѣ по сосѣдству съ Жамблу. Курсы открываются 20-го октября.

Мнѣ кажется, что вамъ не бесполезны будутъ эти свѣдѣнія, которымъ вы можете вполне довѣрить, потому что я все видѣлъ самъ, и съ особеннымъ интересомъ для себя (я помѣстивъ одного изъ моихъ сыновей въ этотъ институтъ). Впрочемъ, надо замѣтить, что специальное обра-

зованіе лучше всего у насъ въ Бельгіи. Горная школа въ Геннегау и школа искусствъ и мануфактуръ въ Литтихъ доставляютъ цѣлой Европѣ инженеровъ замѣчательныхъ своимъ основательнымъ образованіемъ и практическимъ смысломъ. Съ другой стороны, наша военная школа считается одною изъ лучшихъ въ Европѣ: обстоятельство довольно странное, если вспомнимъ что Бельгія государство нейтральное. Сколько я могу судить, институтъ Жамблу нисколько не ниже ихъ, и по крайней мѣрѣ надъ военною школою онъ имѣетъ то преимущество, что польза его гораздо очевиднѣе.

ГУСТАВЪ ДЕ-МОЛИНАРИ.

ВОСПОМИНАНІЕ

О

П. Я. ЧААДАЕВЪ.¹

Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
Ты оживляя ея совѣтомъ пль укоромъ;
Твоею жарь воспламеняя къ высокому любовь.

Пушкиль. *Посланіе къ Чаадаеву,*

Петръ Яковлевичъ Чаадаевъ родился 27 мая 1793 года. Онъ происходилъ отъ древней дворянской фамиліи. Отецъ его, Яковъ Петровичъ Чаадаевъ, человекъ умный и образованный, авторъ остроумной комедіи *Донъ Педро Прокодуранте*², скончался, когда сыну его было не болѣе четырехъ лѣтъ. Мать, Наталья Михайловна, была меньшая дочь извѣстнаго нашего историка и публициста, князя Михаила Михайловича Щербатова³.

¹ Читано въ публичномъ засѣданіи Общества Любителей Россійской Словесности, при Императорскомъ Московскомъ университетѣ, 24 апрѣля 1860 года.

² *Донъ Педро Прокодуранте, или наказанный бездѣльникъ*, комедія, сочиненіа Кальдерона де-ла-Барка. Съ Гиспанскаго на Россійскій языкъ переведена въ Нижнемъ Новѣгородѣ. Москва. Въ унив. тип. у Ридигера и Клаудія. 1794. См. статью мою о ней въ *Современникъ* 1856 г. № 7 Отд. 5, стр. 1.

³ Род. 22 іюня 1733, ум. 12 декабря 1790.

Если справедлива примѣта, что качества умственные и душевныя часто передаются черезъ поколѣнiе отъ дѣда къ внуку, то очень естественнымъ покажется сходство, которое во многихъ отношенiяхъ замѣтно между Чаадаевымъ и его дѣдомъ Щербатовымъ. Нашъ историкъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ людей своего времени. Отличаясь страстью къ чтенiю и разностороннимъ умственнымъ занятiямъ, онъ чутко прислушивался къ движенiю общественной и духовной жизни Россiи въ то время, когда лишь немногiе были къ тому способны, и когда это было сопряжено почти съ непреодолимыми трудностями. Щербатовъ, изучалъ тайныя пружины правительственныхъ дѣлъ и судилъ о явленiяхъ своего времени съ рѣдкимъ знанiемъ дѣла, съ неумолимою строгостью неподкупнаго судьи. Наконецъ онъ говорилъ прямо и смѣло свое мнѣнiе обо всемъ въ такое время, когда бѣольшая часть людей, знатныхъ не менѣе его и гораздо болѣе чиновныхъ чѣмъ онъ, кланялась въ переднихъ Потемкина или Зубова. Екатерина II не могла терпѣть его втайнѣ, но по наружности оказывала знаки уваженiя его учености, присвоила ему титулъ *исторiографа*, поручила ему разборъ бумагъ Петра I, переписывалась съ нимъ по предметамъ его занятiй и жаловала ему изрѣдка чины и ленты¹. Вельможи ненавидѣли его, и съ злобою и подозрѣнiемъ смотрѣли на непрошеннаго лѣтописца, прятавшаго въ свой портфель какiя-то таинственныя бумаги и тетради, въ которыя онъ вписывалъ кое-что, ужь конечно неблагопрiятное для нихъ. Сравните эти черты характера Щербатова съ тѣмъ что извѣстно о Чаадаевѣ, отдѣливъ условiя ихъ индивидуальнаго развитiя, и вы увидите, что онъ былъ вполне внукъ своего дѣда, за исключенiемъ чиновъ и лентъ, отсутствiе которыхъ у внука въ свою очередь можетъ повести къ другаго рода любопытнымъ оближенiямъ и заключенiямъ.

¹ Князь М. М. Щербатовъ былъ президентомъ коммерцъ-коллегiи и сенаторомъ, имѣлъ александровскую ленту. См. *Рос. родосл. книгу* составл. кн. П. Долгоруковымъ, ч. I, стр. 119. Въ молодости онъ былъ депутатомъ отъ ярославскаго дворянства въ знаменитой комиссiи, о сочиненiи проекта новаго Уложенiя, 1767 года. См. *Именной списокъ вс. депутатамъ* и др. Спб. 1769, стр. 6.

Наталья Михайловна Чаадаева умерла такъ же, когда дѣти ея были въ младенчествѣ. Они остались на попеченіи дядей своихъ Щербатовыхъ. Это почтенное семейство знало цѣну образованія, и природныя способности малолѣтняго Чаадаева получили доброе направленіе. Ничего не было упущено при его ученіи и воспитаніи. Особенное попеченіе о малолѣтнихъ Чаадаевыхъ приняла на себя тетка ихъ, княжна Анна Михайловна Щербатова, оставшаяся всю жизнь въ дѣвцахъ. Дѣти ея любимой сестры были предметомъ ея безграничной привязанности, о которой сохранились трогательныя преданія. Такъ разказываютъ, что однажды, когда княжна была съ питомцами своими въ церкви, домъ, гдѣ она жила, загорѣлся, и къ ней прибѣжалъ слуга, весь разстроенный, говоря: „у насъ несчастіе!“ Княжна инстинктивно бросила взглядъ на своихъ племянниковъ, и съ удивленіемъ спросила: „Какое же можетъ быть несчастіе? Вѣдь дѣти здѣсь, и здоровы!“ Какое высокое чувство любви въ этихъ немногихъ словахъ! Вотъ въ какой средѣ росъ Чаадаевъ.

Когда ребенокъ подростъ, и потребовалось дать пріобрѣтеннымъ имъ элементарнымъ свѣдѣніямъ общее направленіе и открыть ему высшія познанія, дѣло это было поручено ученымъ стоявшимъ тогда на высотѣ благороднаго призванія просвѣщать умы и сердца молодого поколѣнія. Московскій университетъ, которому прямо или косвенно обязано своимъ образованіемъ столько лучшихъ людей Россіи, давалъ для того достаточныя средства. Уроки его преподавателей сообщали юному Чаадаеву тотъ серьезный строй, который дѣлаетъ умъ молодого человѣка способнымъ къ воспріятію духа науки, который постепенно обогащаетъ человѣка въ теченіи всей его жизни. Чаадаевъ всегда съ глубокимъ уваженіемъ и признательностію вспоминалъ о лекціяхъ Мерзлякова¹, Буле², и особенно почиталъ память Баузе³ и Шлецера-сына⁴.

Такъ провелъ Чаадаевъ свое дѣтство и первую юность,

¹ Род. 1778, ум. 26 іюля 1830 г.

² Род. 29 сентября 1763 г. Ум. 11 августа 1821 г. Онъ былъ профессоръ естественнаго права и теоріи искусства.

³ Род. 1752 г. Ум. 25 мая 1812 г. Онъ преподавалъ исторію, педагогку и римское право.

⁴ Онъ былъ профессоромъ политической экономіи и дипломатики.

до осмнадцатилѣтняго возраста. Замѣтимъ здѣсь кстату, что онъ отличался съ самыхъ раннихъ лѣтъ необыкновенною наблюдательностію. Онъ до конца жизни разказывалъ, съ удивительными подробностями и вѣрными замѣчаніями, объ особенностяхъ нравовъ, общественной жизни и интересовъ *допожарной* Москвы. Въ его разказахъ оживала какъ бы волшебствомъ картина этой своеобразной, пестрой, шумной жизни, которая такъ не похожа на послѣдующую эпоху. Всѣ эти черты прежнихъ нравовъ, въ которыхъ намъ такъ трудно узнать самихъ себя, не прошли незамѣченными со стороны Чаадаева, и сохранились въ его памяти съ впечатлѣніями, оставшимися въ немъ непркосновенными со времени его юности.

Въ 1811 году Чаадаевъ пріѣхалъ въ Петербургъ, и опредѣлился юнкеромъ въ лейбъ-гвардію Семеновскій полкъ, первый въ тогдашней гвардіи, и особенно любимый государемъ. Первоначальный вкусъ къ умственнымъ занятіямъ, внушенный ему съ дѣтства, спасъ его отъ пустоты и соблазновъ военной жизни, отъ грубыхъ разсвѣній гарнизоннаго быта въ столицѣ. Съ другой стороны, семейныя связи и собственныя наклонности доставили ему знакомство съ людьми родственной ему сферы, между прочимъ съ С. С. Уваровымъ.¹ Такимъ образомъ, съ самыхъ юныхъ лѣтъ, вступилъ онъ и въ Петербургъ въ сношенія съ лицами, которыя сдѣлались извѣстными своею дѣятельностію на поприщѣ умственномъ.

Наступилъ 1812 годъ. Въ рядахъ Семеновскаго полка совершилъ Чаадаевъ безсмертные походы нашихъ войскъ. Великія событія этой эпохи застали его еще въ первой порѣ молодости. Въ самый день сдачи Москвы онъ былъ произведенъ въ офицеры, и продолжалъ служить въ Семеновскомъ полку, былъ въ славномъ кульскомъ бою, а въ концѣ 1813 года, перешелъ поручикомъ въ ахтырскіе гусары. Онъ былъ съ нашими войсками въ Парижѣ, и возвратившись въ отечество, былъ въ началѣ 1816 года переведенъ въ лейбъ-гусарскій полкъ², который квартировалъ въ Царскомъ Селѣ.

¹ Въ послѣдствіи знаменитый министръ народнаго просвѣщенія. Род. 25 августа 1787 г. Ум. 4 сентября 1856 г.

² *Русскій Вѣстникъ* 1860 г. № 10, стр. 279, статья г. Семейскаго. *Полковныя исторіографы*.

Въ это время Царское Село получило особый характеръ отъ лицей, основаннаго тамъ въ 1811 году¹. Мысль учредить это высшее заведеніе въ отдаленіи отъ столицы, въ мѣстѣ прелестномъ по своему положенію, наполненномъ величавыми воспоминаніями прошедшаго, была достойна императора Александра, который въ этомъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, показалъ себя истиннымъ поэтомъ. Подобная обстановка, конечно при содѣйствіи первоначальнаго образованія лицей, не могла не имѣть вліянія на юношей. Преданіе сохранило намъ нѣкоторыя извѣстія объ этомъ первомъ поэтическомъ періодѣ исторіи лицей, а литературныя стремленія его первыхъ питомцевъ оставили по себѣ прочныя слѣды. Въ то время, о которомъ мы говоримъ, лицейсты перваго курса были уже молодые люди отъ шестнадцати до девятнадцати лѣтъ. Образованные, бойкіе, любезные, они играли замѣтную роль въ царскосельскомъ обществѣ, кругъ котораго на лѣто увеличивался обыкновенно съ пріѣздомъ двора и временныхъ лѣтнихъ жителей. Общество это уже и тогда не могло не отличить между вами того, кто сдѣлался вскорѣ нашею любовью, нашею славой. Пушкинъ пробовалъ первые аккорды своей лиры подъ стѣнью Екатерининскихъ садовъ, которые прославились этимъ воспоминаніемъ не менѣе чѣмъ обелесками Кагула и Чесмы.

Въ тѣ дни, когда въ садахъ Лицей
 Я безмятежно разцвѣталъ,
 Читалъ охотно Апулея,
 А Цицерона не читалъ;
 Въ тѣ дни, въ таинственныхъ долинахъ,
 Весной, при кликахъ лебединыхъ,
 Являясь муза стала мнѣ.
 Моя студенческая келья
 Вдругъ озарилась; муза въ ней
 Открыла пуръ молодыхъ затѣй,

¹ Октября 19. Извѣстно, что многіе воспитанники перваго курса лицей, товарищи Пушкина, заняли въ послѣдствіи видное мѣсто въ литературѣ, обществѣ и службѣ; таковы: баронъ А. А. Дельвицъ, В. К. Кюхельбекеръ, А. Д. Илличевскій, князь А. М. Горчаковъ, С. Г. Ломоносовъ, баронъ М. А. Корфъ, В. Д. Вальховскій, И. И. Пущинъ, Ф. Ф. Матюшкинъ, М. Л. Яковлевъ.

Воспѣла дѣтскія веселья,
 И славу нашей старины,
 И сердца трепетные сны.
 И свѣтъ ее съ улыбкой встрѣтилъ;
 Успѣхъ насъ первый окрылялъ:
 Старикъ Державинъ насъ замѣтилъ
 И въ гробъ сходя благословилъ.

.

Такъ говорилъ самъ Пушкинъ о началѣ своего поэтического поприща ¹.

Пріѣздъ Чаадаева въ Царское Село далъ ему возможность возвратиться, въ свободное отъ службы время, къ любимымъ занятіямъ, чтенію и размышленію, которому давали новую пищу пережитыя имъ событія и знакомство съ чужими краями, гдѣ онъ былъ во время войны. Царское Село удовлетворяло и другой его потребности,—потребности быть въ обществѣ свѣтскомъ и образованномъ. Здѣсь скрѣпились его общественныя связи, здѣсь сдѣлался онъ извѣстенъ не какъ простой гусарикъ, а какъ человѣкъ мыслящій и европейски образованный. Въ числѣ домовъ, наиболѣе имъ посѣщавшихся, былъ домъ Карамзина ²; проводившаго въ Царскомъ Селѣ каждое лѣто. У Карамзина встрѣтилъ Чаадаевъ шестнадцатилѣтняго курчаваго лицеиста, который ужъ обращалъ на себя общее вниманіе какъ стихотворецъ, какъ надежда будущаго. Такъ познакомились Чаадаевъ и Пушкинъ.

Рѣзвый, пылкій, жадный до наслажденій, Пушкинъ, безъ сомнѣнія, имѣлъ влеченіе къ гусарамъ другаго рода, къ тѣмъ пирамъ, которые служатъ необходимою принадлежностію всякаго кружка богатой, да еще притомъ и военной, молодежи. Извѣстно, что онъ и посѣщалъ ихъ довольно усердно. Но это не мѣшало ему почувствовать особую симпатію къ человѣку иной сферы, подружиться именно съ Чаадаевымъ, у котораго онъ не могъ находить ни „искрометной влаги“, ни веселыхъ пѣсенъ, ни разгуляя. Пушкинъ, давъ волю своей пылкой молодости, заплативъ

¹ *Евгеній Онегинъ*, VIII, 1.

² Карамзину, по приказанію государя, каждое лѣто отводился для лѣтняго его жительства особый домъ изъ числа принадлежавшихъ къ дворцовому вѣдомству.

давъ столь понятнымъ увлеченіямъ своей страстной натуры, чувствовалъ потребность отводить душу въ мирномъ убѣжищѣ, гдѣ все говорило о жизни духовной и умственной. Онъ безпрестанно посѣщалъ Чаадаева, и находилъ отраду въ его просвѣщенной бесѣдѣ. Онъ внимательно слушалъ строгія рѣчи молодого мыслителя, говорившаго съ увлеченіемъ о высшемъ благѣ чело­вѣка, о судьбахъ чело­вѣчества, о ходѣ его исторической жизни, о путяхъ, которыми Провидѣніе ведетъ народы къ таинственной цѣли. Чаадаевъ учился самъ и училъ вмѣстѣ съ тѣмъ своего молодого друга, способствуя его умственному развитію въро­ятно болѣе чѣмъ всевозможные профессора съ своими лекціями. Такая дружба прочнѣе другихъ связей, которыя такъ легко заводятся между молодежью. И дружба Чаадаева и Пушкина оставалась всегда неизмѣнною. Пушкинъ, еще въ семнадцать лѣтъ, впадѣвъ оцѣнилъ этого дарованнаго ему Провидѣніемъ друга и охарактеризировалъ его слѣдующими стихами, написанными къ столь знакомому намъ портрету Чаадаева въ гусарскомъ мундирѣ,—Чаадаева, цвѣтущаго юноши, какимъ онъ былъ тогда ¹.

Онъ вышей волею небесъ

Проводитъ жизнь на службѣ царской;

Онъ въ Римѣ былъ бы—Брутъ, въ Ассизахъ—Периклезъ,

У насъ—онъ офицеръ гусарской.

Такъ прошло время до 1817 года. Тогда Пушкинъ вышелъ изъ лицея, а Чаадаевъ отправился съ гвардіей вслѣдъ за дворомъ въ Москву, которую Государь посѣщалъ въ первый разъ послѣ ея славнаго пожара. Вскорѣ Чаадаевъ вышелъ изъ фронта и поступилъ въ адъютанты къ извѣстному генералу И. В. Васильчикову, командовавшему тогда гвардіей ².

Въ началѣ 1818 года, Пушкинъ и Чаадаевъ встрѣтились уже въ Петербургѣ, гдѣ оба поселились. Чаадаевъ жилъ въ гостиницѣ Демута. Утро посвящалъ онъ любимымъ занятіямъ, потомъ принималъ знакомыхъ, а вечеръ отдавалъ обществу, въ которомъ игралъ блестящую роль. Его любезность, просвѣщенный умъ, ловкость, красивая на-

¹ Разумъ на 1854 годъ, изд. Н. В. Сущковымъ, стр. 296.

² Въ послѣдствіи предсѣдатель государственнаго совѣта. Род. 1776; ум. 21 февраля 1847.

ружность, все выдвигало его на первый планъ. Государь отличалъ его, и выразилъ намѣреніе взять его въ флигель-адъютанты.—честь, которой удостоивались немногіе.

Пушкинъ часто посѣщалъ Чаадаева и продолжалъ съ нимъ живыя, откровенныя царскосельскія бесѣды. Но все измѣнялось вдругъ, когда приходили къ Чаадаеву съ докучными визитами тѣ его свѣтскіе знакомые, которые на кредитъ пользовались репутаціей умниковъ и любезниковъ. Пушкинъ сейчасъ смолкалъ, садился въ уголъ на диванѣ, поджавъ ноги, и упорно чуждался всякихъ сношеній съ подобными посѣтителеми, покушавшимися иногда обращаться къ нему съ видомъ свисходительнаго покровительства ¹.

Дружба Пушкина и Чаадаева была извѣстна въ петербургскомъ свѣтѣ. Имя Пушкина стало шумѣть все болѣе и болѣе, особенно благодаря нѣкоторымъ рукописнымъ его стихотвореніямъ. Въ 1819 году, императоръ Александръ захотѣлъ познакомиться съ произведеніями Пушкина, памятнаго ему еще съ лица и поручилъ Васильчикову достать ему что-нибудь изъ нихъ для прочтенія. Васильчиковъ обратился къ Чаадаеву, который доставилъ ему извѣстную піесу „Деревня“ или „Уединеніе“ ², оканчивавшуюся въ подлинникѣ слѣдующими стихами:

Увижуль я, друзья, народъ неугнетенной
И рабство, падшее по манию Царя;
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря? ³.

Государю очень понравились эти стихи, и онъ оказалъ Васильчикову: „merciez Pouschkine des nobles sentiments qui inspirent ses vers“ ⁴. Такъ шла дѣла до мая 1820 года.

Въ это время разразилась надъ Пушкинымъ буря, грозившая навѣкъ погубить его и его развивавшіяся гевій, унести

¹ Объ одномъ изъ этихъ докучныхъ ему говоримовъ вспоминалъ онъ въ Бессарабіи, упомянувъ о немъ въ послѣднихъ двухъ стихахъ посланія къ Чаадаеву, приведеннаго выше.

² Соч. Пушк. изд. Искова, ч. I, стр. 205.

³ 12 января 1861 года М. П. Погодинъ повторилъ эти стихи на годовичномъ праздникѣ Московскаго Университета.

⁴ „Поблагодарите Пушкина за благородныя чувства, вдохновляющія его стихи“.

его на далекой сѣверъ, на пустынный островъ Бѣлаго моря. Сильность и шаловливость музы двадцатилѣтняго юности представляемы были какъ преступленія нравственныя, религіозныя, государственныя, чему наиболѣе способствовала одна его знаменитая ода. Соловецкая пустынь была присуждена этому юношѣ, даже еще не достигшему еще гражданскаго совершеннѣйшаго. Дѣло было рѣшено; одна минута, и Пушкинъ былъ бы можетъ-быть потерянь для Россіи навсегда. Но добрый геній спасъ ее отъ такого удара: Чаадаевъ случайно узналъ о грозящей опасности; онъ со всѣмъ рвеніемъ нѣжной дружбы зорко слѣдилъ за ходомъ дѣла, и ему удалось вовремя проникнуть тайну, которую тщательно скрывали. Казалось было поздно, ничто уже не могло помочь. Но что кажется невозможнымъ для истинной дружбы? Это чувство, поддерживаемое твердою энергіей духа и предчувствіемъ великой будущности поэта, оживило Чаадаева, и онъ бросился спасать его. Онъ поскакалъ къ Карамзину, зная вѣсь, который онъ имѣлъ во мнѣніи самого государя. Это было время, когда Карамзинъ работалъ за безсмертнымъ трудомъ своимъ, и дверь его была заперта для всѣхъ. Но Чаадаева это не остановило; онъ почти насильно ворвался въ кабинетъ исторіографа, зная что минуты дороги, и сообщалъ ему горестную вѣсть, умоляя его повернуть небо и землю для спасенія Пушкина. Карамзинъ не нуждался въ догадкахъ просьбахъ; онъ въ ту же минуту бросилъ свои занятія, чтобы скакать къ своему другу, начальнику Пушкина, графу Каподистріа¹ и ходатайствовать объ его заступничествѣ за поэта передъ лицомъ государя. Замѣтимъ, что въ это время Пушкинъ былъ съ Карамзинымъ въ самыхъ холодныхъ отношеніяхъ. Карамзинъ легко успѣлъ заинтересовать Каподистрію въ судьбѣ его подчиненнаго, подавшаго такія бластательныя надежды, и возбудить его негодованіе противъ задуманной мѣры. Каподистріа сдѣлался горячимъ ходатаемъ Пушкина, и смягченіе его участи было рѣшено. Въ это время Пушкинъ былъ призванъ къ генералъ-губернатору Милорадовичу², который, будучи

¹ Пушкинъ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ.

² Род. 1771; ум. 15 декабря 1825.

также предупрежденъ въ его посылку служившимъ тогда при немъ поэтомъ Ѡ. Н. Глинкой, успѣвъ еще съ своей стороны замолвить за него слово. Милорадовичъ ободрилъ Пушкина, который тутъ же, у него въ кабинетѣ, написалъ по его желанію всѣ свои не напечатанныя стихотворенія, разговаривая съ Милорадовичемъ, отпускавшимъ разныя шутки и остроты. Когда Пушкинъ кончилъ, Милорадовичъ взялъ съ него честное слово, что онъ написалъ все и что остальные стихи, ходящіе по рукамъ въ рукописяхъ подъ его именемъ, не имъ сочинены. Послѣ этого онъ отправился съ рукописью во дворецъ и донесъ государю о честномъ словѣ, данномъ Пушкинымъ, и монархъ повѣрилъ поэту. Послѣ этого участь Пушкина была смягчена, и онъ отправился на югъ къ доброму старуку Инзову ¹.

Остановимся на минуту на этомъ историческомъ эпизодѣ, представляющемъ нѣкоторыя утѣшительныя стороны и ярко охарактеризованномъ именами дѣйствующихъ въ немъ лицъ. Прежде всего вспомнимъ, что спасеніемъ величайшаго поэтического гения Россіи мы обязаны энергическому чувству Чаадаева. Исторія представляетъ тысячи примѣровъ тому, какъ дорого бываетъ иногда одно мгновеніе; пропустите его, не осуществите въ данную минуту, съ силою и упорствомъ, первое движеніе сердца, первый проблескъ мысли—и все потеряно. Никогда не возвратится совокупность благоприятныхъ обстоятельствъ, и ходъ событій приметъ иное направленіе. Итакъ, первому благородному порыву Чаадаева, который не сдержалъ его или не отложилъ его исполненія, обязана Россія сохраненіемъ ей Пушкина, и вѣчная благодарность за то да сохранится въ потомствѣ къ Чаадаеву!

Но сама судьба, казалось, хотѣла, чтобъ эта многозначительная минута въ жизни нашего великаго поэта напоминала и другія имена, чистыя и славныя,—имена людей достойныхъ быть его ходатаями и заступниками. Кто вслѣдъ за благороднымъ Чаадаевымъ принялъ защиту его дѣла? Карамзинъ, безкорыстный другъ отечества, пре-

¹ Онъ былъ тогда попечителемъ коломенскихъ южнаго края.

образователь нашей родной рѣчи, безсмертный летописецъ нашего прошедшаго. Это Каподистрія, усыновленный Россією и приносящій ей въ даръ благородные помыслы своей великодушной политики и лучшія силы своей чистой, возвышенной души. Это Милорадовичъ, рыцарь безъ страха и упрека, булатный мечъ и золотое сердце, герой и человекъ, внушавшій безотчетное чувство любви и уваженія даже своимъ противникамъ. Къ такимъ людямъ признательность не тяжела, и Пушкинъ хранилъ ее такъ же свято какъ дружбу свою къ Чаадаеву.

Пушкинъ, въ своемъ изгнаніи, и потомъ по своемъ возвращеніи, не забывалъ ихъ въ своихъ поэтическихъ вдохновеніяхъ. „Драгоценной для Россіянъ памяти“ Карамзина посвящалъ онъ черезъ десять лѣтъ своего *Бориса Годунова*. Черезъ три года послѣ своего изгнанія привѣтствовалъ онъ своего собрата-поэта, Глинку, ободрившаго его въ тяжелую минуту жизни, и написалъ къ нему, въ отвѣтъ на его сжальные стихи, одно изъ великолѣпнѣйшихъ своихъ посланій: ¹

Когда средь оргій жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣвъ я толпы безумной
 Презрѣнный, робкій агонизмъ;
 Безъ слезъ оставилъ я, съ досадою,
 Вѣнки пировъ и блескъ Афинъ,
 Но голосъ твой мнѣ былъ наградою,
 Великодушный гражданинъ.
 Пускай судьба опредѣлила
 Гомея въ грозныя мнѣ вѣсны,
 Пускай мнѣ дружба измѣнила,
 Какъ измѣнила мнѣ любовь.
 Въ моемъ изгнаньи позабуду
 Несправедливость ихъ обидъ:
 Онѣ ничтожны, если буду
 Тобой оправданъ, Аристидъ!

Но ближе всѣхъ оставался его сердцу Чаадаевъ, вѣрный другъ и наставникъ его. Бесѣды съ нимъ внушили Пушкину еще въ Петербургѣ одно посланіе, въ которомъ слышится отголосокъ мыслей, бывшихъ предметомъ ихъ задушевыхъ разговоровъ. ²

¹ Соч. Пушкина, ч. I, стр. 275.

² Соч. Пушкина, ч. I, стр. 187.

Люби, надежды, гордой славы,
 Не долго гѣшилъ насъ обманъ,
 Исчезли юныя забавы,
 Какъ дымъ, какъ утренній туманъ.
 Но въ насъ кипятъ еще желанья

Нетерпѣливою душой
 Мы ждемъ съ томленьемъ упованья...
 Пока надеждою горимъ,
 Пока сердца для чести живы,
 Мой другъ, отчизнѣ посвятимъ
 Души прекрасныя порывы!

Разлука, повидимому, только сильнѣе укрѣпляла Пушкина въ помысленіяхъ о далекомъ другѣ. Уѣзжая изъ Петербурга, онъ не успѣлъ напечатать вполне первую свою поэму *Русланъ и Людмила*, и поручилъ ея изданіе брату своему Льву ¹ и товарищу его, С. А. Соболевскому. Въ виду исполнинскихъ горъ Кавказа, поэтъ думалъ о любимомъ произведеніи своей фантазіи, и готовясь вступить на новый путь развитія, окинулъ прощальнымъ взоромъ свое прошедшее и остановился мыслію и чувствомъ на рубежѣ, отдѣлявшемъ это прошедшее отъ новаго періода жизни, въ который онъ вступалъ. Такъ созданъ тотъ поэтический эпизодъ къ *Руслану и Людмилѣ*, въ которомъ живо высказалось воспоминаніе о Чаадаевѣ и безцѣнной услугѣ оказанной имъ поэту. ²

Такъ міра житель развѣдушной,
 Не лонѣ прайдной тишины,
 Я сазвилъ лирою послушной
 Преданья темной старины.
 Я пѣлъ и забывалъ обиды
 Слѣпаго счастья и враговъ,
 Измѣны вѣтреной Дориды,
 И сплетки шумныя гаупцовъ.
 На крыльяхъ вымысла носимой
 Умъ улеталъ за край земной,
 И между тѣмъ грозы незримой
 Сбиралась туча надо мной!
 Я погибалъ... Святой хранитель
 Первоначальныхъ, бурныхъ дней,
 О дружбѣ, нѣжный утѣшитель

¹ Род. 1804, ум. 1852.

² Соч. Пушкина, ч. II, стр. 97.

Болѣзненной души моей!
 Ты умолила непогоду,
 Ты сердцу возвратила миръ;
 Ты сохранила мнѣ свободу,
 Кипящей радости кумиръ.

Но вотъ нашъ поэтъ въ Тавридѣ, гдѣ величавая, роскошная природа, оригинальные нравы Востока и историческія воспоминанія внушили ему столько безсмертныхъ пѣсней. Здѣсь предстаютъ передъ нимъ мгновенно величавыя тѣни Ифигеніи, Ореста и Пилада, воскресаютъ образы древняго человечества, судьбы котораго давали обильную пищу прежнимъ его бесѣдамъ съ неизмѣннымъ другомъ. И вотъ онъ, соединяя воспоминанія о баснословныхъ временахъ исторіи съ памятью объ этомъ другѣ и связывая поѣтившее его вдохновеніе съ прежними несбывшимися мечтами, пишетъ Чаадаеву:

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь былъ грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждающимъ богамъ
 Курились жертвоприношенья.
 Здѣсь упокоена была
 Вражда свирѣпой Эмениды,
 Здѣсь провозвѣстница Тавриды
 На брата руку занесла!
 На сихъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И душъ великихъ божество
 Своимъ созданьемъ возгордилось.
 Чаадаевъ! Помнишь ли бывшее?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслю имя роковое
 Придать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и дѣвъ и тишина,
 И въ умиленьи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освященномъ,
 Пишу я наши имена.

Наконецъ Пушкинъ пріѣхалъ въ Киселевъ, гдѣ ему могло быть болѣе досуга заняться чтеніемъ и ученіемъ. Онъ зналъ какъ цѣнилъ его Чаадаевъ, и въ полусуточномъ стихотвореніи говоритъ своей чернильницѣ:

¹ Соч. Пушкина, ч. I, стр. 219.

² Соч. Пушкина, ч. I, стр. 229.

Когда же берегъ ада
 На вѣкъ меня возьметъ,
 Когда со мной заснетъ
 Перо, моя отрада,
 И ты въ углу пустомъ,
 Осиротѣвъ, остынешь
 И навсегда покинешь
 Поэта тихій домъ,
 Тебя возьметъ улымый
 Чаадаевъ, другъ мой милый:
 Послѣдній будь привѣтъ
 Любимцу праздныхъ лѣтъ;
 Взыскательнаго свѣта
 Очей не привлекай,
 Но вѣрнаго поэта
 Друзьямъ напоминай.

Но этимъ не ограничиваются поэтическія обращенія Пушкина къ Чаадаеву. Онъ чувствовалъ потребность не только выразить свою дружбу къ нему, сообщать ему впечатлѣнія новаго края, вспоминать прошлое, но и давать ему отчетъ въ своей умственной жизни, удостовѣрять его, что идетъ по пути, издавна указанному просвѣщеннымъ и взыскательнымъ умомъ стариннаго своего наставника, который еще недавно спасъ его отъ близкой гибели. Все это трогательно и поэтически выражено въ знаменитомъ его посланіи къ Чаадаеву ¹.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣдъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя не достаетъ душѣ моей усталой.
 Врагу стѣснительныхъ условій и оковъ,
 Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ пировъ,
 Гдѣ праздный умъ блещетъ, тогда какъ сердце дремлетъ,
 И правду пылкую приличій хладъ объемлетъ.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣлъ о нихъ;
 Вздохнувъ оставилъ я другія заблужденья,
 Враговъ моихъ предавъ проклятію забвенья,
 И сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ пачку,
 Для сердца новую вкушаю тишину.
 Въ уединеніи мой собственныи гонимъ
 Позналъ и тихій трудъ и жажду размышленій.
 Владѣю днемъ моимъ; съ порядкомъ дружель умъ;
 Учусь удерживать вниманье долгихъ думъ;

¹ Соч. Пушкина, ч. I, стр. 245.

Ищу вознаградить въ объятіяхъ свободы
 Мятеной младостью утраченныя годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ наравнѣ.
 Богини мира, вновь явились музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ уныбулись;
 Цѣлующи брошенной уста мои коснулись.
 Старинный звукъ меня обрадовалъ: и вновь
 Пою мои мечты, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Пѣвавшіе меня въ младенческія лѣты,
 Въ тѣ дни, когда еще незнаемый микѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Я пѣвемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣни
 И царскосельскія хранительныя сѣни.
 Но дружбы лѣтъ со мною: печальный вижу я
 Лазурь чужихъ небесъ, полдневныя края;
 Ничто не замѣнитъ единственнаго друга.
 Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
 И, неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ-быть, спасенныя тобою!
 Ты сердце зналъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней;
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно изнывалъ, страдалецъ утомленной;
 Въ минуту гибели надъ бездною потаенной
 Ты поддержалъ меня недремлющей рукой;
 Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строгимъ взоромъ,
 Ты оживлялъ ее совѣтомъ или укоромъ;
 Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь;
 Терпѣнье сѣлае во мнѣ рождалось вновь;
 Ужь голосъ казеты не могъ меня обидѣть:
 Умѣлъ я призирать, умѣя ненавидѣть.
 Мнѣль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лепетаньи дамъ, зооловъ и глупцовъ,
 И сплетень разбирать игривую затѣю,
 Когда гордиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали равнина мою тѣснила грудь:
 Къ печалямъ я привыкъ, разчеяся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою.
 Одно желаніе: остаешься ты со мною!
 Небесъ я не томилъ молитвою другой.
 О, скоро ли, мой другъ, настанетъ срокъ разлуки?
 Когда соединимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель
 И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,

Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ лѣтъ,
 Младые вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Поспоримъ, перечтемъ, посудимъ, поборамъ,
 И очастливъ буду я: но только ради Бога
 Гою ты *** отъ нашего порога.

Судьба надолго разлучила двухъ друзей, и Чаадаевъ читалъ эти посланія также на чужбинѣ, куда удалился черезъ годъ послѣ отъѣзда Пушкина на югъ Россіи. Но дружба ихъ оставалась неизмѣнною. Черезъ нѣсколько лѣтъ, въ Михайловскомъ, вмѣстѣ съ самыми необходимыми предметами для жизни, Пушкинъ требуетъ отъ своего брата присылки портрета Чаадаева. ¹ Ему посылаетъ онъ первый экземпляръ *Бориса Годунова* и требуетъ его мѣвнѣ. ² Съ нимъ совѣтуется, на письмѣ и лично, о своихъ литературныхъ замыслахъ. Въ свою очередь, Пушкинъ уговариваетъ Чаадаева писать по-русски, а не по-французски. Посмотрите съ какою заботливостію освѣдомляется онъ у московскихъ знакомыхъ о подробностяхъ несчастія, поразившаго въ послѣдствіи Чаадаева! ³ Не трогательна ли такая привязанность поэта къ человѣку учившему его добру, когда онъ былъ еще на школьной скамьѣ, привязанность продолжающаяся до гробовой доски? Не утѣшительно ли зрѣлище этой неизмѣнной, несокрушимой признательности? Не дѣлаетъ ли эта искренняя дружба чести тому и другому?

Говоря о Чаадаевѣ, нельзя не говорить о Пушкинѣ; одинъ другаго дополняетъ, и дружескія имена ихъ останутся нераздѣльны въ памяти потомства.

Возвратимся къ Чаадаеву, и приступимъ къ обзорѣвню новаго періода его жизни.

Въ концѣ октября 1820 года, произошли безпорядки противъ военной дисциплины между нижними чинами Семеновскаго полка. Государь былъ въ это время на конгрессѣ въ Троппау. При первыхъ признакахъ неповиновенія солдатъ, генералы отправили туда фельдъегеря съ неприятымъ извѣстіемъ объ оказывавшихся безпорядкахъ. Черезъ нѣсколько дней, когда дѣло было кончено и полкъ отправленъ въ Кронштатъ, а оттуда по другимъ крѣпостямъ Финскаго

¹ Библ. Записки, 1858, № 2, стр. 46.

² Соверж. 1856, № 7, Отд. 5, стр. 8.

³ Соч. Д. Давыдова, изд. 1860 г., ч. III, стр. 142.

заѣва, генералъ Васильчиковъ, командовавшій всею гвардіею, долженъ былъ послать въ Троппау довѣреннаго курьера. Кромѣ врученія донесенія о ходѣ и окончаніи дѣла, курьеръ этотъ долженъ былъ лично дать государю объясненія на неизбѣжные его вопросы о подробностяхъ событія, совершившагося въ любимомъ его полку и потому долженствовавшаго особенно занимать его. Изъ адъютантовъ своихъ Васильчиковъ выбралъ для этой курьерской поѣздки въ Троппау Чаадаева. Такъ какъ Чаадаевъ былъ особенно отличаемъ государемъ, то начальникъ его могъ полагать, что объясненія съ нимъ будутъ менѣе тягостны для императора. Чаадаевъ отправился исполнять данное ему по службѣ порученіе.

По прибытіи въ Троппау, Чаадаевъ немедленно былъ представленъ государю княземъ П. М. Волконскимъ.¹ Государь принялъ его, по своему обыкновенію, очень милостиво. Привыкнувъ уже къ мысли о печальномъ происшествіи въ Семеновскомъ полку, первое извѣстіе о которомъ привезъ за нѣсколько дней фельдъегерь, онъ могъ довольно гладкокровно говорить объ огорчившемъ его дѣлѣ, и расспрашивалъ о его подробностяхъ. Въ заключеніе государь подтвердилъ Чаадаеву намѣреніе свое пожаловать его флигель-адъютантомъ, что было уже почти исполнено еще на святой недѣлѣ, но было отложено на время по особымъ, совершенно постороннимъ для Чаадаева, причинамъ. Исполнивъ порученіе, Чаадаевъ отправился въ обратный путь.

Едва возвратился Чаадаевъ въ Петербургъ, какъ на него посыпался градъ ужасныхъ упрековъ и жестокихъ нареканій. Люди, не любившіе его или завидовавшіе ему издавна, были разумѣется первые изъ возставшихъ на него. За ними послѣдовали злые языки, праздные болтуны, наконецъ тѣ, которымъ все равно какъ произошло то или другое дѣло, но пристающіе машинально ко всякому распространяющемуся мнѣнію. Сюда, вѣроятно, должно присоединить многихъ изъ многочисленной родни семеновскихъ офицеровъ, пострадавшихъ въ несчастномъ дѣлѣ, по которому Чаадаеву выпала печальная обязанность быть докладчи-

¹ Род. 26 апрѣля 1776, ум. 27 августа 1852. Онъ былъ тогда начальникомъ главнаго штаба.

комъ. Изъ этихъ элементовъ составилась ревущій хоръ сплетень и толковъ, которыми были введены въ заблужденіе и восстановлены противъ Чаадаева и люди добросовѣстные, но не имѣвшіе случая узнать истину. Вотъ какъ формулировались обвиненія противъ него: Чаадаевъ, мучимый честолюбіемъ, самъ напросился у своего начальника на поѣздку въ Троппау; онъ былъ увѣренъ, что будетъ пожалованъ за это флигель-адъютантомъ, на что старшіе товарищи его имѣли больше правъ, слѣдовательно онъ хотѣлъ интригою обойти ихъ; для этого онъ рѣшился предать цѣлый полкъ, да еще тотъ, въ которомъ самъ прежде служилъ; онъ старался представить государю дѣло въ самыхъ черныхъ краскахъ и содѣйствовалъ этимъ изъ личныхъ видовъ, кассированію полка и проч. и проч. Иные говорили, что ему дѣйствительно была предложена награда.

Теперь не трудно разсудить, что все это—мелкѣйшія выдумки, не имѣющія и тѣни вѣроятія. Бѣхтъ курьеромъ съ огорчительнымъ извѣстіемъ никто не направляется, и наградъ за доставленіе его никто не получаетъ. Чаадаевъ же притомъ зналъ положительно, что пожалованіе его флигель-адъютантомъ и безъ того было давно рѣшено. Притомъ на такое пожалованіе нѣтъ ни правъ, ни старшинства, потому что это званіе не есть обыкновенная служебная награда, а знакъ личнаго благорасположенія государя къ любому прапорщику, котораго онъ пожелаетъ приблизить къ себѣ. Не говоря уже о нравственномъ характерѣ Чаадаева, уничтожающемъ всякую мысль о предательствѣ, спрашивается: можно ли предать тѣхъ, которые основательно или неосновательно уже признаны виновными? Чаадаевъ не могъ даже чернить дѣло, которое было уже описано его начальствомъ. Конечно, государь, по пріѣздѣ перваго курьера, рѣшилъ дѣло, не ожидая Чаадаева или другаго посланнаго, которые могли везти только извѣстія о распоряженіяхъ начальниковъ. Чаадаевъ не могъ отказаться отъ поѣздки, приказанной ему по службѣ, и какъ ни была она неприятна, онъ конечно считалъ ее своимъ долгомъ.

Но тогда большинство, подъ вліяніемъ личныхъ страстей и понятныхъ до нѣкоторой степени, хотя и вовсе неосновательныхъ, предубѣжденій, судило иначе. Чаадаевъ не могъ вскорѣ не узнать нареканій, которыхъ невольною

жертвой онъ сдѣлался въ Петербургѣ. Чтобы доказать, что обидныя подозрѣнія въ неразборчивости средствъ для полученія выгодъ по службѣ были не что иное какъ клевета, онъ въ декабрѣ 1820 года подалъ въ отставку, заявляя тѣмъ, что эта служба, какъ ни была она блистательна, какую карьеру она ему ни обѣщала, для него ничто въ сравненіи съ репутаціей честнаго человѣка. Онъ самъ прервалъ эту карьеру, и въ январѣ 1821 года уволенъ отъ службы, въ которую потомъ никогда болѣе не вступалъ.¹

Но заословіе и тутъ не оставило его въ покоѣ. Въ то же время былъ выдуманъ и распущенъ замысловатый анекдотъ сѣдующаго содержанія, который до сихъ поръ такъ любятъ разказывать иные. Немедленно послѣ происшествій въ Семеновскомъ полку, австрійскій посланникъ въ Петербургѣ, графъ Лепцельтернъ послалъ въ Троппау къ князю Меттерниху нарочнаго курьера съ донесеніемъ о случившемся. Курьеръ этотъ обогналъ Чаадаева, передъ которымъ будто бы никто не былъ посланъ отъ начальства съ донесеніемъ къ государю. Чаадаевъ въ дорогѣ просиживалъ долго за туалетомъ, слѣдовательно терялъ напрасну много времени и былъ еще далеко отъ Троппау, когда Меттернихъ получилъ уже депешу Лепцельтерна и сообщилъ вѣсть, въ ней заключавшуюся, нашему государю. Этимъ будто бы внушилъ ему Меттернихъ неограниченное довѣріе ко всевѣднью австрійскаго кабинета, и даже приобрѣлъ по этому случаю окончательное вліяніе на всю политику Россіи. Черезъ вѣсколько дней пріѣхалъ Чаадаевъ и былъ принятъ очень дурно, потому что его медленность была причиною того, что важное извѣстіе изъ Россіи было получено государемъ отъ иностраннаго министра. Вслѣдствіе этого было приказано не выдавать посланникамъ запаса подорожныхъ бланковъ, а имъ предоставлено только право требовать отъ петербургскаго начальства при каждомъ отправленіи курьера, особую подорожную. Чаадаевъ же за неисправное исполненіе порученія отставленъ отъ службы.

¹ Чаадаевъ уволенъ въ отставку по домашнимъ обстоятельствамъ и по прошенію, поданному имъ до 1 января 1821 года, приказомъ, отданнымъ въ Лайбахѣ 21 февраля 1821 года. См. *Русскій Инвалидъ* 1821, марта 23, № 68, стр. 274, столбецъ 2. Смыслъ этого приказа и число, въ которое онъ отданъ, лучше всего опровергаютъ разказъ о томъ, будто Чаадаевъ былъ отставленъ за медленность своей курьерской поѣздки.

Я очень радъ случаю объявить, что вся эта исторія есть совершенная ложь отъ слова до слова. То, что я говорю, слышано мною отъ достовѣрнаго свидѣтеля, очевидца троппаускихъ происшествій, довѣреннаго лица, котораго не миновалъ ни одинъ курьеръ, ни одна бумага. Извѣстie о беспорядкахъ въ Семеновскомъ полку привезъ фельдъегерь. Никакого курьера отъ Лепцельтерна не было, и курьерскія подорожныя въ Петербургъ и тогда, если не ошибаюсь, выдавались лишь по особымъ требованіямъ посланниковъ для всякаго курьера отдѣльно. Государь самъ разказалъ съ горестію о происшедшемъ въ Петербургъ Меттерниху и Коллоредо, а до тѣхъ поръ Меттернихъ ничего не зналъ о томъ. Чаадаевъ пріѣхалъ нѣсколько дней спустя, потому что былъ отправленъ нѣсколько дней послѣ фельдъегеря, и везъ извѣстie объ окончательныхъ распоряженіяхъ начальства, для исполненія которыхъ и потребовались эти промежуточные дни. Чаадаевъ былъ принятъ безъ всякаго неудовольствія. Вышелъ же онъ въ отставку добровольно, по домашнимъ обстоятельствамъ и по прошенію, что доказано выше. Странно, какъ могла такъ укорениться вѣра въ отправленіе австрійскаго курьера и въ сообщеніе Меттернихомъ государю извѣстія о происшествіи въ Семеновскомъ полку. Въ эти обстоятельства выдуманы, повидимому, какимъ-нибудь значительнымъ лицомъ, потому что они были распространены въ такой степени, что самъ Чаадаевъ не отрицалъ возможности ихъ существованія, нынѣ вполне опровергнутого.

Вышедши въ отставку, Чаадаевъ предпринялъ весной 1821 года путешествіе за границу, продолжавшееся пять лѣтъ.

Мы не будемъ долго останавливаться на этомъ путешествіи. Цѣль и характеръ его обрисовываются характеромъ самого Чаадаева. Въ путешествіи своемъ, Чаадаевъ знакомился съ умственною жизнію Европы на дѣлѣ, изучивъ еедо этого времени въ твореніяхъ лучшихъ ея представителей. Онъ провѣрялъ свои познанія опытомъ, наблюденіемъ нравовъ и учрежденій, личными сношеніями съ передовыми людьми науки, литературы и церкви, уясняя себѣ такимъ образомъ истинное и иногда неразгаданное значеніе того или другаго явленія. Эпоха его путешествія служила обильною пищей для ума серьезнаго и мыслящаго. Новыя стремленія

Европы, обнаружившіяся послѣ паденія Наполеона и послѣ всеобщаго замиренія, пришли уже въ столкновеніе съ предразсудками и грозными попытками реакціи. Политика кабинетовъ и народныя стремленія были уже во враждебныхъ отношеніяхъ почти повсюду. Чаадаевъ видѣлъ въ этомъ положеніи Германію, Францію и Англію, чутко слѣдилъ за происходившимъ, наблюдалъ за движеніемъ умовъ въ академіяхъ, палатахъ, театрахъ, журналистикѣ; бесѣдовалъ съ учеными и мыслителями въ ихъ тихихъ кабинетахъ, внушая новымъ знакомцамъ дружбу къ себѣ и искреннее уваженіе къ своему уму, познаніямъ, убѣжденіямъ. Связи эти сохранилъ съ навсегда, и потомъ изъ Россіи переписывался съ заграничными знакомцами,¹ между прочимъ съ славнымъ Шеллингомъ. Картина, видѣнная Чаадаевымъ въ Европѣ, безъ сомнѣнія, представляла нѣкоторыя стороны неутѣшительныя. Но онъ искупался явленіями другого рода, говорившими прямо въ пользу недостаточной для отвлеченнаго философа, но высокой для пракческаго мыслителя, степени развитія человѣческихъ и общественныхъ элементовъ, права противъ самоуправства, мысли противъ силы, науки противъ рутины, личности противъ гнета несвоевременныхъ стѣсненій разнаго рода; самая эта борьба доказывала, что высокіе идеалы просвѣщеннаго человѣчества жили въ Европѣ, что разумный ходъ ихъ осуществленія именно только въ ней и возможенъ, что, не взирая на преграды между народностями, которыя искусственно воздвигаютъ временными требованіями политики, европейскіе народы составляютъ одну семью, долго развивавшуюся на одной почвѣ религіозной и исторической; наконецъ, что отъ ихъ солидарности и цивилизаціи должно ожидать осуществленія истиннаго назначенія рода человѣческаго, которое приведетъ человѣка путемъ разумной свободы къ полному сознанію своего достоинства, къ возможности развивать вполнѣ свои природныя силы и достигать тѣмъ возможнаго благосостоянія. Все это не могло

¹ Въ числѣ ихъ находилса между прочимъ знаменитый изгнанникъ, кардиналъ Фешъ, дядя Наполеона (род. 1763, ум. 1839), извѣстный ученостію и любовью къ искусствамъ. Онъ былъ изгнанъ племянникомъ изъ Франціи за свое заступничество за папу; Бурбоны также ненавидѣли его. Два письма его къ Шеллингу, на французскомъ языкѣ, помѣщаются въ приложеніи къ этой статьѣ.

не утвердить въ Чаадаевѣ его благоговѣнія къ гению Европы, и онъ возвратился въ отечество съ искреннимъ желаніемъ, чтобъ оно вполнѣ приобщилось къ жизненнымъ благамъ, вырабатываемымъ на западѣ, привитымъ къ намъ лишь извнѣ и проявляющимся у насъ только немногими отроутками, дающими тощіе и рѣдкіе побѣги.

Чаадаевъ возвратился въ Россію лѣтомъ 1826 года. Едва успѣлъ онъ переступить ея предѣлы, какъ испыталъ не-приятное столкновеніе. Въ Брестѣ придирчивая подозри-тельность властей, возбужденная недавними печальными событіями въ Петербургѣ и Бѣлой Церкви, остановила путешественника. Скоро проѣздя черезъ Брестъ цесаревича Константина Павловича, спѣшившаго изъ Варшавы въ Москву на коронованіе императора Николая, прекратилъ это недоразумѣніе, потому что цесаревичъ зналъ хорошо Чаадаева, такъ же какъ и то что не было никакого повода задерживать его гдѣ бы то ни было. Такимъ образомъ Чаадаевъ пріѣхалъ въ Москву, гдѣ еще продолжались праздни-ства. Онъ былъ наконецъ въ пристани, послѣ ~~пятидесяти~~ тридцати лѣтнихъ тревоженій и страстній по бѣлу свѣту. Москва, гдѣ была его колыбель, сдѣлалась навсегда мирнымъ его обиталищемъ и черезъ тридцать лѣтъ его могилою.

Чаадаевъ попалъ въ новый для него міръ. Въ послѣдніе годы царствованія Александра, все уже приняло другой видъ чѣмъ тотъ, который имѣло до отъѣзда Чаадаева за границу. Несчастныя происшествія, случившіяся послѣ козачины Александра и бывшія по словамъ Чаадаева послѣдствіями „дурныхъ понятій, губельныхъ заблужденій, которыя отодвинули насъ назадъ еще на полстолѣтіе“¹, окончательно измѣнили направленіе дѣлъ. Въ Москвѣ Чаадаевъ хотѣлъ возобновить старинныя петербургскія связи, приглядѣться къ господствующему духу, и горькое разочарованіе овладѣло имъ. Новые люди смѣнили прежнихъ, и часто заставляли жалѣть о тѣхъ, которые удалились съ поприща. Иные еще оставались на немъ, но какъ измѣнились съ обстоятельствами! Чаадаевъ рѣшился, несмотря на разные соблазны, не вступать въ кругъ столь чуждый

¹ См. его „Философическія письма“ въ *Телескопѣ*, о чемъ говорится ниже.

его сердцу и убѣжденіямъ. Онъ остался навѣкъ просто Чаадаевымъ.

Но впечатлѣнія произведенныя на душу Чаадаева пятнадцатимѣстнымъ странствіемъ по Европѣ, зрѣлище успѣховъ цивилизаціи и торжества мысли, повсюду ощущавшихся несмотря на всякаго рода преповы, слѣшкомъ отличались отъ той среды, въ которой ему пришлось жить. Это печальное сближеніе сильно подѣйствовало на него. Мы скажемъ, что онъ навсегда отказался отъ всякой солидарности съ порядкомъ вещей, который не соответствовалъ его убѣжденіямъ. Но этого мало. Чаадаевъ, какъ натура впечатлительная, отчаялся въ будущемъ; надежды на это лучшее будущее, въ которое онъ прежде вѣрилъ съ такою отрадою, въ немъ угасли. Подъ вліяніемъ такихъ разочарованій, онъ невольнo поддался мрачному настроенію духа, уединился, и видя свое одиночество, еще сильнѣе предался умственнымъ кабинетнымъ трудамъ. Онъ утѣшался мысленными бесѣдами съ живыми и мертвыми; помысленія его невольнo стремились туда, гдѣ онъ чаялъ видѣть воѣ зачатки для разумнаго развитія человѣчества. Сравнивая видѣнное и видимое имъ, онъ подвергался припадкамъ меланхоліи; но это не мѣшало ему писать много, читать еще болѣе, и заниматься сочиненіемъ философскаго содержанія, которое должно было представить результаты его послѣднихъ размышленій и изученій.

Чаадаевъ почти три года жилъ по большей части отшельникомъ. Онъ рѣдко выходилъ изъ дому; мало съ кѣмъ видѣлся. Къ этимъ немногимъ принадлежалъ Пушкинъ, котораго судьба привела въ Москву почти въ одно время съ нимъ¹. Мы уже говорили, что неизмѣнною осталась эта дружба, такъ рѣзко отличающаяся отъ столь многихъ дворянскихъ связей поэта, которыми такъ хвастаются иные, не понимая разницы между отношеніями его къ нимъ и къ Чаадаеву.

Къ этому времени относится близкая пріязнь Чаадаева съ одною молодою, любезною женщиною, жившею въ его сосѣдствѣ. Они встрѣтились печально. Чаадаевъ увидѣлъ существо томившееся пустотою окружавшей среды,

¹ Пушкинъ, вызванный государемъ изъ Псковской деревни въ Москву, пріѣхалъ въ нее 8 сентября 1826, и поселился въ ней.

безсознательно понимавшее, что жизнь его чѣмъ-то извращена, инстинктивно искавшее выхода изъ заколдованнаго круга душившей его среды. Чаадаевъ не могъ не принять участія въ этой женщинѣ; онъ былъ увлеченъ непреодолимымъ желаніемъ подать ей руку помощи, объяснить ей чего именно ей не доставало, къ чему она стремилась невольно, не опредѣлая себѣ точно дѣли. Домъ этой женщины былъ почти единственнымъ привлекавшимъ его мѣстомъ, и откровенныя бесѣды съ ней проливали въ сердце Чаадаева ту отраду, которая неразлучна съ обществомъ милой женщины, искренно предающейся чувству дружбы. Между ними завязалась переписка, къ которой принадлежить извѣстное письмо Чаадаева, напечатанное черезъ семь лѣтъ и надѣлавшее ему столько хлопотъ.

Три года уединенной жизни умирала до вѣкоторой степени душевный недугъ Чаадаева. Онъ повидимому свыкся съ печальными осаждавшими его мыслями, хотя никогда не дѣлалъ уступокъ въ существѣ своихъ убѣжденій. Случайность возвратила Чаадаева обществу. Одинъ изъ его пріятелей уговорилъ его однажды отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ англійскій клубъ. Тамъ встрѣтилъ Чаадаевъ многихъ знакомыхъ, давно потерянныхъ имъ изъ виду, и былъ встрѣченъ радушно. Всѣ знали его умъ, любезность, и были рады, что онъ появился въ обществѣ. Съ тѣхъ поръ Чаадаевъ сдѣлался постояннымъ посѣтителемъ клуба, гдѣ имѣлъ возможность видѣться съ людьми всевозможныхъ отбѣнковъ, наблюдать разные слои общества и вести пріятную бесѣду. Вскорѣ онъ сталъ являться во многихъ домахъ, куда усердно приглашали и принимали его не только съ любезностію, но и съ особою предупредительностію, какъ дорогаго гостя, какъ лучшее украшеніе общества. Нельзя не упомянуть здѣсь о семействахъ Левашовыхъ, объ И. И. Дмитріевѣ ¹, М. А. Солтыковѣ ², М. Ѡ. Орловѣ ³, которые сдѣлались искренними и ближайшими друзьями Чаадаева. Не оставляя своихъ занятій, онъ отдалъ часть своего времени обществу, для котораго былъ такъ хорошо созданъ, сталъ самъ принимать

¹ Род. 1760, ум. 3 октября 1827.

² Род. 1769, ум. 6 апрѣля 1851. Дочь его была замужемъ за извѣстнымъ поетомъ Дельвигомъ.

³ Извѣстный писатель и одинъ изъ умѣйшихъ людей своего времени.

и являться въ публикѣ, на гуляньяхъ, въ театрѣ, преимущественно же въ собраніяхъ имѣвшихъ какое-либо ученое или общественное значеніе, и сдѣлался вскорѣ извѣстенъ всей Москвѣ.

1836 годъ былъ эпохою новой катастрофы въ жизни Чаадаева, обстоятельства печальнаго, но еще болѣе распространившаго его извѣстность, несмотря на глумленіе, которому съ такою радостью предались люди, не любившіе его образа мыслей независимаго и смѣлаго.

Съ 1831 года въ Москвѣ издавался ежемѣсячный журналъ *Телескопъ* и при немъ газета *Молва*. Изданія эти особенно памятны тѣмъ, что въ нихъ началъ свое литературное поприще Бѣлинскій. *Телескопъ* и *Молва* издавались профессоромъ Н. И. Надеждинымъ¹. Многосторонній умъ редактора извѣстенъ всѣмъ. Но *Телескопъ* не имѣлъ большаго успѣха. У него было не мало недостатковъ, начиная съ неаккуратности изданія, происходившей и отъ безпечности, и отъ скудости средствъ и, какъ говорится, отъ „обстоятельствъ отъ редакціи независящихъ“. Къ этому должно прибавить и то, что многія статьи *Телескопа* были не по плечу тогдашней публикѣ, и книжки его иногда не отличались разнообразіемъ, живостью и новизною статей. Тогдашней публикѣ нужна была извѣстнаго рода прямая, жирная журнальная стряпня, идеалъ которой осуществлялся въ Петербургѣ *Библиотекой для Читенія*, создавшею цѣлую школу подражателей и поклонниковъ знаменитаго Барона Брамбеуса². Тамъ были средства, „обстоятельствъ отъ редакціи независящихъ“ не было; книжки выходили въ срокъ, толстыя, напичканныя всякою всячиной, отлично приправленною ко вкусу толпы; тонъ журнала, предававшагося всякому дуновенію вѣтра и льстивнаго невѣждамъ глумленіемъ надъ истинной, наукой, искусствомъ: все это было причиной его успѣха. *Библиотека* процвѣтала, а *Телескопъ* падалъ и падалъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ Надеждинъ увидѣлъ необходимость употребить всѣ усилія, чтобы достоинствомъ и

¹ Род. 1804, ум. 1856.

² Извѣстно, что подъ этимъ псевдонимомъ писалъ извѣстный ориенталистъ О. И. Сенковский (род. 19 марта 1800, ум. 4 марта 1858), заглавливавшій *Библиотекою для Читенія*, которой первый номеръ вышелъ 1 января 1834 года.

живостію статей поддержать свое изданіе, бывшее почти единственнымъ пріютомъ возрѣній независимыхъ. Онъ узналъ о письмѣ Чаадаева, о которомъ я уже говорилъ, и выпросилъ его для напечатанія. Письмо это, написанное по-французски, было прекрасно переведено на русскій языкъ, и имъ началась одна изъ книжекъ *Телестона*, вышедшая въ сентябрѣ 1836 года. Къ письму было присоединено примѣчаніе редактора, выхвалявшего достоинства этого сочиненія и обѣщавшаго продолженіе цѣлаго ряда писемъ того же автора, проникнутыхъ тою же мыслию.

Появленіе письма Чаадаева въ печати произвело общее впечатлѣніе. Многіе прочли въ немъ свои собственные, несознанныя, еще смутныя возрѣнія. Несмотря на недоумѣніе или враждебность къ мыслямъ автора, даже противники его не могли не отдать справедливости ихъ ясности, послѣдовательности, мастерскому изложенію, пріемамъ, обличавшимъ рѣдкаго у насъ мыслителя и писателя, наконецъ смѣлости его возрѣній, возведенныхъ къ общимъ философскимъ началамъ.

Поднялась грозная буря,—но нѣтъ надобности входить въ подробности этого печальнаго и всѣмъ извѣстнаго дѣла, по которому пострадалъ Надеждинъ и цензоръ Болдыревъ, а авторъ подвергся нареканію въ поврежденіи разсудка.

Письмо Чаадаева — одно изъ рѣдкихъ у насъ произведеній глубокомысленнаго ума и зрѣлаго авторскаго таланта, поддерживаемыхъ многостороннею образованностію и религіознымъ чувствомъ. Читая это письмо, вы присутствуете при органическомъ процессѣ развитія глубокой мысли, правильно, постепенно, но живо совершающей весь процессъ этого развитія; вы видите его ростъ, цвѣтъ и плодъ, заключающій въ себѣ точный результатъ, который мысль должна была дать—новое зерно, во всемъ сходное съ природой того, которое дало ему жизнь.

Въ чемъ же наконецъ состоитъ эта коренная мысль и неизбѣжныя ея послѣдствія? Каковы эти умствованія, заслужившія столько нареканій? Вотъ содержаніе письма Чаадаева въ выдержкахъ ¹:

¹ *Телестонъ* 1836, т. XXXIV, № 15, стр. 275—310.

„Молодая женщина, щедро одаренная природою и необъятная мірокими благами, чувствуетъ однако какое-то смятеніе въ мысляхъ и недовольство собою. Это состояніе—невольное посабдствіе цѣлаго порядка вещей, который бессознательно гнететъ все общество. Чтобы возстановить равновѣсіе силъ душевныхъ, лучше всего предаться религіозному чувству, котораго самая страданія при его неразвитости все-таки лучше равнодушія; это дѣтетика души. Мысль эта у насъ не сознана какъ въ Европѣ, такъ же какъ и многія другія истины, составляющія плоть и кровь другихъ народовъ. Это отсутствіе сознанія ихъ происходитъ отъ того что мы не принадлежимъ ни къ западу, ни къ востоку, не имѣемъ ни ихъ преданій, ни ихъ цивилизаціи, ни звѣевъ, которыя соединяли бы насъ издавна съ другими народами. Примѣромъ можетъ служить та же женщина, не знающая чѣмъ наполнить свой день, между тѣмъ какъ въ другой землѣ жизнь сама дала бы себѣ содержаніе и рамку для разумнаго существованія. Даже частная жизнь у насъ не имѣетъ прочныхъ основъ. Гдѣ опредѣленныя сферы существованія? Гдѣ добрые обычаи, семейное средоточіе? Все у насъ проходитъ безъ слѣда, жизнь наша—постой, кочевье. Намъ еще прежде всего надо выучиться жить въ средѣ разумной сущности, а потомъ уже думать о другаго рода самоусовершенствованіи.

„Европейскіе народы имѣли одинаковый періодъ юности, бурный, страстный, періодъ жизни бессознательной, но плодотворной для будущаго, создавшій для него преданіе, воззвѣ и носившій въ зародышѣ его всѣ высшія идеи, которыя развились въ послѣдствіи. У насъ этого ничего нѣтъ. Наша юность—варварство, суевѣріе, унизительное владычество Татаръ, котораго слѣды не изгладились и доселѣ. Преданія о ней смутны, примѣровъ черпать не откуда; ни одна памятникъ не говоритъ намъ объ этой древности живо, картинно, сильно. Отъ этого такъ тѣсенъ нашъ горизонтъ и мы принимаемъ въ судьбахъ міра скоропроходящее участіе, похожее на поползновеніе ребенка, который вдругъ потянется за вещью, которой употребленіе ему неизвѣстно.

„Не имѣя ничего индивидуальнаго, разобщенные со всемірною жизнію человѣчества, мы должны переначать для себя его воспитаніе, если хотимъ сдѣлаться на са-

момъ дѣлѣ его дѣятельными членами. Но для этого должно напередъ узнать въ чемъ состоитъ это воспитаніе и какое мѣсто мы занимаемъ въ общемъ порядкѣ міра.

„Мы явились въ міръ какъ незаконнорожденныя дѣти Европы, и потому не усвоили вполнѣ никакихъ поучительныхъ примѣровъ ея исторіи. Каждый изъ насъ долженъ въ одиночку связывать нить, соединяющую его съ человѣчествомъ, вбивать молотомъ въ голову то что у другихъ простой инстинктъ. Всякій шагъ нашъ на жизненномъ пути пропадаетъ безъ слѣда, потому что привозное, подражательное образованіе не допускаетъ послѣдовательности въ господствѣ тѣхъ или другихъ идей, а заносится онѣ къ намъ урывками, безъ связи, какъ попало. Собственнаго развитія въ насъ нѣтъ; мы растемъ, а не зрѣемъ, и идемъ впередъ не логически, не прямо, а кривыми дивіями, не ведущими къ цѣли. Мы какъ дѣти, которыхъ не заставляли разсуждать; возмужавши, они живутъ чужимъ умомъ и чисто вѣтшвемою жизнію. Итакъ, мы не составляемъ необходимой части человѣчества, а живемъ какъ будто бы только для того чтобы со временемъ преподать какой-нибудь великій урокъ міру.

„Всѣ европейскіе народы, несмотря на ихъ разноплеменность, имѣютъ общую физиономію. Но каждый изъ нихъ имѣетъ и свой историческій характеръ. И то и другое составляетъ вмѣстѣ общее наслѣдіе, которымъ, уже готовымъ, пользуется всякій членъ общества и руководится выработанными до него началами, всякому пригодными и всѣмъ необходимыми. Много ли у насъ такихъ начальныхъ идей, не ученыхъ и литературныхъ, а просто такихъ, которыя такъ-сказать прирождены, проникаютъ всякую мысль, всякое дѣйствіе человѣка, составляютъ его атмосферу отъ колыбели до могилы? Идеи эти, идеи долга, закона, правды, порядка, содѣйствуютъ образованію общества, служатъ ему и лучшею опорой. Они составляютъ, можно сказать, физиологію Европейца, и ихъ нельзя ничѣмъ замѣнить, отсутствіе ихъ невозможно ничѣмъ восполнить.

„Такъ какъ мы не принимали участія въ этомъ общемъ развитіи человѣческаго разума, то и отличаемся только неудачнымъ подражаніемъ другимъ, и у насъ не достаетъ извѣстнаго рода основательности, методы, логики. Идеи безъ связи цѣпятся въ мозгу; человѣкъ лишается увѣ-

решности, теряется, не умѣя связать себя съ прошедшимъ и будущимъ что у насъ чуть ли не общая черта. Въ головѣ у насъ ничто не обобщается, а все остается частнымъ, невѣрнымъ, неполнымъ. Даже взглядъ нашъ неопредѣленъ, и лица отличаются какою-то нѣмотою.

„Насъ иногда хвалятъ за безпечную отвагу. Но тѣ же причины, которыя производятъ ее, дѣлаютъ насъ неспособными къ глубокому и постоянству; но то же равнодушіе, какое мы питаемъ къ опасностямъ, существуетъ въ насъ одинаково къ хорошему и дурному, къ истинѣ и лжи. Отъ этого въ высшихъ классахъ у насъ встрѣчаются пороки, которые въ другихъ странахъ видимъ только въ низшихъ слояхъ общества.

„Массы имѣютъ своихъ представителей, которые мыслить и двигаютъ ихъ. Они были у Целтовъ, Скандинавовъ, Германцевъ; это друиды, скальды, барды. Гдѣ же наши мыслители не только въ древности, но и въ новѣйшее время?

„По нашему мѣстному положенію, мы должны были бы соединять въ себѣ качества востока и запада, два великія начала разумнѣя: воображеніе и разсудокъ. Но общій законъ человѣчества будто не для насъ созданъ. Мы ничего не взяли у міра и ничего ему не дали, ничего не сдѣлали для его блага, не приобщили ни одной новой идеи къ массѣ идей человѣчества, а только исказили то что заимствовали у другихъ; мы ничего не выдумали, да и заимствовали только вѣшность и пустую роскошь.

„Наша исторія не объясняетъ и не доказываетъ ничего. Въ всемирной исторіи мы не существовали бы вовсе, еслибы варвары, наводняя западъ, не прошли когда-то черезъ нашу страну. Петръ бросилъ намъ мантию цивилизаціи, мы ее подиали и не коонулись просвѣщенія. Мы прошли побѣдителями черезъ всю Европу, и принесли домой только дурныя поватія и гибельныя заблужденія. Мы — пробѣлъ въ порядкѣ разумнѣя и въ этомъ виноваты не только судьба, но и люди.....

„Въ христіанствѣ должно непремѣнно видѣть не одну нравственную, но и историческую сторону, которая показываетъ, что именно имъ сдѣлано и сдѣлается для людей, и выражаетъ божественную силу вѣчную и дѣйствующую во всемъ пространствѣ міра умственного.

„Въ мірѣ христіанскомъ все содѣйствуетъ учрежденію на земѣ полного порядка, ибо Богъ живетъ въ немъ до окончанія вѣковъ. Этимъ отличается этотъ порядокъ отъ стараго до христіанскаго. Безъ того существовало бы только вообразительная усовершенность людей, усовершенность чисте матеріальная, которая порождаетъ въ исторіи только мгновенное процвѣтаніе того или другаго народа.

„Но развѣ мы не христіане, и развѣ нельзя образоваться иначе какъ по образцу Европы? На это можно отвѣчать, что Абиссинцы тоже христіане, а Японцы по своему чрезвычайно образованы.....

„Въ христіанствѣ должно различать два направленія, рѣзко разграниченныя, хотя и ведущія къ одной цѣли: дѣйствіе его на человѣка и дѣйствіе его на всемірное разуміе. Мы не можемъ по ограниченности нашей природы окончательно представить себѣ послѣдняго и перенестись въ то будущее, когда всѣ преграды, раздѣляющія народы и вѣроисповѣданія, исчезнутъ. Но въ настоящее время всѣ должны знать свое мѣсто въ порядкѣ общаго призванія христіанства, и знать чѣмъ и какъ они могутъ содѣйствовать цѣли предназначенной человѣчеству.

„Поэтому необходимъ особый кругъ идей, гдѣ должны двигаться умы общества для достиженія этой цѣли, кругъ, дающій ему особенный взглядъ, выработанный осмысленностью вѣками и создавшійся въ это время изъ всѣхъ страстей, выгодъ, страданій, мечтаній и усилій разума.

„Всѣ европейскіе народы совершили этотъ путь рука въ руку и впредь будутъ безпрестанно сходиться на одной и той же дорогѣ, несмотря на случайныя отклоненія. Всѣ они склонялись въ прахъ передъ Іерусалимомъ; всѣ они въ теченіе вѣковъ молились на одномъ языкѣ, покорялись одной нравственной власти, имѣли одно убѣжденіе. Итакъ европейская сфера—единственная сфера, двигаясь въ которой человѣчество, явно идетъ по пути достиженія своего предназначенія, и она есть плодъ религіи. Обстоятельства отторгнули насъ отъ движенія, въ которомъ общественная идея христіанства развилась и приняла извѣстныя формы, и мы не могли воспользоваться вполнѣ его вліяніемъ. Поэтому ясно, что въ насъ должно стараться волячески оживить вѣру, то-есть переначать все воспитаніе рѣда человѣческаго.

„Исторія новаго общества совершается въ области мнѣнія и движется идеями; выгоды только слѣдуютъ за ними. Успѣхи Запада были успѣхи чисто нравственныя. Искали истину, и наши благосостояніе.

„Первая эпоха новой исторіи Европы связана съ усиленіемъ новѣйшаго разума въ его дѣтствѣ. Она наполнена религиозными гоненіями, мученичествомъ, распространеніемъ христіанства, ересями, соборами. Во второй эпохѣ мы видимъ образованіе іерархіи, сосредоточеніе духовной власти; затѣмъ слѣдуютъ высшее усиленіе религиознаго чувства и упроченіе духовной власти. Философское и литературное развитіе ума и образованіе нравовъ, подъ вліяніемъ религіи, завершаютъ эту исторію. Матеріальныя и личныя выгоды поглощались постоянно идеей.

„Пусть поверхностная философія вопіетъ противъ фанатизма костровъ. Но въ свое время и они должны были существовать, и отпечататься на характерѣ западныхъ народовъ. И въ хорошемъ и въ дурномъ отношеніи все содѣйствовало развитію той общественности, которая все-таки можетъ только возбуждать нашу зависть. Въ этой борьбѣ за истину созданъ тотъ міръ идей, который мы даже представляемъ себѣ смутно, не только что не можемъ, какъ иные думаютъ, перенестись въ него тѣломъ и душой.

„Не все было въ Европѣ умно, добродѣтельно, религиозно. Но все въ ней сопряжено общемою связью, проникнуто таинственною силой, сдѣлавшею идеи и явленія исторіи, и создавшею настоящее общество. Исторія народа, болѣе всего проникнутаго новѣйшимъ духомъ, Англичанъ—почти вся религиозная; это видно и въ событіяхъ эпохи Кромвеля, и эпохи Георга VIII и въ нашъ вѣкъ.

„Дѣйствіе христіанства не ограничивается прямымъ вліяніемъ на умы людей. Конецное предназначеніе его должно быть слѣдствіемъ множества нравственныхъ, умственныхъ сопряженій, въ которыхъ человечество должно найти возможный просторъ для всѣхъ направленій своей дѣятельности. Все совершившееся съ перваго дня нашей эры, не исключая религиозныхъ гоненій, согласуется съ этимъ воззрѣніемъ...“

Таково содержаніе письма Чаадаева. Я почелъ за нужное напомнить главныя положенія его въ ихъ послѣ-

довательности, потому что они составляютъ сущность его убѣжденій, которыми онъ всегда оставался вѣренъ въ ихъ главныхъ основахъ. Я представилъ какъ бы только блѣдный очеркъ или остовъ этого мастерскаго произведенія, смѣлаго и искренняго, блестящаго силой и прелестью изложенія, картинностью образовъ, соразмѣрностью и послѣдовательностью частей.

Мнѣніе о сумашествіи челоѣка, написавшаго такой философскій трактатъ, распространилось болѣе въ Петербургѣ, гдѣ Чаадаева многіе не знали или уже забыли. Но и тамъ, несмотря на разныя отягчающія обстоятельства, недобѣріе встрѣчалось вѣрѣдко. Въ Москвѣ же, гдѣ его такъ хорошо знали, едва ли нашелся просвѣщенный челоѣкъ, даже между его противниками, который бы повѣрилъ этому сумашествію. Чаадаевъ получалъ отовсюду изъявленія участія и сочувствія. Оно произвело только одно послѣдствіе, по обыкновенію совершенно противоположное тому, какое имѣлось въ виду: авторитетъ и извѣстность Чаадаева возрасли до чрезвычайности, даже въ глазахъ тѣхъ, которые сначала первые грозили ему остракизмомъ.

Въ самомъ дѣлѣ, откинувъ предрасудки и односторонности, нельзя не отдать справедливости Чаадаеву и теперь, чрезъ четверть вѣка послѣ появленія его письма. Теперь постоянная работа мысли успѣла уже усвоить намъ многія истины, впервые высказанныя у насъ Чаадаевымъ и признанныя даже его противниками. Съ другой стороны, та же работа очевидными результатами смягчила рѣзкости и угловатости его воззрѣнія, внесла новый свѣтъ въ нѣкоторыя части его ученія. Но это не мѣшаетъ его письму быть у насъ рѣдкимъ образцомъ философскаго трактата, вытекающаго влвно и величественно изъ живой мысли. Чаадаева можно оспаривать, но нельзя не уважать; а для оспариванія, кромѣ разнородныхъ познаній и таланта, необходимо имѣть собственную систему, основанную на такихъ же твердыхъ положеніяхъ и развитую изъ нихъ столь же послѣдовательно. Не заслуга ли со стороны Чаадаева, что онъ первый далъ въ нашей литературѣ прекрасный образецъ этого рода сочиненій? что онъ расшевелилъ и привелъ въ сознаніе дремавшую въ то время мысль? что онъ сдѣлался ор-

гавомъ направленія, которое дѣйствительно не только существовало, но было даже сильно распространено, слѣдовательно имѣло неотъемлемыя жизненныя права въ обществѣ? Сколько лѣтъ послѣ краснорѣчиваго протеста Чаадаева высказывались многія мысли его въ литературныхъ органахъ, имѣвшихъ наиболѣе адептовъ между читателями! Но новыя изслѣдованія являлись только мимоходомъ или касались только порознь той или другой стороны вопроса. Чаадаевъ же прежде всѣхъ взялъ его весь, какъ онъ былъ, сталъ съ нимъ лицомъ къ лицу, вступилъ съ нимъ въ борьбу и развилъ убѣжденія цѣлой школы до ихъ послѣднихъ результатовъ. Вотъ значеніе Чаадаева въ нашей литературѣ; вотъ отъ чего онъ никогда не умретъ въ ея исторіи.

Значеніе направленія, выраженнаго Чаадаевымъ, важно въ ходѣ нашего развитія, и онъ былъ первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ послѣднимъ его представителемъ. Я не имѣю и въ мысляхъ рѣшить въ какой степени правы послѣдователи этого направленія и въ чемъ состоятъ его слабыя стороны. Споръ объ этомъ ведется много лѣтъ, и можетъ-быть долго, долго еще не откроется та окончательная точка примиренія противоположныхъ ученій, часто, хотя и втихомолку, уже сознающихся въ прежнихъ слишкомъ рѣзкихъ и одностороннихъ увлеченіяхъ. Дѣло въ томъ, что Чаадаевъ былъ во главѣ одной изъ сторонъ, именно той, которая не безъ основанія видитъ въ положеніи Европы высшую точку цивилизаціи, до которой когда-либо достигалъ родъ человѣческій; вѣрить въ будущее европейскаго міра, и желало бы, чтобы наше отечество могло, не внѣшнимъ образомъ, не нѣкоторыми только точками соприкосновенія, войти въ этотъ міръ, а стать его живою частію. Желаніе это не всѣми разделяется, но оно очень понятно. Представьте себѣ человѣка видащаго, что у сосѣда выросло плодовитое дерево, которое, несмотря на то что птицы и насѣкомыя портятъ не мало плодовъ, даетъ ему обильную и вкусную пищу. Человѣкъ этотъ знаетъ изъ какого сѣмени выросло дерево, и ему самому нужно имѣть дерево приносящее плоды. Не естественно ли ему пожалѣть, что у него нѣтъ такихъ сѣменъ, какъ у сосѣда, и съ грустію подумать, что ему приходится ждать что еще вырастетъ изъ скрытаго въ его землѣ сѣмени. При томъ же сѣмя это ему из-

вѣстно только по слухамъ самымъ разнорѣчащимъ; одни говорятъ, что у него выростетъ дерево гораздо лучшее чѣмъ у сосѣда; другіе, что они ничего не знаютъ; третьи, что это сѣмя очень плохаго дерева; четвертые, что и сѣмени нѣтъ никакого. Не естественно ли тутъ сомнѣваться, особенно когда тѣ, которые обѣщаютъ плоды лучшіе чѣмъ у сосѣда, не могутъ еще представить образцовъ этого лучшаго и заключаютъ о немъ гадательно. Вѣдь русская же пословица говорить: „не сули журавля въ небѣ, а дай синицу въ руку.“

Я сказалъ уже, что обнаруженіе письма Чаадаева и послѣдствія его еще болѣе распространили его извѣстность. Онъ сдѣлался какъ бы необходимою принадлежностію московскаго общества, котораго большинство любило и цѣнило его по достоинству. Мнѣнія его имѣли вѣсь и значеніе во всякомъ вопросѣ, религиозномъ, политическомъ, общественномъ, ученомъ, литературномъ, и всегда обращали на себя особое вниманіе людей мыслящихъ. На чемъ же собственно основался этотъ авторитетъ, эта популярность?

Я не буду много говорить о прекрасныхъ свойствахъ сердца Чаадаева. Взглянемъ на него съ другой стороны, именно какъ на дѣятеля общественнаго.

Чаадаевъ былъ человекъ религиозный, либеральный и просвѣщенный, въ истинномъ значеніи этихъ словъ. Онъ сдѣлалъ за всевозможными жизненными движеніями общества, и въ каждомъ, повидимому даже незначительномъ событіи, умѣлъ подмѣчать характеристическую его черту и подводить его подъ надежащую точку зрѣнія, объясняющую его на основаніи общихъ началъ выработавшейся въ его умѣ системы. Чаадаевъ дорожилъ каждымъ признакомъ мысленной работы, цѣнилъ всякій ученый трудъ, уважалъ своихъ противниковъ, споря съ ними, и радовался когда встрѣчалъ противорѣчія, обличавшія пробужденіе сознанія, хотя бы и несходнаго съ его мыслями, потому что лучше любилъ встрѣчать отпоръ чѣмъ апатическое спокойствіе. Чаадаевъ не увлекался политическими и общественными утопіями, не вѣрилъ въ скачки и не терпѣлъ ихъ, зная, что они такъ же легко и бесплодно совершаются впередъ, какъ и въ сторону или назадъ; онъ стоялъ на твердой почвѣ исторической, признавалъ права на жизнь въ исторически-развившихся общественныхъ элементахъ.

Онъ любилъ разумную свободу, завоеванную трудомъ лучшихъ представителей человечества, и сочувствуя массамъ, не на нихъ однако основывалъ свои надежды, сознавая, что лесть, имъ расточаемая, и власть, вручаемая имъ, осуществляютъ только новый, нестерпимѣйшій видъ деспотизма. Словомъ, онъ былъ истинно либеральный человѣкъ, чаявшій спасенія отъ одного просвѣщенія. Притомъ онъ былъ прямо-религіозный человѣкъ, безъ предрасудковъ, убѣжденный сердцемъ христіанинъ, чуждый нетерпимости.

Всѣ эти воззрѣнія Чаадаева на разнородные предметы, начиная отъ самыхъ важныхъ до самыхъ незначительныхъ, составляли полную систему, которая высказывалась имъ при всякомъ случаѣ, на каждомъ шагу, оставаясь вѣрною самою себѣ, потому что она была основана на твердыхъ началахъ. Не удивительно, что Чаадаевъ, обладавшій при этомъ увлекательнымъ даромъ слова и очаровательною любезностію, имѣлъ такое огромное вліяніе на общество, въ которомъ онъ жилъ.

Извѣстно, что однимъ изъ главныхъ недостатковъ нашихъ состоитъ въ разъединеніи жизни съ духовными началами религіи, нравственности, науки. Часто бываетъ, что она сама по себѣ и они тоже сами по себѣ, даже въ одномъ и томъ же человѣкѣ, не только въ цѣломъ обществѣ. Эти духовные интересы такъ еще мало вошли у насъ въ оборотъ общественной жизни, что можно вѣкъ прожить почти вовсе не касаясь ихъ. Вы не сталкиваетесь съ ними въ жизни, и не сознаете ихъ необходимости не вида ихъ ежеминутнаго присутствія и участія въ явленіяхъ жизни, которая отъ того такъ и блѣдна и лишена содержанія. Въ сферахъ, преимущественно посвященныхъ духовнымъ интересамъ, преобладаетъ духъ касты, удивляющій ихъ отъ общества, и человѣкъ свѣтскій, чтобъ ознакомиться съ ними, долженъ, такъ сказать, перереправляться на другой, отдаленный берегъ искать того что въ другихъ земляхъ у всякаго ежеминутно подъ рукою.

Поэтому въ нашемъ обществѣ, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, необходимы люди, проникнутые духовными интересами, ежеминутно, незаметно, по каплѣ, проливающіе въ умъ и сердце каждаго встрѣчнаго сознаніе этихъ интересовъ, хотя бы простое напоминаніе о ихъ существованіи. Таково было призваніе Чаадаева, который умѣлъ привлечь къ себѣ

пылаго и страстнаго юношу-Пушкина, и все болѣе и болѣе расширяя кругъ своей дѣятельности среди обширныхъ связей и знакомствъ своихъ.

Соплаюсь на совѣсть множества его пріятелей и знакомыхъ. Пусть они спросятъ себя мысленно: не одолженъ ли я Чаадаеву чѣмъ-нибудь? Вѣрно внутренній голосъ скажетъ одному: его бесѣды удержали меня на пути сомнѣнія или невѣрія; другому: онъ объяснилъ мнѣ тотъ или другой нравственный вопросъ; третьему: онъ возбудилъ во мнѣ такую-то мысль; четвертому: онъ ободрилъ мои первые труды; пятому: онъ доказалъ мнѣ нелѣпость такого-то ученія; шестому: онъ подѣлился со мной своимъ опытомъ и познаніями и т. д. Вообразите же себѣ, какую массу добра и истины пустилъ въ ходъ Чаадаевъ, въ теченіи столькихъ лѣтъ, межу столькими людьми, ежедневно, ежеминутно касаясь вопросовъ облагораживающихъ человека, и о которыхъ безъ него иные, увы! вовсе бы и не провѣдали. Вотъ значеніе Чаадаева въ обществѣ; вотъ почему его долго, долго не забудутъ.

Чаадаеву ставили въ упрекъ его самолюбіе и свѣтскую щеголеватость. Придирки мелкія и жалкія! Да, онъ былъ самолюбивъ, но имѣлъ на то и права, какихъ вовсе не имѣютъ столь многіе повинные въ этомъ грѣхѣ. Щеголеватость манеръ и одежды такъ хорошо гармонировала съ его стройною фигурой, тонкими чертами лица, пріятнымъ голосомъ! Притомъ онъ былъ щеголь по природѣ, для себя, когда даже бывалъ одинъ дома. Онъ и душой и умомъ былъ удивительно изященъ, и привлекалъ къ себѣ неволью. Это изящество во всемъ было необходимо для той роли, оригинальной и трудной, которую суждено было ему играть въ обществѣ, обращающемъ такъ много вниманія на внѣшность. Какъ онъ умѣлъ дѣлать такъ, что съ нимъ было легко и привольно всѣмъ, несмотря на различіе характеровъ и убѣжденій! Какъ онъ умѣлъ принимать у себя, вести общій разговоръ, заставить неволью каждаго пріять въ немъ участіе! Друзья его помнятъ эти поведѣльники на Новой Басманной, куда мы ѣзжали такъ часто, такъ охотно, иногда цѣлымъ обществомъ, которое такъ привѣтливо, такъ радушно встрѣчалъ хозяинъ! Сколько споровъ и поучительныхъ бесѣдъ происходило въ этомъ

скромномъ домикѣ, куда обязанностію считали являться и путешественники не чуждые интересовъ мысли!

Я долженъ признаться, что познакомился съ Чаадаевымъ подъ вліяніемъ нѣкотораго предубѣжденія, понятнаго въ человѣкѣ, который живя въ Петербургѣ, рѣдко видалъ его. Я посѣщалъ его, бывая въ Москвѣ проездомъ, и несмотря на короткія встрѣчи, вскорѣ совершенно исцѣлился отъ этого предубѣжденія. Въ послѣдніе годы его жизни мы были истинно дружны и видѣлись безпрестанно¹. Здѣсь не мѣсто говорить чѣмъ именно и сколько я обязанъ его незабвенной дружбѣ. Но грѣхъ было бы не сознаться, что тако было такъ, а памятью о дружбѣ его я такъ дорожу и горжусь, что не могъ не сказать о ней хоть нѣсколько словъ. Возвращаюсь къ печальному окончанію моего разказа.

Въ началѣ 1856 года здоровье Чаадаева стало часто страиваться, и расположеніе его духа помрачаться грустію и безпокойствомъ. Однако онъ храбро боролся, выѣзжалъ, и являлся часто какъ ни въ чемъ не бывало. Пришла весна, наступила страстная недѣля. Въ понедѣльникъ утромъ я пріѣхалъ къ нему; онъ былъ не совсѣмъ здоровъ, но бодръ, и встрѣтилъ меня словами: „вотъ онъ, другъ настоящій; и сегодня пріѣхалъ, когда вѣрно никто не будетъ“. И точно мы просидѣли одни. Въ среду мы видѣлись мелькомъ, въ клубѣ, въ полутемнотѣ, такъ что я едва могъ видѣть его лицо; онъ говорилъ, что сильно страдаетъ простудой и болью въ груди. Но каково было наше удивленіе, когда С. А. Соболевскій и я увидѣли его въ пятницу подъ вечеръ! Онъ пріѣхалъ обѣдать по обыкновенію къ Шевалье, и когда вошелъ въ комнату, гдѣ мы сидѣли, мы увидѣли ходящій трупъ согбеннаго старика, съ мутными глазами и всеми признаками разрушенія на лицѣ, говорившаго глухимъ, гробовымъ голосомъ. Впечатлѣніе было ужасное! „Это мертвецъ!“ сказали мы другъ другу въ одну минуту. Мы старались, разумѣется, скрыть это впечатлѣніе, и заговорили съ Чаадаевымъ; онъ сказалъ, что докторъ запретилъ ему выѣзжать, но что ему нуженъ воздухъ. Я посидѣлъ съ нимъ до восьмага часа, и мы разошлись—на вѣки. На другой

¹ За нѣсколько лѣтъ до своей кончины Чаадаевъ посвятилъ мнѣ рукописную имъ въ 1849 году „Воскресную бесѣду сельскаго священника Периской губерніи села Невыхъ Рудниковъ“. Я напечаталъ ее съ экземпляра, подареннаго его рукою и подареннаго имъ мнѣ въ то время.

день я ѣхалъ къ нему, но былъ задержанъ непредвидѣнными дѣлами отъ дальней поѣдки въ конецъ новой Басманной, а въ 5 часу Чаадаева уже не было въ живыхъ! Онъ умеръ въ страстную субботу, 14 апрѣля 1856 года, 62 лѣтъ, 10 мѣсяцевъ и 18 дней отъ роду.

Я не буду говорить объ общей печали, распространенной въ обществѣ при извѣстїи о кончинѣ чловѣка, который былъ такъ уважаемъ и любимъ. Образъ жизни и здоровье Чаадаева, казалось, обѣщали ему еще много лѣтъ существованія, но Провидѣніе рѣшило иначе...

Чаадаевъ похороненъ въ Домскомъ монастырѣ. Его отпѣвали, при огромномъ стеченїи людей, въ церкви Св. Апостоловъ Петра и Павла, на Новой Басманной, въ среду на Святой недѣлѣ, въ чудный апрѣльскій день, при радостномъ блескѣ весенняго солнца, при звукахъ пасхальныхъ пѣсней, возглашавшихъ воскресеніе у новаго гроба, гдѣ покоились бранные останки того, кто такъ искренно вѣровалъ въ безсмертіе духа и тайну искупленія.

Присутствовавшіе никогда не забудутъ печальной минуты послѣдняго прощанія съ Чаадаевымъ, никогда не забудутъ и краткаго, трогательнаго обращенія къ нему почтеннаго духовника его, Н. А. Сергіевскаго:

„Усопшїй намъ во Христа братъ! Христосъ воскресъ“¹.

МИХАИЛЪ ЛОНГИНОВЪ.

¹ Вскорѣ послѣ кончины Чаадаева я напечаталъ некрологъ его въ *Современникѣ* 1856 г., № 7, отд. 5, стр. 5. Въ другой разъ я имѣлъ случай нечисто говорить о немъ по поводу выхода въ свѣтъ послѣдняго изданія сочиненій Д. В. Давыдова, котораго отзывъ могъ ввести многихъ въ заблужденіе на счетъ покойнаго. (См. *Русскій Вѣстникъ* 1860, № 5, *Совр. Литоп.* стр. 22—25.) Нѣкоторыя подробности о Чаадаевѣ и письма его помѣщены въ *Библиографическія Записки* 1861, № 1, стр. 1. Предложенная здѣсь статья напечатана съ нѣкоторыми немногими перемѣнами противъ первоначальнаго текста, главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя, какъ напримѣръ вступленіе, относились исключительно къ аудиторїи, гдѣ она была прочитана и въ которой бо́льшая часть слушателей лично знала Чаадаева. Засѣданіе, въ которомъ я читалъ эту статью, было открыто рѣчью покойнаго преподавателя Общества Любителей Россійской Словесности А. С. Хомякова, съ глубокимъ чувствомъ говорившаго въ ней о Чаадаевѣ, съ которыми связавъ былъ тѣсною дружбою, несмотря на несогласіе ихъ между собою по многимъ вопросамъ. Рѣчь эта (*Шолк. Собр. Соч. Хомякова*, т. I, стр. 717) была послѣднею, произнесенною имъ въ Обществѣ. Прошло не болѣе пяти мѣсяцевъ послѣ этой бесѣды о Чаадаевѣ, и мы имѣли горестъ похоронить и Хомякова! Миръ праху обоимъ друзьямъ!

ДВА ПИСЬМА ЧААДАЕВА КЪ ШЕЛЛИНГУ.

ПИСЬМО ПЕРВОЕ.

1839. МѢСЦУ.

Monsieur.

Je ne sais si vous vous rappelez un jeune homme, russe de nation, que vous vîtes à Karlsbad, l'année 1825. Il eût l'avantage de souvent s'entretenir avec vous de sujets de philosophie, et vous lui fîtes l'honneur de lui dire que vous trouviez de la satisfaction à lui communiquer vos pensées. Vous lui dîtes, entre autre, que sur plusieurs points vous aviez modifié vos idées, et vous lui conseillâtes d'attendre que le nouvel ouvrage, dont vous vous occupiez alors, parût, pour prendre connaissance de votre philosophie. Cet ouvrage n'a point paru, et ce jeune homme c'était moi. En attendant, monsieur, j'ai lu tous vos écrits. De vous dire que je me sois élevé sur vos traces à ces hauteurs où votre génie vous a porté par un si bel élan, ce serait, peut-être, présomption de ma part; il me souvient que vous trouviez que M. Cousin ne vous avait pas bien compris; et je serais bien mal avisé, homme inconnu dans le monde européen, de prétendre aller en avant d'une si grande renommée littéraire; mais il me sera permis, je crois, de vous dire, que l'étude de vos ouvrages m'a ouvert un monde nouveau; qu'à la lumière de votre esprit j'ai entrevu dans le domaine de la pensée des espaces qui m'avaient été entièrement dérobés, que cette étude m'a été une source de fécondes et délicieuses méditations; il me sera permis de vous dire encore que tout en vous suivant en vos routes sublimes, il m'est souvent advenu d'aboutir à d'autres lieux que ceux où vous êtes arrivé. Aujourd'hui j'apprends par un ami qui dernièrement a passé quelques jours auprès de vous que vous enseignez une *philosophie de la révélation*. Ce cours public que vous professez maintenant, monsieur, c'est je présume, le développement de cette pensée qui germe dans votre esprit lorsque je vous vis à Karlsbad. J'ignore quelle peut-être la doctrine que vous exposez à cette heure à votre auditoire, quoique, je vous l'avoue, j'ai cru souvent pressentir, en vous lisant, qu'une philosophie religieuse devait un jour découler de votre système; mais je ne puis vous dire combien j'ai été heureux d'apprendre que le penseur le plus profond de notre temps, soit arrivé à cette grande idée de la fusion de la philosophie avec la religion. Dès le premier moment où je commençais à philosopher, cette idée se présenta à moi comme le fanal et le but de tout mon travail intellectuel. Tout l'intérêt de mon existence, toute la curiosité de ma raison, se trouvèrent absorbés par cette unique idée; et à mesure que j'avais dans la méditation je m'assurais que c'était aussi là le grand intérêt de l'humanité. Chaque pensée nouvelle qui venait se grouper dans ma tête à cette pensée première, me semblait une pierre que j'apportais à la construction du temple où tous les hommes devaient un jour se réunir pour y adorer, en parfaite connaissance, le Dieu évident. Perdu

dans les solitudes intellectuelles de mon pays, je crus être long-temps le seul à m'épuiser à ce labeur ou n'avoir du moins que peu de compagnons disséminés par la terre; je découvris ensuite que tout le monde pensant marchait dans la même direction; et ce fut un grand jour pour moi que celui où je fis cette découverte. Mais en même temps je fus frappé du besoin d'une haute raison individuelle, d'un grand agent isolé fait pour guider toutes les raisons, tous les agens de la masse. Dès lors naturellement je pensais à vous. Je me dis, cet homme si haut placé dans la sphère morale du monde, à qui le genre humain doit en grande partie d'avoir retrouvé ses premières et saintes intuitions, se peut-il que la nouvelle lumière qui certainement va bientôt nous éclairer tous, ne vienne à luire à ses yeux de tout son éclat, avant qu'elle ne se manifeste aux yeux de tout le monde? Lui, qui accorda tant d'éléments divergens de la pensée humaine, ne viendra-t-il pas aussi à accorder l'élément religieux avec l'élément philosophique qui déjà se touchent? Enfin, dans mes vœux intimes de progrès et de perfectionnement, je vous destinai à accomplir la grande révolution vers laquelle, selon moi, tendait la raison nouvelle: et voilà que l'on me dit que ce n'est plus la science de la terre que prêche votre parole éloquente, mais la science du ciel; voilà que mes vœux, mon pressentiment se trouvent en quelque sorte réalisés!

D'abord, monsieur, je n'ai voulu vous écrire que pour vous remercier. Mais, à cette heure, je ne puis résister à l'envie de connaître quelque chose de cette face nouvelle de votre système. Serait-ce trop que de vous demander (sans autre titre à cette faveur que ma passion du progrès de la raison humaine et ma qualité de citoyen d'un pays grandement necessiteux de lumières) quelques données sur les bases générales, ou sur l'idée fondamentale de votre doctrine actuelle? Car toute puissante qu'est votre voix, monsieur, elle ne retentit pas jusqu'en nos latitudes; nous sommes très loin de vous, monsieur; nous appartenons à un autre système solaire: et le rayon lumineux partant de quelque astre de votre monde à un chemin énorme à faire avant d'arriver dans le nôtre, et souvent se perd dans le trajet.

Si M. Tourguénef, l'ami dont je vous parlais tout-à-l'heure, est toujours en relation avec vous; il pourrait peut-être vous dire que mes études et mes travaux me rendent digne de votre commerce. Toutefois, je ne veux en ce moment ni vous parler de mes propres idées, ni soumettre à votre autorité ce que j'appelle aussi mon système; je sais que, si cette fois je dois compter sur quelque chose c'est seulement sur l'intérêt que vous même vous pourriez trouver à introduire dans votre philosophie, non pas moi seul, mais par mon intermédiaire toute une jeune génération, pauvre de présent, mais riche d'avenir, aussi avide de lumières qu'elle a peu de moyens de satisfaire son ardeur d'instruction et dont les grandes destinées ne sauraient être indifférentes au sage qui aspire à embrasser la destinée universelle de toute chose. Je désire beaucoup, monsieur, ne pas me tromper dans ma prévision cette fois comme l'autre, mais quoiqu'il arrive, je ne cesserai jamais ni de vous admirer, ni de garder la mémoire de ces quelques heures où j'ai joui de votre entretien.

Veillez agréer, monsieur, les assurances de mon profond respect.

ПИСЬМО ВТОРОЕ.

1842. Moscou, 20 mai.

Monsieur,

Depuis que vous me fîtes l'honneur de m'écrire il s'est passé bien des choses dans le monde philosophique, mais de toutes ces choses celle qui m'a le plus vivement intéressé, c'est de vous voir paraître sur le nouveau théâtre où vous appela un prince, ami du génie. Sitôt que j'eus appris votre arrivée à Berlin, j'éprouvis le désir de vous adresser mes vœux pour le succès de vos doctrines dans ce centre de la science allemande; diverses circonstances, indépendantes de ma volonté m'empêchèrent de le satisfaire: aujourd'hui je n'ai plus qu'à vous féliciter de votre triomphe. Je n'ai pas la présomption de croire que mes complimens puissent vous toucher infiniment, et je si n'avais pas autre chose à vous dire, peut-être m'eussé-je abstenu de vous écrire; mais je n'ai pu résister à l'envie de vous instruire du puissant intérêt qui s'attache pour nous à votre enseignement actuel, ainsi que des sympathies profondes dont le petit groupe de nos esprits philosophiques salua votre entrée dans cette nouvelle période de votre glorieuse carrière.

Vous n'ignorez pas, sans doute, que la philosophie spéculative a pénétré chez nous depuis longtemps; qu'une grande partie de notre jeunesse, avide de lumières nouvelles, s'est empressée de commander avec cette sagesse toute faite, dont les formules variées offrent au neophyte impatient le précieux avantage de le dispenser d'une méditation laborieuse, dont les allures hautes plaisent tant aux intelligences juvéniles: mais ce que vous ignorez probablement c'est que nous nous trouvons en ce moment au milieu d'une espèce de crise intellectuelle, destinée à exercer une influence extraordinaire sur l'avenir de notre civilisation; que nous sommes en proie à une réaction nationale, passionnée, fanatique, savante, effet naturel des tendances exotiques sous l'empire des quelles nous vecûmes trop longtemps, mais qui toutefois, dans son exclusivité étroite, ne tend à rien moins qu'à une reconstruction radicale de l'idée du pays, telle qu'elle se trouve faite, non par l'effet violent de quelque cataclysme social, ce qui pourrait légitimer en quelque sorte un retour violent vers le passé, mais tout simplement par le cours naturel des choses, par la logique infailible des siècles, et surtout par le caractère même de la nation. Or, la philosophie que vous êtes venu détrôner à Berlin en s'introduisant parmi nous, en se combinant avec les idées en cours chez nous, en s'accouplant avec l'esprit qui nous domine à cette heure, nous menacait de fausser complètement notre sentiment national, c'est-à-dire ce principe caché au fond du coeur de chaque peuple, qui fait sa conscience, la manière dont il se conçoit et se conduit dans la voie qui lui est assignée dans l'ordonnance générale de l'univers. La prodigieuse élasticité de cette philosophie qui se prête à toutes les applications possibles venait créer parmi nous les imaginations les plus bizarres sur notre rôle dans le monde, sur nos destinées futures; sa logique fataliste qui supprime presque

le libre arbitre, tout en le constituant à sa façon, qui trouve partout une nécessité inexorable, se tournant vers notre passé, allait réduire toute notre histoire à une utopie rétrospective, à une arrogante apothéose du peuple russe; son système de réconciliation universelle, par un procédé chronologique tout nouveau, piquant échantillon de nos capacités philosophiques, nous menait à croire, qu'anticipant sur la marche de l'humanité, nous avions déjà réalisé au milieu de nous ses théories ambitieuses; enfin elle allait peut-être nous dépoiler du plus bel héritage de nos pères, de cette pudeur de l'intelligence, de cette tempérance de la pensée dont un culte fortement empreint de contemplation et d'ascétisme avait pénétré leur être. Jugez donc si pour tous ceux de nous qui cherissent sérieusement leur pays, vous fûtes le bien-venu au foyer de cette philosophie dont l'influence pouvait nous devenir si funeste. Et ne pensez pas que j'exagère cette influence. Il est des moments dans la vie des peuples où toute nouvelle doctrine, quelle qu'elle soit, se trouvera toujours investie d'une puissance extraordinaire en raison du mouvement extraordinaire des esprits qui caractérise ces époques. Or, il faut l'avouer, l'ardeur avec laquelle on s'agit chez nous sur la surface de la société pour retrouver je ne sais quelle nationalité perdue est incroyable. On fouille dans tous les coins de l'histoire du pays; on refait celle de tous les peuples du monde, on leur inflige une origine commune avec la race privilégiée, la race slave, selon leur plus ou moins de mérite; on remue toute la croute du globe pour y découvrir les titres du nouveau peuple de Dieu; et tandis que cette nationalité rebelle échappe à tout ce vain labeur, on en fabrique une nouvelle que l'on prétend imposer au pays, parfaitement indifférent d'ailleurs au transport fiévreux de cette science imberbe. Mais les fièvres se gagnent, et si la doctrine de la manifestation immédiate de l'Esprit absolu dans l'humanité en général et dans chacun de ses membres en particulier, continuait à régner dans votre métropole^{avante}, nous verrions, j'en suis sûr, tout notre monde littéral bientôt converti à ce système, courtisan obséquieux de la raison humaine, flatteur charmant de toutes ses prétentions. Vous le savez, en fait de philosophie, nous sommes encore à notre point de départ: il s'agit donc de savoir si nous allons nous livrer à un ordre d'idées provoquant au plus haut point tous les genres d'infatuations personnelles, ou si fidèles à la route que nous suivîmes jusqu'à ce jour, nous continuerons à marcher dans les voies de cette humilité religieuse, de cette modestie de l'esprit qui furent de tout temps le trait distinctif de notre caractère national, et, en dernier lieu, le principe fécond de notre développement singulier. Continuez donc, Monsieur, à triompher d'une philosophie superbe qui prétendait supplanter la vôtre. Vous le voyez, les destinées d'une grande nation dépendent, en quelque sorte, du succès de votre système. Puisse nous un jour voir mûrir au milieu de nous tous les fruits de la vraie philosophie, et vous le devoir!

ШЕСТАЯ ЧАСТЬ СВѢТА

РАЗКАЗЪ.

Чего-чего не рассмотрѣлась мы съ вами, господа, въ вашъ удивительный вѣкъ всеобщаго прогресса, высокихъ нравственныхъ тенденцій, изумительныхъ изобрѣтеній и различныхъ физическихъ и политическихъ диковинокъ? Всего было довольно. Давно ли, напримѣръ, видѣли мы хоть бы человѣка-обезьяну, у которой мужъ былъ настоящій человѣкъ; не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагѣ такъ-называемую эманципированную русскую женщину, съ папирской въ зубахъ и съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, которая, не знаю какъ по вашему, а по моему мнѣнiю, будетъ пожалуй еще полюбопытѣе и упоманутаго человѣка-обезьяны? Не стоитъ ли, живемъ передъ вами и еще не имѣете замѣчательная диковинка—свободный русскiй человѣкъ, котораго ужъ ни купить, ни продать, ни въ карты проиграть и, увы! даже поколотить не возможно? Надѣюсь... (въ этомъ случаѣ я обращаюсь исключительно къ Москвитанамъ), надѣюсь, что въ послѣднее время видѣли вы даже и любимаго слона въ звѣринцѣ Крейсберга? Ужъ конечно видѣли. Но я готовъ прозакаладывать свою голову, что вамъ не случилось встрѣтить когда-нибудь любимаго русскаго кунца!

Да, понимаете, не такого купца, который кончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ, или сѣзидилъ въ Лондонъ на всемирную выставку: этотъ подъ вліяніемъ дрей-мадеры, или какой-нибудь забористой цыганской пѣсенки, пожалуй еще и увлечется подчасъ вѣжными *чувствіями*, нѣтъ,—русака купца, купца самодура, что называется, который дальше Троицы да Макарьевской ярмарки нигдѣ не бывалъ, и *окромля* полицейскихъ вѣдомостей ничего не читалъ, который вѣкъ свой только и дѣлалъ, что клялся, божился, обсчитывалъ да обмѣривалъ, и для пріобрѣтенія капитала не щадилъ ни отца, ни матери, ни роду, ни племени, у котораго, слѣдовательно, всѣ возможныя щелочки, куда пробиваются у насъ человѣческія чувствованія, заросли волчкомъ и терніемъ, и который въ нравственномъ отношеніи напоминаетъ собою одного жаренаго поросенка... Вѣрно вы помните анекдотъ про Демидова — про прежняго, разумеется, про чудака Демидова, — какъ онъ однажды послалъ въ подарокъ одному бѣдняку жаренаго поросенка, приказавъ начинить его вмѣсто каши червонцами? Такъ вотъ собственно про этого поросенка я и толкую. Прозакладую голову, что такого влюбленнаго купца вамъ никогда не удавалось встрѣтить. А я такъ встрѣтилъ,—и на придачу не такъ давно. Такое рѣдкое и вмѣстѣ съ тѣмъ отрадное явленіе представлялъ собою нѣкто Степанъ Софроновичъ Корягинъ, московскій первой гильдіи купецъ и вмѣстѣ подрядчикъ при разныхъ казенныхъ зданіяхъ и богоугодныхъ заведеніяхъ.

Сейчасъ я познакомя васъ съ нимъ короче.

Въ то время, когда начинается нашъ разказъ, Степану Софроновичу было уже лѣтъ подъ пятьдесятъ; но такъ какъ коммерческія дѣла шли у него всегда точно по маслу, горе житейское, какъ онъ и самъ выражался, пальцемъ его не тронуло, а умственный баласть лежалъ въ его черепѣ такъ же неподвижно, какъ пяти-процентныя облигаціи въ его большомъ кованомъ сундукѣ, то, вслѣдствіе такихъ благоприятныхъ причинъ, онъ и сохранился такъ же хорошо, какъ въ зимнее время сохраняется говядина въ мясныхъ лавкахъ: небольшая русая бородака его такъ только кой-гдѣ, съ краешковъ, начала сѣдимою подергиваться; круглое, широкое лицо игда лоснилось отъ избытка здоровья, а солидную талію его могъ обхватить развѣ только самый

рослый оранг-утангъ своими лапами и то едва ли;—однимъ словомъ наружность Степана Софроновича была самая приличная купецкая, такъ что когда бывало скинетъ онъ дома свой длиннополый сюртукъ, и оставшись въ ситцевой рубахѣ съ косымъ воротомъ и въ сапогахъ съ длинными лакированными голенищами, сядетъ къ столу, да подперетъ своимъ широкимъ кулакомъ подъ бороду, то фигура его представляла въ это время очень пріятное и въ нѣкоторомъ родѣ даже величественное зрѣлище. Держалъ себя Степанъ Софроновичъ, какъ и сѣдовало московскому первой гильдіи купцу, чрезвычайно прилично: въ баню ходилъ каждую субботу аккуратно; церковь Божию посѣщалъ неукоснительно; изъ дому выѣзжалъ всегда на своей лошади, и хотъ экипажи были у него не зазорные,—зимой лаковые санки безъ задка, а лѣтомъ простая городская тележка,—за то лошадей держалъ такихъ, что просто мое почтение. Насчетъ одежды только былъ неразборчивъ неможко. Какъ всѣ капиталисты, начавшіе свои операціи съ копѣйки, онъ еще даже кичился тѣмъ, что на немъ вотъ сюртукъ засаженный, да чулка словно на лавочникъ, а ему епаралы кланяются. На придачу ко всему этому, Степанъ Софроновичъ жилъ на большой улицѣ, въ собственномъ каменномъ двухъ-этажномъ домѣ, биткомъ набитомъ всякаго рода жильцами, крупными, мелкими, простыми и чиновными. Въслѣдствіе таковой обстановки, въ своемъ кварталѣ и приходѣ считался онъ однимъ изъ самыхъ почетныхъ обывателей. Не говоря о другихъ прочихъ, самъ частный приставъ, штаб-офицеръ и кавалеръ, заворачивалъ не рѣдко къ нему съ визитомъ, да еще и этому самовнику Степанъ Софроновичъ не очень-то чтобы ужь кланялся. „Нами, говаривалъ онъ, не токма частный, нами люди и почище твоего частного не брезгуютъ, потому что мы таперича *обязанность* свою исполняемъ какъ слѣдуетъ...“

Да вотъ вѣдь о самомъ-то главномъ я было и забылъ упомянуть, а именно о томъ что Степанъ Софроновичъ былъ человекъ вдовый, а то вы, пожалуй, подумаете, что онъ отъ живой жены въ другую влюбился. Нѣтъ, въ этомъ отношеніи герой нашъ былъ чистъ какъ голубь. Онъ овдовѣлъ съ небольшимъ за годъ передъ тѣмъ, какъ случиться съ нимъ этой оказіи... Отъ прежней жены имѣлъ онъ, правда, двухъ дочерей; но онъ давно уже были выданы замужъ за хоро-

шихъ людей, и съ тѣхъ поръ какъ овдовѣлъ Степанъ Софроничъ, онъ жилъ одинъ-одинехонекъ, совершеннымъ бобылемъ, съ одною только какою-то дальнею своею родственницей-старушкой, которая управляла у него хозяйствомъ.

Но прежде нежели вы узнаете, какимъ образомъ человѣкъ подобный Степану Софроничу могъ увлечься вѣжкою страстію, и какъ выразилось въ немъ такое несродное ему чувство, я долженъ познакомить васъ, хоть въ короткихъ словахъ, съ остальными дѣйствующими лицами моего разказа.

Случилось, что въ домъ Степана Софронича, въ визу во флигель, навязъ квартиру одинъ бѣдный чиновникъ, нѣкто Василій Максимовичъ Лежневъ. Въ какомъ присутственномъ мѣстѣ служилъ онъ — не спрашивайте. Знаю только, что это былъ человѣкъ чрезвычайно добрый, тихій, скромный, какъ красная дѣвушка, и страшный трусъ, особливо если дѣло касалось службы, однимъ словомъ, то что у насъ называется мокрая курица, да на придачу ко всему этому несчастію, человѣкъ который не умѣлъ почему-то подличать и прислуживаться; а какъ въ нынѣшнее время чиновнику съ такими качествами далеко не уйдти, то и Лежневъ, въ свою очередь, двигался на службѣ какъ черепаха, и въ теченіе долгихъ лѣтъ занималъ скромное мѣсто помощника столоначальника, состарѣвшись почти на полутора ста рубляхъ жалованья, и съ терпѣніемъ верблюда выжидая своей очереди. Какъ всѣ почти бѣдные чиновники, онъ былъ человѣкъ семейный. Къ счастью, семейство его было не велико и состояло только изъ жены и дочери. Жену звали Авдотьею Павловной, а дочь Вѣрочкой.

Въ примѣту ли вамъ, господа, что дѣти у бѣдныхъ людей бываютъ большею частію прехорошенькія? Происходить ли это отъ того, что судьба разчитываетъ утѣшать ихъ этими куколками за всѣ горести и невзгоды житейскія, или дѣлается это вслѣдствіе того простаго психологическаго закона, что между подобными людьми бываетъ боѣе любви, симпатіи и, такъ сказать, сосредоточенности въ ихъ супружескихъ отношеніяхъ, нежели между богатыми, — ужь право не умѣю вамъ сказать, но только я замѣтилъ, что большею частію бываетъ именно такъ. Судьба въ этомъ случаѣ особенно побаловала Василія Максимовича. Вѣрочка была него не просто хорошенькая, а красавица. Представьте себѣ

великозвѣную бѣлокурую грезовскую головку, съ свѣжимъ розовымъ ротикомъ, украшеннымъ двумя рядами зубковъ бѣлыхъ и ровныхъ, какъ у обезьянки, представьте, что эта головка смотритъ на васъ двумя такими удивительными голубыми глазенками, что вамъ хочется выколоть ихъ съ досады,—и вы будете имѣть развѣ только смутное понятіе о наружности Вѣрочки. Однимъ словомъ, молодые люди, встрѣчаясь съ ней въ церкви или на бульварѣ, невольно развѣвали ротъ и приходили въ нѣкоего рода остолбенѣніе, а старцы чувствовали, что у нихъ дрожали поджилки, и гемороидаальная кровь не удержимо прилиwała къ сердцу....

Василій Максимовичъ нарадоваться не могъ на свою дочку. Одно его обезкураживало: алмазъ этотъ долженъ былъ остаться не отшлифованнымъ. О домашнемъ воспитаніи вечаго было и думать: какое получалъ онъ жалованье, вы уже знаете; а столъ, за которымъ онъ прозябалъ, считается въ его присутственномъ мѣстѣ чѣмъ-то въ родѣ гнилаго болота, куда просители заѣзживали развѣ только по ошибкѣ; стало-быть въ карманѣ у Василья Максимовича сильно посвистывало, а при такихъ условіяхъ не только головы, и желудка человѣческаго порядочно не вырабатываетъ. Хлопоталъ было онъ пристроить Вѣрочку въ какое-нибудь казенное заведеніе, да поробуйте-ка сдѣлать это безъ связей-то и безъ протекціи: ничего не подѣлаешь. Лежневъ приходилъ въ отчаяніе и хотѣлъ было ужъ отдать дѣвочку въ какой-нибудь модный магазинъ на Кузнецкій мостъ, чтобы въ послѣдствіи хоть рукодѣльемъ могла она свискивать себѣ пропитаніе; но судьба и тутъ поспѣшила къ нему на помощь, и Вѣрочка совершенно неожиданнымъ образомъ получила такое образованіе, какому позавидовала бы любая институтка, получившая золотой шифръ при выпускѣ.... Какъ-то однажды въ трактирѣ, за рюмочкой *очищеннаго*, разговорился Лежневъ объ этомъ дѣлѣ съ однимъ своимъ сослуживцемъ-пріятелемъ. Тотъ принялъ въ немъ участіе. „Постой-ка, братецъ ты мой, сказалъ онъ, подумавши: есть у меня на примѣтъ студентикъ одинъ, бѣднякъ такой, что изъ рукъ вонъ, а заѣхалъ сюда издалека,—ни родныхъ, ни знакомыхъ никого нѣтъ. На дняхъ еще спрашивалъ у меня, не порекомендую ли я ему какой-нибудь кондичіи: просто, говорить, изъ квартиры бы да изъ хлѣба пошевѣть... И

малый должно быть отличный; на разговорахъ такъ, просто, собаку съѣлъ; а на французскомъ языкѣ такъ и рѣжетъ. Такъ вотъ если хочешь, я его пришлю къ тебѣ; можетъ-быть, какъ-нибудь и сойдется. А ужь дочку, братъ, выучить отлично, ручаюсь.“ Лежневъ подумалъ, и разчитавъ, что при трехъ человѣкахъ одного прокормить какъ-нибудь можно, даже и приплатить какіе-нибудь пустяки куда ни шло—согласился. На другой день студентикъ къ нему дѣйствительно явился. Это былъ черноволосый молодой человѣкъ, съ тѣми тонкими и вмѣстѣ рѣзкими чертами лица, которыя съ перваго же взгляда изобличаютъ натуру страстную и энергическую. Звали его Павломъ Николаевичемъ Луинымъ. Василью Максимовичу онъ очень понравился; тотъ въ свою очередь понравился ему, и дѣло уладилось тутъ же. Это было утромъ, а вечеромъ Луинъ совсѣмъ уже перебрался къ Лежневымъ. Много хлопотать ему было не о чемъ: все имущество молодого человѣка состояло изъ чемодана съ бѣльемъ и платьемъ, да изъ связки книгъ и тетрадей. Ему отгородили уголокъ въ общей комнатѣ, и за тѣмъ началось образованіе Вѣрочки. До сихъ поръ отецъ самъ училъ ее чему могъ; стало-быть фундаментъ былъ уже нѣкоторымъ образомъ заложенъ; учителю оставалось только продолжать. Замѣтивъ въ ученицѣ своей способности не совсѣмъ обыкновенныя, онъ приваялся за нее съ такимъ же увлеченіемъ, съ какимъ художникъ принимается за кусокъ драгоценнаго мрамора.

Время шло, Вѣрочка училась, росла и хорошѣла. Сначала Луинъ привязался къ ней, какъ милому и способному ребенку, а потомъ ужь и самъ не могъ понять, что такое его къ ней привязывало. Не разъ выходили ему случаи пристроиться и выгоды и удобства; но онъ предпочиталъ оставаться лучше въ своемъ уголку и дѣлать съ своею ученицей пицу святаго Антонія. Такимъ образомъ незамѣтно протекали для него четыре года его студенчества. Въ продолженіе этого времени, Вѣрочка прошла съ нимъ не только весь гимназическій курсъ, но даже захватила не много и университетскаго.

Привсей свѣжести и впечатлительности своей натуры, Луинъ не впалъ ни въ какія крайности; на жизнь смотрѣлъ онъ свѣтло и трезво, и сохранялъ вѣру во многое, чѣмъ тепла и отрадна жизнь человѣка. Все это отразилось въ его ученицѣ,

какъ въ зеркалѣ. Молодой учитель, дѣйствительно, сдѣлалъ изъ нея восьмое чудо. Очень понятно чѣмъ все это кончилось. Вы знаете, что симпатія, возникающая между учителемъ и ученицей, есть одна изъ самыхъ сильныхъ симпатій въ мирѣ: кончилось это тѣмъ, что Павелъ Николаевичъ и Вѣрочка страстно полюбили другъ друга.

Вѣрочкѣ было семнадцать лѣтъ, когда Луинъ кончилъ курсъ кандидатомъ по филологическому факультету. Съ тѣхъ поръ единственною его мечтою было жениться на своей ученицѣ; но какъ онъ очень хорошо зналъ, что безъ денегъ не только жениться, но и умереть невозможно приличнымъ образомъ, то и рѣшился не говорить ей о своемъ намѣреніи до тѣхъ поръ пока не прищеть себѣ порядочнаго мѣста и не устроится какъ слѣдуетъ. Между прочимъ началъ онъ хлопотать, чтобъ опредѣлиться учителемъ въ одну изъ здѣшнихъ гимназій. Обстоятельства расположились иначе: одинъ богатый баринъ увѣжалъ въ это время на два года за границу и прискивалъ наставника для своихъ дѣтей, который продолжалъ бы тамъ ихъ воспитаніе. Ему рекомендовали Луина, и баринъ предложилъ ему полторы тысячи серебромъ въ годъ жалованья. Тогда молодой человѣкъ увидѣлъ, что по истеченіи этихъ двухъ лѣтъ намѣреніе его касательно Вѣрочки легко можетъ осуществиться, и рѣшился объясниться объ этомъ съ нею и съ Васильемъ Максимовичемъ. Лежневы, любившіе Луина какъ роднаго, ради были безъ памяти, а Вѣрочка, считая уже себя невѣстой, бросилась къ нему на шею и поклялась ждать его не только два, а хоть двадцать два года. Луинъ увѣхалъ, и между молодыми людьми началась постоянная переписка. Въ это-то время Лежневы и наняли квартиру въ домѣ Степана Софромовича.

Нечего, предполагаю, и разказывать, кто была та чародѣйка, которая околдовала его купеческое сердце. Но послушайте же, какъ это оригинально сдѣлалось. Однажды Степанъ Софромовичъ справлялъ годовщину по своей покойницѣ жень. Дѣло это было зимой, въ ноябрѣ мѣсяцѣ. Возвращаясь въ этотъ день отъ обѣдни, встрѣтился онъ у воротъ своего дома съ Авдотьею Павловной и Вѣрочкой, шедшими куда-то по своимъ надобностямъ. Жильцовъ было столько у него въ домѣ, что многихъ онъ даже не зналъ и въ лицо, особенно которые были помельче, въ томъ чи-

слѣ и Лежневыхъ. Однакожь Вѣрочка видимо произвела на него впечатаніе, потому что встрѣтившись съ ней, онъ тотчасъ же невольно погладилъ свою бородку и потомъ долго, какъ дуракъ, стоялъ на одномъ мѣстѣ и провожалъ ее глазами. Въ это время дворникъ его, отставной солдатъ Ивановъ, расчищалъ снѣгъ на тротуарѣ:

— Что это за барыни такія? здѣшнія чтоль? спросилъ у него Степанъ Софроновичъ.

— Жилицы здѣшнія, откликнулася дворникъ, продолжая работать лопатой.

— Какія такія?

— А вонъ что внизу, во флигель-то живутъ. Лежневъ чиновникъ навимаеть. Которая постарше, толстая - то, это его жена, а помоложе-то дочь.

— Они, кажись, еще прошлою зимою сюда переѣхали?

— Да.

— Ну, теперъ знаю.

Степанъ Софроновичъ постоялъ еще немного, посмотрѣлъ на Вѣрочку и пошелъ въ каалитку, и Ивановъ слышалъ, какъ онъ проговорилъ довольно громко:

— Эхъ, важная дѣвочка-те!

Вскорѣ послѣ того уѣхалъ онъ на кладбище.

Но надобно предполагать, что не смотря на грустныя воспоминанія, образъ Вѣрочки цѣлый день мучилъ его воображеніе. Вернувшись домой вечеромъ и вышедши изъ сани, онъ хотѣлъ было идти домой, но вдругъ остановился, подумалъ, пощипалъ бороду и повернулъ къ квартирѣ Лежневыхъ.

Въ это время Василій Максимовичъ, жена его и Вѣрочка сидѣли за самоваромъ въ общей комнатѣ и пришли въ немалое удивленіе, когда массивная фигура хозяина появилась въ дверяхъ, какъ была, въ калошахъ и въ лисьей шубѣ.

— Наше вамъ почтеніе! сказалъ Степанъ Софроновичъ, перекрестившись на образъ и кивнувъ головой.

Василій Максимовичъ положилъ на столъ городской листокъ, который читалъ въ это время, снялъ очки, всталъ и началъ оправлять на себѣ халатъ.

— Ничего, ничего, батюшка, не беспокоитесь, продолжалъ Степанъ Софроновичъ, искоса поглядывая на Вѣрочку:—я такъ замешъ, по своей обязанности... Все ли, примѣрно,

въ исправности у васъ... поправить или починить чего не требуется ли? Потому хозяева должны наблюдать жильцовъ... такъ я за вѣтимъ собственно...

Понятно, что такое вниманіе показалось очень лестно Василию Максимовичу. Онъ сталъ извиняться, что его застали по домашнему, бросился за стуломъ и предложилъ гостю накушаться чаю. Тотъ согласился охотно, и запахнулъ полатище шубу, подселъ къ самовару. Завязался мало-помалу разговоръ, изъ котораго оказалось, что главный начальникъ Лежнева Степану Софроновичу большой пріятель и долженъ ему пропастъ денегъ. Узнавъ объ этомъ, Василий Максимовичъ тотчасъ же вспомнилъ, что у него отъ недавнихъ именинъ осталось немножко рому въ бутылкѣ, которая тотчасъ же была принесена и поставлена передъ гостемъ; тотъ все между тѣмъ поглядывалъ на Вѣрочку и думалъ: „ишь вѣдь какая... медъ съ сахаромъ... такъ-те и тово... на грѣшное и наталкиваетъ...“

Василий Максимовичъ свернулъ было разговоръ на политику; но Степанъ Софроновичъ, желая вѣроятно щегольнуть краснорѣчіемъ, круто повернулъ его на священное писаніе, въ которомъ былъ необыкновенно силенъ, и вдругъ, Богъ знаетъ по какому побужденію, началъ разказывать Вѣрочкѣ про будицу, какъ жиды хотѣли побить ее камнями... Вѣрочка сидѣла какъ на иголкахъ. Замѣтилъ ли это Степанъ Софроновичъ, или грѣшныя мысли въ самомъ дѣлѣ начали уже слишкомъ сильно напирать ему на душу, но только кончивъ кой-какъ эту исторію, онъ поспѣшно допилъ свою чашку, значительно разбавленную ромомъ, вскочилъ и началъ прощаться.

Слѣдствіемъ этого импровизованнаго визита было то, что когда онъ ушелъ, Вѣрочка назвала его толстою свиньей, а Степанъ Софроновичъ проворочался всю эту ночь съ боку на бокъ, и все казалось ему, что гдѣ-то скребутся мыши, тогда какъ до этого случая ему стоило только добратъся до подушки, и тогда не только мыши, его не разбудила бы и царь-пушка.

Черезъ нѣсколько времени Ловеласъ нашъ нашелъ еще какой-то предлогъ побывать у Лежневыхъ. Оказалось между прочимъ, что у него было давнишнее тяжebное дѣло въ томъ присутственномъ мѣстѣ, гдѣ служилъ Василий Максимовичъ. Степанъ Софроновичъ этимъ воспользовался, и сталъ

бывать у своего жильца чаще и чаще, подъ предлогомъ по-толковать и посовѣтоваться объ этомъ дѣлѣ. Впрочемъ держалъ онъ себя всегда такъ степенно и осторожно, что никому и въ голову не приходило, чтобы подъ этими частыми посѣщеніями скрывались какіе-нибудь злодѣйскіе замыслы. Но нашъ пятидесятилѣтній юноша вѣрно не зналъ, что безнаказанно шутить такими вещами не позволяется, и что если часто будешь баловать огнемъ, такъ рано или поздно опалишь себѣ бороду. Не прошло и мѣсяца послѣ его встрѣчи съ своею хорошенькою жилицей, какъ онъ уже и почувствовалъ, что съ нимъ дѣлается что-то такое неподходящее, чего онъ всю жизнь свою не испытывалъ; а что онъ дѣйствительно въ дѣлѣ любви былъ человѣкъ неопытный, такъ это лучше всего объяснить вамъ слѣдующая сцена:

Въ одно прекрасное утро Степанъ Софрововичъ сидѣлъ, облокотившись на столъ, въ своей парадной горницѣ. На немъ былъ его обычный домашній костюмъ, то-есть ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ и сапоги съ лакированными голенищами. Немного включенные волосы и борода тоже не приглаженная, какъ слѣдуетъ, показывали что мысли его были въ большомъ безпорядкѣ. Противъ него, на самой впрочемъ почтительной дистанціи, стоялъ небольшого роста и очень невзрачный на видъ человѣкъ, въ однорортномъ форменномъ сюртукѣ съ красными кантиками, и держалъ за спиной изъ клѣтчатаго носоваго платка узелъ съ кровососными банками... Это былъ фельдшеръ изъ М—ой больницы, Нарцисъ Гаврилычъ Пряниковъ, къ которому Степанъ Софрововичъ обращался всегда за медицинскими совѣтами, потому что докторамъ ни на йоту не вѣрилъ. Врачъ и паціентъ вели между собою слѣдующій разговоръ:

— Такъ ужь ты, Маркизь Гаврилычъ тово... говорилъ серіознымъ тономъ Коряганъ:—коли ежели надѣнешся вылѣчить, такъ лѣчи, а коли нѣтъ, такъ лучше сказывай прямо, чтобы опосля не тово... по пустякамъ не валандаться...

— Да ужь не извольте беспокоиться, Степанъ Софрововичъ: вылѣчимъ, на томъ стоимъ, бойко отвѣчалъ Пряниковъ. Теперь вотъ къ слову пришло: не покапризничайте вы тогда, хоть бы на счетъ вашей супруги-то покойницы...

да-съ... не приглашите этого дурака лѣкаря-то, такъ они и теперь, можетъ-статься, живы были бы... Да ужь такъ-съ, могу васъ завѣрить. Или вотъ хошь бы ногу-то вы зашибли по осени: помните сколько времени вы съ ней нѣкашсь? Все же вѣдь я вылѣчивалъ.

— Нога эфто совсѣмъ другой оборотъ, вочтенный; ногу-те я знаю, что ты вылѣчишь, перебилъ пациентъ:—а ты мнѣ вотъ что скажи: вылѣчишь ли ты, ежели у человѣка болѣзнь собственно никакой нѣту, а одно только, примѣрно, сумѣвнѣе въ тѣлѣ находится... Понимаешь ты эфто? Вотъ хотъ бы на счетъ меня таперича; дѣвица одна ужь очень больно мнѣ нравится... да... такъ вотъ какое дѣло выходить: замужъ взять ее за себя словно какъ не приходится, потому благородная, а и того еще хуже—въ науки разныя шибко ужь вѣлаась; сидитъ, вишь, да безперечь въ книжки читаетъ... ну, а на беззаконіе тоже ни за три тыщи рублей не пойдетъ... Вотъ отъ эфтого знать отъ самого меня и томить все, да на грѣшное натакаиваетъ... Не токма дома, въ храмъ Божій придешь—томить, да и на поди!.. Кровь что ли эфто играетъ, али врагъ, съ позволенія сказать, потѣшается, и ума не приложитъ. Ну, да ужь такъ и быть, грѣхъ опосля какъ-нибудь замолить можно... да хошь бы на животѣ то у меня не претило.. а то ужь гуть-те больно претить, братецъ ты мой, на животѣ-то.. на скусу нѣтъ, ни сна, ни пититу; всего рѣшилъ... Какъ ты вотъ хошь думай! Опять на счетъ головы таперича: какисъ дураками мы отродясь не бывали, а голова совсѣмъ словно какъ шальная сдѣлалась. Да чего: намедни этта деньги получалъ я въ канцеляріи отъ писмоводителя... и денегъ-то всего двѣ тыщи рублей, деньги-то какисъ не велики; сталъ считать, просчиталъ пятидесятиую. Такъ вотъ сумѣвнѣе-то эфто самое возьмешь-ли ты выгнать изъ меня, Маркизь Гаврилычъ?

— Ничего-съ, можно и это, отвѣчалъ съ невозмутимомъ самоувѣренностію Пряниковъ.

— Вѣрно?

— Будьте покойны.

— Чтожь ты будешь дѣлать таперь со мной.

— А вотъ предварительно баночки къ поясицѣ поставимъ, потому что это у васъ безпремѣнно кровь накопи-лась.

— Ой ли?

— Да ужь намъ лучше знать, не беспокойтесь. Пожалуйте-ка пульсъ-то? Ну, вотъ видите, такъ и есть. Баночки-съ необходимо.

— Оттянуть, ты думаешь?

— Хе, не то что оттянуть, а совсѣмъ вытянуть... Посмотрите-ка; совсѣмъ другой человѣкъ будете.

— Ладно! Банки такъ банки, пойдемъ ставить.

Степанъ Софроновичъ всталъ и повелъ доктора въ другую комнату; докторъ распорядился, чтобы подали тазъ съ теплою водою. Пациентъ легъ ничкомъ на лежанку, и черезъ нѣсколько минутъ два десятка банокъ дружно впились въ его жирную спину.

— У насъ въ больницѣ смотритель въ такой же вотъ фанаберию-то, разказывалъ ему тѣмъ временемъ Пряниковъ: — такъ тотъ еще на придачу женатый человѣкъ, а какъ найдетъ она на него, такъ вѣрите ли, ни одной сидѣлки проходу отъ него нѣтъ. Словно пѣтухъ, такъ и топорщит-ся. Ей Богу, Степанъ Софромычъ, что вы, не вѣрите? Тоже вотъ поставитъ баночки къ поясицѣ, и отаично.

Между тѣмъ кубикъ такъ и пощелкивалъ въ его искусныхъ рукахъ. Степанъ Софроновичъ только кряхтѣлъ, пожимался, да приговаривалъ съ каждымъ ударомъ:

— О, Господи, прости мои прегрѣшенія! Охъ, батюшка, тупенекъ должно быть у тебя струментъ-те! О-охъ!

Пряниковъ только посмѣивался.

И надо полагать, что господинъ этотъ былъ великій знатокъ купецкой натуры: черезъ полчаса времени онъ показалъ своему пациенту полтаза освѣшей крови, и сказалъ съ увѣренностію самаго опытнаго практика:

— Вотъ оно сумленіе-то ваше гдѣ, видѣли? Теперь молитесь побольше Богу да показывайте почаще въ баньку; остальное, Богъ дастъ, все потомъ выйдетъ.

Чего добраго, пожалуй вы заподозрите меня во лжи, читатель, подумаете, что вся эта сцена выдумана мною изъ своей головы. Но, вопервыхъ, порядочные люди никогда не лгутъ; во вторыхъ, Нарцизъ Гавриловичъ служилъ въ то время въ одной со мною больницѣ и самъ публично разказывалъ, какъ онъ выгонялъ сумленіе изъ купца Корягина; а третьихъ, еслибы я захотѣлъ выдумывать, такъ ужь непременно кончилъ бы тѣмъ, что онъ выѣзжалъ отъ

любви своего пациента: эффектъ вышелъ бы поразительный. Случилось однакожь вовсе не такъ: тотъ же Пряниковъ послѣ рассказывалъ, что когда онъ пришелъ въ назначенное время навѣстить своего больного, то кухарка Степана Софроновича даже и въ переднюю его не пустила, и посоветовала убираться по добру по здорову, а то дескать хозяинъ грозитъ спустить тебя въ шею по дѣстанцѣ; вытанулъ, дескать, мошенникъ онъ эдакій, полпуда крови, а пользы на волосъ не принесъ. Можетъ-быть Пряниковъ прихвастнулъ немножко изъ злобы на Степана Софроновича, да и то едва ли, потому что въ купечествѣ и не такіа вещи случаются.

Какъ бы то ни было, но Степанъ Софроновичъ точно Яновецъ влюбился въ свою молоденькую жилицу, и страсть съ каждымъ днемъ, какъ ржавчина, все глубже и глубже въѣдалась въ его сердце, такъ что наконецъ и прислуга его, и прикащики стали замѣчать, что хозяинъ ихъ точно какъ совсѣмъ другой человѣкъ сталъ: выѣдетъ изъ дому сердитъ и сумраченъ, домой воротится еще сумрачнѣе; говорить оное, а дѣлаетъ другое, а больше все молчить, лежитъ по обыкновенію на лежанкѣ, да о чемъ-то думаетъ. Въ купечествѣ многіе стали даже поговаривать, что ужь не задумалъ ли онъ, чего добраго? сдѣлаться злостнымъ банкротомъ. Маялся такимъ образомъ нашъ Степанъ Софроновичъ съ мѣсяцъ или болѣе, и убѣдившись наконецъ, что ни потомъ, ни кровью отъ сумлѣнія не выльчится, рѣшился покончить дѣло какъ слѣдуетъ, то-есть посвататься за дочку Василья Максимовича. Но сватовство это было въ свою очередь тоже довольно оригинально, и я расскажу о немъ съ нѣкоторыми подробностями.

Однажды Василій Максимовичъ сидѣлъ у себя въ присутствіи въ самомъ скверномъ расположеніи духа, и вмѣсто того чтобы строчить, по обыкновенію, бумаги, съ озабоченнымъ видомъ почесывалъ свою небольшую лысинку, да пощипывалъ свои жиденькіе бакенбарды; а такое скверное расположеніе духа происходило у него ради вотъ какихъ причинъ: въ этотъ день онъ разчитывалъ получить жалованье и на возвратномъ пути закупить кой-какія мелочи для домашняго обихода; но разчитывая на это, Василій Максимовичъ не взялъ въ соображеніе, что передъ тѣмъ былъ онъ вмскавъ милостію начальства и представленъ къ чи-

ну титулярнаго совѣтника. А какъ земныя почести никогда даромъ человѣку не достаются, то и онъ долженъ былъ въ свою очередь поплатиться за этотъ возжеланный чинъ: съ него вычли на этотъ разъ все жалованье до копѣечки. Сидѣлъ онъ, почесывалъ свою лысину и думалъ крѣпкую думу. Въ это время подошелъ къ нему канцелярскій сторожъ, отставной солдатъ, и сказалъ на ухо, что его спрашиваетъ какой-то проситель. Лежневъ всталъ, вышелъ въ переднюю и увидѣлъ передъ собою Степана Софроновича въ шубѣ съ подвернутымъ, по причинѣ дурной погоды, воротникомъ.

— Здорово, Василій Максимычъ, сказалъ Коряганъ, протягивая ему свою жирную руку:—скоро ль у васъ присутствіе-то кончится?

— Теперь скоро, Степанъ Софронычъ, отвѣчалъ Лежневъ:—черезъ полчаса, я думаю, кончится. А что-съ?

— Да хорошо кабы поскорѣе. Заходи-ка опосая въ трактиръ къ Егорову, я тебя тамъ поджидать буду. Объ дѣлѣ потолковать надо.

Лежневъ оживился. Степанъ Софроновичъ уже не въ первый разъ вызывалъ его въ трактиръ изъ присутствія, и въ такомъ случаѣ въ карманъ къ нему уже непременно что-нибудь да переваживалось.

— Извольте, извольте, Степанъ Софронычъ, проговорилъ онъ потирая руки:—съ моимъ удовольствіемъ; сейчасъ же вслѣдъ за вами и прибѣгу; только дѣло сдать отомочальнику.

— Смотри же, приходи; очень нужно, подтвердилъ, выходя, Степанъ Софроновичъ.

— Непремѣнно-съ, сію минуту, повторилъ Лежневъ.

Пришедши въ трактиръ, онъ отыскалъ Степана Софроновича, сидѣвшаго въ сторонкѣ, поодаль отъ другихъ посѣтителей и замѣтилъ, что голова была у него мапомажена, борода расчесана тщательнѣе обыкновеннаго, на шеѣ развѣшаны были двѣ медали, и лицо выражало что-то необыкновенно торжественное. „Вѣрно былъ гдѣ-нибудь въ такомъ мѣстѣ,“ подумалъ Лежневъ, усаживаясь на мѣсто, но потомъ не зналъ уже что и подумать, когда Степанъ Софроновичъ кликнулъ полового, и вмѣсто обычныхъ четырехъ паръ чаю, приказалъ подать два бокала и бутылочку лиссабонскаго. Бутылка была принесена и раскупорена. Сте-

ванъ Софроновичъ самъ налилъ по бокалу и чекнулся съ Васильемъ Максимовичемъ, смотря на него съ самымъ загадочнымъ видомъ. Того это еще болѣе удивило. „Что бы такое значило, думалъ онъ про себя: ужь не именинникъ ли онъ сегодня, или не произвели ли его въ комерцію оо-бщники?“ Какъ вдругъ Степанъ Софроновичъ кашлянулъ, погладилъ бороду и сказалъ:

— А что, Василій Максимычъ, правду ли я слышалъ, будто за твою дочку женихъ сватается?

Лежневъ подумалъ было, что дѣло идетъ о Павлѣ Николаевичѣ, но разсудивъ потомъ, что Степанъ Софроновичъ никакъ не могъ знать объ этомъ дѣлѣ, потому что оно держалось у нихъ въ большомъ секретѣ, отвѣчалъ:

— Не знаю, Степанъ Софронычъ, кажется никто не сватается.

— Ой, сватается! Мнѣ даже имя и фамилію сказывали, продолжалъ еще загадочнѣе Корягинъ.

— Ей Богу не знаю! Не наврали ль вамъ можетъ-статься?

— Аль ужь сказать? Да вѣдь вотъ что: забракуешь, бо-
вь.

— Гдѣ ужь вамъ браковать, Степанъ Софронычъ? Съ нами ли состояніемъ жениховъ браковать? возразилъ скромно Лежневъ.—Кто жь такой, скажите пожалуйста?

Степанъ Софроновичъ прилабнулъ изъ бокала, подперъ кулакомъ бороду и отвѣчалъ, лукаво прищурившись на Лежева:

— Да говорятъ вѣшь, что здѣшній первой гильдіи купецъ Степанъ Софроновичъ Корягинъ. Знаешь ты его али нѣтъ!

Василій Максимовичъ никакъ этого не ожидалъ. Онъ широко раскрылъ глаза и смотрѣлъ на него совершеннымъ дуракомъ.

— Что, аль и въ самомъ дѣлѣ не хорошъ женихъ-ать? спросилъ Степанъ Софроновичъ, съ улыбкой поглаживая бороду и наслаждаясь смущеніемъ Лежева.—Слушай, Василій Максимычъ, продолжалъ онъ уже гораздо серіознѣе:—шутки въ сторону... а дочка твоя во-какъ мнѣ нравится... и жениться не хотѣлъ послѣ жены покойницы, да ужь нешто въ ~~тебѣ~~ только, потому дѣвица-те ужь больно того... сподручно больно выходить... Такъ что жь, говори толкомъ, забракуешь что ли, аль нѣтъ?

— Помилуйте, Степанъ Софроничъ... а за великое счастье... если только Вѣрочка... бормоталъ совершенно озадаченный Лежневъ, которому и въ голову не приходило, чтобы за дочь его могъ посвататься такой богачъ какъ Коряганъ.

— Чего, Вѣрочка? Не пойдетъ нешто, ты думаешь? спросилъ нахмурившись Степанъ Софроничъ:— да что она у тебя безъ головы, что ли? Отецъ голъ какъ соколъ, а она не пойдетъ. Али можетъ ты думаешь, что мы не знаемъ, какъ эфто дѣло надобно дѣлать? Слушай! продолжалъ онъ оживляясь болѣе и болѣе:— согласится, завтра же пять тысячъ серебра на приданое отсчитаю, а эфтогъ самый домъ, гдѣ ты живешь таперь у меня, на ея имя переведу. Али можетъ статья ей за барина хочется? А это дескать мужикъ—бороду носить? Такъ скажи ей, что у эфтой бороды-те миллионъ серебра капитала въ ломбардѣ лежитъ, что къ эфтой бородѣ-то начальство съ нашимъ почтеніемъ... А что до другаго прочаго-то таперича, такъ она у меня во-какой барыней заживетъ, что твоя еперальша. Все какъ слѣдуетъ приспособимъ: въ горницахъ люстры повѣсимъ, фиціантовъ, повара заведемъ; въ кіатерь, али на гулянье захочетъ, въ каретахъ поѣдетъ; небось отъ людей не останемъ! Вотъ у меня таверь пара медалевъ на шеѣ висить: крестъ станицлавскій присовокупимъ, вѣрно слово! Сами кавалерами будемъ! Въ книжки, слышалъ я, любить она читать, и тутъ, скажи, запрету не будетъ; не токма что—сами книжную торговлю откроемъ, хоть по воротъ дескать въ хламъ-то въ эфтомъ заройся. Притомъ же ты ей отецъ, такъ она эфто понимать должна. Чего жъ ты опосля того сумнѣваешься? По рукамъ что ли?

Василій Максимовичъ былъ человѣкъ честный, на сколько можетъ быть честенъ чиновникъ получающій полтораста рублевыхъ жалованья; но какой же отецъ не порадуетъ своему дѣтищу. До сихъ поръ онъ считалъ милостію Божіею, что дочь его имѣетъ въ виду такого человѣка, каковъ былъ Лунинъ; но когда Степанъ Софроничъ сдѣлалъ ему такое блестящее предложеніе, бѣдный учитель вдругъ потерялъ въ глазахъ его всю свою цѣну. Притомъ же, какъ человѣкъ простой, Лежневъ рѣшительно не понималъ своей дочери. Онъ подумалъ, что и она такими же глазами взглянетъ на это дѣло, и совсѣмъ уже

готовъ былъ ударить по рукамъ съ Степаномъ Софроновичемъ, но взявъ въ расчетъ твердый, рѣшительный характеръ Вѣрочки, и опасаясь, чтобъ она по чему-нибудь не заупрямилась, одумался и отвѣчалъ, что какъ ему ни лестно такое предложеніе, все-таки предварительно долженъ онъ посоветоваться съ женой и дочерью.

Степанъ Софроновичъ снова нахмурился.

— Ну, чтожь и то дѣло! Ступай, совѣтуйся, колы своего разума вѣту, отвѣтилъ онъ насмѣшливо и сталъ подниматься изъ-за стола: — подика, чай еще опрашивать будешь, не пьяница ли молъ, алы не банкротъ ли, сохрани Господи; такъ что ли?

Лежневъ струсилъ.

— Помилуйте, Степанъ Софроновичъ, я васъ и такъ довольно хорошо знаю; да вѣдь нельзяже-съ, дѣло-то это такое-съ, возразилъ онъ заискивающимъ голосомъ.

— Ладно, ладно, ступай, а мнѣ еще въ городъ требуется зайти, небрежно отвѣтилъ Корягинъ, расплатился и вышелъ изъ трактира въ сопровожденіи Лежнева.

На тротуарѣ они простились. Корягинъ видимо былъ рассерженъ.

— Подика-съ ты, еще кочевряжится туда же... шваль бездомная, право шваль... бормоталъ онъ, усаживаясь въ свои лаковые савки:—съ женой вишь посоветоваться... какъ же! нельзя! вѣдь мы дескать благородные... у насъ дескать на грошь мувици, да на два амбици... а у само-го, гляди, всѣ черевня изныли отъ радости.

Затѣмъ онъ поѣхалъ въ городъ, а Лежневъ пустился домой, чтобы поскорѣй объявить тамъ эту интересную новость.

Если хотите, то въ послѣднихъ словахъ Степана Софроновича была частичка правды: сватовство его рѣшительно вскружило голову доброму Василью Максимовичу. Онъ почти не сомнѣвался, что Вѣрочка, узнавъ что общается ей Степанъ Софроновичъ, непременно на все согласится и забудетъ своего Павла Николаевича, и буквально земли подъ собой не слышалъ, мечтая какъ дочь его будетъ жить барыней, ѣздить въ каретѣ, и какъ онъ будетъ смотрѣть и радоваться на нее, свою голубушку.

Вѣрочка и не предчувствовала, что надъ ней собирается золотая туча. Какъ дѣвушка умная, она не могла не за-

вѣтвить, что находится въ милости у своего хозяина; но ей и въ голову не приходило, чтобъ онъ имѣлъ претензію на ея руку и сердце. Она занималась какою-то работой и думала про Павла Николаевича, когда отецъ ея въ помыхахъ и, въ полномъ смыслѣ слова, съ сіяющимъ лицомъ вбѣжалъ въ комнату.

— Вѣрочка! Какое счастье тебѣ Богъ посылаетъ! вскрикнулъ онъ, бросивъ на столъ фуражку и торопливо скидывая свое пальто.

— Что такое, папаша? спросила съ любопытствомъ Вѣрочка.

— Знаешь ли ты, кто сватается-то за тебя?

— Но вѣдь вамъ извѣстно, папаша, что я дала слово Павлу Николаичу и мнѣ совершенно все равно, кто бы за меня ни сватался, отвѣчала Вѣрочка удивленная немногими словами отца.

— Паюнь ты, пожалуста, на своего Павла Николаича. Спроси лучше сватается-то кто, повторилъ Лежневъ, потирая руки отъ удовольствія.

— Это любопытство однако. Кто жь такой? спросила Вѣрочка.

Лежневъ наклонился и прошепталъ ей наухо:

— Здѣшній хозяинъ, Степанъ Софровычъ. Слышала, чтѣ я тебѣ сказалъ?

— Вы шутите, папаша, проговорила Вѣрочка пристально смотря на отца.

— Ну, вотъ же тебѣ Иверская Божья Матерь, если не правда, отвѣчалъ Василій Максимовичъ, и чтобъ окончательно убѣдить Вѣрочку, взглянулъ на образъ и перекрестился.

Вѣрочка такъ и покатила со смѣху. Лежневъ немного опѣшилъ.

— Вотъ дура-то, проговорилъ онъ съ досадой:—ну, чему ты смѣешься? Ты выслушай сначала въ чемъ дѣло.... Ну, что ты?

Но Вѣрочка только махала рукой, чтобъ онъ пересталъ, и хохотала какъ сумасшедшая. Василій Максимовичъ паюнулъ и отошелъ въ сторону.

Прибѣжала Авдотья Павловна.

— Чтѣ у васъ тутъ такое? спросила она, смотря то на дочь, то на мужа.

— Да вотъ дура-то счастья своего не понимаетъ, отвѣчалъ Лежневъ и началъ подробно разказывать жень о обстоятельствѣ Степана Софоровича. Та такъ и ахнула, узнавши, что онъ даетъ Вѣрочкѣ пять тысячъ серебромъ на приданое и переводитъ домъ на ея имя. И въ эту минуту Павелъ Николаевичъ точно также мгновенно погибъ въ ея мѣнѣи.

— Вѣрочка! неужели ты не согласишься, мой ангелъ, сказала она садясь возлѣ дочери: — подумай хорошенько, умоляю тебя.

— Ахъ, перестаньте, ради Бога, мамаша! возразила Вѣрочка, которая съ трудомъ удерживалась чтобы снова не расхохотаться: — съ чегоже вы взяли, чтобы я обманула человѣка, котораго люблю и уважаю, и вышла за какую-то тучелу заморскую, чуть не за мужика, за неуча? Фу, какой уродъ! прибавила она съ сердцемъ: — вспомнить противно.

— Напрасно, Вѣрочка; ужь это ты такъ, Богъ тебя знаетъ.... заступалась Авдотья Павловна: — совсѣмъ не уродъ.

— Совершенный уродъ.

— Ей Богу, напрасно! Очень видный мущина. Полонъ немножко, это правда....

— Ну, ужь, извините, не немножко, мамаша, возразила шутиво Вѣрочка: — пудовъ пятнадцать вѣрнѣйшихъ вытаетъ.

— А ты его вѣшала что ли? вступилась Лежневъ, набившій трубку въ это время.—Полнота, матушка, не порокъ. Вонъ у тебя и мать толстая, да вѣдь прожили же мы съ ней какъ-нибудь, то же самое и мущина....

На это Вѣрочка ничего не отвѣчала.

Тогда мать пододвинулась къ ней поближе и принялась уговаривать ее и приводить разные резоны, какіе обыкновенно приводятъ въ подобныхъ случаяхъ женщины, имѣющія о бракѣ такое же понятіе, какое имѣла Авдотья Павловна, то-есть, что любовь есть ни больше, ни меньше какъ блажь, которая непременно пройдетъ, что не такъ чертъ страшень какъ его пшуть, что не съ толстымъ человѣкомъ жить, а съ добрымъ, потому что другой и толстый да лучше всякаго тоненькаго; что у Степана Софоровича будетъ она ходить въ шелку да въ бархатѣ, а съ

Павломъ Николаевичемъ придется, можетъ-быть, сухую корку глотать, и что хоть и говорится пословица: съ мушкетъ рай и въ шалашѣ, но это только въ пѣсняхъ хорошо и т. п.

На все это Вѣрочка отвѣчала очень спокойно, что еслибъ Степанъ Софроновичъ предлагалъ ей цѣлую Калифорнію съ ея золотыми рудниками, такъ и тогда она скорее умерла бы нежели промѣняла бы на него Павла Николаевича.

Авдотья Павловна была сильно огорчена этимъ отвѣтомъ и очень справедливо замѣтила ей въ свою очередь, что молодая дѣвушка воѣ фантазерки, что послѣ она сама будетъ жалѣть о своей глупости, но что хоть ужъ и близокъ будетъ локоть, да его не укусишь; а Василій Максимовичъ даже передразнилъ Вѣрочку, повторивъ нѣсколько разъ: — Павелъ Николаичъ! Павелъ Николаичъ! — и въ меньшой досадѣ ушелъ въ другую комнату, гдѣ кухарка накрывала для него на столъ.

Но ни мужъ, ни жена не могли отказаться такъ скоро отъ надежды видѣть дочь свою обладательницею милліоновъ Степана Софроновича. Золотая птичка, залетѣвшая такъ нечаянно въ бѣдную квартирку этихъ добрыхъ людей, совершенно вскружила имъ головы. Она порхала подъ носомъ у Василья Максимовича, когда онъ сидѣлъ надъ своими бумагами, кружилась около Авдотьи Павловны, когда она заваривала кашу въ кухнѣ, или передъ праздникомъ загибала пироги съ своею кухаркой. Скромная доля, съ которою до сихъ поръ мирились они по возможности, стала казаться имъ тяжела и противна. Бѣдную Вѣрочку пилили каждый Божій день, уговаривая плюнуть на бывшего своего учителя и выйдти за Степана Софроновича, и веселая, беззаботная до сихъ поръ дѣвушка сдѣлалась грустна, сердита и не рѣдко плакала съ утра до вечера; Авдотья Павловна постоянно ходила съ кислую миной, и чтобы разжалобить ее, безпрестанно охала, вздыхала, чмокала языкомъ, покачивала головой и жаловалась на бѣдность, недостатки и на разныя разности. Василій Максимовичъ дулся. Однимъ словомъ, жизнь въ домѣ Лежневыхъ пошла такъ скверно, что ни на что не похоже. Но Вѣрочка оставалась не поколебима какъ скала. Убѣдившись наконецъ, что толку отъ нея не добьешься, и что надобно от-

казаться отъ несбыточныхъ фантазій, Василій Максимовичъ рѣшился объяснить обо всемъ откровенно съ Степаномъ Софроновичемъ. Послѣ оныя разказывалъ женѣ, что тотъ ему ничего не сказалъ на это, а только крикнулъ, да почесалъ затылокъ.

Затѣмъ и въ домѣ Лежневыхъ все опять пошло на прежнюю стать. Водарились въ немъ опять миръ и скромное довольство; Авдотья Павловна перестала вздыхать и плакаться на бѣдность, а Василій Максимовичъ попрежнему началъ мечтать о мѣстѣ столоначальника. Такимъ образомъ прошло время до великаго поста. Какъ вдругъ случилось происшествіе, которое перевернуло опять все по своему.

Какъ-то однажды Василій Максимовичъ воротился изъ присутствія поздне обыкновеннаго. Онъ былъ замѣтно навеселѣ что съ нимъ весьма рѣдко бывало, и лицо его сіало необыкновеннымъ удовольствіемъ что то же замѣчали въ немъ не совсѣмъ часто. Жена его и Вѣрочка отпили уже чай и сидѣли за работой въ своей маленькой гостиной, если только можно назвать такъ единственную чистую комнатку Лежневыхъ, заставленную ветхою и притомъ самую разнообразною мебелью.

— Гдѣ это ты пировалъ до сего времени? Хорошъ! сказала Авдотья Павловна, замѣтивши, что мужъ немного пошатывается.

Лежневъ бросилъ на столъ свою фуражку съ кокардой, сѣлъ возлѣ жены и отвѣчалъ:

— Виновать, Душа... вы-ыпилъ маленько.

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю, возразила на это Авдотья Павловна.

Лежневъ все сидѣлъ, и съ загадочною улыбкой посматривалъ то на жену, то на дочь, и вдругъ бросился обнимать ихъ поочередно.

— Охъ, вы голубушки мои! приговаривалъ онъ, чуть не плача:— Душа, не сердись, дружокъ... на радостяхъ... ей Богу на радостяхъ... Знаешь ли ты, случилось-то что?

— Говори, говори, что такое?

— Али ужь сказать?

— Ну, ну!

— Вѣдь меня наконецъ столоначальникомъ сдѣлали, да не въ своемъ столѣ, а гдѣ Кашкинъ былъ... Дурочка, поки-

маешь ли, что это значить? Какъ же было не выпить-то? Ну, вотъ пошелъ въ трактиръ съ друзьями, да и спрыснулъ.

— Вотъ за это умница, ей Богу, умница. Постой я тебя за это въ лысинку подѣлаю! вскрикнула обрадованная Авдотья Павловна, исполняя на самомъ дѣлѣ свое намѣреніе.—Ну, слава тебѣ Господи! Наконецъ-то, прибавила она перекрестившись:—долго ждалъ, да ужъ хоть выждалъ по крайней мѣрѣ...

Вѣрочка тоже бросилась поздравлять отца.

— Охъ, вы, голубушки мои! повторялъ между тѣмъ Василій Максимовичъ.—Теперь Богъ съ нимъ и Степанъ Софоровичъ съ своимъ богатствомъ; теперь мы и безъ него заживемъ припѣваючи.

Вдругъ онъ схватился за голову, вскочилъ и заметался по комнатѣ. Сначала онъ бросился къ столу, на которомъ лежала его фуражка, потомъ выбѣжалъ въ переднюю и началъ осматривать карманы своего пальто. Дочь и жена смотрѣли на него съ недоумѣніемъ. Лежневъ вошелъ опять къ нимъ совершенно растерянный, такъ что весь хмѣль оскочилъ съ него мгновенно.

— Вы не видали бумагъ? я никакихъ не приносилъ съ собой? спросилъ онъ, блѣднѣя.

— Никакихъ, Василій Максимычъ.—Никакихъ, папаша, отвѣчали въ одно время Авдотья Павловна и Вѣрочка.—Мы бы видѣли. Да что это за бумаги?

— Боже мой! Дѣло по огромной денежной тлѣбѣ, со всѣмъ уже рѣшенное и подписанное. Взялъ съ собой домой, чтобы выписку изъ него сдѣлать. Господи Іисусе Христе! Неужели я забылъ его на извоцикѣ! вскрикнулъ Лежневъ.

Съ этими словами, онъ, какъ сумашедшій, выбѣжалъ вонъ и бросился за ворота. Но извощика, на которомъ онъ прѣхалъ, тамъ уже не было.

Всякому, предполагаю, извѣстно, что ожидаетъ чиновника, съ которымъ случится подобный казусъ. Минуть десять стоялъ бѣдный Василій Максимовичъ на одномъ мѣстѣ совершенно ошеломленный этимъ несчастіемъ, и безумнымъ взоромъ смотрѣлъ направо и налево, въ темную перспективу улицы, тускло освѣщенную фонарями; потомъ мелькнула у него въ головѣ дикая мысль броситься подъ

какой-то проѣзжавшій мимо его тяжелый экипажъ, потомъ тысяча другихъ мыслей схватила его растерянную голову, и онъ бросился бѣжать наудачу, останавливая каждаго попадавшагося ему на встрѣчу Ваньку, въ надеждѣ встрѣтить того, котораго ему было нужно; но, увы! *la nuit tous les chats sont gris*. Московскіе Ваньки какъ нельзя лучше подходятъ подъ эту пословицу, и надобно быть самому кошкой, чтобы ночью отличить ихъ другъ отъ друга. Съ полчаса безъ толку метался Василій Максимовичъ по улицѣ, какъ вышелъ безъ шапки, въ одномъ форменномъ фракѣ, и воротился домой, продрогши до костей.

— Уфхалъ! Увезъ! Вотъ тебѣ и столоначальникъ! Конечно дѣло, пропала моя головушка! вскрикнулъ онъ, вбѣжавши въ комнату, и бросился ничкомъ на диванъ.

Напрасно дочь и жена уговаривали его выпить поскорѣй чаю, и старались какъ-нибудь успокоить. Василій Максимовичъ былъ неутѣшенъ.

— Охъ, не говорите ужъ лучше!.. Не знаете вы ничего... Погубилъ я васъ, голубушки мои... самъ погибъ, и васъ погубилъ... повторялъ онъ въ совершенномъ отчаяніи.

Не знали что съ нимъ и дѣлать. Накрыли ужинать; но ему и ѣда на умъ не пошла, и всю ночь напролетъ проходилъ онъ по комнатамъ, придумывая, нельзя ли какъ-нибудь помочь горю. Да какъ помочь? Обѣздить всѣ постолаемые дворы, чтобъ отыскать этого извозчика? Но постолаемыхъ дворовъ въ Москвѣ такъ много, что скорѣе обѣздишь всѣ Антильскіе острова нежели ихъ. Черезъ полицію попробовать? Да развѣ полиція будетъ хлопотать для какого-нибудь Василья Максимовича, и собирать извозчиковъ для допроса? Напечатать нешто объявленіе въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ*, что забыть-девать на извозчикѣ свертокъ? Попался можетъ-быть въ руки доброму человѣку, такъ отдастъ... Такія мысли до утра осаждали бѣдную голову Лежнева. Наконецъ онъ остановился на томъ, чтобы напечатать объявленіе. Такъ на другой день онъ и сдѣлалъ. Но прошло больше недѣли, а о пропавшихъ бумагахъ не было ни слуху, ни духу. Что тутъ было дѣлать? Василій Максимовичъ подумалъ, подумалъ, махнулъ рукой, и рѣшился признаться въ своемъ проступкѣ начальству. Съ этою цѣлью подошелъ онъ однажды во время присутствія къ своему секретарю и сказалъ, что имѣетъ надобность по-

говорить съ нимъ по секрету. Секретарь всталъ и отошелъ съ нимъ къ окну.

— Защитите, Петръ Петровичъ, несчастіе меня постигло, началъ умоляющимъ голосомъ Лежневъ.

— Что, что такое, мой батюшка? спросилъ секретарь.

— Потерялъ дѣло, Петръ Петровичъ, взявши домой, чтобы составить выпускъ.

— Какое дѣло?

— Дѣло о тяжбѣ N... съ Z...

— Ба-атюшка! Да что вы, съ ума что ли сошли? вскрикнулъ испуганный секретарь.

— Что дѣлать, Петръ Петровичъ: забылъ на извозчикѣ... Богъ знаетъ, какъ это случилось.

— Искали?

— Искалъ. Даже въ *Полицейскихъ Вѣдомостяхъ* объявленіе печаталъ.

— Такъ и пропало?

— Такъ и пропало, Петръ Петровичъ.

— Ну-у, господинъ Лежневъ, жалъ мнѣ васъ, удрали вы штуку... Что жъ теперь вы мнѣ дѣлать-то съ этимъ прикажите? развода руками, спросилъ секретарь.

— Защитите, Петръ Петровичъ... семейство тоже... немудрено...

— Да какъ же я защиту-то васъ, мой любезнѣйшій, научите вы меня пожалуста? спросилъ секретарь: — я и самъ-то не знаю что теперь дѣлать. Ну, батюшка, какъ хотите, а придется доложить присутствующимъ. Ступайте!

Лежневъ стоялъ опустивъ голову.

— Ступайте, повторилъ секретарь: — я тутъ рѣшительно ничего не могу для васъ сдѣлать.

Лежневъ отошелъ, и молча сѣлъ на свое мѣсто.

Въ тотъ же день его потребовали въ присутствіе. Онъ вошелъ ни живъ ни мертвъ.

— Вы дѣло потеряли, господинъ Лежневъ. Какъ это случилось? спросилъ у него главный начальникъ присутствія.

Лежневъ страхнулъ какую-то соринку съ своего форменнаго фрака, тронулъ дрожащими пальцами двѣ-три пуговицы и началъ разказывать, запинаясь на каждомъ словѣ,

между тѣмъ какъ начальникъ, откинувъ немного назадъ голову, пристально смотрѣлъ на него въ двойной лорнетъ.

— Что вы пьяны чтоль были? продолжалъ онъ строго-насмѣшливымъ тономъ.

— Никакъ нѣтъ-съ, ваше превосходительство.

— Стало-быть ужъ черезчуръ трезвы?

И изъ гортани начальника излетѣлъ мягкій и продолжительный хохотъ, дружно подхваченный другими членами присутствія. Лежневъ трясся какъ въ лихорадкѣ.

— А въ чью пользу было рѣшено дѣло? продолжался допросъ.

Лежневъ сказалъ.

— Сколько жъ вы взяли съ его противника, чтобъ ударить эту штуку? Цѣлковыхъ тысячу все-таки чай отянули, или побольше, а?

Лежневъ хотѣлъ отвѣчать, но языкъ боатнулъ что-то непонятное. Лице его вдругъ все передернулось, побѣдѣло, и онъ судорожно потрясъ головой. Начальникъ обидѣлся значительнымъ взглядомъ съ присутствующими, и опять обратился къ своей жертвѣ:

— Ну, что жъ, мой любезнѣйшій, сказалъ онъ на этотъ разъ почти привѣтливо:—если васъ выгнать за это изъ службы съ дурнымъ аттестатомъ, такъ это будетъ конечно еще милость Божія, а то вѣдь, батюшка, пожалуй ушлютъ и туда, куда Макаръ телятъ не гонялъ. Имѣете вы понятіе объ этомъ мѣстечкѣ? Смотрите, чтобы не пришлось вамъ тамъ отыскивать это дѣло.

И начальникъ снова засмѣялся своимъ мягкимъ, бархатымъ смѣхомъ.

— Не погубите, ваше превосходительство, бормоталъ Лежневъ, трясаясь на ногахъ, которыя едва его поддержи-вали.

На это начальникъ ничего не сказалъ, а только грациозно показалъ рукою на дверь.

Василій Максимовичъ поклонился, и выхода изъ присутствія, ясно услышалъ слово: „мерзавецъ“, энергически произнесенное кѣмъ-то изъ членовъ.

Онъ сѣлъ было опять на свое мѣсто; но вдругъ всталъ, туло усмѣхнулся, махнулъ рукою, отыскалъ свое пальто и фуражку и ушелъ домой.

Было еще только половина перваго. Авдотья Павловна

встрѣтила его въ передней. Василій Максимовичъ снялъ съ себя пальто и повѣсилъ, по обыкновенію на гвоздикъ, и слова не отвѣчая на вопросъ жены, отчего онъ такъ рано вернулся. Кромѣ двухъ комнатъ у него была еще темная каморка за кухней, гдѣ онъ отдыхалъ иногда послѣ обѣда, чтобъ его не беспокоили. Онъ прошелъ въ эту каморку, и заперся на крючокъ.

Въ послѣднее время Авдотья Павловна привыкла видѣть его постоянно скучнымъ и разстроеннымъ, и потому не обратила на это большаго вниманія, предположивши между прочимъ, что у него болитъ голова, на которую онъ постоянно жаловался съ тѣхъ поръ какъ побѣгалъ безъ шапки по холоду. Черезъ нѣсколько времени она позвала его обѣдать, но Лежневъ, не отпирая двери, отвѣчалъ, что не хочетъ. Точно также отказался онъ потомъ и отъ чаю, и такимъ образомъ просидѣлъ запершись цѣлый день. Думали, что онъ по крайней мѣрѣ поужинаетъ, но Лежневъ не захотѣлъ и ужинать. Кончилось тѣмъ, что онъ не пришелъ даже и спать на свое мѣсто, и какъ жена и дочь его ни упрашивали, чтобы онъ сказалъ что съ нимъ такое, или хоть зажечь бы по крайней мѣрѣ у себя свѣчку, Лежневъ или не отвѣчалъ ни слова, или просилъ чтобъ его оставили въ покоѣ. Бѣдныя женщины не знали что и подумать, и не спали всю ночь. Наступило утро; пришло время идти и на службу, а затворникъ нашъ, повидимому, объ этомъ и не думалъ. Безпокойство домашнихъ дошло наконецъ до того, что они рѣшились было позвать дворника и разломать дверь, какъ вдругъ, часовъ въ одиннадцать, Лежневъ вышелъ изъ своей каморки, но въ такомъ положеніи, что Авдотья Павловна и Вѣрочка перепугались до смерти. Лицо его было страшно блѣдно, рыжеватые волосы были вкоченены, халатъ подпоясанъ кое-какъ, грудь раскрыта, большіе сѣрые глаза его такъ и сверкали.

— Папаша, голубчикъ, что съ вами? спрашивала Вѣрочка, обхвативъ его обѣими руками:—вѣрно вы больны чѣмъ-нибудь? Не позвать ли какого-нибудь доктора?

— Какіе тутъ доктора? До докторовъ ли теперь? отвѣчалъ мрачно Лежневъ:—сядете-ка... надо поговорить съ вами о серьезномъ дѣлѣ...—И онъ съ оторопѣлымъ видомъ сѣлъ на диванъ.—Вѣрочка, сколько бишь у насъ всѣхъ частей свѣта-то? Пять, кажется? Должно-быть открыта еще

шестая: куда Макарь телятъ не гонялъ.... Вѣдь мы сидимъ тутъ, ничего не знаемъ что въ Божьемъ мѣрѣ-то дѣлается.... Ну да не объ этомъ рѣчь: а извольте-ка вы приготовляться, да укладываться понемножку, потому я медлить не стану; завтра утромъ чѣмъ свѣтъ, а то ежели успѣемъ, такъ и въ ночь сегодня—и тово.... и въ путь. Вотъ.... было бы вамъ извѣстно....

Вѣрочка значительно перегалянулась съ матерью. Ясно было, что бѣдный Василій Максимовичъ находился не въ здоровомъ разсудкѣ.

— Папашенька, лягте подите, право вы больны; успокойтесь, голубчикъ, начала опять уговаривать его Вѣрочка:—нѣтъ никакой шестой части свѣта и быть ее не можетъ.

— Что ты мнѣ рассказываешь, перебилъ съ сердцемъ Василій Максимовичъ,—когда сами ихъ превосходительство приказали мнѣ туда отправляться. Сумашедшій я, что ли, по вашему?

Вѣрочка поняла, что раздражать отца и протаворѣчить ему въ этомъ положеніи не годится. Бѣдная дѣвушка ткнулась головой въ диванъ и залилась горькими слезами.

— Надо будетъ взять паспортъ, разсуждалъ между тѣмъ самъ съ собою Василій Максимовичъ;—придется вѣдь, чортъ возьми, объявленіе въ часть подавать... плохо... деньги понадобятся...

Онъ высморкался, съ тѣмъ же оторопѣлымъ видомъ спряталъ за пазуху свою табакерку и носовой платокъ, и сталъ подниматься съ дивана.

Во все это время Авдотья Павловна, заломивъ обѣ руки, стояла какъ деревянная, и горько покачивая головой, смотрѣла на мужа.

— На что же паспортъ-то тебѣ, Василій Максимычъ? спросила она у него съ отчаяніемъ.

Лежневъ опять рассердился.

— Хе.... поди ты вотъ, толкуй съ вами, съ бабами, отвѣчалъ онъ, дрожащими руками ощипывая на себѣ халатъ и сорочку:—вѣдь я жь тебѣ сказываю, что мнѣ ѣхать надо.... ихъ превосходительство объявили мнѣ объ этомъ въ полномъ присутствіи.... Такъ какъ же безъ паспорта-то.... сама ты подумай!...

— Да куда жь это поведешь-то ты, мой голубчикъ? продолжала съ тѣмъ же отчаяніемъ Авдотья Павловна.

— А вотъ туда и поѣдемъ, куда телятъ-то Макаръ не гонялъ... Ну, что вы плачете, дуры? Съ Москвою что ли разставаться жалко? Смотри, пожалуй, невидальщина какая... Не въ одной Москвѣ люди-то живутъ... Полноте! Укладывайтесь-ка, укладывайтесь лучше, чтобы времени-то по путякамъ не терять, а я вотъ пойду, да напишу въ часть объявленіе, чтобы мнѣ свидѣтельство-то выдали на получение паспорта.

Съ этими словами Лежневъ ушелъ въ спальню, сѣлъ за столъ и принялся писать свое объявленіе.

Тутъ ужъ Авдотья Павловна убѣдилась окончательно, что несчастный мужъ ея помѣшался. Между тѣмъ онъ кончилъ свое письмо и поспѣшно сталъ одѣваться. Скольکو ни уговаривали его остаться дома и успокоиться, ладу съ нимъ никакого не было. Онъ надѣлъ свое пальто, взялъ фуражку и пошелъ къ квартальному надзирателю.

Скоро въ домѣ Степана Сафроновича всѣмъ стало извѣстно, что чиновникъ Лежневъ помѣшался на томъ, будто ему надобно отправиться въ какую-то невѣдомую страну, называемую: куда Макаръ телятъ не гонялъ. Кухарка Лежневыхъ, свидѣтельница сейчасъ описанной мною сцены, рассказала объ этомъ другой кухаркѣ, жившей съ ней на однихъ снѣяхъ; та сообщила это интересное извѣстіе своимъ господамъ и между прочимъ хозяйскому кучеру; кучеръ своей знакомой горничной, которая по какому-то поводу забѣжала къ нему въ каретный сарай; та—жильцамъ, у которыхъ служила, и такъ далѣе.

Вслѣдствіе этого, въ хозяйской кухнѣ, гдѣ собрались обѣдать вышеупомянутый кучеръ Ефимъ, работница Степана Сафроновича, Акулина, дворникъ Ивановъ и еще случившійся тутъ мужичокъ, дядя Ефимъ, только что пришедшій въ Москву на заработки, воспослѣдовалъ такой разговоръ:

— Диковинное это дѣло, разсуждалъ Ивановъ, размѣшивая щи деревянкою ложкой:—живеть-живеть человѣкъ на свѣтѣ и вдругъ то-ись, ни съ того ни съ сего, дуракомъ сдѣлается.... Право диковинное дѣло! Вотъ хоть бы и Василій Максимычъ таперь, ишь вѣдь какая чепуха задѣлая въ годову человѣку: поѣду куда Макаръ телятъ не гонялъ! Шибко ужъ, должно-быть, у него тамъ попортилось. И отъ чего кажись? Былъ все какъ слѣдуетъ.

— Бумага, оказываютъ, казенныя затратилъ, пьяный прѣхалъ на извозникѣ, объяснилъ кучеръ,—а за это вишь, давя я слышалъ, хозяинъ съ жильцомъ разговаривали, либо лобъ забрѣютъ, либо въ острогъ упекутъ; вотъ у него въ головѣ-то видно все это и бродило.

— Эхъ-ма!... жаль человѣка, а человѣкъ-то кажется степенный. Семейство тоже; какъ не повредиться? замѣтилъ Ивановъ.—У насъ вотъ въ полку тоже такая-то оказія приключилась, продолжалъ онъ, вытирая свои щетинистые усы:—полковой казначей былъ у насъ такой хватище изъ себя ахвицеръ, святая Анна хрестъ за храбрость имѣлъ, Микалаемъ Гаврилычемъ звали, тоже вотъ казенную сумму затратилъ, да и рехнулся такъ-то, неплоте Василья Максимыча. Такъ на этого какая полоса нашла;—что онъ не Русскій, примѣрно, а Агличанъ. Тоже выправилъ себѣ паспортъ какъ слѣдуетъ на желѣзку, да прямо въ Транштатъ и махнулъ. Такъ тамъ ужь его на кораблѣ перехватили, а то бы въ аглицкую земаю такъ и уплылъ. Дивизионный нашъ, толковали тогда, больно за него хлопоталъ, родня какъ то ему доводился; и лѣкаря отстаивали, что онъ рехнулся, примѣрно, на томъ, что онъ Агличанъ; однако вѣтъ, въ рядовые въ арестанскія роты разжаловали.

— Ну, какъ хошь, Викулъ Ивановичъ, а Василій Максимычъ хитрѣе придумалъ, сказалъ засмѣявшись Ефимъ:—этотъ вишь куда норовить! куда Макаръ телять не гонялъ!

— Да ты что жь зубы-то безъ толку скалишь? нешто мѣсть такихъ, ты думаешь, нѣту? перебила работница:—я зонъ третьяго года въ Кіевъ на богомолье ходила, такъ какими иной разъ мѣстами-то случалось идти, страсти Господни! Окромя лѣшаго, кажись, и не встрѣтишь тамъ никого.

— Мѣста всякія есть, вмѣшался опять Ивановъ:—таперь хошь бы на Кавказъ, примѣрно, али вотъ по Сибири опять, туда къ китайской границѣ, такія есть мѣста, мѣъ тоже одинъ солдатикъ, землякъ мой, рассказывалъ: не токма теленокъ, такъ, кажись, говорить, и воронъ костей-то никогда туда не занашивалъ. Нешто, говорить, только по этапу и можно туда достигнуть, а самъ по себѣ ни въ жись не дойдешь.

— А вѣдь, гляди, и Василью Максимычу такая-то линія выдѣтъ, что и его, то-ись, по этапу отправятъ, сказалъ

Ефимъ:—а чтобы, кажись, за вина такаѣ, что выпилъ, примѣрно, человекъ не въ мѣру, да казенныя бумаги затратилъ. Грѣхъ да бѣда на кого не живетъ.

— Казна, другъ, своего не упустишь, отвѣтилъ на это Ивановъ:—толкуешь ты про казенныя бумаги; за казенную пуговицу отвѣчать будешь, не токма за бумаги.

Въ это время дядя Ефимъ до сихъ поръ молча слушающій этотъ разговоръ, тоже принялъ въ немъ участіе.

— Въ нашей сторонѣ, годовъ съ пять назадъ, одинъ мужичокъ такъ хозяйку свою затратилъ, да тоже вотъ по этапу-то и пошелъ, а ни душой ни тѣломъ не виноватъ былъ, потому опосля сама же она и отыскалась, заговорила онъ, положивъ ложку и утершись ладонью.

— Что-то ты ужъ больно чудно разказываешь, дядя Ефимъ, перебила работница, которой, какъ современной женщинѣ, слова эти показались обидными:—ну какъ, кажись, можно вѣчному человекъ хозяйку затратить?

— Чаво чудно, возразилъ дядя Ефимъ,—я-те разкажу пожалуй какъ и дѣло-то было.

Кучеръ и дворникъ приготовились слушать.

— Поѣхалъ съ ней этотъ самый мужичокъ, началъ дядя Ефимъ:—съ хозяйкой-то, сирѣчь, на праздникъ; село такое у насъ есть, верстѣ восемь отъ нашей деревни, Шипы прозывается, и въ самый Петровъ день тамъ храмовой праздникъ бываетъ; такъ вотъ они въ Шипы-то эти и поѣхали, да тамъ, слышь, весь день до самой ночи и пировали. А она, хозяйка-то, у этого мужичка была баба во-какая прожженная; все допрежь здѣсь въ Москвѣ по куфаркамъ шаялась. Пока мужъ-ать пилъ, примѣрно, въ кабацѣ съ пріятелями, а она свое дѣло дѣлала... ну, ужъ знамо безпутная... Тотъ, стало-быть какъ-то и дозволялся объ этомъ: хорошо, говоритъ, така-сякая ты эдакая, пріѣдемъ домой, я-те, говоритъ, задамъ баню! Осерчалъ, значитъ; тоже вѣдь человекъ есть. Ну вотъ поѣхали они этта домой. Бдутъ. А ночь на ту пору была темная разтемная, а онъ, мужичокъ-то этотъ былъ мнѣ братъ двоюродный, а вхать-то все надо было рѣкой по берегу до самой почесь деревни. Ну, ладно: только и стала, братецъ ты мой, этого мужичка дрема клонить; онъ и говоритъ хозяйкѣ-то: натка, говоритъ, Авдотья, возьми вожди-то, правъ, а я, говоритъ, сосну мавенько. Отдалъ ей вожди, да въ телегъ-то и прилегъ.

Проснулся какъ ужъ къ своей избѣ пріѣхалъ. Глядь, а хозяйки-то возлѣ него и нѣтъ. Ну что жь? сошла молъ за чѣмъ-нибудь съ телѣги; пущай ее. Въѣхалъ онъ это на дворъ, убралъ лошадь, помолился Богу, легъ на полати. Одваче по утру просыпается, а хозяйки все нѣтъ. Ждать-пождать—нѣту. Онъ опять тѣми же пятами да въ Шипы— а тамъ нѣтъ. Что за диковинное дѣло? Объявилъ старостѣ, что, примѣрно, хозяйка пропала. Искать, братецъ ты мой. Искали-искали, только и нашли повойникъ ея, да холодиай китайчатый на берегу лежать брошены. Въстимо дѣло—сабдаствіе началось. Судъ наѣхалъ. Къ допросу этого мужичка. Судили-судили, да тѣмъ опосая и порѣшили, что такъ какъ то-ись онъ поѣхалъ домой съ хозяйкой, а пріѣхалъ одинъ, то значить, самъ же онъ ее въ рѣкѣ и потопилъ, для того чтобы напередки умѣе была, да не прокудила. Ну, а ужъ за это знамо дѣло, что съ человѣкомъ бываетъ: сперва въ острогъ засадили, а тамъ выстегали, да звать вотъ тоже на китайскую - то границу и отъправили. Что же означилось?—какъ онъ заснулъ тогда, домой-то ѣхамши, а она, безпутная, возьми да и уйди отъ него, да два года по Москвѣ и шлалась безъ паспорта. А холодиай-то съ повойникомъ нарочно вишь бросила на берегъ: потопилась, молъ, подумаютъ, да и концы въ воду. Сама опосая пришла въ деревню, разказывала. Такъ цѣлый, вишь, годъ выжилъ онъ тамъ по ея милости, пока начальство опять въ деревню его не воротило. И ужъ какъ онъ это жалостно про себя разказывалъ: цѣлый, вишь, годъ безперечь шелъ туда скованный... И Господи, говорить, какъ тяжело было! Ноги, говорить, иной разъ ровно подушки вспухнуть... Идешь, идешь, да всплакнешь таково-то горько... Ни душой-то, думаешь, не виноваты ты, ни тѣломъ, ни передъ людьми, ни передъ совѣстью...

Повидимому, разказъ этотъ произвелъ на собесѣдниковъ довольно грустное впечатлѣніе. Нѣсколько времени они молча хлебали изъ чашки. Наконецъ Ефремъ первый прервалъ молчаніе.

— А вотъ гляди, Акулина, ежели нашъ хозяинъ не рехнется когда-нибудь, опять заговорилъ онъ шутивымъ тономъ.

— Болтай больше! Безъ костей звать языкъ-то... возразила работница, замахнувшись на него ложкой.

— Что ты, я-те безъ шутокъ сказываю, потому колобродить ужь больно, не хуже Василья Максимыча, продолжалъ Ефимъ: — намереди эта повѣхали мы съ нимъ въ Басманную. Я такъ сижу, а онъ самъ править. Вѣхали, вѣхали да къ Дорогомиловскому мосту и прѣхали. Какъ онъ паянеть: тыфу ты, говорить, дьявольское навожденіе! Вѣхалъ, говорить, въ Басманную, а очутился на Смоленскомъ рынкѣ! Такъ я и прыснулъ, братецъ ты мой, со смѣху.

— Да что онъ и взаправду словно ошпаренный ходитъ? Другой солдатъ подъ пацками веселѣе идетъ. Право слово. Я самъ на него все дивлюсь, да посматриваю, спросилъ Ивановъ.

— Богъ его знаетъ. Торговая знать плохо идетъ, али подряды можетъ-статься не удаются, отвѣтилъ Ефимъ.

Но мы изъ этого разговора должны заключить совсѣмъ другое, а именно то, что Степанъ Софроновичъ все еще былъ влюбленъ попрежнему, что отказъ Вѣрочки нисколько не уничтожилъ страсти его пожиравшей, и что голова его все также оставалась шальнойю.

Между тѣмъ Лежневъ продолжалъ свои похождения въ канцеляріи квартальнаго надзирателя. Онъ засталъ тамъ писаря, дежурнаго полицейскаго солдата и нѣсколько человѣкъ просителей. Писарь сидѣлъ за столомъ и буквально тыкался носомъ въ чью-то домовую книгу, вписывая въ нее лежавшій передъ нимъ адресный билетъ. Лежневъ нѣсколько разъ подходилъ къ нему съ своимъ объявленіемъ, но писарь, какъ ни былъ пьянъ, однакожь хорошо понималъ, какъ надо вести себя съ просителями, и каждый разъ отвѣчалъ ему сердито: по-вре-мѣ-ните! Лежневъ въ свою очередь, хотъ и находился не въ здоровомъ разсудкѣ, но тоже сообразилъ кой-какъ, что даромъ эти вещи не дѣлаются и сунулъ ему въ руку полтинникъ. Тогда писарь сдѣлался ласковѣе. Онъ тотчасъ же взялъ у него объявленіе, и хотъ прочиталъ его съ величайшимъ трудомъ, однакожь понялъ, что требуется свидѣтельство для полученія заграничнаго паспорта.

— Вамъ... с...скоро ну... нужно? спросилъ онъ у Лежнева.

— Немедленно, отвѣчалъ тотъ.

Писарь оторвалъ поллиста бумаги и тотчасъ же настроилъ ему свидѣтельство; но спяну влѣпилъ въ него все что было написано въ объявленіи у Василья Максимовича,

то-есть что такой-то чиновникъ отправляется въ шестую часть свѣта, именуемую: куда Макарь телятъ не гонялъ, и заключилъ, что со стороны полиціи препятствій къ этому никакихъ не имѣется.

Только что онъ кончилъ, какъ дверь изъ смежной комнаты отворилась, и въ канцелярію вошелъ квартальный надзиратель изъ штатскихъ.

— Потрудитесь подписать, Николай Ивановичъ, сказалъ писарь, съ трудомъ вставая со стула и подавая ему приготовленное свидѣтельство.

— Что такое? спросилъ квартальный.

— Свидѣтельство вотъ для нихъ-съ... отвѣчалъ писарь.

Квартальный сталъ читать, искоса поглядывая на Лежева.

— Что за чертовщина такая! воскликнулъ онъ вдругъ, разразившись хохотомъ:—Иванъ Михалычъ, да что ты не проспался еще что ли послѣ вчерашнихъ именинъ-то. Такъ пооди лучше домой, проспись! Что ты за галиматью тутъ вапоролъ?

Писарь икалъ и смотрѣлъ на квартальнаго выпуча глаза.

— Пословицу-то зачѣмъ ты вклеилъ сюда? Нешто это можно?

— Ка... какую по... словицу?

— Какую пословицу... на вотъ, читай! Что ты обезумѣлъ что ли?

Писарь сталъ перечитывать свое писаніе и рѣшительно не могъ понять, что же это и въ самомъ дѣлѣ такое.

— Перепиши какъ слѣдуетъ! строго прикрикнулъ квартальный—къ чему тутъ всѣ эти подробности, куда, да зачѣмъ; просто за границу, да и кончено дѣло. Форму что ли забылъ? А впрочемъ, прибавилъ онъ, подумавъ:—что въ шестую-то часть свѣта ѣдешь, это можешь и оставить, пожалуйста... только глупостей-то этихъ чтобы не было! Эхъ ты, Бахусъ эдакій, право Бахусъ! На вотъ! А далеконько васъ, батюшка, Богъ несетъ, обратился онъ къ Лежеву.

— Далече, отвѣчалъ тотъ, смотря на него бессмысленно.

— По какому же это случаю вы ѣдете туда, позвольте васъ спросить?

— Воля начальства, вздохнувъ отвѣчалъ опять Лежевъ.

— Вѣрно съ какою-нибудь ученою дѣлю командируютъ!

— Должно быть.

— Далековько, далековько, повторилъ квартальный и вышелъ изъ канцеляріи.

Скоро свидѣтельство было готово. Лежневъ положилъ его въ карманъ и вышелъ отъ квартального. Онъ хотѣлъ было отправиться съ нимъ прямо въ канцелярію военного губернатора, но разсудивъ, что это можно сдѣлать еще и завтра, а теперь надо помогать женѣ укладываться, повернулъ домой. Такимъ образомъ этотъ любопытный полицейскій документъ и погибъ для потомства, потому что послѣ Василій Максимовичъ не могъ уже попасть въ губернаторскую канцелярію. Въ тотъ день у него открылась сильнѣйшая нервическая горячка. Онъ лежалъ въ жару, и вѣроятно ему представлялось, что онъ катаетъ въ шестую часть свѣта. „Пошелъ живѣ!“ кричалъ онъ, вскакивая на постель: „на водку получишь, дуракъ ты эдакій!“

Жена и дочь были въ отчаяніи. Кой-кто изъ знакомыхъ совѣтовали имъ положить Василья Максимовича въ больницу, но онѣ такъ любили его, что не могли согласиться на такую тяжелую для нихъ мѣру, и рѣшились во что бы то ни стало дѣлать его дома. Послѣ оказалось, что бѣдныя женщины слишкомъ понадѣялись на свои силы и на свои средства. Приглашенъ былъ докторъ, и къ счастью еще человѣкъ довольно дѣльный. Узнавъ исторію болѣзни своего пациента, онъ нашелъ это хорошимъ признакомъ, что у него открылась горячка; въ противномъ случаѣ онъ могъ бы, по его мнѣнію, на всю жизнь остаться помѣшаннымъ. Докторъ сталъ вѣздить каждый день, и началась въ домѣ Василья Максимовича одна изъ тѣхъ семейныхъ катастрофъ, которыя такъ незамѣтно для другихъ каждый день совершаются въ тѣсныхъ квартирахъ различныхъ Васильевъ, Максимовичей. Надобно было каждый день платить за визитъ доктору и брать изъ аптеки лѣкарство, а вы знаете, читатель, что аптекаря наши не послѣдніе эксплуататоры... Все что только можно было продать или заложить въ домѣ, все въ самое короткое время было продано и заложено: вся мебель, которую можно было считать излишнею и которая была подѣянѣе, образа, которые были поварадѣе, большое зеркало, составлявшее единственное украшеніе квартиры Василья Максимовича, дешевенькое фортепіано Вѣрочки, которое было первымъ ея другомъ послѣ Павла Николаевича, мѣховой салонъ ея, который отецъ соорудилъ ей съ нечеловѣче-

скими усиліями, все утекло, даже большая дымчатая кошка, тоже любимица Вѣрочкина, и та за рубль серебромъ поступила на жительство въ мясную лавку, и Лежковы очутились вдругъ въ такомъ положеніи, что все что у нихъ оставалось можно было захватить подъ мышку и свободно отправляться въ какую угодно часть свѣта. Къ довершенію горя, сослуживцы Василья Максимовича, приходившіе иногда навѣстить его, приносили имъ извѣстія одно другаго хуже и безотраднѣе. Бѣднякъ отданъ былъ подъ судъ, и самое лучшее, что его ожидало, было исключеніе изъ службы и дурной аттестатъ, какъ тогда и говорилъ ему его начальникъ.

Такимъ образомъ три недѣли пролежалъ Василій Максимовичъ между жизнью и смертію, не переставая фантазировать о своемъ дальнемъ путешествіи. Наконецъ, въ одно прекрасное утро, докторъ объявлялъ, что опасность прошла, и что онъ ручается за жизнь и даже за выздоровлѣніе больного, если только сумѣютъ скрыть отъ него до времени все что можетъ его обезпокоить. И дѣйствительно, скоро больной совсѣмъ пересталъ бредить и началъ медленно поправляться.

Былъ какой-то праздничный день. Василій Максимовичъ, слабый, бѣдный и исхудалый до невозможности, лежалъ въ забытіи на своей постелѣ. Авдотья Павловна и Вѣрочка сидѣли возлѣ него, грустно опустивъ головы. Накогда еще Вѣрочкѣ не было такъ жалъ своего бѣднаго, добраго отца. Въ эту минуту она чувствовала, что готова пожертвовать всѣмъ на свѣтъ, лишь бы спасти его отъ несчастія.

„Ну, вотъ онъ, наконецъ, и выздоравливаетъ... бѣдный, бѣдный, что толку?“ думала она, осторожно цѣлуя его исхудалую руку: „не успѣетъ онъ оправиться, какъ исключать его изъ службы съ дурнымъ аттестатомъ... да еще это, говорятъ, милость Божія... а то въ острогъ, въ ссылку... Боже праведный! За что же? Не вывести ему этого, ни за что не вывести... снова захвораетъ... непременно... умереть, или опять помѣшается... Господи! вразуми меня, что тутъ дѣлать?..“

Въ это время послышался шумъ въ передней. Авдотья Павловна вышла, чтобы посмотреть что тамъ такое, и увидѣла входившаго въ гостиную Степана Софроновича,

который не былъ у нихъ съ самаго своего неудачнаго сватовства.

Онъ вошелъ, по обыкновенію, въ калошахъ и въ шубѣ, перекрестился на образа, и сказалъ:

— Здравствуйте! А мы вотъ хвораго вашего пришли провѣдать. Давно собирался, да все недосугъ было.

— Благодарю васъ, Степанъ Софрованычъ; прошу покорно садиться, отвѣчала Авдотья Павловна:—чуть вѣдь не померъ онъ у насъ... такъ напугалъ... Не чаю, чтобъ и выздоровѣлъ...

— Слышалъ, отвѣчалъ Степанъ Софрованычъ, усаживаясь на стул:—да что это за оказія съ нимъ случилась? Казенныя бумаги что ли потерялъ, мнѣ сказывали..

Авдотья Павловна сѣла и подробно начала разказывать какъ было дѣло, не скрывая, что мужа отдали подъ судъ и что его ожидаетъ чуть не смертная казнь.

— Плохо. Жаль Василья Максимыча, сказалъ гость, выслушавъ этотъ разказъ.—То-то и есть, сударыня, прибавилъ онъ, помолчавши:—кабы вы въ ту пору нашими, примѣрно сказать, чувствами къ вашей дочкѣ не побрезгали, такъ мы эфто дѣло-то таперича другимъ бы манеромъ уладили, хошь бы онъ не токма одну какую казенную бумагу, хошь бы онъ, съ позволенія сказать, цѣлую канцелярію потерялъ.

— Батюшка, Степанъ Софрованычъ, вскрикнула Авдотья Павловна:—такъ неужто вы и въ самомъ дѣлѣ думаете, что мы побрезгали такимъ человѣкомъ какъ вы! Вѣрочка потому только вамъ отказала, что давно ужъ дала слово другому.

— Знаю я объ эфтомъ... Василій Максимычъ сказывалъ... отвѣчалъ гость, смотря немного въ сторону и барабая по столу пальцами:—только вѣдь эфтогъ женихъ-то на грошъ вамъ пользы въ эфтомъ дѣлѣ не сдѣлаетъ, почему что тутъ капиталъ нуженъ.

Авдотья Павловна горько покачала головой.

— Ахъ, Степанъ Софрованычъ! вѣрло ужъ никакой капиталъ ничего тутъ не сдѣлаетъ, возразила она.

— Чаво это? капиталъ-то ничего не сдѣлаетъ? вскрикнулъ, оживившись, Степанъ Софрованычъ:—да капиталъ-те не токма такое плевое дѣло, капиталъ-те горами ворочаетъ, города беретъ, капиталъ-те! Съ капиталомъ изъ тьмы

крѣпшею можно вывести человѣка, не токма изъ Сибири.... Хе, хе, хе! гляди-ка-сь, капиталъ, вишь, ничего не сдѣлаетъ! Чтò ты, барыня!

— Не то время, Степанъ Софронычъ, опять недовѣрчиво возразила Авдотья Павловна:—нынче ужь нѣтъ такихъ людей, которымъ можно было бы предложить деньги за кривое дѣло; нынче вонъ, послушаешь, взятокъ-то ужь не берутъ.

— Чаво эфто, не берутъ взятокъ? перебилъ гость, оживаясь все болѣе и болѣе:—ты у насъ объ эфтомъ спроси, берутъ они ихъ, или нѣтъ, потому мы подрядчики, продолжалъ онъ, стучая себя кулакомъ въ грудь:—мы съ эфтими господами-те годовъ ужь двадцать никакъ вожаемся, такъ ужь знаемъ лучше, берутъ ли они.... такъ то-сь.... Мало только не давай, а то чтò хошь возьмутъ.... Да вотъ чтò, Авдотья Павловна, будемъ мы съ тобой дѣло говорить.... продолжалъ онъ, вставъ со стула, и безъ церемоніи положивъ Лейбевой на плечо руку:—плюнь-ка ты на эптова жениха-те вашего, потому нищихъ въ Москвѣ и безъ него много, да отдай за меня дочку-те; и если я тебѣ эфто дѣло не сдѣлаю, и Василій Максимычъ изъ воли сухъ не выйдетъ, такъ будь я опосля того не Степанъ Софронычъ, а съ позволенія сказать, прохвостъ, вонъ что помойныя ямы чистить—вотъ какъ я тебѣ сказываю.... Потому мы съ начальникомъ его пріятеля, помимаешь?.. Да хошь бы и не эфто, капиталу не пожалѣю, а ужь выручу; ничего не будетъ!

Въ это время Вѣрочка все еще сидѣла возлѣ отца, и разговоръ Степана Софроневича съ матерью былъ слышанъ ею отъ слова до слова. Она сидѣла, закрывши лицо обѣими руками, и повторяла съ отчаяніемъ: „Господи, вразуми, о, вразуми, чтò мнѣ дѣлать!“ Видно было, что въ душѣ ея совершалась страшная ломка. Вдругъ она встала, какъ будто рѣшившись на что-то необыкновенное, и твердыми шагами вошла въ гостиную. Увидя ее Степанъ Софроневичъ встрепетулся, отступилъ на нѣсколько шаговъ отъ Авдотьи Павловны, судорожно какъ-то передернулъ плечами и поправилъ волосы на головѣ. Вѣрочка была блѣдна, но спокойна.

— Я слышала все чтò вы говорили, Степанъ Софронычъ, сказала она твердымъ голосомъ, подошедши къ Ко-

рагну:— и если это правда, что вы въ состояніи спасти моего отца, извольте я съ удовольствіемъ выхожу за васъ замужъ.

На мигу Степанъ Софроновичъ совершенно одурѣлъ отъ этой неожиданности, и только стоялъ да какъ-то чрезвычайно хитро вывертывалъ пальцами. Потомъ онъ подошелъ къ Вѣрочкѣ, взялъ ея руку и сказалъ, хлопнувъ по ней своею жирною ладонью:

— Вѣра Васильевна! Ты мнѣ такое слово сказала... Смотри же, чтобы не того... вѣрно чтобы было... Вотъ эфта таперича рука твоя. Ладно! разнимай, Авдотья Павловна! И ежели я своему слову не господилъ, такъ паюшь мнѣ въ ту пору въ бороду! А ты, Вѣра Васильевна, обратился онъ опять къ Вѣрочкѣ: — такое мнѣ слово сказала... таперь ужъ дѣло прошлое... а не скажи ты мнѣ эфтого самаго слова—то-ись во-какъ: руки бы на себя наложишь... Ну, таперь прощай! Не приду, пока дѣла не сдѣлаю.

Онъ хлопнулъ ее еще разъ по рукѣ и торопливо вышелъ изъ комнаты. Авдотья Павловна не знала вѣрить ли ей ушамъ своимъ.

— Ангелъ мой, Вѣрочка, говорила она чуть не плача отъ радости:—ужь какъ же утѣшила-то ты меня... И какъ это тебя вразумилъ Господь? И не думала-то я, не гадала... И какъ же Василій Максимычъ-то обрадуется, когда узнаетъ, мой голубчикъ... А ужь Богъ-то, Богъ-то какъ наградить тебя за любовь къ родителямъ!

Но Вѣрочка ничего не слышала, и только что Степанъ Софроновичъ вышелъ, какъ она зашаталась, воскликнула и безъ чувствъ повалилась на полъ.

Мы скоро увидимъ сдержалъ ли Степанъ Софроновичъ свое обѣщаніе, и точно ли капиталъ есть такая необъятная сила въ природѣ, которая города беретъ и грѣшныя души изъ тьмы кромѣшной выводитъ, а теперь обратимся пока къ одному изъ дѣйствующихъ лицъ нашего разказа, про котораго мы совсѣмъ забыли, и которое въ насгоящихъ обстоятельствахъ должно привлекать къ себѣ наше участіе. Я говорю про Павла Николаевича Лунина...

Двухгодовалый срокъ пребыванія его за границей истекъ. Въ послѣднемъ письмѣ, которое Вѣрочка получила отъ него въ концѣ марта, слѣдовательно не задолго до разказанной мною только что сцены, Луинъ писалъ, что

въ началѣ апрѣля она выѣзжаютъ изъ Италиі (я забылъ сказать, что семейство, съ которымъ онъ ѣздилъ, провело все это время въ Ниццѣ), пробудуть нѣсколько времени въ Варшавѣ и въ началѣ мая вернутся въ Россію. Затѣмъ переписка ихъ прекратилась.

Изъ нѣсколькихъ словъ, брошенныхъ мною въ началѣ моего разказа, можетъ-быть вы не могли еще вывести вѣрнаго заключенія о характерѣ Павла Николаевича Лукина. Надобно вамъ сказать, что это была натура энергическая и умекающая, одна изъ тѣхъ натуръ, которымъ если упадетъ въ душу такое чувство, какъ любовь къ женщинѣ, такъ ужь одно что-нибудь: или подавай сюда эту женщину, или на, вотъ, вырывай съ корнемъ душу изъ тѣла! Разлука съ Вѣрочкой только раздражала молодого человѣка и еще сильнѣе разжигала его чувства, между тѣмъ какъ письма ея безпрестанно, что называется, подливали въ огонь масло. Можете же послѣ этого себѣ представить, съ какимъ нетерпѣніемъ летѣлъ молодой человѣкъ на родину, чтобы пасть поскорѣе въ объятія обожаемой женщины.

Обстоятельства какъ нарочно замедляли эту блаженную минуту. Семейство, въ которомъ онъ находился, вмѣсто того чтобы ѣхать въ Москву, какъ это съ начала предполагалось, проѣхало прямо въ свое имѣніе, гдѣ-то въ Смоленской губерніи. Очень понятно, что Павелъ Николаевичъ долго тамъ не оставался. Простившись со всѣми самымъ дружескимъ образомъ, онъ сѣлъ на перекладную и поскочилъ въ Москву. Мечты, фантазіи, какъ пчелы, роились въ головѣ у него во всю дорогу. „Какъ-то мы съ ней встрѣтимся!“ думалъ Лукинъ, подпрыгивая на своей тележкѣ и безпрестанно позукая безчувственного, какъ казалось ему, ящика: „дорого бы я далъ, чтобы знать впередъ, какъ это будетъ... Воображаю, какъ она обрадуется, вскрикнетъ, выбѣжитъ ко мнѣ на встрѣчу и захопаетъ, по своему обыкновенію, въ ладоши, и потомъ... эхъ, чортъ возьми!..“ Въ карманѣ у Павла Николаевича было болѣе двухъ тысячъ рублей серебромъ. „Этого на первый случай достаточно будетъ,“ разсуждалъ онъ уже вслухъ самъ съ собою: „а тамъ... опредѣлюсь учителемъ въ гимназію... частые уроки будутъ... какъ-нибудь сдѣлаемся...“ И онъ опять принимался фантазировать. И представлялась ему

картина его семейнаго счастья... Вотъ онъ возвращается домой съ уроковъ, усталый, измученный: Вѣрочка встрѣчаетъ его съ радостною улыбкой, беретъ изъ рукъ его шляпу и кладетъ на фортепьяно; онъ садится на стулъ... Вотъ она вспорхнула къ нему на колѣни, какъ птичка... вотъ она обвила его шею обѣими руками, прильнула къ его лицу своею маленькою бѣлокурою головкой и обдаетъ его своимъ свѣжимъ дыханіемъ... Очень понятно, что при такомъ настроеніи духа, постоянные дворы казались ему казематами, лошади черепахами, а ямщики ужасными мошенниками. Но вотъ наконецъ и Москва. Новая досада: онъ пріѣхалъ въ Москву во второмъ часу ночи, и повелѣнъ долженъ былъ остановиться на постояломъ дворѣ. Ночь прошла въ бессонницѣ и иллюзіяхъ. За то на другой день утромъ, еще не пребило и семи часовъ, какъ онъ на первомъ попавшемся ему извозикѣ катилъ уже къ своей невѣстѣ.

Лежневы вставали всегда очень рано. Василій Максимовичъ былъ уже совсѣмъ одѣтъ и готовился идти въ присутствіе—доказательство, что изъ службы съ дурнымъ аттестатомъ его не выгнали. Онъ сидѣлъ съ Авдотьей Павловной за самоваромъ и допивалъ свою обычную порцію чаю, когда сильно застучали изъ сѣней въ переднюю, и вслѣдъ затѣмъ Павелъ Николаевичъ, веселый и счастливый до невозможности, съ шумомъ вбѣжалъ въ комнату. Начались обычныя восклицанія:

— Павелъ Николаичъ! Вы ли это? сколько лѣтъ, сколько зимъ? Здоровы ли, давно ли пріѣхали?

— Василій Максимычъ, любезнѣйшій! Авдотья Павловна, родная моя!

И Луницъ обнималъ своего нареченнаго тестя и будущую тещу, не замѣчая, что оба они были страшно перекомфужены.

— А Вѣра Васильевна? Дайте мнѣ, ради Бога, взглянуть-то на нее поскорѣй!—Вѣдь я умираю отъ нетерпѣнія... Неужели она еще не вставала? вскрикнулъ онъ, осматриваясь по сторонамъ.

Лежневы сконфузились еще болѣе. Теперь Луницъ это замѣтилъ.

— Ужь не больна ли? проговорилъ онъ, баѣнды.

Лежневъ молчали и значительно переглядывались другъ съ другомъ. Лунивъ ждалъ отвѣта.

— Павелъ Николаичъ, вы не сердитесь на насъ, ради Бога... съ непритворною грустью сказалъ наконецъ Василій Максимовичъ:—вы знаете, что мы васъ любили всегда какъ роднаго и считали за особенное счастье имѣть васъ своимъ зятемъ, но вѣрно Богу не угодно было, чтобы такъ случилось....

Павелъ Николаевичъ вздрогнулъ и судорожно сжалъ его руку.

— Что это значить? Говорите яснѣе! Умерла?! вскрикнулъ онъ измѣнившимся голосомъ.

Лежневъ мялся, съ участіемъ поглядывая на молодого человѣка.

— Да что жъ мы будемъ мучить-то ихъ по пустякамъ, Василій Максимычъ, вступилась Авдотья Павловна:—вѣдь ужъ сколько ни молчи, а сказать надобно.... Павелъ Николаичъ! Вѣдь она замужъ вышла, мой батюшка, отнеслась она къ Лунину:—что дѣлать? такъ случилось.... Мы и сами были въ этомъ не властны....

Лунивъ зашатался, и лицо его такъ измѣнилось, что на него страшно было смотрѣть.

— Она!... Вѣрочка вышла замужъ!... Вѣрочка меня обманула!... Силы небесныя.... что такое?... Что жъ это такое? повторилъ онъ, скватившись за голову, и чтобы не упасть, опустил на стулъ.

— Нѣтъ, и не грѣшите на нее, Павелъ Николаичъ, продолжала Авдотья Павловна:—она васъ такъ любила, такъ любила, что и разказать-то, кажется, не возможно. Сколько слезъ и горя стоило это ей, моей голубушкѣ.... Глаза-то, кажется, тосковавши по васъ, всѣ выплакала.... и есибы да не такой случай....

Между тѣмъ Лунивъ сидѣлъ, съ трудомъ переводя дыханіе и обѣими руками приглаживая назадъ свои длинные волосы. Ему подали стаканъ холодной воды.

— Ничего не понимаю.... Разкажите пожалуйста, какъ это случилось? спросилъ онъ, освѣжившись не много.

И Авдотья Павловна начала ему подробно разказывать, какъ Стефанъ Софроновичъ сватался за Вѣрочку и предлагалъ ей домъ и пять тысячъ серебромъ на приданое, какъ Вѣрочка и слышать объ этомъ не хотѣла, какъ она нако-

нецъ рѣшилась принести себя въ жертву, чтобы спасти отца, которому можетъ-быть грозила Сибирь, и какъ Степанъ Софроновичъ посредствомъ капитала дѣйствительно выручилъ изъ бѣды Василья Максимовича.

— Вотъ какъ было дѣло, батюшка, Павелъ Николаичъ, прибавила Авдотья Павловна:—мы думали, ну что жь дѣлать? Пришлось выйти за немиллаго человѣка, такъ по крайности хоть пожить въ холѣ, да въ избыткѣ, — да нѣтъ, видно богатство счастья не даетъ, коль не суждено человѣку имъ пользоваться. Что она?... И мѣсяца не прошло, какъ обвѣнчали, а ужъ вы теперь и не узнаете нашей Вѣрочки.... Куда что дѣвалось!... Въ гробъ-то, кажется, такъ и то краше кладутъ, вотъ какъ ей сладко.... заключила Лежнева, вытирая платкомъ глаза.

Луинъ слушалъ, облокотившись на столъ и положивъ голову на руки. Она давно ужъ кончила, а онъ все еще сидѣлъ въ одномъ положеніи. Потомъ онъ всталъ, шатаясь прошелся по комнатѣ, взялъ свою фуражку и съ минутой стоялъ, опустивъ голову.

— Не сказывайте ей, пожалуйста, что я пріѣхалъ, проговорилъ онъ въ раздумьѣ:—скажите ей.... Ну, да что хотите скажите....

Онъ махнулъ рукой, и не простившись, вышелъ отъ Лежневыхъ.

Ясное весеннее утро обалавало городъ тепломъ и прохладой. Веселѣе какъ-то жилось и дышалось; народъ живѣе какъ-то двигался по тротуарамъ, и экипажи какъ будто звучѣе гремяли по мостовой. Ничего этого не замѣчалъ Луинъ. Горечь и злоба такъ и накапливали у него на душѣ. Онъ шелъ безъ всякой цѣли и рассуждалъ самъ съ собою:

— Вотъ теперь и понятно, въ чемъ философія жизни-то заключается.... Учись, говорятъ, просвѣщайся — всего достигнешь.... Чего достигнешь?... Чиновъ что ли, ученой степени, славы можетъ-быть авторской? Да на кой они чортъ, если ты не достигнешь того, чтобы выучиться торговать, подряды снимать, взятки брать, мошенничать искуснѣйшимъ образомъ.... Охъ, наука, наука! Соорудилъ ты себѣ, мурыи и ученый человѣкъ, храмъ счастья, сместъ ты въ него все что было у тебя святаго и заветнаго.... Прочно, кажется, крѣпко и здорово.... И думается тебѣ, что грома небесные не сокрушаютъ его.... Ха, ха, ха! Поэтъ,

фантазеръ ты, любезнѣйшій! Придетъ какой-нибудь первой гладыя купецъ, Степанъ Софроновъ Корягинъ, дунетъ—и праху его не останется! Деньги — вотъ въ чемъ и наука, и философія, и все счастье жизни.... Вотъ онъ.... продолжалъ Луианъ, вытаскивъ изъ кармана туго набитый бумажникъ:— вотъ они проклятыя!... Чуть не за тридцать земель ѣздилъ я за ними...: ночи не спалъ, кровь всю перепортилъ, дерзости и обиды выносивъ отъ какого-нибудь смоленскаго помѣщика.... скопилъ за то.... вотъ они.... Да на кой же вы имъ чортъ теперь?! вскрикнулъ онъ вдругъ съ бѣшенствомъ, размахнувся и изо всѣхъ силъ швырнулъ свой бумажникъ куда попало.

Въ это время онъ проходилъ по набережной, и несчастный бумажникъ полетѣлъ прямо въ рѣку. Луианъ этого даже и не замѣтилъ и продолжалъ идти своею дорогой. Но въ ту минуту, когда совершалась эта катастрофа, возаъ него толкались два парня изъ фабричныхъ, которые все это видѣли.

— Митюха! видѣлъ что баринъ-то бросилъ? спросилъ одинъ изъ нихъ, когда Луианъ отошелъ на нѣсколько шаговъ.

— Книжничъ никакъ.

— Да вѣдь съ деньгами.

— Врешь?

— Ей богу съ деньгами! Во-какой толстый!

— Ахъ, ты, братецъ ты мой! да какъ же это? мырнуть бы надо.

— Эхъ-ма, раздѣваться-то не велятъ здѣсь, а то бы надо.

— Такъ что жь, въ рубахѣ мырай!

— Да, ишь ты! въ рубахѣ!

— Важное кушанье! Опосля высохнешь.

— Али мырауть?

— Да мырай, чертъ эдакій! Размокнуть, такъ ужь въ ту пору съ ними ничего не подѣлаешь.

Аргументъ этотъ подѣйствовалъ, и фабричные начали было ужь спускаться внизъ по каменной лѣстницѣ.

— Ей, вы, ротозѣи, чего тамъ забыли? крикнулъ вдругъ грозный голосъ.

Фабричные взглянули, и увидѣвши надъ собой человѣка въ каскѣ и съ мѣдною бляхой на сѣромъ мундирѣ, не охотно повернули назадъ.

- Чего вамъ тамъ? сердито повторила бляха.
- Да вонъ баринъ книжникъ съ деньгами въ рѣку бросилъ, почесываясь отвѣчали фабричные.
- Врете, бѣсовы дѣти?... зубы скалите.... я васъ....
- Ей Богу-ну, правда, ваше благородіе, во-какой толстый, рублевъ съ тысячу, полатай, въ немъ будетъ.
- Бросилъ-то въ кое мѣсто? смягчаясь спросила бляха.
- Да вонъ прямо-то! Тутъ и есть, не далеко!
- Баринъ-то гдѣ?
- А вонъ идетъ въ бѣлой фуражкѣ-то, вонъ рукой-то помахиваетъ.
- Въ это время Лунинъ шелъ вдали не оборачиваясь, и дѣйствительно раза два энергически махнулъ рукою...

А. ГОЛИЦЫНСКІЙ.

О ДАРОВОМЪ УЧЕНІИ

И

ЛЕГКОМЪ ПРИОБРѢТЕНІИ

ДВОРЯНСКАГО ЗВАНІЯ.

(По поводу рецензіи напечатанной въ № 228 *Сѣверной Пчелы*.)

Въ *Сѣверной Пчелѣ* помѣщена безыменная рецензія на статью, напечатанную въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, подъ заглавіемъ „Объ организаціи нашей учебной системы.“ Изъявляя искреннюю благодарность почтенной редакціи этой газеты за вниманіе ея къ нашей статьѣ, мы должны, однако, поспорить съ неизвѣстнымъ рецензентомъ относительно тѣхъ изъ сдѣланныхъ имъ замѣчаній, которыя кажутся намъ не совсемъ согласными не только съ нашею статьей, но даже и съ здравой логикой. Вмѣстѣ съ симъ, мы постараемся подробно развить нѣкоторыя мысли, которыхъ мы только слегка коснулись въ первой нашей статьѣ. Мы не будемъ говорить объ экзаменахъ, потому что краткое возраженіе рецензента по этому вопросу было сдѣлано имъ единственно оттого что онъ не вполне помнилъ цитату, имъ же приведенную вначалѣ его статьи,

и въ которой мы читаемъ: „Г. Скуратовъ полагаетъ, что экзаменовывать соискателей учебныхъ степеней всего приличнѣе въ академіи наукъ, или въ особыхъ экзаминаторскихъ комиссіяхъ.“ Такъ какъ здѣсь говорится объ экзаминаторскихъ комиссіяхъ, которыми легко переѣзжать съ мѣста на мѣсто, то къ чему же служить замѣчаніе рецензента, что студентамъ Киевской и другихъ отдаленныхъ губерній неудобно будетъ совершать путь въ академію наукъ по образу *пѣшаго хожденія*? Или это выраженіе такъ мило, что жалъ было съ нимъ разстаться?

Главный же вопросъ, по поводу котораго рецензентъ сильно на насъ нападаетъ, касается платы за обученіе въ высшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. По вашему мнѣнію, не только даровое, даже и очень дешевое обученіе не должно допускаться въ этихъ заведеніяхъ. Сначала рецензентъ, цитируя буквально наши слова, говоритъ только, „что хотя съ этимъ и трудно согласиться, но что мы дошли до этаго на основаніи *весьма логическихъ построеній*.“ Далѣе же онъ утверждаетъ, что выразивъ такое мнѣніе, „мы припутали къ вопросу о доступности университетовъ избирательный цевзъ, и что это просто не хорошо.“ О цевзѣ мы поговоримъ послѣ; но пока замѣтимъ мимоходомъ, что нельзя, кажется, ставить человѣку въ вину какое бы то ни было мнѣніе, если онъ дошелъ до него не подъ вліяніемъ какого-либо пристрастія или личныхъ выгодъ, а путемъ вѣрныхъ логическихъ построеній. Наконецъ, забывъ точный смыслъ цитаты, приведенной имъ въ началѣ статьи, рецензентъ выражается такимъ образомъ, какъ будто бы мы были противъ пожертвованій въ пользу всякихъ училищъ, и выводите изъ этого самое неожиданное заключеніе. Вотъ его слова: „А что г. Скуратовъ говоритъ о финансовой сторонѣ университетскаго вопроса, это не болѣе и не менѣе какъ изобличаетъ въ немъ незнакомство съ наукою политической экономіи. Доказывать ему, что и общество должно жертвовать на училища, и что это просто выгодно самому обществу—слишкомъ долго. Пусть онъ полюбопытствуетъ собразить выводы, показывающіе вліяніе нравственнаго развитія народа на богатство страны: пусть хоть статистику Кольба просмотритъ, или вспомнитъ, чѣмъ Англичане объясняютъ успѣхи шведскаго царской промышленности.“

Поминайте, г. рецензентъ, за что же взводите вы на насъ такую небывлицу: да мы никогда и не думали сомнѣваться въ необходимости нравственнаго развитія народа, и не потому только, какъ вы говорите, что оно имѣетъ большое вліяніе на богатство страны, но по другой гораздо важнѣйшей причинѣ,—потому что человѣкъ тогда только и достоинъ называться человѣкомъ, когда онъ развить умственно и нравственно. Чтобы знать и понимать это, вовсе не нужно рыться въ статистикѣ Кольба, или справляться о томъ чѣмъ Англичане объясняютъ успѣхи промышленности въ Швейцаріи. Но вѣдь слова „народное развитіе“ имѣютъ весьма обширное значеніе, заключающее въ себѣ столько же родовъ развитія, сколько есть разныхъ слоевъ въ гражданскомъ обществѣ. Мы говорили только, какъ видно изъ собственной вашей цитаты, о томъ научно-литературномъ развитіи, которое получается въ нашихъ среднихъ и высшихъ учебныхъ учрежденіяхъ, а вы распространили сказанное нами на всѣ училища безразлично, и тѣмъ совершенно измѣнили значеніе поднятаго нами вопроса. Можетъ-быть вы найдете наше требованіе нескромнымъ; но вступая съ вами въ полемику, мы осмѣливаемся напомнить, что первое условіе правильнаго разсужденія, ясно и точно помнитъ точку отправленія и данныя вопроса. Рецензентъ упрекаетъ насъ въ агломаціи, за то что мы отдаемъ предпочтеніе англійской методѣ обученія; но самая его рецензія служитъ доказательствомъ превосходства этой методы надъ тою, которая существуетъ у насъ. Ложные выводы, подобные тѣмъ на которые мы сейчасъ указали, не могли бы такъ часто встрѣчаться у нашихъ писателей, еслибы въ ихъ воспитаніи не была упущена изъ виду необходимость упражнять молодыхъ людей въ математическихъ и логическихъ соображеніяхъ. Математика,“ говоритъ докторъ Юэлъ (Whewell),¹ „преимущественно даетъ намъ практическій навыкъ разсуждать правильно, потому что при ея изученіи мы имѣемъ дѣло съ длинною цѣпью доводовъ, въ которой каждое звено зависитъ отъ всѣхъ прочихъ звеньевъ (содѣлательно приучаетъ насъ не забывать въ концѣ

¹ О началѣхъ англійскаго воспитанія, переводъ съ англійскаго г. Поном., стр. 8

статьи сказанное нами въ началѣ). Языкъ математическій представляетъ непрерывный рядъ краткихъ и быстрыхъ ссылокъ на то что уже доказано, и потому справедливо полагають, что каждое изъ этихъ быстрыхъ движеній помогаетъ разсуждающему идти далѣе съ непогрѣшимой точностію и самоувѣренностію. Способность совершать такіе процессы хорошо и скоро есть великое открытіе.“ Увы, какъ много у насъ такихъ писателей, для которыхъ это открытіе еще не существуетъ!

Рецензентъ находитъ, что мы мало знакомы или даже и вовсе незнакомы съ политической экономіей. Мы считаемъ излишнимъ оспаривать это; положимъ, что онъ правъ, но все же нельзя было ожидать такого заключенія по поводу мнѣнія нашего о даровой системѣ обученія, тѣмъ болѣе что въ началѣ своей статьи рецензентъ сказалъ, что она основана на логическихъ построеніяхъ,—а что же такое политическая экономія, какъ не примѣненіе логики къ экономической жизни народовъ? Если рецензенту непременно хотѣлось составить себѣ и выразить печатно сужденіе о большей или меньшей степени знакомства нашего съ этою наукой, то, кажется, гораздо естественнѣе и рациональнѣе было бы основать его на разборѣ которой-либо изъ специально политико-экономическихъ статей, помѣщенныхъ нами въ разное время въ *Вѣстникъ Промышленности*, *Акціонеръ*, *Коммерческой Газетъ*, *Биржевыхъ Вѣдомостяхъ* и въ некоторыхъ другихъ журналахъ. Въ матеріалахъ для критики не было бы недостатка;—а то какъ же взять для этого одинъ вопросъ, да еще такой который вовсе не принадлежитъ къ основнымъ началамъ политической экономіи; мало того,—такой вопросъ, который рѣшается ею не такъ какъ понимаетъ его рецензентъ, ибо извѣстнѣйшіе экономисты безусловно отвергаютъ даровое литературное обученіе, какъ источникъ величайшихъ золъ, не только для общества, но и для самихъ обучаемыхъ¹.

¹ „Классъ недостаточныхъ людей, обыкновенно называемыхъ литераторами, находится, говоритъ Адамъ Смитъ, почти въ томъ же состояніи, въ какое пришли бы медики и юристы, еслибы они обучались на общественный счетъ (у насъ медики уже и приходятъ въ это состояніе, по замѣчанію самого рецензента). Такъ какъ они по большей части выходятъ изъ людей воспитывавшихся для церкви и не пожелавшихъ по чему-либо вступить въ духовное званіе, то, говоря вообще, они обра-

Продолжая разсужденіе свое о платѣ за обученіе, рецензентъ говоритъ: „мы не можемъ желать, чтобъ университетское образованіе обходилось дороже, и всякій цензъ для полученія этого образованія положительно отвергаемъ. Вотъ наши основанія: прообразы пролетаріата на землѣ Русской, къ несчастію, дѣйствительно существуютъ, какъ выразился г. Лѣсковъ въ приведенной г. Скуратовымъ статьѣ; но явленіе это существуетъ такимъ образомъ, что его самобытность непосредственно отрицается; пролетаріатъ этотъ явился только частію вслѣдствіе несоразмѣрности воображаемаго положенія съ дѣйствительнымъ.“ Мы позволимъ себѣ спросить г. рецензента какая была цѣль его статьи? Сдѣлать оцѣнку нашихъ мнѣній, представить опроверженіе тѣхъ изъ нихъ, которыя онъ найдетъ ошибочными или неосновательными. Къ чему же припутывать тутъ вопросъ о цензѣ, о которомъ мы и не думали? Цензомъ называется, по общепринятому значенію, *minimum* дохода или податей, при коемъ гражданинъ допускается къ пользованію извѣстными политическими правами, какъ-то: избирать или быть избираемымъ въ общественныя должности, и т. п. Но развѣ даровое обученіе въ недоступномъ фактически для огромнаго большинства объемѣ можетъ назваться политическимъ правомъ? Развѣ плата за обученіе есть налогъ? Какъ же намъ понимать друга друга, когда рецензентъ позволяетъ себѣ употреблять слова въ такомъ смыслѣ, какого они не имѣютъ и никогда имѣть не мо-

гутся на общественный счетъ, и вслѣдствіе этого такъ развиваются, что вознагражденіе, получаемое ими за свои труды, упадаетъ до самой низкой цифры.“ „Должно ли, спрашиваетъ Джонъ Стюартъ Милль по поводу этой цитаты, дѣло автора быть профессіей? Можно ли, хорошо ли поддерживать общественное устройство, въ которомъ наставники человечества поучаютъ его изъ-за хлѣба? Вотъ вопросъ вполне заслуживающій вниманія мыслителей.“

„Вслѣдствіе устройства общественного обученія во Франціи, и, думаю, въ большей части европейскихъ государствъ,“ говоритъ Ж. Б. Сей, „оно привлекаетъ къ литературнымъ занятіямъ больше людей нежели сколько можетъ ими кормиться: это зло не только для нихъ, но и для общества. При невозможности содержать себя своими трудами, многіе изъ нихъ принуждены жить на счетъ общества.“ Въ настоящее время, Ж. Б. Сей могъ бы прибавить: *затѣвать революцію.* (*Dict. de l'écon. polit. publié par Guillaumin. 1852. Art. de Coquelin: Instruction publique.*)

гуть? Иное дѣло, есаубы мы вздумали, предлагать чтобы тѣ только могли обучаться въ университетахъ съ платою или безъ платы, которыхъ родители платятъ не менѣе известной суммы податей; вотъ это былъ бы цевзъ. Но развѣ это мы предлагали?

Далѣе, онъ соглашается, что пролетаріатъ у насъ существуетъ; но, какъ бы отвѣчая намъ, говоритъ: „что онъ „явился у насъ только частію вслѣдствіе несоразмѣрности „воображаемаго положенія съ дѣйствительнымъ... а что глав- „нымъ образомъ его устроили другія причины, которыхъ „нѣтъ въ Англіи, ни въ другой странѣ пролетаріата.“ Но въ статьѣ нашей сказано, что и у насъ какъ въ Германіи несоразмѣрность воображаемаго положенія съ дѣйствительнымъ наиболее является въ этой группѣ, то-есть въ умственномъ чиновничьемъ пролетаріатѣ; значитъ, мы считали это обстоятельство признакомъ характеризующимъ эту группу, а не производящею ее причиною. Но такъ какъ причины какого-либо факта и сопровождающія его обстоятельства не одно и то же, то возраженіе рецензента основано единственно на смѣшеніи разнородныхъ понятій, которыхъ онъ не потрудился или не могъ различить.

„Пролетаріатъ,“ говоритъ онъ, „былъ произведенъ у насъ „причинами, которыхъ нѣтъ въ Англіи, ни въ иной стран- „нѣ пролетаріата“. Такъ какъ мы не говорили, чтобъ умственный пролетаріатъ, о которомъ идетъ рѣчь, существовалъ въ Англіи, да его тамъ и нѣтъ, то кажется не для чего было припутывать ее въ этотъ споръ. Что же касается „до иныхъ странъ пролетаріата“, то вѣдь мы и сказали, что завявъ у Германіи систему ея учебныхъ учреждений, мы сдѣлали ее еще хуже дарованіемъ служебныхъ преимуществъ. Слѣдовательно, мы сами указали на тѣ причины развитія у насъ пролетаріата, которыхъ нѣтъ въ другихъ государствахъ, и рецензентъ съ нами въ этомъ согласенъ; но не странно ли, повторяя иными словами мнѣнія разбираемаго автора, воображать себѣ, что онъ сказалъ что-то другое?

„Пересмотрѣвъ,“ говоритъ еще рецензентъ, „статью г. Лѣ- „скова, мы видимъ, что въ ней именно идетъ дѣло о неесте- „ственности пролетаріата, появляющагося у насъ вслѣдствіе „экономическихъ и административныхъ неурядицъ, и о не- „обходимости прекратить это зло въ самомъ зародышѣ, а

„совсѣмъ не объ опасностяхъ отъ разрушительныхъ способностей пролетаріевъ и еще менѣе объ угрожающемъ „дворянству нападѣнъ.“

Какое же намъ дѣло до всего того о чемъ говорилъ или не говорилъ Лѣсковъ? Развѣ мы ссылались на его мнѣніе какъ на авторитетъ? Мы только заимствовали у него голый фактъ, состоящій въ томъ, что пролетаріи, учившіеся въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ, считаются тысячами и не знаютъ чѣмъ жить. Неужели рецензентъ думаетъ, что взявъ фактъ у г. Лѣскова, мы были не въ правѣ дѣлать изъ него никакихъ выводовъ, кромѣ сдѣланныхъ самимъ г. Лѣсковымъ? Странное требованіе!

„Умственныхъ продуктовъ,“ говоритъ рецензентъ, „которыхъ, по наблюденію Рилля, Германія производитъ болѣе, нежели сколько она можетъ потребовать, наша страна въ такомъ количествѣ не производитъ. У насъ положительно нѣтъ почти людей образованныхъ, а есть люди имѣющіе „право служить за то, что они учились.“

Однакожь рецензентъ не отвергаетъ факта засвидѣтельствованнаго г. Лѣсковымъ, что люди, получившіе образование въ нашихъ гимназіяхъ и университетахъ, тысячами скитаются безъ дѣла и безъ хлѣба. Но, скажетъ онъ, это оттого что между нами мало образованныхъ. Согласны; однако опытъ Франціи и Германіи доказываетъ, что и при хорошемъ обученіи огромное число людей, получившихъ учено-литературное образованіе, не могутъ жить однимъ учено-литературнымъ трудомъ. Оттого-то они и добиваются мѣстъ въ государственной службѣ. А какъ число этихъ мѣстъ недостаточно, чтобы удовлетворить всѣхъ кандидатовъ, то не получившіе никакихъ должностей и образуютъ умственный пролетаріатъ. Рецензентъ забылъ нашу цитату изъ Рилля, въ которой буквально сказано, что пролетаріатъ этого рода и въ Германіи также состоитъ преимущественно изъ недоучившихся литераторовъ, которымъ хочется жить не по состоянію. Технические занятія существенно отличаются отъ литературныхъ тѣмъ, во первыхъ, что они менѣе развиваютъ самолюбіе и болѣе приучаютъ къ труду; во вторыхъ, что онѣ не столько требуютъ большихъ дарованій, какъ аккуратности, трудолюбія и постоянства,—качествъ, которыхъ, при извѣстномъ запасѣ здраваго смысла, вполне достаточно въ этихъ профессіяхъ, чтобы сдѣлаться полезнымъ членомъ

общества и не остаться безъ занятія. Совсѣмъ не то въ чисто-умственныхъ профессіяхъ: тутъ бездарный человѣкъ рѣшительно лишній. Поэтому-то и неблагоприятно, скажемъ болѣе—безумно, привлекать къ нимъ посредственныхъ людей безъ собственныхъ средствъ къ жизни. Небольшая бѣда, если человѣкъ, владѣющій независимымъ состояніемъ, мало воспользуется даннымъ ему литературнымъ образованіемъ; напротивъ того, бѣдный литераторъ, бѣдный адвокатъ и т. д., непременно дѣлаются представителями пролетаріата, если природа была къ нимъ такъ же скупа на таланты, какъ фортуна на богатство. Между тѣмъ при дешевомъ, и еще болѣе при даровомъ обученіи, именно бѣдные-то и стремятся къ ученой карьерѣ, а зажиточные напротивъ обращаются къ техническимъ, совершенно на выворотъ того что должно быть. Выигрываютъ ли отъ этого цивилизація и наука? Весьма сомнительно. Послушаемъ, что говорить объ этомъ Риль цитованный и нами, и рецензентомъ:

„Цѣль нашего честолюбія и нашихъ трудовъ находится обыкновенно въ томъ кругу, къ которому мы принадлежимъ по рожденію. Пусть нѣкоторыя высокоодаренныя личности вырываются изъ этого круга; но когда вся масса дѣтей стремится далеко обогнать своихъ родителей или много остается назади, то это есть уже признакъ общественной болѣзни. Такъ, напримѣръ, во многихъ нѣмецкихъ странахъ давно уже замѣчается поразительный фактъ, что не соразмѣрно большое число сыновей мелкихъ крестьянъ (Kleinbauern), ремесленниковъ и пролетаріевъ идутъ въ университеты, тогда какъ сыновья людей принадлежащихъ къ болѣе образованной средѣ, напротивъ, чаще посвящаютъ себя техническимъ занятіямъ... Ну, конечно! Отличные умы будутъ отличными дѣятелями и въ наукѣ, хотя бы они вышли изъ бѣднѣйшей хижины. Но, говоря вообще, духовная атмосфера, которую мы вдыхаемъ въ себя съ младенчества, имѣетъ рѣшительное вліяніе на нашу восприимчивость въ чисто-умственной работѣ, и сынъ пролетарія, какъ бы ни трудились надъ его развитіемъ въ школѣ, рѣдко будетъ владѣть такимъ гибкимъ умомъ для научныхъ занятій какъ сынъ образованныхъ родителей. Въ наше время трудъ не распределяется по кастамъ; но что, тѣмъ не менѣе, высшіе и низшіе роды работы не находятся въ всякой связи съ происхожденіемъ и семейной обстановкой,

въ этомъ не усомнится ни одинъ безпристрастный наблюдатель“ (*Die deutsche Arbeit*, стр. 31).

Сравните безъ предубѣжденія предлагаемую нами систему съ нынѣ-сущестующею, и вы сами убѣдитесь въ безконечномъ превосходствѣ первой. Бѣдные у насъ не забыты: тѣ изъ нихъ, отъ которыхъ можно ожидать, что они сдѣлаются по своимъ дарованіямъ честью и славою страны, получаютъ по конкурсу стипендіи дающія имъ возможно спокойно и безъ всякой нужды посвятить все свое время на развитіе талантовъ, которыми одарила ихъ природа. Для посредственныхъ же людей этого слоя остаются дешевыя открытыя среднія учебныя заведенія, гимназіи съ реальнымъ направленіемъ, въ которыхъ люди съ вебоольшими средствами могутъ получить степень развитія и приготовительныя свѣдѣнія, необходимыя для того чтобы съ успѣхомъ и сознаниемъ заниматься какими-либо техническими профессіями. Это тѣ руководители народного труда, которые требуются тысячами и десятками тысячъ и никогда не могутъ быть въ тягость ни себѣ, ни странѣ, если только способъ ихъ обученія рационально обдуманъ и дѣлаетъ ихъ похожими болѣе на образованныхъ работниковъ чѣмъ на недоучившихся литераторовъ или ученыхъ. Затѣмъ всѣ имѣющіе средства платятъ за среднее и высшее литературное образованіе платятъ сполна то чего оно естественно стоить при лучшемъ устройствѣ, полагая въ томъ числѣ содержаніе нужнаго числа учителей и профессоровъ соразмѣрно съ ихъ дарованіями и трудами, а не такое, которое едва обезпечиваетъ имъ жалкое существованіе. Вслѣдствіе этого, будетъ несравненно выше уровень способностей и познаній педагогическаго сословія, а слѣдовательно и общаго образованія, недостатокъ коего въ настоящее время имѣетъ столь неблагоприятное вліяніе на управленіе страны; такъ что народъ теряетъ вдвойнѣ: платитъ подати на даровое ученіе, которымъ не можетъ пользоваться, и, что гораздо важнѣе, страдаетъ отъ всѣхъ золъ, проистекающихъ отъ низкой степени цивилизаціи. Пора наконецъ понять, что для народа все равно изъ хижины, или изъ дворца выходятъ литературно-образованные люди, лишь бы ихъ образованіе было основательно и не только удовлетворяло бы требованіямъ

общества на современной степени его развитія, но и вело его впередъ по пути цивилизаціи и прогресса.

Какую противоположность представляет картина системы дароваго ученія, которую вы беретесь защищать! Преподаваніе въ ней плохое, потому что при недостаткѣ финансовыхъ средствъ, школы страдаютъ вдвойнѣ, какъ отъ неспособности учителей, такъ и отъ несообразности количества ихъ съ числомъ учениковъ; привлекая этихъ послѣднихъ бесплатнымъ или дешевымъ обученіемъ, вы въ то же время отталкиваете способныхъ учителей недостаточнымъ содержаніемъ. Не правда ли какъ это рационально? Мудрено ли, что эта система производитъ тысячами литературныхъ пролетаріевъ принужденныхъ въ послѣдствіи искать средствъ къ жизни въ такихъ профессіяхъ, къ которымъ они не готовились, и которыя они, можетъ-быть, считаютъ для себя унижительными? Такимъ образомъ, проведя студенческую жизнь въ нуждѣ и горѣ, они въ послѣдствіи не находятъ себѣ приличнаго мѣста въ обществѣ. Сами же вы говорите, что доктора медицины служатъ при газетахъ переводчиками или корректорами. А если народъ не хочетъ или не можетъ платить за лѣченье и потому умираетъ безъ медицинской помощи, такъ что же съ этимъ дѣлать? Вѣдь не заставлять же его насильно лѣчиться! Между тѣмъ всѣ эти неудавшіяся свѣтила, не нашедшія себѣ мѣста на горизонтѣ нашего просвѣщенія, обучались на общественный счетъ, то-есть, на счетъ платящаго подати народа, изъ котораго девяносто девять сотыхъ *de facto* никогда не воспользуются всеобщемо, *de jure*, доступностью университетовъ и гимназій, потому что, при даровомъ ученіи, траты на пищу, квартиру, одежду, книги, бумагу и пр. въ самыхъ скудныхъ размѣрахъ, далеко превосходятъ ихъ средства. Если же вы действительно хотите, чтобы среднія и высшія учебныя заведенія были доступны для всѣхъ, если это не одна фраза, за которою скрывается задняя мысль, то будьте послѣдовательны и требуйте, какъ необходимаго улучшенія, чтобы всѣ ученики и студенты принимались на положеніи казеннокоштныхъ. Вотъ это будетъ истинная, фактическая доступность литературнаго образованія для всѣхъ; существующая же нынѣ даровая система обученія есть не что иное, какъ налогъ на *смыслъ* въ пользу *немногихъ*.

Совсѣмъ чное дѣло содержать на общественный счетъ первоначальныя городскія и сельскія школы. Если потребныя для нихъ суммы собираются со всѣхъ, то всѣ же и пользуются дѣйствительною, а не воображаемою возможностью обучать въ нихъ своихъ дѣтей. И такъ какъ содержание однихъ этихъ школъ на хорошей ногѣ и въ такомъ количествѣ, которое удовлетворяло бы потребностямъ страны въ этомъ отношеніи, будетъ стоить огромныхъ суммъ, которыя также возьмутся изъ народнаго кошелька, то намъ кажется въ высшей степени несправедливымъ обременять народъ налогомъ для удешевленія высшаго образованія въ пользу болѣе зажиточныхъ классовъ, хотя бы и того изъ нихъ, который лежитъ непосредственно надъ массою, живущею исключительно физическимъ трудомъ.

Въ сущности, даровое высшее и среднее литературное обученіе, готовящее, особенно у насъ, почти исключительно къ службѣ, есть одинъ и тотъ же вопросъ съ доступностію къ общественнымъ должностямъ, за которую такъ стоятъ Французы и вслѣдствіе которой у нихъ, какъ и у насъ, способные люди такъ гоняются за служебными мѣстами, вмѣсто того чтобы заниматься промышленностію и торговлей. Благодаря этому направленію, число общественныхъ должностей росло и продолжаетъ расти у нихъ въ страшной прогрессіи и все еще не можетъ удовлетворить всѣхъ получившихъ литературное образованіе кандидатовъ, этихъ назойливыхъ кредиторовъ правительства, какъ называетъ ихъ де-Бродьи. Между тѣмъ бюджетъ дѣлается годъ отъ году обременительнѣе, люди бѣдные получаютъ должности съ жалованьемъ весьма тяжелымъ для общественной казны, и тѣмъ не менѣе недостаточнымъ для нихъ, а богатые, вмѣсто того чтобы употреблять свои досуги и свое богатство на безплатное служеніе обществу, предаются всевозможнымъ излишествамъ, утопаютъ въ роскоши, забываютъ свои семейства и тратятъ свои доходы на великолѣпные экипажи, на шумныя оргіи и на безстыдныхъ камелій. Утопическое ученіе, которое хотѣло, вопреки природѣ вещей, поставить бѣднаго наравнѣ съ богатымъ, какъ въ образованіи, такъ и въ общественной іерархіи, отозвалось развращеніемъ богатыхъ, обремененіемъ бѣдныхъ и—естественнымъ слѣдствіемъ такого положенія—распространеніемъ социалистическихъ идей. Всѣ эти явленія народной жизни находятся

въ тѣснѣйшей связи: ибо когда богатство представляется преимущественно какъ средство дающее человѣку возможность стать самому, или въ лицѣ своихъ дѣтей, на болѣе высокую степень образованія или общественнаго положенія, тогда пріобрѣтеніе его имѣетъ нравственную цѣль, и потому, говоря вообще, будетъ достигаться не безнравственными средствами; напротивъ, если люди гонятся за богатствомъ только какъ за средствомъ удовлетворять свои стремленія къ роскоши и удовольствіямъ, тогда нравственность народа замѣтно падаетъ, что мы и видимъ теперь во Франціи.

Да не подумаютъ читатели, что мы беремъ сторону богатства противъ бѣдности. Нѣтъ, напротивъ, мы хотимъ чтобы богатство служило бѣдности, и получило то нравственное направленіе, которое одно можетъ оправдать его при неизбѣжномъ неравенствѣ людскаго общества. Отнимите у него то значеніе, то мѣсто, которое естественно принадлежитъ ему въ этомъ обществѣ, и будьте увѣрены что оно приметъ направленіе одинаково вредное и для богатыхъ, и для бѣдныхъ. Вмѣсто того чтобы дѣйствовать для общей пользы и тѣхъ и другихъ, оно сдѣлается принципомъ упадка нравственности и общественнаго разложенія; вмѣсто того чтобы чрезъ богатство достигать политическаго значенія, люди будутъ достигать богатства путемъ политическихъ и гражданскихъ должностей, просто сказать, посредствомъ взяточничества; вмѣсто Сэръ-Роберта Пиля, будутъ являться Тесты, и подобные ему. Конечно, и между недостаточными людьми, занимающими общественныя должности, встрѣчаются высокія личности, съ достоинствомъ выдерживающія борьбу ежедневныхъ нуждъ съ строгими понятіями о долгѣ и совѣсти. Это честь и слава человѣчества, но герои — не нашего времени. По мнѣнію Берка (Burke), политическое зданіе, выстроенное на фундаментѣ геройскихъ добродѣтелей, непременно завершится низкою подкупностію и самыми наглыми злоупотребленіями; обыкновенный ходъ человѣческихъ дѣлъ долженъ опираться и на обыкновенныя добродѣтели.

Адамъ Смитъ высказалъ великую истину, что всякое богатство есть плодъ труда, изъ чего кажется не трудно бы вывести заключеніе, что если достоинъ почета трудъ, то достойно уваженія и то что онъ производитъ, то-есть богатство. И дѣйствительно, мы видимъ что богатство не

уважается, а только возбуждаетъ зависть, въ тѣхъ самыхъ страхахъ, гдѣ мало уважается и трудъ. Во Франціи и теперь еще не смотрятъ на трудъ какъ на выполнение долга, на свободное нравственное дѣйствіе, а какъ на зло, которому необходимо подвергнуться для приобрѣтенія средствъ къ удовлетворенію своихъ прихотей и стремленію къ наслажденію или лѣни. *Se retirer des affaires*, кончить дѣла и ничего не дѣлать обогатившись,—задушевная мечта каждаго Француза. Прежде трудъ уважался еще менѣе: богатство добывалось войною, грабежомъ, взяточничествомъ, насиліями всякаго рода. Очень естественно, что и теперь не легко освободиться отъ узкаго, обветшалаго взгляда на богатство, образовавшагося вслѣдствіе безнравственности средствъ, которыми оно приобрѣталось. Но пора понять, что не только для успѣховъ, но и для самаго существованія какой бы то ни было цивилизаціи, богатство необходимо въ этомъ мірѣ; цивилизація не можетъ отрѣшиться отъ него какъ душа отъ тѣла, не лишившись необходимаго органа, безъ котораго она не можетъ проявляться. Это не какая-нибудь искусственная, часто совершенно произвольная привилегія въ родѣ дворянства, цеха и т. п., кѣтъ: это одинъ изъ самыхъ необходимыхъ элементовъ цивилизованной жизни, которая совершенно невысказима не только безъ богатства въ отвѣченномъ смыслѣ, но и безъ извѣстнаго количества достаточныхъ и даже богатыхъ людей. Не уничтожать и не ослаблять необходимаго вліянія богатства, а противодействовать его незаконному или безнравственному приобрѣтенію должно быть постоянною цѣлью законодателя. Идеалъ экономическаго устройства общества не есть равенство состояній, а напротивъ въ извѣстной степени ихъ неравенство, съ тѣмъ чтобы состояніе каждаго было не только плодомъ сбереженнаго, накопленнаго труда его, или его предковъ, но и соразмѣрялось съ этимъ трудомъ.

Распространеніе коммунистическихъ идей рѣшительно невозможно тамъ гдѣ господствуетъ убѣжденіе, что всякое богатство есть плодъ честнаго труда, и что систематическое достиженіе его незаконными или безнравственными средствами есть лишь исключеніе.

Мы надѣемся что наши читатели не сочтутъ лишними эти строки о современномъ возрѣніи на богатство и классъ богатыхъ людей. Нельзя было умолчать о немъ.

если справедливо то, что мы старались доказать о тѣсной связи этихъ возрѣвнѣй съ системою высшей сферы общественнаго обученія.

Другой вопросъ, по которому рецензентъ расходится съ нами, относится къ дворянскому сословію: мы считаемъ размноженіе дворянства положительно вреднымъ, а рецензенту напротивъ, все равно, если *de nomine* хоть всѣ будутъ дворяне. „Что занимаетъ г. Скуратова?“ говоритъ онъ: „слово. Да вѣдь „слово—звукъ пустой. Это все само собою сдѣлается—ихъ (дворянъ) образумитъ жизнь.“

Не помнимъ, какой моралистъ сказалъ, что міръ управляется словами, и мы совершенно съ нимъ согласны. Вспомнимъ только пресловутыя слова: *fraternité, égalité, liberté*, девизъ крестоносцевъ: *Dieu le veut*, и мало ли что еще въ этомъ родѣ. Плохо изучилъ рецензентъ человѣческое сердце, если не знаетъ до какой степени господствуетъ въ немъ тщеславіе. Онъ совѣтовалъ намъ прочесть какую-то статистику; да позволить онъ намъ также посовѣтовать ему прочесть книгу, которую мы цитировали въ нашей статьѣ: Рила *die bürgerliche Gesellschaft*; онъ увидитъ тамъ, какія страшныя средства употребляетъ жизнь, чтобъ избавить дворянство отъ обѣдѣвшихъ, высохшихъ его вѣтвей: привнесетъ владѣтельныхъ домовъ осужденныхъ на вѣчное безбрачіе, благородныхъ фамилій офицеровъ, отправляющихся на вѣчное изгнаніе въ Америку,—для того, можетъ-быть подумаете вы, чтобы важиться,—нѣтъ, для того чтобы тамъ сдѣлаться тѣмъ чѣмъ они не могутъ сдѣлаться въ своемъ отечествѣ—мужиками (*Um Bauer werden zu können*), то-есть вслѣдствіе своего общественнаго положенія добровольно подвергающихъ себя тому, къ чему у насъ приговариваютъ за тяжкія преступленія,—къ есыакъ съ лишеніемъ правъ состоянія. Такія соціальныя операціи не проходятъ даромъ; онѣ оставляютъ глубокіе сады въ общественномъ организмѣ. Рецензентъ радуется, что у насъ уже есть дворяне-извозчики, дворяне-сапожники, дворяне-наборщики. Если начатки такого порядка приносятъ ему удовольствіе, то да позволить онъ намъ посовѣтовать ему еще сдѣлать маленькое путешествіе въ Польшу; тамъ онъ найдетъ идеалъ въ этомъ родѣ, *la perfection du genre*; дворяне-лакеи, дворяне-кучера считаются тамъ тысячами, да еще столько же такихъ, о которыхъ никто не можетъ сказать

чѣмъ они живутъ и промышляютъ. Пусть онъ изучитъ на мѣстѣ благословенные плоды такого общественнаго устройства, а мы пока остаемся при своемъ мнѣніи, что слишкомъ размножившееся дворянство должно уменьшаться облегченіемъ перехода въ средній классъ, а не размножаться наплывомъ изъ низшихъ классовъ; въ первомъ случаѣ люди, выходящіе изъ дворянства, сольются съ народомъ: въ послѣднемъ дворянство размножаясь болѣе и болѣе, заразитъ своимъ тщеславіемъ и чванствомъ весь народъ, на что мы и указывали въ цитатѣ изъ сочиненія Веиса. Примѣръ дворянъ, пахущихъ землю въ Курской губерніи, нисколько не доказываетъ возможности легкаго перехода дворянъ, сохраняющихъ это званіе, къ ремесленной и даже крестьянской работѣ. Спросите, когда они начали пахать землю; вѣроятно, съ реформы Петра. Они сдѣлались мужиками изъ ненависти къ нововведеніямъ, къ службѣ. Это понятно. Они полагали въ этомъ свою честь, свое благородство. Но чтобъ эти дворяне принимались за крестьянскую работу въ послѣднее время, это весьма сомнительно; по крайней мѣрѣ, мы не знаемъ тому почти ни одного примѣра.

Кончивъ наши объясненія по поводу разныхъ вопросовъ, въ которыхъ рецензентъ не соглашается съ нами, мы смѣло объявляемъ, что составили себѣ о нихъ мнѣніе по нашему крайнему разумію, и приложили стараніе, чтобы представить читателямъ что-нибудь связное и послѣдовательное. Такъ ли поступилъ рецензентъ, сомнѣваемся; мы увѣрены, что онъ могъ бы сдѣлать гораздо лучше. Рецензія его носитъ сѣбѣ весьма поспѣшной работы, и изобилуетъ противорѣчіями. То авторъ соглашается съ нами въ томъ, что чины произвели страшный наплывъ людей въ службу, который наконецъ произвелъ русскихъ пролетаріевъ, *неспособныхъ ни къ чему* кромѣ службы и оставленныхъ безъ службы (стр. 910, столб. 1); то говоритъ, что у насъ дѣлалъ речотатой уголъ, и что остановка только за тѣмъ чтобы большавству этихъ (*неспособныхъ ни къ чему*) пролетаріевъ открыть путь къ богатствамъ страны, что пособія не могутъ быть обременительными, и что тогда въ пролетаріатѣ останутся только лѣндивые (а неспособные-то?). Такъ вотъ оно что, г. рецензентъ! Давъ на счетъ общества, то-есть народа платящаго подати, образованіе, приходится еще на его

же счетъ снабжать воспитанныхъ такимъ образомъ людей капиталами для какихъ-то дѣлъ, между тѣмъ какъ они, по собственному вашему мнѣнію, ни къ чему неспособны. Предложеніе это само по себѣ столь сильный аргументъ противъ существующей системы, что одного его довольно чтобы поставить ее во главу экономическихъ и административныхъ неурядицъ, о которыхъ вы говорите.

Въ заключеніе, мы позволимъ себѣ сдѣлать одво замѣчаніе: хотя рецензентъ и называетъ насъ англоманомъ, но мы далеко не все желали бы перенимать у Англичанъ. Чтобы не идти далеко, мы находимъ очень вредными перенятые у нихъ большой форматъ нашихъ газетъ и обычай ихъ сотрудниковъ, по большей части, не подписывать своихъ статей. Мы еще не такъ богаты содержаніемъ и мыслію, чтобы наши журналы, расширяясь въ объемъ, не теряли отъ этого въ качествѣ, и сверхъ того, намъ не сравниться съ иностранными писателями, у которыхъ умственные способности до того развиты старинною цивилизаціею, правильнымъ обученіемъ и политическою жизнію, что они пишутъ большія, зрѣло обдуманная статья, легко, безъ малѣйшаго напряженія. Это было уже замѣчено Бѣлинскимъ; упомянувъ о чрезвычайной дѣятельности французскихъ писателей, онъ восклицаетъ: „какъ они это дѣлаютъ,—я, русскій человекъ, не понимаю и никогда не пойму. Говорятъ, что это отъ того что трудъ и занятіе составляютъ для Европейца такое же необходимое условіе жизни какъ воздухъ, — нѣтъ больше чѣмъ воздухъ, какъ дѣнь и бездѣйствіе для русскаго человека.“ Вотъ отъ этого-то безыменныя статьи нашихъ журналовъ рѣдко удаются. Кто изъ насъ Русскихъ станетъ крѣпко трудиться и ломать себѣ голову надъ статьею, когда можно спустить ее съ рукъ подъ фирмою редакціи, существа безличнаго, и у котораго поэтому въ буквальномъ смыслѣ: *брань на воротахъ не виснетъ*. Славная выдумка, сказалъ бы Бѣлинскій, не подписывать статей! Вѣчная память тому, кто ее изобрѣлъ! съ нею ремесло сотрудника въ журналъ такъ легко, и не обязываетъ ни къ труду, ни къ послѣдовательности: все ни почемъ! Вообще непослѣдовательность и совершенное пренебреженіе законовъ здравой логики доходятъ у многихъ изъ нашихъ писателей до невѣроятности; есть даже такіе, которые гордятся этимъ. Читатели наши, можетъ-быть, еще не за-

были какъ въ одномъ очень извѣстномъ журналѣ хвалились тѣмъ, что гг. редакторамъ часто случается въ концѣ статьи отрицать то, что доказывалось вначалѣ. Казалось, нельзя было позволить себѣ болѣе язвительной насмѣшки, болѣе оскорбительнаго ругательства надъ здравымъ смысломъ своихъ читателей: но какъ этотъ и подобные ему журналы продожали расходиться и читаться, то невольно приходишь къ заключенію, что публика не обладаетъ достаточнымъ запасомъ здраваго смысла, для того чтобъ этимъ обидѣться, а что напротивъ упомянутые журналы представляютъ въ себѣ вѣрный отпечатокъ умственнаго развитія нашей образованной, или чтобы выразиться вѣрнѣе, нашей читающей публики въ настоящее время.

Отсутствіе правильной, логически развитой мысли въ писателяхъ есть величайшее общественное зло, или лучше сказать, это корень всѣхъ золъ. Если такъ мыслить писатели, то публика и подавно; и это должно отразиться во всей нашей жизни, какъ частной, такъ и общественной. У насъ логика далеко еще не вступила въ свои права: человѣкъ тогда только слыветъ умнымъ, когда онъ острякъ, или *homme d'infiniment d'esprit*, а о логичности, твердости, объемѣ его ума никто и не помышляетъ, какъ будто все дѣло умнаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы поболтать въ гостивыхъ, или пожалуй хотя бы въ журналахъ. Кто умѣетъ слегка поговорить и написать обо всемъ, тотъ считается на все способнымъ. Не такъ думаютъ о логикѣ Европейцы. Въ Англіи, напримѣръ, по свидѣтельству доктора Юэля¹, люди гораздо болѣе сердятся, когда ихъ обличаютъ въ недостатокъ логики чѣмъ въ ложныхъ мнѣніяхъ—, ибо даже и мелочныя этого рода ошибки, говорить онъ, обличаютъ недостатокъ умственнаго образованія: въ мірѣ литературы и мышленія, онъ тоже что въ обществѣ ошибки противъ общихъ правилъ воспитанія. Одна ошибка противъ логики можетъ послужить уликой, что говорящій или пишущій не имѣетъ яснаго понятія о силѣ доказательствъ; и судъ тутъ коротокъ, онъ уже

¹ О началахъ англійскаго воспитанія, доктора Юэля (Whewell), переводъ съ англійскаго Е. Попова, стр. 8.

низко падаетъ въ глазахъ тѣхъ, которые умѣютъ развивать свои мысли ясно, связано и послѣдовательно.“

Что еслибы составилось общество для критическаго разбора и анализа журнальныхъ статей, въ которыхъ слишкомъ явно пренебрегаютъ логикой и здравымъ смысломъ? Вѣдь полезная и претолстая бы вышла книга,—настоящая логическая *какографія!*

Д. СКУРАТОВЪ.

РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ ПОДАТЕЙ.¹

4. О подати съ дохода.

Подать съ дохода, то-есть подать установленная въ соразмѣрности съ доходами каждаго, какъ самая рациональная, съ давняго времени обращаетъ на себя вниманіе правительствъ и экономистовъ, и если она не получила еще бóльшаго развитія, то, по нашему мнѣнію, это происходитъ не столько отъ недостатковъ въ самой природѣ этой подати, сколько отъ несоответственности способовъ принужденныхъ для ея основанія. Въ теоретическомъ отношеніи, подать съ дохода можетъ быть почитаема самою уравнительною, а слѣдовательно справедливою, и нѣтъ сомнѣнія, что еслибъ она не встрѣчала важныхъ затрудненій въ исполненіи, то должна бы господствовать повсемѣстно.

Точное приведеніе въ извѣстность доходовъ частныхъ лицъ есть камень преткновенія этой системы. Еслибы ограничиваться показаніями дохода, которыя дѣлаются самими

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 8 и 10.

плательщиками, то это могло бы вести къ скрытію доходовъ съ цѣлю уклониться отъ подати; прибѣгать къ мѣрамъ строгихъ разысканій значило бы давать поводъ къ важнымъ неудовольствіямъ, тѣмъ болѣе что подобныя разысканія, уже сами собою неприятыя, могутъ сдѣлаться весьма тягостными отъ способа ихъ исполненія. Причины эти, дѣйствуя въ особенности сильно въ странахъ мало просвѣщенныхъ, гдѣ понятія о необходимости податныхъ сборовъ не довольно укрѣплены и гдѣ уклоняться отъ подати не почитается поступкомъ предосудительнымъ и вреднымъ для общества, препятствуютъ развитію системы подоходныхъ податей.

Главное затрудненіе этой системы заключается въ рѣшеніи слѣдующей задачи: какимъ образомъ дать подати такое основаніе, которое, ограждая правительство отъ ущерба, предупреждало бы вмѣстѣ съ тѣмъ неприятыя происходящія отъ приведенія въ извѣстность плательщичьихъ средствъ.

Г. Пасси находитъ лучшимъ основаніемъ для подоходной подати мѣру расходовъ частныхъ лицъ, полагая что цифра расходовъ можетъ быть указателемъ средствъ каждаго. Въ теоретическомъ отношеніи нельзя не согласиться съ подобнымъ мнѣніемъ, и мы не признаемъ важности за возраженіемъ, что многіе расходуютъ не соразмѣрно доходамъ. Возраженіе это въ сущности справедливо, и дѣйствительно, мы видимъ нерѣдко разительные тому примѣры, но это только случайности, и онѣ не важны въ сравненіи съ общею цифрой доходовъ и тратъ всякой страны, слѣдовательно не могутъ опровергать логической строгости той истины, что въ нормальномъ положеніи дѣль общая цифра расходовъ страны никакъ не можетъ превышать средствъ ея, ибо противное тому вело бы прямымъ путемъ къ банкротству. Равномѣрно трудно было бы возражать на мнѣніе г. Пасси, что расходъ частныхъ лицъ на квартиру или помѣщеніе можетъ быть указателемъ средствъ ихъ, потому что онъ обыкновенно соразмѣряется съ доходами каждаго. Слѣдовательно, основать на немъ подоходную подать было бы согласно бѣ тѣмъ, чего требуетъ условіе уравнительности.

Конечно, могутъ случиться исключенія: найдутся богатые живущіе по скупости въ скудныхъ помѣщеніяхъ, и они

уклоняются отъ доли причитающейся съ нихъ подати; этому пособить невозможно, подобно тому какъ нельзя воспрепятствовать уклоненію отъ податей лежащихъ на различныхъ предметахъ потребленія, если кто по скупости рѣшится совершенно отказывать себѣ въ предметахъ облажаемыхъ податью; съ другой стороны, найдутся люди поставленные въ необходимость занимать помѣщенія несообразныя съ ихъ состояніемъ, или по причинѣ многочисленнаго семейства, или по природѣ промысла которымъ занимаются. Они, по мнѣнію г. Пасси, должны быть освобождены отъ лишней доли падающей на нихъ подати. Онъ полагаетъ возможнымъ достичь этого, установивъ разряды подати взимаемой съ помѣщенія, соответствующіе столькимъ же разрядамъ состоянія, съ тѣмъ что если кто вынужденъ обстоятельствами платить за квартиру не въ соответствии разряда, подъ который подведено его состояніе, то можетъ быть освобожденъ отъ излишней доли подати, по удостовѣренію о дѣйствительной мѣрѣ состоянія.

Г. Пасси заключаетъ, что подобное средство не представляя сложности въ исполненіи, примѣнялось бы безъ затрудненія ко всѣмъ исключеніямъ указываемымъ необходимою; правительство не было бы вынуждено требовать отъ всѣхъ показанія о ихъ состояніи или же прибѣгать къ средствамъ разысканій; наконецъ, самое взиманіе подати, не требуя ни сложной отчетности, ни обширной администраціи, представляло бы выгоду и въ этомъ отношеніи.

Въ теоретическомъ отношеніи нельзя не отдать справедливости взгляду г. Пасси; мы однако думаемъ, что предлагаемая имъ исключенія не только ослабляютъ силу системы, но могли бы въ практикѣ повести къ неудобствамъ также тѣхъ, которыхъ онъ желаетъ избѣгнуть. Правда, гораздо удобнѣе предоставить доказывать степень состоянія тому кто самъ того пожелаетъ, нежели дѣлать разысканіе о состояніи всѣхъ; правда, самолюбіе можетъ удерживать многихъ отъ скрытія состоянія, оно могло бы дѣйствовать на многихъ въ направленіи противномъ, и согласно съ этимъ, можно полагать, что многіе пожелали бы лучше можетъ-быть уплачивать лишнюю подать нежели дать невыгодное мнѣніе о своемъ состояніи; но съ другой стороны, исключенія, о которыхъ говоритъ г. Пасси,

могли бы сдѣлаться столь многочисленны, что при нихъ самое правило потеряло бы свою силу и значеніе, и показанія о состояніи, хотя въ началѣ и добровольныя, могли бы принять характеръ непріятныхъ разысканій, какъ по необходимости предъявленія доказательствъ, такъ и по способу ихъ повѣрки; наконецъ, если допустить въ нѣкоторыхъ лицахъ желаніе скрывать свое состояніе подъ видомъ допущенныхъ исключеній, то нѣсколько удачныхъ примѣровъ подобнаго злоупотребленія могли бы увлечь за собою многихъ и дать ему обширные размѣры.

По всемъ этимъ причинамъ, мы находимъ, что планъ г. Пасси былъ бы удобнѣе безъ допущенія предлагаемыхъ имъ исключеній. Вмѣстѣ съ тѣмъ, полагаемъ также, что вѣроятно со временемъ наука и опытъ укажутъ средства для отклоненія затрудненій встрѣчаемыхъ въ исполненіи системы подобной подати, и надѣемся, что по справедливости своей, она не перестанетъ быть предметомъ особеннаго вниманія всѣхъ, ибо начало ея состоитъ въ томъ, чтобы требовать со всѣхъ на общественныя нужды по мѣрѣ дѣйствительныхъ способовъ каждаго.

Адамъ Смитъ не имѣлъ въ виду разсматриваемой нами системы. Онъ разсуждалъ только о податяхъ взимаемыхъ съ доходовъ различнаго свойства отдѣльно. Прибавимъ, что онъ находилъ неудобными всякія разысканія о средствахъ и состояніи частныхъ лицъ.

Макъ Коллохъ, болѣе чѣмъ другіе англійскіе писатели, разсматривалъ и обсуждалъ всѣ стороны системы подати съ дохода. Вотъ его главныя по этому предмету соображенія:

По его мнѣнію, при сказанной системѣ, за основаніе подати можетъ быть принимаема или собственность, или доходъ съ собственности. Принимать за основаніе доходъ онъ полагаетъ затруднительнымъ; принимать же собственность—почти невозможнымъ. Въ послѣднемъ случаѣ, необходимо дѣлать оцѣнку собственности. При оцѣнкѣ недвижимой и мануфактурной собственности нерѣдко встрѣтятся цѣнности такого рода, причисленіе которыхъ къ капитальной цѣнности или къ оборотному капиталу можетъ представиться одинаково сомнительнымъ. Съ другой стороны, оцѣнка частнаго имущества можетъ быть принята за мѣру дѣйствительнаго достоянія въ томъ только случаѣ,

если оно не обременено какими-либо обязательствами; следовательно, тутъ необходимо было бы приводить и посылка въ положительную извѣстность. За симъ, предположивъ даже, что приведенныя выше затрудненія устранены успѣшно, мы встрѣтимъ другія не менѣе важныя. Напримеръ, при одинаковой процентной цифрѣ разныхъ видовъ собственности, доходъ съ каждаго изъ нихъ можетъ быть весьма различный, а при различіи дохода назначить съ нихъ подать въ одинаковой мѣрѣ было бы несправедливо и противно условію уравнительности; следовательно, при основаніи подати не довольно имѣть въ виду одну только собственность, а необходимо принимать въ соображеніе и ея доходность.

Кромѣ того, Макъ-Коллохъ приписываетъ подати съ собственности невыгодное моральное вліяніе. Съ одной стороны, она ведетъ къ укрывательству, къ обману; съ другой же, можетъ удерживать капиталы отъ такихъ помѣщеній, при которыхъ они, находясь болѣе на виду, могутъ подлежать повѣркѣ, а это можетъ имѣть неблагоприятное вліяніе на развитіе нѣкоторыхъ отраслей промышленности.

Нѣкоторые полагаали, что слѣдовало бы облагать податью одну только ту собственность, доходъ которой, употребляясь на удовлетвореніе потребностей жизни частныхъ лицъ, можетъ быть почитаемъ чистымъ доходомъ. Называя подобную собственность *реализованною*, они брали за примѣръ ея свободныя отъ всякихъ обязательствъ земли, дома, публичныя фонды и тому подобное, и за симъ заключали, что всякая собственность находящаяся въ оборотѣ (не реализованная), должна быть свободна отъ подати. По мнѣнію Макъ-Коллоха, подобное ограниченіе подати было бы несправедливо и вело бы къ послѣдствіямъ важнѣе тѣхъ, какихъ должно ожидать отъ распространенія подати на всякую собственность. И въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ причины полагать, что доходы съ собственности исчисленныхъ выше видовъ (земли, дома, фонды) имѣютъ характеръ чистаго дохода; напротивъ, за исключеніемъ рѣдкихъ только случаевъ, владѣющіе подобною собственностью, не исключая землевладѣльцевъ, приобретаютъ ее изъ видовъ дать капиталамъ производительное употребленіе, и управляя ими сами, имѣютъ характеръ промышленниковъ, а не людей пользующихся безъ труда чистыми доходами.

Возьмемъ для примѣра два лица, каждое съ капиталомъ въ 50.000. Одно изъ нихъ можетъ приобрести недвижимое имѣнiе, а другое пароходъ. Справедливо ли будетъ, облагая податью первого, освободить отъ нея послѣдняго? Если возразить, что взятая для примѣра собственность имѣетъ природу совершенно различную, что земля имѣетъ характеръ прочности, тогда какъ пароходъ можетъ существовать только извѣстное время, и что по этой причинѣ слѣдовало бы облагать преимущественно землю, то не отвергая справедливости подобнаго замѣчанiя, можно привести противъ него то, что если поземельная собственность доставитъ не болѣе 2.000 дохода, то пароходъ можетъ приносить не менѣе 5.000 или 6.000, и что капиталъ употребленный на покупку парохода, возвращаясь постепенно, по истеченiи извѣстнаго времени, дѣлается неприкосновеннымъ и столько же солиднымъ какъ и поземельная собственность, несмотря на то, что пароходъ не имѣетъ прочности земли. Слѣдовательно, если облагать податью землю, то вѣтъ причины дѣлать изъятiе для парохода.

Наконецъ, что такое реализованная собственность? И много ли найдется собственности свободной отъ всякихъ обязательствъ? Рѣшенiе подобныхъ вопросовъ можно считать недоступнымъ для практики. Слѣдовательно, справедливо будетъ заключить, что принимая за основанiе подати достоянiе, лучше облагать всякую безъ исключенiя собственность.

Впрочемъ Макъ Коллохъ полагаетъ, что неудобства подати съ собственности бываютъ всегда соразмѣрны окладу подати. Подобно мышьяку, говоритъ онъ, подать эта можетъ быть безвредною лишь при весьма скромныхъ размѣрахъ. Итакъ, если допустить, что при опредѣленiи ея въ размѣрѣ 1-го процента, она не даетъ повода къ укрывательству, то при опредѣленiи ея въ 5, 10 или 15 процентовъ она могла бы повести къ важнымъ неудобствамъ.

Всѣ эти соображенiя, развитыя съ большою подробностью въ сочиненiи Макъ Коллоха *Taxation and Funding*, приводятъ его къ окончательному заключенiю, что невозможность вводить въ точную извѣстность достоянiя частныхъ лицъ можетъ сдѣлать подать основанную на собственности весьма неуразумительною, и что та же подать, если только она не будетъ самыхъ скромныхъ размѣровъ, окажетъ вредное влiянiе на нравственность и на промышленность.

Отъ налога на собственность Макъ-Коллохъ переходитъ къ соображеніямъ на счетъ подати съ дохода. Эта послѣдняя, по мнѣнію его, можетъ съ перваго взгляда казаться весьма уравнительною, ибо основана на мысли требовать съ каждаго по мѣрѣ его средствъ, но имѣетъ также важныя неудобства.

Будучи основана на доходѣ, она болѣе справедлива чѣмъ подать съ достоянія; она не можетъ разстраивать ихъ въ той мѣрѣ въ какой разстроитъ ихъ подать съ собственности взимаемая безъ вниманія къ тому, приноситъ ли имѣніе какой-либо доходъ или нѣтъ, и взыскиваемая даже съ собственности не имѣющей вовсе производительнаго назначенія.

Приводить въ извѣстность доходы частныхъ лицъ затруднительно, но эти затрудненія можно предполагать по крайней мѣрѣ равносильными тѣмъ, какія представляетъ приведеніе въ извѣстность ихъ достоянія; слѣдовательно упомянувъ только о нихъ, обратимся къ затрудненію собственному исключительно системѣ основанія подати на доходѣ. Предположивъ даже, что доходы приведены въ точную извѣстность, было бы несообразно облагать податью въ одинаковой мѣрѣ доходы различной природы. При одинаковой цифрѣ двухъ доходовъ, одинъ изъ нихъ, какъ напримѣръ процентъ съ капитала, имѣетъ характеръ постоянности, другой какъ напримѣръ пожизненный пенсіонъ, или доходъ артиста, учителя и тому подобное, прекращается съ его жизнью. Владѣлецъ капитала можетъ смотрѣть на получаемые имъ проценты какъ на прочный доходъ, который перейдетъ безъ измѣненія къ наследникамъ, тогда какъ артистъ или учитель должны сохранить часть своего дохода для обезпеченія будущности потомства. При подобныхъ условіяхъ, несмотря на одинаковую цифру дохода всѣхъ этихъ лицъ, несправедливо было бы облагать ихъ одинаковою податью.

Нѣкоторые полагали, что по этому уваженію пожизненные доходы должны быть вовсе освобождены отъ подати. Макъ Коллохъ опровергаетъ подобное предположеніе, но въ самомъ приведенномъ выше соображеніи онъ скорѣе видитъ причину отвергнуть всю систему подати съ дохода, нежели побужденіе къ изытію нѣкоторыхъ доходовъ изъ общаго правила.

Обложеніе податью доходовъ дѣлается еще болѣе затруднительнымъ въ отношеніи къ тѣмъ капиталистамъ, которые сами даютъ производительное употребленіе своимъ капиталамъ. Возьмемъ для примѣра владѣльца какой-либо мануфактуры; доходъ его можетъ быть отнесенъ къ двумъ началамъ различной природы: одна часть дохода можетъ быть отнесена къ проценту съ капитала,—другая къ вознагражденію за труды, искусство и промышленность. Первая часть дохода имѣетъ характеръ постоянности, вторая—характеръ дохода временнаго и личнаго. Слѣдовательно, каждая изъ нихъ должна бы быть принята для основанія подати въ различной степени.

Наконецъ, если экстраенныя обстоятельства ставятъ въ необходимость устанавливать подать съ дохода, то нужно опредѣлить наименьшую цифру дохода, который можно облагать податью; иначе подать коснулась бы доходовъ едва только достаточныхъ для удовлетворенія первыхъ потребностей жизни. Впрочемъ Макъ-Коллохъ, находя затруднительнымъ опредѣленіе цифры дохода, съ которой можно начинать взиманіе подати, полагаетъ что справедливость требовала бы облагать податью доходы всякаго рода. Онъ посвящаетъ особую главу соображеніямъ на счетъ подати съ рабочаго класса (Chapter III. Taxes on wages) и говоритъ особо о платѣ за работу и особо о деньгахъ зарабатываемыхъ срочною службою у частныхъ лицъ. Не отвергая положительнымъ образомъ подати съ рабочаго класса, онъ высказываетъ однако мнѣніе, что лучше не ставить ихъ въ необходимость измѣнять образъ ихъ жизни и привычки, которыя находятся въ прямомъ отношеніи съ заработанными деньгами.

Соображенія Макъ-Коллоха по этому предмету имѣютъ характеръ англійской школы, къ которой онъ принадлежитъ самъ. Въ нихъ вообще болѣе или менѣе неблагопріятны системѣ подати съ дохода и отдають преимущество косвеннымъ податямъ передъ прямыми. Строгій приверженецъ своей школы, Макъ-Коллохъ утверждаетъ, что самую неудобную подать съ расхода онъ предпочитаетъ самымъ лучшимъ образомъ основанной подати съ дохода. Первымъ, то есть податямъ съ расхода, онъ отдаетъ преимущество какъ по несложности ихъ взиманія, такъ и по готовности, съ которою онъ уплачиваются почти незамѣтно для публики

Мы уже говорили въ нашей первой статьѣ о системахъ подати *пропорціональной* и *прогрессивной*. Всѣ приведенныя тамъ общія соображенія могутъ быть прямо примѣнены къ подоходной подати. Остается только указать, что говоря здѣсь о подати съ дохода, мы не имѣли въ виду подати *единственной*, которую нѣкоторые современные экономисты полагаютъ возможнымъ замѣнить всѣ подати существующія нынѣ подъ различными названіями. Этой единственной подати мы посвятимъ особое изложеніе въ концѣ нашего труда. Тутъ мы имѣли въ виду только ту подать съ дохода, которая принята въ различныхъ финансовыхъ системахъ, составляетъ лишь известную часть публичныхъ доходовъ и взимается на ряду съ другими податями прямыми и косвенными.

5. О подати съ различныхъ званій.

Такъ называемыя *патентныя пошлины* бываютъ двоякаго рода: одніе даютъ привилегію на нѣкоторыя отрасли промышленности или торговли, другія даютъ право на занятія, требующія известнаго учебнаго приготовленія. Нѣкоторые писатели относятъ первый родъ патентныхъ пошлинъ къ податямъ, которыми облагаются предметы потребленія. Не дѣлая возраженій противу подобаго раздѣленія, мы помѣщаемъ ихъ въ числѣ патентныхъ пошлинъ собственно потому, что внесшему пошлину этого рода дается обыкновенно патентъ или свидѣтельство, съ которыми сопряжены нѣкоторыя привилегіи.

Эта подать либо можетъ быть установлена соразмѣрно обширности промысла или торговли, либо можетъ взиматься одинаково съ каждаго лица, заявляющаго намѣреніе заниматься промысломъ или торговлей. Хотя въ обоихъ случаяхъ она падаетъ на потребителей, но въ послѣднемъ случаѣ она бываетъ несоразмѣрною и обращается въ тягость для мелкой промышленности. Напримеръ, подать, взимаемая одинаково съ каждаго публичнаго экипажа, будетъ совершенно уравнительною и соразмѣрною обширности промысла, одинокъ ли экипажъ или десять ихъ содержать извозчикъ-хозяинъ; напротивъ, однообраз-

ная подать взимаемая за право продажи враздробь вина или пива будетъ фаворизировать ведущихъ обширную продажу этихъ предметовъ. Подобное же дѣйствіе имѣла бы подать, установленная съ каждой лавки; очевидно, что она была бы тяжелее для бѣдной лавки чѣмъ для богатаго магазина, а при нѣкоторой возвышенности она заставила бы мелкихъ торговцевъ закрыть свою торговлю, и это обратилось бы въ прямую выгоду тѣхъ купцовъ, которые богаче.

Привилегіи, относящіяся къ нѣкоторымъ отраслямъ промысла, могутъ иногда подлежать отказу. Въ этихъ случаяхъ патенты, независимо отъ подати, составляютъ полицейскую мѣру, устанавливаемую въ видахъ публичнаго интереса. Подъ этотъ разрядъ подходитъ отказъ въ открытіи кабаковъ сверхъ дозволеннаго числа, или отказъ въ открытіи ихъ въ мѣстахъ, гдѣ это можетъ быть противно приличію или благочинію.

Во Франціи, уплачивающій патентную пошлину облагается еще другою податью, соразмѣрною платѣ за квартиру. При этомъ имѣется въ виду сдѣлать подать соразмѣрною выгодамъ промышленника, получившаго патентъ; предполагается, что всякій занимаетъ помещеніе соразмѣрное своимъ средствамъ, и что магазины, склады и мастерскія слѣдуютъ тому же правилу. По этой же причинѣ и тарифъ патентной пошлины соразмѣрняется, обыкновенно, съ народонаселеніемъ городовъ. Въ малыхъ городахъ онъ устанавливается гораздо ниже чѣмъ въ большихъ. Подобные разряды весьма справедливы: цифра народонаселенія опредѣляетъ мѣру движенія промышленности всякаго рода и быта произведеній, а слѣдовательно и выгодъ, получаемыхъ промышленниками и торговцами.

Неудобство патентныхъ пошлинъ состоитъ въ томъ, что трудно сдѣлать ихъ уравнительными. Онѣ имѣютъ въ виду обложить податью каждый промыселъ по мѣрѣ его доходности, а это весьма затруднительно. Низшія по тарифу пошлины, доступныя для значительнаго числа людей съ небольшими средствами, бываютъ однакоже для нихъ болѣе тягостны нежели высшіе оклады для богатыхъ промышленниковъ, и подать, собираемая съ мелочныхъ торговцевъ, составляетъ сравнительно болѣе значительную часть ихъ дохода, нежели подать съ негоціантовъ и банкировъ. Эти

несоразмѣрности, весьма замѣтныя между различными разрядами тарифа, дѣлаются еще болѣе значительными между лицами, подведенными подъ одинъ разрядъ тарифа и очевидно, что избѣгнуть ихъ невозможно.

Впрочемъ, неудобство это смягчается, по крайней мѣрѣ, въ отношеніи самыхъ лицъ, вносящихъ патентную пошлину, тѣмъ что, собственно говоря, они дѣлаютъ правительству только авансъ. Пошлины эти, какъ издержки нераздѣляемыя съ промышленностью, падаютъ окончательно на потребителей, потому что, для возврата уплаченныхъ пошлинъ, промышленникъ возвышаетъ цѣну своимъ произведеніямъ; но съ другой стороны, эти пошлины невыгодны для потребителей, въ особенности когда ложатся на предметы первой необходимости; тогда подать становится бременемъ для бѣднаго класса, класса самаго многочисленнаго, и употребляющаго не безъ усилія всѣ свои средства для удовлетворенія только неизбѣжнымъ потребностямъ жизни.

Остается сказать нѣсколько словъ о подати, взимаемой съ нѣкоторыхъ званій, сопряженныхъ съ учебнымъ образованіемъ. Обыкновенно подать эта взимается за допущеніе къ занятіямъ, доставляющимъ выгоды, но вмѣстѣ съ тѣмъ требующимъ приготовленія, какъ то къ занятіямъ медика, адвоката и тому подобное. Выдаваемый при семъ случаѣ патентъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ удостовѣреніемъ и залогомъ въ надлежащемъ приготовленіи уполномоченнаго къ практикѣ.

Нѣкоторые писатели, а въ особенности Ескиру де-Парю (Esquirou de Parieu), называютъ случайными (*impôts accidentels*) не только подать съ званія, но и слѣдующія, о которыхъ мы говоримъ вслѣдъ за симъ, какъ-то: подать съ права на наследство, со сдѣлокъ при переходахъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія и гербовый сборъ.

Всѣ эти подати различествуютъ способомъ взиманія отъ податей, которыми облагаются предметы потребленія: послѣднія взимаются или съ производителя или съ продавца, тогда какъ первыя, касаясь собственно нѣкоторыхъ факторовъ человеческой жизни, не имѣющихъ прямой связи съ обыкновеннымъ потребленіемъ, взимаются только при помянутомъ этихъ факторовъ.

6. О подати съ права на наслѣдство.

Подать съ права на наслѣдство взимаетъ въ пользу правительства часть болѣе или менѣе значительную достоянiя переходящаго отъ одного лица къ другому по наслѣдству или по дарственнымъ записямъ.

Г. Пасси полагаетъ, что эта подать болѣе чѣмъ другія подати падаетъ непосредственно на плательщика, потому что лицу обложенному этою податью никакъ невозможно отнести ее на счетъ третьяго лица.

Съ экономической точки зрѣнiя, подать эта не представляетъ неудобствъ, ибо она основана на увеличенiи состоянiя, на которое она производитъ только временное дѣйствiе, и при томъ не касаясь того состоянiя, которымъ плательщикъ пользовался до полученiя наслѣдства. Для этого нужно одно условiе: нужно чтобы подать могла быть уплачена изъ доходовъ самаго наслѣдства. Иначе, ложась на прежнее достоянiе наслѣдующаго, она могла бы разстроить его равнѣе чѣмъ сбудутся для него виды увеличенiя состоянiя отъ наслѣдства.

При подати этого рода затрудненiе представляется въ опредѣленiи точной оцѣнки имущества составляющаго наслѣдство, въ особенности, какъ это по большей части бываетъ, если на немъ лежатъ какiя-либо обязательства. Такъ во Францiи принято правиломъ взимать подать съ оцѣнки всего имущества не обращая вниманiя на лежащiя на немъ долги, отъ которыхъ, однако, зависитъ вся важность наслѣдства. Правило это, имѣющее въ виду предупрежденiе подлоговъ и злоупотребленiй, дѣлаетъ подать весьма несообразною. Согласно съ этимъ правиломъ, получающiй наслѣдство съ обязательствами платитъ столько же какъ получающiй такое же наслѣдство безъ всякихъ долговъ, несмотря на то, что первое можетъ много уступать послѣднему въ дѣйствительной важности. Предположимъ для примѣра наслѣдство въ 500.000 франковъ, на которомъ находится обязательствъ до 450.000 фр. Очевидно, что доля дѣйствительнаго наслѣдства будетъ состоять изъ 50.000

франковъ. Согласно французскому закону, считая подать со всего состоянія, приходится съ 500.000 ввести 32.500 франковъ. Но въ то же время другое лицо можетъ получить наслѣдство одѣненное также въ 500.000 франковъ, и свободное отъ всякихъ обязательствъ; это послѣднее лицо внесетъ подати также 32.500 фр., то-есть ту же сумму, что и первое, но за наслѣдство въ десять разъ значительнѣйшее.

Окладъ подати съ права на наслѣдство соразмѣряется обыкновенно со степенью родства служащаго основаніемъ наслѣдству. Это узаконеніе принято во всѣхъ почти европейскихъ странахъ, и одно уже это согласіе законодательства можетъ быть порукою его справедливости, равно какъ и справедливости самой подати обязывающей къ пожертвованію, по мѣрѣ того, какъ состояніе лица увеличивается и по мѣрѣ того, какъ было неожиданно полученное имъ наслѣдства.

Обыкновенно, прямые наслѣдники въ нисходящей линіи освобождаются отъ подати въ томъ вниманіи, что вступленіе ими во владѣніе наслѣдствомъ составляетъ какъ бы продолженіе права собственности родителей, котораго они были участниками при ихъ жизни. Нѣкоторые, однако, полагаютъ, что такъ какъ подати вообще нужны правительству для охраненія правъ собственности частныхъ лицъ и такъ какъ имущество составляющее наслѣдство обязано своимъ существованіемъ этому покровительству, то и дѣти наслѣдующія послѣ родителей не должны быть изъяты отъ платежа подати съ наслѣдства.

Тамъ, гдѣ существуетъ эта подать, правительство, сторожа за своими правами, устанавливаетъ извѣстный срокъ для предъявленія правъ на наслѣдство, и въ случаѣ просрочки, взыскиваетъ пени или лишаетъ даже права на наслѣдство.

По французскому закону, изданному въ 1850 году, подати съ наслѣдства опредѣлены въ слѣдующей соразмѣрности:

Степень родства.

На 100
двѣдичной и недвижимой
собственности.

фр. савт.

Въ прямой нисходящей линіи.	1	—
Между мужемъ и женою.	3	—

Между братьями и сестрами, дядею и теткою, племянниками и племянницами.	фр.	сант.
	6	50
Между двоюродными дѣдушками (grands oncles) и бабушками (grandes tantes), двоюродными внучатами (petits neveux et petites nièces), также двоюродными братьями и сестрами (cousins germains).	7	—
Между родными съ 5-го до 12-го колѣна.	8	—
Между лицами безъ всякаго родства.	9	—

Въ новѣйшее время французское законодательство, изыскивая всевозможныя средства для усиленія своего бюджета, старалось усовершенствовать правила относящіяся къ подати съ наследуемыхъ капиталовъ и всякой вообще движимости. Послѣдствія превзошли ожиданія правительства. Оно ожидало съ наследствъ не болѣе 27.000.000 франковъ, а между тѣмъ эта подать, постепенно возвышаясь со времени изданія новыхъ правилъ, доставила въ 1858 году:

Съ наследствъ въ прямой линіи.	19.362.068	франковъ.
— — между супругами.	8.415.007	—
— — при различныхъ степеняхъ родства.	34.225.435	—
Съ наследствъ между лицами безъ всякаго родства.	8.622.729	—
<hr/>		
Всего.	70.625.239	франковъ.

Въ Австріи и Пруссіи подать съ наследствъ соединена съ податью за гербовую бумагу. Въ Австріи наследники въ прямой линіи платятъ 1 процентъ, прочіе смотря по степени родства отъ 4 до 8 процентовъ. По исчисленію г. Рау, подать эта въ Австріи, съ 1853 по 1856 годъ, составляла среднимъ числомъ ежегодно 3.366.321 гульденовъ.

Англійское законодательство долго представляло странныя несообразности по предмету подати съ наследства; онѣ устранены были въ значительной части закономъ 4 августа 1853 г¹.

Подати съ наследствъ раздѣлялись на три разряда:

а) Подать съ доказательствъ (probate duties), взимаемая при наследованіи личной собственности по духовнымъ завѣщаніямъ.

б) Подать съ административныхъ грамотъ (administration

¹ Приводимыя здѣсь подробности англійскаго закона взяты нами изъ сочиненія Макъ Коллоха: *a Treatise on the Principles and practical influence of Taxation.*

letters), при наследовании личною собственностью без завѣщанія (ab intestato), наконецъ,

с) Подать съ легаций (legacy duties).

Последняя подать (legacy duties) ложится на собственность не подходящую подъ первые два разряда, а именно на реальную собственность, продажа которой назначена духовнымъ завѣщаніемъ и на суммы отказываемыя духовными завѣщаніями съ обезпеченіемъ ихъ на недвижимости. Нѣкоторыя наследства облагались одною только изъ упомянутыхъ податей, цѣны двумя, а цѣны вовсе свободны были отъ уплаты подати.

Первый разрядъ подати (probate duties), состоя изъ 2 процентовъ, соразмѣрялся до нѣкоторой степени съ цѣнностью имущества (примѣрно до цѣнности въ 2.000 ф. стерлинговъ). Выше этой цѣнности окладъ, понижаясь постепенно, останавливался наконецъ безъ измѣненія при наследствахъ въ миллионъ фунтовъ и выше сего.

Второй разрядъ (administration letters), состоя изъ 3-хъ процентовъ съ наследства въ 2.000 фунтовъ стерлинговъ, повышался для наследства высшей оцѣнки до 2-хъ на 100, а отъ миллиона и выше, онъ оставался неизмѣнно въ 22.500 фунтовъ.

Изъ сказаннаго видно, что Англія представляла въ одно время примѣръ двухъ податей соразмѣрившихся въ противоположномъ отношеніи съ достоинствомъ имущества, на которое ложились подати, а именно подать съ дохода, *income-tax*, установленная въ началѣ сего столѣтія, увеличивалась соразмѣрно достоянію, а подать съ наследства въ той же соразмѣрности уменьшалась. Несмотря на пристрастіе Макъ Коллоха къ аристократическому характеру англійскаго законодательства, онъ не могъ найти основанія для оправданія подобнаго противорѣчія тамъ, гдѣ должна бы господствовать одна общая система.

Приведенные выше первые два разряда подати взимались съ общей оцѣнки наследства, то-есть безъ вниманія къ лежащимъ на нихъ долгамъ.

Третій разрядъ, по мнѣнію Макъ Коллоха, былъ основательнѣе другихъ въ томъ, что соразмѣрялся съ важною наследства и степенью родства наследующаго. По тарифу онъ опредѣлялся по 1 проценту съ дѣтей наследующихъ послѣ родителей, и возрасталъ постепенно до 10

процентовъ сообразно съ отдаленностью родства. По завѣщаніямъ мужей и женъ, подать этого разряда не взималась вовсе, не взималась также по всѣмъ вообще завѣщаніямъ достоинства ниже 20 фунтовъ стерлинговъ.

Самый важный недостатокъ разсматриваемаго нами англійскаго законодательства, общій всѣмъ тремъ разрядамъ податей съ наслѣдства, состоялъ въ томъ, что подать не касалась недвижимыхъ имуществъ. По всему вѣроятію, это должно приписать англійскому уваженію къ безграничному праву распоряжаться реальною собственностію. Для устраненія этого недостатка Макъ-Коллохъ предлагалъ облагать одинаковою податію всѣ наслѣдства безъ различія ихъ происхожденія, природы и величины.

Законъ дѣйствующій нынѣ въ Ангаіи установленъ 4 августа 1853 года по предложенію министра Гладстона. Онъ опредѣляетъ подать со всѣхъ духовныхъ завѣщаній безъ различія природы имуществъ въ слѣдующихъ размѣрахъ.¹

Въ прямой нисходящей линіи также и восходящей . . .	1%
Между братьями и сестрами	3%
Если наслѣдуетъ потомство въ прямой линіи отъ брата или сестры, дѣда или бабушки	6%
Съ наслѣдствъ послѣ другихъ родственниковъ болѣе отдаленныхъ, также постороннихъ лицъ	10%

Законъ этотъ не увеличилъ доходовъ правительства въ той мѣрѣ какъ оно того ожидало. По истеченіи нѣсколькихъ лѣтъ доходъ съ этой статьи уменьшился не болѣе какъ на 500.000 фунтовъ. Именно, въ 1850 году подать *legacies* приносила 1.300.000 фунтовъ, а въ 1857 году она составила не болѣе какъ 1.865.257 фунтовъ. Г. Гладстонъ приписываетъ это той причинѣ, что недвижимости переходятъ въ Ангаіи по большей части въ наслѣдство дѣтямъ въ прямой линіи

¹ По важности предложенія г. Гладстона приводимъ собственныя его слова. Важность ихъ состоитъ въ томъ, что обложеніе податію недвижимой собственности составляетъ радикальное измѣненіе англійскаго законодательства: The proposition as it stands before the committee is as follows: That towards raising the supply to her Majesty the stamp duties payable by law upon, or for, or in respect of *legacies* shall be granted und made payable upon and for every succession to the beneficial enjoyment of any real and personal estate, or to the receipt of any portion or additional portion of the income or profits thereof that may take place upon or in consequence of the death of any person, under whatever title whether existing or future such succession may be derived.

всѣхъ родителей и что онѣ обложены самою незначительною податью, именно 1 процентомъ.

Заключимъ общимъ замѣчаніемъ, что въ тѣхъ государствахъ, гдѣ фискальная система получила обширное развитіе, и гдѣ становится затруднительнымъ увеличивать другія подати, подать съ наследствъ, а также вообще подати взимаемая при различныхъ переходахъ собственности отъ одного лица къ другому, могутъ еще открыть для правительства новыя средства. Примѣромъ извлеченія изъ этого источника значительныхъ средствъ служить финансовая исторія Франціи за послѣднія 50 лѣтъ.

7. О подати со сдѣлокъ при переходахъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія.

Подъ названіемъ подати со сдѣлокъ при переходахъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія мы разумѣемъ подать взимаемую съ цѣнности всякой недвижимости продаваемой, закладываемой или обмѣниваемой на другую, также съ капиталовъ и всякой движимости составляющей предметъ письменнаго акта, обязывающаго къ какой-либо уплатѣ.

Хотя съ перваго взгляда казалось бы что подать взимаемая съ продажи недвижимости падаетъ на покупателя, потому что онъ обязанъ къ ея взносу, но въ сущности она ложится на продавца, потому что всякій покупатель, разчитывая сколько дохода онъ можетъ ожидать отъ капитала употребляемаго на покупку имѣнія или другой недвижимости, причисляетъ подать къ расходамъ покупки и сбавляетъ ее съ продажной цѣны. Кроме того, обыкновенно, покупатель не бываетъ вынужденъ къ покупке въ такой мѣрѣ въ какой продавецъ можетъ быть вынужденъ къ продажѣ.

Для производительнаго употребленія частной собственности и для ея свободнаго обращенія необходима безопасность и топокровительство закона, которое охраняетъ права собственности, слѣдовательно, подать, взимаемую при обращеніи собственности, можно въ некоторымъ образомъ полагать возвратомъ за оказанное ей покровительство.

Но въ видахъ общественной пользы желательно, чтобы подать съ переходовъ собственности не была настолько высока, что ею затруднялись бы сказанные переходы. Къ продажѣ недвижимостей весьма часто вынуждаютъ или несостоятельность владѣльца или невозможность поддержать производительныя силы своей собственности, тогда какъ напротивъ покупки производятся обыкновенно въ видахъ производительнаго устройства и можно предполагать что покупатель имѣетъ нужная для того средства. Изъ этого можно заключить, что имѣнія при ихъ перепродажахъ обыкновенно переходятъ въ руки болѣе производительныя; но ожидаемая отъ сего польза можетъ потерять свое значеніе, если возвышенная подать будетъ стѣснять продажныя сдѣлки, или что все равно, станетъ непомѣрно уменьшать продажныя цѣны. Въ этомъ случаѣ владѣлецъ недвижимости, вмѣсто того чтобы охотно реализовать свою собственность и дать вырученному капиталу другое выгоднѣйшее для него назначеніе, будетъ приступать къ продажѣ только въ крайнихъ обстоятельствахъ. Однимъ изъ условій развитія земледѣлія и богатства сельскихъ хозяевъ полагается всевозможная свобода переходовъ собственности: все, что можетъ стѣснять эту свободу, слѣдуетъ считать противнымъ общественному интересу.

Подобнымъ же образомъ, неблагоприятно было бы облагать высокою податью переходы движимостей и капиталовъ, потому что кромѣ стѣсненія въ свободномъ обращеніи собственности, возвышенная подать даетъ поводъ къ изысканію средствъ уклоняться отъ ея уплаты, а это столько же вредно для правительства въ финансовомъ отношеніи, какъ и въ нравственномъ. При томъ слѣдуетъ замѣтить, что всѣ издержки при составленіи актовъ, а въ томъ числѣ и подать, ложатся окончательно на то изъ заинтересованныхъ лицъ, котораго финансовое положеніе болѣе стѣснено.

Обезпеченіе правъ собственности требуетъ, чтобы акты служащіе основаніемъ для переходовъ собственности могли быть во всякое время повѣряемы какъ въ отношеніи ихъ содержанія, такъ и въ отношеніи законной силы; для этого сказанные акты должны быть гласны. Этимъ соображеніямъ должно приписать установленіе во всѣхъ европейскихъ государствахъ нотаріальныхъ книгъ и обязательство явки

всякой подобной сдѣлки. Согласно съ этимъ, во Франціи подать установленная съ переходовъ собственности даже и носитъ названіе не подати, а *внесенія въ книгу* (*enrégistrement*).

Вездѣ за актами, служащими основаніемъ для перехода собственности отъ одного лица къ другому, признана необходимость гласности до такой степени, что только тѣ изъ нихъ, которые явлены и притомъ въ установленный закономъ срокъ, имѣютъ законную силу. Это весьма справедливо: иначе существованіе акта могло бы обнаружиться въ то время, когда нераздѣляемая съ нимъ послѣдствія возымѣла уже свою силу, а тогда гласность о дѣлѣ прошедшемъ и безвозвратно оконченномъ сдѣлалась бы бесполезною. Наконецъ, вездѣ явка актовъ и сдѣлокъ имѣетъ цѣлю обезпечить права лицъ заинтересованныхъ въ сдѣлкѣ, а также интересъ третьихъ лицъ, и при возникающихъ по сдѣлкамъ тяжбымъ дѣламъ, содѣйствовать рѣшенію споровъ между частными лицами. Все это тѣсно связано съ правами собственности и съ общественными интересами.

Необходимость того чтобы гражданскій законъ содѣйствовалъ въ нѣкоторыхъ событіяхъ человеческой жизни, не имѣющихъ ничего общаго съ собственностью и матеріальными интересами, дала поводъ къ обложенію податью фактовъ нераздѣльныхъ съ такими событіями, которыя опредѣляются вѣщными условіями или контрактами, какъ на примѣръ, контракты на бракосочетаніе и тому подобное. Кромѣ того облагаются иногда особою податью и самые акты о переходѣ собственности независимо отъ подати съ имущества, переходящаго отъ одного лица къ другому. Эта отдѣльная подать собственно съ акта, имѣетъ особый характеръ, то-есть характеръ подати за гербовую бумагу, и можетъ быть опредѣлена или безусловно въ равной мѣрѣ съ лицъ всякаго званія или условно, то-есть смотря по званію лицъ заинтересованныхъ въ актѣ.

Подать съ собственности, составляющей предметъ сдѣлки, обыкновенно соразмѣряется стоимости этой собственности. Во Франціи подать *enrégistrement* опредѣлена смотря по различнымъ условіямъ актовъ и самой собственности отъ $\frac{1}{4}$ до 5 процентовъ. Въ 1858 году цифра ея на бюджетѣ составляла слишкомъ 263 милліона франковъ (*enrégistrement, greffe, hypothèque, perceptions diverses*).

Въ нѣкоторыхъ странахъ, преимущественно въ Англіи, подать съ собственности при ея переходахъ обращена исключительно въ подать за гербовую бумагу. Въ финансовомъ отношеніи нѣтъ вовсе разницы, взимается ли извѣстный процентъ съ имущества при явкѣ сдѣлки въ нотаріальныя книги, или устанавливается для написанія ордѣки гербовая бумага различныхъ достоинствъ; но въ отношеніи гражданского закона существуетъ между этими двумя мѣрами большая разница, потому что только при явкѣ можетъ быть соблюдена гласность, о важности которой мы говорили выше. Явка опредѣляетъ самымъ положительнымъ образомъ не только время составленія документа, но и полное его содержаніе; ибо онъ вносится въ установленныя для того книги; подать съ гербовой бумаги не представляетъ этихъ удобствъ. Дабы предупредить составленіе документовъ заднимъ числомъ тамъ, гдѣ законы не обязываютъ къ ихъ явкѣ, нѣкоторые предлагаютъ готовить бумагу съ оттискомъ на ней того года, въ который писанъ документъ, но эта мѣра осторожности не вполне достигаетъ цѣли, ибо не предохраняетъ ни отъ поддѣлки гербовой бумаги, ни отъ употребленія листа сохраненнаго отъ прежняго времени съ умысломъ употребить его на составленіе документа заднимъ числомъ. Что же касается поддѣлокъ въ самомъ теченіи документовъ, то очевидно, что подать за гербовую бумагу, безъ явки, должна оказаться противъ этого злоупотребленія совершенно бессильною. Впрочемъ, мы должны прибавить здѣсь, что система гербовой бумаги можетъ быть соединена съ системою явки документовъ, хотя бы явка эта и не обязывала къ особой подаче. Этимъ способомъ могутъ быть достигнуты удобства гласности, и средство это вездѣ, гдѣ предстоитъ въ томъ надобность, внесено въ новѣйшіе законы.

Нѣкоторые, не признавая необходимости въ гласности актовъ, полагаютъ напротивъ, что во многихъ случаяхъ лучше оставлять въ тайнѣ сдѣлки относящіяся къ дѣламъ семейнымъ; но мы никакъ не раздѣляемъ этого мнѣнія.

Не входя въ дальнѣйшее разсмотрѣніе подробностей приложенія системы подати съ сдѣлокъ, мы укажемъ желающимъ ознакомиться ближе съ этимъ предметомъ на сочиненіе г. Рау, весьма замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ (*Rau Finanzwissenschaft*).

8. О подати со штемпеля и о гербовой бумаге.

Штемпельный сборъ имѣетъ въ сравненіи съ другими податями довольно свѣжее происхожденіе. Полагаютъ, что первая мысль о немъ подава была въ 1624 году въ Голландіи вслѣдствіе назначенія преміи за представленіе проекта новой подати, доходной для правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ не обременительной для общества. Быстрое увеличеніе числа сдѣлокъ, актовъ и разнаго рода обязательствъ по мѣрѣ возрастанія народонаселенія и развитія промышленности, подадо мысль обложить ихъ штемпельнымъ сборомъ, а приведеніе въ исполненіе этой мысли оказало не малое пособіе государственнымъ бюджетамъ.

Для взиманія этой подати, правительство требуетъ извѣстную плату съ каждаго листа бумаги употребляемой для письма или печати различныхъ актовъ, а въ знакъ взятой подати, дѣлаетъ на каждомъ листѣ оттискъ штемпеля установленнаго достоинства.

Во многихъ странахъ эта подать распространена на періодическіе журналы, брошюры, паспорта, карты, афишки и объявленія всякаго рода.

Подать эта бываетъ или неизмѣнная (fixe) или соразмѣрная (proportionel), смотря потому взимается ли она всегда въ одинаковой мѣрѣ съ каждаго листа или въ соразмѣрности съ важностью акта обложимаго штемпелемъ. Последняя взимается обыкновенно съ бумагъ служащихъ основаніемъ денежнымъ сдѣлкамъ, и мы говорили уже о ней въ предидущемъ отдѣлѣ.

Подати этого рода считаются для правительства очень доходными и если окладъ ихъ не такъ возвышенъ, чтобы акты обложанные податью встрѣчали стѣсненіе, то они не представляютъ особенныхъ неудобствъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ подобно тому, какъ въ Россіи, жалобы и прошенія пишутся на гербовой бумагѣ различнаго достоинства смотря по званію той власти, которой представляются. Для этого заинтере-

сованный покупаетъ бумагу съ гербомъ или штемпелемъ опредѣленнаго достоинства. Независимо отъ того, дѣлопроизводство по жалобамъ и тяжбамъ бываетъ обложено особою податью за гербовую бумагу. Съ заинтересованной стороны, приговоренной къ уплатѣ издержекъ, взыскивается за каждый листъ простой бумаги, употребленной для дѣлопроизводства, та же цѣна какая положена за листъ гербовой бумаги по тарифу опредѣляющему достоинство ея для жалобъ представляемыхъ различными судебнымъ мѣстамъ и административнымъ властямъ. Обыкновенно люди безъ всякаго состоянія освобождаются отъ взысканія этой послѣдней подати за гербовую бумагу.

Англія имѣетъ самую сложную систему подати со штемпеля. По словамъ Макъ-Коллоха, она имѣла болѣе 600 особыхъ случаевъ или видовъ подходящихъ подѣ сказанную подать. Главные источники дохода съ этой подати составляли: журналы, патенты на различныя званія, разнаго рода свидѣтельства, бумага по дѣлопроизводству вмѣсто гербовой простая, полисы обществъ застрахованія, наконецъ подать со штемпеля при переходахъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія, о которыхъ мы говорили въ предыдущемъ отдѣлѣ. Но многіе изъ этихъ оборотовъ теперь отмѣнены за обременительностію ихъ для общества.

Англійское законодательство отличается также особою суровостію взысканій за несоблюденіе правилъ относительно штемпеля. Оно опредѣляетъ напримѣръ 50 фунтовъ стерлинговъ штрафа со всякаго кто выдастъ, приметъ или уплатитъ вексель писанный на бумагѣ безъ штемпеля.

Въ Германіи штемпельный сборъ подраздѣляется на подать по классамъ или разрядамъ (Classenstempel) и подать соразмѣрную (Werthstempel). Первая раздѣляется на разряды различнаго достоинства смотря по свойству актовъ и взимается съ актовъ относящихся къ лицу; вторая соразмѣряется съ цифрою суммы, на которую акты совершаются.

Въ Пруссіи подать опредѣлена въ соразмѣрности суммы, на которую составляется актъ, какъ бы велика ни была эта сумма. Въ Австріи же подать возвышается въ соразмѣрности суммы, но не выше 8.000 гульденовъ; выше этой суммы подать не измѣняется, а остается постоянно въ 20 гульденовъ. При томъ надо замѣтить, что въ австрійскомъ та-

рафъ низшая подать со штемпеля опредѣлена въ 3 крейцера (3 коп.), а въ Пруссіи въ 5 серебряныхъ грошей (16 к. сер.), то-есть въ пять разъ выше чѣмъ въ Австріи.

Цифры дохода со штемпеля и гербовой бумаги въ различныхъ странахъ весьма различны. Приводимъ здѣсь выписку изъ сочиненія г. Рау о оказанныхъ доходахъ:

Англія въ 1857 году.	7.396.685 фун. стер.
Франція въ 1859.	54.280.000 франк.
Австрія въ 1856.	10.822.514 гульден.
Пруссія въ 1858.	4.090.000 талер.
Вельгія съ 1855 по 1858, среднюю цифрую.	3.418.943 франк.
Баварія въ 1855.	1.100.000 гульден.
Сардинія въ 1855	5.296.796 франк.
Баденъ въ 1858.	62.080 гульден.
Герц. Гессенское въ 1859.	500.000 —
— Нассауское въ 1858.	224.700 —
Кор. Гамбургское въ 1854	160.000 талер.
— Саксонское въ 1860.	258.000 —

Распространіе штемпельнаго сбора по всей Европѣ можно приписать:

а) Особенной важности этого сбора въ отношеніи гражданскаго закона, когда онъ соединенъ съ явкою актомъ обязательною до такой степени, что ему уславливается дѣйствительность самыхъ актовъ.

б) Умѣренности оклада, ибо сравнительно съ важностью актовъ обязывающихъ къ подати, окладъ ея бываетъ вообще незначительный;

в) Удобности взиманія, ибо обязанный ко взносу подати со штемпеля, будучи нѣкоторымъ образомъ заинтересованъ въ ея уплатѣ, представляетъ свой взносъ безъ принужденія куда назначено.

Г. Рау предлагаетъ соблюдать при установленіи ея слѣдующія условія:

1. Облагать податью только такія сдѣлки и акты, съ которыхъ взиманіе подати не затруднительно, а уклоненіе отъ уплаты невозможно.

2. Подать должна быть по возможности соразмѣрна съ важностью актовъ съ коихъ взимается.

3. Бѣдные лица, также благотворительныя заведенія должны быть освобождены отъ подати.

4. Законодательство по этой части должно быть весьма

поможительно и ясно, дабы не давать повода къ недоразумѣнιάмъ и взысканιάмъ за упущенія и уклоненія.

5. Взысканія за несоблюденія закона по его неизвѣстности должны быть умѣренныя.

9. О косвенныхъ податяхъ.

Косвенныя подати оуть подати съ потребленія. Онѣ могутъ взиматься или при самомъ производствѣ предметовъ или во время ихъ обращенія, какъ-то при ввозѣ въ города и границы государства, или наконецъ при поступленіи въ руки тѣхъ, которые передаютъ ихъ непосредственно потребителямъ. Но, съ кого бы казна ни потребовала эти подати, то-есть, съ производителя ли или съ купца, онѣ вносятся ими, такъ-сказать, за счетъ потребителей, на которыхъ и ложатся окончательно. Въ сущности подать приобщается къ общимъ издержкамъ производства предметовъ и доставленія ихъ потребителю; слиявась съ этими издержками, она составляетъ нераздѣльную ихъ часть. Иначе быть не можетъ, потому что первое условіе всякаго производства и всякой промышленности, условіе безъ котораго они существовать не могутъ, есть возмездіе всѣхъ повесенныхъ издержекъ, слѣдовательно и возмездіе подати, внесена ли она производителемъ или купцомъ, подходитъ подъ это условіе. Однако, можетъ случиться, что при первомъ установленіи новой подати, отношеніе предложенія къ спросу на предметъ обложенный податью будетъ такъ выгодно для спроса, что не будетъ возможности отнесть тотчасъ же всю подать на потребителей; но тогда производство, не находя соотвѣтствующаго вознагражденія, должно непремѣнно сократиться, сокращеніе это должно уменьшить предложеніе, а уменьшеніе предложенія должно возвысить цѣны и привести въ уровень вознагражденіе производства съ его издержками, то-есть вся вновь установленная подать должна обратиться въ надбавку къ прежней продажной цѣнѣ. Изъ этого явствуется, что косвенныя подати возвышаютъ продажныя цѣны, слѣдовательно сокращаютъ потребленіе и производство, и поэтому не могутъ дѣйствовать благоприятнымъ образомъ на естественное развитіе промышленности.

Подобно всякимъ другимъ, косвенныя подати имѣютъ свою выгодную и невыгодную сторону. Удобство состоитъ

въ томъ, что онъ легче другихъ улачиваются. Производитель или купецъ не считаетъ ихъ для себя тягостными, потому что имѣеть увѣренность получить ихъ назадъ съ потребителя; что же касается до этого послѣдняго, то не имѣя столкновенія съ администраціею собирающею подать и улачивая пошлину самыми незначительными долями по мѣрѣ покупки предмета ею обложеннаго, онъ можетъ-быть даже иногда ничего о ней и не знаетъ, по крайней мѣрѣ не знаетъ во сколько она возвышаетъ продажную цѣну. Удобство это можно считать болѣе политическимъ, чѣмъ финансовымъ; значеніе его неоспоримо, но въ экономическомъ отношеніи это удобство не всегда ведетъ къ справедливымъ послѣдствіямъ.

Неудобства сопряженныя съ косвенными податями суть слѣдующія:

1. Такъ какъ косвенныя подати вносятся незначительными долями, то именно этому обстоятельству можно приписать, что общій итогъ ихъ бываетъ значительнѣе всякихъ другихъ налоговъ. Доказательствомъ тому служатъ бюджеты всѣхъ государствъ; въ нихъ цифра косвенныхъ податей бываетъ обыкновенно выше цифры прямыхъ налоговъ.

2. Онѣ порождаютъ искушеніе къ избѣжанію подати или къ контрабандѣ. Уклоненіе отъ подати представляетъ выгоды болѣе или менѣе значительныя, а потому всегда находятся люди готовые искать этихъ выгодъ. Отсюда постоянная борьба администраціи съ народомъ; невѣрности въ показанія количества предметовъ обложенныхъ податью при предъявленіи ихъ на мѣстахъ назначенныхъ для взиманія; старанія провезти ихъ безъ взноса пошлины не только для собственнаго употребленія, но и съ цѣлью выгодной перепродажи; наконецъ превращеніе контрабанды въ промыселъ обширный и выгодный до такой степени, что она становится средствомъ къ существованію для цѣлой части народонаселенія.

3. Взиманіе косвенныхъ податей сопряжено съ значительными издержками; оно очень сложно и требуетъ обширной и многочисленной администраціи и постоянной стражи.

По всѣмъ этимъ причинамъ, косвенныя подати вообще

не приносить казны выгодъ соответствующихъ пожертвованіямъ, которыхъ онѣ требуютъ отъ плательщиковъ.

Лучшимъ средствомъ для отвращенія указанныхъ неудобствъ считается облагать податью сколько возможно самое производство. При соблюденіи этого правила, предметы потребленія поступаютъ въ обращеніе уже послѣ уплаты подати, и за тѣмъ не предстоитъ уже надобности слѣдить за ихъ движеніемъ и сбытомъ. Издержки казны уменьшаются, торговля и плательщики менѣе подвергаются отбоямъ и жертвованіямъ, и самая контрабанда дѣлается менѣе привлекательною.

Всѣ косвенныя подати могутъ быть раздѣлены на два главные разряда, именно *таможенныя пошлины* и *сборы съ предметовъ внутренняго приготовленія*.

А. Таможенныя пошлины.

Таможенныя пошлины могутъ быть устанавливаемы съ двоякою цѣлью: или какъ средство препятствовать ввозу иностранныхъ произведеній, или собственно въ видахъ увеличенія государственныхъ доходовъ. Первое дѣлается съ цѣлю устранить отъ состязанія съ своими произведеніями тѣ изъ заграничныхъ товаровъ, которые по дешевизнѣ своей препятствовали бы сбыту нашихъ, а слѣдовательно и самому ихъ производству. Система эта называется *покровительственною*, потому что имѣетъ въ виду покровительствовать народной промышленности и народному труду¹. Она не входитъ въ наши соображенія потому, что мы здѣсь имѣемъ въ виду собственно подати всякаго рода разсматриваемыя какъ источники дохода нужнаго казнѣ для удовлетворенія публичныхъ потребностей. Мы будемъ говорить только о таможенныхъ пошлинахъ устанавливаемыхъ въ видахъ услаженія доходовъ казны.

Характеръ таможенной пошлины состоитъ въ томъ, что она относится собственно только къ произведеніямъ переходящимъ изъ одного государства въ другое. Она взимается

¹ Упомянувъ здѣсь о цѣли покровительственной системы, мы просимъ читателей не принимать нашихъ словъ за оправданіе самой системы: мы указываемъ здѣсь ея цѣль, а не излагаемъ собственнаго нашего мнѣнія.

на границѣ и подобно всякой подати облагающей предметы потребления увеличиваетъ продажную цѣну ихъ и следовательно падаетъ на потребление.

Уравнительность въ распредѣленіи этой подати между мѣтальщиками зависитъ отъ того въ какой мѣрѣ необходимы для человеческой жизни предметы облагаемые пошлюю. Если напримѣръ облажить предметы первой потребности, какъ-то хлѣбъ, соль и тому подобное, то послѣдствія будутъ совсѣмъ иныя чѣмъ послѣдствія пошлынъ установленной съ предметовъ роскоши употребляемыхъ людьми достаточнаго состоянія, которые покупаютъ ихъ по доброй волѣ и по мѣрѣ своихъ средствъ. Въ первомъ случаѣ, подать ляжетъ на бѣднѣйшую часть народа; во второмъ; она будетъ согласна съ правиломъ, что частныя лица обязаны участвовать въ публичныхъ расходахъ по мѣрѣ своего состоянія.

Взиманіе таможенныхъ пошлынъ, требуя обширной администраціи, сопряжено съ большими расходами для казны; въ некоторыхъ государствахъ расходы эти поглащаютъ отъ 25 до 30 процентовъ всего пошлиннаго сбора. Кромѣ того, какія предупредительныя мѣры не въ состояніи утратить промыслъ контрабанды.

Возвышенные тарифы сопряжены съ важными неудобствами, потому что расположеніе къ контрабандѣ бываетъ всегда соразмѣрно тарифамъ. Поэтому, неблагоприятно было бы устанавливать тарифы въ размѣрахъ, побуждающихъ къ контрабандѣ: такіе тарифы дѣлали бы казнѣ болѣе ущерба чѣмъ пользы. Наконецъ, опытомъ доказано, что убранные тарифы приносятъ казнѣ несравненно болѣе дохода по причинѣ вліянія ихъ на увеличеніе потребления и на усиленіе ввоза; следовательно какъ интересъ потребителей, такъ и интересъ казны говорятъ въ пользу убранныхъ тарифовъ.

Пошлина можетъ быть налагаема на ввозъ или на вывозъ произведеній. При теперешнемъ положеніи финансовыхъ системъ, пошлины съ вывоза не имѣютъ важнаго значенія въ тарифахъ европейскихъ государствъ, направленныхъ вообще къ воспренію вывоза. Но многіе экономисты, и между прочимъ г. Пасси, полагаютъ основательно, что вѣтъ причины слѣдовать разнымъ системамъ относительно вывоза и ввоза, потому что какъ тотъ, такъ и другой ищутъ

потребителей; разница состоитъ только въ томъ, что вывозимыя произведенія ищутъ потребителей въ государствѣ, а ввозимыя ищутъ ихъ въ его предѣлахъ. По мнѣнiю г. Пасси, въ видахъ интереса казны и общественныя выгоды, вовсе нѣтъ причины оказывать вывозу особенныя преимущества предъ ввозомъ. Пошлина съ вывоза имѣетъ послѣдствiемъ соразмѣрное пошлннѣ возвышенiе цѣнъ вывозимыхъ произведенiй на заграничныхъ рынкахъ. Конечно, это возвышенiе уменьшаетъ ихъ спросъ, а слѣдовательно ограничиваетъ и самое производство; но таково неизбѣжное послѣдствiе всякой косвенной подати. Облагая акцизнымъ оборотъ внутреннее потребленiе своего произведенiя, мы также возвысимъ продажную его цѣну, уменьшимъ потребленiе и произведемъ неблагоприятное дѣйствiе на развитiе той отрасли промышленности, которая производитъ предметъ, обложенный акцизомъ. Но если мы, обложивъ податью только внутреннее потребленiе какого-либо предмета, вмѣстѣ съ тѣмъ оставимъ вывозъ его совершенно свободнымъ, то окажемъ заграничнымъ потребителямъ преимущество передъ своими¹. Сообразно съ этимъ, г. Пасси заключаетъ, что всякая таможенная пошлина, съ вывоза ли или съ ввоза, имѣетъ одинакия послѣдствiя, потому что въ окончательномъ результатѣ всякой международной торговли произведенiя итѣются не столько на деньги сколько на другiя произведенiя, и что всякая пошлина сокращающая потребленiе заграничныхъ предметовъ у насъ, ограничиваетъ въ свою очередь заграничный спросъ на собственныя наши произведенiя. Къ этому г. Пасси присовокупляетъ, что допуская необходимость содержать таможенное управленiе нужно стараться извлечь не болѣе выгоды изъ издержекъ на его содержанiе, а этой цѣли соответствовало бы вниманiе пошлннѣ не только съ ввоза, но и съ вывоза.

¹ По случаю пониженiя тарифовъ въ видахъ усиленiя вывоза французскихъ винъ въ Англію, кто-то, имѣя въ виду большую подать взимаемую съ внутренняго потребленiя винъ во Франціи, выразился, что Французы, желающимъ выгодно купить вино собственнаго произведенiя, придется ѣхать за намъ въ Англію. Конечно, слова эти выставляютъ предметъ въ преувеличенномъ видѣ, но мысль справедлива въ томъ отношенiи, что если предположить вольную продажу французскихъ винъ въ Англію, то они обошлись бы лондонскому потребителю дешевле чѣмъ жителю Парижа, гдѣ они обложены значительною податью.

Развивая мѣнѣе г. Пасси, мы постараемся разъяснить здѣсь истинное значеніе словъ его. Поощреніе вывоза принятое повсемѣстно основано на той мысли, что страна обогатится деньгами выручаемыми за вывозимыя произведенія, и что напротивъ она дѣлается бѣднѣе отъ уплаты денегъ за заграничныя произведенія ввозимыя. Но къ этой мысли можетъ давать поводъ не что иное какъ недостаточное понятіе о природѣ денегъ. Еслибы какаѣ-либо страна могла удерживать у себя всѣ деньги выручаемыя за сбытъ своихъ произведеній другой странѣ, то она ни мало не сдѣлалась бы отъ этого богаче. Деньги не доставаяя бы сами собою выгоду ни государству ни частному лицу, еслибы онѣ не были орудіемъ для приобрѣтенія предметовъ полезныхъ человеку. Металлы приобрѣтаемые единственно съ цѣлью или храненія обращаются всякому въ тягость. Деньги выручаемыя частнымъ лицомъ поступаютъ къ нему всегда въ замѣнъ какихъ-либо произведеній или цѣнности отданной за деньги, и поступаютъ не для чего иного, какъ для обмѣна ихъ на другія произведенія или цѣнности. Слѣдовательно, можно сказать, что между частными лицами произведенія мѣняются окончательно на другія произведенія, а деньги не остаются ни у кого постоянно, служатъ только орудіемъ мѣны. Точно то же самое имѣетъ мѣсто относительно цѣныхъ странъ. Если возразить, что деньги выручаемыя частнымъ лицомъ не всегда поступаютъ къ нему для обмѣна на произведенія или для дальнѣйшаго обращенія, и что напротивъ, мы видимъ примѣры людей скупыхъ и недозвѣрчивыхъ до такой степени, что они прячутъ всѣ деньги, которыми могутъ завладѣть, отказываясь отъ производительнаго ихъ употребленія, то противъ того можно сказать, что примѣры подобныхъ исключительныхъ случаевъ не только не опровергаютъ общаго правила, а напротивъ служатъ ему подкрѣпленіемъ; хотя никто не сомнѣвается, что дѣйствительно есть на свѣтѣ люди скупые, но вмѣстѣ съ тѣмъ никто не усомнится и въ томъ, что они, составляя рѣдкія исключенія, дѣйствуютъ противъ общаго правила, и что слѣдовательно правдоподобна или деньги не соответствуютъ настоящему своему назначенію. Итакъ, можно сказать вообще, что еслибы цѣнность вывозимыхъ произведеній постоянно превышала цѣнность ввозимыхъ предметовъ, то въ странѣ поставлен-

ной въ подобныя условія должно бы производти накопленіе денегъ; въ то же время другія страны, лишаясь въ пользу одной изъ нихъ своихъ денегъ и металловъ, должны были бы со временемъ претерпѣвать въ нихъ постоянный недостатокъ. Но экономическая исторія не представляетъ подобнаго явленія, и даже сама Англія извѣстная необыкновеннымъ вывозомъ своихъ мануфактурныхъ произведеній не лишаетъ другихъ державъ того количества денегъ и металловъ какое имъ нужно по ихъ экономическому характеру; въ свою очередь, она дѣлаетъ въ другихъ странахъ закупки такихъ предметовъ, которыхъ производство обходится въ этихъ странахъ выгоднѣе чѣмъ въ Англіи. Предположимъ для примѣра, что англійскій негодіантъ закупаетъ въ Парижѣ французскихъ произведеній на милліонъ франковъ и вывозитъ ихъ въ Англію, и что этимъ ограничивается вся коммерческая операція. Въ видахъ системы поощряющей вывозъ подобная операція должна бы почитаться самою выгодною для Франціи, ибо Англія, лишаясь милліона франковъ, обогатила имъ Францію. Между тѣмъ, если бы подобная операція не имѣла другихъ послѣдствій, то она произвела бы результаты противные ожиданіямъ лицъ желающихъ покровительствовать вывозу. Спрашивается, какую пользу извлекала бы Франція изъ приобретеннаго милліона денежныхъ знаковъ, если бы это гріобрѣтеніе имѣло цѣлью собственно только сохраненіе его въ предѣлахъ государства. Прямымъ послѣдствіемъ было бы, что этотъ милліонъ понизилъ бы достоинство денегъ обращающихся во Франціи до его гріобрѣтенія, и Франція, лишившись своихъ произведеній на милліонъ франковъ, и не получивъ въ замѣнъ ихъ никакихъ заграничныхъ предметовъ, испытала бы лишь возвышеніе номинальныхъ цѣнъ всѣхъ произведеній внутренняго потребленія и производства. Но къ счастью, при подобныхъ обстоятельствахъ постоянное повтореніе взятой нами для примѣра операціи оказалось бы для англійскаго негодіанта невыгоднымъ, и онъ находя со временемъ цѣны французскихъ произведеній возвышающимися, пошелъ бы искать выгоднѣйшихъ для себя условій въ другихъ странахъ. Въ то же самое время, когда возвышеніе номинальныхъ цѣнъ во Франціи начало бы ограничивать вывозъ французскихъ произведеній, усиленіе денежныхъ средствъ этой страны повело бы къ возрастанію дороговизны въ предѣлахъ Франціи,

а это способствовало бы усиленію привоза заграничныхъ предметовъ, и въсѣтъ съ тѣмъ усиливало бы вывозъ за нихъ денегъ изъ Франціи. Милліонъ прибрѣтенный отъ Англичанъ былъ бы употребленъ можетъ-быть на покувку въ Америкѣ хлопка, на прибрѣтеніе угля въ Бельгіи и тому подобное, а отпускъ за эти предметы милліона франковъ, уменьшая количество денежныхъ знаковъ обращающихся во Франціи и черезъ то понижая номинальныя цѣны всѣхъ французскихъ произведеній, повелъ бы къ новому вывозу этихъ послѣднихъ. Такимъ образомъ французскія произведенія, доставившія Франціи въ началѣ операціи милліонъ франковъ, окажутся въ окончательномъ результатѣ. вымѣненными на хлопокъ, уголь и тому подобное, за которыя этотъ милліонъ будетъ замѣченъ Франціею. Взятая для примѣра операція произведетъ въ Англіи дѣйствіе противоположное: вывозъ металловъ на милліонъ франковъ понизитъ на время номинальныя цѣны англійскихъ произведеній (такъ такъ деньги вздорскаютъ), а это пониженіе, способствуя вывозу товаровъ за границу, поведетъ къ возврату Англіи ея золота. Такимъ образомъ, вывозъ произведеній и ввозъ за нихъ денегъ, вызываютъ ввозъ другихъ произведеній и вывозъ за нихъ денегъ; подобнымъ же образомъ, привозъ заграничныхъ произведеній и вывозъ за нихъ денегъ вызываютъ вывозъ своихъ произведеній и возвратъ ихъ цѣности деньгами или металами. Что же касается количества денегъ находящихся въ обращеніи въ каждомъ государствѣ, то оно можетъ измѣняться развѣ только временно и то нечувствительнымъ образомъ, потому что привозъ ведетъ обыкновенно за собою вывозъ одинаковой цѣности. Разница между ними можетъ существовать отъ одного государства взятаго отдѣльно къ другому, напримѣръ отъ государства *A* къ государству *B*, но предположивъ существованіе пяти государствъ *A, B, C, D, E*, ввозъ и вывозъ каждаго изъ нихъ, напримѣръ государства *A* относительно всѣхъ другихъ, будетъ обыкновенно уравновѣшиваться. Разновѣсіе это не можетъ быть случайностью; оно основано на естественномъ экономическомъ законѣ дѣйствующемъ постоянно, хотя и не замѣтнымъ образомъ, на законѣ, силою котораго, послѣ нѣкотораго времени болѣе или менѣе продолжительнаго, ввозъ уравновѣшивается съ выво-

зомъ, потому что временный избытокъ или недостатокъ одного изъ нихъ самъ собою бываетъ причиною реакціи.

Въ экономическихъ разчетахъ государства, какъ и въ разчетахъ частныхъ лицъ, итоги *кредита* и *пассива* должны окончательно представлять балансъ. Возьмемъ для примѣра разчеты португаго по его промыслу. Нѣтъ сомнѣнія, что общія уплаты, къ которымъ онъ обязанъ, составляютъ балансъ со всѣми получаемыми имъ уплатами за исключеніемъ разницы составляющей выгоду отъ его промысла. Въ частномъ разчетѣ португаго съ другимъ промышленникомъ, какъ-то съ булочникомъ, сапожникомъ и тому подобное, балансъ можетъ не имѣть мѣста; португой можетъ уплачивать ежегодно булочнику болѣе нежели съ него получаетъ, но итогъ всего его *кредита* будетъ окончательно равняться итогу его *пассива*. Подобнымъ же образомъ, въ коммерческихъ разчетахъ государствъ балансъ между ввозомъ и вывозомъ двухъ государствъ, взятыхъ для примѣра отдѣльно, можетъ не имѣть мѣста, но общій разчетъ каждой страны со всѣми другими будетъ соответствовать тому, что мы сказали о разчетахъ португаго, т. е. цифра вывоза будетъ окончательно приближаться къ цифрѣ ввоза.

Результатъ этотъ есть прямое послѣдствіе закона предложена и спроса по которому номинальныя цѣны металловъ возвышаются или понижаются соразмѣрно количеству денегъ или металловъ, находящихся въ обращеніи на коммерческихъ рынкахъ. А такъ какъ вся торговля основана на разницѣ въ цѣнахъ на различныхъ рынкахъ, и такъ какъ она, забирая произведенія тамъ, гдѣ находятъ ихъ дешевле, пережидаетъ ихъ въ странахъ общающія обытъ по цѣнамъ болѣе возвышеннымъ, то весьма естественно, что она дѣйствуетъ постоянно если не къ приведенію въ уровень, то къ облаженію цѣнъ на всѣхъ коммерческихъ рынкахъ. Предполагать что количество денегъ или металловъ можетъ увеличиваться или уменьшаться въ какой-либо странѣ безусловно безъ всякаго ограниченія и собственно отъ превосходства вывоза, было бы то же самое, что предполагать, будто бы изобиліе въ нихъ или недостатокъ не имѣютъ вліянія ни на цѣны произведеній, ни на цѣны самихъ металловъ, ни на движеніе торговли, или что то же самое, значило бы допускать предположеніе, будто бы торговля

можетъ перемѣщать произведенія изъ страны, въ которой она дороже, въ другую, гдѣ тѣ же произведенія дешевле.

Вліяніе степени изобилія металловъ на номинальныя цѣны всѣхъ произведеній и на уравновѣшеніе ввоза съ вывозомъ не зависитъ отъ степени свободы международной торговли. Во всѣхъ случаяхъ, то-есть, свободна ли торговля, водѣлать ли она нѣкоторымъ ограниченіямъ, или наконецъ, отсвѣдена ли она совершенно, окончательное ея международнаго вѣдѣствіе состоитъ не столько въ мѣнѣ произведеній на деньги, сколько въ мѣнѣ однихъ произведеній на другія произведенія, и никогда не ведетъ къ постоянному накопленію денегъ въ одной странѣ преимущественно предъ другими. Наконецъ, если допустить умственно существованіе страны поставленной въ такія оригинальныя условія, что не нуждаась вовсе въ заграничныхъ произведеніяхъ, она за удовлетвореніемъ всѣхъ потребностей внутреннего потребленія, можетъ еще снабжать другія страны своими произведеніями и получать за нихъ постоянно наличныя деньги, то металлы въ этой странѣ непременно должны были бы подешевѣть отъ накопленія, а вслѣдствіе того они непременно перешли бы за границу, какъ товаръ ищущій выгодѣйшаго рынка. Они все-таки не остались бы въ странѣ, гдѣ произошло чрезмѣрное накопленіе ихъ.

Выгодѣйшими для металловъ рынками будутъ всегда страны, въ которыхъ они могутъ обращаться безпрепятственно и безопасно, страны въ которыхъ они находятъ болѣе выгоды для разнообразнаго производительнаго ихъ употребленія, страны, въ которыхъ существуетъ кредитъ и расположеніе къ учрежденіямъ производительнаго товарищества. Это одна изъ первыхъ экономическихъ истинъ; она основана на природѣ вещей, а природа вещей такъ сильна, что всякая регламентация для ея стѣсненія окажется всегда безуспѣшною. Капиталы, какія бы ни воздвигать искусственныя преграды для удержанія ихъ на мѣстѣ, стануть всегда переселяться туда, гдѣ найдутъ выгодѣйшія для себя условія, и это переселеніе всегда будетъ выгодно для обѣихъ заинтересованныхъ сторонъ. Для страны, передающей свои капиталы, выгода состоитъ въ полученіи процента или возвышеніи же или вѣряѣ того, который они могли находить дома, а для страны принимающей чужіе капиталы выгода въ томъ, что они оживятъ промышленность

и производительный трудъ, и будутъ способствовать пониженію ходячаго процента съ капиталовъ. Мы видимъ, что англійскіе капиталы употреблялись на постройку желѣзныхъ дорогъ во Франціи, но не знаемъ прѣмѣра, чтобы французскіе капиталы оживляли какую-либо отрасль промышленности въ королевствѣ Великобританскомъ. Въ парижскихъ газетахъ мы вовсе не находимъ свѣдѣній о биржевыхъ курсахъ акцій англійскихъ желѣзныхъ дорогъ, и это весьма естественно, потому что цѣна ихъ не интересуется французской публики, но мы найдемъ во французскихъ журналахъ свѣдѣніе о курсахъ акцій русскихъ, австрійскихъ и итальянскихъ желѣзныхъ дорогъ, потому что въ этихъ предпріятіяхъ заинтересованы значительные французскіе капиталы, находящіе въ нихъ условія болѣе выгодныя чѣмъ во Франціи. А когда эти государства страны найдутъ въ собственныхъ береженіяхъ достаточныя средства для своего производительнаго труда, то имѣя у себя капиталы подъ рукой, онѣ конечно не будутъ имѣть причины прибѣгать къ иностраннымъ капиталамъ. Капиталъ называютъ справедливо космополитомъ: несмотря на мѣсто рожденія, онъ, по природѣ своей, переселяется туда, гдѣ находитъ выгодѣйшія для себя условія. Кто-то сказалъ, что для общественной жизни металлы суть то самое, что топливо для локомотива. Оно весьма справедливо, и изъ вѣсѣхъ орудій, которыми владѣетъ родъ человѣчскій, наиболѣе употребимыхъ для развитія, какъ личнаго, такъ и общественныхъ средствъ, можно почитать драгоценныя металлы. Названіе драгоценныхъ присвоено имъ весьма справедливо. Но тѣмъ не менѣе мы должны заключать о степени благосостоянія страны не столько по количеству металловъ, которое она успѣваетъ удерживать въ своихъ предѣлахъ, сколько по свободѣ и быстротѣ ихъ обращенія.

Заключимъ нашу рѣчь о таможенныхъ пошлинахъ слѣдующими поясненіями:

Первое. Приводя изложенныя выше соображенія, мы никакъ не имѣли въ виду выставлать пользу таможенныхъ пошлинъ, напротивъ полагаемъ, что совершенное ихъ отсутствіе было бы дѣломъ чрезвычайно полезнымъ, а только желали разяснить, что если для покрытія государственныхъ расходовъ необходимо облагать податью ввозъ, то имѣть причины освобождать отъ нея вывозъ съ цѣлью по-

опредеія народной промышленности и народнаго труда. Это значило бы дѣйствовать въ пользу иностранныхъ потребителей.

Второе. Установленіе всякой вообще пошлины или освобожденіе отъ нея въ видахъ покровительства мы считаемъ несоотвѣтствующимъ естественному свободному развитію промышленности и народнаго благосостоянія, и полагаемъ, что если подобно другимъ податямъ, таможенная пошлина можетъ быть устанавливаема безъ особенныхъ неудобствъ, съ цѣлю доставленія казнѣ дохода, то, смотря на нее съ этой точки, нѣтъ причины покровительствовать вывозу предѣ ввозомъ.

Третье. Если необходимость заставляетъ установить пошлину, то благоразумно облагать пошлиною предметы роскоши, а не предметы первой необходимости, предметы менѣе нужные предѣ болѣе нужными, распространяя это правило въ равной силѣ на ввозъ и на вывозъ произведений, потому что пошлина съ ввозимыхъ предметовъ первой необходимости ложится на внутреннее потребленіе бѣднѣйшей части народа, а пошлина съ вывоза предметовъ этого рода, ограничивая заграничный на нихъ спросъ, ставитъ ограничивать ихъ вывозъ и уменьшать внутреннее ихъ производство, между тѣмъ какъ возможное развитіе производства предметовъ необходимыхъ должно почитать болѣе полезнымъ чѣмъ производство предметовъ роскоши.

В. Подати съ предметовъ внутренняго приготовленія.

Все сказанное нами вообще о *косвенныхъ податяхъ* приимается во всей силѣ къ податямъ съ предметовъ внутренняго приготовленія.

Выше мы уже сказали, что косвенныя подати возвышаютъ продажныя цѣны, и падаютъ окончательно на потребителей. Слѣдовательно, налоги этого рода будутъ болѣе или менѣе уравнительны, также болѣе или менѣе свосны или тягостны, смотря потому, съ какихъ предметовъ они взимаются. Общимъ правиломъ можно почитать, что подать дѣлается несоразмѣрною со средствами плательщиковъ и неуравнительною, по мѣрѣ необходимости предметовъ

ею облагаемыхъ. Подать съ соли, хлѣба и напитковъ произведетъ послѣдствія различныя отъ подати съ сахара, чая, бумаги, экипажей или другихъ предметовъ не составляющихъ первой необходимости. Въ числѣ расходовъ частныхъ лицъ, нѣкоторые неизбежны, слѣдовательно должны быть почитаемы общими всѣмъ, другіе могутъ зависѣть отъ способовъ каждаго, наконецъ, иные доступны только для людей съ состояніемъ. Сообразно съ этимъ, подати съ предметовъ потребленія, смотря потому къ какимъ предметамъ относятся, могутъ или соответствовать въ своихъ результатахъ подушному окладу, или составлять часть законодательства направленную къ ограниченію роскоши.

Возьмемъ для примѣра подать съ соли. Она по природѣ своей будетъ соответствовать подушному окладу. Это очевидно, потому что соль необходима каждому несмотря на степень его средствъ, и кромѣ того необходима каждому почти въ равномъ количествѣ; слѣдовательно подать эта непременно коснется каждаго. Еще болѣе, вездѣ люди бѣдные, по качеству употребляемой ими пищи, расходуютъ соли болѣе чѣмъ люди богатые, а изъ числа бѣдныхъ, люди наиболѣе обремененные семействами, слѣдовательно самобѣднѣшіе, употребляютъ соли болѣе всѣхъ. Изъ сказаннаго выше заключаемъ, что подобная подать ложится на различные классы общества не только несоразмѣрно съ ихъ средствами, но даже несоразмѣрно со средствами людей принадлежащихъ къ одному и тому же классу. Точно также подать взыскиваемая въ нѣкоторыхъ странахъ отъ перемола зерноваго хлѣба возвышаетъ цѣну муки, взымаетъ съ бѣдныхъ болѣе чѣмъ съ достаточныхъ (ибо первые употребляютъ болѣе хлѣба) и можетъ имѣть вліяніе на выборъ бѣдными людьми недоброкачественной пищи.

Еслибы возможно было установить подать со всѣхъ расходовъ, и обложить ею всѣ предметы потребленія съ соблюденіемъ правила чтобъ окладъ подати возвышался по мѣрѣ того, какъ предметы потребленія, дѣлаясь менѣе нужными, обращаются наконецъ въ предметы роскоши, то подобная подать могла бы считаться весьма уравнительнымъ.

Къ сожалѣнію, фискальныя учрежденія слѣдуютъ обыкновенно иному направленію, и почти вездѣ предметы первой

необходимости преимущественно облагаются податью, потому что подобная подать доставляетъ болѣе другихъ дохода. Отсюда налогъ на съѣстные припасы, лежащійся на бѣдное сословіе, и отсюда антипатія экономистовъ ко всѣмъ вообще косвеннымъ податямъ. Но произносить на этомъ основаніи приговоръ противъ всѣхъ безъ исключенія косвенныхъ податей было бы несправедливо. По нашему мнѣнію, нѣтъ причинъ возставать противъ косвенныхъ податей вообще, и возраженія, дѣлаемые противъ нихъ, должны быть относимы не къ самой ихъ природѣ, а къ способамъ ихъ примѣненія. За всѣмъ тѣмъ, однако, оправдывая косвенныя подати въ отношеніи уравнительности, мы не можемъ найти для нихъ оправданія ни въ отношеніи сложной администраціи, нужной для ихъ взиманія, ни въ отношеніи контрабанды, къ которой онѣ даютъ поводъ.

Иногда косвенная подать съ предметовъ потребленія принимаетъ форму монополіи, которая состоитъ въ исключительномъ правѣ продажи. Само собою разумѣется, что монополія, устранивъ всякое состязаніе, можетъ составить самый изобильный источникъ дохода для казны, но съ другой стороны неудобства монополіи для общества бываютъ обыкновенно соразмѣрны ея доходности. Иногда монополія соединяется съ воспрещеніемъ всякаго производства или съ мѣрами, направленными къ его ограниченію. Такъ въ Англіи производство табаку запрещено совершенно; онъ привозится изъ-за границы, и высокая пошлина, установленная съ его ввоза, доставляетъ казнѣ значительный доходъ. Во Франціи производство табаку дозволено только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ сохраненіемъ исключительнаго права покупки за правительствомъ, которое само приготовляетъ табакъ въ различныхъ видахъ и распоряжается его сбытомъ. Во многихъ странахъ правительство, предоставляя себѣ приготовленіе и продажу картъ, извлекаетъ изъ этого предмета не малый доходъ.

Всякая вообще монополія вредна и возбуждаетъ заслуженныя неудовольствія; но менѣе вредны монополіи относящіяся къ такимъ предметамъ, производство которыхъ менѣе другихъ подлежитъ состязанію и усовершенствованію. Въ примѣръ можно привести табакъ, какъ по особенностямъ его производства, такъ и по свойству по-

требности, которой онъ удовлетворяетъ,— потребности, походящей болѣе на прихоть чѣмъ на необходимость. Еслибы для удовлетворенія общему негодованію противъ монополій отменить монополію табаку въ странахъ, гдѣ она составляетъ въ государственномъ бюджетѣ значительную цифру, то необходимо было бы замѣнить эту статью другими налогами и потребовать отъ плательщиковъ столько же податей, но въ другомъ видѣ, быть-можетъ болѣе для нихъ неприятымъ.

По поводу постановленія, сдѣланнаго въ нынѣшнемъ году французскимъ законодательнымъ корпусомъ насчетъ продолженія монополіи на продажу табаку во Франціи, мы вѣсколько остановимся на этомъ предметѣ и вмѣстѣ покажемъ какъ можетъ быть важна въ фискальномъ отношеніи подать съ табаку.

Срокъ привилегіи или монополіи на покупку, приготовленіе и продажу табаку ¹, извѣстной во Франціи подъ названіемъ *régie*, долженъ былъ истечь съ концомъ настоящаго 1862 года, а потому въ нынѣшнемъ году правительство предложило продолжить ее еще на 10 лѣтъ, то-есть по 1 января 1873 года. Предметъ требовалъ безотлагательнаго рѣшенія и представлялъ особенную важность по причинѣ американо-войны, затрудняющей заготовленіе табаку, получавшагося доселѣ въ значительномъ количествѣ изъ Америки. Въ теченіи 1861 года продажа табаку доставила $\frac{1}{3}$ часть общей цифры всѣхъ косвенныхъ податей, именно 215 милліоновъ, на 1 милліардъ 100 милліоновъ. Весьма естественно, что при настоящемъ положеніи французскихъ финансовъ никто въ законодательной палатѣ не дѣлалъ возвра-

¹ Во Франціи табакъ обложенъ податью въ первый разъ въ 1621 году. Подать состояла въ то время въ извѣстной мѣрѣ отъ продажи на гѣсъ; въ 1674 году продажа отдава была на откупъ; въ 1697 году она доставляла дохода 250.000 ливровъ въ годъ; а въ 1714 году она доставила уже два, въ 1718 году 4 милліона. Въ 1719 году монополія замѣнена высокою взвозною пошлиной съ воспрещеніемъ сѣять табакъ внутри государства. Въ 1721 году устанавливается опять исключительное право продажи на 1.800.000 франковъ; въ 1730 году монополія доставляла отъ 7 до 8 милліоновъ франковъ; въ 1791 году она доставляла до 30 милліоновъ, но тогда же монополія замѣнена акцизомъ съ продажи на гѣсъ. Во время революціи доходъ отъ продажи табаку значительно понижился. Въ 1804 году онъ доставлялъ 4 милліона 800 тысячъ франковъ, а съ 1806 года по 1811, 16 милліоновъ въ годъ. Въ 1811 году опять восстанавливается монополія.

женія противъ источника столь значительнаго дохода, и продолженіе монополіи принято было единогласно 222 членами палаты въ засѣданіи 23 мая сего года.

Всѣмъ извѣстно, что употребленіе табаку распространяется и увеличивается повсемѣстно съ каждымъ годомъ, но быть-можетъ слѣдующія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ статистики французской монополіи, не останутся безъ интереса для нашихъ читателей.

Въ первые годы возстановленія табачной монополіи во Франціи, имѣло съ 1811 по 1815 годъ, продавалось ежегодно табаку среднимъ числомъ 14,3 милліоновъ килограммовъ, а послѣ возвращенія Франціи въ прежнія границы въ 1816 году 9,2 килограммовъ. Въ продолженіи 20 слѣдующихъ лѣтъ, годовое потребленіе табаку было отъ 10 до 13 милліоновъ килограммовъ. Цифра эта увеличилась въ первый разъ полумилліонемъ килограммовъ въ 1836 году. Съ того времени, возрастая постоянно, она въ продолженіе 10 лѣтъ увеличилась пятью милліонами килограммовъ. Въ 1845 году она уже превосходила 18 милліоновъ килограммовъ. Оставаясь почти безъ измѣненія съ 1846 по 1850 годъ, потребленіе возрастало съ 1851 года слѣдующимъ образомъ:

въ 1851 году	19.718.089	килограммовъ
— 1852 —	20.334.376	—
— 1853 —	21.314.460	—
— 1854 —	22.570.130	—
— 1855 —	28.657.911	—
— 1856 —	25.434.041	—
— 1857 —	27.219.191	—
— 1858 —	27.884.225	—
— 1859 —	28.279.017	—
— 1860 —	29.280.003	¹ —

То-есть въ продолженіе 10 лѣтъ потребленіе табаку увеличилось на 48 процентовъ, тогда какъ въ продолженіи того же времени народонаселеніе Франціи (не считая трехъ департаментовъ, прибрѣтенныхъ въ 1860 году) усилилось только на 2,7 процентовъ.

По статистическимъ свѣдѣніямъ, потребленіе табаку во Франціи полагается въ 800 граммовъ на каждого жителя, но изъ числа курящихъ слѣдуетъ сбавить некурящихъ (за исклю-

¹ Приводимыя нами цифры взяты изъ статьи извѣстнаго экономиста Горна, напечатанной въ *Journal des Débats* 15 июля сего года.

ченіемъ рѣдкихъ примѣровъ) женскій полъ и молодую часть мужскаго народонаселенія до пятнадцатилѣтняго возраста; за тѣмъ истинными курителями можно по всей справедливости считать только возмужалую часть мужскаго народонаселенія; по послѣдней же переписи, сдѣланной въ 1861 году въ 89 департаментахъ Франціи считается 37.382.225 жителей; сбавивъ съ этой цифры женскій полъ и полагая его нѣсколько превышающимъ цифру мужскаго пола, получимъ круглымъ счетомъ 18.500.000 мужскаго пола, а полагая, что дѣти и недоросли до 15 лѣтъ составляютъ $\frac{1}{3}$ часть этой цифры, получимъ 12 милліоновъ жителей, могущихъ курить; наконецъ, полагая, что $\frac{1}{6}$ часть этой послѣдней цифры состоитъ изъ некурящихъ, получимъ въ остаткѣ 10 милліоновъ куращихъ, между которыми и слѣдуетъ раздѣлить 30 милліоновъ килограммовъ табаку, составляющихъ потребленіе 1861 года, что даетъ 3 килограмма на человѣка. По продажнымъ цѣнамъ табаку это составило бы 30 франковъ на каждаго, а прибавивъ къ нимъ еще 5 фр. на принадлежности куренія, какъ-то: трубки, кисеты, спички, портъ-сигарки и т. п., получимъ на каждаго 35 фр., сумму, соответствующую $\frac{2}{3}$ расхода, нужнаго во Франціи на годовичное довольствіе человѣка хлѣбомъ.

Очень интересно, что потребленіе табаку во Франціи развивалось замѣтнымъ образомъ именно въ тотъ періодъ времени (1851—1860 г.), когда пріобрѣтеніе хлѣба было затруднено для бѣднѣйшаго класса или по возвышенности цѣны отъ неурожаевъ, или по недостатку заработковъ при коммерческихъ кризисахъ. Не слѣдуетъ ли изъ этого заключить, что табакъ иногда предпочитается хлѣбу?

Гигіена можетъ протестовать противъ моды курить, но мы разбираемъ факты практической жизни, а вмѣстѣ съ тѣмъ не можемъ отказать работнику въ употребленіи его кепѣйки, по собственному его усмотрѣнію, и не согласиться на то, что отъ него зависитъ сдѣлать выборъ между предстоящими ему двумя лишеніями, лишеніемъ въ пищѣ, или лишеніемъ въ табакѣ. Дѣло другое еслибы отецъ семейства употреблялъ преимущественно на табакъ средства, нужныя на покупку хлѣба для дѣтей.

Но что касается фиска, то по предмету табачной монополіи моральныя побужденія къ нему относиться не могутъ. Установленіемъ монополіи фискъ не поощряетъ не-

купки табаку, а напротивъ, возвышеніемъ цѣны стѣсняетъ и ограничиваетъ потребленіе. Мы можемъ сказать самымъ положительнымъ образомъ, что еслибы придумывать средства къ уменьшенію потребленія какого-либо предмета, хотя бы даже самаго необходимаго, то нельзя найти средства успѣшнѣе, чѣмъ возвышеніе продажной цѣны втрое или четверо. Несмотря на возвышеніе цѣны, французскій народъ расходуетъ нынѣ на табакъ въ полтора раза болѣе, чѣмъ расходовалъ десять лѣтъ тому назадъ; потребленіе табаку увеличилось на 50 процентовъ, а трата на него денегъ увеличилась еще въ большемъ размѣрѣ. Табакъ сталъ продаваться лучшихъ качествъ, а слѣдовательно и вышшихъ цѣнъ, и кромѣ того декретомъ 25 октября 1860 г. продажная цѣна возвышена вдругъ 25-ю процентами, такъ что сумма истраченная въ 1861 году почти удвоилась сравнительно съ 1851 годомъ; въ 1851 году продано было табаку на 126.6 милліоновъ франковъ, а въ 1861 году эта цифра возвысилась до 215.2 милліоновъ.

Монополія на табакъ восстановленная декретами 29 декабря 1810 и 11 января 1811 г., въ пятилѣтніе періоды времени доставила казнѣ слѣдующія суммы:

Пятилѣтніе періоды.	Цифра общаго прихода.	Средній числовъ въ годъ.
Съ 1811 по 1815 годъ	306.743.243 фр.	62.348.649 фр.
— 1816 — 1820 —	311.519.257 —	62.303.851 —
— 1821 — 1825 —	327.374.363 —	65.474.873 —
— 1826 — 1830 —	335.666.204 —	67.133.241 —
— 1831 — 1835 —	350.313.638 —	70.062.728 —
— 1836 — 1840 —	430.971.038 —	86.194.208 —
— 1841 — 1845 —	523.367.282 —	104.473.456 —
— 1846 — 1850 —	589.262.532 —	117.852.506 —
— 1851 — 1855 —	696.027.183 —	129.205.437 —
— 1856 — 1860 —	891.623.002 —	178.324.600 —

Это составляетъ въ 50-лѣтній періодъ времени громадную сумму 4 милліардовъ 761 милліоновъ 867 тысячъ франковъ, а въ сложности съ суммою выручешною въ 1861 г. (215 милліоновъ) почти 5 милліардовъ. При семъ слѣдуетъ замѣтить, что эта цифра потребленія еще не полна, и мы полагаемъ, что безъ преувеличенія можно прибавить къ ней еще 2 милліарда на контрабанду и на доходы слишкомъ 36.000 человекъ продающихъ табакъ за счетъ фиска. Все это, взя-

тое въ сложности, составило бы почти баснословную сумму 7 миллиардовъ.

Мы уже сказали выше, что трата денегъ на табакъ возрастаетъ постепенно. Раздѣляя 50-лѣтній періодъ на двѣ половины въ 25 лѣтъ каждая, мы находимъ, что въ первой половинѣ съ 1811 по 1835 годъ поступило въ казну за табакъ 1 миллиардъ 632 милліона, а во второй половинѣ выручено 3 миллиарда 130 милліоновъ.

Выгоды казны, или чистый доходъ, возрасталъ быстрѣе чѣмъ цифра валоваго прихода, по причинѣ усовершенствованія въ приготовленіи табака и улучшеній въ экономической части этой обширной администраціи. Такъ въ 1816 году расходы на закупку табаку и администрацію приготовленія его и продажи, поглощали 41 процентъ цифры валоваго прихода. Черезъ 20 лѣтъ, то-есть въ 1836 году, эти расходы понизились до 29 процентовъ, а въ періодъ времени съ 1836 по 1860 годъ, расходы эти колебались между 29 и 23 процентами. Среднимъ числомъ чистый доходъ составлялъ 75 процентовъ цифры валоваго прихода, а фискъ получалъ 300 процентовъ съ капитала употребляемаго на содержаніе монополіи.

Само собою разумѣется, что отношеніе чистаго дохода къ цифрѣ всего прихода сдѣлалось еще выгоднѣе для казны со времени возвышенія цѣнъ на табакъ въ концѣ 1860 г.; съ тѣхъ поръ издержки составляютъ не болѣе 22 процентовъ общаго прихода.

Послѣ того, весьма естественно, что французское правительство желало сохранить источникъ столь изобильнаго дохода, и притомъ дохода на который публика оказывается весьма податливою. Подобная доходность табачной монополіи для фиска, соединенная съ нуждою французскаго правительства въ деньгахъ, придаетъ между прочимъ особенную важность вопросу о вліяніи какое американская война можетъ произвести на возвышеніе цѣнъ на табакъ, а слѣдовательно и на цифру столь важной отрасли казеннаго дохода во Франціи.

Приимая во вниманіе громадность суммъ расходуемыхъ на табакъ французскими потребителями, можно полагать, что едва ли эта громадность не есть уже почти послѣдній предѣлъ возможной денежной траты на этотъ предметъ, и что еслибы возвышеніе цѣнъ на табакъ, по случаю американской войны,

побудило правительство еще къ большому возвышенію продажныхъ цѣвъ, то вслѣдствіе этой мѣры цифра суммъ выручавшихся въ послѣднее время отъ продажи осталась бы безъ повышенія, и вмѣстѣ съ тѣмъ потребленіе табаку сократилось бы соразмѣрно возвышенію продажныхъ цѣвъ. Это мнѣніе мы основываемъ на томъ соображеніи, что если трата денегъ на потребленіе развита уже до нельзя, то какую бы ни назначить вышую продажную цѣву, сумма прокуриваемыхъ денегъ должна будетъ оставаться та же, а измѣненію можетъ подлежать только количество выкуриваемаго табаку.

Конечно, люди достаточные не стали бы курить меньше и при дальнѣйшемъ возвышеніи продажныхъ цѣвъ, но милліарды, о которыхъ мы говорили выше, собираются не съ потребленія людей достаточныхъ, а по большей части съ копѣчныхъ продажъ бѣднѣйшему классу. Работникъ могъ бы курить болѣе при пониженіи цѣвъ, но онъ былъ бы поставленъ въ необходимость курить меньше при ихъ повышеніи, потому что доселѣ употреблялъ на табакъ нерѣдко послѣднюю копѣчку.

Если мы не ошибаемся, то въ сороковыхъ годахъ (въ которомъ именно году не припомнимъ) при отдачѣ у насъ съ торговъ права на продажу вина, поднята была значительно продажная его цѣва. Откупщики, разчитывая на увеличеніе питейнаго сбора, значительно возвысили плату въ казну за право продажи. Мы имѣли тогда случай видѣть самые вѣрные разчеты одного изъ откупщиковъ, на долю котораго пришла часть Тверской губерніи; онъ содержалъ на откупѣ ту же мѣстность до возвышенія цѣвъ на вино, слѣдовательно обладалъ матеріалами нужными для хозяйственныхъ соображеній. При окончательномъ разчетѣ обнаружилось, что послѣ возвышенія цѣвъ, цифры суммъ поступавшихъ въ откупъ остались тѣ же что и при прежнихъ цѣвахъ или представляли незначительную разницу, а вмѣстѣ съ тѣмъ, количество расходуемаго вина уменьшилось соразмѣрно возвышенію продажныхъ цѣвъ; откупщику обратилось въ убытокъ почти все то что онъ прибавилъ казнѣ при послѣднихъ торгахъ, въ надеждѣ что при повышеніи цѣвъ продажа вина останется безъ измѣненія.

Намъ кажется, что то же самое предстояло бы француз-

скому фиску, еслибъ онъ по случаю возвышенія нынѣшнихъ цѣнъ на американскій табакъ, рѣшился еще болѣе возвысить продажныя цѣны.

Все сказанное нами до сихъ поръ выставляло удобную сторону подати съ табаку, но сужденіе наше было бы одностороннимъ, еслибы мы не упомянули и о томъ что она имѣетъ неудобнаго.

Она неудобна въ двухъ отношеніяхъ:

Первое. Какую бы ни принять систему для взиманія ея она влечетъ за собою обширную администрацію поглащающую не малую часть чистаго дохода.

Второе. Она даетъ поводъ къ контрабандѣ. Эта послѣдняя бываетъ двоякаго рода: одна состоитъ въ запрещенной торговлѣ извлекающей выгоды отъ перепродажи по высокимъ цѣнамъ предмета обходящагося дешево; другая въ провозѣ табаку частными лицами для собственнаго потребленія безъ платы подати. Каждая изъ этихъ контрабандъ требуетъ особенныхъ наблюдательныхъ мѣръ не-приятныхъ для жителей и сопряженныхъ съ большими расходами для администраціи. Мѣры эти въ особенности неприятны тѣмъ, что онѣ подвергаютъ обыску всѣхъ, даже некурящихъ.

Въ нѣкоторыхъ странахъ, администрація продажи табаку сознала, что обыскъ произжающихъ съ цѣлью удержанія привоза табаку для собственнаго употребленія влечетъ за собою расходы несоотвѣтствующіе ожидаемымъ выгодамъ, и по этому, не подвергая вовсе произжающихъ обыскамъ, ограничивается преслѣдованіемъ воспрещенной продажи. Мы видимъ въ этомъ примѣрѣ доказательство той важной истины, что хорошо понятыя интересы, по наружности самые противоположныя между собою, не бываютъ никогда взаимно враждебны. Приведемъ въ примѣръ администрацію продажи табаку въ Царствѣ Польскомъ, которая давно уже совершенно отказалась отъ обыска произжающихъ. Она прекратила этимъ безконечныя неудовольствія для жителей и едва ли потеряла что-либо сама.

Л. ГЕЧЕВИЧЪ. .

(Окончаніе слѣдуетъ.)

ПОѢЗДКА ВЪ ШОТЛАНДІЮ.¹

Понедѣльникъ 11/2 сентября.

Темное было утро понедѣльника, и къ тому же дождь такъ и лилъ съ низко-нависшаго, свинцоваго неба. Въ 7 часовъ утра мы были уже на пороходѣ *Айона*. При всемъ желаніи, на палубѣ оставаться было невозможно. Устроивъ сестру въ каютѣ, я помѣстился подъ мостикомъ переброшеннымъ между колесами парохода. Тутъ было много пассажировъ втораго класса, но они дали мнѣ небольшое мѣстечко, и я кое-какъ укрылся отъ дождя. Вскорѣ пароходъ застучалъ, и мы быстро пошлѣ по рѣкѣ, между судами всякой величины и рода, которые составляли какъ бы улицу, — улицу весьма оживленную и оригинальную. Покуривая, я занялся разбираниемъ шкель пароходовъ, которые быстро смѣнялись одинъ за другимъ мимо нашей *Айоны*. Интересенъ былъ длинный и узкій трехъ-ярусный пароходъ, стрѣящійся для каботажной рѣки; но не успѣлъ я всмотрѣться въ него хорошенько, какъ уже новые предметы замѣщали по рѣкѣ, которая наконецъ стала менѣе оживленною. На берегахъ показались зеленые луга, сжатые поля, одинокія фермы; а вдали, изрѣдка, высокія трубы заводовъ и фабрикъ. Дождь продолжался съ тою же силой, и я, уже видѣвшій Домбартона по дорогѣ изъ Балеха, хотѣлъ сойти въ каюту, какъ ко мнѣ обратился невѣжливый господинъ:

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 6.

— Какъ это скучно! Завтракать будемъ не прежде какъ проѣхавъ Гринокъ, сказалъ онъ.

Я отвѣтилъ вопросомъ:—А въ которомъ часу мы будемъ въ Гринокъ?

— Около девяти, отвѣчалъ этотъ господинъ, и разговоръ нашъ прекратился.

Я принялся разсматривать моего собесѣдника. Онъ былъ въ свѣтложелтомъ пальто, со стеклышкомъ въ глазу; на головѣ шапка, именуемая венгерскою (hngarian); въ рукахъ зеленый, распущенный зонтикъ, а на ногахъ прюнелевья ботинки. Судя по лицу, его никакъ нельзя было принять за Англичанина, и говорилъ-то онъ по-англійски какъ-то странно, нараспѣвъ, и съ афектированной небрежностію. Мы стояли рядышкомъ, не говоря ни слова. Я молчалъ, а онъ что-то подпѣвалъ. Англичанинъ поющій на пародію—большая странность, и я заключилъ какъ по костюму, такъ и по манерамъ, что мой собесѣдникъ навѣрно иностранецъ.

— Какая скучная страна вокругъ! обратился онъ снова ко мнѣ,—показывая на низкія въ этомъ мѣстѣ берега Клайды.

Такое замѣчаніе меня нѣсколько удивило, и я отвѣчалъ:

— Далѣе кажется лучше.

— Далѣе!—и онъ расхохотался.—Вы въ первый разъ здѣсь? продолжалъ онъ.

— Въ первый.

— Ну, прервалъ онъ:—должно быть вамъ наговорили, что здѣсь прелесть, чудо. Не вѣрьте, это все Шотландцы выдумываютъ изъ пустаго самолюбія. Я здѣсь нѣсколько разъ бывалъ. Далѣе горы, правда; но что за горы? просто дрянь, не чета Пиринеямъ или Альпамъ, это холмы. Collines, прибавилъ онъ по-французски. И потомъ какая пустота! ни оживленія, ни свѣтлыхъ чистенькихъ *шаловъ*, никакого жилья,—ничего. Къ этому вотъ эдакая погода круглый годъ. Согласитесь, мало интереснаго. То ли дѣло югъ Франціи или Швейцарія. Вотъ страны, wonderful! И климатъ, и растительность, и природа, все, все wonderful, really wonderful. Я изъ Ливерпуля, и вотъ по дѣла ѣду въ Редерей; обыкновенно я провожу бѣольшую часть года въ Парижѣ. Вотъ веселое мѣстечко!—И мой собесѣдникъ для лучшаго описанія столицы Франціи, отбросилъ родимый языкъ и сталъ изъясняться по-французски, но афектируя полное знаніе языка и употребляя

выраженія, принадлежащія къ словарю бульварныхъ кофейныхъ и извѣстнаго парижскаго квартала вокругъ Notre Dame de Lorette. Я уже начиналъ думать не имѣю ли я дѣла съ соотечественникомъ,— такъ слова барина въ желтомъ пальто звучали знакомо, часто слышанною, родною рѣчью! Но вѣтъ, Ливерпуль, дѣла! неужто это Англичанинъ? спрашивалъ я себя; а мой собесѣдникъ покончивъ перечень счастливецевъ, платящихъ за туалетъ той или другой актрисы того или другаго парижскаго театра, въ чемъ выказалъ глубокія свѣдѣнія, принялся мнѣ разказывать, что онъ очень друженъ съ старшимъ сыномъ знаменитаго писателя Виктора Гюго.—*Vous savez, Victor Hugo, le grand Hugo.*

— Какже, отвѣчалъ я съ смиреніемъ,— знаю; но не знакомъ.

Баринъ въ желтомъ пальто продолжалъ разказъ о томъ какъ онъ принятъ въ семействѣ Гюго, какъ онъ часто ѣздитъ въ Гернсей, и большею частію останавливается въ самомъ домѣ поэта.—Какъ тамъ хорошо! какъ они мило и просто живутъ!...

Мой собесѣдникъ дошелъ до такихъ подробностей, что я начиналъ думать ужь не хочетъ ли онъ меня взять съ собой въ Гернсей.

— Вы Французъ? обратилъ онъ ко мнѣ, прекращая вдругъ свой разказъ.

— Нѣтъ-съ, отвѣчалъ я удивленный этимъ внезапнымъ вопросомъ,— я Русскій.

— Русскій, повторилъ онъ,— Русскій. Аа! По выговору англійскаго языка я принялъ васъ за Француза. Впрочемъ вы, Русскіе...— затѣмъ слѣдовалъ обычный комплиментъ нашей способности къ изученію всѣхъ языковъ.

Мы разстались; онъ пошелъ требовать завтрака до пріѣзда въ Гривокъ, а я отправился къ моей спутницѣ.

Въ каютѣ, сестра моя была въ оживленномъ разговорѣ съ худенькимъ, веселымъ старичкомъ въ бѣломъ галстукѣ, черномъ фракѣ и такомъ же сверху пальто. Старичокъ, который оказался докторомъ, доказывалъ необходимость сятаго храненія воскреснаго дня, такъ какъ онъ хранится въ Шотландіи, и приводилъ примѣры изъ жизни. Вотъ одинъ: въ Эдинбургѣ одинъ извозчикъ имѣлъ два экипажа, двухъ лошадей и работника. Въ воскресенье онъ самъ съ семействомъ ходилъ въ церковь, а работника посылалъ въ извозъ. Дѣла его шли очень плохо и наконецъ дошли до того, что онъ принуж-

день былъ продать одну лошадь и отпустить работника; привычекъ же своихъ не измѣнялъ, и въ воскресенье съ семействомъ продолжалъ ходить въ церковь. Что же оказалось?—что онъ съ одною лошадью зарабатывалъ столько, сколько прежде съ двумя, вслѣдствіе чего онъ разбогатѣлъ. Окончивъ эту притчу съ торжествующимъ видомъ, докторъ сталъ доказывать, что сама природа, животные, все наконецъ, требуетъ для отдыха въ недѣлю.

Сестра стала доказывать пользу, даже необходимость вечерняго развлеченія для рабочихъ людей въ воскресенье, и привела примѣръ Италіи, гдѣ народъ въ праздникъ проводитъ вечеръ въ театрѣ, веселится и вмѣстѣ поучается, слушая историческую драму, представляющую какое-нибудь важное событіе его исторіи; тогда какъ здѣсь народъ вечеромъ проводитъ время въ тавернѣ или гдѣ-нибудь съ пріятелемъ за бутылкой джина.

Докторъ возразилъ съ нѣкоторою горячностію:—Не театры избавятъ нашъ рабочій классъ отъ пьянства, а истинное познаніе науки жизни, которую они могутъ почерпнуть изъ Священнаго Писанія. Я вчера напримѣръ прибавилъ онъ,—вечеромъ, въ нашемъ семейномъ кружку, читалъ о Навуходоносорѣ. Написано давно, а кажется полно современнаго интереса. Столько пунктовъ сравненія съ настоящимъ положеніемъ политическаго міра, что призадумавшись и найдешь, что есть что-то выше политики, выше умѣнья вести дѣла, богатства, суетныхъ веселостей, наконецъ всего что насъ занимаетъ и интересуется въ сей жизни; есть Существо, которое тамъ, въ той жизни, будетъ взвѣшивать всѣ наши дѣла, поступки, мысли. Вотъ идея, которая насъ оградитъ отъ соблазна, которая одѣлаетъ насъ лучше; и эту идею мы найдемъ въ чтеніи Священнаго Писанія, а не въ театрѣ.

Докторъ казался очень доволенъ своею рѣчью; съ улыбкой на своемъ добродушномъ лицѣ, онъ нѣсколько разъ повторилъ, обращаясь ко мнѣ: „not in the theatres, I assure you sir, not in the theatres.“

Кромѣ насъ, въ каютѣ было немного. Два молодые человека, два брата, такъ похожіе другъ на друга, что они казались близнецами; мы съ ними познакомились еще на Лохъ Ломондѣ; они почтительно осматривали Шотландію, точно добросовѣстно исполняли наложенную на

ныхъ обязанность; еще вѣсколько дамъ, должно быть изъ зашшихъ: онѣ спокойно занимались какимъ-то рукодѣліемъ. Въ Гриноктъ сѣло много пассажировъ, между которыми всѣхъ замѣчательнѣе была барыня съ чудовищнымъ носомъ. Съ ней былъ ея супругъ съ черною какъ смоль бородой, повидимому весьма довольный собой, путешествіемъ и всѣмъ, и все смѣявшійся.

При отъѣздѣ отъ Гринока, въ нашемъ пароходѣ что-то случилось въ колесѣ; тотчасъ принялись чинить; покаместъ это дѣлали, другой пароходъ потащилъ насъ версты полторы; наконецъ *Jane-Mary* оставила насъ, и мы снова быстро понеслись по раздавшейся въ этомъ мѣстѣ Клайдѣ. Поднялся сильный западный вѣтеръ, дождь прекратился, и стало расчищаться. Отъ Гринока берега Клайды становятся живописнѣе. За Святымъ заливомъ (*Holy Loch*) горы со всею ихъ дикостью выступаютъ съ обѣихъ сторонъ ближе къ рѣкѣ; но пейзажъ становится истинно великолѣпнымъ, когда пароходъ минуетъ предестное мѣстечко Донувъ (*Dunoon*), фашіонабельное мѣсто купанія газгоскихъ жителей. Тутъ уже болѣе не Клайда, а морской заливъ между материкомъ, полуостровомъ Кауалъ и островомъ Бьютъ. Горы отложе на материкѣ; но на Бьютѣ и Кауалѣ онѣ строгими, темными, отвѣсными уступами спускаются къ водѣ. Вдали темною, остроковечною массой виднѣются горы острова Аррана, которыя замыкаютъ горизонтъ, — и кажется, будто пароходъ идетъ по озеру, внутреннему озеру, тихому даже и при штурмовомъ, настоящемъ западномъ вѣтрѣ. Сама вода имѣетъ эффектный зеленый цвѣтъ, на которомъ пѣна отъ колесъ парохода, разбѣгаясь по водѣ причудливыми, быстро-измѣняющимися узорами, дѣлаетъ страшныя и чудныя сочетанія цвѣтовъ.

Красивъ городокъ Ротсей (*Rothsay*), уютно расположенный въ глубинѣ небольшого залива, у самой подошвы высокихъ горъ; но рѣдко мнѣ кажется можно увидеть что-нибудь прекраснѣе Бьютскаго пролива, или какъ его зовутъ, Кайлсъ овъ-Бьютъ (*Kyles of Bute*). Узкій проливъ извищается между горъ, острыхъ мысовъ, небольшихъ заливовъ далеко уходящихъ въ землю; иной разъ кажется нѣтъ выхода; со всѣхъ сторонъ отвѣсныя скалы громоздятся, обступая и запирая воду; но пароходъ медленно оги-

баеъ гранитаю, темную скалу,—и вдругъ горы какъ будто раступаются: новый пейзажъ, новыя неожиданныя сочетанія горъ, моря, свѣта, тѣни; вы хотите взглянуть еще разъ на мѣсто, гдѣ только что были, но его ужъ нѣтъ: исчезли развалины замка и бѣленькая яхта съ своими широкими парусами, которая такъ весело рѣзала волны; высокая гора какъ будто выдвинулась сзади парохода, и изъ пройденнаго пути не видно ничего. Не возможно передать все разнообразіе пейзажей, встрѣчаемыхъ при проѣздѣ по проливу. Невозможно также описать всю прелесть этихъ безлѣсныхъ, угрюмыхъ горъ;—почти голыхъ въ иныхъ мѣстахъ, а въ другихъ—покрытыхъ роскошнымъ, лиловымъ ковромъ цвѣтовъ вереска. Жилья и признаковъ человѣческаго пребыванія не видишь нигдѣ. Самъ пароходъ съ своими пассажирами, шумящими колесами, громаднымъ столбомъ густаго дыма, какъ змѣя, завивающимся и развивающимся низко въ воздухъ,—да, самъ пароходъ съ своею жизнью и дѣятельностью, казался аномаліей, чѣмъ-то въ родѣ святотатства, предъ лицомъ этихъ грустно-спокойныхъ, одинокихъ горъ. При видѣ горъ Бьютскаго пролива невольно вспомнилъ я многія сцены, описанныя Валтеръ-Скоттомъ. Рамка его романовъ осталась такъ какъ была во времена его героевъ; но отъ самихъ героевъ—даже и потомковъ не осталось. Дай волю перу, и я бы съ наслажденіемъ повѣдалъ читателю какой романъ безсмертнаго Валтеръ-Скота и гдѣ я припомнилъ. О Робъ Робъ напримѣръ, я не могъ вспомнить на Лохъ-Ломондѣ, гдѣ и теперь существуетъ Rob Roy's cave. Наконецъ я коснулся бы слегка мечтаній моего дѣтства, когда я, разложивъ на школьномъ пюпитрѣ *Geographie* Арсеньева, съ большимъ искусствомъ подъ пюпитромъ держалъ *Redgauntlet* или *Abbot*, или *Kenilworth*, и книга подъ спудомъ такъ интересовала вашего покорнаго слугу, что даже звуки поэзіи въ родѣ:

Tolle me tu, mi, mis
Si declinare domus vis

раздававшіеся у кафедры, не могли его оторвать отъ заперщеннаго въ учебное время занятія. Все это могло бы быть весьма интересно; — слова нѣтъ; но пока пароходъ, вышедшій изъ Бьютскаго залива, ходко идетъ по широкому началу Лохъ Файна (Loch Fyne) до Ардршега,

(Ardrihaig), гдѣ остановится *Айона*, еще далеко;—и я, вмѣсто того чтобы передавать мой разговоръ съ почтеннымъ, добродушнымъ докторомъ, строгимъ хронителемъ воскреснаго дня, постараюсь сказать нѣсколько словъ о причинѣ пустынности Горной Шотландіи. Хотя было бы не безынттересно передать слова почтеннаго доктора, силувшагося свратить меня изъ православія въ пресвитеріанскую церковь, но такъ какъ я остался непоколебимъ въ вѣрѣ отцовъ, то къ дѣлу.

Съ начала нынѣшняго столѣтія, въ Шотландскихъ горахъ начала переводиться на практику теорія уменьшенія народонаселенія, публично изложенная въ 1808 г. шотландскимъ лордомъ, Селкеркомъ (lord Selkirk), теорія, извѣстная до сихъ поръ подѣ выраженіемъ *clear an estate*, слово въ слово *очистить имѣніе*. Устройство древняго клана, вся сила котораго состояла въ многочисленности вассаловъ, подѣ начальствомъ наслѣдственнаго вождя, оказалось невозможнымъ въ настоящія времена. Невозможность эта заключалась въ недостаточности и бѣдности земли. Прежде кланы жили грабежомъ и набѣгами на низменную страну; грабежъ и набѣги стали невозможны при настоящемъ общественномъ развитіи, и воинственные Хайландеры принуждены были промѣнять кельмору отцовъ на плугъ; но тощая горная почва едва можетъ производить овесъ, иногда рожь; усиленный трудъ едва находилъ вознагражденіе въ воздѣлываніи земли, и бѣдность горныхъ жителей была ужасна и возрастала все болѣе. Родовые начальники клановъ, видя безвыходное положеніе своихъ вассаловъ, начали стараться уменьшить народонаселеніе въ своихъ владѣніяхъ. Англійское правительство много помогло въ этомъ отношеніи устройствомъ изъ хайландскихъ клановъ регулярныхъ полковъ, свискавшихъ себя въ войнахъ съ Наполеономъ и въ Индіи громкую славу. Но всѣ эти мѣры оказались недостаточными, и шотландскіе землевладѣльцы принялись съ энергіей очищать свои владѣнія. Самое устройство клановъ много способствовало успѣшному ходу этой чистки. Вся земля нагорной части Шотландіи принадлежала небольшому количеству семействъ и находится только въ пользованіи вассаловъ клана, и за это пользованіе члены клана были обязаны служить на войнѣ своему начальнику. Войны не было, и собственникъ требовалъ всю свою землю себя. Во всей

Англiи общественное мнѣнiе было сильно возбуждено въ пользу Хайландеровъ ¹, несчастныхъ, поэтическихъ Хайландеровъ, принужденныхъ оставлять родимое пепелище. Но законы необходимости неумолимы; горы пустыни, эмиграція въ Канаду, Америку увезла многихъ; многіе сошли въ равнины и поселились въ городахъ и деревняхъ Низменной Шотландiи, и вотъ, тамъ гдѣ человѣкъ не могъ добывать себѣ достаточнаго пропитанiя, появились несмѣтная стада черномордой овцы. Землевладѣльцы изъ воинственныхъ начальниковъ клана, превратились въ мирныхъ овцеводовъ. Приверженцы романтической школы до сихъ поръ не могутъ помириться съ дѣйствительностью и находятъ систематическое выселеніе, произведенное въ горахъ, не совсѣмъ деликатнымъ; оптимисты и политики съ легкостью преклоняются передъ законами необходимости. Къ послѣднимъ, по всему вѣроятiю, принадлежатъ и хайландскіе землевладѣльцы, всѣ вѣбогатѣвшіе отъ промѣна людей на овецъ.

До самого Ардрисега, почтенный докторъ не переставалъ проповѣдывать мнѣ о пресвитерiанской церкви. Вообще нигдѣ я думаю, какъ въ Англiи, не встрѣчаешь такъ много признаковъ религіозности на каждомъ шагу. Въ самомъ обыкновенномъ разговорѣ слышатся очень часто сравненiя и тексты изъ Священнаго Писанiя. Въ Ардрисегѣ мы простались съ докторомъ проповѣдникомъ, отправлявшимся обратно на пароходѣ, и поспѣшили занять мѣста на длинной крытой баржѣ, ожидавшей насъ на каналѣ. Баржу тянули на бичевѣ три лошади, все время рысью, кромѣ тѣхъ мѣстъ гдѣ шлюзы. Мнѣ въ первый разъ пришлось проходить шлюзами и видѣть какъ баржа, носящая громкое названіе *sunbeam* (солнечный лучъ), быстро подымалась и опускалась; меня очень интересовало, какъ отворялись и запирались ворота; но шлюзовъ столько, что я и считать ихъ пересталъ, и интересъ исчезъ отъ частаго повторенiя. Пока проводили нашъ *Лучъ*, я отправился пѣшкомъ впередъ. Мѣстоположеніе

¹ Въ *Essai sur l'économie rurale de d'Angleterre, de l'Ecosse et de l'Irlande* par de Lavergne, стр. 353 приведенъ примѣръ выселенiя на земляхъ маркизы Стаффордъ, урожденной графини Садерландъ (Sutherland).

умно, пустынно; но имѣетъ большую прелесть. Оно во многомъ напоминаетъ родныя мѣста. Горы, мелкія на Криланскомъ перешейкѣ, въ самой серединѣ его, разступаются, окаймляя высокую, плоскую равнину, по которой тянется узкое озеро. Кой-гдѣ начинающія желтѣть березовыя рощи выдвинули передъ собой, въ видѣ аванпостовъ, мелкій темнозеленый кустарникъ. Черезъ него извивается узкая, изрытая двумя параллельными колеями дорога, и пропадаетъ въ опушкѣ рощи. Въ воздухѣ мягкая, осенняя свѣжесть, запахъ палаго листа, моху, лѣсной сырости; на верку возлѣкнута, свѣрныя облака клубятся и бродятъ, стараясь ступешать прогаламывшую кой-гдѣ небесную синеву. Ну, не Россія ли, говорилъ я себѣ, не русскій ли сентябрь?—и шаось такъ бодро, такъ пріятно по каменистой тропинкѣ вдоль канала.

На баржѣ оказалось двое—чуть ли не соотечественниковъ—двое негоціантовъ изъ Гестингса. Узнавъ, что я прожилъ все лѣто въ ихъ городѣ, они чуть не бросились въ мои объятія. „But you are a countryman“ (вы землякъ нашъ), восклицали оба, и тотчасъ предложили свои услуги. Я поблагодарилъ, и все кончилось тѣмъ, что я подтвердилъ передъ всѣмъ обществомъ сидѣвшимъ на крышѣ баржи, что горы, илѣ лучше сказать скады (cliffs) Гестингса, имѣютъ весьма респектабельную величину, даже въ сравненіи съ шотландскими горами. Мои Гестингцы были въ восхищеніи отъ этого замѣчанія. Англичанинъ ужь таковъ: для него не только Англія лучшая страна въ мірѣ, но мѣсто его жительства, его ближайшая родина,—непремѣнно, если не во всемъ, то хоть въ чемъ-нибудь, лучшее мѣсто въ Англіи. У насъ, Русскихъ, странная манера при случайной встрѣчѣ другъ съ другомъ за границей. Вотъ напримѣръ двое Русскихъ, не знающихъ другъ друга, встрѣчаются случайно въ вагонѣ, на пароходѣ. Вотъ они неожиданно узнаютъ, что оба они одного края, изъ одной земли: что жь они выкажутъ? радость, удовольствіе?—нисколько. Сначала оба будутъ какъ будто сконфужены; потомъ оба недовѣрчиво посмотрятъ другъ на друга, какъ бы желая взглядомъ рѣшить вопросъ: ты братецъ откуда? что ты за человѣкъ? Потомъ, слегка побранивъ все русское, оба взапуски начнутъ пускать другъ другу пыль въ глаза: или безчисленнымъ количествомъ городовъ и мѣстъ,

которые видѣлъ и объѣзжалъ, или глубокимъ познаніемъ парижской жизни, или небрежнымъ упоминаніемъ о своемъ офиціальномъ, высокомъ положеніи въ Питерѣ: членъ или производитель дѣлъ дескать комиссіи имѣющей государственную важность. При этомъ обыкновенно съ достоинствомъ говорится слѣдующая фраза: „мы теперь стараемся ввести въ Россіи коренную реформу по...“ и т. д.; есть такіе, которые, за неимѣніемъ другаго, стараются пустить пыль знакомствомъ своимъ со всѣми медицинскими знаменитостями Европы. Впрочемъ, всѣхъ коньковъ не перечислишь. Въ Крикенѣ (Сгипан) ¹ мы сѣли на новый пароходъ, ожидавшій насъ, и тотчасъ отчалили отъ пристани. Тутъ море было не такъ спокойно какъ по ту сторону полуострова. Вѣтеръ былъ западный и сильный; вокругъ меня все говорили, что въ открытомъ морѣ должна быть буря.

Все время отъ Крикена пароходъ идетъ между островами съ западной стороны и материкомъ съ восточной. Несмотря на силу вѣтра качка была не чувствительна; по поровнявшись съ южною оконечностью острова Моля (Mull), на разстояніи около двухъ миль, пароходъ долженъ пройти по совершенно открытому съ запада пространству. Тутъ показались волны Атлантическаго океана, весьма неприятныя волны, между нами,—и насъ стало такъ покачивать, что пришлось держаться, чтобы не упасть. Всѣ мои приятели подымали меня на смѣхъ; но всѣ, особенно гестингскіе друзья, съ участіемъ усаживали меня около машины, на серединѣ судна, гдѣ качка всего менѣе чувствительна, и каждый давалъ совѣтъ какъ лучше предупредить скверную морскую болѣзнь; на мое счастье, скоро высокій Моля защитилъ насъ отъ Атлантики, и дѣло обошлось очень хорошо безъ медицинскихъ пособій.

„You are a good sailor?“ (хорошій вы морякъ?) каждый считалъ своею обязанностью замѣтить мнѣ съ радушною, пролическою улыбкой и откровеннымъ, громкимъ смѣхомъ: „Are you?“ Другой прибавлялъ при этомъ, что вотъ теперь-то, какъ качки нѣтъ, я могу выказать свои мореходныя способности, и все это съ такимъ довольствомъ, радушною любезностью, и тутъ же каждый съ участіемъ спрашивалъ: „ну какъ

¹ Крикенъ, каналъ длиною 9 миль, имѣетъ 15 шлюзовъ; имъ выгадывается 70 миль.—разстояніе необходимое, чтобы обогнуть полуостровъ Cantire.

вы себя чувствуете?" „Не вынуть ли грогу, теплаго? Oh! capital!“ Другой: „рюмку brandy,“—то же capital и т. д. На пароходѣ, въ морѣ, у береговъ Англіи, каждый Англичанинъ считаетъ своимъ долгомъ рекомендовать море иностранцу, руководить его своими совѣтами и указаніями. Для него море родина, онъ тутъ хозяинъ, и радъ и считаетъ, когда можетъ en faire les honneurs иностранцу и контиветальному жителю. Часто впрочемъ,—я это разъ видѣлъ между Дувромъ и Кале,—совѣтчикъ хозяинъ не лучше гостя переносить родное море.

Моя спутница, сестра моя, вышла въ это время на палубу, и одинъ изъ нашего кружка тотчасъ уступилъ ей свое мѣсто. Путешествуя по Англіи, я не разъ удивлялся утонченной учтивости, которою всюду въ Англіи окружена одиноко путешествующая женщина. Часто, катаясь между Лондономъ и Гестингсомъ, мнѣ случалось ѣздить съ одинокими дамами, и никогда не видалъ я чтобъ онѣ прикасались къ своему багажу. По пріѣздѣ, ближайшій къ ней мужчина тотчасъ бралъ картонъ или ящикъ ея, и подавалъ носильщику, отворявшему двери вагона на станціяхъ. Въ лондонскихъ омнибусахъ то же самое. Но проѣхавъ по Шотландіи вдвоемъ съ сестрой, мы еще болѣе испытали какъ Англичанинъ уважителенъ и учтивъ въ отношеніи къ прекрасному полу. Эта учтивость и уваженіе, положимъ, немного холодны, не много смотрятъ какъ бы исполненіемъ обязанности; но этимъ самый фактъ нисколько не портится; напротивъ, по моему, онъ отъ этого выигрываетъ.

Въ Обенъ мы пріѣхали еще засвѣтло, въ седьмомъ часу. Тутъ пароходъ высадилъ большую часть пассажировъ, а принималъ очень немного, и снова зашумѣлъ, быстро подвигаясь на сѣверъ. Стало темнѣть, когда мы достигли острова Лизмора. Лизморъ на галлическомъ языкѣ значитъ большой садъ. Въ древнія времена это была лѣтняя резиденція архіереевъ аргайльскихъ, называвшихся часто Eписcopi Lismogienses. Теперь на островѣ нѣсколько развалинъ, и на зеленыхъ его лугахъ падутся стада рогатого скота и есть даже нѣсколько фермъ. Вообще Лиаморъ бросается въ глаза по контрасту съ окружающею мѣстностью. Вокругъ остроковечья, скалистая горы, а онъ, едва возвышающійся надъ поверхностью воды, плоскій, весь покрытый аркозелеными лугами, тянется съ юга на сѣверъ,

какъ обращикъ совсѣмъ другой природы. Отъ Лизмора начинается Линскій заливъ (Loch Linnhe), родъ внутреннего озера, покрытаго безчисленными островами. Совершенно стежало, пошелъ мелкій дождикъ, вѣтеръ непріязненно свисталъ, густой окружающій мракъ какъ будто оцалса схватить нашу освѣщенную палубу. Изъ всѣхъ моихъ пріятелей остался только одинъ чиновникъ изъ форта Вильямъ. Онъ мнѣ разказывалъ въ полголоса о своей жизни въ зимнее, одинокое время. Тихая, одинокая жизнь, безъ общественныхъ удовольствій; но у него занятія и этотъ home, стоить цѣннымъ Англичаниномъ, и онъ счастливъ и доволенъ. Его тихая рѣчь какъ-то согрѣвала меня въ эту темную, сырую, осеннюю ночь. Въ воображеніи рисовалась чистая, свѣтлая комната, круглый столъ съ чаемъ, бѣлокурова дѣтскія головки, пылающій каминъ, и, крѣпче кутаясь въ пальто, становилось какъ будто теплѣе.

Въ форть Вильямъ, мы простились съ моимъ послѣднимъ пріятелемъ. До Баннави (Bannavie), нашего ночлега, оставалось четверть часа.

Въ Баннави мы пріѣхали въ девятомъ часу. Отыскавъ двѣ комнаты въ отелѣ, который составляетъ весь Баннави, мы отправились въ общую комнату пить чай. Тамъ мы застали большое общество, между которыми трое молодыхъ людей у фортепьяно удивительно стройно, хорошо, пѣли шотландскія и ирландскія пѣсни. Несмотря на утомленіе, мы остались и послѣ чаю слушать ихъ. Какая-то старушка обратилась къ сестрѣ съ вопросомъ: не беспокоятъ ли ее пѣсни молодыхъ людей? Мы оба сконфузились этимъ вопросомъ, тѣмъ болѣе что музыка остановилась, и всѣ обратили на насъ взгляды; сестра отвѣчала вполголоса, что напротивъ ей бы очень хотѣлось слышать хайландскія пѣсни. Старушка тотчасъ направилась достойною, тихою поступью къ пѣвцамъ, и громогласно объявила имъ что foreign lady (иностранныя дама) желала бы слышать хайландскія пѣсни. Они отвѣчали, что не помнятъ хорошо аккомпанимента, но постараются подобрать. Произошло всеобщее молчаніе; мы съ сестрой просто желали провалиться оквою землю. Наконецъ желанная пѣснь послышалась, и та же старушка усѣлась около сестры, съ участіемъ спрашивая ее, откуда, куда мы ѣдемъ, и какъ довольны путешествіемъ. Мы немного разговорились, и наконецъ достояло

ознакомились, что дерзнули встать, раскладывать со всѣми и отправиться на боковую.

Вторникъ $12\frac{1}{2}$ сентября. Въ 8 часовъ утра мы всѣ были на пароходѣ *City of Edinburgh*, готовомъ къ отплытію. Дорога отъ Баннави до Инвернесса называется общимъ именемъ Caledonian Canal, хотя собственно каналъ составляетъ меньшую часть пути. Каледонскій каналъ, соединяющій Атлантику съ Нѣмецкимъ моремъ, имѣетъ $60\frac{1}{2}$ миль длины; изъ нихъ $37\frac{1}{2}$ —удлиненныя озера Loch Lochi, Loch Oich и Loch Ness, а остальные 23 мили—каналъ искусственный. Главныя шлюзы,—ихъ впрочемъ немного,—между Лохъ Ойхонъ и Лохъ Нессомъ. Каналъ былъ начатъ въ 1803 и открытъ для навигаціи въ 1822. Въ 1843 г. были предприняты въкоторыя исправленія, оконченныя въ 1847 г. Съ 1803 по 1847 г. каналъ стоилъ 1.256.000 фунтовъ стерлинговъ.

Отъ Баннави до входа въ первое озеро, въ Лохъ Лохи, пароходъ идетъ по каналу надъ небольшою рѣчкой, причудливо извивающеюся въ узкой горной долині. Направо высоко вздымается вершина Бель-Невиса (Ben-Nevis), высочайшей изъ шотландскихъ горъ. Обыкновенно капризный Бель-Невисъ укутывается въ облака, и рѣдко кому удается видѣть его. Встрѣченный мною на Лохъ-Ломондѣ Женевецъ три дня прожилъ въ Баннави, чтобы взойти на Бель-Невисъ. Какъ на зло, всѣ три дня великанъ шотландскій былъ такъ плотно одѣтъ туманомъ и облаками, что было рѣшительно невозможно предпринять путешествіе на его вершину. Женевецъ уѣхалъ, не видавъ шотландскаго Монъ-Блана. Мы были счастливы и видѣли Бель-Невисъ¹ во всей его красѣ. Сначала утро было сѣренькое; шелъ даже дождикъ, когда мы отправились на пароходъ; но потомъ расчистилось, и даже показалось солнце, правда не на долго, но достаточно, чтобы освѣтить весьма эффектно шотландскаго великана. Къ тому же, въ ночь, его вершина покрылась снѣгомъ, что придавало ему не мало важности и значенія. Этотъ бѣлый, тупой конусъ, поднявшійся высоко надъ своими темными товарищами и провожавшій насъ какъ будто взглядомъ, былъ очень эффектенъ въ это свѣжее

¹ Высота Бель-Невиса 4.406 футовъ надъ уровнемъ моря; площадь, занимаемая имъ,—24 мили въ окружности.

утро, среди этой дикой, угрюмой природы. Когда пароходъ вышелъ изъ канала на Лохъ-Лохи и когда Бель-Невись сталъ мало-по-малу скрываться за ближайшими горами, все болѣе и болѣе выдвигавшимися передъ нимъ, — его снѣжный конусъ отчетливо обрисовался на сѣромъ фонѣ горизонта, и какъ нарочно лучъ солнца ярко осветилъ его, такъ что на кормѣ парохода *Эдинбургъ* только и слышалось нуть пять: „Look, look! Oh! beautiful! Oh yes, beautiful!“ Всѣ трубки были направлены на Бель-Невись, который все болѣе и болѣе скрывался, и наконецъ скрылся за горизонтомъ.

Окрестности Каледонскаго канала имѣютъ болѣе мягкій характеръ чѣмъ дорога отъ Глазго до Обена и Баннави. Какъ тамъ, такъ и здѣсь, это Горная Шотландія, пустынные дикіе Highlands; но тутъ горная природа производитъ болѣе роскошную растительность. Иная гора, какъ въ Бьютскомъ проливѣ, покрыта однимъ лиловымъ верескомъ, но это рѣже; болшею частію сосновыя и березовыя густыя рощи спускаются до самаго берега озера. Особенно хорошъ маленькій Лохъ-Ойхъ, весь окаймленный лѣсистую рамкой; иныя серебристыя березы почти склоняютъ въ его голубую, спокойную воду свои желтѣющіе листья, какъ будто сохранившіе на себѣ слѣды лѣтняго знойнаго луча. Кой-гдѣ на берегу видѣлись развалины древнихъ замковъ, и все съ такими мудреными именами, что сразу ихъ не выговоришь. Всѣ мои сотоварищи на пароходѣ пристально слѣдили по „указателю“, обстоятельно называющему каждый домикъ, каждую развалину на пути; иныя по нѣскольку разъ повторяли замысловатыя названія, какъ бы желая заучить ихъ; но всѣ до одного, при видѣ малѣйшаго слѣда жизни на берегу, вооружались зрительными трубками повѣшенными на ремѣ черезъ плечо. Путешественника добросовѣстнѣ Англичанина нѣтъ на землѣ. Въ *galleria dei quadri*, въ Италіи, на Риги, въ Швейцаріи, на парижскихъ бульварахъ и на Каледонскомъ каналѣ, — онъ все такой же, неизмѣнный, добросовѣстный, хладнокровный и почти-тательный ко всему что гласитъ ему не покидающій его „гайдъ“. Впрочемъ, на Каледонскомъ каналѣ въ немъ замѣтно что-то другое, это не спокойный зритель артистическихъ сокровищъ Италіи и природныхъ красотъ Швейцаріи; нѣкоторое чувство національной гордости, улыбка радушнаго доволь-

ства то и дѣло мелькаютъ на его лицѣ. Заговорите съ кѣмъ попало, и всякій, кому вы похвалите the scenery, отвѣтитъ вамъ чуть не благодарностію.

Сначала все общество на пароходѣ или лучше сказать мужская его половина обступила капитана парохода на платформѣ, перекинутой черезъ колеса. Капитанъ, вертлявый старичокъ съ сѣдыми бакенбардами, поминутно и какъ-то выразительно подымавшій плечи, толковалъ и объяснялъ несчастія *Греть Истерна*. Объяснивъ всѣ обстоятельства, капитанъ, окинувъ всѣхъ присутствующихъ увѣреннымъ взоромъ и спросилъ: „Отчего? какая причина?“ Всеобщее молчаніе. Капитанъ нѣсколько минутъ, наслаждаясь безотвѣтностью слушателей, возвышалъ нѣсколько голосъ и съ самоувѣреніемъ произносилъ: „I will tell you, gentlemen. (Я объясню вамъ, господа.) Почтенный капитанъ доказывалъ, что *Греть-Истернъ* не имѣетъ никакихъ мореходныхъ достоинствъ, и что онъ на своемъ *City of Edinburgh* лучше бы вынесъ случившійся штормъ и навѣрное пришелъ бы въ Америку. Главный его аргументъ былъ тотъ, что *Persia* вышла въ одно время съ *Great-Eastern* и пришла по назначенію исправно, почти не замѣтивъ шторма. Одинъ изъ слушателей оказался морякомъ и сталъ доказывать, что *Persia* вѣроятно прошла въ районѣ шквала; но капитанъ не убѣждался и снова выставлялъ на видъ свой *City of Edinburgh*. Разговоръ потомъ перешелъ на вѣдущую политику; впрочемъ, я думаю, читателямъ *Русскаго Вѣстника* не очень интересно узнать, что почтенный капитанъ парохода *Городъ Эдинбургъ* не имѣетъ никакого довѣрія къ политикѣ императора Наполеона, хотя и отдаетъ полную справедливость его умственнымъ способностямъ.

Пока пароходъ проходилъ шлюзами, передъ входомъ въ Лохъ-Несъ, мы пошла впередъ лѣшкомъ, чтобы поскорѣй добраться до форта Augustus. Въ этомъ фортѣ помѣстился замѣчательный человекъ, нѣкто Гордонъ Кэмингъ, извѣстный въ Англіи подъ названіемъ Lion Hunter (охотникъ на львовъ). Г. Гордонъ Кэмингъ принадлежитъ къ одной изъ знатнѣйшихъ фамилій Шотландіи. Будучи младшимъ сыномъ, онъ получилъ небольшое состояніе, но достаточное для жизни независимой. Онъ прожилъ все на путешествія и охоты въ южной Африкѣ. Теперь онъ живетъ тамъ, что показывается въ фортѣ Огостасъ нѣчто въ

родъ музея, составленнаго изъ шкуръ и скелетовъ живот-
ныхъ, убитыхъ имъ во время пятилѣтняго пребыванія въ
Африкѣ, и изъ разной домашней утвари и одеждъ Каф-
ровъ. Кромѣ этого, онъ продаетъ въ своемъ музей пал-
ки, свои собственные портреты и разныя бездѣлки.
Говорятъ, что онъ дѣлаетъ это изъ эксцентричности, а
никакъ не изъ нужды, потому что братъ даетъ ему пен-
сію вполнѣ достаточную для бездѣльной жизни. Какая бы ни
была причина, но музей очень интересенъ, и самъ хозяинъ,
съ достоинствомъ и разными шутками объясняющій свою
коллекцію, очень оригиналенъ. Гордонъ Кэммингъ, высокій,
статный, красивый мужчина, лѣтъ сорока, носитъ горно-
шотландскій костюмъ начальника клана; передъ нимъ, по
древнему обычаю, идетъ его piper (музыкантъ съ націо-
нальною волюшкой) въ костюмъ его клана. Сзади его двѣ
сосворенныя горношотландскія, мохнатыя борзые собаки, и
двѣ большія бѣлая козы. При этой свитѣ, живой образчикъ
древнихъ вождей, разказывающій свои похождения зрите-
лямъ, по шиллингу за входъ, и торгующій пакаами и вся-
кою всячиной, — согласитесь, — зрѣлище весьма оригинальное.

Прозвонилъ колоколъ парохода, всѣ спѣшили уходить;
у дверей хозяинъ, съ аристократическою любезностью,
благодарилъ всѣхъ за посѣщеніе, съ такимъ видомъ какъ
прощается хозяинъ съ гостями послѣ бала, обѣда или
раута. Послѣ, на пароходѣ, разказывали кучу анекдотовъ
о Гордонѣ Кэммингѣ. Вообще онъ очень популяренъ, и его
книга: *Five year's adventures in the far interior of South
Africa*, by Rosalen Gordon Cumming, Esq. of Altyre, — имѣла
нѣсколько изданій, и дѣйствительно очень интересна.

Мы теперь на Лохъ Нессъ. Пароходъ остановился, чтобы
дать возможность пассажирамъ видѣть первый водопадъ Шот-
ландіи. Всѣ пристають къ капитану съ просьбами; вертлявый
старичокъ съ важностью подымаетъ еще болѣе плечи, и увѣ-
ряетъ, что сдѣлаетъ все, чтобы удовлетворить желаніямъ la-
dies and gentlemen; но долгъ службы, — и долѣе часу онъ оста-
ваться не можетъ. Вчерашніе пѣвцы пристають съ нѣко-
торою настойчивостью, и капитанъ, замѣтивъ наконецъ
что надъ нимъ подсмѣиваются, съ важностью отдастъ при-
казанія матросамъ и уходить, насупивъ брови. Я усвоя
около одного господина, съ которымъ мы ѣхали все вмѣстѣ
отъ самаго Глазго. Этотъ господинъ, съ свѣтло-блѣдурыши

плоскими волосами и такою же круглою бородкой, имѣеть совершенно типъ московскаго купчика,—до того, что сначала я съ нимъ заговорилъ по-русски и былъ несказанно удивленъ, узнавъ, что онъ Англичанинъ, пятнадцать лѣтъ прожившій въ Египтѣ и пріѣхавшій на родину на короткое время. Баринъ этотъ толковалъ мнѣ про Египеть, и особенно выставлялъ на видъ всю невозможность прорытія Суэзскаго перешейка. Какъ-то, отвѣчая, я употребилъ фразу: „Богъ знаетъ.“ Бѣлокурая бородака обратилась ко мнѣ съ вопросомъ.

— Пожалуста не сердитесь, сказалъ онъ: — вы христианинъ?

— Да, отвѣчалъ я съ удивленіемъ.

— Такъ какъ же вы не исповняете, продолжалъ онъ,— Господней заповѣди, запрещающей произносить имя Господне всуе. Видъ это большой грѣхъ. Тамъ, гдѣ мы отладимъ отчетъ въ вашихъ словахъ, дѣйствіяхъ, мысляхъ, все взвѣсится,—и пріятель мой принялся снова извиняться, что впрочемъ не помѣшало ему прочесть мнѣ цѣлую проповѣдь, оставшуюся однако безъ конца, такъ какъ пріѣздъ къ водопаду пресѣкъ духовное увѣщаніе.

Водопада рѣки Фойеръ съ берега озера не видать и не слышать; надо пройти версты полторы лѣсомъ, въ гору, и тогда открывается онъ во всей своей красѣ. На нашу бѣду пошелъ дождикъ въ самое то время какъ мы причалили къ берегу; а у насъ съ сестрой не было зонтика. Укутавшись какъ могли, мы послѣдовали за прочими пассажирами по узкой и скользкой тропинкѣ, вьющейся въ гору, въ густомъ, березовомъ лѣсу. При входѣ въ лѣсъ, все окружающее такъ живо напомнило мнѣ бывшее, родину, что несмотря на дождь, на грязь, я съ наслажденіемъ шелъ по тропинкѣ между бѣлыми, мшистыми стволами родимой березы. Самая трава между деревьями, густая, сочная, между кочками, съ широко-раскинувшимся папоротникомъ, имѣла совершенно характеръ русской природы.

Водопадъ раки Фойеръ состоитъ изъ двухъ частей: верхней и нижней. Нижняя, безъ сомнѣнія, красивѣе и величественнѣе верхней. Не столько самъ водопадъ, сколько окружающая природа, рамка картины, состоящая изъ причудливо-разбросанныхъ деревьевъ, кустовъ и скалъ, выдающихся на отвѣсныхъ стѣнахъ горы, придаютъ этому водо-

паду особую прелесть и ставятъ его на первое мѣсто въ Великобританіи, хотя, по величинѣ и количеству воды, водопадъ Stonebyges несравненно больше falls of Foyers.

Мокрые отъ дождя и отъ брызгъ водопада, возвратились мы на пароходъ, и тотчасъ же прозвонилъ колоколъ, сигналъ къ отплатію и вмѣстѣ зовъ къ обѣду. Кстаті, позволю себѣ дать совѣтъ всякому изъ моихъ соотечественниковъ, который пожелаетъ предпринять прогулку по Горной Шотландіи: обѣдать и завтракать на пароходахъ, а не въ отеляхъ. На пароходахъ линіи отъ Глазго до Инвернесса, кухня очень хорошая и весьма дешевая. Завтракъ изъ трехъ блюдъ съ чаемъ или кофеемъ, сыромъ, молокомъ, вареньемъ и фруктами—2 шиллинга. Обѣдъ изъ 5 блюдъ съ десертомъ—2½ шиллинга. Въ отеляхъ убѣждаютъ всегда позавтракать передъ отъѣздомъ. Но, впервыхъ, въ ранній часъ не у всякаго аппетитъ; а ввторыхъ, большею частью, по случаю 5 или 6 часовъ утра, въ отеляхъ даютъ только холодныя блюда и берутъ дорого. Еще рекомендую всякому путешественнику по Шотландіи обратить вниманіе на варенье, которое тамъ всегда подается къ чаю. Совершенно русское, деревенское; есть даже брусничное.

Надо еще замѣтить, что вода въ Шотландіи удивительная. Какъ водится, за обѣдомъ на пароходахъ председательствуетъ капитанъ, и съестъ можно не прежде какъ когда онъ прочтетъ молитву. Затѣмъ снимаются колпаки покрывающіе блюда, которыя всѣ стоятъ на столѣ, и господа сидящіе ближе къ нимъ исполняютъ неутомимо и очень любезно должность форшнейдеровъ. Не успѣли мы окончить обѣдъ, какъ уже вдали завидѣлся конецъ Лохъ Несса, и вскорѣ пароходъ остановился у перваго шлюза послѣдняго канала, въ милѣ отъ Инвернесса, гдѣ ожидали насъ омнибусы всякой величины и вида. Черезъ полчаса мы были въ Caledonian Hotel'ѣ, гдѣ съ трудомъ, только благодаря тому что было тамъ получено письмо на мое имя, нашли мы двѣ комнаты, и то гдѣ-то во флигелѣ. Весь отель былъ занятъ; и кромѣ того, въ залахъ отеля, этотъ вечеръ городъ давалъ обѣдъ судьямъ по случаю окончанія ассизовъ. Безтолковщина, шумъ, толпа туристовъ, и между ними красные мундиры судейскихъ трубачей,—все вмѣстѣ было даже очень живописно. Мы однако, сдавъ багажъ свой, отправились воспользоваться остаткомъ дня, засвѣтло по-

бродить по городу и зайти въ известный магазинъ Mac Dougal'a. Въ Эдинбургѣ цѣны на пледы, гаргс¹ и тартаны совершенно тѣ же чтѣ и въ Лондонѣ; у Макдугала товары тѣ же, но гораздо дешевле. Самъ городъ не представляетъ никакого интереса, развѣ въ концѣ августа, когда бываетъ собраніе всѣхъ горныхъ клановъ. Въ обыкновенное же время, кромѣ магазина Макдугала, рѣшительно почти нечего видѣть.

Среда 13 (25) сент. Рано утромъ, еще едва свѣтало, мы были на станціи желѣзной дорогѣ. На бѣду, путешественниковъ было много, а каретъ мало; въ нашемъ отдѣленіи вагона пассажиры были въ полномъ комплектѣ, и на половину дамы. Курить нельзя было и думать; къ тому же всѣ пассажиры какъ будто дали обѣтъ молчанія, и ничего не оставалось дѣлать какъ слѣдить по „указателю“ за мѣстностью, быстро мелькавшею въ окнахъ вагона. День былъ свѣрый; дождь то и дѣло лилъ, и давъ себѣ немного отдыха, снова принимался лить, но тихо, не торопясь, точно исполняя работу, на которую былъ подряженъ на длинный срокъ. Окружающая мѣстность представляла мало интереса; почти плоская, направо слегка всхолмленная, съ неясными очертаніями горъ, едва замѣтными въ свѣрой атмосферѣ, а нѣтъ совершенная равнина съ разбросанными по ней кустами. Вскорѣ за Инвернессомъ поѣздъ перерѣзываетъ знаменитое мѣсто Culloden Moor², гдѣ горно-шотландская армія, подъ предводительствомъ принца Карла Стюарта, была на голову разбита 16 апрѣля 1746 г. Куллоденская битва положила конецъ попыткамъ Стюартовъ возвратитъ потерянный престолъ.

За городами Нерномъ (Nairn) и Фарсомъ (Farges), вскорѣ начинается графство Элгинъ (Elgin). Графство Элгинъ или Мореширъ называется садомъ Шотландіи. Не бывавъ еще въ немъ, и только смотря на карту, я всегда удивлялся этому названію. Элгинъ—одно изъ самыхъ сѣверныхъ графствъ; къ тому же, съ юга, оно отдѣлено отъ болѣе теплыхъ странъ всѣми горами Шотландіи; съ сѣвера одни ничтожные

¹ *Raper* цѣны въ путешествіи закрываютъ ноги.

² Culloden Moor, въ милѣ разстоянія отъ станціи Culloden, и въ шести миляхъ отъ Инвернесса.

холмы защищаютъ его отъ вѣтровъ Нѣмецкаго моря. Мнѣ кажется, географическое положеніе этого графства довольно невыгодно для садоводства. Побывавъ въ Эглинѣ, или лучше сказать пролетѣвъ по немъ съ быстротою тридцати съ чѣмъ-то миль въ часъ, я не видалъ особыхъ признаковъ, которые бы давали ему право на имя сада Шотландіи. Правда это не то, что пустынные скалы Горной Шотландіи: поля воздѣланные, огороженные; зеленые, искусственные луга; часто попадающіяся фермы: однимъ словомъ ясныя признаки, что мы далеко отъ царства черномордой овцы; но въ отношеніи къ хлѣбонашеству, Эглинъ далеко отсталъ въ сравненіи съ Lowlands (Низменною Шотландіей). Меня удивило еще то, что во многихъ мѣстахъ овесъ, главный продуктъ всей сѣверной полосы Шотландіи, не былъ скошенъ. Во всей сѣверной полосѣ Шотландіи по овсу сѣютъ кормовыя травы; какъ только овесъ снимутъ, молодая зелень начнетъ пробиваться сквозь солому и заиграетъ премилыми переливами цвѣтовъ. Издали точно зеленый, весенній лугъ, покрытый желтыми цвѣтами. Если къ этому прибавить копны золотистыхъ, овсяныхъ сноповъ, то выходитъ очаровательный эффектъ, особенно при освѣщеніи солнца.

Дорога отъ Эглина до Эбердина еще менѣе интересна. Это совершенно плоская равнина, которой разнообразится только сосновыми рощами. Въ Эбердинѣ мы пріѣхали около полудня. Тутъ путешествіе, которое до сихъ поръ продолжалось благополучно, вдругъ немного испортилось. Въ нашемъ скромномъ багажѣ не оказалось главнаго чемодана. Во всей Англіи на багажъ, сдаваемый въ багажный вагонъ, не выдаютъ, какъ на континентѣ, никакихъ записокъ. Отъ васъ его примутъ, навѣявъ на него имя города куда вы ѣдете, но за тѣмъ по пріѣздѣ отыскивайте сами. Не смотря на то пропажъ не бываетъ. Однако на эбердинской станціи я былъ разочарованъ самымъ неприятнымъ образомъ. Убѣдившись, что моего чемодана нѣтъ, я обратился къ начальнику станціи. Тотъ разыскивалъ минутъ пять на станціи, наконецъ телеграфировалъ на ту станцію, гдѣ часть вагоновъ поѣзда мѣнялась. Всѣ попытки были тщетны: чемоданъ не находился. Человѣкъ ужъ таковъ: до Эбердина я ѣхалъ въ постоянномъ восхищеніи отъ путешествія! всего что видѣлъ; несчастная исторія съ чемоданомъ все измѣнила, и теперь мнѣ все уже казалось сквернымъ до крайности

Самъ начальникъ станціи, бѣгающій и разыскивающій мой чемоданъ съ удивительною любезностью, казался мнѣ грубымъ, неучтивымъ, хотя онъ поистинѣ заслуживалъ только благодарность. Все это время я съ настойчивостью доказывалъ ему беспорядочность и неразумность англійскаго порядка съ багажомъ,—и онъ отвѣчалъ только одними: „Oh, yes!“ и чувствительными вздохами.

Видя неуспѣхъ стараній начальника, мы съ сестрой, съ грустью въ сердцахъ, отправились въ городъ, въ Douglas's hotel. При входѣ въ отель, я встрѣтился съ однимъ изъ нашихъ молчаливыхъ спутниковъ, который мнѣ объявилъ, что чемоданъ, котораго я ищу, былъ ошибкой отвезенъ на станцію Пертской желѣзной дороги, и тамъ, какъ вѣкъ не вытребованный, отданъ начальнику станціи на храненіе. Я поспѣшилъ на пертскую желѣзную дорогу и отыскалъ, вмѣстѣ съ чемоданомъ, способность восхищаться всѣмъ и всѣми въ Шотландіи.

Эбердинъ, третій городъ Шотландіи, расположенъ по сѣверному берегу рѣки Ди (Dee), при впаденіи ея въ Нѣмецкое море. Главная улица, Union Street, не испортила бы никакаго первокласснаго города Европы. За исключеніемъ этой улицы и набережной, городъ смотреть пустымъ, и не вѣрится, чтобы въ немъ было около семидесяти пяти тысячъ жителей. Эбердинъ славится болѣе всего своими помояными издѣліями; впрочемъ, онъ имѣетъ суконныя и бумажныя фабрики и чугуныя заводы, занимающіе вмѣстѣ до пятнадцати тысячъ рабочихъ.

Позавтракавъ въ отелѣ, гдѣ рекомендую hair soup, оупъ изъ зайца, мы часа два пошатались по городу и за городомъ, гдѣ начинаютъ строить множество премиленькихъ коттеджей, каждый съ садикомъ, и новыя улицы носятъ имена всѣхъ членовъ королевской фамиліи. Замѣчательны еще въ Эбердинѣ Gordon's hospital и Marishal College: въ первомъ 160 дѣтей городскихъ обывателей получаютъ бесплатное воспитаніе. Оба заведенія основаны частными лицами, и существуютъ безъ всякаго пособія и внимательства отъ правительства. Впрочемъ, не въ одномъ Эбердинѣ и Шотландіи, но во всей Великобританіи богоугодныя заведенія существуютъ почти безъ всякой поддержки отъ правительства. Почти надъ всѣми громадными лондонскими госпиталями, посаѣ имени самаго заведенія,

читаемъ слова: *supported by voluntary contribution*. Ламаишь не великъ, и между Дувромъ и Кале едва часть вѣды; но по сию сторону Канала читаешь въ Лондонѣ, какъ и во всѣхъ другихъ большихъ и малыхъ английскихъ городахъ, на каждомъ шагу вышереченную фразу; а по ту сторону встрѣчаешь также часто памятники владычества того или другаго короля, первой или второй имперіи. Отчего эта разница при такомъ близкомъ сосѣдствѣ? По моему одна причина: по сию сторону Ламаиша нація сама занимается своими дѣлами, отъ этого частная инициатива, отъ этого выраженіе *voluntary contribution*; по ту сторону одинъ занимается дѣлами всѣхъ: отъ этого имена Людовиковъ всѣхъ чиселъ, Францисковъ, Наполеоновъ, на каждомъ шагу.

Грѣшно было бы оставить Эбердинъ, не сказавъ слова объ эбердинскомъ гранитѣ, который, по увѣренію Англійчанъ, лучше шведскаго и русскаго. Я не нахожу этого; но гранитная колоссальная статуя послѣдняго герцога Гордона въ *Castle Sleet*, сдѣланная изъ здѣшняго гранита, дѣйствительно замѣчательна.

Въ половинѣ 5-го, мы отправились по желѣзной дорогѣ изъ Эбердина по направленію къ Эбойну. Желѣзная дорога идетъ по берегу красивой Ди, и мало-по-малу равнина, окружающая Эбердинъ, принимаетъ горный характеръ. Въ самомъ Эбойнѣ, мы снова въ Горной Шотландіи, но только съ восточной стороны. Въ вагонѣ, вмѣстѣ съ нами, сидѣлъ старикъ высокаго роста съ широкими сѣдыми бакенбардами, и еще юноша, который на подорожѣ вышелъ. Старикъ, тотчасъ какъ мы усѣлись, вступилъ съ нами въ разговоръ.

За исключеніемъ нѣсколькихъ странныхъ вопросовъ, нашъ почтенный спутникъ былъ крайне любезенъ. Узнавъ, что мы еще не рѣшили какимъ путемъ пройдемъ отъ Балатера до Донкелда, онъ на данной мнѣ своей карточкѣ написалъ цѣлый маршрутъ, съ обозначеніемъ въ которомъ часу надо выѣхать, и всѣ цѣны за лошадей, проводниковъ и носильщиковъ.

Въ Эбойнѣ мы сѣли въ кочъ вмѣстѣ. Всѣхъ пассажировъ было, кромѣ насъ троихъ, еще двое, такъ что было очень просторно. Несмотря на темноту, можно было разглядѣть, что дорога идущая все время по берегу Ди въ

узкой горной долины, должна быть весьма живописна. Самое шоссе дороги великолѣпное.

Въ Баллатерѣ мы простились съ нашимъ спутникомъ; онъ поѣхалъ съ милію далѣе, въ одинъ коттеджъ, гдѣ гостила его жена, а мы остались ночевать въ Баллатерѣ.

Городокъ Баллатеръ (Ballater), или лучше сказать, деревня этого имени замѣчательна, по словамъ моего „указателя“, своимъ здоровымъ мѣстоположеніемъ и своими минеральными водами. Что касается до меня, то хотя я проспалъ цѣлую ночь въ Баллатерѣ, но имѣю о немъ весьма смутное понятіе. Было еще темно, когда мы выѣхали изъ Баллатера въ port gig'ъ, спѣша въ Бремаръ, чтобы поспѣть туда къ 8 часамъ утра, времени отправленія коча въ Донкелдъ. Отъ Баллатера до Бремара (Braemar) 18 милъ; ровно на полупути находится Балмораль, осенняя резиденція королевы.

Утро было очень холодное, мнѣ кажется даже морозило; небо было чистое и звѣздное, какъ въ морозныя русскія ночи. Стало свѣтать, и вершины горъ уже рѣдѣли, одѣтыя тонкимъ, розовымъ свѣтомъ зари, а глубина долины, по которой мы ѣхали, еще скрывалась въ тѣсныхъ очертахъ сумерекъ. Дорога идетъ по берегу той же Ди, которая не оставляла насъ отъ самого Эбердина. Мало-помалу масса свѣта увеличивалась въ долину, и всѣ предметы какъ будто выходили изъ темноты, и съ отчетливою ясностью вырѣзывались въ свѣтломъ утреннемъ воздухѣ. По временамъ, съ горъ порывъ вѣтра влеталъ въ долину, и произительно рѣзалъ глаза, не привыкшіе къ свѣту и щурившіеся отъ утренняго холода. Налѣво отъ дороги, въ густой аллеѣ изъ всякихъ деревьевъ, пѣвилась быстрая Ди; направо горы почти отвѣсными стѣнами подступали къ шоссе, а на противоположномъ берегу рѣки густыя рощи съ перелѣсками взбирались до полугоры; выше, лиловый верескъ старался одѣть и прикрыть голыя скалы. Тяжело подняться рано, но утренняя прогулка въ горахъ ни съ чѣмъ не можетъ сравниться. Здѣсь мы въ самомъ центрѣ охотничьяго царства. Эти живописныя горы, прежде мѣстожительства многочисленныхъ клановъ, нынѣ безспорно принадлежатъ ланямъ и куропаткамъ, удѣляя небольшое мѣстечко черномордой овцѣ. Мечта cadaго англійскаго джентль-

меня, поохотиться въ shooting season (въ охотничій сезонъ) и разослать съ мѣста по ящичку съ дичью всемъ своимъ знакомымъ. Теперь, говорятъ, многіе англійскіе охотники стали ѣздить на охоту въ Норвегію; но это нисколько не уменьшаетъ число посѣтителей Горной Шотландіи.

Уже совсѣмъ разсвѣло, когда мы проѣзжали около Abergeldie Castle, находящемся на противоположномъ берегу Ди. Прежде этотъ замокъ былъ любимой резиденціей покойной герцогини Кентской; нынѣ онъ принадлежитъ графу Росселю. Герцогиня Кентская хотѣла его купить; но здѣсь покупка стариннаго имѣнія обставлена большими затрудненіями. Поэтому въ Шотландіи принято нанимать такіа имѣнія на продолжительные сроки, на 20, 30, 40 и болѣе лѣтъ. Абергельди находился въ такого рода владѣніи у герцогини Кентской. По смерти ея, королева передала пользованіе замкомъ по контракту, котораго срокъ еще не вышелъ, лорду Джону Росселю, недавно возведенному въ графское достоинство.

Абергельди, древній замокъ, не великъ. На самомъ берегу Ди, онъ едва видѣется съ своими острокопечными башнями, посреди высокихъ, деревьевъ обступившихъ его со всѣхъ сторонъ, кромѣ одной, именно со стороны рѣки, гдѣ передъ нимъ стелется небольшой лугъ. Тутъ растительность становится все роскошнѣе и сильнѣе. Не много до Абергельди и дадѣе почти до самаго Бремара дорога все время идетъ одною нескончаемою рощею съ перелѣсками, которые очень разнообразятъ мѣстность. Самыя деревья имѣютъ великолѣпные размѣры, не то что по Каледонскому каналу, гдѣ лѣсъ мелокъ и рѣдокъ; здѣсь дубы и вязы высоко и раскидисто поднимаются надъ окружающею лѣсною чащей.

Двѣ мили за Абергельди, Балмораль — любимая резиденція королевы. За версту отъ него долина Ди расширяется; горы, особенно на противоположномъ отъ дороги берегу, отступаютъ значительно, образуя широкую круглую плоскость, въ серединѣ которой красуется Балморальскій замокъ посреди тѣнистаго парка.

Балмораль принадлежалъ графу Файфъ; у него покойный сэръ-Робертъ Гордонъ нанялъ это имѣніе на 88 лѣтъ и построилъ охотничій домикъ (a shooting lodge), послужившій въ послѣдствіи основаніемъ настоящаго замка. Въ

1843 г. принцъ Албертъ купилъ у него контрактъ; а въ 1852 г. купилъ все имѣніе за 32 т. ф. стерла. Прежній охотничій павильонъ превратился въ огромное строеніе, гдѣ королева со всѣмъ своимъ дворомъ проводитъ ежегодно всю осень. Архитектура замка довольно странная: это готическій стиль, въ родѣ Каменоостровскихъ дачъ, но только широко раскинувшійся. Въ немъ можетъ помѣститься удобно, за исключеніемъ королевской фамиліи, до 120 персонъ, и это даетъ понятіе о величинѣ зданія. Все вмѣстѣ довольно красиво, особенно со стороны Бремара, гдѣ пристроенные корпуса скрыты за деревьями, и видна только главная четверугольная башня. Принадлежащая къ Балморалу земля состояла изъ 10 т. акровъ (около 3 тысячъ десятинъ); нынѣ вслѣдствіе постоянныхъ прикупокъ всей землѣ почти 10,000 десятинъ, бѣольшая часть которыхъ состоитъ изъ голыхъ горъ и лѣсовъ, гдѣ водится множество ланей. Вообще балморальскія дачи славятся какъ лучшее мѣсто въ Шотландіи для охоты на ланей. Года три тому назадъ, около самаго замка, принцъ Албертъ основалъ ферму, и теперь многія поля и долины воздѣланы отаично; есть искусственные луга, на которыхъ пасется рогатый скотъ улучшенной горношотландской породы.

Начиная отъ Балморала дорога идетъ посреди великолѣпнаго тѣмистаго парка. Цѣлыя семейства ланей то и дѣло перебѣгали дорогу, и на опушкѣ лѣса, подаявъ свои красивыя головки, останавливались и съ удивленіемъ разсматривали насъ. Въ какія-нибудь десять минутъ, я насчиталъ ихъ тридцать. Нашъ ямщикъ каждый разъ одерживалъ шагъ лошадей при такой встрѣчѣ, и обращалъ наше вниманіе на ланей, относясь къ намъ все съ тѣмъ же вопросомъ: „Видите ли? Каковы?“ Вообще нашъ возничій былъ очень своесохотливъ; онъ уже успѣлъ разказать намъ сколько разъ онъ возилъ королеву, принца Вельскаго, и всѣхъ знаменитыхъ людей Англіи, пріѣзжавшихъ въ Балморалъ, и сколько получалъ на водку. Последнее было разказано не безъ намѣренія, какъ бы въ видѣ образца для нашего назиданія. О королевѣ онъ отзывался съ горячею преданностью. „Любятъ ли ее, спросилъ я, въ здѣшней околоткѣ?“ Почтальонъ обернулся, посмотрѣлъ на меня съ презрѣніемъ, и иронически повторилъ мой вопросъ.

„Какъ же не любить-то ее?“ продолжать онъ: „она такая добрая, внимательная ко всѣмъ. Сама ходитъ по коттеджамъ, сама носить бѣдному народу кому теплую одежду, кому лѣкарства, бѣлье, деньги. Разговариваетъ вотъ какъ мы съ вами, сэръ; не гнушается ни кѣмъ.“

Въ Англіи повсюду встрѣчаешь преданность къ королевѣ и ея семейству, но эти выраженія преданности имѣютъ болѣе или менѣе характеръ исполненія обязанности. А въ Шотландіи не одинъ баллатерскій почтабѣйонъ, но всѣ, съ кѣмъ мы имѣли случай говорить, выражаютъ преданность къ царствующей фамиліи съ горячностью, напоминающею времена клановъ и феодальныхъ войнъ.

Выѣхавъ изъ Балморала, мы переправились черезъ рѣку Ди по высокому, красивому мосту, съ котораго открывается великолѣпный видъ на долину рѣки и окружающія его горы. Вскорѣ дорога пошла земаями маркиза Инверколда (Invercauld), имя котораго встрѣчается потомъ на вывѣскахъ всѣхъ гостиницъ, верстъ на 50 къ югу. Всякій маленькій трактиришко непременно носитъ названіе „подъ гербомъ Инверколда.“

Ближе къ Бремару зелень густыхъ лиственныхъ лѣсовъ уступаетъ мѣсто стройнымъ соснамъ и елямъ; сами горы дѣлаются каменистѣе; громады, голыя скалы попадаются чаще, и все принимаетъ характеръ дикій и пустынный.

Была половина восьмага, когда мы пріѣхали въ Бремаръ. Наше намѣреніе было, отчасти верхомъ, отчасти пѣшкомъ горными тропинками, достигнуть Блеръ-Эталла (Blair-Athall), тамъ ночевать, и оттуда на другой день утромъ черезъ Донкеадъ и Пертъ проѣхать въ Единбургъ. Хозяинъ гостиницы, въ Бремарѣ, отсовѣтовалъ намъ предпринимать это путешествіе, такъ какъ горныя тропинки отъ трехъ-дневнаго дождя сдѣлались почти непроходимыми; при томъ день не обѣщалъ быть яснымъ, и мы рисковали, во все время предтоявшаго десятичасоваго путешествія, ничего не видѣть отъ тумана. Правдивость словъ хозяина невозможно было заподозрить, тѣмъ болѣе что сму, державшему лошадей и проводниковъ, было гораздо выгоднѣе отправить насъ въ Блеръ-Эталлъ, нежели въ почтовомъ кочѣ прямо въ Донкеадъ. Мы викакъ не хотѣлось отказаться отъ дороги въ Блеръ-Эталлъ, дороги составляющей необходимое условіе всякой прогулки къ Горной Шотлан-

ди, тѣмъ болѣе что почтовая дорога, по которой ѣдетъ кочъ, такъ мало замѣчательна, что въ моемъ пространномъ „указателѣ“ о ней упоминается лишь вскользь.

— И дорога-то черезъ Spittal of Glenshee, сказалъ я хозяину,—говорятъ прегадкая.

— О, нѣтъ сэръ! отвѣчалъ олъ:—это дорога, по которой ѣздятъ ежедневно курьеры королевъ съ бумагами и почтой.

Меня это мало утѣшило; но ничего не оставалось какъ покориться судьбѣ и взять мѣста въ кочѣ, тѣмъ болѣе что свѣдѣнія, собранныя въ Бремарѣ, въ точности подтверждали то что намъ еще прежде говорили въ Баллатерѣ и Эбердинѣ.

Бремарскій кочъ ничѣмъ не отличался отъ другихъ, развѣ только кучеромъ, рядомъ съ которымъ я имѣлъ честь сидѣть. Олъ былъ преоригинальный; неизвѣстно почему, олъ иначе не отвѣчалъ на вопросы, какъ съ сердечною грустью и отворотивъ лицо. Сначала я думалъ, что олъ собственно мнѣ не доброжелательствовалъ; но потомъ, видя его отвѣты другимъ пассажирамъ, я успокоился, понявъ, что таково его обыкновеніе со всѣми. Но какъ кучеръ олъ былъ истинно молодецъ. Дорога узкая и плохая, но олъ велъ все время отлично нашъ высокій кочъ, запряженный четверкой. Дикое узкое ущелье, именуемое Spittal of Glenshee, великолѣпно въ живописномъ отношеніи. Затѣмъ мѣстность быстро мѣняется: это уже не горы, но еще не равнина. Мало-помалу, вмѣсто стадъ овецъ, стали попадаться фермы, пашни, и раза четыре перемѣнивъ лошадей, но все съ тѣмъ же угрюмымъ кучеромъ, мы пріѣхали въ маленькій городокъ Блергоури (Blairgowrie), въ два часа, и тамъ обѣдали. Блергоури на границѣ Горной Шотландіи; отъ него полтора часа ѣзды до Донкеада, и все это полтора часа дорога идетъ, если такъ можно выразиться, по опушкѣ Горной Шотландіи. Самъ Донкеадъ тоже на границѣ горъ; трудно вообразить себѣ что-нибудь красивѣе этого маленькаго, красивенькаго Донкеада. Весь городъ принадлежитъ герцогу Этолю и находится почти въ его паркѣ, на берегу великолѣпной Теи (Tay). Какъ только мы пріѣхали, несмотря на усталость, отправились гулять по берегу Теи. День, вопреки предсказаніямъ хозяйки гостиницы Бремарской, былъ ясный, тихій и теплый. Окружающія горы были всѣ покрыты великолѣпнымъ густымъ лѣсомъ ильмы, ливневницы, дуба,

вяза и сосны; у подножья ихъ, на берегу свѣтлой, быстрой Теу, вѣшаются чистенькіе домики маленькаго Донкелда; черезъ рѣку смѣло перекинулся красивый мостъ;—и все это освѣщено красными лучами яркаго заходящаго солнца. Я не пытаюсь передать всего очарованія картины; это невозможно. Столько разнообразія и вмѣстѣ единства, столько прелестныхъ деталей, и вмѣстѣ такое чарующее цѣлое! Мнѣ бы хотѣлось описать то впечатлѣніе тихаго спокойствія, которымъ вѣвала на меня вся картина, когда я любовался на нее, остановясь на мосту. Дышалось такъ пріятно, вглядываясь въ лучи солнца скользившіе по вершинѣ деревьевъ, въ игру тѣней ложившихся по рѣкѣ, въ яркое, голубое небо смотрѣвшее такъ дружелюбно на этотъ уголокъ зелени;—дышалось свободно, и тихо было на душѣ. Темнѣло; легкою дымкой паръ поднялся съ рѣки; все также было дивно хорошо; но раздумье начинало закрадываться въ душу. Мысли совсѣмъ иныя, не имѣющія никакого средства съ видѣннымъ, толпой ронялись въ головѣ, и становилось грустно на душѣ...

Донкелдомъ заключимъ описаніе нашей прогулки по Горной Шотландіи. Такъ какъ отъ него по желѣзной дорогѣ, четыре часа, даже менѣе, ѣзды, до Эдинбурга, а тамъ недалеко и до Лондона, до Гестингса, однимъ словомъ до дому. Въ субботу мы уже были у своихъ, дома. Но прежде чѣмъ окончить, надо сказать нѣсколько словъ о паркѣ герцога Этолла въ Донкелдѣ.

Паркъ герцога Этолла напомнилъ мнѣ виллу Паллавичини въ Пельи (Regli) около Генуи, съ тою только разницей, что въ Пельи все искусственно, а здѣсь природа. Въ Пельи на маленькомъ пространствѣ соединены всякія чудеса, а здѣсь размеры обширны какъ окружающія горы. Но какъ тамъ, такъ и здѣсь, видны слѣды стараній хозяина какъ можно болѣе воспользоваться средствами мѣстности. Въ паркѣ герцога Этолла—предѣльный водопадъ рѣки Бранъ (Bran), притока Теу. Самъ по себѣ онъ очень красивъ и живописенъ; но извѣстность его въ Англіи основана не столько на его красотѣ и живописности, сколько на одномъ павильонѣ, называемомъ Ossian's Hall, изъ котораго смотрять на водопадъ. Упомяните въ разговорѣ съ Англичаниномъ, что вы были въ Донкелдѣ,—онъ васъ непременно спроситъ: „а видѣли ли вы Ossian's Hall?“ Въ вѣстнику, побывавъ въ Бернскомъ

лѣсу, въ полуверстѣ отъ Довкелда, лѣсу, знаменитомъ по Шекспировскому Макбету, мы посвятили все утро прогулкѣ по парку. Проводникъ приберегъ Осіанову Залу для конца. Мы вошли въ маленькій павильонъ, состоящій изъ одной осьми-угольной комнаты, освѣщенной сверху. На стѣнѣ, противоположной входу, изображенъ Оссіанъ играющій на лирѣ. Эта комната устроена такъ, что почти не слышать шума водопада. Проводникъ поставилъ насъ противъ Оссіана, и знакомъ потребовалъ подлаго вниманія. Онъ отошелъ въ сторону, тронулъ какую-то машину, и вдругъ Оссіанъ съ своею лирой провалился сквозь земаю, а на мѣсто его, благодаря эффекту искусно расположенныхъ зеркалъ, казалось, водопадъ со всѣмъ шумомъ и пѣной хлопоталъ надъ самыми нашими головами. Мы вошли въ слѣдующую комнату, которая была сперва скрыта картиной Оссіана, и оттуда, съ помощью упомянутыхъ зеркалъ, водопадъ можно было разсматривать со всѣхъ сторонъ, какъ будто онъ былъ или надъ вами, или подъ вами, или съ боку. Вообще очень эффектно. Но я до этихъ зрѣлищъ небольшой охотникъ. Для меня водопадъ показался всего красивѣе, когда да него смотришь съ боку и въ павильона. Тѣмъ не мѣнѣе, надо сказать правду, паркъ герцога Это для великолѣпнѣе во всѣхъ отношеніяхъ. Кромѣ водопада, особенно замѣчательны развалины древняго собора въ готическомъ стилѣ.

К. Д.

ФРАНЦУЗСКІЕ СУДЫ.

I.

Французское законодательство раздѣляетъ нарушение закона, могущее подать поводъ къ дѣйствию публичной власти (*action publique*) на три класса: 1) простыл нарушения полицейскаго порядка (*simples contraventions*); 2) проступки (*délits*), и 3) преступленія (*crimes*). Собразно съ этою классификаціею, пресѣченіемъ проступковъ и преступленій завѣдываютъ три разряда судовъ: 1) суды обыкновенной полиціи (*tribunaux de simple police*); 2) суды полиціи исправительной (*tribunaux correctionnelles*), и 3) уголовный судъ или ассизный (*cour d'assise*).

1. *Суды обыкновенной полиціи.* Судамъ этимъ принадлежитъ пресѣченіе тѣхъ нарушеній закона, которыя не восходятъ далѣе *contraventions*. Подъ *contraventions* разумѣются дѣйствія дающія поводъ не болѣе какъ къ 15 франкамъ пени или къ пятидневному тюремному заключенію. Кодексъ брюмера IV года предоставилъ мировому судѣ и его помощнику всѣ обязанности судьи обыкновенной полиціи.¹

¹ Во Франціи 2.850 кантоновъ; но такъ какъ въ иномъ кантонѣ бываетъ нѣсколько мировыхъ судей, то число ихъ простирается въ настоящее время до 3.000. Французскій мировой судья—простой чиновникъ, получающій 1.000 франковъ жалованья.

Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ есть нѣсколько мировыхъ судей, каждый изъ нихъ засѣдаетъ въ полицейскомъ судѣ по очереди. Обязанности публичнаго министерства исполняются кѣмъ-нибудь изъ полицейскихъ комиссаровъ, а тамъ, гдѣ его нѣтъ, меромъ или его помощникомъ, и въ этомъ отношеніи они находятся подъ руководствомъ и надзоромъ окружнаго прокурора. Процедура въ судахъ обыкновенной полиціи очень проста; дѣло производится изустно и гласно. Рѣшенія подлежатъ апелляціи въ тѣхъ случаяхъ, когда опредѣляется или тюремное заключеніе, или пеня, или вознагражденіе частнаго лица (*réparation civile*) свыше 5 франковъ. Она подается окружному¹ исправительному суду (*tribunal correctionnel de l'arrondissement*), и должна быть привнесена въ десятидневный срокъ со времени объявленія рѣшенія. Право апелляціи принадлежитъ лишь приговоренной сторонѣ. Публичное министерство не можетъ воспользоваться такимъ правомъ, хотя бы рѣшеніемъ опредѣлялось оправданіе обвиняемаго. Въ этомъ послѣднемъ случаѣ рѣшеніе суда считается *окончательнымъ*; только при нарушеніи или неправильномъ примѣненіи закона, оно можетъ-быть обжаловано предъ кассационнымъ судомъ. При раз-

¹ Въ судебномъ отношеніи Франція раздѣляется на округа. *Окружные* суды размѣщены по округамъ подъ-префектуръ, по одному въ главномъ городѣ каждаго округа, за исключеніемъ парижскаго суда, дѣйствующаго на весь Сенскій департаментъ. Такимъ образомъ, въ настоящее время, считается 363 *окружныхъ суда* (*tribunaux d'arrondissement ou de première instance*). Затѣмъ, во Франціи существуютъ еще 27 *апелляционныхъ судовъ* (*cours impériales*). Эти суды размѣщены преимущественно по тѣмъ городамъ, въ которыхъ прежде находились парламенты и главныя сеньяльства. Верховное божество надъ правосудіемъ принадлежитъ во Франціи *суду кассационному* (*cour de cassation*), засѣдающему въ Парижѣ.

Кромѣ судовъ, во Франціи существуетъ еще учрежденіе публичныхъ обвинителей или *ministère public*, представители котораго находятся при каждомъ судѣ. При окружномъ судѣ состоитъ императорскій прокуроръ (*prosecuteur impérial*), или *окружной прокуроръ*; въ судѣ полиціи исправительной — *субститутъ* (*substitut*), на практикѣ такой же самостоятельный прокуроръ какъ и верный; и при апелляционномъ судѣ — *генераль-адвокатъ* (*avocat général*) или *генераль-прокуроръ*. Для облегченія занятій этихъ чиновниковъ, при апелляционныхъ палатахъ существуютъ еще такъ-называемые *attachés au parquet*, въ случаѣ необходимости замѣняющіе прокурора. Въ іерархическомъ отношеніи субститутъ подчиняется прокурору, прокуроръ — генераль-прокурору, а во главѣ всего института находится министр юстиціи.

смотрѣнія апелляцій на рѣшенія обыкновеннаго полицейскаго суда, суды исправительные руководствуются тѣми же правилами какъ и этотъ посажденій: они не могутъ постановить приговоренной сторонѣ наказанія болѣе таково чѣмъ то, которое было опредѣлено судьей первой инстанціи.

- 2. *Исправительные суды* (tribunaux correctionnels). Обязанность судовъ исправительныхъ лежитъ на гражданскихъ судахъ каждаго округа; они заведываютъ пресѣченіемъ *проступковъ* (répression des délits). Судьи заведуютъ въ числѣ трехъ, въ присутствіи органовъ публичнаго министерства. Процедура въ этихъ судахъ также очень проста: обвиняемый, по вызову эскекютора, лично является въ судъ, или представляетъ вмѣсто себя адвоката. Въ случаѣ неявки, онъ приговаривается заочно (par défaut). Свидѣтели *противъ и въ пользу* обвиняемаго (*à charge et à décharge*) приносятъ присягу въ присутствіи обвиняемаго, что будутъ говорить правду, всю правду и ничего кромѣ правды, и затѣмъ обвиняемый допрашивается; послѣ допроса, лично или посредствомъ адвоката, защищается. Даетъ потомъ свое заключеніе прокуроръ; обвиняемый имѣетъ право возражать ему, и говоритъ послѣдній. Затѣмъ объявляется рѣшеніе немедленно или въ слѣдующее засѣданіе.

Рѣшенія суда полиціи исправительной подлежатъ апелляціи. Эта апелляція приносится *апелляціонной палатѣ* (cour impériale), и должна быть подана въ теченіи десяти дней со времени объявленія рѣшенія приговоренной сторонѣ; генераль-прокурору на это дается двухъ-мѣсячный срокъ; процедура въ апелляціонной палатѣ почти та же, какая и въ судѣ полиціи исправительной. На рѣшенія апелляціонной палаты можетъ быть принесена публичнымъ министерствомъ, также обвиняемымъ и истцомъ, жалоба въ *кассационный судъ* (se pourvoir en cassation). Для нея полагается трехдневный срокъ; въ тотъ же срокъ она должна быть заявлена (notifié) и сторонѣ, противъ которой она направлена. Приговоренный къ исправительному заключенію (emprisonnement correctionnel) не можетъ принести жалобы прежде своего арестованія (avant de s'être constitué prisonnier), кромѣ тѣхъ случаевъ, когда онъ получаетъ свободу за поручительствомъ (sous caution). Бумаги немедленно передаются генераль-прокуроромъ миши-

стру юстиціи, который отсылает или въ кассационный судъ. Въ теченіи мѣсяца кассационный судъ долженъ постановить свое заключеніе. Если рѣшеніе кассируется, дѣло передается другой апелляціонной палатѣ (cour impériale), и та дѣйствуетъ обыкновеннымъ порядкомъ.

3. *Уголовные суды или суды ассизовъ.* Судъ ассизовъ заводитъ пресѣченіемъ преступленій подлежащихъ, по уголовному кодексу (code pénale), тяжкимъ наказаніямъ (peines afflictives et infamantes). Проступки печати и преступленія политическія вѣдались, въ различные эпохи, также судомъ ассизовъ, но въ настоящее время они подлежатъ вѣдомству суда полиціи исправительной. Судъ ассизовъ бываетъ въ каждомъ департаментѣ, обыкновенно въ главномъ городѣ (chef-lieu), и составляется изъ одного совѣтника апелляціонной палаты (онъ въ такомъ случаѣ исправляетъ обязанность президента), и изъ двухъ судей мѣстнаго *окружнаго суда*. Въ резиденціяхъ апелляціонныхъ палатъ (chefs-lieux de cours impériales), вмѣсто судей окружнаго суда, заходятъ въ ассизы также совѣтники апелляціонной палаты. Въ такихъ случаяхъ, президентъ изъ совѣтниковъ выбирается на каждую сессию министромъ юстиціи или, за его отсутствіемъ, первымъ президентомъ апелляціонной палаты. И президентъ, и заведатели могутъ быть избираемы только изъ *гражданскихъ* палатъ (chambres civiles); члены *обвинительной* палаты (chambre d'accusation) и сафдственный судья не могутъ быть членами ассизовъ. Обязанности публичнаго министерства исполняются, въ резиденціи суда первой степени, членами паркета, а въ другихъ мѣстахъ прокуроромъ или его субститутомъ.

Судъ ассизовъ собирается въ каждомъ департаментѣ каждыя три мѣсяца или и чаще, если того требуетъ количество дѣлъ. День открытія ассизовъ опредѣляется для каждой сессіи приказомъ перваго президента мѣстнаго суда первой степени (cour impériale du ressort). Этотъ приказъ, вмѣстѣ съ приказомъ о назначеніи совѣтника-президента, разсылается генераль-прокуроромъ ко всѣмъ департаментскимъ прокурорамъ; они должны прочесть эти приказы въ своихъ судахъ, на первомъ же засѣданіи; должны сообщить эту меру для объявленія по городу, и напечатать извѣ-

ченіе изъ нихъ въ извѣстномъ юридическомъ журналѣ. Сессія продолжается сколько нужно для разрѣшенія вѣхъ готовыхъ дѣлъ; но если число или важность дѣлъ могутъ продлить ее долѣе пятнадцати дней, въ такомъ случаѣ назначаются двѣ сессіи, чтобъ облегчить присяжныхъ.

Вопросъ о виновности или невиновности подсудимыхъ подлжитъ въ судѣ ассизовъ, какъ извѣстно, рѣшенію двѣнадцати присяжныхъ. Они избираются, по жребію, изъ списка составляемаго ежегодно для каждаго кантона. Присяжнымъ можетъ быть каждый французскій гражданинъ, которому отъ роду не менѣе тридцати лѣтъ, и къ которому не примѣнимъ ни одинъ изъ случаевъ *неспособности*, (*incapacité*), *несоимѣстности* (*incompatibilité*), или *увольнительности* (*dispense*), предусмотрѣнныхъ закономъ. *Неспособными*, по закону 4 іюня 1853 года, считаются лица подѣргшіяся извѣстнымъ изыманіямъ и вообще люди компрометтированныя, какъ-то: банкроты, чиновники отставленные отъ должности и пр. *Несоимѣстность* съ званіемъ присяжнаго признается за нѣкоторыми должностями государственной службы; такъ не могутъ быть присяжными министры, президенты сената и законодательнаго совѣта, члены государственнаго совѣта, префекты и помощники префектовъ, совѣтники префектуры, судьи, члены судовъ и пр. Изъ списка присяжныхъ исключаются также слуги и всѣ лица, не умѣющія читать и писать. *Увольняются* отъ обязанности быть присяжными семидесятилѣтніе старцы, также лица добывающія себѣ пропитаніе только подемною работою.

Число присяжныхъ, вносимыхъ въ ежегодный списокъ, не одинаково въ каждомъ департаментѣ, равно какъ не одинаково въ каждомъ округѣ и кантонѣ. Въ Севскомъ департаментѣ этотъ списокъ заключаетъ въ себѣ 2.000 присяжныхъ; въ тѣхъ департаментахъ, гдѣ народонаселеніе превосходитъ триста тысячъ жителей, назначается пятьсотъ присяжныхъ; а въ департаментахъ, гдѣ народонаселеніе не достигаетъ двухъ сотъ тысячъ жителей, списокъ состоитъ изъ трехъ сотъ именъ. По округамъ и кантонамъ число присяжныхъ распределяется опять пропорціонально съ цифрою народонаселенія, по рѣшенію префекта, постановляемому въ совѣтѣ префектуры (*conseil de préfecture*), въ первой половинѣ октября мѣсяца. Составленіе списка идетъ

слѣдующимъ порядкомъ: первоначально, въ каждомъ кантонѣ, коммиссія состоящая изъ мирового судьи и мерювъ всѣхъ общинъ составляетъ предварительный списокъ, назначая присяжныхъ въ тройномъ числѣ противъ требуемаго. Эти предварительные кантоныя списки представляются помощнику префекта, и въ ноябрѣ другая коммиссія, состоящая изъ всѣхъ мировыхъ судей округа подъ предсѣдательствомъ помощника префекта, составляетъ изъ нихъ окружный списокъ, отбирая число присяжныхъ определенное префектомъ. Списокъ въ этомъ видѣ немедленно препровождается въ *секретариатъ префектуры* (*secrétariat de la préfecture*), гдѣ префектъ составляетъ общій списокъ департаментскимъ присяжнымъ; все дѣло его впрочемъ ограничивается въ этомъ случаѣ только размѣщеніемъ по алфавитному порядку тѣхъ именъ, которыя означены на окружныхъ спискахъ.

Списокъ департаментскимъ присяжнымъ препровождается 15 декабря въ регистратуру (*greffe*) суда, и затѣмъ въ списокъ не можетъ уже быть сдѣлано никакого измѣненія. Могутъ быть дѣлаемы только *исключенія* (*radiation*) изъ списка, въ случаѣ смерти или обнаружившейся законной неспособности присяжнаго. Объ этихъ случаяхъ префектъ, предваренный публичнымъ министерствомъ, уведомляетъ обыкновенно президента палаты или суда ассизовъ, и тогда имена присяжныхъ умершихъ или оказавшихся неспособными вычеркиваются.

По крайней мѣрѣ за десять дней до открытія каждой сессіи, первый президентъ палаты, или, смотря потому въ какомъ городѣ собираются ассизы, президентъ окружнаго суда, вынимаетъ по жребію изъ переданнаго ему префектомъ списка 36 именъ присяжныхъ обыкновенныхъ и 4 *дополнительныхъ* (*jurés supplémentaires*), призываемыхъ на предстоящую сессію. Дополнительные присяжные берутся изъ составляемаго въ каждомъ департаментѣ спеціальнаго списка и изъ числа пятидесяти лицъ внесенныхъ въ списокъ присяжныхъ, живущихъ въ самомъ городѣ, гдѣ собираются ассизы. Больше одного раза въ годъ, присяжные не могутъ быть призываемы; поэтому когда вынимается жребій, секретарь на поляхъ списка отмѣчаетъ вышедшія по жребію имена, чтобъ уже послѣ не подвергать ихъ новому избранію.

Тотчасъ по избраніи сорока присяжныхъ, секретарь составляетъ имъ списокъ въ четырехъ экземплярахъ. Одинъ экземпляръ передается прокурору для заявленія подсудимымъ; другой президенту ассизовъ; третій отдается префекту, который обязанъ предъявить его избраннымъ присяжнымъ; четвертый представляется министру юстиціи. По распоряженію префекта, присяжнымъ дѣлается вызовъ черезъ эзекутора или полицейскаго чиновника немедленно, при чемъ имъ сообщается выписка удостоверяющая въ томъ, что ихъ имена вышли по жребію, и указывается имъ какъ мѣсто собранія ассизовъ, такъ и день и часъ открытія сессіи. Списокъ присяжныхъ, назначенныхъ для сессіи, долженъ быть предъявленъ эзекуторомъ не позже какъ наканунѣ того дня, когда присяжный долженъ стать предъ ассизами (въ противномъ случаѣ списокъ считается недействительнымъ). Въ самый день открытія сессіи президентъ, прежде разсмотрѣнія дѣла, велитъ сдѣлать, въ присутствіи публичнаго министерства и подсудимаго, перекачку всѣхъ присяжныхъ, и даетъ заключеніе по объясненіямъ отсутствующихъ присяжныхъ или тѣхъ, которые ищутъ увольненія (dispense). Имена присутствующихъ и неуволенныхъ (non excusés) присяжныхъ кладутся въ урну. Если вслѣдствіе уважительнаго отсутствія или вслѣдствіе увольненій, на лицо остается обыкновенныхъ присяжныхъ менѣе тридцати, тогда число это добавляется присяжными дополнительными, и въ томъ самомъ порядкѣ, въ какомъ сѣдуютъ ихъ имена въ протоколѣ вынутія жребія (procès verbal de tirage au sort). Если и четверо дополнительныхъ присяжныхъ недостаточны для полученія числа 30, въ такомъ случаѣ выписывается въ публичномъ засѣданіи новый жребій изъ числа присяжныхъ означенныхъ въ общемъ списокѣ или въ специальномъ списокѣ городскихъ присяжныхъ. Присяжный, не отвѣчающій на сдѣланный ему вызовъ, или же отсутствующій въ то время, когда изъ общаго числа присяжныхъ, назначенныхъ къ сессіи, вновь избираются жребіемъ же специальные присяжные на каждое дѣло, подвергается судомъ ассизовъ, по требованію публичнаго министерства, пенѣ отъ 200 до 500 франковъ на первый разъ, до 1.000 во второй и 1.500 франковъ въ

третій разъ. Въ случаѣ троекратнаго отсутствія во время сессіи, присяжный объявляется сверхъ того неспособнымъ исправлять эту обязанность; имя его вычеркивается изъ списка, и рѣшеніе объ этомъ публикуется на его счетъ.

Число двѣнадцать необходимо для составленія суда присяжныхъ по каждому дѣлу. Если дѣло требуетъ длинныхъ преній, судъ ассизовъ можетъ, прежде вывотія жребія, распорядиться о присоединеніи двухъ дополнительныхъ присяжныхъ чтобы можно было замѣстить тѣхъ изъ присяжныхъ, которые почему-либо не будутъ въ состояніи сѣдовать за ходомъ дѣла до самаго приговора. Избраніе двѣнадцати присяжныхъ дѣлается предъ каждымъ новымъ процессомъ, въ присутствіи публичнаго министерства и подсудимаго; оно можетъ дѣлаться въ камерѣ совѣта (*chambre du conseil*). Президентъ вынимаетъ имена изъ урны и провозглашаетъ ихъ во всеуслышаніе. Подсудимый и публичное министерство могутъ отводить присяжныхъ; отводъ дѣлается безъ объясненія побудительныхъ причинъ, просто посредствомъ словъ: „Я его отвожу“ (*je le récuise*). И для публичнаго министерства, и для подсудимаго допускается одинаковое число отводовъ, но съ тѣмъ чтобы всегда оставалось двѣнадцать неотведенныхъ присяжныхъ. Когда по одному и тому же дѣлу бываетъ нѣсколько подсудимыхъ, тогда они должны согласиться между собою на счетъ отвода; присяжный отведенный однимъ считается отведеннымъ всеми. Тотъ присяжный, имя котораго прежде другихъ вынито изъ урны, исполняетъ обязанности президента присяжныхъ; онъ можетъ отказаться отъ этихъ обязанностей, и тогда общимъ выборомъ присяжныхъ назначается изъ среды ихъ другой президентъ.

Перейдемъ теперь къ описанію самой процедуры въ судѣ ассизовъ.

Когда по рѣшенію палаты обвинительной, или предающей суду (*chambre de la mise en accusation*), обвиняемыйставляется на судъ ассизовъ, дѣло о немъ (*dossier*) немедленно сообщается президенту ассизовъ, и затѣмъ передается тотчасъ же мѣстному прокурору для исполненія предварительныхъ формальностей. Эти формальности заключаются въ вывозѣ свидѣтелей къ назначенному для суда дню и въ предъявленіи

списка свидѣтелей и присяжныхъ подсудимому. Подсудимый и его защитникъ имѣютъ право требовать сообщенія всѣхъ касающихся слѣдствія бумагъ, и снимать съ нихъ копіи. Они могутъ даже требовать, чтобъ имъ была выдана безвозмездно копія съ протоколовъ (*procès verbaux*) и письменныхъ показаній свидѣтелей; но по каждому дѣлу можетъ быть выдана только одна копія безъ различія числа подсудимыхъ. Если подсудимый находится въ нищетѣ, президентъ, по его просьбѣ, можетъ, съ согласія публичнаго министерства, вызвать въ судъ свидѣтелей, которые, по мнѣнію обвиняемаго, могутъ содѣйствовать обнаруженію истины. Списокъ *свидѣтелей въ пользу подсудимаго* (*témoins à décharge*) долженъ быть предъявленъ публичному министерству за 24 часа до отобранія отъ нихъ показаній. Черезъ 24 часа послѣ полученія бумагъ и послѣ заключенія подсудимаго въ тюрьму находящуюся въ мѣстѣ собранія ассизовъ, президентъ или одинъ изъ уполномоченныхъ имъ судей приступаетъ къ допросу *сокращенными порядками* (*interrogatoire sommaire*). Президентъ, между прочимъ, спрашиваетъ обвиняемаго, выбралъ ли онъ кого-либо для своей защиты, и въ случаѣ отрицательнаго отвѣта, назначаетъ ему адвоката *обязательнаго* (*avocat d'office*). Это назначеніе остается безъ исполненія, если подсудимый изберетъ въ послѣдствіи другаго адвоката. Въ назначенный для суда день, подсудимый приводится безъ оковъ, но въ сопровожденіи стражи для воспрепятствованія побѣгу. Президентъ распоряжается о вызовѣ двѣнадцати присяжныхъ, назначенныхъ жребіемъ, и обращаясь къ нимъ, произноситъ слѣдующую торжественную формулу присяги: „Вы клянетесь и обѣщаете предъ Богомъ и предъ людьми разсмотрѣть съ самымъ совѣстливымъ вниманіемъ обвиненія направленныя противу N...; не измѣнять ни интересамъ подсудимаго, ни интересамъ общества, которое его обвиняетъ; не сообщаться ни съ кѣмъ до самаго приговора, не поддаваться ни несправости, ни злобѣ, ни страху, ни сочувствію; объявить приговоръ, соотвѣтственно съ убѣжденіями и средствами защиты, по совѣсти и *внутреннему убѣжденію*, съ безпристрастіемъ и твердостію честнаго и свободнаго человѣка.“ Каждый присяжный, вызываемый отдѣльно, отвѣчаетъ, поднявъ руку: „Клянусь“ (*je le jure*). Послѣ того секретарь читаетъ приговоръ о преданіи суду

и обвинительный актъ. Публичное министерство представляет краткое изложене дѣла и прочитываетъ списокъ свидѣтелей (свидѣтели находятся въ это время въ сосѣдней залѣ). Затѣмъ президентъ приступаетъ къ допросу обвиняемаго и къ выслушанію свидѣтелей. Всѣ они присягаютъ, что будутъ говорить безъ злобы и боязни, говорить правду, всю правду и ничего кромѣ правды, и потомъ даютъ изустныя показанія. Подсудимый и его защитникъ, также какъ и публичное министерство, имѣютъ право предлагать свидѣтелямъ вопросы, которые, по ихъ мнѣнію, могутъ служить къ разъясненію дѣла. По выслушанію послѣдняго свидѣтеля, истецъ (*partie civile*), если онъ есть, и во всякомъ случаѣ публичное министерство поддерживаетъ обвиненіе. Публичное министерство должно говорить по совѣсти и убѣжденію, можетъ требовать въ пользу обвиняемаго признанія *смягчающихъ вину его обстоятельствъ* (*circonstances atténuantes*) и даже оставить преслѣдованіе и испросить освобожденіе подсудимаго, если преслѣдованіе покажется ему неосновательнымъ.¹ Послѣ рѣчи публичнаго министерства, адвокатъ обвиняемаго произноситъ защитительную рѣчь. Въ случаѣ возраженія со стороны публичнаго министерства, подсудимый или его адвокатъ всегда имѣютъ право говорить *последними*. Затѣмъ президентъ дѣлаетъ краткій обзоръ дѣла (*résumé de l'affaire*), и перечисляетъ присяжнымъ главныя доказательства въ пользу и противъ подсудимаго. Послѣ этого обзора президентъ прочитываетъ присяжнымъ вопросы, выведенные изъ обвинительнаго акта и изъ судебныхъ преній; вопросы эти записываются и передаются президенту присяжныхъ. Сложные вопросы при этомъ избѣгаются; они раздѣляются для каждаго факта, для каждаго побочнаго обстоятельства, и отдѣльный вопросъ ставится такимъ образомъ, чтобы присяжные могли отвѣчать *да* или *нѣтъ* на каждый изъ нихъ.² Президентъ

¹ Любопытно было бы знать, бывъ ли когда-либо на практикѣ подобный случай.

² Въ системѣ предложенія присяжнымъ вопросовъ заключается одинъ изъ важныхъ недостатковъ французскаго процесса, что сознаютъ и такіе юристы. „Присяжные, говоритъ Бюшеръ, разъясняютъ и развиваютъ различныя обстоятельства въ своей камерѣ, и такая оцѣнка тысячи побочныхъ фактовъ можетъ возбудить сомнѣніе и нерѣшительность въ совѣсти людей мало опытныхъ въ дѣлахъ. Такое затрудненіе еще бо-

также предваряетъ присяжныхъ, что если они найдутъ смягчающія вину подсудимаго обстоятельства, то они должны объ этомъ объявить по произнесеніи вердикта. Затѣмъ президентъ приказываетъ увести обвиняемаго; а присяжные удаляются въ особую камеру совѣта (*chambre du conseil*).

Присяжные во время совѣщанія не могутъ имѣть ни съ кѣмъ сообщенія до самаго произнесенія вердикта. Они могутъ лишь призвать президента суда, чтобы спросить у него разъясненія затруднительныхъ обстоятельствъ. Они не могутъ оставить совѣщательной камеры ни подъ какимъ предлогомъ. Еслибы число вопросовъ или продолжительность совѣщанія потребовали отдыха и подкрѣпленія силъ, то это дѣлается въ той же камерѣ и не можетъ служить предлогомъ для совѣщанія съ кѣмъ бы то ни было. Присяжные подаютъ мнѣніе по каждому вопросу посредствомъ скрытой баллотировки (*scrutin secret*) на вручаемыхъ имъ печатныхъ билетахъ (*bulletins*) со штемпелемъ палаты и съ надписью: „По чести и совѣсти мое объявленіе есть...“ (*Sur mon honneur et ma conscience ma déclaration est...*) Они пишутъ только *да* или *нѣтъ*, и кладутъ билеты въ урну, которая потомъ опорожняется президентомъ присяжныхъ. Необходимо мнѣніе каждого присяжнаго по всѣмъ вопросамъ и по признанію смягчающихъ вину обстоятельствъ. Опорожнѣваніе урны (*le dépouillement*) дѣлается послѣ подачи мнѣнія по каждому вопросу, и билеты послѣ того немедленно сжигаются президентомъ присяжныхъ. Рѣшеніе какъ противъ обвиняемаго, такъ и въ отношеніи къ смяг-

че увеличивается вопросомъ о смягчающихъ вину обстоятельствахъ (*circonstances atténuantes*). Сознаемся откровенно, что объявленіе смягчающихъ вину подсудимаго обстоятельствъ опредѣляется обыкновенно не вслѣдствіе дѣйствительнаго ихъ существованія, но вслѣдствіе сомнѣнія, одоумляющаго умы нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ, и желаніемъ ихъ смягчить наказаніе опредѣляемое закономъ. Отсюда часто протекаютъ скандальныя приговоры, которыми объявляются смягчающія обстоятельства въ случаяхъ, подобныхъ, напримѣръ, отцеубійству, совершенному при самыхъ жестокихъ обстоятельствахъ.... По нашему мнѣнію, заключаетъ г. Бюшеръ, нельзя не отдать предпочтенія англійской системѣ приговоровъ, въ которыхъ присяжные ограничиваются простымъ объявленіемъ: *guilty*—виновенъ, или *not guilty*—не виновенъ.“

mitigés вину обстоятельствомъ (circonstances atténuantes) составляется по простому большинству¹. Если въ урѣдѣ скажутся бѣлые билеты, то они считаются въ пользу подсудимаго.

Когда всѣ присяжные выразятъ мнѣніе по всѣмъ вопросамъ, то они возвращаются въ залу суда, также какъ и судьи, публичное министерство и адвокатъ подсудимаго. Президентъ присяжныхъ объявляетъ громкогласно результатъ совѣщанія, и произноситъ, положивъ руку на сердце, слѣдующія выраженія: „Почести и совѣсти, предъ Богомъ и предъ людьми, объявленіе присяжныхъ состоялось: по такому-то вопросу да, обвиняемый виновенъ,“ или „нѣтъ, обвиняемый не виновенъ.“ За тѣмъ объявленіе подписывается президентомъ присяжныхъ и передается президенту суда, который также его подписываетъ, вмѣстѣ съ секретаремъ. Съ этой минуты приговоръ становится обязательнымъ (*est acquis*) какъ для подсудимаго, такъ и для публичнаго министерства, и не можетъ подлежать никакому пересмотру, исключая случаевъ кассациі по нарушенію формъ, о чемъ ниже будетъ упомянуто. Впрочемъ если судъ, въ случаѣ признанія обвиняемаго *виновнымъ*, найдетъ, что присяжные, хотя и соблюли законную форму, но ошиблись въ существѣ дѣла, то онъ можетъ отложить дѣло до слѣдующей

¹ Законодательство часто измѣнялось въ этомъ отношеніи: законъ 1791 года и кодексъ брюмера IV года требовали большинства 10 голосовъ изъ 12 *противъ* обвиняемаго; законъ 19 фруктидора V года требовалъ даже единогласія; если послѣ 24 часовъ присяжные не могли прийти къ единогласію, то объявлялось раздѣленіе голосовъ въ пользу подсудимаго. По кодексу 1808 года, раздѣленіе голосовъ служило въ пользу обвиняемаго; въ случаѣ объявленія *виновности* по простому большинству, судьи совѣщались между собою. Законъ 4 марта 1831 года, подкрѣпленный кодексомъ 1832 года, постановилъ, чтобы рѣшеніе *противъ* обвиняемаго составлялось по большинству болѣе чѣмъ 7 голосовъ. Законъ 9 сентября 1835 года, изданный вслѣдствіе политическихъ соображеній, возстановилъ систему простаго большинства; но для того чтобы предоставить подсудимому гарантію противъ случаевъ ошибки, законъ постановилъ, что въ случаѣ признанія обвиняемаго виновнымъ по простому большинству, судьи, если по большинству голосовъ найдутъ это нужнымъ, могутъ передать дѣло на разсмотрѣніе другихъ присяжныхъ въ слѣдующей сессіи. Декретъ временнаго правительства 4 марта 1848 года требовалъ большинства 9 голосовъ *противъ* обвиняемаго. Это обстоятельство было понижено до 8 голосовъ декретомъ 12 октября 1848 года. Наконецъ законъ 1853 года снова постановилъ для всѣхъ вопросовъ простое большинство, на что не требуется даже указанія въ приговорѣ.

сесіи и передать его на обсужденіе новыхъ присяжныхъ. Если же объявленіе присяжныхъ признается правильнымъ и полнымъ, какъ бываетъ большею частію, то президентъ приказываетъ привести обвиняемаго. Секретарь читаетъ въ его присутствіи вердиктъ присяжныхъ. Если приговоръ состоялся оправдательный, президентъ приказываетъ немедленно освободить подсудимаго. Если приговоръ былъ обвинительный, публичное министерство требуетъ примѣненія наказанія. Подсудимый или его адвокатъ могутъ отвѣчать министерству. Затѣмъ судьи въ самой залѣ, или въ особой камерѣ, совѣщаются между собою относительно примѣненія наказанія, и президентъ произноситъ публично окончательный приговоръ. При этомъ читаются статьи закона, по которымъ примѣняется наказаніе. Президентъ притомъ увѣдомляетъ приговореннаго, что онъ можетъ внести кассационную жалобу (*se pourvoir en cassation*) въ трехдневный срокъ. Публичное министерство имѣетъ для того также три дня.

Въ уголовныхъ дѣлахъ кассационная жалоба можетъ быть принесена только въ случаѣ неправильнаго примѣненія закона, пропуска существенной части рѣшенія, или несоблюденія предписанныхъ закономъ формъ. Можетъ быть также принесена кассационная жалоба по случаю *неподсудности* (*incompétence*), или потому, что судъ не постановилъ заключенія по существеннымъ доводамъ со стороны публичнаго министерства или со стороны подсудимаго. Кассационный судъ съ своей стороны постановляетъ рѣшеніе только по вопросу *права* (*moyens de droit*). Онъ не производитъ изслѣдованій о существованіи факта, а взвѣшиваетъ только ихъ *преступность* (*criminalité*), и притомъ для того лишь чтобъ узнать, правильно ли примѣнены къ нимъ законы. Въ случаѣ *оправданія* подсудимаго, публичное министерство можетъ внести кассационную жалобу только въ интересахъ закона, но судъ не можетъ дозволить возобновленіе преслѣдованія. Напротивъ, въ случаѣ обвиненія, кассационная жалоба, принесенная даже со стороны публичнаго министерства, идетъ въ пользу обвиняемаго въ томъ смыслѣ, что если рѣшеніе кассируется, то дѣло передается новымъ присяжнымъ, которые могутъ, вмѣсто обвиненія, произнести оправданіе.

Засѣданія, какъ въ судѣ полиціи исправительной, такъ и

въ судѣ ассизовъ, происходитъ публично. Впрочемъ ¹если дѣло можетъ подать поводъ къ скандалу или если его гласность можетъ быть вредною для общественнаго спокойствія или доброй нравственности, публичное министерство можетъ потребовать, чтобы дѣло обсуждалось при закрытыхъ дверяхъ (*à huis clos*). Судъ разсматриваетъ такое требованіе, и если оно будетъ найдено основательнымъ, эскекторъ приглашаетъ публику удалиться. Но двери снова отворяются и публика допускается, когда президентъ дѣлаетъ обзоръ дѣла, и когда объявляется приговоръ присяжныхъ и постановляется рѣшеніе суда.

Въ приведенномъ очеркѣ представляема сущность французскаго уголовного процесса. Мы не исчерпывали подробностей, но надѣемся дали на столько понятія о французской процедурѣ, чтобы можно было судить о ней въ сравненіи съ процедурой англійскою.

Большинство французскихъ юристовъ, и въ томъ числѣ авторъ брошюры, изъ которой извлечена большая часть приведенныхъ свѣдѣній, отдають преимущество французскому уголовному процессу. Я приведу здѣсь сущность этого мнѣнія, и затѣмъ, представивъ примѣры французской судебной практики, мною самимъ видѣнные, постараюсь вывести заключеніе о томъ, въ какой степени дѣйствительность соответствуетъ тѣмъ похваламъ, какими въ теоріи превозносятся французскую систему ея поклонники. Учрежденіе публичнаго министерства служить обыкновенно главнѣйшимъ доводомъ, вслѣдствіе котораго отдають предпочтеніе французской системѣ передъ англійскою.

Учрежденіе публичнаго министерства, говорятъ защитники французскаго судоустройства, охраняетъ не только интересы общества, но предохраняетъ и самихъ подсудимыхъ отъ неправильныхъ преслѣдованій. Частное лицо всегда бываетъ склонно преувеличивать вредъ причиненный ему другимъ лицомъ. Зависть, злоба, мщеніе, могутъ возбудить преслѣдованіе безъ основательной причины противъ невинныхъ лицъ. Въ самой Англіи, говорятъ французскіе юристы, неоднократно были дѣлаемы попытки ко введенію публичныхъ обвинителей, и если эти попытки не

¹ *Seulement*—заое французское слово.

увѣнчались успѣхомъ, то лишь въ слѣдствіе уваженія, питаемаго Англичанами къ своимъ древнимъ обычаямъ. Тѣмъ же менѣе и въ Англіи учрежденъ *генеральный атторней* (attorney general), обязанный преслѣдовать преступления измѣны, касающіяся государства и короны, и предоставлено *коронералъ*¹ право преслѣдовать убійства. Разсуждая такимъ образомъ, французскіе юристы, естественно приходятъ къ заключенію, что уголовная процедура, принятая въ ихъ странѣ, предпочтительнѣе англійской; но и самые пристрастные изъ нихъ не могутъ не сознаться, что англійскій процессъ представляетъ своего рода преимущества, въ особенности: 1) въ порядкѣ предварительнаго слѣдствія; 2) въ обычаѣ оставлять подсудимаго на свободѣ за поручительствомъ; и наконецъ 3) въ учрежденіи большаго или обвинительнаго джюри. Но и относительно этихъ несомнѣнныхъ достоинствъ англійскаго процесса г. Бюшеръ приводитъ оговорки.

Хотя предварительное слѣдствіе, говоритъ онъ, производится быстрѣе въ Англіи чѣмъ во Франціи; но самая поспѣшность эта сопряжена съ опасностями. Приговариваются къ наказанію только тѣ, противъ которыхъ существуютъ до того ясныя улики, что нѣтъ возможности избавить ихъ отъ наказанія. Слѣдствіе въ Англіи ввѣряется мировымъ судьямъ. Но мировые судьи хотя пользуются общественнымъ уваженіемъ, не отличаются однакожъ юридическимъ образованіемъ. Не слѣдуетъ ли опасаться, разсуждаетъ Бюшеръ, что мировой судья будетъ невольно увлеченъ одними показаніями болѣе чѣмъ другими, и по своей не опытности припишетъ слѣшкомъ большое значеніе факту не имѣющему особенной важности съ юридической точки зрѣнія? Не безопаснѣе ли поѣтому какъ для общества, такъ и для подсудимаго, поручать производство слѣдствій спеціальному чиновнику, привыкшему къ уголовнымъ дѣламъ, обязанному отыскивать правду всѣми возможными средствами, не смотря на то, служить ли онъ въ пользу или во вредъ обвиняемому?²

¹ Выборыяе обязанные производить слѣдствія въ случаяхъ смерти.

² Самымъ лучшимъ возраженіемъ противъ такого мнѣнія объ англійскихъ мировыхъ судьяхъ служатъ замѣчаніе знаменитаго германскаго юриста, отличающагося глубокимъ знаніемъ дѣла и безпристрастіемъ.

Подсудимый въ Англіи, по общему правилу, остается на свободѣ; по французскому кодексу, наоборотъ, это допускается только въ видѣ исключенія изъ общаго правила, и притомъ лишь при маловажныхъ проступкахъ. Въ Англіи тюремное заключеніе полагается за важныя преступленія (felony), но впрочемъ, такъ какъ самое легкое воровство считается тамъ за преступленіе, то случаи ареста бывають тамъ весьма часто. Кромѣ того, мировые судьи имѣють право подвергнуть заключенію лицо подозрѣваемое въ намереніи совершить преступленіе, если оно не можетъ представить за себя поручительства. Это обстоятельство даетъ французскимъ юристамъ поводъ упрекать англійскій законъ въ пристрастіи къ богатымъ и значительнымъ лицамъ, которые одни въ состояніи представить за себя поручительство. Французскій законъ, говорятъ они, гораздо болѣе въ этомъ отношеніи уважаетъ равенство: заключенію во Франціи подвергаются всѣ лица, того заслуживающія, безъ различія состояній ¹.

Что касается до учрежденія обвинительныхъ присяжныхъ (большаго джюри), то подобное существовало и во Франціи, по закону 1791 года и кодексу брюжера IV, года (la loi de 1791 et le code de brumaire an IV), но это учрежденіе обнаружило важныя недостатки. Обвинительное джюри не можетъ дѣйствовать непрерывно; оно собирается въ разное время, и подвергаемые предварительному заключенію, должны ожидать разсмотрѣнія предварительнаго слѣдствія по твердому порядку во Франціи. Напротивъ, обвинительная палата засѣдаетъ постоянно въ мѣстѣ резиденціи апелляціонной палаты, и разсматриваетъ безъ всякаго промедленія дѣла, которыя ей представляются. Такимъ образомъ, если обвинительная палата не найдетъ достаточнаго

„Въ Англіи, говоритъ Митермайеръ, мировой и полицейскій судья всегда считаютъ себя настоящими судьями; всѣ они живо чувствуютъ обязанность быть безпристрастными и заботиться, чтобы каждый обвинитель и обвиняемый имѣли одинаковыя права при обвиненіи и защищеніи и при собраніи доказательствъ. Едва ли гдѣ, кромѣ Англіи, слѣдствіе производится такъ безпристрастно. Англійскіе мировые и полицейскіе судьи и по закону не болѣе какъ наблюдатели и посредники между обвинителемъ и обвиняемымъ, которые пользуются совершенно одинаковыми правами.“

¹ Такъ ли?

повода къ представленію дѣла въ судъ ассизовъ, то подсудимый немедленно освобождается. Въ Англіи большое джюри производитъ сѣдствіе во время засѣданія семихъ ассизовъ: оно разсматриваетъ жалобу (indictment), выслушиваетъ доводы и показанія свидѣтелей. На основаніи такого изустнаго сѣдствія, большое джюри опредѣляетъ силу обвиненія; чрезъ нѣсколько минутъ послѣ того тѣ же показанія повторяются предъ другими присяжными, которые безъ сомнѣнія будутъ находиться подъ тѣми же самыми впечатлѣніями какъ и первые ¹. Въ большей части случаевъ за приговоромъ объ основательности обвиненія, который произносится только въ случаѣ существованія достаточныхъ доказательствъ противъ подсудимаго, будетъ сѣдовать приговоръ о виновности обвиняемаго ². Большое или обвинительное джюри должно сверхъ того оцѣнивать характеръ фактовъ, подлежащихъ его обсужденію, и опредѣлять правила ихъ подсудности (compétence). Но всегда ли бываютъ присяжные способны рѣшить эти вопросы, требующіе глубокаго знанія законовъ и большой опытности въ дѣлахъ? Во Франціи право *обвиненія* (mise en accusation) предоставляется опытнымъ чиновникамъ, и часто случается, что обвинительная палата, разсмотрѣвъ представленное ей дѣло, находитъ въ немъ не преступленіе, но проступокъ, подлежащій вѣдомству суда полиціи исправительной, или и вовсе не находитъ въ немъ никакого законнаго нарушенія. Чиновники палаты не слушаютъ свидѣтелей, но ограничиваются чтеніемъ бумагъ по сѣдствію, и уже по этому самому должны быть менѣе доступны невольнымъ вліяніямъ, которымъ подвергается судья, выслушивающій показанія. Такого рода соображенія и послужили во Франціи основаніемъ къ уничтоженію обвинительнаго джюри и къ замѣнѣ его учрежденіемъ обвинительной палаты ³.

¹ Между тѣми и другими присяжными нѣтъ ничего общаго.

² Толкованіе совершенно произвольное.

³ Для того, чтобы сдѣлать приведенныя соображенія болѣе понятными для читателей, считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ учрежденіи большаго джюри въ Англіи. Извѣстно, что большое джюри (grand jury) рѣшаетъ вопросъ объ *основательности обвиненія*, а малое джюри (petty jury) вопросъ о *виновности обвиняемаго*. Оба джюри дѣйствуютъ какъ въ судѣ ассизовъ, такъ и въ четвертыхъ засѣданіяхъ мировыхъ

Въ заключеніе, французскіе юристы доказываютъ, что и при самомъ дѣлопроизводствѣ въ судѣ ассизовъ, французскій процессъ даетъ возможность производить допросъ, съ большимъ безпристрастіемъ и достоинствомъ чѣмъ это бываетъ Англіи.

Но такъ ли все это на дѣлѣ? Приведемъ нѣсколько примѣровъ извлеченныхъ нами изъ личныхъ наблюденій надъ французскою судебною практикой, и затѣмъ представимъ живніе такихъ юристовъ, которыхъ нельзя заподозрить въ пристрастіи ни къ той, ни другой сторонѣ.

судей (general quarter sessions) и притомъ на совершенно одинаковыхъ началахъ. Большое или обвинительное джюри составляется изъ земледѣльцевъ графствъ и изъ всѣхъ членовъ мировой юстиціи. Качество и условія, требуемыя для участія въ большомъ джюри не опредѣляются закономъ; но обычаемъ постановлено призывать къ участію въ большомъ джюри людей, пользующихся общественнымъ уваженіемъ. Присяжные назначаются шерифомъ. Принадлежность къ большому джюри считается величайшимъ почетомъ, и хотя для составленія его требуются на каждую сессию только 23 лица, но число ихъ въ каждомъ графствѣ доходитъ обыкновенно до 100. Изъ нихъ призываются къ дѣйствию только 23, числящиеся первыми по списку. Ни одинъ изъ присяжныхъ большого джюри не можетъ быть отведенъ. Ихъ рѣшеніе постановляется по простому большинству; но необходимо, чтобы большинство это состояло по крайней мѣрѣ изъ 12 голосовъ. Въ случаѣ отсутствія нѣкоторыхъ изъ присяжныхъ, большое джюри можетъ дѣйствовать въ числѣ меньшемъ 23, лишь бы оно состояло изъ 12 присяжныхъ. Еслибы представился подобный случай, то требуется единогласное рѣшеніе, такъ какъ преданіе суду можетъ состояться только при согласіи на то двѣнадцати лицъ, какое бы ни было число присутствующихъ присяжныхъ. Немедленно послѣ открытія суда ассизовъ дѣлается вызовъ большого джюри. Первый изъ присяжныхъ (foreman of the jury) даетъ присягу по формѣ читаемой секретаремъ; затѣмъ всѣ другіе присяжные подтверждаютъ ее. Тотчасъ послѣ вызова большого джюри приступаютъ къ переключкѣ маалаго джюри. По окончаніи переключки судья-предсѣдатель назначаетъ присяжнымъ большого джюри должъ которыхъ они должны исполнить, правила которыми они должны руководствоваться, и дѣлаетъ нѣкоторыя замѣчанія относительно дѣла подлежащихъ ихъ обсужденію. Судья вручаетъ имъ обвинительный актъ, составленный при предварительномъ свидѣствіи жалующеюся стороною. Затѣмъ присяжные удаляются въ совѣщательную камеру и приступаютъ къ обсужденію дѣла подъ предсѣдательствомъ своего главы. Туда явлется также жалующаяся сторона или пресѣдователь (prosecutor) перваго дѣла съ своими свидѣтелями. Пресѣдователь излагаетъ предметъ своей жалобы и обстоятельства преступленія, котораго онъ сдѣлался жертвою; обвиняемый же призывается. Если присяжные по большинству двѣнадцати голосовъ находятъ обвиненіе основательнымъ, то старшина ихъ пишетъ вѣзду обвинительнаго акта: „true bill“, то-есть

III.

Въ первое мое посѣщеніе Palais de Justice ¹, въ Парижѣ, въ тамошнемъ ассизномъ судѣ производился процессъ интересный по содержанію, и замѣчательный по участию въ немъ г. Лапо знаменитаго защитника Леоніа Шеро и М-ше Лафаржъ. Подсудимымъ въ этомъ дѣлѣ былъ молодой скуальторъ; онъ обвинялся въ совершеніи восемнадцати подложныхъ писемъ. Послѣ обычной присяги присяжныхъ, прочтанъ былъ обвинительный актъ.

Подсудимый Блавиеръ работалъ въ теченіи одиннадцати лѣтъ для одного фабриканта бронзовыхъ издѣлій. Фабрикантъ имѣлъ полное довѣріе къ Блавиеру и часто давалъ ему деньги впередъ. Но Блавиеръ, не довольствуясь такою снисходитель-

справедливый актъ. Присяжные могутъ на основаніи свидѣтельскихъ показаній измѣнить характеръ обвиненія. Такъ напримѣръ могутъ обязать, что обвиняемый въ преднамеренномъ убійствѣ (murder) можетъ подлежать суду только по обвиненію въ непреднамеренномъ убійствѣ (manslaughter). Если присяжные не находятъ основанія къ обвиненію, то старшина пишетъ на актѣ: „no bill“ или „not found“. Какъ только присяжные обязать обвиненіе основательнымъ, они возвращаются въ судебную залу и передаютъ свое рѣшеніе секретарю, который прочитываетъ его громкогласно; потомъ они удаляются въ свою камеру для обсужденія другаго дѣла. Между тѣмъ судъ приступаетъ къ сужденію дѣла, по которому большое джюри объявило обвиненіе основательнымъ. Такимъ образомъ дѣла производятся съ необычайною быстротою; малое джюри разсматриваетъ первыя дѣла, пока большое джюри обсуждаетъ послѣднюю: свидѣтели требуютъ всего одинъ разъ, но невозможно опредѣлить заранѣе, въ какой именно день такое-то дѣло будетъ разсматриваться, и потому свидѣтели, требуемые для извѣстной сессіи, должны явиться къ первому ея дню и должны оставаться до разрѣшенія процесса, для котораго они призываются.

¹ Въ Palais de Justice, находящемся на правомъ берегу Сены, застаетъ въ Парижѣ, кромѣ суда ассизовъ, судъ кассационный, апелляціонная палата, судъ 1-й степени, суды полиціи исправительной и полиційскій судъ (simple police). Это зданіе, называвшееся прежде Palais de la Cité, было воздвигнуто въ правленіе короля Роберта, сына Гуго Кавета, въ 1000 году. Робертъ избралъ его своею резиденціей. Лудовикъ Святой увеличилъ дворецъ, пристроивъ къ нему нѣсколько залъ и между прочимъ залу, которая служитъ теперь мѣстомъ засѣданія кассационнаго суда и прежде называлась Chambre de St. Louis. Затѣмъ дворецъ былъ перестроенъ въ 1313 году Филиппомъ Красивымъ и оставался резиденціею

ностію, отъ его имени поддѣлалъ восемнадцать писемъ, на сумму 5900 франковъ. Подлогъ былъ обнаруженъ при предъявленіи двухъ подобныхъ писемъ. Фабрикантъ не призналъ своей подписи подъ этими письмами, и потому подозрѣніе пало на Блавиера, который немедленно и сознался въ своемъ преступленіи.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, президентъ приступилъ къ допросу обвиняемаго. Допросъ отличался своею необычайною подробностію и стремленіемъ привести подсудимаго къ сознанію въ совершеніи преступленія со всеми отягощающими вину атрибутами. Такой характеръ допроса очень вѣрно характеризуется на оригинальномъ языкѣ, изобрѣтенномъ во Франціи преступниками: на ихъ *argot*, судьи извѣстны подъ именемъ *les curieux*, то-есть *любопытныхъ*. Дѣйствительно, французскій судья выражаетъ при допросѣ необыкновенное любопытство, не только въ отношеніи къ предмету обвиненія, но и въ отношеніи къ различнымъ побочнымъ обстоятельствамъ, какъ напримѣръ семейной жизни, нравственности подсудимаго и пр. Въ настоящемъ случаѣ судья очень интересовался знать, почему подсудимый былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ своею женой и не жилъ вмѣстѣ съ нею. Какое отношеніе имѣлъ брачный союзъ къ обвиненію Блавиера въ подлогъ,—этого я никакъ не могу понять.

французскихъ королей до 1431 года, когда Карлъ VII предоставилъ его парламенту. а самъ перешелъ въ Лувръ. Въ настоящее время Дворецъ Юстиціи представляетъ образчикъ самой разнообразной архитектуры. Отъ древняго дворца остались только башня, называемая *la tour de l'Horlogerie* и другія башни выходящія на Сену и башня выходящая на Набережную Цвѣтовъ (*Auxi aux Fleurs*). Въ этой послѣдней башнѣ находилась знаменитый набатный колоколъ, который обыкновенно гудѣлъ только въ случаяхъ смерти или рожденія королей и ихъ старшихъ наследниковъ. Но это общее правило было грустнымъ образомъ нарушено во время Варшавскаго вечера, когда колоколъ этотъ гудѣлъ вмѣстѣ съ колоколомъ церкви St. Germain l'Auxerrois. Зала, служащая для собранія адвокатовъ и тяжущихся и называемая *Salle des Pas Perdus*, имѣетъ 74 метра длины и 28 ширины: потолокъ поддерживается дубовыми колоннами, занимающими очень много мѣста. Комнаты судовъ отличаются своею обширностію и чистотой. При Дворцѣ Юстиціи находится между прочимъ знаменитая тюрьма, называемая *la Conciergerie*. Засѣданія судовъ начинаются обыкновенно въ 10 часовъ утра, и продолжаются до 4 или 5 часовъ по-полудни.

При допросѣ подсудимый подтвердилъ первоначальное сознание въ совершеніи преступленія и извинялъ себя тѣмъ, что онъ имѣлъ заказъ отъ правительства, и ожидалъ отъ этого заказа значительную сумму. Между тѣмъ кредиторы предъявили свои требованія, и подсудимый, опасаясь потерять мраморъ и трудъ употребленный на него, окончателно потерялъ голову.

Послѣ этого объясненія, между судьей и подсудимымъ завязался довольно забавный разговоръ, возбуждвшій въ публикѣ большое веселіе. Я приведу его здѣсь въ подлинникѣ.

— Итакъ, замѣтилъ судья,—вы потеряли голову?

— Окончателно, отвѣчалъ Блавиеръ.

— И потерявъ голову, продолжалъ судья,—вы занялись издѣліемъ подложныхъ писемъ?

— Я не замедлилъ раскаяться въ этомъ, возразилъ подсудимый:—черезъ три дня послѣ поддѣлки перваго письма, я сознался въ томъ моему патрону съ полною откровенностію. Онъ принялъ меня со свойственнымъ ему добродушіемъ и объяснилъ мнѣ, что я сдѣлалъ подлогъ.

— Но тѣмъ не менѣе вы не оставили своего преступнаго замысла, замѣтилъ судья,—и послѣ добродушнаго увѣщанія вашего патрона вы совершили семнадцать новыхъ подлоговъ?

На это Блавиеръ возразилъ, что обстоятельства его сдѣлались опять такъ тяжки и безвыходны, что онъ снова потерялъ голову.

— Вы опять потеряли голову, закаючилъ судья,—и вслѣдствіе того совершили уже не одинъ, а цѣлыхъ семнадцать подлоговъ; впрочемъ, всѣ средства для защиты хороши.

Затѣмъ судья приступилъ къ допросу свидѣтелей, причемъ снова выразилъ немалое любопытство. Такъ, между прочимъ, при допросѣ одной очень хорошенькой свидѣтельницы, онъ спросилъ ее: какимъ образомъ завязались денежные отношенія между ею и подсудимымъ? Свидѣтельница покраснѣла и выразила только нѣмое негодованіе. „Voilà, voilà,“ замѣтилъ судья: „я васъ спрашиваю объ этомъ не для того чтобы васъ обижать, но для разъясненія поступка подсудимаго.“ На это свидѣтельница отвѣчала, что она давала подсудимому деньги взаймы и не имѣла съ нимъ болѣе никакихъ сношеній. Фабрикантъ брон-

зовыхъ издѣлій объяснилъ при допросѣ, что онъ всегда считалъ подсудимаго за человѣка въ высшей степени честнаго, и что въ продолженіи одиннадцати лѣтъ онъ не имѣлъ ни малѣйшаго повода подозрѣвать его въ какомъ бы то ни было неблаговидномъ поступкѣ. Послѣ первоначальнаго сознанія въ поддѣлкѣ письма, Блавиеръ выразилъ такое трогательное раскаяніе, что нельзя было не убѣдиться въ его искренности. Будучи уже подѣ судомъ, Блавиеръ занимался въ тюрьмѣ издѣліемъ статуи и присылалъ ихъ фабриканту въ учетъ своего долга. Всѣ вообще свидѣтели (которыхъ было до десяти) отозвались о Блавиерѣ также какъ о человѣкѣ честномъ и талантливомъ.

Послѣ окончанія допроса, генераль-адвокатъ, Мари, обратился къ присяжнымъ съ обвинительною рѣчью. Рѣчь эта, также какъ и рѣчь защитника подсудимаго, не была помѣщена ни въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ, и потому я могу сообщить только ея сущность. При этомъ считаю не лишнимъ замѣтить, что во Франціи гласность далеко не такъ развита, какъ въ другихъ передовыхъ странахъ Европы. Во французскихъ журналахъ весьма часто означается одна только первоначальная буква имени подсудимаго, а иногда процессъ и вовсе не помѣщается въ газетахъ. Такіе пропуски встрѣчаются не только въ общихъ политическихъ и литературныхъ, но даже и въ специальныхъ юридическихъ газетахъ. Процессъ Блавиера былъ помѣщенъ только въ специальныхъ журналахъ, и притомъ въ самомъ краткомъ видѣ; въ другихъ журналахъ онъ помѣщенъ не былъ по ходячеству лицъ принимавшихъ участіе въ судьбѣ молодаго артиста. Возвращаясь къ описанію этого послѣдняго процесса, замѣчу, что генераль-адвокатъ употреблялъ все свое стараніе къ убѣжденію присяжныхъ въ виновности подсудимаго. „Если между вами, говорилъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ, есть негоціанты ¹, то они должны понимать,

¹ При этомъ замѣчаніи генераль-адвоката, на скамьяхъ защиты раздался глухой ропотъ, который былъ немедленно остановленъ президентомъ. Я занималъ мѣсто между безчисленнымъ множествомъ адвокатовъ пршедшихъ слушать своего знаменитаго собрата. При этомъ я на опытъ убѣдился въ неблагопріязненныхъ отношеніяхъ существующихъ во Франціи между членами *ministère public* и адвокатами.

что безнаказанность подобнаго преступленія была бы оскорбленіемъ закона (*insulte à la loi*) и послужила бы опаснымъ примѣромъ на будущее время. Я не могу вообразить, заключаемъ Мари, какіе доводы могутъ быть представлены для оклоуенія присяжныхъ къ оправданію или даже къ признанію *смягчающихъ обстоятельствъ* въ столь явномъ и гнусномъ преступленіи.“ Дѣйствительно, трудно было себѣ представить, какія средства употребить адвокатъ подсудимаго для его защиты.

„Я не буду повторять, началъ Лашо, обращаясь къ присяжнымъ, тѣхъ обстоятельствъ, которыя изложены въ обвинительномъ актѣ и подкрѣпляются какъ показаніемъ свидѣтелей, такъ и собственнымъ сознаніемъ подсудимаго. Я считаю излишнимъ слѣдовать примѣру генераль-адвоката, который съ такою настойчивостью останавливался на всѣхъ извѣстныхъ обстоятельствахъ. Совершеніе подсудимымъ подложныхъ писемъ не подлежитъ сомнѣнію. Но присяжные должны принять во вниманіе, подѣ вплиніемъ какихъ обстоятельствъ оно случилось. Прежде всего обращаю ваше вниманіе на то что вы видите предъ собою первостепеннаго артиста подающаго, по своей молодости и по своему таланту, самыя блистательныя надежды. Слѣдую своимъ природнымъ наклонностямъ, онъ съ самихъ раннихъ лѣтъ посвятилъ себя скульптурѣ, и безъ всякаго состоянія, безъ всякой протекціи, достигъ вполне заслуженной имъ извѣстности. Но извѣстность эта была куплена цѣною самыхъ тяжкихъ трудовъ и лишеній.“ Затѣмъ Лашо, въ самыхъ краснорѣчивыхъ чертахъ, представилъ присяжнымъ горькую судьбу, почти всякаго художника. „Жизнь художника, говорилъ онъ, исполнена тревогъ и мученій. Ночи безъ сна, дни безъ пищи, лихорадочное безпокойство и во снѣ и на яву. Сколько неудачъ, сколько разочарованій испытываетъ самый талантливый художникъ, прежде достиженія имъ независимаго положенія и извѣстнаго имени. По этому тернистому пути шелъ и находящійся предъ вами подсудимый. Послѣ десятилѣтнихъ трудовъ и лишеній имя его стало мало-по-малу выходить изъ массы темной посредственности, и слава о немъ дошла наконецъ до Лувра. Блavierу поручили сдѣлать статую, предназначавшуюся для украшенія одной изъ залъ этого великолѣпнаго дворца. За работу онъ долженъ былъ по-

лучить 5.000 франковъ.“ Здѣсь Лашо, въ подтвержденіе, прочелъ присяжнымъ письмо секретаря министра двора къ Блавиеру, въ которомъ было ясно обозначено, что художникъ получить за свою работу пять тысячъ франковъ. „Итакъ, продолжалъ Лашо, Блавиеръ получалъ заказъ, предвѣщавшій ему не только матеріальное благосостояніе, но быть-можетъ и всемірную извѣстность. Ни мало не медля, онъ купилъ на свои послѣднія деньги мраморъ и другіе необходимыя для работы матеріалы. Но мраморъ не пилается и не грѣбеть. Сухая дѣйствительность не вѣрится въ будущее; она требуетъ насущныхъ средствъ къ существованію. Блавиеръ начинаетъ помышлять о займѣ. Но деньги не легко достаются въ Парижѣ даже займы. Единственный человекъ, къ которому Блавиеръ могъ обратиться, былъ фабрикантъ, для котораго онъ работалъ; но подсудимый прибѣгалъ еще прежде къ его снисходительности и въ моментъ полученія заказа луврской статуи состоялъ должнымъ ему довольно значительную сумму денегъ, которую надѣялся отнять ему изъ своихъ послѣдующихъ трудовъ. Этотъ долгъ толкнулъ душу Блавиера, и одна мысль просить вновь денегъ займы приводила его въ отчаяніе. Блавиеръ гордъ, быть-можетъ даже слишкомъ гордъ отъ природы, и эта гордость навела его на несчастную мысль совершить подложныя письма. Рѣшаясь на такой поступокъ, Блавиеръ утѣшалъ себя мыслию, что по окончаніи луврской работы онъ получитъ слѣдующіе ему пять тысячъ франковъ, и тогда, откровенно сознавшись фабриканту въ своемъ поступкѣ, отдастъ ему всю сумму, означенную въ подложныхъ письмахъ. Но къ несчастію, поступокъ Блавиера обнаружился прежде нежели онъ получалъ ожидаемую плату, и онъ стоитъ теперь предъ судомъ. Вы слышали, продолжалъ Лашо, свидѣтелей, удостовѣрившихъ, что Блавиеръ совершилъ подлогъ. Не отвергаетъ онъ и самъ этого. Но присяжные, кромѣ опредѣленія факта, должны опредѣлить и его преступность. Присяжные не только опредѣляютъ фактъ, но признаютъ и виновность его. Блавиеръ совершилъ подлогъ, это фактъ; но преступно ли его дѣйствіе? Можно ли Блавиера поставить на одну доску съ мошенникомъ или воромъ. Вы слышали свидѣтелей, пострадавшихъ отъ поступка Блавиера, потерпѣвшихъ, по крайней мѣрѣ временно, денежный ущербъ. Но отзывался ли кто-

вѣбуй изъ нихъ съ желаніемъ о подсудимомъ? Требовалъ ли кто-нибудь изъ нихъ кары, которой заслуживаетъ преступникъ? Нѣтъ, въ отзывѣхъ свидѣтелей мы не замѣтили ни малѣйшей желчи; напротивъ, всѣ они отзывались о немъ какъ о человѣкѣ въ высшей степени честномъ, и въ голосѣ ихъ выражалось не негодованіе, но сожалѣніе, не требованіе кары, но просьба о пощадѣ. Всѣ они убѣждены въ томъ, что Блавиеръ, при первой возможности, отдастъ бы имъ долгъ и сознался бы въ своемъ поступкѣ. Въ этомъ убѣждала ихъ и прежняя жизнь подсудимаго, и поведеніе его во время свидѣствія. Будучи уже подъ судомъ, онъ не терялъ времени, и проводилъ дни и ночи въ работѣ. Плоды этой работы онъ посылалъ своимъ кредиторамъ въ уплату долга. Вотъ человѣкъ! Г. генералъ-адвокатъ удивился, что защита можетъ надѣяться убѣдить присяжныхъ къ признанію смягчающихъ вину обстоятельствъ. Онъ удивится еще болѣе, когда я скажу вамъ, что ожидаю отъ васъ не объявленія смягчающихъ вину Блавиера обстоятельствъ, но совершеннаго оправданія. Блавиера не спасутъ смягчающія обстоятельства, они не смогутъ пятна налагаемаго на художника судебнымъ приговоромъ. Неужели вы думаете, что Блавиеръ можетъ остаться художникомъ въ случаѣ вашего приговора? Нѣтъ! вмѣстѣ съ такимъ приговоромъ погаснетъ и священнѣйшій огонь, оживотворяющій душу художника, вмѣстѣ съ нимъ изсякнетъ талантъ достигшій своего развитія. Судебный приговоръ погубитъ Блавиера, и не принесетъ никакой пользы его кредиторамъ. Напротивъ того, въ случаѣ полнаго оправданія, Блавиеръ съ двойнымъ рвеніемъ примется за любимую работу, и въ скоромъ времени вознаградитъ своихъ кредиторовъ, уплатитъ сполна сумму, обозначающую въ заемныхъ письмахъ, составленныхъ имъ отъ имени фабриканта. Я кончилъ, заключилъ Лашо, я исполнилъ свой долгъ по совѣсти и убѣжденію; теперь ваша очередь обсудить поступокъ Блавиера также по совѣсти. Если, по вашему убѣжденію, онъ можетъ быть уподобленъ обыкновенному мошеннику и вору—карайте; я первый этого отъ васъ требую. Но если, по вашему убѣжденію, онъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ гордости художника, а не корыстолюбія, если, по вашему убѣжденію, онъ твердо намѣревался 'отдать свой долгъ и откровенно сознаться въ своемъ поступкѣ, въ такомъ

случаѣ не скупитесь на милосердіе, не раздробляйте его на частички, но дѣйствуйте широко, безусловно. Вы верховные судьи Блавиера; отъ васъ зависитъ спасти или погубить его. Приговоръ вашъ истина. Но помните, что въ случаѣ милостиваго приговора, Блавиеръ будетъ стараться оправдать ваше милосердіе къ нему, и быть-можетъ ставетъ со временемъ на ряду съ первѣйшими артистами Европы. Тогда, любясь его произведеніями, сочувствуя его славі, радуясь его успѣхамъ, вы будете имѣть утѣшеніе сказать себѣ, наединѣ со своею совѣстію: мы спасли художника отъ клеима безчестія, мы содѣйствовали его славі, и не лишили Францію таланта, которому справедливо удивляется Европа.“

Рѣчь эта, произнесенная съ большимъ чувствомъ, произвела на публику сильное впечатлѣніе. Я самъ испытывалъ совершенно новое для меня ощущеніе, съ которымъ можетъ сравниться лишь впечатлѣніе производимое игрою гениальнаго артиста. Я никакъ не могъ себѣ представить, чтобъ адвокатъ Блавиера могъ возбудить до такой степени сочувствіе къ своему кліенту. До рѣчи Ламо, Блавиеръ возбуждалъ во мнѣ мало участія, но послѣ этой рѣчи я почувствовалъ къ нему невольную симпатію, и мнѣ казалось, что присяжные не могутъ не оправдать его. Но я ошибся въ своихъ предположеніяхъ. Послѣ судейскаго обзора дѣла, присяжные удалились для совѣщанія и возвратились чрезъ полчаса съ приговоромъ о виновности обвиняемаго, признавъ, впрочемъ, смягчающія обстоятельства. Затѣмъ президентъ, послѣ краткаго совѣщанія съ другими судьями, объявилъ приговоръ, которымъ Блавиеръ вслѣдствіе признанія смягчающихъ вину обстоятельствъ присуждался лишь къ двухгодичному тюремному заключенію. Наказаніе это дѣйствительно было очень легко, при строгости французскаго кодекса опредѣляющаго за подлогъ, въ иныхъ случаяхъ, пожизненную каторжную работу. Такимъ образомъ блистательная рѣчь Ламо не осталась безплодною.

Другой процессъ, при которомъ я присутствовалъ въ сенскомъ судѣ ассизовъ, имѣлъ болѣе драматическій чѣмъ юридическій интересъ. Подсудимымъ здѣсь былъ булочникъ Виталь; онъ обвинялся въ убійствѣ своей жены. Другими главными дѣйствующими лицами въ этой уголовной драмѣ были отецъ и мать убитой женщины и ея любов-

никъ, молодой человекъ 22 лѣтъ, поваръ по ремеслу. Обстоятельства дѣла были очень просты, потому что подсудимый не только не отрицалъ обвиненія, но самъ во время производства свидѣствія чистосердечно сознался въ своемъ преступленіи, и потомъ подкрѣпилъ это сознание въ судѣ. Единственный вопросъ, подлежащій обсужденію присяжныхъ состоялъ въ томъ: было ли совершено преступленіе съ заранѣе обдуманнѣмъ намѣреніемъ, или внезапно, безъ всякаго предумышленія? Обвинительный актъ гласилъ, что подсудимый со времени своей женитьбы, послѣдовавшей въ 1858 году, находился съ женою въ самыхъ дурныхъ отношеніяхъ. Онъ познакомился съ нею случайно въ трактирѣ, и не собравъ предварительныхъ свидѣній о ея характерѣ и поведеніи, вступилъ съ нею въ бракъ. Въ послѣдствіи онъ узналъ, что жена его отличалась легкимъ поведеніемъ и имѣла нѣсколькихъ любовниковъ. Но вмѣсто того чтобы своими совѣтами направить молодую женщину на путь истинны и долга, Виталь предоставилъ ей полную волю слѣдовать дурнымъ привычкамъ. Въ то время когда подсудимый проводилъ ночи въ работѣ, жена его таскалась по публичнымъ баламъ, и возвращалась домой не только съ однимъ, но съ двумя, тремя и болѣе любовниками. Наконецъ, она сблизилась съ молодымъ человекомъ, поваромъ по ремеслу, Тортезомъ, который сдѣлался постояннымъ гостемъ въ домѣ Витала. Тортезъ нѣсколько разъ намекалъ своей любовницѣ, что связь ихъ можетъ имѣть неблагопріятныя послѣдствія, но она успокаивала его, говоря что ея мужъ такъ добръ, что имъ нечего бояться. Дѣйствительно Виталь не обнаруживалъ ни малѣйшей ревности къ Тортезу, и неоднократно заставляя его утромъ въ спальнѣ своей жены, никогда не обнаруживалъ при этомъ ни искры гнѣва. Такая снисходительность Витала объяснялась тѣмъ, что онъ пользовался деньгами, которыми жена его выручала отъ своихъ любовниковъ. Однако бывали иногда и у Витала порывы ревности, такъ что онъ угрожалъ женѣ своей убійствомъ. Объ этомъ фактѣ свидѣтельствовали письма убитой женщины; она писала къ своимъ родителямъ объ угрозахъ своего мужа и выражала опасеніе, что онъ приведетъ ихъ въ исполненіе. Опасенія несчастной женщины оправдались, и въ одно утро она найдена была мертвою въ своей спальнѣ. На трупѣ оказалось нѣсколько глубокихъ ранъ, и голова

едва держалась при туловищѣ. Виновики не замедлили обнаружиться. Виталь самъ объявилъ осядямъ о своемъ преступленіи, но они ему не повѣрили, и онъ имѣлъ время скрыться въ лѣсахъ, гдѣ и скитался болѣе мѣдѣи. Удостоверившись наконецъ въ дѣйствительности преступленія, осяды Виталя успѣли объявить о томъ полиціи, которая и отыскала подсудимаго.

Послѣ прочтенія обвинительнаго акта, президентъ Портье приступилъ къ допросу подсудимаго. Подсудимый неоднократно прерывался разказать въ послѣдовательности всѣ обстоятельства дѣла, но вдавался въ такія подробности, что президентъ поинутно прерывалъ его и сбивалъ своими вопросами. Президентъ старался вывести подсудимаго на сознаніе, что ему извѣстны были отношенія жены его къ Тортезу, и что онъ пользовался деньгами, которыя она выручала отъ этой незаконной связи. Подсудимый сознавался въ томъ, что ему были извѣстны отношенія жены его къ Тортезу, но говорилъ, что не пользовался деньгами. „Я существовалъ, говорилъ подсудимый голосомъ, въ которомъ слышалось чувство обиженнаго самолюбія, деньгами, выручаемыми мною отъ ночнаго, кроваваго труда, и никогда не унижался до того, чтобы дотронуться до денегъ добываемыхъ цѣною прелюбодѣйства.“ На вопросъ президента, почему онъ не только не обнаруживалъ гнѣва при видѣ Тортеза, но напротивъ очень дружелюбно здоровался съ нимъ, когда находилъ его въ спальнѣ жены, подсудимый отвѣчалъ, что онъ имѣетъ привычку всегда здороваться съ людьми. „Il faut bien, говорилъ онъ, dire bonjour aux gens.“ Вообще подсудимый неоднократно дѣлалъ такія наивныя объясненія, которыя заставляли сомнѣваться въ твердости его умственныхъ способностей. Наконецъ, послѣ многихъ побочныхъ вопросовъ, президентъ коснулся главнаго вопроса о предумышленіи убійства. Подсудимый, рѣшительно отрицая всякое предумышленіе, объяснялъ свое преступленіе внезапнымъ порывомъ гнѣва. „Я утомился отъ такой жизни, говорилъ онъ. Проведя ночь безъ сна, въ работѣ, усталый и разбитый, я возвращался домой, надѣялся тамъ найти спокойствіе и отдохновеніе отъ трудовъ. Болѣе двухъ мѣсяцевъ я не имѣлъ съ моею женою никакихъ сношеній; въ глазахъ моихъ она перестала быть женщиною. Но я не терялъ надежды найти въ

ней друга. Я зналъ объ отношеніяхъ ея къ Тортезу, но я закрывалъ глаза, надѣясь, что самая доброта моя тронетъ жену мою и обратитъ ее на добрый путь. Но нѣтъ. Она не только не трогалась моею добротою, а еще смѣлась надъ нею, какъ вы сами слышали отъ Тортеза. Я долго страдалъ и терпѣлъ, но наконецъ терпѣніе лопнуло, желчь разлилась. Въ утро преступленія я пришелъ домой, и по обыкновенію засталъ тамъ Тортеза; я сказалъ жень, чтобъ она подала завтракъ; но она отвѣчала, что я и самъ могу о томъ позаботиться. Я пошелъ самъ за завтракомъ, и приготовилъ его. Жена попросила меня пригласить Тортеза; я исполнилъ ея желаніе, и пошелъ купить карты. Послѣ завтрака, мы играли въ карты, и когда Тортезь ушелъ, я завелъ съ женою разговоръ, который мы неоднократно вели и прежде. Я старался убѣдить ее измѣнить образъ жизни; я обѣщалъ ей забыть въ такомъ случаѣ все прошедшее и сдѣлаться самымъ нѣжнымъ ея другомъ. Но она обращала слова мои въ шутку: гнѣвъ начиналъ душить меня. „Послушай, говорилъ я ей, я не шучу, и если ты не переѣмнишь образа жизни; то я застрѣлюсь въ глазахъ твоихъ.“ — „Нѣтъ, пожалуста, не при мнѣ, сказала она: застрѣлился гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ.“ Голова моя закружилась, я схватилъ ножъ и вонзилъ его въ бокъ жены; она закричала: „помогите! убійца!“ но ея крики и видъ крови еще болѣе меня раздражили, я повалилъ ее на полъ и..... докончилъ ударъ (j'ai achevé le coup)... „Мщеніе, мщеніе! кричалъ я въ бѣшенствѣ.....“

Послѣ этихъ словъ подсудимый побѣднлъ какъ поломя, и сталъ произносить какіе-то несвязные звуки. Глаза его закатились, онъ весь дрожалъ какъ въ лихорадкѣ. „Провидѣніе не справедливо,“ простоналъ онъ едва слышнымъ голосомъ, и въ сильныхъ конвульсіяхъ упалъ на руки жандармовъ. Въсадствіе этого происшествія президентъ объявилъ, что засѣданіе прерывается, и пренія начались слова чрезъ полчаса. Подсудимый видимо ослабѣлъ и былъ очень блѣденъ, но тѣмъ не менѣе процессъ былъ оконченъ въ тотъ же день.

Послѣ допроса Витала, начался допросъ свидѣтелей. Отецъ и мать убитой отказались отъ объясненія нравственности и поведенія ихъ дочери, и показали, что она въ письмахъ своихъ неоднократно жаловалась на угрозы своего мужа убить ее. Затѣмъ явился Тортезь. Появленіе

его произвело видимое впечатлѣніе какъ на публику, такъ и на подсудимаго. Положеніе этого юноши было весьма непріятно, и онъ конечно не могъ возбудить къ себѣ симпатіи. Тѣмъ не менѣе, изъ показанія его обнаружилось, что онъ не былъ такъ виновенъ, какъ можно было предполагать. Онъ объяснилъ, что онъ познакомился съ женою подсудимаго на одномъ изъ лѣтнихъ баловъ, и что сперва онъ не зналъ, что она была замужемъ. Узнавъ это въ послѣдствіи, онъ говорилъ своей любовницѣ о необходимости прервать эту связь; но она успокоила его замѣчаніемъ, что мужъ ея не обращаетъ на это вниманія. Притомъ Виталь встрѣчалъ его такъ радушно, что никакъ нельзя было предполагать въ немъ ревности. Далѣе Тортезъ объяснялъ, что убитая женщина изъявляла такую любовь къ нему, какой онъ не могъ не сочувствовать. При этомъ воспоминаніи Тортезъ заплакалъ и вообще обнаружилъ много душевной теплоты. Президентъ сдѣлалъ ему внушеніе о послѣдствіяхъ разврата и выразилъ надежду, что случай этотъ послужитъ строгимъ урокомъ молодому человѣку на будущее время. Послѣ допроса остальныхъ свидѣтелей, генералъ-адвокатъ Мари обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, произнесенною по обыкновенной системѣ французскихъ прокуроровъ.¹ Прежде всего онъ объяснилъ присяжнымъ, что они видятъ предъ собою человѣка дурной нравственности, подвергавшагося уже въ прежнее время наказанію за воровство. Далѣе Мари доказывалъ, что подсудимый пользовался деньгами, добываемыми чрезъ прелюбодѣліе его жены, и потому переносилъ постоянное присутствіе Тортеза въ его домъ; но наконецъ ревность овладѣла имъ; ему стало досадно, что жена его предалась Тортезу не только тѣломъ, но и душою, и онъ рѣшился на самое ужасное мщеніе. Виталь имѣлъ бы законное основаніе къ оправданію, еслибъ онъ убилъ свою жену или ея любовника на

¹ При этомъ не могу не замѣтить, что въ Англійи пресѣдатель преступленія не имѣетъ права упоминать о дурной нравственности подсудимаго, чтобы не вселить въ присяжныхъ предубѣжденія къ нему; но адвокатъ подсудимаго можетъ представлять доказательства хорошей нравственности обвиняемаго, чтобы расположить присяжныхъ въ его пользу. Это одна изъ тѣхъ безчисленныхъ льготъ, которыя предоставляются подсудимому въ англійскомъ уголовномъ процессѣ.

мѣтъ преступленія. Но онъ этого не сдѣлалъ. Напротивъ, онъ очень дружелюбно здоровался съ любовникомъ своей жены, и самъ приглашалъ его въ свой домъ. Представляя за тѣмъ присяжнымъ, что между временемъ ухода Тортеза, въ утро совершенія преступленія, и самымъ фактомъ убійства прошло болѣе десяти минутъ, генералъ-адвокатъ утверждалъ, что въ это время Виталь обдумалъ свое намѣреніе, и потому совершилъ предумышленное убійство, къ которому онъ впрочемъ давно приготовлялся, какъ видно изъ угрозъ, которыя онъ дѣлалъ женѣ. Приводя затѣмъ объясненія закона о предумышленіи, Мари доказывалъ, что въ настоящемъ случаѣ оно было несомнѣнно. „Мнѣ нечего напоминать вамъ, говорилъ онъ присяжнымъ, обо всѣхъ ужасныхъ послѣдствіяхъ безнаказанности подобнаго преступленія. Если вамъ будутъ говорить, что Виталь совершилъ преступленіе въ порывѣ гнѣва и внезапно, то послѣ этого можно сказать, что всѣ вообще убійства совершаются въ порывѣ гнѣва и внезапно, и потому всѣ убійцы должны быть оправдываемы¹. Вы не увлечетесь подобными доводами; вы неспособны на такую легкомысленность; на васъ лежитъ глубокая отвѣтственность предъ обществомъ, и вы не должны подвергать его всѣмъ бѣдствіямъ, происходящимъ отъ безнаказанности самаго ужаснаго изъ преступленій. Я убѣжденъ, что вы признаете подсудимаго виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ. Что касается, заключилъ г. Мари, до смягчающихъ вину обстоятельствъ, то вы объявите ихъ, или нѣтъ; это вполне зависитъ отъ вашего усмотрѣнія.“

Послѣ этой рѣчи, продолжавшейся болѣе часа, адвокатъ подсудимаго г. Моризъ обратился въ свою очередь къ присяжнымъ съ теплою и дѣльною рѣчью въ его защиту. Онъ прежде всего представилъ имъ, что подсудимый вовсе не былъ человѣкъ дурной нравственности. Упомянутое генералъ-адвокатомъ воровство совершено было имъ во время состоянія его въ военной службѣ въ Алжирѣ, а присяж-

¹ Послѣ этихъ словъ генералъ-адвоката, адвокатъ подсудимаго сдѣлалъ какое-то возраженіе, котораго я къ сожалѣнію не могъ разслышать, и которое было прервано президентомъ сказавшимъ: „Silence de la part de la défense.“

намъ извѣстно, что проступки, совершенные во время этой службы, не имѣютъ никакого вліянія на гражданскій процессъ и не должны быть принимаемы присяжными во вниманіе. Далѣе адвокатъ замѣтилъ, что подосудимый туго отъ природы, и что будучи тридцати лѣтъ лѣтъ отъ роду, онъ до сихъ поръ не умѣетъ ни читать, ни писать, хотя его этому и учили. Африканское солнце еще болѣе повредило умственнымъ способностямъ Витала. Затѣмъ Моризъ опровергалъ обвиненіе въ томъ, что Виталь будто пользовался деньгами добытыми его женою чрезъ прелюбодѣланіе; обстоятельство это, говорилъ адвокатъ, ничѣмъ не доказано, и чернить подобнымъ бездоказательнымъ обвиненіемъ даже убійцу, недостойно. Представляя потомъ постоянную доброту Витала, которую сознавали и сама его жена, и ея любовникъ, адвокатъ опровергалъ дѣйствительность угрозъ, приписываемыхъ Виталу. „Убіиство совершено было имъ внезапно и безъ малѣйшаго предумышленія. Если онъ не убилъ жену на мѣстѣ преступленія, это объясняется только избыткомъ его терпѣнія, которое лопнуло, когда жена на горячія увѣщанія и молебны отвѣчала насмѣшкою. Положеніе Витала стало слишкомъ ужасно. Къ чести человеческой природы надо сознаться, что положеніе подобное тому, въ которомъ находились Виталь, его жена и Тортезъ, не можетъ быть продолжительно. Подобное положеніе не могло привести ни къ какому другому исходу; оно должно было искупиться кровію. Генераль-адвокатъ говорилъ вамъ, что отъ васъ зависитъ признать или не признать смягчающія вину Витала обстоятельства; но я убѣжденъ, что совѣсть ваша велитъ вамъ признать ихъ непременно. Еще бы вы ихъ не признали! Что же бы вы сдѣлали въ такомъ случаѣ съ злодѣемъ, который въ вагонѣ желѣзной дороги злобно убиваетъ своего спящаго спутника, чтобы воспользоваться его кошелемъ? Что бы вы сдѣлали съ отцомъ избивающимъ всю свою семью? Нѣтъ, гг. присяж-

¹ Этотъ намекъ на убійство судьи Poincaré произвелъ сильное впечатлѣніе на публику.

² Незадолго до процесса Витала подобный случай разсматривался въ парижскомъ судѣ ассизовъ и разрѣшенъ былъ приговоромъ подосудимаго къ смертной казни.

ныя, заключилъ Морисъ, не обстоятельствомъ смягчающимъ вину подсудимаго ожидаю я отъ васъ, а надѣюсь, вы не найдете даже предумышленія въ преступленіи.“

Тѣмъ не менѣе присяжные признали Витала виновнымъ въ предумышленномъ убійствѣ жены, но объявили смягчающія вину его обстоятельства. Судъ приговорилъ Витала къ вѣчной каторжной работѣ.

Послѣ процесса Витала я присутствовалъ въ судѣ ассизовъ при разрѣшеніи процесса по обвиненію одного работника въ убійствѣ. Въ обвинительномъ актѣ было изяснено, что подсудимый, отличавшійся необыкновенною силой и будучи въ полномъ разсудкѣ, вступилъ въ драку съ однимъ изъ своихъ товарищей въ трактирѣ, въ которомъ они вмѣстѣ ужинали. Подсудимый бросилъ на полъ своего соперника, и ударилъ его два раза ногою по головѣ, отчего тотъ и умеръ. Подсудимый, выразившій очевидное раскаяніе и плакавшій во все время процесса приводилъ въ свое оправданіе, что онъ находился подъ вліяніемъ вина, и вступилъ въ драку въ пьяномъ видѣ. Онъ утверждалъ также, что, сколько можетъ припомнить, онъ ударилъ своего несчастнаго товарища не два, а только одинъ разъ ногой по головѣ. Генералъ-адвокатъ въ рѣчи своей присяжнымъ опровергалъ показаніе подсудимаго, доказывалъ, что тотъ былъ въ пьяномъ видѣ во время убійства, и приводилъ притомъ, что состояніе пьянства вообще не можетъ служить къ оправданію подсудимаго. Представляя присяжнымъ всю важность этого процесса, генералъ-адвокатъ убѣждалъ ихъ дать строгій урокъ прочимъ работникамъ на будущее время, и объявить приговоръ о виновности подсудимаго.

Затѣмъ адвокатъ, молодой человекъ, впервые явившійся на скамьѣ защиты, обратился къ присяжнымъ съ рѣчью, произнесенною съ большимъ жаромъ и краснорѣчіемъ. Онъ прежде всего замѣтилъ присяжнымъ, что онъ назначенъ защитникомъ подсудимаго по обязанности (d'office), и следовательно будетъ руководствоваться исключительно убѣжденіемъ. „Я приступаю къ защитѣ, продолжалъ онъ, съ недвѣріемъ къ самому себѣ, но съ полнымъ довѣріемъ къ вашей справедливости. Еслибъ я имѣлъ авторитетъ и краснорѣчіе преслѣдователя, рѣчь моя произвела

бы конечно гораздо болѣе впечатлѣнія. Но тѣмъ не менѣе я надѣюсь, что самая слабость моя будетъ служить гарантіею для подсудимаго предъ такими справедливыми и безпристрастными судьями какъ присяжные.“ Затѣмъ молодой адвокатъ представлялъ въ краткихъ чертахъ обстоятельства жизни подсудимаго, отличавшагося кротостію нрава и прилежаніемъ. Въ доказательство нравственности и доброты подсудимаго, онъ приводилъ тотъ фактъ, что жена прислала ему деньги для выбора себѣ защитника, но подсудимый возвратилъ деньги, объясняя, что они необходимы для нея самой и для дѣтей, и такимъ образомъ отказался въ пользу своего семейства отъ собственной выгоды. Далѣе адвокатъ доказывалъ, что подсудимый дѣйствительно находился подъ вліяніемъ вина, хотя и не былъ совершенно пьянъ, и приводилъ показаніе нѣкоторыхъ свидѣтелей удостовѣрившихъ, что онъ дѣйствительно ударилъ своего товарища ногою по головѣ не два, а только одинъ разъ. Представляя затѣмъ искреннее раскаяніе подсудимаго, слезы, которыя онъ не переставалъ проливать со времени несчастнаго случая и болѣзненное состояніе жены подсудимаго, бывшей въ то время беременною, адвокатъ убѣждалъ присяжныхъ не лишать семейства главы, и не поражать матери и носимаго ею въ зародышѣ младенца жестокимъ ударомъ. Я не одинъ ходатайствую за подсудимаго, продолжалъ адвокатъ; духъ убитаго икъ работника требуетъ не кары, но проситъ вмѣстѣ со мною о пощадѣ. Вы видите предъ собою, заключаю онъ, обращая вниманіе присяжныхъ на висящій въ судѣ образъ Распятія Спасителя, живой примѣръ милосердія. Я убѣжденъ, что подсудимый цѣною слезъ своихъ получилъ прощеніе свыше, и надѣюсь, что вы также не оставите ихъ безъ вниманія“¹.

Надежда адвоката дѣйствительно оправдалась; присяжные, послѣ часоваго совѣщанія, объявили приговоръ о невиновности подсудимаго.

¹ Во всей этой рѣчи выражается стремленіе къ тѣмъ *coups de théâtre*, которые такъ свойственны французскимъ адвокатамъ. Англійскій адвокатъ никогда не позволяетъ себѣ подобной выходки.

IV.

Кромѣ описанныхъ мною процессовъ, я присутствовалъ при разрѣшеніи многихъ другихъ, какъ въ Парижѣ, такъ въ Лионѣ, Дижонѣ и другихъ городахъ Франціи. Вездѣ процессы отличались тѣмъ самымъ характеромъ, который выражается весьма рельефно въ дѣлахъ Баазьера и Витала. Самый поверхностный изслѣдователь французскихъ судебныхъ учрежденій не можетъ не замѣтить неравенства между обвинителями и защитниками подсудимыхъ. Французскій уголовный судъ представляется ареною, полемъ сраженія между обвинителемъ и судьей, съ одной стороны, и защитникомъ подсудимаго съ другой. Какъ будто личная ненависть, кровавая вражда разыгрывается между этими двумя партіями, изъ которыхъ интересъ одной состоитъ въ обвиненіи, а интересъ другой въ оправданіи подсудимаго. Такія отношенія между обвинителями и защитниками, правда, придаютъ большой интересъ дебатамъ, но едва ли способствуютъ къ раскрытію истины. Случается напротивъ, что адвокаты иногда въ рѣчахъ своихъ раздражаются, и дѣло весьма часто доходитъ до личностей. Такъ недавно въ одномъ изъ французскихъ ассизныхъ судовъ, адвокатъ подсудимаго замѣтилъ генераль-адвокату, что онъ солгалъ въ своей рѣчи, и что отъ подобнаго дѣйствія преслѣдователя должна холодѣть кровь въ жилахъ у всякаго порядочнаго человѣка. Этотъ примѣръ показываетъ, насколько французскій судъ отличается отъ англійскаго. Зала французскаго суда представляетъ собою бурный форумъ, на которомъ разыгрываются личныя страсти; напротивъ зала англійскаго суда представляется дѣйствительнымъ храмомъ правосудія, гдѣ весь интересъ заключается въ раскрытіи истины. Самое устройство англійскаго суда клонится къ тому, чтобъ устранить личные интересы. Присяжные постановляютъ тамъ приговоръ не только по внутреннему убѣжденію, но и по *законнымъ доказательствамъ* (rules of evidence). При такомъ правилѣ, ни преслѣдователь, ни защитникъ подсудимаго не имѣютъ особеннаго основанія прибѣгать къ возбужденію страстей,

которое такъ часто случается во Франціи и которое иногда бываетъ необходимо для того чтобы подѣйствовать на такъ-называемое внутреннее убѣжденіе присяжныхъ. Кромѣ того, въ Англіи преслѣдователь нисколько не принуждается закономъ непременно доказывать виновность подсудимаго; напротивъ, онъ даже обязанъ излагать воѣ стороны дѣла, и противъ, и въ пользу подсудимаго ¹. Что же видимъ во Франціи? Прокуроръ тамъ останавливается, по прямой своей обязанности, исключительно на обстоятельствахъ клонящихся противъ подсудимаго, и съ особенною настойчивостію убѣждаетъ присяжныхъ къ произнесенію обвинительнаго приговора; въ самыхъ черныхъ краскахъ представляетъ онъ обыкновенно присяжнымъ не только способъ совершенія преступленія, но и всю жизнь подсудимаго. Кромѣ прокурора, самый президентъ въ свою очередь также нападаетъ на обвиняемаго; онъ подвергаетъ подсудимаго нравственной пыткѣ, и потомъ, при обзорѣ обстоятельствъ дѣла, большею частію повторяетъ слова преслѣдователя, мало обращая вниманія на доводы защитника.

Однимъ словомъ, во французскомъ уголовномъ процессѣ защитно нарушается равновѣсіе между *преслѣдованіемъ* и *защитою*. Усиленное нападеніе, которымъ подвергается подсудимый отъ президента и прокурора тѣмъ болѣе опасно для подсудимаго, что и въ судьи и въ прокуроры назначаются обыкновенно лица отличающіяся особенными юридическими познаніями и пріобрѣтшіе практическую опытность, тогда какъ большая часть адвокатовъ не отличаются ни особенными способностями, ни опытностію. Адвокаты подобные гг. Лапо и Жюль Фавру на счету; да и подсудимые большею частію не имѣютъ средствъ брать знаменитыхъ защитниковъ, и должны поневолѣ прибѣгать къ неимѣющимся адвокатамъ.

То же направленіе оказывается и въ судѣ полиціи исполнительной; тамъ преслѣдователь также имѣетъ очевидное преимущество передъ защитникомъ. Въ этихъ судахъ президенты и прокуроры обращаются съ адвокатами даже весьма безцеремленно. Весьма часто президентъ просто-на-

¹ Такой характеръ англійскаго обвинителя особенно ясно выразился въ описанномъ мнѣ въ 1860 году процессѣ: „Убитіе въ Степелѣ“ (Рус. Вѣст. 1860 г. № 21).

просто прерываетъ адвоката въ самомъ началѣ его рѣчи, объявляетъ пренія оконченными („les débats sont terminés“, говорить онъ адвокату), и даетъ приговоръ не выслушавъ защиты.

Можетъ ли излишнее расширеніе правъ пресѣдователя производить хорошее галаніе на приговоръ присяжныхъ? Конечно нѣтъ, и о вредныхъ послѣдствіяхъ протекающихъ отсюда было уже много трактовано, и между тѣмъ въ недавнее время съ особенною силой высказано въ знаменитомъ предисловіи французскаго адвоката Берье къ брошюрѣ неизвѣстнаго автора: *du ministère public et du barreau*¹. Замѣчу съ своей стороны, что пока пресѣдователи преступлѣній и всѣ вообще чиновники публичнаго министерства назначались по выбору гражданъ (какъ было сначала по закону учредительнаго собранія) права пресѣдователей и защитниковъ были еще равносильны. Настоящій, неблагоприятный для подсудимыхъ порядокъ обнаружился собственно съ того времени какъ чиновники публичнаго министерства стали назначаться правительствомъ. Съ этого-то времени чиновники публичнаго министерства стали присвоивать себѣ власть и авторитетъ въ ущербъ правамъ защиты. вмѣстѣ съ тѣмъ, съ этого же времени въ дѣйствіяхъ ихъ стала обнаруживаться какое-то жестокосердіе, неизбежное послѣдствіе постоянного занятія уголовными дѣлами. „Посмотрите, говоритъ Туре², на чиновника, только что вступающаго на это поприще. Тревожимый важностію лежащаго на немъ долга, онъ старается взвѣсить въ точности всякое малѣйшее обвиненіе; онъ уже видитъ доказательство, но старается еще болѣе увѣрится въ его дѣйствительности. Посмотрите на него потомъ десять лѣтъ спустя: вы найдете въ немъ страшную перемену, въ особенности, если онъ приобрѣлъ репутацію хорошаго криминалиста. Вы увидите, что онъ

¹ Я частнымъ образомъ узналъ, что авторъ этой брошюры г. Моро, адвокатъ мало извѣстный.

Брошюра эта извѣстна читателямъ *Русскаго Вѣстника* по статьѣ г. Арсеньева „Письмо Берье“ (1861, №). Кроме того въ *Журналь Министерства Юстиціи* (№ II) былъ помѣщенъ переводъ написанной по тому же поводу статьи Миттермайера: „о необходимости равенства въ уголовномъ судопроизводствѣ правъ обвинителя и обвиняемаго.“

² Thouret, membre du Comité de Constitution.

сдѣлался беззаботенъ, жестоко, что онъ постановляетъ рѣшенія на основаніи первыхъ впечатлѣній, разрѣшаетъ безъ изслѣдованія самыя важныя обстоятельства и почти забываетъ различіе между обвиняемымъ и виновнымъ.“ Не даромъ поэтому, не только въ Англіи, но даже и во Франціи, принято за правило избѣгать постоянного назначенія однихъ и тѣхъ же судей для *уголовныхъ* дѣлъ; и тамъ, и здѣсь судьи занимаются уголовными и гражданскими дѣлами по очереди. Этой-то спасительной предосторожности и не принято по отношенію къ чиновникамъ публичнаго министерства, и отъ этого-то прокуроръ или другой членъ публичнаго министерства, вслѣдствіе постоянныхъ занятій преслѣдованія и подстрекаемый притомъ наградами и повышеніями, теряетъ съ одной стороны всякую способность къ чистосердечію, а съ другой навывается къ притязаніямъ, чтобы приговоръ суда непременно соответствовалъ его видамъ. Такимъ образомъ прокуроръ сдѣлался во Франціи маленькимъ деспотомъ въ своей сферѣ; онъ не терпитъ никакихъ возраженій, никакихъ замчаній со стороны защиты. А между тѣмъ весьма часто случается, что сѣдствіе произведено неправильно, что у обвиняемаго извѣстныя признанія вынуждены. Не такъ давно еще, въ одномъ извѣстномъ процессѣ, защитникъ подсудимаго обнаружилъ неправильность въ дѣйствіяхъ сѣдвателей и публичнаго министерства. Молодой человекъ, хорошей фамиліи, сынъ банкира, былъ обвиняемъ въ сообщничествѣ по убійству отца. Во время премій въ судѣ, прокуроръ осмыслился на собственное сознаніе подсудимаго, сдѣланное при сѣдствіи. Обвиняемый отвергалъ дѣйствительность этого сознанія, доказывая, что оно было вызвано суровостію тюремнаго заключенія и неоступными вымогательствами полиціи. Обвиненіе влекло за собою смертную казнь. Защитникъ не могъ спасти подсудимаго иначе какъ посредствомъ смѣлаго нападенія на преслѣдователя. „Полиція!“ сказалъ онъ, обращаясь къ присяжнымъ: „знаете ли вы гг. присяжные, что такое полиція? Позвольте обнаружить вамъ ея тайны. Полиція имѣетъ свои привилегіи въ глазахъ суда, но она не можетъ считаться непогрѣшимой въ глазахъ справедливости. Полиція! Еще разъ позвольте вамъ сказать, что это такое. Когда полиція спускается въ темницу и вырываетъ изъ устъ подсудимаго признаніе,

защитникъ долженъ имѣть право обѣменить это присяж-нымъ. Еслибы я не имѣлъ этого права, я немедленно снялъ бы съ себя эту тогу, я не рѣшился бы брать на себя защиту, не вводилъ бы общество въ заблужденіе, что можетъ быть защитникъ тамъ, гдѣ нѣтъ права защиты!" Затѣмъ адвокатъ описывалъ присяжнымъ бывшія въ тюрьмѣ сцены, доказывая, что полиція употребляла сред-невѣковыя средства при сабдетви, и такимъ образомъ вывудила молодого, неопытнаго, томившагося въ тюрьмѣ человека, къ неправильному сознанію. Защита была увлекательна, сильна, краснорѣчива. Обвиняемый былъ оправданъ¹. Но много ли найдется защитниковъ, которые имѣютъ достаточно смѣлости? Да и то оказать, что и этотъ самый защитникъ, смѣлую рѣчь котораго мы привели, этотъ боецъ за правду, стоитъ теперь самъ въ рядахъ публичнаго министерства, и весьма горячо ратуетъ противъ той свободы, за которую онъ прежде такъ смѣло сражался! Это не кто иной какъ г. Шекъ д'Есть-Анжъ. На него-то Берье указываетъ въ своемъ предисловіи какъ на измѣнника французской адвокатурѣ. И такія явленія во Франціи не считаются рѣдкостью.

При такихъ фактахъ нельзя безъ нѣкотораго отвращенія читать во французскихъ журналахъ безпрестанныя восклицанія о свободѣ, о святости служенія долгу и правдѣ, и другихъ высокихъ гражданскихъ доблестяхъ. Нельзя также безъ улыбки сожалѣнія смотрѣть на самообольщеніе, хотя и добросовѣстное, тѣхъ юристовъ, которые готовы чуть не до небесъ превозносить устоявшій во Франціи судебный порядокъ. Недавно еще по поводу юбилея Берье оказана было множество исполненныхъ самоос-хваленія рѣчей. Удивительно какъ не надобно Французамъ утѣшать себя обманчивыми призраками! Что бы ни говорили французскіе адвокаты, какъ бы ни старались они восхвалять свои подвиги, всё опичи ихъ не боѣе какъ нутовые звуки.

Независимо отъ сравнительнаго бессилія, въ какое поставлены во французскомъ судоустройствѣ средства къ

¹ Этотъ случай измеченъ мною изъ весьма интересной статьи: „Le barreau moderne, sa constitution et ses franchises“ въ *Revue des deux Mondes*, 1 juillet 1861.

запятъ, справедливо указываютъ и на другіе недостатки французской системы. По замѣчанію лорда Брума ¹ (авторитетъ такого юриста не можетъ не быть уваженъ), одинъ изъ главныхъ недостатковъ французскаго суда состоитъ въ томъ, что во Франціи судебная власть не вполне разграничена съ властію законодательною. Судьи какъ высшихъ, такъ и низшихъ судовъ, допускаются къ участию въ законодательныхъ собраніяхъ. Судьи высшихъ судовъ, весьма часто бывали членами палаты депутатовъ. Бывали даже примѣры, что судей выбирали въ палату именно изъ опасенія, чтобы подача голоса противу судьи не отозвалась потомъ неблагоприятными послѣдствіями въ случаѣ привлеченія кого-либо изъ избирателей къ суду. Другой существенный недостатокъ французской системы, по замѣчанію лорда Брума, состоитъ въ томъ, что число судей во Франціи слишкомъ велико, а получаемое ими жалованье весьма незначительно. Во Франціи существуетъ 2834 кантона и около 3000 мировыхъ судей. Имъ полагается жалованье отъ 750 до 1000 франковъ въ годъ. Въ каждомъ изъ 363 округовъ есть судъ 1-й степени, состоящій изъ трехъ, четырехъ, а въ иныхъ округахъ и восьми судей. Каждый изъ нихъ получаетъ 2000 фр. жалованья. Судьи апелляціонныхъ палатъ получаютъ отъ 2500 до 7500 франковъ; младшіе судьи получаютъ обыкновенно 3000 фр., а президенты 5000 фр. Число судей апелляціонныхъ палатъ измѣняется сообразно съ важностію округа; обыкновенно ихъ бываетъ 4 или 5, но парижскій апелляціонный судъ состоитъ изъ 50, а лионскій изъ 25; число всѣхъ судей апелляціонныхъ судовъ простирается до 900. Кассационный судъ состоитъ изъ 48 членовъ; каждый членъ получаетъ по 17.500 фр., а президенты (въ каждой изъ трехъ палатъ особый президентъ) по 25.000 фр. Кроме того при судахъ учреждены, какъ выше замѣчено, особые прокуроры и другіе члены публичнаго министерства. Такимъ образомъ во Франціи, кроме 3000 мировыхъ, существуетъ почти столько же высшихъ судей, жалованье которыхъ весьма ничтожно. Число французскихъ судей, говоритъ лордъ Брумъ, покажется еще

¹ *The British Constitution* by Lord Brougham. The French judicial system p. 368 — 377.

громаднѣе, если сравнить его съ числомъ шотландскихъ и англійскихъ судей. Такъ, въ Шотландіи существуетъ всего 66 мѣстныхъ (local judges) и 13 высшихъ судей. А между тѣмъ народонаселеніе Франціи не болѣе какъ въ 10 разъ превышаетъ народонаселеніе Шотландіи, слѣдовательно во Франціи, гдѣ число всѣхъ судей простирается до 5000, окъзывается, пропорціонально къ народонаселенію, въ три раза болѣе судей чѣмъ въ Шотландіи. Въ Англіи, считая мѣстные суды, всего не болѣе 110 судей, за то содержаніе ихъ обходится несравненно дороже чѣмъ содержаніе 5000 французскихъ. Содержаніе судей въ Англіи простирается ежегодно до 1.325.000 фунтовъ, а во Франціи до 760.000 фунтовъ. Высшій судья въ Англіи получаетъ отъ 5 до 8 тысячъ фунтовъ ежегодно. Слѣдовательно во Франціи судьи кассационнаго суда получаютъ въ 6 разъ, а судьи апелляціонныхъ палатъ въ 25 разъ менѣе содержанія чѣмъ англійскіе высшіе судьи. Такая ограниченность жалованья находится въ связи съ огромнымъ количествомъ судей,—а между тѣмъ она имѣетъ весьма вредное вліяніе на правильное теченіе юстиціи. Французское правительство не можетъ избирать судей изъ талантливѣйшихъ адвокатовъ, какъ это дѣлается въ Англіи. Первоклассному адвокату не выгодно взять мѣсто судьи даже въ кассационномъ судѣ, не говоря уже въ апелляціонной палатѣ или судѣ первой степени. Такимъ образомъ, во Франціи званіе судьи принимаютъ на себя или менѣе способные изъ адвокатовъ, или лица обладающія значительною собственностью. Впрочемъ, во всякомъ случаѣ, адвокатура не можетъ дать правительству 5000 первоклассныхъ юристовъ.

Не можетъ быть экономіи суда, замѣчаетъ лордъ Брумъ въ другомъ мѣстѣ, *какъ экономія въ назначеніи жалованья судьямъ.* Достоинство хорошей организаціи судебной системы—неоцѣнимо. Судебная часть представляетъ самую важную отрасль въ законодательствѣ и конституціи всякой страны. Народъ будетъ несчастенъ при хорошей системѣ законодательства, если судебная система дурно устроена, и напротивъ того онъ можетъ быть *относительно* счастливъ при дурной системѣ законовъ, если законы эти хорошо извѣстны, не часто измѣняются и правильно примѣняются.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ ¹

Переводъ съ англійскаго.

VI.

Всякая человѣческая проицательность имѣетъ свои границы. Какъ ни точно предугадывалъ до сихъ поръ капитанъ всѣ обстоятельства, но даже и его бойкое всезнаніе оказалось теперь безсильнымъ. Онъ окончилъ свою сигару съ убійственнымъ убѣжденіемъ, что рѣшительно не знаетъ ничего о будущихъ дѣйствіяхъ мистриссъ Леконтъ.

Тутъ опытность его указала ему одинъ безопасный путь, — единственный. Онъ рѣшился испытать на экономкѣ смущающее дѣйствіе совершенной перемѣны тактики, прежде чѣмъ она успѣетъ воспользоваться своимъ выгоднымъ положеніемъ и напасть на него во тьмѣ. Имѣя это въ виду, онъ послалъ служанку наверхъ пригласить маисъ Байгревъ внизъ поговорить съ нимъ.

— Надѣюсь, что не обезпечилъ васъ, произнесъ капитанъ встрѣчая Магдалину. — Позвольте мнѣ извиниться за табачный дымъ и сказать два слова на счетъ нашихъ

¹ См. Русскій Вѣстникъ № 7, 8, 9 и 10.

будущихъ дѣйствій. Съ обычною моею откровенностію замѣчу, что мистриссъ Леконтъ проводить меня, и я намѣреваюсь отвѣчать на ея любезность тою же монетою. Предлагаемое мною средство очень просто. Я имѣлъ честь причинить вамъ вчера сильный нервный припадокъ, а сегодня прошу у васъ позволенія (когда мистеръ Нозль Ванстонъ придетъ навѣдаться о васъ завтра утромъ) уложить васъ совсѣмъ. Вопросъ изъ Си-Вью-Коттеджа: „Какъ сегодня чувствуетъ себя миссъ Байгревъ? Отвѣтъ изъ Нортъ-Шпигельсъ-Виллы: „Гораздо хуже; миссъ Байгревъ не выходитъ изъ своей комнаты.“ Ежедневно повторяющійся, положимъ, въ продолженіи двухъ недѣль, вопросъ: „Какъ чувствуетъ себя миссъ Байгревъ?“ Отвѣтъ, повторяющійся, если нужно, въ продолженіе того же времени: „Нисколько не лучше.“ Можете ли вы вынести это тюремное заключеніе? Я не вижу, почему бы вамъ не прогуливаться рано утромъ и вечеромъ передъ своимъ. Но въ продолженіе дѣлаго дня, говорю прямо, вы должны пристроиться къ мистриссъ Реггъ, и не выходить изъ вашей комнаты.

— Что за дѣло у васъ? спросила Магдалина.

— Двойная, отвѣчалъ капитанъ.—Краснѣю за свою глупость, но дѣло въ томъ, что я не знаю хорошенько что предприметь мистриссъ Леконтъ. Я увѣренъ лишь, что она готовится сдѣлать новую попытку для раскрытія истины своему хозяину. Какое бы средство ни употребила она для открытія кто вы, ей нужны для этого личныя сношенія съ вами. Прекрасно. Прекращая сношенія, я вдругъ создаю ей затрудненіе, или, какъ говоримъ мы въ картахъ, я перебиваю ей руку. Понимаете ли вы въ чемъ дѣло?

Магдалина понимала отлично. Капитанъ продолжалъ.

— Второе основаніе для держанія васъ въ заперти отключится исключительно къ Нозлю Ванстону. Развитіе любви, дорогая дѣвица моя, не походитъ въ нѣкоторомъ отношеніи ни на какое развитіе: оно цвѣтеть въ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ. Наше первое дѣло заставить мистера Нозля Ванстона почувствовать прелесть вашего сообщества. Наше второе—вогнать его въ тоску отъ потери оваго. Я предложилъ бы еще нѣсколько встрѣчь съ цѣлю способствовать этой цѣли, есаубы не теперешнее затруднительное положеніе наше по отношенію къ мистриссъ

Леконтъ. Теперь мы должны положиться на произведенное вами вчера впечатлѣніе, и приступить къ внезапному прекращенію сношеній нѣсколько раньше чѣмъ бы мнѣ хотѣлось. Хотя вамъ нельзя видѣть мистера Нозля Ванстова, однако мнѣ можно, и если въ сердцѣ этого молодчика найдется какое-нибудь непечатое мѣсто, вѣрите я не промахнусь. Вы знаете теперь вполне мои предположенія. Подумайте о нихъ, и скажите мнѣ: да или нѣтъ.

— Всякая пережѣна, отвѣчала Магдалина, — избавляющая меня отъ общества мистриссъ Леконтъ и ея хозяина будетъ для меня къ лучшему. Пусть будетъ какъ вы хотите.

До сихъ поръ она отвѣчала тихо и слабо, но эти послѣднія слова она произнесла возвысивъ голосъ и съ краской въ лицѣ, что сказало капитану Реггу не требовать отъ нея ничего больше.

— Прекрасно, проговорилъ капитанъ. — Какъ и всегда, мы понимаемъ другъ друга. Я вижу, что вы устали и не хочу задерживать васъ долѣе.

Онъ всталъ, чтобъ отворить дверь, но остановился на подорогѣ и повернулся.

— Позвольте мнѣ переговорить съ служанкой, замѣтилъ онъ. — Вы не можете оставаться всегда въ постели, и мы должны принять мѣры чтобы дѣвушка не проговаривалась, при принятіи посѣтителей, хотя, безъ сомнѣнія, мы не должны сообщать ей нашего секрета. Я дамъ ей понять, что ваше нездоровье есть какъ бы только предлогъ для избѣжанія докучливыхъ посѣтителей, и что докладывая о вашемъ нездоровьи, она какъ бы будетъ говорить, что васъ нѣтъ дома. Позвольте мнѣ отворить вамъ дверь. Извините, вы идете въ рабочую комнату мистриссъ Реггъ вмѣсто своей.

— Знаю, отвѣчала Магдалина. — Я желала бы перевести мистриссъ Реггъ изъ самой дурной комнаты въ домъ на верхъ ко мнѣ.

— На нынѣшній вечеръ?

— На цѣлая двѣ недѣли.

Капитанъ Реггъ послѣдовалъ за нею въ столовую и благоразумно затворилъ за собою дверь, прежде чѣмъ заговорилъ снова:

— Ужели вы серьезно думаете взять на себя крестъ оставаться въ компаніи моей жены цѣлая двѣ недѣли? съ большимъ удивленіемъ спросилъ онъ.

— Жена ваша единственное невинное созданіе въ этомъ преступномъ домѣ, сказала она вспыхнувъ.—Я должна и желаю имѣть ее съ собою!

— Пожалуста, не волнуйтесь, замѣтилъ капитанъ.—Возьмите къ себѣ мистриссъ Реггъ, сдѣлайте милость. Я не нуждаюсь въ ней.

Уступивъ такимъ образомъ спутницу своей жизни, капитанъ тихонько возвратился въ приемную. „Слабость женскаго пола!“ думалъ онъ, постукивая себя по головѣ. „Понатужьте женскій умъ, и женскій характеръ прорвется какъ разъ.“

Натуга женскаго ума, на которую намекалъ капитанъ, не ограничивалась въ этотъ вечеръ одною Нортъ-Шингелъзъ-Виллой: она совершалась и въ Си-Вью-Коттеджѣ. Почти два часа сидѣла мистриссъ Леконтъ за своимъ письменнымъ столомъ, составляя, поправляя и продолжая писать что-то, пока у нея не вышло письмо къ старшей миссъ Ванстонъ, вполне соответствовавшее предположенной ей цѣли. Когда наконецъ черновое письмо было составлено удовлетворительно, она тотчасъ же переписала его, чтобы завтра же отдать его на почту.

Письмо это было образцовымъ произведеніемъ откровенности и искренности. Послѣ обычныхъ вступительныхъ сентенцій, экономка прямо извѣщала Нору о маскарадѣ происходившемъ въ Вокзалъ-Вокѣ, о разговорѣ съ закостюмированной особой и о своемъ личномъ подозрѣніи, что эта особа, принявшая имя миссъ Гартъ, была, по всей вѣроятности, не кто иной какъ младшая миссъ Ванстонъ. Написавъ до сихъ поръ правду, мистриссъ Леконтъ писала затѣмъ, что у ея господина есть доказательства, позволяющія ему обратиться къ дѣйствию закона, писала, будто онъ знаетъ, что грозившій ему заговоръ приводится въ исполненіе въ Альдборо, и что онъ еще не рѣшается обратиться къ кому слѣдуетъ за помощью, изъ фамильныхъ уваженій и въ надеждѣ, что старшая миссъ Ванстонъ можетъ имѣть столько вліянія на сестру, чтобы сдѣлать излишнимъ обращеніе къ крайнимъ мѣрамъ.

Въ такихъ обстоятельствахъ (продолжало письмо) совершенно необходимо, чтобы личность перереженной посѣтительницы Вокзалъ-Вока была вполне дознана, ибо, если бы догадка мистриссъ Леконтъ не оправдалась и перереженная особа оказалась бы кѣмъ-нибудь другимъ, то мистеръ Ноэль Ванстонъ намѣренъ положительно прибѣгнуть къ суду для

своей защиты. Нѣкоторыя обстоятельства въ Альдборо, о которыхъ нѣтъ надобности разпространяться, доставятъ мистрисъ Леконтъ возможность самой видѣть подозрѣваемую особу. Но такъ какъ экономка совершенно незнакома съ мадамшею миссъ Ванстонъ, то было бы желательно, чтобы въ дѣлѣ принялъ участіе кто-нибудь знающій ее. Если старшей миссъ Ванстонъ можно самой пріять въ Альдборо, то не потрудится ли она написать объ этомъ? Въ такомъ случаѣ мистрисъ Леконтъ назначила бы день. Если же, съ другой стороны, миссъ Ванстонъ не можетъ предпринять путешествія, то мистрисъ Леконтъ желала бы, чтобы письмо ея заключало въ себѣ полнѣйшее описаніе наружности сестры, съ обозначеніемъ всѣхъ приметей на лицѣ или рукахъ ея, и съ указаніемъ (въ случаѣ, если сестра писала недавно) откуда было ея послѣднее письмо, или, за неимѣніемъ адреса, какой почтовый штемпель значился на конвертѣ. При такихъ указаніяхъ, мистрисъ Леконтъ, въ интересъ самой увлекшейся дѣвочки, приваля бы на себя отвѣтственность келейно удостовѣриться въ ея тождествѣ, и немедленно увѣдомила бы старшую миссъ Ванстонъ о результатѣ.

Трудность отправить это письмо по вѣрному адресу очень не долго смущала мистрисъ Леконтъ. Помня имя законника, защищавшаго дѣло обѣихъ сестеръ при жизни Михаила Ванстона, она адресовала письмо: „Пендрилю, сквайру, въ Лондонѣ, для передачи миссъ Ванстонъ.“ Это письмо вложила она въ другой конвертъ, адресованный къ повѣренному мистера Нозля Ванстона, съ прибавленіемъ нѣсколькихъ словъ объ отсылкѣ письма въ контору мистера Пендрила.

„Теперь,“ думала мистрисъ Леконтъ, запирая письмо въ письменный столъ, съ намѣреніемъ лично отдать его завтра на почту: „Теперь она въ рукахъ у меня!“

На слѣдующее утро, служанка изъ Си-Вью-Коттеджа явилась съ поклонами отъ своего господина узнать о здоровьи миссъ Байгревъ. Бюлетень капитана Регга былъ переданъ исправно: „миссъ Байгревъ такъ нездорова, что не выходитъ изъ своей комнаты.“

Получивъ это извѣстіе, мистеръ Нозль Ванстонъ въ безпокойствѣ поснѣвши навѣдаться въ Нортъ-Шингельсъ-Виллу во время своей вечерней прогулки. Миссъ Байгревъ

чувствуетъ себя все также. Онъ спросилъ, нельзя ли ему видѣть мистера Байгрева. Смѣливыи капитанъ заранѣе приготовилъ свой отвѣтъ. Онъ думалъ, что небольшая возбуждающая оторочка не повредитъ мистеру Нозю Ванстону, и велѣлъ служанкѣ, въ случаѣ надобности, отвѣчать: „Мистеръ Байгревъ извиняется; онъ не въ состояннн теперь принимать никого.“

На слѣдующій день спраивались о здоровьи тѣмъ же порядкомъ—утромъ чрезъ посланнаго, вечеромъ—самъ мистеръ Нозъ Ванстонъ. Утромъ насчетъ Магдалины отвѣчали: „чуть-чуть лучше“; вечеромъ насчетъ капитана Регта: „мистеръ Байгревъ только-что вышелъ.“ Въ этотъ вечеръ, мистеръ Нозъ Ванстонъ былъ очень капризенъ, и терпѣнню и такту мистриссъ Леконтъ пришлось выдержать сильную пробу, чтобы не разсердить его.

На третье утро, извѣстiе о больной особѣ было менѣе благоприятно: „Миссъ Байгревъ все еще очень плоха, и не встанетъ еще съ постели.“ Служанка, возвращаясь съ этимъ отвѣтомъ въ Си-Вью, встрѣтила почтальюна, отъ котораго получила два письма къ мистриссъ Леконтъ.

Почеркъ перваго письма былъ знакомъ экономкѣ. Одно было отъ врача ея больного брата въ Цюрихѣ, и извѣщало ее, что здоровье пациента такъ замѣтно улучшилось въ послѣднее время, что можно смѣло надѣяться на сохраненiе его жизни.

Почеркъ втораго письма былъ незнакомъ ей. Мистриссъ Леконтъ, полагая, что это отвѣтъ отъ миссъ Ванстонъ, отложила чтенiе до окончанiя завтрака, чтобы прочесть его въ своей комнатѣ.

Когда она открыла письмо, и взглянула на подпись внизу, то немного удивилась. Въ подписи значилось не „Нора Ванстонъ“, но „Гарриетъ Гартъ“.

Письмо миссъ Гартъ увѣдомляло ее, что старшая миссъ Ванстонъ, недѣлю тому назадъ, приняла мѣсто гувернантки, съ условiемъ прибыть къ пригласившему ея семейству въ мѣсто временнаго пребыванiя его, на югѣ Францiи, и возвратиться съ нимъ въ Англiю, вѣроятно, черезъ мѣсяцъ или недѣль черезъ шесть. На время этого отсутствiя, миссъ Ванстонъ поручила миссъ Гартъ открывать всѣ ея письма, имѣя при этомъ въ виду, главнымъ образомъ, послѣднiй отвѣтъ на всякую могущую придти къ ней вѣсть отъ се-

отры. Миссъ Магдалина Ванстонъ не писала съ половины юля, а тогда почтовый штампель показывалъ, что письмо было отдано на почту въ Лондонъ, Ламбетскомъ кварталѣ,— и ея сестра старшая оставила Ангаю въ самомъ ужасномъ безпокойствѣ о ней.

Послѣ этихъ объясненій, миссъ Гартъ прибавляла, что домашнія обстоятельства мѣшаютъ ей предпринять лично поѣздку въ Альдборо чтобы помочь мистриссъ Леконтъ, но что замѣнь есть другое лицо, во всѣхъ отношеніяхъ болѣе способное на это дѣло, мистеръ Пендриахъ. Лицо это хорошо знаетъ миссъ Магдалину Ванстонъ, а его специальная опытность и скромность сдѣлають его помощь двойнѣ полезною. Онъ такъ добръ, что соглашается съѣздить въ Альдборо, какъ только окажется въ томъ надобность. Но такъ какъ время ему очень дорого, то она особенно просила, чтобы мистриссъ Леконтъ не приглашала его, не увѣрившись напередъ въ какой именно день будетъ нужно его содѣйствіе.

Предавая это, миссъ Гартъ прибавляла, что она считаетъ великимъ сообщитъ ей описаніе младшей миссъ Байгревъ. Можетъ случиться такъ, что мистриссъ Леконтъ не будетъ имѣть времени воспользоваться помощью мистера Пендриаха, а исполненіе добрыхъ намѣреній мистера Нова Ванстона относительно несчастной дѣвушки, бывшей предметомъ его снисхожденія, можетъ быть къ большому вреду затруднено невозможностью открыть кто она. За этимъ слѣдовало описаніе наружности. Въ немъ не пропущено было ни одной примѣты, по которой можно было бы узнать Магдалину; въ немъ помѣчены были и „двѣ родинки рядомъ, на лѣвой сторонѣ шеи,“ упоминавшіяся прежде въ посланныхъ въ Йоркъ печатныхъ объявленіяхъ.

Въ заключеніе, миссъ Гартъ выражала свои опасенія, что подозрѣнія мистриссъ Леконтъ могутъ оказаться справедливыми. Пока однакоже есть хоть какаа-нибудь вѣроятность, что заговоръ ведется лицомъ постороннимъ, миссъ Гартъ считаетъ себя обязанною, изъ благодарности къ мистеру Новому Ванстону, способствовать законнымъ мѣрамъ, которыя въ такомъ случаѣ будутъ приняты. Съ этою дѣлю она присоединяла свое формальное отрицаніе (которое она повторитъ лично, если нужно) тождественности между ею и перереженною особой, приравнею ея имя.

Она — та самая миссъ Гартъ, которая занимала мѣсто гувернантки въ домѣ покойнаго мистера Андру Ванстона, и никогда въ своей жизни не была ни въ Вокзалъ-Вокъ, ни по близости отъ него.

Оканчивалось письмо горячимъ увѣреніемъ писавшей, что она сдѣлаетъ для пользы Магдалины все что сдѣлала бы ее сестра, еслибы находилась въ Англіи. Оно было подписано полнымъ именемъ и помѣчено съ тою дѣловой точностью, которою, въ подобныхъ случаяхъ, всегда отличалась миссъ Гартъ.

Письмо это снабдило экономку опаснымъ оружіемъ.

Оно давало средство узнать, кто такая миссъ Байгревъ, съ помощію законника по профессіи. Оно заключало подробное описаніе наружности, что въ случаѣ нужды можно было съ пользою употребить въ дѣло и до появленія мистера Пендриля. Оно содержало въ себѣ обличеніе ложной миссъ Гартъ написанное настоящею миссъ Гартъ, и заявляло, что послѣднее письмо, полученное старшею миссъ Ванстонъ отъ младшей, было сдано на почту (а потому, вѣроятно, и написано) близъ Вокзалъ-Вока. Еслибы еще было получено позднѣйшее письмо съ почтовымъ штемпелемъ Альдборо, то цѣль доказательствъ по вопросу о мѣстностяхъ, безъ сомнѣнія, была бы еще полнѣе. Но и безъ этого, тутъ было уже достаточно данныхъ (съ прибавленіемъ, если будетъ нужно, лоскутка темнаго альпаковаго платья, все еще хранившагося у мистриссъ Леконтъ), чтобы поднять, занавѣсь, скрывавшую заговоръ, и чтобы поставить мистера Ноля Ванстона лицомъ къ лицу съ ясною и поразительною истиной.

Единственное затрудненіе, которое мѣшало экономкѣ тотчасъ же приняться за дѣло, заключалось въ томъ, что миссъ Ванстонъ вовсе не выходила изъ своей комнаты. Прежде чѣмъ вступить въ какія-либо сношенія съ мистеромъ Пендрилемъ надлежало еще рѣшить вопросъ о томъ, какъ открыть прямой къ ней доступъ. Мистриссъ Леконтъ тотчасъ же надѣла свою шляпку и отправилась въ Нортъ-Шингельсъ посмотреть, не откроетъ ли она сама чего-нибудь, до отхода почты.

На этотъ разъ мистеръ Байгревъ оказался дома, и она была принята безъ малѣйшаго затрудненія.

Тщательно взвѣсивъ поутру всѣ обстоятельства дѣла,

капитанъ Реттъ рѣшился нѣсколько приблизить его къ развязкѣ. Средства, которыми онъ предполагалъ достигнуть этого, ставили его въ необходимость видѣться порознь и съ экономкой, и съ ея хозяйкою, произвести на нихъ совершенно противоположныя впечатлѣнія, и породить между вами разногласіе относительно его самого. Поэтому посѣщеніе мистриссъ Леконтъ, вмѣсто того чтобы затруднить его, было для него, напротивъ, какъ нельзя болѣе кстати. Онъ принялъ ее въ гостиной съ замѣтною сухостью, къ которой она вовсе не была приготовлена. Его предупредительная улыбка исчезла, и вся наружность его запечатлѣлась непроницаемою торжественностью.

— Я рѣшилась побеспокоить васъ, сэръ, сказала мистриссъ Леконтъ,—чтобы выразить вамъ сожалѣніе мое и моего господина, когда мы услышали о болѣзни миссъ Байгревъ. Есть ли облегченіе?

— Нѣтъ, сударыня, отвѣчалъ капитанъ съ возможною краткостью.—Пламяяницѣ моей не лучше.

— У меня есть нѣкоторая опытность, мистеръ Байгревъ, въ уходѣ за больными. Если я могу быть чѣмъ-нибудь полезна...

— Благодарю васъ, мистриссъ Леконтъ. Мы не имѣемъ необходимости воспользоваться вашею добротой.

За этимъ прямымъ отвѣтомъ послѣдовала минута молчанія. Экономка почувствовала нѣкоторую недовкость. Что стало съ утонченною любезностью мистера Байгрева и съ его многоглаголаньемъ? Не желаетъ ли онъ оскорбить ее? Если такъ, то мистриссъ Леконтъ мгновенно рѣшила, что онъ не достигнетъ своей цѣли.

— Позвольте мнѣ спросить, какого рода болѣзнь у нея? спросила она, настаивая на своемъ.—Она не связана, надѣюсь, съ нашею поѣздкой въ Доницъ?

— Къ сожалѣнію, я долженъ сказать, сударыня, отвѣчалъ капитанъ,—что болѣзнь началась съ перваго припадка въ каретѣ.

„Такъ, такъ!“ думала мистриссъ Леконтъ. „Онъ даже не старается увѣрить меня, что болѣзнь дѣйствительна; онъ сбрасываетъ маску съ самаго начала!“ — Нервная болѣзнь, сэръ? прибавила она вслухъ.

Капитанъ отвѣчалъ важнымъ утвердительнымъ наклономъ головы.

— Значить, у васъ дѣлъ немало-больныхъ особы въ домѣ, мистеръ Байгревъ?

— Дѣлъ, сударыня, дѣлъ. Жена моя и племянница.

— Это довольно страшное стеченіе неприятныхъ случайностей.

— Да, сударыня, да. Очень страшное.

Несмотря на рѣшимость мистриссъ Леконтъ не обижаться, нечувствительность капитана Регга ко всѣмъ пускаемымъ ею стрѣламъ начинала сердить ее. Нѣкотораго труда стоило ей овладѣть собою, прежде чѣмъ она заговорила снова.

— Нѣтъ ли надежды, что миссъ Байгревъ будетъ въ состояніи вкорѣ выходить изъ своей комнаты? продолжала она.

— Никакой, сударыня.

— Вы довольны, полагаю, вашимъ врачомъ?

— У меня нѣтъ врача, произнесъ спокойно капитанъ. — Я самъ сажу за болѣзнью.

Скопившаяся злоба мистриссъ Леконтъ подавлялась при этомъ отвѣтѣ, и вырвалась изъ устъ.

— Маракую въ разныхъ наукахъ сэръ, проговорила она съ злобною усмѣшкой, — вы стало-быть и въ медицинѣ маракуете?

— Маракую, сударыня, маракую, отвѣчалъ капитанъ, безъ малѣйшаго движенія въ лицѣ или приемахъ. — И въ медицинѣ маракую столько же, какъ въ разныхъ другихъ наукахъ.

Тонъ, которымъ произнесены были эти слова, не оставлялъ ей болѣе ничего какъ встать, чтобы прекратить свиданіе. Передъ уходомъ, она не могла выдержать искушенія минуты, и не бросить на капитана Регга тѣмъ угрозы.

— Я отлагаю, сэръ, благодарность мою за приемъ вашъ, сказала она, — до возможности заплатить вамъ этотъ мой долгъ съ какой-нибудь пользою. А пока мнѣ пріятно изъ отсутствія врача въ этомъ домѣ вывести заключеніе, что болѣзнь миссъ Байгревъ гораздо менѣе серьезна чѣмъ полагала я, идя сюда.

— Я никогда не противорѣчу дамѣ, сударыня, отвѣчалъ неисправимый капитанъ. — Если вамъ угодно будетъ, при нашемъ слѣдующемъ свиданіи, признать племянницу мою вполнѣ здоровою, я покорно преклоню голову передъ вашимъ мѣтніемъ.

Съ этими словами, овъ посадиловалъ за экономкой къ выходу и вѣжливо отворилъ ей дверь. „Вижу вашу игру, сударыня!“ проговорилъ овъ про себя, запирая дверь. „Козыръ въ вашей рукѣ означаетъ видѣть мою племянницу; постараюсь же перебить его у васъ!“

Овъ возвратился въ приемную, и сталъ спокойно выжидать ближайшаго событія, которое легко было предвидѣть,— визита Нозля Ванстова. Менѣе чѣмъ черезъ часъ, ожиданія капитана Регга оправдались на самомъ дѣлѣ: явился мистеръ Нозль Ванстонъ.

— Дорогой мой сэръ! воскликнулъ капитанъ, радушно пожимая гостю руку, которую тотъ было придерживалъ:— я знаю, зачѣмъ вы пришли. Мистриссъ Леконтъ разказала вамъ о своемъ посѣщеніи, и безъ сомнѣнія, объявила, что болѣзнь моей племянницы чистая выдумка. Васъ это удивляетъ, васъ это поражаетъ; вы подозреваете, что я насмѣхаюсь надъ вашими добрыми чувствами; короче, вы требуете объясненія. Сейчасъ вы получите объясненіе. Присядьте, мистеръ Ванстонъ; я полагаюсь на вашъ смыслъ и умъ, какъ свѣтскаго человѣка. Я вижу, что мы находимся въ фальшивомъ положеніи, сэръ, и окажу вамъ безъ обиняковъ, съ самаго начала, что виною тому ваша экономка.

— Леконтъ! воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ въ величайшемъ недоумѣніи.

— Она и есть, сэръ, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.— Боюсь, не оскорбилъ ли я мистриссъ Леконтъ, при ея сегодняшнемъ посѣщеніи, холодностью моего обращенія съ нею. Я откровенный человѣкъ и не могу показывать того чего не чувствую. Боже меня упаси сказать что-нибудь на счетъ личности вашей экономки! Безъ всякаго сомнѣнія, она степенная и достойная всякаго довѣрія женщина, но у ней есть одинъ важный недостатокъ, общій особамъ ея лѣтъ и ея положенія: она ревниво охраняетъ свое вѣданіе на господина, хотя, быть-можетъ, вы и не замѣтили этого.

— Прошу у васъ извиненія, перебилъ мистеръ Нозль Ванстонъ:— у меня наблюдательность очень быстрая. Я все замѣчаю.

— Въ такомъ случаѣ, сэръ, продолжалъ капитанъ,— могли ли вы не замѣтить, что мистриссъ Леконтъ позволила обнаружить свою ревность въ обращеніи своемъ съ моею племянницей?

Мистеръ Нозль Ванстонъ вспоминалъ о домашней стычкѣ между мистриссъ Леконтъ и имъ, когда вечерніе его гости ушли изъ Си-Вью, и не могъ вдругъ найти прямого отвѣта. Онъ выразилъ свое величайшее удивленіе и огорченіе; онъ думалъ, что Леконтъ употребила всѣ усилія, чтобъ быть пріятною во время поѣздки въ Домиш; онъ надѣялся, что тутъ кроется какое-нибудь несчастное недоразумѣніе.

— Ужели хотите вы мнѣ сказать этимъ, сэръ, продолжалъ капитанъ строгимъ тономъ,—что вы сами не замѣтили этого обстоятельства? Какъ человѣкъ честный и человѣкъ наблюдательный, вы не можете сказать этого. Наружная вѣжливость вашей экономки не могла скрыть ея истиннаго чувства. Моя племянница замѣтила это, какъ замѣтили вы и я. Племянница моя, мистеръ Ванстонъ, дѣвушка съ душою и образованіемъ, и она положительно отказалась поддерживать на будущее время знакомство съ мистриссъ Леконтъ. Поймите меня хорошенько! Для племянницы моей, какъ и для меня, привлекательность *вашего* общества, мистеръ Ванстонъ, остается неизмѣнною. Миссъ Байгревъ только отказывается служить яблокомъ раздора (если вы позволите мнѣ этотъ классическій намекъ) въ вашемъ домѣ. Думая, что она права въ этомъ отношеніи, я, сткровенно сознаюсь въ этомъ, преувеличилъ нервное разстройство, которымъ она дѣйствительно страдаетъ, и представилъ его серіозною болѣзнію, исключительно съ цѣлю предупредить ежедневную встрѣчу двухъ дамъ на гуляньи, и устранить дурное впечатлѣніе другъ на друга вашихъ и моихъ домашнихъ.

— Я не допускаю никакихъ дурныхъ впечатлѣній у себя, замѣтилъ мистеръ Нозль Ванстонъ.—Я господинъ у себя въ домѣ; вы должны были уже замѣтить это, мистеръ Байгревъ. Я господинъ у себя въ домѣ.

— Не можетъ быть никакого сомнѣнія въ этомъ, любезный сэръ. Но жить, утромъ, днемъ, вечеромъ, въ постоянномъ заявленіи своей власти,—да это жизнь начальника тюрьмы, а не хозяина дома. Помилуйте, да это мука!

— Вы смотрите на это такимъ образомъ? произнесъ мистеръ Нозль Ванстонъ, которому польстило смѣтаивое признаніе его власти со стороны капитана Регга.—Пожалуй, чуть ли не ваша правда. Но я долженъ немедленно принять нѣкоторыя мѣры. Я не жслаю быть посмѣшцемъ, а ско-

рше проговю Леконтъ чѣмъ соглашусь стать посмѣшци-
цемъ.

Онъ покраснѣлъ и свирѣпо скрестилъ руки. Капитанъ Реггъ, своимъ искусно-раздражительнымъ объясненіемъ, разбудилъ въ немъ то спавшее подозрѣніе на счетъ вліянія на него экономки, которое всегда таилось въ его умѣ, и которое экономка умѣла всегда убаюкивать, а теперь, за ея отсутствіемъ, убаюкать это чувство было некому.—Что подумаетъ обо мнѣ миссъ Байгривъ! воскликнулъ онъ со внезапнымъ взрывомъ обидчивости.—Я проговю Леконтъ, чортъ побери! Я проговю Леконтъ оію же минуту!

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ! произнесъ капитанъ, которому было не выгодно вынуждать мистриссъ Леконтъ къ отчаяннымъ крайностямъ.—Къ чему принимать суровыя мѣры, когда достаточно мягкихъ? Мистриссъ Леконтъ старая слуга; мистриссъ Леконтъ предана вамъ, и полезна. Въ ней есть этотъ недостатокъ ревливости, ревливости по отношенію къ ея домашнему положенію при холостомъ хозяйствѣ. Она замѣчаетъ ваше вниманіе къ красивой молодой дѣвушкѣ, она видитъ, что молодая дѣвушка не нечувствительна къ вашей глѣзливости, а вотъ, бѣднѣшка, она выходитъ изъ себя! Что же дѣлать? Сдѣлайте, какъ сдѣлаетъ мушкетеръ, уступку слабому полу. Если мистриссъ Леконтъ будетъ съ вами, при первой нашей встрѣчѣ на гуляньѣ, вы отойдите отъ меня въ другую сторону. Если мистриссъ Леконтъ не будетъ съ вами, то доставьте намъ удовольствіе вашей компаніи. Коротче, любезный сэръ, пробуйте *zaviter in modo* (какъ говоримъ мы, классическіе люди), прежде чѣмъ перейдете къ *fortiter in re*.

Одинъ превосходный резонъ способствовалъ мистеру Нозю Ванстону принять примирительный совѣтъ капитана Регга. Открытое прекращеніе сношеній съ мистриссъ Леконтъ повело бы за собою признаніе ея требованій на нѣкоторую сумму денегъ, въ вознагражденіе услугъ оказанныхъ ею отцу и ему самому. Его окарденная натура испугалась при одной мысли о заявленіи чувства благодарности въ формѣ денежной уплаты, и послѣ нѣкоторой нерѣшимости, онъ согласился наконецъ принять совѣтъ капитана и сдѣлать уступку своей эконолкѣ.

— Но въ этомъ дѣлѣ пусть же смотрятъ на меня съ надлежащей точки зрѣнія, продолжалъ мистеръ Нозль Ванстонъ.—

Уступка моя не должна быть объясняема въ дурную сторону. Пусть миссъ Байгревъ не думаетъ, что я боюсь моей экономки.

Капитанъ объявилъ, что никогда подобная мысль не приходила и не могла придти въ голову миссъ Байгревъ. Однако мистеръ Нозль Ванстонъ, съ своею обычною настойчивостью, нѣсколько разъ возвращался къ этому пункту. „Не будетъ ли нескромностью просьба его объясниться лично съ миссъ Байгревъ? Есть ли надежда, что онъ будетъ имѣть счастье увидѣть ее сегодня? или, если нѣтъ, то на слѣдующій день? или, если нѣтъ,—на третій день?“ Капитанъ Реггъ отвѣчалъ осторожно: онъ понималъ какъ важно не возбудить ни малѣйшаго недовѣрія со стороны Нозля Ванстона излишнею поспѣшностью въ удовлетвореніи его желаній.

— О свиданіи сегодня, любезный сэръ, не можетъ быть и рѣчи, сказалъ онъ. — Она не совсѣмъ здорова для этого; ей нуженъ покой. Завтра я предполагаю вывести ее на свѣжій воздухъ, до начала дневнаго жара, не только во избѣжаніе затрудненій послѣ случившагося съ мистриссъ Леконтъ, но и потому что утренній воздухъ и утренняя тишина всего полезнѣе въ этихъ нервныхъ болѣзняхъ. Здѣсь мы встаемъ рано; мы выйдемъ въ семь часовъ. Если вы также встаете рано и если вамъ угодно будетъ пройтись съ нами, то, разумѣется, мы будемъ очень рады. Часъ, я знаю, не привычный; но позднее племянница моя можетъ-быть захочетъ прилечь, и не будетъ въ состояніи принимать гостей.

Сдѣлавъ это предложеніе исключительно съ цѣлью дать случай мистеру Нозлю Ванстону пробраться въ Нертъ-Шингальсъ въ такую пору утра, когда его экономка будетъ, вѣроятно, еще въ постели, капитанъ Реггъ предоставилъ ему принять эти предложенія за косвенный намекъ. Тотъ оказался на столько смысленъ чтобы тотчасъ же порѣшилъ дѣло. Объявивъ съ любезностію, что онъ всегда встаетъ рано, а особенно когда утро общаетъ ему что-нибудь пріятное, онъ согласился на прогулку въ семь часовъ утра, и вскорѣ поднялся прощаться.

— Слово на прощаніе, замѣтилъ капитанъ Реггъ.—Разговоръ этотъ долженъ остаться между нами. Мистриссъ Леконтъ не должна знать ничего о произведенномъ ею на мою племянницу впечатлѣніи. Я упоминалъ о немъ только

затѣмъ чтобъ объяснить мое нѣсколько жесткое обращеніе съ вашею экономкой и удовлетворить васъ. Итакъ секретъ, мистеръ Ванстонъ, строгій секретъ! Добраго утра!

Съ этими прощальными словами, капитанъ выпроводилъ гостя. Лишь бы не случилось какой-нибудь непредвидѣнной бѣды, онъ зналъ теперь какъ дѣйствовать чтобы довести предпріятіе до самаго конца. Два важныя шага впередъ совершилъ онъ сегодня утромъ. Онъ послѣлъ сѣмена несогласія между экономкой и ея господиномъ, и связалъ общимъ интересомъ мистера Новаго Ванстона съ собой и Магдалиною, приобщивъ его къ секрету, который долженъ храниться отъ мистриссъ Леконтъ. „Мы поймали нашего молодчика,“ думалъ капитанъ Регъ, весело потирая руки: „мы поймали наконецъ нашего молодчика!“

Оставивъ Нортъ-Шингельсъ, мистеръ Новаго Ванстонъ направился прямо домой, съ чувствомъ возвратившагоса самоуваженія и въ грозной рѣшимости поступать безъ церемоній, если ему придется столкнуться съ мистриссъ Леконтъ.

Экономка встрѣтила своего хозяина въ дверяхъ, съ мягчайшимъ видомъ и пріятнѣйшею улыбкой. Она обратилась къ нему съ опущенными глазами, и противопоставила созерцаемому имъ заявленію своей независимости преграду базукоризменятѣльшаго почтенія.

— Позвольте мнѣ спросить, сэръ, начала она, — привело ли васъ посѣщеніе Нортъ-Шингельса къ тому же заключенію, какъ и меня, касательно здоровья миссъ Байгревъ?

— Конечно нѣтъ, Леконтъ. Я считаю ваше заключеніе и воспѣннымъ, и обиднымъ.

— Мнѣ больно слышать это, сэръ. Меня поразилъ грубый приемъ мистера Байгрева, но я не предполагаю, чтобы мнѣишемъ моимъ искажались обстоятельства дѣла. Быть-можетъ васъ привалъ онъ, сэръ, съ большимъ радушіемъ?

— Онъ привалъ меня, поджентельменски; этого довольно, полагаю, Леконтъ; онъ привалъ меня по-джентельменски.

Этотъ отвѣтъ разрѣшилъ одно изъ ея недоумѣній.

Что бы ни означала внезапная холодность мистера Байгрева къ ней, любезный приемъ, сдѣланный имъ ея хозяйку, показывалъ, что рискъ открытія не пугалъ капитана, и что заговоръ продолжается приводиться въ исполненіе. Глаза экономки засверкали: на это имеемъ и разчитывала

она. Послѣ минутнаго размышленія, она обратилась къ своему хозяину съ новымъ вопросомъ:

— Вы вѣроятно слова посетите мистера Байгрева, сэръ?

— Разумѣется посѣщу, если захочу.

— И быть-можетъ, повидаетесь съ миссъ Байгревъ, если ей станетъ лучше?

— Отчего же нѣтъ? Желалъ бы очень знать, отчего нѣтъ? Ужь не нужно ли спросить у васъ сначала позволенія, Деконтъ?

— Вовсе нѣтъ, сэръ. Какъ вы часто замѣчали (и какъ я всегда соглашалась съ вами) вы властны дѣлать все что вамъ угодно. Васъ удивить это, пожалуй, мистеръ Нова, но у меня есть особенная причина желать, чтобы вы увидѣли миссъ Байгревъ.

Мистеръ Нова удивился немного, и съ нѣкоторымъ любопытствомъ посмотрѣлъ на свою экономку.

— Странная мысль зародилась у меня, сэръ, на счетъ этой молодой дѣвушки. Если вы согласитесь извинить мнѣ мое подозрѣнiе и быть снисходительнымъ къ нему, то вы очень обяжете меня.

— Подозрѣнiе? повторилъ ея господинъ, удивляясь еще болѣе.—Какое подозрѣнiе?

— А вотъ какое, сэръ, произвела мистриссъ Деконтъ.

Она вынула изъ карманка своего передника лоскутокъ бумаги, тщательно сложенный, и почтительно передала его въ руки Нова Ванстома.

— Если вамъ угодно будетъ сдѣлать одолженiе старой и вѣрной служъ, мистеръ Нова, проговорила она очень спокойнымъ и выразительнымъ тономъ,—потрудитесь спрятать этотъ клочокъ бумаги въ вашъ жилетный карманъ, и прочесть его, не прежде какъ *будете въ первый разъ въ общество миссъ Байгревъ*, а до того не говорить ни слова о происшедшемъ между нами никому на свѣтѣ. Странную просьбу мою я обѣщаюсь объяснить, сэръ, когда вы исполните просимое мною, и послѣ вашего перваго свиданiя съ миссъ Байгревъ.

Она поклонилась со всевозможною любезностью и спокойно оставила комнату.

Въ невыразимомъ изумленiи стоялъ мистеръ Нова Ванстома, перебѣгая глазами отъ сложенной записки къ двери, и обратно отъ двери къ запискѣ. Какая-то тайна въ его

собственномъ домѣ, подѣ его собственнымъ носомъ! Что бы это значило?

Это значило, что мистриссъ Леконтъ не потеряла напрасно утра. Въ то время, какъ капитанъ разставлялъ сѣти своему гостю въ Нортъ-Шингелъзѣ, экономка упорно вела свою мину. Сложенная записка заключала въ себѣ старательно скопированное извлеченіе изъ описанія наружности Магдалины, въ письмѣ миссъ Гартъ. Съ поразительною ловкостью, которой самъ капитанъ Реггъ могъ бы позавидовать, мистриссъ Леконтъ нашла средство къ обнаруженію заговора въ неподозрѣвающей особѣ самой жертвы!

VII.

Въ этотъ же день, поздно вечеромъ, когда Магдалина и мистриссъ Реггъ возвратились съ своей прогулки, капитанъ остановилъ Магдалину на ея пути въ свою комнату, чтобы передать ей о сегодняшнихъ дѣйствіяхъ. Онъ выказалъ, при этомъ, и свое мнѣніе, что пришло время заставить мистера Нозля Вавстона сдѣлать предложеніе. Она отвѣчала только, что понимаетъ его, и сдѣлаетъ что будетъ нужно. Капитанъ Реггъ попросилъ ее тогда сдѣлать ему одолженіе принять участіе въ прогулкѣ въ сообществѣ мистера Нозля Вавстона, завтра утромъ, въ семь часовъ. „Я буду готова,“ отвѣчала она. „Еще что?“ Еще не было ничего. Магдалина пожелала ему доброй ночи и ушла къ себѣ.

Такое же нерасположеніе оставаться въ сообществѣ капитана выказывала она въ продолженіе всѣхъ трехъ дней своего заключенія.

Въ продолженіи всего этого времени, нисколько не тяготась обществомъ мистриссъ Реггъ, она терпѣливо, даже почти съ жаромъ, принимала участіе во всепоглощающемъ занятіи своей сожительницы. Она, которая въ былые дни томилась монотонностію независимой Комбъ-ревенской жизни, мирилась теперь безропотно съ однообразіемъ жизни у рабочаго стола мистриссъ Реггъ. Она, которой въ былые дни неавистенъ былъ самый видъ иглоу и нитки, которая въ своемъ туалетѣ никогда не имѣла ни одной вещицы собственной работы, теперь работала такъ старательно надъ платьемъ мистриссъ Реггъ, и переносила

такъ терпѣливо ея промаху, какъ еслибъ единственною дѣлю ея существованія было удачное окончаніе этого платья. Меалкія трудности пригонки платья, нескончаемая болтовня бѣднаго полоумнаго созданія, которое такъ гордилось ея помощію и чувствовало себя такъ счастливымъ въ ея обществѣ,—все это было пріятно ей, все это отвлекало ее отъ мысли о будущемъ, о судьбѣ, на которую она сама обрекала себя. Эта глубокоуязвимая натура утѣшалась теперь такими пустяками, какъ пожатіе грубой и дружеской руки ея собесѣдницы; это скорбное, покинутое сердце радовалось поцѣлуу мистриссъ Реггъ, когда онѣ разставались, отхода ко сну.

Одинокое положеніе капитана въ домѣ не нарушало спокойнаго и ровнаго расположенія его духа. вмѣсто того чтобы сѣтовать на систематическое уклоненіе Магдалины отъ его общества, онѣ принималъ въ соображеніе только результаты, и совершенно одобрялъ ея образъ дѣйствій. Чѣмъ болѣе сходилась она съ его женой, пренебрегая имѣ, тѣмъ полезнѣе становилась она, въ качествѣ добровольнаго стража мистриссъ Реггъ. Не разъ уже серьезно думалъ онѣ нарушить свое слово, и удалить жену съ театра своихъ маневровъ; но онѣ бросилъ эту мысль, когда удостовѣрился, что рѣшимость Магдалины держать мистриссъ Реггъ при себѣ была дѣйствительно серьезна. Когда обѣ онѣ были вмѣстѣ, онѣ былъ спокоенъ относительно самаго главнаго пункта. По его наказу, онѣ запирали свою дверь, когда его не было дома, и, что бы ни дѣлала мистриссъ Реггъ, Магдалина не должна была отпирать двери до его возвращенія. Въ этотъ вечеръ, капитанъ Реггъ съ спокойнымъ духомъ наслаждался своею сигарой и потягивалъ свой грогъ, въ счастливомъ незнаніи о западаѣ, которую готовила ему на утро мистриссъ Леконтъ.

Ровно въ семь часовъ утра, явился мистеръ Нозль Ванстовъ. Лишь только вошелъ онѣ въ комнату, какъ капитанъ Реггъ замѣтилъ уже переѣмну во взглядѣ и пріемахъ его. „Что-нибудь дурное!“ подумалъ онѣ. „Мы еще не окончили съ мистриссъ Леконтъ.“

— Какъ сегодня чувствуютъ себя миссъ Байгрэвъ? спросилъ мистеръ Нозль Ванстовъ.—Надѣюсь, довольно хорошо для нашей ранней прогулки?

Его полузакрытые глаза, утомленные и осоловѣвшіе отъ

утренняго свѣта и утренняго воздуха, бѣгло озирали комнату, и самъ онъ при своихъ вопросахъ спокойно перебѣгалъ съ мѣста на мѣсто.

— Племянницѣ моей лучше; она одѣвается для прогулки, отвѣчалъ капитанъ, пристально наблюдая при этомъ за своимъ суетливымъ крошечнымъ пріятелемъ.—Мистеръ Ванстонъ, замѣтилъ онъ вдругъ,—я настоящій Англичанинъ: извините мою откровенность. Вы не такъ искренни со мною сегодня, какъ были вчера. На вашемъ лицѣ замѣтна какая-то нервность. Я опасаясь этой экономки вашей, сэръ! Ужь не воспользовалась ли она вашею снисходительностью? Не пыталась ли вооружить васъ противъ меня или племянницы моей?

Еслибы мистеръ Нозль Ванстонъ послушался наставленія мистриссъ Леконтъ, и не развертывалъ ея записочки до того времени, когда она могла бы пригодиться, то наивно-безцеремонное замѣчаніе капитана Регга, быть-можетъ, вызвало бы съ его стороны готовый отвѣтъ. Но любопытство одолѣло его; онъ ночью и утромъ развертывалъ бумажку, и она серьезно обезпокоила и поразила его, и разстроила голову его болѣе обыкновеннаго. Онъ былъ въ нервности, и когда собрался отвѣчать, то заговорилъ увертливо.

Капитанъ Реггъ прервалъ его, прежде чѣмъ онъ успѣлъ выговорить свою первую фразу.

— Извините меня, сэръ, произнесъ онъ весьма высокомернымъ тономъ.—Если у васъ есть секреты отъ меня, вамъ стоить только сказать это, и довольно. Я не вмешиваюсь ни въ чьи секреты. Въ то же время, мистеръ Ванстонъ, вы позволите мнѣ припомнить вамъ, что я принялъ васъ вчера съ полною задумчивостію. Я отдался вамъ самымъ откровеннымъ и полнымъ образомъ, сэръ, и какъ ни высоко цѣню я пріятность вашей компаніи, однако не могу согласиться пользоваться вашею дружбой иначе, какъ на равныхъ правахъ.

Онъ распахнулъ свой респектабельный фракъ, и сталъ смотреть на гостя съ мужественною строгостію добродѣтельнаго человѣка.

— Я не желаю оскорблять васъ, жалостно воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ.—Къ чему прерываете вы меня, мистеръ Байгревъ? Отчего не даете вы мнѣ объясниться? Я не желаю оскорблять васъ.

— Никто не оскорбляется, сэръ, замѣтилъ капитанъ.— Вы имѣете полное право располагать своею скромностью. Я не оскорбленъ: я требую для себя только того же права, которое предоставляю вамъ.

Онъ поднялся съ бодрѣющимъ достоинствомъ, и позвонилъ.

— Скажите, миссъ Байгревъ, сказалъ онъ служанкѣ,— что ваша сегодняшняя прогулка отлагается до другаго удобнаго случая, и что я не желаю беспокоить ее просьбой сойдти внизъ.

Эта сильная мѣра произвела желанное дѣйствіе. Мистеръ Ноэль Ванстонъ горячо сталъ просить о дозволеніи поговорить наединѣ, прежде чѣмъ будетъ исполнено приказаніе. Строгость капитана Регга нѣсколько смягчилась. Онъ отправилъ назадъ служанку, и усѣвшись снова въ кресло, ждалъ послѣдствій. У него было одно важное преимущество предъ мистриссъ Леконтъ, которое дѣлало его болѣе опоспособнымъ пользоваться слабостью его гостя. Разсудокъ его не омрачался затаенною женскою ревнивостью, и онъ избѣжалъ ошибки, въ которую, въ своемъ самообольщеніи, впала экономка, умалывая силу впечатлѣнія произведеннаго Магдалиною на Ноэля Ванстона. Одна изъ силъ міра, которой полного значенія не въ состояніи повясть ни одна пожилая женщина, есть сила красоты въ болѣе молодой женщинѣ.

— Вы такъ посидѣли, мистеръ Байгревъ, вы не даете мнѣ времени, вы не хотите выждать и выслушать что имѣю я сказать вамъ! воскликнулъ жалостно мистеръ Ноэль Ванстонъ, когда служанка затворила за собой дверь пріемной.

— Семейный недостатокъ, сэръ,—кровь Байгревовъ. Извините меня. Мы одни теперь, какъ вы желали; пожалуйте, продолжайте.

Поставленный между опасностью лишиться общества Магдалины или же измѣнить мистриссъ Леконтъ, не зная ничего объ окончательной цѣли экономки, запуганный неподвижно-пытливымъ, вопросительнымъ взглядомъ капитана Регга, мистеръ Ноэль Ванстонъ не долго думалъ о выборѣ. Въ смущеніи разказалъ онъ о своемъ странномъ свиданіи съ мистриссъ Леконтъ наканувѣ вечеромъ, и, вынувъ сложенную записку изъ своего кармана, передалъ ее капитану.

Лишь только завидѣвъ онъ загадочную бумажку, какъ уже появля въ чемъ дѣло. Онъ отошелъ къ окну прежде

чѣмъ развернулъ ее. Въ первыхъ обратившихъ на себя его вниманіе строчкахъ сказано было: „Сдѣлайте мнѣ одолженіе, мистеръ Нозль, сравните предлагаемое здѣсь описаніе сообщенное мнѣ однимъ пріятелемъ съ наружностью той дѣвушки, которая будетъ съ вами. Вы узнаете имя той особы, примѣты которой здѣсь выотавлены, когда удостовѣритесь собственными вашими глазами въ томъ чему вы не повѣрили бы, на основаніи простаго, бездоказательнаго свидѣтельства Виргивіи Леконтъ.“

Этого было довольно для капитана. Не прочтя описанія, онъ зналъ уже что сдѣлала мистриссъ Леконтъ, и почувствовалъ, съ глубокимъ уничиженіемъ, что непріятель поймалъ его въ расплохъ.

Разсуждать тутъ было некогда; всему заговору грозила непоправимая бѣда. Въ настоящемъ положеніи капитана Регга, ему оставалось только дѣйствовать безотлагательно, по первому внушенію своей отваги. Онъ читалъ строку за строкой, а между тѣмъ находчивая изобрѣтательность, до сихъ поръ никогда не оставлявшая его на этотъ разъ становилась совсѣмъ въ тупикъ. Онъ уже дочелъ до послѣдней фразы, до послѣднихъ словъ, упоминавшихъ о двухъ родимыхъ пятнышкахъ на шеѣ Магдалины, и только тутъ мысль мелькнула у него въ головѣ, разноцвѣтные глаза его замигали, кривыя губы закрутились на углахъ, и Реггъ сталъ снова Реггомъ.

Онъ быстро отошелъ отъ окна и взглянулъ на мистера Нозля Ванстона, съ сурово-спокойнымъ видомъ предвѣщавшимъ что-то серьезное.

— Сдѣлайте одолженіе, сэръ знаете ли вы что-нибудь насчетъ семейства мистриссъ Леконтъ? спросилъ онъ.

— Очень порядочное семейство, отвѣчалъ мистеръ Нозль Ванстонъ:— вотъ все что я знаю. Къ чему вы это спрашиваете?

— Вообще, я не охотникъ держать пари, продолжалъ капитанъ Реггъ.— Но тутъ я готовъ держать пари съ вами о чемъ угодно, что въ семействѣ вашей экономки помѣшательство—наслѣдственная болѣзнь.

— Помѣшательство! повторилъ съ изумленіемъ мистеръ Нозль Ванстонъ.

— Помѣшательство! подтвердилъ капитанъ, сильно щелкая по запискѣ указательнымъ пальцемъ.— Я вижу лукавство сумашедшаго, подозрительность сумашедшаго,

кошачье плутовство сумашедшаго, въ каждой строкѣ этой жалкой записки. Къ поведенію мистриссъ Леконтъ откровенно моею племянницы вижу теперь гораздо болѣе печальный поводъ чѣмъ предполагалъ. Для меня ясно, что миссъ Байгревъ походитъ на какую-нибудь другую особу, которая серьезно оскорбила вашу экономку, которая, быть-можетъ, связана какъ нибудь съ самымъ происхожденіемъ ея помѣшательства, и она очевидно смѣшивается теперь съ моею племянницей въ разстроенномъ умѣ экономки. Таково убѣжденіе мое, мистеръ Ванстонъ. Я могу быть правъ или нѣтъ. Но я утверждаю положительно, что ни вы, и никто другой, не будете въ силахъ найдти здравое основаніе, которымъ можно было бы объяснить составленіе подобнаго непонятнаго документа, и то употребленіе его, къ какому васъ приглашаютъ.

— Я не думаю, чтобы Леконтъ была сумашедшая, произнесъ мистеръ Новаъ Ванстонъ, съ ужасно-смущеннымъ взглядомъ и видомъ.— Это не избѣгло бы моего вниманія. При моей наблюдательности, помѣшательство Леконтъ никакъ не укрылась бы отъ моего вниманія.

— Превосходно, любезный мой сэръ. По моему, она подвержена припадкамъ сумашествія. По вашему, она владѣтъ всѣми своими чувствами и имѣетъ какія-то загадочныя причины, которыхъ понять не можете ни вы, ни я. Какъ бы то ни было, дурнаго ничего не будетъ, если мы сочтемъ описаніе съ дѣйствительностью, не только изъ любопытства, но и для удовлетворенія обѣихъ сторонъ. Понятно, что невозможно сказать моею племянницѣ о томъ нелѣпомъ осмотрѣ, какой предлагается въ этой запискѣ. Но вы можете употребить здѣсь въ дѣло собственные глаза ваши, мистеръ Ванстонъ, и сдѣлать сами заключеніе; затѣмъ уже вы будете въ состояніи сказать вашей экономкѣ, на основаніи свидѣтельства собственныхъ чувствъ вашихъ, что она ошиблась, все равно помѣшанная ли она, или нѣтъ. Позвольте мнѣ заглянуть еще разъ въ описаніе. Большая часть его не стоить и пары соломинокъ: сотни молодыхъ дѣвушекъ высоки ростомъ, прекрасно сложены, имѣютъ свѣтло-каштановые волосы и сѣрые глаза. Вы скажете за то, что у сотни дѣвушекъ нѣтъ двухъ родинокъ рядомъ, на лѣвой сторонѣ шеи. Совершенно спра-

ведливо. Родимыя пятна дають вамъ, какъ мы, ученые, выражаемся, средство къ „крестовому испытанію.“ Когда племянница моя сойдетъ внизъ, сэръ, вы взгляните хорошенько въ ея шею: даю вамъ полное на то право.

Мистеръ Нозль Ванстонъ высказалъ полное свое одобреніе крестнаго испытанія, ухмыляясь и осклабяясь въ первый разъ въ это утро.

— Вглядитесь въ ея шею, повторилъ капитанъ, возвращая записку своему гостю и затѣмъ направляясь къ двери. — Я самъ пойду на верхъ, мистеръ Ванстонъ, продолжалъ онъ: — и осмотрю костюмъ миссъ Байгревъ. Если окажется что-нибудь такое что могло бы помѣшать вашему осмотру, если волосы ея спущены слишкомъ низко, или воротничекъ поднять слишкомъ высоко, — я употреблю мое мѣпаніе, чтобъ какимъ-нибудь предлогомъ, для устраненія этихъ невинныхъ съ ея стороны преградъ. Прошу васъ только объ одномъ, — какъ можно деликатнѣе выбрать удобный случай и не возбудить въ племянницѣ моей подозрѣнія, что шея ея служитъ предметомъ наблюденій для джентльмена.

Выйдя изъ гостиной, капитанъ Реггъ пустился бѣгомъ на верхъ, и постучался въ дверь Магдалины. Она отворила ему, совсѣмъ уже одѣвшись, чтобы сойти внизъ и отправиться на прогулку.

— Куда дѣли вы ваши туалетныя краски и пудру? спросилъ капитанъ, не теряя словъ на предварительныя объясненія. — Ихъ не было въ ящикѣ вашихъ костюмовъ, продаваемъ мною въ Бѣрмингамѣ. Гдѣ же онѣ?

— Онѣ здѣсь у меня, отвѣчала Магдалина. — Но къ чему они вамъ теперь?

— Принесите ихъ тотчасъ же въ мою уборную, да всю коллекцію: кисти, палитру, и такъ дайте. Не теряйте времени на разспросы; я расскажу вамъ, въ чемъ дѣло, по выходѣ. Каждая минута дорога для насъ. Идемте со мной!

Лицо его показывало ясно, что странное его требованіе имѣло серіозную причину. Магдалина достала свое собраніе косметическихъ принадлежностей, и послѣдовала за нимъ въ уборную. Онъ заперъ за собою дверь, усадилъ ее на стулъ къ свѣту и рассказалъ ей что случилось.

— Мы на волосъ отъ обнаруженія всей правды, началъ капитанъ, тщательно мѣшая краски съ жидкимъ клеємъ и

сильнымъ „сушильнымъ веществомъ“, бывшимъ у него въ бутылкѣ.—У насъ только одинъ шансъ... приподымите ваши волосы съ лѣвой стороны шеи... я сказалъ мистериу Новую Ванстону, чтобъ онъ воспользовался случаемъ и осмотрѣлъ васъ, и вотъ я теперь хочу уличить во ажи эту чертовку Леконтъ, закрасивъ ваши родинки.

— Онѣ не могутъ быть закрасены, замѣтила Магдалина.— Никакая краска не удержится на нихъ.

— Моя удержится, отвѣчалъ капитанъ. — Въ свое время, я перепробовалъ множество профессій, и профессию красильщика, между прочимъ. Самшала ли вы когда-нибудь о фонаряхъ подъ глазами? Мнѣ довелось однажды прожить нѣсколько мѣсяцевъ фонарями въ окрестностяхъ Друри-Лена. Моя краска тѣлеснаго цвѣта брала ушибы всѣхъ сортовъ, оттънковъ и размѣровъ; она возьметъ, обѣщая вамъ, и ваши родинки.

Завѣривъ въ этомъ, капитанъ опустилъ свою кисть въ небольшое количество темной краски, разведенной имъ на блюдечкѣ и поддѣлавной почти подъ цвѣтъ кожи Магдалины. Приложивъ сначала батистовый платокъ съ нѣкоторою долей бѣлаго порошка къ тому мѣсту ея шеи, на которомъ онъ предполагалъ дѣлать свою операцію, капитанъ покрылъ потомъ родиныя пятна двумя слоями краски. Дѣло было готово въ нѣсколько минутъ, и родиныя пятна исчезли словно волшебствомъ. Лишь самый пристальный осмотръ могъ бы открыть поддѣлку: на разстояніи двухъ или трехъ футовъ она была совершенно не замѣтна.

— Подождите здѣсь минутъ съ пять, произнесъ капитанъ Реггъ,—чтобы высохла краска, и потомъ сойдите къ намъ въ приемную. Сама мистриссъ Леконтъ сконфузилась бы, еслбы посмотрѣла на васъ теперь.

— Погодите! остановила его Магдалина. — Объ одномъ еще вы не оказали мнѣ. Какъ достала мистриссъ Леконтъ описаніе, которое вы прочли внизу? Она не могла видѣть примѣтъ на моей шеѣ; онѣ слишкомъ далеко назадъ и при томъ слишкомъ высоко; волосы прикрываютъ ихъ.

— Кто знаетъ эти примѣты? спросилъ капитанъ Реггъ. Она вдругъ побѣдѣла какъ смерть, отъ тоски внезапнаго воспоминанія о Франкѣ.

— Сестра моя знаетъ, тихо проговорила она.

— Мистриссъ Леконтъ могла написать вашей сестрѣ, самѣталъ капитанъ.

— Вы думаете, что сестра моя скажетъ чужому человѣку чего не имѣетъ права знать ни одинъ чужой? Никогда! никогда!

— Развѣ нѣтъ другаго, кто могъ бы сказать это мистриссъ Леконтъ? О примѣтѣ упоминалось въ поркскихъ объявленіяхъ. Кто внесъ ее туда?

— Не Нора! Быть-можетъ, мистеръ Пендриль. Быть-можетъ миссъ Гартъ.

— Въ такомъ случаѣ мистриссъ Леконтъ писала къ мистеру Пендрилю или къ миссъ Гартъ, а вѣрнѣе къ миссъ Гартъ. Съ гувернанткой легче сдѣлаться чѣмъ съ законникомъ.

— Что же могла она сказать миссъ Гартъ?

Капитанъ Реггъ подумалъ немного.

— Не могу сказать что написала мистриссъ Леконтъ, произнесъ онъ, — но могу сказать, что написалъ бы я на имѣтѣ мистриссъ Леконтъ. Сначала, я запугалъ бы миссъ Гартъ живыми свидѣніями о васъ; потомъ попросилъ бы описанія особыхъ примѣтъ, чтобы въ качествѣ доброжелательнаго незнакомаго содѣйствовать вашему возвращенію къ вашимъ друзьямъ.

Искра гнѣва сверкнула немедленно въ глазахъ Магдальны.

— Что вы сдѣлали бы, то сдѣлала мистриссъ Леконтъ, съ негодованиемъ произнесла она.— Ни законникъ, ни гувернантка не могутъ оспаривать моихъ правъ на независимость моей воли и дѣйствій. Если миссъ Гартъ воображаетъ, что можетъ контролировать мои поступки, переписываясь съ мистриссъ Леконтъ, такъ я покажу миссъ Гартъ, что она ошибается. Ужь давнымъ-давно пора, капитанъ Реггъ, покончить съ этими скучными опасеніями насчетъ открытія дѣла. Мы краткимъ путемъ дойдемъ до нашей цѣли, прежде чѣмъ подлагаетъ мистриссъ Леконтъ или миссъ Гартъ. Сколько времени можете вы дать мнѣ, чтобъ заставить эту тварь, что сидитъ внизу, сдѣлать мнѣ предложеніе.

— Могу вамъ дать лишь самый короткій, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.— Теперь друзья ваши знаютъ, гдѣ вы, и могутъ нагрянуть на насъ не сегодня, такъ завтра. Можете вы уладить дѣло въ недѣлю?

— Я улажу его въ полнедѣлю, сказала она, съ рѣзкимъ, вызывающимъ смѣхомъ. — Дайте намъ побыть вмѣстѣ сегодня утромъ, какъ было тогда въ Дюничѣ, и возьмите съ собою мистриссъ Реггъ, чтобы такая прогулка наединѣ не показалась предосудительною. Что, высохла краска? Ступайте же внизъ и скажите ему, что я приду сейчасъ же.

Такимъ образомъ, во второй уже разъ, благонамѣренныя усилія миссъ Гартъ не достигли своей цѣли. Въ силу роковаго стеченія обстоятельствъ, рука, желавшая удержать Магдалину, превращалась въ руку, которая влекла ее впередъ.

Капитанъ возвратился къ своему гостю въ приемную, отдавъ по дорогѣ приказаніе, чтобы мистриссъ Реггъ готовилась къ прогулкѣ.

— Мнѣ совѣстно, что я заставлялъ васъ ждать, произнесъ онъ, усаживаясь довѣрчиво подлѣ мистера Нова Ванстона. — Мое извиненіе лишь въ томъ, что наемьявица моя какъ нарочно выбрала сегодня такую прическу, которая разрушала всѣ наши планы. Я убѣждалъ ее попробовать другую, а вѣдь молодая дѣвушка всегда не много упряма какъ скоро дѣло касается ихъ туалета. Когда она войдетъ, предложите ей стулъ возлѣ себя, вотъ съ этой стороны, и хорошенько рассмотрите ее шею прежде чѣмъ мы выйдемъ гулять.

При этихъ словахъ, Магдалина вошла въ комнату, и, обмѣнявшись съ гостемъ первыми привѣтствіями, сѣла на предложенный ей стулъ съ самою довѣрчивою готовностью. Мистеръ Нова Ванстонъ тотчасъ же приступилъ къ „крестовому опыту“, высоко цѣня превосходный матеріалъ, служившій предметомъ его наблюденій. Ни признака родимаго пятнышка не видно было на гладкой бѣлой шеѣ миссъ Байгревъ. Какъ ни трудилъ своихъ полузакрытыхъ глазъ мистеръ Нова Ванстонъ, эта шея отвѣчала на его осмотръ безмолвнымъ, но повѣршимъ фактическимъ опроверженіемъ показанія мистриссъ Леконтъ. Одно это капитальное дѣло между всѣми событіями утра, по своимъ результатамъ, было важнѣе всего что происходило до сихъ поръ. Одно это открытіе потрясло вліяніе экономки на ея господина, какъ ничто еще не потрясло его.

Черезъ вѣсколько минутъ, явилась мистриссъ Реггъ и возбудила собою столько удивленія въ мистерѣ Нова Ван-

стоя, сколько онъ, поглощенный удовольствіемъ, какое доставало ему общество Магдалины, былъ въ состояніи почувствовать. Собравшееся для прогулки компанія разомъ вышла изъ дому и направилась къ сѣверу, чтобы не проходить мимо оконъ Си-Вью-Коттеджа. Къ невыразимому изумленію мистриссъ Реггъ, мужъ ея, въ первый разъ во все время ихъ супружеской жизни, вѣжливо предложилъ ей свою руку, и опередилъ съ ней молодыхъ людей, какъ-будто прогулка съ ней имѣла для него особенную привлекательность. „Впередъ!“ свирѣпо шепталъ ей капитанъ. „Оставьте племянницу вашу съ мистеромъ Ванстономъ! Если я замѣчу, что вы оглядываетесь на нихъ, то вышвырну въ огонь на кухнѣ ваше кашемировое платье! Выворачивайте же ноги, говорятъ вамъ, и не отставайте, чортъ возьми, не отставайте.“ Мистриссъ Реггъ повиновалась на сколько хватало ея умѣнья. Дюжія колѣни ея тряслись. Она была вполнѣ увѣрена, что капитанъ пьянъ.

Прогулка длилась гораздо долѣе часа. До девяти часовъ, они возвратились уже въ Нортъ-Шингельсъ. Дамы сейчасъ же вошли въ комнаты. Мистеръ Ноэль Ванстонъ остался съ капитаномъ Реггомъ въ саду.

— Ну, произнесъ капитанъ,—что думаете вы теперь о мистриссъ Леконтъ?

— Чортъ ее поберитъ! въ сильномъ волненіи отвѣчалъ мистеръ Ноэль Ванстонъ.—Я готовъ почти согласиться съ вами. Я готовъ почти допустить, что моя проклятая эконожка съ ума сошла.

Онъ говорилъ неохотно и съ явною досадою, какъ будто бы самое упоминаніе о мистриссъ Леконтъ было неприятно ему. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ; во всѣхъ пріемахъ его была замѣтна какая-то разсѣянность и нерѣшительность; онъ семенилъ съ безпокойствомъ по садовой дорожкѣ. И не съ такою тонкою наблюдательностью, какою обладалъ капитанъ Реггъ, нельзя было, не догадаться что Магдалина на любезности Ноэля Ванстона отвѣчала съ неожиданною благосклонностью и предупредительностью, которыя совсѣмъ вкружили ему голову.

— Въ жизнь мою не наслаждался я такъ прогулкой какъ сегодня, воскликнулъ онъ въ порывѣ неудержимаго восторга.—Я думаю, миссъ Байгревъ стало лучше отъ прогулки.

Не правда ли, вы пойдете гулять завтра утромъ, въ это же время? Могу я присоединиться къ вамъ?

— Разумѣется, мистеръ Ванстонъ, радушно произнесъ капитанъ.—Извините меня за возвращеніе къ тому же предмету, но что намѣрены вы сказать мистриссъ Леконтъ?

— Не знаю, право. Леконтъ сущее наказаніе! Что бы вы сдѣлали, мистеръ Байгревъ, на моемъ мѣстѣ?

— Позвольте мнѣ, любезный сэръ, напередъ предложить вамъ одинъ вопросъ. Въ которомъ часу вы завтракаете?

— Въ половинѣ десятаго.

— Мистриссъ Леконтъ встаетъ рано?

— Нѣтъ. Леконтъ лѣнива по утрамъ. Я ненавижу лѣнивыхъ женщинъ! Будьте вы на моемъ мѣстѣ, что бы вы сказали ей?

— Я ничего не сказалъ бы, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.—Я вошелъ бы домой съ задней стороны, и показался бы мистриссъ Леконтъ въ переднемъ палисадникѣ, какъ будто бы прогуливался передъ завтракомъ, и оставилъ бы ее при мысли, что я только-что вышелъ изъ своей комнаты. Если она спроситъ, намѣрены ли вы быть сегодня здѣсь, отвѣчайте нѣтъ. Однимъ словомъ, обезпечьте себѣ на нѣскольکو времени спокойную жизнь, пока обстоятельства не заставятъ васъ дать ей прямой отвѣтъ. Тогда скажите ей всю правду, скажите, что сообщенное ею описаніе наружности расходится съ племянницею мистера Байгрева въ самой важной примѣтѣ, и попросите, чтобъ этотъ разговоръ никогда не возобновлялся. Вотъ мой совѣтъ. Какъ вы его находите?

Еслибы мистеръ Нозль Ванстонъ могъ заглянуть въ душу своему совѣтнику, онъ нашелъ бы, что совѣтъ этотъ какъ нельзя лучше соответствовалъ собственнымъ интересамъ капитана. Пока мистриссъ Леконтъ будетъ въ невѣдѣніи о визитахъ своего господина въ Нортъ-Шингельзъ, до тѣхъ поръ она будетъ выжидать удобнаго случая, чтобы произвести свои дознанія и до тѣхъ поръ можно быть спокойну, что она не помѣшаетъ замыслу никакими съ своей стороны мѣрами. Лишенный возможности взглянуть на совѣтъ капитана Регга съ этой точки зрѣнія, мистеръ Нозль Ванстонъ усмотрѣлъ въ немъ только средство избѣгнуть на время объясненія съ эконожкой. Онъ съ жаромъ объявлялъ, что не отступитъ ни на волосъ отъ этой линіи, и тотчасъ же возвратился въ Са-Вью.

На этотъ разъ поведеніе мистриссъ Леконтъ вполне соотвѣтствовало предположеніямъ капитана Регга. Она и не подозрѣвала, что господинъ ея былъ уже въ Нортъ-Шингелъ; она приготовилась терпѣливо ждать свиданія его съ миссъ Байгревъ, если понадобится, до конца недѣли, и не озадачила его никакимъ нечаяннымъ вопросомъ, когда онъ объявилъ ей, что не намѣренъ сегодня видѣться съ Байгревами. Она спросила только:—Развѣ вы не совсѣмъ хорошо чувствуете себя, мистеръ Нозль? Или же просто не расположены видѣться съ ними?

Онъ коротко отвѣчалъ: — Я не совсѣмъ хорошо себя чувствую,—и тѣмъ разговоръ кончился.

На слѣдующій день, точь-въ-точь повторилось то же что было прошлымъ утромъ. На этотъ разъ, мистеръ Нозль Ванстонъ возвратился домой въ восторгѣ, вѣжно храня у сердца въ боковомъ карманѣ перчатку миссъ Байгревъ подаренную ему на память. Въ продолженіи дня, когда оставаясь одинъ, онъ вынималъ перчатку и цѣловалъ ее съ чувствомъ, доходившимъ почти до страсти. Жалкое, ничтожное созданіе предавалось своему украденному блаженству съ безмолвнымъ и тайнымъ наслажденіемъ, которое было для него новостью. Двѣ-три молодыя дѣвушки, которыхъ встрѣчалъ онъ въ тѣсномъ цюрихскомъ кружкѣ своего отца, тѣшились съ нимъ какъ съ игрушкой; самое сильное впечатлѣніе, какое онъ производилъ на ихъ сердце было такого рода, что тутъ могли бы посоперничать съ нимъ ихъ болонки. Самый глубокий интересъ, какой онъ былъ способенъ возбудить въ нихъ къ себѣ, походилъ на тотъ какой могла внушить имъ какая-нибудь новая бездѣлушка или новый нарядъ. Единственные женщины, которыя заискивали его вниманія и серьезно принимали его любезности, принадлежали къ числу тѣхъ, которыхъ прелести готовы были уже поблекнуть, и которыя были принуждены почти отказать отъ всякой мысли о замужествѣ. Въ первый разъ въ жизни провелъ онъ теперь нѣсколько счастливыхъ часовъ въ обществѣ прекрасной дѣвушки, которая такъ вела себя съ нимъ, что онъ могъ думать о ней и не припомнить себѣ ничего такого что уничижало бы его въ собственныхъ глазахъ. Какъ ни таилась онъ, перемѣна происшедшая въ немъ благодаря

новому чувству, не могла укрыться отъ вниманія мистриссъ Леконтъ. На другой день, она колко спросила его, не расположенъ ли онъ побывать у Байгрезовъ. Какъ и прежде, онъ отвѣчалъ—нѣтъ.

— Быть-можетъ, вы будете у нихъ завтра, мистеръ Ноль? настаивала экономка.

Наконецъ онъ сталъ въ тупикъ; запросы ея вывели его изъ терпѣнiя; онъ положился на своего нортъ-шингельскаго друга, и на этотъ разъ отвѣтилъ:—Да.

— Если увидите тамъ молодую дѣвицу, продолжала мистриссъ Леконтъ,—не забудьте моей записки, сѣръ, которая въ нашемъ жилетномъ карманѣ.

Ни слова болѣе не было сказано между ними, но съ вечернею почтой экономка написала къ миссъ Гартъ. Въ письмѣ лишь увѣдомлялось съ благодарностию о полученiи извѣстiй отъ миссъ Гартъ, и говорилось, что черезъ нѣсколько дней мистриссъ Леконтъ надѣется писать опять, и просить мистера Пендриля въ Альборо.

Поздно вечеромъ, когда въ прiемной Нортъ-Шингельсъ-Виллы стало уже темно и капитанъ по обыкновенiю позволялъ, чтобы подавали свѣчи, онъ былъ удивленъ, услыхавъ, что Магдалина громко приказывала служанкѣ въ коридорѣ отвести свѣчи назадъ. Вслѣдъ затѣмъ, она постучалась въ дверь и, словно привидѣнiе, скользнула въ темную комнату.

— Я хочу спросить васъ о вашихъ планахъ на завтрашнiй день, сказала она.—Глаза мои очень слабы сегодня къ вечеру, и, я надѣюсь, вы позволите не подавать свѣчъ на нѣсколько минутъ.

Она говорила сдержаннымъ низкимъ тономъ, и безъ шума, ощупью, пробралась къ креслу, поодаль отъ капитана, въ самой темной части комнаты. Сидя близъ окна, капитанъ едва могъ различать неясныя очертанiя ея платья и слышать слабые звуки ея голоса. Въ продолженiи двухъ послѣднихъ дней, онъ видѣлъ ее только во время утренней прогулки. Сегодня, онъ засталъ жену свою въ слезахъ въ задней комнаткѣ нижняго этажа. Она могла сказать ему только то, что Магдалина испугала ее, что съ Магдалиной дѣлается вновь то же что было съ нею при полученiи письма изъ Китая, въ то ужасное время, когда она жила въ Вокзгалль-Вокъ.

— Искренно сожалѣю, что вы не хорошо чувствуете себя сегодня, какъ я узналъ отъ мистриссъ Реггъ, произвѣсь капитанъ, неволью понижая свой голосъ почти до шепота.

— Это ничего не значить, отвѣчала она спокойно изъ темноты.—Я достаточно сильна, чтобы страдать и жить. Другія дѣвушки, на моемъ мѣстѣ, были бы счастливы: онѣ не вынесли бы этихъ страданій, и умерли бы. Но это ничего не значить; и сто лѣтъ спустя будетъ все то же. Придетъ онъ завтра опять, въ семь часовъ утра?

— Да, если только вы не противъ этого.

— Нѣтъ, я не противъ; я уже перестала противиться. Но мнѣ хотѣлось бы переменить время. Я не очень-то бываю хороша рано утромъ; я дурно сплю, и встаю угрюмая и разбитая. Напишите ему сегодня вечеромъ, чтобъ онъ пришелъ въ двѣнадцать часовъ.

— Въ двѣнадцать поздно вато выходить вамъ на прогулку при извѣстныхъ вамъ обстоятельствахъ.

— Я не намѣрена гулять. Пускай онъ придетъ въ гостиную. Голосъ ея замеръ.

— Да? спросилъ капитанъ Реггъ.

— И оставьте меня наединѣ съ нимъ.

— А! а! отозвался капитанъ.—Понимаю. Я буду въ столовой пока онъ будетъ сидѣть, а вы потомъ придете ко мнѣ и разкажете все что было.

Наступила новая минута молчанія.

— Развѣ нѣтъ средства сдѣлать такъ чтобы не разказывать вамъ? спросила она вдругъ. — Въ его присутствіи я еще въ состояніи владѣть собою, но я не могу отвѣчать за то что скажу или сдѣлаю послѣ. Нѣтъ ли какого другаго средства?

— Какъ не быть! сказалъ капитанъ. — Вотъ первое что пришло мнѣ въ голову. Опустите еще до его прихода жалюзи въ окнѣ вашей комнаты наверхъ. Я выйду на берегъ, и буду ждать тамъ, въ виду дома. Когда увижу, что онъ уже ушелъ, то посмотрю на окно. Если онъ ничего не скажетъ, оставьте жалюзи какъ было. Если же онъ сдѣлаетъ вамъ предложеніе, то подымите его. Сигналъ самый простой, и онъ не можетъ подать повода ни къ какимъ недоразумѣніямъ. Будьте же особенно пѣвительны завтра.

Завладѣйте имъ, дорогая моя дѣвица; завладѣйте имъ хорошенько.

Онъ говорилъ такъ громко, что не могъ сомнѣваться, что она слышала его; но въ отвѣтъ отъ нея не было ни слова. Мертвая тишина нарушена была только шелестомъ ея платья, изъ чего онъ могъ заключить, что она встала съ мѣста. Снова, почти невидимая, перешла она черезъ комнату; дверь тихо затворилась: ея ужь больше не было. Онъ поспѣшно зазвонилъ, чтобы подали свѣчь. Горничная застала его у окна взволнованнымъ. Онъ оказалъ ей, что чувствуетъ себя не совсѣмъ хорошо, и послалъ въ буфетъ за водкой.

На слѣдующій день, за нѣсколько минутъ до полудня, капитанъ Реггъ занялъ свой наблюдательный постъ, справившись за вытасченное на берегъ рыболовное судно. Ровно въ двѣнадцать, онъ увидѣлъ, какъ мистеръ Нозль Ванстонъ подошелъ къ Нортъ-Шингелъзу и отворилъ садовую калитку. Когда дверь дома затворилась за гостемъ, онъ комфортабельно усѣлся привалившись къ лодкѣ, и закурилъ сигару.

Онъ курилъ съ полчаса, и еще съ десять минутъ. Онъ докурилъ свою сигару до того, что ее вельзя уже было держать въ губахъ. Въ то самое время, какъ онъ бросилъ окурокъ, дверь дома отворилась, и Нозль Ванстонъ вышелъ.

Капитанъ тотчасъ же взглянулъ на окно Магдалины. Въ возбужденномъ до крайности состояніи духа, каждая секунда была у него на счету. Изъ гостиной въ свою комнату могла она пройти менѣе чѣмъ въ одну минуту. Онъ насчиталъ уже до тридцати минутъ—ничего еще не было. Онъ насчиталъ до пятидесяти — также ничего. Онъ бросилъ счетъ, и вставъ съ нетерпѣніемъ, отправился домой.

На первомъ же шагу онъ увидалъ сигналъ.

Жалузи было поднято.

Осторожно взбираясь на берегъ, капитанъ Реггъ взглянулъ на Си-Вью-Коттеджъ, не показываясь еще на открытомъ мѣстѣ. Мастеръ Нозль Ванстонъ дошелъ до дома и входилъ уже въ дверь.

„Какъ ни богатъ ты, мой милый,“ проговорилъ капитанъ, провожая его глазами: „я не взялъ бы всего твоего состоянія, еслибы вмѣстѣ съ тѣмъ потребовалось влѣзть въ твою кожу.“

VIII.

Возвратившись домой, капитанъ Реггъ получалъ отъ горничной многозначительное извѣстiе: „Мистеръ Нозль Ванстонъ будетъ сегодня же въ два часа по полудни; онъ надѣется застать въ эту пору мистера Байгрева дома.“

Первый вопросъ капитана, по выслушанiи этой вѣсти, былъ о Магдалинѣ—„Гдѣ миссъ Байгревъ?“ — „Въ своей комнатѣ.“ — А мистриссъ Байгревъ?“ — „Въ задней гостиной.“ Капитанъ Реггъ тотчасъ же отправился туда, и нашелъ свою жену во второй разъ въ слезахъ. Она выслана была изъ комнаты Магдалины на цѣлый день, и никакъ не могла понять, за что бы это. Прервавъ безъ церемонiи ея жалобы, мужъ тутъ же послалъ ее наверхъ постучаться въ дверь и спросить Магдалину, не можетъ ли она посвятить пяти минутъ вниманiя вопросу большой важности, который долженъ быть рѣшенъ до двухъ часовъ.

Отвѣтъ былъ отрицательный. Магдалина просила, чтобы дѣло, о которомъ имѣла быть рѣчь, было сообщено ей письменно. Она обѣщала отвѣчать тѣмъ же способомъ, но съ условiемъ чтобы записка была принесена и отнесена самою мистриссъ Реггъ, а не горничною.

Капитанъ Реггъ немедленно открылъ свой ящикъ съ письменными принадлежностями, и написалъ слѣдующiя строки: „Примите мои искреннiя поздравленiя съ счастливымъ исходомъ вашего свиданiя съ мистеромъ Нозль Ванстономъ. Онъ придетъ опять въ два часа, безъ сомнѣнiя, для того чтобы сдѣлать формальное предложенiе. Вопросъ весь въ томъ, повлечетъ ли мнѣ его или нѣтъ насчетъ экономическихъ условiй. При этомъ вашему собственному уму должны представиться два соображенiя. Вопервыхъ, не слишкомъ ли затянется дѣло (хотя я и беру въ разчетъ всю силу вашего влiянiя) въ этихъ старанiяхъ вытянуть изъ него деньги. Вовторыхъ, благоразумно ли съ нашей стороны, имѣя противъ себя такого ловкаго дѣльца въ юнкѣ, рисковать отсрочкой. Подумайте объ этомъ и дайте знать мнѣ о вашемъ рѣшенiи какъ можно скорѣе.“

Отвѣтъ на эту записку написанъ былъ кривыми неясными буквами, такъ что никакъ нельзя было признать почерка Магдалины, обыкновенно твердаго и четкаго. Онъ заключалъ въ себѣ лишь сѣдующія слова:

„Не безпокойтесь насчетъ условій. Предоставьте мнѣ самой имѣть попеченіе о томъ, какое назначеніе долженъ онъ дать на будущее время своимъ деньгамъ.

— Видѣли вы ее? спросилъ капитанъ, когда жена передала ему отвѣтъ.

— Я было пробовала, отвѣчала мистриссъ Реггъ, слова принимаясь за слезы, — но она немного только приотворила дверь и просунула свою руку. Я взяла и пожала ее. Бѣдняжка! рука у ней была такая холодная!

Когда въ два часа явился Нозль Ванстонъ, онъ жестоко нуждался въ успокоительномъ дѣйствиіи зеленого вина мистриссъ Леконтъ. Тревога отъ предстояшаго признанія Магдалины, страхъ быть открыту экономкой, безпокойство насчетъ тяжелыхъ денежныя условій, которыхъ могъ потребовать отъ него родственникъ и опекунъ, — всѣ эти волненія, въ борьбѣ между собою, совсѣмъ одолѣли его слабое сердце. Онъ едва переводилъ духъ садясь въ приемной Нортъ Шингельсъ-Валисъ, и злобѣщая сивеватая блѣдность, покрывавшая всегда его лице въ минуты волненія, явилась и теперь въ видѣ предостереженія. Капитанъ Реггъ съ искреннимъ безпокойствомъ схватилъ бутылку коньяку и заставилъ своего гостя выпить рюмку, прежде чѣмъ сказано было слово.

Подкрѣпленный водкой, ободренный предупредительностью, съ какою капитанъ угадывалъ все что ему нужно было сказать, мистеръ Нозль Ванстонъ сумѣлъ довольно ясно высказать главную цѣль своего посѣщенія. Всѣ условныя предварительныя объясненія, причинныя случаю, были легко покончены. Фамилія жениха была почтенная; его общественное положеніе было также удовлетворительно; его привязанность, хотя и быстро возникшая, была очевидно безкорыстна и искренна. Капитану Реггу осталось только коснуться всѣхъ этихъ соображеній въ отборныхъ выраженіяхъ и голосомъ, дрожавшимъ отъ мужественнаго чувства, и это исполнилъ онъ въ совершенствѣ. Въ первые полчаса свиданія не было сказано никакихъ намековъ на щекотливую и опасную сторону дѣла. Капитанъ вы-

ждалъ, чтобы гость вполнѣ успокоился, и тогда, осторожно и слегка, подошелъ къ этому предмету.

— Есть еще одно небольшое затрудненіе, сказалъ онъ, — которое, кажется, оба мы просмотрѣли. Поведеніе вашей экономки за послѣднее время заставляетъ меня опасаться, что она будетъ смотрѣть на предстоящую переѣзку въ вашей жизни далеко не дружелюбными глазами. Вѣроятно вы еще не сочли нужнымъ сказать ей о предполагаемомъ вамъ союзѣ?

Мистеръ Ноэль Ванстонъ поблѣднѣлъ уже при одной мысли о личномъ объясненіи съ мистриссъ Деконтъ.

— Я не могу сказать, какъ поступаю еще, произнесъ онъ, нервически взглядывая въ окно, какъ бы опасаясь, не уставалась ли тамъ противъ него экономка:— Я ненавижу недобрія положенія, а это самое неприятное, въ какомъ я когда-либо находился. Вы не знаете, что за ужасная женщина эта Деконтъ. Но я не боюсь ея; пожалуста не думайте, чтобы я ея боялся...

При этихъ словахъ, страхъ сжалъ ему горло, и уличилъ его въ лжи, прервавъ его слова.

— Пожалуста, не утруждайте себя объясненіями, произнесъ капитанъ Реггъ, поспѣвая ему на помощь.— Это обыкновенная исторія, мистеръ Ванстонъ. Эта женщина, которая состарѣлась на службѣ у васъ и у вашего отца; женщина, которая, путемъ разныхъ косвенныхъ мелкихъ средствъ, сумѣла систематически въ продолженіи многихъ и многихъ лѣтъ упрочить свое положеніе; женщина коротче, которой ваша неблагоразумная, но совершенно попятная доброта дала нѣкоторымъ образомъ право собственности на ваше....

— Собственности! воскликнулъ мистеръ Ноэль Ванстонъ, не помавъ какъ слѣдуетъ капитана и обнаруживая истину, но совершенной неспособости скрывать долѣ свой страхъ:— Не знаю какой части имущества она потребуеть. Она заставитъ меня заплатить и за отца, и за себя. Тысяча фунтовъ, мистеръ Байгревъ, тысяча фунтовъ стерлинговъ вонъ изъ кармана!!!

Въ отчаяніи всплеснулъ онъ руками при этой картинѣ созданной его воображеніемъ, когда деньги, словно кровь изъ жилы, присвуютъ обильною струею изъ его кармана подъ ланцетомъ мистриссъ Деконтъ.

— Успокойтесь, мистеръ Ванстонъ, успокойтесь! Она не зашла еще такъ далеко, и деньги еще остаются при васъ.

— О, вѣтъ, вѣтъ! Деньги еще при мнѣ, какъ вы говорите. Я только очень раздражителенъ въ этомъ отношеніи, и никакъ не могу справиться съ своею раздражительностью. Вы хотѣли что-то оказать сейчасъ; вы намѣрены были дать мнѣ совѣтъ. Я цѣню ваши совѣты; вы не знаете, какъ высоко цѣню я ваши совѣты.

Онъ произнесъ эти слова съ заискивающей улыбкой болѣе чѣмъ беспомощнаго человѣка: въ ней выражалось рабское чувство зависимости отъ умнаго собесѣдника.

— Я хотѣлъ только удостовѣрить васъ, дорогой сэръ, что вполнѣ понялъ ваше положеніе, замѣтилъ капиталъ.— Затрудненія ваши я вижу такъ же ясно, какъ вы сами. Сказать такой женщинѣ, какъ мистриссъ Леконтъ, что она должна сойти съ своего домашняго трона и уступить его молодой и прекрасной преемницѣ, вооруженной авторитетомъ жены, да изъ этого непременно выйдетъ самая неприятная сцена. Неприятная сцена, мистеръ Ванстонъ, даже въ томъ случаѣ если вполнѣ основательно ваше мнѣніе о нормальности умственныхъ способностей экономки; но дѣло гораздо болѣе серьезное, если мое мнѣніе о разстройствѣ ея разсудка окажется справедливымъ.

— Да пожалуй и мое мнѣніе не далеко отстало отъ вашего, возразилъ мистеръ Новаъ Ванстонъ:—особенно же если сообразить то, что случилось сегодня.

Капитанъ Реггъ тотчасъ же пожелалъ узнать что такое случилось.

Мистеръ Новаъ Ванстонъ объяснилъ тогда, съ безконечнымъ множествомъ вставокъ относившихся собственно къ его особѣ, что мистриссъ Леконтъ, чась тому назадъ, задала ему страшный для него вопросъ насчетъ маленькой записки находившейся въ его карманѣ, на что онъ отвѣчалъ такъ, какъ присовѣтовалъ ему мистеръ Байгревъ. Узнавши, что описаніе наружности было во всѣхъ подробностяхъ проверено, и оказалось невѣрнымъ въ самой важной особености, именно въ родичкахъ на шеѣ, мистриссъ Леконтъ немного задумалась, и потомъ спросила его, не показалъ ли онъ ей записки мистеру Байгреву, до эксперимента. Онъ отвѣчалъ отрицательно, потому что такой отвѣтъ считалъ единственно безопаснымъ.

Тогда экономка обратилась къ нему съ слѣдующими странными и грозными словами: „Вы скрываете отъ меня истину, мистеръ Новль. Вы довѣряетесь чужимъ и сомнѣваетесь въ вашей старой служительницѣ и вашемъ старомъ другѣ. Съ каждымъ вашимъ посѣщеніемъ дома мистера Байгрева, съ каждымъ свиданіемъ съ миссъ Байгревъ, вы все болѣе и болѣе приближаетесь къ гибели. Вопреки моимъ усиліямъ, они набросили повязку на ваши глаза; но я увѣряю ихъ и увѣряю васъ, что пройдетъ еще немного дней, какъ я сниму эту повязку!“

На эту странную выходку, которая сопровождалась такимъ выраженіемъ лица, какого онъ никогда еще не видывалъ, мистеръ Новль Ванстонъ не отвѣчалъ ни слова. Ему пришло на память убѣжденіе мистера Байгрева, что въ ней есть зародышъ помѣшательства, и онъ поспѣшилъ вонъ изъ комнаты.

Съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ капитанъ Реггъ этотъ разказъ. Только одно заключеніе могло быть выведено отсюда, заключеніе, что необходимо торопиться окончаніемъ дѣла.

— Я не удивляюсь, произнесъ онъ съ достоинствомъ, — что вы теперь болѣе склоняетесь къ моему мнѣнію. Послѣ того что вы сейчасъ разказали мнѣ, мистеръ Ванстонъ, человѣкъ со смысломъ не могъ бы поступить иначе. Дѣло становится очень важнымъ. Я не знаю чего мельзя было бы ожидать если бы вы сообщили мистриссъ Леконтъ о предстоящемъ переворотѣ въ вашей жизни. Послѣдствія эти могутъ отозваться даже на моей племянницѣ. Ея нервы и безъ того раздражены; она въ высшей степени впечатлительна; она—невинный предметъ безумной зависти и недовѣрія этой женщины. Вы пугаете меня, сэръ! Меня не легко выбить изъ равновѣсія; но признаюсь, вы заставляете меня бояться за будущее.

Онъ встнулъ, покачалъ головой и печально посмотрѣлъ на своего гостя.

Мистеру Новлю Ванстону становилось неловко. Переписка происшедшая въ пріемахъ мистера Байгрева, повидимому, предвѣщала пересмотръ его предложенія съ новой и неблагоприятной точки зрѣнія. Онъ тотчасъ же послѣдовалъ внутреннюю врожденной ему трусости и хитрости, и предложилъ средство къ устраненію затрудненій.

— Да мы можемъ вовсе ничего не говорить Леконтъ, сказалъ онъ.—Какое право имѣеть она знать объ этомъ? Развѣ мы не можемъ обвиняться безъ ея вѣдома? И развѣ нельзя ей сообщить объ этомъ послѣ, когда мы оба будемъ внѣ ея вліянія?

Капитанъ Реггъ принялъ это предложеніе съ видомъ изумленія, который показывалъ до какой степени онъ ужьль владѣть своею наружностью. Главная его цѣль во все время свиданія заключалась именно въ томъ, чтобы дойти до подобнаго результата, то-есть сдѣлать такъ, чтобы мысль объ утайкѣ брака отъ мистриссъ Леконтъ высказана была впервые не имъ самимъ, а Нолемъ Ванстономъ. Никто не зналъ лучше капитана, что человѣкъ слабый только тогда принимаетъ на себя отвѣтственность по какому-нибудь дѣлу, когда у него отнята возможность свалить хоть часть ея на плеча другого.

— Обыкновенно, я врагъ всякаго рода скрытныхъ способовъ дѣйствія, сказалъ капитанъ Реггъ.—Но исключенія допускаются и самыми строгими правилами, и я долженъ сознаться, мистеръ Ванстонъ, что если есть исключительныя положенія, такъ это именно ваше въ этомъ дѣлѣ. Предложенный вами способъ дѣйствія, хотя онъ и очень не приятенъ и противенъ мнѣ, не только избавитъ васъ отъ важнаго затрудненія но и устранитъ личное предъавленіе экомомкою ея денежныхъ требованій, о которыхъ вы упоминали прежде. Оба результата такого рода, что ихъ очень желательно было бы достигнуть, не говоря уже о томъ, что и я не боялся бы болѣе никакихъ безпокойствъ для моей племянницы. Съ другой стороны, если ужь бракъ долженъ быть совершенъ безъ всякой огласки, какъ вы желаете, то его никакъ не сѣдуетъ откладывать въ долгій ящикъ, такъ какъ въ нашемъ положеніи всякая отсрочка будетъ только увеличивать рискъ, что тайна ваша будетъ открыта. Я не противъ поспѣшныхъ браковъ, когда огонь взаимной любви раздувается соответственнымъ доходомъ. И мой собственный бракъ былъ бракъ по любви, который заключенъ былъ на скорую руку. Каждый изъ насъ знаетъ множество примѣровъ кратковременнаго сватовства и поспѣшныхъ браковъ, которые оказывались козырами,—извините за выраженіе,—которые оказывались, подъ конецъ, совершенно удач-

ными. Но если мистеръ Ванстонъ, вмѣстѣ съ моею племянницей, намѣрены увеличить число подобныхъ случаевъ, то распоряженія, по обычаю высшихъ классовъ, предшествующіе браку, должны быть какъ-нибудь ускорены. Вы, безъ сомнѣнія, понимаете, что я говорю теперь о распоряженіяхъ по части имущества.

— Я желалъ бы еще ложечку коньяку, проговорилъ, при этихъ словахъ мистеръ Новаъ Ванстонъ, подставляя дрожащую рукою свой стаканъ.

— Я также проглочу съ вами ложечку, замѣтилъ капитанъ, быстро покидая свой пьедесталъ достопочтенности и потягивая коньякъ съ величайшимъ наслажденіемъ. Мистеръ Новаъ Ванстонъ, судорожно послѣдовавшій примѣру своего хозяина, приготовился къ предстоявшему испытанію, откинувъ назадъ голову и стиснувъ руки, въ томъ самомъ положеніи которею для всего образованнаго человѣчества рисуется въ связи съ представленіемъ дантиста.

Капитанъ поставилъ на столъ свой опорожненный стаканъ, и снова взобрался на свой пьедесталъ.

— Мы говорили объ имущественной сторонѣ дѣла, началъ онъ снова. — Я уже докладывалъ вамъ въ началѣ нашего разговора, мистеръ Ванстонъ, что племянница моя не можетъ надѣлать своего избранника никакимъ приданымъ, кромѣ драгоценнѣйшаго изъ всѣхъ даровъ, — собою. Обстоятельство это, однако, какъ вамъ самимъ извѣстно, не лишаетъ меня права заключить обычныя условія съ ея будущимъ мужемъ. Согласно съ обычнымъ въ этихъ случаяхъ порядкомъ, моему нотариусу слѣдовало бы повидаться съ вашимъ, между ними начались бы совѣщанія, встрѣтились бы замедленія, чужіе люди извѣстились бы о вашихъ намѣреніяхъ, — и мистриссъ Леконтъ, рано или поздно, узнала бы тайну, которую вы такъ желали бы сохранить отъ нея. Согласны ли вы пока со мною?

Невыразимый ужасъ сомкнулъ уста мистера Новаъ Ванстона. Онъ могъ отвѣтить только наклоненіемъ головы.

— Прекрасно, произнесъ капитанъ. — Теперь, сэръ, вы быть-можетъ замѣтили, что я человѣкъ очень оригинальнаго склада ума. Если я еще не поразилъ васъ въ этомъ отношеніи, то необходимо сказать вамъ, что есть вещи, на которыя я гляжу по своему. Къ этому числу принадлежатъ и хозяйственная сторона брака. Какъ обыкновенно

поступаетъ, позвольте мнѣ спросить васъ, отецъ или попечитель въ моемъ настоящемъ положеніи? Довѣривъ человѣку, избранному имъ въ зятя, священный залогъ счастья женщины, онъ боится довѣрить ему несравненно менѣе важное дѣло, онъ вертится около этого человѣка, и старается обезпечить ея будущее состояніе. Онъ хочетъ оковать своего зятя самымъ обязательнымъ документомъ, какой только можетъ произвести законъ, употребляетъ съ мужемъ своей дочери тѣ же предосторожности, къ которымъ прибѣгъ онъ, имѣя дѣло съ чужимъ и даже съ плутомъ. Подобное поведеніе я считаю въ высшей степени несообразнымъ и неприличнымъ. Не таковъ будетъ мой образъ дѣйствій, мистеръ Ванстонъ, и вы не скажете, чтобы я проповѣдывалъ то чего самъ не исполняю. Вѣряя вамъ мою племянницу, я вѣряю вамъ исполненіе и всѣхъ другихъ менѣе важныхъ обязанностей въ отношеніи къ ней и ко мнѣ. Дайте мнѣ вашу руку, сэръ,—дайте мнѣ ваше честное слово, что вы заранѣе обезпечите вашу жену, сообразно съ ея положеніемъ и съ вашими средствами, и вопросъ объ экономической сторонѣ дѣла будетъ рѣшенъ нами разъ навсегда!

Выполнивъ такимъ высокаторжественнымъ тономъ порученіе Магдалины, онъ разотегнулъ свой respectableный фракъ: съ высоко поднятою головою и простертою рукою, онъ передъ мистеромъ Нозлемъ сидѣлъ какъ олицетвореніе родительскаго чувства, какъ живая картина человѣческой чести.

Въ первую минуту, мистеръ Нозль Ванстонъ буквально окаменѣлъ отъ изумленія. Потомъ, онъ вскочилъ съ своего кресла и, въ порывѣ искренняго восторга, схватилъ руку своего великодушнаго друга. Никогда еще, во все продолженіе своей долгой и разнообразной карьеры, не чувствовалъ капитанъ Реггъ такого труда выдержать до конца свою роль. Презрѣніе къ вспышкѣ жалкой признательности, обращенной къ нему, торжество удавшагося замысла противъ человѣка, который оцѣнилъ его помощь въ пять фунтовъ, сожалѣніе объ утраченной возможности собрать богатую жатву на полѣ моральной агрикультуры, жатву отъ которой онъ принужденъ былъ отказаться изъ страха навлечь на себя неприятыя послѣдствія,—всѣ эти чувства вибрировали волнами капитана и рвались наружу, готовые ежеминутно выступить

въ выраженіи его лица или въ его рѣчи. Онъ дозволялъ мистериу Новелю Ванстону завладѣть его рукой и нагромоздить множество громкихъ увѣреній и обѣщаній, пока не возвратилось къ нему его обычное мастерское самообладаніе. Достигнувъ этого, онъ усадилъ маленькаго чело­вѣчка обратно на его кресло, и немедленно заговорилъ снова о мистриссъ Леконтъ.

— Допустимъ, что мы захотимъ теперь возвратиться къ тому затрудненію, съ которымъ мы еще не покончили, проговорилъ капитанъ. — Допустимъ, что я превозмогу и свои привычки и свое чувство, что я склонюсь передъ тѣми соображеніями, которыя были уже нами высказаны, и дамъ согласіе на ваше желаніе соединиться съ моею племянницей безъ вѣдома мистриссъ Леконтъ. Но позвольте мнѣ спросить васъ въ этомъ случаѣ, какія средства можете вы придумать для достиженія вашей цѣли?

— Я ничего не могу придумать, отвѣчалъ мистеръ Ванстонъ голосомъ безпомощнаго чело­вѣчка. — Не придумаете ли вы чего-нибудь за меня?

— Вы обращаетесь ко мнѣ съ болѣе смѣлою просьбою чѣмъ полагаете сами, мистеръ Ванстонъ. Никогда не дѣлаю я ничего наполовину. Когда я дѣйствую съ обычнымъ моимъ чистосердечіемъ, я, какъ вы знаете, поступаю откровенно до крайней степени небалагоразумія. Но когда исключительныя обстоятельства вынуждаютъ меня дѣйствовать противоположнымъ образомъ, то не найдется лисиды хитрѣе меня. Если, по рѣшительной вашей просьбѣ, я оброшу съ себя мой честный англійскій костюмъ, и облачусь въ іезуитскую рясу, если, изъ одного участія къ вашему не­пріятному положенію, я оглашусь для васъ храни­ть вашу тайну отъ мистриссъ Леконтъ, такъ ужъ вы не должны мѣшать мнѣ неумѣстною совѣстливостію. Если я ставаю на карту все или ничего, сэръ, то и съ вашей стороны должно быть все или ничего.

— Все или ничего во всякомъ случаѣ, живо воскликнулъ мистеръ Новель Ванстонъ, — но съ тѣмъ уговоромъ, чтобы вы пролагали дорогу. Я ни мало не совѣщусь держать Леконтъ въ потемкахъ. Но она дьявольски хитра, мистеръ Байгривъ. Какъ же сдѣлать?

— Сейчасъ вы услышите какъ, отвѣчалъ капитанъ. — Прежде чѣмъ раскрыть передъ вами мои предположенія, я же-

лалъ бы знать ваше мнѣніе объ одномъ отвѣченномъ нравственномъ вопросѣ. Что вы думаете, дорогой сэръ, о благонамѣренной лжи вообще?

Мистеръ Новаъ Ванстонъ, повидимому, былъ нѣсколько смущенъ вопросомъ.

— Не высказать ли мнѣ прямо въ чемъ дѣло? продолжалъ капитанъ Реггъ. — Что думаете вы объ общепринятомъ правилѣ, что въ любви и на войнѣ дозволяются всѣ хитрости. Да или нѣтъ, по вашему?

— Да! съ величайшею готовностью отвѣчалъ мистеръ Новаъ Ванстонъ.

— Еще одинъ вопросъ, и дѣло съ концомъ, замѣтилъ капитанъ. — Можетъ-быть, у васъ найдется какое-нибудь особенное возраженіе противъ благонамѣреннаго обмана въ отношеніи къ мистрисъ Леконтъ?

Рѣшимость мистера Новаъ Ванстона начала нѣсколько колебаться.

— Въ состояніи ли будетъ Леконтъ открыть обманъ? боязливо спросилъ онъ.

— До времени, когда вы будете уже женаты, это не возможно, а тогда вы будете видѣть ея ваянія.

— Увѣрены ли вы въ этомъ?

— Совершенно.

— Ну, въ такомъ случаѣ, сыграйте какую угодно штуку съ Леконтъ, произвесь мистеръ Новаъ Ванстонъ, съ видомъ невыразимаго облегченія. — Съ недавнихъ поръ я сталъ подозрѣвать, что она задумала властвовать надо мною, и я начинаю чувствовать, что уже довольно возмеса съ нею. Я желалъ бы отдѣлаться отъ нея.

— Ваше желаніе исполнится, сказалъ капитанъ Реггъ. — Въ недѣлю или въ десять дней вы отдѣляетесь отъ нея.

Мистеръ Новаъ Ванстонъ проворно вкочилъ съ мѣста, и подошелъ къ капитану.

— Нѣтъ, не говорите этого! воскликнулъ онъ. — Неужели вы думаете выслать ее?

— Я думаю отправить ее попутешествовать, отвѣчалъ капитанъ.

— Куда?

— Изъ вашего дома въ Альдборо къ изголовью ея брата въ Цюрихъ.

Мистеръ Новаъ Ванстонъ отступилъ назадъ при этомъ отвѣтъ, и быстро возвратился къ своему креслу.

— Да какъ же вы сдѣлаете это? спросилъ онъ въ величайшемъ смущеніи. — Брату ея, провались онъ совсѣмъ! стало гораздо лучше. Сегодня утромъ получила она объ этомъ новое письмо изъ Цюриха.

— Видѣли вы это письмо?

— Да, она вѣчно надѣваетъ мнѣ своимъ братомъ; она показывала, мнѣ письмо.

— Отъ кого же оно, и что въ немъ?

— Оно отъ доктора, онъ всегда пишетъ ей. Я ни мало не интересуюсь ея братомъ, и помню насчетъ письма только то, что оно очень коротко. Больному стало гораздо лучше, и если отъ доктора не будетъ больше писемъ, то это должно служить доказательствомъ, что онъ совсѣмъ здоровъ. Въ этомъ сущность письма.

— Замѣтили ли вы куда она положила письмо, когда вы возвратили его?

— Да. Она положила его въ ящикъ, куда прачетъ свои счетныя книги.

— Имѣете ли вы доступъ къ этому ящику?

— Безъ сомнѣнія, имѣю. У меня есть другой ключъ къ нему; я всегда настаиваю на томъ, чтобъ имѣть другой ключъ отъ того мѣста, гдѣ она хранитъ свои счетныя книги. Я никогда не позволяю, чтобы запирали отъ меня счетныя книги: это одно изъ правилъ нашего дома.

— Будьте такъ добры, мистеръ Ванстонъ, доставьте письмо сегодня, безъ вѣдома экономки, и сдѣлайте еще одолженіе, принесите его сюда мнѣ, на какой-нибудь часъ или два.

— Зачѣмъ вамъ оно?

— Прежде нежели оказать вамъ зачѣмъ, я долженъ сдѣлать вамъ еще нѣсколько вопросовъ. Нѣтъ ли у васъ въ Цюрихѣ какого-нибудь близкаго пріятеля, на помощь котораго могли бы вы положиться въ нашихъ затѣяхъ съ мистриссъ Деконтъ?

— Какого рода помощь разумѣете вы? спросилъ Новаъ Ванстонъ.

— Предположите, оказалъ капитанъ, — что вамъ пришлось бы послать кому-нибудь изъ вашихъ заграничныхъ пріятелей письмо, въ которое вложено было бы другое, адресованное на имя мистриссъ Деконтъ, въ Альдборо? И пред-

поможите еще, что вамъ пришлось бы просить, чтобъ этотъ другъ пособилъ вамъ сыграть безвредную шутку, и отправилъ съ дюринскою почтой это письмо на имя мистриссъ Леконтъ? Знаете ли вы на кого бы можно было положиться въ подобномъ случаѣ?

— Двухъ такихъ знаю! воскликнулъ мистеръ Новаъ Ванстонъ. — И обѣ онѣ женщины, обѣ дѣвицы, обѣ во враждѣ съ Леконтъ. Но какіе же у васъ планы, мистеръ Байгрэвъ? Хотя я и довольно провицателемъ, однако никакъ не могу провикнуть въ ваши планы.

— Сейчасъ все будетъ вамъ ясно, мистеръ Ванстонъ. Съ этими словами онъ всталъ, подошелъ къ своему письменному столу, и написалъ нѣсколько строкъ на листкѣ почтовой бумаги. Сначала прочелъ онъ ихъ внимательно про себя, а потомъ кивнулъ мистеру Новаю Ванстону подойти и далъ прочесть ему.

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, оказалъ капитанъ, шутливо указывая пуховымъ концомъ пера на свое сочиненіе, — я имѣлъ честь предложить благонамѣренно обмануть мистриссъ Леконтъ. А вотъ тутъ и весь обманъ!

И онъ подставилъ гостю свой стулъ передъ письменнымъ столомъ. Мистеръ Новаъ Ванстонъ сѣлъ и прочелъ слѣдующія строки:

„Милостивая государыня, — съ глубокимъ сожалѣніемъ долженъ я извѣстить васъ, что, съ тѣхъ поръ какъ я писалъ вамъ, болѣзнь вашего брата снова усилилась. Симптомы такъ серьезны, что я считаю своею печальною обязанностию призвать васъ тотчасъ же къ его ложу. Я употребляю всевозможныя усилія, чтобы воспрепятствовать дальнѣйшему развитію болѣзни, и не утратилъ еще всякой надежды на успѣхъ. Но совѣсть моя не позволяетъ оставлять васъ въ неувѣрннн насчетъ серьезной перемѣны къ худшему въ моемъ пациентѣ, которая *можетъ* имѣть роковой исходъ. Съ полнымъ сочувствіемъ, имѣю честь быть, и пр. и пр.“

Капитанъ Регъ ожидалъ съ нѣкоторымъ безпокойствомъ, какое впечатлѣніе произведетъ письмо. Какъ ни былъ ничтоженъ, своекорыстенъ и низокъ Новаъ Ванстонъ, но и въ немъ могла заговорить совѣсть, когда ему предложено было обмануть такимъ жестокимъ образомъ женщину, которая была такъ близка къ нему какъ мистриссъ Леконтъ. Все-таки она служила ему вѣрно, какъ бы ни были сво-

корыстны ея побужденія. Когда оны былъ еще ребенкомъ, она уже пользовалась полною довѣренностію его отца, и теперь жила она подъ его собственнымъ кровомъ. Могъ ли оны не вспомнить этого, и, вспомнивъ, могъ ли оны безъ колебанія принять участіе въ такомъ дѣлѣ, какое теперь предлагалось ему? Самъ того не сознавая, капитанъ Реггъ на столько вѣрилъ еще въ человѣческую природу, что могъ усомниться въ успѣхѣ. Къ удивленію и, должно прибавить, къ удовольствію его, всѣ эти опасенія оказались совершенно напрасными. Прочитавъ письмо, мистеръ Ванстонъ не почувствовалъ ничего, кромѣ искренняго удивленія къ выдумкѣ своего пріятеля и тщеславнаго желанія присвоить себѣ всю честь изобрѣтенія. Вы встрѣтите дураковъ не подлыхъ и нетрусовъ; нерѣдко встрѣтите дурака безъ всякаго лукавства; но едва ли былъ когда нибудь дуракъ безъ жестокости.

— Превосходно! воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ, всплеснувъ руками.— Да вы, мистеръ Байгревъ, также находчивы, какъ Фигаро во французской комедіи. Кстати о французскомъ; замѣчу, что въ этомъ ловкомъ письмѣ есть одинъ важный недосмотръ: оно написано не на томъ языкѣ, на какомъ слѣдуетъ. Когда докторъ пишетъ къ Леконтъ, оны пишетъ по-французски. Быть-можетъ, вы думали мнѣ поручить перевести его? Тутъ вы не можете обойтись безъ моей помощи, не такъ ли? Я такъ же легко пишу по-французски, какъ и по-англійски. Смотрите: я переведу его сейчасъ же, однимъ взмахомъ пера.

Оны кончилъ переводъ почти такъ же скоро, какъ капитанъ Реггъ сочинилъ письмо.

— Позвольте еще минуточку! воскликнулъ оны съ высокимъ торжествомъ критика, открывая еще другой недосмотръ въ произведеніи своего гениальнаго друга.— Докторъ всегда выставляетъ число на своихъ письмахъ. На вашемъ нѣтъ никакого.

— Предоставляю число уже вамъ, произнесъ капитанъ, сардонически улыбаясь.— Вы нашли ошибку, любезный сэръ, возьмитесь же и исправить ее!

Мистеръ Нозль Ванстонъ измѣрилъ мысленнымъ взоромъ великую пропасть, которая отдѣляетъ способность открывать недостатки отъ способности исправлять ихъ, и, слѣдуя примѣру многихъ болѣе умныхъ людей, не рѣшилась перешагнуть ее.

— Я, право, не могу позволить себѣ такой вольности, сказалъ онъ въжалево. — Быть-можетъ, вы имѣли основаніе не выставлять числа?

— Очень можетъ быть, отвѣчалъ капитанъ въ пріятнѣйшемъ расположеніи духа. — Число должно зависѣть отъ того, во сколько времени письмо можетъ дойти до Цюриха. Я не имѣю свидѣній по этой части; вы же должны были усвоить ихъ себѣ вполнѣ при жизни вашего отца. Позвольте же мнѣ воспользоваться вашею опытностію, и мы надпишемъ число, прежде чѣмъ вы встанете изъ-за стола.

Свидѣнія мистера Новаля Ванстона, какъ и предполагалъ капитанъ Реггъ, были вполнѣ достаточны для рѣшенія вопроса о времени. Железныхъ дорогъ на континентѣ было еще очень мало въ 1847 году, и письмо могло совершить путешествіе по почтѣ изъ Англіи въ Цюрихъ и обратно изъ Цюриха въ Англію не менѣе какъ въ десять дней.

— Помѣйте письмо, по-французски, пятью днями позже завтрашняго дня, произнесъ капитанъ, собравъ эти справки. — Прекрасно. Теперь вы должны какъ можно скорѣе доставить мнѣ письмо доктора. Мнѣ нужно будетъ попрактиковаться въскольکو часовъ, прежде чѣмъ я буду въ состояніи поддѣлаться подъ руку доктора, переписывая вашъ переводъ. Нѣтъ ли у васъ заграничной почтовой бумаги? Позвольте мнѣ въскольکو листиковъ и, въ то же время, потрудитесь прислать конвертъ, адресованный къ одной изъ упомянутыхъ вами пріятельницъ въ Цюрихѣ, съ просьбою отдать вложенное письмо на почту. Вотъ все чѣмъ я долженъ еще васъ побезпокоить, мистеръ Ванстонъ. Не считите меня за человѣка негостепріимнаго, но чѣмъ скорѣе снабдите вы меня необходимыми для меня орудіями, тѣмъ больше доставите вы мнѣ удовольствія. Мы вполнѣ понимаемъ другъ друга, не такъ ли? Принявъ ваше предложеніе относительно руки моей племянницы, я, въ уваженіе особенныхъ вашихъ обстоятельствъ, соглашаюсь на бракъ безъ огласки. Для достиженія вашей цѣли необходима небольшая безвредная хитрость. По вашему требованію, я придумываю ее, а вы не колеблясь пускаете ее въ дѣло. Результатъ тотъ, что черезъ десять дней отъ завтрашняго числа мистриссъ Леконтъ будетъ на пути въ Швейцарію; черезъ вятнадцать она будетъ въ Цюрихѣ и откроетъ шутку, которую мы сыграли съ ней; че-

резъ двадцать она будетъ снова въ Альдборо, и найдетъ на своемъ столѣ свадебную карточку своего господина, а его самого уже не будетъ дома: онъ будетъ въ дорогѣ, какъ прилично въ медовый мѣсяцъ. Вы видите, я вычисляю все ариѳметически, чтобы представить дѣло въ полной ясности! Помоги вамъ Господи! Добраго утра!

— Я полагаю, что могу имѣть счастье видѣть миссъ Байгравъ завтра? спросилъ мистеръ Нозъ Ванстонъ, поворачиваясь къ двери.

— Мы должны быть осторожны, отвѣчалъ капитанъ Реггъ. — Я не запрещаю еще на завтра, но не обещаю на дальнѣйшее время. Позвольте мнѣ припомнить вамъ, что вамъ предстоитъ дружить съ мистриссъ Деконтъ еще двѣнадцати дней.

— Я желалъ бы, чтобы Деконтъ очутилась на днѣ Нѣмецкаго моря! горячо воскликнулъ мистеръ Нозъ Ванстонъ. — Хорошо вамъ дружить съ ней, вы не живете въ одномъ домѣ съ нею. А я не знаю что дѣлать!

— Завтра скажу вамъ что дѣлать, произнесъ капитанъ. — Ступайте гулять одни, да заверните сюда, какъ завернули сегодня, часа въ два. А между тѣмъ не забудьте прислать все, о чемъ я васъ просилъ. Запечатайте все вмѣстѣ въ большой конвертъ, затѣмъ попросите мистриссъ Деконтъ пойти, по обыкновенію, гулять съ вами, и, въ то время какъ она станетъ надѣвать на верху свою шляпку, пошлите сюда служанку. Вы поняли? Ну, добраго утра.

Часъ спустя, запечатанный конвертъ со всѣми принадлежностями прибылъ къ капитану Реггъ цѣлъ и невредимъ. Двойной трудъ поддѣлываться въ точности подъ чужую руку и правильно списывать слова слегка лишь знакомаго ему языка, былъ несравненно тяжеле чѣмъ представлялъ себѣ капитанъ. Не прежде одиннадцати часовъ вечера была успѣшно окончена его работа, и письмо въ Цюрихъ было готово для отправки на почту.

Прежде чѣмъ лечь спать, капитанъ отправился подышать вѣдливъ свѣжимъ вечернимъ воздухомъ. Въ Си-Вью-Коттеджъ свѣчи были уже вездѣ погашены, и только окно эколомки продолжало еще свѣтиться. Капитанъ Реггъ подозрительно покачалъ головою. На столько уже зналъ онъ мистриссъ Деконтъ, чтобы опасаться ея ночныхъ бодрствованій.

IX.

Еслибы капитанъ Реггъ могъ заглянуть въ самую комнату мистриссъ Леконтъ, въ то время какъ онъ издали замѣтилъ свѣтъ въ ея окнѣ, то онъ напелъ бы экомомку въ глубокой задумчивости надъ ничтожнымъ лоскуткомъ темной матеріи, лежавшимъ на ея туалетѣ.

Какъ ни возмутительно было для нея то заключеніе, что до сихъ поръ ее разбивали на каждомъ пунктѣ, однакоже она не могла не придти къ такому заключенію. Что же было ей дѣлать теперь? Если она пошлетъ за мистеромъ Педрилемъ, и если онъ придетъ въ Альдборо, имѣя возможность отдать ей лишь небольшое число часовъ свободныхъ отъ занятій, то какой рѣшительный шагъ можетъ онъ сдѣлать тогда? Еслибъ она показала мистеру Новелю Ванстону подлинное письмо, изъ котораго была выписана ея замѣтка, онъ тотчасъ же обратился бы къ автору письма за объясненіями, раскрылъ бы вымышленную исторію, съ помощію которой мистриссъ Леконтъ ввела миссъ Гартъ въ обманъ, и во всякомъ случаѣ, объявилъ бы, что знаковъ на шеѣ, при собственномъ его осмотрѣ, вовсе не оказалось. Миссъ Ванстонъ старшая, неожиданное присутствие которой въ Альдборо, могло бы немедленно дать надлежащіе результаты, эта миссъ Ванстонъ старшая за границей, и возвратится не прежде мѣсяца. Съ какою заботой ни осирала мистриссъ Леконтъ уже пройденный ею путь, она не находила выхода изъ множества накопившихся затрудненій.

Другія женщины, въ подобномъ положеніи, стали бы ожидать, пока не переменятся обстоятельства и не помогутъ имъ. Мистриссъ Леконтъ смѣло повернула назадъ и рѣшилась идти къ своей цѣли инымъ путемъ. Оставая на время всѣ дальнѣйшія усилія къ подтвержденію, что мнимая миссъ Байгревъ въ дѣйствительности не иная кто какъ Магдалина Ванстонъ, она рѣшилась стѣснить горизонтъ ближайшей своей дѣятельности, не касаться вопроса о дѣйствительной личности Магдалины, и удовольствоваться только тѣмъ, чтобы хозяинъ ея убѣдился въ томъ простомъ фактѣ, что молодая особа, восхищающая его теперь

въ Нортъ-Шивгелъзъ, и перераженная женщина напугавшая его въ Воксгалъ-Вокъ,—одно и то же лицо.

Средства къ достиженію этой новой цѣли, по всемъ признакамъ, были далеко не такъ сподручны, какъ тѣ, которыя были употреблены въ дѣло при прежнемъ, теперь оставленномъ, планѣ. Тутъ нельзя было ожидать никакой помощи отъ другихъ, нельзя было отвести глазъ никакими благотворительными побужденіями; никакихъ воззваній ни къ мистеру Пендрилю, ни къ миссъ Гартъ тутъ не могло уже быть. Тутъ единственныя ручательства за успѣхъ заключались бы прежде всего въ томъ, чтобы пробраться тайкомъ въ домъ Байгревовъ, а вотворыхъ—чтобы открыть, не принадлежитъ ли случайно къ гардеробу миссъ Байгревъ то памятное альпаковое платье, отъ котораго она незамѣтно отрѣзала кусокъ.

Еслибы горничная оказалась доступною подкупу, то всѣ затрудненія могли бы уже напередъ считаться устраненными. Но если горничная окажется честною, то рѣшеніе новой задачи будетъ довольно затруднительно.

Долгія и старательныя соображенія привели наконецъ экономку къ смѣлой рѣшимости,—въ случаѣ, еслибы дѣло съ горничной не уладилось,—повидаться съ самою мистриссъ Байгревъ. Какая была истинная причина того, что ее устранили отъ всего? была ли она женщина строгой и неприступной честности? или же, ей нельзя было вѣрить тайны? или же, наконецъ, была она также лукава, какъ и самъ мистеръ Байгревъ, и ее держали только про запасъ, на случай какой-нибудь новой интриги, которая могла еще повадниться? Въ первыхъ двухъ случаяхъ, мистриссъ Леконтъ могла положиться на собственное искусство въ дѣлѣ притворства, и на результаты, какихъ она могла достигнуть; въ послѣднемъ же, если и нельзя будетъ выиграть ничего другаго, для нея было въ высшей степени важно спознать врага, который до сихъ поръ скрывался во мракѣ. Во всякомъ случаѣ, она рѣшилась рискнуть. Изъ трехъ случаевъ въ ея пользу, на которые она разчитывала въ самомъ началѣ борьбы, случая поймать Магдалину на словѣ, случая поймать ее съ помощію ея друзей и случая поймать ее съ помощію мистриссъ Байгревъ, два первые были испытаны, и оба ее обманули. Оставалось испытать только третій, и онъ могъ увѣнчаться успѣхомъ.

Такіе-то ковы готовила мистриссъ Лекомтъ, въ тиши своей комнаты, противъ капютана, въ то самое время какъ онъ наблюдалъ съ своего берега за свѣтомъ въ ея окнѣ.

На другой день, передъ завтракомъ, капитанъ Регтъ собственноручно отвезъ на почту сфабрикованное имъ письмо въ Цюрихъ. Онъ возвратился въ Нортъ-Шингелъзъ, еще не вполнѣ рѣшивъ въ своемъ умѣ, какъ вести себя съ мистриссъ Лекомтъ, въ продолженіи наступившаго теперь наибольшаго десятидневнаго періода.

Сомнѣнія его на этотъ счетъ, къ великому его удивленію, по приходѣ домой, были внезапно разрѣшены самою Магдалиной.

Она ждала его въ комнатѣ, гдѣ уже подавъ былъ завтракъ. Безпокойно ходила она взадъ и впередъ, съ опущенною на грудь головой и съ разбросанными по плечамъ, въ беспорядкѣ, волосами. Въ ту минуту, какъ она, при входѣ его, взглянула на него, капитанъ почувствовалъ страхъ, который чувствовала прежде и мистриссъ Регтъ, — страхъ, что умъ ея снова будетъ пораженъ также, какъ уже былъ пораженъ въ то время когда она получила письмо Франка, въ Воксгалъ-Вокъ.

— Придетъ онъ опять сегодня? спросила она оттакивая отъ себя предложенный ей капитаномъ, стулъ съ такою силой, что повалила его на полъ.

— Да отвѣчалъ капитанъ, благоразумно стараясь отвѣчать ей какъ можно короче. — Онъ придетъ въ два часа.

— Унесите меня отсюда! воскликнула она, дико закидывая назадъ свои волосы. — Унесите меня, до его прихода. Въ этомъ ненавистномъ мѣстѣ я не могу отдѣлаться отъ ужасной мысли, что выхожу за него замужъ. Унесите меня куда-нибудь, гдѣ я могла бы забыть всю эту обстановку, а не то я съ ума сойду! Дайте мнѣ два дня покоя, — два дня, чтобы не видать этого ужаснаго моря, два дня, чтобы не быть заключенной въ этомъ страшномъ домѣ, — два дня гдѣ-нибудь въ Божьемъ мірѣ только бы не въ Адамборо. Я возвращусь съ вами! Я доведу дѣло до конца! Только избавьте меня на два дня отъ этого человѣка и всего что о немъ напоминаетъ! Слышите ли вы, плутъ! закричала она, схватывая его за руку и тряся ее съ бѣшенствомъ страсти. — Будетъ вамъ мучить меня! Болѣе выносить я не въ состояніи!“

Успокоить ее было лишь одно средство, и капитанъ тотчасъ же воспользовался имъ.

— Если вы постараетесь совладать съ собою, сказалъ онъ,—то черезъ часъ уже васъ не будетъ въ Альдборо.

Она выпустила его руку, и тяжело откинулась назадъ къ стѣнѣ.

— Я попытаюсь, отвѣчала она, насилу переводя духъ, но уже глядя на него менѣе дико. Она хотѣла достать платокъ изъ кармана своего передника, чтобъ отереть слезы, но не могла найти его. Капитанъ вынулъ ей платокъ. Выраженіе глазъ ея смягчилось, и она стала дышать свободнѣе, когда взяла платокъ изъ рукъ его. — Вы добры, чѣмъ я думала, проговорила она; — мнѣ жаль, что я такъ рѣзко говорила съ вами сейчасъ, мнѣ очень, очень жаль. — Слезы брызнули изъ ея глазъ, и она протянула ему руку, съ врожденною граціей и кротостью прежнихъ, болѣе счастливыхъ дней. — Будемте снова друзьями, сказала она умоляющимъ голосомъ. — Я дѣвчонка еще, капитанъ Реггъ, настоящая дѣвчонка.

Молча взявъ онъ ея руку, подержалъ ее съ минуту, и потомъ отворилъ передъ нею дверь, чтобы дать ей пройти въ свою комнату. Искреннее сожалѣніе видно было на его лицѣ, когда онъ оказывалъ ей это ничтожное вниманіе. Онъ былъ бродяга и плутъ, велъ жалкую, надувательскую, унижительную жизнь; но все же онъ былъ доступенъ человѣческому чувству, и она нашла дорогу къ тѣмъ утраченнымъ симпатіямъ его, которыхъ не могла вполнѣ подѣлать даже вся скверна его плутовскаго существованія.

— Чортъ поberi завтракъ! произнесъ онъ, когда горничная явилась за приказаніями. — Сходите сейчасъ же на постоялый дворъ и скажите, что мнѣ нужна карета и пара лошадей, черезъ часъ.

Онъ вышелъ въ корридоръ, все еще волнуясь подъ вліяніемъ непривычнаго ему душевнаго разстройства, и крикнулъ на жену суровѣе чѣмъ когда-либо.

— Укадываться и ѣхать черезъ полчаса!

Отдавъ это приказаніе, онъ возвратился въ столовую и посмотрѣлъ на полунакрытый столъ съ удивленіемъ и неудовольствіемъ, что не расположенъ расправиться съ своею пищей.

„Она лишила меня аппетита,“ произнесъ онъ про себя, съ

принужденнымъ смѣхомъ. „Выкурю сигару и пройдуся на свѣжемъ воздухѣ; авось воротится аппетитъ.“

Еслибъ онъ былъ двадцатью годами моложе, средства эти, быть-можетъ, не помогли бы ему. Но гдѣ найдете вы человѣка, у котораго внутренняя политика могла бы перевернуться совсѣмъ вверхъ дномъ, когда этому человѣку уже за пятьдесятъ лѣтъ? Движеніе и перемѣна мѣста возвратили капитану его самообладаніе. Онъ сталъ снова чувствовать ароматъ сигары, и обратилъ свое блуждавшее вниманіе на вопросъ о предстоявшемъ отъѣздѣ изъ Альдборо. Нѣсколько минутъ разсужденія показали ему, что вспышка Магдалины заставила его рѣшиться на такое дѣйствіе, которое всего лучше было бы избрать даже при самомъ зрѣломъ разсмотрѣніи всѣхъ обстоятельствъ.

Разспросы капитана Реггъ, въ тотъ вечеръ когда Магдалина съ нимъ вмѣстѣ пила чай въ Си-Вью, освѣдомила его, что у брата экономки было небольшое состояніе, что сестра была его ближайшею родственницею изъ всѣхъ оставшихся въ живыхъ, и что въ Цюрихѣ проживали какіе-то безцеремонные двоюродные братья, которымъ страсть какъ хотѣлось захватить мѣсто въ его завѣщаніи, по праву принадлежавшее одной мистриссъ Леконтъ. Это были не маловажныя причины къ отъѣзду экономки въ Цюрихъ, какъ только она получитъ ложное извѣстіе объ усилившейся болѣзни брата. Но если въ это время, въ головѣ ея промелькнетъ хотя какъ-нибудь подозрѣніе объ истинномъ положеніи Нозля Ванстона, кто поручится, что „въ одиннадцатый часъ“ она не пожелаетъ лучше закрѣпить за собою значительную денежную сумму отъ своего господина чѣмъ защищать мелкіе денежные интересы свои у изголова брата? Пока вопросъ этотъ оставался еще нерѣшеннымъ, очевидно настала необходимость препаттовать большому сближенію Нозля Ванстона съ семействомъ Байгревовъ, а изъ всѣхъ средствъ къ тому менѣе всего давалъ поводъ къ подозрѣніямъ временный отъѣздъ семейства изъ Альдборо. Довольный основательностью этого вывода, капитанъ Реггъ тотчасъ же отправился въ Си-Вью-Коттеджъ, чтобъ извиниться и объясниться прежде чѣмъ явится карета и совершится отъѣздъ.

Мистеръ Нозль Ванстонъ былъ легко доступенъ посѣтителямъ: онъ гулялъ въ саду, предъ завтракомъ. Его

разочарованіе и неудовольствіе высказались свободно когда онъ узналъ новости, которыя пришелъ сообщить его приятель. Но бойкій языкъ капитана скоро убѣдилъ его въ необходимости безропотно подчиниться обстоятельствамъ. Одного намека на то, что благонамѣренная ложь, несмотря на все, можетъ не удасться, если въ продолженіи этихъ десяти дней случится что-нибудь способное навести мистриссъ Леконтъ на истину, было достаточно, чтобы немедленно внушить мистеру Новаю Ванстону такое терпѣніе и такую покорность, какихъ только можно было пожелать.

— Я не могу сказать вамъ куда мы ѣдемъ, по двумъ уважительнымъ причинамъ, произвесь капитанъ Регтъ, окончивъ свои предварительныя объясненія. — Вопервыхъ, я самъ еще не знаю куда, а, во вторыхъ, если вы не будете знать, то и мистриссъ Леконтъ не будетъ въ состояніи ничего выпытать у васъ. Я ни мало не сомнѣваюсь, что она наблюдаетъ за нами въ настоящую минуту изъ-за занавѣски своего окна. Если она спроситъ чего мнѣ нужно было отъ васъ сегодня, скажите, что я приходилъ проститься съ вами на нѣсколько дней, такъ какъ племянницѣ моей стало опять хуже, и я, чтобъ испробовать перемѣну воздуха рѣшился взять ее, на короткое время, къ однимъ знакомымъ. Если вы можете показать видъ, но отнюдь не переливая черезъ край, что немного разочаровались во мнѣ и заподозриваете нѣсколько искренности моихъ отношеній къ вамъ, то этимъ вы много помогли бы настоящей нашей цѣли. Вы можете разчитывать на возвращеніе наше въ Нортъ-Шингальсъ черезъ четыре, или, самое большое, черезъ пять дней. Если мнѣ понадобится сообщить вамъ что-нибудь, въ это время, почта всегда къ вашимъ услугамъ, и я не премину воспользоваться ею.

— Не написала ли мнѣ чего миссъ Байгревъ? жалостно спросилъ мистеръ Новаъ Ванстонъ.—Знала ли она, что вы ѣдете сюда? Не поручила ли она чего сказать мнѣ?

— Непростительная съ моей стороны забывчивость! воскликнулъ капитанъ.—Она шлетъ вамъ любовь свою.

Мистеръ Новаъ Ванстонъ закрылъ глаза свои въ безмолвномъ упоеніи.

Когда онъ открылъ ихъ снова, капитанъ Регтъ вышелъ уже изъ каютки и направился обратно въ Нортъ-Шингальсу.

Какъ только дверь затворилась за нимъ, мистриссъ Леконтъ сошла съ своего наблюдательнаго поста, вѣрно угаданнаго капитаномъ, и обратилась къ господину своему съ вопросомъ, также вѣрно предсказаннымъ капитаномъ. Одно впечатлѣнiе вынесла она изъ полученнаго ею отвѣта. Она тотчасъ же поняла его лживость, потому и возвратилась къ своему окну, для болѣе тщательныхъ наблюденiй за Нортъ-Шингельсомъ.

Къ величайшему ея изумленiю, не прошло и полчаса, какъ она увидѣла пустую карету, подъѣзжавшую къ крыльцу дома мистера Байгрева. Вынесенъ былъ багажъ и уложенъ въ карету. Явилась миссъ Байгревъ, и сѣла въ нее. За ней послѣдовала высокая и полная дама, которую экономка признала за мистриссъ Байгревъ. Потомъ явилась горничная, и остановилась поджидая на дорогѣ. Послѣднiй показался мистеръ Байгревъ. Онъ заперъ за собою двери крыльца, и унесъ ключъ въ сосѣднiй домикъ, гдѣ проживалъ хозяинъ Нортъ-Шингельза. По возвращенiю, онъ кивнулъ головой служанкѣ, которая направилась къ болѣе скромной части маленькаго городка, и сѣла съ дамами въ карету. Кучеръ взлѣзъ на козлы, и экипажъ исчезъ.

Мистриссъ Леконтъ положила бинокль, въ который она свѣдила за всѣмъ этимъ съ чувствомъ безпомощнаго непониманiя, стыдась признаться себѣ въ немъ. Причина внезапнаго опустѣнiя дома въ Альдборо была для нея непроницаемою тайной.

Подчиняясь обстоятельствамъ съ скорою покорностiю, которой не выказалъ капитанъ Регъ въ подобномъ же положенiи, мистриссъ Леконтъ не стала терять ни времени, ни силъ на безполезныя догадки. Она предоставляла будущему и запутать или разъяснить эту тайну, и обратила свое вниманiе исключительно на то, нельзя ли извлечь какой пользы изъ утреннихъ событiй. Чтобы ни случилось тамъ съ семействомъ изъ Нортъ-Шингельза служанка осталась, а ея-то помощь и могла быть крайне полезна теперь для видовъ экономки. Мистриссъ Леконтъ нашла шаянку, справилась съ количествомъ мелкаго серебра въ своемъ кошелькѣ, и тотчасъ отправилась знакомиться съ служанкой.

Прежде всего она пошла въ коттеджъ, въ которомъ мистеръ Байгревъ оставилъ ключъ изъ Нортъ-Шингельза, что-

бы вывѣдать у хозяина темерешній адресъ служанки. Въ этомъ отношеніи справки ея были успѣшны. Хозяинъ знаетъ, что дѣвушкѣ дозволено было отправиться на нѣсколько дней домой къ ея роднымъ, и знаетъ въ какой части Альдборо проживали эти родные. Но тутъ свѣдѣнія его разомъ прерывались. Онъ ничего не зналъ ни куда отправился мистеръ Байгревъ съ своимъ семействомъ, ни сколько дней можетъ продлиться ихъ отсутствіе. Онъ могъ сказать только то, что жалеетъ его не предувѣдомлялъ его о намѣреніи своемъ выѣхать вовсе, и просилъ хранить у себя ключъ отъ дома впредь до его возвращенія и личнаго его спроса.

Сбитая съ толку, но не теряя бодрости, мистриссъ Леконтъ отправилась затѣмъ въ заднюю улицу Альдборо и воразила родственниковъ служанки честью своего утренняго визита.

Мистриссъ Леконтъ объяснила дѣвушкѣ причину своего посѣщенія тѣмъ, будто бы она желала нанять ее къ себѣ, полагая, что она оставила службу у мистера Байгрева. Служанка, легко повѣривъ этому предлогу, со всѣмъ усердіемъ старалась отвѣчать на предлагаемые ей вопросы. Но о намѣреніяхъ своего господина она знала также мало, какъ и хозяйка дома. Она знала только, что ей не отказали отъ мѣста и что она должна была ожидать записки, чтобы снова въ случаѣ надобности, возвратиться къ своей должности въ Нортъ-Шингельсъ. Мистриссъ Леконтъ и не ожидала отъ нея большихъ свѣдѣній по этой части, и незамѣтно перешла къ другому предмету, заставивши ее разказывать вообще о выгодахъ и невыгодахъ ея положенія въ домѣ мистера Байгрева.

Изъ свѣдѣній, полученныхъ ею этимъ косвеннымъ образомъ, о разныхъ мелкихъ домашнихъ секретахъ, мистриссъ Леконтъ сдѣлала два вывода. Она заключила вопервыхъ, что служанка имѣя на рукахъ много грубой домашней работы, была не въ состояніи открыть секретовъ гардероба миссъ Байгревъ, который былъ доступенъ только самой молодой дѣвушкѣ и ея теткѣ. Во вторыхъ, экономка убѣдилась, что истинная причина строгаго одиночества мистриссъ Байгревъ заключалась въ томъ простомъ обстоятельстве, что та была почти идиотка и что мужу ея совѣстно было показывать ее въ люди. Эти, повидимому, ме-

лочныя открытія выяснили для мистриссъ Леконтъ одинъ очень важный, но до сихъ поръ не совсѣмъ ясный, пунктъ. Она убѣдилась теперь, что получить секретныя свѣдѣнія о гардеробѣ Магдалины легче было съ помощью введенной въ обманъ глупой барыни, чѣмъ путемъ подкупа не знавшей ничего служанки.

Придя къ этому заключенію и обдумывая предстоящія ей нападенія на слабоукрѣпленную позицію бѣдной мистриссъ Регтъ, экономка осторожно оставила свою вымытывающую роль. Она заговорила о мѣстныхъ дѣлахъ, выждала пока не убѣдилась, что оставить по себѣ превосходное впечатлѣніе, и затѣмъ распрощалась.

Прошло три дня, въ продолженіе которыхъ мистриссъ Леконтъ и ея хозяинъ, каждый имѣя въ виду свои далеко несогласныя цѣли, ждали съ одинаковымъ безпокойствомъ первыхъ признаковъ возвратившейся въ Нортъ-Шингелъ жизни. Въ это время не было писемъ къ мистеру Нозю Ванстону ни отъ дяди, ни отъ племянницы. Чувство раздраженія, которое онъ дѣйствительно испытывалъ по случаю такого пренебрежительнаго съ нимъ обращенія, много придавало силы впечатлѣнію, какое производили на экономку заявляемыя имъ, по совѣту капитана, сомнѣнія на счетъ отсутствующихъ знакомыхъ. Онъ признавался, что ошибся не только въ мистера Байгревъ, но и въ его племянницъ, съ такимъ неподдѣльнымъ, повидимому, неудовольствіемъ, что еще болѣе смутилъ и безъ того поставленную въ тупикъ мистриссъ Леконтъ.

На четвертый день, утромъ, мистеръ Нозль Ванстонъ встрѣтилъ въ саду почтальюна, и, къ великой своей радости, нашелъ, между отданными ему письмами, записку отъ мистера Байгрева.

На запискѣ значилось „Удбриджъ“, и она содержала всего нѣсколько строкъ. Мистеръ Байгревъ говорилъ, что племянницъ его лучше, и что она посылаетъ ему, какъ и прежде, свою любовь. Возвратиться въ Альдборо предполагаетъ онъ на слѣдующій день, и тогда сообщитъ мистеру Нозю Ванстону нѣсколько новыхъ, очень секретныхъ соображеній. Онъ проситъ мистера Ванстона не являться въ Нортъ-Шингелъ безъ особаго приглашенія, которое онъ, разумѣется, получитъ въ самый день ихъ пріѣзда. Причина этой, повидимому, странной просьбы, будетъ вполнѣ

разъяснена мистеру Нозю Ванстону, когда онъ свидѣлся слова съ своими друзьями. Пока его просили быть крайне осторожнымъ во всѣхъ сношеніяхъ съ мистриссъ Леконтъ, а немедленное уничтоженіе письма мистера Байгрева, по внимательномъ его прочтеніи, требовалось, съ извиненіями за классическое изреченіе, какъ *sine quâ non*.

Наступилъ пятый день. Мистеръ Нозъ Ванстонъ, подчившись условію *sine quâ non* и уничтоживъ письмо, съ нетерпѣніемъ ожидалъ послѣдствій, между тѣмъ какъ мистриссъ Леконтъ съ своей стороны терпѣливо выжидала новыхъ событій. Около трехъ часовъ пополудни карета снова появилась у воротъ Нортъ-Шингельза. Мистеръ Байгревъ вышелъ изъ нея и быстро направился къ коттеджу хозяйки за ключомъ. Тутъ же явилась и служанка. Миссъ Байгревъ оставила карету; за нею послѣдовала великанша-родственница; дверь дома была отперта, ящики внесены, карета уѣхала, и Байгревы очутились опять дома.

Пробило четыре часа, пять, шесть часовъ, и ничего новаго. Черезъ полчаса, мистеръ Байгревъ, безукоризненно одѣтый, безукоризненно чистый и достопочтенный какъ всегда, показался передъ домою, направляясь спокойно къ Са-Вью-Коттеджу.

Вмѣсто того чтобы прямо войти въ домою, онъ прошелъ мимо, потомъ остановился какъ бы пораженный внезапнымъ воспоминаніемъ о чемъ-то, повернулъ назадъ и вызвалъ мистера Ванстона къ дверямъ. Мистеръ Ванстонъ вышелъ въ сѣни. Возвысивъ свой голосъ до ноты, которая могла долетѣть до всякаго подслушивающаго уха черезъ каждую отворенную дверь верхнихъ этажей, мистеръ Байгревъ, въ возможно краткихъ словахъ, объявилъ на порогѣ цѣль своего посѣщенія. Онъ провелъ эти два у дальняго родственника. У этого дальняго родственника есть двѣ картины, драгоценныя произведенія древнихъ мастеровъ, которыя онъ желалъ бы продать что и поручилъ попеченію мистера Байгрева. Если мистеръ Нозъ Ванстонъ, какъ любитель, желаетъ видѣть картины, то онъ будетъ къ его услугамъ черезъ полчаса, когда мистеръ Байгревъ воротится домой съ прогулки.

Разрѣшившись этимъ неудобопонятнымъ объявленіемъ, взявъ архи-заговорщикъ приложилъ палецъ къ своему короткому римскому носу, и произнесъ:

— Прекрасная погода, не правда ли? Добраго дня! и не замѣтно скользнулъ изъ дома для продолженія прогулки.

Черезъ полчаса, мистеръ Ноэль Ванстонъ представился въ Нортъ Шингелъзъ, съ пламенемъ любви въ груди, неугасимо пылавшимъ среди тумана, совершенно помрачавшаго его голову. Къ невыразимому счастью своему, онъ нашелъ Магдалину одну въ приемной. Никогда еще не казалась она ему такъ прекрасна. Покой и нравственный отдыхъ въ продолженіе четырехдневнаго отсутствія изъ Альдборо не могли не произвести своего дѣйствія: она болѣе чѣмъ возвратила свое спокойствіе. Вѣчно бросааясь изъ одной крайности въ другую, она перешла теперь отъ отчаянія, овладѣвшаго ею со всею силою страсти дней пять тому назадъ, къ лихорадочной экзальтаціи духа, которая постигивалась надъ всѣми угрызеніями совѣсти и глядяла прямо въ лицо всѣмъ послѣдствіямъ. Глаза ея свѣтились, щеки горѣли румянцемъ; безъ умолку болтала она, съ утраченною было насмѣшливостью, отличавшею дѣвическую ея веселость въ прежнее время, и передразнивала мягкій голосъ и вкрадчивыя манеры мистриссъ Леконтъ, впадая въ преувеличенія и каррикатуру, бывшую уже грубымъ отраженіемъ того тонкаго передразниванія, въ которомъ она была мастерица въ прежніе дни. Мистеръ Ноэль Ванстонъ, не видавшій ее еще никогда такою какъ теперь, былъ въ восхищеніи; слабая голова его кружилась отъ упоенія радости; блѣдныя щеки его разгорѣлись, словно ихъ охватила пламень ея щекъ. Будто пять минутъ прошло полчаса, проведенное имъ съ нею наединѣ. Когда промчалось это время, и когда она вдругъ оставила его, послушная заравѣе подготовленному призыву къ ея теткѣ, — онъ готовъ былъ, при всей своей скарденности, отдать пять золотыхъ совереновъ за пять золотыхъ минутъ, проведенныхъ въ ея обществѣ.

Дверь только что затворилась за Магдалиной, какъ отворилась опять, и явилася капитанъ. Онъ вошелъ въ объясненія, которыхъ ожидалъ отъ него гость, съ безцеремонною рѣзкостью челоуѣка, дорожившаго временемъ и рѣшившагося извлечь всевозможную пользу изъ находившихся въ его распоряженіи минутъ.

— Съ послѣдняго нашего свиданія, началъ онъ, — я сооб-

ражалъ шансы въ пользу и противъ насъ, въ теперешнемъ нашемъ положеніи. Вотъ мой выводъ: если выбудете въ Альдборо, когда это цюрихское письмо придетъ къ мистриссъ Леконтъ, то всѣ потраченные нами труды окажутся напрасными. Еслибъ у вашей экономки было и пятьдесятъ умравшихъ братьевъ, она скорѣе бросила бы всѣхъ ихъ чѣмъ оставить васъ одного въ Си-Вью, пока мы живемъ въ Нортъ-Шингелъвъ.

Рдѣвшія щеки мистера Ноза Ванстона разомъ поблѣднѣли отъ ужаса. Все что онъ зналъ о мистриссъ Леконтъ служило лишь къ подтвержденію вѣрности этого взгляда.

— Если мы уѣдемъ снова, продолжалъ капитанъ,—то никакого толку не будетъ, ибо ничто не убѣдитъ вашу экономку, что мы не дадимъ вамъ способовъ послѣдовать за нами. Вы сами должны уѣхать изъ Альдборо на этотъ разъ, и, еще больше, уѣзжая вы не должны оставлять по себѣ ни малѣйшаго слѣда, которымъ могли бы мы воспользоваться. Если мы исполнимъ это въ теченіе ближайшихъ пяти дней, мистриссъ Леконтъ навѣрно предприметъ путешествіе въ Цюрихъ. Если же этого не будетъ, ее ничѣмъ на свѣтѣ не выбьешь изъ Си-Вью. Не дѣлайте вопросовъ! У меня готовы для васъ инструкціи, и я прошу вашего особеннаго вниманія къ нимъ. Вашъ бракъ съ моею племянницей возможенъ только тогда, когда вы не забудете ни единого слова изъ того что я скажу вамъ теперь. Одинъ вопросъ сначала. Послѣдовали ли вы моему совѣту? Сказали ли вы мистриссъ Леконтъ, что начинаете разувѣряться во мнѣ?

— Я сдѣлалъ болѣе, тономъ раскаянія отвѣчалъ мистеръ Нозъ Ванстонъ:—я оскорбилъ собственное чувство, я унижилъ себя до того, что сказалъ будто не довѣряю миссъ Байгревъ!

— Ну, ну, продолжайте унижать себя въ этомъ родѣ, любезный мой сэръ! Не довѣряйте обоимъ намъ сколько можете, и я пособлю вамъ. Еще одинъ вопросъ. Довольно ли громко объяснялся я сегодня съ вами? Слышала ли меня мистриссъ Леконтъ?

— Какъ же! Леконтъ отворила свою дверь и слышала васъ. Къ чему говорили вы объ этомъ? Я не вижу здѣсь никакихъ картинъ. Ужь это не другой ли еще „благодѣтельный обманъ“, мистеръ Байгревъ?

— Превосходно угадали, мистеръ Ванстонъ! Вы поймете цѣль этой мнимой исторіи съ картинами изъ первыхъ же словъ моихъ теперь. Скажите вотъ что мистриссъ Леконтъ, когда воротитесь въ Си-Вью, скажите ей, что художественныя произведенія моего родственника не болѣе какъ двѣ дрянныя картины, копія съ древнихъ мастеровъ, которыя я желалъ, между тѣмъ, продать вамъ за оригиналы, по чрезвычайно высокой цѣнѣ. Скажите, что вы подозреваете мое мнѣ не болѣе какъ обыкновеннаго обманщика, и жалуете несчастную мою племянницу связанную съ такимъ негодлемъ, какъ я. Вотъ текстъ для вашей рѣчи. Вы скажете все это пространно что я сказалъ вамъ теперь въ немногихъ словахъ. Можете ли вы это сдѣлать, а?

— Разумѣется могу, отвѣчалъ мистеръ Новаъ Ванстонъ.— Но я долженъ замѣтить вамъ одно: Леконтъ не повѣритъ мнѣ ни въ одномъ словѣ.

— Погодите немного, мистеръ Ванстонъ; я не кончилъ еще моихъ инструкцій. Вы поняли что я сейчасъ сказалъ вамъ? Прекрасно. Перейдемъ теперь отъ сегодняшняго къ завтрашнему. Ступайте завтра гулять съ мистриссъ Леконтъ въ обыкновенное время. Я повстрѣчаюсь съ вами на гуляньѣ, и поклонюсь вамъ. Въмѣсто отвѣта на мой поклонъ, отвернитесь въ другую сторону, то-есть попросту срыжьте меня. Вѣдь это довольно легко сдѣлать, не правда ли?

— Она не повѣритъ мнѣ, мистеръ Байгревъ, она не повѣритъ мнѣ!

— Погодите еще немного, мистеръ Ванстонъ. Будутъ еще дальнѣйшія инструкціи. Вы имѣете ихъ пока на сегодня и на завтра. Ну, теперь на послѣзавтра! Послѣ завтра, это седьмой день съ отсылки письма въ Цюрихъ. На седьмой день откажитесь идти гулять изъ желанія избѣгнуть неудовольствія новой встрѣчи со мной. Ворчите на скуку зѣшняго мѣстечка, жалуйтесь на состояніе вашего здоровья, говорите, что лучше бы желали никогда не бывать въ Альборо и не сводить знакомства съ Байгревами, и когда вы хорошенько промучаете мистриссъ Леконтъ вашими неудовольствіями, спросите ее неожиданно, не придумаетъ ли она для васъ чего-нибудь получше. Если вы спросите ее естественно, то неужели, думаете вы, затруднитса она въ отвѣтъ?

— Да ее и не нужно будетъ вовсе спрашивать, отвѣчалъ

раздражительно мистеръ Нозль Ванстонъ. — Довольно будетъ сказать, что мнѣ надоѣлъ Альдборо, и еслибы только она повѣрила мнѣ, — чего не будетъ, мистеръ Байгревъ, а положительно увѣренъ, не будетъ, — такъ она предложила бы что-нибудь сама, прежде чѣмъ я успѣлъ бы спросить ее.

— Ага! живо вскричалъ капитанъ. — Значитъ есть мѣсто, куда бы мистриссъ Леконтъ желала отправиться на эту осень?

— Есть, куда она хотѣла бы каждую осень, чортъ бы ее побралъ!

— Куда же это?

— Къ адмиралу Бартраму. Знаете вы адмирала Бартрама? Въ Севтъ-Круксъ-инъ-ди-Маршъ.

— Не терайте терпѣнія, мистеръ Ванстонъ! То что вы говорите теперь крайне важно для нашихъ видовъ. Но этотъ адмиралъ Бартрамъ?

— Старый другъ моего отца. Отецъ мой одолжалъ его, давалъ ему деньги взаймы, когда они оба были еще молоды. Я какъ свой въ Севтъ-Круксъ; для меня тамъ всегда готова комната. У адмирала, впрочемъ, нѣтъ семейства, исключая его племянника, Джорджа Бартрама. Джорджъ — мой двоюродный братъ; мы такъ же дружны съ Джорджемъ, какъ отецъ мой былъ друженъ съ адмираломъ, только я былъ поумнѣе отца, и не давалъ денегъ взаймы. Леконтъ показываетъ всегда, что очень цѣнитъ Джорджа, чтобы позвать меня, я думаю. Она любитъ также и адмирала: она льститъ ея тщеславію. Онъ всегда приглашаетъ ее прѣзжать со мною въ Севтъ-Круксъ, отводитъ ей одну изъ лучшихъ комнатъ въ домѣ, и обращается съ ней какъ съ госпожой. Она горда, какъ Люциферъ; она любитъ, чтобы съ ней обращались какъ съ госпожой, и надоѣдаетъ мнѣ каждую осень поѣздкой въ Севтъ-Круксъ. Что такое? Къ чему вынимаете вы вашу записную книжку?

— Мнѣ нуженъ адресъ адмирала, мистеръ Ванстонъ, по дѣлу, которое я объясню вамъ сейчасъ.

Съ этими словами, капитанъ Регъ открылъ свою записную книжку, и, подъ диктовку мистера Нозля Ванстона, записалъ въ ней: „Адмиралъ Бартрамъ, Севтъ-Круксъ-инъ-ди-Маршъ, близъ Оссори, Эссексъ.“

— Прекрасно! воскликнулъ капитанъ, закрывая свою

записную книжку. — Единственное препятствіе на пути нашемъ устранено теперь. Терпѣніе, мистеръ Ванстонъ, терпѣніе! Станемъ продолжать наши инструкціи съ того пункта, на которомъ оставили ихъ. Подарите мнѣ еще минутъ пять вниманія, и вы увидите вашъ путь къ браку также ясно, какъ вижу его я. Послѣзавтра, вы объявляете, что Альборо надоѣлъ вамъ; мистриссъ Леконтъ предлагаетъ вамъ отправиться въ Севтъ-Круксъ. Вы не отвѣчаете ни да, ни нѣтъ, вы обѣщаетесь подумать, а на другой день просыпаетесь съ тѣмъ, что хотите ѣхать немедленно тѣмъ же утромъ. Сами ли вы обыкновенно наблюдаете за укладкой вещей? или же вы возлагаете всю заботу объ этомъ на мистриссъ Леконтъ?

— Разумѣется, Леконтъ заботится обо всемъ; Леконтъ получаетъ за это жалованье. Но вѣдь, на самомъ-то дѣлѣ, я не уѣзжаю, не такъ ли?

— Вы уѣзжаете на желѣзную дорогу со всевозможною для лошадей быстротою, не вступая ни въ какія, ни личныя, ни письменныя сношенія съ нашимъ домоѣмъ. Вы оставляете мистриссъ Леконтъ дома, для упаковки рѣдкостей, для сведенія счетовъ съ торговцами и слѣдованія за вами въ Севтъ-Круксъ на слѣдующее утро. Слѣдующее утро будетъ десятое. На десятый день, она получаетъ письмо изъ Цюриха, и если вы выполните мои инструкціи, мистеръ Ванстонъ, она, такъ же вѣрно какъ вы сидите тутъ, отправится въ Цюрихъ!

Мистеръ Новль Ванстонъ сталъ снова зарумяниваться, когда стратегема капитана наконецъ выяснилась для него совсѣмъ.

— А что мнѣ дѣлать въ Севтъ-Круксѣ? спросилъ онъ.

— Ждите тамъ, пока я не вызову васъ, отвѣчалъ капитанъ. — Лишь только мистриссъ Леконтъ отправится въ путь, я пойду въ здѣшнюю церковь и подамъ объявленіе о бракѣ. Въ тотъ же или въ слѣдующій день, я отправлюсь по записанному въ моей книжкѣ адресу, вырву васъ у адмирала и увезу съ собою въ Лондонъ для полученія разрѣшенія. Съ этимъ документомъ въ рукахъ, мы будемъ на обратномъ пути нашемъ въ Альборо, въ то самое время какъ мистриссъ Леконтъ будетъ на своемъ пути въ Цюрихъ, и прежде чѣмъ успѣетъ она выѣхать обратно, вы

и немаяница моя будете мужъ и жена! Вотъ ваши видя въ будущемъ. Что вы думаете о нихъ?

— Что за голова досталась вамъ! воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ въ порывѣ внезапнаго восторга. — Вы удивительнѣйшій человекъ, какихъ я еще не встрѣчалъ. Иной подумаетъ, что вы всю вашу жизнь только и дѣлали, что проводили людей.

Капитанъ Реггъ принялъ эту невольную дань удивленія къ его геніальности съ снисхожденіемъ человека чувствующаго, что она вполне заслужена.

— Я уже сказалъ вамъ, любезный сэръ, произнесъ онъ скромно, — что я никогда ничего не дѣлаю на половину. Извините меня, если я позволяю себѣ напомнить вамъ, что у насъ нѣтъ времени говорить другъ другу любезности. Хорошо ли вы помните данныя вамъ инструкціи? Во избѣжаніе случайностей, я не записываю ихъ. Испытайте систему искусственныхъ способовъ къ поддержанію памяти, пересчитайте ваши инструкціи вслѣдъ за мною, по пальцамъ. Сегодня, вы говорите мистриссъ Леконтъ, что я хотѣлъ надуть васъ художественными произведеніями моего родственника. Завтра, вы срѣзываете меня на гуляньи. Послѣзавтра, вы отказываетесь идти гулять, вы говорите, что скучаете въ Альдборо, и позволяете мистриссъ Леконтъ выступить съ ея предложеніемъ. На другой день вы принимаете его. А на слѣдующій, вы отправляетесь въ Сентъ-Круксъ. Еще разъ, любезный сэръ! Большой палецъ, художественныя произведенія. Указательный палецъ, срѣзываніе меня на гуляньи. Средній палецъ, скука въ Альдборо. Безымянный палецъ, принатіе совѣта мистриссъ Леконтъ. Мизинецъ, поѣздка въ Сентъ-Круксъ. Ничего не можетъ быть яснѣе, ничего не можетъ быть легче для исполненія. Можетъ-быть что-нибудь остается не совсемъ для васъ яснымъ? Я могъ бы объяснить вамъ еще разъ, прежде чѣмъ вы уйдете.

— Одно только, произнесъ мистеръ Нозль Ванстонъ. — Рѣшено ли, что я не приду сюда болѣе, до отъѣзда въ Сентъ-Круксъ?

— Рѣшено! отвѣчалъ капитанъ. — Весь успѣхъ дѣла зависитъ отъ того, чтобы вы держались подалѣе отъ насъ. Мистриссъ Леконтъ станетъ повѣрять справедливость всѣхъ вашихъ словъ однимъ: будете ли вы, или

вѣтъ, поддерживать сношенія съ нашимъ домою. Она станетъ свидѣть за вами день и ночь. Не приходите сюда, не посылайте никого, не пишите писемъ, даже не выходите изъ дому одни. Пускай думаетъ она, что вы убѣжаете въ Сентъ-Круксъ, по ея предложенію, и будетъ совершенно убѣждена, что вы послѣдовали ея совѣту безъ всякихъ сношеній со мной или племянницей моею. Сдѣлайте такъ, и она *должна* будетъ повѣрить вамъ на основаніи свидѣтельства, самаго надежнаго для нашихъ интересовъ и самаго вѣрнаго для нея, на основаніи свидѣтельства собственныхъ чувствъ.

Съ этими словами предостереженія, онъ горячо пожалъ руку мистеру Невилу Ванстону, и тотчасъ же отослалъ его домой.

Капитанъ отправился спать, въ этотъ вечеръ, въ хорошемъ расположеніи духа. Онъ шуточно обратился къ гасильнику, надѣвая его на свѣчку. „Еслибъ я могъ только надѣть тебя на мистриссъ Леконтъ“, замѣтилъ онъ, „то распрощаася бы съ послѣднимъ безпокойствомъ, которое остается мнѣ до дня свадьбы.“

X.

По возвращеніи въ Си-Вью, мистеръ Новаъ Ванстонъ выповалилъ съ безукоризненною точностью наставленія данныя ему на первый изъ пяти дней. Легкая усмѣшка презрѣнія блуждала на губахъ мистриссъ Леконтъ, когда онъ разказывалъ о стараніи мистера Байгрева выдать свои поддѣльныя картины за оригинальныя; но она не дала себѣ труда высказать какое-нибудь замѣчаніе по окончаніи его разказа. „Совершенно такъ, какъ я говорилъ!“ подумалъ мистеръ Новаъ Ванстонъ, лукаво наблюдая за выраженіемъ ея лица: „она не вѣритъ ни единому слову!“

На слѣдующій день, на гуляньи, произошла встрѣча. Мистеръ Байгревъ снялъ свою шляпу, а мистеръ Новаъ Ванстонъ отвернулся. Изумленіе капитана, и взоръ негодованія были исполнены имъ въ совершенствѣ, но имъ вовсе не удалось произвести впечатлѣніе на мистриссъ Леконтъ. „Боюсь, сэръ, не обидѣли ли вы сегодня мистера Байгрева,“ замѣтила она насмѣшливо. „Къ вашему

счастью, онъ превосходный христіанинъ, и я смѣло предсказываю, что онъ проститъ вамъ завтра.“

Мистеръ Нозль Вавстонъ благоразумно уклонился отъ отвѣта. Тутъ снова похвалялся онъ внутренно своею провицательностью; онъ еще разъ торжествовалъ надъ своимъ искуснымъ другомъ.

До сихъ поръ, инструкціи капитана были ясны и просты и ошибиться въ нихъ было нельзя. Но чѣмъ далѣе, тѣмъ сложнѣе становились онѣ; и на третій день мистеръ Нозль Вавстонъ сконфузился учивеніемъ легкой ошибки. Выразивъ условленнымъ манеромъ, что въ Альборо становится ему скучно, и что ему хотѣлось бы переѣхать мѣсто, онъ, согласно своей догадкѣ, тотчасъ же услышалъ отъ экономки совѣтъ отправиться въ Сентъ-Круксъ. Отвѣчая на этотъ совѣтъ, онъ сдѣлалъ первую ошибку. Въмѣсто того чтобъ отложить свое рѣшеніе до слѣдующаго дня, онъ принялъ предложеніе мистриссъ Леконтъ въ тотъ самый день, когда оно было ему сдѣлано.

Послѣдствія этой ошибки не имѣли особенной важности. Экономка стала только слѣдить за своимъ господиномъ днемъ раньше чѣмъ было разчитано, — обстоятельство, противъ котораго заранѣе были приняты мѣры благоразумія, заключавшіяся въ запрещеніи мистеру Нозлю Вавстону какихъ бы то ни было сношеній съ Нортъ-Шингельзомъ. Сомнѣваясь, какъ предвидѣлъ капитанъ, въ искренности желанія своего хозяина прервать сношенія съ Байгревами поѣздкой въ Сентъ-Круксъ, мистриссъ Леконтъ поѣрляла истину или ложь своихъ впечатлѣній тщательнымъ разысканіемъ нѣтъ ли какого признака тайныхъ сношеній съ той или съ другой стороны. Пристальное вниманіе, съ которымъ она наблюдала до сихъ поръ за всѣми входами и выходами въ Нортъ-Шингельзъ, было перенесено теперь цѣликомъ на ея господина. Во все остальное время этого третьяго дня, она ни разу не выпустила его изъ виду, и не допускала никого изъ постороннихъ приходившихъ къ нему лицъ ни минуты оставаться съ нимъ наединѣ, подъ какимъ бы то ни было предлогомъ. Ночью, время отъ времени, она подкрадывалась къ двери его комнаты, чтобы прислушаться и убѣдиться, въ постели ли онъ; а на слѣдующее утро, передъ восходомъ солнца, береговой сторожъ, въ своемъ обходѣ, былъ удивленъ, увидя даму

которая встала такъ же рано, какъ онъ, и занималась уже своею работою у одного изъ верхнихъ оконъ Си-Вью.

На четвертое утро, мистеръ Нозль Ванстовъ сошелъ къ завтраку, сознавая, какой промахъ далъ онъ накануне. Всего удобнѣе и проще, чтобы выгадать время, было объявить, что онъ еще не совсѣмъ рѣшился. Онъ объявилъ это смѣло, когда экономка спросила его, — не думаетъ ли онъ вѣхать сегодня же. Снова мистриссъ Леконтъ не сдѣлала никакого замѣчанія, и снова знаки недовѣрія показались на ея лицѣ. Шаткость въ намѣреніяхъ вовсе не была для нея новостью въ ея хозяйствѣ. Но въ этомъ случаѣ, перемѣну въ его рѣшеніи она приписала желанію выиграть время для сношеній съ Нортъ-Шингельсомъ, а потому и стала сдѣлать за нимъ съ удвоенною и утроенною бдительностью.

Въ это утро не пришло никакихъ писемъ. Около полудня погода перемѣнилась къ худшему, и всякая мысль о прогулкѣ была оставлена. Часъ за часомъ, въ то время какъ господинъ ея сидѣлъ въ одной комнатѣ, мистриссъ Леконтъ наблюдала въ другой, черезъ отворенную въ корридоръ дверь и черезъ боковое окно, выходящее къ Нортъ-Шингельсу. Не видать было ни одного подозрительнаго знака; ни одинъ подозрительный звукъ не достигалъ ея слуха. Когда спустился вечеръ, колебанія ея хозяина прекратились. Погода наводила на него тоску, мѣстечко было ему противно до крайности, онъ предвидѣлъ неприятность новыхъ встрѣчъ съ мистеромъ Байгровомъ, — и рѣшился уѣхать въ Сентъ-Круксъ завтра же рано утромъ. Леконтъ можетъ остаться для упаковки рѣдкостей и расчета съ торговцами, и отправиться за нимъ къ адмиралу на слѣдующій день. Экономка была нѣсколько изумлена тономъ и приемами, съ которыми онъ отдалъ эти приказанія. Онъ, какъ она вполне была увѣрена, не имѣлъ никакихъ сношеній съ Нортъ-Шингельсомъ, а между тѣмъ, онъ, повидимому, рѣшился оставить Альдборо, при первой возможности. Въ первый разъ, она поколебалась въ довѣрїи къ своимъ собственнымъ выводамъ. Она вспомнила, что хозяйствѣ ея жаловался на Байгрововъ еще во время ихъ отъѣзда изъ Альдборо, и знала, что ея недовѣрчивость разъ уже обманула ее, когда появленіе дорожной кареты у подъ-

тѣмъ доказало ей, что даже самъ мистеръ Байгревъ былъ вѣренъ своему слову.

Со всѣмъ тѣмъ, мистриссъ Леконтъ рѣшилась до конца дѣйствовать съ тою же осторожностью. Вечеромъ этого дня, когда наружныя двери были затворены, она тайкомъ вынула ключи изъ дверей, какъ передняго, такъ и задняго крыльца. Потомъ, тихонько открыла окно въ своей спальнѣ и усѣлась у окна, въ шляпѣ и въ салонѣ, во избѣжаніе простуды. Окно мистера Нозъ Ванстона обращено было въ ту же сторону. Еслибы кто пришелъ разговаривать съ нимъ въ темнотѣ изъ сада, то она слышала бы все не менѣе его. Готовая перехватить на всѣхъ пунктахъ и всякаго рода тайныя сношенія, мистриссъ Леконтъ высидѣла на сторожѣ въ продолженіе цѣлой ночи. Когда наступило утро, она сошла внизъ, прежде чѣмъ встала служанка, всунула на мѣсто ключи, и снова заняла свое мѣсто въ приемной, гдѣ и засталъ ее мистеръ Нозъ Ванстонъ, пришедши къ чаю. Не переѣхалъ ли онъ своего намѣренія? Нѣтъ. Онъ только изъ расчета не рѣшался ѣхать по почтѣ на желѣзную дорогу; но былъ твердъ въ своемъ рѣшеніи отправиться въ Сентъ - Круксъ. Онъ желалъ, чтобы для него было взято внутреннее мѣсто въ одной изъ общественныхъ равныхъ каретъ. Не оставаяя своихъ подозрѣній до конца, мистриссъ Леконтъ послала за мѣстомъ булочнаго разнощика. Въ немъ, какъ въ публичномъ служителѣ, мистеръ Байгревъ не могъ подозрѣвать исполнителя частнаго порученія.

Карета подъѣхала къ Си-Вью. Мистриссъ Леконтъ видѣла, какъ господинъ ея занялъ свое мѣсто, и удостовѣрилась, что три остальныхъ внутреннія мѣста были уже заняты незнакомыми лицами. Она спросила кучера, взяты ли всѣ наружныя мѣста изъ которыхъ еще не на всѣхъ были пассажиры. Тотъ отвѣчалъ утвердительно. За двумя пассажирами долженъ онъ былъ заѣхать въ городъ, а два другіе займутъ свои мѣста на постояломъ дворѣ. Мистриссъ Леконтъ тотчасъ же направилась къ постоялому двору, и заняла позицію насупротивъ, откуда можно было видѣть окончателный отъѣздъ кареты. Черезъ десять минутъ, она загремѣла, занятая пассажирами и внутри и снаружи, и собственные глаза экономки убѣдили ее, что ни самого

мистера Байгрева, ни кого-либо изъ обитателей Нортъ-Шингельза не было между ними.

Оставалось принять еще одну предосторожность, и мистриссъ Леконтъ не оставила ее безъ вниманія. Мистеръ Байгревъ, безъ сомнѣнія, видѣлъ прибытіе кареты въ Си-Вью. Онъ могъ нанять экипажъ, и отправиться за каретой на желѣзную дорогу. Мистриссъ Леконтъ прождала почти цѣлый часъ, не выпуская изъ виду постоянного двора, единственнаго мѣста, гдѣ могъ быть нанять экипажъ. Ничего однакоже не случилось; никакого экипажа не показалось; всякое сандованіе за мистеромъ Нозлемъ Вавстономъ было теперь внѣ человеческой возможности. Мистриссъ Леконтъ могла, наконецъ, спокойно вздохнуть послѣ такого долгаго напряженія. Она оставила свое мѣсто, и возвратилась домой веселѣе чѣмъ когда-либо для окончательныхъ домашнихъ распоряженій въ Си-Вью.

Она сѣла одна въ пріемной, и предалась успокоительному чувству. Разчеты капитана Регга не обманули его. Показанія собственныхъ чувствъ преодолѣли наконецъ недовѣрчивость экономки, и повернули ее въ противоположную крайность.

Судя о событіяхъ послѣднихъ трехъ дней по собственнымъ наблюденіямъ, зная, и зная несомнѣнно, что первая мысль объ отъѣздѣ въ Сентъ-Крукъ была подана ею самою, и что хозяинъ ея не имѣлъ возможности и не обнаружилъ желанія извѣстить обитателей Нортъ-Шингельза о томъ, что онъ принялъ ея совѣтъ, мистриссъ Леконтъ, принужденная была признаться, что не имѣетъ ни малѣйшаго основанія къ подозрѣніямъ. Соображая все сцѣпленіе обстоятельствъ съ новой точки зрѣнія, она нигдѣ не усматривала ничего необъяснимаго, ничего противорѣчиваго. Попытка выдать поддѣльные карты за оригинальныя вполне соответствовала характеру такого человѣка, какъ мистеръ Байгревъ. Негодованіе ея хозяина, когда сдѣлана была попытка обмануть его, прямо высказанное имъ подозрѣніе, что и миссъ Байгревъ причастна дѣлу, его разочарованіе на счетъ племянницы, его презрительное обращеніе съ дядей на гуляньѣ, его отвращеніе отъ мѣста, бывшаго театромъ его быстрого сближенія съ незнакомыми людьми, и оправдавшаяся готовность покинуть его,—все это представлялось уму экономки какъ дѣло совершенно несомнѣнное, благодаря одному достаточному основанію: собственными

глазами видѣла она, какъ мистеръ Нозль Ванстонъ уѣхалъ изъ Альдборо, не сдѣлавъ ни одной попытки оставить по себѣ какой-либо садъ Байгревамъ.

До этого дошла эконожка въ своихъ заключеніяхъ, — но не даѣе: слишкомъ умна была она, чтобы довѣрить будущее случаю и судьбѣ. Измѣнчивый нравъ ея хозяина могъ снова смягчиться. Какой-нибудь случай можетъ во всякое время пособить ловкому мистеру Байгреву исправить сдѣланную имъ ошибку и искусно возстановить себя во мнѣніи мистера Нозля Ванстона. Допуская, что обстоятельства несомнѣнно обратились наконецъ въ ея пользу, мистриссъ Леконтъ тѣмъ не менѣе была убѣждена, что обезпечить вполнѣ и навсегда своего хозяина отъ интриги можно не иначе какъ раскрывъ всѣ замыслы противъ него, чего она и добивалась съ самаго начала, чего и теперь желала добиться во что бы то ни стало.

„Мнѣ всегда пріятно бываетъ въ Севтъ-Круксѣ,“ думала мистриссъ Леконтъ, открывая свои счетныя книги и перебирая счеты торговцевъ. „Адмиралъ джентльменъ, домъ благородный, столъ превосходный. Ничего! Посижу еще въ этомъ домѣ, пока не загляну въ гардеробъ мистриссъ Байгревъ.“

Она уложила коллекцію рѣдкостей своего господина въ разные ящики, разчиталась со всѣми торговцами, и въ продолженіи дня наблюдала за тѣмъ, какъ покрывали мебель. Около сумерекъ она вышла изъ дому для своихъ изысканій и, подъ покровомъ мрака, рискнула войти въ садъ Нортъ-Шингельза. Она увидѣла свѣтъ въ окнѣ пріемной и окнахъ верхнихъ комнатъ, какъ и всегда. Послѣ минутнаго колебанія, она подкралась ко входной двери и безъ шума нажала ручку снаружи. Замокъ отперся, какъ она и ожидала, зная дома въ Альдборо и въ другихъ приморскихъ мѣстахъ; но дверь не подалась; она была недовѣрчиво заперта еще задвижкой изнутри. Убѣдившись въ этомъ, она обошла домъ сзади, и удостовѣрилась, что и съ этой стороны дверь была заперта тѣмъ же манеромъ. „Запирайте ваши двери, какъ угодно крѣпко, мистеръ Байгревъ,“ проговорила эконожка, возвращаясь на гулянье. „Не запрете же вы кармавовъ вашей служавки. Самый крѣпкій замокъ вашъ отперется золотымъ ключомъ.“

Она пошла домой, чтобы лечь спать. Постоянное наблю-

аснѣ, безостановочное волненіе за послѣдніе два дня, совершенно истощила ея силы.

На слѣдующій день она поднялась въ семь часовъ.

Черезъ полчаса, она увидѣла, какъ мистеръ Байгревъ— всегда отащавшійся точною, вышелъ изъ воротъ Нортъ-Шингеляза съ полотенцами подъ мышкой, и направилась, какъ это часто бывало и прежде объ эту пору, къ лодкѣ ожидавшей его у берега. Капитанъ былъ мастеръ на все, а въ томъ числѣ и на плаванье; онъ вызвалъ на лодкѣ въ открытое море и роскошествовалъ въ глубокой синей водѣ. Мистриссъ Леконтъ уже прежде сосчитала, сколько времени шло на эту забаву, и знала, что цѣлая часть проходила обыкновенно съ того времени какъ капитанъ садился въ лодку и до возвращенія его на берегъ. Въ продолженіе этого времени ей не случалось никогда подмѣтить, чтобы кто-нибудь изъ обитателей Нортъ-Шингеляза уходилъ изъ дому. Служанка, безъ сомнѣнія, была занята на кухнѣ; мистриссъ Байгревъ была, вѣроятно, въ постели; а миссъ Байгревъ, если она вставала такъ рано, быть-можетъ имѣла приказаніе не выходить въ отсутствіе своего дяди. Присутствіе Магдалины въ домѣ было единственнымъ затрудненіемъ, котораго до сихъ поръ никакъ не могла устранить вся смысленность мистриссъ Леконтъ.

Съ четверть часа послѣ того какъ отчалила лодка капитана, просидѣла она у окна, сильно работая мыслью и машинально устремивъ глаза свои на Нортъ-Шингелязъ, соображая что можетъ написать она своему хозяину въ извиненіе себѣ, что отсрочила на нѣсколько дней отъѣздъ свой изъ Альдборо, какъ вдругъ бывшая подъ ея наблюденіемъ дверь дома растворилась, и Магдалина показалась въ саду. Нельзя было ошибиться ни въ ея фигурѣ, ни въ ея костюмѣ. Она сдѣлала нѣсколько быстрыхъ шаговъ къ выходу, остановилась и опустила вуаль своей шляпки, какъ бы защищаясь отъ яркаго утренняго свѣта; потомъ поспѣшно вышла на открытое мѣсто и направилась къ сѣверу съ такою торопливостью или такъ поглощенная своими мыслями, что забыла затворить за собой садовую калитку.

Мистриссъ Леконтъ вскочила, не вѣря, въ первое мгновеніе, собственнымъ глазамъ. Неужели тотъ удобный случай, который она до сихъ поръ замышляла вызвать, пред-

ставалась теперь сама собою? Посадъ такой долгой и настойчивой неприязни, не перешло ли наконецъ счастье рѣшительно на ея сторону? Въ этомъ недѣля было сомнѣваться: счастье, очевидно, повернулось къ ней лицомъ. Она набросила на себя шляпку и мантилью, и не теряя ни минуты, отправилась въ Нортъ-Шингелъзъ. Мистеръ Байгревъ купался въ морѣ; миссъ Байгревъ, ушла гулять; мистриссъ Байгревъ дома, одна съ служанкою, и сдѣлаться съ ними обѣими будетъ не трудно; — такого случая недѣля было упускать; игра стоила свѣчъ!

На этотъ разъ, дверь дома легко отворилась; посадъ того какъ вышла Магдалина, никто не заперъ ея на задвижку. Мистриссъ Леконтъ тихою затворила дверь за собою, съ минуту прислушивалась въ корридоръ, и услышала, что служанка шумно распорядится въ кухнѣ съ своими горшками и кастрюлями. „Если счастливая звѣзда моя приведетъ меня прямо въ комнату миссъ Байгревъ,“ думала экономка, безъ шума поднимаясь по лѣстницѣ, „то я доберусь до ея гардероба, не обезпокоивъ никого.“

Она попробовала дверь, ближайшую къ переднему фасаду дома, направо отъ площадки. Капризное счастье уже измѣнило ей. Дверь была заперта на замокъ. Она попробовала противоположную дверь, по лѣвую руку. Симметрически расположенный рядъ сапогъ и бритвы на туалетномъ столѣ разомъ убѣдили ее, что она не отыскала еще нужной комнаты. Она возвратилась къ правой сторонѣ площадки, прошла маленькимъ корридоромъ, который велъ въ заднюю часть дома, и попробовала третью дверь. Дверь отворилась, и двѣ противоположныя крайности женской половины рода человѣческаго, мистриссъ Реггъ и мистриссъ Леконтъ, очутились лицомъ къ лицу!

— Просту у васъ много и много разъ извиненія! проговорила мистриссъ Леконтъ съ совершеннѣйшимъ спокойствіемъ.

— Боже помилуй насъ! воскликнула мистриссъ Реггъ, въ самомъ безпомощномъ испугѣ.

Восклицанія вырвались въ одно мгновеніе; но въ это же мгновеніе мистриссъ Леконтъ измѣрила свою жертву. Никакая мелочь не ушла отъ ея вниманія. Она замѣтила кашемировое платье, которое лежало на столѣ, въ половину готовое, въ половину распорочное; замѣтила

главнѣйшую ногу мистриссъ Реггъ, искавшую зря у стула потеряннаго башмака; замѣтила, что въ комнату, кромѣ той двери, въ которую она вышла, была еще другая, и подлѣ ламой хозяйки другой стулъ, на который ей можно опуститься по-дружески, безъ церемоніи.

— Пожауста, не сердитесь за мое внезапное появленіе, проговорила мистриссъ Леконтъ, садясь на стулъ.— Пожауста, позвольте мнѣ объясниться!

Говоря своимъ мягчайшимъ голосомъ, обводя мистриссъ Реггъ пріятнѣйшею улыбкою на вкрадчивыхъ устахъ своихъ и выражая самое смиренное къ ней участіе своими прекрасными черными глазами, экономка представила для начала нѣсколько живыхъ объясненій, высказанныхъ съ такимъ безыскусственнымъ правдоподобіемъ, которому могъ бы позавидовать самъ прародитель жи. Она слышала отъ мистера Байгрева, что мистриссъ Байгревъ очень страдаетъ; она постоянно упрекала себя, въ свои досужія минуты въ Си-Вью, гдѣ она занимаетъ должность экономки мистера Новая Ванстона, что не успѣла еще предложить своихъ дружескихъ услугъ мистриссъ Байгревъ; ей было приказано ея хозяиномъ, который, безъ сомнѣнія, хорошо извѣстенъ мистриссъ Байгревъ какъ одинъ изъ друзей ея мужа и, разумѣется, одинъ изъ поклонниковъ ея прелестью племянницы, послѣдовать за нимъ въ то мѣсто, куда онъ перѣѣхалъ изъ Альдборо; она принуждена ѣхать рано, но совѣсть не позволяла ей уѣхать не сдѣлавъ прощальнаго визита къ добрымъ сосѣдямъ; она не нашла никого въ домѣ, и не могла докликаться служанки; она думала, что будуаръ мистриссъ Байгревъ въ верхнемъ этажѣ, и совершенно нечаянно ворвалась къ ней, что она ужасно сконфужена этимъ, но тѣмъ не менѣе надѣется на снисходительность мистриссъ Байгревъ, которая, безъ сомнѣнія, извинитъ и проститъ ее.

И менѣе изысканныя извиненія достигли бы цѣли, предположенной мистриссъ Леконтъ. Какъ только мистриссъ Байгревъ могла осидеть своимъ умомъ тотъ фактъ, что неожиданная гостыя—ея сосѣдка, хорошо извѣстная ей по слухамъ, она вся предалась созерцанію прекрасныхъ манеръ мистриссъ Леконтъ и отлично сидѣвшаго на ней платья. „Какъ благородно она разговариваетъ!“ думала бѣдная мистриссъ Реггъ, когда экономка заключила свою

воспѣваю фразу. „И, о Господи Боже мой! ужь какъ она хорошо одѣта!“

— Я вижу, что беспокою васъ, продолжала мистриссъ Леконтъ, искусно обращая свое вниманіе на кашемировое платье, какъ на сподручное средство къ достиженію ея цѣли,—я вижу что беспокою васъ, во время занятія, которое требуетъ, какъ извѣстно мнѣ по опыту, особеннаго вниманія. Боже мой, вы распарываете, какъ вижу, уже сшитое платье! И со мною бывало это не разъ, мистриссъ Байгревъ. Иныя платья такъ упрямы! Они какъ будто говорятъ вамъ: „нѣтъ! дѣлайте со мною чтò хотите, а я не буду сидѣть хорошо!“

Мистриссъ Реггъ была очень поражена этимъ удачнымъ замѣчаніемъ. Она расхохоталась и въ величайшемъ удовольствіи всплеснула своими огромными руками.

— Вотъ это-то самое все и говорить мнѣ это платье, съ тѣхъ поръ, какъ я въ первый разъ дотронулась до него локтями, воскликнула она весело.—Я знаю, что у меня спина очень широка, но это еще не важность. Какъ бы кажется не сходиться ему сзади? Вѣдь я съ нимъ сколько ужь недѣль вожусь. Вѣдь вотъ же на груди оно у меня словно нѣшкѣ. Взгляните, ма'мъ, на подолъ. Съ нимъ никакъ не справишься. Онъ волочится спереди и топырщится сзади. и выказываетъ пятки, — а, Богу извѣстно, сколько горя перевозу я изъ-за пятокъ, и не выказывала-то ихъ!

— Позволите ли вы мнѣ попросить васъ объ одномъ одоженіи? спросила довѣрчиво мистриссъ Леконтъ. — Не могу ли я услужить вамъ, мистриссъ Байгревъ, моею опытностью въ этомъ дѣлѣ? Полагаю, ма'мъ, что въ женскихъ платьяхъ самое трудное дѣло лифъ. Вотъ хоть теперь вашъ лифъ! Сказать ли мнѣ откровенно, чтò я думаю? Этотъ вашъ лифъ—огромный промахъ!

— О, не говорите этого! воскликнула убѣдительно мистриссъ Реггъ.—Не говорите, пожалуйста! Онъ широкоveckъ, точно, я это знаю; но онъ скроенъ по одному изъ платьевъ Магдалины.

Она была слѣшкомъ заинтересована своимъ платьемъ, и не замѣтила, что совсѣмъ забылась, и назвала Магдалину не племянницей, а собственнымъ ея именемъ. Острый слухъ мистриссъ Леконтъ тотчасъ же подхватилъ этотъ промахъ. „Такъ, такъ!“ думала она. „Вотъ уже одно открытіе! Еслибъ

я еще и сомнѣвалась въ вѣрности своихъ подозрѣній, то эта почтенная дама теперь тотчасъ же навела бы меня на дорогу.“

— Извините, пожалуйста, произнесла она вслухъ, — вы сказали, кажется, что это было выкроено по платью племянницы вашей?

— Да, отвѣчала мистриссъ Реггъ. — И выкроено точь-в-точь, словно двѣ горошины.

— Въ такомъ случаѣ, замѣтила искусно мистриссъ Леконтъ, — въ платьѣ вашей племянницы должна быть какая-нибудь важная ошибка. Можете ли вы показать его мнѣ?

— Съ удовольствіемъ! воскликнула мистриссъ Реггъ. — Пойдемте со мной, сударыня, да захватите платье, сдѣлайте одоженіе. Если вы положите его на столъ, оно все будетъ скатываться. Вотъ здѣсь, на кровати, положите его.

Она отворила дверь, и проворно прошла въ комнату Магдалины. Мистриссъ Леконтъ, сабдуя за ней, взглянула мелькомъ на часы. Никогда еще время не бѣжало такъ быстро, какъ въ это утро! Черезъ двадцать минутъ, мистеръ Байгревъ воротится съ купанья.

— Вотъ! произнесла мистриссъ Реггъ, открывая гардеробный шкафъ и снимая съ вѣшалки одно платье. — Глядите! Тутъ на груди есть складки, и у меня также. Шестъ съ одной стороны, и поддюжина съ другой; только у меня покрупнѣе, — вотъ и все!

Мистриссъ Леконтъ значительно покачала головой, пустила въ тонкости швейнаго искусства, которыя, какъ она и разчитывала, совершенно ошеломили, мѣнѣ чѣмъ въ какія-нибудь три минуты, обладательницу кашемироваго платья.

— Позвольте! воскликнула умоительно мистриссъ Реггъ. — Не спѣшите такъ! Я отстала отъ васъ на двѣя милы, а въ головѣ такъ и жужжить. Скажите намъ по душѣ что надо сдѣлать. Вы говорили о покровѣ. Можетъ-быть я ужъ слушкомъ толста для этого покрова. Что жъ съ этимъ дѣлать! Когда я была еще дѣвочкой, ужъ какъ я бывало плакала, что у меня такая талія! Ужъ очень я дородна! И въ длину, и въ ширину, на половину можно было бы меня убавить.

— Милая мистриссъ Реггъ, возразила мистриссъ Леконтъ, — вы не справедливы къ себѣ! Повѣрьте мнѣ, у

вась величественный станъ,—станъ Минервы. Величественная простота въ фигурѣ женщины требуетъ необходимо величественной простоты и въ покровъ ея одежды. Законы костюмировки—законы классическіе; съ законами костюмировки шутить нельзя! Венерѣ—одни складки, Юнонѣ—другаго рода, а Минервѣ—опять другаго рода. Рѣшаюсь предложить вамъ совершенно другой покровъ. У племянницы вашей есть и другія платья. Выть-можетъ, мы найдемъ между ними покровъ болѣе приличный Минервѣ?

Говоря это, она снова подошла къ гардеробу.

Мистриссъ Реггъ посѣдовала за ней, и, уныло покачивая головой, стала вынимать платье за платьемъ. Были тутъ и шелковыя платья, были и кисейныя. Не было только того, котораго искала мистриссъ Леконтъ.

— Вотъ ихъ цѣлая куча, замѣтила мистриссъ Реггъ. — Они могутъ идти и Венерѣ и обѣимъ другимъ; а видѣла ихъ на картинкахъ, только ни на одной изъ нихъ не было ни клочка пристойной одежды; но всѣ эти платья вѣрно не пристають мнѣ.

— Да кажется, тамъ есть еще одно платье? замѣтила мистриссъ Леконтъ, указывая на гардеробъ, но не дотрогиваясь сама ни до чего.—Я вижу, что-то виситъ въ углу, за этою темною шалью.

Мистриссъ Реггъ сняла шаль; мистриссъ Леконтъ притворила болѣе дверцу шкафа. Тамъ, небрежно зацѣпленное за послѣднюю вѣшалку, висѣло темное альпаковое платье съ своими бѣлыми крапинками и двойною оборкой.

Какъ ни была экономка привычна въ притворствѣ, но такое внезапное и полное открытіе выбило ее изъ равновѣсія. Она вздрогнула при видѣ платья. Черезъ минуту, глаза ея въ безпокойствѣ обратились къ мистриссъ Реггъ. Замѣчено ли было ея движеніе? Совершенно не было замѣчено. Все вниманіе мистриссъ Реггъ было сосредоточено на альпаковомъ платьѣ: безсмысленно, съ выраженіемъ величайшаго ужаса, вперила она въ него свои взоры.

— Вы, кажется, взволнованы, сударыня, произнесла мистриссъ Леконтъ.—Что это пугаетъ васъ въ шкапу?

— Я бы дала цѣлую крону изъ своего кармана, проговорила мистриссъ Реггъ,—чтобы только платье это не попало мнѣ на глаза. Оно совсѣмъ было вышло у меня изъ головы; а теперь опять приходитъ. Покройте его!

воскликнула мистриссъ Реггъ, набрасывая шаль на платье, въ какомъ-то внезапномъ припадкѣ отчаянія.—Если я буду его видѣть еще, мнѣ представится, что я опять въ Вокзгалль-Вокъ!

Вокзгалль-Вокъ! Эти два слова показали мистриссъ Леконтъ, что она попала на саблъ еще другаго открытія. Второй разъ взглянула она на свои часы. Оставалось минутъ съ десять до возвращенія мистера Байгрева, и въ каждую изъ этихъ десяти минутъ могла возвратиться племянница. Осторожность совѣтовала мистриссъ Леконтъ уйти не подвергаясь дальнѣйшему риску. Любопытство приковывало ее къ мѣсту, и дало ей мужество остаться до послѣдней минуты. Любезная улыбка ея стала нѣсколько жестче, когда она старалась нѣжно прокладывать свой путь къ тому что таилось въ слабой головѣ мистриссъ Реггъ.

— У васъ остались какія-нибудь неприятныя воспоминанія о Вокзгалль-Вокъ? сказала она, сколь возможно нѣжнымъ вопросительнымъ тономъ.— Или, быть-можетъ, неприятныя воспоминанія объ этомъ платьѣ вашей племянницы?

— Послѣдній разъ, какъ я видѣла ее въ этомъ платьѣ, проговорила мистриссъ Реггъ, опускаясь на стулъ и начиная дрожать,—я только что воротилась изъ лавокъ, и видѣла духа.

— Духа? повторила мистриссъ Леконтъ, всплеснувъ руками въ граціозномъ изумленіи.—Дорогая моя, извините меня! Можетъ ли это быть? Гдѣ же вы видѣли духа? Въ Вокзгалль-Вокъ? Разкажите же пожалуйста—я еще никогда не встрѣчала духовидцевъ,—разкажите же, пожалуйста!

Польщенная тѣмъ, что она вдругъ приобрѣла особое значеніе въ глазахъ экономки, мистриссъ Реггъ впустилась въ подробное описаніе своего сверхъ-естественнаго приключенія. Жадность, съ которою мистриссъ Леконтъ, едва переводя духъ, слушала описаніе костюма бывшаго на призракъ, суматохи произведенной имъ на дѣйствицѣ и исчезновенія его въ спальнѣ, необыкновенное вниманіе выказанное мистриссъ Леконтъ, когда она услышала, что въ ту страшную минуту, когда скрылось привидѣніе, Магдалина была въ томъ платьѣ, которое она нашла въ шкапу,—заставило мистриссъ Байгревъ все гаубже и гаубже

даваться въ подробности, изъ которыхъ, казалось, не вы-
бралась бы она и въ нѣсколько часовъ. Быстрѣе и быстрѣе
летѣло неуловимое время; все болѣе и болѣе при-
ближалась роковая минута возвращенія мистера Байгрева.
Мистриссъ Деконтъ въ третій разъ посмотрѣла на часы,
уже не скрывая теперь этого отъ своей собесѣдницы.
На отступленіе изъ Нортъ-Шивгельза ей оставалось ров-
но двѣ минуты. Двухъ минутъ было бы довольно, безъ
особенныхъ случайностей. Она открыла альпаковое платье;
она слышала всю исторію приключенія въ Воксгалль-
Вокъ: даже болѣе, она узнала номеръ дома, который
случайно запомнила мистриссъ Реггъ, такъ какъ онъ со-
отвѣтствовалъ числу ея лѣтъ. Все, необходимое для того
чтобы вполнѣ открыть глаза своему господину, было уже
дозвано ею. Еслибъ у ней и было еще время, все-таки не
зачѣмъ было бы еще оставаться.

„Заданъ-ка я этой дурѣ хорошій *coup d'état*“, подумала
экономка: „и исчезну, прежде чѣмъ она очнется.“

— Ужасно! воскликнула мистриссъ Деконтъ, прерывая
рассказъ о привидѣніи маленькимъ визгомъ, и безъ вся-
кой церемоніи направляясь къ двери, къ невыразимому
изумленію мистриссъ Реггъ.—Вы ледените мозгъ въ мо-
ихъ костяхъ. Прощайте!

Она хладнокровно швырнула кашемировое платье на объ-
емистыя колѣни мистриссъ Реггъ, и въ одно мгновеніе
оставила комнату.

Спускаясь быстро съ лѣстницы, она слышала какъ дверь
спальни отворилась.

— Куда жь дѣвались ваши хорошія манеры? кричалъ
ей вслѣдъ голосъ сверху, изъ-за перилъ. — Какъ же
свѣте вы швырять въ меня моимъ платьемъ? Стыдитесь!
продолжала мистриссъ Реггъ, становясь изъ агнца льви-
цей, по мѣрѣ того какъ она сознавала все болѣе и болѣе
оскорбленіе нанесенное ея кашемировому платью.—Стыдно
вамъ, поганая иностранка!

Преслѣдуемая этою напутственною рѣчью, мистриссъ
Деконтъ достигла двери къ выходу и, безъ труда, отворила
ее. Быстро миновала она садовую дорожку, прошла въ
калитку, и очутившись на безопасномъ мѣстѣ, остано-
вилась и обернулась къ морю.

Первый попавшійся ей тамъ предметъ былъ самъ

мистеръ Байгревъ, въ окаменѣнии стоявшій на берегу съ праотцами въ рукѣ! Стояло только взглянуть на него, чтобы догадаться, что онъ видѣлъ, какъ экономка выходила изъ его садовой калитки.

Справедливо полагая, что первымъ дѣломъ мистера Байгрева будетъ навести немедленно справки у себя дома, мастриссъ Леконтъ продолжала свой путь къ Си-Вью спокойно, какъ ни въ чемъ не бывало. Входя въ комнату, гдѣ ожидалъ ее завтракъ, она съ удивленіемъ замѣтила на столѣ письмо. Съ досадою подошла она взять его, думая, что это какой-нибудь забытый ею счетъ.

То было поддѣльное письмо изъ Цюриха.

(Да слѣд. №)

ПИТЕРЪ ГРАЙМСЪ.

(Изъ Крабба.)

Нашъ добрый Питеръ Граймсъ, рыбакъ еще съ-издѣтства,
Трудами снискивалъ для пропитанья средства,
И въ бѣдной хижинѣ живя одинъ съ женой
И сыномъ, не ропталъ на скудный жребій свой.
Онъ съ рыбой каждый день являлся въ городъ лѣтомъ,
Гдѣ всакъ встрѣчалъ его улыбкой, или привѣтомъ;
Лишь по воскресеньямъ днямъ онъ рыбы не ловилъ
И сына въ Божій домъ молиться привѣдилъ.
Но вскорѣ юный Граймсъ отъ рукъ отца отбился;
Сперва не слушался, потомъ надъ нимъ гаумился
И презиралъ его. Когда же наконецъ,
По смерти матери, скончался и отецъ,
Сынъ Питеръ, съ похорономъ зайдя въ кабакъ близъ моря,
Вдругъ вспомнилъ прошлое и прослезился съ горя.
Тутъ только въ первый разъ онъ вспомнилъ со стыдомъ,
Какъ непростительно онъ дерзокъ былъ съ отцомъ;
Какъ часто, позабывъ долгъ сына, долгъ священный,
Онъ старца огорчалъ строптивостью надменной;
Какъ съ бранью изъ дома однажды онъ бѣжалъ,
Когда отецъ ему Евангеліе читалъ
И говорилъ: „Мой сынъ, вѣдь это Жизни слово!“
— А это жизнь сама! онъ отвѣчалъ сурово.
И вспомнилъ онъ тогда, какъ старый Граймсъ предъ нимъ
Стоялъ, испуганный гаумленіемъ такимъ;

Какъ, обезумленный порывомъ буйной страсти,
 Онъ объявлялъ отцу, что звать отцовою власти
 Не хочетъ надъ собой, и какъ тогда старикъ
 Старался обуздать его безумный крикъ.
 И мало этого: онъ вспомнилъ, какъ въ то время
 Добрѣйшему отцу въ его сѣдое темя
 Онъ святотатственной рукой нанесъ ударъ,
 И какъ стоналъ старикъ: „Когда ты будешь старъ:
 И будешь самъ отцомъ, и жить на воля станешь,
 Тогда повѣрь, мой сынъ, меня не разъ вспомнешь!“
 Такъ Питеръ размышлялъ за пивомъ въ кабакъ
 И съ горя пропалъ все что было въ кошелькѣ.

И вотъ! разгульную онъ началъ жизнь на воля,
 Однимъ лишь тяготясь, что часто по неволѣ
 Былъ долженъ покидать и карты, и вино,
 (Добро отцовское пропивъ давнымъ давно),
 Что деньги на вино, для картъ, для жизни пьяной
 Пришлось ужъ добывать работою постоальной.

Глазами жадными онъ сталъ глядѣть на всѣхъ;
 Онъ совѣсти не звалъ, законы ставилъ въ смѣхъ,
 Къ чужому вѣчно онъ тянулся съ душой черной,
 Онъ въ морѣ былъ рыбакъ, на сушѣ воръ проворный.
 Причаливъ къ берегу и бросивъ тамъ весло,
 Нерѣдко по ночамъ онъ шелъ на ремесло,
 Нерѣдко, на спину взваливъ мѣшокъ набитый
 Морковью, рѣпою, въ чужихъ садахъ варытой,
 Иль сѣномъ, вырваннымъ изъ чьихъ-нибудь стоговъ,
 Онъ крадся вдоль плетней съ обкраденныхъ дворовъ;
 Такъ, промышляючи нечестными дѣлами,
 Разстался онъ съ людьми какъ съ злѣйшими врагами.

У взморья, подъ скалою, землянку вырылъ онъ,
 Гдѣ былъ его ночлегъ, гдѣ былъ ворами притонъ.
 Но злой душѣ его все не было покою:
 Хотѣлъ онъ властвовать надъ чьей-нибудь душою,
 Хотѣлъ онъ мальчика въ рабы себѣ достать.
 Чтобъ дерзкою рукой безъ жалости терзать,
 И онъ надѣялся, что рано или поздно
 Солданье Божіе найдетъ, чтобъ мучить грозно.

Онъ зналъ, что въ Лондонѣ въ то время былъ народъ—
 Онъ и понынѣ есть!—вербующій сиротъ,—

Народъ безсовѣстный, вербующій къ торговцамъ,
 Въ неволю тяжкую дѣтей, подобно овцамъ,
 Въ неволю худшую чѣмъ за стѣной тюрьмы:
 Такъ очищали тамъ сиротскіе дома!

У этихъ-то людей съ ихъ совѣстью торговой
 Досгаалъ себѣ въ рабы сиротку Граймсъ оуровый.
 И мы хотъ тотчасъ же узнали стороной,
 Что въ синей курточкѣ и шапкѣ шерстяной
 Къ тирану Питеру попался мальчикъ въ свѣти;
 Да кто же знатъ хотѣлъ, какія извергъ плети
 Спалелъ для несчастнаго? какіе вдоль спины
 Ребеака страшные рубцы положены?
 Да кто же спрашивалъ, какъ въ стужу мальчикъ-нищій
 Дрожалъ отъ холода? и сколько въ день онъ пищи
 Отъ Граймса получалъ? Да кто же говорилъ:
 „Послушай, Питеръ Граймсъ, ты парня заморилъ!
 Пріятель, самъ пойми: вѣдь, сытый и свободный,
 Онъ больше вынесетъ трудовъ, чѣмъ рабъ голодный!“ —
 Никто не думалъ такъ; но каждый, слыша плачь,
 Спокойно говорилъ: „Опять за плеть палачъ!“

А мальчикъ, между тѣмъ, за все про все обруганъ,
 Работой изнуренъ, побоями запуганъ,
 Вставая до зари и спать ложась въ слезахъ,
 (Днемъ плакать онъ не смѣлъ!) бѣдняжка чахъ да чахъ.
 Пощады онъ не зналъ: избить, отъ страха блѣдный,
 Онъ отворачивалъ лицо и ночью, бѣдный,
 Рыдалъ наединѣ; а бѣшеный палачъ,
 Хозяинъ, съ радостью услыша дѣтскій плачь,
 Зубами скрежеталъ: теперь онъ могъ удобно
 Созданье Божіе терзать и мучить злобно!

Такъ мальчикъ въ голодѣ, въ нуждѣ, велъ жизнь свою,
 Безъ утѣшителей, одинъ въ чужомъ краю.
 Союзъ не былъ для него отрадой въ жизни трудной,
 Въ немъ голодъ не стихалъ отъ пищи грубой, скудной.
 И вотъ отъ голода онъ началъ воровать,
 Отъ страха предъ ливкомъ привыкъ ребенокъ агать.
 Три года долгіе такихъ страданій длились,
 Потому для мальчика всѣ муки прекратились.

„Граймсъ! какъ же умеръ онъ?“ сталъ спрашивать народъ.
 — Онъ мертвымъ найденъ мной въ постелѣ, молвилъ тотъ.

И, грустный видъ принявъ (онъ даже слезы вытеръ):
 „Да, умеръ бѣдный Самъ!“ сказалъ со вздохомъ Питеръ.
 Однако въ городъ пошла о томъ молва;
 Всѣ стали спрашивать: имѣлъ ли Граймсъ права
 Ребенка измурять работой самовольно,
 Морить отъ голода, наказывать такъ больно?
 Но всѣ сомнѣнія остались безъ улыкъ:

Граймсъ былъ невозмутимъ, къ притворству онъ привыкъ.

Другаго мальчика добылъ онъ также скоро,
 Закабаливъ въ рабы по силѣ договора.
 Какой же былъ конецъ? Разъ ночью на рѣкѣ
 Онъ съ мачты сорвался и потонулъ въ садкѣ,
 Гдѣ рыбу Граймсъ держалъ и гдѣ, какъ полагаали,
 Ребенокъ самъ собой могъ потонуть едва ли.

„Повѣрите, это такъ!“ отвѣтилъ Граймсъ. „Онъ взялъ
 На мачту—мальчикъ былъ повѣса изъ повѣса! —
 Шапиль, да и упалъ оттуда въ люкъ, гдѣ рыба.“
 Здѣсь въ трупѣ указалъ на мѣсто онъ ушиба.

А что жь присяжмые?—У нихъ шелъ долго споръ,
 Но всѣхъ увѣрилъ ихъ спокойный Граймсовъ взоръ.

Освободивъ его, мы строго подтвердили —
 Люкъ крѣпче запирать, чтобъ дѣти не шалили.

И—кто бь подумать могъ?—такой намекъ потрясъ
 Сильнѣе совѣсть въ немъ, чѣмъ строгій нашъ допросъ.

Такъ, вновь оправданный передъ судомъ присяжныхъ,
 Опять пустился Граймсъ искать дѣтей продажныхъ.

И вотъ, по-прежнему задатокъ заплатя,
 Онъ въ третій разъ въ рабы закабалилъ дитя—
 Малаютку милаго, съ лицомъ столь кроткимъ, вѣжнымъ,
 Что стало жаль его и рыбакамъ прибрежнымъ,
 И бѣднымъ женамъ ихъ: всѣ думали, что онъ
 Отъ крови не простой на свѣтъ произведенъ.

„Навѣрно, это сынъ кого-нибудь изъ знатныхъ,
 Который погубилъ въ сѣтяхъ своихъ развратныхъ
 Простую дѣвушку и бросилъ, разлюбивъ.“

Не знаю: этотъ слухъ правдивъ былъ, или лживъ;
 Но дѣло въ томъ, что всѣ пѣвились мы сироткой
 Съ столь добрымъ личикомъ, съ такой душою кроткой.

Со всеми вѣжливымъ, готовый всегда
 Сносить безъ ропота всѣ тягости труда,

Бѣдѣлка! день и ночь работалъ онъ, покуда
 Не изнемогъ совсѣмъ, и вамъ казалось чудо,
 Какъ долго такъ могло столь слабое дитя
 Сносить лишения, всѣ горести шута.
 Но тутъ не безъ причинъ: охотно мы снабжали
 Всѣмъ нужнымъ мальчика, кормили, одѣвали.
 Къ тому жь и грозный Граймсъ, хотъ дерзкою рукой
 И плетью изъ ремней тиранствовалъ порой;
 Однакожъ, прежніе храня въ умѣ примѣры,
 Ударовъ и толчковъ не расточалъ безъ мѣры.

Разъ случай рыбаку на ловлѣ такъ помогъ,
 Что сбыть по мелочи всей рыбы онъ не могъ;
 Тогда продать ее онъ въ Лондонѣ рѣшился.
 Малютка боленъ былъ, но плыть съ нимъ согласился.
 И вотъ! пока рѣкой шелъ ботъ на парусахъ,
 Бѣдѣлка могъ еще скрывать на сердцѣ страхъ;
 Когда же въ бурное они вступили море,
 Онъ въ ужасѣ припалъ къ кобѣнамъ Граймса. Вскорѣ
 Въ ладѣ открылась течь; тутъ вѣтеръ сталъ крѣпчать,
 А море пѣниться и страшно бушевать;
 У Граймса вышелъ ромъ; онъ злобнѣе сталъ вдвое,
 Потомъ—но лучше пусть разкажетъ остальное
 Самъ Питеръ. Онъ сказалъ: „Замѣтивши изъ глазъ,
 Что подмастерье мой слабѣетъ каждый часъ,
 Я, чтобъ помочь ему, сталъ гавани держаться,
 Но къ ней за бурей никакъ не могъ добраться.
 Тутъ рыба у меня заснула, а потомъ
 И подмастерье мой заснулъ послѣднимъ сномъ?“

„О извергъ!“ выслушавъ разсказъ сей въ недоверьи,
 Рыбачки вскрикнули: „Убилъ ты подмастерье!“

Затѣмъ онъ снова былъ потребованъ къ суду,
 Гдѣ, смѣло выдержавъ допросъ судей, въ виду
 Всѣхъ нашихъ горожанъ, онъ всѣмъ на свѣтѣ клаяся,
 Что съ мальчикомъ всегда какъ съ сыномъ обращался.
 Но строгимъ голосомъ ему замѣтили меръ:

„Не смѣй же братъ дѣтей въ прислугу, лицемѣръ!
 Впредь взрослыхъ навимай: ихъ плетъ не испугаетъ
 И каждый станетъ спать и вѣтъ какъ пожелаетъ!
 Свободенъ ты теперь! Но помни: если разъ
 Еще къ намъ явишься, то не пеняй на насъ.“

Но Питеромъ, увы! съ тѣхъ поръ всѣ такъ гушались,

Что ужь работники къ нему не наминались.
 Одинъ онь лодку гребъ и сѣти въ глубь пучинъ
 Одинъ закидывааъ и вынималъ одинъ;
 Ужь больше онь ни съ кѣмъ не драался, не бравшася,
 Одинъ работааъ онь, одинъ вздыхааъ и злиася.

Такъ осудилъ себя угрюмый Питеръ самъ
 Прилива каждый день по цѣлымъ ждать часамъ,
 Глядѣть на грустныя однѣ и тѣ жь картины,
 На чахлые кусты, на топь и заводины;
 Въ приливъ смотрѣть на край, водою помятой,
 Въ отливъ—на тонкій илъ, поросшій осокой;
 Тутъ видѣть, какъ смола отъ зноя солнца таетъ
 И, дуясь въ пузыри, съ бортовъ ладьи стекаетъ;
 Здѣсь въ груды травъ морскихъ, несомыхъ по рѣкѣ
 Волной дѣливою, врѣзаться въ челнокѣ.

Бывало, въ знойный день, когда струею робкой
 Вода на убыли сквозь илъ сочится тонкій,
 Прибитый медленнымъ теченіемъ рѣки
 Къ обоимъ берегамъ на теплые пески, —
 Граймсь, кинувъ якорь тамъ, стоитъ одинъ, угрюмый,
 Потупя голову, и смотреть съ мрачной думой,
 Какъ въ тинистомъ руслѣ чуть движется струя,
 Густая, мутная, какъ черная змѣя;
 Какъ на пескѣ угрей вертлявое отродье,
 Волной забытое, играетъ въ мелководьѣ;
 Какъ слиззи клейкіе, ворочаясь въ пескѣ,
 Влекутся медленно къ сверкающей рѣкѣ.
 Тамъ часто онь лежалъ, взирая соннымъ взглядомъ
 На раковъ, по песку къ водѣ ползущихъ задомъ,
 Иль внемая, какъ кричить печально рыболовъ,
 Какъ звонко въ воздухѣ несется клеткъ ¹ орловъ.
 Когда жь на топь болотъ, другъ другу крикомъ втора,
 Начнутъ со всѣхъ сторонъ слетаться птицы съ моря, —
 Онь слышалъ, какъ, упавъ на дремлющую зыбь,
 Крикъ ужасающій подьземлетъ ночью выпь ².
 Мечтами черными томимъ какъ тяжкимъ грузомъ,
 Нерѣдко онь стоялъ передъ открытымъ шлюзомъ,

¹ „Орли клеткомъ на кости зѣври зовуть.“ Слово о Полку Игоревѣ.

² Выпь или выпь—*Ardea stellaris*, родъ цапли, крикъ которой ищетъ въ себѣ что-то ужасающее, особенно ночью.

Гдѣ, неакою струей сочасъ между досокъ,
 Пѣснь заунывную, шута, журчить потокъ,
 Гдѣ даже бѣгавый взглядъ на воды и на сушу
 Тоской и трепетомъ переполняютъ душу.

Но, кромѣ этихъ сценъ, тамъ три столпки есть,
 Гдѣ Питеръ никогда не смѣетъ стать, ни сѣсть;
 Овъ, приближаясь къ нимъ, всегда свернетъ съ дороги,
 Иль громко запоетъ, душевной полнъ тревоги.

Нигдѣ ужь онъ не могъ прогнать своей тоски.

Разъ въ городъ овъ пришелъ; но братья-рыбаки
 Его не признали, а жены ихъ всѣмъ хоромъ:

„Ну, бьешь ли, Граймсъ дѣтей?“ кричали, встрѣтаясь съ
 воромъ.

И даже уличный шутовской рой дѣтей —

И тотъ, гонимъ за нимъ, кричалъ: „Вонъ, вонъ злодѣй!“

И Граймсъ съ проклятыми, бросая въ нихъ каменья,
 Бѣжалъ изъ города, ища удивенья.

И сталъ овъ снова жить одинъ среди степей,

Которыхъ грустный видъ былъ съ каждымъ днемъ грустивѣй

Весь день на челнокѣ, весь день въ работѣ трудной,

Овъ, забывшій врагъ людей, вздыхалъ въ глуши безлюдной

О братней помощи хоть чьей-нибудь руки,

Чтобъ съти кто помогъ извлечь со дна рѣки,

И жизнь овъ прокаивалъ, гадая, какъ изъ пучины

Хватаетъ чайка рыбъ, а овъ—комки лишь тины.

Болезнь, которую не смѣлъ онъ и назвать,

Тутъ стала съ каждымъ днемъ страдальца посѣщать.

Съ невольнымъ трепетомъ окитался овъ безъ дѣдъ;

Его страшили оны. Не разъ, вскочивъ съ постели,

Овъ вробуждался вдругъ, испугавъ въ часъ ночной

Толпою призраковъ, мечтой души больной, —

Тѣхъ грозныхъ призраковъ, какіе духи ада

Лишь могутъ вызывать для устрашенья взгляда.

Такъ, брошенъ близкими, съ отчаяньемъ души,

Больной, отверженный, влачилъ овъ жизнь въ глуши,

Одиль, вдали отъ всѣхъ; но и въ своемъ недугѣ

При видѣ каждаго овъ вздрагивалъ въ испугѣ.

Прошла зима и вотъ, съ началомъ теплыхъ дней,

Опять въ купальни¹ къ намъ стекалась толпа гостей,

¹ Морскія купальни того приморскаго города, который описывается

Рой праздныхъ странниковъ, что въ зрительныя трубки
 Готовъ весь день смотрѣть на корабли, на шлюпки,
 На приставъ шумную, на лодки рыбаковъ, —
 На все что ново такъ глазамъ не-моряковъ.

Тогда-то на себя сталъ обращать вниманье
 Какой-то лодочникъ. Бездомный, какъ въ изгнаньи,
 То вверхъ, то внизъ рѣки, онъ плавалъ цѣлый день,
 То цѣлый день стоялъ на якорѣ какъ тѣнь.
 Онъ съ виду походилъ на рыбака, хотъ съ лодки
 Онъ не кидалъ сѣтей, не опускалъ наметки.
 Вкругъ лодки плавали стаицы птицъ морскихъ,
 Но онъ не обращалъ вниманія на нихъ.
 Какъ будто въ чудный сонъ глубоко погруженный,
 Онъ взоръ бессмысленный впередъ въ потокъ бездомный,
 Какъ человекъ, чей умъ опутанъ духомъ зла,
 Влекущимъ мысль его на страшныя дѣла.

То былъ нашъ Питеръ Граймсъ! Къ нему пришли матросы;
 Кто утѣшалъ его, кто предлагалъ вопросы,
 Кто говорилъ: „Пора покаяться во всемъ!“
 При этомъ словѣ ихъ, смутилось сердце въ немъ;
 Онъ вздрогнулъ, бросилъ ботъ и, ужасомъ гонимый,
 Сталъ рыскать по полямъ какъ звѣрь неукротимый;
 Но, вскорѣ пойманный и наглою толпою
 Гонимый, помѣщенъ въ больницѣ городской.

Всегда готовая на помощь ближнимъ, жена
 Прибрежныхъ рыбаковъ, услышавъ крикъ и стоны
 Того, кто былъ для нихъ какъ извергъ нестерпимъ,
 Забывъ тутъ ненависть, вдругъ сжалилась надъ нимъ.
 Страшна казалась имъ, достойна сожалѣнья
 Судьба свершившаго такія преступленья!

Онъ-то съ ужасомъ и рассказали мнѣ
 О всемъ, что слышали, что видѣли онъ.
 „Взгляните сами, сэръ! Какой онъ страшный, блѣдный!
 Всемъ тѣломъ онъ дрожить! Ахъ! какъ онъ боленъ, блѣдный!
 Онъ спитъ; а между тѣмъ, не закрывая глазъ,
 Съ безумной яростью въ бреду глядитъ на насъ.
 Потъ градомъ льетъ со лба... Взгляните, чтозамуки!
 Съ какою силой сжалъ костявыя онъ руки!“

Я сталъ съ нимъ говорить; но рѣчь его была
 Полна намеками на страшныя дѣла.
 Онъ бормоталъ; „Нѣтъ! нѣтъ! не я виновникъ смерти!
 Онъ самъ себя убилъ! Онъ въ люкъ упалъ, повѣрьте!...
 Снимите жь дѣпи съ ногъ!“ проговорилъ онъ въ саухъ;
 „Отецъ?... онъ не былъ тамъ; зачѣмъ же грозный духъ
 Межъ обвинителей садится тамъ на лавку?
 Зачѣмъ я приведенъ съ нимъ на очную ставку?...
 Милордъ, помилуйте! Ужель казнить меня?
 Ахъ! отложите казнь до завтрашняго дня!...“

Утихнувъ, онъ хотѣлъ встать, чтобъ помолиться,
 Но такъ ослабъ, что самъ не могъ пошевелиться;
 Все что-то бормоталъ, и съ ужасомъ въ лицѣ
 Стоналъ и вздрагивалъ какъ при своемъ концѣ.
 Большими каплями потъ по лицу катился,
 Предсмертной влагою потухшій взоръ покрылся,
 Но онъ еще былъ живъ и съ кѣмъ-то неземнымъ
 Вслаухъ разговаривалъ. Столпившись передъ нимъ,
 Стояли мы; но онъ казался безъ сознанья,
 Иль съ умысломъ на насъ не обращалъ вниманья,
 Стараясь тайну скрыть преступныхъ думъ своихъ,
 Хотя мы видѣли изъ словъ его пустыхъ,
 Что совѣсть спящая въ немъ пробуждалась чутко:
 Тѣ былъ безумца бредъ, но съ проблескомъ разсудка.

„Постойте!“ онъ кричалъ: „я все открою самъ
 Съ тѣхъ поръ, какъ въ первый разъ явился онъ глазамъ,
 Онъ—лютый мой отецъ, который даже въ гробѣ
 Хотѣлъ попрежнему меня тревожить въ злобѣ!...
 Былъ страшно-знойный день. Живя въ моей глуши,
 Давно я не встрѣчалъ нигдѣ живой души.
 Я сѣть закидывалъ, но не ловилась рыба —
 По милости его, за все ему спасибо!
 По милости его, съ тѣхъ поръ, какъ умеръ онъ,
 Не стало счастья мнѣ, пропалъ покой и сонъ!
 Измученный, я сѣлъ и сталъ глядѣть сквозь слезы
 На два рѣки и впалъ, казалось, въ сонъ и грезы.
 Но это не былъ сонъ... О нѣтъ! Передо мной
 Три грозныхъ призрака возстали надъ волной.
 Одинъ—былъ мой отецъ; другіе два, съ нимъ рядомъ,—
 Мальчишки блѣдые, подосланные адомъ.
 Надъ зыбью мутныхъ волнъ и не касаясь ихъ,

Мельками образы пришельцевъ неземныхъ.

Я подвѣлъ въ нихъ весло; но духи съ злой улыбкой,
Скользнувъ изъ-подъ него, исчезли въ влагѣ зыбкой.

„Съ тѣхъ поръ, лишь только въ гаубь закину сѣти, галды—
Старикъ и мальчики являютя опять.

Уйдите! сгиньте съ глазъ! я имъ кричу—напрасно!

Они стоятъ себѣ и смотрятъ такъ ужасно!

Куда ни отвернусь, куда ни поплыву,

Они вездѣ со мной, вездѣ ихъ на яву

Я вижу—всѣхъ троихъ; все манятъ въ омутъ темный,

Все слышится въ ухахъ призывъ ихъ вѣроломный.

И этакъ каждый день, отъ утренней зари

И вплоть до вечера, являютя всѣ три;

Весь день зовутъ меня, весь день видѣя проходу

Мнѣ не даютъ, кричатъ: „къ намъ! къ намъ скорѣе въ воду!“

„Отцы... въ нихъ жалость есть, а этотъ знай стоять,

Трасеть сѣдинами и взглядомъ леденить!

Весломъ ударю я, въ волнахъ раздастся глухо

Тяжелый чей-то стонъ, а все я вижу духа!

Я стану умолять—„А кто возмилъ мнѣ ножъ?“—

Онъ съ гнѣвомъ говорить, но говорить онъ ложь.

Случилось, правда, разъ, что я за оскорбленья

Хотѣлъ убить его въ порывѣ изступленья;

Но это вѣдь давно случилось и притомъ,

Тогда я сжалился надъ дряхлымъ старикомъ.

За чтò жь, безжалостный, за чтò, мучитель лютой,

Онъ самъ мнѣ не даетъ покоя ни минуты?

„Есть по теченію рѣки три мѣста: тамъ

Они являютя всегда моимъ глазамъ—

Мѣста проклятыя, о какъ ихъ ненавижу!

Какіе ужасы тамъ днемъ и ночью вижу!

Вотъ къ этимъ-то мѣстамъ, по волѣ ихъ, не разъ

Я долженъ былъ грести, съ нихъ не опуская глазъ.

Снуютъ проклятые, толкутся предо мною,

Кричатъ: „къ намъ въ воду! къ намъ!“ и тапуть за собою—

Два бѣса, мальчики, и грозный мой тиранъ,

И съ громкимъ хохотомъ скрываются въ туманъ.

„Однажды, въ страшный зной, когда мои мученья,

Казаось, превзошли предѣлы всѣ терпѣнья,

Явился мнѣ отецъ и, какъ всегда, привелъ

Съ собой двухъ мальчиковъ, невыразимо злыхъ.

О! никогда еще не представляли гости
 Въ глазахъ сверкающихъ такой бѣсовской злости!
 Поволѣ ихъ, опять берусь я за весло;
 Гребу; мнѣ больше силъ: такъ сердцу тяжело!
 Тутъ по волнамъ рукой провелъ старикъ, и пламя
 И кровь вдругъ хлынули, какъ огненное знамя,
 Изъ закипѣвшихъ волнъ, и обдалъ онъ меня
 Горячей влагою изъ крови и огня.
 Она палитъ меня, жжетъ мнѣ лицо и руки,
 Какъ будто демонамъ я отданъ былъ на муки.
 Когда жь очнулся я отъ боли, валъ волной,
 Глажу, стоятъ они, какъ прежде, предо мной.
 „Смотри сказалъ отецъ, и вдругъ въ рѣкѣ вспѣвающей
 Пучина черная раскрыла зѣвъ бездонный.
 О! что я видѣлъ тамъ, какой тамъ слышалъ крикъ—
 Того не выразить ни чей земной языкъ!
 „Такъ будетъ каждый день! такъ будетъ вѣчно, вѣчно!“
 Сказалъ злой духъ. „Томись и мучься безконечно!“
 Сказалъ и скрылся съ гласъ!...“

Тутъ, ужасомъ объять,

Несчастный вдругъ замолокъ, бросая дикій взглядъ
 На женщинъ трепетныхъ, которыя блѣднѣли
 Отъ страшныхъ словъ его, тѣсясь къ его постели.
 Потомъ, утративъ рѣчь, и зрѣніе, и слухъ,
 Казалось, онъ заснулъ; но вскорѣ адскій духъ
 Имъ слова овладѣлъ. Открывши страшно вѣки,
 Онъ вскрикнулъ: „вотъ они!“ и—замолчалъ на вѣки.

ДМИТРІЙ МИНЪ.

РАЗКАЗЫ

ГОСПОЖИ ДЕ-ГАСПАРЕНЬ.

Намъ рѣдко приходится упоминать о текущихъ явленіяхъ французской беллетристики, о французскомъ романѣ и повѣсти, хотя произведенія этого рода каждый мѣсяцъ являются и умираютъ во Франціи цѣлыми десятками. Но въ чистой области искусства, эти созданія французской фантазіи оказываются, къ сожалѣнію слишкомъ часто, патологическими явленіями и признаками болѣзни въ томъ обществѣ, которое ими питается, требуетъ ихъ и возбуждаетъ ими свои разстроенные инстинкты. Исторія французской беллетристики въ послѣднее время представляетъ цѣлый рядъ такихъ болѣзненныхъ явленій. Отъ времени до времени случается встрѣтить и здѣсь произведеніе писателя съ чистымъ, неиспорченнымъ вкусомъ, не привыкшаго робѣшно подчиняться вкусу и требованіямъ массы; но такіа произведенія пропадаютъ безъ слѣда и оцѣниваются не многими. Большинство читающей публики ищетъ не наслажденія искусствомъ, а чувственнаго возбужденія, соблазнительныхъ картинъ, сентиментальности, соціальныхъ тенденцій и наме-

ковъ политическихъ; этимъ объясняется успѣхъ, многихъ французскихъ романовъ, которые въ отношеніи къ искусству стоять далеко ниже посредственности, а въ нравственномъ отношеніи идутъ иногда гораздо далѣе черты неприличнаго и оскорбительнаго. Отъ романовъ Фредо и Дюма-сына до послѣдняго произведенія Виктора Гюго, во всѣхъ знаменитыхъ произведеніяхъ французской беллетристики послѣдняго времени слышится одинъ и тотъ же фальшивый тонъ, бьетъ она одна и та же лихорадочная струя больной, возбужденной крови. Въ нихъ встрѣчаются блестящія страницы написанныя горячимъ перомъ, вылившіяся изъ сердца; но читаешь ихъ, какъ будто говоришь съ человѣкомъ, который, благодаря живости своего воображенія, способенъ настроить себя на всякій ладъ, только *своего* строя не имѣть въ себѣ и никакого строя крѣпко не держать: не слышишь той силы, которая пріобрѣтается глубокимъ самопознаніемъ и цѣльностью жизни, мысли и дѣятельности. Слышишь, напримѣръ, бьетъ будто живымъ ключомъ религиозное чувство, выливается простою, трогательною рѣчью; но перевернешь страницу, и убѣждаешься, что писатель былъ только растроганъ на эту ноту, когда писалъ свою одушевленную страницу, что религиозное чувство у него—только случайное движеніе, а не глубокое, руководящее жизнью вѣрованіе. Видишь горячее сочувствіе страданію и бѣдности; но черезъ минуту удостовѣряешься, что и это не болѣе какъ лирическій порывъ, что это чувство тоже держится на воображеніи, а не коренится въ сердцѣ исполненномъ истинной любви къ человѣку, потому что оно сливается съ бессмысленною ненавистью къ доволъству и богатству, съ дикимъ негодованіемъ противъ всякаго уставовленія, съ безумнымъ отрицаніемъ той естественной связи между причиною и слѣдствіемъ, безъ которой миръ стоять не можетъ. Встрѣчаешь выраженія высокаго чувства, тонкія черты характера, картины и сцены, которыя могли быть изображены только мастерскою рукой художника, но рядомъ слышится фальшивая нота показывающая, что въ душѣ художника не было цѣльнаго идеала. Фантазія его создаетъ себѣ идеалъ и поклоняется имъ, но въ то же время не вѣритъ въ нихъ, и позоритъ предметъ своего поклоненія; удивляется и вѣруетъ, и въ то же время смѣется съ какимъ-то безстыдствомъ

надъ тѣмъ во что вѣрить и чему удивляется; ивлекается изъ тайниковъ души самыя тонкія, самыя сокровенныя черты: глубокаго чувства, какъ будто для того только чтобы выставить ихъ на позоръ диллическому сомнѣнію...

Во всей этой массѣ страшныхъ пороженій французской фантазіи, хорошо если изрѣдка встрѣтишь произведеніе, въ которомъ сказывается талантъ хотя и не первостепенный, но облачающій въ авторѣ цѣльность идеала, глубокую вѣру въ него и горячую любовь къ своему созданію. Мы хотимъ указать на одинъ изъ такихъ второстепенныхъ талантовъ, недавно появившійся во французской литературѣ. Годъ два тому назадъ появилась небольшая книга съ довольно причудливымъ названіемъ: *Дальніе горизонты* (*Les Horizons lointains*), безъ имени автора, но скоро огласилось, что авторъ—женщина, и протестантка, госпожа де-Гаспаренъ. Эта книга скоро обратила на себя вниманіе всѣхъ, кто еще не испортилъ своего вкуса привычкою къ произведеніямъ модныхъ французскихъ авторовъ, и выдержала до пяти изданій.

Въ нынѣшнемъ году появилось сочиненіе того же автора, въ томъ же родѣ, подъ названіемъ *Вечерняя Звѣзда* (*Vesper*), и имѣло такой же успѣхъ.

Обѣ эти книги представляютъ рядъ небольшихъ разказовъ, взятыхъ изъ обыкновенной жизни; но почти въ каждомъ разказѣ авторъ затрогиваетъ одну изъ самыхъ основныхъ струвъ сердца и обнаруживаетъ замѣчательную тонкость чувства и силу вѣрованія, такъ что читатель поневолѣ задумывается о себѣ и обо многихъ явленіяхъ вседневной жизни, мимо которыхъ часто проходилъ равнодушно. Госпожа де-Гаспаренъ пишетъ прекрасно, и лучшіе изъ разказовъ ея изяществомъ языка и поэтическихъ описаній напоминаютъ извѣстныя идилліи Жоржъ Самда: *La petite Fadette* *La Mure au Diable*, съ тою разницей, что у нашего автора видимъ только очеркъ того что Жоржъ Самдъ развила бы можетъ-быть съ большею силою и живостью въ полной картинѣ. За то, съ другой стороны, самая краткость очертаній въ разказахъ г-жи де-Гаспаренъ усиливаетъ иногда впечатлѣніе производимое ими на читателя, сосредоточивая его на немногихъ, рѣзко и живо очерченныхъ образахъ или на одномъ характеристическомъ моментѣ дѣ-

ствія, въ которомъ выражается мысль разказа. У г-жи де-Гаспаренъ нѣтъ безличныхъ фигуръ; всѣ лица ея живутъ передъ читателемъ, и надолго остаются у него въ памяти; въ нихъ видна рука художника, не списывающаго съ натуры, но ооздающаго характеры до того вѣрныя, что читатель какъ будто самъ видалъ или встрѣчалъ гдѣ-то описываемое лицо. Этой живости много способствуетъ мѣстный колоритъ, которымъ проникнута бѣльшая часть разказовъ: видно, что авторъ не выдумываетъ своихъ героевъ, которые на половину принадлежатъ къ классу крестьянъ, ремесленниковъ и мелкихъ землевладѣльцевъ, но жилъ вмѣстѣ съ ними, дышалъ однимъ съ ними воздухомъ и умѣлъ глубоко познать все что ихъ занимаетъ, интересуетъ и волнуетъ въ ежедневной ихъ жизни. Въ разказахъ часто встрѣчаются описанія природы, но эти описанія, не смотря на нѣкоторую длину, не утомляютъ читателя именно потому что авторъ не подбираетъ черты своей картины, а сообщаетъ въ ней свое цѣльное впечатлѣніе со всею любовью и со всѣмъ одушевленіемъ истиннаго художника, и каждой картинѣ придаетъ особенный, мѣстный колоритъ ея.

Всѣ эти разказы проникнуты глубокимъ религиознымъ чувствомъ; это обстоятельство ни сколько не вредитъ ихъ художественному достоинству. Известно какъ часто случается противное у писателей беллетристовъ съ религиознымъ направленіемъ. Это происходитъ конечно не отъ того, что религиозное чувство само по общѣ не уживается съ художественнымъ элементомъ: всякое чувство простое, истинное глубокое, имѣетъ въ себѣ красоту; но не всякій писатель способенъ, во внѣшнемъ выраженіи, держать свое чувство на высотѣ художественнаго строя. Для этого необходимо, чтобы чувство перешло въ душѣ черезъ работу внутренняго сознательнаго опыта и возвысилось до идеи, свободно и спокойно проникающей душу художника: если религиозная идея не выработалась въ немъ до этого состоянія, то нельзя и ожидать, чтобы онъ могъ выдержать ее въ стройной художественной формѣ. Отъ того художественная критика такъ рѣдко удовлетворяется (особенно во французской литературѣ) произведеніями извѣстными подъ именемъ религиозныхъ романовъ и повѣстей, Большаю частію случается, что въ нихъ звучитъ какая-то

фальшивая художественная нота, слышится какая-то задняя мысль чуждая искусству, узкая тенденція или крайняя ревность чувства не по разуму и не въ мѣру: читаешь будто сочиненіе, писанное на заданную тему, а не свободное созданіе художника. Госпожа де-Гаспаренъ умѣла почти вездѣ избѣгать этихъ недостатковъ, и въ религіозномъ строѣ ея разказовъ слышится правда; видно, что чувство которое въ нихъ выражено, не случайно навѣяно на душу, возбужденую извѣстными поэтическимъ образомъ, а живетъ въ ней и горитъ своимъ огнемъ: въ немъ нѣтъ ни претензіи на учительство, ни узкаго сектаторскаго взгляда; только въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ принимаетъ оно слишкомъ мистическій характеръ, оно измѣняетъ себѣ, перестаетъ быть простымъ и портитъ художественное достоинство произведенія: таковъ напримѣръ послѣдній разказъ ея, подъ названіемъ *Emmanuel*, въ которомъ захотѣла она подражать тону одной изъ сказокъ *Готторна*, и подражаніе вышло очень неудачное.

Разказы г-жи де-Гаспаренъ нельзя назвать повѣстями: это скорѣе образы, очертанія, картины; но видно, что каждый изъ этихъ образовъ, встрѣченныхъ авторомъ на пути, дорогъ ей какъ событіе жизни, какъ минута глубокой мысли и душевнаго чувства. Вотъ что она говоритъ сама о своихъ разказахъ въ предисловіи къ *Дальнимъ горизонтамъ*.

„Ночь подходитъ къ концу; много звѣздъ, блуждавшихъ на моемъ небѣ, скрылось за горою; остальные уже блуждаютъ передъ зарей. Мысль моя возвращается къ первымъ часамъ вечера; она останавливается на простыхъ лицахъ, которые по дорогѣ встрѣчались со мною. Отъ вечернихъ часовъ дышетъ на меня испареніями весны, какими-то ароматами, какою-то свѣжестью росы оживляющею сердце. Не всѣ эти образы сіяютъ молодостью, не всѣ блещутъ красотою: нѣтъ, въ нихъ только очарованіе истинны. Точно въ картинахъ старыхъ мастеровъ, ясныя, простые черты выступаютъ на прозрачномъ, свѣтломъ полѣ.

„Я люблю прошедшее: его образы и событія, для меня, какъ будто покидаютъ земную страну нашу, и возвышаются далеко въ ясную, воздушную среду, которая придаетъ имъ красоту невыразимую.

„Покуда не всталъ еще день, покуда не озарилъ меня яркимъ свѣтомъ, на минуту я останавливаюсь: взоръ мой слѣдитъ за тѣнями, которымъ скоро ужъ исчезнуть, встрѣ-

часть образы: изъ нихъ одни чистые и привлекательныя, другіе печальныя; одни поютъ апрѣльскія пѣсни, другіе думаютъ зимнюю думу; одни одѣты тайной; другіе рисуются одною чертой и глядятъ знакомымъ, ежедневнымъ явленіемъ. Между ними есть пейзажи; иногда два-три дерева, два-три листочка, и яркое небо, будто одна изъ тѣхъ рамокъ, въ которыхъ Перуджино ставилъ свои святые семейства; другой разъ, густой лѣсъ, густая іюльская трава, множество цвѣтовъ, множество пѣсень въ зеленыхъ вѣткахъ.

„Вотъ на что хочется мнѣ любоваться, вотъ надъ чѣмъ хочется задуматься, покуда длится еще неопредѣленный часъ, часъ который убѣжитъ скоро передъ приходомъ свѣтлаго утра.

„Ничего не найдетъ здѣсь любитель полезнаго, такъ-называемый реалистъ; ничего не найдетъ охотникъ до драмы, ничего тонкій знатокъ; если здѣсь есть что-нибудь, то, правду сказать, только для меня и для подобныхъ мнѣ, для мечтателей кому немного нужно, кого пугаетъ большая поэма, кому довольно упасть на полуоткрытую чашечку цвѣтка, на какой-нибудь силуэтъ полевого міра, чтобы завестись безъ конца свою пѣсню.

„Стоитъ разъ начать, конца не видно. Что это такое? и сама я не могу дать отвѣта. Это не картины; повѣсти еще того менѣе. Что-то невѣдомое поетъ внутри насъ; чѣмъ дальше идешь, тѣмъ звучнѣе и полнѣе раздается голосъ, и часто слышишь какъ самыми идеальными мелодіями вторить онъ самымъ будничнымъ мелочамъ, самой прозаической жизни. Какой-то мастеръ рисуетъ въ насъ; глаза наши перебѣгаютъ по улицѣ отъ мелочной лавочки къ ставкѣ виноторговца, а этотъ мастеръ рисуетъ намъ зелень луговъ, зелень лѣсовъ, густое золото вечерней зари, блѣдное золото зари утренней, и всему даетъ духъ жизни, духъ поэзіи. Какой-то невѣдомый собесѣдникъ живетъ съ нами: въ тѣ часы когда тоославно бродишь въ мірѣ, одолаваемый скукою, которую давить насъ случайная обстановка жизни, онъ заговариваетъ съ душой странными рѣчами, и эти рѣчи исполнены какой-то суровой гармоніи. Не пойметъ ихъ вашъ знакомый, который ведетъ съ вами въ эту минуту разговоръ о дѣлѣ или иной разъ о бездѣльи; въ тѣ часы когда у васъ на умѣ важный интересъ житейскій, когда васъ занимаетъ какой-нибудь вопросъ о непрерывно-доход-

ныхъ билетахъ,—сами вы не понимаете этихъ рѣчей и готовы считать ихъ за дикую фантазію; и все-таки эти рѣчи васъ очаровываютъ, ублаживаютъ, переносятъ въ тотъ ливній край, гдѣ бы жить, гдѣ бы умереть хотѣлось.

„Вотъ о чемъ хочется мнѣ разказать вамъ.

„Пусть рука моя будетъ неискусна, пусть иной разъ задрожитъ голосъ; пусть иной разъ оборвется бѣдный поэтъ, испугавшись своей смѣлости; выставитъ цыпную афишу, и дастъ жалкое представленіе. Пусть. Въ этой исторіи каждый читатель будетъ авторомъ. На мой лепетъ вы сами отзоветесь пѣсней; а поведу васъ и можете быть брошу на дорогѣ; но проснется вашъ геній, и унесетъ васъ на крыльяхъ туда, куда я не сумѣла бы добрести.“

Чтобы дать понятіе читателямъ о характерѣ сочиненій г-жи де-Гаспаренъ выбираемъ два разказа. Ихъ можно, пожалуй назвать идилліями. Послѣдній изъ нихъ: *Филемонъ и Баккида*, можетъ-быть напомнитъ читателю то впечатлѣніе, которое испытывалъ всякій при чтеніи *Старосветскихъ Помѣщиковъ* Гоголя.

I. Бѣдняга.

Бѣднякъ, и кромѣ того уродъ,—такой, какимъ можно быть развѣ тому, у кого ума много, а у ~~кто~~ ума не было.

Отецъ у него бѣжалъ деревенскій баптичникъ, хитрый, себѣ-на-умѣ; большой хвостуль, охотникъ играть на скрилкѣ въ досужее время. Глядѣлъ онъ какъ-то изъ-подлобья, бродячимъ взглядомъ, сѣрые глаза будто бѣгали подъ рѣсницами; въ чертахъ лица еле-еле отыщешь душу, — и те чуюшь что-то измѣнчивое, скользящее, бѣглое, точно увидѣлъ змѣю подъ сухими листьями. У себя дома онъ былъ крутъ; говорилъ рѣзкимъ, отрывистымъ голосомъ.

По праздникамъ, въ дурную погоду, онъ прилежно читалъ все одну и ту же книгу, старый фолиантъ 1600 года; тутъ ничего не было кромѣ формулъ и рецептовъ полумедицинскихъ, полумагическихъ: на долю Альберта Великаго приходилось тутъ больше чѣмъ на долю Эскулапа. Надѣваетъ очки на носъ, и все читаетъ, все разбираетъ. За это въ деревнѣ прозвали его знахаремъ. То тотъ

то другой, и все къ ночи, зайдетъ къ нему, попросить лѣкарства, кто для коровы, кто для жены. За совѣтъ приносили ему колбасу, приносили бутылку вина: послѣднее считалось выгоднѣе, и бутылку распивали въ кабацѣ.

Стѣило посаушать, что за исторію разказывалъ имъ лѣкаръ, и какъ разказывалъ! Одна чудеснѣе другой: о порченной скотинѣ, и какъ любовь напускають съ вѣтру, и какъ людей портятъ: крестьяне слушали его разинувъ ротъ. Уходятъ потомъ, покачивая головой и думаютъ: вотъ голова мудреная.

Если онъ и не былъ колдуномъ, то имѣлъ особенную способность ко всякому художеству: коли понадобится, онъ и землебръ, онъ и столяръ, онъ и телѣжчикъ, онъ и стрѣлокъ. Да онъ колдунъ! говорили крестьяне. Нашъ башмачникъ думалъ: пусть ихъ говорятъ и смѣялся втихомолку беззвучнымъ смѣхомъ, отъ котораго ни одна черта на лицѣ не мѣнялась.

Добывалъ онъ себѣ не мало; но ничего, или почти ничего не оставалось у него, потому что все тратилось тотчасъ же. По словамъ его, виновата была жена; нѣтъ у ней ни порядка, ни достатка; никакого запаса нѣтъ: веряха! Онъ безпрестанно ей самой твердилъ это: бѣдныя не смѣла взглянуть на мужа; она увѣрена была, что одинъ ея взглядъ приводитъ мужа въ досаду. Отъ природы глуповатая, она наконецъ стала совсѣмъ растерянная, запуганная, неумѣлая, какъ всѣ, кто ничего не слышитъ кромѣ брани. Жила она постоянно во враждебной атмосферѣ: отъ мужа постоянно, когда негрубая брань, то грубая насмѣшка. Всѣ ея движенія были какія-то неуверенныя, несвязныя; постоянный страхъ не такъ или не то сдѣлать; мѣшала ей думать о томъ что было у нея въ рукахъ; руки у нея часто тряслись, хоть до старости было еще далеко; взглядъ тоже былъ бродячій, всегдашняя болѣзнь мѣшала ей глядѣть прямо.

Дома у нея—впрочемъ что у нея было свое? никогда не случалось ей сказать: *моя постель, моя кухня!*—дома у нея все было грязно, все въ безпорядкѣ. Она мела и мыла, особенно въ первые годы замужества; но у нея мысли не было, не было того покою, который даетъ возможность располагать тѣмъ что дѣлаешь. Мысли, или лучше сказать, обрывки мыслей только вертѣлись у ней въ головѣ, будто сильный вѣтеръ разносилъ ихъ. Съ каждымъ годомъ все истощалась

ея дѣятельность; разсудка не прибывало ей; она все больше и больше терялась и падала духомъ.

Бессознательно и смутно поняла она, что чѣмъ меньше видеть ее мужъ, тѣмъ ей покойнѣе, и показывалась какъ можно рѣже, — выходила только тогда, когда ужь нельзя было не двинуться по нуждѣ хозяйства. Утромъ брела къ колодцу, повязавъ голову старымъ платкомъ, въ старой накидкѣ, въ старой юнкѣ; вло, нехотя перемывала у колодца картофель, потомъ ворочалась домой, ставила горшокъ на огонь кое-какъ, кое-гдѣ, привнималась шарить по кухнѣ половую щеткой. Чуть заслышитъ гдѣ голосъ мужа, вся оторопѣетъ: вода у нея прольется, щетка выпадетъ изъ рукъ. Потомъ, окончивъ свое дѣло, усядется гдѣ-нибудь въ углу потемнѣе, на камнѣ у печки, и цѣлые часы просидитъ безъ движенія.

Въ той же комнатѣ и мужъ сидѣлъ, возился съ своимъ товаромъ: точаетъ башмаки, и такъ косо, недружелюбно взглянетъ на нее изъ-подъ очковъ своихъ, когда она вздумаетъ подняться и выйти за порогъ. Отъ того она и выходила только по крайней нуждѣ. Таковъ былъ домашній бытъ башмачника.

Посреди этого быта выросалъ сынъ.

Отецъ, большой книжникъ, съ причудами, захотѣлъ назвать его Улиссомъ. Нельзя было придумать прозвища, которое бы такъ мало шло къ ребенку. У отца разыгралась фантазія надъ сыномъ: жена не удалась; авось удастся сынъ: ему казалось изъ сына Богъ знаетъ что выйдетъ, выйдетъ ловкій парень, выйдетъ чуть не баринъ! А мать выродила сына на свой образецъ.

Когда онъ сталъ подрастать, вышла растрепанная голова, вышла пара вытаращенныхъ глазъ,—блѣдныя, безцвѣтныя, испуганныя какъ у матери, неопредѣленные какъ у отца. Подъ глазами, самый невѣроятный носъ трубою, ротъ отъ уха до уха; длинныя-длинныя корявыя ноги, неуклюжее туловище и руки такого размѣра, что развѣ особенная ловкость могла бы заставить забыть о ихъ величинѣ. А будь эти руки короткія какъ крылья у пингвина, хуже бы казалось не было: такія онѣ были неловкія.

Одно только, по наслѣдству ли отъ отца, по врожденной ли простотѣ сердца,—что ни дѣлалъ Улиссъ, все дѣлалъ съ невозмутимую увѣренностью. Правда, все выходило плохо,

но за все принимался онъ съ большою охотой. Возьмется за чашку—чудо если не разобьется; захочетъ подвинуть стулъ—уровнитъ непременно; станетъ вздувать огонь—надуетъ пеплу въ кастрюлю; вздумаетъ подложить коровъ сѣна—непретѣнно выкололъ бы ей глазъ вилами, еслибъ умная скотина, которая съ дѣтства знаетъ его, не догадалась повернуть голову. Ничто его не смущало; и когда отецъ, все еще не рѣшаясь признать въ сынѣ природную, неисправимую неловкость, посылалъ ему вслѣдъ, изъ-за своего руководства, кучу бранныхъ словъ безъ выбора, Улиссъ только обернется, посмотритъ на отца съ удивленіемъ—что такое? подкинеть ногой, повернетъ плечо какимъ-то особеннымъ манеромъ, и разразится добродушнымъ смѣхомъ невѣдвія.

Въ школѣ удачи ему было не больше „Ну, замкнулся опять,“ говорилъ про него учитель. И точно, замкнулся Улиссъ; потомъ насилу, насилу разомкнулся надъ буквами, потомъ надъ слогами замкнулся снова такъ что ни за что не отпрешь. Между слогами и словами оказалась бездна: она такъ и осталась бездною. Съ ариметикою происходило тоже самое. Улиссъ зналъ, что если взять яблоко, да еще пару, выйдетъ три яблока; что если два яблока отниметь у него сынъ шиккаря, ему останется только одно яблоко; но попробуйте эту исторію написать на цифрахъ, его точно ошеломило чѣмъ, приперло, пригвоздило; онъ стоитъ растерянный передъ черною доской, смотритъ въ ужасной тревогѣ на бѣлые знаки, переминается на длинныхъ ногахъ то въ ту сторону, то въ другую; жметъ въ пальцахъ кусочекъ мѣла, потомъ тѣми же пальцами измажетъ себѣ лицо; вся школа помираетъ со смѣху, и учитель ставитъ Улисса на колѣни за дверью.

На воскресенье то и дѣло былъ онъ подъ наказаньемъ. Въ катихизисѣ, гдѣ ему было дорости до великолѣпныхъ отвѣтовъ самаго отвлеченнаго свойства, отвѣтовъ, которые надо проговорить разомъ, глазомъ не моргнувши! Улиссъ скажетъ первую половину первой фразы, и станетъ; дальше идти онъ былъ не въ силахъ. Правда, что эти слова повторялъ онъ пять, десять разъ сряду, повторилъ бы и двадцать и тридцать разъ, не двигаясь, точно околдованный, еслибъ учитель своею данью не снималъ съ него заклетія.

А отецъ говорилъ: „Ну, придетъ когда-нибудь! Вѣдь не дуракъ же онъ въ самомъ дѣлѣ!“

Не приходило однакожь. Улиссъ выросталъ въ наказаніи: съ одной стороны линейка учителя (ужь какъ онъ зналъ эту большую четверугольную линейку, какъ она ходила и по рукамъ его и по спиамъ!) съ другой стороны отцовскіе пинки чѣмъ попало, и рукой, и ногой. И все-таки не приходило.

Онъ оставался все на одномъ мѣстѣ; съ тупою головою; немного что удалось заучить, и то заучилъ какъ попугай. Сердцемъ не золь, ко всѣмъ довѣрчивъ, и всегда съ такимъ самодовольнымъ видомъ какъ будто стоить ему захотѣть, всѣхъ заткнетъ запоясь.

Отцу начала приходиться ужасная мысль, ужь не простофиля ли у него сынъ. Онъ упирался однакожь крѣпко, сперва изъ гордости, потомъ по инстинкту почти животной обязанности къ своему рожденію. Отецъ зналъ себя; зналъ, что съ той минуты какъ надежда на сына исчезнетъ, сынъ станетъ ему ненавистенъ; эта мысль была ему противна, и онъ до послѣдней возможности держался за мечту свою. Только на жену сталъ съ тѣхъ поръ коситься еще больше прежняго.

Матери хотѣлось бы любить своего сына. Но силы не было; пружина сломалась; когда его били, она страдала тѣмъ тупымъ страданіемъ, которое не можетъ, не умѣетъ вступить; только страдала, и ничего больше.

Отецъ его сомнѣвался, а для мальчиковъ, товарищей Улиссовыхъ, тупость его была дѣло рѣшеное. Имъ забавлялись, съ нимъ обращались какъ съ чучелой, хотъ и не очень мучили его, потому что весь интересъ былъ только въ забавѣ. Надъ нимъ издѣваются, а ему же и любо; онъ всему вѣрилъ съ удивительною простотою; всегда веселъ и въ духѣ; надъ нимъ помираютъ со смѣху, и самъ онъ смѣется въ запуски со всѣми. Удача ли, неудача ли, все ему ни по чемъ, все принималъ онъ спроста. Безъ Улисса и праздникъ былъ не въ праздникъ. Его всегда звали, совали впередъ и съ нимъ двухъ ассистентовъ, которые должны были его натравливать на что угодно. Улиссъ плавалъ въ блаженствѣ; ему казалось что онъ и умѣе всѣхъ, и ловче всѣхъ; его заставляли вѣрить всему на свѣтѣ, и онъ вѣрилъ въ свою красоту, въ свою храбрость. Но въ этомъ тщеславіи не

было никакого лукавства. Оно происходило не отъ гордости, а отъ безграничнаго довѣрія, отъ врожденной простоты, которую не могло сокрушить никакое отрезвленіе. Сегодня надуютъ его, и онъ не сердится нисколько, — и завтра готовъ опять на то же.

И заставляли же его выдѣлывать штуки, когда собирались на дворѣ стараго замка молодые ребята и дѣвушки! Вотъ было смѣху! Счастливые были эти дни для Улисса, славные дни. Стоило посмотрѣть какъ онъ являлся, выступая на своихъ ходуляхъ, откидывая впередъ ногу, и отвѣчалъ своимъ утивымъ смѣхомъ на зычный крикъ, которымъ встрѣчала его толпа.

— Сюда, Улиссъ, сюда поскорѣе! Тебя ждутъ, очень нужно!

Улиссъ подходилъ.

— За тобой дѣло стало. Кромѣ тебя никто не умѣетъ.

Ребята строятъ пирамиду: становятся двое, одинъ у другаго на плечахъ; Улисса ставятъ третьимъ на самый верхъ. Шалуны трясуть его и кричатъ: держись хорошенько. А онъ принимается махать во всѣ стороны, чтобъ удержать равновѣсіе, и все-таки падаетъ внизъ, мѣшокъ мѣшкомъ; третъ себѣ колѣни, третъ локти, проказники помираютъ со смѣху, а онъ смотритъ на нихъ и говоритъ: ну все равно! когда бы захотѣлъ, не упалъ бы!

Другой разъ бросая монету въ ушатъ съ водой.

— Достань, Улиссъ: ты достанешь; вотъ мы пробовали, да никакъ не умѣемъ. Посмотри, вотъ такъ, зубами; открой глаза, а носъ заткни, и уши заткни.

Улиссъ окунется сразу, не раздумывая, въ холодную воду; вода нальется ему всюду; и онъ встряхивается, чихаетъ, обдаетъ брызгами любопытныхъ зрителей, и потомъ готовъ сто разъ повторять тоже самое, если попросятъ.

Заставятъ его бѣгать взапуски. Много терялъ кто не видалъ какъ бѣжитъ Улиссъ на огромныхъ, неуклюжихъ ногахъ, вытянувъ шею, размахивая обѣими руками.

Не то скажутъ ему: „Улиссъ, поди, попробуй, поцѣлуй самую хорошенькую,“ и Улиссъ лѣзетъ напрямикъ, и всѣ разбѣгаются со смѣхомъ, и тумаки сыплются сзади на Улисса. Но Улиссъ не отстанетъ, тумаками не удивишь его; онъ три часа сталъ бы гоняться и бѣгать съ полною увѣренностью, если не оставовить его.

У шамуновъ было много лукавства, но злобы въ нихъ не было. Дружбы ни съ кѣмъ не было у Улисса; однакожь никто, съ умысломъ, не хотѣлъ дѣлать ему зла. Правда, что толчковъ доставалось ему не мало, о коихъ его не много было заботы; но и самъ онъ о ней не заботился. Не будь въ немъ этой тупости, которая дѣлала его почти что дуракомъ, Улиссъ могъ бы вырости, въ немъ было довольно геройскихъ свойствъ: равнодушiе къ боли, совершеннѣйшая увѣренность, неутомимая стойкость; въ немъ была та простота и рѣшимость, которая идетъ прямо къ цѣли, не смотря на огонь и желѣзо.

Бѣдный Улиссъ! Весело проходили для него эти ясные праздничные дни, прекрасные дни ребячества, тутъ, на большомъ дворѣ: самъ всегда на сценѣ, а если и не на сценѣ, такъ скачетъ и прыгаетъ со всѣми.

Бывало, въ июнѣ, подуетъ съ горъ крѣпкiй вѣтеръ, замететъ по землѣ, разнесетъ по воздуху листья, закрутитъ деревья въ саду, забросаетъ лугъ зелеными яблоками. Это бываетъ пожива! Молодежь подбираетъ и поѣдаетъ. Это веселье бѣгать по вѣтру, играть съ бурей, ловить на лету всякое необыкновенное приключенiе! Огромные платановые сучья гнутся отъ урагана, и при каждомъ напорѣ сдвѣются бѣлыми отливомъ вывороченные листья; буря свиститъ пробѣгая по сплошному своду зелени, и бороздитъ его то бѣлыми, то темными струями, а на дворѣ бѣготня, шумъ, веселые крики!

Другiя сцены въ июнѣ, въ то время когда коровъ уводятъ въ горы. Издали слышно какъ подвигается стадо: вотъ оно опускается по тропинкамъ, вотъ на дорогѣ, вотъ у околицы. Густой звонъ голосовыхъ колокольцовъ¹, серебряныя ноты маленькихъ колокольчиковъ, громкiе, протяжные оклики пастуховъ,—все хорошо отдается въ воздухъ и подходит ближе, ближе. Мальчишки бѣгутъ на край деревни, и собираются толпой у питейнаго дома; здѣсь поговорики оста-

¹ Эти колокольцы имѣютъ форму опрокинутого тюльпана. Ихъ бываетъ до дюжины на оотдѣ коровъ; ихъ вѣшаютъ на шею переднимъ коровкамъ, когда нужно взбираться на гору или сходить внизъ; на столѣхъ въ шамашахъ эти колокольцы обыкновенно вѣшаются на шесть рядовъ. Если какому-нибудь шамуу вздумается зазвонить въ нихъ, все стадо, заслышавъ звонъ, приходитъ въ движенiе и спѣшитъ внизъ, на доашу.

завиваются выпить чарку и собраться съ силами, потому что дѣло къ вечеру, а ночью не очень ловко лазить по горамъ съ цѣлымъ стадомъ коровъ за спивою.

И вотъ, покуда пастухи пьютъ свою чарку, ребятишки караулятъ скотину. „Ну, Улиссъ! тебѣ самый большой арапникъ, ты смотри за быкомъ.“

И Улиссъ идетъ къ быку, не задумываясь.

Идутъ, идутъ! впереди первая красавица корова, на головѣ у ней большой букетъ, на шеѣ голосовой колоколь привѣшенъ къ кожаному ошейнику; на ошейникѣ стариннымъ шитьемъ вышитъ гербъ кантона со словами: *свобода! родина!* И она знаетъ, красавица, что ей за честь; она бы не вытерпѣла, умерла бы съ тоски (это случалось), когда бы сняли съ нея ошейникъ, сняли колоколь и надѣли на другую. И за то, посмотрите какъ выступаетъ она, съ какою важною, какъ гордо, какою увѣсистою, мѣрною поступью!

А вотъ и пастухи тоже съ какою важною миной, съ какимъ достоинствомъ идутъ они! Они оставили долину, покинули свои дома; имъ ужъ наскучили долгія сумерки, наскучилъ широкій видъ на низменную равнину и на Альпы; хочется имъ вольной жизни, вольной ѣды, творогу, и всего изъ чего состоитъ эта лѣтняя жизнь въ горахъ.

Вотъ и телѣжка съ походнымъ скарбомъ, а на верху котелокъ. За телѣжкой и все стадо: бѣлыя, черныя, рыжія, пестрыя. Козы прошли ужъ впередъ; уже нѣсколько дней какъ онѣ въ горахъ.

Ребята собираются вокругъ стада съ видомъ людей умныхъ; погонщики отдыхаютъ въ шинкѣ, а они покрикиваютъ, нукаютъ, теряютъ скотину, покуда кто-нибудь изъ пастуховъ не обернется на порогъ, и не пошлетъ имъ могучаго окрика: „не балуйте! вотъ постой-ка я приду!“

Улиссу непремѣнно доставалась какая-нибудь трепка, какая-нибудь затрепина, но онъ ворочался домой совершенно счастливый, гордый, шелъ поднявъ носъ, съ видомъ побѣдителя.

Въ такую минуту, отецъ, глядя на него, опять начиналъ мечтать о сынѣ.

А осень! пора широкаго раздолья! Уроковъ нѣтъ, и вездѣ столько фруктовъ!

Въ сентябрѣ бывають такіе золотые дни, какихъ нѣтъ

ни въ одномъ мѣсяцѣ: солнце свѣтитъ прозрачнѣе; отъ свѣжихъ утреннихъ росъ ярче зазеленѣла трава, она вся скошена, будто выстрижена подъ гребень; нѣтъ больше цвѣтовъ, кромѣ блѣдыхъ оборышей; можно идти насквозь по всему лугу. Нигдѣ не осталось жатвы на корню: и конопель, и сѣно, и люцерна, все ужъ убрано; глазу вольно гулять по зеленой дали; что ни окиветъ, все его. Воздухъ легкій, каждая вѣтка на деревѣ подернулась явтарною струйкой; листь еще не окрасился багрянцемъ, но сталъ какъ то тоньше, потерялъ первую густоту свою: вся природа какъ будто становится идеальнѣе. Мотки сплываютъ сверху внизъ въ тонкой атмосферѣ; вчера родились онѣ, завтра умрутъ: и странная пляска ихъ въ воздухѣ, кажется, имѣетъ какое-то тайное значеніе. Подъ яблонями, подъ грушами, лежатъ груды румяныхъ и бѣлыхъ яблокъ, груды темно-оранжевыхъ грушъ.

Тутъ-то было угощенье Улиссу. У отца не было ни поля, ни сада, но товарищи помогали: тотъ-другой дастъ ему два три яблока; червивыя ли, нѣтъ ли, онъ не разбираетъ.

Потомъ придетъ октябрь, коровы начинаютъ спускаться съ горъ тѣмъ же путемъ какъ прежде шли въ горы. Только тогда были теплыя ночи, лунныя ночи; тогда ракетникъ, мѣшаясь съ розой и съ тюльпаномъ, выставялъ свои кудрявыя головки; тогда отовсюду, издалека и вблизи, переливались и звенѣли въ темнотѣ то колокольчики, то протяжныя сторожевыя крики. Теперь коровамъ стало ужъ холодно на высокихъ мѣстахъ; оскудѣлъ и подножный кормъ съ исходомъ лѣта; теперь разошлись онѣ по лугамъ и жадно щиплютъ траву, и вольно дышать освѣженными воздрами на лакомыя растенія. Скотина переходитъ съ мѣста на мѣсто, трется о старыя деревья, останавливается и смотритъ въ раздумьи за огорожу, потомъ принимается снова искать и щипать, мѣрнымъ шагомъ, и каждый разъ звонятъ, и умолкаютъ, и снова звонятъ маленькіе колокольчики. Голосовые колокола всѣ уже сняты и повѣшены на чердакъ въ ожиданіи будущаго лѣта; отъ края до края деревня оглашается новыми тонами полевой музыки; ущелье перекликается съ долиной; звонки слышны въ самыхъ дальнихъ уголкахъ, между скалами, на опушкѣ лѣса; изъ этихъ звуковъ родятся стройныя, неконченныя мелодіи; развогласыя ноты ихъ теряются въ шумномъ воздухѣ, сливаются въ одной вольной, безмѣрной гармоніи.

Тутъ являются на сцену *бобы*.¹ Мальчикъ, за небольшую монету, за сто су, пожалуй еще за пару башмаковъ, если хозяинъ щедрый, навимается пасти стадо на короткій осенній срокъ. И что за стадо! коровы-двѣ-три, за коровами нѣсколько телятъ, за телятами бѣлокурый, полнощекій мальчишка безъ шапки; за нимъ бѣжить еще братишка или сестренка еще меньше его: вотъ группа которую встрѣчаешь въ эту пору по всѣмъ дорогамъ.

Въ полѣ разложить огонь: то-то радость какъ запылаетъ чудный огонь, какъ сучья затрепчатъ и задыматся! Въ полѣ остались двѣ-три пожелтѣвшихъ моркови: находка: тотчасъ роется въ землѣ ямка и прячется запасъ до завтрашняго утра. Гдѣ-нибудь на самой верхушкѣ дерева завидать одинокую грушу, и какая она должна быть сочная, какая вкусная!

— Улиссъ! Улиссъ! Вотъ тебѣ работа! Скорѣй сюда парень!

Улиссу всю жизнь приходилось лазить, за тѣмъ чтобы свалиться, протянуться во всю длину и отбить себѣ бока до-свая: все равно, онъ готовъ лѣзть.

— Боишься?

Улиссъ подернетъ плечами и лѣзетъ. Его держать, приставляютъ къ дереву, поднимаютъ вверхъ, пихаютъ, подбрасываютъ! „Ну, смѣлѣй, какъ разъ долѣзешь!“ Потомъ вдругъ отскочили воѣ, и Улиссъ лежитъ ужъ на спинѣ и барахтается, и длинныя ноги его заиграли телеграфомъ въ запуски съ длинными руками. А шалуны катаются по землѣ, помирая со смѣху.

И все-таки то было хорошее время для Улисса. И у него, какъ у другихъ, было веселое дѣтство устѣянное чарующими воспоминаніями. И у него какъ у другихъ, въ этихъ воспоминаніяхъ было мѣсто солнцу, яблокамъ, чудеснымъ, праздникамъ и мало ли чему еще!

Насмѣшекъ онъ не замѣчалъ; своего ничтожества передъ другими не чувствовалъ; отецъ былъ суровъ и грубъ съ нимъ, но отца онъ привыкъ всегда видѣть все такимъ же; мать всегда въ какомъ-то безчувствіи; но гдѣ же было Улиссу дойти до сознанія объ этомъ? По мѣрѣ того какъ онъ вырасталъ, какъ она становилась слабѣе, онъ пособ-

¹ *Бобе*, мальчикъ, отъ нѣмецкаго слова *Bube*.

даль ей въ чемъ могъ, носилъ для ней воду, кололъ дрова. Она говорила ему: милый ты мой! Онъ вѣрилъ этому, и такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

Когда минуло ему пятнадцать лѣтъ, неволкость его еще прибавилась; жизнь стала поварачивать. Чѣмъ выше становилась онъ ростомъ, тѣмъ безобразнѣе. Безъ мѣры дашилъ, безъ мѣры неволокъ, безъ мѣры мѣшковать.

Товарищи чѣмъ старше становились, тѣмъ меньше было въ нихъ жалости, и бѣднаго Улисса стали втравливать въ жестокия продѣлки. Учитель давнымъ-давно отъ него ужъ отступился. Мать съ каждымъ днемъ все больше замыкалась, старилась. Отецъ становился еще суровѣе, еще грубѣе; иногда на лицѣ у него появлялось свирѣпое выраженіе; никогда не услышишь отъ него добраго слова, даже просто равнодушнаго слова: либо молчить, либо гремить и воюеть. У матери не доставало рѣшимости утѣшить сына: когда бъ и желанье было, такъ не было духу, не было силы; и мысль объ этомъ ей не приходила. Отецъ за работой, мать въ кухнѣ, сына съ бранью и проклятіями выгоняють вонъ изъ комнаты; сдѣлалъ—брань за то, что плохо сдѣлалъ; не сдѣлалъ—брань за то, что не догадался сдѣлать: вотъ въ чемъ проходила домашняя жизнь.

Обыкновенно Улиссъ забивался куда-нибудь въ уголъ, у печки, около матери; скорчится такъ что колѣнки заходятъ за уши, выше головы; руки копаются въ золь за какою-нибудь головешкой.

Наконецъ, и очень скоро даже, отецъ понялъ, что сынъ у него существо бессмысленное, ниже посредственности, ниже послѣдней мѣры; что сынъ ничего не знаетъ, ничего не въ состояніи знать, ни на что не годенъ; что всѣ смѣются надъ парнемъ, и имѣютъ право смѣяться: олухъ, притча цѣлой деревни, и это родной сынъ его!

Коротко и ясно; нельзя сомнѣваться. И какъ скоро вопросъ былъ рѣшенъ, ударъ разразился, въ душѣ отца совершился поворотъ рѣшительный: онъ сталъ ненавидѣть сына. Въ этомъ чувствѣ не было ни раскаянья, ни жалобы. Онъ былъ господиномъ, и налегъ на сына всею тяжестью власти. Работа свыше силъ, скудная пища, часто въ проголодь; жестокіе побои сильною рукой за все и при всякомъ случаѣ: вотъ что выпало съ этой поры на долю Улисса. И

сдѣлалось это безъ умысла, пришло само собою, естественнымъ порядкомъ.

Вида себя вѣчно не у мѣста, вида отъ всѣхъ дурное обращеніе, отталкиваемый всѣми, кромѣ товарищей, которыми служилъ еще въ играхъ, Улиссъ много утратилъ своей первоначальной наивности. Однакожь деревенскимъ мальчикамъ удавалось еще, когда хотѣли, пробудить въ немъ кое-какія искры старинной удалы. Тогда начинались опять такіе штуки, что на зимнихъ посидѣлкахъ цѣлый вечеръ было чѣмъ потѣшиться.

Иной разъ заведутъ его въ шинокъ, напоютъ, потомъ напустятъ на какого-нибудь забіяку, и кончается тѣмъ, что Улисса стащутъ домой еле живаго. Уговорятъ его идти вечеромъ пѣть вѣжную пѣсню подъ окошко къ богатой вѣвѣстѣ: хозяинъ-отецъ шутить не любитъ, отколотитъ Улисса; мальчишки разбѣгутся, а онъ приходитъ домой съ разбитою головою. Замѣшаютъ его въ какую-нибудь скверную исторію съ полевымъ сторожемъ, съ полицейскимъ: сами напустятъ его, а когда затѣется исторія, они въ сторону, Улиссъ въ отвѣтъ передъ начальствомъ; несчастнаго пресѣдуютъ, на него сыпаются штрафы, и отецъ, въ ярости, принимается за свой страшный бичъ. Въ этихъ случаяхъ Улиссъ, въ страхъ, прятался на чердакъ, въ самый дальній уголъ, за дрова: мать, сама со страхомъ и треветомъ, кое-какъ еще припрятывала ему остатки холоднаго супу.

Но, въ то же время, какъ отецъ началъ понимать сына, и у сына стало пробиваться сознание. Имъ овладѣло смутное чувство собственнаго ничтожества: ничего яснаго, опредѣленнаго въ этомъ чувствѣ не было; явилось какое-то сознание безсилія, упадокъ духа, боязнь сходиться съ людьми. Мысль о своемъ безобразіи сначала смутно зародилась въ немъ, потомъ стала расти, и наконецъ онъ появлялъ до какой степени онъ неуклюжъ, и уродливъ, и смѣшонъ; появлялъ, что безобразіе—неумолимый законъ его, судьба его безъ возврата и безъ апелляціи.

Первый шагъ былъ сдѣланъ; остальныхъ нечего было ждать. Онъ увидѣлъ всю свою неловкость, всю свою глупость, увидѣлъ даже больше чѣмъ было въ действительности. Можно сказать, что горе развило ему умъ, что въ немъ образовалась душа на страданье. Онъ почувствовалъ

себя отвратительнымъ и въ презрѣнн у всѣхъ; вся его жизнь развернулася передъ нимъ глупою шуткой, въ которой онъ былъ паяцомъ.

Онъ не терпѣлся въ анализѣ: горе подходило выше и выше, и зашло его.

Улиссъ сдѣлался дикъ и угрюмъ; онъ пробирается по стѣнѣ украдкой, прятался отъ бывшихъ товарищей; окончивъ работу, залѣзалъ къ себѣ на чердакъ, ложился на свою койку и терпѣлся въ созерцанн своего жалкаго положенн.

Куда дѣвалась улыбка! куда дѣвалась доврчивость! Всю душу охватало необязтное несчащн. Въ немъ не было ни противъ кого гнѣва, ни на кого злобы; но самъ себѣ онъ сталъ глубоко протавенъ и ненавистенъ.

Великое бѣдствн когда человекъ видитъ, что онъ какъ въ тюрьмѣ сидитъ запертъ въ своемъ безобразн, въ своей глупости; чувствуетъ, что онъ служитъ предметомъ отвращенн для другихъ, и что эти другн правы. Это страданн близкое къ эгоизму, и часто приводитъ оно къ эгоизму. Отвернулись люди—начинаешь самъ боготворить себя; не откуда взять высокихъ ощущенн—бросаешься на грубыя удовольствн.

Но съ Улиссомъ этого не случилось.

Когда онъ понялъ ясно, что жизнь ему не удалась, что никто его не любитъ, что всякн смѣется надъ нимъ, что выходу нѣтъ изъ этого положенн; когда онъ со всѣхъ сторонъ ощущалъ себя и кругъ судьбы своей, онъ отрѣшился отъ себя вполне, поникъ также, какъ поникла мать его, только съ сознаниемъ того что онъ такое, съ сознаниемъ, что страдаетъ.

Вмѣстѣ съ мечтами погасло солнце бѣднаго Улисса. Остался осеннй туманъ, тяжелый, холодный.

Прежде, послѣ отцовской грозы, онъ отряхивался, отправлялся по деревнѣ за другими колотушками и возвращался домой, разсѣявшись. Теперь, охота вся пропала, приключенн больше не было; все разбилось. Дни проходили, и каждый день былъ точъ въ точъ такой же одинокн, такой же несчастный. Имъ не овладѣло отчаянн: нѣтъ, для этого требовалась все-таки энергн; на него напало истощенн, маразмъ, отъ котораго быстро разлагается тѣло.

Отецъ приходилъ въ раздраженн отъ возраставшей

неспособности сына. Ослабѣвъ, Улиссъ сталъ веловокъ еще лучше прежняго. Топоръ ли, кирка ли, за что ни велить ему взяться отецъ, все чаще прежняго выпадало у него изъ хирыхъ пальцевъ. Прежде, отцовскій гнѣвъ не прощиводилъ на него глубокаго впечатанія, только затрогивалъ сонныя его нервы; теперь этотъ гнѣвъ, и обидныя бранныя слова и побои вѣдались ему въ тѣло, вѣдались въ сердце, и оставляли сады глубокіе. Не ожидалъ онъ ничьей любви, не сознавалъ въ себѣ права ни на чье доброе расположеніе; и на мысль ему никогда не приходило умолять отца о состраданіи, о жалости; и все-таки томился онъ, и умиралъ отъ того, что ничего этого у него не было.

Иногда, какъ ужъ не въ мочь была тоска, когда ноги подкашивались, онъ взглядывалъ на мать. Казалось ему что отъ нея могла придти помощь; не то чтобъ онъ когда-нибудь осмѣлился объясниться съ нею, показать ей ласку, нѣжное слово для тѣхъ у кого уста затворены; нѣтъ, просто какой-то тайный инстинктъ внушалъ ему тутъ искать себѣ утѣшенія.

Измученная мать глядѣла на него въ свою очередь; она не могла не замѣтить, что дѣло не ладно, что Улиссъ все молчитъ да молчитъ, что иногда слезы падаютъ у него изъ глазъ, что онъ совсѣмъ блѣденъ, что насилу ходитъ, что отцовскія вспышки пугаютъ его, закаленнаго въ буряхъ; но мать не могла ни во что выкинуть; растерявшись, бросала она взглядъ на мужа, съживалась, по привычкѣ, отходила прочь, и только шептала: „Ну, потерпи, парень, потерпи; что дѣлать!“

Болезнь усиливалась. Жестокое обращеніе отца, недостатокъ въ пищѣ, одиночество, сердечная тоска; все это скоро подѣйствовало на слабое тѣло, въ которомъ и безъ того немного оставалось жизненной силы. Вечеромъ жгало его горячкой, утромъ приходилъ ознобъ. Не могли дать ему и капли вина согрѣться. Дая отца стояла на столѣ за обѣдомъ бутылка; но ни у сына, ни у матери не достало бы смѣлости протянуть къ ней руку. Наконецъ истощеніе дошло до послѣдней крайности: на тѣлѣ появились раны. Надо было бросить работу. Отецъ не говорилъ ни слова; онъ видѣлъ, что сынъ страдаетъ, но это еще больше ожесточало его. Улиссъ, по неволѣ праздный, ни на что не годный въ домѣ, едва осмѣливался, два раза въ день слу-

отиться по лѣстницѣ изъ своего угла, пробраться въ кухню и сѣсть за столъ. Потомъ, размявшись немного у печки, въ самомъ темномъ уголѣ, съ трудомъ поднимался онъ опять наверхъ. Цѣлые часы проводилъ онъ, недвижимый, безъ развлечения, безъ утѣшенія, безъ прошедшаго: оно отталкивало его горькими воспоминаніями; безъ будущаго: будущее отпугивало его смутными страхами; разбитый, ослабленный, но безъ ропота, безъ возмущенія, теряясь въ безпредѣльномъ, безцѣльномъ раздумьи, смотрѣлъ онъ то на блѣдный свѣтъ доходившій до него оквозь тусклымъ стекла, то на голыя стѣны своего черака.

Никто въ деревнѣ не замѣчалъ, что Улисса не видно. Онъ незамѣтно отдѣлился отъ молодежи, всѣ мало-по-малу ужъ привыкли оставлять его въ покоѣ, потомъ вовсе о немъ забыли, когда перестали встрѣчать его.

Какъ дикіе звѣри когда собираются умирать, и Улиссъ спрятался, когда пришло время смерти.

Мать съ остобенѣніемъ слѣдила за ходомъ болѣзни. Однажды, когда отца не было дома, она взошла наверхъ къ Улиссу и спросила шепотомъ что съ нимъ.

— Тяжко, отвѣчалъ Улиссъ едва слышнымъ голосомъ.

Мать затревожилась, подошла ближе; худоба сына испугала ее; она взялась за грубую его рубашку, раскрыла ему грудь, посмотрѣла, и увидѣла страшные слѣды болѣзни. Простонала она, потомъ сошла внизъ, принесла уксусу, нѣсколько тряпокъ и принялась дѣлать сыну перевязки. Каждый день она дѣлала это украдкой, выжидая той поры, когда отецъ уходилъ въ шинокъ. Руки у нея были не искусныя, перевязки грубыя, не прилаженныя; но какое утѣшеніе доставляло это Улиссу, какъ онъ ждалъ этой минуты, какъ прислушивался къ робкимъ шагамъ матери по деревянной лѣстницѣ!

Около этого времени случилось, что пасторъ, что хозяйка замка вспомнили объ Улиссѣ, стали спрашивать что съ нимъ, отчего его не видно. Когда узнали, что онъ боленъ, пришли навѣстить его; не то чтобы разчитывали доставить ему удовольствіе, что-нибудь узнать отъ него или сообщить ему: вѣдь онъ такъ гаупъ, бѣдняга! Но все-таки онъ страдалъ, надо было помочь ему; у него душа, надо ее утѣшить. Пришли, и всѣхъ поразило его одиночество, испугала болѣзнь его; стали присылать ему то то, то дру-

го. Улиссъ благодарилъ, въ изумленіи, но оставался по прежнему самъ съ собою. Онъ не могъ разомкнутья, онъ чувствовалъ, что его жалѣютъ, и это не примирало его съ своею противною личностію; напротивъ, бессознательно, это еще усиливало тоску его.

Стали говорить ему о Богѣ, о Спасителѣ. Улиссъ слушалъ очень серьезно, задумывался, какъ будто пораженный тѣмъ, что въ первый разъ слышитъ; но самъ не говорилъ ни слова. Только когда приходили къ нему тѣ, етъ кого слышалъ онъ такіа рѣчи, Улиссъ, едва заслышавъ стукъ въ дверь, собиралъ послѣднія свои силы, чтобы вскочить и поскорѣе отворить дверь.

Это повторялось не разъ. Наконецъ, или отъ того, что своихъ словъ безъ опоры казалось недостаточно, или по чувству неспособности человѣческой, вздумали принести ему Библію. Трудно было знать заранѣе что онъ лучше пойметъ: попробовали прочесть ему нѣсколько главъ изъ Евангелія, нѣсколько псалмовъ, читали изъ исторіи патриарховъ, читали особенно о жизни Христа Спасителя. Читали просто, безъ всякихъ объясненій, развѣ въ двухъ-трехъ словахъ, простыхъ и короткихъ: пространное объясненіе ни къ чему бы не послужило. Нечувствительно стало проясняться лицо Улисса, взглядъ его оживился, физиономія проснулась, какое-то внутреннее довольство, нисколько не похожее на прежнюю глупую самоувѣренность, что-то тихое, скромное, что-то высокое, да, именно высокое, отразилось на блѣдномъ лицѣ его. Разъ или два, спокойнымъ голосомъ, въ которомъ ни рѣшимости, ни робости не слышалось, сдѣлалъ онъ такіе вопросы, которые привели въ изумленіе посѣтителя.

И все это шло впередъ, дальше и шире, какъ идетъ день Божій, вырастая къ полудню тѣмъ ровнымъ, царственнымъ ходомъ, какимъ идетъ всегда дѣло Божіе. Ни облачка; явилось солнце и пошло, не отступая. Ни сомнѣнія, ни страха, ни большой борьбы. Евангеліе во всей полнотѣ своей, во всей красотѣ своей, во всей силѣ и нѣжности, вдругъ пролило въ лишенное счастья сердце. И сердце это просіяло.

Христосъ встрѣтилъ въ пустотѣ эту истомленную душу, подвѣлъ бѣдное дитя и взялъ его на руки. Христосъ первый, и только онъ одинъ полюбилъ Улисса. И какъ же знакомъ сталъ Улиссу Его голосъ! Голосъ вошелъ ему въ

душу, и онъ пошелъ за Христомъ. Можно ли было тутъ разсуждать, сомнѣваться, представлять себѣ что-нибудь! Не могъ Улиссъ, какъ не могъ Моисей, когда на святой горѣ просилъ, и явилась ему благодать Божія.

Онъ услышалъ, онъ увѣровалъ, всею силою души, всѣмъ существомъ своимъ. Онъ полюбилъ безпредѣльно того Иисуса, кто называлъ его по имени, по осмѣянному имени его, и сказалъ ему: сынъ мой, отдай мнѣ свое сердце. Какая-то великая чистота и свѣжесть была въ его вѣрѣ. Въ этой вѣрѣ расцвѣталъ, какъ расцвѣтаетъ подъ рукою Господней, тотъ даръ простоты и довѣрчивости, который прежде бродячимъ свѣтомъ зачинался въ неполной, неразвитой его натурѣ.

Христосъ былъ для него не отвѣченнымъ понатіемъ, не великимъ пророкомъ, Богомъ, который когда-то на дальнемъ краю вѣковъ умеръ за насъ, и высоко надъ нами обитаетъ въ вѣчности; не тѣмъ высокимъ мыслителемъ, мудрымъ законодателемъ, котораго знаютъ многіе изъ насъ, и еще какіе умные люди!—не думая о томъ, что знать только этого Христа, не значитъ еще знать Его. Для него Иисусъ былъ Создатель, Спаситель, который вотъ-вотъ вчера умеръ за него на крестѣ, въ ужасныхъ страданіяхъ: за *разбойника!* Этимъ словомъ сказывалась не разъ душа Улисса отъ полноты чувства.

И этотъ-то Иисусъ, во всемъ блескѣ побѣды, во всей полнотѣ любви, приходилъ къ нему какъ другъ, и на долгіе часы оставался съ нимъ, близъ него, на чердакѣ его. Другимъ Улиссъ не смѣлъ сказать ничего, или почти ничего,—во ему! Другіе—жалѣли Улисса, другіе были добрые люди, Улиссъ думалъ, что не стоитъ онъ ихъ заботы; но Христосъ—совсѣмъ не то что другіе! Христосъ терпѣлъ голодъ, терпѣлъ холодъ. Улиссъ помнилъ, что цѣлую ночь, темную ночь, Христа били и безчестили. Христосъ намагалъ руку на прокаженныхъ, Христосъ былъ и братъ ему, и Богъ его въ одно и то же время; со Христомъ онъ чувствовалъ себя свободно.

Улиссъ никогда много не жаловался; теперь онъ не жаловался вовсе. Едва можно было добиться отъ него одного слова о той боли, которая его грызла. Онъ принялъ обѣтованія, Библии со всѣмъ довѣріемъ ребенка къ слову отцовскому. Онъ чувствовалъ, что они скоро исполнятся. Надѣяться войти въ рай, видѣть Бога, утолить свою жажду,

вступитъ въ невыразимое безконечное блаженство, все это казалось ему такъ легко, такъ просто, такъ близко.

Покуда могъ еще держаться на ногахъ, онъ бродилъ по чердаку своему, покойный, задумчивый, умубившись въ мысль свою. Потомъ скажетъ: „Скоро уйду отсюда!“ и сядетъ на постель къ себѣ. Такая радость блистала въ эту минуту на лицѣ у него, немногія слова его звучали такою силой, столько было царственного величія въ его увѣренности, что посьтитель чувствовалъ себя низко, очень низко передъ этимъ слабымъ созданиемъ, и преклонялся передъ Богомъ, потому что видѣлъ силу Божію.

И хотѣлось ему уйти скорѣе; но не было видно нетерпѣнія: „Когда пора будетъ, Онъ придетъ“, говорилъ Улиссъ.

Отецъ ни разу не видѣлся съ нимъ; Улиссъ не могъ сойти внизъ, отецъ не всходилъ къ нему на верхъ. Иногда посьтитель, поспѣвше, спускаясь съ Улиссова чердака, заходилъ къ башмачнику: „Сынъ твой очень боленъ.“ Нѣтъ отвѣта. „Какой онъ терпѣливый.“ Ни слова. „Хорошо бы тебѣ...“ Не оузой, холодный взглядъ не давалъ докончить рѣчи.

Мать принялась любить сына все всей силой какал у ней оставалась. Она не понимала совершенно ясно что отъ нимъ дѣлается; но чувствовала потребность видѣть его, слышать его. Когда онъ говорилъ ей о Богѣ, она слушала его съ большимъ услаіемъ, когда онъ молился, становилась вонѣ него на коѣвни. Тихо вступала она въ святѣи кругъ, въ которомъ жилъ сынъ и черезъ него чувствовала радости; будто отблескъ солнечнаго свѣта въ оялдіи луны, еждне на нее черезъ сына радость Божія. Ей хорошо отъносилося, она сама не знала почему; хотѣлось бы ей всегда жить такъ.

Но бѣдный Улиссъ дельелью ужъ вострадалъ.

Однажды вечеромъ онъ обнялъ мать отъ пошевы сердца, и сказалъ ей:

— Мать! если хочешь чтобы мы вѣстѣ были у Бога, надо вѣрять.

— Да, проговорила мать: ей показалось что-то странное.

— Поди, скажи отцу, чтобы пришелъ.

— Отцу! повторила мать, вся перепуганная.

— Да, поди, мать!

Никогда такъ не говорилъ съ нею Улиссъ. Она поше дрожа отъ страха, спустилась кре-какъ съ двотдщи,

держась за стѣнку, отворила дверь въ кухню, потомъ другую, и остановилась на порогѣ. Прошло нѣсколько минутъ — она не двигалась. Отецъ обернулся и закричалъ: „Что надо?“ громовымъ голосомъ.

— Сынъ.... Улиссъ....

— Ну?

— Ояъ тебя спрашиваетъ.

Рука у него затряслась едва замѣтною дрожью.

— Некогда.

Жена, сконфуженная, хотѣла уходить. Но когда затворила дверь, отецъ отрывистымъ голосомъ, какъ нехотя, закричалъ: „Завтра!“

Мать вернулась къ сыну чуть не съ торжествующимъ видомъ.

— Ну что?

— Ояъ сказалъ: завтра приду.

— Завтра! повторилъ Улиссъ съ какою-то странною улыбкой.

Они оставались долго вмѣстѣ. Улиссъ все говорилъ матери про Спасителя, говорилъ больше чѣмъ когда нибудь. Наконецъ стало ужъ поздно.

— Пора тебѣ сойти внизъ, мать; отецъ станетъ сердиться.

У матери не было чуткой и быстрой понятливости; но что-то тяжелое лежало у ней на сердцѣ. Ей хотѣлось остаться, но слышно было какъ отецъ внизу ходитъ взадъ и впередъ по комнатамъ.

— Ступай, мать, повторилъ Улиссъ тѣмъ же серьезнымъ тономъ, и обернулся лицомъ къ стѣнѣ. Она посмотрѣла на него хорошенько, вышла изъ комнаты, потомъ безсознательно остановилась у дверей послушать какъ ояъ дышитъ, и сошла внизъ.

Въ эту ночь ангелы Божіи явились взять Лазаря. Ояъ кончался тихо, безъ шума, въ смиреніи. Но вѣчность когда нибудь разкажетъ намъ всю радость этой послѣдней минуты.

На утро мать взошла на верхъ, въ безпокойствѣ: ей показалось странно, отчего такъ тихо: сама она не въ силахъ была окликнуть сына. Тронула его пальцемъ, закричала, виѣ себя бросилась внизъ по лѣстницѣ, прямо въ комнату къ отцу, и въ первый разъ въ жизни стала передъ мужемъ

прямо, безъ боязни. Громко, крикомъ дикаго отчаянiя закричала она ему: „Умеръ!“

Башмачникъ поблѣднѣлъ, потомъ откашлялся, посмотрѣлъ на нее своимъ мутнымъ, бродячимъ, безжалостнымъ взглядомъ. Онъ долго смотрѣлъ на нее, пока она опять сгорбилась, опять покинула и, опустивъ голову, невѣрною поступью, отступая шагъ за шагомъ назадъ, воротилась въ кухню, къ своей печкѣ, и присѣла тамъ, какъ сидѣла вчера, какъ сидѣла въ прошломъ году, какъ сядетъ завтра и станетъ сидѣть десять лѣтъ, если проживетъ столько на бѣломъ свѣтѣ.

II. Бавкида и Филемонъ.

Бавкиду звали Жанною. Она была единственная дочь стараго деревенскаго дѣкаря, скупаго, сухаго эгоиста. Онъ держалъ ее при себѣ, мало любилъ, и требовалъ отъ нея всей работы какую дѣлаетъ саужанка, съ тою разницей, что работа была даровая.

Старый дѣкарь развозилъ свое сомнительное знанiе по всему околотку съ совершеннѣйшимъ равнодушиемъ. Стоило ему однажды лечь, и ужь ни живой, ни мертвый не поднимать его съ постели.

У него было любимое словечко, и это словечко повторялъ онъ ледянымъ голосомъ, покуда пациентъ разказывалъ ему болѣзнь свою: „Прекрасно!“

— Я ужасно страдаю, г-нъ докторъ!

— Прекрасно!

— Живъ очень тяжело: боюсь, что она и часу не выдержитъ.

— Прекрасно!

— Вотъ, сударь, третьяго сына я теряю!

— Прекрасно!

Добрые люди смотрѣли на него выпуча глаза; потомъ приходило имъ на умъ, что докторъ человекъ ученый, и слово это имѣетъ у него какое-нибудь особенное значенье. Первое изумленiе проходило, и они принимались снова за рѣчь свою.

Окончивъ визиты, докторъ приходилъ домой и затво-

рлася. Дочь варить ему кофею по утру, по вечерамъ грѣть ему вино, подаетъ ему туфли, чинить ему бѣлье: отецъ не приѣзжалъ за нею ни другихъ правъ, ни другихъ обязанностей; никогда онъ не заговаривалъ съ ней, развѣ было нужно приказать что-нибудь.

Люди этого сорта требуютъ, чтобы столъ былъ въ порядкѣ, чтобы дома было все прибрано со всякимъ удобствомъ, и чтобы денегъ не спрашивали. Женщины считаютъ они довольно глупыми созданіями, и въ то же время питаютъ такую вѣру въ женскую изобрѣтательность, какой не бывало у самыхъ горячихъ поклонниковъ женскаго ума.

За обѣдомъ докторъ читалъ. По вечерамъ запирается у себя въ кабинетъ. Онъ ни въ чемъ себѣ не отказывалъ: у него былъ всегда и огонь въ каминѣ, и освѣщенія вдоволь. А гдѣ дочь? что она дѣлаетъ?—объ этомъ докторъ не безпокоился нисколько. И вопросъ такой не приходилъ ему въ голову.

Дочь прожила дѣтство, прожила молодость: онъ и не замѣтилъ. Она была гдѣ-нибудь, что-нибудь тамъ дѣлала. Полола негодную траву въ огородѣ; забла передъ холодною печью; штопала у того же окна тѣ же салфетки. *All right.*

Вотъ существованіе! въ немъ сходилась пустота одиночества со всеми неудобствами сожителства. Однообразіе, и невольничья работа; множество хлопотъ, и скука смертная.

Иныя натуры не выносятъ такой жизни. Натуры деликатныя, тѣ что не смѣютъ постоять за себя, съ перваго раза забываютъ про себя, жертвуютъ собой. Онъ скоро привыкаютъ къ той мысли, что такъ и быть должно, что гнетущая сила — сила человека, сила обстоятельствъ, по правдѣ такъ и распоряжается. Привыкая плакаться на себя, онъ кончаютъ тѣмъ, что становятся сами себѣ противны. Ими распоряжались, потому что считали ихъ тупыми: такими онъ мало-по-малу и дѣлаются.

Другіе раздражаются. Жизнь объявила имъ войну: они идутъ на бой. Повсюду видятъ они противниковъ; гдѣ только можно, кстату и не кстату, защищаютъ нарушенные права свои. Необходимость привела ихъ въ работѣ; зато при первомъ случаѣ сами они становятся тиранами. Въ самомъ началѣ жизни они были жертвами: за то потомъ, при концѣ, точь въ точь повторяютъ въ себѣ пред-

нихъ своихъ мучителей. Въ такой судьбѣ злой духъ празднуетъ самую страшную свою побѣду.

Жанна не принадлежала ни къ тому, ни къ другому разряду. У нея былъ здравый смыслъ, были крѣпкіе нервы и нравъ веселый.

Мы часто забываемъ, думая о счастіи, что въ счастіи первое дѣло — личность человека. Ты былъ бы счастливъ на моемъ мѣстѣ? Ты—можетъ-быть, а я—другое дѣло!

И потому, для счастія необходима сила душевная.

Кажется, очень просто быть счастливымъ. Нѣтъ, и тому кому жизнь легка, не просто дается счастье. Страданіе — неизбежная доля всякаго кто родится на свѣтъ; счастье берется съ бою. Тѣ натуры, которыя уходятъ въ себя, рѣдко бываютъ сильны, а счастье дается сильнымъ.

А по правдѣ, дается оно натурамъ цѣльнымъ, тѣмъ что идутъ прямо, не вглядываясь пристально ни направо, ни налево, ни внутрь. Дается оно доброй душѣ, которая приоровилась съ доброй стороны встрѣчать и людей, и обстоятельства.

Такова была и Жанна. Она мало разбирала: она привыкла дѣйствовать. Всякое событіе для нея имѣло почти одну количную цѣнность. Рѣдко доходила она до причинъ; не углублялась въ намѣренія: этой горькой отравы она никогда не испытывала.

Суровость отца, его требованія и капризы, видѣла она на каждомъ шагѣ; но всё эти черты ни разу не сложились на умѣ у ней въ цѣльный образъ, въ образъ черствого злоста. Не то чтобы не доставало у ней асаго понятія, не то чтобы не было способности заключать, обобщать явленія; но она принесла съ собой на землю несокрушимую рѣшимость быть счастливою, и была счастлива.

У нея было мужество тѣхъ горныхъ жителей что бьются цѣлый годъ съ неблагоприятною нивой, чтобы вырастить малую толику какихъ-нибудь овощей, чтобы вытянуть сколько-нибудь скуднаго тепла изъ холоднаго климата. Всегда въ неволѣ, она все-таки дышала вольнымъ воздухомъ. Мысль ея ничѣмъ не была связана, характеръ дышалъ независимостью; всё ея слова, всё движенія были безъ запинки.

Тѣло свое она не рѣшила. Рѣдко она бывала здорова, но обращала на свои болѣзни ровно столько же вниманья

сколько удѣлялъ имъ отецъ: Жанна не здорова! въ этихъ словахъ для доктора не было смысла—это значило для него тоже что „у кулаки голова болитъ“. А Жанна, еслибъ умирала, и тогда кажется не стала бы спрашивать у отца чѣмъ лѣчиться. И когда эта мысль приходила ей въ голову, ей становилось даже смѣшно отъ такой дикой мысли.

Однажды попался ей докторъ изъ города, извѣстный докторъ. Онъ посмотрѣлъ ее, назначилъ ей жить всего три года и велѣлъ вести жизнь монашескую. Жанна готова была исполнить предписаніе, но не захотѣла подчиниться приговору.

Самую лучшую жизнь можно покинуть безъ сожалѣнія—лучшую, то-есть полную, прекрасную жизнь. Человѣкъ все свое отдастъ, душа улетаетъ на небо довольная и сокровище уноситъ съ собою. Но тотъ рудокопъ, что съ утра до вечера проработалъ и не досталъ ни кусочка, ни песчинки золота, не охотно оставляетъ земаю орощенную его потомъ. Онъ все ищетъ, все копается; не отрывайте его прежде времени. Земледѣлецъ любить странною, болѣзненною любовью свою неблагоприятную ниву; для другаго дика и груба скудные плоды ея, а онъ находитъ вкусъ въ этой дикости. Отъ того можетъ-быть и Жанна любила жизнь свою — и осталась жить.

По наружности она была похожа на судьбу овою: плохо сложена, плохо одѣта. Какая у ней физіономія, какой цвѣтъ лица, гдѣ у ней талія — опредѣлить было трудно. Она была сухая, длинная. Не на что было бы взглянуть, когда бы на лицѣ у нея не сіяла доброта и радушіе не возмутимыя. Лѣтъ десять на головѣ у нея было все одна и та же шляпка, ужасная шляпка изъ безцвѣтной шелковой матеріи, вся измятая отъ времени, а еще болѣе отъ того что вѣчно находилась въ движеніи, въ эволюціяхъ и поворотахъ необычайно бѣглыхъ. Шляпка эта вертѣлась точно флюгеръ на башнѣ, и по ней можно было судить всего вѣрнѣе о волненіяхъ ея хозяйки. Платье на Жаннѣ сидѣло мѣшкомъ и кое-какъ держалось на ней какъ на вѣшалкѣ. Иной разъ заботливая соседка старалась какъ-нибудь устроить за-ново, привести въ порядокъ туалетъ ея; напрасный трудъ: отомло Жаннѣ разъ-другой вваться за нарядъ своею рѣшительною рукою, и все опять разстраивалось. Схватить, взглянуть, повернуть

тамъ скомкаетъ, здѣсь потянетъ, снѣметъ, надѣнетъ, суветъ въ щикъ—и дѣло сдѣлано.

У Жанны были дружескія связи, здѣсь она жила сердцемъ. То была дружба, которая беретъ человека какъ онъ есть, безъ фразъ: атмосфера, въ которой сразу духъ расширяется, слова проходятъ сами собой какъ припасть; скажешь глупость — ее не ставятъ въ счетъ; можно быть глупымъ, можно быть не въ духъ, можно быть какъ и чѣмъ угодно, ничего не теряя. Такую дружбу встрѣчала Жанна, всакій разъ когда приходила въ замокъ; увы! то была дружба прошлаго поколѣнія!

Будто вижу какъ ея фигура показывается на тропикѣ, въ огородѣ; какъ она легкою своею поступью переходитъ дворъ, идетъ прямо всюду, черезъ садъ, въ домъ и усядется въ большой залъ,—и пойдутъ разговоры, и сѣрая шляпка вертится во всѣ стороны.

Благочестіе ея было неможко формальное; но если въ ея вѣрѣ не доставало мягкости, то этотъ недостатокъ выкупался дѣятельною любовью. Ничего не было у Жанны своего, но она находила средства помогать. Мысль ея постоянно занята была одною заботой: какъ бы услужить,—и на эту заботу она устремляла всю силу своей дѣятельности. У нея была обязательность доходившая до насилія, доброта—почти что страшная. Прибавьте сюда привычку къ строгой бережливости, неумолимую ничѣмъ прямогу взгляда,—и можно будетъ представить себѣ, въ какомъ родѣ дѣлала она, лучше сказать, совершала она свои посвященія бѣдныхъ.

И ее любили во всемъ, что она ни дѣлала. Даже страшныя ея выходы нравились, и никто не думалъ за нихъ сердиться.

Мамзель Докторова (такъ звали ее въ околоткѣ) производила рѣшительно военные набѣги повсюду, гдѣ только обитала безпечная бѣдность. Сразу растворитъ дверь и явится во всеоружіи: сѣрая шляпка у ней на головѣ, бодрая рѣшимость въ сердцѣ.

Разомъ все увидѣла, все вымѣрила, все сообразила. Ни одинъ горшокъ на полкѣ не ускользнетъ отъ ея взгляда, ни одной тряпки подъ шкафомъ не пропуститъ. Примется створать щикъ и прибираться: въ глазахъ у оторопѣвшей хозяйки, схватитъ щетку, вымететъ на середину комнаты

ворота выли изъ подъ мебели, пересмотрить на свѣтъ всѣ рубашки у мужа, оцупаетъ всѣ дыры, вытаскаетъ изъ печки поашно когда оно горитъ не такъ какъ слѣдуетъ, ухватитъ на бѣгу мальчугана и въ одинъ мигъ обожетъ ему грязь съ лица. И во все это время скажетъ нѣсколько словъ, пошловыхъ словъ. Кончивъ экспедицію, мамзель Докторова бралась за свою корзину и выкладывала на столъ все, что привнесла съ собою. Сидѣлись дѣти, сидѣлась мать, галда какъ являлась на столѣ куча яблокъ, и кусокъ сала укладывался рядомъ съ пшеничною булкой.

Но чтобы кто-нибудь посмѣлъ прийтись за все это во своей волѣ, какъ и когда угодно,—ни подъ какимъ видомъ! Жанна распорядилась всѣмъ: кому, какъ, въ какой часъ, въ какой день, сколько,—чтобы все было какъ слѣдуетъ. Кто нарушалъ правило, того она вычеркивала изъ списковъ. Бѣтъ мимо обѣда, не въ положенное время,—а особенно бѣтъ похода, себѣ на забаву, то что приисоено на продовольствіе,—такого преступленія мамзель Докторова не прощала, несмотря на всю доброту свою.

И вотъ, въ эту минуту, какъ будто слышу ее, какъ она рассказываетъ взволнованнымъ голосомъ всѣ подробности беззаконія.

„Какое вамъ покажется! Вотъ народъ — люди просто бѣтъ не умѣютъ! Принесла имъ мѣшокъ сухихъ груш, кажется можно знать что съ ними дѣлается—что ихъ варятъ. Какъ бы вы думали что жъ они? такъ съели, какъ достъ расщипали похода! Пятеро болвановъ ходятъ да ходятъ каждый день въ мѣшокъ; изволите видѣть это у нихъ десертъ!“ И при этихъ словъ, десертъ, запрыгаетъ сѣрая шляпка, поднимаясь кверху точно забрало на шлемѣ.

Но послѣ такого гнѣва, за то что сухую грушу съѣли не такъ какъ слѣдуетъ, стоило преступницѣ покаяться, и та же самая Жанна выкладывала ей половъ передникъ вишень.

Всѣ вещи и всякая скотина въ домѣ около Жанны принимали какой-то особенный видъ: все у нея было не какъ у другихъ. Кошки у нея имѣли свою особенную физиологію, особенныя привычки, куры у нея неслись вдвое, земля на огородѣ росла какъ-то иначе, ровы у нея были вдвое крупнѣе чѣмъ у сосѣдей, гвоздика ярче, ребеда ду-

нестѣ. Точно все подаживалось къ ея оригинальной персонѣ.

О слушанкахъ, о работницахъ въ домѣ нечего и говорить. Мамзель Жанна поминутно торжествовала ихъ, душила ихъ наставленіями; и такъ эти наставленія были нравственнымъ и строгимъ, столько ихъ было и такихъ разнообразныхъ, что слушанки опомниться не могли, приходили въ оуптѣніе. „Нѣтъ, окажется бывало, надо переимѣнить, взять другую!“ И переимѣнить, возьметъ другую, возьметъ третью—та же самая исторія: это была слабая струна у Жанны.

Жанна покерялась терпѣливо и своей и ихъ бѣдѣ, и кончала тою мыслію, что все къ лучшему.

Все дѣло въ томъ, въ какія очки смотришь на свѣтъ. Въ шкатулкѣ у Жанны не было дорогихъ камней, но стекла въ очкахъ у нея сіяли брилліантовымъ огнемъ.

У всякаго есть эти волшебные очки, съ разноцвѣтными стеклами; у всякаго дупа въ такія стекла смотреть. Иной видитъ въ зеленомъ, другой въ розовомъ цвѣтѣ. Иному въ самомъ воссоемъ ландшафтѣ кажутся мрачныя тѣни, другому на голыхъ мѣстѣ кажется рай земной во всемъ сіяніи.

Въ каплѣ росы видитъ небо, кто умѣетъ видѣть. И небо покажется сѣрою окатертью тому, кто смотреть на него черезъ туманъ своей скуки.

А Жанна не понимала чтѣ такое скука; она не знала чтѣ значить падать духомъ, не знала и той усталости, вялости, которая нападаетъ на иныхъ. Правда, что въ то время вялость была не въ обычай; да Жаннѣ не было и времени уставать душою.

Крѣпкій духъ становится еще крѣпче отъ противнаго вѣтра; претивный вѣтеръ только раздражаетъ въ немъ живую силу.

Мы, вынѣшнее поколѣніе, мы полуживы, полумертвы. Неслыханная скорбь поразила насъ въ самое сердце; на первыхъ же шагахъ въ жизнь, жизнь намъ наскучила.

Мамзель Жанна чувствовала въ себѣ тройную жизнь. Жизнь была въ ней для себя и кромѣ того жизнь для другихъ. Стѣило посмотреть на нее, какъ она бодро шѣрила жизнь своими шагами, и кажетоя самому разслабленному захотѣлось бы идти вслѣдъ за нею.

Потомъ: въ каждомъ домѣ есть обильный источникъ

бодрости; только про него забыли, изъ него не черпаютъ: это—послушаніе.

Солдатъ, которому пришла забота быть генераломъ, потерялъ солдатское счастье. Прощай беззаботный сонъ, прощай веселый смѣхъ на столѣхъ! Жанна оставалась солдатомъ. Не то чтобъ она не мечтала иногда о лучшей участи: но она не пускалась въ борьбу съ судьбою Божіею. Она шла своею дорогой, шла, смотрѣла по сторонамъ, кое гдѣ нападала на цвѣтокъ въ полѣ, и чтобы дорога была весела, пѣла безъ перерыву во всю дорогу.

Два событія, вовео неодинаковой важности, ознаменовали жизненное поприще Жанны: вопервыхъ единоборство съ бараномъ, и вторыхъ вступленіе въ бракъ съ сосѣдомъ помѣщикомъ.

Приключеніе съ бараномъ было для Жанны драмою, критическимъ моментомъ, составляло въ жизни ея эпизодъ, который она въ теченіе тридцати лѣтъ не уставала описывать и разказывать.

Замужество было для нея эпохою совершеннаго развитія; ввело ее въ полное состояніе жизни; въ замужествѣ Жанна достигла какого-то царственнаго сана, о которомъ и помышлять не смѣла.

Поездикъ совершился однажды въ сентябрѣ яснымъ осеннимъ утромъ; мѣстомъ боя служилъ огорождъ помѣщичьяго дома. Дорога туда шла по плохому мостику: просто три колодезные трубы переброшены были черезъ ручей. Правда, подальше была тропинка; по тропинкѣ можно было придти къ другому исправному мостику съ перилами; но въ такомъ случаѣ надо было идти въ обходъ, а мамзель Жанна ходила все прямо, какъ пушечное ядро.

Овечки паслись на мягкой травкѣ. Ихъ стерегъ баранъ, новый баранъ, его только что привели изъ другаго мѣста. Вдругъ, изъ-за деревьевъ показалась мамзель Жанна: она шла вдоль по берегу, прямо къ мостику. Когда баранъ увидѣлъ эту странную фигуру обмотанную платкомъ, увѣчанную сѣрою шляпкой, онъ испугался за безопасность своего гарема и уставился, съ рѣшимостію защищать его, прямо противъ мостика. Какъ разъ въ эту минуту мамзель Жанна опустивъ забрало своего шлема, начала переходъ свой, осторожно ступая правою ногой направо, лѣвою на лѣво, по крутымъ, скольскимъ трубамъ. Дойдя до средины,

она увидѣла передъ собой барана въ боевой позѣ. Нельзя было сомнѣваться во враждебныхъ его намѣреніяхъ. Неужели отступить передъ дерзкою скотиной? Это было не въ характеръ Жанны. И потому чтобъ отступить, надо было обернуться назадъ, на самой серединѣ. И вотъ докторша энергически поднимаетъ вверхъ свою шляпку, выпрямляетъ длинную свою талію, идетъ впередъ твердымъ шагомъ, подходитъ и летитъ ввизъ; баранъ въ одинъ мигъ сблизъ ее, скомкалъ рогами, такъ скомкалъ и запуталъ въ собственномъ ея платкѣ, что мельникъ, дѣти мельниковы и люди изъ дому, сбѣжавшись на крикъ, едва-едва могли вымутать докторшу изъ ея скомканнаго одѣянія. Поврежденій не оказалось, страхъ тотчасъ прошелъ, но каково было негодованіе! Тѣмъ болѣе что баранъ тутъ же у самаго поля битвы преспокойно прохаживался передъ своимъ стадомъ и когда прошло первое впечатлѣніе, всѣ, не исключая друзей, принялись хототать тѣмъ гомерическимъ смѣхомъ, какой только въ деревнѣ и можно услышать.

Прошло нѣсколько лѣтъ; приключеніе съ бараномъ, какъ ни занимало всѣхъ въ свою пору, начало забываться; старый докторъ, на восемьдесятъ пятомъ году, готовъ ужъ былъ отправиться по всемірной дорогѣ, какъ вдругъ появился въ соседствѣ одинъ добрый человекъ, котораго никто не зналъ до тѣхъ поръ, появилась также внезапно, какъ баранъ въ прошлую пору.

Этому не пришлось вступать въ битву: послѣ самой непродолжительной крейсеровки подъ окнами у стараго доктора, онъ одержалъ побѣду, то-есть получилъ руку Жанны, безъ выстрѣла.

Это Филемонъ, вы угадали. Онъ явился изъ домика, который едва можно было отыскать въ меакомъ лѣсу; къ домику вела полузаросшая дорога, по которой и проѣзду почти не было. Съ одной стороны луга, съ проточною водою, съ другой—основныи лѣсокъ, позади гора.

Дворъ поросшій травой, полуразвалившаяся ограда, остатокъ величаваго крыльца, оборванныя стѣны залъ, башня съ безмолвными часами, огромная лѣстница съ лѣпною работою, четыре тополя качаются и скрипятъ отъ вѣтру: вотъ новое жилище Жанны. Пустыня—для всякаго, только не для нашей докторши.

Хозяинъ этого гнѣзда какъ рязъ къ нему приходился.

Можно было подумать, что Аттила бросилъ здѣсь одного изъ своихъ Гунновъ, когда спѣшилъ въ Италию съ поля Катаунскаго. Четвероугольная плеча, четверугольная голова, четверугольное лицо, носъ, ротъ въ томъ же родѣ, маленькіе глаза рыжаго цвѣта, узкіе какъ шило, и цѣмый лѣсъ сѣдыхъ волосъ.

Никто его не зналъ, и онъ не зналъ никого: какъ медвѣдь въ своей берлогѣ. Но бываютъ видны и добрые медвѣди; это былъ добрый.

Когда докторша увидѣла, что за ней ухаживаютъ, что хотять на ней жениться, вотъ было счастье. Но такое задушевное было ея счастье, такое было искреннее проявленіе гордости, что, конечно, несмотря на то что Жаннѣ стукнуло 40 лѣтъ и женихъ ея явился изъ лѣсу, ей позавидовала бы не одна привередница съ цѣлою вереницей несчастливыхъ обожателей.

Не счастье ли! Есть мужъ—можно сказать: мой мужъ! Есть домъ—можно сказать: у меня дома!

Свадьба мамзель Жанны не обошлась безъ приключенія: шамунъ домовый проказничалъ надъ нею при всякомъ удобномъ случаѣ.

Старый докторъ умеръ. Замокъ жениха кое-какъ помазали, почистили. Пришелъ день свадьбы. Родня у невесты не оказалось: въ друзьяхъ недостатка не было. Въ ясное июльское утро благословенъ былъ союзъ супруговъ; потому гости приглашены на вечеръ къ молодымъ, въ ихъ собственное владѣніе.

Туда можно было добраться только вѣшкомъ, по кочкамъ и болотамъ, между глинистыми ямами, въ которыхъ не просыхала вода. Время было жаркое; собрались облака, одни на Юрь, другія на Альпахъ, пошли гулять по небеснымъ равнинамъ, бѣлыми эскадронами, подъ команду громовыхъ раскатовъ. Разбѣжались, встрѣтились и пошла перепалка: заблестала молнія, появились потоки. Всю разряженую компанію дорогой, въ чистомъ полѣ, вымочило до нитки. Пришлось гостямъ переодѣваться во что повало. Дамы разобрали все приданое новобрачной, мужчины закутались въ широкія одежды супруга. Хороши были гости: иной, совсѣмъ закутавшись въ складкахъ, едва могъ отыскать у себя руки и ноги; другой лѣзъ вонъ изъ узкаго костюма и ходилъ какъ мумя.

Три часа продолжалась ужины. Каждая хозяйка принесла свое блюдо. Невозбращая Жанна сама себя воздвигла подобие памятника, в вид огромного пирога, занимавшего всю середину стола. Когда молодой погрузилъ въ него ножъ могучею рукой, изъ него прынула вверхъ до потолка струя буафона, это было вмѣсто фейерверка на достопамятный день свадебнаго торжества.

Съ тѣхъ поръ прошлаго года. Надо было видѣть блаженство Бавкиды. Никто не бранить, и еще любить! Но кромѣ сердечнаго удовольствія, было еще множество маленькихъ матеріальныхъ радостей. Владѣть своею землею, жить на своей землѣ—въ этомъ есть какое-то обаяніе мира, это какъ будто обезпечиваетъ человѣку счастье на землѣ.

Бавкида, подвѣсившись съ раннаго утра, отправилась въ поле съ Филемономъ. Смотрятъ, на сколько еще выросла трава, рѣшаютъ когда начать косить ее. Въ огородѣ не пропустить ни одной грядки, постоятъ у каждой. А тамъ, пришла бѣдная сосѣдка попросить меду; надо набрать цвѣтовъ, послать богатому сосѣду: на каждомъ шагу есть забавы, есть дѣло, вотъ закудхтали курица, и такъ весело, вѣрно смесла яйцо; вотъ вода сосною въ лѣсу покраснѣлась земляничка, пойдти сорвать ее; вотъ прыгнулъ котенокъ, какой шаловливый! вотъ молодая телка, какъ она выросла! Придетъ время собирать фрукты и овощи, дѣлая эпоха наслажденія, и нарочно тянутъ время, нарочно придумываютъ разныя хитрости, чтобы дѣло шло подольше. Надо было видѣть, что значило собирать виноградъ въ крошечномъ виноградникѣ, сколько толковъ и повтореній, какъ складывать, какъ развѣшивать кисти!

Трудно было бы представить себѣ жизнь однообразнѣе этой; но какая это была полная, какая довольная жизнь! Все въ этой жизни сіяло. Не было яблоки, на которой Бавкида не знала бы, чуть не на перечесть, всѣхъ яблокъ: тутъ были такіе розовые красавцы, что сердце у нея радовалось; были такіе уроды, что глядя на нихъ она помирала се смѣху; были ранеты, которые она ухитрилась оберегать до другаго лѣта, и бывало—что за торжество у ней во взглядѣ, когда вынесетъ ихъ гостю въ августѣ мѣсяцѣ, сморщенные, высохшія въ пробку.

На славу Жанны составлялись тѣ ужасныя произведенія которыя изготавливаются экономными хозяйками по осо-

бымъ рецептамъ. Чего тутъ не было! Померанцовое варенье изъ моркови, вяжущіе сиропы изъ лѣсныхъ ягодъ, какія-то безыменныя наливки изъ горькихъ травъ, варенья фантастическія, а сколько было еще подличныхъ вареньевъ изъ настоящей смородины, настоящей малины, неподдѣльныхъ абрикосовъ и персиковъ.

Филемонъ, воплощенная кротость, спокойно смотрѣлъ, какъ все это составлялось и варилося. Когда приходилось, онъ же и подалъ все, съ истиннымъ самоотверженіемъ, передъ которымъ друзья всегда готовы были отступить.

Станный былъ человекъ. Таинственности въ немъ не было никакой, но не было и откровенности, ни малѣйшей злобы, и былъ онъ охотникъ острить. Онъ и зналъ много, но ничего цѣльнаго не было въ его знаніяхъ: это была какая-то куча свѣдѣній отовсюду нахватанныхъ, кое-какъ размѣстившихся въ головѣ, безъ всякой связи. Онъ читалъ все что попадалось ему подъ руку, и ничего не забывалъ. Знакомые копали для него старые нумера газетъ, цѣлою коллекціей, и онъ вычитываетъ бывало такую коллекцію за весь годъ, начиная съ перваго нумера, ничего не пропуская. Можно представить себѣ что за свѣжія новости читалъ онъ: какъ будто на луну доходила до него вѣсти о разсужденіяхъ палаты, о вѣшной политикѣ: всѣ ужъ прожили годъ, а онъ только что начиналъ его. Потомъ, и разговоры велось тоже заднимъ числомъ и наводила собесѣдника на философскія размышленія.

Въ длинныя осенніе вечера онъ занимался стихотворствомъ. У него бывали остроты въ родѣ Шамфора и обороты рѣчи въ родѣ Вольтера, только безъ вольнодумства. Когда муза его обращалась къ землѣ, онъ сочинялъ посланія къ жемъ своей и называлъ ее: Моя Елена! въ воспоминаніе о Троѣ.

Ей ни разу не надоѣло счастье! — счастье быть женою, хозяйкой и править своимъ домою. Не было дерева въ саду, не было вещи въ домѣ, на которую она не смотрѣла бы въ чувства благодарности къ Богу, въ чувства горячей любви къ мужу. А Филемонъ тихо улыбался, не говоря ни слова.

Разъ въ годъ старые супруги созывали къ себѣ друзей своихъ. Всѣ отправлялись къ нимъ, большіе и малые. Въ большой галлерей, на длинныхъ столахъ, разставлялася за-

втракъ, который еще за недѣлю начинали готовить. Страшно подумать изъ какихъ сочетаній состоялъ этотъ завтракъ: горячя блюда подавались холодными, холодныя горячими, и во всякое кушанье хозяйка дала и сыпала масло, сливки, сахаръ, безъ мѣры и безъ вѣсу. Хозяйка бѣгала около гостей, перемѣняла тарелки, наливала чашки, а мужъ въ это время сидѣлъ за столомъ въ невозмутимомъ спокойствіи. Мы, дѣти, не долго оставались за столомъ: гдѣ намъ было утерпѣть! Отправлялись на чердакъ, тамъ было намъ любо вѣшаться на большыя вѣсахи, поднимать бѣготню такую, что потолоки тряслись. Тутъ пойдутъ неожиданныя открытія въ кучѣ стараго хама, и такъ сладко замираетъ сердце въ темныхъ углахъ!

Вечеромъ—возвращеніе домой пустыннымъ полемъ; свѣтитъ мѣсяцъ; трещать кузнечики; кричить ивола; отовсюду поднимается овѣжій запахъ полей; горный вѣтеръ дуетъ въ лицо, и такъ легко и отраднo дышется.

И ничего этого ужъ нѣтъ! Нѣтъ гостепріимнаго дома, и маленькое счастье, которое жило въ немъ, исчѣзло.

Пожалуй, одну прозу можно было видѣть въ этомъ союзѣ; но когда пришла сѣдая старость, распустилось и расцвѣло все чтò было въ немъ высокаго.

Бавкида, въ параличѣ, лежала, не вставая, въ большомъ креслѣ. Филемонъ выдержалъ нѣсколько апоплексическихъ ударовъ, и голова его, прежде ясная, помутилась. Она, бывало, ни на минуту не переставала хлопотать, теперь осуждена была на неподвижность. Онъ, бывало, только и дѣлалъ что читалъ да накапывалъ себѣ новыя мысли въ запасъ; теперь, и запасъ пропалъ, и все чтеніе кончилось.

Одно осталось. Осталась вѣра. Старая вѣра, цѣльная вѣра, во всей крѣпости едва протесаннаго камня. И еще—любовь, любовь, которая стала еще нѣжнѣе, еще внимательнѣе съ годами и съ болѣзью. И потому, осталась неизмѣнная привычка къ счастью, осталось прежнее довольство жизнью. Филемонъ только и дѣлалъ что спрашивалъ; Бавкида не уставала отвѣчать ему на всѣ вопросы. Она знала чѣмъ развлечь его, разказывала ему исторіи: очень мелки были эти исторіи, но онѣ вызывали что-то похожее на улыбку на поблекшія губы старика. Все къ ней обращался онъ, все у нея чего-то искалъ и спрашивалъ, и самъ онъ не зналъ чего: своего потухшаго свѣта, своей померкшей

мысли. Встрѣтитъ взглядъ ея, заслышитъ ея голосъ—точно опять что-то блеснетъ въ глазахъ у него: еще разъ, хоть на минуту, блеснетъ его счастье.

Она заставляла его молиться съ собою; онъ повторялъ за ней слова молитвы, точно ребенокъ за матерью. Кому приходилось видѣть это таинство любви, тотъ не забудетъ, сколько было глубокаго, и вѣрнаго, и грустнаго благоговѣнiя въ ея взглядѣ. Потомъ, она ему прочитывала нѣсколько псалмовъ Давидовыхъ. Онъ старался понять. Бывало, когда понимаетъ, наклонить голову такъ патриархально, съ такимъ серьезнымъ видомъ. А она, въ эту минуту благославляла Бога, хвалила Его громко, и въ этихъ словахъ благодарности за милость Божию, казалось, оживалъ весь пылъ юношескихъ его порывовъ.

Жанна умерла прежде. Такъ иногда въ кучѣ развалинъ обрушится одна, и увлечетъ за собою все что еще стояло не развалившись.

Старикъ, оставшись одинъ, вдругъ увидѣлъ свое горе, будто сквозь мрачную, бурную ночь, въ ту минуту какъ молнiя озаритъ страшнымъ свѣтомъ встревоженную землю. Сначала, то былъ страшный выпуклый образъ, отъ котораго кровь стыла, и леденѣли жилы: потомъ—образъ сталъ какой-то неясный, черты его начали колебаться, суживаться; онъ и хотѣлъ удержать ихъ, да былъ не въ силахъ. Онъ чувствовалъ, что горе давитъ его; несчастье машетъ на него тяжелыми крылами. Но ужь не помнилъ, не понималъ ясно, бродилъ по комнатамъ въ безпокойствѣ. Обойдетъ около кресла покойницы, смотреть на него долго-долго; потомъ, шатаясь, подойдетъ къ нишѣ, опуститъ постель, подвинетъ занавѣсъ, тихонько шепчетъ: „Жанна“ Станетъ прислушиваться, что-то блеснетъ въ глазахъ, опять опуститъ занавѣсъ и скажетъ: „Господи Бже!“

Иногда бралъ онъ старую Жаннину Библию старыми руками: руки дрожали перелистывая страницы, баюкались по строчкамъ помутившейся взглядъ. Но вдругъ изъ этой тьмы выдвинется слово, выступитъ прекрасный стихъ, который любила Жанна. И вотъ, бѣдный вдовецъ медленно, разбитымъ голосомъ, повторяетъ стихъ: „Азъ есмь путь, и истина, и животъ“, и крупная слеза каплетъ на страницу.

О КРЕДИТЪ

ПО ПОВОДУ ВОПРОСА

ОБЪ УЧРЕЖДЕНИИ

ПОЗЕМЕЛЬНЫХЪ БАНКОВЪ.

Въ январѣ 1861 года, предводители дворянства Калужской губерніи, собравшись съ цѣлью принять мѣры къ учрежденію по губерніи поземельнаго банка, предложили В. С. Кавшину и мнѣ завѣяться обсужденіемъ вопроса о гипотечномъ кредитѣ. Возрѣніе на предметъ В. С. Кавшина не было мнѣ сообщено. Я, же, съ своей стороны, желая оправдать довѣріе оказанное мнѣ представителями калужскаго дворянства, и принимая притомъ живое участіе въ предметѣ общественной потребности, принялся за тщательное изученіе предложеннаго къ изслѣдованію вопроса, по которому и излагаю здѣсь свои соображенія.

Ознакомившись съ исторіею банковыхъ учрежденій въ Европѣ, всякій легко убѣдится, что значеніе кредита въ экономическомъ быту народовъ уяснилось лишь весьма недавно. Адамъ Смитъ, въ концѣ прошлаго столѣтія, первый завидѣвъ сокрытую въ немъ силу, и предугадавъ блестящую его будущаость въ качествѣ могущественнаго по-

собника народному труду. Его гениальное воззрѣніе оправдалось въ послѣдствіи, чему не мало способствовали изслѣдованія новѣйшихъ экономистовъ. Въ настоящую пору вполне разоблачилась тайна этой невѣдомой дотола силы, открыты наукою естественные законы, коимъ она подчиняется, и приисканы способы примѣненія ихъ къ промышленному труду. Въ устройствѣ новѣйшихъ банковъ приняты въ руководство начала постановленныя наукою, и только въ нихъ проявилась на просторѣ вся живительная сила кредита.

Изучая это устройство, мы усматриваемъ въ банкахъ примѣненіе двухъ началъ, опредѣляющихъ настоящее призваніе кредита. Какъ главному двигателю промышленнаго труда, ему предназначено, съ одной стороны, привлекать къ себѣ праздые капиталы для пробужденія ихъ дѣятельности; съ другой, питая ими промышленный трудъ, — облегчать самое производство сбереженіемъ времени. Въ этомъ двоякомъ назначеніи кредита заключается характеристическая его черта. Гдѣ ея нѣтъ, тамъ нѣтъ и правильно-организованнаго кредита.

Первое изъ помянутыхъ назначеній кредита давно уже всѣми признано; второе же усмотрѣно въ позднѣйшее время, и обнаружилось лишь по усовершенствованіи банковаго устройства.

Нужно ли объяснять, что сокращеніе времени въ производствѣ равняется приращенію силы? Если приисканъ способъ исполнить въ одинъ часъ работу, требующую два часа времени, то не будетъ ли это то же самое, что совершить въ одинъ часъ вдвое больше работы? Дѣйствительно, сокращеніе времени значитъ то же самое что и сокращеніе труда или приращеніе силы. Оно влечетъ за собою сбереженіе расходовъ на производство и наконецъ пониженіе цѣны продукта. Приложение даровыхъ силъ природы къ производительному труду, посредствомъ механическихъ изобрѣтеній, достигаетъ, какъ всѣмъ извѣстно, этой благой цѣли. Паровая сила, вступившая въ состязаніе съ человѣческимъ трудомъ, достигла изумительныхъ результатовъ. Ей обязаны мы дивными успѣхами промышленнаго производства, ознаменовавшими XIX вѣкъ. Эти-то немислимыя дотола чудеса и вызвали ангаійское изреченіе: *time is mo-*

пеу (время тѣ же деньги), выражающее плодотворное дѣйствіе принципа сокращенія времени.

Какимъ бы путемъ ни достигалось примѣненіе этого начала къ человѣческому труду, результатъ всегда долженъ почитаться драгоценнымъ приобрѣтеніемъ. Но если польза механическаго изобрѣтенія осязательна для каждаго, если для всѣхъ ощутительна польза безчисленнаго множества машинъ и снарядовъ въ дѣлѣ производства, польза пароходства, паровозовъ, телеграфовъ, то немногими сознается примѣненіе принципа сокращенія или сбереженія времени въ устройствѣ кредита, и потому полагаю нелишнимъ прослѣдить дѣйствія кредита въ процессѣ промышленнаго производства, дабы обнаружить присутствіе въ немъ этого благотворнаго начала.

Извѣстно, что всякое производство необходимо требуетъ соучастія двухъ дѣателей: труда и капитала. Отдѣльно взятые, они безсильны, бесплодны. Ихъ необходимо соединить. Въ этомъ-то обличіи и состоитъ одна изъ главныхъ заслугъ кредита. Хотя бы въ общественномъ устройствѣ заключались всѣ условія, способствующія установленію довѣрія, однако между трудомъ и капиталомъ необходимъ еще посредникъ, какъ необходимъ посредникъ между производителемъ и потребителемъ. Въ послѣднемъ случаѣ посредникомъ является торговецъ, въ первомъ — банкъ.

Изъ этого слѣдуетъ, что отсутствіе банковъ можно уподобить отсутствію торговыхъ заведеній. Недостатокъ въ томъ или другомъ посредничествѣ служитъ признакомъ неразвитости общества и тѣснаго круга, въ которомъ вращается его промышленная дѣятельность.

Впрочемъ, за исключеніемъ случаевъ, о коихъ упомяну ниже, на банкъ не возлагается обязанность доставлять промыслу основной капиталъ на обзаведеніе. Обыкновенно капиталистъ самъ предпринимаетъ какое-либо производство; тутъ онъ обходится безъ посредничества банка. Рабочая сила, нуждающаяся въ насущномъ пропитаніи, стекается къ нему по первому зову, и кредитуются прямо отъ его лица.

Но прослѣдимъ далѣе процессъ производства, и мы легко убѣдимся, что никакой капиталистъ не можетъ, подъ опа-

сеніемъ значительнаго ущерба, обойдись безъ помощи банка.

Не подлежитъ сомнѣнію, что всякое производство нуждается въ сбытѣ своего продукта; другими словами, экономическій процессъ производства почитается окончательно совершившимся лишь въ такомъ случаѣ, когда произведеніе замѣнилось какою бы то ни было другою цѣнностію.

Итакъ, мѣна есть какъ бы необходимое дополненіе всякаго производства. Ею реализируются и прибыль, и затраченный капиталъ, доставляющій производителю возможность приступить снова къ дѣлу.

Но разнѣвъ этотъ совершается при посредничествѣ торговца, у котораго свободнаго, то-есть, празднаго капитала не должно быть, слѣдовательно продуктъ продается не иначе, какъ по срочному обязательству, отъ одного до шести мѣсяцевъ и болѣе, смотря по дѣятельности торговца и существующимъ способамъ сообщенія.

Очевидно, что въ такомъ случаѣ производство должно прекратиться до срока, назначеннаго въ долговомъ обязательствѣ, что составляетъ значительную потерю времени, и слѣдовательно значительный ущербъ для производителя, а въ его лицѣ—для общественнаго богатства. Тутъ-то кредитъ подаетъ ему руку помощи. Банкъ дисконтируетъ долговое обязательство, то-есть, осушаетъ промышленника капиталомъ, взимая съ него процентъ за то время, какое пришлось бы ему выждать до полученія долга, и тѣмъ снабжаетъ его надлежащими средствами, дабы онъ могъ немедленно приступить къ новому производству фабриката или продукта, составляющаго его промыселъ. Тотъ же результатъ достигается, если торговецъ, желая купить фабрикатъ на наличныя деньги, кредитуется въ банкѣ до выручки запродавнаго имъ товара.

Предположимъ теперь, что сбытъ продукта, вслѣдствіе какихъ бы то ни было обстоятельствъ, замедлился, или же оказывается невыгоднымъ по причинѣ временнаго пресыщенія рынка; банкъ опять производитъ осуду подъ непроданный товаръ, и тѣмъ доставляетъ способъ фабриканту, заводчику или торговцу, словомъ, какому бы то ни было промышленнику, безъ потери времени снова приняться за работу.

Изъ вышеприведенныхъ примѣровъ легко усматривается указанный наукой естественный законъ солидарности всѣхъ интересовъ.

Мы выше сказали, что размѣвъ продуктовъ почитается окончательнымъ дѣйствіемъ производства. Следовательно, чѣмъ свободнѣе, чѣмъ быстрѣ совершается онъ, тѣмъ скорѣе процессъ производства приходитъ къ концу и доставляетъ возможность производителю приступить снова къ труду. Что же въ силахъ устранить такую губительную трату времени, какъ не организованный кредитъ? Вотъ его прямое назначеніе и главная заслуга.

Усовершенствованное устройство кредитныхъ учреждений, въ видахъ удобнѣйшаго достиженія такой цѣли, увѣнчалось громадными успѣхами народнаго труда, и всюду, гдѣ было введено, ознаменовало эпоху возрожденія общественныхъ промышленныхъ силъ.

Постараемся представить это въ формѣ болѣе осязательной, и съ этою цѣлью подвергнемъ анализу процессъ размѣва продуктовъ. Извѣстно, что производитель приступаетъ снова къ труду лишь по размѣвѣ своего фабриката не на деньги, а на суровье, употребляемое имъ въ его промыслѣ. Для такого окончательнаго размѣва или, какъ говорится, превращенія, требуются три фактора, то-есть, два производителя и торговецъ. Итакъ, по совершеніи размѣва оказывается, что каждый изъ производителей возвратилъ свой капиталъ съ надлежащею прибылью, а купецъ куплей и продажей совершилъ два оборота. Для наглядности я выставилъ здѣсь лишь три лица, хотя въ сущности и посредниковъ, и производителей бываетъ много, по причинѣ дробленія торговли, и разнообразія сырыхъ продуктовъ, требуемыхъ для производства. Чѣмъ болѣе участниковъ, тѣмъ болѣе заинтересованныхъ лицъ въ безпрепятственномъ и быстромъ совершеніи размѣва.

Возвращусь для большаго уясненія предмета къ вышеизложенному мною правилу, что капиталистъ, приступивъ къ предпріятію безъ помощи кредита, не можетъ въ послѣдствіи, соблюдая разумно свой интересъ, обойтись безъ него. Чтобы не нуждаться въ кредитѣ, онъ обязанъ будетъ держать наготовѣ, то-есть празднымъ, значительную долю своего капитала, что было бы безразсудно, ибо про-

центъ, платимый имъ за краткосрочную ссуду, далеко ниже убыли происходящей вслѣдствіе праздноежащаго капитала. Изъ этого видно, что отсутствіе кредита ставитъ промышленника въ необходимость, для безостановочнаго производства, имѣть два капитала вмѣсто одного. Назначеніе такихъ капиталовъ не одинаково: одинъ въ употребленіи непрерывно, другой лишь временно, и поэтому бываетъ празденъ. Слѣдовательно, два капитала взятые въ сложности доставляютъ лишь половину прибыли, на которую былъ бы въ правѣ разчитывать промышленникъ при пособіи кредита, и поэтому расходъ производства при кредитѣ значительно сокращается. Стоитъ только представить себѣ, что весь народный трудъ терпитъ показанный выше недостатокъ, и тогда легко пойметъ какую громадную потерю несетъ государство лишенное кредита.

Эти соображенія дали одному экономисту основаніе къ заключенію, что кредитъ замѣняетъ самые капиталы. Такое воззрѣніе неоспоримо, если сообразить все сказанное выше. А отсюда слѣдуетъ заключить, что устройство правильнаго кредита особенно необходимо тамъ, гдѣ жалятся на скудость капиталовъ.

Какъ бы ни были богаты средства производителя или торговца, и тотъ, и другой, во избѣжаніе праздности капиталовъ, нуждаются въ пособіи кредита, и это обстоятельство придаетъ кредиту особенное значеніе, выставляя его уже не въ качествѣ вспомогательнаго средства, но въ видѣ необходимаго фактора въ дѣлѣ производства.

Строго опредѣливъ двоякое назначеніе кредита въ дѣлѣ производства, легко можно, въ данномъ случаѣ, оцѣнить достоинство принимаемыхъ мѣръ для достиженія съ точностію опредѣленной цѣли. Для привлеченія капиталовъ придуманы разные способы: сохранныя кассы, сберегательныя кассы, выпускъ облигацій, товарищества, акціонерныя компаніи. Всѣ эти способы были испытаны, и на дѣлѣ обнаружались недостатки и достоинства, заключающіеся въ каждомъ изъ нихъ. Избраніе того или другаго способа подлежитъ всегда ваіянцію обстоятельствъ времени и мѣстности, но оно должно быть совершенно представлено на усмотрѣніе учредителей, которые болѣе всѣхъ заинтересованы въ предпріятіи и ближе знакомы съ по-

требностями, обычаями и понятіями общественной среды, въ которой они ежечасно вращаются.

Та же свобода должна быть предоставлена и въ выборѣ средствъ, имѣющихъ цѣлю возбужденіе дѣятельности промышленнаго труда посредствомъ удобнѣйшаго примѣненія скопившагося капитала, то-есть въ выборѣ тѣхъ или другихъ банковыхъ операцій, соответственно степени развитія промышленности и ея требованіямъ. Учетъ векселей, ссуды подѣ залогъ товаровъ, открытые счета, переводы по книгамъ, трансферты, выпускъ циркуляціонныхъ билетовъ, всѣ эти операціи способствуютъ оживленію промышленности и сбереженію драгоценнаго времени въ дѣлѣ производства, и потому ни одна изъ нихъ не должна быть воспрещаема банку. Можно предположить, что въ данный періодъ не всякая изъ нихъ признана будетъ своевременною но сужденіе о томъ слѣдуетъ предоставить чуткости личнаго интереса учредителей и общества.

Операціи, не приносящія пользы обществу, не доставлять прибыли банку, и слѣдовательно устраняются банковымъ правленіемъ безъ всякаго вмѣшательства со стороны власти.

Банковое учрежденіе въ настоящее время признано промышленнымъ предпріятіемъ, имѣющимъ близкую аналогію съ коммерческимъ промысломъ. Торговля имѣетъ цѣлю передвиженіе товара съ одного мѣста на другое, переводъ его изъ однихъ рукъ въ другія. Доставка его въ то мѣсто, гдѣ въ немъ болѣе нуждаются, способствуетъ его сбыту, къ выгодѣ производителя, и возвышаетъ его цѣнность, чѣмъ вознаграждается трудъ торговца. Вмѣсто товара возьмемъ деньги, — и торговое предпріятіе превратится въ банковое учрежденіе. Получая капиталъ изъ однихъ рукъ, банкъ передаетъ его въ другія. У перваго владѣльца онъ лежалъ праздно и не доставлялъ ему дохода; второму онъ необходимъ, и въ рукахъ его приноситъ прибыль, которая распределяется между тремя лицами, заинтересованными въ этомъ передвиженіи.

Было время, когда въ этой торговлѣ кредитомъ видѣли что-то таинственное, непостижимое, приписывая ей невѣдомыя средства быстрого обогащенія. Поэтому разрѣшеніе со стороны правительства на учрежденіе банка получалось

не иначе, какъ съ условіемъ дѣлажа въ прибыляхъ; а въ замѣнъ этого банку давалась исключительная привилегія, послѣдствіями которой были искаженіе и упадокъ этого промысла.

Такой исходъ не трудно объяснить. Банкъ, оградивъ себя отъ всякой конкуренціи, обязавшись притомъ удовлетворять требованіямъ сильнаго и притязательнаго участника, сужалъ деньги лишь за огромные проценты, и тѣмъ не только не способствовалъ развитію промышленности, но доводилъ многихъ до разоренія.

Въ настоящую пору, когда банковая промышленность аналитически разобрана, когда извѣстны и цѣль ея, и средства, и польза ея приносимая, когда не подлежитъ сомнѣнію, что прибыли ея, какъ и во всякомъ другомъ промыслѣ, сокращаются до нормальнаго размѣра вслѣдствіе конкуренціи, и что успѣхъ этого предпріятія, какъ и всякаго другаго, зависитъ отъ благоразумія и смѣлости, — спрашивается, на какомъ разумномъ основаніи этотъ въ высшей степени полезный промыселъ разрѣшается не иначе, какъ по особому ходатайству, подъ условіемъ стѣснительныхъ оградочевій и вмѣшательства власти въ устройство и распоряженія банка?

При современныхъ понятіяхъ о свободѣ труда, истекающей изъ права собственности, признаннаго краеугольнымъ камнемъ въ общественномъ благоустройствѣ, такая аномалія, была бы необъяснима еслибы мы не знали, какъ трудно сбрасывается бремя отжившихъ предразсудковъ, и какъ неохотно люди отрекаются отъ закоснѣлыхъ приемовъ рутины.

I. Взглядъ на исторію кредита.

Бросимъ бѣглый взглядъ на исторію кредитныхъ учрежденій. Краткій очеркъ постепеннаго ихъ усовершенствованія укажетъ намъ, какъ медленно проникалъ свѣтъ науки въ область дѣйствительности, и подъ какимъ гнетомъ прішлось будущему исполниту развивать свои силы, и наконецъ послужить къ уясненію современнаго значенія кредита при настоящемъ его устройствѣ.

Первый банкъ, о которомъ сохранилось преданіе, получилъ свое начало въ Венеціи, во второй половинѣ XII столѣтія; другой банкъ былъ учрежденъ тамъ же, въ концѣ XIV столѣтія, и наконецъ третій въ началѣ XV. По слитіи этихъ трехъ заведеній въ одно цѣлое составился нѣкогда знаменитый венеціанскій банкъ.

Достоверно и то обстоятельство, что поводомъ къ учрежденію этихъ банковъ были затрудненія, въ которыхъ находилась республика послѣ продолжительной войны съ Восточною Имперіей, а потомъ необходимость пріисканія способовъ къ поддержанію феррарской войны. Лишь въ XVI столѣтіи, правительство ссудило венеціанскій банкъ капиталомъ въ 5 милліоновъ червонцевъ; но до той поры, вмѣсто основнаго капитала, банкъ имѣлъ лишь долговое обязательство, выданное ему отъ правительства, потратившаго основной фондъ на военныя издержки; обезпеченіемъ долга служили государственные доходы. Очевидно, что при такихъ невыгодныхъ обстоятельствахъ монополія становилась для банка непремѣннымъ условіемъ его существованія, ибо при допущеніи конкуренціи, его постигло бы неминуемое раззореніе.

Впрочемъ, въ монополіи давно уже признали общественный вредъ, завѣщанный намъ исторіею минувшихъ вѣковъ. Было время, когда всѣ отрасли промышленности безъ изъятія были заражены этою средневѣковою язвой: мудрено ли, что банки учредившіеся даже въ XVI вѣкѣ, прозванномъ эпохой возрожденія, при темныхъ юридическихъ и экономическихъ понятіяхъ того времени, подверглись общей участи?

По свидѣтельству историка Готье, всѣ банки до конца XVI вѣка учреждались по образцу венеціанскаго, и ни одинъ изъ нихъ не пользовался самостоятельностью прісвоенною частному предпріятію. Они были учрежденіями или государственными или муниципальными, и существовали при пособіяхъ отъ казны и подъ ея управленіемъ, или находились въ вѣдомствѣ городской ратуши, вслѣдствіе чего, при обязанностяхъ удовлетворять государственными нуждами, пользовались исключительною привилегіей, въ явный ущербъ промышленности. Ущербъ, наносимый промышленному труду, заключался не только въ отсутствіи

соперничества по банковому дѣлу, но и въ томъ обстоятельствѣ, что нѣкоторые изъ банковъ, какъ напримѣръ генуэзскій, открывшійся въ XV вѣкѣ, исключительно кредитовали одно правительство.

Банки возникшіе въ XVII вѣкѣ, какъ-то: амстердамскій, нюренбергскій, гамбургскій и роттердамскій, устроенные хотя и на подобіе венеціанскаго, имѣли уже цѣлью поощреніе промышленности и торговли, и оказали имъ неоспоримыя услуги, но пользовались монополіею, по той причинѣ что доставляли, по увѣренію Адама Смита, значительный доходъ городу, въ которомъ находились.

Впрочемъ кругъ дѣйствій всѣхъ этихъ заведеній ограничивался весьма несложными операціями. Они принимали вклады на храненіе, не выдавая за нихъ процентовъ. Услуги, оказываемыя ими промышленности, заключались единственно въ открытыхъ счетахъ и въ трансфертахъ. Одно изъ важныхъ пособій, доставляемыхъ ими, заключалось въ установленіи неизмѣнной монетной единицы, посредствомъ учрежденія фиктивной монеты, получившей названіе банковской (banco). Извѣстно, что въ то время достоинство звонкой монеты подвергалось частымъ измѣненіямъ, вслѣдствіе подложной лигатурной примѣси. Такое неблагоприятное средство, при господствовавшемъ тогда невѣжествѣ, почиталось государственною доходною статьею берегаемою на случай непредвидимыхъ расходовъ, и достаточно объясняетъ колебаніе цѣнности монетъ, возбуждавшее къ нимъ общее недовѣріе, и имѣвшее послѣдствіемъ большія затрудненія въ торговыхъ сношеніяхъ. Для устраненія такого зла, золото и серебро вносились на храненіе въ банки, и принимались не по нарицательной ихъ цѣнѣ, а сообразно съ количествомъ чистаго металла, въ нихъ заключающагося. Росписка въ полученіи обозначала сумму условными банковыми деньгами (banco) неизмѣннаго достоинства. Платежи между торгующими совершались посредствомъ торговыхъ бумагъ и разнаго рода кредитивовъ, дабы освободиться отъ употребленія ходячей монеты, не внушающей никакого довѣрія.

Основаніе англійскаго банка въ 1694 г. ознаменовало эпоху благодѣтельной реформы, преобразовавшей кредитныя учрежденія. Ему предоставлены были неограниченныя всѣхъ

торговыхъ обязательствъ, также золота и серебра, монетой и слитками. Ссуды подъ залогъ товаровъ, ссуды гипотечныя, съ правомъ продажи залоговъ по просроченнымъ долгамъ, ссуды правительству съ разрѣшенія парламента, аконецъ выпускъ циркуляціонныхъ билетовъ, выплачиваемыхъ по предъявленіи.

Къ сожалѣнію, въ самой основѣ банка крылся значительный недостатокъ, исказившій это учрежденіе и имѣвшій вредное вліяніе на его послѣдующее развитіе. Представленная ему монополія была слѣдствіемъ сдѣлки, о которой уступалъ онъ правительству, въ видѣ ссуды, о 8% весь свой основной капиталъ въ милліонъ 52 мѣсячи фунтовъ стерл., получая въ замѣнъ ежегодно въ государственныя доходы 100.000 ф. ст. на покрытіе процентовъ и на расходы по управленію. Такая крайняя мѣра со стороны банка объясняется затруднительнымъ положеніемъ финансовъ, при вступленіи на престолъ Вильгельма IV, по изгнаніи Іакова II, и необходимою привести Ирландію въ покорность силой оружія.

При такихъ скудныхъ средствахъ, выпускъ циркуляціонныхъ билетовъ былъ не по силамъ банку, что вскорѣ обнаружилось на дѣлѣ. Два года спустя послѣ его открытія, въ вынужденъ былъ прекратить размѣнъ своихъ билетовъ, несмотря на принудительный курсъ, наложенный на нихъ правительствомъ, они повзизались на 20 процентовъ противъ звонкой монеты. Безъ могущественнаго покровительства парламента, въ которомъ засѣдали многіе изъ его акціонеровъ, банку угрожало неминуемое паденіе.

Счастливое обстоятельство, послѣдствіи котораго нито не предвидѣлъ, выручило его изъ бѣды. По убѣжденію въ недостатокѣ кредита, которое терпятъ всѣ отрасли промышленности въ государствѣ, вслѣдствіе монополіи предоставленной лондонскому банку, который не въ силахъ былъ, безъ пособія другихъ кредитныхъ учрежденій, удовлетворять ихъ нуждамъ, разрѣшено было парламентомъ, въ 708 году, открытіе частныхъ банковъ.

Но въ огражденіе привилегій лондонскаго банка, и дабы охранить за нимъ преобладаніе надъ прочими кредитными аведеніями, не допускалось учрежденіе акціонерныхъ компаній, а разрѣшались только товарищества, состоящія не боле какъ изъ шести членовъ. Такіе банки, несмотря на то

что ихъ капиталъ превышалъ средства отдѣльнаго банкира, и угрожали опаснымъ соперничествомъ главному банку. Имъ предоставлены были всѣ тѣ же операціи что и главному банку; но такъ какъ ихъ циркуляціонные билеты не внушали публикѣ достаточнаго довѣрія, то они при учетѣ всѣхъ седей стали выпускать не свои билеты, а билеты главнаго банка, въ замѣвъ которыхъ вносили ему деньги. Такимъ образомъ капиталъ лондонскаго банка усилился средствами частныхъ банковъ. Послѣдніе, будучи разсыяны по всѣмъ странѣ, и находясь въ тѣснѣйшемъ соприкосновеніи со всѣми промышленными центрами, дисконтировали несравненно болѣе коммерческихъ бумагъ чѣмъ главный банкъ; но, заступаясь отъ него циркуляціонными билетами, вмѣсто вреда приносили ему неоспоримую пользу. Итакъ, первое отступленіе отъ пагубной монопольной системы оказало благодѣтельное вліяніе не только на народный трудъ, но на судьбу самого привилегированнаго учрежденія.

Такихъ частныхъ учрежденій считалось въ Англіи въ 1833 г. до семи сотъ шестидесяти пяти. Годъ этотъ ознаменовался новымъ смягченіемъ монопольной исключительности имѣвшимъ на судьбу кредита въ Англіи огромное вліяніе, и притомъ самое благотворное. Правительствомъ разрѣшено было учреждать въ вѣдѣніи 65 миль отъ Лондона банки наподобіе шотландскихъ (joint stock banks). Они отличались отъ обыкновенныхъ акціонерныхъ весьма рѣзкою чертой, заключающеюся въ томъ, что отвѣтственность акціонеровъ простирается на все ихъ имущество. Несмотря на такое стѣснительное условіе, разрѣшеніе поманутыхъ банковъ было новымъ шагомъ къ освобожденію кредита и принесло обильные плоды.

Съ той поры развился въ Англіи кредитъ съ изумительною быстротой. Убѣдившись примѣромъ Шотландіи въ неоспоримой пользѣ свободнаго развитія кредита, правительство, на сколько допускала вѣковая монополія лондонскаго банка, допустило вездѣ у себя учрежденія процвѣтавшія только въ одной части Великобританіи, и тѣмъ возбуждало новую жизнь по всѣхъ отрасляхъ промышленности. Въ Англіи теперь кредитъ доступенъ всѣмъ безъ изъятія: и торговцу-милліонеру, и лавочнику, и фабриканту, и хлѣбопашцу, и ремесленнику, и мастерскому. Производительная сила капитала постоянно бодрствуетъ, и питая рабочую силу, никогда

е оставляетъ ея праздною. Такимъ разумнымъ и неослабнымъ поощреніемъ производительнаго труда преимущественно объясняется завидное процвѣтаніе промышленности въ Англіи и изумительное обогащеніе этой страны.

Для оцѣнки устройства французскаго государственнаго банка достаточно будетъ упомянуть о томъ, что статутъ о утвержденъ первымъ Наполеономъ, изобрѣтателемъ довищной континентальной системы. Недоброжелательство его ко всемъ политическимъ мыслителямъ возбуждено въ немъ недовѣріе къ ученымъ изслѣдованіямъ о наивномъ богатствѣ; за то и финансовое его управленіе дѣлается о томъ, до какой невѣроятной степени или ему чужды самыя элементарныя экономическія понятія. Не подозрѣвая живительной силы кредита относительно народнаго обогащенія, онъ видѣлъ въ немъ исключительно средство для финансоваго управленія; поэтому, предоставивъ французскому банку полную монополію, онъ низложилъ въ немъ лишь государственное учрежденіе, никакъ не заботясь о доставленіи народному труду надѣющаго кредита. Его ошибочное воззрѣніе отражается повсюду въ устройствѣ кредита во Франціи. Мноволье начало, принятое въ основаніе этого устройства, не только отстаиваетъ свои права, и противясь свободному развитію кредита, обрекло его на жалкое прозябаніе.

Капиталъ императорскаго французскаго банка составился посредствомъ выпуска акцій, но управленіе его началось или исключительно въ рукахъ правительства, или въ его непосредственнымъ вліяніемъ.

Хотя первоначальный статутъ и подвергался въ теченіи времени нѣкоторымъ измѣненіямъ, но ложныя экономическія понятія, искажившія это учрежденіе въ самомъ началѣ, до сихъ поръ затрудняютъ свободное его развитіе, и если каючительныя привилегіи, коими оно было пожаловано и основаніи своемъ, доставляютъ акціонерамъ огромныя выгоды,—стѣсненія, которымъ подчиняется оно по статуту, подвергаютъ его вѣчно-грозящей опасности.

Лишь въ 1817 году, послѣ паденія Наполеона, разрѣшено было учрежденіе перваго частнаго банка, въ Руанѣ. До 40 года возникло всего восемь банковъ, и возникали они иначе какъ по продолжительномъ и неотступномъ ходатайствѣ, которое для иныхъ городовъ, какъ напримѣръ для

Дижона, оказалось безуспѣшнымъ, а въ 1840 году, когда возобновилась на 27 лѣтъ привилегія французскаго банка, постановлено не допускать уже болѣе открытiя частныхъ банковъ по департаментамъ, а существовавшiе дотогъ обращены были въ конторы главнаго банка. Доказательствомъ тому какiя превратныя понятiя о кредитѣ господствовали во Францiи воспитанной Наполеономъ, и какъ мало постигали тамъ значенiе кредита, послужить слѣдующiй трудно-объяснимый фактъ, что до 1838 года монополюный французскiй банкъ не заботился даже объ открытiи конторъ по департаментамъ. Въ 1848 году, конторъ этихъ считалось всего до тринадцати.

Главные недостатки, приписываемые банковому устройству во Францiи, заключаются въ томъ, во-первыхъ, что за внесенные вклады не выдаются проценты; во-вторыхъ, что коммерческiя обязательства, не скрѣпленные тремя подписями, не принимаются къ учету, чѣмъ значительно затрудняются коммерческiе обороты; наконецъ, третьихъ, что существовавшимъ нѣкогда частнымъ банкамъ воспрещались кредитныя отношенiя между собою; это стѣснительно запрещение и вынудило ихъ отказаться отъ самобытности и безусловно подчиниться главному банку въ качествѣ подвластныхъ ему конторъ. На сколько отъ такого превращенiя пострадалъ кредитъ, и слѣдовательно питаемая имъ промышленность, можно судить изъ слѣдующихъ цифръ приводимыхъ Курсель-Сенелемъ. Лионскiй банкъ, имѣвшiй капиталъ въ 2 миллiона, доставлялъ акціонерамъ своимъ въ 1841 году 14,62%; въ 1842—16,37%; въ 1844—20,73%; въ 1847—24,40% и въ 1849—28,75%. Въ слѣдующемъ году, когда онъ превратился въ контору государственнаго банка, ему были разрѣшены всѣ тѣ банковыя операцiи, какiя предоставляетъ себѣ главный банкъ, и несмотря на такую льготу, въ 1851 г. оказывается у лионской конторы недочетъ въ 26.638 фр. Равно и орлеанская контора, выдававшая своимъ акціонерамъ значительные дивиденды, пока пользовалась самобытностью частнаго банка, въ 1851 году оказалась въ убыткѣ. Въ 1852 году обнаружился дефицитъ въ двѣнадцати конторахъ за первое полугодiе, и въ шести конторахъ за второе. Всѣ въ сложности доставили банку доходъ лишь въ 1.800.000 фр., доходъ ничтожный въ сравненiи съ огромною прибылью, которая до того получалась частными банками. Подобные факты неоспоримо доказы-

нѣтъ превосходство частныхъ банковъ надъ государственнымъ относительно развитія кредита. О жалкомъ состояніи его во Франціи достаточно свидѣтельствуютъ тяжкія условія займа при частныхъ сдѣлкахъ. Подъ гипотечные залоги съ трудомъ добываются деньги за процентъ, простирающійся отъ 8 до 12. Мелкій торговецъ облагается процентомъ несравненно выше, сельскій же житель и ремесленникъ въ городахъ ни подѣ какимъ условіемъ не кредитуются.

Нѣтъ сомнѣнія, что безвыходное положеніе кредита во Франціи, вслѣдствіе приростей къ нему монополіи, объясняетъ отчасти сочувствіе, которое встрѣчаютъ во французскомъ обществѣ несбыточныя мечты Прудона о даровомъ кредитѣ. Невольно вспомнишь о существовавшемъ некогда вѣрованіи въ философскій камень, имѣющій большое сходство съ этимъ вымышленнымъ кредитомъ. Тѣмъ не менѣе можно утвердительно сказать, что подобно тому какъ прежніе алхимики, вмѣсто золота, открыли науку; такъ и теперь предположенія о возможности установить даровой кредитъ возбудили изысканія, стремящіяся къ усовершенствованію банковаго устройства. О такомъ настроеніи умовъ къ преобразованію кредита свидѣтельствуетъ книга Даримона (*Réforme des banques*), въ которой излагаются различныя мнѣнія по этому предмету; но нельзя не сознаться, что предлагаемыя до сихъ поръ преобразованія, если и свидѣтельствуютъ объ изобрѣтательности французскаго ума, то лишены всякаго практическаго значенія.

Обратимся къ болѣе пріятному явленію. Шотландіи, скромной родиной Адама Смита, выпалъ завидный жребій. Страна небольшая, заключенная въ тѣсныхъ предѣлахъ между горами и моремъ и скудно одаренная природою, притомъ же малолюдная, успѣла мирнымъ путемъ настойчиваго труда, поощряемаго разумно устроеннымъ кредитомъ, достигъ высокой степени благосостоянія. Она первая постигла тайную силу, скрытую въ этомъ общественномъ двигателѣ, и овладѣвши ею посредствомъ искусно придуманнаго орудія, приложила ее къ дѣлу съ блестящимъ успѣхомъ. Надъ ней не столько тяготѣло, какъ надъ самою Англіею, вѣковое бремя монополіи, и вслѣдствіе такого благопріятнаго обстоятельства, ей довелось на поприщѣ промышленнаго труда быть путеводительницею своей могущественной сестры.

Въ 1695 году шотландскимъ парламентомъ разрѣшено было учрежденіе перваго банка въ Эдинбургѣ подъ наименованіемъ шотландскаго банка (Bank of Scotland). Въ 1727 году основанъ другой банкъ подъ названіемъ королевскаго шотландскаго банка (Royal Bank of Scotland). Въ 1746 году устроенъ былъ третій банкъ *Британскій*, подъ фирмой *Лотняной компаніи* (British Linen Company). Первоначальная цѣль учрежденія ея состояла въ поощреніи льнянаго производства; но въ послѣдствіи, распространивъ свое покровительство на всѣ промыслы безъ различія, банкъ этотъ ничѣмъ не отличался отъ первыхъ двухъ.

Три первыя помянутыя учрежденія основаны всѣ въ Эдинбургѣ съ разрѣшенія правительства, пользуются правомъ обыкновенныхъ акціонерныхъ компаній, на основаніи котораго отвѣтственность каждаго члена ограничивается акціями, имъ купленными. Въ этой ограниченной отвѣтственности и заключается привилегія такихъ компаній, именуемыхъ въ Англіи incorporated company. Товарищества же, о которыхъ мы выше помянули, называемые банками соединенныхъ фондовъ (joint stock banks), учреждаются безъ всякаго предварительнаго разрѣшенія со стороны правительства. Первое изъ такихъ товариществъ учреждено въ Глазго, въ самомъ значительномъ городѣ послѣ Эдинбурга. Въ 1825 году число ихъ разраслось до 34, при содѣйствіи 208 конторъ, не считая 54 конторъ, принадлежащихъ первымъ тремъ привилегированнымъ заведеніямъ. Итакъ въ сложности Шотландія, народонаселеніе которой за тридцать восемь лѣтъ тому назадъ, простиралось всего до 2.870.000, имѣла у себя 37 банковъ и 262 конторы. Въ этомъ числѣ не упомянуто о трехъ частныхъ банкахъ подъ фирмою, имѣющихъ въ сложности до восьми конторъ. Итого, выходитъ 310 кредитныхъ учрежденій, что составляетъ на 9.258 жителей или банкъ или контору. Позднѣйшихъ статистическихъ свѣдѣній не имѣю; но нѣтъ сомнѣнія, что съ 1825 года число банковъ умножилось. Въ Америкѣ, какъ увидимъ ниже, отношеніе числа кредитныхъ учрежденій къ цифрѣ народонаселенія еще болѣе разительно.

Отвѣтственность всѣмъ имуществомъ, налагаемая на акціонеровъ, ограничиваетъ число участниковъ въ такихъ предпріятіяхъ. Большая часть ихъ считаетъ не болѣе двадцати акціонеровъ. Немногіе имѣютъ отъ 20 до 100 членовъ.

За такую численную границу переступили лишь два учрежденія: коммерческій Шотландскій банкъ, состоящій изъ 500 акціонеровъ, и Національный Шотландскій банкъ—изъ 1.200.

Замѣчательно, что шотландскіе банки первые стали выдавать проценты за принимаемые ими вклады. До сихъ поръ, въ англійскомъ и французскомъ банкахъ принимаются вклады только на храненіе, а шотландскіе банки первые поняли пользу учрежденія конторъ, помощью которыхъ кредитъ разливается повсемѣстно и протекаетъ во всѣ слои общества, поощряя равномерно и городскіе, и сельскіе промыслы. Съ 1696 года открыты были конторы перваго Шотландскаго банка. Шотландскимъ банкамъ принадлежитъ также инициатива въ выдачѣ ссуды безъ залоговъ, за однимъ поручительствомъ, и выпускъ билетовъ низкаго достоинства, то-есть въ 1 ф. стерл. Замѣчательно, что свобода, какою пользовались эти заведенія, никогда не была употребляема ими во зло, о чемъ свидѣтельствуетъ торжественная хвала, какую воздалъ имъ англійскій парламентъ, по случаю имъ же наряженнаго изслѣдованія надъ управленіемъ банковъ по всему государству.

Извѣстно также, что шотландскіе банки въ то время, когда никто и не думалъ о сберегательныхъ кассахъ, принимая вклады не выше 10 ф. стерл. и выдавая за нихъ проценты, доставляли рабочему классу возможность сберечь трудовую копѣйку и тѣмъ обезпечить свою будущность и улучшить свой бытъ. Къ тому же, весьма важно было привлечь эти дробныя суммы къ кредиту. Онѣ въ сложности составляютъ огромную массу. Въ Англійи сумма вкладовъ въ сберегательныхъ кассахъ простирается нынѣ до милліарда франковъ. Во Франціи же, въ 1844 г., считалось въ нихъ до 450 милліоновъ. Къ сожалѣнію, во Франціи этотъ огромный капиталъ не прилагается къ поощренію труда; онъ обращается въ государственные фонды, гарантирующіе его цѣлость.

Перехожу къ устройству кредита въ Америкѣ. Экономистъ Каре (Carey), подробно изучившій состояніе кредита въ Америкѣ, Англійи и Франціи, и составившій полный сводъ неоспоримыхъ статистическихъ данныхъ относительно кредита въ трехъ упомянутыхъ государствахъ, фактически доказываетъ несомнѣнное превосходство американской системы кредита. Ограничусь изложеніемъ выводовъ, имъ полученныхъ, и сообщеніемъ нѣкоторыхъ любопытныхъ

фактовъ , бросающихъ яркій свѣтъ на изслѣдуемый нами предметъ. До обнародованія его труда, точнаго понятія о состояннн кредита въ Америкѣ , за неимѣннемъ вѣрныхъ данныхъ , нельзя было составить себѣ въ Европѣ , и вслѣдствіе лишенныхъ всякаго основанія слуховъ , возникли , особенно во Франціи , сильныя предубѣжденія противъ существующаго въ Америкѣ устройства кредита. Свободѣ , какою пользуется тамъ кредитъ , и широкому его развитію , приписывали частыя банкротства и непопулярный рискъ , какому подвергаются тамъ капиталы ; числовыя данныя , которыя собралъ Каре , ярко изобличаютъ неосновательность этого мнѣнія . Не всѣ штаты пользуются одинаковою степенью свободы въ учрежденіи банковъ . Въ шести восточныхъ штатахъ , составляющихъ такъ-называемую Новую Англію , кредитныя учрежденія пользуются сравнительно большымъ просторомъ , а въ Родъ-Айлендѣ (Rhode Island) не подлежатъ никакимъ ограниченіямъ ; въ южныхъ же и западныхъ штатахъ они подчинены разнымъ стѣснительнымъ условіямъ , отзывающимся въ низшей степени ихъ благосостоянія , и въ сравнительно большемъ рискѣ , какому подвергаются капиталы пользующіеся притомъ меньшею прибылью . Въ Родъ-Айлендѣ никому не воспрещается учрежденіе банка на началахъ акціонерныхъ компаній ; требуется лишь офиціальное увѣдомленіе о томъ , вслѣдствіе взимаемой правительствомъ небольшой доли процента съ капитала . Въ другихъ же штатахъ разрѣшеніе на учрежденіе акціонерныхъ компаній получается подъ разными стѣснительными условіями , а иногда составляетъ исключительную привилегію , предоставленную нѣкоторымъ вліятельнымъ лицамъ . Банки же , основанныя на началахъ товарищества , безпрепятственно учреждаются вездѣ .

Свѣдѣнія , собранныя Американцемъ Каре , обнимаютъ двадцатипятилѣтній періодъ времени ; относительно средней недоимки , ежегодно отсчитываемой во всѣхъ штатахъ , оказывается на долю каждаго банка 1.667 долларовъ , что составляетъ $\frac{1}{2}\%$ оборотнаго капитала , то-есть на одну пятую часть менѣе чѣмъ недоимка , каковую терпитъ ежегодно англійскій банкъ , хотя онъ принимаетъ къ учету векселя , имѣющіе не менѣе трехъ подписей . Въ Филадельфіи же потеря не превышаетъ $\frac{2}{100}$ одного процента обращающагося капитала .

Что касается до ликвидаціи банковъ, то число ихъ одною четвертью меньше чѣмъ въ Англіи. Насчетъ риска, какому подвергаются американскіе корабли въ морѣ, и который по распространенію мнѣнію считается чрезмѣрнымъ, оказывается напротивъ, что процентъ страхованія въ Америкѣ ниже чѣмъ гдѣ-либо, а этимъ процентомъ опредѣляется сравнительная степень опасности, какой подвергается морское плаваніе. Въ Америкѣ страхованіе судна, плывущаго въ Кантонъ и обратно, стоить отъ $2\frac{1}{2}\%$ до $3\frac{1}{2}\%$, въ Англіи отъ 4% до 5% . Во Франціи застраховывается плаваніе лишь въ одинъ конецъ и взимается отъ 3% до $3\frac{1}{2}\%$, то-есть въ сравненіи съ Америкой и Англіею— 6% и 7% . Въ самой Англіи, для американскихъ судовъ, процентъ страхованія ниже чѣмъ для англійскихъ.

Сравнивая состояніе кредита въ различныхъ штатахъ Америки, Каре выводитъ заключеніе, что въ тѣхъ штатахъ, гдѣ кредитъ терпитъ меньше стѣсненій, степень его прочности возвышается, процентъ недоимки менѣе значителенъ, ликвидаціи банковъ рѣже, доставляемый капиталомъ процентъ равномернѣе распредѣляется между капиталистами всѣхъ разрядовъ.

Касательно объема кредита, выставляемыя имъ цифры замѣняютъ всякіе доводы. Въ Новой Англіи, гдѣ въ 1830 г. считалось 1.862.000 жителей, оборотный капиталъ въ банкахъ простирался до 35.226.000 долл. или 190.000.000 фр., то-есть вдвое болѣе чѣмъ банковый капиталъ во Франціи, при народонаселеніи безъ малаго въ 36 милліоновъ. На каждого жителя приходится $19\frac{1}{2}$ долларовъ, что составляетъ процентное отношеніе выше чѣмъ въ Англіи и въ Шотландіи. Въ штатѣ же Родъ-Айлендѣ, пользующемся полною свободой кредита, на каждого жителя приходится банковаго капитала 63 доллара или 340 фр. Относительно числа банковыхъ учрежденій считалось въ 1858 г. однихъ циркуляціонныхъ банковъ 1473, кромѣ сберегательныхъ кассъ и другихъ учрежденій, что составитъ одинъ циркуляціонный банкъ на 17.651 жителя. Въ штатѣ же Родъ-Айлендѣ въ 1830 г. приходилось по одному банку на 2.064 жителя. Не служитъ ли такая цифра явнымъ признакомъ, что тамъ нѣтъ такого скромнаго ремесла, такого мелкаго промышленника, на котораго не изливалось бы благо кредита, подобно тому, какъ благотворная роса всякую

былинку въ полѣ оживаетъ своею влагой? Въ пользу такого размноженія банковъ выставлю мнѣнiе Адама Смита, авторитетъ котораго такъ важенъ въ этомъ вопросѣ. Онъ говоритъ: „размноженiе въ короткое время банковыхъ компанiй, возбуждившее въ началѣ общiя опасенiя, не только не нарушило безопасности общественнаго богатства, но и значительно ее утвердило.“ (Кн. II гл. 2.) Это объясняется взаимнымъ контролемъ, какой банки имѣютъ другъ надъ другомъ вслѣдствiе конкуренци.

Ко всему вышесказанному прибавлю и то, что изъ сравнительно большей свободы, какою пользуются Американцы въ учрежденiи акционерныхъ компанiй, страна извлекаетъ слѣдующiя выгоды: вопервыхъ не существуетъ подобно тому, какъ въ Англиц, Шотландiи и Франци такого разительнаго неравенства между процентомъ, получаемымъ акционерами, и тѣмъ, какой доставляется вкладчикамъ. Въ Шотландiи, вслѣдствiе привилегiи предоставляемой акционернымъ компанiямъ, капиталъ приноситъ акционерамъ отъ 9 до 15%, вкладчикамъ же не болѣе 2 $\frac{1}{3}$ %. Такiе высокiе дивиденды обременяютъ производство лишнимъ расходомъ. Другая выгода акционерныхъ банковъ заключается въ томъ, что они успѣшнѣе привлекаютъ къ кредиту мелкiя суммы, доставляя трудовой конѣкъ, хранящейся въ сберегательныхъ кассахъ, удобный способъ превращаться въ акци.

Выписываю таблицу, показывающую, изъ какихъ сбереженiй слагаются банковые капиталы въ Соединенныхъ Штатахъ. Существовавшiе въ 1838 г. въ Портсмутѣ (штатъ Нью-Гампширъ) шесть кредитныхъ заведенiй имѣли въ сложности капиталъ, образовавшiйся посредствомъ выпуска 11.045 акци, распредѣлившихся слѣдующимъ образомъ:

2.438	акци принадлежали женщинамъ.
2.038	— купцамъ.
1.245	— фермерамъ и хлѣбопашцамъ.
1.013	— сберегательнымъ кассамъ.
673	— работникамъ.
630	— опекунамъ.
548	— благотворительнымъ заведенiямъ.
438	— чиновникамъ.
434	— морякамъ.
377	— судьямъ, адвокатамъ и нотаріусамъ.
336	— врачамъ.

307	—	неизвѣстнымъ.
220	—	священнослужителямъ.
191	—	разкошникамъ.
157	—	общинамъ и правительству.

Въ остальныхъ банкахъ распределение акцій между помянутыми классами сохраняетъ приблизительно то же самое отношеніе. Женщины, незамужнія или вдовы, составляютъ самый многочисленный классъ, акціонеровъ; затѣмъ мелкіе торговцы; потомъ рабочій классъ, сельскій и городской; благотворительныя заведенія, моряки и т. д.; это обыкновенныя вкладчики сберегательныхъ кассъ и во Франціи, и въ Шотландіи, только съ тою разницею, что въ Америкѣ всѣ эти мелкія сбереженія оплодотворяютъ кредитъ и доставляютъ ихъ владѣльцамъ надлежащій доходъ, тогда какъ во Франціи онѣ поступаютъ въ руки правительства на траты непроеводительныя, а въ Шотландіи доставляютъ владѣльцамъ процентъ несоразмѣрно низкій, ибо осуды производятся изъ банка по 5%, а мелкіе вкладчики получаютъ всего лишь $2\frac{1}{2}\%$.

Свѣдѣнія объ американскихъ банкахъ заключаю выпиской изъ книги Каре, опредѣляющею въ короткихъ словахъ состояніе кредита въ Америкѣ и указывающею причины его развитія:

„Правильно устроенный кредитъ служитъ порукой общаго довѣрія. Довѣріе же истекаетъ изъ того обстоятельства, что на одинъ изъ членовъ общества не сомнѣвается ни въ добросовѣстности, ни въ разумномъ поведеніи своихъ согражданъ. Тамъ, гдѣ лучше обезпечена собственность, трудъ становится болѣе производителенъ, развивается способность сбереженія и усиливается стремленіе къ улучшенію нравственному и матеріальному. Такое-то положеніе общества и способствуетъ распространенію довѣрія, и когда оно достигло высшей степени, несостоятельность должника страхуетъ за самую низкую цѣну. Вотъ чѣмъ отличаются Соединенные Штаты.“ (*The Credit System.*)

Изобразивъ сколь возможно въ сжатомъ видѣ сущность и значеніе кредита, опредѣливъ условія и способствующія и неблагопріятствующія его процвѣтанію, показавъ въ бѣгомъ историческомъ очеркѣ подтвержденіе на опытѣ началъ признанныхъ наукой, и наконецъ степень современ-

лаго развитія кредита, постараюсь примѣнить добытыя свѣдѣнія къ уясненію вопроса о поземельномъ кредитѣ.

II. О поземельныхъ банкахъ.

Вопросъ о поземельныхъ банкахъ возникъ у насъ въ 1859 г., по случаю прекращенія ссудъ изъ государственныхъ кредитныхъ учрежденій подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ. Потребность въ гипотечномъ кредитѣ оказывалась тѣмъ настоятельнѣе, что вслѣдствіе ожидавшейся тогда отмены крѣпостнаго права, преобразование сельскаго землевадѣльческаго хозяйства, безъ помощи кредита, должно было встрѣтить большія затрудненія. Въ видахъ предупрежденія трудныхъ обстоятельствъ грозившихъ нашему землевадѣльческому хозяйству, Высочайше учреждена была въ іюль 1859 г. коммиссія для начертанія проекта устройства земскихъ банковъ. Труды коммиссіи, въ 3 томахъ, изданы были въ 1860 и 1861 г. Они заключаютъ въ себѣ, кромѣ помянутаго проекта: 1) изложеніе въ особой запискѣ общихъ началъ, принятыхъ ею въ проектируемомъ положеніи; 2) подъ рубрикою матеріаловъ: а) собраніе уставовъ гипотечныхъ кредитныхъ учрежденій въ Европѣ, и б) изслѣдованіе вопроса о гипотечномъ порядкѣ и о примѣненіи его къ нашему законодательству.

О неоспоримомъ достоинствѣ трудовъ коммиссіи считаю излишнимъ говорить. Они заслуживаютъ полную признательность русскаго общества, которое черезъ нихъ ознакомилось съ устройствомъ поземельнаго кредита. Матеріалы собранныя для уясненія вопроса о гипотечномъ порядкѣ, принесутъ въ свое время несомнѣнную пользу. Въ изложеніи же началъ, ею принятыхъ, нельзя не обратить вниманія на оказанное ею предпочтеніе частнымъ свободнымъ кредитнымъ учрежденіямъ предъ правительственными. Официальное обнародованіе этого экономическаго принципа составляетъ немаловажную заслугу оказанную обществу. Признаніе этого принципа слѣдуетъ почесть драгоценнымъ приобрѣтеніемъ въ пользу будущаго устройства кредита въ Россіи. Къ сожалѣнію, такому благотворному началу коммиссія отказала въ полномъ развитіи, чѣмъ и замедлилась разрѣшеніе вопроса о кредитѣ въ Россіи, составляющемъ неотлагательную потребность настоящаго дня. Известно, что

проектируемое комиссіею положеніе о земскихъ кредитныхъ учрежденіяхъ осталось по сю пору безъ примѣненія къ дѣлу.

Затѣмъ представлень былъ на обсужденіе публики проектъ тверскаго земскаго банка. Въ немъ предполагалось достиженіе двоякой цѣли: 1) доставленіе крестьянамъ, вышедшимъ изъ крѣпостной зависимости, средства къ приобрѣтенію необходимой имъ земли въ полную собственность; 2) выдача помѣщикамъ ссудъ подъ залогъ остающихся въ полвой ихъ собственности поземельныхъ угодій. Проектъ этотъ не былъ утвержденъ правительствомъ по причинамъ признанной въ немъ необходимости производить всѣ расчеты банка звонкою серебряною или золотою монетою. Впрочемъ, такъ какъ Положеніемъ 19 февраля 1861 года разрѣшенъ вопросъ о выкупѣ крестьянами поземельнаго ихъ надѣла, то проектъ тверскаго банка въ настоящее время подлежалъ бы измѣненію.

По обнаруженію же Положенія 19 февраля, въ теченіи 1861 года, преданы были печатной гласности нѣсколько проектовъ поземельныхъ банковъ. Между ними почетное мѣсто заслуживаетъ планъ для устройства земскихъ банковъ за подписью управляющаго дѣлами комиссіи о земскихъ банкахъ; во 1-хъ потому что въ немъ примѣняется, хотя не вполне, принципъ частной инициативы въ устройствѣ кредита, тогда какъ во всѣхъ прочихъ—монопольное начало прямо или косвенно принято въ основу; во 2-хъ потому, что имя автора извѣстнаго публикѣ трудами своими по гипотечному кредиту пользуется вполне заслуженною извѣстностью.

Считаю не бесполезнымъ разборъ нѣкоторыхъ изъ проектовъ, обратившихъ на себя вниманіе публики, хотя и не въ одинаковой степени. Разборъ этотъ послужитъ къ уясненію настоящаго положенія вопроса. Отмѣчаемые недостатки неоспоримо свидѣтельствуютъ о томъ, что трудности, съ какими пришлось бороться, потому неодолимы, что истекаютъ изъ обстоятельствъ времени, силъ которыхъ слѣдуетъ подчиниться, какъ закону необходимости.

В. П. Безобразовъ, въ видѣ пояснительнаго предисловія къ изложенному имъ плану, сообщаетъ краткій очеркъ трудовъ учрежденной правительствомъ комиссіи, въ которой оныя состоятъ управляющимъ дѣлами, упоминаетъ теорети-

окихъ началахъ, принятыхъ ею въ руководство, и исчисляетъ встрѣчаемыя нынѣ затрудненія къ учрежденію банковъ. Трудности изслѣдуемаго вопроса выставлены очень вѣрно и доказываютъ обстоятельное и всестороннее изученіе предмета. Начала же, принятыя комиссіею въ освѣщеніе, какъ и слѣдовало ожидать отъ людей спеціальныхъ и близко знакомыхъ съ экономическою наукою, безукоризненно правильны, но къ сожалѣнію, въ примѣненіи ихъ на практикѣ оказываются весьма рѣзкія отступленія.

„Коммиссія, говоритъ составитель плана, высказалась въ пользу частныхъ и совершенно самостоятельныхъ банковъ.“ Въ другомъ мѣстѣ сказано: „Коммиссія полагала разрѣшить учрежденіе у насъ частныхъ банковъ во всѣхъ формахъ, не обязывая учредителей держаться той или другой формы, и притомъ не присвоивать имъ исключительныхъ привилегій.“

Такое правильное воззрѣніе на предметъ согласуется съ началами, постановленными наукою и подтверждаемыми ежедневнымъ опытомъ.

Что всякое промышленное предпріятіе успѣшнѣе развивается въ рукахъ частныхъ людей чѣмъ подъ казеннымъ управленіемъ, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; также и то несомнѣнно, что, возложивъ на частную дѣятельность всю отвѣтственность за успѣхъ предпріятія, не слѣдуетъ стѣснять ее никакими формами, ни произвольными ограниченіями, а слѣдуетъ предоставить ей въ полной мѣрѣ бласти свой интересъ по усмотрѣнію. Объ исключительныхъ привилегіяхъ и говорить нечего. Онѣ не что иное какъ монополія признанная самымъ непримиримымъ врагомъ всякой промышленной дѣятельности.

Но какъ же согласить эти начала съ заключеніями автора? Онъ говоритъ дальше: „круговое ручательство заемщиковъ землевладѣльцевъ, не внушающее притомъ у насъ сочувствія и противное нашимъ правамъ, есть форма землевладѣльческаго банка единственно возможная въ Россіи“, и тутъ же прибавляетъ: „правительство обязано покровительствовать учрежденіямъ основаннымъ на этомъ началѣ преимущественно предъ предпріятіемъ, основаннымъ въ видахъ промышленныхъ прибылей, каковы акціонерныя компаніи. Итакъ, точкой отправленія должно быть образованіе у насъ земскихъ кредитныхъ обществъ на об-

щих началахъ указанныхъ въ трудахъ комиссіи.“ Въ дополненіе ко всѣмъ этимъ указаніямъ прилагается планъ для устройства банковъ, составленный самимъ членомъ комиссіи.

Тутъ явная непослѣдовательность между посылкою и выводомъ. Признавъ превосходство частныхъ банковъ надъ казенными, слѣдовало бы предоставить ихъ устройство частной инициативѣ.

Вспомнимъ, что частные проекты разсматриваются и удостоиваются доклада объ утвержденіи ихъ въ той же комиссіи, которая такъ рѣзко высказываетъ пользу исключительной банковской формы, и что сверхъ того членомъ ея представляется собственный планъ какъ окончательный результатъ соображеній и ученыхъ трудовъ комиссіи. Какое же частное лицо отважится вступить въ состязаніе съ комиссіей, возрѣвляя которой оно не раздѣляетъ?

Затѣмъ, отвергнувъ въ принципѣ всякія исключительныя привилегіи, слѣдуетъ ли ходатайствовать о преимущественномъ покровительствѣ со стороны правительства тѣмъ частнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, которыя будутъ устроены на началахъ, указанныхъ въ *Трудахъ Комиссіи*?

Преимущественное покровительство не есть ли та же монополія, только выраженная въ смягченной формѣ?

Выставая на видъ затрудненія, какія встрѣчаются у насъ при учрежденіи частныхъ кредитныхъ установленій, г. Безобразовъ упоминаетъ о многихъ несовершенствахъ нашего законодательнаго и административнаго порядка, а именно: о необходимости реформы полицейской и судебной и измѣненія существующаго порядка для взысканія долговъ по безспорнымъ обязательствамъ; о важномъ недостаткѣ, какой терпитъ поземельный кредитъ по случаю отсутствія у насъ гипотечныхъ книгъ; объ упадкѣ цѣнности нашихъ бумажныхъ денегъ, при чемъ авторъ сознаетъ, что установленіе прочной монетной единицы есть необходимое условіе для всякихъ банковъ и тѣмъ болѣе для земскихъ; упоминаетъ также о состояніи нашего денежнаго рынка, истощеннаго огромными государственными тратами въ предыдущій военный періодъ и послѣдовавшими за тѣмъ кредитными операціями правительства, по случаю ликвидаціи государственныхъ кредитныхъ

учрежденій. Не забыты также ни огромныя затраты въ акціонерныхъ предпріятіяхъ, ни потрясеніе общественнаго довѣрія къ частнымъ финансовымъ предпріятіямъ чрезъ разстройство дѣлъ многихъ компаній; наконецъ, въ упрекъ вамъ, авторъ ставитъ недостатокъ частной инициативы и самодѣтельности въ обществѣ, привыкшемъ къ вѣковой опеѣ правительства.

Тутъ выставлены очень вѣрно всѣ обстоятельства не благоприятствующія установленію кредита въ Россію; лишь въ послѣднемъ недостаткѣ трудно согласиться съ авторомъ.

Разберемъ, въ чемъ состоитъ не достающая вамъ, по его мнѣнію, инициатива? Не въ томъ ли, чтобы составить проектъ предпріятія и приискать средства къ осуществленію его, то-есть возбудить къ нему сочувствіе и довѣріе общества, участіе котораго необходимо, и наконецъ приступить къ самому дѣлу, по разрѣшенію правительства, безъ всякаго съ его стороны пособія? Что въ такой инициативѣ и самодѣтельности недостатка до сихъ поръ не было, о томъ свидѣлствуютъ упоминаемая авторомъ всѣ промышленныя предпріятія, къ коимъ приступлено было акціонерными компаніями въ послѣднее время. Къ нимъ можно причислить три проекта о городскихъ банкахъ, на которые также указываетъ авторъ и которые должны, по его словамъ, вступить въ дѣйствіе въ непродолжительномъ времени. Наконецъ, не самъ ли составитель плана извѣщаетъ насъ о томъ, что послѣ изданія *Трудовъ Комиссіи* едва ли есть какая-либо мѣстность въ имперіи, для которой, или въ которой, не было бы какого-нибудь между частными лицами предположенія объ учрежденіи земскаго банка, и что въ нѣкоторыхъ губерніяхъ проекты землевладѣльческихъ компаній были уже окончательно составлены и ожидали, для представленія на утвержденіе правительства, принятія ихъ большинствомъ землевладѣльцевъ, на какой конецъ не могло быть разрѣшено открытіе дворянскихъ собраний? Всѣ эти факты не убѣдительно ли доказываютъ, что общество наше созрѣло для самодѣтельности и не нуждается въ опеѣ? Нѣтъ сомнѣнія, что совокупность вышепомянутыхъ обстоятельствъ не мало затрудняетъ устройство у насъ кредита; но нельзя не сознаться, что въ неумѣльномъ вмѣшательствѣ власти въ предпріятія чисто промышленныя, заключается

одна изъ главныхъ препонъ къ развитію частной дѣятельности.

Однако обратимся къ разбору самаго плана, предложеннаго г. Безобразовымъ, и постараемся объяснить оказавшуюся на дѣлѣ безуспѣшность его. Онъ указываетъ на три источника для составленія банковаго капитала:

- 1) Вклады.
- 2) Капиталы казенные, сословные, малолѣтнихъ.
- 3) Негоціація закладныхъ листовъ.

Посмотримъ, на сколько предполагаемые способы обезпечиваютъ образованіе банковаго фонда.

1) Вклады срочные до трехъ лѣтъ и вклады безсрочные, то-есть помѣщаемые до востребованія, ни тѣ, ни другіе не представляютъ возможности производить долгосрочныя ссуды, для которыхъ преимущественно учреждаются ипотечныя банки. Извѣстно, что отличительный характеръ ипотечнаго кредита состоитъ въ томъ, что ссуды производятся на долгій срокъ съ постепеннымъ погашеніемъ капитала. Слѣдовательно, вышепомянутые вклады не составляютъ источника для капиталовъ, соотвѣтствующихъ главному назначенію ипотечнаго кредита.

2) Капиталы втораго разряда вполнѣ удовлетворяютъ условіямъ ипотечнаго кредита, не будучи подвержены внезапному востребованію. Но рассмотримъ, на сколько они свободны. Не безызвѣстно, что система прежнихъ нашихъ казенныхъ кредитныхъ учрежденій ставила ихъ въ необходимость, для покрытія сложныхъ процентовъ причитающихся по безсрочнымъ вкладамъ, не оставлять послѣднихъ праздыми, хотя сумма ихъ превышала количество требуемыхъ ссудъ. Чтобы доставить имъ обезпеченное помѣщеніе, ихъ перечисляли въ государственное казначейство, которое одно и было въ силахъ возвратитъ занятый капиталъ въ случаѣ неожиданнаго востребованія со стороны вкладчиковъ.

Такимъ образомъ казначейство, затрачивая эти капиталы на государственныя нужды, вносило по нимъ и проценты. По обнародованіи въ 1858 году о повиженіи процентовъ, платимыхъ государственнымъ банкомъ, сильное востребованіе вкладовъ понудило правительство, въ виду банковской ликвидаціи, къ выпуску 50 милліоновъ кредитными билетами. Такая мѣра, вызванная необхо-

димостью, значительно повизила цѣнность денежныхъ бумагъ, курсъ которыхъ сталъ было улучшаться, вслѣдствіе предшествовавшаго изъятія изъ обращенія 60 милліоновъ. О неблагопріятномъ вліяніи колебанія нашей монетной единицы считаю излишнимъ говорить; ово признано камнемъ преткновенія при нынѣ проектируемыхъ банкахъ. Итакъ спрашивается: можетъ ли быть польза отъ мѣры вынуждающей депозительную ликвидацію, то-есть новый выпускъ кредитныхъ билетовъ, уже переполнившихъ нашъ денежный рынокъ? Предполагаемая финансовая операція въ результатѣ своемъ можетъ быть выражена такимъ образомъ: выпускъ новыхъ денежныхъ бумагъ на покупку закладныхъ листовъ. Подобный способъ добыванія капиталовъ неистощимъ, спору нѣтъ; но онъ никого не обогатитъ, а послужитъ къ раззоренію многихъ.

3) Остается послѣдній источникъ добыванія капиталовъ, заключающійся въ негодіаціи закладныхъ листовъ. Трудъ этотъ возлагается на государственнѣйшій банкъ въ томъ предположеніи, вѣроятно, что, при посредствѣ его, негодіація на иностранныхъ рынкахъ совершится легче и выгоднѣе. Относительно же русскаго рынка такое посредничество можно считать излишнимъ. Опытъ показалъ, что доселѣ всѣ акціонерныя компаніи помѣщали свои акціи безъ помощи со стороны правительства. Что же касается до помѣщенія закладныхъ листовъ на иностранныхъ биржахъ, тоя считаю его несбыточнымъ. Помѣщеніе закладныхъ листовъ на иностранныхъ биржахъ есть не что иное какъ заграничный заемъ; слѣдовательно, за сторублевый закладной листъ, вмѣсто 400 франковъ, серебромъ или золотомъ, по курсу, вносится заграничными покупателями 360 ф. Предположимъ, что курсъ нашихъ бумажекъ повизится до 350 фр. на сто рублей: банку придется, при выкупѣ каждаго закладнаго листа, выдавать, сверхъ полученнаго имъ капитала, $\frac{1}{10}$ часть его; равно и при выдачѣ процентовъ за границей, банкъ, выдавая звонкую монету по курсу, потерпитъ убытокъ, по той причинѣ, что землевладѣльцы-заемщики, находящіеся всѣ въ Россіи, будутъ вносить проценты бумажными деньгами по номинальной ихъ цѣнѣ. Никакое кредитное установленіе не можетъ подвергаться такому риску. Подобною мѣрою ово при самомъ учрежденіи своемъ обрекло бы себя

на банкротство. Къ тому же, если и предположить, противъ всякаго чаянія, что курсъ не измѣнится, то и тутъ банкъ обязанъ выплачивать и проценты, и капиталъ по тиражу, звонкою монетою, недостатокъ которой и теперь такъ ощутителенъ. Усиленная потребность въ вывозѣ ея за границу далеко не будетъ благоприятствовать улучшенію нашего вексельнаго курса; кромѣ того, она подвергнетъ поземельный банкъ постоянному убытку.

Притомъ надо замѣтить, что помѣщеніе закладныхъ листовъ за границею предполагаетъ разрѣшеніе той мѣры, въ которой было отказано учредителямъ тверскаго банка, то-есть, принятія по расчетамъ курса биржеваго, а не узаконеннаго, — съ тою только разницею, что по проекту тверскаго банка, кредитное заведеніе получало и выдавало проценты по курсу, следовательно не подвергалось убыткамъ, тогда какъ въ этомъ случаѣ банкъ, имѣя дѣло съ заграничною биржею и получая проценты бумажными знаками по номинальной ихъ цѣнѣ, вынужденъ производить свои уплаты по курсу, чего никакъ допустить нельзя.

Итакъ, очевидно, пока состояніе нашихъ финансовъ не позволитъ намъ приступить къ свободному размѣну кредитныхъ билетовъ на звонкую монету, то-есть, пока избытокъ бумажныхъ денегъ не будетъ изъятъ изъ обращенія, нашему земскому кредиту недоступно пользованіе заграничными капиталами. Ему остается пробавляться исключительно скудными запасами русскаго рынка. Что онъ въ настоящую пору отоцалъ, въ томъ удостовѣряетъ насъ г. Безобразовъ, выставляя въ доказательство неоспоримые факты. Что касается до существующихъ на лицо свободныхъ капиталовъ, то нѣтъ сомнѣнія, что они предпочитаютъ превращенію въ закладные листы, лишаящему ихъ на долгій срокъ выгоднѣйшаго помѣщенія, помѣщенію въ видѣ вкладовъ краткосрочныхъ или безсрочныхъ, съ правомъ востребованія во всякое время. Умѣренный, хотя и обезпеченный, доходъ недостаточенъ, чтобы вознаградить капиталы за невыгоду, какую они терпятъ отъ затраты, лишаящей ихъ свободы обращаться къ помѣщенію болѣе прибыльному. Чтобы привлечь ихъ къ такой долгосрочной затратѣ, пришлось бы повысить цифру процента выдаваемого по закладнымъ листамъ; но такой способъ былъ

бы крайне убыточны для землеладельцевъ-заемщиковъ обязанныхъ вносить, кромѣ этого процента, еще проценты на погашеніе. Въ упоминаемыхъ нами ниже проектахъ мы увидимъ, что составители ихъ не могли избѣжать этой крайности.

Итакъ, разсмотрѣвъ источники добыванія капиталовъ, мы не находимъ ни одного, который сколько-нибудь обезпечилъ бы составленіе фондовъ для поземельныхъ банковъ. Вотъ главный существенный недостатокъ всѣхъ доселѣ извѣстныхъ проектовъ объ устройствѣ гипотечнаго кредита! А безъ фондовъ, банкъ уподобляется машинѣ безъ движущей силы. Самое безошибочное, самое искусное устройство не поможетъ дѣлу, за недостаткомъ животворнаго начала.

Для привлеченія капиталовъ г. Безобразовъ разчитываетъ на усиленіе средствъ обезпечивающихъ помѣщеніе капиталовъ въ закладныхъ листахъ, и предлагаетъ въ извѣстной мѣрѣ гарантированные правительствомъ листы. Полагая залогъ недвижимыхъ имуществъ, при круговомъ ручательствѣ заемщиковъ, вполне достаточнымъ для нихъ обезпеченіемъ, я считаю такую постороннюю помощь излишней, тѣмъ болѣе что она влечетъ за собой вмѣшательство администраціи въ дѣло частнаго предпріятія и столкновеніе двухъ разнородныхъ началъ, побужденія и стремленія которыхъ могутъ быть противоположны. Что такое со вмѣщеніе двухъ разнородныхъ началъ препятствуетъ успѣху дѣла, въ томъ не сомнѣвается г. Безобразовъ, предоставляющій каждому кредитному обществу право *освободиться*, по его выраженію, отъ пособія и контроля правительства, указывая и способъ къ достиженію желаемой самостоятельности.

Не вдаваясь въ дальнѣйшій разборъ плана, упомяну только объ одной побочной мѣрѣ, предлагаемой авторомъ, въ пользу которой трудно убѣдиться. Онъ говоритъ, что при болѣе благоприятныхъ обстоятельствахъ денежнаго рынка, казна можетъ подъ залогъ государственныхъ имуществъ получить закладные листы, по которымъ будетъ уплачивать проценты въ банкъ насчетъ доходовъ отъ имуществъ. Повергнувъ анализу подобную операцію, легко убѣдиться, что она не выгодна для банка, а казну вводитъ въ явный убытокъ. Казна, по полученнымъ ею закладнымъ листамъ, не

матить, а получаетъ проценты изъ банка; вносить же она проценты въ банкъ по залогу имущества, и въ добавокъ проценты на погашеніе долга; слѣдовательно вносить однимъ процентомъ болѣе, чѣмъ получаетъ, и поэтому терпитъ чистый убытокъ. Если казна пуститъ въ продажу добытые ею закладные листы, то въ замѣнъ она получитъ въ свое распоряженіе массу кредитныхъ билетовъ; но такая продажа не выгодна ни заемщикамъ, ни банку, ибо негодіація листовъ будетъ затруднена скопленіемъ этого товара на рынкѣ. Положимъ, что казна могла бы изъять изъ обращенія добытыя ею бумажныя деньги, и тѣмъ способствовать къ повышенію курса кредитнаго рубля: такая мѣра была бы въ высшей степени благотворна. Но зачѣмъ же прибѣгать къ такимъ изворотамъ, усложняющимъ операцію и вводящимъ казну въ убытокъ? Не проще ли и не выгоднѣе ли для нея приступить прямо къ постепенной продажѣ государственныхъ имуществъ, на что и указываетъ г. Безобразовъ?

Хотя разбору труда г. Безобразова данъ мною объемъ, не соответствующій размѣру настоящей статьи, я счелъ однако нужнымъ подробнѣе изложить сущность начертаннаго имъ плана и выставить его непримѣнимость по слѣдующимъ причинамъ:

1) Всѣ соображенія нашего экономиста, заслужившаго почетную извѣстность и специально изучившаго вопросъ о гипотечномъ кредитѣ, не достигаютъ искомаго результата, чѣмъ подтверждается мнѣніе тѣхъ, которые считаютъ гипотечный кредитъ неосуществимымъ у насъ въ настоящую пору.

2) Изысканіе способовъ къ учрежденію такого кредита повудило составителя плана отступить отъ принципа частной инициативы, принятаго имъ въ основаніе своего труда и прибѣгнуть къ содѣйствію и опека правительства, изъ чего легко можно заключить, что принципъ частной самостоятельной инициативы и требованіе въ данное время устройства гипотечнаго кредита несовмѣстимы.

Если при настоящихъ обстоятельствахъ капиталы находятъ помѣщеніе въ гипотечномъ банкѣ выгоднымъ для себя, то они безъ всякаго приглашенія сами къ нему направляются, и гипотечный кредитъ устроится безъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Если же капиталы отъ такой

формы кредита удаляются, то не слѣдуетъ ихъ принуждать къ ней никакими мѣрами, какъ бы мѣры эти ни казались благовидными, по той причинѣ, что въ невыгодномъ для капиталовъ помѣщеніи заключается ничѣмъ не вознаграждаемая потеря, отзывающаяся во всей народной промышленности.

Посмотримъ, успѣшнѣ ли оказались попытки другихъ лицъ, которыя доискивались рѣшенія многотрудной задачи.

Въ № 104 *Сѣверной Пчелы* за 1861 годъ появилась статья г. Шилля, съ приложеніемъ проекта русскаго государственнаго земскаго банка. Авторъ, признавая въ теоріи превосходство частныхъ банковъ надъ правительственными, даетъ въ настоящую пору предпочтеніе государственному банку. Если предполагать, что гипотечный кредитъ долженъ сохранить свое прежнее назначеніе, то онъ правъ, и сожалѣнія его объ отмѣнѣ прежде существовавшаго гипотечнаго кредита вполнѣ объясняются. Мы далѣе рассмотримъ въ чемъ состоялъ и чѣмъ обуславливался существовавшій земскій кредитъ, и отсюда легко будетъ заключить до какой степени прекращеніе его заслуживаетъ сожалѣнія.

Что же касается до доводовъ, приисканныхъ авторомъ проекта къ устраненію частныхъ банковъ и къ предпочтенію казеннаго, то врядъ ли можно съ нимъ согласиться. По мнѣнію его, Россія не доросла, не дозрѣла до учрежденія частныхъ банковъ. То онъ сравниваетъ ее съ младенцемъ нуждающимся въ молокѣ матери и въ opiekѣ отца, то съ больнымъ, который на ногахъ не держится.

„Народъ, говоритъ онъ, привыкъ у насъ обращаться къ матушкѣ-казнѣ за хлѣбомъ-кредитомъ“. Кого разумѣтъ здѣсь авторъ подъ словомъ народъ? Мы знаемъ, что кромѣ дворянскаго сословія никакой классъ не пользовался поземельнымъ казеннымъ кредитомъ. Что касается до мнимаго младенчества нашего, то мнѣ кажется, что отпраздновавъ недавно тысячелѣтіе Россіи, намъ какъ-то не пристало ссылаться на свой ребяческій возрастъ. Стоитъ вспомнить, что Римское государство въ періодъ времени, обнимающій не болѣе 1200 лѣтъ, успѣло достигнуть высшей степени могущества и славы, и наконецъ состарѣться до дряхлости и до разрушенія, а мы въ тысячу лѣтъ и до отрочества не доросли, и будто птенцы въ гнѣздѣ не способны прокармливать себя собственнымъ трудомъ. Та-

кая непомятная медленность развитія въ общественномъ организмѣ, если только признать ея дѣйствительнымъ фактомъ, представляла бы неслыханное въ исторіи явленіе, и могла бы послужить любопытнѣйшимъ предметомъ для философскаго изслѣдованія. Но вспомнивъ, что нѣкогда наши Новгородъ и Псковъ соперничали съ Ганзейскими городами, мы легко удостовѣримся, что въ опредѣленіе нашего возраста вкралась не малая ошибка. Впрочемъ, что г. Шиль точно проникнуть этимъ убѣжденіемъ, это подтверждается книгой его подъ громкимъ заглавіемъ *О современной теоріи финансовъ*, цѣликомъ посвященной дидактическому изложенію лишь одной экономической истины, давно уже получившей силу аксіомы и не нуждающейся въ доказательствѣ, а именно: что въ государственномъ, какъ и въ частномъ, хозяйствѣ, расходы бываютъ производительныя и непроизводительныя. Чтобы на обнародованіе и уясненіе такого экономическаго принципа потратить 17 печатныхъ листовъ, для этого необходимо глубокое убѣжденіе въ хроническомъ, неизлѣчимомъ младенствѣ русскаго общества. Далѣе, авторъ объясняетъ признанное имъ предпочтеніе казеннаго банка слѣдующими соображеніями: Онъ утверждаетъ, что казна пользуется большимъ кредитомъ чѣмъ частное предпріятіе, слѣдовательно полагаетъ, что ей легче привлечь капиталы. Нѣтъ сомнѣнія, что кто богаче, тотъ легче кредитуется, но и богатые могутъ обанкротиться, слѣдовательно однимъ богатствомъ заемщика недостаточно застраховывается ссуда.

Есть способъ обезпеченія несравненно дѣйствительнѣе, заключающійся въ контролѣ надъ употребленіемъ капитала, а такой контролъ несравненно легче устоявить надъ частнымъ банкомъ чѣмъ надъ казеннымъ. Наконецъ дѣйствія государственнаго банка усложняются финансовыми потребностями, отъ которыхъ невозможно ему освободиться вовсе. Въ этой неизбежной солидарности кроется рискъ, которому не подверженъ частный банкъ.

Но г. Шиль особенно превозноситъ государственный банкъ, усматривая въ немъ удобнѣйшій способъ къ достиженію главной цѣли его заботъ — изытія изъ обращенія излишка бумажныхъ денегъ. И точно, еслибы эта цѣль достигалась по его проекту, можно было бы, ради такой заслуги, помириться со всѣми его недостатками, и

отказаться, хотя на время, отъ частныхъ банковъ. Чтобы оцѣнить успѣшность открытаго имъ способа, выпишемъ нѣсколько статей изъ его проекта.

Статья VI. „Облигаціи, выданныя заемнымъ банкомъ казны (за заложенныя въ немъ государственныя имущества), выпускаются казною въ обращеніе не иначе, какъ съ условіемъ, чтобы уничтожено (погашено) было кредитныхъ билетовъ на сумму равную суммѣ представляемой этого рода облигаціями. Въ первые по крайней мѣрѣ годы банкъ не дѣлаетъ казны ссудъ безъ такого условія.“

Казна, сдѣлавшись заемщикомъ въ государственномъ заемномъ банкѣ, выплачиваетъ наравнѣ съ прочими заемщиками до 9 процентовъ въ годъ. Выпуская же въ обращеніе такія облигаціи, она получаетъ въ замѣнъ кредитные билеты, которые обязывается уничтожить. Итакъ, съ дѣлю извлечъ кредитные билеты изъ обращенія г. Шпаль заставляеть казну, наравнѣ съ прочими заемщиками, вносить 9 процентовъ, тогда какъ ей легко вымѣнивать бумажныя деньги на пяти-процентныя билеты, безъ всякой помощи со стороны банка. Врядъ ли казна прибѣгнетъ къ такому недоброжелательному посредничеству.

Статья IX. „Капиталы, составляющіе фондъ заемнаго банка, вносятся въ государственный банкъ серебряною и золотою монетою или же 5% банковыми билетами, каковыя билеты и монету предоставляется государственному банку пускать въ обращеніе, но во всякомъ случаѣ онъ обязуется платить за нихъ 5% въ годъ учредителямъ и участникамъ заемнаго банка (черезъ посредство этого банка). Государственный банкъ обязуется также уничтожить находящихся въ обращеніи или въ банкѣ кредитныхъ билетовъ на сумму, равную суммѣ, представляемой 5% банковыми билетами и монетою, такимъ образомъ въ этотъ банкъ поступающимъ и принятымъ имъ въ полное свое распоряженіе. Учредители и участники заемнаго банка получаютъ отъ государственнаго банка свидѣтельства въ томъ, что капиталы ихъ находятся въ распоряженіи этого банка изъ 5% интереса въ годъ. Эти свидѣтельства хранятся въ заемномъ банкѣ и не могутъ быть ни выпускаемы въ обращеніе, ни отчуждаемы учредителями и участниками, доколѣ эти послѣдніе пользуются правами учредителей и участниковъ.“

Капиталъ, составляющій фондъ заемнаго банка, предоставляется правительству пускать въ обращеніе, съ тѣмъ чтобы бумажныя деньги, получаемыя имъ въ замѣнъ этого фонда, уничтожались: значить, основной капиталъ поземельнаго банка съ самаго начала истрачивается. Положимъ, что по этой операціи правительство извлечетъ изъ обращенія некоторое количество бумажныхъ денегъ посредствомъ 5%-наго займа (а уже не по 9%, какъ предлагается въ статьѣ VI),—но спрашивается, какая же польза отъ основнаго капитала, затраченнаго безвозвратно? Хотя правительство и будетъ вносить за него по 5%, однако въ случаѣ затрудненій, встрѣченыхъ банкомъ, кто же выручитъ его изъ бѣды, когда запаснаго капитала не станетъ, и въ состояніи ли будетъ правительство возвратитъ его въ минуту кризиса по первому востребованію, иначе какъ новымъ выпускомъ бумажныхъ денегъ? Пагубныя послѣдствія такой затраты правительствомъ основнаго банковаго капитала поставлены были мною на видъ въ краткомъ очеркѣ венеціанскаго и англійскаго банковъ. Впрочемъ, сюда правительству основнаго банковаго фонда въ Венеціи, и въ Англіи оправдывается неотлагательною потребностію вывести правительство изъ крайняго затрудненія. Но лишиться, безъ всякой нужды и при самомъ учрежденіи банка, основнаго капитала,—это ничѣмъ не можетъ быть оправдано. Если же признать, что присутствіе этого капитала есть излишняя формальность, не обезпечивающая прочности кредитнаго учрежденія, то не стоить его и собирать. Тѣмъ легче учредятся гипотечныя банки.

Статья XIII. „Облигаціи заемнаго банка выпускаются въ размѣрѣ ссудъ изъ этого банка. Онѣ выпускаются и принимаются имъ по нарицательной цѣнѣ, и при томъ какъ въ Россіи, такъ и за границей. Взносы заемщиковъ въ банкъ, а равномѣрно и выдача изъ банка процентовъ погашенія и премій по облигаціямъ, производятся или звонкою монетою, или кредитными билетами по курсу, или же банковыми русскаго государственнаго банка билетами.“

Облигаціи выпускаются по нарицательной цѣнѣ, то-есть сторублевая облигація представляетъ сто рублей кредитными билетами. Въ замѣнъ ея банкъ получаетъ отъ кредитора сто рублей кредитными билетами, которые посту-

паютъ въ ссуду заемщику-землевладельцу. Чтобы владельцу облигацій получить проценты, погашеніе и премію кредитными билетами по курсу, надо заемщику вносить и проценты, и погашеніе также по курсу. Первому несомнѣнно выгодно. Въ 1857 году, когда пониженіе курса доходило до 190, онъ безъ малаго получилъ бы цѣлый лишній процентъ на причитающуюся къ капиталу 5-ю часть добавочную. Но каково заемщику, платящему ежегодно $1\frac{1}{2}\%$ погашенія, 5% интереса, $\frac{1}{2}\%$ для составленія премій, 1% въ пользу банка, итого 8%,—вносить еще 1% на покрытіе разницы по курсу. Другими словами, онъ получаетъ въ ссуду бумажныя деньги, обязываясь вносить и проценты, и погашеніе, и премію звонкою монетою, что по курсу 1857 года составило бы 9%. И кто же поручится, что курсъ бумажекъ не понизится, подобно нашимъ прежнимъ ассигнаціямъ, на 75%?

Но предположимъ, что курсъ бумажекъ и опустился ниже 20%. Владелецъ сторублевой облигаціи, получая ежегодно по курсу, вмѣсто 5%, уже 6%, по истеченіи 34 лѣтъ получаетъ обратно по тиражу свой капиталъ и премію также по курсу. Вмѣсто внесенныхъ имъ 100 рублей, онъ получаетъ 120, да вмѣсто 95 руб. преміи—около 114 руб. итого 234 руб. Доставленіе кредитору такой несомнѣнно легкой прибыли обойдется не дешево заемщику.

При такихъ выгодныхъ условіяхъ можно бы кажется надѣяться привлечь и иностранныя капиталы, на которые также разчитываетъ составитель [проекта. Но врядъ ли такая надежда осуществима. Заграничные капиталисты, усматривая, что прибыли ихъ основаны на условіяхъ разорительныхъ для землевладельцевъ, отъ состоятельности которыхъ зависитъ прочность банка, что къ тому же основнаго капитала вовсе не существуетъ, едва ли отважатся на такое непрочное помѣщеніе. Въ статьѣ XIV сказано, что облигаціи гарантируются правительствомъ; но никакъ нельзя полагать, чтобъ оно рѣшилось принять на себя гарантію, сопряженную съ такимъ рискомъ.

Учрежденіе такого банка, имѣющаго цѣлію способствовать возстановленію государственныхъ финансовъ, доставляя ему средство (недешевое, какъ мы видѣли), извлекать изъ обращенія излишекъ бумажныхъ денегъ, вѣрнѣе доведетъ эти финансы до окончательнаго ихъ разстройства.

Впрочемъ и со стороны автора проекта, должно полагать, надежда на привлеченіе капиталовъ къ его банку далеко не утвердилась, судя по воззванію его къ чувствительности капиталистовъ, приглашаемыхъ имъ къ содѣйствию общеплезному дѣлу. „И капиталисты“, говоритъ онъ, „не камни же, а люди.“ Что капиталисты могутъ быть одушевляемы самыми благородными и безкорыстными чувствами, въ томъ нѣтъ сомнѣнія; но мы не въ чувствахъ нуждаемся, а въ капиталахъ. Подобно тому, какъ всѣ тѣла подчиняются непреложному физическому закону, и надъ капиталами господствуетъ неизмѣнный законъ экономической. То же начало тяготѣнія, которое устанавливаетъ уровень воды, влечетъ и капиталы непреодолимою силой къ выгодному и прочному помѣщенію. Никакія убѣжденія, никакое краснорѣчіе не своротятъ ихъ съ пути указаннаго имъ естественнымъ закономъ, управляющимъ экономическими силами. Лишь посредствомъ насильственныхъ мѣръ возможно произвольное распоряженіе ими; но подобныя мѣры, подавляя въ нихъ жизненное начало, бываютъ причиной ихъ безсилія и постепеннаго истощенія, или заставляютъ ихъ бѣжать отъ насилія и искать другой почвы и болѣе благоприятныхъ условій жизни. Впрочемъ не кстати, кажется, при разборѣ труда г. Шилля, ссылаюсь я на принципы, установленныя наукой. Онъ, ради поземельнаго кредита, вовсе отрекся отъ нея. Въ порывѣ восторга, онъ восклицаетъ: „Долой, вонъ изъ нашихъ головъ всѣ ученія и теоріи!“

За проектомъ г. Шилля, явились въ печати и другіе проекты банковъ подъ разными наименованіями, но сходные съ проектомъ г. Шилля относительно началъ, принятыхъ въ руководство при ихъ составленіи. Подробный разборъ этихъ проектовъ считаю дѣломъ бесполезнымъ, потому что при явныхъ несообразностяхъ въ подробностяхъ, главный ихъ недостатокъ все-таки заключается въ основной мысли.

Одинъ проектъ явился подъ наименованіемъ общаго земскаго банка, другой подъ названіемъ общаго поземельнаго банка. На сколько правильны термины *земскій*, *поземельный*, о томъ придется сказать нѣсколько словъ ниже при опредѣленіи существеннаго значенія этихъ учрежденій и цѣли ими достигаемой.

Хотя ни тотъ, ни другой не присвоиваютъ проектируемымъ банкамъ эпитета государственнаго, тѣмъ не менѣе нельзя почестъ эти банки частными банками, по той причинѣ, что безъ пособія со стороны правительства они существовать не могутъ. Они запрашиваютъ себѣ разныя исключительныя привилегіи, возлагаютъ на правительство тяжелыя обязанности, сваливаютъ на него значительную долю отвѣтственности. Все это придаетъ имъ характеръ монополюный, который не только не можетъ внушить довѣрія, но напротивъ возбуждаетъ серіозныя опасенія относительно будущаго устройства кредита въ Россіи. Въ № 47 *Современной Литературы* за 1861 годъ напечатанъ разборъ проекта устава общаго земскаго банка, и выставлены многіе недостатки предполагаемой организаціи касательно отношеній этого банка къ правительству и истекающей изъ отношеній обременительной для правительства солидарности. Съ замѣчаніями автора помянутой статьи нельзя не согласиться, доводы его не опровержимы; но мнѣ кажется, что при желаніи его ограничиться критикой отдѣльныхъ статей проекта, онъ неминуемо разрушаетъ и все зданіе, потому что критически разобранныя статьи и составляютъ самую основу проекта.

Понятіе объ общемъ земскомъ банкѣ влечетъ за собой неизбежное содѣйствіе правительства. Слово *общій* заключаетъ уже въ себѣ идею монополіи. Въ немъ высказывается притязаніе устранить всякое соперничество. Тутъ господствуетъ мысль экономической централизаціи, которая тѣмъ вреднѣе, чѣмъ обширнѣе государство, къ которому она примѣняется. Для многолюдной націи, разсѣянной на обширномъ пространствѣ, необходима сильная, тѣсно-сплоченная государственная централизація—въ томъ спорѣ нѣтъ, но не административная, и тѣмъ менѣе экономическая. Первая имѣетъ цѣлью сосредоточить государственныя силы, тогда какъ администрація и промышленность призваны способствовать свободному развитію ихъ. Чѣмъ менѣе стѣснены промышленная и умственная дѣятельность, тѣмъ быстрѣе растутъ силы, которыми орудуетъ правительство для достиженія общей государственной цѣли. Соблюденіе порядка, удовлетвореніе нуждъ и потребностей, всѣ условія жизни, сопряженныя съ общественною

пользой, достигаются тѣмъ легче чѣмъ болѣе сокращается пространство, чѣмъ болѣе сберегается время. Тутъ помощь должна быть подъ рукою, а не за тысячи верстъ. Къ тому же и общественныя потребности, равно какъ и способы къ удовлетворенію ихъ, бываютъ тѣмъ разнообразнѣе чѣмъ обширнѣе государство; лишь на самомъ мѣстѣ и въ данное время могутъ они быть безошибочно опредѣляемы, и потому централизація не имѣетъ разумнаго основанія тамъ, гдѣ не во власти дѣло, а въ помощи.

По этимъ соображеніямъ, я считаю необходимымъ призвать въ принципѣ неоспоримое превосходство частныхъ банковъ надъ общими, который, подъ какимъ бы наименованіемъ ни осуществился, воспрепятствуетъ учрежденію мѣстнаго кредита необходимаго для ежечаснаго питанія народной промышленности, и потому не могу согласиться съ заключеніемъ автора помянутой статьи *Современной Литописи*, будто при соблюденіи нѣкоторыхъ условій, открытіе общаго земскаго банка можетъ стать дѣломъ безопаснымъ для земскаго кредита въ Россіи.

Не входя въ разборъ помянутыхъ проектовъ, я считаю нужнымъ выставить одну общую имъ черту, которая вмѣстѣ съ тѣмъ составляетъ общій ихъ недостатокъ. Въ нихъ проявляется исключительная забота о доставленіи капиталистамъ соблазнительныхъ прибылей насчетъ заемщиковъ, которымъ пожертвованія на доставленіе такихъ прибылей будутъ не по силамъ. Въ уставѣ общаго земскаго банка, гдѣ также прибѣгають къ приманкѣ премій и высокаго процента на издержки по управленію банка и гдѣ, помимо всѣхъ расходовъ на процентъ и на погашеніе займа, доставляется еще банковая прибыль, есть одно условіе обнаруживающее чрезмѣрное попеченіе объ интересахъ акціонеровъ или вкладчиковъ.

Въ статьѣ XX сказано: „Основной капиталъ (фондъ) долженъ равняться размѣру годовыхъ платежей земскаго банка, то-есть той денежной суммѣ, которую представляютъ закладные билеты банка, подлежащіе за одинъ годъ выкупу, и проценты за одинъ годъ на всѣ билеты, остающіеся въ обращеніи.“

Въ статьѣ XXII значится: „Общая сумма вкладовъ должна составлять 1) не менѣе какъ на одну треть изъ движи-

мыхъ цѣнностей, а именно: наличныхъ денегъ, процентныхъ правительственныхъ бумагъ и свидѣтельствъ, выдаваемыхъ правительствомъ за выкупъ крестьянами, вышедшими изъ крѣпостной зависимости, ихъ земель и угодій, и 2) остальные двѣ трети могутъ состоять изъ недвижимыхъ имуществъ.“

Очевидно, что такой фондъ не соответствуетъ своему назначенію, ибо при неуплатѣ процентовъ, недвижимыя имущества на $\frac{2}{3}$ и процентныя бумаги на $\frac{1}{3}$, не замѣнятъ недостатка наличныхъ денегъ при срочномъ платежѣ. Если же составить этотъ фондъ изъ наличныхъ денегъ, то и въ такомъ случаѣ нѣтъ надобности, чтобы онъ равнялся размѣру годовыхъ платежей земскаго банка, ибо нельзя предполагать, чтобы въ одинъ и тотъ же годъ всѣ заемщики оказались несостоятельными. Ссуды достаточно обеспечены залогомъ недвижимыхъ имуществъ заемщиковъ и круговымъ ручательствомъ ихъ по районамъ. Слѣдовательно фондъ этотъ, налагая на заемщиковъ лишній расходъ, придуманъ для того чтобы доставить акціонерамъ прибыль за цѣнности ими заложеныя, не подлежащая никакому риску и не приносящая банку никакой пользы.

Въ статьѣ XXV сказано: „что всякій вкладъ даетъ право на соразмѣрное участіе въ прибыляхъ банка.“ Итакъ свидѣтельства гражданской палаты и процентныя бумаги, поступившія въ банковый фондъ, будутъ приносить владельцамъ ихъ ежегодную прибыль ничѣмъ назаслуженную.

Замѣтимъ, что во всѣхъ банковыхъ учрежденіяхъ, гдѣ принимаются вклады за проценты, какъ напримѣръ въ Шотландіи и Америкѣ, фондъ составляется изъ наличныхъ денегъ звонкою монетою. Такой фондъ дѣйствительно обеспечиваетъ кредиторовъ, получающихъ въ замѣнъ денегъ циркуляціонныя билеты. Но чтобы этотъ капиталъ не оставался праздымъ въ банковской кассѣ, извѣстная часть его размѣнивается на процентныя бумаги, которыя въ случаѣ нужды легко обмѣниваются на звонкую монету. Въ этомъ случаѣ понятно помѣщеніе фонда для доставленія банку процентовъ и избѣжанія значительной потери. Но когда весь фондъ состоитъ не изъ звонкой монеты, а изъ процентныхъ бумагъ, то на какомъ основаніи предоставляется акціонерамъ, сверхъ получаемого ими процента, еще

другой процентъ на одинъ и тотъ же бумажный капиталъ?

Въ семи таблицахъ, приложенныхъ къ проекту, выведенъ, расчетъ платежей на сумму 10.000 рублей. По 1-й таблицѣ, при погашеніи долга въ теченіи 12 лѣтъ, выставленъ ежегодный взносъ 12%, хотя по самой таблицѣ оказывается $13\frac{3}{10}\%$, кромѣ послѣдняго года, а если принять въ соображеніе ст. 135, въ которой сказано: „при всякой ссудѣ по залoгу банкъ удерживаетъ въ свою пользу одновременно 10% на соответствующую займу часть фонда,“ что для займа въ 10.000 руб. составитъ 107 руб., то придется, заемщику въ первый годъ внести 1447 руб.; то-есть вмѣсто 10.000 руб., онъ получитъ всего въ ссуду 8.553 руб. На такихъ разорительныхъ для заемщиковъ-землевладельцевъ условіяхъ, банкъ никакой услуги не окажетъ земледѣльской промышленности. Извѣстно, что въ Англіи, при всемъ усовершенствованіи земледѣльческаго производства, капиталъ затраченный фермеромъ, при самыхъ благопріятныхъ обстоятельствахъ, едва доставляетъ ему 10%. Наше же отсталое земледѣліе можетъ принести 6%, никакъ не болѣе, а при 47-лѣтнемъ займѣ, по таблицѣ № 47, все-таки приходится годового взноса $6\frac{3}{4}\%$.

Въ статьѣ, помѣщенной въ № 47 *Современной Литературы*, сказано: „мнѣніе объ этомъ проектѣ высказывается довольно поздно, потому что не считали его за дѣло очень серьезное.“ Поводомъ къ такому замѣчанію послужило вѣроятно самое введеніе къ проекту, гдѣ на первой страницѣ читается слѣдующее: „явившаяся-у насъ въ недавнее время дороговизна приписывается исключительно усиленному выпуску кредитныхъ билетовъ или ассигнацій; но въ дѣйствительности усиленный выпускъ ассигнацій (то-есть увеличеніе государственнаго долга) есть скорѣе слѣдствіе нежели причина дороговизны.“

Трудно разгадать что хотѣлъ этимъ сказать составитель проекта и какой новый экономическій принципъ намѣренъ онъ внести въ науку. Думаетъ ли онъ подобною выходкой опровергнуть неоспоримую истину, что избытокъ бумажныхъ денегъ рождаетъ ихъ цѣнность, слѣдовательно возвышаетъ соразмѣрно цѣну всякаго произведенія при обмѣнѣ его на деньги? Но съ какою цѣлью возбуждать

такую бесплодную полемику? Развѣ съ намѣреніемъ доказать, что пониженіе нашего курса и исчезновеніе звонкой монеты, составляющіе главное затрудненіе нашего экономического быта, не должны быть приписываемы напаву бумажныхъ денегъ, и слѣдовательно не настоятъ надобности въ изытаніи изъ обращенія излишка бумажныхъ знаковъ? Но еслибъ и удалось автору доказать это путемъ умозрѣнія, что весьма сомнительно, то и тутъ самый фактъ, то есть живой законъ дѣйствительности, неумолимо опровергнетъ всѣ его доводы, и банкъ его, несмотря ни на какое покровительство, не осуществится именно по той причинѣ, что онъ пренебрегъ указаніями науки, свидѣтельствующими что бумажныя деньги, подверженныя колебанію, не могутъ служить прочнымъ основаніемъ для учрежденія гипотечнаго кредита. Предполагая заемъ на 47-лѣтній срокъ, легко вообразить, какое можетъ воспослѣдовать измѣненіе въ цѣнности бумагъ въ такой продолжительный періодъ времени. Въ случаѣ постепеннаго пониженія ихъ курса, могутъ ли предвидѣть кредиторы на сколько понизится въ цѣнности капиталъ, ввѣренный ими банку и возвращаемый имъ по тиражу? Если же предположить, что, вслѣдствіе необычайно счастливыхъ обстоятельствъ, курсъ бумажныхъ денегъ повысился бы до пари что снова привлекло бы къ обращенію звонкую монету и чѣмъ понизилась бы на половину цѣна всѣхъ предметовъ потребленія, — то спрашивается: въ состояніи ли будутъ заемщики исполнять принятыя ими обязательства, когда придется имъ вносить ежегодно ту же сумму единицъ, достоинство коихъ вдвое возвысится? Я говорю вдвое, — потому что курсъ нашихъ бумажекъ вѣрнѣе опредѣляется удвоившеюся цѣною всѣхъ предметовъ потребленія чѣмъ вексельнымъ курсомъ, искусственно поддерживаемымъ траттами изъ размѣннаго фонда, котораго не надолго станетъ при такомъ употребленіи.

При разборѣ помянутыхъ проектовъ и предположеній, обнаруживается фактъ весьма не назидательный и не утѣшительный. Оказывается или явное, или скрытое пренебреженіе началъ экономической науки. Провозглашаются принципы, которые, при первыхъ шагахъ на практикѣ, отлагаются въ сторону какъ бы забытые; признавая ихъ непреложнымъ закономъ, не находятъ его удобопримѣнимымъ,

и отсрочиваютъ его приложение до другаго удобнѣйшаго времени, а то и вовсе не поминуютъ о немъ, какъ бы не признавая его существованія. Но такое искусство обходить законъ, доведенное у насъ до высокой степени, если и приноситъ кому пользу въ нашей судебной практикѣ, въ экономическомъ быту оказывается безполезнымъ. Истина не дѣлаетъ восторжествуетъ, такъ точно какъ вкравшіяся по счетнымъ книгамъ отступленія отъ ариѳметическихъ правилъ или умысленные пропуски, не устраняютъ дефицита, если таковой окажется въ кассѣ.

Выставленныя мною несообразности и крупныя промахи, встрѣчаемыя въ вышепомянутыхъ проектахъ, возбуждаютъ невольнo вопросъ: почему могли впасть въ такія ошибки лица, несомнѣнно свѣдущія въ дѣлѣ кредита и близко знакомыя съ экономической наукой? Такое странное явленіе объясняется лишь тѣмъ, что самая точка отправленія, принятая ими въ изслѣдованіи предмета, ошибочна. Поставить себѣ задачей—искусственно привлечь капиталы къ какому бы то ни было помѣщенію и подчинить ихъ обращенію произвольно поставленнымъ условіямъ есть уже важное отступленіе отъ установленныхъ наукой правилъ. Такое предпріятіе не осуществимо безъ нѣкоторой доли принужденія; слѣдовательно, оно требуетъ содѣяствія власти, то-есть приложения въ извѣстной степени монополярной системы. Вотъ причина, въ силу которой одни, признавъ въ принципѣ превосходство частныхъ самостоятельныхъ банковъ, портятъ эти учрежденія неумѣстнымъ вмѣшательствомъ власти; другіе, также въ принципѣ не отрицая преимущества, заключающагося въ устройствѣ частнаго кредита, осуждаютъ его какъ не своевременное учрежденіе, и прямо обращаются къ правительству, возлагая на него заботу объ установленіи поземельнаго кредита. Но для привлеченія капиталовъ къ исключительному помѣщенію нужна приманка значительныхъ выгодъ. Когда эти выгоды истекаютъ изъ самихъ благопріятствующихъ обстоятельствъ, капиталы безъ всякаго посторонняго вліянія сами стремятся къ задуманному предпріятію; въ противномъ случаѣ, чтобы вознаграждать ихъ за уклоненіе отъ своего естественнаго пути, нужны пожертвованія. Правительство отказывается приносить по-

жертвованія и, поступаетъ очень благоразумно, не желая обременять финансы удовлетвореніемъ требованій вовсе не государственныхъ; приходится возлагать ихъ на заемщиковъ, которые, не будучи въ силахъ вынести ихъ, отказываются отъ предлагаемаго кредита.

При этомъ считаю не излишнимъ припомнить, что въ дѣлѣ народной промышленности, всякое принужденіе признано не только бесплоднымъ, но и вреднымъ. Поэтому-то отжили свой вѣкъ системы протекціонная и запретительная, замѣняемая постепеннымъ освобожденіемъ промышленности и торговли отъ связывающихъ ихъ путъ. Инцидента, навязываемая правительству въ учрежденіи гипотечнаго кредита, не можетъ быть имъ принята иначе какъ при желаніи обратить капиталы предпочтительно къ извѣстной формѣ кредита, что окажется стѣсненіемъ, столько же пагубнымъ, какъ и привлеченіе ихъ къ привилегированнымъ промысламъ посредствомъ покровительственнаго или запретительнаго тарифа. Капиталамъ долженъ быть предоставленъ безпрепятственный выборъ выгоднаго для себя помѣщенія; другими словами, имъ должно быть предоставлено свободное обращеніе къ такому труду, который сулитъ имъ наибольшее вознагражденіе. Мѣрою этой свободы и обуславливается степень общественной потребности въ поощреніи того или другаго промысла. Употребляя искусственныя мѣры къ привлеченію капиталовъ въ видахъ достиженія какой бы то ни было правительственной цѣли, сбиваютъ ихъ съ естественнаго пути, препятствуютъ правильному ихъ стремленію, и тѣмъ лишаютъ весь край значительной доли ожидаемой отъ нихъ пользы.

III. Гипотечный кредитъ въ Германіи.

О гипотечныхъ учрежденіяхъ, существующихъ въ Европѣ, преимущественно въ Германіи, и предлагаемыхъ намъ въ видѣ образцовъ, достойныхъ подраженія, издамы французскимъ правительствомъ подробныя и полныя свѣдѣнія собранныя специалистами Роде и Жоссо (Royer, Jousseau), посланными во всѣ европейскія государства для изученія устройства поземельнаго кредита, съ намѣреніемъ

вести его во Францію. Попытка французскаго правительства, какъ извѣстно, оказалась безуспѣшною по причинамъ, изложеніе которыхъ увлекло бы насъ далеко, и притомъ не относящимъ въ прямой связи съ изучаемымъ нами предметомъ. Но труды французскихъ комиссаровъ представляютъ богатый источникъ для изслѣдованія вопроса о поземельномъ кредитѣ,—источникъ, изъ котораго можно почерпнуть много и поучительнаго, и любопытнаго.

Всѣмъ извѣстно, что отличительный характеръ гипотечнаго кредита заключается въ способѣ уплаты занятаго капитала, облегчаемой посредствомъ постепеннаго его погашенія, разложеннаго на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Мысль о постепенномъ погашеніи родилась, полагаютъ, въ Швеціи,—и вотъ по какому поводу, стокгольмскій банкъ, учрежденный въ 1668 г., принимая въ залогъ, подобно ломбардамъ, драгоценныя вещи, цѣнность коихъ не подвержена большому измѣненію, равно и недвижимыя имущества. По случаю несостоятельности должниковъ, поземельная собственность, поступаая въ продажу, пріобрѣталась самимъ банкомъ, которому вслѣдствіе постепеннаго перехода поземельныхъ имуществъ въ его распоряженіе, предстояло въ извѣстный періодъ времени сдѣлаться исключительнымъ поземельнымъ собственникомъ въ государствѣ. Такой неблагоприятный исходъ гипотечнаго кредита возбудилъ общее опасеніе, и при этомъ родилась мысль постепеннаго освобожденія заемщиковъ отъ долга посредствомъ ежегоднаго процента погашенія, что и было приведено въ исполненіе въ 1754 г. Что же касается до изобрѣтенія товарищества заемщиковъ-землевладѣльцевъ, то его приписываютъ берлинскому мелкому торговцу, по имени Бюриугу. Мысль его впервые осуществилась въ Силезіи, вскорѣ послѣ Семилѣтней войны. Она довела поземельныя имущества до крайняго положенія. Сельскія произведенія упали въ цѣнѣ, а деньги осушались не иначе, какъ за 10% и выше, не считая 2 и 3%, которые одновременно уплачивались маклерамъ. Дворянство силезское выпросило себѣ у Фридриха II, въ видѣ льготы, трехлѣтнюю отсрочку на уплату долговъ. Вслѣдъ затѣмъ учрежденъ былъ въ 1770 г. первый гипотечный банкъ на основаніи круговаго поручительства землевладѣльцевъ-заемщиковъ. До 1791 г., то-есть въ теченіи 21 года, возникло подобныхъ учрежденій шесть, а именно:

въ Бранденбургѣ, въ Помераніи, въ Гамбургѣ, въ Западной Пруссіи, въ Восточной Пруссіи, и въ Ганноверскомъ королевствѣ для княжества Люксембургскаго. Затѣмъ, въ теченіи девятнадцати лѣтъ, отъ 1803 г. до 1822, учреждены были четыре банка, а именно: по одному въ нашихъ остъ-зейскихъ губерніяхъ, въ Шлезвигъ-Голштиніи, въ Мекленбургѣ и въ княжествѣ Познанскомъ. Наконецъ, съ 1825 г. по 1844 г., въ промежутокъ времени, заключающій въ себѣ девятнадцать лѣтъ, возникло ихъ тринадцать: въ царствѣ Польскомъ одинъ, въ Ганноверѣ четыре, въ Баваріи, въ Виртембергѣ, въ Гессенъ-Касселѣ, въ Вестфаліи, въ Нассаускомъ герцогствѣ, въ Галиціи по одному, въ Саксоніи два.

Нѣкоторые изъ нихъ, какъ то: силезскій, остъ-зейскій и польскій, учреждены были въ видахъ вспоможенія дворянамъ-землевладѣльцамъ, пострадавшимъ отъ продолжительныхъ войнъ. Затѣмъ значительное число ихъ учреждены были для доставленія крупнымъ землевладѣльцамъ-дворянамъ возможности перевести свои частныя долги на банкъ, и освободиться отъ нихъ въ извѣстный срокъ посредствомъ медленнаго погашенія. Такіе банки утверждены въ Познанскомъ герцогствѣ, въ Баваріи по одному, въ Ганноверѣ четыре, въ Нассаускомъ герцогствѣ одинъ, въ Саксоніи два. Хотя въ прусскихъ учрежденіяхъ разрѣшаются, по уставу, ссуды подъ залогъ не только дворянскихъ имуществъ, но и недворянскихъ, и хотя характеръ исключительной привилегіи не явно выраженъ въ етатутѣ; но въ сущности онъ кроется въ нихъ въ силу декрета 1811 г., по которому земли вольныхъ хлѣбопашцевъ принимаются подъ залогъ лишь въ четверть ихъ стоимости, тогда какъ подъ залогъ дворянскихъ имѣній выдаются ссуды, превышающія половину ихъ цѣнности. Этимъ отличіемъ фактически устраниваются отъ пользования кредитомъ владѣльцы не-дворянскихъ имуществъ.

Наконецъ, нѣкоторые изъ этихъ учрежденій основаны съ цѣлю способствовать выкупу феодальныхъ сервитутовъ, какъ то: десятины и натуральныхъ повинностей вещественныхъ и личныя, коими обложены земли вольныхъ хлѣбопашцевъ.

Къ разряду банковъ, установленныхъ съ этою цѣлю, причисляются одинъ въ Саксоніи, одинъ въ Ганноверѣ, одинъ въ Гессенъ-Касселѣ и одинъ въ Нассаускомъ гер-

догствѣ. Кромѣ того, въ Гессенъ-Дармштадтѣ существуетъ гипотечное учрежденіе въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ. Почти всѣ поименованныя учрежденія основаны на принципѣ товарищества, возникли изъ частной инициативы и имѣютъ свое отдѣльное управленіе, хотя подѣ контролемъ и при содѣйствіи правительства. Инициативѣ же правительственной обязаны своимъ существованіемъ лишь учрежденія предначначенныя способствовать выкупу земледѣльцами феодальныхъ повинностей; они находятся въ исключительномъ и полномъ распоряженіи казны.

Многія изъ учрежденій основанныхъ на товариществѣ, при самомъ основаніи своемъ, получили значительное пособіе отъ правительства. Такъ Фридрихъ II пожаловалъ въ ссуду силезскому товариществу 300.000 талеровъ по 2%. Помѣстивъ этотъ капиталъ по 5%, учрежденіе получало ежегодно чистой прибыли 37.500 фр., изъ которыхъ 10.000 употреблялись ежегодно на выкупъ мелкихъ закладныхъ листовъ; остальные пущены были въ ростъ, и съ причитающимися сложными процентами составили въ двадцатилѣтній срокъ капиталъ въ 1.339.421 фр.

Въ Россіи, при учрежденіи ость-зейскаго товарищества въ 1803 г., правительство наше дало ему въ ссуду 500.000 р. с. по 3% при 3% погашенія, и 2.700.000 ассигнаціями по 5%, подѣ условіемъ приступить къ погашенію ежегоднымъ взносомъ 5%, по истеченіи шестнадцати лѣтъ.

Равно въ Саксоніи, въ Познанскомъ княжествѣ и въ Галиціи, оказано было пособіе со стороны правительства при основаніи этихъ учрежденій. Кромѣ того, почти во всѣхъ упомянутыхъ заведеніяхъ закладные листы пользуются правительственною гарантіей въ большемъ или меньшемъ размѣрѣ. Къ тому же надо присовокупить, что всѣ безъ исключенія имѣютъ какія-либо привилегіи. Они освобождены отъ гербовой пошлины и другихъ крѣпостныхъ расходовъ, и получили право обратить въ закладные листы капиталы принадлежащіе городскимъ обществамъ, опекамъ, общинамъ, сберегательнымъ кассамъ, а равно капиталы состоящіе подѣ запрещеніемъ. Въ Баваріи же билеты выпускаемые банкомъ пользуются узаконеннымъ, то-есть привилегированнымъ, курсомъ въ опредѣленномъ размѣрѣ.

Не слѣдуетъ проходить молчаніемъ фактъ, обличающій въ этихъ учрежденіяхъ характеръ сословный или правитель-

ственный, но ни сколько не экономическій. Многіе изъ этихъ банковъ, основанныхъ на товариществѣ, какъ-то: силезскій, браденбургскій, западно-пруссскій, восточно-пруссскій, померанскій, другой силезскій, управляемый казною, и остъ-зейскій предоставили себѣ право понизить цифру процента выдаваемого банкомъ по закладнымъ листамъ, не испрашивая на то согласія кредиторовъ и притомъ не возвращая по востребованію ихъ капитала, ввѣреннаго банку на болѣе для нихъ выгодныхъ условіяхъ. Почти всѣ эти банки понизили проценты по закладнымъ листамъ отъ 4⁰/₀ до 3¹/₃⁰/₀, остъ-зейскій же отъ 5⁰/₀ до 4⁰/₀, а силезскій отъ 5⁰/₀ до 3¹/₃⁰/₀. Нельзя не подивиться, что такое наглое отступленіе отъ законовъ, ограждающихъ святость договоровъ, и самопроизвольное распоряженіе чужою собственностію, не подорвали въ конецъ довѣрія къ этимъ учрежденіямъ. Хотя курсъ закладныхъ листовъ и понизился на время, но въ послѣдствіи возстановился. Фактъ этотъ объясняется тѣмъ, что при отсутствіи другихъ кредитныхъ учрежденій, помѣщеніе капиталовъ въ банкъ, хотя и невозбуждающій большаго довѣрія, становится какъ бы обязательнымъ.

Къ этому можно присовокупить, что привилегіи, предоставленныя этимъ заведеніямъ, достаточно удостовѣряютъ въ томъ, что безъ содѣйствія правительства, они не могли бы существовать, то-есть, они не вызваны общественною потребностію и представляютъ собою учрежденія чисто государственныя, а не промышленныя.

Процентъ, какимъ довольствуются кредиторы этихъ банковъ, какъ видно, несравненно ниже предлагаемаго капиталистамъ по составленнымъ у насъ и мною выше разобраннымъ проектамъ. Извѣстный размѣръ этого процента и составляетъ необходимое условіе существованія поземельныхъ банковъ. Иначе они должны почитаться вѣрнѣйшимъ способомъ, придуманнымъ къ разоренію землевладѣльцевъ-заемщиковъ. Хотя процентъ, вносимый заемщиками, превышаетъ тотъ, который банкомъ выдается владѣльцамъ закладныхъ листовъ, по той причинѣ, что съ нихъ взимается процентъ погашенія и доля на банковое управленіе, онъ все-таки соразмѣренъ со способами заемщиковъ.

Въ Галиціи, при ежегодномъ взносѣ 5⁰/₀, долгъ погашает-

ся въ 41 годъ. Въ Польшѣ, при ежегодномъ взносѣ 6%, погашается заемъ въ 28 лѣтъ.

Гг. Рофе и Жоссо, трудами коихъ я пользовался при составленіи этого краткаго очерка, несмотря на явное пристрастіе относительно существующаго въ Германіи устройства поземельнаго кредита, и при всемъ стараніи ихъ выставить это устройство съ лицевой стороны, умалчивая о его недостаткахъ, все-таки и тотъ, и другой должны были сознаться, что такого рода кредитъ послужилъ поводомъ къ огромной непроизводительной тратѣ, потому что большая часть доставленныхъ такимъ путемъ капиталовъ ни сколько не обогатила земли и не послужила поощреніемъ земледѣльческой промышленности.

Разбирая условія вышеизложенной системы кредита и вникая въ обстоятельства, побудившія принять ее, мы видимъ, что она возникла въ такое время, когда еще не образовался и зародышъ науки о народномъ хозяйствѣ, и когда слѣдовательно не могло быть яснаго и опредѣленнаго понятія о значеніи кредита. При первоначальномъ устройствѣ его въ Силезіи, господствовало еще, хотя и не во всей своей первобытной дикости, мнѣніе высказанное за двѣсти лѣтъ знаменитымъ мыслителемъ Монтанемъ, раздѣлявшимъ предразсудки своего вѣка: прибыль одного есть ущербъ другому (*le profit de l'un est le dommage de l'autre*). Итакъ, въ то время и не подозрѣвали творческой силы труда. Хотя примѣръ Венеціи, Ганзейскихъ городовъ, Голландіи и Англіи былъ достаточенъ, чтобы раскрыть глаза невѣжеству и разсѣять предразсудки; но было легче клеймить промышленный и торговый людъ упрекомъ въ обманахъ и грабежѣ, а для приобрѣтенія богатства прибѣгать къ грубой силѣ оружія.

При такомъ настроеніи умовъ, жалкомъ наслѣдіи феодализма, можно ли было ожидать отъ правительства какого-либо учрежденія съ цѣлю поощренія промышленности? Хотя Фридрихъ Великій и пришелъ къ сознанію, что для войны нужны всего три вещи: деньги, потомъ деньги и еще деньги; но такой, облеченный въ шутовскую форму афоризмъ не служитъ ли также доказательствомъ, что великій полководецъ-король видѣлъ богатство только въ деньгахъ, какъ и до сихъ поръ для многихъ слова эти однозначашы? Статутъ силезскаго банка и уставы свидѣтельствуютъ о намѣ-

реніи дать вознагражденіе высшему слою дворянскаго сословія за убытки, понесенные имъ во время продолжительной войны. Здѣсь ясно выказывается цѣль политическая, государственная, а ни сколько не экономическая; иначе, слѣдовало бы позаботиться предпочтительно о доставленіи помощи промышленнымъ классамъ народа, одинаково, а можетъ-быть и больше, пострадавшимъ. Предоставить капиталы въ распоряженіе германскихъ бароновъ, гнашавшихся всякимъ трудомъ, кромѣ ремесла военнаго, давало ли это надежду на приращеніе капиталовъ? Мы видѣли, что значительное число учрежденныхъ въ послѣдствіи поземельныхъ банковъ утверждалось правительствомъ съ цѣлю оказать пособіе крупнымъ землевладѣльцамъ, обремененнымъ долгами, превращеніемъ ихъ долговъ изъ срочныхъ въ безсрочные и замѣною частныхъ заимодавцевъ кредитнымъ учрежденіемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что подобная мѣра вывела бароновъ на время изъ затруднительнаго положенія. Устройство такого кредита не что иное какъ способъ доставленія единовременнаго пособія. Но вникая въ сущность сказанной мѣры, убѣдимся, что результатъ ея въ экономическомъ отношеніи, то-есть въ видахъ народнаго обогащенія, не представляетъ ничего утѣшительнаго. Огромная масса капиталовъ обращена была на покрытіе долговъ, возникшихъ вслѣдствіе тратъ производительныхъ, и поэтому была бесполезно отвлечена отъ помыщенія производительнаго, что причиняетъ явный ущербъ общественному богатству. Сельское же домохозяйство владѣльцевъ нисколько не воспользовалось такою ссудою; она послужила лишь къ тому, чтобъ успокоить ихъ уплатою прежнихъ долговъ, поощрить къ новымъ тратамъ, несообразнымъ съ ихъ средствами.

Относительно вышеупомянутаго разряда банковъ, возникшихъ вслѣдствіе правительственной инициативы, для доставленія способа мелкимъ землевладѣльцамъ освободиться отъ феодальныхъ сервитутовъ, можно сказать, что ими достигалась двоякая благая цѣль: политическая, уравненіемъ гражданскихъ правъ между сословіями, и экономическая—осуществленіемъ принципа обезпеченія правъ собственности и свободы труда. Установленія эти уподобляются нашему выкупному учрежденію, и внѣ всякой критики вслѣдствіе неоспоримой ихъ пользы.

Въ числѣ вышеупомянутыхъ нами германскихъ казенныхъ банковъ одинъ лишь въ Гессенъ-Дармштадтѣ, подъ наименованіемъ Renten-Anstalt, учрежденъ въ пользу мелкихъ землевладѣльцевъ. Подобный же банкъ основанъ былъ въ 1840 г. въ Швейцаріи правительствомъ Бернского кантона. Учредители того и другаго банка, безъ сомнѣнія, имѣли въ виду поощреніе сельскаго хозяйства; но заведенія эти не достигли своей цѣли и, по свидѣтельству Жоссо, лишь ускорили раззореніе многихъ заемщиковъ. Такой плачевный результатъ вписываетъ онъ, съ одной стороны, высокому проценту, хотя въ Дармштадтѣ ежегоднымъ взносомъ лишь 6% долгъ погашается въ 33 года; съ другой стороны—неблагоразумію заемщиковъ, прибѣгающихъ къ гипотечнымъ займамъ безъ надобности, вслѣдствіе искушенія, какому подвергается всякій землевладѣлецъ возможностью приобрести капиталъ подъ залогъ имущества на условіяхъ долгосрочной ссуды и постепеннаго погашенія. Высказанное имъ по случаю этихъ двухъ банковъ слѣдовало бы приложить ко всѣмъ существующимъ гипотечнымъ учрежденіямъ.

Я вполне убѣжденъ, что при настоящемъ ихъ устройствѣ, они не приносили пользы земледѣльческой промышленности, а много способствовали къ раззоренію землевладѣльцевъ. Такое предположеніе фактически уже доказывается тѣмъ во 1-хъ, что въ государствахъ, гдѣ гипотечнаго кредита не существуетъ, какъ-то: въ Шотландіи, въ Англіи, въ Бельгіи, въ Соединенныхъ Штатахъ, земледѣліе находится въ цвѣтущемъ состояніи, чего нельзя сказать о государствахъ пользующихся съ давняго времени гипотечнымъ кредитомъ. Во 2-хъ, что частные займы, заключаемые владѣльцами тамъ, гдѣ не существуетъ гипотечныхъ банковъ, хотя и обременительны, но несравненно рѣже доводятъ до окончательнаго раззоренія и до продажи имущества съ аукціона; къ тому же, такіе займы заключаются тамъ, гдѣ не существуетъ кредита земскаго, о которомъ буду говорить ниже.

О Франціи я и не упоминаю, потому что тамъ поземельная собственность, по стеченію многихъ неблагоприятныхъ обстоятельствъ и при существующей монополюющей системѣ кредита, находится въ исключительномъ положеніи. Но при отсутствіи статистическихъ данныхъ, которыхъ не имѣю возможности представить въ подтвержденіе при-

веденнаго мною фактическаго доказательства, подлежащаго слѣдовательно и сомнѣнью и пререкаю, постараюсь путемъ анализа выставить наружу недостатки кроющійся въ самомъ корнѣ существующаго учрежденія гипотечнаго кредита, и тѣмъ доказать нераціональность его въ экономическомъ отношеніи. Опасаясь, чтобы мысль моя не была понята ложнымъ образомъ, я повторю, что подъ гипотечнымъ кредитомъ я здѣсь разумѣю существующій въ Германіи и предлагаемый намъ въ образецъ; но далеко не отвергаю благотворнаго вліянія гипотечнаго кредита, коимъ въ 1845 и 1849 г. англійское правительство надѣлало у себя земледѣліе, или существовавшій до 1816 г. въ Даниіи и возникшій вслѣдствіе заботливаго попеченія правительства объ улучшеніи земледѣлія. Кромѣ того, признаю весьма благотвѣльнымъ и полезнымъ кредитъ, которому собственно приличествуетъ наименованіе земскаго или, еще точнѣе, сельскаго. Объ упоминаемыхъ здѣсь особыхъ видахъ кредита въ пользу земледѣлія предоставляю себѣ поговорить ниже. Теперь же обращаюсь къ разбору существующаго въ Германіи и предлагаемаго у насъ гипотечнаго кредита.

IV. Разборъ гипотечнаго кредита.

Считаю нужнымъ предварительно подвергнуть критикѣ самое наименованіе кредита, что не покажется пустою придиркой, если согласимся, что неточностію выраженія искажается самое понятіе о предметѣ.

Извѣстно, что у насъ предлагается учрежденіе кредита для однихъ землевладѣльцевъ, и что въ Германіи лишь одни крупные собственники пользуются имъ; слѣдовательно, на присвоеніе эпитета *земское*, находящагося въ прямой связи съ словомъ *земство*, онъ права не имѣетъ. По справедливости земскимъ можетъ онъ именоваться лишь въ томъ случаѣ, когда всему земству будетъ предоставлено пользоваться имъ. Слово *земское* отчасти соотвѣтствуетъ французскому *agricole*. Земскій кредитъ, *crédit agricole* существуетъ кое-гдѣ въ Германіи и желательно было бы распространить его у насъ повсюду. Слово *поземальное* болѣе соотвѣтствуетъ назначенію и свойству разбираемаго здѣсь

кредита. Гипотека означаетъ закладъ и право кредитора на собственность заемщика. Самое приличное названіе этого рода кредита было бы *землеладельческой*,—слово нескончаемое, и поэтому для сокращенія будемъ пожалуй называть его *поземельнымъ*, или *гипотечнымъ*, но никакъ не *земскимъ*.

Предлагаемой формы товарищества касаться я не буду. Очевидно, что при частномъ устройствѣ гипотечнаго кредита, круговое поручительство заемщиковъ замѣняетъ вполнѣ правительственную гарантію. Не въ формѣ здѣсь дѣло, а въ сущности. Мы нашли, что въ Германіи кредитъ этотъ былъ учрежденъ въ видахъ политическихъ. До какой степени осуществилось намѣреніе поддержать имъ значеніе дворянства—не берусь судить. Известно, что у насъ онъ едва ли кого обогатилъ, а многимъ помогъ разориться.

Если признать такой результатъ не вымысломъ, а несомнѣннымъ фактомъ, то легко заключить, что земледѣліе мало отъ него пользовалось, ибо усовершенствованіе земледѣльческой промышленности и цвѣтущее ея состояніе не допустило бы владѣльца до раззоренія. Итакъ политическая ли была цѣль поддержанія дворянскаго сословія, или экономическая, въ видахъ поощренія земледѣлія, ни та, ни другая не достигнута.

Для уясненія себѣ такого не утѣшительнаго результата, обратимъ вниманіе на экономическіе принципы изложенные въ началѣ статьи, и на самый механизмъ устройства кредита въ промышленныхъ странахъ. Мы видѣли, что назначеніе кредита заключается, во-первыхъ, въ привлеченіи капиталовъ, въ ихъ сосредоточеніи для оплодотворенія ими промышленнаго труда; во-вторыхъ, въ неотъемлемой услугѣ, оказываемой ими труду, который питается ими, и притомъ такъ, что вмѣстѣ съ сбереженіемъ времени возрастаетъ соразмѣрно и производительная сила труда.

То же самое было выражено мною въ формѣ болѣе осязательной. Известно, что всякое предпріятіе нуждается въ двухъ капиталахъ: одинъ служитъ на первоначальное обзаведеніе и потрачивается весь на этотъ предметъ; другой, называемый *оборотнымъ*, назначается для ежедневнаго питанія, труда и при медленномъ возвратѣ перваго, уже потраченнаго капитала, замѣняетъ его, и тѣмъ устраняетъ временное пре-

кращеніе производительной силы. Правильно устроенный и постоянно дѣйствующій кредитъ обязывается доставлять лишь второй капиталъ, а не первый, и вотъ на какомъ основаніи:

Предполагается, что владѣющій капиталомъ самъ задумываетъ предпріятіе; на дѣлѣ большею частію такъ и бываетъ. Для перваго обзаведенія онъ не нуждается въ посредничествѣ банка; поэтому вся прибыль, доставляемая этимъ капиталомъ, будетъ оставаться у него, между тѣмъ какъ промышленникъ, занявшій основной капиталъ у банка, обязавъ удѣлять ему известную долю прибыли и тѣмъ подвергать себя условіямъ менѣе выгоднымъ чѣмъ тѣ, которыми пользуется первый промышленникъ. Такое неравенство составляетъ уже рискъ для банка. Къ тому же, основной капиталъ, всегда превышая своею значительностію оборотный, не можетъ быть возвращаемъ въ банкъ иначе какъ по истеченіи многихъ лѣтъ, что составляетъ для банка другой рискъ, а по мѣрѣ терпимаго риска опредѣляется и процентъ. Возвышеніе же процента служитъ новымъ затрудненіемъ для промышленника-заемщика, и лишаетъ его возможности соперничать съ промышленникомъ-капиталистомъ. Если же предположить ссуду основнаго капитала съ постепеннымъ погашеніемъ, то процентъ погашенія послужитъ также къ повышенію ежегоднаго взноса, требуемаго банкомъ отъ заемщика и, налагая на промышленника еще большую обузу, отъ которой свободенъ промышленникъ-капиталистъ, лишаетъ перваго всякой разумной надежды на успѣхъ предпріятія. Наконецъ, такъ какъ назначеніе банка состоитъ въ томъ, чтобы призывать капиталы на производительныя траты, болѣе обезпечивающія его относительно состоятельности заемщика, онъ кредитуетъ лишь существующій промыселъ, уже снабженный основнымъ капиталомъ. Ссуды же на обзаведеніе онъ потому избѣгаетъ, что при этомъ никто не поручится, что осушаемый фондъ не будетъ потраченъ безъ пользы. Вотъ въ силу какихъ соображеній, основнымъ капиталомъ никакое частное предпріятіе не кредитуется.

Но есть исключенія: къ нимъ сдѣдуетъ причислить всѣ предпріятія, имѣющія государственное значеніе, какъ то: прорытіе каналовъ, устройство шоссе и желѣзныхъ дорогъ; а

въ отношеніи къ земледѣлію: осушеніе болотъ, разведеніе ль-
совъ, устройство плотинъ, введеніе дренажа, и т. п.

Огромные капиталы, расходуемые на такіе труды, въ первые годы не приносятъ дохода, и долго не могутъ оку-
питься. Поэтому подобныя предпріятія не доступны
для частнаго кредита. Къ нимъ приступаетъ или прави-
тельство, обладающее средствами цѣлаго государства, или
акціонерныя компаніи, при гарантіи со стороны пра-
вительства. Въ такихъ случаяхъ, правительство заключаетъ
заемъ срочный или безсрочный, акціями же образуется от-
вержденный долгъ; или наконецъ изъ государственной казны
удѣляется пособіе частнымъ лицамъ, подобно тому какъ въ
Англии давалось пособіе для устройства дренажа, а въ Даніи
для преобразованія земледѣльческой промышленности.
Пособіе это заключается въ ссудѣ капитала съ понижен-
нымъ процентомъ на продолжительный срокъ и съ посте-
пеннымъ погашеніемъ долга.

Значительное пониженіе процента, или даже безпроцент-
ная ссуда на долгій срокъ есть непремѣнное усло-
віе для успѣха такихъ предпріятій. Спрашивается, позе-
мельный кредитъ, прежде существовавшій у насъ или рас-
пространившійся въ Германіи, заключаетъ ли въ себѣ ус-
ловіе пониженнаго процента или отбѣну его? Отрицаніе на
предлагаемый вопросъ служить удостовѣреніемъ въ томъ,
что кредитъ этотъ не могъ и не можетъ привести существен-
ной пользы земледѣлію, по той причинѣ, что траты на пре-
образование или усовершенствованіе сельскаго хозяйства,
на улучшеніе почвы, на полное обзаведеніе, въ видахъ уси-
ленія дохода, вознаграждаются такъ медленно, что они
дѣлаются недоступны заемщику обязавшему вносить
ежегодно высокій процентъ съ приложеніемъ доли капи-
тала на погашеніе. Слѣдовательно, поземельный кредитъ,
о которомъ идетъ рѣчь, можетъ способствовать только
устройству заводовъ, фабрикъ и разныхъ заведеній, состо-
ящихъ въ болѣе или менѣе тѣсной связи съ земледѣлі-
емъ, и въ этомъ отношеніи оказывающихъ ему неоспори-
мую пользу. Но предполагаемая польза обуславливается ус-
пѣшнымъ ходомъ такихъ заведеній. Посмотримъ, обезпе-
чиваются ли извѣстнымъ намъ поземельнымъ кредитомъ
такіе промыслы. Для этого обратимся снова къ указані-

ямъ экономической науки, которыя подтверждаются горькимъ опытомъ.

Мы видѣли, что существенная услуга, оказываемая кредитомъ всякому промышленному труду, заключается въ своевременной ссудѣ оборотнаго капитала, по мѣрѣ требованія. Такою ссудою промышленникъ избавляется отъ обязанности держать въ запасѣ праздный капиталъ, вводящій его въ убытокъ. Гипотечный же кредитъ дѣйствуетъ наоборотъ. Онъ ссужаетъ промышленника основнымъ фондомъ, затѣмъ покидаетъ его на произволъ судьбы, не оказывая ему даже никакой помощи, какъ бы затруднительно ни было положеніе его вслѣдствіе непредвидимыхъ обстоятельствъ. Отсюда происходитъ застой въ производствѣ, потеря времени, значительный убытокъ и часто конечное раззореніе. Возьмемъ въ примѣръ самаго предусмотрительнаго хозяина, отложившаго въ сторону часть капитала на покрытіе всѣхъ расходовъ и въ огражденіе себя отъ всякихъ случайностей до ожидаемой имъ выручки. Кто вознаградитъ его за убыль, какую терпитъ онъ отъ празднолежащаго капитала? Никто, кромѣ потребителя, посредствомъ повышенія цѣны продукта, чѣмъ затрудняется его распродажа, такъ что производителю приходится терпѣть именно за свою предусмотрительность. Можно ли признать разумнымъ устройство кредита, доводящаго до подобнаго результата? Представимъ себѣ промышленника, — кто бы онъ ни былъ, сельскій хозяинъ, заводчикъ или фабрикантъ, — одареннаго всѣми качествами обезпечивающими успѣхъ предпріятія: и знаніемъ дѣла, и опытностію, и терпѣніемъ, и настойчивостію, и строгою рачительностію. Изъ вышесказаннаго затруднительнаго положенія можетъ вывести его лишь правильно устроенный кредитъ. Вотъ чѣмъ преимущественно объясняется неудача, постигшая у насъ огромное количество частныхъ предпріятій. Въ подтвержденіе тому, что всякое производство нуждается въ краткосрочномъ кредитѣ, стоить привести тотъ фактъ, всѣмъ извѣстный, что наши винокуренные заводчики къ производству приступить не могутъ безъ предварительной выдачи изъ казны третьей доли цѣны, слѣдующей за подраженное количество вина. Этотъ задатокъ, выдаваемый казною винокуренымъ заводчикамъ, замѣняетъ именно ту

суду, которой пользовались бы всё промыслы, еслибы существовалъ у насъ правильно устроенный кредитъ.

Разсмотримъ другое, многими признаваемое, неудобство вашего долгосрочнаго кредита. Во всякомъ учрежденіи, устраиваемомъ въ виду общественной пользы, нельзя не принять въ соображеніе характеръ, наклонности и нравы общественной среды, которая будетъ имъ пользоваться. Тѣмъ болѣе не должно терять изъ виду природныхъ наклонностей общихъ всему человѣчеству. Тутъ съ экономическимъ вопросомъ соединяется и нравственный. Признано всѣми, что правильно устроенный кредитъ, механизмъ котораго изложилъ я въ началѣ статьи, имѣеть на общество благотворное нравственное вліяніе. Кредитъ этотъ основанъ не на одномъ залогѣ, но и на поручительствѣ посторонняго лица, пріобрѣтшаго довѣріе. Для средняго и низшаго классовъ народонаселенія, поручительство это замѣняетъ залогъ, котораго у нихъ не имѣется. Понятно, что честное поведеніе, доставляя всякому безъ изъятія право на кредитъ, можетъ повтому всегда разчитывать на ежечасное возмездіе. Твердую же надежду на близкое возмездіе, за отсутствіемъ надлежащаго развитія нравственнаго начала, нельзя не почесть для большинства людей сильнымъ побужденіемъ къ добру. Но при долгосрочномъ, существовавшемъ у насъ, кредитѣ, что напротивъ мы видимъ? Человѣкъ задолжавшій кругомъ ни сколько о томъ не тужить. Онъ утѣшается надеждой, что у него есть недвижимое имущество, заложивъ которое въ гипотечный банкъ, онъ надолго сбросить съ себя всякую заботу, погашая свой долгъ нечувствительно изъ ежегоднаго дохода. Въ этой увѣренности, онъ нисколько не думаетъ измѣнять свой образъ жизни, и скоро оказывается, что дохода не достаетъ ему на прожитіе при ежегодномъ неотлагательномъ требованіи процента съ погашеніемъ. Взносъ процентовъ отсрочивается, затягивается, расходы продолжаются все тѣ же, и исходъ дѣла всѣмъ извѣстенъ: продажа имущества съ молотка. Другой, болѣе разчетливый и живущій сообразно съ средствами, легко можетъ впасть въ искушеніе при мысли, что ему такъ легко получить значительный капиталъ, который онъ употребить на удовлетвореніе давно затаеннаго желанія или любимой фантазіи. Искусительная мысль, что ка-

питалъ этотъ не востребуется отъ него цѣликомъ, вводитъ его въ пагубныя заблужденія. Предположимъ однако, что онъ намѣревался употребить полученный капиталъ на какое-нибудь полезное дѣло. Не руководствуясь экономическимъ правиломъ, вслѣдствіе котораго капиталъ сдѣдуетъ реализировать лишь когда приискано ему прочное и выгодное помѣщеніе, онъ предварительно приступилъ къ займу, а тамъ помѣщеніе оказалось или невыгоднымъ, или неудобнымъ; тутъ настала неурожайный годъ,—невзгода, которой періодически подвергается у насъ всякая мѣстность; капиталъ, не прінося дохода, понемногу тратится, и дѣла заемщика разстраиваются, вслѣдствіе неумѣнія распорядиться при искусительномъ и бесполезномъ кредитѣ. Можно утвердительно сказать, что нашъ гипотечный кредитъ принесъ пользу лишь тѣмъ немногимъ, которые, заложивъ свои имѣнія, скупили другія, продаваемые по случаю просроченнаго взноса процентовъ. Это единственная удачная спекуляція, къ которой велъ долгосрочный кредитъ. Но въ этомъ случаѣ, очевидно, никакой промыселъ не получалъ поощренія, и слѣдовательно кредитъ не способствовалъ приращенію богатства. Тутъ происходило лишь перемѣщеніе капитала, содержащагося въ поземельномъ фондѣ, изъ одного кармана въ другой. Итакъ, спрашивается, какую же пользу доставилъ намъ этотъ кредитъ? Извѣстно, что $\frac{2}{3}$ поземельныхъ имуществъ находятся въ залогѣ, что владѣльцы заложённыхъ имѣній разстроены въ дѣлахъ вслѣдствіе самаго кредита, что тѣ изъ нихъ, которые, помощію полученнаго капитала, предприняли какое-либо промышленное производство, разстроились за отсутствіемъ краткосрочнаго кредита, необходимаго при всякомъ производствѣ. Наконецъ, тѣ немногіе, которымъ удалось извлечь выгоду изъ этого кредита, благодаря раззоренію другихъ, ни сколько тѣмъ не способствовали народному обогащенію. Нѣтъ, пора намъ сознаться: какими бы видами ни руководствовались при учрежденіи такого кредита, результатъ его оказывается самый плачевный, и въ результатѣ этомъ виновато самое его устройство. Онъ многихъ раззорилъ; промышленности онъ не питалъ и не развивалъ, а способствовалъ лишь истребленію огромной массы капиталовъ, и потому онъ долженъ быть считаемъ главнымъ виновникомъ нынѣшняго оскудѣнія народнаго богатства. Прекращеніе такого

нераціональнаго и пагубнаго кредита слѣдуетъ признать благомъ для Россіи.

Что же касается до затрудненій, которыя встрѣчаетъ его возстановленіе при настоящемъ положеніи нашего экономическаго быта, то мы должны не печалиться объ этомъ, а напротивъ радоваться, и самый отказъ капиталовъ на всѣ приглашенія къ участію въ новомъ устройствѣ его, подѣ формою частныхъ предпріятій, служить вѣрнымъ признакомъ того, что коренное зло, кроющееся въ немъ, проникло отчасти въ общественное сознаніе, и возбуждало противъ него заслуженное недовѣріе. Правительство, убѣдившись на опытъ въ его бесполезности въ экономическомъ смыслѣ, и въ затрудненіяхъ, какимъ онъ подвергалъ государственную казну, отказывается участвовать въ его возстановленіи, предоставляя его будущую судьбу частной предпріимчивости. Устраняя себя въ этомъ случаѣ отъ дѣла вовсе негосударственнаго, а чисто промышленнаго, правительство наше приняло образъ дѣйствій вполне согласный съ началами обезпечивающими свободное, и поэтому успѣшное, развитіе промышленныхъ силъ народа. Напрасно силятся увлечь его къ прямому участію въ дѣлѣ, чуждомъ естественной сферы его дѣятельности. Выпрашиваемое у него содѣйствіе неразрывно связано съ какими-либо исключительными привилегіями, и ведетъ къ монополюльной системы. Признанная необходимость прибѣгать за помощію къ примѣненію системы, вредное дѣйствіе которой никѣмъ не оспаривается, слѣдуетъ считать рѣшительнымъ приговоромъ осуждающимъ подобное устройство. И наука, и опытъ признали за неизмѣнное правило, что въ дѣлѣ частной промышленности содѣйствіе правительства должно ограничиваться устраненіемъ всѣхъ препоновъ, всѣхъ стѣсненій, всѣхъ неудобствъ къ свободному развитію народнаго труда, истекающихъ отъ недостатковъ существующаго порядка судебнаго и административнаго. Давать же промышленной дѣятельности искусственное направленіе, отвлекая ее отъ естественнаго стремленія, значитъ причинять огромную потерю силъ, подрывающую жизнь общественнаго организма. Скажу болѣе. Положимъ, что упрекнуть меня (чего я и долженъ ожидать отъ поборниковъ всякой старины) въ преувеличеніи вредныхъ послѣдствій, истекающихъ изъ существовавшаго

у насъ кредита; положимъ, что я увлекся и представилъ картину мрачнѣе самой дѣйствительности; наконецъ допустимъ даже, что кредитъ, такимъ образомъ устроенный, вовсе не повредилъ лицамъ, обращающимся къ нему за помощію, а доставилъ имъ напротивъ одновременное пособіе: я все-таки скажу, что это пособіе досталось по несоразмѣрно дорогой цѣнѣ. Такой способъ временнаго вспоможенія, обуславливаясь принятіемъ монопольных мѣръ, лишаетъ общество всякой надежды на введеніе правильнаго кредита. А правильный кредитъ, не довольствуясь доставленіемъ обществу временнаго пособія, пускаетъ глубокіе корни въ народную почву, разрастается до огромныхъ размѣровъ, и распространяя по всему краю свою благотворную сѣнь, укрываетъ подъ нею и скромный зачатокъ труда, и окрѣпшія промышленныя силы, питаетъ ихъ, заботливо оберегаетъ, — и край бѣдный, прозябающій въ бездѣйствіи и лишеніяхъ, постепенно превращается въ богатую, сильную, цвѣтущую страну.

Замѣчательно, что вездѣ, гдѣ были учреждаемы поземельные банки, настоящій кредитъ или вовсе не существуетъ, или обреченъ на жалкое прозябаніе. Иначе и быть не можетъ. Покровительствуемый искусственный кредитъ опасается свободнаго развитія истиннаго кредита, опасается соперничества, и потому, сабаду закону самосохраненія, всѣми силами домогается вытѣснить или подавить его.

Для тѣхъ, которые держатся стараго повѣрія будто нашъ или германскій поземельный кредитъ способствовалъ процвѣтанію земледѣлія, считаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о мѣрахъ къ достиженію такой цѣли, принятыхъ въ другихъ государствахъ, именно: въ Давіи и Англіи. Давія—преимущественно страна земледѣльческая. Съ давнихъ поръ, вслѣдствіе вѣковаго стремленія капиталовъ къ гипотечнымъ ссудамъ, дворяне-землевладѣльцы, посвятившіе себя земледѣльческой промышленности, кредитовались частными людьми подъ залогъ имуществъ и сельскихъ произведеній за узаконенный интересъ 4%. Такъ какъ дома и земли доставляли 7% и 8%, то почти всѣ недвижимыя имущества были заложены. При такихъ благоприятныхъ условіяхъ кредита, общество не нуждалось въ учрежденіи гипотечныхъ банковъ. Несмотря на то, правительство, озабочиваясь преимущественно поощреніемъ земледѣлія, обра-

тило вниманіе на самое положеніе сельскаго быта и признало его помѣхою къ усовершенствованію земледѣльческаго хозяйства. Положеніе это было совершенное подобіе нашего. Каждое село составляло общину; хозяйство было трехпольное, одно поле паровое, другое подъ озимымъ посѣвомъ, третье подъ яровымъ. Поля дѣлились, какъ у насъ, на мелкіе загоны, по различію въ качествѣ почвы. Искони существовавшій порядокъ, по убѣжденію правительства, противился введенію рациональнаго хозяйства. Несмотря на громадность предпріятія—перестроить вѣковой порядокъ, состоявшій въ связи съ интересами всего сельскаго народонаселенія,—правительство рѣшилось приступить къ нему, готовое на всѣ пожертвованія. Въ этихъ видахъ обнародованъ былъ 24 августа 1781 г. королевскій декретъ, преобразовавшій весь край открытіемъ новаго источника обогащенія.

Распаденіе общинъ и раздѣленіе земель на участки влекли за собою устройство новыхъ усадебъ, посреди уступленныхъ частнымъ лицамъ угодій. На такой копей правительствомъ потрачено огромныя суммы. Выдавалось отъ 50 до 100 риксдалеровъ (отъ 150 до 300 франковъ) сельскимъ жителямъ на перенесеніе ихъ усадебъ изъ деревни на новое мѣсто посреди уступленныхъ имъ полей. Вознагражденіе было еще значительнѣе для тѣхъ, которые селились посреди пастбищъ. Дѣло переселенія подвинулось столь успѣшно и достигло въ короткое время такихъ размѣровъ, что выдача пособія прекращена была декретомъ 1801 г. Но еще въ 1786 г. правительство своимъ иждивеніемъ учредило изъ государственнаго фонда кредитную кассу (credit casse) въ пользу земледѣльческой промышленности, выдававшую ссуды по два процента, но въ поощреніе только такихъ предпріятій, которыя имѣютъ цѣлю: 1) усовершенствованіе способовъ воздѣлыванія земли на кредитныхъ участкахъ, 2) водвореніе семействъ на новыхъ земляхъ, 3) построеніе плотинъ въ огражденіе пастбищъ, заливаемыхъ морскою водою, 4) осушеніе болотъ и введеніе новыхъ приѣмовъ и изобрѣтеній для оплодотворенія почвы. Касса кредитовала безразлично по два процента и богатымъ землевладѣльцамъ, и фермерамъ, и простымъ земледѣльцамъ. Сумма займовъ возрасла до такой степени, что въ 1792 г. признали нужнымъ возвысить процентъ до 4, а потомъ до $2\frac{3}{4}$ пред-

ставляя притомъ двухпроцентную льготу въ пользу осушения болотъ и прорытія каналовъ. При ежегодномъ взносѣ такого процента и двухъ процентовъ на погашеніе, долгъ выплачивался въ 28 лѣтъ. Но надъ употребленіемъ ссужаемаго капитала устроенъ былъ строгій контроль. Заемщикъ обязанъ былъ представить въ теченіе перваго года законенное свидѣтельство, удостоверяющее, что ссуда дѣйствительно получила то назначеніе, на какое была выдана. Въ противномъ случаѣ требовалось немедленное возвращеніе капитала и 10 процентовъ штрафныхъ за всю сумму бесполезно потраченную. Съ 1785 по 1798 г. выданный въ суду капиталъ простирался до 3.415.669 риксдалеровъ (10.247.007 франковъ), что для народонаселенія въ 8.300.000 жителей, составляетъ значительную сумму. Заемщиковъ считалось 811 человекъ. Подъ залогъ недвижимыхъ имуществъ изъ вышеупомянутой суммы выдано было 1.103.962 риксдалера. Учрежденіе это, доставившее несомнѣнную пользу земледѣлю отбѣженіемъ тягостныхъ условій, какимъ оно прежде подчинялось, было закрыто въ 1816 г. послѣ продолжительнаго военнаго періода, разстроившаго государственныя финансы.

Не отвергая пользы принесенной этою мѣрой, нельзя видѣть въ ней правильно-устроенный кредитъ. Это было не что иное, какъ правительственное учрежденіе для достиженія государственной цѣли. Я упомянулъ о немъ съ намѣреніемъ показать, какимъ путемъ дѣйствуетъ правительство, вознамѣрившееся обратиться исключительно къ земледѣлю народныя промышленныя силы, и какими способами обуславливается успѣхъ. Тутъ двигатель—не личный интересъ, составляющій жизненное начало всякой промышленной дѣятельности, а правительственная инициатива, удѣляющая значительную часть государственнаго дохода и устраивающая строгій надзоръ надъ употребленіемъ выдаваемыхъ къ ссудѣ на опредѣленный конецъ. Подобно тому, англійское правительство, желая ввести у себя дренажъ, признаанный могучимъ способомъ къ оплодотворенію почвы, и помощію котораго доходъ земли возвышается на 2%, парламентскими актами, отъ 25 іюля 1845 г. и отъ 1 августа 1849 г., разрѣшило производство ссудъ въ частныя руки по 2 милліона ф. ст. на долю Ангаіи и Шотландіи и на 1 мил. для Ирландіи. Въ 1849 году снова разрѣшена изъ

государственного дохода осуда въ полъ-милліона фунт. ст. на тотъ же предметъ, но такъ же при условіи правительственнаго контроля надъ употребленіемъ выдаваемыхъ ссудъ. Процентъ назначенъ низкій, и долгъ постепенно погашается ежегоднымъ взносомъ. При такихъ условіяхъ нѣтъ сомнѣній, что заемщики не подвергаются печальнымъ послѣдствіямъ, простекающимъ отъ гипотечнаго кредита существующаго въ Германіи. Такія временныя мѣры, принимаемыя правительствомъ, почитаются производительными государственными тратами, вислолько не стѣсняющими кредитныхъ учрежденій, устройство которыхъ во всѣхъ промышленныхъ земляхъ предоставлено вполнѣ частной инициативѣ.

Не сюда ли предпочтительно слѣдуетъ намъ обратиться для заимствованія разумнаго устройства кредита, оживляющаго безразлично всѣ отрасли промышленнаго труда, на томъ основаніи, что солидарность всѣхъ промышленныхъ интересовъ стала неоспоримымъ экономическимъ принципомъ? Еслибы мы прониклись этою мыслію, мы не заботились бы объ исключительномъ процвѣтаніи одного какого-либо промысла, а поняли бы необходимость оставить каждому изъ нихъ свободное развитіе, замѣняющее съ лихвою всякую опеку.

Отчисливъ предпріятія имѣющія цѣлію или преобразование всего сельскаго хозяйства на новыхъ началахъ, или осушеніе почвы, посредствомъ прорытія канавъ и устройства дренажа,—предпріятія недоступныя при однихъ частныхъ средствахъ, и потому предоставляемыя, какъ мы видали, правительственной инициативѣ,—признавъ такія предпріятія мѣрами государственными, вызываемыми силою обстоятельствъ въ извѣстныя эпохи народной жизни,—обратимся къ насущнымъ потребностямъ земледѣлія и къ его призванію въ дѣлѣ производства. Здѣсь мы придемъ къ тому убѣжденію, что земледѣліе, какъ и всякая другая отрасль производительнаго труда, имѣетъ цѣлію превращеніе одного и того же продукта. Хотя земледѣліе, въ кругу промышленной дѣятельности, имѣетъ огромное значеніе въ томъ смыслѣ, что оно производитъ предпочтительно суровье, безъ котораго не существовало бы фабричное производство, однако тѣмъ не менѣе и оно нуждается въ фабричномъ трудѣ, возвышающемъ цѣнность его продуктовъ вслѣдствіе требованія на нихъ для новаго производства.

Было время, когда земледѣльческой промышленности оказывался исключительный почетъ не только потому что ею добывается ежедневная пища, необходимая для осязлаго населенія, но и на томъ основаніи, что она пользуется даровою производительною силою почвы. Послѣднее соображеніе подадо поводъ къ ученію фізіократовъ, признававшихъ земледѣіе исключительнымъ источникомъ богатства. Честь, оказанная земледѣлію, обошлась ему не дешево; ибо вслѣдствіе такого воззрѣнія, стали облагать его податями преимущественно передъ всѣми прочими промыслами. По мѣрѣ того, какъ уяснились явленія экономической жизни, и когда удостовѣрились, что нѣтъ такого производства, которое бы обходилось безъ какой-либо даровой природной силы, земледѣіе, лишившись исключительнаго почета, оказавшагося черезъ мѣру накладнымъ, получило въ замѣнъ право на одинаковую помощь со стороны кредита, призваннаго способствовать безразлично всякой промышленной дѣятельности, въ какой бы формѣ и подъ какимъ бы наименованіемъ она ни являлась. Поэтому мы видимъ, что съ давнихъ поръ кредитныя учрежденія, установленныя въ Англіи и Шотландіи для оживленія фабричнаго труда и торговли, вмѣстѣ съ тѣмъ, производили ссуду въ пользу земледѣлія на одинаковыхъ условіяхъ. То же существуетъ и въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ этихъ преимущественно промышленныхъ земляхъ, банки разставили свои конторы или разсылали своихъ агентовъ по селамъ и деревнямъ, доставляя кредитъ какъ бы на домъ, чтобы заемщики не терпѣли лишняго расхода времени и труда. Что кредитъ, доставляемый земледѣлію такимъ путемъ, оказалъ ему несомнѣнную пользу, это доказывается цвѣтущимъ состояніемъ его въ помянутыхъ государствахъ. Въ нѣкоторыхъ же земляхъ, не надѣленныхъ правильнымъ и свободнымъ кредитомъ, въ видахъ вознагражденія сельскихъ жителей за лишеніе, какое они терпятъ при отсутствіи общаго кредита и при недоступности для нихъ гипотечныхъ банковъ, выдающихъ ссуды лишь однимъ крупнымъ землевладѣльцамъ, устроенъ земскій кредитъ (*crédit agricole*), обезпечиваемый личностію и движимостію сельскихъ жителей. Цѣль такихъ учрежденій состоитъ въ оказаніи помощи мелкому землевладѣльцу, фермеру и даже работнику, представляющему въ обезпеченіе лишь свою

честность и добрую славу. По удостовѣренію Роби и Жоссо, помянутыя учрежденія оказали большія услуги земледѣлію и всѣмъ промысламъ, состоящимъ въ связи съ нимъ; они способствовали къ пониженію процента, къ обузданію корысти ростовщиковъ, и оказали значительную помощь во время голода, свирѣпствовавшаго въ 1846 и 1847 гг., равно и при политическихъ смутахъ 1848 г.

Въ герцогствѣ Баденскомъ существуютъ нѣсколько земскихъ банковъ. Они были основаны съ цѣлію доставить земледѣльцамъ средства къ закупкѣ рогатаго скота. Ссуды производятся по 6 %. Для большей гарантіи, изъ этихъ кассъ образовались общественныя банки. Сберегательной кассѣ въ Гейдельбергѣ разрѣшено правительствомъ употреблять свободныя фонды на производство ссудъ на тотъ же предметъ. Капиталъ этихъ кассъ, быстро возрастаая, подаетъ надежду, что въ короткое время онъ окажетъ значительныя услуги земледѣлію. Скотъ прибрѣтается съ цѣлію выкармливать его для продажи. Только въ такомъ случаѣ прибыль реализуется въ короткій срокъ и даетъ заемщику возможность освободиться отъ долга.

Въ центральной Франціи, гдѣ преимущественно развита торговая рогатымъ скотомъ, составились привилегированныя частныя банки, производящія ссуды съ тою же цѣлію, но за огромный интересъ въ 25, 30 и 40 на сто. Свободная конкуренція повизила бы процентъ до нормальнаго размѣра и оказала бы пользу всему краю.

Въ Виртембергѣ, гдѣ гипотечный банкъ не производитъ ссудъ ниже 2000 гульденовъ (4300 фр.), мелкіе землевладельцы лишены были всякаго кредита. Поставщики воспользовались отсутствіемъ кредитныхъ учрежденій, и довели жителей до разоренія. Такая крайность и послужила поводомъ къ учрежденію мѣстныхъ банковъ, обезпечиваемыхъ всею волостію.

Волостныя банки, подѣ общественной гарантіею, занимаютъ капиталы по низкому проценту и выдаютъ ссуды по 4 и $4\frac{1}{2}$ %, суммами не ниже 100 гульденовъ (215 фр.), предоставляя притомъ всякія удобства къ уплатѣ долга. Такіе банки пользуются полною самостоятельностью, и не связаны между собою никакою солидарностію; они подчиняются однако контролю главнаго начальника мѣстной администратіи, и это объясняется тѣмъ, что въ Виртембергѣ прив-

ципъ свободнаго кредита не совмѣщается съ учрежденіемъ привилегированныхъ гипотечныхъ банковъ.

Въ Виртембергѣ существуютъ также сберегательныя кассы, выдающія вкладчикамъ 4% и доставляющія соуды различнымъ промысламъ подъ залогъ недвижимостей. Существуютъ, кромѣ того, въ Виртембергѣ, въ Баваріи, въ Гессенъ - Дармштатѣ и въ Ирландіи благотворительныя заведенія, получившія свое начало отъ пожертвованій частныхъ лицъ и устроенныя съ цѣлю доставлять временную помощь, посредствомъ соуды за низкій процентъ, бѣдному рабочему люду. Такія учрежденія не имѣютъ аналогіи съ нашими общественными банками, доставляющими кредитъ за высокій процентъ, съ цѣлю устройства какихъ-либо благотворительныхъ заведеній.

Подобныя банки существуютъ у насъ въ нѣкоторыхъ городахъ. Они получали свое начало вслѣдствіе ходатайства какого-либо благотворителя, просившаго разрѣшеніе правительства на учрежденіе банка съ основнымъ фондомъ, имъ пожертвованнымъ. Спрашивается, почему бы такому благотворителю не помѣститъ жертвуемый фондъ прямо въ какое-либо кредитное учрежденіе, съ тѣмъ чтобы проценты употреблять или на содержаніе богоугодныхъ заведеній, или на удовлетвореніе крайнихъ нуждъ бѣдныхъ семействъ? На это отвѣчаютъ, что капиталъ обращающійся въ общественномъ банкѣ, нарочно для него устроенномъ, доставляя большую прибыль, усиливаетъ тѣмъ средства къ благотворенію. Но лишніе 2% получаемые съ заемщиковъ, то-есть съ промышленнаго класса, что такое какъ не взимаемый съ этого класса налогъ, посредствомъ котораго заставляютъ его участвовать въ дѣлѣ милосердія?—другими словами, не то ли же это самое, что дѣлать добро чужими руками? Не смотря на такую раскладку повинности въ пользу бѣдныхъ, учрежденіе этихъ банковъ все таки считается благодѣяніемъ жителямъ тѣхъ городовъ, гдѣ оно разрѣшается. Это обстоятельство служить неоспоримымъ доказательствомъ того, до какой степени чувствуется у насъ потребность въ кредитѣ. Но въ допущеніи устройства банковъ лишь съ условіемъ обращать прибыли въ пользу бѣдныхъ, не обнаруживается ли ложное мнѣніе, будто банки приносятъ выгоду однимъ учредителямъ ихъ, и поэтому разрѣшаются въ видѣ исключенія только въ такомъ случаѣ, когда доставляемая такимъ

промысломъ прибыль обращена на благотвореніе? Такое понятіе о кредитѣ нельзя признать современнымъ. Если же допустить, что кредитъ уже самъ по себѣ есть благодѣяніе для края, тѣмъ что оживляя промышленность, доставляетъ рабочему классу трудовую копѣтку и слѣдовательно способствуетъ улучшенію быта всѣхъ трудящихся, то-есть уменьшенію числа нуждающихся и бѣдныхъ, то-какъ не приложить всѣхъ зависящихъ отъ насъ способовъ къ распространенію банковыхъ учрежденій по мѣрѣ нуждъ народонаселенія? Какъ не позаботиться о развитіи благотворнаго кредита и о поощреніи его, вмѣсто того чтобы ставить ему препоны и налагать на него тяжелыя условія? Тамъ, гдѣ признано, что единственный источникъ благоденствія народнаго заключается въ трудѣ и въ неотлучномъ спутникѣ его, капиталѣ, тому и другому предоставляется полный просторъ въ развитіи силъ, и прилагается забота лишь о томъ, чтобы освобождать ихъ отъ всякаго стѣсненія. Вотъ чего мы должны желать; вотъ къ чему должно стремиться всѣми силами наше общество.

Учрежденіе благотворительныхъ кассъ за границею, гдѣ самый кредитъ, къ которому допускаются бѣдные классы населенія, признается способомъ благотворенія, не служить ли доказательствомъ, какъ высоко цѣнить тамъ благо доставляемое кредитомъ?

При нашей запретительной системѣ относительно кредита, разрѣшеніе общественнаго банка съ благотворительною цѣлью безспорно можетъ принести свою долю пользы. Но, при введеніи свободнаго кредита, подобное учрежденіе первое возстанетъ противъ отчѣны монополіи. Конкуренція, способствуя пониженію процента, лишитъ его части получаемой прибыли, и послужитъ поводомъ къ нареканію противъ новаго порядка, посягающаго на благотворительную кассу. Чтобы уловить себѣ неосновательность такихъ, долженствующихъ возникнуть жалобъ, можно въ этомъ случаѣ уподобить благотворительный банкъ торговцу, предлагающему устроить въ любой мѣстности на свое иждивеніе какую-либо богадѣльню или пріютъ, подъ условіемъ, что право торговли будетъ предоставлено исключительно ему. Можно утвердительно сказать, что какъ бы обширна ни была его богадѣльня, не достанетъ ей на помѣщеніе всѣхъ, кого, пользуясь монополіею, пуститъ онъ по міру.

V. Заключение.

Опредѣливъ значеніе кредита и описавъ механизмъ его устройства, я сличилъ его съ искаженною формою, получившею наименованіе гипотечнаго кредита, и представилъ бесполезность послѣдняго и его печальный исходъ. При этомъ я показавъ, что замыселъ возстановить его у насъ въ настоящую пору не осуществимъ безъ понудительныхъ мѣръ, признаваемыхъ въ высшей степени вредными. Я указавъ также на цвѣтущее состояніе кредита въ тѣхъ странахъ, гдѣ допущено свободное развитіе его, и на благотворное его вліяніе относительно народнаго благоденствія. Тутъ возникаетъ вопросъ: Подобное устройство кредита примѣнимо ли у насъ въ настоящую пору? Взвѣсимъ всѣ неблагопріятныя обстоятельства, указанныя весьма вѣрно г. Безобразовымъ, и посмотримъ, въ какой мѣрѣ препятствуютъ онѣ устройству у насъ правильнаго кредита, и есть ли возможность устранить тѣ изъ нихъ, которыя вовсе противятся установленію довѣрія. Выставимъ всѣ на видъ:

1. Недостатокъ частной инициативы.
2. Отсутствие гипотечныхъ книгъ.
3. Паденіе цѣнности бумагъ.
4. Отсутствие прочной монетной единицы.
5. Истощеніе денежнаго рынка, вслѣдствіе государственныхъ тратъ и акціонерныхъ предпріятій.
6. Потрясеніе довѣрія къ частнымъ предпріятіямъ вслѣдствіе невзгодъ, постигшихъ акціонерныя компаніи.
7. Существующій у насъ порядокъ для взысканія по безспорнымъ обязательствамъ, не обезпечивающій достаточно кредитора.

О недостаткѣ частной инициативы, я уже говорилъ выше, и привелъ факты вполне опровергающіе мнѣніе, будто общество наше неспособно прокармливаться своимъ трудомъ, безъ посторонней помощи и правительственной опеки. Разсмотримъ обстоятельства, выставленныя подъ №№ 2, 8, 4, 5, и мы убѣдимся, что, если точно слѣдуетъ признать ихъ неблагопріятными для установленія кредита, то нельзя однако сказать, чтобы онѣ дѣлали совершенно невозможнымъ его устройство.

Отсутствіе гипотечныхъ книгъ представляетъ лишь те неудобство, что подъ залогъ поземельнаго имущества, цѣнность котораго неопредѣлена въ точности и извѣстна лишь приблизительно, нельзя выдать ссуды, вполне съ нею соразмѣрной; тѣмъ не менѣе, такого залога никакой капиталистъ не отвергнетъ.

Паденіе цѣнности бумагъ и колебаніе монетной единицы изображаютъ одинъ и тотъ же фактъ въ двухъ проявленіяхъ, и имѣютъ одну и ту же причину, то-есть прекращенія свободнаго размѣна бумажныхъ знаковъ на звонкую монету. Нѣтъ сомнѣнія, что этотъ фактъ затрудняетъ промышленную дѣятельность во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, потому что безъ мѣны не обходится никакой промышленности, а безъ оцѣнки посредствомъ монетной единицы не бываетъ размѣна произведеній. Но если это обстоятельство затрудняетъ заключеніе долгосрочныхъ сдѣлокъ, то оно имѣетъ мало вліянія на обязательства краткосрочныя; поэтому можно утвердительно сказать, что оно служитъ важнымъ препятствіемъ къ установленію кредита съ погашеніемъ, но не можетъ похвастаться препоной къ учрежденію кредита на кратковременный срокъ.

Истощеніе, или вѣрнѣе сказать, оскудѣніе нашего денежнаго рынка, служитъ поводомъ къ повышенію процента, подобно тому какъ повышается цѣна всякаго предмета потребленія, по мѣрѣ скудости запаса и усиленнаго спроса на него. Но и въ этомъ случаѣ, повышеніе процента на продолжительный срокъ можетъ быть несоразмѣрно съ способами заемщиковъ, обращающихся къ гипотечному банку, и по этому ссуда становится для нихъ недоступна; на короткій же срокъ повышеніе процента, хотя и затрудняетъ производство тѣмъ что влечетъ за собой повышеніе цѣвъ и поэтому замедляетъ, а отчасти и сокращаетъ сбытъ произведеній, но никакъ не препятствуетъ залогодателю воспользоваться ссудою; а для капиталовъ—повышеніе процента, вслѣдствіе требованія на нихъ, служитъ приманкою. Кстати здѣсь сказать, что заявляемое оскудѣніе нашего рынка слѣдуетъ понимать въ смыслѣ относительномъ. Постоянно поступающіе въ государственныя банки частныя вклады, доставляющіе 2%, и между тѣмъ затрудняющіе его, свидѣтельствуютъ о томъ, что у насъ есть капиталы ожидающіе выгоднаго помѣще-

віа, которые, при учрежденіи частнаго свободнаго кредита, оплодотворили бы нашу промышленную дѣятельность. Потрясеніе же довѣрія къ частнымъ предпріятіямъ есть неудобство временное, которое исчезнетъ само собою подъ вліяніемъ болѣе благоприятныхъ обстоятельствъ. Существующій порядокъ для взысканія по безсрочнымъ обязательствамъ есть, по моему мнѣнію, главное затрудненіе въ установленіи кредита. Отсутствие обезпеченія для кредитора то же самое, что неогражденное отъ покушенія право собственности. Тутъ аналогія такъ разительна, что бросается въ глаза и не нуждается въ разъясненіи. Чему приписать такой пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, какъ не темнымъ понятіямъ господствующимъ въ общественной средѣ? Въ просвѣщенныхъ странахъ несостоятельный должникъ обезславленъ; у насъ же, еще не такъ давно, хвастались долгами. Такое различіе въ понятіяхъ и нравахъ сужить объясненіемъ и какъ бы оправданіемъ недостатка, открывающагося въ нашемъ законѣ. Но миновало то время когда кредитъ считался исключительною привилегіею богатаго и знатнаго класса. Кредитъ нынче обращается къ труду производительному, какъ къ самому прочному помѣщенію. Сближеніе этихъ двухъ экономическихъ силъ есть неперемѣнное условіе развитія промышленности, и слѣдовательно народнаго богатства; на богатствѣ же народномъ зиждется государственное могущество. Съ тѣхъ поръ какъ правительство предпріяло коренное преобразованіе нашего судоустройства, не въ правѣ ли мы надѣяться, что оно озаботится объ устраненіи недостатка, столь губельнаго для нашей промышленной дѣятельности? Есть еще одинъ важный недостатокъ, находящійся въ связи съ настоящимъ положеніемъ нашего денежнаго рынка. Размноженіе у насъ денежныхъ знаковъ не дозволитъ намъ пока пользоваться могучимъ средствомъ въ дѣлѣ кредита: я разумѣю циркуляціонные билеты. Но, по возстановленіи свободнаго размѣна бумажекъ на звонкую монету, выпускъ циркуляціонныхъ билетовъ можетъ и долженъ быть предоставленъ банкамъ. При общественномъ контролѣ и зоркомъ надзорѣ со стороны конкуренціи, эта банковая операція не представитъ никакихъ неудобствъ.

Изложивъ подробно, въ чемъ заключается превосходство

краткосрочнаго кредита надъ долгосрочнымъ съ погашеніемъ, показавъ притомъ, что всѣ исчисленныя затрудненія, кромѣ одного, легко устранимаго, не касаются перваго изъ этихъ двухъ кредитовъ; признавъ также, что въ устройствѣ его необходимо принять въ основаніе начало частной инициативы, мы можемъ только пожелать, чтобы частной дѣятельности относительно банковской промышленности, предоставленъ былъ по крайней мѣрѣ тотъ просторъ, какимъ пользуется у насъ всякое промышленное дѣло. За освобожденіемъ труда, въ силу манифеста 19-го февраля 1861 года, слѣдуетъ ходатайствовать объ освобожденіи капитала отъ всякаго посторонняго вмѣшательства. Трудъ и капиталъ—двѣ силы неразлучно дѣйствующія и равно необходимыя въ процессѣ производства, и поэтому нельзя не признать за ними одинаковаго права на безпрепятственное развитіе.

Подобно тому какъ возставали противъ освобожденія труда, найдутся также многіе поборники стараго порядка относительно освобожденія капитала. И теперь уже, въ доказательство несвоевременности, по ихъ мнѣнію, такой благодѣтельной мѣры, они ссылаются на неудачи постигшія наши акціонерныя предпріятія, и полагаютъ, что эти неудачи облачаютъ незрѣлость нашего общества. Въ опроверженіе такого ошибочнаго воззрѣнія, считаю великимъ разяснить въ нѣсколькихъ словахъ причину понесенныхъ нами утратъ.

Предварительно слѣдуетъ припомнить, что уставы такихъ компаній были и рассмотрѣны, и провѣрены, и исправлены, и утверждены обычнымъ путемъ бюрократическимъ; слѣдовательно, тутъ частной инициативѣ не была предоставлена полная самостоятельность. Невзгоды, постигшія наши акціонерныя компаніи, объясняются очень просто тѣми же обстоятельствами, которыя и въ промышленной, опытной Англіи, равно какъ и во Франціи, сопровождались печальнымъ результатомъ. Изъ многочисленныхъ торговыхъ кризисовъ, бывшихъ въ Англіи и во Франціи, самыми разорительными считаются, въ Англіи, кризисъ годовъ 1825—1826, во Франціи кризисъ 1846—1847. Такія періодическія бѣдствія возбуждали вниманіе экономистовъ, которые въ своихъ изслѣдованіяхъ пришли къ тому убѣжденію, что корень зла скрывается въ монополіи предоставленной

англійскому и особенно французскому банку. Капиталы, не имѣющіе достаточнаго помѣщенія въ частныхъ банкахъ, скоплялись въ привилегированныхъ, не принося своимъ владѣльцамъ процентовъ. Самый же приливъ праздныхъ капиталовъ послужилъ поводомъ къ тому, что банкъ употребилъ ихъ на обезпеченіе выпускаемыхъ имъ циркуляціонныхъ билетовъ. Но владѣльцы капиталовъ, не получая отъ нихъ прибыли, выжидали случая употребить ихъ на какое-либо выгодное предпріятіе. Спекуляторы воспользовались такимъ положеніемъ, чтобы возбудить въ публикѣ лихорадку гигантскихъ предпріятій. Капиталисты легко поддались несбыточнымъ надеждамъ. Въ Англіи воображенія распаались ожиданіемъ баснословной прибыли отъ разработки въ Америкѣ золотыхъ росышей и серебряной руды. Во Франціи же всѣ капиталы бросились на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ. Такія громады предпріятія въ короткое время опорожнили банки, вслѣдствіе востребованія безпроцентныхъ вкладовъ. Предпріятія, начатыя безъ надлежащей осмотрительности и подъ вліяніемъ лихорадочнаго нетерпѣнія, не оправдали возбужденныхъ надеждъ и многихъ разорили. Англійскій банкъ едва не былъ вынужденъ прекратить размѣнъ своихъ билетовъ. Французскій же обязанъ своимъ спасеніемъ неожиданной помощи со стороны русскаго правительства, вымѣнивашаго тогда 50 милліоновъ золота на французскія ренты. Обстоятельство это привело къ слѣдующимъ заключеніямъ: 1) что монополія банковъ, заграждая путь къ выгодному помѣщенію капиталовъ и свободному ихъ обращенію, заставляла ихъ бросаться опрометью въ необдуманныя предпріятія; 2) что привилегированные банки, вводимые въ искушеніе застоємъ праздныхъ капиталовъ, имъ ввѣренныхъ, вступили въ распоряженіе залежавшимся у нихъ чужимъ добромъ, и черезъ то подвергались крайней опасности.

Еслибы монополія не воспрещала учрежденія частныхъ банковъ, то праздные капиталы, помѣривъ размноженія ихъ, помѣщались бы въ новооткрываемыхъ банкахъ, доставляли бы своимъ владѣльцамъ постоянный и обезпеченный доходъ, и поощряли бы промышленность и торговлю, которая, развиваясь правильно и постоянно, устраняла бы торговые кризисы. Но монополія, какъ наследственный недугъ, сильно тяготѣетъ особенно надъ Франціей. Англія же приискала

способъ освободиться отъ него хотя отчасти. У насъ, какъ и на западѣ, одинаковыми обстоятельствами порождены тѣ же послѣдствія. Пониженіе процента въ государственныхъ кредитныхъ учрежденіяхъ послужило поводомъ къ возникновенію разнаго рода предпріятій, на которыя лихорадочно устремились праздные капиталы. Нѣтъ сомнѣнія, при большей опытности и бдительнѣйшемъ контролѣ надъ дѣйствіями компанейскихъ правленій, мы понесли бы меньшій ущербъ; но, при данныхъ обстоятельствахъ, разгромъ все-таки былъ неизбеженъ.

По мнѣнію экономистовъ, встрѣчаемыя компаніями затрудненія легко устранялись бы при пособіи кредитныхъ учрежденій, безъ которыхъ не могутъ обойтись ни акціонерныя, ни частныя предпріятія.

Въ пользу учрежденія рациональнаго кредита, въ которомъ мы крайне нуждаемся, представляю одно соображеніе, относящееся къ сбыту нашихъ произведеній за границей. Вспомнимъ, что всѣ условія, способствующія къ сокращенію расходовъ при производствѣ, благоприятствуютъ и сбыту продуктовъ на международномъ рынкѣ. Естественно, что продуктъ, доставшійся производителямъ сравнительно дешево, вытѣснитъ товаръ, цѣна котораго дорога, вслѣдствіе необходимаго вознагражденія за дорогой трудъ. Разсматривая обстоятельства, вліяющія неблагоприятно на расходъ по производству, мы видимъ, что главныя изъ нихъ суть: низкое достоинство употребляемыхъ способовъ при производствѣ, то-есть отсутствіе орудій и машинъ усовершенствованныхъ; высокая цѣна за провозъ товара, происходящая отъ дурнаго состоянія путей сообщенія; пониженіе цѣнности монетной единицы, влекущей за собой дороговизну труда и всѣхъ предметовъ потребленія; и наконецъ, отсутствіе правильно устроеннаго кредита, способствующаго, какъ мы выше показали, къ сокращенію расходовъ и слѣдовательно къ удешевленію продукта. Изъ всѣхъ этихъ неудобствъ лишь устраненіе послѣдняго зависитъ отъ насъ. Дороги и машины требуютъ огромныхъ капиталовъ; возстановленіе денежнаго курса требуетъ и пожертвованій, и времени. Учрежденіе же кредита—въ нашихъ рукахъ, и не нуждается ни въ какихъ предварительныхъ тратахъ; а между тѣмъ благотѣльное вліяніе его на производство неоспоримо. Сокративъ отчасти произ-

водительные расходы, оно дало бы нашему товару возможность соперничать съ заграничнымъ, при условіяхъ боѣе выгодныхъ.

Защищая принципъ свободнаго пользованія трудомъ и капиталомъ, я не теряю изъ виду, что измѣненіе, хоть и къ лучшему, какого бы то ни было существующаго порядка, возлагаетъ непрѣвную обязанность соображаться съ интересами, находящимися въ связи съ отмѣняемымъ устройствомъ. Мы видимъ, что открытыя путемъ умѣрвннн начала, примѣненіе которыхъ во многихъ государствахъ не могло состояться, Англія, земля преимущественно практическая, умѣла усвоить себѣ, и привила ихъ къ народной жизни. Успѣхъ ея въ этомъ отношеніи объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что при стремленіи къ улучшенію своего быта, она не разрываетъ нити связующей будущее съ прошедшимъ, и стараясь согласовать ихъ, оберегаетъ равно и отживающія силы, и зачатокъ жизни. Поэтому ей удалось отмѣнить, безъ всякаго потрясенія, вѣковой хлѣбный законъ (corn law) и замѣнить запретительную систему свободой торговли (free trade). Монополія англійскаго банка, связанная съ интересами многочисленнаго класса акціонеровъ, препятствовала ей осуществить вполне свободу банковской промышленности, рациональность которой признана ею въ принципѣ. Поэтому она придумала способъ согласованія той и другой системы. Признавая свободу учрежденія банковъ, она подчинила ее нѣкоторымъ условіямъ, въ огражденіе интересовъ развившихся подъ сѣнью монополіи. Во Франціи же исключительная привилегія банка имѣетъ, въ своихъ акціонерахъ, такихъ сильныхъ защитниковъ, что устои по сю пору невредима протівъ всѣхъ попытокъ къ ея отмѣненію, и противится всякому развитію кредита. У насъ, къ счастью, введеніе системы свободной банковской промышленности не встрѣчаетъ никакихъ враждебныхъ интересовъ. Нашъ государственный банкъ — учрежденіе чисто правительственное, и поэтому не имѣетъ причины опасаться соперничества со стороны частнаго кредита. Въ случаѣ состязанія, частный кредитъ былъ бы неминуемо подавленъ имъ. Но такой антагонизмъ обоюднo вреденъ и правительству и обществу, интересы которыхъ мерзавьны. Отвлекать капиталы отъ промышленнаго труда, чтобы,

сосредоточивая ихъ въ кредитномъ учрежденіи, обращать на казенныя траты, это не можетъ быть цѣлью нашего государственнаго банка. Такая цѣль была бы противна всѣмъ принятымъ правиламъ государственнаго хозяйства. Источникъ его доходовъ заключается въ народномъ богатствѣ, то-есть въ развитіи народныхъ производительныхъ силъ, поощреніе которыхъ есть несомнѣнно предметъ постоянной заботы нашего правительства. Если же призваніе нашего государственнаго банка заключается въ томъ, чтобы способствовать принятію какихъ-либо финансовыхъ мѣръ для достиженія цѣли имѣющей государственное значеніе, и если, въ этихъ видахъ, онъ нуждается въ какихъ-либо привилегіяхъ, облегчающихъ исполненіе возлагаемой на него обязанности, то все-таки даруемая ему привилегія не должна быть препятствіемъ къ развитію промышленнаго труда, иначе правительство потерпѣло бы ущербъ, невознаградимый никакими финансовыми заслугами. Вотъ по какимъ соображеніямъ, я въ правѣ заключить, что водвореніе у насъ свободнаго кредита не встрѣтитъ большихъ затрудненій.

Впрочемъ, въ предпринятомъ мною трудѣ, я поставилъ себя цѣлью изслѣдованіе одной теоретической стороны вопроса, и поэтому ограничился изложеніемъ неизбѣжныхъ началъ, которыя должны быть приняты въ руководство при устройствѣ кредита. Примѣненіе же этихъ началъ къ устройству кредита въ Россіи, въ настоящую пору, есть особый предметъ требующій специальной разработки. Пока самый принципъ не вступилъ въ свои права, пока общественное мнѣніе не усвоило его себѣ, я считаю преждевременными всѣ соображенія, касающіяся приложения на практикѣ началъ, подлежащихъ пререканію. По мѣрѣ силъ, я стараюсь передать свои убѣжденія, подтверждаемыя указаніями науки и опыта. Если по слабости доводовъ, мною представленныхъ, я не успѣлъ въ томъ, полагаю все-таки, что указывая на ту сторону вопроса, которая не была еще изслѣдована, и тѣмъ возбуждая изученіе предмета съ новой точки зрѣнія, слабый трудъ мой принесетъ нѣкоторую долю пользы. Я вполне увѣренъ, что найдутся люди раздѣляющіе мое воззрѣніе на устройство кредита. Надѣюсь на ихъ содѣйствіе для восполненія

недостатковъ представляемаго здѣсь очерка. Вопросъ о кредитѣ имѣетъ такое огромное значеніе въ экономическомъ бытѣ народа и такъ тѣсно связанъ съ успѣхомъ и процвѣтаніемъ промышленнаго труда, что каждый кто изучалъ его, обязанъ приложить свою лепту на дѣло, важное для будущей судьбы Россіи.

Калуга.

25 ноября 1862.

ЧЕШСКАЯ ДЕРЕВНЯ¹

II.

Въ трехъ верстахъ отъ Гудаиць, по направленію къ западу, находится село Яхимово, извѣстное по всей Чехіи богатымъ желѣзнымъ заводомъ и желѣзными рудоконьями. Эти рудоконья находятся непосредственно за селомъ, и принадлежатъ князю Фюрстенбергу. Живописныя окрестности и заводскія зданія съ высокими трубами придаютъ Яхимову очень привлекательный видъ; постоянныя же работы въ рудоконьяхъ и на заводѣ поддерживаютъ въ немъ необыкновенно сильное движеніе. Сюда стекаются крестьяне изъ многихъ окрестныхъ деревень; гудаицкіе, напримеръ, *домжари* и *салупники*¹ работаютъ главнымъ образомъ въ Яхимовѣ. Здѣсь живетъ хозяинъ завода съ семействомъ. Здѣсь же живутъ всевозможные управляющіе, конторщики и писцы. Оттого Яхимово богаче соседнихъ селъ, и въ немъ гораздо болѣе развита общественная жизнь.

Мы были въ Яхимовѣ въ первый разъ на четвертый день Рождества, и познакомились здѣсь съ нѣкоторыми

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № I.

² *Сьдлаки*, *сьдлаки* — поселяне многоземельные; *залупники* — малоземельные; *домжари* — пашущіе только усадьбу.

изъ служащихъ на заводѣ и при рудоконняхъ, и съ самимъ заводчикомъ. Это человекъ доброй души, и уже пожилыхъ лѣтъ. Еще въ молодости переселился онъ изъ самой Германіи въ Чехію, но до сихъ поръ такъ плохо говорить по-чешски, что, разговаривая съ нимъ, можно подумать, что онъ только начинаетъ учиться этому языку. Не надо однако думать, чтобы фабрикантъ Б*** съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на Чеховъ и на чешскій языкъ, какъ это водится за большинствомъ переселяющихся въ Чехію Нѣмцевъ и за чешскимъ дворянствомъ; дѣло въ томъ, что поселившись въ Чехію, онъ не считалъ необходимымъ заняться основательнѣе чешскимъ языкомъ, потому что съ рабочими могъ говорить и кое-какъ, а въ высшемъ обществѣ говорилось большею частію по-нѣмецки. Что же касается собственно политическихъ тенденцій, для него это всегда было дѣломъ второстепеннымъ. Хорошо бы шла только промысловая дѣла, а тамъ можно присоединяться то къ той, то къ другой сторонѣ, смотря потому, на которой изъ нихъ предстоитъ больше выгодъ. Въслѣдствіе такой шаткости своихъ политическихъ убѣжденій, онъ совершенно равнодушно смотрѣлъ на то, что его жена и дѣти открыто стояли на сторонѣ народной. Мало того: онъ участвовалъ во всѣхъ чешскихъ представленіяхъ, которыя давались на домашней яхимовской сценѣ, и сплелъ своимъ сыновьямъ чатары,¹ когда въ 1860 г. началось народное движеніе въ Чехію.

Въ одномъ изъ яхимовскихъ заводскихъ зданій помѣщалась гостиница „У Филиппа“, названная по имени своего хозяина, Филиппа, служившаго на заводѣ. Гостиницу „У Филиппа“ можно было назвать аристократическою, въ отличіе отъ другой, которая находилась среди селенія, и гдѣ сходились крестьяне къ обѣду или по вечерамъ на пиво, по обычаю предковъ. Оттого первая гостиница устроена была лучше, и въ нее нельзя было попасть всякому и во всякое время дня и ночи. Гостиница „У Филиппа“ была, какъ выражались Яхимовцы, казино, гдѣ устраивались пирушки, танцевальныя вечера, встрѣчался новый годъ, и куда гости являлись или какъ постоянные члены,

¹ Чатара—чешскій національный костюмъ.

или только по особому приглашенію, котораго удостоились и мы передъ новымъ годомъ.

— Смотрите же, встрѣчайте хорошенько новый годъ, говорилъ намъ панъ тата, стоя на крыльцѣ, окруженный дѣтми, между тѣмъ какъ мы усаживались въ большія сельскія сани, запряженныя парю добрыхъ коней.

— Въ Яхимовѣ, конечно, не будетъ скучно, замѣтилъ Гурза, — общество соберется большое, хорошее. Хоть и очень жалко, что намъ не придется встрѣтить новый годъ въ кругу членовъ литературнаго общества; но дѣлать нечего! Нельзя же было отказать отъ приглашенія въ Яхимово.

— Правда, правда, продолжалъ панъ тата, — да и гостямъ-то нашимъ надо побывать тамъ. Ужь мы съ Францемъ пойдемъ за васъ въ литературное общество. Прощайте же. Лошади опять прѣдутъ за вами въ три часа.

— Прощайте, прощайте, повторяли и мы на разные голоса.

Въ Яхимово прѣехали мы очень рано, такъ что въ гостиницѣ „У Филиппа“ не было еще никого. Впрочемъ комнаты были уже освѣщены, и мы могли покуда осмотрѣться. Гостиница помѣщалась во второмъ этажѣ, и состояла изъ четырехъ небольшихъ, но очень чистыхъ комнатъ, раздѣланныхъ на двѣ половины переднею, въ одномъ углу которой сидѣли музыканты. Въ главной половинѣ накрыты были бѣлыми и цвѣтными скатертями продолговатые столы; на столахъ стояли тарелки съ бѣлымъ хлѣбомъ и судочки съ уксусомъ, масломъ, перцемъ и солью. Стѣны гостиницы увѣшаны картинами, представлявшими событія изъ чешской исторіи, которую страстно любилъ хозяинъ Филиппъ, какъ онъ самъ говорилъ намъ объ этомъ.

Вскорѣ комнаты стали наполняться гостями, и шумъ увеличивался съ каждою минутой. Мы познакомились то съ тѣмъ, то съ другимъ. Между гостями находилось, впрочемъ, и нѣсколько прежнихъ нашихъ знакомыхъ. Къ восьми часамъ собрались уже всѣ. Тутъ были мужчины и во фракахъ, и въ форменныхъ сюртукахъ; тутъ были дамы и въ старомодныхъ чепцахъ, и въ огромныхъ криволиныхъ новѣйшаго изобрѣтенія. Тутъ были семейства официаловъ сажающихъ на заводѣ и при рудоконьяхъ, семейство пивовара изъ одного сосѣдняго селенія, дѣловитѣй съ женой,

и пр. Но цѣтъ всего общества составляло семейство заводчика Б*** явившееся около восьми часовъ, въ полномъ составѣ: отецъ, мать, дочь, четыре сына, домашній учитель, и одинъ молодой докторъ философіи, хорошій знакомый заводчика, уже давно гостившій на заводѣ для успокоенія своего духа, утомленнаго философскими изысканіями въ Пражскомъ университетѣ.

Общій говоръ сталъ повемногу затихать и переходить въ болѣе интимныя разговоры, когда всѣ усадились за накрытые столы. Кто спрашивалъ пива, кто кофею, кто котлетъ, кто ветчины,—словомъ, кому чего хотѣлось, и что только было приготовлено въ гостиницѣ. Услужливый хозяинъ бѣгалъ по комнатамъ туда и сюда, заботясь, чтобы гости были сыты и довольны. Между тѣмъ играла музыка. По утоленіи перваго голода, за каждымъ столомъ снова сталъ вызываться оживленный разговоръ, и снова посыпалась смѣсь чешскаго языка съ нѣмецкимъ, какъ бы оспаривавшихъ другъ у друга первенство. Побѣда склонялась то на ту, то на другую сторону, потому что большинство гостей одинаково хорошо говорило и на томъ и на другомъ языкѣ, и слѣдовательно все дѣло зависѣло отъ того, какъ начинался разговоръ: заговаривалъ кто по-чешски, и всѣ говорили по-чешски; заговаривалъ кто по-нѣмецки, всѣ брались за нѣмецкій языкъ. Случалось и такъ, что одинъ спрашивалъ по-чешски; а другой отвѣчалъ по-нѣмецки, и наоборотъ. Словомъ, въ говорѣ царствовала такая смѣсь, что съ перваго раза можно было подумать, что находишься въ обществѣ составленномъ на половину изъ Нѣмцевъ и на половину изъ Чеховъ. Между тѣмъ въ числѣ гостей были только два Нѣмца; всѣ же остальные были Чехи. Отчего же, невольно возникаетъ вопросъ, отчего такая смѣсь въ говорѣ?

Да, въ Чехіи, не иностранецъ-Нѣмецъ учится чешскому языку, а хозяинъ - Чехъ съ подобострастіемъ спѣшитъ изучать нѣмецкій языкъ; не Нѣмецъ говорить по-чешски изъ уваженія къ Чехамъ, являясь въ какое-либо чешское общество, а Чехи говорятъ по-нѣмецки, если между двумя-тремя десятками ихъ появятся два-три Нѣмца. Мало этого, нѣмецкій говоръ постоянно слышится и въ чисто-чешскихъ обществахъ; есть, Чехи, кото-

рые считают священной для себя обязанностью говорить по-нѣмецки и въ своемъ семействѣ, и въ обществѣ. Таковы почти всѣ чиновники, слѣпныя орудія германизациі, оцѣмеченные Чехи. Есть Чехи, которые считают для себя дѣломъ совершенно безразличнымъ говорить на томъ или на другомъ языкѣ, и которые потому говорятъ между собою на томъ изъ двухъ языковъ, на которомъ начнется разговоръ, или же говорятъ въ пересыпку, десять словъ чешскихъ и десять нѣмецкихъ. Сюда принадлежатъ большею частію такіе купцы, помѣщики и фабриканты, которые сами не знаютъ, Чехи ли они, или Нѣмцы. Есть наконецъ Чехи, которые считают хорошимъ тономъ говорить по-нѣмецки, и которые ограничиваются такимъ званіемъ чешскаго языка, какое необходимо для сношеній съ людьми низшаго класса, съ торговцами, кухарками, рабочими. Этотъ разрядъ составляютъ главнымъ образомъ бары, и въ особенности свѣтскія чешскія дамы.

Въ каждомъ чешскомъ городѣ, въ каждомъ мѣстечкѣ, почти въ каждомъ большомъ селеніи, гдѣ есть чиновники и помѣщики, можно встрѣтить Чеховъ подходящихъ подъ тотъ или другой изъ поименованныхъ разрядовъ, или подъ всѣ вмѣстѣ. Что касается общества, собравшагося въ гостиницѣ „у Филиппа“ для встрѣчи Новаго Года, то въ немъ находились представители всѣхъ трехъ разрядовъ. Одинъ, напримѣръ, господивъ, въ сюртукѣ съ зеленымъ воротникомъ, доказывалъ что нѣмецкій языкъ непременно долженъ быть языкомъ всеавстрійскимъ, и что иначе невозможно единство и величіе Австріи. „Наше правительство нѣмецкое,“ говорилъ онъ, „свѣдательно и мы всѣ, изъ уваженія къ нему, должны знать нѣмецкій языкъ, потому что для насъ легче изучить нѣмецкій языкъ, нежели для правительства изучить всѣ тѣ языки, на которыхъ говорятъ подданные. И я рѣшительно не могу понять, чего добиваются Мадьяры, Чехи, Хорваты. Имъ не хочется, чтобы въ школахъ всѣ предметы преподавались на нѣмецкомъ языкѣ. Чудаки! Надо бы сказать спасибо за это, а они кричатъ, что правительство угнетаетъ ихъ. Можетъ ли, въ самомъ дѣлѣ, обойтись безъ знанія нѣмецкаго языка Мадьяръ или Чехъ, когда они оба окружены Нѣмцами, когда и въ торговлѣ, и въ промышленности, и въ политикѣ, оба постоянно имѣютъ дѣло съ этими ближайшими своими сосѣдами? Отъ того-то правительство и

старается распространить въ цѣлой Австріи нѣмецкій языкъ, оттого-то оно и устраиваетъ вездѣ нѣмецкія школы; оттого нѣмецкій языкъ признанъ канцелярскимъ языкомъ...“ Ясно само собою, на какомъ языкѣ говорилъ Чехъ, съ такимъ жаромъ защищавшій все нѣмецкое. Другой, тоже въ сюртукѣ, съ зеленымъ воротникомъ, отличался удивительнымъ искусствомъ говорить вдругъ на двухъ языкахъ, какъ на одномъ. Это былъ лѣсничій князя Фюрстенберга. Въ его говорѣ постоянно слышалась, напримѣръ, такого рода смѣсь: richtig, já tam byl (дѣйствительно, я тамъ былъ); das versteht sich schon von selbst, že on to ne udělá (само собою разумѣется, что онъ не сдѣлаетъ этого); já to ne vím, was das bedeutet (я не знаю, что это значить), и проч. Слушая лѣсничаго, съ перваго раза можно было подумать, что эта неотрота въ его рѣчахъ происходила или вслѣдствіе глубокаго уваженія къ принципу равноправности, о которомъ въ то время Чехи начинали говорить уже довольно громко, или вслѣдствіе неосновательнаго знанія нѣмецкаго и чешскаго языковъ. Ни то, ни другое, однако, не было бы справедливо. Что касается политическихъ убѣжденій лѣсничаго, то онъ, подобно первому господину, былъ Австріецъ душой и тѣломъ, и никоимъ образомъ не могъ представить Чехію безъ Австріи, образованнаго Чеха безъ знанія нѣмецкаго языка; для него были совершенно однозначительны слова: „Австріецъ“ и „Чехъ“, „Нѣмецъ“ и „Чехъ.“ Въ то же время никакъ нельзя допустить, чтобы смѣсь въ говорѣ лѣсничаго зависѣла отъ незнанія котораго-либо изъ туземныхъ языковъ; никакъ нельзя допустить, чтобы лѣсничій, не умѣя ясно выразить извѣстную мысль на нѣмецкомъ, напримѣръ, языкѣ, обращался къ помощи чешскаго, и наоборотъ; или, не придумавъ какого-либо слова изъ того языка, на которомъ говорилъ, бралъ это слово изъ другаго языка. Такъ перемѣшивать двѣ рѣчи, какъ перемѣшивалъ ихъ лѣсничій, можно только при совершенномъ знакомствѣ съ ними, при извѣстной привычкѣ въ этомъ дѣлѣ. Лѣсничій вполнѣ владѣлъ и чешскимъ, и нѣмецкимъ языкомъ; а потому всего вѣроятнѣе предположить, что смѣсь въ его говорѣ происходила просто отъ небрежности.

Плохое знаніе чешскаго языка можно было замѣтить только за дамами, бывшими въ гостиницѣ „у Филиппа“, съ

небольшими, разумеется, исключениями: жена, например, заводчика, его дочь и еще несколько дам говорили по-чешски хорошо и чисто. Все же остальные говорили на такъ-называемомъ кухонномъ чешскомъ языкѣ, который есть что-то среднее между нѣмецкимъ и чешскимъ языкомъ и который усвоили себѣ не только многія аристократки гудайцко-ахимовскаго околотка, но и вообще всѣ чешскія дамы, принадлежащія къ болеѣ высшему обществу. Границы кухоннаго чешскаго языка совпадаютъ съ естественными границами Чехіи. Можно писать цѣлая книга объ исторіи этого языка, но здѣсь довольно указать только на то, какъ онъ получилъ свое начало. Его родина—кухня. Надо замѣтить, что въ Чехіи прислуга почти исключительно чешская. Поступаетъ служанка въ домъ Нѣмца или оуѣмеченнаго Чеха: служанка не понимаетъ нѣмецкаго языка, хозяйка не знаетъ чешскаго, и вотъ это послѣдняя принуждена, для необходимыхъ переговоровъ съ первою по части хозяйства, создать особенную рѣчь, и хоть сколько-нибудь приблизить нѣмецкій языкъ къ чешскому. Въ такомъ случаѣ нѣмецкіе глаголы безжалостно передѣлываются барынею на чешскій ладъ: бигле-вать (утюжить), вы-пуц-овать (вычистить), рейб-овать (тереть), унтергальт-овать (занимать), бетракт-овать (разсматривать) и пр.; съ нѣмецкими прилагательными дѣлается то же самое: файн-овый (изящный), браунов-ый (темный), гельб-овый (желтый) и т. п. Нѣмецкія частицы постоянно прилагаются къ чешскимъ словамъ, напримеръ *gar nic* (рѣшительно ничего, 1-е нѣм., 2-е чеш.), *ganz dobre* (очень хорошо, 1-е нѣм., 2-е чеш.), и проч. Я уже не говорю о замѣнѣ чешскихъ словъ нѣмецкими, о чисто нѣмецкихъ оборотахъ рѣчи,—все это на каждомъ шагѣ встрѣчается въ этомъ новоизобрѣтенномъ языкѣ. Цѣль достигнута, и хозяйка уже не заботится о возможно-правильномъ говорѣ чешскомъ, потому что служанка не только понимаетъ ее, но, изъ угожденія къ ней, старается коверкать и свой собственный языкъ, чтобы приблизить его къ изуродованной рѣчи хозяйки.

Такія отношенія между прислугою и господами существуютъ въ Чехіи не какіе-нибудь десятки лѣтъ, а цѣлая столѣтія; потому и начало кухоннаго чешскаго языка надо отнести къ тому времени, когда въ Чехіи только что начиналъ усиливаться германизмъ, или, по крайней мѣрѣ, ко

временамъ Бѣлогорской битвы и Тридцатилѣтней войны, когда вся страна была страшно опустошена, и когда въ нее переселилось множество Нѣмцевъ. Вотъ гдѣ скрывается начало чешскаго кухоннаго языка. Въ настоящее же время онъ такъ распространенъ въ Чехіи, что барышни уже съ дѣтства изучаютъ его основательно, наравнѣ съ нѣмецкимъ и французскимъ языкомъ. Само собою понятно, какое зло происходитъ отсюда для простонароднаго чешскаго языка,—но только для простонароднаго, потому что кухонное нарѣчіе не имѣетъ и не можетъ имѣть вліянія на литературный языкъ. Не говоря собственно о городской прислугѣ, въ Чехіи очень часто крестьянки отправляются въ Прагу и въ другіе города, съ тою цѣлю чтобы прослужить здѣсь три, четыре года, и потомъ, заработавъ нѣсколько десятковъ гульденовъ, возвратиться домой. Приведется крестьянкѣ служить въ такомъ домѣ, гдѣ рѣдко слышится чешскій говоръ, и гдѣ хозяева говорятъ съ нею на кухонномъ языкѣ, и вотъ по истеченіи трехъ или четырехъ лѣтъ она возвращается домой уже съ особеннымъ говоромъ, который отъ нея перенимаютъ потомъ и другіе. Теперь представьте себѣ, что такое передвиженіе прислуги совершается во всей Чехіи, и вы легко поймете, отчего иногда среди самой Чехіи, въ селеніи, гдѣ, какъ напримѣръ въ Гудлицяхъ, нѣтъ ни одного Нѣмца, въ простонародномъ говорѣ слышатся или искаженныя чешскія слова, или передѣланныя на чешскій ладъ нѣмецкія.

Сидѣвшіе съ нами за однимъ столомъ разказывали намъ съ ужасомъ о томъ, какъ усилился въ Чехіи нѣмецкій языкъ.

— Посмотрите на нашихъ дамъ, говорилъ съ жаромъ одинъ почтенный господинъ:—которыя почему-то убѣждены, что нѣмецкій языкъ составляетъ необходимое условіе аристократизма. Съ своею прислугой и на базарѣ съ крестьянами, онѣ говорятъ по-чешски; но являясь въ какое-либо большое собраніе, онѣ уже стыдятся за свой родной языкъ, хотя бы и хорошо знали его. Изъ угожденія же дамамъ, и многіе мужчины говорятъ въ обществѣ по-нѣмецки. Такимъ образомъ по всей Чехіи разсѣяны кружки, въ которыхъ слышится только нѣмецкій говоръ, и которые, къ прискорбію, состоятъ не изъ Нѣмцевъ, а изъ самихъ же

Чеховъ... Да, намъ предстоитъ страшная борьба за народность, борьба повсемѣстная. Наша цѣль еще не будетъ достигнута, если правительство броситъ систему германизациі, если оно возвратитъ намъ всѣ наши права; этимъ еще не кончится борьба славянскаго элемента съ нѣмцами...

Мысль ревностнаго патриота повторяли на разные манеры сидѣвшій тутъ же воспитатель дѣтей заводчика и молодой докторъ философіи. Докторъ, впрочемъ, положительно сказалъ, что уже прошло то время, когда съ пренебреженіемъ смотрѣли на чешскій языкъ.

— Теперь многое измѣнилось, продолжалъ онъ, воодушевляясь болѣе и болѣе:—теперь и Нѣмцы стараются изучать чешскій языкъ, тогда какъ прежде они не хотѣли и слышать о немъ, думая, что вся Чехія черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ совершенно онѣмечится. Намъ бы только преобразовать школы и университетъ, а тамъ дѣло пойдетъ хорошо; тогда мы уже смѣлѣе будемъ мѣряться своими силами, тогда начнется въ полномъ смыслѣ нравственная борьба, борьба двухъ началъ—германскаго и славянскаго. Увидимъ, на чьей сторонѣ останется побѣда, если уравниваются силы. До сихъ же поръ силы эти были слѣшкомъ не равны; намъ не позволяли свободно говорить и писать, насъ преслѣдовали всѣми возможными способами, тогда какъ наши противники приобрѣтали въ странѣ большее и большее вліяніе. Еще надо удивляться, какъ въ насъ осталось столько жизненной силы, какъ мы совсѣмъ не исчезли съ лица земли. Не исчезли,—такъ стало-быть не исчезнемъ...

— Но къ чему же все это поведетъ, докторъ? замѣтилъ я:—Чехи теперь такъ слабы, что едва ли могутъ разчитывать на самостоятельное политическое существованіе.

— Да, ваша правда, мы слабы, говорилъ онъ,—но мы и не мечтаемъ возстановить Чехію въ ея прежнихъ предѣлахъ; мы домогаемся только того, чтобы намъ дали чешскія школы, чтобы въ Чехіи официальнымъ языкомъ былъ чешскій языкъ, чтобы намъ позволили издавать газеты, словомъ, мы домогаемся того, чтобы признавы были наши народныя права, чтобы мы признаны были народомъ, составляющимъ часть великаго славянскаго племени.

При послѣднихъ словахъ докторъ посмотрѣлъ на всѣхъ съ особенною важностію и потомъ продолжалъ: — Развѣ можно

не признавать народныхъ правъ Чеховъ, когда ихъ болѣе четырехъ милліоновъ, а съ Моравянами и Словаками наберется и до семи милліоновъ? Развѣ можно утверждать, что Прага не чешскій городъ? Правда, Прага имѣетъ физиономію нѣмецкаго города, но вприсмотритесь-ка хорошенько, не маска ли это? Правда, вы не услышите чешскаго говора на блестящемъ аристократическомъ балѣ въ Прагѣ, но болѣе ста тысячъ обывателей города считаетъ чешскій языкъ своимъ роднымъ языкомъ. Вѣдь лоскъ германизма искусственно наведенъ не на одну только Прагу, а на всю Чехію. Вы и здѣсь, въ простой чешской деревнѣ, слышите нѣмецкій говоръ; но, вѣрьте, это пуфъ, маска: здѣсь всѣ говорятъ по-чешски.

— Да, замѣтилъ Гарза,—я, по крайней мѣрѣ, въ здѣшнемъ околоткѣ не знаю рѣшительно никого, кто бы не зналъ чешскаго языка, и я самъ, куда ни приду, вездѣ говорю по-чешски, даже и съ Нѣмцами; со мной, волей или неволей, надо говорить по-чешски, потому что я не знаю нѣмецкаго языка...

Музыка заиграла чешскія народныя пѣсни. Многіе гости стали подпѣвать. По временамъ раздавались рукоплесканія.

— Слышите, слышите, говорилъ докторъ,—какъ невольно пробивается наружу истинное чувство, которое стараются заглушить въ насъ.

Между тѣмъ въ залъ принесенъ былъ небольшой серебряный самоваръ, и жена заводчика, обратившись съ улыбкой ко мнѣ и къ Р*** сказала намъ, что будетъ угощать насъ русскимъ чаемъ. Самоваръ, какъ явленіе рѣдкое сдѣлался предметомъ общаго вниманія. Въ Чехіи чай не вошелъ во всеобщее употребленіе и его пьютъ только въ большихъ домахъ, въ лучшихъ кофейняхъ и при особенныхъ торжественныхъ случаяхъ. Для большаго удобства сдвинуты были два стола, и дамы, сидѣвшія за однимъ изъ нихъ, обратились къ Р*** и ко мнѣ съ разспросами, какъ и сколько пьется чаю въ Россіи. При этомъ высказывались тѣ или другія мнѣнія относительно чая; одна изъ дамъ находила чай много лучше кофея; другая, напротивъ, утверждала, что онъ вреденъ, и что она ни въ какомъ случаѣ не смѣяется на него кофе; третья и четвертая находили возможнымъ пить чай только съ ромомъ и пр. Когда

такимъ образомъ большинство дамъ оказалось противъ чая, достоинство и честь аристократическаго напитка рѣшился поддержать Гирза. Этотъ послѣдній, надо замѣтить, вывезъ съ собою изъ Царства Польскаго самоваръ тульской работы, и постоянно держалъ въ своемъ домѣ хорошей чай, что, конечно, было извѣстно въ цѣломъ околоткѣ и что придавало Гирзѣ особенное значеніе въ глазахъ всѣхъ его знакомыхъ, ставя его на одну доску съ аристократами первой руки. Въ защиту чая, Гирза сказалъ едва не цѣлую рѣчь, коснувшись исторіи введенія этого напитка въ Европѣ, мѣста его рожденія, благотѣльнаго вліянія на здоровье человеческое и способа приготовленія по русскому обычаю. Всѣ съ наслажденіемъ слушали краснорѣчиваго оратора, говорившаго съ польскимъ акцентомъ, но съ такимъ теплымъ и неподдѣльнымъ чувствомъ, что даже тѣ дамы, которыя за нѣсколько минутъ до того были противъ чая, рѣшились теперь выпить еще по чашкѣ и, притомъ, по настоятельной просьбѣ Гирзы, безъ рому, съ которымъ обыкновенно пьется чай въ Чехіи.

За чаемъ и разговоромъ время шло незамѣтно. Было уже полчаса двѣнадцатаго; приближался, стало-быть, Новый Годъ, и въ комнатахъ дѣлалось все шумнѣе и шумнѣе. Мушкетеры вставали изъ-за карточныхъ столовъ, позѣвывали, потягивались; дамы наперерывъ спѣшили заявить одна другой что бы для нихъ всего пріятнѣе было въ наступающемъ году; дѣти съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдили за часовой стрѣлкой. Дѣлались разныя приготовленія и по части хозяйственной. Ударило двѣнадцать. Начались поздравленія и чоканья стаканами, наполненными самыми разнородными жидкими тѣлами, пивомъ, виномъ, чаемъ, пуншемъ и, если не ошибаюсь, кофеемъ. Но не бѣда, что не было шампанскаго: и безъ него было шумно и весело. Между тѣмъ какъ одни гости, патриоты, пили за здравіе и славу чешскаго народа, и, ожидая съ наступающимъ годомъ большихъ переменъ, предавались мечтамъ, можетъ-быть несбыточнымъ, другіе, менѣе интересующіеся отдаленнымъ будущимъ и политикой, стали хлопотать о танцахъ. Сначала же вечера не танцевали, не потому чтобы не хотѣли танцевать, а потому что не хотѣли нарушить церковное и гражданское правило, запрещающее танцы во все время, начиная отъ пераго дня рож-

дѣтвенскаго поста до самаго Крещенія включительно. Разумѣется, правило это оставалось во всей силѣ и для наступавшаго года; но вѣдь есть мѣра всякому чело-вѣческому терпѣнью, и дѣвицы, скучавшія безъ танцевъ до двѣнадцати часовъ, положительно объявили, что онѣ никакъ не могутъ встрѣтить новый годъ безъ танцевъ. Дѣлать было нечего. Музыкантамъ велѣли играть польку, потомъ кадрили, потомъ еще польку, еще кадрили и т. д., и вся эта исторія кончилась лишь въ четвертомъ часу. Затѣмъ гости, расплатившись, по обычаю, съ хозяйномъ гостиницы за кушанья, за пиво, за вино, за кофеи и за музыку, стали расходиться.

— Разкажите же, разкажите, какъ вы вчера „у Филиппа“ провели время, спрашивалъ насъ панъ тата на другой день утромъ, когда мы всѣ вмѣстѣ сѣли у большаго стола и пили кофеи.

— Нѣтъ, разкажите-ка вы намъ сначала, какъ здѣсь встрѣчали новый годъ, замѣтили мы съ Р***.

— Да нечего разказывать-то вамъ много, продолжалъ панъ тата,—потому что мы встрѣчали попросту. Собралось насъ человекъ тридцать; сначала почитали немного, потомъ стали толковать о томъ, о другомъ, о третьемъ. Между тѣмъ въ складчину было куплено пиво. Какъ только пробило двѣнадцать часовъ, всѣ вмѣстѣ стали пить за здравіе Чеховъ, Гудличанъ, нашего литературнаго общества. Вотъ и все. Вскорѣ послѣ двѣнадцати часовъ мы разошлись, уговорившись собраться на литературный вечеръ 3 числа, потому что ни на первое, ни на второе нельзя было назначить собраніе. Вспомнили мы и васъ. Крестьянамъ очень хочется, обратился онъ потомъ къ Р***,—чтобы вы были на нашемъ балѣ.¹ Если ужъ въ самомъ дѣлѣ нельзя вамъ остаться до того времени здѣсь, такъ непременно пріѣзжайте изъ Праги: мы напишемъ вамъ, когда будетъ балъ.

Литературный вечеръ, бывшій 3 января, интересовалъ насъ особенно тѣмъ, что на немъ читались первые два номера *Народныхъ Листовъ*, новой политической газеты чешской. Гудлицкіе крестьяне, какъ я уже имѣлъ случай

¹ Гудличане постоянно выражались такъ обо всѣхъ танцевальныхъ вечерахъ; но въ чешскомъ языкѣ слово балъ замѣняется иногда словами: та пеѣну плес.

замѣтить это прежде, съ нетерпѣніемъ ожидали изданія народной газеты,—такой газеты, которая бы свободно, отъ лица чешскаго народа, показывала правительству, справедливо ли оно дѣйствовало доселѣ въ отношеніи къ нему, и если несправедливо, то въ чемъ состоятъ эти ошибки, и что нужно для устраненія ихъ на будущее время.

Въ прежнія времена Чехи играли важную роль въ Европѣ; потомъ въ ихъ политической жизни наступилъ застои, продолжавшійся слишкомъ два столѣтія, отъ начала XVII-го до второй четверти настоящаго столѣтія. Лишь только около сороковыхъ годовъ снова замѣчается въ Чехіи сильное броженіе умовъ. Оттого и чешская политическая литература еще очень молода. *Народныя Новины*, издававшіяся Гавличкомъ въ 48 и 49 годахъ, были первымъ свободнымъ словомъ чешскимъ. Не долго раздавалось это слово, но оно живительно подѣйствовало на народъ. По прекращеніи изданія *Народныхъ Новинъ*, политическое воспитаніе народа не остановилось однако, хотя и было не много задержано. Политическому воспитанію народа много содѣйствовали сельско-хозяйственныя общества, которыхъ насчитывается по нѣскольку въ каждомъ чешскомъ округѣ. На годичныя, полугодичныя и мѣсячныя собранія членовъ этихъ обществъ сходились крестьяне, ученые и литераторы для взаимнаго обсужденія вопросовъ сельско-хозяйственныхъ. Но здѣсь дѣло не ограничивалось одними разсужденіями о предметахъ чисто сельско-хозяйственныхъ; на сцену часто являлись и вопросы политическіе. Да и самое разсмотрѣніе сельско-хозяйственныхъ вопросовъ необходимо влекло за собою разсмотрѣніе вопросовъ политическихъ, находящихся въ тѣсной связи съ первыми. Почему, напримѣръ, крестьяне не могли завести тѣ или другія сельско-хозяйственныя машины? Почему участки не приносили имъ ожидаемой выгоды, какую бы они должны были приносить. соотвѣтственно своей величинѣ и добротѣ?—Потому, какъ оказывалось по разсмотрѣніи дѣла, что платились огромныя подати, необходимыя правительству на содержаніе чиновниковъ, которые чешскому крестьянину, не знающему ни йоты нѣмецкой, подсовывали нѣмецкія росписки, нѣмецкія свидѣтельства и проч. Почему, напримѣръ, крестьяне землевладѣльцы не смѣли продать безземельнымъ крестьянамъ какую-либо часть своего участка?

Потому что недробность участковъ доставляла правительству гораздо больше доходовъ и систематически умножала пролетаріатъ, такъ выгодный для германизаціи края. Такъ по крайней мѣрѣ разсуждали нѣкоторые чешскіе патріоты.

Собираясь для рѣшенія вопросовъ сельско-хозяйственныхъ, чешскіе патріоты избавлялись отъ подозрѣній полиціи, и, слѣдовательно тѣмъ свободнѣе могли иногда бесѣдовать о предметахъ запрещенныхъ.

Война въ Италіи за свободу и народность потрясла все зданіе Австрійской имперіи. Между народами, населяющими ее, стало замѣтно сильное движеніе. Въ маѣ 1860 года, на день Св. Непомука, въ Прагѣ произошла огромная народная демонстрація. Въ Вѣну отправилась депутація, съ петиціей, въ которой Чехи просили правительство, чтобы имъ были возвращены ихъ народныя права. Вскорѣ началъ издаваться *Sas*: это была первая независимая газета чешская послѣ одиннадцати лѣтъ угнетенія.

Такъ понемногу начиналось народное чешское движеніе. Чехи, слѣдовательно, были приготовлены къ нему. Ничего нѣтъ удивительнаго, что и Гудличане понимали важность и значеніе вполнѣ народной газеты, какою по программѣ должны быть *Народныя Листы*, тѣмъ болѣе что многіе изъ Гудличанъ или непосредственно сами, или по вѣсмышкѣ, знакомы были съ прежними *Народными Новинами*.

Въ первыхъ нумерахъ *Народныхъ Листовъ* помѣщена программа газеты, разборъ программы новаго министерства, составленнаго Шмерлингомъ, и еще нѣсколько весьма интересныхъ статей, въ которыхъ живымъ, увлекательнымъ языкомъ представлено было воложеніе чешскихъ дѣлъ. Тонъ статей отличался особенною силой и очень нравился крестьянамъ. Во время чтенія, всѣ члены общества хранили глубокое молчаніе и старались ловить каждое слово газеты. Только по окончаніи чтенія посылались разные вопросы и замѣчанія, по которымъ можно было судить, что направленіе газеты вполнѣ гармонировало съ общественнымъ мнѣніемъ.

Черезъ день, Р*** и Адольфъ уѣхали въ Прагу, и я остался одинъ. Время потянулось однообразно; настала тишина. По утрамъ я читалъ обыкновенно съ павомъ татюю *Народныя Листы*, которые онъ выписывалъ для

себя, или ходилъ къ Гирзѣ, гдѣ всегда доводилось выслушивать длинныя разсужденія старика Гирзы о возможно лучшемъ устройствѣ сельскаго общества по плану составленному для этого имъ самимъ. По вечерамъ, я былъ то дома и слушалъ разказы пана таты, то въ нижней гостиницѣ, то съ Гирзою въ гостяхъ у кого-либо изъ окрестныхъ знакомыхъ, то въ литературномъ обществѣ.

Домашнія вечернія бесѣды наши касались всего что только могло интересовать меня и пана тату. Мы говорили о сельской жизни въ Россіи, о Прагѣ, о томъ, или другомъ крестьянинѣ гудлицкомъ, о томъ, или другомъ чиновникѣ и пр. Францъ бывалъ, разумѣется, всегда вмѣстѣ съ нами, но онъ любилъ какъ-то больше слушать чѣмъ говорить. Когда же дѣло касалось особенно близкаго ему предмета, то онъ выходилъ изъ своей обычной апатіи, и въ такомъ случаѣ, во всѣхъ его сужденіяхъ, обнаруживался необыкновенно здравый смыслъ. Панъ тата вспоминалъ и старину.

— Нѣтъ, заговорилъ онъ однажды, когда вечеромъ, по обыкновенію, всѣ собрались въ одну комнату, — теперь уже не то что было прежде. Помню, когда я былъ еще ребенкомъ, я зналъ наизусть множество колядъ и колядовалъ цѣлыя святки. И такъ дѣлали всѣ дѣти. Теперь же въ Гудлицахъ колядуютъ гораздо меньше; коляда съ яслями, напримѣръ, почти уже совсѣмъ вывелась изъ употребленія. А я такъ еще до сихъ поръ хорошо помню эту коляду.

— Коляда съ яслями, продолжалъ потомъ панъ тата, когда я просилъ его разказать о ней, — отличается отъ другихъ колядъ, которыя вы уже слышали здѣсь, тѣмъ что для нея устраивается на дощечкѣ хлѣвушокъ; въ хлѣвушокъ ставятся ясли съ новорожденнымъ Іисусомъ; предъ яслями Іосифъ и Марія, а за яслями волъ и осель. Все это дѣлается или изъ бумаги, или изъ дерева. Четыре мальчика, изъ которыхъ одинъ представляетъ ангела, а всѣ остальные пастырей, ходятъ обыкновенно съ такими яслями изъ дома въ домъ. Вошедши въ домъ, пастыри начинаютъ пѣть:

Co to znamená v Betlémě nového? Что новаго предвѣщаетъ это въ Вуе-
леемѣ?

Ne videli jsme nebe tak jasného: Такого яснаго неба мы еще не видали
Měsíc krásně svítí, Мѣсяць прекрасно свѣтитъ,
Musí to něco býti; Это что-нибудь да значить.

Zpívají libým hlasem andělé,
Pastýři vytrubují vesele;
Nikdá tak nedělali,
By v noci troubivali:
Sláva Bohu na výsosti!
Vždy prozpěvují.

Ангелы поютъ сладкимъ гласомъ,
Пастухи трубятъ весело;
Никогда еще не бывало,
Чтобы ночью трубили:
Слава въ вышнихъ Богу!
Постоянно воспѣваютъ.

Послѣ этого одинъ изъ пастырей говоритъ:

Sláva Bohu na výsosti!
Že se dítě narodilo.

Слава въ вышнихъ Богу,
Что родился дитя.

Второй пастырь спрашиваетъ перваго:

Kdě?

Гдѣ?

Первый отвѣчаетъ:

U města Betléma.

Въ городѣ Вилелемѣ.

Второй:

Když tam půjdeme,
Když cestu ne víme?

Какъ же мы пойдемъ туда,
Не зная дороги?

Въ это время мальчикъ, представляющій ангела, начи-
наетъ пѣть:

Sem, sem, sem pastýři!
Sem do Betléma brzy,
Sem, sem pojed'te,
Nemeškejte,
At' vás cesta nemrzí!

Сюда, сюда, сюда, пастыри!
Сюда скорѣе, въ Вилелемъ,
Сюда, сюда идите,
Спѣшите,
Не страшитесь дороги!

Пастыри всѣ вмѣстѣ поютъ:

Co na nás tak voláš,
Ze nám ani spát nedáš?
Co andele,
Posle z nebe,
Co pak nám to povídáš?
Narodil se jest,
V jeslích položen jest
Náš Spasitel,
Vykupitel,
Právě o půlnoce dnes.

Зачѣмъ ты зовешь насъ такъ громко,
Что не даешь намъ даже спать?
Что ангелъ,
Посланникъ небесный,
Что ты намъ возвѣщаешь?
Сегодня въ самую полночь
Родился,
И положенъ въ ясли,
Нашъ Спаситель,
Искупитель.

Пастыри находятся какъ бы въ недоумѣннѣ, и одинъ изъ
нихъ говоритъ, обращаясь къ другому:

Ale, bratře! Co pak je to!

Но братецъ! что это такое!

Второй отвѣчаетъ:

Inu bratře! svatba je to.

Э, ну, братецъ! это свадьба.

Третій:

Neni, bratře! je Betléhem,
Aneb město Jerusalém.Нѣтъ, братья! это Вифлеемъ,
Или городъ Иерусалимъ.

Первый пастырь снова говоритъ:

Bratře můj!

Братъ!

Второй и третій:

Nu!

Ну!

Первый:

Pozoruj.

Послушай.

Второй и третій:

Nu!

Ну!

Первый:

Co jsme si před lety říkali— Что мы говорили несколько лѣтъ
тому назадъ—

Второй и третій:

Nu!

Ну!

Первый:

Když jsme ty berany pásávali— Когда мы пасли овецъ,

Второй и третій:

Nu, nu!

Ну, ну!

Первый:

Že se nám narodí Spasitel— Что родится намъ Спаситель

Второй и третій:

Nu, nu!

Ну, ну!

Первый:

Celého světa vukupitel. Всего свѣта икупитель.

Второй и третій:

Nu, nu!

Ну, ну!

Первый:

Ale bratři! vy pořád „nu, nu“ říkáte, Ахъ братья! вы то и дѣло твердите

„ну, ну,“

Ale žádnéj ne říkáte, co mu dáte А, между тѣмъ, не хотите сказать
что ему дадите.Já mu dám svůj krajíc z tobolek. Я дамъ ему кусокъ хлѣба, который
лежитъ у меня въ мѣшкѣ.

Второй:

Já mu dám svý všechny homolky ¹. Я ему отдамъ всё свои творожняки.

Третий:

Já mu dám turnýho berana: А я такъ дамъ жирнаго барана,
Pomož mi ho na ty starý ramena! Пособу-ка мнѣ извалить его на старыя плечи!

Затѣмъ пастыри поютъ опять всё вмѣстѣ:

Tedy poženem, a honem
Tam do Betléma půjdem:
Ty vezmeš housličky,
Já dudy mám;
Poženem k jesličkám,
Zahrajem tam.
Půjdem spolu do Betléma,
Důjďaj, důjďaj, důjďaj dá!
Ježíšku, panáčku!
Já tě budu kolibati,
Ježíšku, panáčku!
Já tě budu kolibati.
Začni, Kubo ², na ty dudy:
Důjďaj, důjďaj, důjďaj dá!
Ježíšku, panáčku!
Já tě budu kolibati,
Ježíšku, panáčku!
Já tě budu kolibati.
A ty, Janku ³, na pišťalu:
Dudli, tudli, dudli dá!
Ježíšku, panáčku!

.....
A ty, Mikši ⁴, na hausličky:
Hudli, tydli, hudli dá!
Ježíšku, panáčku!

.....
A ty, Vávro ⁵, na tu baqu:
Rum, rum, ruma dá!
Ježíšku, panáčku!...
Já tě budu kolibati,
Ježíšku panáčku!
Já tě budu kolibat.

Такъ идемъ же, идемъ
Скорѣ идемъ въ Вуелеемъ:
Ты возьмешь скрипицу,
У меня есть дуды,
Пойдемъ къ ясличкамъ,
И заиграемъ тамъ.
Идемъ всё вмѣстѣ въ Вуелеемъ,
Дуддай, дуддай, дуддай да!
Исусикъ, паначекъ!
Я стану тебя укачивать,
Исусикъ, паначекъ!
Я стану тебя укачивать.
Зачинай-ко, Кубо, на эти дуды:
Дуддай, дуддай, дуддай да!
Исусикъ, паначекъ!
Я стану тебя укачивать,
Исусикъ, паначекъ!
Я стану тебя укачивать.
А ты, Янко, на свирѣль:
Дудли, гудли, гудли да!
Исусикъ паначекъ и т. д.

А ты, Микши, на скрипицу:
Гудли, гудли, гудли да!
Исусикъ, паначекъ и т. д.

Ты же, Вавро, заиграешь на басѣ:
Румъ, румъ, рума да!
Исусикъ, паначекъ!...
Я стану тебя укачивать
Исусикъ, паначекъ!
Я стану тебя укачивать.

Тутъ вдругъ одинъ изъ пастырей затрубить: гу, гу, гу...

¹ Homolky приготавливаются изъ творога, но только немного иначе нежели русскіе творожняки. Въ Моравіи употребляется даже слово „tvarožki“.

² Собственное имя, сокращенное изъ „Іаковъ.“

³ Уменьшительное собственное имя отъ „Іоаннъ“.

⁴ Никола—Миколай—Микши.

⁵ Вавро—Давректіа.

Это означает, что уже полночь.... Пастыри продолжают дуть:

Už jsme si naši koledu odbyli, Zadny děvčátka s námi ne byly; Nynčko vy taky jděte, Pekně se oblekněte; Nynčko vy jděte taky Ježíška kolibati.	Вот мы кончили свою коляду, А съ нами не было ни одной дѣвцы; Теперь ступайте-ка вы, Да получше одѣньтесь; Идите и вы тоже Иисусика качать.
Amčička ⁴ běží, zimou se třese, Byla s matičkou na dříví v lese; Nese Ježíškovi dary, V košíčku jablíčka malý; Dary Ježíškovi nese, Celá se zimou třese.	Лячичка бѣжитъ, отъ стужи дрожитъ, Ходила съ маткою за дровами въ лѣсъ; Несетъ Иисусику дары Въ мѣшечкѣ маленькія яблочки; Несетъ дары Иисусику И вся трясется отъ стужи.

— Съ яслями колядуютъ обыкновенно между *щедрымъ вечеромъ* и новымъ годомъ, присовокупилъ панъ тата, кончивъ коляду.—Два года тому назадъ я еще видѣлъ какъ дѣти бѣгали съ ясличками по нашему селу, а въ послѣднее время что-то ужъ не было видно.

По вечерамъ случилось намъ бывать и въ гостиницѣ. Разъ какъ-то сидѣли мы здѣсь за однимъ столомъ съ предсѣдателемъ Гудлицкой общины и съ нѣсколькими халупниками и домкарями. Разговоръ зашелъ о владѣніи землей. Я разказывалъ, между прочимъ, какъ ведется на Руси общинное владѣніе землею между крестьянами. Предсѣдатель, находилъ общинное владѣніе землею непрактичнымъ.

— При такомъ устройствѣ, говорилъ онъ,—крестьянинъ никогда не станетъ заботиться объ усовершенствованіи своего хозяйства, потому что не знаетъ, долго ли будетъ владѣть доставшимся ему участкомъ, и смотритъ на него не какъ на свою собственность, а какъ только на временное вспоможеніе, которое дается ему для дневнаго пропитанія.

— Но за то, возразилъ я предсѣдателю,—у насъ каждый крестьянинъ имѣетъ землю; кто причисляется къ какой-либо общинѣ, тотъ ужъ непременно получить такой участокъ, какой необходимъ для него, смотря по величинѣ его семейства. Здѣсь же совершенно не такъ. Большинство крестьянъ свѣсѣмъ не имѣетъ земли. Что теперь должны

⁴ Лячичка—Ляля.

дѣлать эти безземельные крестьяне? Работать на седлаковъ? Да много ли они заработаютъ этимъ? При томъ могутъ быть разные несчастные случаи,—зхвораетъ крестьянинъ, сгоритъ у него домъ, и вотъ онъ, не имѣя земли, остается безъ куска хлѣба.

— Нѣтъ, вы ошибаетесь, отвѣчалъ предсѣдатель,—взгляните-ка на нашихъ домкарей и хаулупниковъ; многіе изъ нихъ живутъ даже лучше седлаковъ: два раза въ день пьютъ кофе, ѣдятъ три, четыре раза въ недѣлю мясо. седлакъ имѣетъ землю, но онъ платитъ большія государственныя подати и несетъ общественныя повинности; онъ дорого платитъ за обработку своего поля; чиновники всегда требовательнѣе въ отношеніи къ нему; да иногда и продукты земли сбываются плохо, и вотъ у седлака, за вычетомъ всѣхъ расходовъ, смотришь, не остается въ карманѣ и сотни гульденовъ. Подъ часъ трудно жить и нашему брату. Что же касается домкарей и хаулупниковъ, на нихъ, вопервыхъ, меньше повинностей; вторыхъ, работу они найдутъ всегда у седлаковъ, у помѣщиковъ, на фабрикахъ и заводахъ. Вѣдь земля-то все же много, и хоть она находится въ немногихъ рукахъ, но должна же кѣмъ-нибудь обрабатываться: вотъ ужъ и есть, стало-быть, средства къ жизни для безземельныхъ крестьянъ, которые обыкновенно или снимаютъ дѣльныя поля у землевладѣльцевъ, или работаютъ у нихъ по найму. Кромѣ того, въ трехъ верстахъ отсюда находятся желѣзныя рудокопни и желѣзные заводы: тамъ платятъ за работу хорошія деньги. А развѣ въ самомъ селѣ мало крестьянину способовъ къ жизни? Намъ нужны столяры, портные, сапожники, кузнецы, слесари и разные мелкіе торговцы; не идти же за всѣмъ въ Прагу или въ Беровъ. Рѣдкій седлакъ, между тѣмъ, возьмется за которое-либо изъ этихъ занятій, потому что у него и безъ того много хлопотъ съ хозяйствомъ; все это, следовательно, выпадаетъ на долю крестьянъ безземельныхъ. Седлакъ ли, напримѣръ, Кульганекъ? Нѣтъ, Кульганекъ хаулупникъ, но у него дѣла идутъ не хуже любого седлака, потому что онъ занимается торговлей. Седлакъ ли Олицъ? Тоже нѣтъ, но онъ живетъ отлично, потому что занимается кузнечнымъ мастерствомъ.

— Хорошо, если есть вблизи заводы и фабрики; въ такомъ случаѣ силы раздѣлятся, и кто будетъ работать въ

своей деревнѣ, кто на заводахъ и фабрикахъ; а если нѣтъ въ окрестностяхъ ни фабрикъ, ни заводовъ, что тогда? спросилъ я предсѣдателя.

— Ужъ что-нибудь да есть; мельницы, напримѣръ, отвѣчалъ онъ.—Заводовъ и фабрикъ здѣсь много; въ пяти верстахъ отъ Гудлицъ есть еще сахарный заводъ.

— Эхъ, братъ! прервалъ предсѣдателя одинъ изъ домкарей:—хорошо тебѣ такъ толковать, когда ты не терпишь никакой крайности. Разумѣется, и мы съ голоду не умремъ, да, вѣдь, этого мало; хлопочи, трудись весь свой вѣкъ и только для того, чтобы какъ-нибудь заработать хлѣбъ насущный. А такъ живетъ бѣлая часть нашихъ домкарей и халупниковъ. Есть, конечно, между ними люди зажиточные, это правда, но много и бѣдняковъ, тогда какъ ни одинъ здѣшній сѣлакъ не можетъ пожаловаться на то, чтобы въ его домѣ была нищета. Я, признаюсь, желалъ бы имѣть возможность небольшое поле, не потому, чтобъ избавиться отъ лишней работы,—и тогда бы я работалъ такъ, какъ работаю теперь, — а потому, что все-таки лучше имѣть хоть что-нибудь свое собственное.

— Все-таки, я думаю, есть же какая-нибудь возможность для домкаря или халупника приобрести участокъ земли, замѣтилъ я. — Помню, мнѣ говорили, что у васъ большіе участки не могутъ дѣлиться, что если кто хочетъ купить у землевладельца землю, такъ долженъ купить весь участокъ; но есть, конечно, и малоземельные крестьяне: у нихъ-то, мнѣ кажется, и могли бы покупать землю домкари и халупники. Да, навѣрное, за государствомъ тоже остается известная доля земли. Откуда, напримѣръ, какой-нибудь домкарь возьметъ землю подъ свой домъ, если онъ вздумаетъ поселиться въ Гудлицахъ? У кого онъ долженъ купить эту землю?

— Государственной земли въ Чехіи мало, продолжалъ домкарь, — она перешла въ частныя руки. Говорятъ, нашъ государь имѣлъ прежде богатыя помѣстья: большія плодородныя поля, лѣса, замки, но потомъ принужденъ былъ продавать ихъ. Въ десяти верстахъ отсюда находится Крживоладъ; когда-то это было чешское коронное помѣстье (korunny statek), а теперь онъ принадлежитъ князю Фюрстенбергу. Или вотъ Кралевъ Дворъ, оно еще ближе отъ насъ. Кралевъ Дворъ принадлежалъ прежде тоже госуда-

рю; разказываютъ, что въ давнія времена въ немъ жило лѣтомъ семейство государя, оттого-де онъ и называется Кралевымъ Дворомъ; затѣмъ его перепродавали изъ рукъ въ руки, и въ настоящее время тамъ живетъ фабрикантъ Махачекъ. Есть много большихъ государственныхъ имуществъ, которыя, если и продаются, такъ цѣликомъ; стало-быть, намъ нечего разчитывать на эту землю. Вся остальная земля принадлежитъ сельскимъ общинамъ, крупнымъ землевладѣльцамъ: князьямъ, графамъ, баронамъ, помѣщикамъ, и наконецъ селлакамъ и халупникамъ. Каждая община, а слѣдовательно и наша Гудлицкая, имѣетъ свою неотъемлемую собственность, которая состоитъ изъ известнаго количества пахатнаго поля, луговъ, лѣса. Правда, собственность эта очень незначительная,—по крайней мѣрѣ, въ Гудлицахъ. Общественныя поля снимаются обыкновенно халупниками и домкарами, деньги же поступаютъ въ общественную казну, изъ которой потомъ выдается жалованье предсѣдателю и дѣлаются разныя вспоможенія крестьянамъ, принадлежащимъ къ общинѣ, въ случаѣ, напримѣръ, пожара, большого неурожая и проч. Изъ общественнаго же лѣса отпускаются дрова для сельскихъ школъ...

— Но община, конечно, можетъ и продавать общественную землю, прервалъ я домкара.

— О, нѣтъ! продолжалъ домкаръ: — иначе у насъ ужь давно бы не было общественной земли, потому что покупателей оказалось бы сашкомъ много. Земля принадлежитъ общинѣ на вѣчныя времена; никто не вправѣ самовольно распоряжаться ею. И сама община можетъ отглавать свою землю въ наемъ, но не можетъ продать ни одного куска пахатной земли. Что же касается до земли отведенной подъ селенія, то земля эта находится въ полномъ распоряженіи общины и продается ею каждому, кто только причисляется къ общинѣ и хочетъ построить въ деревнѣ собственный домъ. Разумѣется, отъ самой же общины зависитъ принять или нѣтъ известное лицо въ число своихъ членовъ. Такимъ образомъ и нельзя намъ приобрести небольшой клочокъ пахатной земли и изъ общественнаго поля; оно составляетъ неотъемлемую собственность общины, да еслибъ оно и могло продаваться, то все-таки, по своей незначительности, было бы не достаточно для удовлетворенія всѣхъ

спросовъ крестьянъ. Наибольшая доля земли находится въ рукахъ крупныхъ землевладельцевъ и въ рукахъ седлаковъ; о хаушникахъ нечего говорить, потому что они владеютъ очень незначительными участками земли. Но на бѣду, по существующимъ до сихъ поръ законамъ, поземельная собственность какъ крупныхъ владельцевъ, такъ и крестьянъ-собственниковъ, не можетъ дѣлиться и продаваться по частямъ. Возьму въ примѣръ только седлаковъ. Положимъ, седлакъ имѣетъ поле въ 30 десятинъ земли; онъ полный хозяинъ своего поля, и можетъ распорядиться имъ какъ ему угодно. Положимъ теперь, что поле этого седлака разбито на нѣсколько мелкихъ частей, которыя находятся на значительномъ разстоянii одна отъ другой, и изъ нихъ пожелалъ бы онъ продать ту или другую, потому что при такой разбитости поля ему трудно вести хорошо хозяйство. Случается также не рѣдко, что седлакъ крайне нуждается въ деньгахъ, задолжалъ, хозяйство у него идетъ плохо: продай онъ комокъ своей земли, и вотъ долги заплачены, оставшаяся у него земля, отлично обработанная, принесла бы хорошiй урожай и дѣла пошли бы опять хорошо, такъ что онъ опять могъ бы купить то самое количество земли, какое продалъ прежде, вынужденный крайнею необходимостiю. Но вотъ тутъ-то и закорючка: седлакъ не имѣетъ права продать одну часть всей земли, хоть бы эта часть была ему совсѣмъ не нужна, хотя бы она находилась гдѣ-нибудь вдали отъ его остальнаго поля, потому что по закону участки не дѣлятся и не продаются въ раздробь. Каждый седлакъ, стало-быть можетъ продать свою землю другому крестьянину только цѣликомъ. Все это касается, впрочемъ, пахатной земли, луговъ и лѣса, которыми владеетъ седлакъ. Земля же, находящаяся въ селенiи подъ домою, не подлежитъ упомянутымъ законамъ, и седлакъ можетъ продать часть ея въ томъ случаѣ, если, на примѣръ, какой-нибудь домкаръ захочетъ построить на ней домъ....

— Но, конечно, въ случаѣ крайности седлакъ можетъ просить разрѣшенiя правительства на продажу извѣстной части своей земли? спросилъ я домкаръ.

— Да, можно просить разрѣшенiя правительства на дѣлежь участка и на продажу какой-либо части его, отвѣчалъ домкаръ, — только дѣло это не стоить хлопотъ. Положимъ, седлакъ подастъ просьбу, въ которой, ссылаясь на крайнюю

для него необходимость, просить позволенія продать часть земли, — и вотъ начинаются всевозможныя переписки, свидѣнія, требующія большихъ расходовъ со стороны просителя. Присутственное мѣсто поручаетъ чиновнику изсѣдовать дѣло, то-есть узнать, дѣйствительно ли крестьянинъ находится въ крайности и можетъ ли быть раздробленъ его участокъ. Чиновникъ-свидѣватель, не имѣя понятія о хозяйствѣ, о поземельной собственности, рѣшаетъ дѣло такъ, какъ ему вздумается, и потомъ свое рѣшеніе представляетъ на разсмотрѣніе присутственнаго мѣста, которое, разсмотрѣвъ дѣло черезъ нѣсколько мѣсяцевъ или черезъ нѣсколько лѣтъ, препровождаетъ его далѣе, въ высшее присутственное мѣсто, а то опять далѣе.... Отъ того вся исторія оканчивается постоянно тѣмъ, что правительство или совсѣмъ не даетъ разрѣшенія на дѣлежъ и продажу земли, или даетъ это разрѣшеніе уже тогда, когда въ немъ нѣтъ болѣе необходимости для сѣдлака, когда онъ или уже продалъ дѣлюкомъ свой участокъ, или сидитъ по уши въ долгахъ. Стало-быть, лучше и не заводить дѣла, если оно соединено съ такими затрудненіями, съ такими расходами и хлопотами. Невыгода же здѣсь для обѣихъ сторонъ, — какъ для сѣдлаковъ, которые не могутъ продавать свою землю по частямъ, такъ и для безземельныхъ крестьянъ, которымъ нѣтъ возможности приобрѣсти небольшой кусокъ поля.

Къ столу, у котораго мы сидѣли, понемногу присоединились остальные гости, и разговоръ сдѣлался общимъ.

— Такъ вотъ, замѣтилъ одинъ изъ подошедшихъ къ намъ крестьянъ, — вотъ гдѣ все зло — въ недѣлимости участковъ. Что же касается до общиннаго владѣнія землей, оно то же имѣетъ свои невыгоды, и въ этомъ случаѣ я совершенно согласенъ съ тѣмъ что говорилъ нѣсколько минутъ тому назадъ предсѣдатель. По моему, дѣло не въ томъ, чтобы каждый крестьянинъ непременно имѣлъ кусокъ поля, а въ томъ, чтобы земля могла свободно продаваться и покупаться; изъ ста крестьянъ теперь владѣтъ землей только четвертая часть, а тогда было бы наоборотъ, тогда бы была четвертая часть безземельныхъ крестьянъ.

Большинство крестьянъ вполнѣ согласилось съ этимъ мнѣніемъ; даже предсѣдатель долженъ былъ сознаться, что

существующій порядокъ вещей не хорошъ, и что современемъ онъ долженъ будетъ измѣниться.

Все это такъ, говорилъ онъ,—но ужь общинное владѣніе землей никуда не годится. При общинномъ владѣніи не можетъ усовершенствоваться сельское хозяйство; пусть каждый крестьянинъ самъ старается приобрести себѣ поземельную собственность, которая, какъ бы ни была мала, все-таки будетъ составлять его неотъемлемую собственность, и о которой онъ, слѣдовательно, гораздо охотнѣе станетъ заботиться нежели объ участкѣ полученномъ имъ отъ общины на извѣстное время.

При этомъ со стороны крестьянъ начались распросы о подробностяхъ русскаго порядка землевладѣнія, о томъ, довольны ли имъ крестьяне, какъ они живутъ, и пр. и пр. Казалось, ихъ сильно интересовала Россія, о которой они уже имѣли кое-какое понятіе. Исторія ближайшаго знакомства Гудличанъ съ Русскими не восходитъ, однако, далѣе начала настоящаго столѣтія, когда черезъ Гудлицы прошло нѣсколько отрядовъ русскаго войска. Съ того времени разказы о Русскихъ, съ примѣсью разныхъ неслъницъ, переходятъ изъ поколѣнія въ поколѣніе; сущность же всѣхъ этихъ разказовъ составляютъ три характеристическія черты Русскихъ: Русскіе, по представленію Гудличанъ, наслаждаются необыкновеннымъ здоровьемъ ¹, любятъ пить водку ², и говорятъ на понятномъ для Чеховъ языкѣ ³.

Бесѣды мои съ паномъ татюю нашего дома и съ другими крестьянами въ гостиницѣ смѣнялись другими удовольствіями, то болѣе шумными, то монотонными. Послѣднія доставлены мнѣ тѣми немногими вечерами, которые я провелъ въ высшихъ семейныхъ кружкахъ гудлицко-яхимовскаго околотка. Радшіе и любезность хозяевъ, непринужденный разговоръ о политикѣ, о предстоящемъ гудлицкомъ балѣ во всемъ этомъ не было, конечно, недостатка;

¹ Въ Гудлицахъ, да и во всей, кажется, Чехіи, есть поговорка: zdráv jako Rus—здоровъ какъ Русскій.

² Слово „водка“ еще доселѣ извѣстно Гудличанамъ. Водка по-чешски—kořelka—наша горѣлка.

³ Многія русскія слова, сходныя съ чешскими, доселѣ еще живутъ въ памяти нѣкоторыхъ стариковъ, которые утверждаютъ, что Гудличане и Русскіе понимали другъ друга.

но тутъ на бѣду являлись карточные игры и гаданья. Чтобы занять какъ-нибудь гостей и сообщить какое-нибудь разнообразіе общему разговору, хлопотливыя хозяйки, особенно дѣвицы, особенно же старыя дѣвицы, предлагали самыя скучныя игры въ карты и самыя разнообразныя средства для рѣшенія вопроса, кому какая предстоитъ будущность; раскладывались карты то такъ, то иначе, являлись оракулы, цѣлыя книги съ вопросами и отвѣтами увеселительнаго содержанія, рукописныя и печатныя; раздавались каждому листки, въ которыхъ предсказывалось, ожидаетъ ли человѣка семейное счастье или несчастіе, съ кѣмъ судьба соединитъ его на вѣки и пр. При такихъ играхъ и гаданіяхъ господствовалъ уже исключительно нѣмецкій языкъ.

Аристократки гудацко-яхимовскаго околодка не могли часто предаваться одному изъ самыхъ обыкновенныхъ общественныхъ удовольствій—танцамъ. Домашніе танцевальныя вечера въ Чехіи вообще не въ такому ходу, какъ у насъ въ Россіи. Въ этомъ случаѣ гудацко-яхимовскіе аристократы не отстаютъ отъ своихъ соотечественниковъ-горожанъ; домашнихъ баловъ у нихъ не бываютъ, а балы даются въ гостиницахъ, попеременно, то въ той, то въ другой, то въ Яхимовѣ „У Филиппа“, то въ Новой Гутѣ „У Златаго Бераака“, то въ Бероунѣ „У Ораа“. Но понятнo, сколько неудобствъ соединено съ такими балами. Надо въпервыхъ, созвать гостей непременно со всего околодка, потому что иначе не покрылись бы расходы, по освѣщенію, отопленію гостиницы, уборкѣ комнатъ, музыкѣ и пр. Одни не хотятъ, чтобы были на балѣ такіе-то; кто обидѣлся тѣмъ, что получилъ приглашеніе позже другихъ, кто тѣмъ, что его приглашали на балъ черезъ десять постороннихъ человѣкъ; словомъ, препятствій не было конца, и все это надо было уладить, устроить,—а кому и какъ? Въвторыхъ, въ гостиницѣ все не то что въ частномъ домѣ, у добрыхъ знакомыхъ, и какъ ни вошло у Чеховъ въ обыкновение давать балы въ гостиницахъ, однако и тамъ многіе не долюбиваютъ подобныхъ баловъ. Наконецъ, самое устройство гостиницъ не позволяло часто давать въ нихъ балы; и простые, подъ часъ порядкомъ расшатанныя, полы отбивали у танцоровъ, по крайней мѣрѣ на недѣлю, всякую охоту къ танцамъ. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ причинъ въ гудацко-

яхимовскомъ околodкѣ балы давались никакъ не болѣе одного раза въ двѣ недѣли. Кромѣ того, два или три бала въ продолженіе зимы давались въ Беровѣ. На беровскихъ балахъ было уже, конечно, болѣе блеска. Сюда собирались гости съ цѣлаго округа, даже изъ Беровы.

Недостатокъ баловъ замѣняли за то яхимовскіе спектакли, послѣ которыхъ всѣ гости обыкновенно собирались запросто въ гостиницѣ „У Филиппа“ и танцевали здѣсь, тоже запросто, до четырехъ и пяти часовъ утра. Яхимовскій домашній театръ хоть куда. Онъ помѣщается въ томъ самомъ домѣ, гдѣ живетъ семейство заводчика; все въ немъ устроено прекрасно — сцена, декорации, мѣста для зрителей, гардеробъ, библіотека. Театральная труппа организована тоже хорошо; самъ заводчикъ, его жена, дочь, три сына, учитель, докторъ философіи, дочь одного пивовара, Филиппъ, хозяинъ гостиницы „У Филиппа“ и еще трое служащихъ на заводѣ: это уже постоянныя дѣйствующія лица, освоившіяся съ сценическимъ искусствомъ. Затѣмъ играютъ здѣсь, тѣ или другіе изъ окрестныхъ знакомыхъ заводчика. При театрѣ находится довольно хорошій оркестръ музыкантовъ. Для избѣжанія безпорядковъ приняты въ руководство нѣкоторыя правила, установленныя съ общаго согласія и обязательныя для каждаго изъ принадлежащихъ къ домашней труппѣ; правила эти касались распредѣленія піесъ, костюмировки, устройства театральной библіотеки и пр. Представленія давались чешскія и нѣмецкія, попеременно. Нѣсколько чешскихъ представлений въ годъ давалось исключительно для заводскихъ рабочихъ. За входъ не было опредѣленной платы, потому что всѣ представленія давались обыкновенно въ пользу или бѣдныхъ рабочихъ, или театральныхъ музыкантовъ, и зрителямъ предоставлялось дѣлать добровольныя пожертвованія.

15-го января, въ Яхимовѣ, давалось чешское представленіе. Игрались три легенькіе водевиля, изъ которыхъ одинъ переделанъ съ французскаго для яхимовской сцены воспитателемъ дѣтей заводчика. Въ этомъ водевилѣ изображались французскіе нравы прошлаго столѣтія, и потому чрезвычайно странно было слышать, когда въ немъ вдругъ зашла рѣчь о Краледворской Рукописи, найденной покойникомъ Ганкомъ

въ первой половинѣ выѣшняго. Учитель, какъ большой патриотъ, допустилъ подобную поэтическую вольность съ тою, вѣроятно, цѣлю, чтобы познакомить съ драгоценнымъ памятникомъ чешской литературы тѣхъ изъ зрителей, которые еще не были знакомы съ нимъ. Все же оставшее шло хорошо, и роли были выполнены отчетливо. Особенное удовольствие доставлялъ публикѣ комизмъ самаго заводчика, несмотря на то, что этотъ господинъ говорилъ по-чешски очень не чисто. Можетъ-быть, впрочемъ, нечистый выговоръ и придавалъ особенный комизмъ его игръ, и вызывалъ такіе сильные взрывы смѣха.

Послѣ Крещенія гудайцкія литературныя собранія стали продолжаться долѣе нежели какъ это было прежде. Въ началѣ вечера, по обыкновенію, читались газеты, потомъ происходили совѣщанія о большомъ балѣ, который предложено было дать по подпискѣ, съ тѣмъ чтобы вырученные деньги положить въ основаніе капитала для покупки дома въ Гудайцахъ, гдѣ родился знаменитый Юнгманъ¹. Встрѣчалось много неудобствъ, препятствій, но тѣмъ не менѣе всѣ единодушно условились дать балъ двадцатаго января въ нижней гостиницѣ. Предсѣдатель общества, Моттель, обѣщавъ все устроить въ своей гостиницѣ какъ можно приличнѣе. Когоуту и Гирзѣ поручено было распорядиться приготовленіями къ балу. Остальные члены Юнгмановскаго Литературнаго Общества тоже приняла на себя тѣ или другія повинности: одинъ вызвался ѣхать въ Прагу за покупкою вина и разныхъ другихъ вещей необходимыхъ для бала, другой обѣщавъ привезти на балъ и потомъ отвезти обратно домой гостей бериунскихъ, третій—кжи-вокладскихъ, четвертый—краледворскихъ и пр. Чтобы и на самомъ балѣ былъ порядокъ и не было большой тѣсноты, уговорились позвать на него изъ гудайцкихъ крестьянъ, не принадлежащихъ къ Литературному Обществу, только тѣхъ, которые пользуются наилучшею извѣстностію въ околodкѣ. Кромѣ того, Гирза и Когоуть должны были смотрѣть за ходомъ бала, отъ начала до конца: первый долженъ былъ распорядиться музыкой, танцами, пріятіемъ гостей и пр.; второй завѣдывать хозяйственною

¹ См. Русск. Вѣстн. № 1.

частью: кухней, буфетомъ и пр. Каждому изъ нихъ назначено было нѣсколько помощниковъ.

Когоутъ и Гирза тотчасъ же взялись за дѣло. Въ нѣсколько дней они перебивали съ приглашеніемъ у всѣхъ окрестныхъ чиновниковъ, помѣщиковъ, фабрикантовъ и седаковъ, нигдѣ не встрѣчая отказа; каждый одобрялъ намѣреніе гудлицкихъ крестьянъ и жертвовалъ что могъ, гульденъ, пять, десять гульденовъ. Особенно много помогалъ горячее участіе въ этомъ дѣлѣ Гирзы, потому что онъ хорошо былъ знакомъ со всѣми окрестными дворянами. Только въ одномъ домѣ не посчастливилось гудлицкимъ патриотамъ. Являются они къ знакомому чиновнику, застаютъ у него человѣкъ пять гостей и въ томъ числѣ одного Нѣмца, служащаго въ конторѣ желѣзныхъ рудоконей князя Фюрстенберга. Хозяинъ съ радушіемъ принимаетъ вошедшихъ, и они, черезъ нѣсколько минутъ, подаютъ подписной листъ хозяину и гостямъ; каждый подписывается и отдаетъ деньги. Предлагаютъ они подписаться и Нѣмцу К***, въ той простодушной увѣренности, что можетъ-быть и онъ приметъ приглашеніе на балъ и сдѣлаетъ какое-либо пожертвованіе. Сверхъ всякаго ожиданія, однако, это простодушіе и деликатность Чеховъ не понравились Нѣмцу. Взявъ поданный ему Гирзою листъ бумаги, наполненный подписями, онъ окинулъ его презрительнымъ взглядомъ и затѣмъ отбросилъ въ сторону, съ словами: „Was liegt mir an dem böhmischen Schriftsteller? Das ist kein Schiller!..“ (Что мнѣ до какого-нибудь чешскаго писателя? Это вѣдь не Шиллеръ!)

Можно себѣ представить, въ какое сильное негодованіе пришли Гирза и Когоутъ при этихъ словахъ. (Гирза и Когоутъ не говорили по-нѣмецки, но почти все понимали). Не сказавъ, однако, ни слова, они сейчасъ же отправились отъ чиновника, и вечеромъ, въ литературномъ собраніи, разказали крестьянамъ о случившемся. Засѣданіе было бурное. Члены общества единодушно рѣшили, что оскорбленіе нанесено не только Гудлицинамъ, но всѣмъ вообще Чехамъ и что, поэтому, поступокъ К*** слѣдуетъ огласить въ *Народныхъ Листахъ*.

Описанное происшествіе случилось наканунѣ яхимовскаго спектакля, и на другой день вѣсть о нихъ разнеслась уже по всему околотку. Само собою понятно,

что въ гостиницѣ „у Филиппа“, куда собрались гости послѣ спектакля, только и было толку что о Нѣмцѣ, о Гирзѣ и о Когоутѣ и о намѣреніи Гудичанъ огласить дѣло въ газетахъ. Начались тавды, но дѣло какъ-то не клеилось. Послѣдняя новость слухомъ заинтересовала всѣхъ, тѣмъ болѣе что тутъ же находились и два главныя дѣйствующія лица: Когоутъ и Гирза, около которыхъ постоянно толпились любопытные, спрашивая ихъ какъ было дѣло. Большинство гостей приняло сторону оскорбленныхъ. Протестъ, протестъ и больше ничего — слышалось отъ тѣхъ, которые окружали Гирзу ¹.

Намеренное Гудичанамъ оскорбленіе не ослабило ихъ энергіи; дѣятельность закипѣла попрежнему. Послѣдніе два дня, члены Общества положительно не знали покоя. Въ „нижней“ гостиницѣ мылись полы и окна, замазывались трещины на стѣнахъ и потолкахъ, дѣлались разныя украшенія; въ гостиницу свозились съ дѣлаго села стулья, посуда, везлось пиво; одинъ стремглавъ бѣжалъ изъ гостиницы по какому-либо особому порученію главныхъ распорядителей, другой бѣжалъ въ гостиницу, уже исполнивъ порученіе, третій шелъ туда изъ любопытства, посмотреть что тамъ дѣлается. Магическое слово „балъ“ подняло всѣхъ на ноги. Приготовленія къ нему возбуждали необыкновенное любопытство, — и не только въ Гудичаныхъ, которыхъ дѣло это касалось всего ближе, но даже окрестные чиновники и помѣщики не въ силахъ были противиться искушенію заглянуть еще до бала въ гудичицкую гостиницу, такъ что въ продолженіе двухъ послѣднихъ дней не рѣдко у гостиницы оставались городскіе экипажи. Для привыкшихъ къ баламъ бероуицкимъ и яхимовскимъ, гудичицкій балъ самъ по себѣ не составлялъ, конечно, ничего особеннаго; но его заманчивость и прелесть состояла въ томъ, что онъ давался крестьянами, и что это былъ праздникъ народный. Каждый изъ аристократовъ уже заранѣе представлялъ въ своемъ воображеніи и убранство комнаты, и пестроту общества; каждый заранѣе былъ увѣренъ, что на гудичкомъ балѣ главную роль будутъ играть національныя цвѣта,

¹ Балъ и возникшія потомъ волненія въ Литературномъ Обществѣ заставили Гудичанъ забыть о протестѣ.

бѣлый и розовый, и портреты передовыхъ людей чешскихъ.

Любопытный не менѣе Гудличанъ и окрестныхъ обывателей, я уже нѣсколько разъ былъ въ гостиницѣ, когда тамъ шла приготовленіа къ балу, когда неутомимый предсѣдатель Литературнаго Общества собственноручно замазывалъ трещины на потолкахъ и на стѣнкахъ своей гостиницы, и прикрѣплялъ готовую отвалиться штукатурку, когда учитель Когоуть развѣшивалъ на стѣнахъ портреты, то отступая отъ стѣны на нѣсколько шаговъ и наклоняясь въ ту и въ другую сторону, чтобъ узнать, соблюдена ли симметрия, то снова приближаясь къ стѣнѣ и исправляя что находилъ неправильнымъ; былъ я тамъ, когда Гирза осматривалъ полъ, стѣны, потолки, мебель и прибывалъ около портретовъ большіе зеленые вѣнки, сдѣланные, по его просьбѣ, нѣкоторыми дѣвцами-дворянками; былъ я, наконецъ, въ „нижней“ гостиницѣ за нѣсколько часовъ передъ баломъ, когда уже, слѣдовательно, все было готово, все было въ порядкѣ. Слѣдя съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ за приготовленіями къ балу и зная все до малѣйшихъ подробностей, я, конечно, могъ болѣе или менѣе вѣрно представлять въ своемъ воображеніи тѣ же самыя комнаты наполненныя гостями, и при яркомъ вечернемъ освѣщеніи могъ уже заранѣе болѣе или менѣе вѣрно нарисовать картину гудличкаго бала; но, признаюсь, мои представленія были слишкомъ далеки отъ дѣйствительности, и моя предварительно нарисованная картина бала оказалась слишкомъ блѣдною. Дѣйствительность превзошла все моё ожиданіе.

Только лишь вы переступили завѣтный порогъ перваго этажа гостиницы, какъ два усаужливые крестьянина просятъ васъ снять верхнее платье въ особо отведенной для этого комнатѣ. Вы входите въ указанную вамъ комнату, и едва-едва узнаете ее, — да, это та самая комната, въ которой Гудличане пьютъ по вечерамъ пиво, играютъ въ карты, и въ которой Моттель стоитъ обыкновенно за большимъ прилавкомъ, записывая мѣломъ на черной доскѣ число кружекъ пива, истребляемыхъ каждымъ изъ гостей,—но какъ же измѣнилась эта комната! Она совершенно превратилась въ гардеробную, и вмѣсто прилавка и длинныхъ столовъ, въ ней стоятъ шкафы для платья,

вмѣсто Моттля съ мѣломъ въ рукѣ и вмѣсто шумной, веселой компаніи, вы встрѣчаете здѣсь только двоихъ крестьянъ, которые берутъ отъ васъ ваше платье, вѣшаютъ его въ одинъ изъ шкафовъ и увѣряютъ васъ, что все будетъ сбережено какъ нельзя лучше. Успокоенные, вы идете послѣ этого во второй этажъ: на лѣстницѣ свѣтло, и нѣтъ той давки, какая бываетъ постоянно во время обыкновенныхъ танцевальныхъ вечеровъ; у входа въ самое святилище, опять два крестьянина отворяютъ вамъ двери и почтительно просятъ васъ войти. Вы вошли, и вотъ Гирза, во фракѣ и въ бѣлыхъ перчаткахъ, и нѣсколько почтенныхъ седлаковъжимаютъ вамъ руки, благодарятъ за посвященіе и предлагаютъ идти или въ залъ направо, или въ залъ налево. Но вы остаетесь на нѣсколько минутъ въ приемной, чтобы лучше осмотрѣться. Приемная дѣлитъ гостиницу на двѣ половины. Въ одномъ углу приемной комнаты устроенъ небольшой прилавокъ, надъ прилавкомъ на стѣнѣ виситъ роковая черная доска, а за прилавкомъ стоитъ Моттль съ мѣломъ въ рукѣ, приветливо улыбаясь входящимъ гостямъ и постоянно повторяя: „*vitam vās, mē uctā!*“ (просимъ пожаловать, мое почтеніе). Далѣе отъ прилавка, по стѣнѣ, тянется большой столъ, за которымъ сидятъ нѣсколько крестьянъ, гостей и человѣкъ десять музыкантовъ. Въ приемной говоръ, смѣхъ; гости являются одинъ за другимъ—мужчины и дамы, гудлицкіе и окрестные. Если входятъ дамы, то Гирза и седлаки подають имъ руку и проводятъ прямо въ главный залъ на право. Въ этомъ случаѣ, впрочемъ, никому не оказывалось особаго предпочтенія: съ одинаковымъ радушіемъ встрѣчались какъ свѣтскія дамы, такъ и простыя крестьянки; тѣхъ и другихъ Гирза и седлаки тотчасъ же проводили подъ руку въ упомянутый залъ.

Насмотрѣвшись въ приемной на прибывавшихъ гостей, вы отправляетесь отсюда сначала въ залъ, налево отъ приемной, который въ одно и то же время служитъ за гостиную и за буфетъ. Три накрытые скатертями столы; около столовъ стулья и скамейки; четвертый небольшой столъ, уставленный разными печеньями, чешскими колачами и бухтами: все придаетъ комнатѣ самый привлекательный видъ. Очень яркое освѣщеніе совершенно скрыло тѣ недостатки, которыхъ осталось въ комна-

тъ еще очень много, не смотря на всѣ усилія Мот-
 тля придать ей по возможности лучшей видъ, и кто не
 видѣлъ, какъ онъ въ потѣ лица трудился надъ сво-
 ею задачей, какъ онъ все подклеивалъ и подмазывалъ,
 тому, навѣрное, и въ голову не приходило предста-
 влять этотъ залъ иначе чѣмъ представлялся онъ те-
 перь при яркомъ освѣщеніи. Да еслибы гости были и
 слишкомъ требовательны относительно помѣщенія, такъ
 ужели въ ихъ глазахъ не имѣли бы никакой цѣны ни
 эта уютность зала, ни эти бухты и колачи, ни эти
 бероунскія печенья, купленные Гирзою безъ согласія
 съ Когоутомъ, ни эта близость кухни, которая отдѣля-
 лась отъ зала только одною стѣной, и изъ которой слы-
 шался запахъ кофея, жарившейся говядины и бульона, ва-
 рившагося по приказанію Гирзы для аристократовъ? Кто
 же бы, въ самомъ дѣлѣ, былъ въ силахъ устоять противъ
 такихъ соблазновъ міра сего? Къ тому же здѣсь надо
 взять въ расчетъ и то, что многіе гости пріѣхали на балъ
 издалека; для этихъ гостей теперь лишь бы только было
 тепло, лишь бы можно было съѣсть что-нибудь, да вы-
 пить стаканъ пива. Во всякомъ случаѣ [описанный залъ
 долженъ былъ, повторяю, нравиться всѣмъ и каждому,
 и дѣйствительно, вскорѣ въ немъ собралось большое
 и весьма солидное общество. Здѣсь, за однимъ сто-
 ломъ, сидѣли Махачекъ, богатый фабрикантъ изъ Кралева-
 Двора, человекъ прямой и горячо любившій отечество.
 Пользуясь независимымъ положеніемъ въ обществѣ и имѣя
 хорошее состояніе, онъ игралъ въ околodкѣ важную роль¹.
 Въ его домѣ часто бывали большія собранія и на такихъ
 собраніяхъ слышался уже исключительно чешскій говоръ².
 Тутъ же сидѣли здѣцкіе³ фабриканты, крживоклатскіе
 чиновники, гудлицкій священникъ, отецъ Гирзы, и многіе
 другіе. Къ этому столу постоянно подходили гудлицкіе

¹ Въ половинѣ 1860 г., Махачекъ, вмѣстѣ съ Ригромъ, подавалъ госу-
 дарю петицію отъ имени всего народа, былъ избранъ депутатомъ на зем-
 скій сеймъ, а потомъ на имперскій.

² Мы съ Р*** были у Махачка на святкахъ. Помню, когда вечеромъ
 всѣ члены сидѣли кругомъ большого стола, шестнадцатій сынъ Махачка,
 по общей просьбѣ, прочелъ известную чешскую пѣсню: Hej Slovane.

³ Здѣцы—большое село, въ шести или семи верстахъ отъ Гудлицъ. Въ
 Здѣцахъ находится большой сахарный заводъ.

крестьяне и молодые свѣтскіе люди, считавшіе за особенное для себя удовольствіе, и даже за свою обязанность, сказать пару словъ съ такими почтенными лицами; сюда же являлись попеременно то Гирса, то Когоуть, предлагая гостямъ или пива, или чего нибудь для ужина. Второй и третій столъ заняты были разными окрестными помещиками и помещицами, учителями, крестьянами и крестьянками. Здѣсь сидѣли, между прочимъ тотъ самый лѣсничій, который въ одно и то же время говорилъ на двухъ языкахъ какъ на одномъ, который и теперь, какъ ни старался говорить чисто по-чешски, никоимъ образомъ не могъ уже обойтись безъ примѣси къ чешскому языку нѣмецкаго; бериунскій докторъ, который ѣздилъ къ больнымъ крестьянамъ окрестныхъ деревень только на условіи, чтобы за визитъ ему платилось по три гульдена, хотя бы онъ за одинъ разъ навѣстилъ пятерыхъ, шестерыхъ пациентовъ¹; докторъ изъ Новой Гуты, который относительно своихъ визитацій поступалъ еще практичнѣе, требуя отъ каждаго крестьянина, нуждающагося въ его помощи, чтобы деньги (не болѣе, впрочемъ одного, или двухъ гульденовъ) платились за каждый визитъ впередъ.

Остальные гости то уходили въ другую половину гостиницы, то возвращались сюда. Кромѣ того, собравшееся здѣсь общество часто пополнялось и совершенно свѣжими силами, стремившимися сюда изъ втораго зала. Въ гостиницѣ происходило непрерывное передвиженіе гостей изъ одного зала въ другой (потому что въ каждомъ изъ этихъ залъ ожидали ихъ не одни и тѣ же удовольствія, — въ одномъ танцовали, въ другомъ ужинали, пили пиво, вино, кофей и пр.). Гости, утомленные танцами, переходили въ другой залъ, чтобы отдохнуть немного, закусить, а тѣ, кому становилось скучно въ гостиной и буфетѣ, шли отсюда посмотреть на танцующихъ или потанцовать. Даже такія особы, какъ Махачекъ, судья, овященникъ, не рѣдко заглядывали въ другой залъ.

Отправимся теперь и мы, черезъ извѣстную уже намъ приемную комнату, въ другую половину гостиницы. Здѣсь обстановка иная: стѣны необыкновенной бѣлизны, по сре-

¹ Въ Гудлицзахъ, напримѣръ, нѣтъ своего доктора, а потому крестьяне приглашаютъ къ себѣ или бериунскаго, или изъ Новой Гуты.

днѣ потолка небольшая люстра, отъ которой спускаются къ четыремъ угламъ обширнаго зала драпир изъ бѣлой и розовой матеріи, весь карнизъ и окна обведены зелеными пихтовыми вѣтками, очень красиво расположенными по бѣлому полю стѣнъ, портреты императора и императрицы, Юнгмана и Ригра, украшенные большими зелеными вѣтками. Два послѣдніе портрета привлекають къ себѣ общее вниманіе, и передъ ними постоянно толпятся гости.

Въ тавцовальномъ залѣ съ перваго же раза поражаетъ васъ необыкновенная пестрота костюмовъ, необыкновенная разнохарактерность общества, что не такъ замѣтн въ гостиной и буфетѣ. Здѣсь между крестьянками, одѣтыми то въ простыя платья, то въ легкіе сарафанчики (šněgovačka), вы видите окрестныхъ помѣщницъ въ балявыхъ платьяхъ и въ криволинахъ необъятной величины; между крестьянками въ незатѣпливыхъ, но очень приличныхъ сюртукахъ и безъ перчатокъ, вы замѣчаете свѣтскихъ молодыхъ людей во фракахъ и въ бѣлыхъ лайковыхъ перчаткахъ; среди шумнаго чешскаго говора вы неожиданно слышите три, четыре нѣмецкія слова, сказанныя какъ бы украдкой.

— Здѣсь ужъ надо говорить по-чешски, замѣтила мнѣ одна кѣстная аристократка, когда я ходилъ съ ней по залу,—вѣдь это крестьянскій балъ; на такомъ балѣ какъ-то даже не ловко говорить по-нѣмецки.

— А вамъ не нравится это? спросилъ я ее.

— Не знаю, какъ вамъ сказать, отвѣчала она, — я вообще говорю очень мало по-чешски, только съ прислугой. Впрочемъ, не подумайте, чтобы я не любила чешскаго языка; мнѣ онъ нравится, если на немъ хорошо говорить, но я это плохо знаю чешскій языкъ (сама она говорила на кухонномъ чешскомъ языкѣ); съ образованными Чехами мнѣ даже совѣстно и говорить.

— Но, вѣдь, вы родились и воспитывались въ Чехіи, замѣтила я,—какъ же это случилось, что вы не вполнѣ владеете чешскимъ языкомъ?

— Прежде мы жили въ уѣздномъ городѣ. Въ обществѣ говорилось большею частію по-нѣмецки, въ нашемъ семействѣ тоже, а я никогда не читала чешскихъ книгъ, и следовательно, не могла познакомиться съ литературнымъ чешскимъ языкомъ....

— Вы не читаете по-чешски, спросилъ я опять,—вы, стало-быть, не знакомы съ чешскою литературой?

— Я читаю только нѣмецкія и французскія книги, говорила аристократка гудлицко-яхимовскаго околodka.—Да надо сказать правду, чешская литература слишкомъ бѣдна въ сравненіи съ нѣмецкою и французскою. Скажите, пожалуйста, есть ли какой-нибудь порядочный чешскій романъ? Еслибы я даже и умѣла читать по-чешски, такъ отъ этого мало было бы для меня пользы....

— Но у Чеховъ есть хорошіе поэты....

— Только едва ли кто изъ нихъ можетъ сравняться съ Шиллеромъ и Гёте....

— Положимъ, но все-таки пріятно прочесть стихотвореніе писанное на родномъ языкѣ; оно какъ-то сильнѣе дѣйствуетъ на душу, продолжалъ я....

— Для меня это совершенно все равно; нѣмецкій языкъ даже родственнѣе мнѣ; я увѣрена, на другомъ языкѣ я бы не понимала такъ красоты поэзіи, какъ на нѣмецкомъ. Правда, мой родной языкъ чешскій, на немъ говорила я съ дѣтства; но потомъ, я когда стала учиться, о чешскомъ языкѣ не было уже болѣе и помину; въ школѣ все преподавалось по-нѣмецки, учебники были нѣмецкіе, дома говорили со мною тоже только по-нѣмецки. Не удивительно, поэтому, что вскорѣ я потеряла чистоту и бѣдность въ чешскомъ говорѣ и такъ освоилась съ нѣмецкимъ языкомъ, что онъ сдѣлался теперь моимъ роднымъ. Да и не я одна,—рѣдкая изъ дѣвицъ хорошо знаетъ чешскій языкъ. Только вотъ теперь начинаютъ больше обращать вниманія на чешскій языкъ....

Сбитый на всѣхъ пунктахъ, я невольно задумался надъ судьбою Чехіи. Что ожидаетъ ее въ будущемъ? Ручается ли за ея долговѣчность эта зрѣлость народа, эти признаки жизни въ ея сельскомъ людѣ, или все это только мимолетныя проблески, судорожныя движенія уже потухающей жизни?!. Да, думалъ я, хороша чешская деревня! Какъ звучна эта простая рѣчь сельскихъ обывателей! Но откуда же взялись тутъ?.. Чехи, не знающіе чешскаго языка? Къ чему они бродятъ здѣсь какъ тѣни.

Разнохарактерность гостей, собравшихся на гудлицкомъ балѣ, не мѣшала, однако, общему веселью. Въ помѣщеніяхъ повидимому не было замѣтно желанія отдѣляться

отъ крестьянъ, а послѣдніе, съ своей стороны, не стѣснялись присутствіемъ первыхъ, держали себя свободно и непринужденно; тутъ дѣвица-дворянка ходила по залу подъ руку съ дочерью седлака, здѣсь молодой крестьянинъ вступалъ въ разговоръ съ дочерью помѣщика или фабриканта. Во время танцевъ тоже все сливалось въ общую массу, и только кадрили танцевались одними аристократами, безъ крестьянъ, и то потому, что послѣдніе большею частію не знали этого танца. Благодаря строгому порядку, соблюдавшемуся при танцахъ, въ залѣ не было сильной толкотни, несмотря на то, что танцующихъ было очень много.

Танцы разнообразились пѣніемъ народныхъ пѣсней. На срединѣ зала составлялся небольшой кружокъ изъ учителей гудайцкихъ, яхимовскихъ, ново-гутинскихъ, и раздавались тихіе, пріятные звуки извѣстной чешской пѣсни: „Kde domov muj, kde domov muj?“ за которою слѣдовали другія народныя пѣсни и въ заключеніе: Hej Slovane! Три раза танцы смѣнялись пѣніемъ, и послѣднее всегда происходило въ томъ же самомъ порядкѣ, то-есть всегда начиналось и оканчивалось упомянутыми выше пѣснями, между которыми пѣлись и другія. Часто слышались громкія рукоплесканія, и хоръ нѣсколько разъ долженъ былъ повторять тѣ или другія изъ любимыхъ народныхъ пѣсней. Общее увлеченіе было такъ сильно, что къ концу вечера составилась еще второй хоръ—хоръ крестьянокъ. Эти пѣли въ гостиной, и ихъ пѣніе отличалось особенною простотою и задумчивостію.

Послѣ четырехъ часовъ гости большею частію стали уже расходиться, но балъ еще продолжался и кончился лишь на разсвѣтѣ.

Говоря безпристрастно, гудайцкій балъ удался какъ нельзя лучше и, нѣтъ никакого сомнѣнія, свѣтскія дѣвицы гудайцко-яхимовскаго околотка записали его въ число лучшихъ баловъ, на которыхъ имъ привелось танцевать въ продолженіе зимы. Въ самомъ дѣлѣ, обстановка бала была безукоризненнѣе обстановки даже яхимовскихъ баловъ, дававшихся обыкновенно въ гостиницѣ „У Филиппа“; танцевалось на немъ много, общество было большое: не говоря о гудайцкихъ седлакахъ, о нѣкоторыхъ халупникахъ и домкарахъ, о гудайцкомъ священникѣ и о гудайцкихъ учите-

ляхъ, сюда съѣхались седлаки изъ многихъ окрестныхъ деревень, уѣздные чиновники, фабриканты и помѣщики бероунскіе, здѣцкіе, кралевдворскіе, ново-гутинскіе; здѣсь были наконецъ дамы знакомыя съ бероунскими, даже съ пражскими балами. Замѣтно только было отсутствіе Яхимовцевъ, за исключеніемъ двухъ семействъ и воспитателя дѣтей заводчика. Послѣдній пріѣхалъ уже очень поздно и извинялъ отсутствіе заводчика и другихъ Яхимовцевъ тѣмъ, что въ этотъ же самый вечеръ на яхимовской сценѣ давалось чешское представленіе для рабочихъ. Но это было только предлогомъ: поступокъ Нѣмца и раздоръ, произшедшій 15-го числа въ гостинницѣ „у Филиппа“—вотъ что заставило многихъ взять назадъ свое слово.

Чистый доходъ, оставшійся отъ бала, превзошелъ всѣ ожиданія Общества: онъ доходилъ слѣшкомъ до ста гульденовъ. Само! собою разумѣется, что этимъ еще не могла быть достигнута цѣль, съ которою давался балъ, потому что домикъ Юнгмана съ принадлежащимъ къ нему мѣстомъ стоилъ гораздо болѣе ста гульденовъ, и члены Общества никакъ не рассчитывали на доходъ отъ своего бала въ 500, напримѣръ, или въ 600 гульденовъ; они не рассчитывали даже и на ту сумму, которая оказалась въ итогѣ. Давая балъ, Общество хотѣло сдѣлать только начало, хотѣло положить основаніе для задуманнаго предпріятія, а для этой цѣли было достаточно и ста гульденовъ. Тѣмъ не менѣе учитель Когоуть, составившій для общества полный отчетъ о балѣ, на одномъ изъ ближайшихъ литературныхъ собраній замѣтилъ крестьянамъ, что какъ ни старался онъ о возможно-лучшемъ устройствѣ бала, какъ ни старался въ то же время о томъ, чтобъ отъ собранной на балъ суммы осталось возможно бѣльшая часть на покупку Юнгмановскаго домика, все-таки его старанія были напрасны, все-таки чистый доходъ оказался очень незначительнымъ въ сравненіи съ собранною по подпискѣ суммою. Причину этого онъ находилъ въ дурныхъ распоряженіяхъ Гирзы, въ совершенно лишнѣхъ расходахъ, сдѣланныхъ послѣднимъ самовольно, безъ согласія съ нимъ.

Обвиненный въ расточеніи общественныхъ денегъ, Гирза сталъ оправдывать себя передъ членами Общества. Защитительная его рѣчь произвела сильное и благоприятное

впечатлѣніе. Онъ совершенно оправдался, и побѣда осталась за нимъ.

Въ Когоутѣ молчало самолюбіе, когда ему предоставлена была только скромная роль гудлицкаго учителя. Ограниченный кругъ дѣйствія, вѣчно одна и та же обстановка не давали ему ни малѣйшей возможности строить такіе планы, которые бы выходили за черту, назначенную ему въ удѣлъ судьбою. Но вотъ устраивается въ Гудлицахъ Юнгмановское Литературное Общество, Когоутъ избирается секретаремъ, и его мелкое самолюбіе въ самое короткое время возрасло до ужасающихъ размѣровъ. Когоуту стала улыбаться блестящая будущность. Думая, что члены Общества имѣютъ полное довѣріе къ нему, онъ надѣялся, что они выберутъ его предсѣдателемъ общества, а со временемъ предсѣдателемъ и цѣлой общины Гудлицкой. Послѣднее легко могло осуществиться, еслибы только осуществилось первое, потому что выборъ предсѣдателя зависѣлъ главнымъ образомъ отъ сѣдаковъ; члены же литературнаго общества были большею частію сѣдаки. Нѣкоторые изъ членовъ, мечтавшіе захватить въ свои руки общинное управленіе, стали дѣйствовать заодно съ Когоутомъ, и поддерживали въ немъ честолюбивыя виды. Балъ, между прочимъ, долженъ былъ послужить однимъ изъ средствъ къ достиженію предположенной цѣли. Устраивая все самъ, разглашая постоянно о своихъ трудахъ, Когоутъ думалъ этимъ обратить на себя общее вниманіе. Только Гирза могъ помѣшать ему, и потому онъ рѣшился, во что бы то ни стало, подорвать прежде всего довѣріе крестьянъ къ Гирзѣ. Первая попытка Когоута оказалась не удачною. Большинство членовъ стало на сторону Гирзы, и начало недоувѣрчиво смотрѣть на учителя. Послѣдній, однако, не терялъ надежды; онъ успѣлъ привлечь на свою сторону еще нѣсколько членовъ, и погналъ далѣе къ достиженію своей цѣли.

На литературномъ вечерѣ 29 января, послѣ обычнаго чтенія газетъ, Когоутъ прочиталъ составленную имъ записку о балѣ, которую надо было послать въ *Народные Листы*. Записка была слѣдующаго содержанія: „Прошлаго года праздновался въ Гудлицахъ день рожденія безсмертнаго обновителя чешской литературы, Иосифа Юнгмана; торжество происходило подъ открытымъ небомъ, около той

бѣдной хижины, въ которой родилась нашъ Юнгманъ. Въ сказанной поѣтому случаю рѣчи выражено было между прочимъ желаніе, чтобы домикъ этого обновителя чешской литературы сдѣлался собственностію общины, собственностію народа чешско-славянскаго. Младшій учитель нашей школы, Когоуць, подстрекаемый высказаннымъ въ рѣчи желаніемъ, сталъ изыскивать средства къ достиженію такой высокой цѣли. Средства нашлись! Въ концѣ прошлаго года упомянутый учитель основалъ въ Гудлицѣ литературное общество подъ именемъ „Юнгмановскаго Литературнаго Общества“, поставивъ ему цѣлюю приобрѣсть въ собственность чешско-славянскаго народа колыбель Юнгмана. Съ тѣхъ поръ Общество неуканно стремится къ выполненію благородной задачи, данной ему учителемъ. По побужденію своего основателя и секретаря, „Юнгмановское Литературное Общество“ устроило 20 числа настоящаго мѣсяца балъ, съ тою цѣлюю чтобы чистый доходъ отъ бала обращенъ былъ на покупку Юнгманова домика. Цѣлое Общество, и въ особенности его основатель, неутомимо старались о томъ, чтобы устроить балъ самымъ блестящимъ образомъ и въ чисто національномъ духѣ; главнымъ же образомъ старались о томъ, чтобы отъ бала осталось какъ можно болѣе выручки, которая послужила бы основаніемъ капитала, необходимаго для приобрѣтенія Юнгмановой хижины. Предпріятіе основателя и секретаря нашего Общества встрѣтило большое сочувствіе вездѣ, гдѣ только онъ былъ съ приглашеніемъ. Господа крживоклатскіе, краево-градецкіе, яхимовскіе, ново-гутинскіе, бѣроунскіе, здичскіе, сдѣлали пожертвованія въ пользу предпріятія и почтили балъ своимъ присутствіемъ. Что касается самаго бала, то онъ удался какъ нельзя лучше, а въ остаткѣ получено 112 гульденовъ, 17 крейцеровъ. Въ заключеніе Гудлицкое Литературное Общество считаетъ своею обязанностію выразить глубокую благодарность тѣмъ многуважаемымъ лицамъ, которыя съ такою готовностію приняли его предложеніе.“

Такая хвастливая, напыщенная статья учителя, подписанная нѣсколькими его сообщниками, оскорбляла честь всего Гудлицкаго литературнаго общества. Члены очень хорошо знали, что основаніе Обществу положено не учите-

лемъ, но самими крестьянами, и что мысль дать балъ вышла тоже не отъ учителя, а отъ нихъ самихъ.

Литературный вечеръ кончился, и большинство членовъ общества, собравшись въ гостиницѣ Моттля, рѣшили послать въ Прагу, на другой же день, собственное коротенькое извѣстiе о балѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просить редакцію *Народныхъ Листовъ*, чтобъ она не давала мѣста въ столбцахъ газеты письму учителя.

Съ тою же почтой были отправлены въ Прагу два извѣстiя о гудлицкомъ балѣ—одно отъ членовъ, другое отъ Когоута. Но этотъ послѣднiй и не подозрѣвалъ рѣшительнаго дѣйствiя со стороны своихъ противниковъ и уже мечталъ о томъ, что вотъ его имя будетъ красоваться на столбцахъ *Народныхъ Листовъ*, что во всей Чехiи сдѣлается извѣстною его дѣятельность, полезная не только для Гудлицанъ, но и для всѣхъ вообще Чехо-Славянъ, что вотъ наконецъ само училищное начальство обратитъ на него особенное вниманiе. Крестьяне разказывали съ усмѣшкой, какъ Когоуту снилось что онъ уже причисленъ къ лику передовыхъ людей чешскихъ, что въ честь его дается блестящiй балъ, что его портретъ, вмѣстѣ съ портретами Ригра, Палацкаго и др., украшаетъ стѣны зала, и гости провозглашаютъ ему „славу“. Можетъ-быть, и дѣйствительно снились ему сладкiе сны; не даромъ же онъ послѣ 29-го числа съ нетерпѣнiемъ ожидалъ каждой почты; съ нетерпѣнiемъ пробѣгалъ онъ каждый нумеръ *Народныхъ Листовъ*, отыскивая свое письмо въ отдѣлѣ: „domáci správu“. Какъ же горько было разочарованiе основателя и секретаря Юнгмановскаго Литературнаго Общества, когда онъ прочиталъ въ *Народныхъ Листахъ* за 2 февраля слѣдующее простое извѣстiе о гудлицкомъ балѣ: „Гудлицкое литературное общество устроило 20 января танцевальный вечеръ съ тою цѣлю, чтобъ оставшиися отъ него деньги вошли въ составъ суммы, необходимой для покупки того домика, въ которомъ родился нашъ знаменитый Юнгманъ. Мысль Общества встрѣчена была общимъ сочувствiемъ, такъ что балъ доставилъ чистаго дохода 112 гульд. 17 кр., которые, по общему согласiю членовъ, вложены будутъ въ народный банкъ. Наша глубокая благодарность всѣмъ, которые почтили гудлицкiй балъ своимъ присутствiемъ! Надѣмся, что наше предпрiятiе встрѣтитъ сочувствiе и въ

остаальномъ обществѣ, и что хижина, въ которой увидалъ Божій свѣтъ отецъ нашей литературы, сдѣлается вскорѣ достоианемъ всего народа. Съ своей стороны мы желаемъ, чтобы хижина осталась въ томъ же самомъ видѣ, въ какомъ находится теперь, и чтобы при ней устроена была библіотека Литературнаго Общества и залъ для чтенія, гдѣ бы могли собираться на литературныя бесѣды члены нашего Общества и откуда бы свѣтъ истины разливался по всѣмъ окрестностямъ“¹.

Когоутъ понялъ, что члены Общества не довольны имъ; но, къ несчастію, вступивъ разъ на ложную дорогу, онъ уже не хотѣлъ покинуть ее, а напротивъ думалъ выиграть теперь рѣшительнымъ противодѣйствіемъ, и старался усилить свою оппозицію. Общество окончательно раздѣлилось на двѣ враждебныя партіи, неравныя, однако, силами. Во главѣ одной, составлявшей значительное меньшинство, стремившейся къ господству и низверженію существовавшего порядка въ Обществѣ, стоялъ учитель Когоутъ. Партія противная старалась удержать совершенную равноправность и свободу его членовъ: къ этой партіи принадлежало большинство членовъ, и въ числѣ ихъ находились Гирза и священникъ. Отстраненіе Когоута отъ должности секретаря и избраніе новой мѣстности для литературныхъ собраній стали главными пунктами программы этой партіи.

Гудлицкія событія, сдѣдовавшія за описанными выше, уже не входятъ въ кругъ моихъ настоящихъ воспоминаній о Гудлицяхъ, и потому я ограничусь здѣсь только самымъ короткимъ замѣчаніемъ относительно дальнѣйшей судьбы Юнгмановскаго Литературнаго Общества. Внутренніе раздоры долго потрясали это Общество, и едва-было не привели его къ окончательному распаденію. Однако буря миновала, и Общество уцѣлѣло. Эти раздоры имѣли даже свою хорошую сторону: они вывели членовъ Общества изъ апатіи, заставили членовъ общества сблизиться между собой и исключить изъ своей среды всѣ чуждые элементы, которые могли вредить дѣлу. Мало того: отразившись на дѣломъ селеніи, всѣ эти раздоры и волненія послужили къ болѣе прочному устройству Общества. По тому сочув-

¹ *Národní Listy*. 1 ročn. c. 33.

ствію, которое принимали въ междоусобной борьбѣ Общества остальные крестьяне, можно было видѣть, что оно пускало корни въ жизнь ¹.

Мнѣ остается упомянуть теперь о гудлицкой школѣ и о дѣтскомъ балѣ, бывшемъ 5-го февраля.

Народное образованіе въ Чехіи находится въ рукахъ правительства и духовенства; первому принадлежатъ высшія учебныя заведенія — университетъ и технологическій институтъ, и среднія — гимназіи и реальныя школы. Второе завѣдываетъ низшими городскими школами и школами сельскими. Исключеніе въ этомъ случаѣ составляютъ только въкоторыя общественныя школы въ Прагѣ и въ другихъ городахъ, находящіяся въ полномъ распоряженіи городскихъ обществъ.

Какъ свѣтскія, такъ и духовныя власти, завѣдывающія народнымъ просвѣщеніемъ въ Чехіи, дѣйствуютъ самостоятельно и независимо другъ отъ друга. Каждое изъ нихъ имѣетъ свой опредѣленный кругъ, свою собственную область съ строго-проведенными границами. Духовные учебные округа въ Чехіи дѣлятся соответственно ея дѣленію на епархіи и викаріаты. Во главѣ каждаго учебнаго округа находится епископская консисторія; затѣмъ слѣдуютъ викаріальныя управленія, надзору которыхъ подчинены народныя школы цѣлаго уѣзда; каждая же сельская школа и каждая такъ-называемая тривіальная городская школа находятся въ непосредственномъ завѣдываніи приходскаго священника.

Что касается гудлицкой школы, она, какъ и всѣ другія народныя школы, находится подъ ближайшимъ надзоромъ гудлицкаго священника, который въ то же время преподаетъ въ ней законъ Божій. Экономическою частью училища завѣдываетъ, однако, предсѣдатель общины; у послѣдняго хранится и училищная сумма. Сумма эта составляетъ изъ ежегодныхъ взносовъ тѣхъ крестьянъ, дѣти ко-

¹ Гудлицкое литературное общество существуетъ доселѣ, но въ немъ произошли значительныя перемѣны. Когоутъ былъ окончателью изложенъ мѣсто его занялъ одинъ изъ крестьянъ. Литературныя вечера, попрежнему три раза въ недѣлю, устраиваются въ нижней гостиницѣ. Средства Общества мѣшного увеличились.

торыхъ ходять въ школу ¹. На училищную сумму дѣлаются разныя поправки въ училищномъ зданіи, покупается мебель и многія другія вещи, необходимыя для школы; изъ нея же выдается жалованье учителямъ ². Такимъ образомъ, на долю священника приходится лишь надсмотръ за самымъ преподаваніемъ, за школьнымъ порядкомъ, и потому онъ считается непосредственнымъ начальникомъ какъ дѣтей обучающихся въ школѣ, такъ и сельскихъ учителей. Въ случаяхъ важныхъ, гудаицкій священникъ соединяется съ викаріемъ ново-гутинскимъ ³, который завѣдуетъ цѣлымъ Крживокавдскимъ уѣздомъ, и въ свою очередь подчиняется уже высшей инстанціи, пражской консисторіи. Викарій свидѣтельствуетъ за направленіемъ образованія во всѣхъ школахъ подвѣдомственнаго ему уѣзда, и за тѣмъ, какъ исполняютъ свои обязанности приходскіе священники. По окончаніи учебнаго года, въ каждой школѣ производятся экзамены.

Кромѣ священника въ Гудаицкой школѣ находятся три учителя, по одному въ каждомъ отдѣленіи. Чтобы не утомляться однообразіемъ, учителя, по собственному взаимному соглашенію, преподають попеременно то въ томъ, то въ другомъ отдѣленіи. Подобное разнообразіе, какъ оно ни незначительно, полезно для учителей, потому что избавляетъ ихъ въ извѣстной мѣрѣ отъ рутины, въ которую неизбѣжно впадаетъ всякій, кто не разнообразитъ доставшуюся ему въ уѣздѣ мелкую дѣятельность. Кромѣ того, переходя изъ отдѣленія въ отдѣленіе, учителя въ продолженіе цѣлаго школьнаго курса занимаются большею частію съ одними и тѣми же учениками и ученицами; вѣрнѣе подмѣчая ихъ способности, сближаясь съ ними, учителя та-

¹ Деньги вносятся за дѣтей, начиная съ пятилѣтняго возраста ихъ, даже въ томъ случаѣ, еслибы родители еще не хотѣли отдавать ихъ въ школу. За каждого платится въ годъ не менѣе двухъ гульденовъ: иногда крестьяне платятъ и по три гульдена. Въ гудаицкую школу, кромѣ Гудачанъ, ходять еще дѣти изъ двухъ ближайшихъ небольшихъ деревень: следовательно, для училища собирается очень достаточная сумма.

² Кромѣ того, для школы отпускаются дрова изъ общественнаго лѣса.

³ Новая-Гуть—большое село, не вдалекѣ отъ Гудаицъ, не пользуется, впрочемъ, какимъ-либо особымъ значеніемъ: викаріемъ Крживокавдскаго уѣзда можетъ быть и гудаицкій священникъ, и всякій другой священникъ въ уѣздѣ.

кимъ образомъ избавляются отъ многихъ лишнихъ трудовъ и хлопотъ.

Классическія занятія начинаются съ первыхъ чиселъ сентября. Мѣсяць, или полтора продолжается такъ-называемая jedna zapřez (одна запряжка): въ это время дѣти ходятъ въ школу только до обѣда отъ 10 до 12 часовъ, такъ что по утрамъ и вечерамъ они бываютъ совершенно свободны и могутъ заниматься легкими домашними или полевыми работами, на которыя посылаютъ ихъ отецъ и мать. Съ половины октября начинается уже обычный порядокъ занятій, именно съ 8 до 11 часовъ передъ обѣдомъ и отъ 1 до 3 послѣ обѣда; на языкѣ Гудичанъ это означаетъ на *celý den* (на цѣлый день). Въ этомъ порядкѣ занятія продолжаются до 23 декабря, когда, по случаю рождественскихъ праздниковъ, дѣтямъ дается небольшой отдыхъ до 28 или до 29 числа того же мѣсяца, послѣ чего снова начинается „на *celý den*“, что продолжается уже до экзаменовъ, то-есть до конца апрѣля или начала мая. Экзамены производятся ново-гутинскимъ викаріемъ, въ присутствіи учителей и многихъ крестьянъ, и эти послѣдніе являются обыкновенно въ качествѣ гостей. Какъ передъ началомъ, такъ и по окончаніи каждаго экзамена, говорятся рѣчи, и притомъ такъ, что или передъ экзаменомъ говоритъ мальчикъ, а послѣ дѣвица, или сначала дѣвица, а потомъ, по окончаніи экзамена, мальчикъ. На экзаменахъ викаріи раздаетъ прилежнымъ ученикамъ картинки и книжки, большею частію религіознаго содержанія. Экзамены продолжаются три дня, по одному дню въ каждомъ отдѣленіи. Другихъ экзаменовъ въ Гудичской школѣ не бываетъ; но каждый учитель долженъ свѣдѣть за успѣхами своихъ учениковъ и ученицъ, и потомъ дѣлать о нихъ отзывъ. Да и годичныя экзамены дѣлаются, кажется, не болѣе какъ только для формы, потому что, въ продолженіе трехъ или четырехъ дней, на которые викаріи пріѣзжаетъ въ Гудичы, нѣтъ никакой возможности переспросить всѣхъ дѣтей, когда ихъ насчитывается въ школѣ болѣе двухъ сотъ. Экзамены кончены, викаріи уѣзжаетъ¹, но ученыя

¹ Павъ тата разказывалъ, что въ прежнее время пріѣздъ викарія на экзамены составлялъ большее торжество для цѣлаго селенія. Викарія встречали и провожали обыкновенно съ музыкой. Кромѣ того, каждый

занятія продолжаются еще нѣсколько времени, съ измѣненіемъ только порядка часовъ; начинается jedna заргез. Съ наступленіемъ жатвы, занятія оканчиваются совсѣмъ. Не говоря о пасхѣ и о многихъ другихъ праздникахъ, классы не бываютъ еще по четверткамъ въ продолженіе всего учебнаго года.

Гудлицкая школа состоитъ изъ трехъ отдѣленій, изъ которыхъ въ каждомъ дѣти остаются по году, по два и по три, смотря по успѣхамъ. Часто обращается, впрочемъ, вниманіе на дѣта: если дитя слишкомъ молодо, то остается, по желанію своихъ домашнихъ, еще на годъ или на два въ томъ же самомъ отдѣленіи. Въ первомъ отдѣленіи дѣти учатся складывать и писать буквы, чертить цифры и слогать небольшія числа. Оказавшіе хорошіе успѣхи, дѣвочки и мальчики, по истеченіи года, переходятъ изъ перваго отдѣленія во второе. Здѣсь продолжается чтеніе, чистописаніе; изъ ариметики проходятся первыя четыре дѣйствія, и таблица умноженія учится на память; здѣсь же дѣти начинаютъ учиться пѣнію. Между тѣмъ священникъ знакомитъ учениковъ и ученицъ упомянутаго отдѣленія съ катихизисомъ. Въ добавокъ священникъ рассказываетъ дѣтямъ библейскія исторіи, не придерживаясь въ этомъ случаѣ историческаго порядка, а руководствуясь своимъ усмотрѣніемъ и потребностями слушателей. Въ третьемъ отдѣленіи, дѣти уже бѣгло читаютъ и пишутъ изъ ариметики знакомятся съ дробями, принимаются за грамматику и за начала сельскаго хозяйства. Въ самомъ сжатомъ видѣ преподается имъ географія всеобщая и въ болѣе обширномъ—географія Чехіи. Священникъ, въ то же время, продолжаетъ далѣе преподаваніе катихизиса, и излагаетъ священную исторію въ систематическомъ порядкѣ, оканчивая ее вѣкомъ апостольскимъ. Сверхъ того, каждую субботу читается воскресное Евангеліе, при чемъ священникъ объясняетъ дѣтямъ непонятныя слова и значеніе того или другаго событія, рассказываемаго въ Евангеліи ¹.

даль играя музыка и передъ церковными домами, въ которыхъ всѣмъ останавливался викаріи. Но прежде пріѣздъ викарія, дѣйствительно, былъ явленіемъ рѣдкимъ, потому что было другое дѣленіе викаріатовъ, и гудлицкій викарій жилъ гдѣ-то владекѣ отъ Гудлицъ.

¹ По окончаніи училищнаго курса начинается такъ-называемая прак-

Такъ распредѣлены предметы въ Гудлицкой школѣ. Гудлицкіе учителя, однако, не слишкомъ строго держатся этого распредѣленія. Во время своихъ занятій съ учениками, они иногда позволяютъ себѣ дѣлать уклоненія отъ главнаго предмета, о которомъ должна идти рѣчь; иногда объясняютъ дѣтямъ такіе вопросы, которые относятся къ области другихъ предметовъ; грамматика чешскаго языка, напримеръ, преподается лишь въ третьемъ отдѣленіи, но и во второмъ отдѣленіи учитель старается уже дать ученикамъ хотя поверхностное понятіе о грамматическихъ формахъ. Вообще въ способѣ преподаванія замѣтна большая свобода, хотя въ то же время каждый изъ учителей строго исполняетъ свои обязанности. Та же самая свобода и непринужденность замѣтны въ отношеніяхъ между учителями и учащимися, дѣти имѣютъ полное довѣріе къ учителямъ, и послѣднія, съ своей стороны, стараются приобретать это довѣріе, и не предъявляютъ черезчуръ большихъ требованій. Еще какъ-то на святкахъ мы втроемъ, я, Р*** и Адольфъ, были въ Гудлицкой школѣ. По нашей просьбѣ, учителя заставляли дѣтей или читать что-нибудь, или дѣлать какія-либо ариѳметическія задачи и т. п. Дѣти отвѣчали бойко, и учителю стоило только намекнуть, нѣтъ ли кого желающихъ отвѣчать, какъ сейчасъ же отзывалось нѣсколько мальчиковъ и дѣвочекъ; они вставали при этомъ съ самыми веселыми лицами, нисколько не обнаруживая невольнаго страха передъ учителями и не конфузясь передъ нами.

Какъ просты и непринужденны отношенія между учителями и учениками Гудлицкой школы, это доказываетъ между прочимъ и дѣтскій балъ, который данъ былъ 5 февраля въ училищномъ зданіи, и въ устройствѣ котораго главное участіе принимали учителя, не исключая даже самаго священника, блюстителя чистоты и строгости нравовъ. Балъ этотъ, конечно, въ строгомъ смыслѣ не могъ на-

чjési hodina. Дѣвчцы и мальчики собираются каждое воскресенье въ школу, гдѣ отъ 8 до 10 ч., въ случаѣ же ранней обѣды отъ 9 до 11 ч., повторяется краткъ все пройденное ими въ трехъ отдѣленіяхъ школы. На оракліи hodian ходятъ до пятнадцати-лѣтняго возраста. Кромя того, каждое же воскресенье послѣ обѣды дѣвчцы и мальчики собираются въ церкви, гдѣ священникъ объясняетъ имъ догматы вѣры и церковныя установленія;—это такъ-называемое svičení.

зваться баломъ; но я употребляю это слово, потому что такъ выражались о дѣтскомъ вечерѣ сами Гудлицане. Судя по оригинальности этого бала, не будетъ, надѣюсь, неумѣстнымъ сказать о немъ нѣсколько словъ.

Въ шесть часовъ вечера, большой и тускло-освѣщенный залъ Гудлицкой школы былъ буквально наполненъ дѣтьми, начиная отъ пяти до тринадцати и четырнадцати лѣтъ. Многія дѣти пришли сюда либо съ отцомъ и матерью, либо съ родственниками. Но послѣдніе не принимали въ балъ никакого участія, они оставались посторонними зрителями и только наблюдали за своими дѣтьми. Главными же блюстителями порядка были учителя. Присутствіе старшихъ нѣсколько, однако, не озадачивало маленькихъ весельчаконъ: они шумѣли, танцевали, играли сколько было угодно ихъ душѣ. Лицо каждаго сіяло отъ радости. Вотъ четыре музыканта заиграли польку, національный чешскій танецъ, и безконечное число паръ закружилось посрединѣ зала. А вотъ тамъ, въ сторонѣ, собралось нѣсколько дѣвицъ и мальчиковъ, утомленныхъ танцами, съ раскраснѣвшими лицами: они сидятъ на полу и наслаждаются бухтами, колачами, вдолками, ливанцами и пр., которые они привесли съ собою изъ дома. Говоръ и хохотъ между ними не умокаютъ. Еще далѣе въ сторонѣ дѣти играли въ разныя игры.

Танцы и игры продолжались до одиннадцати часовъ.

На другой день утромъ, распростившись съ паномъ татою и его домашними, я отправился въ Прагу, унося съ собою изъ Гудлицъ пріятныя воспоминанія о сельской чешской жизни.

Гудлицы вскорѣ скрылись за горами, и мнѣ какъ-то невольнo стало грустно. Одинъ за другимъ проносились передо мною лица добродушныхъ Гудлицанъ, въ кругу которыхъ было мнѣ такъ хорошо. Но, думая я, можетъ быть мнѣ еще придется увидѣться съ ними!

Показался Кралевъ дворъ, затѣмъ Беровъ, мѣста историческія, невольнo уносившія мысль въ отдаленное прошедшее. А тамъ направо, на высокой скалѣ, видѣлася Тетинъ, въ которомъ жила Св. Людмила, жена чешскаго вла-

дѣтельнаго князя Боривоя, крещенная Св. Мееодіемъ. Удалившись сюда послѣ смерти мужа, тоже крещеннаго Мееодіемъ, Людмила занималась воспитаніемъ своихъ внучатъ, Вацлава, Болеслава и Спитигивъва. Но этимъ самымъ она вооружила противъ себя мать ихъ, Драгомиру. Въ 927 году, по приказанію Драгомиры, Людмила была умерщвлена въ своемъ Тетинскомъ дворцѣ...

Поздно вечеромъ я снова увидѣлъ старославную Прагу...

А. ТРОЯНСКІЙ.

Прага 1862 г. Марта 21.

КАМЕНЬ ПРЕТЪНОВЕНІЯ

(Посылается В. В. Новосильцовой.)

I.

Прошедшимъ лѣтомъ, во второй половинѣ августа, запыленная двухъкопая карета, проѣхавъ главную улицу города Подольска и миновавъ почтовую гостиницу, остановилась подъ воротами покрывшагося на бокъ постоялаго двора.

— Долго здѣсь изволите простоять? спросилъ спрыгнувшій съ козелъ слуга, высаживая изъ кареты молодую женщину, лѣтъ тридцати.

— Часа три, четыре... Я хочу отдохнуть, отвѣчала она, взбираясь на крутую, деревянную лѣстницу ведущую въ номера.

На верхней площадкѣ путешественницу встрѣтилъ коридорный остриженный въ скобки и въ красной рубашкѣ.

— Пожалуйте-съ, привѣтствовалъ онъ, распахивая настежь дверь самаго аристократическаго своего номера. — Самоварчикъ прикажите-съ?

Горничная шла вслѣдъ за госпожой, и положила на диванъ красную сафьянную подушку.

— Привеси еще одну подушку, Алена Кузминична; да вельзя ли какъ-нибудь устроить... а то видишь какъ жестко, сказала молодая женщина, которую звали Валентиной Федоровной Конычановой.

— То-то, теперь жестко... говорили вамъ въ гостиницѣ оставитесь, грубо отвѣчала Алена Кузминична. — Ишь, къ чорту на кулички забрались!

— Ну, хорошо; не надо мнѣ твоей гостиницы, сказала Валентина Федоровна.

Она бросила на столъ свою шляпу, съ наслажденіемъ усталого путника протянулась на диванѣ, и принялась разглядывать, во всѣхъ ея деталяхъ, давно знакомую ей комнату. Часто въ дѣтствѣ и въ первой молодости, еще до замужства, она здѣсь останавливалась съ семействомъ, и теперь каждую вещь отыскивала на прежнемъ ея мѣстѣ. Горшокъ герани стоялъ на окнѣ, а надъ геранью висѣла кавѣтка, въ которой попрыгивалъ едва ли не тотъ самый окворецъ, котораго нѣкогда восьмилѣтняя Валентина лакомила сахаромъ; на стѣнахъ, рядомъ съ портретомъ фельд-маршала Дибича, красовались въ рамкахъ, сильно засиженыхъ мухами, Матильда и Малекъ-Адель, герои допотопнаго романа г-жи Коттенъ. Всѣ эти предметы, мало измѣнившіеся съ годами, напоминали Валентинѣ Федоровнѣ лучшую пору ея жизни, и она смотрѣла на нихъ съ наслажденіемъ затворницы, выпущенной на волю послѣ долгаго заключенія...

Валентина Федоровна была хороша собою: у ней были свѣтлые волосы и смуглый цвѣтъ лица, что вообще считается за признакъ страстной природы. Болѣзненная худоба молодой женщины, ея грустно улыбавшіеся глаза и губы доказывали, что она пережила тяжелыя испытанія, придающія всегда новую прелесть тѣмъ отдаленнымъ воспоминаніямъ, въ которыхъ есть своя доля горечи, но горечи обращающейся въ ничто передъ всесокрушающею силою первой юности. И точно, по мѣрѣ того какъ образы дѣтскихъ лѣтъ воскресали передъ Валентиной Федоровной, тонкія черты ея лица принимали все болѣе и болѣе свѣтлое выраженіе...

Между тѣмъ корридорный привезъ огромный кипащій самоваръ, и устроилъ его на столѣ, въ простѣвкѣ между оковъ. Алена Кузминична заварила чай, и Ва-

валентинѣ живо вспомнилась ея старая няня, во время оной хлопотавшая около этого самаго стола, и отдѣлявшая дѣтей мягкими баранками и сухарями. Няня давно умерла, и что сталося съ веселымъ дѣтскимъ обществомъ, вѣкогда толпившимся вокругъ няни? Братъ Валентины гдѣ-то далеко на службѣ, чуть ли не около Урала, и Богъ знаетъ вернется ли онъ когда-нибудь къ своимъ, въ обитаемую часть нашего отечества? Ея добрая, вѣтремая, не по лѣтамъ молодая, сестра—давно за границей, и по своему наслаждается жизнію сложившеюся для нея въ безумный романъ; а подруга ихъ дѣтства, румяная Оля, вышла замужъ и зажила степною помѣщицей; да и самое Валентину какая бездна отдѣляетъ отъ того времени, когда она кормила сахаромъ скворца! Она была замужемъ, и чуть не зачахла отъ горя... Но мужъ ея умеръ; теперь она свободна и, еслибы зависѣла отъ нея, съ какою бы радостью она собрала вокругъ этого чайнаго стола всѣхъ спутниковъ милаго дѣтства, прижала бы ихъ къ своей груди, и сказала бы имъ: „Я ваша, опять ваша; я уже не расстаюсь съ вами!...“

Но гдѣ и когда соберется семейный кружокъ? Валентина Федоровна поднесла платокъ къ глазамъ и заплакала.

— Ну, полноте, сударыня, раздался грубый голосъ Алены Кузминичны;—ужь и такъ на что похожи! одѣвѣ кости да кожа. Извольте-ка чай кушать... Батюшка мой, голубушка моя, одѣвѣ-то вы остались на бѣломъ свѣтѣ! продолжала она перехода неожиданно въ другой тонъ.—Покушай, мой батюшка, сливки-то чистый янтарь; у сосѣда добыла; хозяйка-разбойница смятымъ молочкомъ угостить собиралась.

Валентина невольное улыбнулась, и взяла чашку изъ рукъ Алены Кузминичны.

— Валентина Федоровна, сказалъ вошедшій слуга,—Борисъ Павловичъ Трамонинъ спрашиваютъ можно ли имъ васъ видѣть?

— Борисъ Павловичъ здѣсь? спросила Валентина, съ нѣкоторымъ смущеніемъ.

— Точно такъ-съ; на улицѣ меня встрѣтили и объ васъ спросили.

— Ну вотъ и чаю-то ей порядкомъ напитокъ не дадутъ. И какой тамъ еще Борисъ Павловичъ? Что ты врешь?

сердито сказала Алена Кузминична, которая только что была собралась выпить крѣпкаго чаю съ янтарными сливками.

— Полю ворчать, Алена Кузминична. Я приму Бориса Павловича, а ты вынеси самоваръ въ другую комнату, и пейте чай съ Иваномъ.

Но несмотря на повелительный тонъ своей госпожи, съ которою она привыкла обращаться какъ съ дѣвочкой, Алена Кузминична продолжала ворчать, выбираясь съ чайнымъ приборомъ, а Валентина наскоро пригладила свои волосы, да тутъ же и подумала: „онъ впрочемъ таковъ, что и не замѣтитъ что у меня на головѣ.“

II.

Съ Трамоновымъ она познакомилась года два тому назадъ: ему довелось, по служебнымъ дѣламъ, провести дѣло въ сосѣдствѣ Валентины Федоровны, и тогда они видались часто, потомъ потеряли другъ друга изъ вида. Трамоновъ принадлежалъ къ старинному дворянскому роду. Ему было лѣтъ тридцать пять. Окончивъ университетскій курсъ, онъ поступилъ на службу въ сенатъ, и служилъ съ отличіемъ; но какъ скоро загорѣлась крымская война, онъ надѣлъ военный мундиръ и отправился въ Севастополь, гдѣ оставался до послѣдняго дня памятной осады. По заключеніи мира, онъ вернулся домой, и опять принялся за сенатскія дѣла, и только недавно, по требованію матери, вышелъ въ отставку и поселился въ деревнѣ, съ тѣмъ чтобы помогать старушкѣ, впрочемъ очень бодрой, въ управленіи ихъ значительнымъ имѣніемъ. Борисъ Павловичъ надѣлъ красную рубашку и русскую поддевку, отстригъ себѣ волосы и бороду, и сдѣлался хозлявомъ. Крупныя и пріятныя черты лица говорили въ пользу Трамонова. Вся его особа, проникнутая какимъ-то спокойнымъ и свѣтымъ выраженіемъ, обличала сохраненныя нравственныя и физическія силы, необыкновенную трезвость жизни и сперваго взгляда внушала уваженіе. Дѣйствительно, несмотря на годы Бориса Павловича, дѣвственная кровь играла въ здоровомъ румянцѣ его загорѣвшаго лица. Онъ

не говорилъ иначе какъ по-руски,—не только изъ любви къ родному языку, но еще изъ ненависти къ Франціи, которая, по его мнѣнію, своими нравами и литературой испортила цѣлый періодъ русской жизни.

— Здравствуйте, Валентина Федоровна, сказалъ Трамовинъ, крѣпко пожавъ руку Валентины, и потомъ прибавилъ понизивъ голосъ:—какъ вы похудѣли!

— Что дѣлать? Устала я, Борисъ Павловичъ, отвѣчала Валентина, съ глубокимъ вздохомъ.—Надо отдохнуть.

Трамовинъ зналъ, что она была несчастна съ мужемъ, и понималъ что въ ея отвѣтъ заключалась жалоба на судьбу; однако онъ не позволялъ себѣ не только нескромнаго замѣчанія, но даже слова участія.

— Я вамъ рада какъ доброму старому знакомому, Борисъ Павловичъ, продолжала Валентина. — Ничто такъ не сближаетъ людей какъ знакомство въ деревнѣ, гдѣ не скроешь отъ сосѣда всѣхъ мелочей семейной жизни.

— Спасибо вамъ за ласковое слово, Валентина Федоровна, и мы вашу хлѣбъ-соль не забыли, отвѣчалъ Трамовинъ. — Я изрѣдка переписываюсь съ общими нашими друзьями, Барковскими, постоянно спрашиваю о васъ, и прошу ихъ передать вамъ мой поклонъ.

— Знаю. Но и къ Барковскимъ вы писали рѣдко, а въ послѣднее время я о васъ вовсе не слыхала. Какъ вы поживаете?

— Да слава Богу. По желанію матушки вышелъ въ отставку, и принялся за хозяйство. Втянулся, попривыкъ помаленьку. Теперь съ матушкой и сестрой живу въ трехъ верстахъ отсюда; семейная жизнь мнѣ по нутру, да и дѣла идутъ своимъ порядкомъ: Богъ помогаетъ, и мы довольны, и народъ доволенъ. А вы, Валентина Федоровна, въ Москву ѣдете? на житье?

— Да, и буду жить одна въ первый разъ отъ роду.

— Что жъ? васъ пугаетъ одиночество?

— Какъ вамъ сказать? нѣтъ! не пугаетъ. Одиночество—свобода.

— Свобода? повторилъ Борисъ Павловичъ:—любопытно бы знать, какое значеніе имѣетъ для васъ это слово?

— Оно, конечно, очень эластично, и всякій понимаетъ его по своему.

Трамоницъ потеръ руки, и, помолчавъ, рѣшился сказать:

— Я бы желалъ знать, какъ именно вы его понимаете?

Валентина находилась въ томъ состояніи духа, въ которомъ охотно проговариваются съ близкимъ человѣкомъ; но понимала, какъ было легко однимъ какимъ-нибудь словомъ оскорбить пуританскія понятія Трамоница... Онъ замѣтилъ ея недоумѣніе.

— Что жъ вы не скажете прямо своей мысли, Валентина Федоровна? спросилъ онъ.— Васъ ли, кажется, можетъ озадачить мой вопросъ? Или я вамъ довѣрія не внушаю на столько?..

— О, нѣтъ! на столько и больше, перебила молодая женщина,—и я вамъ скажу всю правду. Для меня, теперь по крайней мѣрѣ, свободная жизнь заключается въ отсутствіи чужой воли, постоянно противоположной моей собственной.

— Это вы сказали не просто; это пахнетъ начитанностью, замѣтилъ Трамоницъ, проницательно взглянувъ на Валентину.

— Почему начитанностью? Зная васъ, я понимаю, что это строгій отзывъ о моихъ словахъ. Что въ нихъ дурнаго?

— А вотъ извольте видѣть. Съ вашей точки отправленія женщины заходятъ далеко...

— Въ мои года... и съ извѣстною опытностью... знаютъ цѣну свободы, и не употребляютъ ее во зло. Больше всякой свободы наводитъ на сумасбродныя мысли деспотизмъ семейной жизни. Вспомните слова Бомарше: *Si vous voulez donner de l'adresse à la moins rusée, enfermez la.*

Въ разговорѣ съ Трамоницинымъ эта цитата была неумѣстна и по самой мысли Бомарше, и по авторитету, который приписывался его имени.

— То-то и есть, началъ съ жаромъ Борисъ Павловичъ,—въ томъ-то и бѣда, что всѣ эти Бомарше и ихъ послѣдователи—пустомели, умѣющие только путать здравыя понятія, свойственныя хорошей русской женщинѣ. А гдѣ онъ, вашъ Бомарше, встрѣчалъ такихъ отвратительныхъ неестественныхъ старикашекъ какъ опекунъ Розины?.. Чтобы ему не было ни два, ни покрывки! На такія-то удочки васъ и ловятъ. Опшутъ небывалаго деспота мужа, и давай подкапываться подъ значеніе брака. А виноватъ тутъ

не бракъ; виновать Бомарше! Охота жь вамъ на него ссы- латься! Досадно слушать, право слово!

Валентина поняла свою оплошность и оторопѣла; выгод- ное мнѣнiе этого пуританина льстило ея самолюбію, мо- жетъ-быть и сердцу.

— Я не хотѣла оскорбить васъ, Борисъ Павловичъ, ска- зала она, — и отнюдь не заступалась за несправедливое ван- шя Бомарше...

— Вы еще какъ будто извиняетесь, началъ Грамовинъ смягчившимся тономъ, — а извиняться сабдуеть мнѣ... я по- горячился, простите мнѣ мою искренность. Развѣ я не знаю, что вы за женщина? За хорошую-то женщину и ста- новится страшно. Какіе еще ваши годы? Не полагайтесь на свою опытность, не вдавайтесь въ теоріи француз- скихъ умниковъ; вѣтъ въ нихъ правды. Я видалъ женщинъ, которыя умѣли безропотно покоряться тяжелымъ обяза- ностямъ, и вѣрьте, что этихъ женщинъ нельзя не ста- вить въ примѣръ другимъ, заключилъ Борисъ Павловичъ, не взглянувъ на Валентину.

Такихъ намековъ онъ себѣ не позволялъ дѣлать Вален- тинѣ при жизни мужа, да и теперь ему показалось, что онъ зашелъ слишкомъ далеко, и онъ почелъ нужнымъ пе- рейти къ другому предмету разговора.

— Что вы не приляжете, Валентина Федоровна? Я васъ только обезпокоилъ; позвольте-ка я вамъ поправлю подуш- ки. А чай у васъ отличный; такимъ чаемъ вы и въ Озер- кахъ угощали своихъ гостей. Да еще я помню, вы меня разъ поподчивали персиками сваренными на славу, и ска- зали, что сами ихъ варили, какъ и сабдуеть доброй хо- зяйкѣ...

Комплиментъ былъ не совсемъ заслуженъ; Валентина ни- чего не понимала въ хозяйствѣ и сконфузилась; разговоръ могъ сдѣлаться для нея затруднительнымъ, но къ счастью былъ прерванъ появленіемъ слуги.

— Валентина Федоровна, у кареты ось сломалась, до- жидъ Иванъ: — какъ прикажете быть? Сегодня праздникъ, кузнецовъ не добьешься, все пьяно. Раньше какъ затра- къ половинѣ дня нельзя будетъ вѣхать.

— Боже мой! воскликнула Валентина: — ночевать въ три- цати пяти верстахъ отъ Москвы! Да это ужасно! Нельзя ли какъ нибудь это устроить безъ кузнецовъ?

Трамониъ вѣдѣла, осмотрѣлъ карету, и отыскалъ не совсѣмъ пьянаго кузнеца, но починка все-таки требовала времени, и Валентинъ Федоровъ предстояло ночевать въ Подольскѣ. Она не скрывала своей досады; да и кто жь не знаетъ, что ночлегъ на постояломъ дворѣ—безсонная ночь проведенная въ оборонительныхъ дѣйствіяхъ противъ разныхъ наскоковъ?

Алена Кузминична ворчала не отъясняясь присутствіемъ гостя и увѣрила, что каналья ямщикъ на зло имъ сломалъ экипажъ.

— Ну полно, Алена Кузминична, сказала Валентина, — что жь дѣлать? Переночуемъ здѣсь какъ нибудь.

— Какъ нибудь! Не вы бы говорили, не я бы слушала, говорила Алена Кузминична.—Посмотрите-ка на себя, еле дышите... еще бы въ гостиницѣ, а то здѣсь, глазъ не сомкнете всю ночь; однихъ клоповъ не прогребешь.

— Да и въ гостиницѣ не лучше. Дѣлать нечего, я ночую въ каретѣ.

— Въ каретѣ? повторила Алена Кузминична. — Это съ большимъ-то горломъ?..

— Нянюшка совершенно права, сказалъ Трамониъ:—Валентина Федоровна осчастливьте насъ, ночуйте у моей матери, отсюда всего три версты.

— Но я не знаю вашей матери... возразила Валентина, удивленная неожиданнымъ предложеніемъ.

— Что за нужда! Я вамъ ручаюсь, что вы останетесь довольны знакомствомъ съ моею матерью. Не говоря уже о томъ, что она давно васъ знаетъ по разказамъ, она строго придерживается обычаевъ хлѣбосолюства и гостеприимства; она рада будетъ дорогой гостьѣ, за это я вамъ ручаюсь. Уговорите вашу барышню, нянюшка, продолжалъ онъ.—Вы съ ней сядете въ мою коляску, я устроюсь на козлахъ, и черезъ четверть часа мы будемъ дома, а Иванъ останется здѣсь и похлопочетъ о каретѣ.

Почетный титулъ „нянюшки“ и вѣжливый тонъ Бориса Павловича польстилъ самолюбію Алены Кузминичны.

— Что тутъ уговаривать, отецъ мой! отвѣчала она: — соберемся, да и все тутъ. Вѣдь она у насъ что малый ребенокъ, батюшка, безотвѣтная; видите, какъ ее боятся, — ямщикъ-то что надъ нами надѣлалъ! Ей кто ни согрubitъ, смолчать, моя голубушка...

— Вотъ лестный аттестатъ, разсмѣявшись, сказала Валентина, не подозревая, что въ глазахъ Бориса Павловича онъ былъ дѣйствительно, самымъ лестнымъ. Трамонию настаивалъ, и дѣло славилось.

Пока закладывали лошадей, Борисъ Павловичъ послалъ къ своей матери гонца, съ запиской, въ которой онъ уведомлялъ ее о посѣщеніи Валентины Федоровны. Когда подали коляску, Алена Кузминична, желая блеснуть знаменъ свѣтскихъ приличій, стала взбираться на козлы, сказавъ почтительно Трамонию.

— Позвольте, батюшка, я знаю свое мѣсто. Извольте сѣсть рядомъ съ барыней. Мы вѣдь сами тоже кое-что понимаемъ.

Коляска съѣхала съ шоссе, на ехую, проселочную дорогу. Уже совсѣмъ стемнѣло, и на небѣ вывѣздило... Вскорѣ Валентина почувствовала въ воздухѣ близость цвѣтника, и колеса застучали по тщательно убитой дорогѣ, которая вдругъ освѣтилась яркою полосой свѣта...

— Вотъ мы и дома, сказалъ Борисъ Павловичъ, выпрыгнувъ изъ коляски. — Вотъ и матушка идетъ къ намъ на встрѣчу.

III.

Маленькая, сгорбленная старушка, въ тюлевомъ чепцѣ и бѣломъ коленкоревомъ капотѣ, встрѣтила Валентину. Несмотря на миниатюрный ростъ и живость движеній, Катерина Даниловна (такъ звали мать Трамонию) смотрѣла настоящею хозяйкою дома, умѣвшею держать въ повиновеніи семью и домочадцевъ. Въ ней нельзя было не замѣтить того чувства собственнаго достоинства, той увѣренности въ себѣ, которыя развиваются въ старыхъ людяхъ вслѣдствіе долгой привычки къ власти. Она съ ногъ до головы осматрѣла молодую женщину провицательнымъ взглядомъ своихъ маленькихъ умныхъ глазъ.

— Познакомь меня, Борисъ, съ дорогою гостьюей, сказала она, привѣтливо протягивая руки Валентинѣ.

— Катерина Даниловна, начала Валентина, — вашъ сынъ уговорилъ меня пріѣхать къ вамъ; я бы сама никакъ не пошла...

— А какъ бы оны-то посмѣвъ васъ не уговорить, съ уыбкой и покачивая головой, перебила старушка. — Мы люди старинные, не церемонные, и вы не церемоньтесь съ нами. Добро пожаловать.

Она пошла впередъ въ гостиную.

— Вотъ дочь моя, Зинаида, сказала она, представляя Валентинѣ красивую дѣвушку лѣтъ двадцати семи, которая, молча, низко ей поклонилась. — Вотъ родственница ваша, Дарья Васильевна Горская; а вотъ и Палагея Никанорова: слава Богу, безъ маалаго тридцать лѣтъ у насъ гостить. Вотъ вамъ и весь домъ на лицо; прошу любить да жаловать.

Зинаида съ обѣими старушками вернулась къ карточному столу, изъ-за котораго всѣ оны встали для совершенія обряда представленія, сама хозяйка съ своею гостьей устроилась на диванѣ, передъ которымъ горѣли двѣ свѣчи на овальномъ столѣ. Кресла, разставленные вдоль стѣнъ, носили чинный и холодный характеръ меблировки александровскихъ временъ.

— Борисъ, чего жь ты глядишь? Скамѣчку! сказала Катерина Даниловна, которая отлучалась вѣжливостью старинныхъ людей, и сама замочила за спину Валентины шитую подушку, говоря, что „такъ будетъ покойнѣе“.

Исполнивъ приказаніе, Трамоновъ поцѣловалъ руку своей матери, и хотя старушка не отвѣчала на его ласку, легко было замѣтить, что она на сына смотрѣла съ вѣжностью и гордостью.

Катерина Даниловна была одна изъ тѣхъ рѣдкихъ женщинъ, которыя въ теченіе долгой жизни не заслужили ни малѣйшаго упрека, не подверглись никакимъ пересудамъ. Вышла она замужъ рано; мужъ ея былъ человекъ не злой, но бѣшенато права и далеко не строгой нравственности. Катерина Даниловна своею твердостью, умомъ и кротостью успѣла умѣрять его вспыльчивость, привязать къ себѣ и овладѣть имъ совершенно. Онъ дошелъ до убѣжденія, что ему нельзя жить безъ этой женщины, умѣющей скрывать его пороки передъ дѣтьми и держать домъ въ порядкѣ, не возвышая голоса. Прислуга боялась и уважала ее, и дѣти, выросшіе на исключительномъ попеченіи матери, довели до фанатическаго чувства любовь свою къ ней. Кромѣ Бориса и Зинаиды, у нея была дочь, давно выдан-

ная замужъ, но не вышедшая изъ-подъ материнской опеки и не только дѣти, но братья, сестры, племянники, внуки, привыкли видѣть глазами Екатерины Даниловны, слышать ея ушами и вѣрить въ ея непогрѣшимость. Въ нее отчасти вѣровала сама Катерина Даниловна, вслѣдствіе тѣхъ обстоятельствъ ея жизни, которыя съ раннихъ лѣтъ поставили ее въ положеніе полновластнаго лица въ семьѣ.

Поговоривши съ гостьей, старушка обратилась къ сыну.

— Ну, что ты успѣлъ въ городѣ сдѣлать, Борисъ? спросила она.

— Все устроилъ какъ было вамъ угодно, матушка, отвѣчалъ онъ:—покончилъ съ подрядчикомъ, и онъ явится завтра.

— Покорно васъ благодарю-сь, отвѣчая съ улыбкой Катерина Даниловна, и рукой послала ему поцѣлуй.—Я вотъ хлопочу, строюсь, Валентина Федоровна; домъ сталъ тѣснѣе. Замужняя дочь часто гоститъ у меня съ своими малютками; родные сѣзжаются, знакомые, такъ что Борису приходится гостямъ уступать свою комнату. Ну, я и рѣшилась пристроить для него цѣлую половину. Не вѣкъ же ему холостякомъ жить; Богъ дастъ, онъ меня и невѣстужкой порадуетъ, и я не умру не благославивъ его дѣтей.

Борисъ ходилъ взадъ и впередъ по гостиной, и какъ будто не слышалъ словъ матери.

— Я знавала вашу свекровь, сказала Катерина Даниловна.—Здорова ли она? Чай, постарѣла теперь? Давно ли вы съ ней видѣлись?

— Я провела у ней нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти моего мужа.

— И прозимовавши въ Москвѣ, вернетесь къ ней?

— Нѣтъ, отвѣчала Валентина.

Глубокое молчаніе послужило краснорѣчивымъ комментариемъ этому коротенькому отвѣту. Борисъ переминался съ ноги на ногу, и рѣшился сказать:

— Позвольте вамъ замѣтить, матушка, что вы давно потеряли изъ вида Настасью Львовну Колыванову, а люди мѣняются съ годами. Я не разъ слышалъ отъ Барковскихъ, что ужиться съ ней трудно, почти невозможно.

Такое замѣчаніе было недовѣстностью уже потому что мало чувствовать Валентинѣ, что ея отвѣтъ былъ преступленіемъ.

емъ въ глазахъ Катерины Даниловны. Старушка проникательно взглянула на сына, и сказала своимъ обычнымъ спокойнымъ тономъ:

— Не знаю. Настасья Львовна всегда была честною женщиной и примѣрною женой. А съ мужемъ ея ужиться тоже было не легко: покойникъ, не тѣмъ будь помняуть, былъ не хорошій человекъ, и едва ли кому-нибудь отъ Настасьи Львовны придется вытерпѣть то что она отъ него вытерпѣла. А если у ней характеръ и не совсѣмъ мягкій,—что же дѣлать? совершенства нѣтъ на землѣ. Зинаида приказала ли ты, чтобъ подали фруктовъ къ живцу?

— Какъ ваша дочь хороша собой! замѣтила Валентина.

— Да, не дурна; на отца похожа.

— Зинаида Павловна любитъ играть въ карты?

— Любитъ не любитъ, а надо же занимать тетку по вечерамъ. Они у меня всѣ славные, благодаря Бога, всѣ удалась. Зинаидѣ двадцать семь лѣтъ, а она до сихъ поръ осталась пятнадцатилѣтней дѣвочкой; мысли своей нѣтъ. Ну, Борисъ—дѣло другое. Ему я давала больше воли. Онъ уже теперь у меня хозяйничаетъ, а послѣ меня будетъ главой семейства.

Валентина Федоровна вообще держала себя очень скромно, почти робко, а въ присутствіи Катерины Даниловны вела себя еще сдержаннѣе, еще осторожнѣе обыкновеннаго. Понимая, что старуха не терпитъ противорѣчій, она слушала не позволяя себѣ ни одного возраженія, и только въ подвѣжности ея физиономіи, въ быстромъ переливѣ красокъ на лицѣ, высказывалась ея тайная мысль. Но подъ конецъ ей стало неловко отмалчиваться на все что ей говорили, и выслушавъ похвалу двадцати семи лѣтней Зинаидѣ, не *мгновенно своей мысли*, она рѣшилась сказать почтительно.

— Катерина Даниловна, позвольте мнѣ сдѣлать вамъ одно замѣчаніе.

— Сдѣлайте, говорите что думаете, вы еще молоды; можетъ-быть и поучитесь у меня, ласково замѣтила старушка.

— Мнѣ кажется, что дѣвушка уже взрослая, какъ ваша дочь, можетъ быть поставлена въ такія обстоятельства, что ей бы пригодился свой собственный образъ мысли.

— Безъ сомнѣнія; но мысли все-таки будутъ мои, она

только приложить ихъ къ дѣлу. Онѣ мнѣ, благодаря Бога, помогли прожить до седьмага десятка, и ей, надѣюсь, пойдутъ въ прокъ. Я объ этомъ рано пекалась. Видите, моя милая, молодое дерево гнется въ какую сторону угодно садовнику; липа, говорятъ, не перерастетъ крапивы, лишь бы, умѣючи, за это взяться.

— Едва ли, однако, это удастся надъ всякою липой. Не всякій ростъ остановишь... Хорошо, что ваши старанія увѣнчались успѣхомъ; но еслибы природа вашей дочери была такова, что къ ней не привились бы ваши попятія, чѣмъ бы это кончилось? Чтобы вышло изъ этой разладицы?

— Вышло бы то, что я бы природу пересилила; это обязанность матери. Покойный мой отецъ говаривалъ: „атура-дура“, а умная была голова, и всѣ мы у него по стрункѣ ходили. А это, моя милая, что съ тѣмъ нельзя ужиться, да съ другимъ нельзя, это говорится по неопытности или по вѣтрености. Уживись съ чортомъ, вотъ въ чемъ состоитъ умѣние жить. Оно, конечно, не легко, иная костьми ляжетъ. А дѣлать нечего, такъ надо!

Валентина вспыхнула.

„Что тутъ возражать?“ подумала она: „мы съ нею вѣкъ не сговоримъ, между нами бездна“,—она дала себѣ слово не касаться тѣхъ вопросовъ, которые могли вызвать Катерину Давиловну на проповѣдь. Разговорились о заграничной жизни, которой не любила Валентина. Ея рассказы и замѣчанія пришли по душѣ старушкѣ, что и было выражено ею въ лестныхъ словахъ, не ускользнувшихъ отъ вниманія Бориса. Въ 10 часовъ подали ужинъ. Зинаида съ любопытствомъ смотрѣла на Валентину и, по русскому обычаю, полагала ее то тѣмъ, то другимъ.

Рядомъ съ Зинаидой, въ черномъ шелковомъ платьѣ, не скрывавшемъ неумѣренной полноты, сидѣла ея тетка Дарья Васильевна. Она сдѣлала Валентинѣ нѣсколько вопросовъ о дорогахъ и урожаяхъ, и безпрестанно говорила Катеринѣ Давиловнѣ: „Сестрица, не кушайте на ночь сметаны“, или: „сестрица, позвольте я вотъ выберу перчикъ поспѣвѣе, а то на ночь не хорошо.“ Приживалка ничего не говорила, и шла за троихъ, не сводя глазъ съ своей тарелки. Она была острижена почти подъ гребенку и носила ситцевое платье съ кардиналкой, которая торчала углами на ея плечахъ. А

старушка продолжала заниматься своею гостьей, пока сама не проводила ея на ночлегъ. Что касается до Бориса, онъ мало говорилъ, но за то ни проронилъ ни слова изъ разговора своей матери съ Валентиной, и остался чрезвычайно доволенъ сближеніемъ этихъ двухъ женщинъ, столь дорогихъ его сердцу... Онъ любилъ Валентину.

IV.

Онъ ее полюбилъ еще замужнею женщиной, года за два тому назадъ, и тщательно скрывалъ отъ нея свое чувство, да и въ собственномъ сердцѣ носилъ его какъ грѣхъ и тяжкое испытаніе. Колывановъ, мужъ Валентины, былъ человѣкъ умный, свѣтскій, красивый, помѣщенный на строгомъ соблюденіи формъ и приличій. Онъ долго жилъ въ Парижѣ, говорилъ по-французски съ парижскимъ шикомъ, и бралъ все русское. Сосѣди его не любили за его надменность; Трамониъ съ перваго взгляда возненавидѣлъ за *отълученье*. О Валентинѣ всѣ отзывались съ похвалою и сожалѣніемъ; но такимъ отзывомъ не довѣрялъ Борисъ Павловичъ, не ожидавшій ничего путнаго отъ свѣтской женщины, разившейся подъ вліяніемъ такого человѣка какъ Колывановъ. Сближенія съ Валентиной онъ не желалъ, да и сблизиться съ нею было не легко: въ обществѣ она была постоянно молчалива, а принимая гостей у себя, говорила ровно столько, сколько это требуется отъ благовоспитанной хозяйки дома. Но разъ, случайно, Борисъ Павловичъ засталъ ее наединѣ за чтеніемъ Гоголя, и она заговорила съ восторгомъ объ этомъ писателѣ. Оказалось, что русскихъ повтовъ она знаетъ наизусть и не терпитъ французской литературы. Оказалось даже, что Валентина знаетъ славянскую грамоту, и давно пишетъ и разрисовываетъ молитвенникъ въ византійскомъ стилѣ. Борисъ Павловичъ заслушался, заглядѣлся, растаялъ и рѣшилъ, что ничье вліяніе въ мірѣ не способно поколебать высокой нравственности русской женщины. Несмотря на свое отвращеніе отъ Колыванова, онъ началъ часто къ нему ѣздить. Кроткая, грустная, смиренная, трудящаяся Валентина становилась въ его глазахъ тѣмъ идеаломъ

русской затворницы, въ которомъ онъ всегда видѣлъ олицетвореніе всѣхъ женскихъ добродѣтелей.

Сказавъ себѣ, что онъ любить, и любить замужнюю женщину, Борисъ Павловичъ старался заглушить это чувство усиленнымъ, постояннымъ трудомъ. День деньской онъ просиживалъ надъ бумагами и, въ видѣ отдыха, отправлялся въ проданную на срубку сосѣднюю рощу, брался за топоръ и рубилъ деревья вмѣстѣ съ крестьянами, у которыхъ онъ прослылъ за „чуднóго барина“. Но въ дѣйствительномъ его сердцѣ чувство разрасталось съ богатырскою силой. Къ Валентинѣ онъ почти пересталъ вѣдять; она угадывала въ чемъ дѣло, и едва ли не заговорило и ея собственное сердце... Наконецъ Трамонинъ ухмалъ; цѣлыхъ полтора года онъ не видался съ Валентиной; онъ не забылъ о ней, но спокойнѣе о ней думалъ: время брало свое. Узнавъ, что она въ Подольскѣ, онъ вздрогнулъ. „Идти ли къ ней?“ подумалъ онъ: „а почему же не идти? она свободна.“

Неожиданное свиданіе доказало ему всю живучесть его чувства. Ночь, которую онъ провелъ подъ одною кровлею съ Валентиной, была для него бессонною, но счастливѣйшею ночью его жизни. А Валентина Федоровна почивала отлично и проснулась поздно. Сіюющая фізіономія Алены Кузминичны свидѣтельствовала о почетѣ и гостепріимствѣ, которыя она вносила въ домъ Трамониныхъ.

— Вставайте-ка, мой батюшка, сказала она, — скоро десять. Господа ужъ часа четыре какъ на ногахъ.... Подлинно, благочестивое семейство.

Валентина стала поспѣшно одѣваться.

— Вотъ что Аленушка, сказала она, — какъ ты думаешь, еслибы попросить ванну?

— Ванну? Ишь что выдумали! Такіе благочестивые господа въ ванну сядутъ! Еще что объ васъ-то подумаютъ, если ванну попросите! Не токма что дѣти, сама барыня, матушка, изволить въ банѣ париться. А о вашей ваннѣ здѣсь и не слыхивали. Здѣсь, какъ слѣдуетъ православнымъ, въ Богѣ живутъ. Вы послушайте-ка, что люди-то разказываютъ. Ужъ господа, нечего сказать! А баринъ-то, говорятъ, ангелъ какой! Да нечему смѣяться, сударыня. Даромъ что въ кучерской одеждѣ ходитъ да съ бородой, а по нему всякаго графа произойдетъ.

Въ гостиной Валентину встрѣтила Зинаида.

— Маменька скоро придетъ , сказала она.—Теперь она Богу молится.

— А я васъ заставила ждать за самоваромъ ; извините, Зинаида Павловна.

— Ничего, поминайте, вамъ надо было отдохнуть съ дороги. Не прикажете ли хлѣба съ масломъ? Вотъ и домашніе крекдели: отвѣдайте, они всѣмъ нравятся. А обыкновенно, вы рано встаете?

— Нѣтъ, все также. Привычка. А вы, я думаю, никогда такъ поздно не вставали?

— О нѣтъ!

Зинаида сказала это слово тономъ человѣка, который отклоняетъ отъ себя обвиненіе въ безнравственномъ поступкѣ.

Зинаида ребенкомъ повторяла рабочино то что говорила ей мать ; а выросши , собственнымъ умомъ , развила затверженныя теоріи до тѣхъ крайностей , въ которыя западаютъ ограниченныя природы. Она перещеголяла Катерину Давиловну неумолимостью суждений , сухостью пелатій и придирчивостью къ мелочамъ , которыя ей бросались въ глаза прежде свойствъ , опредѣляющихъ нравственныя стороны человѣка. Для Зинаиды , напимѣръ , женщина хорошо одѣтая , была кокеткой , не способною любить мужа и дѣтей , была слѣдовательно врагомъ семейной жизни и жоржсандисткой. Самолюбіе въ Зинаидѣ Павловнѣ было громадное. Она считала себя безупречною , и въ извѣстномъ отношеніи имѣла на то право. Она никогда не любила , никогда не ошибалась даже въ выборѣ пріятельницъ , съ которыми дружилась не иначе какъ съ разрѣшенія Катерины Давиловны , да и то дружилась въ извѣстную мѣру , то-есть на сколько было способно ея холодное сердце. Въ семействѣ ее уважали , она даже пользовалась нѣкоторымъ вліяніемъ... Красота ея не была симпатична ; въ ней съ изумительною вѣрностью отражался нравственный характеръ дѣвушки : это была холодная , безжизненная красота. Нечего и говорить , что туалетъ Зинаиды Павловны отличался простотою , въ смыслѣ рѣзкаго отступленія отъ моды. Валентина , носившая косу , одѣвавшаяся къ лицу , встававшая поздно , должна была шокировать Зинаиду , и когда молодая вдова закурила пахитоску , Зинаида подумала : „Я была увѣрена , что она курить!“ и осталась очень довольна своею про-

вицательностью, и оставовила на гостѣѣ тяжелый, холодно-наблюдательный взглядъ.

— Кажется, моя пахитоска вамъ не нравится, Зинаида Павловна? спросила Валентина.— Вы можетъ-быть не любите запаха табаку?

— Нѣтъ, ничего, я къ нему привыкла, Борисъ курить.

— А, понимаю. Вы не привыкли видѣть, чтобы курили женщины?

— Я знаю, что такихъ много. У насъ сосѣдка, *тоже* свѣтская женщина, и она курить.

Валентина усмѣхнулась.

— Надѣюсь, сказала она, что другія сосѣдки болѣе по васъ. Иначе вамъ было бы скучно.

— Мнѣ никогда не бываетъ скучно. Отъ насъ самихъ зависить не скучать.

— Не думаю.

— Нѣтъ, право отъ насъ самихъ. Прощедшимъ лѣтомъ, маменька меня послала погостить къ дядѣ Петру Ивановичу Трамону. И онъ, и тетка—люди старые, больные, никого не видать. Поѣхала я вмѣстѣ съ двоюродною нашею сестрой, Алесовой. Она говоритъ: „Ахъ какъ будетъ скучно! Ахъ какъ скучно!“ а я говорю: „Мнѣ скучно не будетъ“, и вышло по моему. Дядя любитъ шахматы; я это знала и заранѣе училась играть по книгѣ, и мы съ нимъ цѣлый вечеръ проводили за шахматною доскою. Утромъ я писала подъ его диктовку дѣловыя письма, или читала Четьи-Минеи теткѣ, которая почти не встаетъ съ постели. Такъ дѣло и обошлось безъ скуки, и теперь дядя во мнѣ души не слышитъ; онъ писалъ маменькѣ: „Если ты мнѣ не подарить Зинаиду, я у тебя ее украду. Право.“

И Зинаида засмѣялась самодовольнымъ смѣхомъ.

— Лишь бы только исполнять свои обязанности, заключила она,—а то нигдѣ скучно не будетъ.

Каждое ея слово обдавало холодомъ Валентину. Долгіе годы стѣсненія приучили ее къ скрытности и молчанію, во тѣмъ сильнѣе впечатлѣнія врѣзывались въ ея душу. Пришли Трамонинъ, освободившійся отъ хозяйственныхъ хлопотъ, и Катерина Давиловна, покончившая утреннюю молитву. Старушка радушно поздоровалась съ гостьей, освѣдомилась о ея здоровьѣ и предложила взглянуть на по-

стройки. Все общество потянулось корридоромъ въ будующія комнаты Бориса.

— Я ему позволила строиться какъ ему угодно, сказала Катерина Даниловна.—А вотъ и моя келья, прибавила она поровнявшись съ дверью своей комнаты. — Не угодно ли заглянуть? Тутъ впрочемъ только и хорошаго вотъ это (она указала на огромный кивотъ съ образами), да это (и Катерина Даниловна подвела Валентину къ этажеркѣ, на которой стояла каска насквозь пробитая пулей). Этотъ подарочекъ Борисъ привезъ мнѣ изъ Севастополя.

— Матушка это показываетъ какъ рѣдкость, сказалъ Борисъ,—а изъ Севастополя едва ли кому-нибудь удалось вывезти уцѣлѣвшую каску.

— Я воображаю въ какомъ вы были отчаяніи когда отправляли сына въ Севастополь, сказала Валентина.

— Помилуй Боже! возразила Катерина Даниловна. — Я ему сказала: „Отецъ твой и дѣдъ и предки всѣ были на войнѣ, теперь твоя очередь;“ отслужила молебенъ Иоанну Воину, благословила его образомъ, да и съ Богомъ!

— Вы Спартанка, Катерина Даниловна.

Катерина Даниловна съ гордостью улыбнулась.

— А по вашему какъ? Сыну прялку въ руки, что ли? да отъ меня не отходи?

„Я не люблю Спартанокъ“, подумала Валентина, взявъ каску въ руки; она ее рассмотрѣла и поставила, вздрогнувъ, на прежнее мѣсто.

Новая пристройка напоминала кремлевскіе терема. Кабинетъ Бориса Павловича былъ со сводами, съ маленькими рѣшетчатыми окнами, и огромною изразцовой печью. Въ красномъ углу былъ приготовленъ дубовый шкафъ для образовъ; маляръ расписывалъ стѣны арабесками. Валентина восхищалась отъ души, и одѣла мимоходомъ два-три замѣчанія, которыя доказывали знаніе русской старины.

— Кто повѣритъ, матушка, сказалъ Борисъ, — что Валентина Федоровна была воспитана на французскомъ языкѣ, и что все что ее окружало бредило Франціей?

— Можетъ быть, я потому-то и полюбила все русское, отвѣчала Валентина.

— Неужели изъ любви къ противурѣчію? замѣтила Зинаида Павловна.

— Это не возможно, возразила ей мать. — Духъ проти-

ворѣчія нейдетъ женщинѣ и никогда не ввухитъ похвальнаго чувства. Я же съ своей стороны увѣрена, что Валентина Федоровна на противурѣчія совершенно не способна.

Непріятное замѣчаніе Зинаиды очевидно не повразилось Борису; за то отвѣтъ матери мигомъ разсѣялъ облако налетѣвшее на его физиономію. Вообще онъ слушалъ съ благоговѣніемъ каждое слово сказанное Катериной Даниловной.

— Не полюбобытствуете ли взглянуть на нашу церковь? сказала старушка.

Отправились дворомъ въ церковь старинную, деревянную, но содержавшую въ отличномъ порядкѣ и богатую приношеніями. Катерины Даниловны и ея дочерей: онъ втроемъ вышивали одежду на престолъ, воздухи и ковры...

Вышедши изъ церкви, Зинаида объявила, что обѣщалась идти удить рыбу съ Пелагеей Никаноровной.

— Она у насъ всеобщая угодница, замѣтила Катерина Даниловна. — Ступай. А мнѣ теперь, моя дорогая гостя, позвольте заняться съ подрядчикомъ, а покажѣсть Борисъ вамъ покажетъ садъ, коли угодно.

— Нравится ли вамъ наша деревня? спросилъ Трамонимъ, вводя Валентину въ длинную липовую аллею.

— Очень, и въ особенности вашъ уголокъ. Я хочу вамъ сдѣлать подарокъ на новосельѣ, Борисъ Павловичъ.

— Онъ займетъ у меня самое почетное мѣсто, отвѣчалъ Трамонимъ. — Но что же такое?

— А вотъ увидите.

Какъ скоро они вернулись домой, Валентина отправилась въ свою комнату и явилась въ гостиную съ рѣзною рамкой въ рукахъ.

— Вотъ вамъ молитва написанная и нарисованная мною, сказала она. Она была назначена для моего московскаго новоселья....

Борисъ Павловичъ покраснѣлъ отъ удовольствія и крѣпко пожалъ руку Валентины (онъ не смѣлъ поцѣловать ея руку); потомъ долго разглядывалъ и хвалилъ и рисунокъ, и славянское письмо.

— Валентина Федоровна, сказалъ онъ наконецъ, — а вѣдь я тоже собираюсь сдѣлать вамъ подарокъ.

— Какой? спросила она съ любопытствомъ.

— Извольте ли видѣть: вы прекрасно говорите по-рус-

ски, а между тѣмъ употребляете иногда иностранныя слова; а ужь это не разъ замѣтилъ. Я вамъ подарю словарь Галарова; совѣтуйтесь иногда съ этимъ словаремъ, и вы убѣдитесь, что нашъ богатый языкъ не нуждается въ прихвѣси французскихъ словъ.

Валентина невольна улыбулась, взяла словарь, и велѣла его уложить съ своими вещами.

Ее упростили остаться обѣдать; между тѣмъ Борисъ успѣлъ сказать своей сестрѣ:

— Ты, кажется, не хорошо расположена къ нашей гостѣ, Зинаида?

— Правду тебѣ сказать, она, кажется, намъ не подымасть, отвѣчала она.

— Это вздоръ; я ее уже давно знаю и дорожу ея знакомствомъ; я всегда былъ хорошо привать въ ея домѣ, и желаю чтобъ ея хорошо приняли у насъ.

Зинаида уважала брата какъ главу семейства; въ добавокъ она держалась того правила, что за гостепріимство надо платитъ гостепріимствомъ, и несмотря на свои предубѣжденія противъ Валентины, проводила ее очень вѣжливо, приглашая при случаѣ еще разъ завернуть къ нимъ въ деревню.

Катерина Даниловна была прозорливѣе своей дочери. Еще наканунѣ она догадалась, что Борисъ не равнодушенъ къ Валентинѣ, и долго не могла заснуть, обдумывая, какъ бы повести это дѣло. Нѣтъ сомнѣнія, что ея выборъ палъ бы на другую невѣсту, которая была бы и иначе воспитана, и моложе, и богаче; но сына своего она знала и была увѣрена, что онъ не женится безъ матиринскаго благословенія, но за то не женится вовсе, если мать не одобритъ выбора его сердца.

„Главное, не надо спѣшить,“ рѣшила старуха. „Вотъ увидимъ. Онъ мнѣ во всемъ признается.“

На слѣдующій день она съ Валентиной была еще любезнѣе чѣмъ наканунѣ, и послѣ обѣда сама вызвалась довести дорогую гостью до Подольска. Сказать правду, она уже раскаивалась въ томъ, что по утру оставила сына съ глазу на глазъ съ хорошенькою вдовушкой, и не хотѣла впасть опять въ ту же ошибку. А Борисъ, ни въ чемъ не

догадываясь, былъ отъ души благодаренъ своей матери за ласковое ея обращеніе съ Валентиной, и проводилъ ихъ верхомъ до Подоляска.

V.

Домъ, нанятый Валентиной въ Москвѣ, выходилъ однимъ фасадомъ въ садъ, въ которомъ было нѣсколько десятковъ старыхъ липъ и березъ; за ихъ верхушками видѣлась церковь. Комнаты были не большія, но чистенькія и уютныя, и показались Валентинѣ земнымъ раемъ, потому что это были первыя комнаты, въ которыя она вступала полною хозяйкой, не рискуя встрѣтить ненавистнаго ей лица. Она съ юныхъ лѣтъ не могла похвалиться счастіемъ. Мать ея была добрая и честная женщина, но не развитая и своевольная. Она любила своихъ дѣтей, но била ихъ, унижала и систематически портила имъ жизнь, полагая что другого рода воспитаніе губитъ нравственность и причащаетъ къ своеволю. Въ любви ея Валентина убѣждалась тогда только, когда вышла за мужъ. Мать благословила ее рыдая, и съ тѣхъ поръ совершенно измѣнила свое обращеніе съ нею, объявивъ, что ея обязанность выполнена, и что она всѣ свои права надъ Валентиной передаетъ ея мужу. Съ меньшою дочерью она поступила точно также, но результаты воспитанія скоро оказались надъ Катериной Федоровной. Вырвавшись на волю, она зажила очертя голову.... и едва ли кто въ правѣ поднять на нее камень...

Колывановъ, мужъ Валентины, не любилъ своей тещи, за то что она не умѣла одѣваться, да и держалась *en femme de la Halle*; самъ же онъ, какъ сказано, былъ типомъ джентльмена, въ ничтожнѣйшемъ значеніи этого слова. Единственный сынъ богатыхъ родителей, онъ выросъ бабоявнымъ, завосчивымъ, недоученымъ юношей, и отправился въ Парижъ для довершенія воспитанія. Родственные связи и богатство доставили ему доступъ въ салоны Сень-Жерменскаго предмѣстья, изъ которыхъ съ переимчивостью русскаго человѣка, онъ вынесъ изящныя манеры, щегольской французскій языкъ и удивительное знаніе всѣхъ тонкостей свѣтскаго обращенія. Но подъ блестящею оболочкой уцѣлѣлъ прежній неучъ и самодуръ.

Онъ былъ одинаково грубъ съ матерью, съ тещей, съ женой, съ прислугой. Всѣ ему уступали безпрекословно, кромѣ его матери, которая уступала не иначе какъ съ бою. Она была капризная и взбалмошная женщина, и между ею и сыномъ ежедневно повторялись возмутительныя сцены; но послѣднее слово оставалось постоянно за сыномъ. Настасья Львовна уйдетъ, бывало, въ свою комнату, хлопнувъ дверь, и не показывается дня два-три къ ряду.

— Ничего, говорилъ Колывановъ,—надоѣсть дуться, выйдетъ. То-то видно отецъ покойникъ школилъ ее, да не вышколилъ.

Понятно какое дѣйствіе такія выходки должны были производить на Валентину. Какъ дѣвочка, ослѣпленная красивою наружностью и свѣтскимъ блескомъ своего жениха, она вышла за него не безъ любви, но скоро любовь смѣнилась страхомъ,—и страхъ перешелъ въ ненависть.

Что касается до Колыванова, ему нужна была жена кроткая, красивая и получившая такъ-называемое свѣтское воспитаніе. Такую жену ему легко было обратить въ рабство, и не стыдно показать въ люди. Онъ замѣтилъ Валентину: *Elle a une élégance innée...* рѣшилъ онъ и женился, когда, по его мнѣнію, настало для него время зажить своимъ домомъ и обзавестись хозяйкой. Дорого обошлись Валентинѣ ея кротость, красота и свѣтское воспитаніе. Въ людяхъ, мужъ обходился съ нею отаечно, но она должна была держать ухо востро. Ей не прощались ни нарядъ, который не приходился по вкусу мужу, ни малѣйшее слово, которое имѣло несчастье ему не нравиться. Вступать въ дружбу съ женщинами Валентинѣ было запрещено, а съ мужчинами она не смѣла ни на минуту оставаться наединѣ и если ужъ нельзя было избѣгнуть этого казуса, отъ нея требовался отчетъ въ каждомъ сказанномъ ею словѣ. „La femme de César ne doit pas même être soupçonnée,“ твердилъ Колывановъ. Но ярче всего высказывался его характеръ въ мелочахъ ежедневной жизни. Трудно повѣрить, какой смыслъ этотъ человекъ умѣлъ придавать самымъ ничтожнымъ вещамъ, и какое дѣйствіе его слова производили на Валентину.

— Я, кажется, приказалъ чтобъ эта лампа стояла на кругомъ столѣ, говорилъ на примѣръ Колывановъ, понизивъ голосъ и прищуривъ глаза, и Валентинѣ слышалось:

— Я превращу въ прахъ того, кто поставитъ ее илаче.

Бѣдная женщина была такъ запугана, что ненависть ея къ мужу не выражалась явно, но тѣмъ глубже пускала корни въ сердцѣ.

Въ отсутствіи своего повелителя она бралась за перо, описывала свою горемычную жизнь и изливала на бумагу всю накопившуюся злобу, всѣ затаенныя слезы... и потомъ спѣшила истребить опасный документъ. Колывановъ бранилъ Россію; она ее полюбила страстно, начала по-русски писать свой дневникъ и тайкомъ читала русскія книги. Наконецъ терпѣніе ея измѣнилось; она рѣшилась бѣжать изъ дому, предупредивъ свою сестру, у которой думала пріютиться. Но въ то время, когда она обдумывала свой планъ, мужъ ея занемогъ; доктора объявили, что у него начало рака.

И ему пришлось бороться съ деспотомъ,—болѣзнью,—и борьба была отчаянная. Одѣтый съ утра, разчесанный, раздушенный, Колывановъ читалъ журналы и говорилъ о намѣреніи поселиться навсегда во Франціи, но болѣзнь брала свое. Больной смѣнялъ врачей и осыпалъ ихъ насмѣшками и оскорбленіями. Разъ во время жестокихъ страданій, онъ велѣлъ осѣлать верховую лошадь, бодро сошелъ съ крыльца и занесъ ногу въ стремя; но вдругъ запнулся и его безъ чувствъ принесли домой.

Борьба видимо клонилась къ концу, но одолѣлъ Колывановъ; онъ всегда трунилъ надъ тою мѣщанскою привязанностью къ жизни, которая лишаетъ насъ возможности наслаждаться и ограничивается щепетильными заботами о самосохраненіи, лишенномъ смысла и цѣли. Выстрѣломъ въ сердце онъ покончилъ съ жизнью. Ему хотѣлось и мертвому сохранить свою красоту, и дѣйствительно онъ былъ изященъ и красивъ даже въ гробу. Не измѣнились благородныя черты его лица и гордый наклонъ головы. Его оплакало одно только существо,—его кормилица; но это было единственное существо, которое онъ постоянно щадилъ. Если она являлась когда онъ былъ не въ духѣ, онъ къ ней не выходилъ и говорилъ жевъ: „Donnez lui trois roubles argent et qu'elle s' en aille.“

Валенти на, пораженная его смертью, думала остаться при его матери. Этою жертвой она хотѣла искупить свои чувства къ мужу, но не выдержала. Въ характерѣ Настасьи

Львовны было слишкомъ много общаго съ характеромъ ея сына, и Валентина почти бѣжала отъ нея, какъ собиралась бѣжать отъ Колыванова.

Вырвавшись наконецъ изъ своей тюрьмы, она не вѣрила такому счастью. Ей все казалось, что надъ ней разразится какая-нибудь бѣда, которая заставитъ ее вернуться подъ ненавистный кровъ: „или я вдругъ занемогу, думало она, или лошади разобьютъ, или карета сломается...“ На все обошлось благополучно, и карета, какъ мы видѣли, сломалась уже въ тридцати пяти верстахъ отъ Москвы.

Въ Москвѣ, Валентинѣ предстояло жить скромно и расчетливо. Капиталь, полученный ею въ приданое, былъ по требованію Колыванова, истраченъ на наряды, и ей приходилось довольствоваться тою частью мужнина имѣнья, на которую она имѣла законное право. Въ хозяйствѣ Валентина ничего не смыслила. Женщину, которая умѣла сводить счеты и знала цѣну провизіи, Колывановъ называлъ кухаркой. Если онъ и позволялъ Валентинѣ варить варенье и печь сладкіе пирожки, то потому только, что въ межуарахъ XVIII вѣка, онъ вычиталъ о какой-то принцессѣ любившей это занятіе. Теперь Валентинѣ приходилось входить во всѣ мелочи хозяйства; но это не пугало ея, не пугалъ и предстоявшій переходъ отъ роскоши къ жизни лишеній. Лишь бы пожить на свободѣ, думала она. Домикъ свой она очень скоро поставила на очень приличную ногу. Убирая свой кабинетъ, она не забыла о словарѣ Галярова. Онъ занялъ мѣсто на письменномъ столѣ между любимыми вещами Валентины. Она не могла взглянуть безъ улыбки на этотъ полновѣсный подарокъ, который не промѣняла бы, можетъ-быть, на драгоценный перстень съ завитною надписью. На заглавномъ листѣ она карандашемъ начертила чьи-то два стиха:

„Онь чистому кумиру поклонялася
И одинокъ провелъ молодые дни.“

VI.

Валентина скоро поняла, что женщина оторванная отъ семейства не можетъ обойтись безъ короткаго, дружескаго кружка, который самъ собою образуется около тѣхъ, кому онъ необходимъ. При жизни мужа, не допускавшаго

короткости ни съ кѣмъ, она должна была ограничиться поддержкою свѣтскихъ отношеній, холодныхъ и церемонныхъ даже съ тѣми людьми, которые приходились ей по душѣ. Она отыскала этихъ людей, отыскала двухъ-трехъ пріятельницъ дѣтства и первой молодости... Собрать у себя этихъ друзей вокругъ чайнаго стола, за которымъ она распоряжалась хозяйкой, и вести съ ними дружескую бесѣду далеко за полночь; самой отправиться къ нимъ; читать чтò вздумается; даже ходить по улицамъ безъ присмотра и контроля: все это для Валентины было такъ ново, и заманчивая жизнь *на свободу* пошла ей впрокъ. Въ ея звонкомъ голосѣ, веселомъ смѣхѣ, въ ея свободныхъ движеніяхъ, невозможно было узнать молчаливую, боязливую гостью Катерины Даниловны. Валентина оправилась, пополнила, глаза ея оживились; она какъ будто возвращалась къ первой молодости, и наслаждалась ею съ увлеченіемъ тѣхъ, которые въ свое время не успѣли насладиться жизнью. Съ своимъ прошедшимъ она, казалось, покончила разъ навсегда. Изъ него она вынесла только одно воспоминаніе, отъ котораго не спѣшила отдѣлаться, которымъ даже дорожила. Трамвинякъ былъ единственный свѣтлый образъ мелькнувшій передъ нею въ черные дни ея жизни. Этотъ образъ никогда не изглаживался изъ ея памяти; но теперь онъ сталъ представляться Валентинѣ не такъ какъ въ былое время, а неразлучно съ другими лицами, не возбуждавшими въ ней сочувствія. Въ ея память врѣзалась картина семейнаго быта Трамвининыхъ: извѣстный кружокъ *своихъ людей*, тупыя лица приживалки и тетки, худоцавая фигура старушки съ бархатными приемами, съ жесткими аксіомами желѣзной воли, и наконецъ отталкивающая фizioномія сухой и безжизненной дѣвушки. Борисъ Павловичъ казался ей лучше безъ этой обстановки, которая производила на Валентину тяжелое впечатлѣніе; какъ ни повторяла она себѣ, что ей дѣла нѣтъ до семейства Трамвининыхъ. Да въ сущности и самъ Трамвинякъ чтò же такое для нея?

Но отъ себя не уйдешь, и сердце Валентины сильно забилось, когда двѣй десять послѣ ея пріѣзда въ Москву, ей подали письмо написанное незнакомымъ почеркомъ, и за печатью, на которой были вырѣзаны славянскія буквы: Б. и Т.

Вотъ что писалъ Борисъ Павловичъ:

„Позвольте васъ привѣтствовать русскимъ привѣтствіемъ, заравствуйте на многая лѣта, Валентина Федоровна! Какъ васъ Богъ донесъ до Москвы, въ добромъ ли здоровьѣ, въ веселомъ ли духѣ? Я мысленно сѣдиль за вами, и старался опредѣлить ту минуту, когда Москва словно выросла передъ вами, а вы поклонились ея золотымъ маковкамъ, и повторили, статья можетъ, стихи одного изъ лучшихъ людей:

Ее-ль не вѣдаетъ страна?
Ее назвать, и Русь святая
Съ ней вмѣстѣ разомъ названа!..

„Вы вѣзжали въ Москву, а въ нашемъ захоlustьѣ шли толки о васъ. Матушка долго и съ похвалою о васъ говорила. Какъ и сѣдовало ожидать, она съ перваго взгляда подюбила васъ. Я долженъ сознаться однако, что по моему она не совсѣмъ вѣрно опредѣляетъ вашъ характеръ; она полагаетъ, что отличительное ваше свойство — мягкость нравственной природы, которая требуетъ внѣшней опоры, ищетъ чужаго вліянія; а мнѣ кажется напротивъ, что безъ значительной доли нравственной твердости вамъ нельзя было бы выйти невредимую изъ той среды, въ которую васъ поставили воспитаніе и обстоятельства. Но, такъ или иначе, вы уцѣлѣли: слава Богу, и вамъ слава!

„Молитва, которую вы мнѣ пожаловали на новоселье, почти постоянно у меня передъ глазами, и я ее уже знаю наизусть. Я помѣстилъ ее въ красномъ углу моей комнаты, между кивотомъ съ образками, и портретомъ моей прабабушки, Натальи Захаровны, писаннымъ въ ея молодости. Вообразите, какая странность! Вы необыкновенно на нее похожи. Это сходство поразило мою мать и Зинаиду. Я, съ своей стороны, убѣжденъ, что сходство лицъ предполагаетъ болѣе или менѣе сходство характеровъ...

„Куда меня увлекло воображеніе, Валентина Федоровна! Сейчас я бросилъ перо, и маѣ представилось, что вы еще гостите у насъ, работаете, сидя рядомъ съ матушкой на диванѣ, и слушаете ея умилительный разказъ о праведной жизни Натальи Захаровны. Угодно, я вамъ передамъ этотъ разказъ, слышанный мною еще въ дѣтствѣ, и

приучившій меня глядѣть съ благоговѣнiемъ на этотъ портретъ, который васъ такъ живо напоминаетъ?

„Натаалья Захаровна была единственною дочерью богатыхъ людей воспитавшихъ ее въ довольствѣ и роскоши. Пятнадцати лѣтъ она лишилась матери, и вскорѣ поступила на попеченiе мачихи молодой, но не пригожей, и завидовавшей красотѣ своей падчерицы. Мачиха стала преслѣдовать сироту и порочить ее въ глазахъ своего мужа. Натаалья Захаровна съ образцовымъ смиренiемъ переносила гоненiя, которымъ такъ несправедливо подверглась. Между тѣмъ ей минуло семнадцать лѣтъ. Прадѣдъ мой, сосѣдъ ея отцу, замѣтилъ ее въ церкви, у обѣдни, и былъ пораженъ ея молодостью, красотой и слезами; онъ и прежде слышалъ о ея горемычной жизни, а видѣть Натаалю Захаровну ему не доводилось. Съ отцомъ ея онъ былъ въ тяжбѣ и не ѣзжалъ къ нему; но печальный и кроткiй видъ дѣвушки, внушилъ ему мысль идти съ Захаромъ Николаевичемъ на мировую въ явный ущербъ себѣ, лишь бы имѣть доступъ въ его домъ, познакомиться съ его дочерью, и собственными глазами убѣдиться въ истинѣ того, что о ней разказывали. Захаръ Николаевичъ спѣшилъ согласиться на выгодную сдѣлку предложенную ему моимъ прадѣдомъ, и на радости даже покумился съ нимъ: жена въ это время родила ему перваго сына. Такъ мой прадѣдъ и сдѣлаася своимъ человѣкомъ въ домѣ сосѣда, и сталъ глядѣть да выглядывать, и убѣдился въ истинѣ того что разказывали о Натаальѣ Захаровнѣ и ея мачихѣ, съ которою впрочемъ онъ до поры до времени рѣшился не ссориться. Мачиха не подозрѣвала его тайныхъ замысловъ и не чинилась передъ нимъ. Вотъ какъ мой прадѣдъ самъ разказывалъ моей матери о событiи, которому онъ былъ свидѣтелемъ. Разъ, совѣсть что ли заговорила въ Захарѣ Николаевичѣ: случилось ему приласкать свою дочь. Мачиха и давай къ ней придираться, а она все молчитъ понуривъ голову и опустивъ глаза, и ея смиренiе еще больше разаражаетъ злую женщину. Наконецъ въ послѣднемъ припадкѣ бѣшенства, и не стѣсняясь присутствiемъ гостя, она схватила падчерицу за волосы, обвила ея кошу на руку, и стала ее бить по щекамъ, угрожая, что завтра же острижетъ ее, одѣнетъ въ затрапезное платье, и сошлетъ въ людскую. Натаалья Захаровна отвѣчала:

— На то, матушка, будетъ воля ваша. — Не въ терпѣжъ мнѣ стало, говорилъ мой прадѣдъ, однако рѣшился еще ждать и посмотрѣть, ужели и тутъ не измѣнитъ Наталья Захаровнѣ ея кротость и смиреніе, и скрѣпя сердце, сказалъ мачихѣ:— Кума, ты меня позови на этотъ праздникъ.

„— Добро пожаловать. Наташка съ тебя завтра шубу сниметъ и сапоги вытретъ, коли будешь въ свѣту.

„На другой день онъ пріѣзжаетъ, а Наталья Захаровна сидитъ въ прихожей, стриженная, въ затрапезномъ платьѣ и безъ башмаковъ, а все хороша собой, говорилъ мой прадѣдъ. Спросилъ онъ у меня: Точно ли она безропотво переноситъ свои испытанія? Она отвѣчала:— Пошли мнѣ Господи еще хуже.

„Онъ и сталъ ее допрашивать, почему она этого проситъ у Бога? А она ему призналась, что наложила на себя обѣтъ смиренія, чтобы замолить грѣхи родной матери, которая на смертномъ одрѣ завѣщала ей великою жертвою искупить ея грѣшную душу. Прадѣдушка мой умилился, и въ тотъ же день посватался за Наталью Захаровну. Она не вдругъ согласилась идти за него замужъ, полагая, что ею еще не принесена искупительная жертва; потребовалось содѣйствіе духовника, который убѣдилъ ее тѣмъ доводомъ, что оставаясь въ домѣ мачихи, она не свѣдома вводить ее въ смертельный грѣхъ. Прадѣдъ мой былъ богатъ и осыпалъ молодую жену нарядами и подарками, но она долго еще, для выполненія своего обѣта, постилась, носила темныя платья и не надѣвала ни жемчуга, ни золотыхъ серегъ.

„Многіе изъ тѣхъ, которые звали Наталью Захаровну, смотрѣли на нее какъ на праведницу; въ чертахъ ея лица отразилась та душевная чистота и кротость, которыя ей не измѣнили до глубокой старости.

„Можетъ-быть разказъ мой покажется вамъ слишкомъ растянутымъ, Валентина Федоровна, и нѣтъ сомнѣнія, что онъ болѣе бы на васъ подѣйствовалъ, есаубы вамъ довелось, какъ мнѣ, слышать его отъ моей матери знавшей Наталью Захаровну; но въ какомъ бы видѣ ни дошелъ до васъ этотъ разказъ, я знаю что онъ найдетъ живой отголосокъ въ вашемъ сердцѣ.

„Я надѣюсь скоро быть въ Москвѣ; здѣсь, меня еще задерживаютъ хозяйственныя хлопоты, отъ которыхъ мнѣ

хочется избавить матушку. Она поручаетъ мнѣ вамъ сказать, что обнимаетъ свою дорогую гостью, а сестра Зинаида проситъ вамъ передать свой усердный поклонъ. Мнѣ жаль, что вы не вполне успѣли познакомиться съ сестрой, такъ что не могли, вѣроятно, составить себѣ вѣрнаго понятія о ней. Ее трудно оцѣнить съ перваго взгляда: это чистая, но строгая природа вполне преданная семейнымъ обязанностямъ женщины. Скажу смѣло, что она достойна вашей дружбы.“

„Прощайте, Валентина Федоровна, дай вамъ Богъ всего лучшаго.“

Рука, въ которой Валентина держала только что прочитанное письмо, опустилась на ея колѣни. Не легко было молодой вдовѣ примирить тѣ противоположныя чувства, которыя разомъ возникли въ ея сердцѣ: ея самолюбію льстила привязанность, которую она внушала человѣку такого закала какъ Борисъ Павловичъ, но пугалъ ее этотъ строгій пуританскій закалъ... Долго просидѣла она въ тяжеломъ раздумьи, а когда поднялась съ мѣста, и ея фигура съ ногъ до головы отразилась въ большомъ зеркалѣ стоявшемъ въ кабинетѣ, Валентина остановилась, вглядываясь въ черты своего лица:

„Итакъ, я похожа на эту святую,“ подумала она.—„Такъ вотъ его идеалъ!“

И она вздрогнула какъ человѣкъ, который понимаетъ, что стоитъ на краю пропасти.

VII.

Разъ, утромъ, у Валентины Федоровны сидѣли княгиня Радугина съ племянницей и Мухрановъ. Княгиня принадлежала къ числу немногихъ лицъ сохранившихъ съ Валентиной чисто свѣтскія сношенія, которыя, какъ извѣстно, ограничиваются обязательнымъ обмѣномъ карточекъ въ Новый Годъ и Пасху и трехъ-минутнымъ утреннимъ визитомъ, періодически повторяющимся каждыя два мѣсяца. Что касается до Мухранова, онъ знавалъ Валентину еще въ дѣвushкахъ, и при жизни ея мужа не терялъ ее изъ вида, и наконецъ сдѣлался однимъ изъ самыхъ усердныхъ ея посѣтителей съ тѣхъ поръ какъ она поселилась въ

Москвѣ. Мухрановъ былъ человѣкъ лѣтъ тридцати, не богатый, и пользовавшійся отличною репутаціей на службѣ. Женился онъ рано, по любви, и послѣ двухлѣтняго супружества, безъ скандала и огласки, разстался съ своею женою, влюбившеюся въ заѣзжаго Французика.

Наружность Мухранова была довольно оригинальна. Высокій, плотный, съ румянцемъ во всю щеку, онъ краснорѣчиво свидѣтельствовалъ о томъ, что изъ недочетовъ семейной жизни можно вынести завидное здоровье и даже душевное спокойствіе. Его скулистое лицо, небольшіе голубые глаза и русые волосы представляли смѣсь типовъ монгольскаго и русскаго съ явнымъ однакожь преобладаніемъ послѣдняго. На физиономіи Мухранова, носившей тотъ же двойственный характеръ, легко было подмѣтить выраженіе „восточнаго“ лукавства и славянской апатіи. Но люди, хорошо его знавшіе, не довѣряли его равнодушному, апатичному виду. Когда привычнымъ жестомъ Мухрановъ вскидывалъ руки на грудь, и скрестивъ ихъ, смотрѣлъ разсѣянно, какъ будто ничего не видя и не слыша, можно было знать напередъ, что онъ подмѣтитъ все то что ускользнетъ отъ другихъ.

— Vous êtes fin comme l'ambre, говорила ему иногда Валентина.

Княгиня Радугина и ея племянница посидѣли, поговорили, какъ слѣдуетъ, о Тамберликѣ, и уѣхали. Проводивъ ихъ, Валентина вернулась въ гостиную.

— Левъ Александрычъ, сказала она, — почему вы никогда не говорите съ княгиней?

— Потому что я ее терпѣть не могу, отвѣчалъ Мухрановъ.

— Да, но ужъ это слѣшкомъ замѣтно, сказала Валентина смѣясь.

— Я не имѣю причинъ это скрывать; а вотъ вы, Валентина Федоровна, тоже ее не любите, однако принимаете.

— Это правда; признаюсь вамъ, когда я переселилась въ Москву, я дала себѣ слово принимать только тѣхъ людей, которыхъ мнѣ пріятно видѣть, и не умѣла этого сдѣлать. Навязались другіе, и теперь я опять принуждена тратить время на несносныя визиты.

— Кабала! Валентина Федоровна, повѣрьте, всякому человѣку нужна кабала, хотъ мы всѣ противъ нея привыкли кричать.

— Вовсе нѣтъ; но что же прикажете дѣлать? Нельзя же мнѣ сказать княгинѣ Радугиной: я не желаю васъ видѣть.

— Да это и не нужно, а просто отдайте ей визитъ черезъ годъ.

— Но она будетъ бранить меня по всей Москвѣ.

— А, вотъ оно! Скажите, и васъ очень бы огорчила ея брань?

— Послушайте, Левъ Александрычъ, я знаю, что на этомъ пунктѣ меня сбить съ толку очень легко, и заранѣе сдаюсь, если вы собираетесь мнѣ доказывать, что мы слыхомъ дорожимъ молвой и приносимъ ей ненужныя жертвы.

— Совершенно ненужныя, подтвердилъ Мухрановъ:—но я ничего не собираюсь доказывать, а только хочу вамъ напомнить... съ тѣмъ условіемъ чтобы вы мою сплетню перевели кому слѣдуетъ и назвали меня.

— Пожалуй.

— Извольте видѣть: вчера я былъ на именинномъ вечерѣ у Верзиловыхъ... (Читателю не мѣшаетъ знать, что Анна Даниловна Верзилова доводилась родною теткой Борису Павловичу Трамовину.) Ну-съ, рѣчь зашла объ васъ. Княгиня Радугина бранила васъ отъ всей души. По ея мнѣнію, вашего знакомства слѣдуетъ какъ огня избѣгать всѣмъ молодымъ женщинамъ и дѣвушкамъ, въ томъ числѣ конечно и ея племянницѣ, которую, кстати, она сегодня привозила къ вамъ. Значить, если вы княгиню Радугину принимаете только изъ того, чтобы она о васъ не заговорила, это съ вашей стороны напрасный трудъ, и вы можете съ нынѣшняго же дня отказать ей отъ дома.

Валентина не отвѣчала ни слова, и опрокинувшись на спинку кресла, о чемъ то размышляла.

— Левъ Александрычъ, спросила она вдругъ,—что же вчера, когда меня бранила княгиня Радугина, никого не нашлось кто бы замолвилъ за меня словечко?

— Это, позвольте вамъ замѣтить, обидный вопросъ, отвѣчалъ Мухрановъ:—я вамъ докладываю, что дѣло было при мнѣ. Но и кромѣ меня нашелся человѣкъ, вступившійся за васъ.

Валентина слегка покраснѣла.

— Я только и хотѣла знать, заступитесь ли вы за меня, опѣшила она перебить и такъ настойчиво стала благодарить Мухранова, что онъ на нее не совсѣмъ довѣрчиво посмотрѣлъ.

— Знаете ли что, Валентина Федоровна, сказалъ оня.— Меня удивляетъ ваше равнодушіе: вы даже не полюбопытствовали узнать имя другаго вашего заступника...

Валентина совершенно растерялась, раскрыла какую-то книгу, нагнулась надъ ней и проговорила:

— Кто же такой?

— Я назову вамъ его, а то, пожалуй, вы сами угадаете, и я же останусь въ дуракахъ. За васъ вслѣдъ за мною заступился Борисъ Павловичъ Трамонинъ.

— Ага! отозвалась Валентина.

Она знала, что Трамонинъ въ Москвѣ; накануне оня прїѣзжалъ къ ней, но не засталъ ее дома, и она ждала его съ минуты на минуту.

— Только, продолжалъ Мухравовъ,—вчера какъ и всегда мы съ Трамонинымъ держались диаметрально противоположныхъ мнѣній, хотя оба стояли за васъ.

— Въ самомъ дѣлѣ? Въ чемъ же это вы расходились?

— Княгиня не прощаетъ вамъ крайней независимости вашихъ мнѣній, какъ она выражается; я доказывалъ, что въ васъ это черта достойная уваженія, а Трамонинъ и княгиню и меня упрекалъ въ недоброжелательствѣ къ вамъ, за то что мы вамъ приписываемъ такія западныя тенденціи. Оня впрочемъ не употребляетъ этого слова, а замѣняетъ его какимъ-то ужь очень мудренымъ, должно-быть чисто русскимъ словомъ. А кто изъ васъ правъ, рѣшите сами.

— Вы, отвѣчала Валентина, не обинуйся.

— Какъ вы это храбро сказали! И вы рѣшитесь повторить то же самое Трамонину, не опасаясь, что оня васъ запишетъ въ разрядъ безнравственныхъ женщинъ?

— Безъ сомнѣнія, рѣшусь, отвѣчала Валентина, вооружившаяся отчаянною храбростію трусовъ.

— Я бы вамъ совѣтовалъ подумать, Валентина Федоровна:—вы не знаете чѣмъ вы рискуете. Повѣрите ли вы, что Борисъ Павловичъ серьезно перессорился съ однимъ изъ своихъ друзей собственно за то, что тотъ отказался носить кафтанъ?

— Это преувеличеніе.

— Божусь вамъ, что нѣтъ.

Въ эту минуту раздался стукъ экипажа, подъѣхавшаго къ крыльцу. Мухравовъ заглянулъ въ окно, и объявилъ:

— Трамониъ! Я васъ предупреждаю, Валентина Федоровна, что онъ на меня разъяренъ акъ дель.

Трамониъ прѣхалъ въ Москву, съ согласія матери, чтобы сдѣлать предложеніе Валентиѣ. Войдя въ гостиную, онъ поклонился, и въ первый разъ поцѣловалъ руку, которую ему протянула Валентина; такая выходка съ его стороны была знаменательна и могла быть принята за объясненіе. Съ Мухрановымъ онъ поздоровался довольно холодно. Ему не нравилась короткость Валентины съ человекомъ, который ее такъ *превратно понималъ* и компрометировалъ своимъ заступничествомъ.

А Валентиной при видѣ Трамониина овладѣло смущеніе, къ которому она не приготовилась. „Ужели я люблю его?“ подумала она, покраснѣвъ до ушей, и не зная, о чемъ заговорить съ своимъ гостемъ.

— Вы зажились въ деревнѣ, Борисъ Павловичъ, начала она.

— Матюшка было захворала и довольно серьезно, отвѣчалъ Трамониъ.—Теперь, слава Богу, оправилась. Она мнѣ поручила передать вамъ самый дружескій, самый ласковый поклонъ.

— Я, право, не смѣла рассчитывать на благосклонность Катерины Давидовны?..

— Напрасно; она о васъ разумѣетъ, какъ я. Любо слушать, когда она васъ хвалитъ, а похвала похвалѣ рознь! Вотъ я вчера Льву Александровичу доказывалъ, что иная похвала бываетъ хуже брани.

Мухрановъ улыбнулся. Валентина не дала ему времени отвѣчать.

— А что вашъ теремъ, Борисъ Павловичъ, совсѣмъ ли отстроенъ? спросила она.

— Какъ же! Я въ него давно перешелъ, и мы какъ слѣдуетъ отпраздновали новоселье. Къ намъ съѣхались и замужняя сестра съ дѣтьми, и кое-кто изъ близкихъ родственниковъ. Дѣвцы заранѣе сшили себѣ сарафаны. По утру отслужили мы молебень съ водосвятиемъ; къ обѣду всѣ были званы ко мнѣ, на мою половину, а къ вечернему угощенію дѣвцы пожаловали въ сарафанахъ, и пѣли пѣсни... Да чтожь это я въ самомъ дѣлѣ пускаюсь въ такіа подробности? замѣтилъ Трамониъ вдругъ, прерывая разказъ, который очевидно приходился ему по душѣ.—Если мнѣ и позволи-

тельно думать, что вы, Валентина Федоровна, выслушиваете меня благосклонно, то на благосклонное вниманіе Льва Александровича, я не имѣю права разчитывать. Онъ у насъ западникъ, и безъ сомнѣнія, предпочитаетъ русскому сарафану фіжмы, пудру, однимъ словомъ, извѣстный нарядъ саксонскихъ куколъ. Не такъ ли, Левъ Александровичъ?

— А если бѣ и такъ, — у всякаго свой вкусъ, это, кажется, извѣстно, отвѣчалъ Мухрановъ. — Вы придерживаетесь одной формы, я другой, и выходитъ, что оба мы правы.

— Ага, вотъ что! заплыльчиво отозвался Трамонинъ. — Какъ это вы легко рѣшаете вопросы, Левъ Александровичъ, скрестивъ руки да улыбаясь, то-есть съ той философической точки зрѣнія, которая, позвольте сказать, по нашему, называется равнодушіемъ!

— А по моему, позвольте вамъ сказать, не стоитъ тратить такихъ громкихъ словъ тамъ гдѣ рѣчь идетъ о саксонскихъ куклахъ.

— Да! именно, о саксонскихъ куклахъ, именно о нихъ! повторилъ Трамонинъ. — И знаете что я вамъ скажу? продолжалъ онъ, ударяя по спинкѣ кресла своимъ могучимъ кулакомъ. — Будь моя воля, я всѣхъ бы перебить велѣлъ, всѣ эти милыя куклы истолочь въ порошокъ, и порошокъ-то забросить въ тартарары! Да, я бы это сдѣлалъ, и тогда только уснулъ бы спокойно, когда эта наруганная кукла въ безстыдныхъ фіжмахъ и съ вакхической улыбкой исчезла бы съ лица земли русской, которой она, видитъ Богъ, не мало надѣлала вреда!

Трамонинъ вовсе не былъ смѣшонъ когда входилъ въ такую паеосъ. Искренность убѣжденій одушевляла спокойное и строгое лицо молодого аскета, и всякому давала мѣру его нравственного превосходства. Но Мухранова запугать было не легко.

— Слушайте, Борисъ Павловичъ, началъ онъ. — Вы честнѣйшій человекъ въ мірѣ; вы носите кафтанъ и мурмолку: вы отчаянный русскій мужикъ, и при всемъ этомъ, странная вещь! вы, мнѣ разительнo напоминаете одного изъ моихъ знакомыхъ, человека свѣтскаго, далеко небезупречнаго, устараго маркиза XVIII вѣка. Его ужь нѣтъ, и на мертваго я агать не стану.

Глаза Валентины устремились на Мухранова: она поняла, что онъ мѣтитъ на ея покойнаго мужа.

— Я васъ во лжи и не подозреваю, сказалъ Трамонивъ, — но признаюсь, не понимаю, не понимаю вашей шутки.

— Это не шутка. Судите сами: онъ былъ страстно привязанъ къ формѣ и презиралъ тѣхъ, которые ею пренебрегали. Его жена была обязана одѣваться, думать, выбирать знакомства и занятія не иначе какъ по его указу. Даже говорить ей было разрѣшено на одномъ только языкѣ. Теремовъ онъ не жаловалъ — это правда, но въ великолѣпной отелѣ, въ которую онъ заключилъ свою жену, она пользовалась почти такою же свободой, какъ и теремныя затворницы.... Теперь положите руку на сердце и скажите, не одинаковыя ли у васъ требованія съ покойникомъ? Не одинаковый ли съ нимъ взглядъ на супружество напимѣрь?

— Это сближеніе недобросовѣстное, возразилъ Трамонивъ. Тутъ дѣло не въ формѣ, а въ томъ нравственномъ началѣ, которое облекается въ ту или другую форму. Ваше положеніе — парадоксъ. Здравый русскій умъ не любить такихъ шутокъ, и извините, я отвѣчать на нихъ не умю. А вы, Валентина Федоровна, продолжалъ онъ, — ужели не вступитесь за меня? Вы еще словечка не вымолвили.

— Да оно я думаю, такъ и слѣдуетъ, потому что *русская жена молчалива*, съ улыбкой замѣтилъ Мухрановъ, цитируя слова известной повѣсти „Сорока-воровка“.

Валентина, чтобы выйдти изъ затруднительнаго положенія, прибѣгла къ хитрости, которая избавила ее отъ прямого отвѣта.

— Я берусь только за одну сторону вопроса, сказала она, — и полагаю, что васъ можно помирить, лишь бы вы согласились стать на мою точку зрѣнія.

Трамонивъ приготовился слушать, а Мухрановъ комически опустил руки и открылъ, во всю ихъ ширину, свои маленькіе глаза.

— Ну да, смѣло продолжала Валентина: — помиритесь на томъ, что когда женщина привязана къ мужу, она видитъ его глазами и слышитъ его ушами.

— А! противъ, этого ни слова, и я совершенно доволенъ, сказалъ Мухрановъ, слегка наклонивъ голову.

— А я нѣтъ, подхватилъ Трамонинъ, который былъ плохой дипломатъ.—Мнѣ бы очень хотѣлось, Валентина Федоровна, чтобы вы, теперь, сейчасъ же, въ моемъ присутствіи, сказали Льву Александровичу, что честная женщина исполняетъ свои обязанности не только изъ любви къ мужу, но и изъ любви къ долгу.... что она исполняетъ ихъ безропотно.... и что наконецъ, вы сами принадлежите къ числу этихъ женщинъ.

— Этого я сказать не могу, рѣзко и съ явною досадою отвѣчала Валентина.

— Почему нѣтъ?

— Потому что я эти обязанности ненавидѣла, отвѣчала она вся вспыхнувъ:—потому что я собиралась бѣжать изъ дому, и меня остановила только болѣзнь мужа.

Было что-то торжественное въ этомъ признаніи молодой женщины: голосъ ея возвышался и слегка дрожалъ, лицо горѣло....

Трамонинъ оторопѣлъ.

— Но.... вѣроятно такое рѣшеніе было принято вами въ минуту отчаянія, промолвилъ онъ.

— Нѣтъ, оно было обдуманно. А вы, скажите, Борисъ Павловичъ, еслибы тогда я обратилась къ вамъ за совѣтомъ, чтобы вы мнѣ посоветовали? остаться съ мужемъ, не правда ли?

— Да, отвѣчалъ Трамонинъ.

Валентина усмѣхнулась.

— Это меня не удивляетъ; я для васъ *чужая* (отъ этого слова сердце Трамонина облилось кровью), но мнѣ бы хотѣлось знать, чтобы въ такомъ случаѣ вы посоветовали вашей сестрѣ?

— Остаться съ мужемъ, отвѣчалъ Трамонинъ, и большаго усилія стоило ему выговорить это слово, которое могло погубить его въ глазахъ Валентины.

— Я не понимаю того героизма, который обрекаетъ на каторгу людей намъ близкихъ! сказала она почти съ презрѣніемъ.

Всѣ замолчали. Мухрановъ попробовалъ поправить дѣло шуткой.

— Повѣрьте, Валентина Федоровна, что во многомъ ви-

новаты пѣсни, которыя пѣли на новосельи у Бориса Павловича. Онъ придаетъ имъ слишкомъ буквальное значеніе. Въ одной изъ нихъ сестра жалуется брату, что мужъ е бьетъ и свекровь преслѣдуетъ, а братъ ей отвѣчаетъ: „Терпи.... привыкнешь.... стерпится, слюбится“.

— Мнѣ право не до шутокъ, сказалъ Трамонинъ,—да пѣсня эта смѣшна только для тѣхъ, которыя не хотятъ понять ея умилительнаго смысла. Да, умилительнаго, по вторилъ онъ значительно и важно.—Валентина Федорова не весело мнѣ покидать васъ теперь, когда вы обо мнѣ такъ разумѣете какъ объ извергѣ; а дѣлать нечего, въ настоящую минуту намъ съ вами не объясниться....

Мухрановъ принялъ эти слова за намекъ, и взялся за шляпу. Трамонинъ продолжалъ:

— Объясненіе требуетъ спокойствія духа. Позвольте мнѣ явиться къ вамъ завтра, послѣзавтра, на этихъ двухъ Богъ поможетъ мы и столкуемся.

— Вы знаете, я всегда вамъ рада, отвѣчала Валентина.

Въ эту минуту явились новые посѣтители, всѣ имъ обрадовались.... Трамонинъ уѣхалъ.

VIII.

Онъ вернулся на слѣдующее утро; но Валентина велѣла ему сказать, что ей не здоровится и что она дастъ ему знать когда будетъ въ состояніи принять его.

Валентина была скорѣе разстроена чѣмъ больна.

— Лучше бы намъ не встрѣчаться, повторяла она.—Помоги мнѣ Богъ не думать о немъ... забыть его...

Но едва ли сбыточны такого рода желанія, и чувства молодой женщины къ Трамону сказывалось сильнѣе, нежели мнѣ того какъ сильнѣе сказывалась необходимость разрыва.

Въ первую минуту она была зла на Мухранова, который вывелъ на чистую воду трамонинскія теоріи. Но она уже прошла черезъ такую школу, что не могла безъ содроганія думать объ участи ожидавшей жену Бориса Павловича вѣстку Катерины Даниловны, и сознавалась, что рука остановившая ее на краю пропасти, была рукою друга. А совѣтъ, участіе, поддержка друга были болѣе чѣмъ когда

либо необходимы Валентинъ, не умѣвшей принять твердаго рѣшенія, не знавшей куда дѣваться отъ тоски.

Вечеромъ она написала записку Мухранову, и просила его побывать у нея.

Левъ Александровичъ не замедлилъ явиться, но Валентина не умѣла дать разговору желанный оборотъ, не рѣшилась говорить съ полною искренностью. Мухрановъ это видѣлъ, но по врожденной осторожности выжидалъ. Разговоръ шелъ неясными намеками, отрывочными вопросами.

— Знаете что, говорила, напримѣръ, Валентина. — Я думаю, не съѣздить ли мнѣ за границу.

— Чтожь вы этимъ выиграете? отвѣчалъ Мухрановъ. — Вы, кажется, заграничной жизни не любите.

Затѣмъ слѣдовало молчаніе.

— Сказать вамъ, начала вдругъ Валентина, — какія мысли приходятъ мнѣ иногда въ голову? Я думаю, что умно поступила сестра Катя: elle a jeté le froc aux orties, и наслаждается жизнью.

Мухрановъ пожалъ плечами.

— Вѣдь вы это сказали такъ.... вы этого не думаете, замѣтилъ онъ.

— Право, я говорю отъ души; надо же куда-нибудь дѣваться, рѣшиться на что-нибудь....

— Вы давно ея не видали? спросилъ Мухрановъ.

— Уже три года.

— А я, какъ вамъ извѣстно, видѣлъ ее три мѣсяца тому назадъ, и, сказать вамъ правду, это свиданіе обратило въ чувство сожалѣнія мою дружбу къ ней. Хотите слышать, что съ ней стало?

— Къ несчастію, я это знаю.

— Полно знаете ли? Она съ страшною послѣдовательностью идетъ своею дорогой, и уже свыклась съ мыслью, что.... ее можно презирать.... (простите мнѣ это слово). Куда дѣвались женская грація, прежнее остроуміе? Ихъ замѣнила привычка къ цинической шуткѣ. Видно женщину стоитъ разъ сбиться съ прямого пути: вы не умѣете не доходить до крайностей.

Глаза Валентины наполнились слезами.

— Бѣдная Катя! сказала она. — Не вините ея. Виновата не она, а виновата ея воспитаніе, ея замужство. Чтобы вырваться изъ дому, она вышла замужъ очертя голову, но

была бы хорошею женой, еслибы мужъ не пренебрегалъ ею, не оскорблялъ ее убійственнымъ равнодушіемъ. Съ гора она и воспользовалась тою свободой, которую предоставлялъ ей мой зять.

— Въ этомъ-то и весь вопросъ, Валентина Федоровна, что пагубнѣе для женщины въ замужствѣ, избытокъ ли, недостатокъ ли свободы? Вы, положимъ, и предложили вчера рѣшеніе вопроса. И точно, женщины нечего думать о своей волѣ, пока она видитъ глазами мужа, слышитъ его ушами. Да вѣдь медовый мѣсяцъ прѣйдетъ, и въ женщинѣ заговоритъ собственное я: тогда-то что будетъ?

— Тогда, отвѣчала Валентина, — женщина погибла если мужъ ей не предоставитъ той законной свободы, безъ которой жизнь становится въ тягость.

— И я такъ думаю. Но важно то, чтобы такъ думали мужья. А изъ тѣхъ мужей, которые иначе судятъ, дай Богъ ужь лучше попасть на круглаго негодяя. Добраго человѣка совѣсть не позволяетъ бросить, это его убьетъ, придется пожертвовать собой.

Валентина молчала.

— Вы не сердитесь на меня, Валентина Федоровна? спросилъ Мухравовъ.

— Нѣтъ.... я понимаю, что надо быть искренно привязаннымъ къ женщинѣ, чтобы говорить ей въ глаза.... иныя вещи.

— Этого мало, надо чтобы къ ней привязывали воспоминанія.... которыя никогда не сглаживаются, сказалъ Мухравовъ.

Все вниманіе Валентины обратилось на Мухравова. Онъ продолжалъ:

— Мнѣ памяты ваши семнадцать лѣтъ, Валентина Федоровна; вы никогда не узнаете, что они меня заставили переувствовать, и я никогда не забуду....

— Какъ же вы были.... скрыты!. сказала Валентина послѣ минутнаго молчанія.

— А вы какъ наивны! Вы даже не удивились тому, что двадцатилѣтній молодой человѣкъ, каждый Божій день бывавшій въ вашемъ домѣ, вдругъ исчезъ, какъ въ воду канулъ.

— Какъ не удивится! Но вы знаете, намъ объясненій давать не любил.

— За то ваша матушка объяснилась со мной; она мнѣ сказала безъ обьянковъ: вы, кажется, заняты Валентиной, но я дала слово другому, и прошу васъ прекратить ваши посѣщенія. Я не смѣлъ спросить имени этого „другаго“ но спросилъ, извѣстны ли вамъ намѣренія вашей матери и дали ли вы ваше согласіе? Мнѣ отвѣчали утвердительно, я уѣхалъ.

— Это вамъ сказала моя мать? спросила Валентина, пораженная удивленіемъ.

— Ваша мать... однако вы вышли замужъ три года спустя.

Она отвѣчала не вдругъ, и принялась перелистывать фотографическій альбомъ лежавшій на столѣ.

— За меня въ то время никто не сватался, сказала она, не поднимая глазъ на Мухранова,—но мать моя знала, что отдастъ меня только за человѣка богатаго... и въ такомъ случаѣ поступила осторожно.

Мухрановъ былъ тронутъ этимъ признаніемъ почти тридцатилѣтней женщины за семнадцатилѣтнюю дѣвушку. Оно дало много правъ Валентинѣ на его дружбу и въ одно мгновеніе установились между ними самыя искреннія отношенія.

— Я довольно пожилъ, Валентина Федоровна, сказалъ Мухрановъ,—и теперь никому дороги не перебиваю, но мнѣ дорого все то что я любилъ; вотъ почему я иногда вмѣшиваюсь не въ свое дѣло, какъ вы могли замѣтить и вчера и сегодня.

Валентина протянула ему руку.

— Да, сказалъ Мухрановъ,—я остался въ дружескихъ отношеніяхъ со всѣми женщинами, къ которымъ я былъ привязанъ... за исключеніемъ одной (это былъ первой его намекъ на жену), и вы не повѣрите, какъ я дорожу этими отношеніями.

— Это даетъ выгодное мнѣніе о женщинахъ, къ которымъ вы были привязаны, замѣтила Валентина.

Прощаясь съ нею, Мухрановъ просилъ позволеніе пріѣхать къ ней на слѣдующій день.

— И завтра, и когда хотите, сказала Валентина.—Только завтрашнимъ утромъ я располагать не могу.

— И дружбой нашей не придется намъ пожертвовать? спросилъ Мухрановъ понизивъ голосъ.

— Не бойтесь, сказала Валентина, и крѣпко пожала ему руку.

Послѣ отъѣзда Мухранова она сѣла за свой писменный столъ и написала къ Трамону, что на слѣдующій день она все утро будетъ дома и можетъ его принять.

IX.

Валентина хотѣла, чтобъ ея свиданіе съ Трамонинымъ было послѣднимъ, рѣшительнымъ свиданіемъ. Она боялась, что ей измѣнять силы, если ей не сразу удастся одержать печальную побѣду, которую она заранѣе оплакала...

Нужно было вызвать Бориса Павловича на объясненіе.

Валентина думала, искала, и не придумала, не нашла ничего, и рѣшилась выждать и воспользоваться первымъ удобнымъ оборотомъ разговора.

Около 12 часовъ раздался звонокъ въ передней; это былъ Трамонинъ. Молодая женщина вздрогнула, и тутъ въ ея головѣ мелькнула внезапная мысль.

Она схватила книгу и раскрыла ее; это былъ романъ Жоржъ Санда.

„Вотъ оно! вотъ что неизбежно поведетъ къ объясненію,“ подумала Валентина.

Трамонинъ вошелъ... Ея робость исчезла; она храбро держала книгу въ рукахъ и, отвѣчая на предварительныя освѣщенія о здоровьи, дождалась неизбежнаго вопроса:

— Что это вы читаете?

— Жоржъ Санда, отвѣчала она, и подала книгу Трамону.

— *Léon et Léoni!* прочелъ въ слухъ Борисъ Павловичъ, и холодно прибавилъ, закрывъ книгу:—это одна изъ самыхъ опасныхъ и безвѣстныхъ ея бредней.

— Это одинъ изъ моихъ любимыхъ романовъ, отвѣчала Валентина.—Выше его я ставлю... И она съ какимъ-то азартомъ называла тѣ именно романы, которые должны были возбуждать особенную ненависть Бориса Павловича.

— Хороши! хороши!—ничего сказать, проговорилъ онъ.

Но провія ему не удавалась; онъ потеръ себѣ руки, спокойно повертѣлся на стулѣ и перешелъ въ другой токъ.

— Полноте, Валентина Фодоровна! Что за шутки въ самомъ дѣлѣ! Ужели вы воображаете, что я повѣрю вашему

сочувствію къ этимъ возмутительнымъ книгамъ и къ безыдней женщиной, которая ихъ писала.

— Я не боюсь заступаться за эту женщину, которую такъ охотно осуждаютъ, отвѣчала Валентина, съ жаромъ. — Я вѣрю, что ея заблужденія были искренни; а если даже и вѣтъ, то кто намъ далъ право ее проклинать? Если вы считаете себя безупречнымъ, бросайте въ нее камень, но я отъ этого отказываюсь. Меня съ молодыхъ лѣтъ не щадил чужой деспотизмъ, онъ отъ меня требовалъ неслыханныхъ добродѣтелей.. и ненависть моя къ нему высказывается теперь въ безпредѣльной, можетъ-быть, и преступной снисходительности къ людямъ порочнымъ и слабымъ, которыхъ съ такимъ ожесточеніемъ преслѣдуютъ люди безупречные....

— Боже мой! воскликнулъ Трамонинъ:—я ли это слышу? вы ли говорите? Вотъ они плоды!... Да будетъ проклята та беззавѣстная школа, которая заронила въ васъ тлетворныя понятія!

Негодование и отчаяніе придали ему геркулесовскую силу: онъ схватилъ книгу и разорвалъ ее на-двое.

— Бѣдная моя книга! съ усмѣшкой проговорила Валентина.

— Валентина Федоровна, сказалъ Трамонинъ, подойдя къ ней и остановившись противъ нея,—откажитесь отъ вашихъ словъ. Вы понимаете, вѣдь вы понимаете, что это одні брѣдны, клевета на ваши собственные чувства. Будто я васъ не знаю! Не могу же я повѣрить, что нечистая сила вдругъ овладѣла вашею чистою душой! Ради Бога, скажите слово.

И тридцатилѣтній юноша взглянулъ на нее съ такимъ выраженіемъ любви и горя, что Валентина, обезоруженная, испугалась своей собственной храбрости.... Борисъ Павловичъ, напрасно ждавшій отвѣта, неловко и робко подошелъ къ Валентинѣ.. У нея замерло сердце, и руки похолодали.

— Валентина Федоровна, началъ онъ нетвердымъ голосомъ,—я не знаю, не могу понять что васъ заставляетъ говорить такъ какъ вы говорили.... Но вѣдь вы ничему этому не вѣрите, не правда ли? Зачѣмъ же говорить въ такомъ случаѣ? Слушаешь васъ, и становится до смерти больно, и страшно за васъ.

„Боже мой! пошли мнѣ силы!“ подумала Валентина, чув-

ствую, что обаяніе этой свѣжей любви можетъ поколебать всю ея твердость.

— Это все не ваше, продолжалъ онъ.— Не смущайте меня, не мучьте меня, Валентина Федоровна. Развѣ вы сами не видите?... (Онъ все болѣе и болѣе путался). Я бы вамъ сказаъ... ну, что прикажите дѣлать?... не могу! за-ключаю онъ, опустивъ голову на руки.

— Борисъ Павловичъ, я вамъ боюсь, я не стою вашей привязанности, проговорила Валентина.

— Что это за пустое слово, вы сказали! Ужь это мое дѣло знать стдите ли вы. Вотъ третій день какъ я брожу около вашего дома и не знаю на что рѣшиться, какъ приступить къ вамъ. Страшно! Кажется, отъ васъ зависитъ и судьба моя.... и все....

Онъ говорилъ съ усиліемъ не находя словъ, ему какъ будто переставалъ виноваться собственный языкъ. Ничего подобнаго онъ не испытывалъ на Севастопольскихъ батареяхъ.

— Поцадите и себя и меня, сказала Валентина:— развѣ вы не видите?..

— Чтò, чтò? говорите Валентина Федоровна.

— Развѣ вы не видите, что мы уже теперь не понимаемъ другъ друга. Какое счастье ожидаетъ насъ въ будущемъ?

Трамоиивъ задумчиво прошелся по комнатѣ, и остановился у открытаго окна. Свѣжій осенній воздухъ освѣжилъ его.

— Счастье вашей будущей жизни, сказаъ онъ,—это ужъ не ваша забота. Васъ можно спасти, направить на другую дорогу. Вы съ нею сбились случайно, подъ чужимъ вліаніемъ...

Валентина пожала плечами.

— Борисъ Павловичъ, если вы ужъ думаете, что я такъ доступна чужому вліанію, кто мѣшалъ вамъ взять вліаніе надо мною? На это требуется не много времени, повѣрьте, но дается не всякому. Это часто дается людямъ, которые не стоятъ вашего мезинца, и дается безъ наставленій и усилій... Почему же ваше вліаніе не пересилило другаго... пагубнаго?.. Надъ этимъ стоить подумать... потомъ...— Она на минуту остановилась.— Потомъ... у васъ семейство, къ которому вы безусловно привязаны.

— Въ моемъ семействѣ, вы будете приняты какъ дочь,

съ жаромъ подхватилъ Трамовинъ, — мать моя... развѣ вы думаете, что я къ вамъ явился безъ ея благословенія? Мать моя, это такое примиряющее существо! Она такъ умѣетъ облегчить своимъ дѣтямъ выполненіе ихъ обязанностей, что намъ нѣтъ никакой заслуги выполнять ихъ. Да, мы къ ней привязаны *безусловно*, какъ вы сказали, и вы къ ней приважитесь. Точно, вашъ новый образъ мыслей будетъ не по ней. Но онъ не устоитъ, вѣрьте мнѣ... скажу вамъ правду, я крѣпко рассчитываю именно на вліяніе моей матери; она...

— Постоите, Борисъ Павловичъ, перебила Валентина, которую эти слова задѣли заживое, — и я скажу вамъ правду: ваша мать со мной не сладить; каковы бы не были мой характеръ, мой попятія, я ими ни кому не пожертвую... скажу болѣе, я не умѣю оцѣнить вашей матери.

— Вы? возразилъ Трамовинъ. — Знаете ли что вы еще не сказали слова болѣе оскорбительнаго и для себя, и для меня. И съ какихъ это поръ вы такъ думаете? Что могло измѣнить ваше мнѣніе о моей матери?

— Выѣствъ намъ будетъ тѣсно. Она это сама знаетъ; будьте искренни, Борисъ Павловичъ, не съ разу она васъ благословила на бракъ, не правда ли? А сестра ваша? Она безупречна, я этого не отрицаю, но видите ли, мнѣ бы легче было съ ней ужиться, еслибы въ ней были недостатки. Она бы меня не напугала своими взыскательными совершенствами! Э! Боже мой! если нужна особенная душевная чистота, чтобы не требовать отъ жизни никакихъ радостей, кромѣ уженья рыбы съ какою-нибудь Палагеей Семеновной или Палагеей Никаноровной, зачѣмъ же свысока смотрѣть на тѣхъ, которые не умѣютъ этимъ довольствоваться?

— Говорите обо мнѣ, что вамъ угодно, Валентина Федоровна, надменно отвѣчалъ Трамовинъ, — но пощадите людей, которые мнѣ дороже всего на свѣтѣ.

— Вотъ оно, главное препятствіе нашему счастью! отвѣчала Валентина. — Я не хотѣла васъ обидѣть, Борисъ Павловичъ. Одно изъ двухъ: или мое присутствіе внесетъ раздоръ въ ваше семейство, или я буду пожертвована его спокойствію. Борисъ Павловичъ, мы разстанемся теперь, и намъ будетъ тяжело; но подумайте, каково бы намъ было,

еслибы мы слышкомъ поздно догадались, что намъ сѣдвало растаться?

Но Трамовицъ уже не слушалъ и, закрывъ лицо руками, плакалъ.

При видѣ этого искреннаго отчаянiя, Валентина едва удержалась отъ невольнаго порыва. Одно слово Бориса Павловича заставило бы ее подойти къ нему и поднять его сокрушенную голову... Но его неопытность выручила молодую женщину: онъ не подумалъ воспользоваться удобною минутой, и даже устыдился своихъ слезъ; онъ вспомнилъ о своей спартавской матери, и капля ея крови размыглась въ немъ.

— Ну такъ разстанемтесь, сказалъ онъ, подвигаясь съ мѣста, онъ всплеснувъ руками: — но почему вы мнѣ просто не сказали: я васъ не люблю, я не хочу быть вашей женой... мнѣ бы было тысячу разъ легче. Зачѣмъ вы мнѣ разбили сердце, доказывая, что я любилъ не васъ, а идеалъ созданный моимъ воображенiемъ? И кто же изъ насъ тутъ виноватъ: я ли въ васъ жестоко ошибался? вы ли меня обманывали?

Эти слова глубоко оскорбили Валентину. Она гордо подняла голову и холоднымъ взглядомъ окинула Трамовица:

— Я никого не обманывала, Борисъ Павловичъ, я честно поступила съ вами, и тѣмъ хуже для васъ если вы этого не поняли. Несмотря на вашу нравственную высоту, вы не поймете многого: вы вѣкъ свой будете преслѣдывать мертвые идеалы...

Но ей вдругъ стало до смерти его жаль, и она сказала уже другимъ тономъ:

— Послушайте: судьба спасла насъ обоихъ. Еслибъ я была моложе, у меня бы достало силъ жертвовать собою — вытерпѣть то, что я уже вытерпѣла въ молодости...

— Какъ? воскликнулъ Трамовицъ; — вы допускаете, что для васъ повторилась бы тѣ же самыя испытанiя?

— О! я знаю вамъ цѣну и не сравниваю васъ съ тѣми, которые отравили мнѣ жизнь. Но деспотизмъ честнаго принципа также можетъ быть тягостенъ. А я, Борисъ Павловичъ, устарѣла для борьбы: она бы меня убила, она бы скоро убила и любовь мою къ вамъ. Свобода и покой, вотъ что мнѣ нужно, вотъ что мнѣ дорого теперь.

— Но безъ душевной чистоты невозможенъ ли покой? воскликнулъ Трамонинъ.

— Борисъ Павловичъ, будетъ намъ мучить другъ друга, перебила Валентина. — Оставьте меня, а васъ прошу, повторила она умоляющимъ голосомъ.

— Прощайте, Валентина Федоровна, сказалъ Трамонинъ и прибавилъ, отчаянно махнувъ рукой. — Богъ съ вами! Горько переживать такія испытанія!

Онъ вышелъ и не слышалъ рыданій Валентины.

„Я его не увижу, ужели я никогда болѣе не увижу его?“ думала она. „И какъ онъ скоро повиновался!“

Встрѣча съ такимъ человѣкомъ не обошлась ей даромъ, и долго преслѣдовалъ ее образъ Трамонина, и казалось ей, что она покончила съ жизнію. Но время взяло свое и доказало ей, что въ тридцать лѣтъ еще рано умирать.

ОЛЬГА N°.

ЗАНЯТІЯ ПУШКИНА

КЪ МАТЕРІЯЛАМЪ ДЛЯ ЕГО БІОГРАФІИ.

Исторія Пугачевского бунта была издана Пушкинымъ въ концѣ 1835 года съ предисловіемъ, которое помѣчено: „2 ноября 1833 г. Село Болдино.“¹

Въ этомъ предисловіи онъ говоритъ, что сверхъ официальныхъ документовъ обнародованныхъ правительствомъ и извѣстій иностранныхъ писателей, онъ пользовался нѣкоторыми рукописями, преданіями и свидѣтельствомъ живыхъ.

Далѣе, изъ этого же предисловія видно, что дѣло о Пугачевѣ осталось тогда неразпечатаннымъ. Пушкинъ прямо упоминаетъ о томъ и изъявляетъ надежду, что будущій историкъ, которому позволено будетъ распечатать дѣло о Пугачевѣ, легко исправитъ и дополнитъ его трудъ.

¹ Объявленіе о продажѣ ея помѣчено въ фельетонѣ *Сѣверной Пчелы* 29 декабря 1834 № 296. Цѣна книги была 20 р., а съ пересылкою 22 р. (ассигн.). Рукопись этого сочиненія, составляющая толстую листовую тетрадь, но только отчасти писанная самимъ Пушкинымъ, хранится нынѣ въ Императорской Публичной Библиотекѣ. Предисловіе переписано рукой товарища Пушкина по лицу, М. Л. Яковлева. Между приложениями сшиты печатные листы изъ книги: *Записки о бытѣ и службѣ Бибикова*.

Какими же рукописями пользовался Пушкин? Въ своемъ возраженіи на критику Броневскаго, напечатанную въ *Сынъ Отечества*, онъ говоритъ: „я прочелъ со вниманіемъ все что было напечатано о Пугачевѣ, и сверхъ того 18 толстыхъ томовъ in folio разныхъ рукописей, указовъ, доисесій и пр.“

Въ матеріалахъ для біографіи Пушкина, изданныхъ г. Авенковомъ (стр. 360), сказано, что онъ получилъ право своситься съ С.-Петербургскимъ архивомъ инспекторскаго департамента и съ Московскимъ отдѣленіемъ его; что вмѣстѣ съ тѣмъ ему открытъ былъ главный Московскій архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, которому посвятилъ онъ нѣсколько мѣсяцевъ 1836 г., и что съ сокровищами государственнаго архива онъ ознакомился подъ руководствомъ и наблюденіемъ графа Д. Н. Блудова. Въ этихъ указаніяхъ не довольно точно обозначены эпохи и цѣли заятія Пушкіна въ разныхъ архивахъ.

Главными и почти единственными рукописными источниками при этомъ трудѣ служили ему документы хранящіеся въ архивѣ инспекторскаго департамента военнаго министерства, частью въ С.-Петербургѣ, частью въ Москвѣ¹. Они состоятъ большею частію въ перепискѣ военной коллегіи съ мѣстными начальниками, въ бумагахъ касающихся преимущественно численнаго состава и передвиженія войскъ, въ манифестахъ Пугачева и допросахъ нѣкоторымъ изъ его сообщниковъ. Притомъ, въ этихъ книгахъ болѣе обильныя матеріалы относятся только къ первой половинѣ бунта, которая потому и разработана у Пушкина съ большею полнотою и точностію нежели послѣдняя половина,—періодъ назначенія Панина, преслѣдованія Пугачева Михельсовомъ, поимки самозванца, сабдствія и суда надъ нимъ. Вотъ почему и изъ документовъ этой второй эпохи Пушкинъ не напечаталъ почти ничего въ приложеніяхъ къ своей книгѣ.

Въ возраженіяхъ на критику Броневскаго онъ говоритъ, что имѣлъ намѣреніе приготовить второе, болѣе совершенное изданіе своего труда. „Я собирался,“ сказано въ самомъ

¹ По благосклонному распоряженію г. военнаго министра, я имѣлъ въ рукахъ двѣ толстыя переплетенныя книги здѣшняго архива инспекторскаго департамента, которыми пользовался Пушкинъ.

началъ этой антикритики: „при другомъ изданіи исправить замѣченныя погрѣшности“... Вотъ почему уже вскорѣ послѣ напечатанія исторіи Пугачевского бунта Пушкинъ, конечно, побуждаемый критикою, сталъ искать новыхъ матеріаловъ для изученія этой эпохи. Между прочимъ, зная объ участіи Державина въ дѣйствіяхъ противъ Пугачева, онъ обращался къ родственникамъ поэта съ просьбою позволить ему пресмотрѣть записки, а можетъ-быть и другія бумаги покойнаго относящіяся къ Пугачевщину. Объ этомъ свидѣлствуютъ слѣдующія строки изъ письма вдовы Державина Дарьи Алексѣевны къ К. М. Бороздину, отъ 28 іюля 1834, изъ села Званки: „Благодарю тебя, душа моя Константина Матѣевичъ, за увѣдомленіе въ разсужденіи моей бумаги. И я твоихъ же мыслей—оставить оное до моего возвращенія, тѣмъ болѣе что она бумага и переписана въ скорости быть не можетъ. Итакъ скажи, душа моя, объ этомъ Леониду ¹, дабы онъ извинился передъ Пушкинымъ и сказалъ бы ему, что прежде моего прѣвада удовлетворить его нельзя по причинѣ той, что она бумага не одно Пугачевское дѣло въ себѣ заключаетъ, слѣдственно посему надо прежде оную разсмотрѣть, а безъ себя оное мнѣ сдѣлать не возможно“. Вѣроятно, и по возвращеніи Дарьи Алексѣевны въ городъ, бумаги ея мужа не были доставлены Пушкину: по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ данныхъ для предположенія, чтобъ онъ былъ въ рукахъ его.

Счастливей былъ онъ въ своихъ стараніяхъ найти доступъ къ актамъ государственнаго архива. Здѣсь кстати прослѣдимъ весь ходъ дѣла по допущенію его къ разнымъ хранящимся этого рода ².

23 іюля 1831 года графъ Бенкендорфъ, во высочайшему повелѣнію, увѣдомилъ графа Нессельроде, чтобъ онъ опредѣлилъ въ коллегію иностранныхъ дѣлъ „извѣстнаго нашего

¹ Леониду Николаевичу Львову, племяннику Державина по жент. Бороздинъ былъ жемать на сестрѣ этого Львова, Праскояѣ Николаевнѣ.

² Указаніемъ любопытной переписки относительно бумагъ государственнаго архива, обязанъ я П. П. Пекарскому. Пользуюсь этимъ случаемъ для публичнаго изъявленія моей искренней признательности, какъ г. управляющему архивомъ Ф. И. Гильфердингу, такъ и архивариусамъ: вышнему, уже названному мною, и преждему, В. И. Ламанскому, за истинно просвѣщенную, предупредительную готовность, съ которою онъ содѣйствовалъ моимъ заятіямъ въ архивъ.

поста *титулярнаго совѣтника* Пушкіна съ дозволеніемъ отыскивать въ архивахъ матеріалы для исторіи Петра I. Къ этому Бенкендорфъ присоединилъ свою просьбу назначить Пушкіну жалованье.

Въ этой бумагѣ чинъ Пушкіна означенъ былъ ошибочно. Въ запискѣ, представленной государю 12 января 1832 г., графъ Нессельроде, докладывая, что во исполненіе высочайшей воли, *коллежскій секретарь* Пушкінъ опредѣленъ въ коллегію и потомъ пожалованъ въ титулярные совѣтники, испрашивалъ благоугодно ли, чтобъ ему открыты были и всѣ секретныя бумаги, какъ-то: о первой супругѣ Петра, о царевичѣ Алексѣѣ, также дѣла бывшей тайной канцеляріи.

Государь рѣшилъ этотъ вопросъ тѣмъ, чтобы секретныя бумаги были открыты Пушкіну не иначе какъ по назначенію графа Блудова ¹. вмѣстѣ съ тѣмъ повелѣно было, чтобы Пушкінъ прочтеніемъ дѣлъ и составленіемъ изъ нихъ выписокъ занимался въ коллегіи, и ни подъ какимъ видомъ не бралъ вообще въѣрваемыхъ ему бумагъ къ себѣ на домъ. Объ этомъ Нессельроде уведомилъ графа Дмитрія Николаевича 15 января, черезъ три дня послѣ доклада.

Между тѣмъ Пушкінъ возымѣлъ мысль написать исторію Суворова, и въ началѣ 1833 г. возникаетъ, вслѣдствіе этого, переписка по военному министерству ². 8 февраля того же года, графъ А. И. Чернышевъ, вѣроятно по поводу личнаго объясненія, просилъ его „уведомить, какія именно свѣдѣнія нужно будетъ ему получить“ изъ этого министерства для оказанной цѣли. „Привожу вашему сіятельству,“ отвѣчалъ Пушкінъ, „искреннѣйшую благодарность за вниманіе оказанное къ моей просьбѣ. Слѣдующія документы, касающіеся исторіи графа Суворова, должны находиться въ архивахъ главнаго штаба:

- 1) Слѣдственное дѣло о Пугачевѣ.
- 2) Домесенія графа Суворова во время кампаніи 1794 г.
- 3) Домесенія его 1799 г.

¹ Съ 1832 года министра внутреннихъ дѣлъ, а передъ тѣмъ товарища министра народнаго просвѣщенія и пр.

² Возможною сообщитъ содержаніе этой переписки обязанъ я внимательности г. начальника архива инспекторскаго департамента, А. Г. Иванова, которому и привожу также мою искреннюю признательность.

4) Приказы его къ войскамъ.

„Буду ожидать отъ вашего сіятельства позволенія пользоваться сими драгоценными матеріалами“. (Письмо ошибочно помѣчено 7 февраля, вѣроятно вмѣсто 9).

Означенныхъ тутъ двѣхъ въ здѣшнемъ архивѣ инспекторскаго департамента не оказалось, и потому о нихъ тотчасъ же написано въ московское отдѣленіе архива, а между тѣмъ къ Пушкину отправлены 25 февраля, при отношеніи военнаго министра въ третьемъ лицѣ¹, отысканными здѣсь три книги, изъ которыхъ двѣ уже обозначены мною выше, а третья содержитъ письма и донесенія Суворова за 1789, 90 и 91 года.

Вскорѣ были присланы изъ Москвы донесенія Суворова во время компаній 1794, 99 и частью 1800 года, а также реляціи его за два послѣдніе года. 8 марта эти матеріалы были препровождены къ Пушкину опять при такой же бумагѣ военнаго министра, съ увѣдомленіемъ, что приказъ Суворова къ войскамъ и свидѣннаго дѣла о Пугачевѣ не находится и въ московскомъ отдѣленіи архива.

Пушкинъ въ тотъ же день отвѣчалъ графу Чернышеву.

„Доставленные мнѣ, по приказанію вашего сіятельства, изъ московскаго отдѣленія инспекторскаго архива книги получить имѣлъ я честь. Привося вашему сіятельству глубочайшую мою благодарность, осмѣливаюсь безпокоить васъ еще одною просьбою: благосклонность и просвѣщенная снисходительность вашего сіятельства совсѣмъ избавили меня.

„Въ бумагахъ касательно Пугачева, полученныхъ мною предъ симъ, извѣстія о немъ доведены тожко до назначенія генералъ-аншефа Бибикова, но донесеній сего генерала въ военную коллегію, также какъ и рапортовъ князя Голицына, Михельсона и самого Суворова, тутъ не находится. Если угодно будетъ его сіятельству оныя донесенія и рапорты (съ января 1776 г. по конецъ того же года)

¹ „Его благородію А. С. Пушкину. Военный министр, препровождая присланныя къ А. С. Пушкину три книги“ и проч. Отъсылки съ этого и другихъ отоменій къ Пушкину засвидѣтельствованы служившимъ, тогда въ военномъ министерствѣ М. Д. Деларю, также бывшемъ лацейскимъ воспитателемъ и поэтомъ. Извѣстно, какъ онъ пострадалъ, чрезъ нѣсколько времени за переводъ весьма нелицкихъ стиховъ В. Гюго, начатыхъ въ Библии для Чтенія.

приказать мнѣ доставить, то почту сіе за истинное мнѣ благодаріе.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ, преданностію и благодарностію честь имѣю быть“ и проч.

Всѣдствіе этого письма, были вытребованы изъ Москвы и доставлены Пушкину (29 марта) рапорты Бибикова, князя Голицына и Суворова за 1774 годъ; рапортовъ же Михельсона въ двѣяхъ военнаго министерства не оказалось.

Бумаги, полученныя Пушкинымъ изъ этого вѣдомства и составлявшія двѣнадцать книгъ, оставались у него почти до конца 1835 г., то-есть еще годъ послѣ изданія сочиненія его о Пугачевскомъ бунтѣ. Въ сентябрѣ этого года, дежурный генералъ главнаго штаба, графъ П. А. Клейнмихель, потребовалъ ихъ обратно, такъ какъ въ нихъ встрѣчалась по инспекторскому департаменту надобность; Пушкину же онѣ, вѣроятно, болѣе не были нужны.

Пушкинъ въ то время находился въ Михайловскомъ. Пріѣхавъ оттуда, онъ успѣшилъ исполнить это требованіе, и 19 ноября написалъ къ генералу Клейнмихелю слѣдующее письмо:

„Возвратясь изъ путешествія, нашелъ я предписаніе вашего высокопревосходительства, коему и успѣшилъ повиноваться. Книги и бумаги, коими пользовался я по благосклонности его сіятельства графа Чернышева, возвращены мною въ военное министерство.

„Обращаюсь къ вашему высокопревосходительству съ покорнѣйшею просьбою: въ главномъ штабѣ находится одна, мнѣ еще неизвѣстная книга, содержащая послѣднія письма и дописанія генерала Бибикова (1774 г.). Мнѣ было бы необходимо справиться съ сими документами: осмѣиваюсь просить на то соизволенія вашего высокопревосходительства.

„Съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть“, и проч.

По приказанію генерала Клейнмихеля, въ архивѣ инспекторскаго департамента наведена была справка объ упомянутой Пушкинымъ книгѣ; но оказалось, что тамъ ея нѣтъ, и что она находится въ архивѣ генеральнаго штаба (собственно военно-топографическаго депо). Генералъ

Клейнмихель коротко отвѣчалъ Пушкину 29 января ¹ 1836 года, что книги, которой онъ просить, „ни въ здѣшнемъ, ни въ московскомъ архивѣ инспекторскаго департамента нѣтъ.“ Такимъ образомъ Пушкинъ, адресовавшись не туда, куда слѣдовало, не ознакомился съ книгой, которая дѣйствительно находится въ архивѣ военно-топографическаго депо ², и этимъ кончилась переписка его съ военнымъ министерствомъ.

Переписка о дозволеніи пользоваться государственнымъ архивомъ для исторіи Пугачевского бунта началась не прежде 1835 года, то-есть уже послѣ изданія книги по этому предмету. 2 февраля графъ Бенкендорфъ сообщилъ Д. В. Дашкову, какъ министру юстиціи, высочайшее повелѣніе о допущеніи камеръ-юнкера Пушкина въ сенатскій архивъ, для прочтенія дѣла о Пугачевскомъ бунтѣ и составленія изъ него выписки.

Въ то время существовала временная коммиссія для разбора дѣлъ сенатскаго архива, и такъ какъ на основаніи правилъ данныхъ въ руководство этой коммиссіи, Пугачевское дѣло, какъ секретное, подлежало передачѣ въ государственный архивъ министерства иностранныхъ дѣлъ, то Дашковъ испрашивалъ высочайшаго разрѣшенія, какъ ему поступить относительно Пушкина. Государь приказалъ дѣло о Пугачевскомъ бунтѣ въ восьми запечатанныхъ пакетахъ передать въ государственный архивъ, и о допущеніи туда Пушкина увѣдомить графа Нессельроде, которому Дашковъ и сообщилъ объ этомъ 21 февраля.

Затѣмъ, конечно по соглашенію между обоими министерствами, дѣло о Пугачевѣ изъ сената доставлено было прямо къ Пушкину. Распечатавъ восемь связокъ, въ которыхъ оно заключалось, онъ не нашелъ въ нихъ главнѣйшаго, по его словамъ, документа,—допроса снятаго съ Пугачева въ Москвѣ. Поэтому Пушкинъ, письмомъ 28 августа того же года, просилъ завѣдывавшаго тогда государственнымъ архивомъ Василія Алексѣевича Полѣнова, свестись о томъ съ начальникомъ архива Московскаго, А. Θ. Малиновскимъ,

¹ Роковой день кончины Пушкина въ слѣдующемъ году.

² См. статью мою: „*Матеріалы для исторіи Пугачевского бунта*“ во 2-й кн. *Записокъ Академіи Наукъ* за нынѣшній годъ.

которому вѣроятно извѣстно, гдѣ находится сей документъ.

Желаніе Пушкина было исполнено, хотя и не скоро. 20 сентября К. К. Родофикииъ писалъ къ Малиновскому по этому предмету. Малиновскій отвѣчалъ, что въ Московскій архивъ никакихъ официальныхъ бумагъ о Пугачевѣ не поступало, но что въ архивской библіотекѣ находятся собранные privately его предметниками, Миллеромъ и Бантышъ-Каменскимъ, современные матеріалы: изъ портфеля Миллера шесть такихъ тетрадей, и томъ in-folio разныхъ бумагъ, внесенный въ архивъ Бантышъ-Каменскимъ въ 1808 году. Эти матеріалы были препровождены въ здѣшній государственный архивъ, и конечно сообщены Пушкину.

По смерти его, графъ Бенкендорфъ, отношеніемъ 6 февраля 1837 г., просилъ графа Нессельроде доставить вѣдомость о томъ бумагамъ изъ разныхъ архивовъ, которыя были выданы Пушкину чрезъ министра иностранныхъ дѣлъ. Нессельроде отвѣчалъ, что Пушкинъ занимался бумагами архивовъ въ самомъ домѣ министерства, для чего отведена была особая комната, и возвращалъ дѣла по мѣрѣ ихъ прочитыванія; невозвращенною же осталась только рукопись сочиненія Корба, которую графъ и просилъ доставить. За болѣзнію Бенкендорфа, Дубельтъ увѣдомилъ 24 марта, что между книгами и бумагами покойнаго поэта, рукопись Корба не оказалась, и что онъ просилъ Жуковскаго возвратить эту рукопись, если она въ послѣдствіи отыщется.

Изъ всѣхъ этихъ свѣщеній видно, какъ серьезно нашъ гениальный писатель смотрѣлъ на предпринятый имъ трудъ, и какъ дѣятельно заботился объ усовершенствованіи его. Но начавъ вскорѣ издавать журналъ, онъ не успѣлъ уже заняться разработкою новыхъ матеріаловъ, и самъ сомнѣвался въ возможности передѣлать свою книгу, это видно изъ словъ той же антикритики, напечатанной въ 3-мъ томѣ *Современника* 1836 г. Пушкинъ тутъ говорить, что онъ рѣшился отвѣчать Броневскому, „тѣмъ болѣе что *Исторія Пугачевского бунта*, не имѣвъ въ публикѣ никакого успѣха, вѣроятно не будетъ имѣть и втораго изданія“. Можно однакожь полагать, что такой строгій къ самому себѣ писатель какъ Пушкинъ рано или поздно

возвратился бы къ своему труду, еслибы не постигла равная смерть его; но какъ бы то ни было, *Исторія Пугачевского бунта* осталась въ своемъ первоначальномъ видѣ. Недостатокъ знакомства съ самыми важными источниками не могъ не отразиться на этомъ сочиненіи, и надобно еще удивляться *относительному* обилію вѣрныхъ и точныхъ свѣдѣній собранныхъ Пушкинымъ, если вспомнимъ какъ мало времени онъ употребилъ на всю эту работу, и какъ мало имѣлъ навыка въ историческихъ изслѣдованіяхъ. Впрочемъ иногда замѣтно, что онъ не вполнѣ пользовался и тѣми матеріалами, какіе были въ рукахъ его, и довольствовался легкими, хотя и мастерскими очерками, когда можно было развить предметъ съ большою подробностью. Даже нѣкоторые изъ документовъ имъ самимъ напечатанныхъ остались у него какъ будто безъ приложенія къ дѣлу.

По словамъ самого Пушкина (въ отвѣтъ Броневскому), онъ посвятилъ два года, то-есть 1833 и 1834, на составленіе *Исторіи Пугачевского бунта*. Прямая въ расчетъ другіе труды, которые занимали его въ то же время, мы должны значительно сократить этотъ срокъ. Вѣроятно первый томъ, въ которомъ самый текстъ состоитъ только изъ 168 страницъ, довольно разгонистой печати, былъ законченъ уже въ 1833 г., на что указываетъ и предисловіе, почтенное 2-мъ ноября этого года. Въ 1834 же происходило печатаніе какъ этого тома, такъ и втораго, содержащаго одинъ приложенія.

Я уже сказалъ, что въ этихъ приложеніяхъ заключаются почти одни извлечения изъ дѣлъ инспекторскаго департамента. О какихъ же 18 толстыхъ томахъ in-folio Пушкинъ въ отвѣтъ Броневскому говорить, что прочелъ изъ со вниманіемъ? Не надо забывать, что этотъ отвѣтъ писалъ былъ уже спустя по крайней мѣрѣ полтора года послѣ появленія *Исторіи Пугачевского бунта*. Пушкинъ говорить тутъ не объ однихъ бумагахъ прочитанныхъ до напечатанія этого труда, но и о тѣхъ, которыя онъ имѣлъ въ рукахъ уже послѣ, когда задумывалъ второе изданіе книги. Позъ этими 18 томами слѣдуетъ разумѣть, вопервыхъ, 2 тома изъ петербургскаго архива инспекторскаго департамента, и 8 книгъ изъ московскаго отдѣленія этого архива;

восторныхъ, 8 связокъ, въ послѣдствіи доставленныхъ Пушкину изъ сената, и имъ распечатанныхъ.

Изъ словъ самого Пушкина въ его антикритикѣ, видно, что онъ придавалъ особенную цѣну второму тому своей книги. „Взглянувъ, говоритъ онъ, на приложения къ *Исторіи Пугачевского бунта*, составляющія весь второй томъ, всякій легко удостовѣрится во множествѣ важныхъ историческихъ документовъ, въ первый разъ обнародованныхъ ¹... Признаюсь, я полагалъ себя въ правѣ ожидать отъ публики благосклоннаго приѣма, конечно не за самую *Исторію Пугачевского бунта*, но за историческія сокровища, къ ней приложенныя.“ Сверхъ этихъ документовъ, Пушкинъ приложилъ къ своему труду карту и именной указатель. Нельзя не пожалѣть, что по сіе время издатели сочиненій Пушкина, послѣ его смерти, не напечатали вновь этихъ двухъ важныхъ пособій къ *Исторіи Пугачевского бунта*.

Я. ГРОТЪ.

¹ Дополненія къ книгѣ, собраныя мною изъ разныхъ архивовъ, не читаются въ *Запискахъ Академіи Наукъ*. Изъ свидѣній представленныхъ здѣсь, объясняются, между прочимъ, и слова, до сихъ поръ мало помат-щія, въ предисловіи къ этой книгѣ: „Сей историческій отрывокъ составлялъ часть труда, мною оставленнаго“. Этими трудами была, какъ мы видѣли, задуманная поэма *Исторія Суворова*.

МУРИДИЗМЪ И ГАЗАВАТЪ

ВЪ

ДАГЕСТАНЪ,

ПО ОБЪЯСНЕНІЮ ШАМИЛЯ.

Намъ извѣстно, что съ самаго зарожденія въ Дагестанѣ „священной войны“, и до ея послѣдняго вздоха, въ 1859 году, Шамиль принималъ въ ней самое дѣятельное участіе.

Онъ былъ альфой и омегой дагеставскаго *газавата*. Отличаясь умомъ и высокою честностію, онъ конечно болѣе всѣхъ другихъ способенъ разъяснить ходъ этого дѣла.

Въ такомъ предположеніи, я убѣдилъ племянника разказать мнѣ все что знаетъ и помнитъ онъ о *газаватѣ*, начиная отъ зарожденія его въ Дагестанѣ, до того времени когда, вступивъ въ фазисъ полнаго развитія, онъ сталъ намъ извѣстенъ довольно подробно.

Приступая къ изложенію свѣдѣній сообщенныхъ Шамилемъ, я долженъ предварительно сказать, что они весьма во многомъ противорѣчатъ показаніямъ, которыя до этой поры были дѣлаемы писавшими о Кавказѣ. Свѣдѣнія сообщенныя Шамилемъ не во всемъ согласны даже съ тѣми свѣдѣніями, которыя сообщалъ публикѣ извѣстный намъ

ориенталистъ, профессоръ Казембекъ въ своемъ превосходномъ сочиненіи *Муридизмъ и Шамиль*, напечатанномъ въ декабрьской книжкѣ *Русскаго Слова* за 1859 годъ.

Это разногласіе заставило было меня усомниться въ непогрѣшимости фактовъ мною излагаемыхъ. Чтобы привести дѣло въ положительную извѣстность, я убѣдилъ Шамиля прослушать мою статью вторично, и кромѣ того сочиненія другихъ авторовъ по тому же предмету. По окончаніи чтенія, Шамиль сдѣлалъ такой отзывъ: *все, изложенное въ этой статьѣ относительно хода священной войны, относительно первоначальнаго появленія и развитія муридизма (ученія тарыката), и относительно настоящаго значенія этого ученія въ Дагестанѣ, совершенно вѣрно; много какого-либо смысла, или политическаго и воинственнаго характера ученіе это совсѣмъ не имѣло; онъ, Шамиль, никогда муридомъ не былъ, такъ же точно какъ и предшественникъ его, Гамзатъ-Бекъ, и т. д.*

Не приводя теперь всѣхъ подробностей этого удостовѣренія (онъ будетъ постепенно появляться въ самой статьѣ), упомяну еще объ одномъ указаніи, которымъ, кажется, объясняются эти противорѣчія.

Въ названной выше статьѣ г. Казембека: *Шамиль и Муридизмъ*, на страницахъ 202—203, между прочимъ сказано:

„Монашеское братство на мусульманскомъ востокѣ впервые носило имя муридовъ, и, кромѣ монашескаго сословія, были частные муриды: этихъ было числомъ гораздо болѣе. Люди, достигнувъ болѣе или менѣе высокаго значенія въ тарыкатѣ, и не принадлежа ни къ какому офиціальному ордену, имѣли муридовъ. Изъ числа этихъ духовныхъ, бухарскіе *имамы*, происходящіе преимущественно отъ имама Раббаки Шейхъ-Ахмеда, имѣли и нынѣ имѣютъ муридовъ во всемъ Туркистанѣ и въ мусульманской Індіи. Имамъ Сахибъ-заде-Гуфрануллахъ, около двадцати лѣтъ тому назадъ пріѣзжавшій къ русскому двору въ качествѣ посланника отъ хакандскаго хана, и нынѣ проживающій въ Бухарѣ, имѣетъ около 40.000 муридовъ въ Туркистанѣ и между русскими Татарами, которые его уважаютъ и почитаютъ искренно. Но въ этомъ муридизмѣ нѣтъ и тѣни злоумышленія: онъ основанъ на безвредныхъ и даже полезныхъ началахъ тарыката..“

По увѣренію Шамиля, ученіе тарыката перешедшее въ

началь нынѣшняго столѣтїа и въ Дагестанѣ, не имѣло ни въ основанїи своемъ, ни въ наружномъ проявленїи, и тѣмъ злоумышленїя, а напротивъ основано было именно на „полезныхъ“ началахъ.

Выступая въ настоящей статьѣ противъ утвердившихся въ публикѣ понятїй, я рѣшаюсь на этотъ важный шагъ по слѣдующимъ причинамъ: вопервыхъ, сообщаемая Шамилемъ подробности, открывая совершенно новую сторону дѣла, такъ важны для исторїи Кавказа, что уже по одному этому заслуживаютъ внимательнаго изслѣдованїя. Во вторыхъ, разногласїе, которое открывается чрезъ это въ показанїяхъ о муридизмѣ, выясняется, по вашему мнѣнїю, безъ особенной натяжки. Наконецъ, самъ Шамиль живетъ еще между нами, да и доступъ въ Дагестанъ, гдѣ ученїе тариката еще существуетъ, совсѣмъ не труденъ; а эти условїя даютъ полную возможность провѣрить излагаемыя здѣсь свѣдѣнїя.

Затѣмъ, мнѣ остается только принять на себя отвѣтственность въ правильной передачѣ сообщенныхъ Шамилемъ свѣдѣнїй, что я и дѣлаю очень охотно.

Деспотизмъ, вмѣстѣ съ рабствомъ, въ крови мусульманъ, и въѣлся въ ихъ кости. Всаывая съ молокомъ материневольницы рабство, мусульманинъ дѣлается, подобно отцу, деспотомъ для кружка подчиненнаго его влїянїю, и въ то же время остается рабомъ для каждаго, кто сильнѣе его. Мусульманскїя націи никогда не разчитываютъ на внутреннїя перемѣны: они только перемѣняютъ деспотовъ. Дорожа правомъ тираниї надъ меньшими, мусульманинъ охотно переноситъ тиранию старшаго деспота, и выходитъ изъ усыпленїя только въ то время, когда злоупотребленїе власти превзойдетъ всякую мѣру терпѣнїя.

Но это случается довольно рѣдко, потому что восточные властители тиранируютъ систематически, употребляя слишкомъ рѣзкія выходки только противъ отдѣльныхъ лицъ, и тщательнѣе избѣгая этого въ отношенїи къ массамъ, къ цѣлому обществу или къ большинству. Если же это и случится, то обыкновенно все дѣло кончается тѣмъ, что народъ перерѣжетъ старыхъ тирановъ, и поставитъ на ихъ мѣсто новыхъ, а затѣмъ успокоится, въ надеждѣ что

они, памятуя недавній урокъ, быть-можетъ и будутъ поддерживать себя въ продолженіи двухъ-трехъ поколѣній. У восточныхъ народовъ не существуетъ ни общества, ни общественнаго мнѣнія; поэтому въ нихъ не обнаруживается и стремленія къ внутреннимъ переѣмамъ въ установленномъ порядкѣ вещей. Если нѣкоторыя явленія въ ихъ жизни по видимому и свидѣтельствуютъ о подобномъ стремленіи, то они, за самыми рѣдкими исключеніями, клонятся не къ измѣненію стараго порядка, а напротивъ къ большому утвержденію или восстановленію его.

Нѣсколько съ инымъ смысломъ является эпизодъ въ жизни восточнаго Кавказа, извѣстный подъ именемъ *Газавата*, или „священной войны“. *Газаватъ* былъ попыткою къ капитальному перевороту въ жизни дагестанскихъ племенъ, и этотъ радикальный характеръ сообщало ему именно присутствіе въ немъ религіознаго элемента. Мусульмане сколько склонны къ деспотизму, столько же, если не болѣе, заражены фанатизмомъ. Такимъ образомъ, фанатизмъ способенъ возбудить въ нихъ стремленіе къ преобразованіямъ, котораго не въ состояніи вызвать иногда даже самая жестокая тиранія.

Чтобы выяснитъ начала *Газавата*, мы должны сперва сказать нѣсколько словъ о проповѣдникахъ и послѣдователяхъ муридизма въ Дагестанѣ, которымъ, судя по словамъ Шамиля, наши писатели приписываютъ значеніе со-вѣтъ имъ не принадлежащее.

По объясненію нашихъ ученыхъ, муридъ есть наставникъ въ правилахъ *тарыката*, или человекъ „указующій истинный путь“, а „муридъ“ есть человекъ желающій слѣдовать по этому пути.

Принимая дагестанскихъ муридовъ, въ этомъ смыслѣ ученые наши считаютъ ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, за воиновъ и распространителей *газавата*. По словамъ Шамиля, такое толкованіе совершенно ошибочно: оно смѣшиваетъ два рода муридовъ, между которыми собственно нѣтъ ничего общаго. Кромѣ муридовъ, послѣдователей извѣстнаго ученія (*тарыката*), или собственно такъ-называемыхъ „муридовъ *тарыката*“, въ Дагестанѣ, по словамъ Шамиля, были еще другіе муриды, *муриды наибскіе*, которые имѣли значеніе уже не „учениковъ“, а „исполнителей“, „приближенныхъ“, или „близкихъ людей“.

Муридомъ по *тарыкату* могъ въ Дагестанѣ сдѣлаться

всякій желающій, безъ различія возраста, состоянія и умственныхъ способностей. Онъ только долженъ былъ явиться къ проповѣднику *тарыката*, и объявить ему желаніе посвятить себя этой „науцѣ“. Отказа въ этихъ случаяхъ никогда не бывало: прозелитъ тотчасъ же получалъ оставленіе, какъ долженъ вести себя человекъ желающій удостоиться блаженства въ будущей жизни отреченіемъ отъ блеска и приманокъ настоящей, какія онъ долженъ читать книги, и даже на какія въ нихъ мѣста онъ долженъ обращать особенное свое вниманіе. Съ этой минуты онъ принималъ названіе мурида, и посвящалъ всю остальную жизнь изученію *тарыката*. Согласно съ настоящимъ смысломъ учекія, онъ разрывалъ всѣ свои связи съ вѣншаимъ міромъ; онъ удалялся отъ всего, что напоминало житейскую суету вообще, а войну въ особенности. Только изрѣдка являлся онъ къ своему учителю, для бесѣды и разъясненія представлявшихся ему недоразумѣній.

Понятно отсюда, что муридами *тарыката* дѣлались люди не столько храбрые, сколько набожные. По словамъ одного изъ членовъ Шамилева семейства изученіемъ *тарыката* въ Дагестанѣ занимались одни только лѣтяти, дармоуды и въ особенности трусы: люди другаго закала обыкновенно бросали *тарыкатъ*, и являлись въ рядахъ воиновъ, даже въ рядахъ наубскихъ муридовъ.

„Наубскій муридъ“ былъ человекъ совсѣмъ другаго рода. Званіе это могъ получить далеко не всякій желающій: необходимо было, чтобы наубъ зналъ его лично, или чтобы удостовѣреніе о немъ представило общество, къ которому онъ принадлежитъ. За то отъ него не требовалось особенной книжной мудрости; всѣ познанія его ограничивались чтеніемъ Корана, и убѣжденіемъ въ необходимости „священной войны“, то-есть *газавата*; а самое главное требованіе заключалось въ томъ, чтобы у него не было физическихъ недостатковъ, которые бы ему препятствовали владѣть оружіемъ, и, главное, чтобы онъ повиновался своему наубу, какъ бы ни были безчеловѣчны и несправедливы его приказанія.

За свою службу при наубѣ, муридъ получалъ отъ него все что необходимо для существованія и для участія въ войнѣ. Ему давали лошадь, оружіе и одежду, если онъ въ нихъ нуждался. Иногда наубы содержали и все семейство

мурида. У самого Шамиля это вриято было за правило¹. Такія условія служили вѣрною приманкой для людей, которымъ нечего было вѣсть или нечего было терять. Впрочемъ, и богатые люди шли въ муриды, и чуть ли еще не съ большею охотой, увлекаемые честолюбіемъ: служба муридовъ считалась самою почетною въ краѣ, и муриды, особливо состоявшіе лично при Шамилѣ, если не пользовались особенною любовью, то однимъ видомъ своимъ внушали страхъ всякому.

Число наибскихъ муридовъ въ Дагестанѣ не превышало 550 человекъ. Изъ нихъ 132 состояли лично при Шамилѣ, а остальные находились въ распоряженіи наибовъ, изъ которыхъ каждый имѣлъ отъ пяти до двадцати муридовъ.

При первыхъ двухъ имамахъ, этихъ муридовъ не существовало: они—собственно Шамилево учрежденіе. Заимствовавъ идею этого учрежденія изъ первоначальныхъ временъ исламизма, Шамиль воспользовался ею, чтобы подъ рукою у себя и у ближайшихъ своихъ помощниковъ имѣть людей вполне вѣрныхъ и способныхъ къ безотагательному исполненію мѣръ, требуемыхъ исключительнымъ положеніемъ страны и равнородностию ея населенія.

Таково и было настоящее назначеніе муридовъ,—назначеніе чисто административное. Это было что-то въ родѣ полиціи, почетной стражи, много сказать гвардіи. Такимъ образомъ совершенно ошибочно полагали, во первыхъ, что Шамилевскіе муриды, совершенно одно и то же съ муридами *тарыката*, и вторыхъ, что муриды *тарыката* были распространителями священнои войны въ Дагестанѣ. Шамилевы муриды дѣйствительно имѣли отношеніе къ священнои войнѣ, или *газавату*, но и то были не причиною ея, а ея послѣдствіемъ, и исчезли съ лица земли вмѣстѣ съ званіемъ имама, когда прекратилась священная война. Муриды же по *тарыкату* суть не болѣе какъ наши послушники, или, пожалуй, кандидаты богословія; они существуютъ рѣшительно во всѣхъ сектахъ Мухамедовой религіи, и не имѣютъ никакого отношенія

¹ На шидженіи Шамиля, жили 132 человекъ муридовъ составлявшихъ постоянную его стражу, и, кромѣ того, семейства нѣкоторыхъ наибскихъ муридовъ, множество нищихъ и увѣчныхъ горцевъ съ ихъ семействами, и всѣ бѣглые солдаты проживавшіе въ Веденѣ, всего счеюомъ до 2000 душъ.

къ *газавату*. Въ частности всего менѣе опасно въ политическомъ отношеніи ученіе *тарыката*, которое въ концѣ десятихъ годовъ нынѣшняго столѣтія появилось въ Дагестанѣ, при Куралли-Магомѣ. Если оно къ чему-нибудь было способно, то скорѣе къ тому, чтобы сохранить миръ нежели возбудить войну, потому что оно порождаетъ не воиновъ, а монаховъ. Его требованія, исполнявшіяся въ Дагестанѣ съ строжайшею точностію, совершенно сходны съ монашескимъ обѣтомъ. Вотъ онѣ изъ устъ Шамиля, всѣми силами старающагося въ настоящее время къ ихъ исполненію: *какъ можно меньше говори; ушамъ и глазамъ воли не давай; какъ можно меньше пьши; какъ можно меньше спи, и какъ можно больше молись Богу.*

По смыслу дагестанскаго ученія, *тарыкатъ* есть результатъ буквального выполненія требованій *шаріата*. Достигага этого совершенства особыми молитвенными приѣмами, человѣкъ отрывается отъ всѣхъ узъ соединяющихъ его съ міромъ. Сообразно съ этимъ, дагестанское ученіе не упоминаетъ ни однимъ словомъ о *газаватѣ*, и ни однимъ словомъ не заявляетъ своего къ нему сочувствія. Напротивъ, оно строго предписываетъ своимъ послѣдователямъ удаляться отъ всего что напоминаетъ войну, такъ что дагестанскій мусульманинъ, выразившій желаніе принять ученіе *тарыката*, этимъ самымъ заявляетъ свое отвращеніе отъ брачныхъ тревогъ. По этому самому, послѣдователи *тарыката* въ Дагестанѣ, хотя и пользовались уваженіемъ своихъ соотечественниковъ, какъ люди ведущіе богоугодную жизнь и какъ ученые проникшіе въ высшія сферы религиозныхъ истинъ; во ученіе ихъ, за исключеніемъ перваго времени своего появленія, пользовалось далеко не общою популярностію: она прямо противорѣчила воинственнымъ наклонностямъ независимыхъ дагестанскихъ племенъ, и въ особенности ихъ коноводовъ. Видя въ *тарыкатѣ* явное противодѣйствіе своимъ намѣреніямъ, предводители народныхъ массъ постоянно смотрѣли на проповѣдниковъ этого ученія какъ на личныхъ своихъ враговъ, какъ на людей, которые отвлекаютъ отъ ихъ знаменъ цѣлые десятки и сотни способныхъ людей. Не рѣдко, по милости проповѣдниковъ *тарыката*, народные предводители принуждены бывали даже совершенно отчаиваться въ исполненіи своихъ воинственныхъ плановъ. Такъ было это съ

Гази-Мухамедомъ (Казии-Мулаю), когда онъ при самомъ началѣ газавата, встрѣтилъ противодействию со стороны Джемаледина¹; онъ былъ готовъ уже отказаться отъ своихъ намѣреній, и конечно сдѣлалъ бы это, еслибы не былъ поддержанъ² Куралли-Магомю³. Обстоятельство это породило между Гази-Мухаммедомъ и Джемаледдиномъ ненависть, которую, по словамъ Шамиля, не прекратила и смерть Гази-Мухаммеда: Джемаледдинъ до сихъ поръ не простилъ его.

Короче сказать дагестанскій тарикатъ далеко не представляетъ никакой опасности для общественнаго спокойствія. Дѣйствительная опасность для Дагестана со стороны муридизма заключалась, по словамъ Шамиля, не въ ученіи тариката, а въ общемъ ученіи ислама. Чтобы въ этомъ убѣдиться, стоить только прочесть Коранъ: стремленіе къ прозелитизму и религиозная нетерпимость, высказываемыя на его страницахъ, вполне подтверждаютъ слова нашего пѣвника. И дѣйствительно, не нужно углубляться въ сличкомъ „высокія“ истины тариката, чтобы возбудить газаватъ семилѣтній мальчикъ, начиная учиться закону Божію прежде всего получаетъ убѣжденіе, что нѣтъ Бога кромѣ масульманскаго Бога, и что самое богоугодное на свѣтѣ дѣло заключается въ обращеніи всѣхъ „язычниковъ“ къ исповѣданію этого Бога.

¹ Тестя Шамиля.

² Не надо забывать, что эта поддержка оказана была въ первое время распространенія тариката.

³ Такъ называютъ горцы втораго по счету Дагестанскаго муршида, который намъ извѣстенъ подъ именемъ „куринскаго кадія, муллы Магомета.“ Обыкновенно горцы зовутъ другъ друга по имени, а вмѣсто фамиліи прибавляютъ или прозвище, данное въ счастіе какой-нибудь особеннѣности (*Deneau-Magomâ, Kêr-эфенди* и проч.), или названіе деревни и даже цѣлой страны, въ которой они родились, или которою управляютъ. Такимъ образомъ, Куралли-Магомâ (это по произношенію горцевъ; по правописанію же—*Куралли Магомâ*) значить „Мухаммедъ Куринскій,“ или „Мухаммедъ изъ куринскаго владѣнія.“ Страна эта неизвѣстно почему называется у насъ не *Куринскимъ* ханствомъ, а *Кюринскимъ*. Муллы Магомета горцы не знаютъ, можетъ-быть потому что звали „муллу“ въ Дагестанѣ нѣтъ, а есть „кадія“ и „дебирь“. Поэтому, придерживаясь болѣе популярнаго имени этого человѣка, мы тоже будемъ звать его Куралли-Магомю, или Куралли-эфенди. Послѣдній эпитетъ, „эфенди“, всегда прибавляется къ имени или прозвищу очень ученыхъ или значительныхъ людей: онъ обозначаетъ ихъ званіе, и вмѣстѣ съ тѣмъ почтеніе питаемое къ нимъ народомъ.

Такимъ образомъ знамя священной войны поднимали въ Дагестанѣ не *муршиды*, проповѣдники *тарыката*, а именно послѣдователи общаго ученія ислама, фанатики-алимы. Эти послѣдніе въ русскихъ книгахъ, называются также „муршидами“, но по словамъ Шамиля, совершенно неправильно: по убѣжденію Дагестанцевъ, муршидъ не можетъ быть народнымъ предводителемъ, точно также какъ и народный предводитель не можетъ быть муршидомъ. Несмотря на это, однако, писатели наши называютъ муршидомъ импримѣръ Шамиля и даже Гамзатъ-Бека. Къ послѣднему это названіе нейдетъ ни въ какомъ случаѣ. Что же касается до Шамиля, то онъ хотя и изучалъ *тарыкатъ* у извѣстнаго старика Джемалладина, и даже былъ однимъ изъ ученившихъ муршидовъ, то-есть учениковъ, но муршидомъ не могъ быть, уже потому что прежде его получалъ это званіе Гази-Мухаммедъ, а по уставу *тарыката*, по крайней мѣрѣ дагестанскаго, двухъ муршидовъ *наставниковъ* въ одной области не можетъ быть. Кромѣ того, когда онъ взялся за *газаватъ*, онъ этимъ самымъ отвергся ученія *тарыката*. То же было и съ Гази-Мухаммедомъ, который, какъ мы увидимъ ниже, получивъ званіе муршида, отказался и отъ него, и отъ самого *тарыката*, признавъ ученіе *шаріата* о *газаватѣ* болѣе сообразнымъ съ Мухамедовой религіей.

Скажемъ мимоходомъ, сводъ гражданскихъ законовъ называемый *шаріатомъ*, составленъ въ такомъ воинственномъ духѣ, что въ рукахъ человека способнаго и предприимчиваго, онъ обращается въ весьма грозное оружіе, и замѣняетъ ему многочисленныя массы войска, артиллерію, инженерство и комиссаріатъ.

Итакъ, муршидъ есть проповѣдникъ *тарыката*. По дагестанскому вѣрованію, муршидъ, сверхъ благочестиваго настроенія и отшельническаго образа жизни, непременно обладаетъ еще и способностію ясновидѣнія, совершенно недоступною для послѣдователей и проповѣдниковъ общаго ученія ислама.

Способность муршидовъ стоитъ въ дагестанскомъ ученіи *тарыката* чуть ли не на первомъ планѣ. Объяснимъ ея отличительныя качества, какъ объяснялъ намъ ихъ самъ Шамиль.

Сверхъестественная сила, говоритъ Шамиль, проявляется въ мусульманахъ тремя видами, которые носятъ

свѣдующія названія: *гышыкулла* (по г. Казембеку „хышь-тулла“) *зульматъ* и *караматъ*.

Гышыкулла, въ буквальный переводѣ, значитъ „любовь къ Богу“¹. Этотъ видъ сверхъестественной силы можетъ быть достояніемъ каждаго, кто только любитъ Бога; и чѣмъ сильнѣе эта любовь, или, другими словами, чѣмъ чаще устремляетъ человѣкъ свои мысли къ Богу, чѣмъ чаще предается онъ молитвѣ и чтенію духовныхъ книгъ, тѣмъ сильнѣе и продолжительнѣе бываетъ *гышыкулла*.

Наиѣе этой силы обыкновенно случается въ то время, когда молящійся, окончивъ чтеніе книгъ, начинаетъ призывать имя Божіе, что продолжается по нѣсколькимъ часамъ безъ отдыха. Возвышая постепенно голосъ и устремляя свои мысли въ мѣста горнія, мусульманинъ отрѣшается напоследокъ отъ всего земнаго, или, по словамъ самаго Шамиля, „зачитывается“, и съ воплемъ „Аллахъ!“ падаетъ въ обморокъ. Это послѣднее состояніе называется *джазбэ* „влеченіе духа къ божеству“. Бывали примѣры, когда обморокъ оканчивался смертью, что именно случилось въ Дагестанѣ съ Хаджи-Абдулой изъ Ширвана, который умеръ, произнеся послѣднее слово „любви“. Въ продолженіе обморока, говорятъ Шамиль, нѣкоторые удостоиваются видѣть рай, адъ и всѣ подробности загробной жизни, а также пророковъ и ангеловъ, посылаемыхъ Верховнымъ Существомъ для бесѣды съ ними, и даже Самаго Бога. Въ высшей степени удостоенъ состоянія *джазбэ* былъ пророкъ Мухаммедъ, написавшій, или вѣрнѣе, продиктовавшій весь Коранъ, именно подъ вліяніемъ представлявшихся ему въ это время видѣній.

Другое сверхъестественное состояніе есть *зульматъ* или, въ переводѣ, „потемнѣніе“. *Зульматъ* называется еще иначе *кассаатъ*, что значитъ тоже самое, но это названіе въ Дагестанѣ мало извѣстно. *Зульматъ* есть ничто иное, какъ сильный каталепсическій припадокъ, происходящій внезапно. Человѣкъ, съ которымъ это бываетъ, есть *избранникъ Божій*. Впрочемъ, *Зульмата* могутъ удостоиваться не одни проповѣдники или послѣдователи ислама, но и каждый иновѣрецъ, если только онъ отличается строгимъ образомъ

¹ Еще ближе: „страхъ смѣшанный съ любовью“.

жизни, особеннымъ усердіемъ въ исполненіи даже самыхъ мелкихъ требованій религіи и безпрестаннымъ чтеніемъ книгъ духовнаго содержанія. Это напряженное состояніе ума, при всегдашнемъ воздержаніи¹ и при отсутствіи моціона, дѣйствительно способно породить припадки подобныя *зульмату*.

Сверхестественныя явленія, возвышенныя до послѣднихъ предѣловъ, составляютъ *карамѣтъ*, и суть принадлежность собственно *муршида*.

Муршидъ посвящаетъ всю свою жизнь созерцанію божественныхъ истинъ, поддерживая сношенія съ вѣдшимъ міромъ, только посредствомъ своихъ учениковъ. Съ самаго рожденія отгнѣчаемый рукою судьбы, будущій муршидъ идетъ сначала посреди мірской суеты, наравнѣ съ прочими людьми, до тѣхъ поръ пока не настанетъ его часъ. Объ этомъ времени онъ узнаетъ или потому что получаетъ призваніе отъ наставника, которому указаніемъ свыше велѣно поучать его, или же по внутреннему голосу, который зоветъ его часто въ край невѣдомый. Голосъ этотъ наружнымъ образомъ проявляется въ состояніи *джазъбе* о которомъ было сказано выше. Присутствіе въ человѣкѣ способности къ *джазъбе* обозначаетъ призваніе его къ *тарыкату*: это будущій муршидъ. Достигая полного развитія, *джазъбе* обращается потомъ въ *зульмѣтъ*, а *зульмѣтъ* въ свою очередь обращается въ *карамѣтъ*, въ „прозрачность“; муршидъ чрезъ это вступаетъ въ область *хакіката*, то-есть становится муршидомъ. Онъ становится съ этого времени чистъ какъ стекло, и въ свою очередь видитъ, какъ сквозь чистое стекло, всѣ помыслы людей, не только входящихъ съ нимъ въ сношенія, но и отсутствующихъ, которыхъ онъ даже не знаетъ. Изъ числа послѣднихъ, онъ, при свиданіи, узнаетъ людей доброжелательныхъ, называетъ ихъ поимени, ни кѣмъ не предувѣдомленный и обходится съ ними ласково; отъ людей же дурныхъ, питающихъ недобрые замыслы, муршидъ старается заблаговременно удалиться, и если этого исполнить невозможно, то не задумываясь облачаетъ ихъ намѣренія или дѣла.

¹ Шамилъ, напримѣръ, постился каждую недѣлю два раза: въ понедѣльникъ и четвергъ. Этотъ постъ онъ держитъ не по уставу и не по общинѣ, а изъ особеннаго усердія.

Независимо отъ своей прозорливости, муршиды обладаютъ способностію совершать по мѣрѣ надобности, для обращенія невѣрныхъ или для поученія порочныхъ, чудесныя дѣйствія; только эти дѣйствія не называются въ собственномъ смыслѣ чудесами. По смыслу религіи, способность совершать чудеса въ собственномъ смыслѣ — *мудджизатъ* принадлежитъ однимъ лишь пророкамъ (Аврааму, Иосифу, и др.); поэтому дѣйствія совершаемыя муршидами, какъ бы чудесны ни были, называются не *мудджизатъ*, а все также — *каражатъ*. Главнымъ чудомъ мусульмане считаютъ Коранъ: вѣкто, говорятъ они, не въ состояніи написать такихъ высокихъ истинъ, и при томъ такъ изящно, какъ изложены онѣ въ Коранѣ. „Много было, говоритъ Шамиль, невѣрующихъ верхоглядовъ, которые брались за это дѣло, но всѣ они оставляли его съ великимъ посярменіемъ.“

Муршиды хранятъ свою прозорливость въ глубокой тайнѣ, обнаруживая ее только въ крайней надобности. Тѣмъ не менѣе, слухъ о ней разносится по лицу земли или посторонними свидѣтелями какого-нибудь чуда совершеннаго муршидомъ или собственными его учениками, которые указываютъ на него какъ на свѣтило, отъ котораго желающіе могутъ заимствоваться гораздо бѣльшимъ свѣтомъ нежели отъ нихъ.

Обязанный служить совѣтомъ или наставленіемъ каждому просящему, дагестанскій муршиды отвѣчаетъ и на политическіе вопросы. Но во всякомъ случаѣ политическій совѣтъ только тогда вполнѣ силенъ, когда онъ согласуется съ намѣреніями народныхъ предводителей. Двумя совершенно противоположными примѣрами въ этомъ случаѣ могутъ служить; съ одной стороны Кураи-Магома, который далъ Гази-Мухаммеду разрѣшеніе на *газаватъ*, и разумѣется встрѣтилъ полное повиновеніе, потому что Гази-Мухаммедъ самъ заранѣе хотѣлъ священной войны; и съ другой стороны — Джемалдинъ, который постоянно былъ противъ *газавата*, и постоянно удерживалъ отъ него и Гази-Мухаммеда, и Шамиля, но потому самому никогда въ Дагестанѣ не имѣлъ на политическіе дѣла ни малѣйшаго вліянія.

При жизни, муршиды зовутся „шейхами“¹. По смерти

¹ Шейхъ значить старшина. Слово это принимается ко всякому звѣ-

же, какъ люди находившіеся подъ дѣйствіемъ *сакуката*, то-есть удостоенные высшаго совершенства, они признаются святыми, и имена ихъ вписываются въ особую книгу. Могилы ихъ тоже пользуются большимъ уваженіемъ, и привлекаютъ къ себѣ множество поклонниковъ; какъ напримѣръ въ аулѣ Суграмаъ могила того же Курала-Магомы.

Будущаго муршида настоящій муршидъ видитъ за тридцать земель: не выдавъ его въ лицо, и не слышавъ о его существованіи, онъ знаетъ его по имени; часто поставивъ въ преемникъ себѣ кого-нибудь изъ своихъ учениковъ, онъ приказываетъ въ посѣдствіи „передать *тарыкатъ*“¹ такому-то, котораго видитъ его духовный глазъ.

Муршидъ, по силѣ своей прозорливости, ясно видитъ къ чему направлены способности каждаго изъ его учениковъ, и что изъ того или другаго можетъ выйдти. Приподнявъ на головѣ ученика чалму, внимательно осмотрѣвъ его голову и съ такимъ же вниманіемъ посмотрѣвъ ему въ глаза, муршидъ узнаетъ самыя сокровенныя его мысли и все его будущее; на этомъ-то основаніи, однихъ онъ принимаетъ въ число своихъ муридовъ, то-есть „учениковъ“, а другимъ отказываетъ, говоря, что пользы имъ отъ него не будетъ. При этомъ онъ совѣтуетъ послѣднимъ или совсемъ отказаться отъ намѣренія изучить *тарыкатъ*, или же обратиться къ другому наставнику, отъ котораго только и могутъ они получить пользу.

Въ силу той же прозорливости, муршидъ передаетъ свое званіе отнюдь не *каждому* изъ своихъ учениковъ, а только тѣмъ, кто отмѣченъ рукою судьбы и одаренъ свойственнымъ муршиду совершенствомъ. Такихъ, конечно, не много. Избраннику муршидъ передаетъ свои права, и назначаетъ его въ качествѣ муршида въ другую какую-нибудь область, для дальнѣйшаго распространенія *тарыката*. Прочіе же муриды, по окончаніи курса, дѣлаются обыкновенными отшельниками (впрочемъ женатыми), и при строгомъ соблюденіи правилъ своего ученія, пользуются уваженіемъ сооте-

нѣчательному человѣку, въ какой бы области онъ не отличился, въ наукѣ ли или въ религіи, или въ дѣлѣ народнаго управленія. Въ нѣкоторыхъ странахъ *шейхъ* значитъ просто начальникъ.

¹ „Передать *тарыкатъ*“—технической терминъ; онъ означаетъ: научить такого-то правиламъ *тарыката*, съ разрѣшеніемъ называть новаго муршида.

чественниковъ, не имѣя однако никакихъ правъ, ни вліянія. Иногда, смотря по мѣрѣ надобности, главный муршидъ назначаетъ изъ нихъ помощниковъ къ областному муршиду, и такой помощникъ получаетъ названіе *маазума*, или *халифа*¹.

По смерти главнаго муршида, мѣсто его заступаетъ тотъ изъ областныхъ, кого самъ онъ назначить передъ смертью. Если же назначенія не было, то главнымъ муршидомъ становится старшій изъ учениковъ. То же самое соблюдается и относительно областныхъ муршидовъ. Въ случаѣ же если во всей странѣ былъ только одинъ муршидъ, и онъ умирая не назначилъ себѣ преемника, тогда званіе муршида совсѣмъ исчезаетъ въ этомъ краѣ. А вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ и самое ученіе: оно не можетъ существовать безъ проповѣдниковъ, а они назначаются единственно по вдохновенію муршидскаго *карамата*. Такой случай предстоитъ именно теперь: старикъ Джема-дэддинъ есть послѣдній муршидъ въ Дагестанѣ.

По смыслу дагестанскаго ученія, муршидомъ можетъ быть человѣкъ даже совсѣмъ неграмотный; его сила главнѣйшимъ образомъ заключается не въ учености, а во вдохновеніи получаемомъ свыше, и въ дарѣ прозорливости; при помощи этого дара и усиленной молитвы, муршидъ способенъ безъ особеннаго изученія пріобрѣсти самыя отвлеченныя познанія, и стать ученѣе ученѣйшаго грамотея.

До вступленія въ магическій кругъ *тарыката*, отъ будущаго муршида не требуется также и особенныхъ добродѣтелей или затворническаго образа жизни; все это, по убѣжденію дагестанскихъ мусульманъ, придетъ само собою при первомъ столкновеніи будущаго муршида его съ *караматомъ его наставника*. До тѣхъ же поръ, предызбранный муршидъ живетъ также точно, какъ и всѣ люди: онъ не чуждъ ихъ слабостей, и смотря по общественному своему положенію, проводитъ жизнь или въ кругу празднои молодежи, или посреди развращеннаго двора, гдѣ верѣдко и самъ заражается пороками.

Такова сущность дагестанскаго *тарыката*: ни самое его ученіе, ни руководители его муршиды, ни его послѣдова-

¹ Послѣднее названіе, впрочемъ, въ Дагестанѣ не употреблялось.

теи муриды, не имѣли ни малѣйшаго политическаго от-
тѣвка. (Повторяемъ: мы принимаемъ на себя въ этомъ
случаѣ полную отвѣтственность только за вѣрную пере-
дачу показаній Шамиля; до какой степени они согласны
съ дѣйствительностію, мы предоставляемъ ориенталистамъ
провѣрить это, на самомъ мѣстѣ происшествій.)

Откуда зашелъ *тарыкатъ* въ Дагестанъ? И какимъ же
образомъ изъ него, чуждаго всякихъ политическихъ стре-
маженій, могъ выйдти *казаватъ*, священная война?

Въ отвѣтъ на первый вопросъ, Шамиль опять разно-
гласить съ нашими писателями. Говоря о муридизмѣ, всѣ
наши военные писатели мѣстомъ его происхожденія едино-
гласно признаютъ Бухару. По ихъ словамъ, былъ нѣкто
Бухарецъ Хасъ - Мухаммедъ; онъ воспитывался перво-
начально у куринскаго кадїа Муаллы-Мухаммеда, а по-
томъ получилъ окончательное образованіе на родинѣ, въ
Бухарѣ; возвратившись оттуда, онъ передалъ всѣ тайны
новаго ученія своему бывшему наставнику. Но Шамиль
говорить, что дѣло было не такъ. Эти свѣдѣнія, по его
словамъ, вѣроятно сообщены были намъ еще задолго до
окончанія военныхъ дѣйствій въ Дагестанѣ. Самъ Шамиль
объясняетъ развитіе въ Дагестанѣ муридизма слѣдую-
щимъ порядкомъ.

Въ царствованіе императора Александра, жилъ въ го-
родѣ Багдадѣ одинъ ученый мужъ, по имени Халидъ-
Сулейманъ. Его примѣрный образъ жизни и душеспаси-
тельную занятія, въ которыхъ онъ проводилъ все свое
время, приобрѣли ему такое высокое уваженіе едиковѣр-
цевъ, что имя его въ послѣдствіи было внесено въ число
мусульманскихъ святыхъ, а слава о его необыкновенной
учености и о сношеніяхъ съ горнымъ міромъ распро-
стилась постепенно по всѣмъ уголкамъ мусульманства, за
исключеніемъ Кавказа, который въ то время былъ стра-
ною варварскою среди мусульманской цивилизаціи.

Короче сказать, Халидъ-Сулейманъ былъ муршидъ въ
полномъ значеніи этого слова. Откуда почерпнулъ онъ
свою ученость, изъ бухарскихъ ли академій, отъ араб-
скихъ ли мудрецовъ, или по наитію свыше, никто изъ
дагестанскихъ ученыхъ не знаетъ. Имъ извѣстно только то,
что ученіе *тарыката* перешло въ Дагестанъ, именно отъ
него, и что это произошло слѣдующимъ образомъ:

Житель селенія Курдомиръ, по имени Исмаилъ (въ поспѣдствіи Шейхъ-Исмаилъ), извѣстный во всемъ Ширванѣ за человѣка ученаго и богобоязливаго, отправился, по догадкѣ мусульманина, въ Мекку, на поклоненіе гробу пророка. Здѣсь онъ услышалъ о Халидѣ-Сулейманѣ, о его учености, о его святой жизни и о чудесахъ, которыя онъ совершаетъ по наитію высшей духовной силы. Проникшись этими разказами, Шейхъ-Исмаилъ рѣшился захватить на возвратномъ пути въ Багдадъ, чтобы просвѣтить свое невѣжество свѣтомъ мудрости Халида.

Халидъ принялъ Шейхъ-Исмаила очень радушно, и тотчасъ же занялся его образованіемъ. Неизвѣстно сколько времени оно продолжалось, но по окончаніи ихъ занятій, когда Халидъ удостовѣрился, что ученикъ его усвоилъ себѣ всѣ званія учителя, и есть дѣйствительно тотъ избранникъ, котораго отмѣтила рука судьбы, онъ отпустилъ его домой, съ званіемъ муршида, и съ наставленіемъ—передать *тарыкатъ* жителю селенія Ярагъ¹, Куралли-Магомъ, съ тѣмъ притомъ, чтобы Куралли-Магома переслалъ его въ свою очередь одному изъ нукеровъ Аславъ-Хана Казикумухскаго, Джемалэддину.

Ни того, ни другаго Халидъ никогда не зналъ, и ничего о нихъ не слышалъ. Точно также не зналъ ихъ и Шейхъ-Исмаилъ. Но Халидъ говорилъ подъ вліяніемъ *карамата*, и потому не возбудилъ въ ученикѣ своемъ ни малѣйшаго удивленія. Такъ же мало удивляется этому Шамиль и всѣ дагестанскіе мусульмане, которые отъ глубины души вѣрятъ этому сказанію.

Услышавъ о званіи Джемалэддина, Шейхъ-Исмаилъ поспѣшилъ высказать сомнѣніе насчетъ возможности сдѣлаться муршидомъ человѣку, который, по своей должности близокъ къ хану, и слѣдовательно не можетъ быть человѣкомъ порядочнымъ. Таково было мнѣніе горцевъ о ханахъ въ прежнее время. Таково оно, по словамъ Шамиля, и теперь.

На возраженіе Шейхъ-Исмаила Халидъ-Сулейманъ отвѣчалъ, что и дѣйствительно отъ приближеннаго къ хану нельзя ожидать ничего хорошаго, но Джемалэддину назна-

¹ Такъ называется это селеніе Шамиль. Писатели же наши зовутъ его „Ярагларъ.“

чево быть муршидомъ отъ Бога, и следовательно вѣтъ сомнѣнiя, что онъ, заслышавъ призывный голосъ, немедленно отрѣшится отъ своихъ заблужденiй, загладитъ ихъ новою жизнью, и выкажетъ себя вполне достойнымъ своего призванiя.

Успокоенный насчетъ Джемалъадина, Шейхъ-Исмаилъ воротился на родину, и сталъ раздумывать о томъ, какимъ бы образомъ успѣшнѣе выполнить наказъ своего наставника относительно Курали-Магомы. Сомнѣнiя его были разрѣшены совсѣмъ печально, въ чемъ Шамиль видитъ перстъ Божiй.

Вскорѣ по возвращенiи Шейхъ-Исмаила изъ Багдада, къ нему явился уроженецъ Ширванскаго ханства, по имени Ширвани-Хасъ-Мухаммедъ, обучавшiйся до этого времени у Курали-Магомы *шарiату*¹. Хасъ-Мухаммедъ совсѣмъ не зналъ, что Шейхъ-Исмаилъ принялъ *тарыкатъ*: онъ только слышалъ о его учености, и полагалъ вообще, что она еще болѣе обогатилась во время путешествiя его въ Мекку благодаря бесѣдамъ съ ученѣйшими мужами востока. Поэтому онъ явился къ Шейхъ-Исмаилу, съ цѣлю собственно пополнить свои познанiя въ *шарiатъ*. Но вмѣсто *шарiата*, ему пришлось изучать *тарыкатъ*. Пораженный открытыми ему истинами, онъ сказалъ однажды своему наставнику: „какъ бы хорошо было, еслибы нашу науку передать моему прежнему учителю Курали-Магомѣ. Только ужъ слѣшкомъ онъ ученый человекъ; пожалуй онъ и не повѣритъ тому что предписывается *тарыкатомъ*.“

Ничего болѣе не нужно было Шейхъ-Исмаилу. Обдумавъ дѣло, взявъ притомъ въ соображенiе и неподатливость Курали-Магомы, Шейхъ-Исмаилъ рѣшился отправить къ нему предварительно Хасъ-Мухаммеда, съ предложенiемъ принять *тарыкатъ*.

¹ Вотъ тотъ самый Хасъ-Мухаммедъ, который фигурируетъ въ сочиненiяхъ нашихъ писателей подъ именемъ „Бухарца Хасъ-Мухаммеда“. Шамиль говоритъ, что человекъ этотъ никогда не сообщалъ Курали-Магомѣ ученiя бухарской секты, а только былъ „посланникомъ“ къ нему отъ имени Шейхъ-Исмаила (какъ это будетъ видно ниже). Затѣмъ Шамиль положительнѣе утверждаетъ, что другаго Хасъ-Мухаммеда не было во всемъ Дагестанѣ, и никакого „Бухарца“ горцы никогда не видали, не знали, и даже не слышали о немъ.

Также не вѣрны, по словамъ Шамиля, распространенныя у насъ свѣ-

Зная непреклонность убѣжденій своего прежняго наставника, Хасъ-Мухаммедъ былъ въ большомъ сомнѣннн насчетъ успѣха своей мисси, и даже опасался встрѣтить со стороны Курали-Магомы самый неблагоклонный приѣмъ. Поэтому явившись въ Ярагъ, онъ не вдругъ рѣшился сообщить ему о цѣли своего посольства, и вообще чувствовалъ себя въ самомъ затруднительномъ положеннн. Это было замѣчено и Курали-Магомою; онъ скоро притомъ замѣтилъ весьма рѣзкую переменну и въ физиономн своего ученика, и въ молитвенныхъ приѣмахъ, которыми тотъ сопровождалъ обычные намазы. Не зная къ чему все это отнести, Курали-Магома въ свою очередь рѣшался не требовать объясненнй.

дѣля объ извѣстномъ предводителѣ горцевъ (вѣрнѣе Чеченцевъ) Шейхъ Мансурѣ. Напримѣръ, въ упомянутомъ выше сочиненн г. Казембека *Муридизмъ и Шамилъ* (стр. 204), сказано, что „кто изъ *оренбургскихъ* Татаръ, Мансуръ, окончивъ свое духовное воспитанн въ Бухарѣ, вернулся въ отечество въ 1742 году; не находя здѣсь удобства для своихъ прожектовъ (распространенн тарыката) тогда же пробрался черезъ Астрахань въ юговосточный Дагестанъ, гдѣ сталъ извѣстенъ подъ именемъ *Шейхъ-Алауддина-Мансура*; онъ бы сдѣлаал много за тамъ, — начало уже было положено, — слабы покоренн этой части Дагестана и утвержденн тамъ русскаго оружн не положила конецъ успѣхамъ заумышленника.“

Такого же рода описанн и у другихъ авторовъ. Но вотъ чтѣ говорить о Шейхъ-Мансурѣ Шамилъ:

„Шейхъ-Мансуръ родомъ Чеченецъ, изъ аула Алды (близъ крѣпости розной); въ Бухарѣ никогда не былъ, да и дома повидимому ничему не учился (также какъ и всѣ почти Чеченцы въ прежнее время), потому что не только не былъ ученымъ, но даже совсѣмъ не знаал грамоты. Въ замѣнъ этого, онъ владелъ необыкновеннымъ даромъ слова, и при своей мужественной увлекательной наружности, приобрѣл этимъ неограниченное влннн на туземцевъ, симпатизирующихъ всему чтѣ рѣзко бросается въ глаза или поражаетъ слухъ. Настоящее имя этого предводителя — *Умурманъ*; а то, которое сдѣлаало его извѣстнымъ на Кавказѣ, было ничто иное какъ прозвище; данное въ честь его заслугъ и достоинствъ: *Мансуръ* значитъ *счастливымъ въ своихъ дѣлахъ, любимымъ Богомъ*. На восточномъ Кавказѣ Шейхъ-Мансуръ возмозвалъ одну Чечню и предводительствовалъ Чеченцами; въ Дагестанѣ же никогда не былъ, и его знаютъ тамъ только по слуху.“

Впрочемъ Шамилъ не знаалъ Шейхъ-Мансура лично, потому что родился спустя тринадцать лѣтъ послѣ взятн его въ плѣнъ: онъ только слышалъ о немъ отъ людей знавшихъ его очень хорошо и дѣлавшихъ вѣсть съ нимъ опасности и славу. Однако и писатели наши тоже не знали его лично, и приобрѣли о немъ свѣдѣнн такимъ же точно образомъ, какъ и Шамилъ. Остается рѣшить, который изъ этихъ источниковъ вѣрнѣе.

Такъ прошелъ первый день пребыванія Хасъ-Мухаммеда въ Ярагѣ.

На слѣдующее утро, будущій муршидъ, приготовляясь совершить утренній намазъ, вмѣстѣ съ Хасъ-Мухаммедомъ, приказалъ ему быть на этотъ разъ имамомъ¹. Стоя позади, Курали-Магома постепенно убѣждался въ основательности своихъ вчерашнихъ подозрѣній, и рѣшился непремѣнно объяснить ихъ по окончаніи намаза. Но въ эту минуту, Хасъ-Мухаммедъ, продолжавшій свое дѣло съ особеннымъ усердіемъ, прочиталъ слѣдующій стихъ Корана:

„Скажи имъ: вы бѣгаете отъ смерти, но смерть наступитъ васъ; и тогда вы предстанете передъ Всевѣдущимъ Богомъ, и Онъ напомнитъ вамъ о дѣлахъ вашихъ....“

Съ послѣднимъ словомъ Курали-Магома весь затрясся и упалъ въ обморокъ, пораженный припадкомъ *джязбе*.

Тогда Хасъ-Мухаммедъ, видя въ этомъ явленіи указаніе свыше, посмѣшилъ открыться Курали-Магомѣ, какъ только тотъ опаматовался.

Вполнѣ раздѣляя взглядъ своего ученика на тайный смыслъ испытаннаго необыкновеннаго состоянія, Курали-Магома увѣровалъ въ свое призваніе, и въ самомъ скоромъ времени отправился къ Шейхъ-Исмаилу. Семнадцать ночей провелъ онъ съ нимъ, изучая *тарыкатъ* и бесѣдуя о его высокихъ истинахъ¹. Наконецъ обращеніе совершилось: Курали-Магома вполнѣ созналъ непреложность новыхъ истинъ, и получилъ отъ Шейхъ-Исмаила званіе муршида, съ приказаніемъ поучать людей *тарыкату*, и при случаѣ передавать его Джемалэддину.

Возвратясь въ Яраги, Курали-Магома, по обыкновенію, былъ осажденъ учениками; вслѣдъ за тѣмъ слухъ о новомъ ученіи началъ распространяться по всему Кавказу².

¹ Слово „имамъ“ собственно значитъ „народный предводитель“; но имамомъ называется также мусульманинъ стоящій въ продолженіи намаза впереди всѣхъ молящихся. Онъ долженъ твердо знать всѣ принадлежащія каждому намазу молитвы и всѣ молитвенные приемы, такъ какъ съ ними обязаны соображаться и остальные молящійся. Назначеніе имамовъ для намаза зависитъ отъ главы дома; онъ или самъ исполняетъ эту обязанность, или поручаетъ ее кому-нибудь изъ домашнихъ, жлая самъ приставляете углубиться въ молитву.

² Изученіе правилъ *тарыката* и молитвенныхъ приемовъ совершается преимущественно ночью.

³ Это было въ концѣ десятихъ или въ началѣ двадцатыхъ годовъ.

Желая исполнить свое назначеніе съ успѣхомъ, равнымъ одушевлявшему его усердію, а также примѣняясь къ обычаямъ первыхъ временъ исламизма, Курали-Магома распорядился слѣдующимъ образомъ: изъ числа трехъ своихъ братьевъ, онъ заставилъ младшаго, Шейхъ-Мухаммеда, пасти принадлежавшія имъ стада; двумъ среднимъ, Абдуль-Хамису и Махмуду, поручилъ угощать поствителей, а самъ взялся насыщать гостей духовною пищею.

Скоро между учениками его появился и Джемалэддинъ: онъ слышалъ наконецъ голосъ, призывавшій его свыше оставить своего хана, и поспѣшилъ туда, куда звала его судьба. Обращеніе его совершилось безъ особыхъ приключеній. Разставаясь, по окончаніи курса, съ своимъ наставникомъ, онъ не получилъ однако отъ него ни званія муршида, ни разрѣшенія проповѣдывать *тарыкатъ*; только уже чрезъ нѣсколько мѣсяцовъ, Курали-Магома изложилъ ему въ письмѣ исторію этого ученія въ Дагестанѣ, и разрѣшилъ ему быть муршидомъ. А кому въ послѣдствіи передать *тарыкатъ*, это предоставлялось уже собственному усмотрѣнію Джемалэddина. Отъ Шейхъ-Исмаила приказаній объ этомъ Курали-Магома не получалъ, а самъ вѣроятно не считалъ себя въ правѣ сдѣлать назначеніе не слышавъ объ этомъ явнаго голоса въ своемъ *карамаатъ*.

Съ первыхъ же уроковъ *тарыката*, въ Джемалэддинѣ совершилась перемѣна, о которой предсказывалъ Халидъ-Сулейманъ: подъ предлогомъ болѣзни, онъ заперся въ своемъ домѣ, долгое время никому не показываясь, и вскорѣ затѣмъ изъ щеголя-мирзы казикумухскаго хана онъ обратился въ птицу небесную, которая ни свѣтъ, ни жаеть, а еще менѣе заботится о своей наружности, даже не принимаетъ необходимыхъ мѣръ для соблюденія чистоплотности. Таковы впрочемъ были, по словамъ Шамиля, и всѣ муршиды.

Нѣсколько лѣтъ (не болѣе пяти) проповѣдывалъ Джемалэддинъ правила *тарыката* въ тишинѣ и спокойствіи безъ всякихъ приключеній. Напослѣдокъ (во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ) дошелъ до него слухъ о Гази-Мухаммедѣ, котораго до тѣхъ поръ онъ совсѣмъ не зналъ. Гази-Мухаммедъ въ то время пользовался въ своемъ око-

лоткѣ большою популярностію; онъ занимался распространеніемъ *шаріата*, не выказывая впрочемъ еще никакихъ воцвѣстившихъ стремленій.

Слыша разказы объ успѣхахъ проповѣдей Гази-Мухаммеда, о его умѣ и учености, Джемалэддинъ обратилъ на него особенное вниманіе, и провидя въ немъ будущаго проповѣдника *тарьката*, счелъ доагомъ заявить ему о своемъ существованіи, котораго Гази-Мухаммедъ до этого времени не подозрѣвалъ. Отозвавшись въ письмѣ къ нему самымъ лестнымъ образомъ о его извѣстности, и выхваляя стараніе его отвратить людей отъ порочной жизни, Джемалэддинъ въ тоже время называлъ *шаріатъ* азбукою духовнаго совершенства, указывалъ Гази-Мухаммеду необходимость аяться изученіемъ *тарьката*, и звалъ его для этого къ себѣ въ селеніе Кумухъ.

Предложеніе это не было принято; въ отвѣтъ своемъ, отзывавшемся даже нѣкоторою проніей, Гази-Мухаммедъ высказалъ мысль, что онъ не считаетъ себя способнымъ къ воспріятію такихъ высокихъ истинъ, каковы истинны *тарьката*.

Однако, съ этихъ поръ, Гази-Мухаммедъ уже позавидовалъ съ имевемъ Джемалэддина. Разбирая въ умѣ дошедшія до него по временамъ извѣстія о богоугодной жизни муршида, о достоинствахъ его ученія, и о прозорливости, приводившей гордець въ изумленіе, Гази-Мухаммедъ сталъ наконецъ помышлять, не присутствуетъ ли дѣйствительно въ Джемалэддинѣ сверхъ-естественная сила. Не допуская впрочемъ утвердиться въ себѣ этой мысли, онъ вздумалъ сначала подвергнуть прозорливость Джемалэддина испытанію.

Случай къ тому скоро представился. У Гази-Мухаммеда былъ двоюродный братъ Мухаммедъ-султанъ, производившій въ городахъ довольно значительную торговлю. Желая избавиться отъ заботы пріискивать средства къ осуществленію тяжелымъ и пристальнымъ трудомъ, отвлекавшимъ его отъ душевнораспительныхъ занятій, Гази-Мухаммедъ передалъ Мухаммедъ-султану для оборотовъ всѣ свои деньги, въ количествѣ 200 руб. серебромъ. Присоединивъ этотъ капиталъ къ своему собственному, Мухаммедъ-султанъ закупилъ въ городѣ Нухѣ много разныхъ товаровъ,

и отправился съ ними во-свои; но проѣзжая чрезъ Казикумухскія владѣнія, не подалеку отъ селенія Гомекъ, былъ до-чиста ограбленъ разбойниками. Съ нимъ вмѣстѣ потерялъ свое достояніе и Гази-Мухаммедъ.

Удостоверясь скоро, что отъ мѣстнаго начальства бесполезно ожидать мѣръ къ отысканію грабителей, Гази-Мухаммедъ рѣшился искать правосудія лично у самаго Асланъ-Хана, и съ этою цѣлю отправился въ Казикумухъ, въ сопровожденіи одного товарища, по имени Хассана¹. Дорогою онъ вспомнилъ о Джемалэддинѣ, и тотчасъ же предположилъ захватить къ нему, чтобы лично удостовѣриться въ справедливости ходившихъ о немъ слуховъ. Для болѣе успѣшнаго достиженія своихъ намѣреній, онъ счелъ за лучшее явиться къ муршиду инкогнито, и убѣдилъ своего товарища принять на себя роль господина, а самъ назвался слугою его Хусейномъ.

Хассанъ и Хусейнъ были приняты Джемалэддиномъ, съ обычнымъ радушіемъ и съ обычною фразою: „милости просимъ, дорогіе гости; садитесь, отдохните!“ Сообразно принятой роли, Гази-Мухаммедъ, при входѣ въ комнату, пропустилъ впередъ себя Хассана, а самъ остался позади; и когда тотъ занялъ почетное мѣсто на коврѣ, онъ усѣлся у дверей скорчившись какъ ясырь. Джемалэддинъ скоро это замѣтилъ, и обратившись къ нему, сказалъ съ такимъ спокойствіемъ и увѣренностію, какъ будто зналъ его съ малолѣтства: „Что ты тамъ усѣлся Гази-Мухаммедъ? Иди сюда, твое мѣсто здѣсь, впереди всѣхъ!“

Услышавъ свое имя, Гази-Мухаммедъ до того былъ пораженъ, что всѣ разказы о чудесахъ Джемалэддинова *карамата* получили теперь въ глазахъ его полную достовѣрность. Онъ вступилъ съ муршидомъ въ разговоръ, все еще надѣясь обличить и лживость его ученія, и подготовленность его прозорливости; но попытка кончилась тѣмъ, что онъ почувствовалъ себя готовымъ окончательно поддаться обаянію новыхъ ученій, и потому поспѣшилъ уда-

¹ Мы знаемъ, что онъ получилъ отъ Асланъ-Хана блистательное удостоеніе. (Перечень событій въ Дагестанѣ въ 1843 году, г. Околыччаго. *Воен. Сборн.* 1859 года).

лится отъ Джемаледдина, давъ ему впрочемъ слово захватить къ нему въ другой разъ.

Онъ сдержалъ свое обѣщаніе въ продолженіе недѣли. Теперь онъ ѣхалъ уже съ другимъ товарищемъ: знакомый ему богатый и ученый Акушинецъ, по имени Багантъ, упросилъ его взять его съ собою, сознавшись при этомъ, что цѣль у него та самая, которая при первомъ посещеніи была и у Гази-Мухаммеда; то-есть ему тоже хотѣлось испытать прозорливость Джемаледдина. Соглашаясь на просьбу, Гази-Мухаммедъ предупредилъ однако своего спутника, что напрасно затѣвалъ онъ это дѣло, что Джемаледдинъ узнаетъ его. Но Багантъ остался при своемъ желаніи, и они отправились въ путь.

Встрѣченныя Джемаледдиномъ по обыкновенію радушно, они вошли въ его домъ и расположились отдыхать. Но не успѣли они усѣсться, какъ Джемаледдинъ, взглянувъ мелькомъ на Баганта и на его богатый костюмъ, обратился къ Гази-Мухаммеду и сказалъ ему: „не знаю, Гази-Мухаммедъ, что за человѣкъ пріѣхалъ съ тобою; но знаю, что онъ ученый, и что желаетъ испытать меня. Скажи же ты ему, что гораздо бы онъ лучше сдѣлалъ, еслибы завладева своиими собственными дѣлами: вотъ, напримѣръ, онъ, какъ ученый, долженъ знать, что намъ слѣдуетъ носить простую одежду, а онъ носитъ шелкъ и золото... Да и съ отцомъ ему не худо бы помириться: такъ долго огорчать родителей большой грѣхъ!“

Послѣдняго обстоятельства не зналъ даже и Гази-Мухаммедъ. Поэтому можно представить себѣ, какое впечатлѣніе произвели слова Джемаледдина на Баганта: онъ совсѣмъ переконфузился, выбѣжалъ изъ комнаты, и тотчасъ же уѣхалъ. Первымъ его дѣломъ было помириться съ отцомъ, а въ послѣдствіи онъ даже оставилъ свой богатый костюмъ, и сталъ носить самую простую одежду.

Но еще болѣе сильное дѣйствіе имѣла прозорливость муршица на свидѣтеля этой сцены, Гази-Мухаммеда: удивившись окончательно въ сверхъ-естественныхъ дарахъ Джемаледдина, а слѣдовательно и въ боговдохновенности его ученія, онъ призналъ себя вполне побѣжденнымъ, и заявилъ это передъ цѣлымъ свѣтомъ, оставшись тогда же у Джемаледдина, и посвятивъ себя изученію *таръката*.

Образованіе его продолжалось не долго, не болѣе пяти ночей: будучи, по замѣчанію Джемалѣдина, достаточно подготовленъ къ воспріятію истинъ высокой науки, Гази-Мухаммедъ скоро усвоилъ себѣ всѣ ея тайны; ему не доставало только *карама*, чтобы сдѣлаться муршидомъ самому. Прозорливый Джемалѣдинъ, въ самомъ непродолжительномъ времени, открылъ однако въ немъ и эту способность, и поспѣшилъ предоставить ему право проповѣдывать *тарыкатъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ назначилъ его своимъ *лаазумомъ* въ сѣверномъ Дагестанѣ, о чемъ тотчасъ же увѣдомилъ своего учителя Курали-Магому.

Обращеніе Гази-Мухаммеда сильно подѣйствовало на умы горцевъ, хотя и различнымъ образомъ. Глава *тарыката*, Курали-Магома, котораго Джемалѣдинъ познакомилъ съ высокими достоинствами и значеніемъ новаго муршида, радовался, что ученіе его будетъ имѣть въ Дагестанѣ представителя способнаго распространить его повсюду.

Народныя массы, всегда готовые слѣдовать за своими ководами, познакомившись теперь съ именемъ Джемалѣдина, и узнавъ о существованіи новаго ученія, были готовы къ пріятію его, точно также какъ до этого являли себя готовыми къ пріятію *шариата*.

Одни только ярые приверженцы этого послѣдняго ученія, не могли быть довольны обращеніемъ своего главы на новый путь: усвоивъ себѣ возбуждающее начало его проповѣдей, приверженцы Гази-Мухаммеда съ грустью и досадою смотрѣли на его отступничество, убивавшее ихъ кровожадные инстинкты. Къ довершенію ихъ неудовольствія, изъ среды ихъ самихъ начали появляться отступники прежнихъ убѣжденій; и первый, кто показалъ тому примѣръ, былъ Шамиль.

Въ то время, когда Гази-Мухаммедъ совершалъ свое обращеніе у Джемалѣдина, Шамиль продолжалъ доискиваться старыхъ истинъ вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ (будущимъ секретаремъ), Амиръ-ханомъ въ Балаканахъ, у ученаго Лачинилау. Встрѣтивъ однажды надобность побывать дома, онъ пріѣхалъ въ Гумра, и тутъ нашелъ своего друга и прежняго наставника, Гази-Мухаммеда, который явился передъ нимъ уже не проповѣдникомъ *шариата*, а

однимъ изъ свѣтилъ новаго ученія, но только еще болѣе предавшимся удивленію и мечтательности.

Не много нужно было употребить новому муршиду краснорѣчія, чтобы подѣйствовать на мистическій умъ своего товарища: оба они были такъ похожи другъ на друга своимъ духовнымъ складомъ, что если бы Джемалэддинъ обладалъ прозорливостію въ той степени, въ какой, по преданію, обладалъ ею Халидъ-Сулейманъ, то, безъ сомнѣнія, отпуская Гази-Мухаммеда домой, онъ сказалъ бы ему: „передай *тарыкаты* гимринскому жителю Шамилю, или пришли его ко мнѣ“. Но и безъ этого наставленія случилось то же самое: увлеченный разказами Гази-Мухаммеда о достоинствахъ новаго ученія, Шамиль немедленно самъ отправился къ Джемалэддину, и только заѣхалъ въ Балаканы, чтобы проститься съ своимъ учителемъ. Но здѣсь, вмѣсто сцены прощанія, произошла сцена дорожныхъ оборотовъ: Лачинаялу, выслушавъ показанія Шамиля о сущности *тарыката*, тотчасъ же отправился вмѣстѣ съ Шамилемъ и Амиръ-Ханомъ въ Кумухъ.

Послѣдніе двое вскорѣ приняли новое ученіе; но Лачинаялу, по особенному пристрастію къ вину, не чувствовавшій влеченія и къ *шариату*, остался при прежнихъ убѣжденіяхъ. Впрочемъ и самъ Шамиль съ Амиръ-Ханомъ то же скоро возвратился на лоно стараго ученія. Это случилось слѣдующимъ образомъ:

Почувшая *тарыкату*, Шамиль неоднократно слышалъ отъ Джемалэддина восторженные похвалы уму, учености и прозорливости наставника его, Курали-эфенди. Настроенный этими поученіями, а можетъ-быть и находя ученость Джемалэддина слишкомъ недостаточною для своей любознательности, Шамиль возгорѣлъ желаніемъ заимствовать свѣтъ новыхъ истинъ изъ самаго ихъ источника. Эта мысль до такой степени преслѣдовала его, что не кончивъ курса своего ученія, онъ уѣхалъ въ Гимрѣ, съ цѣлью предложить Гази-Мухаммеду отправиться вмѣстѣ съ нимъ въ Ярагъ. Оказалось, что Гази-Мухаммедъ ожидалъ только его приѣзда, чтобы сдѣлать ему точно такое же предложеніе. Итакъ, не откладывая своего намѣренія, будущіе имамы поѣхали къ Курали-эфенди.

Вѣра Гази-Мухаммеда въ прозорливость Джемалэддина была такъ велика и чистосердечна, что по дорогѣ въ Ярагъ,

находясь отъ Кумуха въ цѣлыхъ двухъ дняхъ разстоянія, онъ говорилъ Шамилю: „я думаю, теперь Джемаалэдинъ навѣрное знаетъ, что мы ѣдемъ къ Куралли-Магомѣ.“

Наконецъ они увидѣли свѣтло *тарыката*.

Съ перваго взгляда на Гази-Мухаммеда, смѣтливый или прозорливый Куралли-Магомѣ убѣдился, что не монаха видитъ онъ предъ собою, готоваго подставить ближнему свою лавицу, а человѣка энергическаго, проникнутаго убѣжденіями, совсѣмъ не гармонирующими съ требованіями *тарыката*; что подъ холодною наружностью этого неопита, скрывается изувѣръ, готовый пожалѣть о томъ, что у противниковъ его вѣровавія не одна голова, чтобъ отсѣчь ее разомъ.

Дальнѣйшее знакомство съ Гази-Мухаммедомъ, утвердило Куралли въ основательности его начальныхъ предположеній. Онъ началъ опасаться за участь *тарыката* въ Дагестанѣ; однако не могъ не признать присутствія высшей духовной силы въ человѣкѣ съ такимъ свѣтлымъ умомъ и съ такими бластательными дарованіями. Поэтому онъ подтвердилъ съ своей стороны назначеніе, сдѣланное Джемаалэдиномъ, но писалъ къ нему въ то же время: „Ты назначилъ Гази-Мухаммеда муршидомъ, — и я это сдѣлалъ; но ты живешь вблизи отъ него, и потому прошу тебя именемъ Бога, наблюдай за нимъ неослабно, и не позволяй ему сойти съ дороги, на которую мы его наставили...“

Не долго пришлось Джемаалэдину дожидаться времени, когда нужно было исполнить наставленіе Куралли-Магомы.

Послѣ десятидневнаго пребыванія въ Ярагѣ, Гази-Мухаммедъ возвратился вмѣстѣ съ Шамилемъ въ Гимра, и тотчасъ впалъ въ такое мрачное расположеніе духа, какого не замѣчали въ немъ до этого времени никогда ни родные его, ни близкіе къ нему люди. Это озадачило и самаго Шамиля: онъ рассчитывалъ увидѣть въ своемъ другѣ результаты послѣднихъ уроковъ *тарыката*, а вмѣсто того началъ замѣчать проблески какихъ-то совсѣмъ другихъ идей, которыхъ онъ никакъ не могъ объяснить себѣ. Недоразумѣнія его скоро разрѣшились, и притомъ самымъ неожиданнымъ образомъ. Оказалось, что опасенія Куралли-Магомы были вполнѣ основательны: ученіе *тарыката* приобрѣло въ Гази-Мухаммедѣ дѣйствительно самаго плохаго послѣдователя; его мятежный умъ никакъ не могъ согласить

своихъ честолюбивыхъ замысловъ съ требованіями *тарьката* объ отшельничествѣ.

„Это ужъ такой человекъ былъ,“ замѣчаетъ Шамиль: „онъ былъ ужъ слишкомъ ученый и слишкомъ смѣлый человекъ для *тарьката*...“

И вотъ однажды, занимаясь съ Шамилемъ чтеніемъ книги, Гази-Мухаммедъ повелѣлъ вдругъ такую рѣчь:

— Что бы тамъ ни говорили Куралъ-Магома съ Джемалэддиномъ о *тарькатѣ*, какъ бы усердно мы съ собою ни молились, и какихъ бы чудесъ ни дѣлали, а однимъ *тарькатомъ* не угодимъ Богу: безъ *газавата* не будетъ намъ спасенія... Давай, Шамиль, „газавать дѣлать!“

Сильно было изумленіе Шамиля: онъ еще такъ недавно видѣлъ въ Гази-Мухаммедѣ проявленіе убѣжденій совершенно противоположныхъ. Но еще сильнѣе была въ немъ привычка къ Гази-Мухаммеду и вѣра въ непогрѣшимость его воззрѣній, вкоренившаяся съ самаго ранняго дѣтства. Освободясь отъ перваго впечатлѣнія, онъ, не долго думая, отвѣчалъ: „давай дѣлать газавать!..“

Вслѣдъ затѣмъ, они начали возбуждать народъ, и въ скоромъ времени набравъ изъ ближайшихъ къ Гумрѣ обществъ отъ пяти до шести тысячъ человекъ, двинулись съ ними съ разныхъ сторонъ, въ глубь Дагестана, и именно въ Аварію. Походъ этотъ окончился неудачею подъ Хузачомъ, гдѣ Шамиль, еще тогда намъ неизвѣстный, былъ до-чиста ограбленъ Гумбетовцами, которыми самъ же предводительствовалъ.

Между тѣмъ Гази-Мухаммедъ получилъ въ это самое время отъ Джемалэддина письмо, въ которомъ муршидъ доказывалъ неосновательность его затѣи, и требовалъ отъ него чтобъ онъ оставилъ всѣ военныя приготовленія, и занялся настоящимъ своимъ дѣломъ, то-есть молитвою, а не войною.

Раздосадованный Гази-Мухаммедъ очень лаконически отвѣчалъ Джемалэддину, что „настоящее дѣло мусульманина — газавать“, и продолжалъ свои военныя приготовленія. Но теперь вступился въ это дѣло Шамиль.

Проникнутый ученіемъ *тарьката* несравненно въ болѣе высокой степени нежели Гази-Мухаммедъ, Шамиль видѣлъ въ письмѣ Джемалэддина персть Божій. Уваженіе къ личности Джемалэддина и къ его званію было въ немъ такъ велико,

что онъ не могъ и подумать о возможности послушаться его приказаній.

Въ этихъ мысляхъ обратился онъ къ Гази-Мухаммеду, убѣждая его исподнить требованіе Джемалѣдина. Но всѣ его представленія, просьбы и даже угроза разорвать съ нимъ дружбу, оказались тщетными: Гази-Мухаммедъ остался непреклоненъ, и послѣднее его слово было: „газаватъ, газаватъ!“

Тогда Шамиль прервалъ съ нимъ всѣ сношенія, и запершись въ своемъ домѣ, предался молитвѣ и чтенію священныхъ книгъ. Вотъ причина, почему, къ недоумѣнію нашихъ писателей, Шамиля не было видно въ началѣ священной войны.

Отправаясь во второй свой походъ, Гази-Мухаммедъ скоро удостовѣрился, какъ много онъ лишился въ Шамиль, и какъ сильно повредило ему противодѣйствіе Джемалѣдина: въ собранномъ имъ войскѣ было много людей, частью уже принявшихъ *тарыкатъ*, а частью видѣвшихъ чудеса Джемалѣдина, или же знавшихъ о немъ и о *тарыкатъ* по слухамъ. Въ войскѣ скоро стало извѣстно и существованіе письма, отъ Джемалѣдина къ Гази-Мухаммеду, и настоящая причина отсутствія Шамиля. Тогда начались побѣги, весьма замѣтно разстроившіе ряды сподвижниковъ Гази-Мухаммеда, а вскорѣ обнаружилось и явное неудовольствіе, грозившее окончательною неудачею.

Гази-Мухаммедъ между тѣмъ получилъ отъ Джемалѣдина второе письмо, а вслѣдъ за нимъ и третье. Содержаніе обоихъ было почти одинаково: муршидъ писалъ между прочимъ, что „и безъ него, Гази-Мухаммеда, было много ученыхъ людей, которые тоже хорошо знали о необходимости *газавата*; однако они ничего не предпринимали, считая это дѣло невозможнымъ: самъ Коранъ воспрещаетъ вести войну противъ непріятели сильнѣйшаго. Если найдутся такіе люди въ настоящее время, пусть они и вѣдутъ *газаватъ*; но ему, какъ послѣдователю и проповѣднику *тарыката*, это не прилично“. На этомъ основаніи Джемалѣдинъ опять требовалъ немедленнаго прекращенія войны.

Не отвѣчая самому Джемалѣдину, Гази-Мухаммедъ обратился на него съ жалобой къ Курали-Магомѣ; онъ жаловался, что Джемалѣдинъ, стѣсняетъ его дѣйствія, и проповѣдями своими отвлекаетъ народъ отъ священной войны

Въ заключеніе, приводя нѣкоторые изъ возбуждательныхъ стиховъ Корана, онъ спрашивалъ муршида: можетъ ли онъ оказать что-нибудь противъ нихъ? Если нѣтъ, то просилъ убѣдить Джемаледдина, чтобы тотъ оставилъ свои домогательства.

Между тѣмъ, слухъ о Джемаледдинѣ и о новомъ ученіи, въ началѣ распространявшійся весьма туго, охватилъ послѣ обращенія Гази-Мухаммеда почти одновременно весь Дагестанъ; бывший секретарь кази-кумухскаго хана пріобрѣлъ огромную популярность. Спокойно проповѣдая свое ученіе, Джемаледдинъ радовался, видя огромные успѣхи, которые оно сдѣлало въ послѣднее время, и приписывалъ это особому покровительству неба. Съ одинаковымъ усердіемъ поучалъ онъ и муридовъ своихъ, и цѣлыя толпы народа, собиравшіяся къ нему изъ окрестныхъ и даже отдаленныхъ мѣстъ. Народныя сборища, въ дагестанскихъ селеніяхъ — не рѣдкость, и никто не видитъ въ нихъ ничего опаснаго и заковопротивнаго. Толпы, приходившія къ Джемаледдину, располагались обыкновенно подлѣ его дома на площади, какъ разъ насупротивъ ханскаго дворца. Асланъ ханъ самъ ежедневно видѣлъ ихъ собственными глазами, и слышалъ какъ Джемаледдинъ говорилъ свои проповѣди, и ни однимъ словомъ не заявлялъ неудовольствія или опасенія.

Въ такихъ благоприятныхъ условіяхъ находилось ученіе *тарыката*, до первыхъ безпокойствъ, возбужденныхъ Гази-Мухаммедомъ въ сѣверномъ Дагестанѣ. Популярность Джемаледдина была въ своемъ апогеѣ. Однако она обошлась ему весьма дорого.

Въ числѣ отрицательныхъ качествъ, составляющихъ характеристику племенъ Дагестана, не маловажную роль играетъ, по словамъ Шамиля, зависть. Самый незначительный успѣхъ, выдвинувшій впередъ одного человека, поселяетъ въ другомъ опасеніе и возбуждаетъ кровавую ненависть къ любимцу фортуны, хотя бы это былъ другъ или ближайшій родственникъ. Черта эта особенно преобладаетъ между племенами южнаго Дагестана, и именно между членами дагестанскихъ владѣтельныхъ фамилій: благосостояніе ихъ, поэтому, большею частію имѣло въ своемъ основаніи кулачное право, насилие и кровь. Такъ Сурхай-ханъ Казикумухскій умертвилъ роднаго сына своего Муртазаади, единственно изъ опасенія чтобы популярность, которую онъ

началь приобретать своею доступностью и всегдашней внимательностью къ нуждамъ всѣхъ и каждаго, не выдвинула его въ глазахъ русскаго правительства на первый планъ, и тѣмъ самымъ не затушевала бы собственную его, Сурхая, личность. И много еще подобныхъ примѣровъ можетъ представить исторія дагестанскихъ владѣтелей: есть даже книга, гдѣ всѣ эти примѣры изложены въ подробности.

Точно тоже, по словамъ Шамиля, случилось и съ Джемалэдиномъ.

Съ самаго водворенія *тарьката* въ Дагестанѣ, то-есть съ того времени, когда восемь лѣтъ назадъ, Курали-Магома возвратился отъ Шейхъ-Исмаила, правитель куринскаго ханства, Асланъ-ханъ Казикумухекій, очень хорошо зналъ всѣ подробности и всю постепенность развитія этого ученія, тѣмъ болѣе что оно преимущественно распространялось въ его владѣнiяхъ. Также хорошо зналъ онъ и о томъ, что во числѣ учениковъ Джемалэдина были Гази-Мухаммедъ и Шамиль, и что въ послѣдствіи первый изъ нихъ сталъ во главѣ этого ученія. Какъ мусульманину, Асланъ хану была не безызвѣстна и совершенная безвредность *тарьката*; онъ даже заявилъ объ этомъ въ официальномъ донесеніи, на основаніи котораго и русскія начальства не видѣли въ *тарькатѣ* ничего опаснаго, до самаго начала „священной войны“.

Однимъ словомъ, Асланъ-ханъ восемь лѣтъ терпѣлъ *а-рыкатъ* въ своихъ владѣнiяхъ. Но съ тѣхъ поръ какъ проповѣди Джемалэдина стали приобретать особенно сильный успѣхъ, громадная популярность муршида возмущала спокойствіе хана. Шамиль убѣждаетъ, что зависть грызла сердце Асланъ-хана, и внушала ему самыя нелѣпыя предположенія. Ему казалось, между прочимъ, что новое ученіе испровергнетъ его власть, и Джемалэдинъ будетъ, на его мѣсто, ханомъ. Когда на чьемъ-нибудь дворѣ или въ кунацкой толкуются толпы народа, это имѣетъ свое значеніе. Хотя посѣтители являются болѣею частію безъ всякаго дѣла, и по цѣлымъ часамъ стоятъ въ совершенной праздности у дверей; но присутствіе ихъ въ домѣ вліятельнаго человѣка всегда свидѣтельствуетъ о народной симпатіи. Соображая это, Асланъ-ханъ видѣлъ въ посѣтителяхъ Джемалэдина заговорщиковъ на свою жизнь и достояніе, тогда какъ Джемалэдинъ былъ миролюбивѣйшій и скромнѣйшій смертный въ цѣломъ Дагестанѣ.

Одновременно съ этимъ наважденіемъ, Асланъ-Ханъ получалъ извѣстія о безпокойствахъ, произведенныхъ Гази-Мухаммедомъ. Ему пришло на мысль, приписать и это муршиду. И онъ послалъ за Джемаледдиномъ.

Въ это самое время Джемаледдинъ получилъ на свои письма отвѣтъ, только не отъ Гази-Мухаммеда, а отъ Курали-Магомы; ссылаясь на предопредѣленіе, глава *тарыката* приказывалъ своему ученику не препятствовать Гази-Мухаммеду въ исполненіи предпринятаго имъ дѣла¹.

Джемаледдинъ не счелъ за нужное исполнить требованіе Курали-Магомы. Онъ оглянулся на свое собственное положеніе. Зная личность Асланъ-Хана, онъ ни минуты не сомнѣвался, что владѣтель казикумухскій, имѣя въ виду недавнее пребываніе Гази-Мухаммеда въ Кумухъ, не задумается сложить отвѣтственность за теперешнія его дѣйствія на *тарыката*. Поэтому, Джемаледдинъ не только не послушалъ Курали-Магомы, напротивъ написалъ къ Гази-Мухаммеду еще нѣсколько писемъ, продолжая убѣждать его чтобы онъ прекратилъ *газаватъ*. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ рѣшился продолжать попрежнему свою проповѣдь, разчитывая парализовать этимъ успѣхи *газавата*. Онъ достигъ своей цѣли, сколько позволяли обстоятельства, и конечно никто такъ хорошо въ этомъ не убѣдился, какъ Гази-Мухаммедъ; пылкій вождь *газавата* ясно видѣлъ, что народъ узнавъ образъ мыслей Джемаледдина, начинаетъ брать его сторону, и постепенно оставляетъ дѣло *газавата*. Гази-Вухуммедъ воспыалъ за это страшною ненавистью противъ Джемаледдина, изрыгнувъ на него всевозможныя проклятія, и поклялся непременно отмстить ему.

Иначе смотрѣлъ на дѣло Асланъ-ханъ.

Призвавъ Джемаледдина къ себѣ, онъ началъ бранью и упреками, но кончилъ тѣмъ, что велѣлъ избить бѣднаго муршида до полусмерти. Затѣмъ, отпуская его отъ себя, Асланъ-ханъ приказалъ разогнать толпы людей по домамъ, а Джемаледдину грозилъ вторичною расправой, если онъ вздумаетъ продолжать свои проповѣди. или въ домѣ его окажутся муриды. вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ воздвигъ

¹ Письмо это противорѣчитъ миролюбивому характеру дагестанскаго тарыката; но Курали-Магома въ настоящемъ случаѣ дѣйствовалъ по особымъ личнымъ побужденіямъ, о которыхъ будетъ сказано ниже.

гоненіе и на Курали-Магому; но тотъ, предувѣдомленный своими почитателями, успѣлъ заблаговременно скрыться въ Табасаранъ, и тѣмъ избавился отъ встрѣчи, которую готовилъ ему Аславъ-ханъ.

Избитому Джемалэддину было не до проповѣдей. Онъ думалъ только о томъ, какъ бы скорѣе убраться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій. Но еще не зажили полученные имъ побои, какъ новыя извѣстія съ театра священной войны привели его опять на правѣжь. Въ этотъ разъ Аславъ-ханъ рѣшился забить его на смерть. Спасеніемъ своимъ Джемалэддинъ обязанъ ханской женѣ, которая, услышавъ отчаянные его крики: „аллахъ, аллахъ!“,—выбѣжала изъ серала къ мѣсту экзекуціи. Долго умоляла она мужа прекратить истязанія, угрожая ему стыдомъ, которымъ мученія старика покроютъ его голову; наконецъ, видя упорство Аславъ-хана, она сорвала съ себя покрывало, и накрыла имъ Джемалэддина. Тогда только экзекуція кончилась, и безчувственного проповѣдника отнесли на рукахъ домой, гдѣ онъ долгое время не показывалъ ни малѣйшаго признака жизни. Наконецъ очнувшись, онъ не сталъ дожидаться выздоровленія, а собрался кой-какъ съ силами, и бѣжалъ изъ владѣній хана, сначала въ Цудахаръ, а потомъ въ Коппу. Отсюда написалъ онъ къ Курали-Магомѣ письмо совсѣмъ въ иномъ смыслѣ нежели въ какомъ онъ писалъ до сихъ поръ Гази-Мухаммеду; онъ просилъ теперь извиненія за то, что вопреки приказаніямъ муршида, сопротивлялся новому имаму. Вслѣдъ за письмомъ, Джемалэддинъ и самъ явился въ резиденцію Курали-Магомы.

Этотъ послѣдній, выслушавъ исторію бѣдствій своего ученика, сталъ его утѣшать тѣмъ, что всѣ эти мученія и невзгоды суть очистительная жертва, необходимая принадлежность всякаго святаго дѣла, и что кровь и страданія Джемалэддина откроютъ для *тарыката* дорогу во всѣ концы свѣта. Въ заключеніе, они запѣли радостными голосами слова, обратившіяся почти въ религіозный гимнъ: *Бизинъ тарыкатъ Дагестанъ гетты-гà!* (Тарыкатъ нашъ теперь въ Дагестанъ пошелъ!)

Но они ошиблись немного въ своихъ разчетахъ: волненія, начатыя Гази-Мухаммедомъ, принимаютъ съ этого времени серіозный характеръ: распространяясь постепенно изъ общества въ общество, онѣ охватываютъ почти весь

Дагестанъ, и обращаются наконецъ въ войну продолжительную и ожесточенную. Такимъ образомъ, горцамъ было не до *тарыката*: онъ долженъ былъ бездѣйственно дожидаться своей очереди, пока не угаснутъ ненавистные для него элементы войны и крови. *Тарыкатъ* ожилъ только въ послѣдніе годы имамства Шамиля, когда народъ началъ чувствовать уже усталость отъ бранныхъ тревогъ, и сталъ приходить къ убѣжденію, что принятое имъ положеніе не обѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ.

Итакъ, *тарыкатъ* ослабѣвалъ по мѣрѣ того какъ возгоралась священная война. Этому главнѣйшимъ образомъ способствовало бездѣйствіе Курала-Магомы. Муршидъ ясно видѣлъ, что ученіе его дѣйствительно отнимаетъ у страны много воиновъ, и тѣмъ самымъ мѣшаетъ успѣху дѣла начатаго Гази-Мухаммедомъ. Между тѣмъ успѣха этому дѣлу онъ долженъ былъ желать по многимъ причинамъ; побуждали его къ тому и пощечина, полученная имъ самимъ отъ Асланъ-хана ¹, и говенія претерпѣнныя Джемалѣддиномъ, и наконецъ будущность ожидавшая ихъ о боихъ, еслибъ они попались въ руки Асланъ-хану.

Относительно первой причины, Шамиль впрочемъ выражалъ сомнѣніе. Ученіе, котораго придерживался Куралъ-Магома, напротивъ предписывало ему именно „подставить обидчику другую ланиту“; поэтому, заключаетъ Шамиль, едва ли Куралъ-Магома питалъ въ себѣ чувство мести къ Асланъ-хану. Но, по нашему мнѣнію, этотъ доводъ слишкомъ шатокъ. Куралъ-Магома, какъ мы навѣрное знаемъ не подставилъ Асланъ-хану другой ланиты. Кроме того, извѣстно, что какого бы религіознаго ученія человекъ ни придерживался, онъ остается человекомъ, со всѣми общечеловѣческими слабостями, и мало того,—остается еще человекомъ своей націи, съ исключительными принадлежностями національнаго характера. Куралъ-Магома, какъ горецъ, въ которомъ чувство мщенія развито до высокой степени, конечно не могъ простить Асланъ-Хану своей обиды, какъ бы ни былъ убѣжденъ въ непогрѣшимости истинъ своего ученія, и даже какъ бы искренно ни желалъ самъ выполнить требованія его.

¹ Этотъ фактъ зналъ всѣми писавшими о дагестанскомъ *casus*.

Курали-Магомъ явнымъ образомъ не мстилъ Асланъ-хану; быть-можетъ, онъ даже заявлялъ во всеуслышаніе о своей незлобivosti и о томъ, что не питаетъ къ Асланъ-хану чувства непріязни. Оставивъ Гази-Мухаммеда, онъ предался уединенію и прекратилъ проповѣдываніе *тарыката*, а въ добавокъ, строго приказалъ сдѣлать то же и Джемалѣддину. Но это смиренное бездѣйствіе представляло собою такой способъ мщенія, дѣйствительнѣе котораго нельзя было придумать. Кажется, мы не сдѣлаемъ ошибки, когда скажемъ, что прекращеніе проповѣди о *тарыкатѣ* должно было служить лучшимъ средствомъ къ усиленію *газавата*.

Теперь остается разяснить еще одно обстоятельство: по какой причинѣ Шамиль снова соединился съ Гази-Мухаммедомъ?

Поводомъ къ этому было впервыхъ письмо Курали-Магомъ, разрѣшавшее *газаватъ*; во вторыхъ, извинительное письмо Джемалѣддина къ Курали-Магомъ, которое послѣдній, получивъ его въ Гимрѣ, передалъ по слабости зрѣнія Шамилю для прочтенія. Наконецъ изустныя объясненія главы *тарыката* окончательнѣе убѣдили Шамиля въ правотѣ дѣла предпринятаго Гази-Мухаммедомъ. Все это вмѣстѣ подѣйствовало на Шамиля такимъ образомъ, что онъ не только примирился съ недавнимъ врагомъ своимъ но даже усвоилъ себѣ идею *газавата* едва ли даже не полнѣе чѣмъ самъ Гази-Мухаммедъ.

Остальныя подробности войны, происходившей въ предѣлахъ восточнаго Кавказа, до самаго окончанія ея въ 1859 году, достаточно извѣстны, и мы не считаемъ нужнымъ повторять ихъ. Намъ остается, въ заключеніе, прибавить нѣсколько словъ о внутреннихъ причинахъ, которыя, какъ мы думаемъ, помимо всѣхъ изложенныхъ обстоятельствъ, содѣйствовали въ Дагестанѣ распространенію *газавата*.

Мы сказали въ началѣ статьи, что политическаго угнетенія еще недостаточно для того чтобы подвинуть восточныя племена къ коренному преобразованію общественныхъ отношеній. Нуженъ еще религіозный элементъ, чтобы мусульманинъ рѣшился на радикальный общественный переворотъ. Прибавимъ здѣсь, что, съ другой стороны, одного того, что исламъ покровительствуетъ священнои войнѣ и даже предписываетъ ее, еще недостаточно для

того чтобъ эта война дѣйствительно возгорѣлась. Однимъ словомъ, *газаватъ* въ Дагестанѣ, по нашему мнѣнiю, не распространился бы такъ широко и не длился бы такъ долго, если бы къ религиознымъ причинамъ не присоеди-нились политическiя, именно—грабительство и деспотизмъ туземныхъ владѣтелей.

Собственно наше владычество на Кавказѣ ни въ какое время не было обременительнымъ для туземнаго населенiя, за исключенiемъ чечевскихъ ошибокъ въ 1839 году. Русская власть дѣйствовала очень мягко: горцы, не обязанные никакими повинностями, кивъ чемъ не отвѣсляемые относи-тельно религиа, не лишенные даже особеннаго почета, по участию, которое предоставлялось имъ въ конвойной и мили-ционвой службѣ; наконецъ, обезпеченные въ матеріальныхъ выгодахъ, значительно усиленныхъ отъ сношенiй съ Русскими, не могли имѣть повода къ возстанiю противъ насъ. Но если мы не угнетали горцевъ непосредственно, за то способствовали, конечно безъ всякаго съ нашей стороны желанiя, угнетенiю, которое они испытывали отъ своихъ владѣтелей. Стоитъ только вспомнить, что послѣ того какъ дагестанскiя племена изъявили намъ покорность, мы не измѣнили существенно господствовавшей тамъ вредной си-стемы управленiя; установленные нами порядки не только не прекратили тираннiи туземныхъ владѣтелей, но предо-ставивъ имъ власть управлять народами на прежнихъ осно-ванiяхъ, укрѣпили еще эту власть, до того боязливую и шаткую, русскими пушками и штыками. Такимъ образомъ горцы, въ началѣ смотрѣвшiе на Русскихъ какъ на своихъ избавителей, увидѣли себя горько обманутыми.

Асланъ-ханъ, какъ мусульманинъ, долженъ былъ очень хорошо знать различiе между ученiемъ *шариата* и ученiемъ *тарыката*. Онъ долженъ былъ знать и степень опасности, которой слѣдуетъ ожидать для края отъ того или другаго ученiя. По этому, чтобъ исполнить надлежащимъ образомъ предписанiе генерала Ермолова объ изслѣдованiи безпоряд-ковъ обнаружившихся въ Куринскомъ ханствѣ, ему со-всѣмъ не нужно было созывать соборъ изъ мусульман-скихъ ученыхъ ¹: и безъ нихъ онъ очень хорошо зналъ,

¹ Перечень событiй въ Дагестанѣ въ 1843 году, г. Окольниковичаго.

что безпорядки обнаружилась не вслѣдствіе проповѣдей Курали-Магомы, а вслѣдствіе его собственныхъ грабительствъ и разнаго рода жестокостей, которыми онъ угнеталъ народъ.

Какъ владѣтель страны, въ которой возникло новое ученіе, Асланъ-ханъ долженъ былъ знать, что ни Курали-Магома (первоначально), ни тѣмъ болѣе Джемалэддинъ, ни словомъ не заикнулся о *газаватъ*. Онъ долженъ былъ знать и то, что еслибы Гази-Мухаммедъ, остался вѣренъ ихъ проповѣдямъ, то онъ возвратился бы въ Гимрѣ не народнымъ предводителемъ, а настоятелемъ монашескаго ордена. Если жъ онъ предполагалъ противное, отчего онъ прежде довелъ генералу Ермолову о безвредности новаго ученія, и отчего не принималъ мѣръ къ прекращенію его въ самомъ началѣ, восемь лѣтъ назадъ?

Наконецъ, какъ туземецъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ; какъ *генералъ русской службы*, получавшій экстраординарныя суммы, Асланъ-ханъ прежде всѣхъ долженъ былъ знать о томъ что дѣлается въ сосѣдственныхъ съ его владѣніями непокорныхъ или независимыхъ обществахъ; онъ долженъ былъ знать о расположеніи тамъ умовъ, о тамошнихъ коноводахъ и о намѣреніяхъ этихъ коноводовъ. Это давало ему возможность предупреждать всякое зло въ самомъ началѣ. Если бы, при соблюденіи всѣхъ этихъ условій, Асланъ-ханъ предоставилъ *тарькату* свободу идти своею дорогою, какъ онъ шелъ цѣлыхъ восемь лѣтъ, не преслѣдуя его и не оскорбляя его представителей, тогда при первомъ извѣстіи о замыслахъ Гази-Мухаммеда, была бы полная возможность захватить его, какъ обыкновеннаго атамана разбойничьей шайки. Легко могло случиться, что Асланъ-ханъ встрѣтилъ бы тогда дружное содѣйствіе со стороны всего населенія. Это тѣмъ вѣроятнѣе, что Гази-Мухаммедъ, какъ мы видѣли, при началѣ военныхъ дѣйствій встрѣтилъ значительное противодѣйствіе со стороны своихъ соотечественниковъ, вовсе не сочувствовавшихъ его воинственнымъ стремленіямъ, а напротивъ болѣе склонявшихся принять мирное ученіе *тарьката*.

Вмѣсто всего этого, Асланъ-ханъ воздвигъ гоненіе на *тарькатъ*. Не говоря уже о томъ, что этимъ снята была нравственная узда, которая одна еще могла удерживать народъ отъ увлеченія *газаватомъ*, Асланъ-ханъ своею

мѣрою коснулся самой чувствительной для мусульманскаго струны — религіозной. Онъ оскорбилъ обоихъ муршидовъ, и народъ началъ смотрѣть на нихъ какъ на мучениковъ за вѣру. „Религія наша тонкая“, часто говоритъ Шамиль, и дѣйствительно, этихъ двухъ поступковъ Аславъ-Хана достаточно было для того, чтобы переполнить чашу терпѣнія горцевъ. Переноса съ трудомъ, и не безъ затаенной злобы, всевозможная жестокости своихъ тирановъ, они долго удерживали себя въ границахъ, видя невозможность бороться съ условіями, которыми были окружены ханы и беки. Наконецъ, гоненіе, воздвигнутое Аславъ-ханомъ на *тарикатъ*, и оскорбленія, нанесенныя муршидомъ, разбила въ прахъ послѣднее и самое дорогое сокровище, которое до сихъ поръ одно по крайней мѣрѣ оставалось неприкосновеннымъ. Тогда горцы не стали уже больше удерживать порывы своихъ „великихъ“ сердецъ, и только ожидали знака, чтобъ обнаружить свои истинныя чувства. Гази-Мухаммедъ произнесъ слово, которое имъ было нужно. Это слово было „газавать“, и горцы бросились въ омутъ священной войны, чтобы наконецъ развязать ненавистный узелъ, затянутый вокругъ нихъ невѣжественною и порочною аристократіею ¹.

Съ этой поры успѣхи *газавата* становятся въ прямую связь съ униженіемъ правъ туземной аристократіи. Пока велъ войну, Гази-Мухаммедъ, и пока не объявлялось формальной войны мѣстнымъ владѣльцамъ, *газаватъ* пользовался успѣхами переменчивыми; въ народѣ не было еще подлаго и дружнаго сочувствія.

Потомъ является Гамзатъ-бекъ. Нечаянное, по словамъ Шамиля, убійство аварскихъ хановъ ², обратило на Гамзатъ-бека вниманіе народа, и доставило ему средства, несмотря на всю его административную неспособность, продержаться въ званіи имама цѣлыхъ полтора года. Но Гамзатъ-бекъ

¹ Для разъясненія всѣхъ этихъ обстоятельствъ, нами въ свое время рѣшительно ничего не было сдѣлано: мы даже не послали, по выраженію Шамиля, „своего“ человѣка, а дѣйствовали исключительно, на основаніи показаній Аславъ-хана и другихъ туземныхъ владѣтелей, вполне полагаясь на достовѣрность сообщаемыхъ ими свѣдѣній.

² См. *Шамиль*, біографическій очеркъ въ *Кавказскомъ Календарѣ* на 1861 годъ.

будучи отчасти самъ аристократомъ ¹, не хотѣлъ или не умѣлъ узрѣть аристократію. Нерѣшимость эта была причиною его смерти столько же, сколько и недалководность его въ дѣлахъ административныхъ.

Наконецъ Шамиль, изучившій дѣло *газавата* въ совершенствѣ, и въ такомъ же совершенствѣ знавшій характеръ, образъ мыслей и дѣйствительныя нужды своего народа, воспользовался тѣмъ, чѣмъ пренебрегли его предшественники. Первое слово произнесенное имъ было не „газаватъ“, — народъ и безъ того зналъ, для чего избралъ его имамомъ, — а *равенство*, въ которомъ горцы такъ жаждали, послѣ долговременнаго, тяжелаго гнета владѣльческихъ родовъ.

Безъ всякаго сомнѣнія, идея равенства проповѣдывалась только на словахъ; примѣненіе ея на дѣлѣ горцы видѣли, можетъ быть только въ первое время управленія Шамиля, когда онъ отличался особенною энергіею, и когда учрежденныя имъ власти еще не успѣли порядкомъ осмѣтрѣться на своихъ мѣстахъ. Въ послѣдствіи же, горцы увидѣли себя горько обманутыми: своевоіе и притѣсненія набобовъ и другихъ административныхъ лицъ весьма живо напоминали собою деспотизмъ ханской власти; хотя разница въ подробностяхъ была довольно значительная, но во всякомъ случаѣ о равенствѣ и помину не было. Горцы впрочемъ хватились поздно: они успѣли уже дать своему предводителю такую силу и такія средства, что всякая попытка ихъ къ противодѣйствию должна была обращаться въ ничто. Только въ послѣдствіи, когда Шамиль уже замѣтно уклонился отъ первоначальной идеи и задумалъ осуществить на Дагестанѣ другой идеалъ, почерпнутый изъ ветхозавѣтныхъ сказаній, идеалъ патріархальной жизни времени Авраама,—только въ то время горцы начали противодѣйствовать болѣе чувствительнымъ образомъ, чему не мало способствовалъ упадокъ энергіи и въ самомъ Шамилѣ.

Какъ бы то ни было, но истребивъ „противъ собственнаго желанія“, ² послѣднюю отрасль аварской владѣтель-

¹ Газаватъ-бекъ—„чакка“, то-есть происшедшій отъ ханской крови, смѣшанной съ кровью простолюдиновъ. См. *Взглядъ на сословныя права и на взаимныя отношенія сословій въ Дагестанѣ. Воен. Сборн.* 1862 г.

² См. *Шамиль въ Кавказскомъ Календарѣ за 1861 годъ.*

ной фамиліи, въ лицѣ Булачь-хана, Шамиль отнялъ затѣмъ у бековъ рѣшительно всѣ преимущества, втѣснилъ ихъ въ общую массу народа, и тѣмъ самымъ стеръ съ лица земли это сословіе на цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ.

Въ какой степени мѣра эта была сообразна съ духомъ народа и съ потребностями страны, можемъ судить по тѣмъ усиліямъ, которыя потребовались отъ насъ для прекращенія священнои войны. Съ увѣренностью кажется можно сказать, что если *газаватъ*, веденный Шамилемъ, своею-долговременностію превосходитъ даже священную войну пророка¹, этому помогло главнѣйшимъ образомъ провозглашеніе идеи равенства. Кромѣ личнаго сознанія Шамиля, доказательствомъ этому можетъ служить еще тотъ фактъ, что законы, которые издавалъ Шамиль, и всѣ умныя мѣры, которыя принималъ онъ въ борьбы съ нами, начали дѣйствовать уже послѣ переселенія его въ Даргѣ, то-есть, послѣ того какъ онъ очутился въ обстоятельствахъ несравненно худшихъ нежели тѣ, которыя сократили дѣятельность его предшественниковъ. Подобно имъ, и Шамиль давно долженъ былъ бы окончить свое поприще, еслибы народъ не зналъ, что въ основаніи его дѣйствій лежитъ мысль объ освобожденіи народа изъ-подъ тяжелаго ига наложеннаго на него привилегированнымъ меньшинствомъ. По этому-то доведенный одно время (послѣ Ахульго) до послѣдней крайности, скитааясь какъ бродяга изъ общества въ общество, изъ селенія въ селеніе, Шамиль вездѣ находилъ не только пріютъ и сочувствіе къ своему положенію, но и полную готовность раздѣлать его судьбу, не взирая на всю опасность такого участія. Еслибы на его мѣстѣ былъ кто нудь другой, дѣйствовавшій по инымъ принципамъ, онъ съ первыхъ же шаговъ былъ бы выданъ Русскимъ или убитъ своими же родичами.

Изъ всѣхъ изложенныхъ подробностей выходитъ слѣдующій окончательный выводъ :

Что настоящею причиною возстанія въ Дагестанѣ, были: не Курали-Магомъ съ его „муридизмомъ“, и не Гази-Мухаммедъ съ его фанатизмомъ, а деспотизмъ и даже испорченность дагестанскихъ владѣтелей вообще, коварство и корыстолюбіе Асланъ-хана казикумукскаго въ особенности,

¹ Пророкъ велъ газаватъ 23 года, Шамиль—25 лѣтъ.

его умышленныя или неумышленныя ошибки въ административныхъ распоряженіяхъ, и наконецъ, болѣе всего воздвигнутое имъ гоненіе на вѣру. Последнее обстоятельство было тою каплею, которая переполнила чашу терпѣнія горцевъ, и пробудила ихъ страсти, до тѣхъ поръ не возмутимо дремавшія подъ игомъ ханской тиранніи.

Заключеніе это не сходно съ утвердившимся мнѣніемъ о причинахъ дагестанскаго *газавата*, и мы не беремъ пока отстаивать наше убѣжденіе. Скажемъ даже откровенно, что самъ Шамиль не вполнѣ раздѣляетъ наше мнѣніе: онъ соглашается, что деспотизмъ дагестанскихъ владѣтелей много содѣйствовалъ начальнымъ и послѣдующимъ успѣхамъ *газавата*; но полагаетъ все-таки, что главною причиною священной войны личный характеръ Гази-Мухаммеда. „Такой ужъ это человекъ былъ!“ по его выраженію. Тѣмъ не менѣе мы рѣшаемся заявить наше предположеніе, предоставляя окончательное рѣшеніе вопроса суду критики и дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ.

А. РУНОВСКІЙ.

БЕЗЪ РОДУ И ПЛЕМЕНИ

ЧЕТВЕРТАЯ СЦЕНА.

XI.

Почтовая марка и почеркъ адреса (превосходно скопированный съ оригинала) сказали мистриссъ Лесковъ о содержаніи письма, прежде чѣмъ она вскрыла его.

Выждавъ минуту чтобъ успокоиться, она прочла извѣстіе о возобновеніи болѣзни ея брата.

Ни въ почеркѣ, ни въ одномъ выраженіи письма, не было ничего что могло бы возбудить въ ея умѣ хоть самое легкое подозрѣніе гнусной поддѣлки. Въ ней не возникло и тѣни сомнѣнія въ истинѣ призыва ея къ постели брата. Тяжело упала на колѣни рука державшая письмо; въ одно мгновеніе с. ма она стала блѣдна, стара, угрюма. Мысли, дилекія отъ настоящихъ ея цѣлей и интересовъ, воспоминанія переносившія ее къ бывшей жизни, къ другимъ днямъ не похожимъ на настоящее, пробились наружу, и омрачили лицо ея отпечаткомъ своего скрытнаго дѣя-

¹ См. *Русск. Вѣстн.* № 7, 8, 9, 10 и 11.

ствія. Минута смѣняла минуту, а служанка внизу все напрасно ждала звонка изъ приѣмной. Минута смѣняла минуту, а она сидѣла все, безслезно и неподвижно, живя лишь прошедшимъ, равнодушная къ настоящему и будущему.

Служанка вошла безъ зова, и это заставило ее спохватиться. Съ глубокимъ вздохомъ, холодная и скрытная женщина сложила письмо, и обратилась къ заботамъ и обязанностямъ настоящаго.

Вопросъ о поѣздкѣ въ Цюрихъ она рѣшила послѣ минутнаго размышленія. Рѣшеніе ѣхать было принято ею прежде чѣмъ она сѣла за чай.

Какъ ни ловко ведена была стратегема капитана Регга, но она могла бы не достигнуть этого результата безъ пособія утренняго случая. Обстоятельство, котораго всего болѣе остерегался капитанъ, обстоятельство только что случившееся вопреки всѣмъ его усиліямъ, оно-то и помогло пущѣ всего. Не узнавъ мистриссъ Леконтъ того, чего она искала передъ полученіемъ письма изъ Цюриха, письмо это оказалось бы напраснымъ. Она стала бы колебаться оставить ли ей Англію, а колебаніе это могло бы сдѣлаться пагубнымъ для предѣлки капитана.

Теперь же, со всѣми доказательствами въ рукахъ, открывъ платъ въ гардеробѣ Магдалины, имѣя въ своей записной книжкѣ вырѣзанный изъ него лоскутокъ, и зная отъ мистриссъ Реггъ снѣмый домъ, въ которомъ происходило переодѣваніе,—мистриссъ Леконтъ владѣла всѣми средствами къ предостереженію мистера Нозля Ванстона, или другими словами, средствами къ предохраненію его отъ желанія снова сойтись съ Байгревами во время ея отлучки въ Цюрихъ. Ее беспокоило теперь только рѣшеніе одного вопроса: лично ли повидаться, или снести письмо менно съ своимъ хозяиномъ, передъ отъѣздомъ изъ Англіи.

Еще разъ прочла она письмо доктора. Слово „немедленно“ было дважды подчеркнуто. Домъ адмирала Бартрама находился въ нѣкоторомъ разстояніи отъ желѣзной дороги; время нужное на проѣздъ въ Сентъ-Крукъ и обратно могло пагубно замедлить ея поѣзду въ Цюрихъ. Хотя она, безъ сомнѣнія, предпочитала личное свиданіе съ мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ, однако, въ этомъ дѣлѣ жиз-

ни и смерти, возможно было лишь письмомъ къ нему спасти драгоценныя минуты.

Пославъ сейчасъ же взять мѣсто въ утренней общественной каретѣ, она усѣлась за письмо къ своему хозяину.

Первою мыслию ея было разказать ему все случившееся сегодня въ Нортъ-Шингелъзѣ. Подумавъ однако, она оставила эту мысль. Ужь однажды (при выпускѣ примѣтъ изъ письма миссъ Гартъ), она довѣрила было свое оружіе его рукамъ, и мистеръ Байгревъ сумѣлъ обратить это оружіе противъ нея самой. Въ этотъ разъ, она рѣшилась не выпускать оружія изъ своихъ рукъ. Тайна недостающаго лоскутка въ альпаковомъ платьѣ была извѣстна только ей одной, и она рѣшилась не открывать ее никому до своего возвращенія въ Англію. Впечатлѣніе на мистера Нозля Ванстона могло быть произведено безъ изложенія подробностей. Она знала по опыту въ какомъ родѣ должно быть письмо способное произвести на него впечатлѣніе, и написала слѣдующее:

„Дорогой мистеръ Нозль, — дурныя вѣсти пришли ко мнѣ изъ Швейцаріи. Возлюбленный братъ мой умираетъ, и его врачъ призываетъ меня немедленно въ Цюрихъ. При необходимости поспѣшить, я принуждена воспользоваться позволеніемъ, которое вы по добротѣ вашей дали мнѣ при началѣ болѣзни моего брата, съѣздить на материкъ въ случаѣ надобности, — и въ избѣжаніе замедленій, отправляюсь прямо на Лондонъ, не заѣзжая въ Сентъ-Крусъ, несмотря на все мое желаніе повидаться прежде съ вами.

„Какъ ни тяжело поражена я обрушившимся на меня семейнымъ несчастіемъ, но не могу пропустить этого случая, чтобы не коснуться другаго предмета, отъ котораго много зависитъ ваше спокойствіе, и въ которомъ (по этому самому) ваша старая экономка принимаетъ глубочайшее участіе.

„Я удивляю и поражаю васъ, мистеръ Нозль. Но сдѣлайте милость, не волнуйтесь! Сдѣлайте милость, будьте спокойны.

„Наглая попытка обмануть васъ, которая, къ счастью, выставила предъ вами въ настоящемъ свѣтѣ нашихъ сосѣдей изъ Нортъ-Шингелъза, была не единственною цѣлью навязчивыхъ попытокъ мистера Байгрева познакомиться и сблизиться съ вами. Мерзкій заговоръ, которымъ вамъ грозили въ Лондонѣ, приводился въ исполненіе въ Альд-

боро, подъ руководствомъ мистера Байгрева. Случай,—при свиданіи я объясню вамъ какой,—далъ мнѣ драгоценныя, для вашего будущаго спокойствія, свѣдѣнія. Я открыла, что особа, называющая себя миссъ Байгревъ, никто иная, какъ женщина поевтившая насъ, въ переряженномъ видѣ, въ Воксгалъ-Вокъ.

„Я подозрѣвала это съ самаго начала, но у меня не было доказательствъ въ подтвержденіе моихъ подозрѣній, не было средствъ противодѣйствовать произведенному на васъ ложному впечатлѣнію. Теперь, слава Богу, дѣло совершенно ясно. У меня есть полныя доказательства, въ силѣ которыхъ вы можете убѣдиться собственными глазами, доказательства, которыя удовлетворили бы всякаго судью.

„Быть-можетъ, и теперь, мистеръ Нозль, вы не повѣрите мнѣ? Такъ и быть. Но, вѣрите вы мнѣ или нѣтъ,—у меня есть къ вамъ послѣдняя просьба, и права на эту просьбу не отвергаетъ ваша англійская честность.

„Грустная повѣдка моя задержать меня вѣвъ Англіи недѣли двѣ, или много-много—три. Вы обяжете меня, — не жертвуя при этомъ нисколько вашимъ удобствомъ и удовольствіемъ,—оставшись на все это время съ друзьями вашими въ Севтъ-Круксъ. Если до моего возвращенія, какое-нибудь неожиданное обстоятельство сведетъ васъ снова съ Байгревами, и если ваша природная сердечная доброта будетъ склонять васъ къ принятію извиненій, которыя они не преминутъ дѣлать вамъ при этомъ, сдержите немного себя въ вашемъ собственномъ интересѣ. Прервите ваши любезности съ молодою дѣвицей (прошу извиненія у всѣхъ другихъ молодыхъ дѣвицъ, называя ее такъ!) до моего возвращенія. Если по моемъ пріѣздѣ, я не докажу вамъ, что миссъ Байгревъ—та самая переряженная женщина, которая угрожала вамъ въ Воксгалъ-Вокъ, то я готова на другой день оставить вашъ домъ и выкупить грѣхъ клеветы на ближнихъ отказомъ отъ всякихъ притязаній на вознагражденіе какъ за службу у вашего отца, такъ и у васъ. Принимаю это обязательство безъ всякихъ условій и обѣщаю сдержать его, какъ добрая католочка и честная женщина. Вѣрная слуга ваша,

Виргинія Леконтъ.“

Въ послѣднихъ словахъ этого письма, какъ отлично знала экономка, заключался единственный доводъ, который долженъ былъ навѣрное произвести глубокое и прочное впечатлѣнiе на Нозла Ванстона. Представь она въ залогъ справедливости сдѣланнаго ею обвиненiя клятву, жизнь свою или доброе имя свое, — сильнаго впечатлѣнiя она не произвела бы на него. Когда же она поручилась не только своимъ мѣстомъ въ его домѣ, но и притязанiями на денежное вознагражденiе, то видами на такой результатъ она удовлетворяла господствующей страсти его души. Нельзя было сомнѣваться, чтобы, при побужденiи сильнѣйшаго изъ его интересовъ, — интереса сохранить деньги, — онъ не сталъ ждать.

„Шахъ и матъ мистеру Байгреву!“ думала мистриссъ Леконтъ, запечатывая и надписывая письмо. „Битва кончена, — игра сыграна.“

Въ то время какъ мистриссъ Леконтъ въ Си-Вью обезпечивала будущую безопасность своего хозяина, событiя быстро смѣнялись въ Нортъ Шивгелъзъ.

Лишь только капитанъ Реггъ опомнился отъ изумленiя произведеннаго появленiемъ экономки въ собственной его дачѣ, какъ бросился въ домъ, и руководимый предчувствiемъ случившейся бѣды, направился прямо въ комнату жены.

Никогда еще не испытывала бѣдная мистриссъ Реггъ всей тяжести капитанскаго негодованiя такъ сильно, какъ теперь. Весь ея маленькiй смыслъ исчезъ внезапно въ вихрѣ мужаинаго бѣшенства. Лишь два ясные вывода могъ онъ вытянуть изъ ея объясненiй, — во-первыхъ, что Магдалина оставила свой постъ не по чему-либо другому, какъ лишь единственно по неисправимой нетерпѣливости своей: она провела бессонную ночь, встала въ лихорадочномъ раздраженiи, и вышла, забывъ о возможныхъ случайностяхъ, освѣжить на чистомъ воздухѣ свою горящую голову; во-вторыхъ, — что мистриссъ Реггъ, по собственному признанiю, видѣла мистриссъ Леконтъ, говорила съ мистриссъ Леконтъ и рассказала ей приключенiе съ привидѣнiемъ. Узнавъ это, капитанъ не сталъ терять времени на разговоры съ женою, пораженную ужасомъ и смятенiемъ. Онъ тотчасъ же отошелъ къ окну, командовавшему надъ открытою, къ дому мистера Нозла Ванстона, мѣст-

ностью, и усѣлся, для наблюденія за происходившимъ въ Си-Вью, точно также какъ усаживалась мистриссъ Леконтъ для наблюденія за происходившимъ въ Нортъ-Шивгелъзъ.

Ни слова объ утренней бѣдѣ не вырвалось у него, когда Магдалина пришла домой и застала его на этомъ посту. Словесный потокъ его, казалось, обмелѣлъ наконецъ.—„Я предсказывалъ что намъ мистриссъ Реггъ надѣлаетъ, произнесъ онъ:—ну, вотъ она и надѣлаа.“ Неотступно продолжалъ онъ сидѣть у окна, съ терпѣнiемъ, котораго не превзошла бы сама мистриссъ Леконтъ. Единственное дѣло, къ которому считалъ онъ необходимымъ приступить, было исполнено посланнымъ. Онъ отправилъ служанку на постоялый дворъ нанять карету и бойкую лошадь, и сказать, что онъ самъ зайдетъ сегодня утромъ и объявить содержателю, когда именно будетъ нуженъ экипажъ. Никакого призыва нетерпѣнiя не было замѣтно въ немъ, пока не приблизилось время отхода ранней общественной кареты. Тутъ кривыя губы капитана начали безпокойно подергиваться, а неугомонные пальцы его выводить немолчную дробь на оконномъ стеклѣ.

Наконецъ, послышался шумъ колесъ, карета подъѣхала къ Си-Вью, и капитанъ Реггъ убѣдился собственными глазами, что въ числѣ оставившихъ сегодня Альдборо пассажировъ была мистриссъ Леконтъ.

По устраненiю главнаго безпокойства, еще одинъ серьезный вопросъ, вызванный утренними событiями, ожидалъ рѣшенiя. Куда отправлялась мистриссъ Леконтъ, въ Цюрихъ или въ Сентъ-Круксъ? Не могло быть сомнѣнiя въ томъ, что она извѣститъ своего хозяина о приключенiи съ привидѣнiемъ и обо всѣхъ другихъ открытiяхъ вырвавшихся изъ устъ мистриссъ Реггъ. Для капитана было крайне важно знать, какой изъ двухъ лежавшихъ передъ нею путей выбрала она, — путь личнаго или письменнаго извѣщенiя. Если она отправилась къ адмиралу, то ему оставалось только слѣдовать за общественною каретою, захватить тотъ поѣздъ желѣзной дороги, съ которымъ она отправится, и обогнать ее потомъ на пути отъ Эссекской станціи въ Сентъ-Круксъ. Если же, напротивъ, она удовольствовалась письменнымъ извѣщенiемъ, то надобно было придумать средство какъ бы перехватить письмо. Капитанъ рѣшился отправиться прежде всего въ почтовую контору.

Предполагая, что эконожка послала письмо, сѣдовало предположить, что она не поручила его саужанкѣ, а своими глазами удостовѣрилась, передъ отъѣздомъ изъ Альдборо, что оно находится въ почтовомъ ящикѣ.

— Добраго дня, проговорилъ капитанъ, привѣтливо обращаясь къ почтмейстеру.—Я мистеръ Байгревъ, изъ Нортъ-Шингельза. Если не ошибаюсь, у васъ въ ящикѣ есть письмо на имя мистера...

Почтмейстеръ былъ положительный человекъ, и сѣдовательно чувствовалъ важность своего значенія. Онъ торжественно орѣзалъ капитана Регга.

— Когда письмо сдано на почту, сэръ, сказалъ онъ, — то, до прибытія его по адресу, никому изъ неслужащихъ въ конторѣ не можетъ быть ни масѣйшаго до него дѣла.

Капитанъ былъ изъ числа людей, которыхъ не легко запугать даже и почтмейстеру. Яркая мысль мелькнула въ его головѣ. Онъ вынулъ свою записную книжку, въ которой былъ помѣченъ адресъ адмирала Бартрама, и снова приступилъ къ почтмейстеру.

— Представьте себѣ, что письмо ошибкой было не туда адресовано? началъ онъ. — И представьте себѣ, что писавшему захотѣлось бы исправить ошибку послѣ сдачи въ ящикъ?

— Когда письмо сдано на почту, сэръ, повторила неприкосновенная мѣстная власть, — никто изъ неслужащихъ не имѣетъ права, ни подъ какимъ предлогомъ, дотрогиваться до него.

— Вполнѣ согласенъ, продолжалъ настаивать капитанъ.— Я не желаю дотрогиваться до него; я желаю только объясниться. Одна дама сдала здѣсь письмо адресованное на имя „Нозля Ванстона, эсквтира, у адмирала Бартрама, въ Севтъ-Круксѣ на Болотѣ, въ Эссексѣ“. Она писала очень спѣшно и навѣрное не помнитъ, прибавила ли она названіе почтоваго города Оссори. Крайне важно, чтобы письмо прибыло по назначенію безъ замедленія. Чтò же мѣшаетъ вамъ облегчить почтовое дѣло и обязать даму прибавкой имени почтоваго города (если оно пропущено) собственною вашею рукой? Спрашиваю васъ какъ ревностнаго чиновника чтò можетъ помѣшать исполненію моей просьбы?

Почтмейстеръ принужденъ былъ сознаться, что ничто не можетъ помѣшать, если дѣло идетъ только о прибавленіи

одной строки къ адресу, если къ тому же письмо не выйдетъ изъ его рукъ и если дорогое время почтовой службы не будетъ потрачено напрасно. Такъ какъ въ настоящую минуту никакого служебнаго дѣла у почтмейстера не было, то онъ былъ готовъ, по просьбѣ мистера Байгрева, доставить удовольствіе дамъ.

Не дыша сѣдиль капитанъ Реггъ за рукою почтмейстера, когда она перебирала письма въ ящикъ. Тутъ ли письмо? Остановятся ли вдругъ руки ревностнаго чиновника? Да! Онъ остановились, и выдернули одно письмо изъ пачки.

— „Новлю Ванстону, эсквайру“, сказали вы? спросилъ почтмейстеръ, не выпуская письма изъ своихъ рукъ.

— Новлю Ванстону, эсквайру, отвѣчалъ капитанъ, — у адмирала Бартрама въ Сентъ-Круксѣ на Болотѣ.

— „Оссори, Эссексъ“, прокричалъ почтмейстеръ, бросая письмо снова въ ящикъ. — Дама не ошиблась, сэръ. Адресъ полный.

Только мысль о лежавшей на немъ строгой обязанности сохранить все должное приличіе помѣшала капитану Реггу швырнуть свою высокую бѣлую шляпу на воздухъ, когда онъ очутился снова на улицѣ. Всѣ дальнѣйшія недоумѣнія его окончились. Мистриссъ Леконтъ написала своему господину; значить, мистриссъ Леконтъ была на пути въ Цюрихъ!

Съ закинутою выше обыкновеннаго головой, съ развѣвающимися по вѣтру фалдами своего респектабельнаго фрака, съ вражденною наглостью въ груди, капитанъ, чванною поступью, вошелъ на постоялый дворъ и потребовалъ таблицу поѣздовъ желѣзной дороги. Сдѣлавъ нѣкоторыя вычисленія (у себя въ книжкѣ), онъ велѣлъ коляскѣ быть готовою черезъ часъ, такъ чтобы прибыть на желѣзную дорогу ко второму лондонскому поѣзду, къ которому изъ Альдборо не ходила общественная карета.

Второе распоряженіе его было гораздо важнѣе; оно предполагало страшную увѣренность въ успѣхъ. То былъ четвергъ. Съ постоялаго двора, онъ прошелъ въ церковь, познакомился съ церковно-служителемъ и сдѣлалъ заявленіе о бракосочетаніи имѣющемъ быть въ слѣдующій понедѣльникъ.

Какъ ни былъ онъ смѣлъ, а послѣднее дѣло немного разстроило его нервы; рука его дрожала, приподымая щекотку

садовой калитки. Прежде чѣмъ послать за Магдалиной, для сообщенія ей объ утреннихъ дѣйствіяхъ, онъ подкрѣпилъ коньякомъ свои нервы. Можно было ожидать новаго взрыва съ ея стороны, при увѣдомленіи, что сдѣланъ послѣдній, безвозвратный шагъ, и что уже подано заявленія о самомъ днѣ свадьбы.

Часы капитана сказали ему, что не слѣдуетъ терять времени. Черезъ минуту, другую, онъ послалъ на верхъ. Въ ожиданіи Магдалины, онъ запасся нѣкоторыми необходимыми для окончанія дѣла предметами. Прежде всего, онъ написалъ свое вымышленное имя, — почеркомъ хуже обыкновеннаго, — на бѣлой визитной карточкѣ, и прибавилъ внизу слѣдующія слова: „нельзя терять ни минуты. Я жду васъ у дверей; сойдите ко мнѣ немедленно.“ Потомъ, онъ взялъ съ Волдюжины конвертовъ и адресовалъ ихъ одинаково: „Томасу Байгреву, въ гостиницу Мосареда, Салисбѣристритъ, на Страндъ, въ Лондонѣ“. Уложивъ тщательно конверты и карточку въ свой боковой карманъ, онъ закрылъ письменный столъ. Когда онъ поднимался отъ стола, вошла Магдалина.

Капитанъ подумалъ съ минуту какъ бы лучше начать разговоръ, и рѣшился, по его выраженію, рвануть разомъ. Въ двухъ словахъ сказалъ онъ Магдалинѣ о случившемся, и объявилъ ей, что поведѣльникъ назначенъ днемъ ея свадьбы.

Онъ готовъ былъ успокоивать ее, если она разразится страшнымъ бѣшенствомъ, поразсудить съ ней, если она попроситъ отсрочки, посочувствовать ей, если она зальется слезами. Къ невыразимому его изумленію, результаты обманули его предположенія. Она выслушала его, не произнеся слова, не проронивъ слезы.

Когда онъ кончилъ, она упала на стулъ. Большіе сѣрые глаза ея безсмысленно устремились на него. Въ одно мгновеніе вся красота оставила ее; лицо ея окоченѣло, будто лицо мертвеца. Въ первый разъ, съ тѣхъ поръ какъ узналъ ее капитанъ, страхъ, всепоглощающій страхъ, овладѣлъ ея тѣломъ и душой.

— Вы не отступаете? произнесъ онъ, стараясь ободрить ее. — Вы не отступите въ послѣднюю минуту?

Глаза ея не освѣтились свѣтомъ сознанія; ничѣмъ не

измѣнилось ея лицо. Но она слышала его, ибо сдѣлала не большое движеніе на стулѣ и медленно покачала головой.

— Вы задумали бракъ этотъ по собственному желанію, продолжалъ капитанъ, взглядывая испуга, нетвердымъ голосомъ челоѣвка не въ своей тарелкѣ.— То была ваша мысль, не моя. Я не желалъ бы принять на себя отвѣтственность въ этомъ дѣлѣ и за дважды двѣсти фунтовъ. Если рѣшимость ваша оставляетъ васъ, если вы находите лучшимъ...

Онъ остановился. Лицо ея стало мѣняться; губы зашевелились наконецъ. Она медленно приподняла свою лѣвую руку; раздвинувъ пальцы, посмотрѣла на нее, будто на чужую, и сосчитала по пальцамъ дни, оставшіеся до свадьбы.

— Пятница, одинъ, прошептала она про себя;— суббота, другой; воскресенье, третій; понедѣльникъ...— Руки ея упали на колѣни; лицо окоченѣло снова. Смертельный страхъ охватилъ ее еще разъ своею парализующею силой, и послѣднія слова замерли на ея устахъ.

Капитанъ Реггъ вынулъ платокъ, и отеръ себѣ лобъ.

— Чортъ бы побралъ этѣ двѣсти фунтовъ! проговорилъ онъ. — За это и двухъ тысячъ мало!

Онъ подошелъ снова къ письменному столу, вынулъ изъ кармана адресованные имъ на свое имя конверты, и возвратился къ столу, держа ихъ въ рукѣ.

— Ободритесь, произнесъ онъ:— я долженъ сказать вамъ послѣднее слово. Можете вы меня выслушать?

Она сдѣлала усиліе, овладѣла собою, слабая краска показалась на ея бѣлыхъ щекахъ, и она кивнула головой.

— Посмотрите на это, продолжалъ капитанъ Реггъ, поднимая конверты.— Если я употреблю эти конверты для той цѣли, для которой они были надписаны, хозяйнъ мистриссъ Леконтъ никогда не получитъ ея письма. Если я разорву ихъ, онъ узнаетъ съ завтрашней почтой, что вы та самая женщина, которая посѣтила его въ Воксгалъ-Вокѣ. Скажите слово! Разорвать мнѣ конверты или спрятать ихъ обратно въ карманъ?

Настала минута мертваго молчанія. Шумъ лѣтнихъ волнъ по камушкамъ берега и говоръ лѣтнихъ гулякъ на гуляньѣ врывались въ открытое окно и наполняли комнату.

Она подняла голову, подняла руку и указала съ твердостью на конверты.

— Спрячьте ихъ обратно, сказала она.

— Желаете вы этого? спросилъ онъ.

— Желаяю.

Въ то время какъ она это произносила, съ дороги слышался звукъ колесъ.

— Слышите вы эти колеса? спросилъ капитанъ Реггъ.

— Слышу.

— Видите вы коляску? спросилъ онъ, указывая въ окно, когда нанятый на постояломъ дворѣ экипажъ показался у садовой калитки.

— Вижу.

— И вы ведите мнѣ ѣхать, по вашему свободному желанію?

— Да. Поѣзжайте!

Не сказавъ болѣе ни слова, онъ оставилъ ее. Внизу, у дверей, стояла уже служанка съ его дорожнымъ мѣшкомъ.

— Миссъ Байгревъ не здорова, сказалъ онъ. — Скажите барынѣ чтобъ она сошла къ ней.

Онъ сѣлъ въ одноколку и отправился въ путь къ первой станціи на Сентъ-Круксъ.

XII.

Около трехъ часовъ пополудни, капитанъ Реггъ былъ на станціи ближайшей къ городу Оссору, черезъ который прошла желѣзная дорога, пересѣкая Эссексъ. Собранныя тутъ справки показали ему, что онъ можетъ сѣздить въ Сентъ-Круксъ, пробыть тамъ четверть часа и поспѣть назадъ на станцію къ вечернему лондонскому поѣзду. Черезъ десять минутъ, капитанъ ѣхалъ уже снова коннымъ путемъ, направляясь поспѣшно къ морю.

Сдѣлавъ нѣсколько миль по большой дорогѣ, повозка свернула съ нея, и кучеръ пустился въ запутанную сеть перекрестныхъ дорогъ.

— Далекъ ли отъ Сентъ-Крукса? спросилъ капитанъ, съ нетерпѣніемъ проѣхавъ уже много миль и не видя еще никакихъ признаковъ достиженія цѣли.

— Вы увидите домъ, сэръ, у ближайшаго поворота дороги, отвѣчалъ кучеръ.

Ближайшій поворотъ предъ ними открылъ опять плоскую

мѣстность. Стоя впереди повозки, капитанъ Реггъ уви-
дѣлъ на горизонтѣ длинную темную полосу, полосу мор-
ской стѣны, защищающую отъ наводненій низкое поморье
Эсекса. Плоская, прилежащая мѣстность была пере-
сѣчена лабиринтомъ струй морской воды, извивающихся
со стороны невидимаго моря странвыми фантастическими
линіями, и становящихся рѣками при приливахъ, стоками
грязи при отливахъ. По правую его руку, лежала неболь-
шая деревенька, состоявшая большею частію изъ дере-
вянныхъ домовъ, спускавшихся, въ разсыпную, къ краю
одного изъ этихъ потоковъ. По лѣвую руку, подаль-
ше, поднимались мрачныя развалины какого-то аббат-
ства, съ длиною, низкою, заустѣлою группою обширныхъ
и старыхъ, принадлежащихъ къ нему, строеній. Одинъ изъ
этихъ приморскихъ потоковъ (называемыхъ въ Эсексѣ
„отсталою водою“) огибалъ почти все зданіе. Другой, въ
противоположной сторонѣ, казалось, прямо пересѣкалъ мѣст-
ность, отдѣляя одну часть массы строеній, лишенной вся-
каго образа, отъ другой, не многимъ отличающейся отъ
развалинъ. Деревянные и каменные мостики, перебро-
шенные черезъ потокъ, вели къ дому со всѣхъ окру-
жающихъ пунктовъ. Въ окрестности не видно было ни
одного человѣческаго существа, не слышно было ни од-
ного звука, исключая сиплаго лаянія цѣпной собаки съ ка-
кого-то невидимаго двора.

— Къ которому подъѣзду, сэръ? спросилъ кучеръ. — Къ пе-
реднему или заднему?

— Къ заднему, отвѣчалъ капитанъ Реггъ, понимая, что
чѣмъ менѣе вниманія привлечетъ онъ на себя въ своемъ
настоящемъ положеніи, тѣмъ обезпеченнѣе будетъ это по-
ложеніе

Повозка переѣхала два раза потокъ, прежде чѣмъ кучеръ
пробрался за печальную каменную ограду. У отворенной двери,
съ необитаемой стороны двора, сидѣлъ закаленный непого-
дою старый слуга, прилежно занятый полуоконченною мо-
делью корабля. Онъ всталъ и подошелъ къ повозкѣ, сдви-
нувъ на лобъ свои очки и глядя съ смущеніемъ на незна-
комца.

— Здѣсь живетъ мистеръ Ноэль Ванстонъ? спросилъ ка-
питанъ Реггъ.

— Да, сэръ, отвѣчалъ старикъ.—Мистеръ Нозль прѣѣхалъ сюда вчера.

— Отнесите, пожалуйста, эту карточку мистеру Нозлю Ванстону, произнесите капитанъ,—и скажите, что я жаду его здѣсь.

Черезъ нѣсколько минутъ явился мистеръ Нозль Ванстонъ, запыхавшись и горя любопытствомъ. Капитанъ Реггъ открылъ дверцу, схватилъ протянутую имъ руку и втащилъ его въ карету безъ церемоніи.

— Ваша эконожка уѣхала, прошепталъ капитанъ,—и свадьба ваша въ поведѣльникъ. Не волнуйтесь и не высказывайте вашихъ чувствъ; некогда теперь. Возьмите перваго встрѣчнаго расторопнаго слугу для упаковки, минутъ въ десять, вашего багажа, проститесь съ адмираломъ, и потомъ скачемъ вмѣстѣ къ лондонскому поѣзду.

Мистеръ Нозль Ванстонъ попытался спросить о чемъ-то. Капитанъ отказался слушать.

— Говорите сколько угодно дорогой, сказалъ онъ.—Время слишкомъ дорого; не возможно разговаривать здѣсь. Почему мы знаемъ, что Леконтъ не передумаетъ дѣла? Почему мы знаемъ, что она не воротится назадъ не доѣхавъ до Цюриха?

Это страшное соображеніе внушило мистеру Нозлю Ванстону немедленную покорность.

— Чтò сказать мнѣ адмиралу? спросилъ онъ съ несчастнымъ видомъ.

— Скажите ему просто, что вы женитесь! Теперь нечего, когда уѣхала Леконтъ. Если онъ удивится отчего вы не сказали ему объ этомъ прежде, скажите что женитесь увозомъ, и что невѣста ждетъ васъ. Да! Письма, адресованныя на ваше имя, въ ваше отсутствіе, должны быть посланы сюда такъ ли? Отдайте же адмиралу эти конверты, и попросите его пересылать ваши письма ко мнѣ. Я давно знаю гостиницу, гдѣ мы остановимся въ Лондонѣ, и если она будетъ полна, хозяинъ позаботится обо всѣхъ письмахъ на мое имя. Вѣрный адресъ въ Лондонѣ, для пересылки писемъ на ваше имя, можетъ оказаться крайне важнымъ. Почему мы знаемъ, что Леконтъ не напишетъ вамъ съ дороги?

— Чтò у васъ за голова такая! воскликнулъ мистеръ Нозль Ванстонъ, хватая конверты.—Вы обо всемъ подумаете.

Въ большомъ волненіи оставилъ онъ экипажъ, и побѣжалъ домой. Черезъ десять минутъ, капитанъ Реггъ уже держалъ его при себѣ въ безопасности, и лошади тронулись въ обратный путь.

Вечеромъ, путешественники вовремя прибыли въ Лондонъ, и нашли мѣсто въ гостиницѣ.

Зная безпокойный и пытливый нравъ человѣка, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, капитанъ Реггъ ожидалъ нѣкоторыхъ трудностей въ разрѣшеніи вопросовъ, которые могъ задать ему мистеръ Нозль Ванстонъ на пути въ Лондонъ. Къ великому его облегченію, одно домашнее соображеніе поглотило, съ самого начала путешествія, все вниманіе его спутника. По удивительному недосмотру, накануне свадьбы, не позаботились о горничной для миссъ Байгревъ. Мистеръ Нозль Ванстонъ объявилъ, что онъ приметъ на себя всю отвѣтственность за исправленіе этого недосмотра; онъ не станетъ беспокоить мистера Байгрева просьбой о содѣйствіи; онъ переговоритъ, по пріѣздѣ, съ хозяйкой гостиницы и лично пересмотритъ кандидатокъ на мѣсто. Во всю дорогу до Лондона онъ безпрестанно возвращался къ этому предмету; весь вечеръ, въ гостиницѣ, онъ безпрестанно ходилъ къ хозяйкѣ, пока не заставилъ ея, наконецъ, запереться отъ нея. Вовсѣхъ другихъ распоряженіяхъ касательно брака, онъ шелъ по слѣдамъ своего умнаго друга. Въ дѣлѣ же горничной для барыни, онъ занялъ принадлежащее мѣсто, не слѣдовалъ по чужимъ стопамъ, а самъ шелъ впереди.

Первая половина слѣдующаго дня была посвящена пріобрѣтенію свидѣтельства; честь заявленія подъ присягой была съ жаромъ принята мистеромъ Нозлемъ Ванстономъ на себя, который и клялся, съ совершенною искренностью (на основаніи пріобрѣтенныхъ прежде отъ капитана свидѣній), что дѣвица законныхъ лѣтъ. Добывъ документъ, женихъ возвратился домой, для изслѣдованія качествъ служанокъ, ищущихъ мѣста, собранныхъ хозяйкой въ гостиницѣ, между тѣмъ какъ капитанъ отправился, „по собственному дѣлу“, къ одному изъ своихъ пріятелей жившему въ отдаленномъ лондонскомъ кварталѣ.

Пріятель капитана былъ изъ числа законниковъ, и дѣло капитана имѣло двойную цѣль. Первою цѣлью его было

узнать о законномъ значеніи приближающагося брака для будущности мужа и жены. Второю цѣлью его было позаботиться заблаговременно о томъ, чтобъ исчезъ всякій слѣдъ его, какъ только онъ увидѣтъ изъ Альдборо посѣлъ свадьбы. Сдѣлавъ все что нужно, онъ возвратился въ гостилицу и засталъ мистера Нозля Ванстона поглощеннаго чувствомъ своего оскорбленнаго достоинства въ комнатѣ хозяйки. Три горничныя были уже на смотру, и всѣ онѣ, какъ только рѣчь доходила до жалованія, нагло отказывались отъ мѣста. Четвертая кандидатка должна явиться завтра, и прежде чѣмъ дѣло это не будетъ покончено, мистеръ Нозль Ванстонъ положительно отказывается оставить столицу. Капитанъ Реггъ откровенно высказалъ свое неудовольствіе касательно бесполезной, происходящей отъ того, отсрочки; но не произвелъ никакого впечатлѣнія. Мистеръ Нозль Ванстонъ только закачалъ своею упрямою головкой, и торжественно объявилъ что не намѣренъ шутить своею отвѣтственностью въ этомъ дѣлѣ.

Въ субботу утромъ, прежде всего явилось письмо отъ мистриссъ Леконтъ, въ одномъ изъ конвертовъ, подписанныхъ капитаномъ на свое имя. Онъ получилъ его (по предварительному условію со слугою) въ своей спальнѣ, прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ и положилъ его тщательно въ свою записную книжку. Письмо было зловѣщимъ знаменіемъ серьезныхъ событій впереди, по возвращеніи въ Англію экомомки; необходимо было отдать это предостереженіе въ руки Магдалины, которой касались эти угрозы.

Черезъ нѣсколько времени, явилась четвертая кандидатка на мѣсто горничной, молодая женщина съ небольшими требованіями, съ запуганными приемами, смотрѣвшая (по замѣчанію хозяйки) женщиной знакомою съ несчастіемъ. Она прошла успѣшно чрезъ испытаніе смотра, и безропотно согласилась на жалованье. По утвержденіи обѣими сторонами условій, вышли новыя замедленія, причиною которыхъ была снова мистеръ Нозль Ванстонъ. Онъ до сихъ поръ еще не рѣшился, заплатитъ ли ему болѣе гинеи за обручаемое кольцо, и потратилъ остальное время дня на расхаживаніе по лавкамъ золотыхъ дѣлъ мастеровъ, такъ что, вмѣстѣ съ капитаномъ и новою горничной (сопровождаяшею ихъ), онъ

едва успѣлъ захватить послѣдній вечерній лондонскій поѣздъ.

Поздно вечеромъ, оставили они желѣзную дорогу, на ближайшей къ Альдборо станціи. Капитанъ Реггъ былъ странно молчаливъ во весь путь. Онъ не былъ спокоенъ. Онъ оставилъ Магдалину въ очень критическихъ обстоятельствахъ, безъ способнаго для надзора за ней лица, и совершенно не зналъ о ходѣ событій въ Нортъ-Шингельзъ въ свое отсутствіе.

XIII.

Что же случилось въ Альдборо въ отсутствіе капитана Регга?

Вотъ что случилось со времени его отъѣзда до его возвращенія:

Лишь только коляска оставила Нортъ-Шингельзъ, какъ мистриссъ Реггъ получила приказаніе, переданное ей, по порученію мужа, служанкой. Она посѣвшая въ приемную, ошеломленная бурною сценою съ капитаномъ, съ умиленнымъ признаніемъ ричиннаго зла, но безъ сознанія какого именно. Еслибы голова Магдалины не была занята наполнявшею ее теперь мыслью о бракѣ, еслибы въ ней нашлось достаточно спокойствія, чтобы выслушать сбивчивый разказъ мистриссъ Реггъ о случившемся во время ея свиданія съ экономкой, то она узнала бы объ осмотрѣ своего гардероба мистриссъ Леконтъ, и еслибы не совсѣмъ поняла въ чемъ дѣло, все-таки была бы предостережена на счетъ опасности, таившейся измѣнически въ ея альпаковомъ платьи.

Случившееся утромъ, какъ и все случившееся въ послѣднее время, исчезло изъ головы Магдалины, словно ничего не бывало. Ужасъ приближающагося понедѣльника, безжалостная неизбѣжность уже назначеннаго дня и часа, окаменили въ ней всякое чувство, упразднили всякую мысль. Мистриссъ Реггъ трижды пыталась заговаривать о посѣщеніи экономки. Первая попытка прошла также бесполезно, какъ еслибы она обратилась къ вѣтру или морю. Вторая попытка оказалась какъ будто успѣшнѣе. Магдалина вздохнула, послушала равнодушно съ минуту, но потомъ бросила разговоръ. — „Все

равно“, произнесла она: „конецъ тотъ же. Я не сержусь на васъ. Довольно.“ По послѣ, не зная о чемъ говорить, мистриссъ Реггъ сдѣлала новую попытку. Въ этотъ разъ, Магдалина вспыхнула на нее: „Бога ради, не мучьте меня пустяками! Я не могу выносить этого.“ Мистриссъ Реггъ тотчасъ же сомкнула ротъ и не возвращалась уже къ этому предмету. Магдалина, которая была всегда добра къ ней, сердито запретила это. Капитанъ, совершенно не знавшій, какой интересъ связываетъ мистриссъ Леконтъ съ тайнами гардероба, не догадывался въ чемъ дѣло. Всѣ добытыя имъ, изъ умственного хаоса своей жены, свѣдѣнія, получилъ онъ прямыми вопросами, основанными лишь на томъ что было ему извѣстно. Онъ требовалъ безусловно ясныхъ отвѣтовъ и добился своего, какъ всегда; отъѣздъ же его въ то самое утро не далъ ему возможности возвратиться къ вопросу, даже еслибы раздраженіе его противъ жены позволило ему сдѣлать это. И вотъ альпаковое платье, незамѣчаемый и неподозрѣваемый центръ грядущихъ опасностей, висѣло себѣ, забытое, во мракѣ.

Къ полдню, мистриссъ Реггъ отважилась подать свое мнѣніе, и пригласила Магдалину пройтись немного на свѣжемъ воздухѣ.

Безсознательно надѣла Магдалина свою шляпку и безсознательно послѣдовала за своею сожительницей на гулянье; они достигли сѣвернаго конца его. Здѣсь, на удивительномъ побережьѣ, усѣлись онѣ рядомъ на камешкахъ. То былъ свѣтлый, веселый день; по покойной водной лазури шли яхты подъ парусами; весь праздный людъ въ Альдборо весело высыпалъ на берегъ или плавалъ по взморью. Веселый видъ возвратилъ мистриссъ Реггъ хорошее расположеніе духа; она, какъ дитя, принялась забавляться бросаньемъ камешковъ въ море. По временамъ, она вопрошительно взглядывала на Магдалину, но не видѣла въ ея приѣмахъ ободренія себѣ, а въ лицѣ радушія. Безмолвно сидѣла та на откосѣ гонта, уперевъ локоть въ колѣно и положивъ голову на руку, озирая море, глядя съ жаднымъ вниманіемъ и не видя, повидимому, ничего. Мистриссъ Реггъ оставила свои камешки: ей также надобно смотрѣть на яхты. Большая голова ея стала тяжело склоняться, и она задремала на тепломъ дремящемъ воздухѣ. Когда она проснулась, яхты были далеко, паруса ихъ казались бѣлыми

пятнами вдали. Уменьшилось число гулявшихъ на берегу, спустилось солнце въ небѣ, потемнѣло и зарыбилось синее море. Переменная воздуха, земли и моря говорила о наступавшихъ сумеркахъ; вездѣ замѣтна была переменна, не было ея лишь подлѣ. Тутъ, все въ прежнее положеніи, сидѣла Магдалина, озирая усталыми глазами море и не видя ничего.

— О, скажите мнѣ хоть словечко! произнесла мистриссъ Реггъ.

Магдалина опомнилась и безсознательно осмотрѣлась кругомъ.

— Поздно, проговорила она, вздрагивая при первомъ ощущеніи усилившагося вѣтра.—Пойдемте домой; вамъ пора пить чай.

Молча пошла онѣ домой.

— Не сердитесь на меня за вопросъ, сказала мистриссъ Реггъ, когда онѣ сѣли вмѣстѣ за чайный столъ:—вы разстроены, душечка моя?

— Да, отвѣчала Магдалина:—не обращайтесь на меня вниманія. Разстройство мое пройдетъ скоро.

Она терпѣливо дождалась, пока мистриссъ Реггъ покончила чаемъ, и затѣмъ поднялась въ свою комнату.

— Поведѣльникъ! произнесла она, садясь къ своему туалетному столу.—До поведѣльника можетъ еще что-нибудь случиться.

Руки ея ходили механически между щетками и гребнями, флакончиками и коробочками стола. Она устанавливала ихъ то такъ, то иначе, и потомъ вдругъ сбивала ихъ въ кучу. На минуту-другую руки ея остались незанятыми. Потомъ, онѣ снова заходили и стали выдвигать и задвигать два маленькіе ящика въ столѣ. Въ одномъ между разными вещами находился молитвенникъ, принадлежавшій ей въ Комбъ-Ревенѣ и сохраненный ею, съ другими дорогими предметами прошлаго. Послѣ долгой нерѣшимости, она открыла молитвенникъ на брачной службѣ, закрыла его опять, прежде чѣмъ могла прочесть хоть одну строчку, и быстро кинула его снова въ одинъ изъ ящиковъ. Повернувъ ключъ въ замкѣ, она поднялась и направилась къ окну.

— Гадкое море! произнесла она, съ трепетомъ омер-

зѣнія, отворачиваясь отъ окна.— Глухое, печальное, отвратительное море!

Она возвратилась къ ящику, вынула во второй разъ молитвенникъ, открыла его до половины снова на брачной службѣ, и съ нетерпѣніемъ кинула опять обратно. Въ этотъ разъ, повернувъ ключъ въ замкъ, она взяла его, подошла съ нимъ въ рукахъ къ открытому окну, и сильнымъ движеніемъ бросила его въ садъ. Онъ упалъ въ густо заросшее цвѣтами мѣсто. Онъ исчезъ, онъ пропалъ. Чувство его потери повидимому ободрило ее.

— Что-нибудь можетъ случиться въ пятницу, или въ субботу, или въ воскресенье. Еще три дня!

Она закрыла зеленыя ставни и спустила шторы, чтобъ омрачить еще болѣе комнату. Голова ея отяжелѣла; глаза горѣли. Она бросилась на постель съ упорнымъ желаніемъ убить время сномъ.

Ей помогла тишина царствовавшая въ домѣ, помогла темнота комнаты; умственное оцѣпененіе, въ которое впала она, произвело свое дѣйствіе на ея чувства; она заснула прерывистымъ сномъ. Тревожныя руки ея двигались безпрестанно, голова металась на подушкѣ; но она спала. Скоро одно за другимъ начали вырываться у ней отдѣльныя слова; произносимыя шепотомъ во снѣ, слова эти становились связнѣе и опредѣленнѣе, по мѣрѣ того какъ продолжался ея сонъ, — слова, повидимому умирившія ея волненіе и погружавшія ее въ болѣе глубокое спокойствіе. Она улыбнулась; она была въ счастливой странѣ грезъ: имя Франка вырвалось у ней изъ устъ. „Любишь ты меня, Франкъ?“ прошептала она. „О, ангелъ мой, повтори это, повтори еще разъ!“

Уходило время, комната становилась темнѣе, а сонъ ея все длился, и она все оставалась въ царствѣ сновидѣній. При наступленіи сумерекъ, когда не слышно было никакого шума ни внутри, ни внѣ дома, она вскочила на кровати, проснувшись внезапно. Дремучій мракъ комнаты испугалъ ее. Она кинулась къ окну, открыла толчкомъ ставни и высунулась въ окно на вечерній воздухъ на вечерній свѣтъ. Глаза ея пожирала обычный видъ поморья; уши впивались въ привѣтливый шепотъ моря. Ей хотѣлось чего-нибудь отрезвляющаго отъ впечатлѣній оставленныхъ ея снами! Нѣтъ темноты; нѣтъ покоя. Сонъ сходящій дружелюбно къ

другимъ, обошелся съ ней измѣнительно. Онъ закрылъ ей глаза на будущее, чтобъ открыть ихъ на прошедшее.

Она сошла снова въ приемную съ страстнымъ желаніемъ поболтать, хоть о пустякахъ. Комната была пуста. Быть-можетъ, мистриссъ Реггъ ушла работать, быть можетъ она слишкомъ устала, чтобы пускаться въ разговоры. Магдалина взяла со стола свою шляпку и вышла. Море, отъ котораго нѣсколько часовъ тому назадъ, отшатнулася она, глядя теперь радушно. Какъ восхитительно было оно въ своей прохладной вечерней лазури! Сколько блаженной радости въ этой массѣ волнъ, громоздящихся вверхъ къ небесному свѣту!

Она не возвращалась домой, пока не спустилась ночь и не показались звѣзды. Ночь привнесла ей облегченіе.

Мало по малу, голова ея успокоилась, и она прямо въ лицо посмотрѣла своему положенію. Напрасная надежда, что случай разстроитъ ту цѣль, для которой сама же она неустанно хлопотала и трудилась, оставила ее и исчезла, разъяснившись сама собою отъ собственной слабости. Она ясно видѣла всю альтернативу, и не отвращивалась отъ ней. Съ одной стороны, рѣшиться на возмутительную пытку брака, съ другой—отказаться отъ замысла. Пожертвовать ли своимъ замысломъ, или пожертвовать собою? Но не поздно ли задавать себѣ этотъ вопросъ. Да! слишкомъ поздно. Отступить нѣтъ возможности. Время, котораго не могутъ измѣнить никакія желанія, время, котораго не могутъ вернуть никакія просьбы, превратило ея замыселъ въ плоть и кровь ея: когда-то она управляла имъ, теперь онъ управлялъ ею. Чѣмъ болѣе упиралась она, чѣмъ усильнѣе боролась, тѣмъ онъ безжалостнѣе увлекалъ ее. Никакое другое побужденіе въ ней не было достаточно сильно, чтобы пересидеть его, ни даже тотъ ужасъ, отъ котораго мутилася ея разсудокъ—ужасъ при мысли о бракѣ.

Около девяти часовъ, она возвратилась домой.

— Опять гуляли! воскликнула мистриссъ Реггъ, встрѣчая ее у дверей.—Войдите и присядьте, душечка моя. Какъ вы, должно-быть, устали!

Магдалина улыбнулась, и ласково потрепала мистриссъ Реггъ по плечу.

— Вы забываете какъ я сильна, произнесла она.—Ничто не прогимааетъ меня.

Она зажгла свѣчу и снова отправилась наверхъ въ свою комнату. Когда она возвратилась къ старому своему мѣсту у туалетнаго стола, тщетная надежда на трехъ-дневный срокъ, тщетная надежда на случайное избавленіе, пришла ей снова въ голову, и на этотъ разъ въ формѣ болѣе осязательной чѣмъ прежде.

— Пятница, суббота, воскресеніе. Что-нибудь можетъ случиться съ нимъ; что-нибудь можетъ случиться со мною. Что-нибудь важное, что-нибудь злополучное. Одинъ изъ насъ можетъ умереть.

Лицо ея вдругъ измѣнилось. Она задрожала, хотя воздухъ вовсе не былъ прохладенъ. Она встрепенулась, хотя никакой шумъ не испугалъ ея.

— Одинъ изъ насъ можетъ умереть. Почему бы не я!

Она глубоко задумалась; потомъ, черезъ нѣсколько времени, поднялась, и отворивъ дверь, кликнула мистриссъ Реггъ.

— Ваша правда; я, точно утомилась, сказала она.—Моя прогулка была мнѣ немного черезъ силу. Я чувствую усталость и иду спать. Доброй ночи.

Она поцѣловала мистриссъ Реггъ, и тихо заперла за нею дверь.

Пройдя нѣсколько разъ взадъ и впередъ по комнатѣ, она быстро открыла свой бюро и начала письмо къ сестрѣ. Письмо расло и расло подъ ея рукой; она неписывала листъ за листомъ почтовой бумаги. Душа ея была полна: то была ея исторія, разказанная Норъ. Она не плакала; она была угрюмо-спокойна. Ровно ходило ея перо. Послѣ двухчасоваго писанія, она встала, оставивъ письмо неоконченнымъ. Подъ нимъ не было подписи, и оставалось не записанное мѣсто до другаго раза. Положивъ въ сторону бюро, съ спрятанными въ немъ исписанными листками, она подошла къ окну подышать воздухомъ, и остановилась у него глядя впередъ.

Луна катилась надъ моремъ. Ранній вѣтерокъ упалъ. Духъ ночи охватилъ землю и море глубокимъ, благоговѣйнымъ покоемъ.

Низко на грудь склонилась ея голова, и съ исчезавшею луной, все исчезало предъ ея глазами. Она не видѣла ни моря, ни неба. Искусительница смерть точила ея сердце. Искусительница смерть припоминала ей старый домъ, съ

могилной покойныхъ родителей на Комбъ-Ревенскомъ кладбищѣ.

„Въ послѣдній день рожденія минуло мнѣ девятнадцать“, подумала она. „Всего девятнадцать!“ Она отошла отъ окна, задумалась, и потомъ снова взглянула. „Прекрасная ночь!“ проговорила она благодарственно. „О, какая прекрасная ночь!“

Она отошла отъ окна и легла на постель. Сонъ, который измѣнительно посѣтилъ ее прежде, сошелъ теперь къ ней дружелюбно и охватилъ ее покоемъ глубокимъ, чуждымъ грезъ, какъ бы подобіемъ ея послѣдней мысли,—подобіемъ смерти.

На другой день, рано утромъ, вошла мистриссъ Реггъ въ комнату Магдалины и нашла ее уже вставшею. Задумчивая и спокойная, сидѣла она предъ зеркаломъ, медленно расчесывая свои волосы.

— Какъ вы чувствуете себя, сегодня утромъ, душенька? спросила мистриссъ Реггъ.—Хорошо?

— Да.

Отвѣчая утвердительно, Магдалина остановилась, подумала секунду, и вдругъ заговорила противное. — Нѣтъ, произнесла она, — не совсѣмъ хорошо. У меня болятъ немного зубы.—Говоря это, она коснулась гребнемъ волосъ, такъ что они надвинулись ей на лицо.

За завтракомъ, она была очень молчалива и выпила всего одну чашку чаю.

— Дайте-ка я схожу къ аптекару и возьму чего-нибудь, сказала мистриссъ Реггъ.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Ахъ, позвольте!

— Нѣтъ!

Рѣзко и сердито отказала она во второй разъ. Какъ всегда, мистриссъ Реггъ покорилась, и осталась ее при своемъ. Послѣ чего, Магдалина встала, не говоря ни слова, и вышла. Мистриссъ Реггъ, слѣдя за ней изъ окна, видѣла, какъ она направилась къ аптекѣ.

Достигнувъ двери аптеки, Магдалина остановилась выждала и заглянула въ окно прежде чѣмъ войти, заколебалась, отошла немного въ сторону, заколебалась снова, и повернула обратно ко взморью.

Не взглянувъ вокругъ, не пометривъ даже подъ ноги,

она сѣла на волунахъ. Не подалеку отъ нея были два мальчика съ нянькой. Въ рукахъ у младшаго изъ двухъ былъ игрушечный корабликъ. Поглядѣвъ немного на Магдалину, съ странною важною и вниманіемъ, мальчикъ вдругъ приблизился къ ней и началъ съ нею знакомство, положивъ спокойно свою игрушку на ея колѣни.

— Посмотри-ка на мой корабль, проговорилъ ребенокъ, складывая свои руки на колѣняхъ Магдалины.

Обыкновенно, она была нетерпѣлива съ дѣтьми. Въ ея лучшіе дни, она не такъ бы встрѣтила мальчика, какъ встрѣтила его теперь. Мрачное отчаяніе вдругъ исчезло изъ ея взора; сомкнутыя губы ея раскрылись и задрожали. Она отдала корабликъ въ руки ребенка, и подняла его на свои колѣни.

— Поцѣлуешь ты меня? спросила она мягко.

Мальчикъ посмотрѣлъ на свой корабликъ, какъ будто ему было бы пріятнѣе поцѣловать его.

Она повторила вопросъ, повторила его почти со смиреніемъ. Ребенокъ обнялъ ея шею и поцѣловалъ ее.

— Еслибъ я была твоей сестрой, любилъ бы ты меня?

Вся тоска ея одинокаго положенія, вся заглушная вѣжливость ея сердца высказались въ этихъ словахъ.

— Любилъ бы ты меня? повторила она, прѣча свое лицо на груди ребенка.

— Да, отвѣчалъ ребенокъ.—Посмотри-ка мой корабликъ.

Она посмотрѣла на его корабликъ сквозь выступавшія слезы.

— Какъ же это называется? спросила она, стараясь чѣмъ-нибудь занять ребенка и расположить его къ себѣ.

— Это корабликъ дядюшки Керка, отвѣчалъ мальчикъ.— Дядюшка Керкъ уѣхалъ.

Имя это не воскресило ничего въ ея памяти. Изъ воспоминаній, одни лишь старыя жили въ ней теперь.

— Уѣхалъ? повторила она безозвательно, ища что сказать своему маленькому другу.

— Да, сказалъ мальчикъ.—Уѣхалъ въ Китай.

Даже въ устахъ ребенка слово это поразило ее въ сердце. Она спустила съ колѣнъ маленькаго племянника Керка, и тотчасъ же оставила берегъ.

На пути домой, въ умѣ ея возобновилась борьба прошлой ночи. Но облегченіе, принесенное ей ребенкомъ,

животворная вѣжность, которую почувствовала она, когда онъ сидѣлъ на ея козлыкахъ, еще имѣли на нее вліяніе. Она чувствовала, какъ новая надежда пробивалась въ ея мысляхъ, когда невинныя глазки ребенка остановились на ея лицѣ. Въ самомъ ли дѣлѣ поздно отступить назадъ?

Она взбѣжала къ себѣ, съ затаеннымъ недоумѣніемъ къ происшедшей въ ней переменѣ, говорившимъ ей, что слѣдовало бы дѣйствовать, а не задумываться. Не теряя времени на снятіе платка и шапки, она открыла свой бюварь и, написала слѣдующія строчки капитану Реггу такъ быстро, какъ только перо могло повиноваться ей:

„Вы найдете при семъ обѣщанная мною вамъ деньги. Рѣшимость моя оставила меня. Ужасъ стать его женою выше моихъ силъ. Я уѣхала изъ Альдборо. Пожалуйте мою слабость, и забудьте меня. Постараемся никогда не встрѣчаться.“

Съ сердечнымъ трепетомъ, горячими, дрожащими пальцами, сняла она съ груди свой бѣленькій шелковый мѣшочекъ, и вынула изъ него банковыя билеты, чтобы положить ихъ въ письмо. Рука ея искала порывисто; рука ея утратила разборчивость осознанія. Она скомкала въ одну кучу все заключавшееся въ мѣшочкѣ, и сильно выдержула бумажки, надорвавъ одинъ и смявъ другія. Бросивъ ихъ передъ собой на столъ, она увидѣла прежде всего листокъ съ собственнымъ почеркомъ, поблѣднѣвшимъ отъ времени. Она вглядѣлась въ него, и узнала слова, списанныя ею съ письма покойнаго отца,—прочла на верху страницы, краткій и грозный комментарий на нихъ законника:

„Дочери мистера Ванстона ничѣмъ, и законъ равнодушно ставитъ насъ въ зависимость отъ милости насъ дяди.“

Трепетавшее сердце ея замолкло; ледяное оцѣпенѣніе охватило дрожавшія руки. Нѣмымъ, гнетущимъ упрекомъ возстала предъ ней все прошлое. Она подняла записку, едва минутому назадъ написанную ею, и посмотрѣла, съ какою-то недоумѣнчивостью оцѣнившаго разсудка, на не обсохшія еще чернила.

Зарумянившая щеки ея краска, исчезла снова. Тяжелое отчаяніе, холоднымъ блескомъ, охватило ея безслезные глаза. Тщательно сложила она банковыя билеты и положила ихъ опять въ мѣшочекъ. Когда мѣшочекъ былъ снова на

груди, она постоила немного, закрывъ лицо руками, потомъ разорвала записку къ капиталу Реггу. Не успѣла еще высохнуть чернила, какъ кусочки письма уже валялись на полу.

— Нѣтъ! произнесла она, когда послѣдній лоскутъ изорванной бумаги выпалъ изъ ея рукъ. — Съ этого пути возврата нѣтъ.

Она встала спокойно и оставила комнату. Спускаясь съ лѣстницы, она встрѣтила поднимающуюся мистрисъ Реггъ. — Опять гулять, милая моя? спросила мистрисъ Реггъ. — Можно мнѣ съ вами?

Вниманіе Магдалины было развлечено. Въмѣсто того, чтобъ отвѣчать на вопросъ, она бессознательно отвѣтила на мысль свою.

— Тысячи женщинъ выходятъ замужъ по расчету, проговорила она. — Отчего не выйдти и мнѣ?

Совершенное недоумѣніе, изобразившееся на лицѣ мистрисъ Реггъ при этихъ словахъ, возвратило ее къ сознанию дѣйствительности.

— Бѣдная моя! сказала она;— я удивляю васъ, не такъ ли? Не обращайтесь вниманія на мою болтовню; дѣвушки всѣ обыкновенно говорятъ глупости, а я не лучше другихъ. Постоите-ка, я повеселю васъ въ отсутствіе капитала. Мы возьмемъ экипажъ, и отправимся куда-нибудь подалее погулять. Надѣньте вашу нарядную шляпку и пойдите вмѣстѣ въ отель. Я велю хозяйкѣ уложить въ корзинку славный холодный обѣдъ. Мы заберемъ всѣ любимыя ваши кушанья, а я стану прислуживать вамъ. Когда вы будете старая, престарая, вы помянете меня добромъ, не такъ-ли? Вы скажете тогда: „она не была дурною дѣвушкой; отна хуже ея жили себѣ благополучно, и никто не хулитъ ихъ.“ Такъ-то, такъ! Ступайте, надѣньте вашу шляпку. О, Боже, что у меня за сердце такое! Оно все еще живо во мнѣ, тогда какъ у всякой другой на моемъ мѣстѣ сердце давно бы ужъ умерло.

Черезъ полчаса, Магдалина и мистрисъ Реггъ сидѣли вмѣстѣ въ коляскѣ. Одна изъ лошадей заупримиалась. — Стегните ее, сердито сказала Магдалина кучеру. — Чего вы боитесь? Стегните ее! — Вообразите, что коляска опрокинется, прибавила она, обращаясь внезапно къ своей:

слутвицѣ, — и вообразите, что я вылечу изъ ней и умру на мѣстѣ... Ахъ, какой вздоръ я говорю! Не глядите на меня такъ. Я похожу теперь на вашего мужа; я въ юмористическомъ настроеніи духа.

Весь день провели онѣ на воздухѣ. Когда онѣ возвратились домой, были уже сумерки. Длинный рядъ проведенныхъ на свѣжѣмъ воздухѣ часовъ, утомилъ ихъ одинаково. И эту ночь проспала Магдалина глубокимъ мертвымъ сномъ прошлой ночи. Такъ кончилась пятница.

Последнею мыслию ея предъ сномъ была мысль, поддерживавшая ее въ продолженіи цѣлаго дня. Она склонила голову свою на подушку съ тою же отчаянною рѣшимостью, которая выразилась на словахъ, при случайной встрѣчѣ съ мистриссъ Реггъ на лѣстницѣ. При пробужденіи, въ субботу утромъ, рѣшимость эта исчезла. Все что думалось и все что происходило вчерашній день исчезло изъ ея памяти. Снова почувствовала она, какъ прокрадывалось холодно въ ея юную кровь медленное и убійственное дѣйствіе отчаянія, посѣтившаго ее при мерцающемъ свѣтѣ луны и шептавшаго ей посреди жуткой тишины.

— Въ четвергъ вечеромъ, я отлично понимала какъ все должно кончиться, произнесла она про себя.—А послѣ за то я сбилась съ пути.

Встрѣтившись въ этотъ день утромъ съ мистриссъ Реггъ, она снова пожаловалась на зубную боль, снова отклонила предложеніе мистриссъ Реггъ съходить за лѣкарствомъ, и послѣ завтрака вышла изъ дому по направленію къ аптекѣ, какъ вчера.

Въ этотъ разъ, она вошла въ аптеку безъ малѣйшей нерѣшимости.

— У меня заболѣли зубы, сказала она отрывисто, обращаясь къ пожилому человѣку стоявшему за конторкой.

— Можно мнѣ взглянуть на зубъ, миссъ?

— Нѣтъ надобности осматривать его. Онъ пустой. Должно быть я простудилъ его.

Аптекарь предложилъ нѣсколько средствъ бывшихъ въ славу пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Она отказалась взять которое-нибудь изъ нихъ.

— Мнѣ всегда въ этихъ случаяхъ помогала настой опія, проговорила она, перебирая склянки на прилавкѣ и смотря на нихъ, а не на аптекаря.—Дай тебѣ немного этого настоя.

— Извольте, миссъ. Извините за вопросъ,—это только формальность: вы живете въ Альдборо?

— Да. Я миссъ Байгревъ, изъ Нортъ-Шингельза.

Аптекарь поклонился и, повернувшись къ своимъ ящикамъ, немедленно наполнилъ настоемъ опія обыкновенную полууццовую стеклянку. Справившись объ имени и мѣстѣ жительства покупательницы, владѣлецъ аптеки приваля, естественную въ заботливомъ человѣкѣ, предосторожность, которую далеко, впрочемъ, не всѣ принимали въ то время при тогдашнемъ состояніи закона.

— Не положите ли вамъ и немного ваты вмѣстѣ съ опіемъ, спросилъ онъ, прикрѣпивъ ярлыкъ къ стеклянкѣ и написавъ на немъ какое-то слово крупными буквами.

— Сдѣлайте одолженіе. Чтѣ это вы написали сейчасъ на склянкѣ?

Она спросила это рѣзко, съ нѣкоторымъ недоумѣніемъ и нѣкоторымъ любопытствомъ.

Аптекарь отвѣтилъ на вопросъ, повернувъ къ ней ярлыкъ. Она увидѣла, крупными буквами, слово я д ѣ .

— Я люблю предосторожность, миссъ, замѣтилъ аптекарь, пожилой господинъ. — Очень достойные въ другихъ отношеніяхъ люди, часто бываютъ до крайности неосторожны въ отношеніи къ яду.

Она снова принялась трогать и передвигать стеклянки на прилавкѣ, и сдѣлала другой вопросъ съ худо-скрытымъ нетерпѣніемъ услышать отвѣтъ.

— Развѣ такая капля можетъ быть опасна? спросила она.

— Въ этой каплѣ смерть, миссъ, отвѣчалъ спокойно аптекарь.

— Смерть ребенку или больной особѣ?

— Смерть самому сильному въ цѣлой Англіи мужицѣ, кто бы онъ ни былъ.

Съ этими словами, аптекарь припечаталъ оберточную бумагу и передалъ стеклянку Магдалинѣ черезъ прилавокъ. Она улыбнулась, принимая его, и заплатила.

— У насъ, въ Нортъ-Шингельзѣ, опасности никакой быть не можетъ, сказала она. — Я запру стеклянку въ мой шкафъ. Если это средство не поможетъ, мнѣ придется зайти къ вамъ снова и попробовать другое. Добраго утра.

— Добраго утра, миссъ.

Она пошла прямо домой, не поднявъ ни разу главъ, не замѣчая никого изъ встрѣчныхъ. Она прошла мимо мистриссъ Реггъ въ коридорѣ, словно мимо какой-нибудь мебели. Подымаясь на лѣтвицу, она два раза наступала ногой на платье, вовсе забывъ объ обычной предосторожности придерживать его. Многія ежедневныя заботы уже утратили для нея значеніе.

Въ уединеніи своей комнаты, она развернула стклянку и бросила въ каминъ бумагу и вату. Въ эту минуту послышался стукъ въ дверь. Спратавъ стклянку, она съ неудовольствіемъ подняла глаза.

Мистриссъ Реггъ вошла въ комнату.

— Запаслись вы чѣмъ-нибудь отъ зубовъ, душечка моя?

— Да.

— Не могу ли я быть вамъ чѣмъ-нибудь полезною?

— Нѣтъ.

Мистриссъ Реггъ все мѣшкала безпокойно у дверей. По приѣмамъ ея было ясно видно, что она имѣетъ сказать еще вѣчто.

— Чтò еще? рѣзко спросила Магдалина.

— Не сердитесь, произнесла мистриссъ Реггъ.—Я незнаю чтò подумать о капитанѣ. Онъ очень любитъ писать, а вотъ ничего не пишетъ. Онъ проворенъ, какъ молнія, — а вотъ все еще его вѣтъ какъ вѣтъ. Ужь суббота, а объ немъ ни слуху ни духу. Ужь не совсѣмъ ли онъ насъ покинулъ? Не случилось ли съ нимъ чего-нибудь?

— Не думаю. Ступайте внизъ; я сейчасъ приду къ вамъ, и мы поговоримъ объ этомъ.

Оставшись одна, Магдалина тотчасъ же встала, подошла къ запиравшемуся шкапу и, въ недоумѣніи, держа рукою ключъ, остановилась на минуту. Появленіе мистриссъ Реггъ разстроило весь ходъ ея мыслей. Послѣдній вопросъ мистриссъ Реггъ, какъ ни былъ онъ пустъ, удержалъ ее на краю пропасти, воскресилъ въ ней старую тщетную надежду на случайное избавленіе.

— Отчего же вѣтъ? проговорила она. — Отчего бы и не случиться чему-нибудь съ однимъ изъ нихъ?

Она спратала настой въ шкапъ, заперла его и положила ключъ въ карманъ. — Еще довольно времени, подумала она,—до поведѣльника. Подожду капитана.

Послѣ переговоровъ внизу, было рѣшено, что служанка совсѣмъ не будетъ ложиться въ эту ночь, въ ожиданіи приѣзда хозяина. День прошелъ спокойно безъ всякихъ происшествій. Магдалина дремала все время надъ книгой. Она чувствовала лишь усталое терпѣніе ожиданія; острая мука мысли притупилась наконецъ. День и вечеръ она провела въ приемной; ей было какъ-то жутко возвратиться въ свою комнату.

Съ приближеніемъ ночи, когда затихъ шумъ и въ домѣ и на улицѣ, къ ней стало возвращаться ея безпокойство. Она пыталась успокоить себя чтеніемъ. Книги не могли привлечь ея вниманія. Газета лежала въ углу комнаты: она попробовала читать ее.

Безсознательно пересматривала она заголовки статей, небрежно переворачивая страницу за страницей, пока ея блуждавшее вниманіе не остановилось на описанія казни въ одной отдаленной части Англіи. Ничего поразительнаго не было въ разказѣ о преступленіи, а она все-таки прочла его. То былъ обыкновенный, къ несчастію слишкомъ обыкновенный случай убійства, — убійства служанки на фермѣ ревнивымъ работникомъ. Процессъ не представлялъ ничего драматическаго; приговоренный былъ повѣшенъ безъ всякихъ особенныхъ обстоятельствъ. Подобно другимъ преступникамъ этого разряда, онъ сознался, когда увидѣлъ что ему не остается надежды, и журналъ, въ концѣ статьи, слѣдующимъ образомъ разказалъ его исповѣдь:

„Я былъ въ отношеніяхъ съ покойною гдѣзъ или около того. Я говорилъ, что женюсь на ней, когда буду имѣть достаточно денегъ. Она говорила, что у меня достаточно ихъ. Мы поссорились. Она не хотѣла ходить гулять со мною, не хотѣла наливать мнѣ пива; она связалась съ какимъ товарищемъ, Давидомъ Кроучемъ. Я пошелъ къ ней въ субботу и сказалъ, что женюсь на ней, если она броситъ Кроуча. Она насмѣялась надо мною. Она вытаскала меня изъ прачешной, и другіе видѣли, какъ она вытаскивала меня. Это взбѣсило меня. Я ушелъ и сѣлъ у воротъ, — у воротъ на лужку, что зовутъ Петтитъ-Писъ. Мнѣ пришло въ голову убить ее. Я пошелъ за ружьемъ и зарядилъ его. Потомъ, снова пошелъ на Петтитъ-Писъ. Мнѣ тяжело было. Я подумалъ, погадаю, убить ее или

вѣтъ, и кинулъ въ воздухъ плашмой отвалъ. Я сказалъ себѣ: если онъ упадетъ плашма, не убью; если онъ воткнется концомъ въ землю, убью. Я херешенько раскачалъ отвалъ, и взбросилъ. Она упала концомъ въ землю. Я пошелъ и застрѣлалъ ее. Злое это дѣло, но я виноватъ въ немъ. Я убилъ ее, какъ показывали на меня въ судѣ. Надѣюсь, что Господь помилуется мнѣ. Старое платье мое оставляю матери. Я сказалъ все.“

Въ счастливые дни свои, Магдалина не остановилась бы на описаніи казни и слѣдовавшаго за ними разказа объ исповѣди;—предметъ этотъ не занялъ бы ее. Теперь она прочла ужасную исторію, прочла съ необъяснимымъ себѣ интересомъ. Вниманіе ея, разсѣянно пробѣгавшее по предметамъ высшимъ и лучшимъ, останавливалось на каждомъ словѣ страшно откровенной исповѣди убійцы. Будь тотъ или та извѣстенъ ей, будь ей знакомо мѣсто, она едва ли внимательнѣе могла бы слѣдить за разказомъ или почувствовать его сильнѣе чѣмъ теперь. Она положила газету, дивясь самой себѣ; потомъ взяла снова, стараясь прочесть что-нибудь другое. Но тщетны были ея усилія; вниманіе ея разсѣялось снова. Она бросила журналъ и вышла въ садъ. Ночь была темна; кое-гдѣ слабо мерцали звѣзды. Она могла различать только песчаную дорожку, и принялась ходить по ней назадъ и впередъ отъ крыльца къ калиткѣ.

Газетная исповѣдь страшно овладѣла ея мыслию. Въ то время какъ она шла по дорожкѣ, темная ночь разверзлась надъ моремъ, и ей представилась тотъ убійца въ полѣ, какъ онъ забрасывалъ лемехъ отъ плауга на воздухъ. Въ трепетѣ, бросилась она домой. Убійца послѣдовалъ за нею въ комнату. Она схватила свѣчу и поспѣшила въ свою спальню. Видѣніе ея раздраженнаго воображенія преслѣдовало ее до того мѣста, гдѣ спрятанъ былъ ядъ,—и исчезло.

Настала полночь, а капитана все вѣтъ какъ вѣтъ.

Она взяла изъ бюроара свое длинное письмо къ Норѣ, и медленно прочла его съ начала до конца.

Письмо успокоило ее. Дойдя до оставленнаго на концѣ пробѣла, она быстро перевернула письмо и принялась читать его сначала.

На церковнымъ часахъ пробилъ часъ, а капитанъ все не являлся.

Она прочла письмо второй разъ, упорно и отчаянно повернула его опять, и принялась читать въ третій. Дочти слова до послѣдней страницы, она взглянула на свои часы. Было три четверти втораго. Лишь только сложила она часы за поясъ, какъ до нея достигъ, въ тишинѣ утра, дальній шумъ колесъ.

Она выронила письмо, сложила свои холодныя руки на козлы и стала прислушиваться. Шумъ слышался сильнѣй и сильнѣй, ближе и ближе, шумъ не значащій для другихъ ушей, звукъ страшнаго суда для нея. Онъ пропелся мимо дома, посыпался немного далѣе, и прекратился. Магдалена услышала громкій стукъ, потомъ звукъ открывавшагося окна, потомъ голоса, потомъ наступила тишина, потомъ опять приближающійся шумъ колесъ, потомъ звукъ отворившейся внизу двери—и голосъ капитана въ сѣняхъ.

Она не могла вытерпѣть долѣе. Она притворила немного свою дверь, и кинула его.

Онъ взбѣжалъ тотчасъ же наверхъ, удивляясь, что она еще не спитъ. Она заговорила съ нимъ чрезъ щелку двери, чтобъ онъ не видѣлъ ея лица.

- Случилось что-нибудь дурное? спросила она.
- Успокойтесь, отвѣчалъ онъ.—Все хорошо.
- Нельзя ожидать чего-нибудь до понедѣльника?
- Ничего. Свадьба дѣло самое вѣрное.
- Вѣрное?
- Да.
- Доброй ночи.

Она протянула ему руку чрезъ дверь. Онъ взялъ ее съ нѣкоторымъ удивленіемъ: не часто случалось, чтобъ она сама подавала ему руку.

— Вы слишкомъ поздно засидѣлись, проговорилъ онъ, почувствовавъ прикосновеніе ея холодныхъ пальцевъ.—Боюсь, что вы проведете беспокойную ночь; боюсь, что вы не заснете.

Она тихо притворила дверь.

— Я засну, отвѣчала она,—крѣпче чѣмъ вы думаете.

Была половина третьяго, когда она заперлась одна въ своей комнатѣ. Стулъ ея стоялъ, какъ всегда, у туалетнаго стола. Задумчиво просидѣла она нѣсколько минутъ, потомъ развернула письмо Норы, и взоръ ея устремился

на пробывъ. Послѣднія написанныя строчки заключали въ себѣ слѣдующее:

„Я раскрыла передъ тобою все мое сердце; я не скрыла ничего. Вотъ до чего дошло дѣло. Цѣль, къ которой я стремилась, которая стоила мнѣ такъ много, будетъ мною достигнута, или я умру. Это мерзость, безумство, все что хочешь, но это такъ. Передо мною теперь два пути. Если я буду въ состояніи выйти за него, — путь въ церковь; если самооскверненіе окажется выше моихъ силъ, — путь въ могилу!“

Къ этимъ послѣднимъ словамъ, она прибавила слѣдующія строчки:

„Выборъ мой рѣшенъ. Если жестокій законъ позволитъ тебѣ, положи меня съ отцомъ и матушкой на нашемъ Комбъ-Ревелскомъ кладбищѣ. Прощай, ангелъ мой! Сохрани на вѣка свою чистоту; будь всегда счастлива. Если Франкъ спроситъ когда-нибудь обо мнѣ, скажи, что я умерла проставъ его. Не горюй по мнѣ долго, Нора, — я не стою этого.“

Она запечатала письмо, и написала на немъ адресъ сестрѣ. Слезы катились изъ ея глазъ, когда она клала его на столъ. Она выждала пока не осушились ея глаза, и затѣмъ вынула банковые билеты изъ маленькаго мѣшочка спрятаннаго на груди. Завернувъ ихъ въ листокъ почтовой бумаги, она написала на оберткѣ имя капитана Регга, и прибавила слѣдующія слова: „Заприте двери моей комнаты, и оставьте меня въ ней до прибытія сестры. Общавшимъ мною вамъ деньги находятся здѣсь. Вы ни въ чемъ не виноваты; виновата я, — я одна. Если вы сохраните обо мнѣ дружеское воспоминаніе, то будьте ради меня добры къ вашей женѣ.“

Положивъ пачку около письма къ Норѣ, она поднялась и оглянула кругомъ комнату. Кое-какія мелочи не были на своихъ мѣстахъ. Она привела все въ порядокъ, и спустила, у изголовья кровати, занавѣси алькова съ обѣихъ сторонъ. Потомъ, обратилась къ своему платью. Какъ всегда, оно было красиво, чисто, сидѣло изящно. Все на ней было въ порядкѣ, исключая волосъ. Нѣсколько прядей выбалось съ одной стороны головы; она тщательно оправдала ихъ передъ зеркаломъ. „Какъ я блѣдна!“ подумала она,

съ легкою усмѣшкой. „Благодарю тебѣ, когда найдутъ меня завтра утромъ?“

Она пошла прямо къ шкапу, въ которомъ былъ спрятанъ лауданумъ, и вынула его. Стлякка была такъ мала, что помѣщалась свободно въ ея ладони. Она поддерживала ее немного впередъ глазами.

— Смерть! произнесла она.— Въ этой каплѣ темнаго питья смерти!

Когда слова эти вырвались изъ ея устъ, ею въ одно мгновеніе овладѣла агонія невыразимаго ужаса. Штатаясь промчалась она по комнатѣ, съ помѣшательствомъ въ головѣ, съ удушающею тоской на сердцѣ. Она должна была облокотиться на стулъ, чтобы поддержать себя. Слабый звонъ стлякки, упавшей изъ ея разжатой руки, и ударившейся о какую-то фарфоровую вещьцу на столѣ, потрясъ ея мозгъ, словно ударъ ножа. Звукъ ея собственнаго, слышавшагося до шепота, голоса, выговорившаго слово смерть, раздавался въ ея ушахъ будто порывъ вѣтра. Она дотянулась до кровати и, прислонивъ къ ней голову, сѣла на полу. „О, моя жизнь, моя жизнь!“ думала она: „что въ ней, что я цѣляюсь за нее такъ сильно?“

Черезъ нѣсколько времени она почувствовала возвращеніе своихъ силъ. Она поднялась на колѣни и спрятала свое лицо въ постель. Она пыталась молиться, молиться о прощеніи за то что она рѣшилась искать себѣ убійца въ смерти. Бѣшенныя слова рвались изъ ея устъ, слова, которыя были бы воплями, еслибъ она не заглушала ихъ въ подушкѣ. Она вкокала; отчаяніе внушило ей безумное остервененіе противъ себя. Черезъ минуту, она была у отола; черезъ другую—адъ былъ снова въ ея рукѣ.

Она вынула пробку, и приставила стлякку ко рту.

При первомъ холодномъ прикосновеніи стекла къ ея губамъ, крѣпкая юная жизнь подымалась въ ея клочущей крови и возстала, съ воимъ бѣшенствомъ отпора противъ подступавшей ужасной смерти. Всѣ дѣятельныя силы ея кипѣвшей жизнью натуры, возмутились въ ней, противъ разрушенія. Она осталовилась: во второй разъ, вопреки себѣ, осталовилась она. И вотъ стояла она, въ чудной красотѣ молодости и здоровья, дрожа на краю земнаго существованія, чувствуя лобзаніе Разрушителя на

устахъ и руку Природы, вѣрной своему святому назначенію и до конца ратующей за ея спасеніе.

Ни слова не произнесла она. Щеки ея сильно зарумянились; дыханіе стало напряженно и часто. Не выпуская лад изъ рукъ, чувствуя, что она можетъ ежеминутно упасть въ обморокъ, она подошла къ окну и подняла занавѣсъ.

Разсвѣтало. Ясный сѣрый свѣтъ зари облизалъ ее съ спокойнаго восточнаго поморья.

Она увидѣла волны, катящіяся широко и безмолвно въ туманномъ покое; она почувствовала свѣжее дыханіе утренней промицающей прохлады на лицѣ. Силы ея возвращались; голова немного прояснилась. Видъ моря воскресилъ въ ея памяти прогулку по саду, вчера вечеромъ, и видѣніе вызванное изъ мрачной пустоты ея разстроенымъ воображеніемъ. Мысленно она увидѣла снова его,—убійцу, взбрасывающаго плуговой отвалъ на воздухъ, и предоставляющаго жизнь или смерть покинувшей его женщиной случайности паденія этого отвала. Зараза этого ужаснаго суетвѣрія овладѣла ея умомъ такъ же быстро, какъ упалъ на нее свѣтъ новаго дня. Надежда избавиться отъ ужаса собственной нерѣшимости возбудила въ ней послѣднюю эвергію отчаянія. Она рѣшилась покончить борьбу, предоставивъ свою жизнь или смерть случайности жребія.

Какого?

Море указало ей его. Не долго разлучая во мгнѣ, увидѣла она маленькую эскадру береговыхъ судовъ, медленно плывущую къ дому въ одномъ направленіи. Въ полчаса, быть-можетъ, раньше, эскадра пройдетъ мимо окна. На часахъ ея было четыре. Она шла близко къ окну, свивой къ той сторонѣ, откуда шли суда, держа ладъ на подоконникѣ и часы на коѣвкахъ. Она рѣшилась просидѣть здѣсь полчаса, считая проходившіе корабли. Если въ это время пройдетъ четное число ихъ—ей жить. Если нечетное—умереть.

Съ этимъ послѣднимъ рѣшеніемъ, она прислонила голову къ окну и стала ждать прохода судовъ.

Явилось первое, высокое, мрачное, въ недалекомъ туманѣ, безмолвно скользящее по безмолвному морю. Черезъ вѣскольکو времени, прошло второе, и за нимъ показалось третье. Затѣмъ посѣдовалъ болѣе долгій промежутокъ. Она взглянула на свои часы. Двадцать минутъ и три судна. Три.

Явилось четвертое, медленнѣе другихъ, при томъ болѣе и отдаленнѣе другихъ. Затѣмъ снова послѣдовалъ продолжительный промежутокъ. Потомъ явилось сабдующее судно, чернѣе и ближе всѣхъ. Пять. Ближайшее нечетное число—пять.

Она взглянула опять на свои часы. Деятнадцать минутъ и пять судовъ. Двадцать минутъ. Двадцать одна, двѣ, три, а шестаго нѣтъ. Двадцать четыре—и явилось шестое. Двадцать пять, двадцать шесть, двадцать семь, двадцать восемь, и ближайшее нечетное, зловѣщее седьмое, прешло мимо. Полчаса безъ двухъ минутъ. И семь судовъ.

Двадцать девять минутъ, а за кильватеромъ седьмага не показывалось ничего. Минутная стрѣлка подвинулась на половину тридцатой минуты, а надъ разстилающимся бѣлѣющимъ моремъ видна лишь туманная даль. Не отнимая головы отъ окна, она взяла ядъ въ одну руку, а другою подняла часы. Въ то время, какъ быстрыя секунды бѣжали одна за другой, она, съ равною имъ быстротой, переводила глаза съ часовъ на море и отъ моря на часы, не смотря въ послѣдній разъ на море, и увидѣла восьмой корабль.

Жизнь! въ послѣднее мгновеніе—жизнь!

Она не двигалась, не произносила ни слова. Смерть мысли, смерть чувства, казалось, уже охватили ее. Безсознательно опустивъ она ядъ на подоконникъ и стала слѣдить, будто во снѣ, за мягко скользящимъ по спокойному пути кораблемъ, пока тотъ не слался съ тѣнью, пока не исчезъ во мгнѣ.

Душевное напряженіе ея ослабло, когда вѣстникъ жизни исчезъ изъ ея глазъ.

—Провидѣніе? тихо прошептала она про себя:—или случай?

Глаза ея закрылись, голова закинулась назадъ. Когда сознаніе жизни возвратилось къ ней, утреннее солнце согрѣвало ея лицо, голубое небо осирало ее, а море вдаль смотрѣло моремъ золота.

Она упала на кофѣи и зарыдала.

Въ этотъ день, около полудня, капитанъ, дожидаясь визита и не слыша движенія въ комнатѣ Магдалены, сталъ беспокоиться на ея счетъ. Онъ велѣлъ новой служанкѣ подняться за нимъ на верхъ, и указавъ на дверь, приказалъ

ей войти въ комнату и посмотреть, не проснулась ли ея госпожа.

Горничная вошла, пробывъ тамъ съ минуту и вышла, тихо затворивъ за собою дверь. — Она чудо какъ хороша, сѣръ, сказала дѣвушка, — и спитъ такъ спокойно какъ новорожденный младенецъ.

XIV.

Въ домашнемъ календарѣ мистриссъ Реггъ, утро возвращенія ея мужа въ Нортъ-Шингелъзъ осталось памятнымъ на вѣки. Съ обстоятельствомъ этимъ совпадала въ ея умѣ первая вѣсть о бракѣ Магдалины.

Проводить всю жизнь въ состояннн постояннаго изумленія было земною долей мистриссъ Реггъ. Но никогда не терялась она въ такой путаницѣ недоумѣннн, какъ при гладнокровномъ объявленнн ей капитаномъ объ этомъ бракѣ. На столько было въ ней провицательности, чтобы заподозрнть, что мистеръ Ноэль Ванстонъ ходилъ къ нимъ въ качествѣ заискивающаго любезника; она неясно видѣла въ нѣкоторыхъ, вырвавшихся изъ устъ Магдалины, выраженняхъ неудовольствнн, предназначенованнн неуспѣха его ухаживаннн, но ея провицательность никогда не доходила до мысли о предстоящемъ бракѣ. Все сильнѣнн и сильнѣнн изумлялась она слушая мужа. Въ семействѣ свадьба черезъ день! и свадьба Магдалины! и не заказано ни для кого, даже для невѣсты, ни единого новаго платья! и кашемировое платье не готово, тогда какъ теперь-то бы и обновнть его! Мистриссъ Реггъ безобразно опустила на стулъ и ударила своими безалаберными руками по несимметрическимъ колѣннямъ, въ совершенномъ забвеннн о присутствнн капитана и объ ужасныхъ глазахъ его. Она готова была услышать затѣмъ, что настала конецъ мнру, и что единственное смертное существо, пропущенное судьбою при упраздненнн дѣлъ этой планеты, была сама она!

Предоставнвъ успокоеннн своей жены собственнымъ ея уснлнямъ, капитанъ Реггъ, въ ожиданнн Магдалины, спустился внизъ. Лишь ровно въ часъ, звукъ шаговъ въ верхней комнатѣ, сказалъ ему, что она проснулась и зашевелилась. Онъ тотчасъ же кликнулъ горничную (кто-

рую звали Луизой), и послалъ ее вторично наверхъ къ ея госпожѣ.

Магдалина стояла у своего туалета, когда слабый стукъ въ дверь вдругъ поразилъ ее. За стукомъ послышался кроткій голосъ, объявившій себя голосомъ „ея горничной“ и спросившій, нужны ли Магдалинѣ какія-нибудь услуги.

— Теперь не нужны, отвѣчала Магдалина, оправившись отъ удивленія при неожиданномъ открытіи ваятой для нея служанки.—Я позволю, когда будетъ нужно.

Отославъ дѣвушку съ этимъ отвѣтомъ, она случайно взглянула на окно. Размысленія касательно новой служанки, какія могли придти ей въ голову, были прерваны тотчасъ же видомъ стклянки съ ядомъ, все оставившейся на подоковникѣ. Она взяла ее снова въ руки съ страшнымъ волненіемъ, какъ бы и теперь еще не зная навѣрное, напоминаетъ ли эта склянка страшную дѣйствительность или ужасный сонъ. Первымъ побужденіемъ ея было отдѣлаться отъ нея тутъ же. Она подняла стклянку, чтобы вылить жидкость за окно, но вдругъ, во внезапною недовѣрію къ своему побужденію, остановилась. „Я рѣшилась на новую жизнь, подумала она. Но какъ знать, что готовить мнѣ эта жизнь?“ Отвернувшись отъ окна, она возвратилась къ столу. „Мнѣ еще придется, быть-можетъ, выпить эту стклянку“, проговорила Магдалина, и положила ее въ свой несессеръ.

Она не успокоилась, сдѣлавъ это: поступокъ этотъ отзывался какою-то неблагодарностью. Но она все-таки не перемѣстила стклянки. Бросившись къ своему туалету, она заторопилась, чтобы скорѣе позвонить горничную. Позвонивъ, она взяла со стола письма къ Норѣ и капитану, спрятала ихъ въ свой несессеръ вмѣстѣ съ ядомъ, и заперла его, для безопасности, ключомъ привязаннымъ къ ея часовой цѣпочкѣ.

Первое, произведенное новою служанкой на Магдалину, впечатлѣніе, не было благоприятно. Она не могла оцѣнить дѣвушку опытнымъ глазомъ хозяйки лондонской гостиницы, которая видѣла въ ней женщину знакомую съ несчастіемъ и которая ясно обнаруживала, своими взглядами и приемами, какого рода это несчастіе. Впрочемъ, и Магдалина могла подмѣтить признаки болѣзни и горя, таившіяся подъ услужливымъ и вѣжливымъ видомъ новой горничной.

Ей показалось, что у дѣвушки дурной нравъ; ей не понравилось ея имя, и вообще она не могла быть хорошо расположена къ служанкѣ нанятой мистеромъ Ноземъ Ванстономъ. Но послѣ первыхъ минутъ, Луиза стала болѣе нравиться ей. Она отвѣчала на всѣ вопросы съ совершенною прямою, обнаруживала полное знакомство съ своими обязанностями и никогда сама первая не заговаривала. Разспросивъ обо всемъ что пришло ей въ это время въ голову, и рѣшившись хорошенько испытать горничную, Магдалина встала, чтобы выйти изъ комнаты. Самый воздухъ этой комнаты все тяготилъ ее гнетомъ прошлой ночи.

— Есть у васъ еще что нибудь сказать мнѣ? спросила она, оборачиваясь къ служанкѣ у дверей.

— Извините, миссъ, произнесла очень почитательно и очень спокойно Луиза.— Кажется, баринъ мой сказалъ, что свадьба завтра?

Магдалина подавила содроганіе, охватившее ее при намекѣ чужаго человѣка на свадьбу, и отвѣчала утвердительно:

— Очень мало времени для приготовленій, миссъ. Еслибы вы были такъ добры дали мнѣ, передъ уходомъ внизъ, какія-нибудь приказанія на счетъ укладки?

— Такихъ приготовленій, какъ вы думаете, не будетъ, поспѣшно перебила ее Магдалина.— Кое-какія находящіяся здѣсь при мнѣ вещи могутъ быть, если хотите, уложены разомъ. Завтра, на мнѣ будетъ мое теперешнее платье. Оставьте соломенную шляпку и легкій платокъ, а все остальное уложите въ мои сундуки. Новыхъ платьевъ для укладки у меня нѣтъ; я рѣшительно ничего не заказывала для этого случая.

Она попробовала прибавить нѣсколько правдоподобныхъ объяснительныхъ фразъ, касательно отсутствія обычныхъ свадебныхъ принадлежностей и подвѣчнаго платья. Но ея губы не могли выговорить ни слова болѣе о свадьбѣ, и она быстро вышла изъ комнаты.

Покорная и грустная Луиза стояла, потерявшись отъ изумленія. „Здѣсь кроется что-нибудь недоброе,“ подумала она. „Я уже боюсь моего новаго мѣста.“ Она вздохнула смиренно, покачала головой и подошла къ шкафу. Прежде всего, она осмотрѣла нижній выдвижной ящикъ, вынула изъ него находившееся въ немъ бѣлье и положила его на

студъ. Открывъ потомъ верхнюю часть шкафа, она выложила изъ нея платья на постель, одно къ другому. Наконецъ, она выдвинула пустые сундуки на середину комнаты и сравнила бывшее въ ея распоряженіи пространство съ платьями для укладки. Все это она сообразила съ увѣренностью женщины вполне знакомой съ дѣломъ, и немедленно приступила къ нему. Лишь только уложила она нѣсколько бѣлья въ меньшій сундукъ, какъ дверь отворилась, и жадная до сплетень, служанка дома вошла въ комнату.

— Что вамъ нужно? спокойно спросила Луиза.

— Слышали вы о чемъ-нибудь такомъ? заговорила та, тотчасъ же приступая къ своему предмету.

— О чемъ такомъ?

— Да о такой свадьбѣ, разумѣется. Вы изъ Лондона, говорятъ. Слышали ли вы, чтобъ когда-нибудь молодая барышня выходила замужъ безъ всякой обновки? Ни свадебнаго покрывала, ни свадебной закуски, ни свадебныхъ подарковъ слугамъ! Это просто грѣхъ. Я знаю, что я не болѣе какъ бѣдная служанка. Но это дурно, очень дурно: я при всѣхъ это скажу!

Луиза продолжала укладывать.

— Посмотрите на ея платье! не переставала служанка, указывая съ негодованіемъ рукой на кровать. — Я бѣдная дѣвушка, но ни за кого бы въ свѣтѣ не вышла замужъ безъ новаго платья. Посмотрите! Взгляните на эту темную штуку. Альпака! Вѣдь вы не будете же укладывать эту альпаковую дрянь? Она и для служанки-то не годится! Не знаю, взяла ли бы я это платье, еслибы мнѣ его въ подарокъ давали. А оно было бы въ пору мнѣ, еслибы укоротить подолъ, да распустить талію, да наставить крошечку свѣтлой обшивки, а?

— Оставьте это платье, пожалуста, проговорила Луиза такъ же спокойно, какъ всегда.

— Что вы сказали? спросила она, не вѣря своимъ ушамъ.

— Я сказала, оставьте это платье. Оно принадлежитъ моей госпожѣ, и мнѣ приказано укладывать все что есть въ комнату. Вы мнѣ только мѣшаете.

— Такъ-то! сказала служанка:—пожалуй. Вы, говорятъ, изъ Лондона. Но если у васъ въ Лондонѣ такіе обычаи, такъ

я вамъ скажу, Соффоку почище! — Она отворила дверь, съ досадою ударивъ по ручкѣ, сильно захопнула ее, потомъ отворила снова и заглянула внутрь. — Соффоку почище! проговорила она съ прощальнымъ кивкомъ головы, какъ бы желая отточить колючесть своего сарказма.

Луиза невозмутимо продолжала свою упаковку.

Уложивъ хорошенько бѣлье въ сундукъ поменьше, она завялаась платьями. Осмотрѣвъ ихъ тщательно, чтобы удостовѣриться, которое изъ нихъ проще, и положить его на дно сундука подъ другими, она не затруднилась въ выборѣ. Первое уложенное ею платье было темное альпакое.

Между тѣмъ, Магдалина сошла внизъ къ капитану. Хотя онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой томности въ ея лицѣ и усталости во всѣхъ ея движеніяхъ; однако его успокоило ея полное самообладаніе. Она даже на столько владела собою, что освѣдомилась насчетъ его поѣздки, заявивъ свое волненіе лишь мгновенною переменною цвѣта лица и легкимъ подергиваніемъ губъ.

— Таково прошедшее, произнесъ капитанъ Реггъ, когда онъ кончилъ разказъ свой о поѣздкѣ въ Лондонъ черезъ Сентъ-Круксъ. — Теперь о будущемъ. Женихъ....

— Если для васъ это все равно, перебила она, — назовите его мистеромъ Новлемъ Ванстономъ.

— Съ сердечнымъ удовольствіемъ. Мистеръ Новль Ванстонъ придетъ сегодня сюда обѣдать и провести вечеръ. Онъ будетъ утомителемъ въ высшей степени, но, какъ и отъ всѣхъ докучливыхъ людей, отъ него не отдѣляется никакимъ способомъ. До его прихода, я долженъ сказать вамъ два-три слова предостереженія. Завтра, въ это время, мы разѣдемся, и Богъ знаетъ встрѣтимся ли когда-нибудь. Мнѣ хотѣлось бы до конца послужить вѣрно вашимъ интересамъ; мнѣ хотѣлось бы возбудить въ васъ сознаніе, что я сдѣлалъ все возможное для будущей вашей безопасности послѣ нашей разлуки.

Магдалина съ удивленіемъ посмотрѣла на него. Онъ говорилъ нетвердымъ голосомъ. Онъ былъ взволнованъ; онъ былъ странно серіозенъ. Что-то въ его взглядѣ и приемахъ припомнило ей первый вечеръ въ Альдборо, когда она открыла ему свое намѣреніе, и они одни сидѣли на валу башни.

— Я не имѣю причины поминать васъ лихою, проговорила она.

Капитанъ Реггъ быстро всталъ и прошелся взадъ и впередъ по комнатѣ. Послѣднія слова Магдалины какъ будто разстроили его.

— Чортъ побери! разразился онъ;—я не могу позволить вамъ говорить такъ. У васъ есть причина поминать меня лихою. Я обманывалъ васъ. Вы никогда сполна не получили слѣдовавшей вамъ доли съ представленій, ни разу, съ начала до конца. Ну, вотъ вамъ повинная!

Магдалина улыбнулась и показала ему на его стулъ.

— Я знаю, что вы обманывали меня, спокойно сказала она. — Вы практиковались въ вашей спеціальности, капитанъ Реггъ. Я ожидала этого, сходясь съ вами. Я не жаловалась въ то время, не жалуясь и теперь. Если удержанными вами деньги составляютъ нѣкоторое вознагражденіе за всѣ, причисляемые мною вамъ безпокойства, ну и прекрасно.

— Даете вы мнѣ руку на этомъ? спросилъ капитанъ, съ замѣшательствомъ и нерѣшимостью, сильно противорѣчившими его обычной развязности.

Магдалина протянула ему свою руку. Крѣпко сказалъ онъ ее.

— Вы удивительная дѣвушка, сказалъ онъ, стараясь говорить тихою. — Вы приобрѣли на меня вліяніе, котораго я самъ не понимаю хорошенько. Мнѣ не совсѣмъ ловко брать у васъ деньги теперь, но вѣдь вы не нуждаетесь въ нихъ, не такъ ли?—Онъ помолчалъ въ нерѣшимости. — Я почти готовъ сожалѣть, сказалъ онъ, — что встрѣтился съ вами на стѣнахъ Йорка.

— Теперь поздно, капитанъ Реггъ. Оставьте это. Вы только огорчаете меня. У насъ есть другіе предметы для разговора. Что это за предостереженія, которыя вамъ хотѣлось бы сказать мнѣ?

Капитанъ прошелся опять по комнатѣ и вошелъ въ свою обычную колею. Онъ вынулъ изъ записной книжки письмо мистриссъ Леконтъ къ ея хозяйну и подалъ его Магдалинѣ.

— Вотъ письмо, которое могло бы погубить насъ, еслибы оно пришло когда-нибудь по адресу, сказалъ онъ.—Прочтите его внимательно. Я долженъ сдѣлать вамъ одинъ вопросъ по прочтеніи.

Магдалина прочла письмо.

— Что это за доказательство, спросила она, — на которое съ такую увѣренностью полагается мистриссъ Леконтъ?

— Этотъ самый вопросъ хотѣлъ и я сдѣлать вамъ, отвѣчалъ капитанъ Реггъ.—Вспомните обо всемъ случившемся во время вашей попытки въ Воксгалъ-Вокт. Не приобрѣла ли мистриссъ Леконтъ другихъ какихъ-нибудь выгодъ надъ вами, кромѣ тѣхъ, о которыхъ вы говорили уже мнѣ?

— Она открыла, что лицо мое было подкрашено, и слышала, какъ я говорила моимъ натуральнымъ голосомъ.

— И ничего болѣе?

— Ничего.

— Прекрасно. Въ такомъ случаѣ, ясно, что мое объясненіе письма справедливо. Доказательство, на которое полагается мистриссъ Леконтъ есть дьявольская исторія съ привидѣніемъ жены моей, то-есть, на чистомъ англійскомъ языкѣ, исторія миссъ Байгревъ видѣнной въ костюмѣ миссъ Ванстонъ; свидѣтельница же этого та самая особа, которую выдаютъ, потомъ, въ Альдборо въ качествѣ тетки миссъ Байгревъ. Тутъ отличный шансъ для мистриссъ Леконтъ, если она успеетъ вовремя овладѣть мистриссъ Реггъ, и ровно ничего, если не успеетъ. На этотъ счетъ будьте спокойны. Мистриссъ Леконтъ и жена моя не увидятся болѣе. Вы, между тѣмъ, не пренебрегайте предостереженіемъ которое я даю вамъ черезъ это письмо. Разорвите письмо, во избѣжаніе случайностей, но не забывайте его.

— Повѣрьте, что я не забуду его, отвѣчала Магдалина, разрывая письмо.—Есть ли у васъ еще что-нибудь сказать мнѣ?

— Я долженъ сообщить вамъ кое-какія свѣдѣнія, которыя, какъ относящіяся до вашей будущей безопасности, могутъ быть полезны вамъ, сказалъ капитанъ.—Вспомните, что я не желаю знать ничего о вашихъ дѣйствіяхъ послѣ завтрашняго дня; мы рѣшили это при первомъ обсужденіи дѣла. Я не дѣлаю никакихъ вопросовъ, никакихъ догадокъ. Мнѣ желательнее только предупредить васъ насчетъ вашего юридическаго положенія послѣ брака, и предоставить вамъ полную свободу употребить свѣдѣнія ашия

на что угодно. Будучи въ Лондонѣ, я переговорилъ насчетъ дѣла съ однимъ законникомъ, полагая, что это будетъ не бесполезно для васъ.

— Конечно, не бесполезно. Что же сказалъ законникъ?

— Говоря откровенно, вотъ что: если мистеръ Нозль Ванстонъ узнаетъ когда-нибудь, что вы завѣдомо вышли за него замужъ подъ чужимъ именемъ, то онъ можетъ обратиться въ церковный судъ для признанія своего брака не действительнымъ и уничтоженнымъ. Рѣшеніе дѣла будетъ зависеть отъ судей. Но если мистеръ Ванстонъ будетъ въ состояніи доказать, что былъ обманутъ съ какою-нибудь дѣлюю, то, по мнѣнію законника, дѣло его вѣрнѣе.

— Ну, а если я сама обращаюсь въ этотъ судъ? спросила горячо Магдалина.—Что тогда?

— Вы можете обратиться, отвѣчалъ капитанъ. — Но не забывайте одного: вы явитесь въ судъ съ сознаниемъ своего обольщенія. Вообразите, что подумаютъ судьи.

— Сказалъ вамъ законникъ еще что-нибудь?

— Да, одно еще, отвѣчалъ капитанъ Реггъ. — Какъ бы судъ ни посудилъ при жизни обоихъ супруговъ, но по смерти одного изъ нихъ, — никакая претензія со стороны пережившаго не будетъ действительна, и бракъ, по отношенію къ нему, останется въ полной силѣ. Вы понимаете? Если онъ умретъ, или вы, то пережившій не имѣетъ права оспаривать бракъ. Но, при жизни васъ обоихъ, если онъ потребуетъ расторженія брака, всѣ шансы успѣха на его сторонѣ.

При этихъ словахъ, онъ съ любопытствомъ взглянул украдкой на Магдалину. Она отвернула въ сторону голову, бессознательно играя своею часовою дѣвочкой, и очевидно сильно занятая мыслию о сказанномъ ей подъ конецъ. Капитанъ Реггъ не совсѣмъ спокойно приблизился къ окну, и выглянулъ изъ него. Здѣсь прежде всего, глаза его встрѣтили шедшаго изъ Си-Вью, мистера Нозля Ванстона. Онъ тотчасъ же перешелъ на свое прежнее мѣсто, и снова обратился къ Магдалинѣ.

— Вотъ и мистеръ Нозль Ванстонъ, произнесъ онъ. — До его прихода, вотъ вамъ еще одно слово предостереженія. Будьте осторожны съ нимъ, когда рѣчь касается вашихъ лѣтъ. Онъ спросилъ меня о нихъ передъ полученіемъ свидѣтельства. Я употребилъ кратчайшее сред-

ство для выхода изъ затрудненія, сказавъ ему, что вамъ двадцать одинъ годъ, что онъ и объявилъ. Не думайте обо мнѣ: послѣ завтра, я исчезну. Но, въ нашемъ собственномъ интересѣ, не забывайте, если дѣло зайдетъ объ этомъ, что вы совершеннолѣтняя. Боже мнѣ нечего сказать вамъ. Вамъ сдѣланы всѣ необходимыя и всѣ возможныя съ моей стороны предостереженія. Что бы не случилось въ будущемъ, помните, что я сдѣлалъ все возможное.

Онъ кинулся къ двери, не ожидая отвѣта, и вышелъ въ садъ встрѣтить гостя.

Мистеръ Нозль Ванстонъ показался въ калиткѣ, торжественно неся въ обѣихъ рукахъ свои свадебные подарки. Они заключались въ старомъ ларцѣ (одномъ изъ давнихъ прибрѣтеній его отца), въ которомъ покоилась старомодная карбункуловая брошка (также изъ покупокъ отца); оба эти свадебные подарка отличались неопытнымъ достоинствомъ: онъ не стоилъ ему денегъ. Когда капитанъ осведомился о его здоровьи и душевномъ расположеніи, тотъ съ злобницею миной покачалъ головой. Онъ провелъ бессонную ночь; непобѣдимыя опасенія внезапнаго появленія мистриссъ Леконтъ стали осаждать его, какъ только онъ остался одинъ въ Си-Вью. Си-Вью пропитано духомъ мистриссъ Леконтъ. Си-Вью (хотя и выстроенное на сваяхъ и, по прочности, превосходящее всѣ дома Англій) стало недовѣстно ему. Всю ночь чувство это томилъ его; онъ чувствовалъ также и отвѣтственность свою. Вотъ начать хоть съ горячней. Онъ нанялъ ее, и теперь уже готовъ раскаиваться. Она можетъ захворать на его рукахъ; быть-можетъ она обманула его своимъ притворствомъ; быть-можетъ она была въ стачкѣ съ хозяйкой гостиницы. Право, ужасно и подумать! Затѣмъ, ему представлялась другая забота, можетъ-быть самая тяжкая изъ двухъ,—забота о выборѣ мѣста, гдѣ провести медовый мѣсяцъ. Онъ предпочелъ бы одинъ изъ незанятыхъ домовъ своего отца. Но, если исключить домъ въ Воксгалъ-Вокъ (который, по его мнѣнію, не понравится) и Альдборо (о которомъ, безспорно, нечего и говорить), то всѣ остальные отданы въ наемъ. Онъ желалъ бы предоставить рѣшеніе этого вопроса мистеру Байгреву. Гдѣ провелъ мистеръ Байгревъ свой медовый мѣсяцъ? Если начать съ Британскихъ острововъ, то гдѣ бы мистеръ

Байгрень, не тщательномъ обсужденіи вѣкъ богатства, разбилъ свой шатеръ?

Тутъ, вопросы жениха вдругъ прекратились, и лицо его выразило неудержимое изумленіе. Умный другъ его, который готовъ былъ помочь ему своимъ совѣтомъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, неожиданно, въ дѣлѣ медоваго мѣсяца, бросилъ его, и напрямки отказался говорить объ этомъ предметѣ.

— Нѣтъ! произнесъ капитанъ, когда мистеръ Новая Ванстонъ открылъ ротъ, чтобы попросить выслушать его, — извините меня. Съ нѣкотораго времени, ради васъ, я живу въ атмосферѣ ажи. Эта атмосфера, любезный мой сэръ, начинаетъ сгущаться. Нравственное существо мое требуетъ вентилациі. Выберите что-нибудь съ пасажницей и, сдѣлайте мнѣ милость, рѣшительно не говорите мнѣ объ этомъ предметѣ. Мистриссъ Леконтъ навѣрно придетъ сюда, по возвращеніи изъ Цюриха, и навѣрно спроситъ меня куда вы уѣхали. Вамъ можетъ показаться это страннымъ, мистеръ Ванстонъ; но когда я скажу, что не знаю, то желалъ бы хоть разъ во всемъ этомъ дѣлѣ испытать отрадное чувство, что говорю правду, чувство, отъ котораго я здѣсь совсѣмъ отвыкъ.

Съ этими словами, онъ отворилъ дверь диванной, ввелъ мистера Новую Ванстона къ Магдалинѣ, а самъ вынырнулъ изъ комнаты, и вышелъ прогуляться, чтобы убить остающую часть дня. На лицѣ его были явные признаки беспокойства, и разношерстые глаза его недотѣрчиво ходили туда и сюда, въ то время какъ онъ шелъ по заморью. „Время не терпитъ,“ думалъ капитанъ. „Желалъ бы я, чтобы завтрашній день ужъ наступилъ и прошелъ.“

День миновалъ и ничего особеннаго не случилось; за вѣкъ посѣдовали, спокойно и невозмутимо, вечеръ и ночь. Насталъ помѣдѣльничекъ, пріятный и безоблачный день, и подтвердилъ ручательство капитана, что бракъ есть уже дѣло вѣрное. Около десяти часовъ¹, причетникъ подвѣсившись на церковное крыльцо, приветствовалъ церковнаго сторожа на паперти старымъ присловіемъ: „Счастлива во вѣста, которой свѣтитъ солнце.“

¹ Десяти часовъ утра, такъ какъ вѣчаніе совершается въ Англіи всегда утромъ.

Черезъ четверть часа, женихъ и невѣста были въ ривацѣ, и священникъ подвезъ ихъ къ алтарю. Какъ ни тщательно хранилась тайна брака, а утренняго открытія церкви было достаточно чтобы выдать ее. Небольшое собраніе, почти исключительно составленное изъ женщинъ, разсыпалось кое-гдѣ по скамейкамъ. Сестра Керка, съ дѣтьми, гостила съ одной пріятельницей въ Альдборо, и находилась въ числѣ присутствующихъ.

При входѣ жениха и невѣсты въ церковь, страхъ присутствія мистриссъ Леконтъ сообщила отъ Ноза Ван-стона капитану. Въ первые минуты, глава обоихъ озирали женщины по скамьямъ, съ равнымъ пытливымъ вниманіемъ, и отвернулись съ одинаковымъ чувствомъ облегченія. Священникъ замѣтилъ этотъ взглядъ, и тщательно обыкновеннаго осмотрѣлъ свидѣтельство. Дьячокъ сталъ сомнѣваться, всегда ли оказывается справедливымъ старое присловіе о невѣстѣ. Присутствующія женщины шептались между собою о непростительной небрежности въ ея нарядѣ. Сестра Керка язвительно шепнула на ухо своей пріятельницѣ. „Я радуюсь за Роберта, и благодарю Бога.“ Мистриссъ Реггъ плакала тихонько отъ страха какой то грозящей невѣдомой ей бѣды. Единственная особа изъ присутствующихъ, оставшаяся наружю невозмутимою, была сама Магдалина. Съ безслезною покорностью стояла она передъ алтаремъ, словно всѣ источники душевныхъ волненій замерли въ ней. Выстраданное ею въ это утро было выстрадано въ тайнѣ, недоступной для человѣческой зоркости.

Священникъ открылъ книгу.

Свершилось. Святые слова, вызывающія отъ земли къ небу, были произнесены. Дѣти двухъ скончавшихся братьевъ, наследники неумолимой вражды, раздѣлявшей ихъ родителей—стали мужемъ и женой.

Съ этой минуты до самаго отъѣзда, событія съ необыкновенною быстротою устремились одно за другимъ. Еще слова брачнаго обряда, казалось, раздавались въ ихъ ушахъ, какъ молодые были уже дома. Не прошло пяти минутъ съ ихъ возвращенія, какъ экипажъ подъѣхалъ къ садовой калиткѣ. Черезъ минуту, представился ожидаемый Магдалиной и капитаномъ саучай—поговорить наединѣ въ послѣдній разъ.

Она не измѣняла своей ледяной покорности, она казалась недостижимой ни страху овладѣвшему ею однажды, ни упрекамъ совѣсти терзавшимъ прежде ея душу. Твердою рукой вручила она ему обѣщанныя деньги. Твердо посмотрѣла на него въ послѣдній разъ. „Меня не за что винить, прощенталь тотъ горячо:—я дѣлалъ лишь то, что вы приказывали мнѣ.“ Она кивнула головой, ласково наклонила ее къ нему и позволила ему дотронуться губами до своего лба. — „Будьте осторожны!“ проговорилъ онъ. „Это послѣднія мои слова: Бога ради будьте осторожны!“ Она повернулась отъ него улыбаясь, и стала прощаться съ его женой. Мистриссъ Реггъ старалась мужественно перенести свою потерю, — потерю друга, посланнаго, словно свѣтъ небесный, на горькій путь ея жизни. — „Вы были очень добры ко мнѣ, дорогая моя, благодарю васъ очень, благодарю отъ всей души.“ Она не могла сказать ни слова болѣе, и припала къ Магдалинѣ съ страстнымъ взрывомъ слезъ, какъ припала бы ея мать, еслибъ она была свидѣтельницей этого ужаснаго дѣла. — „Мнѣ страшно за васъ! воскликнула бѣдняжка дикимъ жалобнымъ голосомъ. „О, ангель мой, мнѣ страшно за васъ!“ Магдалина высвободила себя отчаянно, поцѣловала ее, и кинулась изъ двери. Выраженіе этой безыскусственной признательности, вопль этой искренней любви, потрясъ ее сильнѣе всего. Она спѣшила къ каретѣ какъ къ убѣжищу, не смотря на то, что человекъ, за котораго она вышла, стоялъ въ ожиданіи ея у дверей.

Мистриссъ Реггъ попробовала послѣдовать за ней въ садъ. Но капитанъ видѣлъ лицо Магдалины при выходѣ, и удержалъ жену въ сѣняхъ. Отсюда обмѣнялись они послѣдними прощальными словами. Все время какъ карета оставалась въ виду, Магдалина высунувшись глядѣла на нихъ, а когда экипажъ сталъ заворачивать за уголъ, она замахала платкомъ. Черезъ минуту, послѣдняя нить, связывавшая ее съ ними, была порвана; тѣсное товарищество многихъ мѣсяцевъ отошло къ минувшему.

Въ этотъ день, въ двѣнадцатомъ часу вечера, мистриссъ Леконтъ пріѣхала въ Цюрихъ.

Домъ брата ея, когда она остановилась предъ нимъ, былъ запертъ. Нѣкоторыхъ затрудненій и нѣкотораго времени

стояло поднять служанку. Отворивъ дверь и узнавъ гостью, та подняла руки въ нѣмомъ удивленіи.

— Живъ мой братъ? спросила входя мистриссъ Леконтъ.

— Живъ ли? повторила служанка.—Онъ уѣхалъ пожить за городъ, чтобъ окончательно оправиться на чистомъ воздухѣ.

Экономка прислонилась къ стѣнѣ. Кучеръ, вмѣстѣ со служанкой, усадили ее въ кресло. Лицо ея посинѣло; зубы колотились.

— Пошлите за братнинымъ докторомъ, произнесла она какъ только могла заговорить.

Явился докторъ. Она протянула ему письмо, не давъ проговорить ни слова.

— Вами писано это письмо?

Онъ просмотрѣлъ его быстро, и отвѣчалъ рѣшительно:

— Разумѣется нѣтъ!

— Ваша рука.

— Поддѣлка подъ мою руку.

Она подыалась съ кресла, съ новою силой къ себѣ.

— Когда идетъ обратно въ Парижъ почтовая карета? спросила она.

— Черезъ полчаса.

— Пошлите тотчасъ же взять для меня мѣсто въ ней.

Служанка колебалась; докторъ протестовалъ. Она была глуха къ обоимъ.

— Пошлите! повторила она:—или я пойду сама.

Они повиновались. Служанка отправилась взять мѣсто: докторъ остался и переговорилъ съ мистриссъ Леконтъ. Когда прошло полчаса, онъ помогъ ей занять мѣсто въ каретѣ, и поручилъ кондуктору позаботиться о путешественницѣ.

— Она пріѣхала изъ Англіи не останавливаясь, сказалъ онъ,—и не отдохнувъ отправляется обратно. Позаботьтесь о ней, а не то она не перенесетъ своего двойнаго путешествія.

Карета двинулась. Не успѣвъ миновать первый часъ новаго дня, какъ мистриссъ Леконтъ вѣхала уже обратно въ Англію.

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ АКТЕРЪ.

ДРАМА ВЪ ТРЕХЪ ДѢЙСТВІЯХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА.

Александръ Ивановичъ Щорба, антрепренеръ.
Осипъ Михайловичъ Вержбицкій, его помощникъ.
Алексѣй Васильевичъ Проходцевъ, режиссеръ и актеръ

Лапуновъ.

Карлъ Карловичъ Славскій.

Виногаровъ.

Змѣевъ.

Бакинъ.

Кромкинъ.

Козяковъ, танцоръ.

Негрозъ.

Яковъ Петровичъ Зернышкинъ.

Анна Васильевна, жена его.

Саша, 17 лѣтъ. } дѣти Зернышкина.

Маша, 10 лѣтъ. }

Кашина.

Червячкова.

Паша Козякова.

Михайловичъ, капельмейстеръ.

Мѣсяцевъ, суфлеръ.

Валя Викоркинъ, гимназистъ.

Кочевъ, актеръ, безъ мѣста.

Квартальный.

Театральный сторожъ.

Хористы и хористки.

актеры.

актрисы.

Дѣйствіе въ губерскомъ городѣ.

ДѢЙСТВІЕ ПЕРВОЕ.

Грязная, низенькая комната; стекла кое-гдѣ залеплены бумагою. Столъ, шкапикъ, сундучокъ съ ролями, въ углу кровать и проч. На стѣнѣ повѣшены афиши. Зимнее утро.

I.

Зервышкинъ, Саша, Маня и Анна Васильевна
(*Яковъ Петровичъ спитъ на столѣ, Саша—на полу, Маня—
больная на кровати. Сцена нѣкоторое время пуста.*)

Анна Васильевна (*входя съ кульками*). Ахъ, Матерь Божія! Они еще дрыхнуть. Да что жъ вы это! (*Толкая мужа.*) Эй ты, что прохлаждаешься?

Яковъ Петровичъ (*поспѣшно схватываясь*). Я.. вѣтъ.. а сейчасъ.

Анна Васильевна. То-то сейчасъ? И на рынокъ я, и страпай—я, а вы дрыхнете! (*Сашѣ:*) Бѣлоручка-барыня, подымись-ка!

Саша. Я только что задремала, маменька. Манѣ было хуже. (*Убираетъ постель свою и отъѣзжаетъ.*)

Анна Васильевна. Ужъ ты всегда права, что говорить! Валяются тутъ въ теплѣ, а ты колотись на морозѣ. Руки окоченѣли совсѣмъ. Работница далась вамъ! (*Мужу:*) Ну чего стоишь? Умой образину-то, да учи роль! Право дармовды. На что вы годны-то? Одинъ память пропалъ, другая пищитъ козявка-козявкой... Ну чего пищитъ такъ? Хвывать небось есть голось! Вѣдь ты и семи рублей не стоишь, дура! Говорила бы спасибо Алексѣю Васильичу, да не воротила рожи отъ добрыхъ людей! Неси кульки въ кухню-то, печь затопи, чисти картофель да самоваръ ставь.

Саша. Сейчасъ. (*Беретъ самоваръ, кульки и роняетъ нѣсколько картофелинъ.*)

Анна Васильевна. Дура! Подними же.

Сама. Я уроню и это...

Анна Васильевна. Ахъ ты Господи, что это за каторжная дѣвка! Вотъ наказанье! Кромѣ огорченій и стыда ничего не видишь! (*Собираетъ картофель*). Вездѣ-то надо самой. Чтоо!... плакать? Этого только не доставало! Она сведетъ меня въ гробъ. Я тебя изувѣчу когда-нибудь. Убейся съ глазъ, гадина!

II.

Тѣ же, кромѣ Саши.

Анна Васильевна. Ну, а ты что стоишь?

Яковъ Петровичъ. А что, Анна Васильевна, что жь мнѣ дѣлать?

Анна Васильевна. Да роль учи, звѣрь ты этакій!

Яковъ Петровичъ. Я... я знаю.

Анна Васильевна. „Знаю“! Знаю, какъ знаешь! Опять напорешь глупости да оштрафуютъ.

Яковъ Петровичъ. Я, Анна Васильевна, въ тотъ разъ...

Анна Васильевна. Что? Ключуль, вотъ что.

Яковъ Петровичъ. Я оговорился Анна Васильевна.

Анна Васильевна. То-то оговорился! До чертиковъ, прости Господи, напиваться мастеръ, а тутъ... Гдѣ роль-то?

Яковъ Петровичъ. Вотъ.

Анна Васильевна. Ну, говори!

Яковъ Петровичъ. Гм! гм!.. Нѣтъ, воевода! Не ты одинъ лю... ру... рубишь Русь... Люсь...

Анна Васильевна. Дуракъ! Любишь, а не рубишь! Любишь, любишь...

Яковъ Петровичъ. Заторопился.

Анна Васильевна. Вотъ далъ Богъ сокровище! Дальше.

Яковъ Петровичъ. Гм!.. „Проклятая еретитька...“

Анна Васильевна. Ахъ Матерь Божія! Да онъ уморить меня хочетъ! (*Бросаетъ роль*). Шестьдесятъ лѣтъ выжилъ, болванъ, а ума не вынесъ. Помелъ, учи!

Яковъ Петровичъ (*поднимая роль*). Я поучу, Анна Васильевна... что жь...

Анна Васильевна. Ну на кого ты похожъ, голъ перекатная! Ну, посмотри на себя!

Яковъ Петровичъ (*осматривая себя*). А что?

Анна Васильевна. Хотя бы на сапоги-то заработалъ, чуело!

Яковъ Петровичъ. Эти сапоги, Анна Васильевна, изъ моего жалованья... только подошвы отстали...

III.

Тѣже, театральныи сторожъ (*изъ жидковъ, съ книгой*).

Сторожъ. Повѣстка.

Анна Васильевна. Здравствуй Абрамычъ. Покажи. Опять всѣ замяты. (*Музу*) Распишись.

Яковъ Петровичъ. Сейчасъ.

Сторожъ. Ахъ, и важная-зе мятель подымается!

Анна Васильевна. Что же, Абрамычъ, дровецъ?

Сторожъ. Усѣ привезли. Бревика цетыре мозно. Только цетвертацка мало: ругаются, скоро выходятъ. Тридцать пять копѣецкъ.

Анна Васильевна. Дрова-то сухія-ль?

Сторожъ. Ой-зе хорося!

Анна Васильевна. Охъ, грѣхи тяжкія! Обижаешь ты насъ Абрамычъ.

Сторожъ. А вотъ зе нѣтъ, видитъ Богъ! Петру гривенникъ, себѣ цто остается? Не стоить дусы пакостить.

Анна Васильевна. Чтѣ ставешь дѣлать! Ужо привози вечеркомъ. Чтѣ, жалованье-то будутъ выдавать?

Сторожъ. Слыхать.

Анна Васильевна (*музу*). Ну что тамъ! Готово?

Яковъ Петровичъ. Готово.

Сторожъ. Сдастливо оставаться! (*Уходитъ*.)

IV.

Тѣже кромѣ сторожа.

Анна Васильевна. Жидъ паркатый! Поди ты, оказія: тридцать пять копѣецкъ!

Яковъ Петровичъ. Это дорого, Анна Васильевна.

Анна Васильевна. Молчи, коли Богъ умъ убилъ! Вотъ наморозъ бы чепухи, написали бы штрафъ... Шутка, три-

цѣковыхъ набралось! (*Вынимаетъ изъ шкалика графинъ и наливаетъ рюмку.*) Что это за погода, Господи! (*Пѣетъ.*) Господи помилуй, всё мы окальные грѣшники! Чего смотришь? Думаешь дамъ.

Яковъ Петровичъ. Мми...

Анна Васильевна. Что Манька-то? Спать. Или, точно восковая. Ахъ, горе, горе! Есть ли питье-то Сашка? Гдѣ питье?

V.

Тѣ же, Саша (*несетъ самоваръ*).

Саша. Я взяла приготовить новое; то все!

Анна Васильевна (*сбирая чашки*). Хотя чайкомъ отогрѣться. Убери комнату-то, да пыль смахни: Алексѣй Васильичъ обѣщалъ завернуть съ докторомъ. Вотъ онъ все хлопочетъ, а мы только носъ воротимъ! Дай-ка чай. Видное ли дѣло, чтобы къ намъ голышамъ завернулъ Карлъ Густавычъ, даромъ что театральнй докторъ! А вотъ... Охъ, и чай-то весь! Ну, чего ты дрожишь?

Саша. Такъ. Намерзлась.

Анна Васильевна. Ну, и отвѣчай прямо: намерзлась, а то такъ! Слава Богу, не бьютъ тебя! А что иной разъ скажешь—не стерпишь. Человѣкъ не камень, и тотъ супротивъ, жара треснетъ. Садитесь чай-то пить!

Саша. Я, маменька, не сержусь; какъ можно! (*Яковъ Петровичъ, желая сѣсть къ столу, роняетъ стулъ.*)

Анна Васильевна. Эка, сосунокъ! И этого-то не умѣешь сдѣлать.

Яковъ Петровичъ. Я уронилъ, Анна Васильевна...

Анна Васильевна. Да вижу что уронилъ, У! Дуракъ!

Яковъ Петровичъ. Нечаянно.

Анна Васильевна. Отъ тебя какъ отъ козла молока. Бери стаканъ-то! (*Пьютъ чай.*) Вотъ что, мать моя. Мы пойдемъ на репетицію; ты еще въ водевилѣ; такъ пока займи тутъ Алексѣя Васильича, коли безъ насъ придетъ.

Саша (*потупясь*). Слушаю-съ.

Анна Васильевна. Да будь поакоковѣ, а не деревяшкой. Хотя это-то сдѣлай для матери! И то онъ начинаетъ коситься на насъ, что ты сурова съ нимъ. Вотъ

штрафа взялъ съ отца. Обищала удичить Кромкина въ покраѣ моего кольца, а теперь вотъ молчить. Этакъ всякій обидится, когда слова сказать не хотятъ! Нѣтъ, моя милая, въ нашемъ быту надо *искать* друзей.

Саша Хорошо-съ.

Анна Васильевна. Дурушка ты, тебѣ добра желаютъ! Не для того же я растила тебя, въ пансіонѣ учила. Сколько лѣтъ дождалась, скоро ли дочка выростетъ! Заплати же за материнскія хлопоты. На то и дочь, чтобы родителей кормить. Ты знаешь у насъ не кругомъ, ни около; бѣдность не покрытая. Я захвораю, или, сохрани Богъ, умру, что тогда? Котомку надѣвай! А ты вотъ напрасно бѣгаешь *его*. Я тебѣ говорю любя. Право. И отецъ съ матерью будутъ сыты; покоишь насъ на старости. Поцѣлуй меня.

Саша (*припадая къ ней*). Маменька, маменька... развѣ вы любите меня ради корма! Я съ радостію умру, когда вы поцѣлуете меня какъ дочь... только не говорите такъ... не требуйте платы. Не губите меня... овъ низкій, гадкій...

Яковъ Петровичъ. Это она правду...

Анна Васильевна. Молчать! Ахъ дрянъ этакая! Смѣешь матери перечить. Да развѣ я хуже тебя вижу, хуже понимаю! Да виданое-ли дѣло, чтобы янца курицу учила! Книги все гаупныя! Ты у меня, Сашка, выкинь дурь изъ головы: не больно заслушивайся Негрова! Знаю этихъ ученыхъ выскочекъ; только слава, что ученый, а хуже насъ темняковъ: поминдальничаетъ да и отыметъ!

Саша. Маменька... что же я сдѣлала?

Анна Васильевна. Я же виновата! Ишь все по своему: строга мать, отряпать заставляетъ...

Саша. Маменька когда же я...

Анна Васильевна. Молчи, когда тебѣ говорятъ! Намъ бы книжки читать да миндальничать съ голышами, безстыжіе твои глаза! Ты семью страмишь! Вотъ тебѣ и выростила дочку. Связалась съ голышомъ, креста нѣтъ на глоткѣ, аба не перекрестить!

Саша. Маменька...

Анна Васильевна. Молчать! (*Мужу*) А ты что, мозгакъ, молчишь? Видишь, какъ она мать слушаетъ. Да нѣтъ а тебя, голубушка, шековой сдѣлаю; дурь-то всю выбью.

Саша. Я пойду отряпать, маменька.

Анна Васильевна. Замолачь ли ты, озорница! Ей говорятъ дѣло, а она стряпать! Какъ ты можешь грубить! Прости прощенія!

Саша. Простите...

Анна Васильевна (*показывая въ землю.*) Ну! (*Саша становится на колѣни.*) А ты что кипяткомъ отдуваешься, будто правый?

Яковъ Петровичъ. Ммм!..

Анна Васильевна. Да нечего мыкать! Не виковать что ли? Слышишь? Тебѣ го-во-рать: прости прощенія. (*Яковъ Петровичъ встаетъ. Молчаніе.*) Вотъ такъ-то лучше. Провидиалась, такъ и просите прощенія, да получше просите. Ну!

Саша. Маменька, я васъ обидѣла... простите меня... я не имѣла намѣр... (*Голосъ обрывается.*)

Яковъ Петровичъ. Анна Васильевна... она плачетъ... она вѣдь... жалко.

Анна Васильевна. Замолачи, ты ничего не знаешь.

Яковъ Петровичъ. Молоденькая... скучно одной...

Анна Васильевна (*строго.*) Ну! (*Молчаніе.*)

Яковъ Петровичъ. Шурочка... полно, Шурочка...

Анна Васильевна. Что унимаешь-то? Подумаи-ка, прощу ли я тебя самого?

Яковъ Петровичъ. А чтожь?... я... и не надо: вставай, Шура!

Анна Васильевна (*захлебываясь.*) Что?!.. Какъ?... Да я тебя изъ дому выгоню! Ахъ, ты мерзавецъ! Я... я... Да чей хлѣбъ ты ѣшь?

Яковъ Петровичъ (*испуганный.*) Я... я никогда не буду.

Анна Васильевна. Одна утомилась, другой подвляса! Подождите, я вамъ дамъ знать себя. Брошу все и уйду! Пошелъ вонъ. Пошелъ съ глазъ, гадина! (*Яковъ Петровичъ уходитъ въ кухню.*)

Саша. Маменька, ради Бога...

Анна Васильевна. А съ тобой, голубушка, поговорю. Въ кровь выскку!..

Голосъ Проходцева. Можно войти?

Анна Васильевна (*суется*). Ахъ, мать моя! Да это Алексѣй Васильичъ!.. Пошла, дура, оправься! И не убрано, и кофей не варили... Ахъ, ахъ! Пошла вари кофей! (*Саша уходитъ. Входитъ Проходцевъ.*)

VI.

Анна Васильевна и Проходцевъ (маленькій, съ хитрыми глазами; буквы *тз* выговариваетъ какъ *тэ, ѳ* какъ *хе*; привычка повторять слова).

Проходцевъ. Здравствуйте, Анна Васильевна.

Анна Васильевна. Милости просимъ, рѣдкій гость. Здоровы ли? Дайте шубку-то.

Проходцевъ. Какъ у васъ крыльцо-то замело, замело.

Анна Васильевна. Вотъ память, и забыла дворника попросить. Извините, батюшка.

Проходцевъ. Холоднеенько, такъ и рѣжетъ лицо. Какъ васъ Богъ милуетъ? А пробрало, пробрало, а!

Анна Васильевна. Садитесь Алексѣй Васильичъ. Чайкомъ не хотите ль погрѣться? Саша, вари кофей поскорѣе! Чѣмъ угощать васъ, золотой мой?

Проходцевъ. Чѣмъ хотите. Вотъ стаканчикъ выпью. Что, *худше* Машѣ?

Анна Васильевна. Все въ бреду. Вотъ Карлъ Гута-, вычъ все не ѣдетъ.

Проходцевъ. Приѣдетъ, приѣдетъ, я говорилъ. Экой чай-то вы налили: сусло!

Анна Васильевна. Покрѣче получите.

Проходцевъ. Сердцебіенія боюсь, сердцебіенія.... хи, хи!... Разбавьте, матушка. А сейчасъ была рѣчь о васъ съ Александръ Ивановичемъ.

Анна Васильевна. Что же такое Алексѣй Васильичъ?

Проходцевъ. Да что! Хочетъ, Якову Петровичу отказать.

Анна Васильевна. Ахъ, святые угодаики!

Проходцевъ. Упросилъ, матушка, упросилъ.

Анна Васильевна. Милостивецъ вы нашъ, съ неба посланы!...

Проходцевъ. Вы знаете, Анна Васильевна, я все для васъ. Только взятку возьму.... хи, хи!... взяточку.

Анна Васильевна (*будто не понимая*). И, батюшка, что съ насъ взять! Откушайте-ка, батюшка, наливочки. (*Вынимаетъ изъ шкапика.*) Сама дѣлала, лѣкарственная. Такъ по животу и пройдетъ. Милости просимъ! Запи-

раю отъ дурна-то, а то дорвется... Вотъ сыркомъ-то закусите. Горькая наша доля, Алексѣй Васильичъ. Будь я одна, горя мало! а то дѣтки: ихъ одѣвъ, и обогрѣй, и накорми, и обучи,—все же не мужицкое дѣла. Омуть житье: всакій обижаетъ, заступы нѣтъ. Кабы мужъ, а то какаа-то лешетка, что ноги утирають.

Проходцевъ (*закуривая сигару*). А гдѣ же вашъ красавецъ. Не *готовъ* ли?

Анна Васильевна. Нѣтъ, батюшка, маковой росинки не даю! Роль учить, долбить.

Проходцевъ. Что же вы сами-то рюмочку? Да присядьте.

Анна Васильевна. Выпью, Алексѣй Васильичъ. (*Пьетъ.*)

Проходцевъ. Ахъ, злодѣй, уважалъ же онъ третьего дня! Хе, хе, хе!... Стоить да молчать. Я кричу: говори! Козляковъ кричить: говори! „Говори! говори!“ А онъ махнулъ рукой, да закулисы. Ахъ, ей Богу! (*Смѣется.*)

Анна Васильевна. Мука мнѣ съ нимъ. Помощи никакой; одно горе да страхъ!

Проходцевъ. А то помните въ Гамлетѣ? Думаю, дамъ ему роль получше, получше. Выучи, говорю, *Тьмъ*. Да помни, говорю, за каждое несказанное слово пятьдесятъ копѣекъ штрафа, да съ жандармами къ губернатору! Пугнулъ его Ладно. На репетициі все хорошо. На спектакли тоже сначала ладно. Только дошло дѣло до послѣднихъ словъ: „прощай, прощай....“ гдѣ надо провалиться. Вотъ онъ и началъ (*трагически*) „Прощааай....“ а *люкъ*-то потихоньку и началъ опускаться, онъ и хватилъ частенько: „прощай, прощай и помни обо мнѣ!“ — публика въ лоскъ!! (*Хохочетъ*). Говорить, боялся не докончить, штрафа боялся! (*Хохочетъ.*)

Анна Васильевна. И смѣхъ и горе, Алексѣй Васильичъ! Прежде былъ туда-сюда, а теперь ничего не заставляй! Безъ того гаупъ, а тутъ еще пьянствуетъ. И денегъ-то ему на руки не даю. Все это проклятые ламповщики! Пугнули бы вы ихъ, Алексѣй Васильичъ.

Проходцевъ. Неволя вамъ была идти за него.

Анна Васильевна. Да что, думаю, человекъ тихій, да и не пилъ тогда. Загубила я съ нимъ себя! Одна-то я, Алексѣй Васильичъ, слышали, такъ ли жила?

Проходцевъ. Хи, хи.... Грѣшки округили, Анна Васильевна, грѣшки, а?

Анна Васильевна. Э, батюшка, кто же у насъ не грѣшны! Наме житье такое, да и покойникъ, Апухтинъ, ничего не жалѣлъ. Умеръ онъ вдругъ, больше потому и вышелъ. Въ бенефиоъ бывало такъ ужъ и лежитъ пятьсотъ рублей на столѣтъ, ассигнаціями. Дура была: платье не платье, букетъ не букетъ, — нѣтъ чтобы приберечь! Такъ плохо, что и-и-и!... О будущемъ и подумать страшно. Жалованья только-только хватаетъ. Все-то вчетверомъ получаемъ тридцать пять рублей. Солдаты столько получаютъ.. Вотъ еще Манька смеяла. Хоть бы развезала скорѣе! Хилыя онъ у меня такія, золотушныя... *(Плечетъ.)* А все онъ, окаянный! Пришелъ какъ-то генералъ-генераломъ, не тронь меня. Дома была одна Маша, а съ Сашей въ театрѣ. Онъ возьми, ни съ того ни съ сего, и выгони дѣвчонку на улицу, на трескучій морозъ! Вотъ и валяется теперь.

Проходцевъ. Что же онъ?

Анна Васильевна. Да вѣдь и любить ихъ, дурень какъ сумашедшій! Говорить, не замолить мнѣ этого грѣха.

Проходцевъ. Выкушайте-ка еще, Анна Васильевна. Что же вы дочку-то прячете отъ меня?

Анна Васильевна *(кричитъ.)* Самка, да чтожь кофей-то!

Голосъ Саша. Сейчасъ несу!

Анна Васильевна. Молода она еще у меня, мозгъ воробьиный.

Проходцевъ. Хе, хе!... А театрѣ не развилъ развѣ? Хе, хе!... Ну те-ка выпьемъ вмѣстѣ. *(Чокается и заперываетъ.)* Эхъ, вы!

Анна Васильевна *(слѣпая).* То-то, грѣховодникъ! ужъ припекутъ васъ на томъ свѣтѣ.

Проходцевъ. Припекутъ?

Анна Васильевна. Охъ, припекутъ.

Проходцевъ. И не говори, Анна Васильевна! Самъ знаю, что припекутъ, припекутъ! Я вѣдь такой! Еще маальчишкой въ лавкѣ былъ, а ужъ.... да провалился небо и земля! я и на кочкѣ проживу.... вотъ какой! Хе, хе, хе!...

Анна Васильевна. Экой ёра!

Проходцевъ. А это вы напрасно говорите: молодая. Я зналъ одну хористочку, тринадцати лѣтъ всего, а ужъ все это тутъ.... хи, хи.... Гимназистовъ весь седьмой классъ таскала за носъ, ей Богу!

Анна Васильевна. То-то и горе, не любитъ она у меня театра! Я, говорить, точно въ сырой погребъ иду туда; а когда, говорить, танцовать надо въ водевилъ, такъ я, говорить, ничего не помню, такъ стыдно! Подижь ты! Дура!

VII.

Тѣже, Саша (сз кофеель).

Проходцевъ. А вотъ и Александра Яковлевна. Легка на поминъ!

Саша (тихо). Здравствуйте.

Проходцевъ. Здравствуйте, хорошая моя. Все худете, бѣдненькія какія, бѣдненькія! Влюблены видно, а? Хе, хе!... Не въ Негрова ли? (Саша роняетъ чашку).

Анна Васильевна. Безстыжіе твои глаза, много у насъ посуды-то!

Проходцевъ. Хи, хи!... Не ругайте ея, я вамъ дюжину подарю.

Анна Васильевна. Это дочь, Алексѣй Васильичъ, къ стыду моему! Пофѣрите ли, не могу быть покойна, когда эта халда на глазахъ. Упрямая какая-то, каменная. Ужь чего не дѣлала съ нем: въ чуланъ запирала, голодомъ морила.... Что глаза красны-то? Съ папенькою миловались? (Тихо ей) Смотри у меня! (Громко:) Ахти, заболталась я печка-то чай истопилась! Извините, батюшка, Алексѣй Васильичъ, я душкомъ.

Проходцевъ. Ничего, идите. Мы вотъ съ Александрой Яковлевной потолкуемъ. А насчетъ колечка не беспокоитесь: мы Кромкина накроемъ!

Анна Васильевна. Вы, батюшка, такъ о насъ хлопчете, что я, право, не знаю.... Я сейчасъ. (Уходитъ и нѣсколько времени подслушиваетъ).

VIII.

Проходцевъ (не спуская глазъ.) Какая вы нынче... хорошенькая.

Саша. Такаяже какъ всегда.

Проходцевъ. Ну, нѣтъ. Отхлебните-ка за мое здоровье.

Саша. Я не могу.

Проходцевъ. За мое здоровье.

Саша. Я не пью.

Проходцевъ. А я сегодня защищаю вашего батюшку
Ему хотѣли отказать.

Саша. Отказать!... *(Молчаніе)*.

Проходцевъ. А что, Александра Яковлевна, вы будто
нарочно меня бѣгаете? *(Анна Васильевна скрывается)*.

Саша. Отчего вы думаете?

Проходцевъ. Я радъ этого не думать, но ваши по-
ступки...

Саша. Я вѣдь не злая. Оставьте это.

Проходцевъ. Вы очень злы. Вы мучите многихъ. Будто
вы не понимаете? Вы хорошо понимаете, но помучить хо-
тите; а говорите, что не злы; вы очень и очень злы. Къ
чему играть въ жмурки, когда хорошо видите.

Саша. Еслибъ вы знали, какъ мнѣ тяжело, вы бы изъ
жалости не мучили меня!

Проходцевъ. Послушайте. Вашего отца оставили един-
ственно ради васъ. За все платятъ. Хи, хи!... Я съ васъ
возьму взятку.

Саша. Взятку?

Проходцевъ. Не деньгами. Деньгами я самъ даю.

Саша. Я не знаю... у меня ничего нѣтъ.

Проходцевъ. Не думайте, что попрошу подушку вы-
шить. У меня на своихъ некому спать. Полноте, это
жмурки. Жмурки! Слушайте. Сейчасъ Александръ Ивановичъ
говорилъ: Зернышкинъ и еще одинъ господинъ лишніе. Я
имъ откажу. Вотъ его слова. Ваша защита у меня на шеѣ
сидитъ.

Саша. О!..

Проходцевъ. Взгляните-ка на этотъ документикъ. *(Вы-
нимаетъ изъ бумажника записку)*.

Саша. Что такое?

Проходцевъ. Двѣ-три строчки, конецъ письма. По-
слушайте: „Они дагадываются кто авторъ обличительныхъ
статей. Мнѣ все равно. Мнѣ только больно, что я
вдалекѣ отъ *жизни*хъ малячу лучшую половину жизни..“
Вотъ и только. Подписано „твой Негровъ“.

(Молчаніе).

Саша. Гдѣ вы взяли?

Проходцевъ. Гдѣ? Въ уборной лежалъ чей-то бумажникъ. Я не виноватъ, что забываю... Висотаровъ сильно работаетъ противъ него. Какъ вы думаете, отдать ему эту записку, чтобы показалъ Александру Ивановичу или нѣтъ? А? (*Молчаніе.*) Я жду.

Маяя (*голова острижена, хиленькая.*) А!.. душно... пить!

Проходцевъ. Вася большая сестра зоветъ.

Саша. О, что за люди! (*Подходитъ къ кровати.*) Что Маничка?

Маяя. Ахъ, какіе цвѣты!.. цвѣты... тепло! какіе бѣлые-кіе цвѣты... тянется... держи меня, держи... цвѣты... (*Затихаетъ.*)

Саша. Боже мой, зовите скорѣе матушку, отца! Скорѣе. Мамя, голубушка... Маяя!.. (*Въ дверяхъ Негровъ.*)

IX.

Тѣ же, Негровъ.

Проходцевъ. Не добудитесь.

Саша (*съ задумчивымъ крикомъ*). А!..

Проходцевъ. Я жду отвѣта.

Негровъ. Я за нее отвѣчу. (*Подходъ:*) Отдайте мое письмо.

Проходцевъ. Что-съ?

Негровъ. Отдай-те письмо!

Проходцевъ (*робко*). Возьмите.

Негровъ. Подлецъ!

ДѢЙСТВІЕ ВТОРОЕ.

Сцена. Тусклое освѣщеніе. Направо столъ, на лѣвъ дѣвъ сѣнцы. Въ глѣ былъ другой столъ съ расписною книгой для жалованья. У задней стѣны наставлены въ безпорядкѣ: сценическая мебель, кое-какія декораціи и проч.

I.

Направо: Ляпуновъ, Змѣевъ, Бавинъ, Михаилъвичъ, Козяковъ, Мѣсяцевъ, Вихоркинъ. *Направо:* Каша, Червячкова и Козякова. *Поодаль сидитъ пригорюнившись* Негровъ. *Въ глубинѣ хористы и хористки, оборванные, пьяные.*

Ляпуновъ (*высокій старикъ, съ усамъ*). Иду я на Кан-

кавъ по базару, вижу около говядины лежать бревна. Кой дьяволъ, думаю, зачѣмъ тутъ бревна? Отчего, спрашиваю, не на деревянномъ дворѣ? Это не бревна, говорятъ,—это хрѣвъ.

Козаковъ. Ну, ужъ и хрѣвъ!

Ляпуновъ. Чего ну! Ей Богу.

Козаковъ. Что же, въ руку толщиной?

Ляпуновъ. У, въ руку! Въ меня толщиной, длиною три сажени.

Змѣевъ (*рѣбой, съ усами; зараженъ мочаловскимъ шопотомъ*). О, ужъ врешь, Никола!

Ляпуновъ. Чего врешь! Небожь скажешь врешь, что и на орѣ летаетъ?

Змѣевъ (*смѣясь*). Вы его только по-слу-шай-те: онъ скажетъ!

Ляпуновъ. Вру! Изъ-за чего маѣ врать? Самъ врешь! Говоришь король бьетъ. Никогда король не бьетъ!

Змѣевъ (*воодушевляясь, съ шипѣніемъ*). Какъ же, помилуй-те, господа! Непремѣнно король бьетъ. Я уже знаю-ба-тющ-ка! Вѣдь на рукахъ только десятка... Я сорокъ лѣтъ веду игру! Непремѣнно бьетъ. Слава Богу, тридцать лѣтъ актеръ, сынъ ужъ математикъ... (*Продолжаютъ объяснять Мѣсяцеву.*)

Баниль (*старикъ, картинничая и играя палкой*). А омышала вчера Виногаровъ-то?... чуть не зарѣзалъ буфетчика.

Ляпуновъ. Вѣ! Я ушелъ рано, что такое?

Баниль. Да. Чуть не зарѣзалъ. Кто-то спросилъ Виногарова, скоро-ли прѣдетъ танцовщица, которую рекомендовалъ онъ? Къ Рождеству, говорить. А буфетчикъ и хватилъ: „свиней вѣдь обыкновенно привозятъ къ Рождеству.“ Глаза у того выкатились, побѣгалъ да за столовый ножъ.

Звѣревъ. Я говорилъ Александру Ивановичу: не выписывайте эту чуму, всю труппу, батюшка, разгоните! Да какъ же! Съ Горюновымъ-то исторію помните? Графиномъ всю грудь разрѣзалъ.

Ляпуновъ (*молодуватю*). Я такъ и вижу эту шельму бритымъ, съ тузомъ на спицѣ!..

Кашина (*алло*). Что это какъ холодно: это захворать можно! Ужъ театр!...

Червячкова (*ей тоненько*). Но я только, Юлія Демьяновна, удаляюсь глупости Алексѣя Васильича! Стоило бы изъ-за чего, а то скелетъ... тьфу! Нагдысь я была съ Зернышкиными въ банѣ: ноги палочки-палочкой, чубучки какіе-то!

Козлякова (*пришепетывая*). Да и курносая она, точно Виногаровъ. Никогда такой носъ не выравнивается!

Черячкова. Нѣтъ, вы посудите сами, за что же Алексѣй Васильичъ меня обижаетъ? Эта шляха, прости Господи, ея мать, слова сказать не умѣетъ, а у меня *свагу* отняли! Вѣдь всѣ обѣдали ее, потаскушку, какъ паршивую какую. А вы слышали, Юлія Демьяновна? Самка-то ихъ... (*шепчетъ на ухо*).

Кашива. Что вы! (*потихоньку евосятъ*).

Ляпуновъ. Да, папу сожгли!... я всю церемонію читалъ. Въ этомъ ноябрѣ сожгли!

Червячкова. Ужъ пусть бы одна жила: смотрѣть некому. А то съ отцомъ и матерью, срамъ!

Козляковъ (*тихо Вихоркину, прохаживаясь съ нимъ*). А гусь—ты; птичка-то улетѣла.

Вихоркинъ (*кура попиросу*). Полно врать.

Козляковъ. Мнѣ, братъ, врать нечего. Я самъ видѣлъ. Я вчера за кулисами стою, глядь: Негровъ, а Зернышкина такъ и впилась въ него глазами. Что, я говорю, а въ молъ *сладилась*? Она задрожала, а тамъ ровно въ огонь кинуло.

Вихоркинъ (*сжавъ кулакъ*). Подожди же! Подпущу ему *соловьевъ*. Я ему!

Козляковъ. Освистать—неидетъ. А ты вотъ лучше ааь себя новенькую-то хористочку. Славная вѣдь, чортъ ее поberi.

Вихоркинъ. Дѣвочка-орѣшекъ.

Козляковъ. Не будь у меня Хамкиной, была бы она моя.

Вихоркинъ. Полно городить-то, Хамкиной! Будто не знаетъ: всѣ знаютъ, чего скрываешься-то? Что жъ такое! Въ у насъ сосѣдъ Петемкинъ женился на незаконной дочкѣ своего батюшки...

Козляковъ. Полно выдумывать! Какая бы ни была, а все сестра... Сплетни все. Ты что не въ классѣ?

Вихоркинъ. Плевать. Маменька ничего не жалѣетъ. Голова трещитъ со вчерашняго.

Козляковъ. Зачѣмъ же прителъ?

Вихоркинъ. Выхожу въ народъ (*Подходитъ тихонько къ Козляковой и пугаетъ ее*). Уфъ!

Козлякова. Ах!.. Фу, какъ я испугалась. Вы не можете вообразить, какъ испугалась! Поглядите-ка, сзади, у меня что-то лопнуло.

Вихоркинъ. Брючокъ отлетѣлъ.

Козлякова. Ну, поправьте же, гадкія!

Змѣевъ. Я вамъ говорю, батюшка, король бьетъ!.. (*Входитъ Виногаровъ, замѣтно выживши*).

II.

Тѣ же, Виногаровъ (*толстый, почти безъ переносицы, выговоръ нижегородскій.*)

Виногаровъ. Это что же такое: на смѣль комедію будемъ играть! Какому-нибудь Негрову даютъ Тихона, мнѣ Кулигина. Я никогда не былъ подставкой! Что они, режиссеры-то косноязычные, смѣяться надъ публикой хотѣтъ?

Негровъ. Если это ко мнѣ относится, то мое имя *Теодоръ Сергѣичъ* Негровъ.

Виногаровъ. Ишь какъ! Такъ вы такъ-таки и согласились играть Тихона? Да вы всю пьесу уложите. То-то вы, мальчишки образованные, суетесь гдѣ васъ не надо!

Негровъ. Слушайте, Виногаровъ! Вы можете считать себя гениемъ, но оскорблять меня вы не имѣете права.

Ляпуновъ. Поано, оставь его. Ему и то жутко у насъ.

Виногаровъ. Зачѣмъ поступалъ? А Тихона ему не видать, какъ ушей! Вотъ вашъ Кулигинъ! (*Бросаетъ роль.*) Публика вѣдь не дура,—понимаетъ! Я не учень, да тысячу получаю, а онъ образованный, да дыра въ карманѣ, сапога безъ подошвы! Учить всѣ мастера, а за дѣло взялся, и вѣтъ ничего.

Змѣевъ (*слѣясь*). Училъ?

Виногаровъ. Училъ.

Ляпуновъ. За то безъ хлѣба сидѣлъ, въ полиціи побывалъ.

Виногаровъ. Да не пропалъ же! А посмотримъ какъ другіе прочіе... Ха, ха, ха! Хаживалъ и пѣшкомъ по морозцу.

Вьюги пѣсни напѣвали, душа вторила, кабаки пріютъ давали. Тонко хаживааъ, чулокъ не отжораживааъ! (*Декламируетъ.*)

Цѣловала, миловала,
Подносила въ черкѣ хитѣ;
И тайкомъ съ собою клала
На дворянскую постель!

Лапуновъ (*сквозь зубы*). У, шельма каторжная! кабацкое мясо!

Кашина (*Негрову*). Федоръ Сергѣичъ! сладьте здѣсь.

Негровъ (*садясь*). Что вамъ?

Кашина. Охота обращать вамъ вниманіе на эту безвкусную бочку. Отчего вы не бываете у меня?

Негровъ. Занятъ.

Кашина. Чѣмъ?

Негровъ. Какъ видите: роли, репетиціи. Едва успеешь пробѣжать газету...

Кашина. Очень нужно! А я думала, вы умерли.

Негровъ. Покуда нѣтъ.

Кашина. Поѣдемъ послѣ репетиціи ко маѣ.

Негровъ. Благодарю.

Кашина. Да нечего благодарю! Мнѣ скучно, мужъ все по трактирамъ... Я желала бы знать, есть ли другая такая дура, которая вышла бы за моего мужа? Меня обвиняютъ... А чѣмъ я виновата? Видѣть вѣчно пьянаго мужа, грубости, оскорбленіе... (*Бьетъ его по рукамъ*). Ну, полноте же! О чемъ вы думали?

Негровъ. Мало ли о чемъ?

Кашина. Что же?

Негровъ. Ничего. Тихо и поспѣшно, въ сивушномъ чаду, въ сторонѣ отъ Божьяго свѣта, растетъ отребье общества...

Кашина. Какой злой!

Негровъ. Братъ живетъ съ сестрой, мать кормится дочерью, мужъ женою...

Кашина. Вы сегодня сердиты. Я знаю на кого.

Негровъ. На кого?

Кашина. О комъ мечтаете?

Негровъ. А! О васъ?

Кашина. Нѣтъ. Но я желала бы.

Негровъ. Часто и о васъ.

Кашина. Право? Ну?

Негровъ. Вы хотите правду?

Кашина. Непремѣнно.

Негровъ. Любите поменьше *старичковъ*. (*Отходитъ*.)

Кашина. Дерзкій!

Виногаровъ (*декламируетъ*).

Вѣтеръ Ванюшку качаетъ,

Что былинку на ножъ:

А княгиня умираетъ

Во свѣтлицѣ на ножъ.

III.

Тѣ же, Славскій и Кромкинъ.

Славскій (*съ усами, въ богатомъ пальто, съ газетою въ рукѣ; безпрестанно гладитъ кончикъ носа и подбородокъ; слова тянетъ, мѣлая теноръ въ глухой горловой басъ, иногда въ дискантъ*). Здравствуйте, господа. Что всѣ? Солдаты, принеси изъ буфета рюмку водки!

Козляковъ. Нѣтъ, еще не всѣ. Чтѣ это у васъ, Карлъ Карлычъ? (*Всѣ, кромѣ Виногарова, здравствуются*.)

Славскій. Это... ха, ха!.. газета сегодняшняя. Статья о театрѣ.

Змѣевъ. Что жь та-ко-е пи-шутъ?

Славскій. А вотъ прочтемъ. Солдаты, давай! (*Отнимаетъ половину*). Слушайте. (*Ставитъ свѣчу передъ газетою*.)

„Нельзя безъ отвращенія видѣть жалкое состояніе провинціальныхъ театровъ.“ Жалкое! не вездѣ жалкое, чушь! (*Доливаетъ*.) „Совершенное паденіе искусства въ провинціи неизбѣжно.“ Дуракъ писалъ! Куда солдаты ушелъ? Солдаты!

Кромкинъ. Да позвольте я. Что вамъ?

Славскій. Скажи, чтобъ водки дали. „Причина этого положенія очень грустная.“ Что за фразы! „Драматическое искусство въ рукахъ аферистовъ, антрепренеровъ, актеровъ, холодей; имъ нѣтъ дѣла до лучшихъ произведеній, до обра-

зованной публики.“ Эти лучшія произведенія грошъ даютъ. Всякій наблюдаетъ свои выгоды. *(Отпиваетъ.)*

Кромкинъ *(слѣясь)*. Это такъ, Карлъ Карамычъ, грошъ даютъ.

Мѣсяцевъ *(съ русою козлиною бородой, ошарашиваясь)*. Это конечно, какъ можно!

Славскій. Глупо. *(Допиваетъ.)* „Дни актера, этого парія, проходятъ грязно, смрадно, холопски.“ Не стоитъ вниманія... Досадно, что дрянъ, козявка, а разсуждаетъ! Вѣдь печатному слову вѣрять, дураки вѣрять. Кромкинъ, вели водки! „Событія и книги для него не существуютъ; играть на сценѣ ех officio; остальное время шныряетъ по трактирамъ и полпивнымъ...“ Такую сволочь вонь! Куда она годны? *(Отпиваетъ.)* „Стаканомъ водки онъ заливаетъ что назойливо встрепенется въ душѣ...“ Что тамъ встрепенется? Ничего не встрепенется... Вонь у Виногорова, что встрепенется?

Виногаровъ. Все больше твоего.

Славскій *(хладнокровно)*. Абрамовъ! Петръ! Выведите его вонь. *(Допиваетъ.)*

Виногаровъ. Что-о-оо?!

Славскій. Берите, берите. На мою голову.

Виногаровъ *(скрипя зубами)*. У-у! *(Уводитъ его.)*

IV.

Тѣ же, безъ Виногорова.

Всѣ. Вотъ спасибо, Карлъ Карамычъ спасибо!

Зміевъ. Мо-ло-децъ!

Славскій. Ничего. Къ бенефицу помирится. Это не въ первой! Въ Казани въ сибиркѣ сидѣлъ... Что дальше-то? „А стоитъ только имѣть немного энергіи, поменьше дворянской ошеси... И я вѣрю эта грустная, сдавленная, одичалая жизнь измѣнится.“ Измѣнится.... Она Негровъ поступилъ, бросилъ мѣсто, а что сдѣлаетъ Ничего.

Негровъ. Я одивъ.

Славскій. Одинъ... (*Сердито*) Никогда это не измѣнится! Я служилъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ... развѣ лучше?

Михаловичъ (*съ темнорусою бородой, скромно*). Авторъ не говоритъ этого, Карлъ Карлычъ.

Славскій. Какъ не говорить? говорить! Гдѣ тутъ? (*Ищетъ. Отпиваетъ.*) Говорить! Берется писать! много смысла въ нашемъ дѣлѣ.

Ляпуновъ (*сердито*). А если это актеръ писалъ!

Славскій. Актеръ... Ну, глупо! (*Допиваетъ.*) Это вотъ поваръ мой, ты ему скажешь: „сдѣлай мнѣ сегодня щи.“ — Чего-съ? Зачѣмъ это щи? Нынче порядочные господа-ацстократы ѣдятъ *потафю*, а вы щи да щи! — Да тебѣ что за дѣло? Дѣлай что приказываютъ! Я хочу щей! — Да что жь что хотите! Это мѣщанинъ ѣстъ щи, а вы — *потафю*! (*Смѣхъ.*) Такой дерзкій, ей Богу! (*Допиваетъ.*)

Кромкинъ. Какой вы. Карлъ Карлычъ, ей Богу! (*Смѣется.*)

Змѣевъ (*Банину*). Умная голова!

Банинъ (*разглядывая на пальцѣ ручку*). Это... прекрасно.

Славскій. А Банинъ все разсматриваетъ свою даму. (*Смѣхъ*)

Банинъ. Взгляните: какія фформы у неа!

Славскій. Кашина, вы слышали?

Кашина. Что такое?

Славскій. Да вотъ у Банина женщина на ручкѣ; такъ женскія формы...

Кашина. Подите вы!

Славскій. Что? Ха, ха ха! „Необходимо основать *кассу для нуждающихся провинціальныхъ актеровъ*...“ Для поощренія дармовцовъ и никуда негодныхъ!.. „пополняя ее спектаклями и вычетомъ извѣстнаго процента изъ жалованья актера.“ Такъ я и дамъ деньги пьянчужкѣ! Подписано: „Туристъ.“ Ну, дуракъ туристъ!

Михаловичъ. Нѣтъ, это прекрасная мысль. Помните Котова? Съ ума сошелъ, что потерялъ мѣсто. Жена посаѣдній крестъ сняла съ шеи, чтобы прокормить дѣтей.

Славскій. Э! ѣсть захочется найдутъ: голодъ не тетка.

Михаловичъ. А вдругъ осѣпнете, сломаете ногу...

Славскій. Или вдругъ умру? (*Пьетъ.*) Кромкинъ, ты что миנדальничаешь? пей!

Кромкинъ. Я выпью, Караъ Карлычъ. (*Козлякову.*) Какое рѣжетъ?

Негровъ. Лучше умереть чѣмъ такъ думать. Впрочемъ вы правы. Въ закулисныхъ палестинахъ не гибнетъ дѣвушка изъ-за насущнаго куска; не разлагается мозгъ отъ моральныхъ плюхъ антрепренера-пѣвца... Тутъ не крайнее право!

Славскій. Знаете, Негровъ, вы похожи на Еврея, когда молится; нейдетъ! Старо.

Негровъ. Лучше, чѣмъ вгонять въ могилу.

Славскій. Что?

Негровъ. Нѣтъ, мнѣ пришла въ голову одна бѣдная замученная актриса.

Славскій. Некстати. Всѣ вы мастера толковать... Вотъ не увидимъ, такъ услышимъ! (*Пьетъ.*) Я знаю отчего это: вашему однокласснику чья дади. (*Смѣхъ.*)

Негровъ (*холодно*). Вы угадали.

Славскій (*смѣясь*). Нѣтъ, Негровъ, вы не сердитесь. (*Серьезно*). Вы еще молоды, недавно на сценѣ. Когда пройдетъ лѣтъ пять, сцену — вы не бросите: это невозможно, когда уже побыли актеромъ,—вы окунетесь въ нашей жилой грязи, и вѣрьте мнѣ, у васъ не останется ни правды, ни вѣры, ни любви. Мы всѣ мерзавцы: любезничаемъ и льстимъ въ ту минуту, когда втыкаемъ въ сердце совершенно незамѣтный кияжаль... Выпейте лучше! Хотите?

Негровъ. Нѣтъ. (*Входитъ Зернышкинъ блѣдный.*)

V.

Тѣ же, Зернышкинъ.

Славскій. А вотъ Зернышкина видно жена побѣла. (*Смѣхъ.*) Что жъ ты, Зернышкинъ, дожидаться тебя! Изъ-за тебя репетиція нейдетъ!

Зернышкинъ (*тихо*). Извините... я... Маша умерла.

Ляпуновъ

Михаловичъ

{ (*съ участіемъ*). Умерла?

Зернышкинъ. Умерла-съ. Сейчасъ обмывали. (*Молчаніе.*)

Славскій. А я думалъ, дома чулки вяжешь. За что тебѣ жалованье даютъ, паразитъ римскій.

Зервышкинъ. Три цѣлковыя вычету.

Славскій (*смѣясь*). Ай-да извинился! Ха, ха!.. Что жь, позовешь на похороны? Я приду.

Зервышкинъ. Какъ жена.. (*Смѣхъ. Входятъ Квартальныи и Котовъ.*)

VI.

Тѣ же, Квартальныи и Котовъ (*въ зипуничкѣ и лаптяхъ*).

Славскій. Кто это? Котовъ?!

Нѣкоторые. Ба, ба! Котовъ! Изъ какихъ странъ?

Квартальныи (*заикаясь*). Вы его знаете?

Змѣевъ. Еще бы не знать!

Михаловичъ. Это отецъ Котова, что съ ума сошелъ.

Ляпуновъ. Откуда Богъ принесъ, Павлычъ?

Котовъ. Здравствуйте, господа. Спасибо, что признали, не погнушались.

Квартальныи. Мы думали бродяга.

Нѣкоторые. Что такое? Какъ такъ?

Котовъ. Несчастье. Пашпортъ украли на постояломъ дворѣ.

Ляпуновъ. Какъ же ты такъ, чудакъ! Э-э! плохо.

Котовъ. Будьте милостивы... на старости лѣтъ, по этапу пошартъ... тяжело... поручитесь.

Нѣкоторые. Изволь, съ удовольствіемъ!

Негровъ. Располагайте мною... Титъ Поликарпычъ, отпусти его; я беру на поруки.

Котовъ. Наградить васъ Богъ! Мнѣ вышлютъ новый.

Негровъ. Поживете со мною, я одинъ. (*Котовъ благодаритъ взглядомъ.*)

Славскій. Куда же ты?.. Безъ мѣста?

Котовъ. Безъ мѣста.

Ляпуновъ. А жена?

Котовъ. Похоронилъ. (*Помолчавъ:*) Старуха моя... она... съ испуга... Театръ сгорѣлъ.

Нѣкоторые. Э-эхъ! Расскажи, какъ же это?

Котовъ. Сирота былъ, актерикъ... старуха-то любила

какъ сына... Жили всѣ вмѣстѣ, въ театрѣ. Вотъ... сгрубилъ онъ директору, любовишка какаѣ-то... директоръ ему пощечину. Онъ и... поджогъ ночью.

Нѣкоторые. Аѣ-аѣ! Много сгорѣло?

Котовъ. Много. Актерикъ-то въ Сибирь ушелъ... угнали. А старуха моя... *(проводитъ торопливо рукою по глазамъ:)* Директоръ-то всѣхъ распустилъ, кто куда.

Ляпуновъ. Эка, Павлычъ!.. Много же ты прошелъ верстъ?

Котовъ. Восемь сотъ.

Ляпуновъ. Денжовки-то хоть есть ли?

Котовъ. Малость въ сумкѣ была; украли. Я больше сюда, потому... сынъ похороненъ. А то въ Орелъ иду, вѣстка тамъ.

Славскій. Я тебѣ, Котовъ, выхлопочу здѣсь мѣсто. Ты полезень, я знаю... Тебѣ пятнадцать рублей довольно?

Ляпуновъ. Мы это обдѣлаемъ.

Котовъ. Я не останусь.

Ляпуновъ. Это отчего?

Котовъ *(помолчавъ)*. Пять лѣтъ назадъ умеръ здѣсь въ сумашедшемъ домѣ мой сынъ. Его тамъ били... Онъ сошелъ съ ума, потому что ему отказалъ Щорба.

Ляпуновъ. Да... ну...

Славскій. Что жь, сожмись: вѣдь вѣсть же надо! Этакъ выгдѣ нельзя намъ остаться.

Котовъ. Нѣтъ. Ничего. Ужь что!.. Я такъ порѣшилъ!

Козляковъ. Александръ Ивановичъ идетъ! Александръ Ивановичъ!

Котовъ. Пойдемте другимъ ходомъ, другимъ, Бога ради! Бога ради!...

Квартальный *(Негрову)*. Я зайду къ вамъ.

Негровъ. Пожалуста. *(Квартальный и Котовъ уходятъ на лѣво)*.

Славскій. А хорошій актеръ.

Змѣевъ. Великій актеръ, ба-гюш-ка. Возьмите, мѣщанинъ! Жизнь заѣла его.

VII.

Тѣ же. Щорба, Вержбицкій, Проходцевъ, Анна Васильевна и Саша.

Щорба *(маленькій, лысый, съ черною бородою; привычка потирать лысину и бить себя въ грудь)*. Здравствуйте,

господа. Извините, я задержалъ Проходцева. (*Жметъ руки въстѣль, кромя Негрова, Зернышкина и хористовъ.*) Повѣрите ли, дѣла—вотъ!

Славскій. Здравствуйте. Какія дѣла?

Щорба. Убытки все, убытки.

Славскій. Что такое?

Вержбицкій (*шамкая въ носъ*). По положенію надо получить изъ думы три тысячи, а губернаторъ не выдаетъ.

Славскій. Отчего?

Щорба. Статьи все, статьи! Статьи въ вѣдомостяхъ! Все онъ. А!... „Публика, говоритъ, недовольна; изъ театра хавъ можете сдѣлать. По окончаніи сезона получите.“

Славскій. Что жь, это отлочно.

Щорба. Карлъ Карлычъ! Убытки вѣдь, денегъ нѣтъ...

Славскій. Экой, полово! (*Смѣясь:*) Вы, извѣстно, пу- гаете, чтобы кто другой не снялъ.

Щорба. А жалованье, расходы... а, Карлъ Карлычъ! У меня сынъ-съ... Выдумали еще, что отчеты не вѣрны. Развѣ я одинъ ихъ составляю? Тутъ и Осипъ Михаамычъ, и кассиръ... Только подушка знаетъ-съ какъ мнѣ весело. Я былъ для всѣхъ открытъ; теперь закрыли, закрыли-съ!

Вержбицкій. По положенію, счета какъ сабдуютъ.

Щорба. Свои-съ пишутъ, свои-съ, не иначе! Личность. Ужъ трупочка, да-съ! Сочинили, что какая-то моя любовица десять процентовъ беретъ у меня со сбора... а!

Вержбицкій. А тутъ еще таскаютъ въ полицію о Петровой: въ рубахѣ подвяли пьяную на улицѣ.

Славскій. Что жь! ваша же актриса.

Вержбицкій. Изъ-за бабы-пьяницы.

Кромкинъ. Жилетами торговала.

Вержбицкій. А вотъ еще на васъ претензія, Кромкинъ.

Кромкинъ. На меня? Кто?

Щорба. Да! (*Кромкину:*) Иванъ Яковличъ, что у васъ съ вами? (*Показываетъ на Анну Васильевну.*)

Кромкинъ. Съ вами? Ничего.

Анна Васильевна. Какъ ничего? Ахъ, ты безсовѣстный! Годъ кормили, уголь имѣлъ, а онъ кольцо въ благодарность укралъ.

Кромкинъ. Вы съ ума сошли!

Анна Васильевна. Да нечего съ ума сошла! Укралъ. Змѣйкой кольцо, съ изумрудомъ.

Славскій. Что, Кромкинъ? попался?

Анна Васильевна. А я-то, дура, мужа къ кресту приводила, думала пропилъ. Это его сказы дошли до неба! Укралъ, батюшка. Маркеру у Кастенса, Софрону маркеру, заложилъ. Самъ Софронъ говорилъ, за пять цѣлковыхъ, говорить.

Кромкинъ (*растерявшись*). Онъ вретъ.

Анна Васильевна. А свидѣтели-то на что? Въ Алексю Васильичу сами говорили... Григоровскій говорилъ... Нѣтъ, голубчикъ, не увернешься! Теперь я вѣрю, что и иконы ты укралъ, и изъ навеситета за то выгнали.

Кромкинъ. Вамъ говорили, что я закладывалъ?

Проходцевъ. Я ничего не знаю. Вольно выдумывать. (*Все время куритъ молча сигару.*)

Анна Васильевна. Выдумывать? А свидѣтели-то?

Кромкинъ (*храбро*). Милостивая государыня, я не позволю себя оскорблять!

Зернышкинъ (*тихо*). Анна Васильевна... полно...

Кромкинъ. Я этого не могу! Я не хотѣлъ говорить... я вынужденъ. Это кольцо подарила мнѣ ваша дочь.

Сама } Я?

Славскій } Ай-да Кромкинъ!

Негровъ } Подлецъ!

Михаловичъ (*Негрову*). Оставьте его.

Червячкова (*Кашиной*). Слышите, слышите! Ахъ, безстыдница!

Кзялякова. По маменькѣ. Грязь грязью брызжетъ!

Анна Васильевна. Я тебя глаза выпарапаю, подлецъ ты этакій! Мерзавецъ!

Кромкинъ. Сама мерзавка.

Анна Васильевна. Нѣтъ, ты!

Кромкинъ. Ахъ ты, старая крымза! Побью.

Зернышкинъ. Анна Васильевна... Анна Василь....

Анна Васильевна. Я по всему городу пойду звонить, на соборъ полѣзу! Я не посмотрю на тебя, губошлепъ проклятый! Узнаешь меня!.. Въ могилу не лягу пока тебя не выведу на чистоту!

Славскій (*смягсь*). А ну-ка, мать, трясни его!

Кромкинъ. Вотъ вѣдьма-то!

Щорба. А!... чортъ васъ возьми! Дѣлайтесь, какъ знаете, не мое дѣло. Вотъ трупна-съ! а!... Господа, начинайте репетицію! Кто не занятъ, пожалуйста жалованье получить.

Негровъ. Какъ не ваше дѣло? Въ вашихъ глазахъ оскорбляютъ двушку... Знаете ли, за это ему можно черепъ раскроить!

Кромкинъ. Не такъ шибко, господинъ Негровъ!

Червячкова (Козляковой). Я говорю, что у нихъ все уже слажено.

Щорба. Извините-сь, я уроковъ не привыкъ брать.

Негровъ. Къ вамъ обратились, какъ къ человѣку, у котораго служить такой господинъ, какъ Кромкинъ! Вы это дѣло *должны* разобрать. Съ ворами служить никто не захочетъ!

Щорба. Не угодно ли деликатнѣе говорить о господахъ артистахъ. Наконецъ почему мнѣ знать, можетъ-быть эта какъ ее?..

Негровъ. Замоdчите!

Зернышкинъ. Полно, Шура, не плачь; полно! (*Нечаянно толкаетъ Червячкову.*)

Червячкова. Дуракъ! Не видишь, что ли?

Зернышкинъ. Извините...

Червячкова. Хочешь чтобы пятерней заѣхала!

Щорба. Позвольте-сь! Не угодно ли вамъ объяснить *свое* дѣло. На какомъ основаніи вы сказали Осипу Михалычу, что „еще сносно, что объявленіе подписано мною, а не кѣмъ другимъ.“ Что вы этимъ хотѣли сказать?

Негровъ. Ужь не надо ли извиняться мнѣ?

Щорба. Я спрашиваю, что хотѣли сказать?

Негровъ. Хотѣлъ сказать, что было бы несносно для всей труппы, еслибъ объявленіе подписалъ *этотъ господинъ.* (*Показываетъ на Вержбицкаго.*)

Щорба. Кто *этотъ* господинъ?

Негровъ. Вотъ онъ.

Щорба. Кто онъ?

Вержбицкій. У меня, кажется, есть имя.

Негровъ. Вержбицкій!

Щорба. А!.. это... я не знаю-сь...

Вержбицкій. Посудите сами, что же это такое? Это значить, просто, не признавать правъ Александра Ивановича. Этакъ явится столько Негровыхъ, что помилуй Богъ. Вы, Александръ Ивановичъ, государю служили и ничего такого не слышали, въ полку васъ любили... Что жъ это?

Славскій (*смѣясь*). Смотрите, онъ васъ побьетъ!

Щорба. Тутъ нечего смѣяться, Караъ Караычъ. Вы, г. Негровъ, этимъ оскорбили меня. Все что дѣлаетъ Осипъ Михалычъ, дѣлается по моему распоряженію. Онъ старикъ, былъ въ лицѣ, вы должны имѣть къ нему уваженіе.

Негровъ. Онъ можетъ былъ въ лицѣ, какъ Кромкинъ въ университетѣ: обоихъ выгнали.

Вержбицкій. Александръ Иванычъ, пожалуйста мнѣ рачетъ, я не служу. Или я, или Негровъ!

Негровъ. Я знаю, что я всегда прежде улечу. (*Тихо*.) Я не составляю фальшивыхъ отчетовъ.

Щорба. Извините... но ваши дерзости... какъ угодно, не могу-съ!

Негровъ. Что не могу?

Щорба. Не могу-съ...

Негровъ. Не можете держать меня? Въ кражѣ кольца вы не судья, а тутъ судья. Немножко не справедливо. (*Ляпуновъ тихонько дергаетъ его за полу.*) Вы сами же вызвали меня на эти дерзости. Я не ребенокъ, кое-что понимаю. Знаю, что это значитъ. Вамъ доносили на меня, свѣдали за каждымъ моимъ шагомъ, и все изъ того, что я не подхожу подъ закулисную мѣрку. Вамъ еще хотѣли представить доказательства, что я пишу на васъ обвинительныя статьи... Извольте, это правда: я пишу, я! Я не выросъ въ этой закулисной копоти, не прошелъ этой школы оскорбленій; я не зналъ, что такое значитъ въ дѣтскіе годы, съ каждымъ днемъ, погружаться въ живую заразительную грязь... Поэтому я прощаю вамъ, господа, и вамъ, г. Проходцевъ! Но вамъ, Александръ Иванычъ... Вы вздѣлываны не театромъ, вы—баринъ, воспитанный, образованный... Впрочемъ, пожалуй, и вамъ простительно!

Славскій. Благодарите, что прощаетъ.

Щорба. Алексѣй Васильичъ, отберите у него роли!

Кромкинъ. Грибъ съѣлъ!

Козляковъ (*тихо ему*). За тобою угощеніе!

Негровъ (*печально*). Берите; у меня вѣдь нѣтъ контракта. Я вамъ вѣрилъ на честное слово. Я не найду на васъ суда. Вамъ нужна грязь, нѣмыя водовозныя клячи, которыя за мѣрку овса тянули бы лошадиную тягу, позволяли грабить себя нечѣстными штрафами, вычетовъ съ полбенефи-

совъ за веревки и гвозди...¹ Вамъ не достаетъ только брать съ неиграющаго актера, какъ пресловутый Барковскій!

Славскій (*смѣясь*). А! Каковъ дерзкій!

Кромкинъ. Надобно же ему, Александръ Иванычъ, показать что въ университетѣ былъ.

Негровъ. Полноте, г. Славскій! Вамъ болѣе всѣхъ грѣшно. Вы носите титутъ *столичнаго* артиста. Чему вы учите темныхъ *провинціальныхъ* актеровъ? Вспомните вашу бенефисную афишу: „бриллиантовый фейерверкъ, взятіе неприступной крѣпости Гувибъ, 150 человекъ гарнизона.“

Славскій. За то я въ бобрахъ. (*Смѣясь*.) Вотъ я пойду жалованье получать. Вержбицкій, давайте мнѣ жалованье!

Ляпуновъ (*тихо Негрову*). Что ты надѣлалъ, эх!

Вержбицкій. Вамъ, Карлъ Карлычъ, вѣтъ?

Славскій. Александръ Иванычъ! Я возьму вѣтъ; мнѣ нужны. Вы вычтете съ бенефиса.

Щорба. Вы впередъ сколько брали?

Славскій. Сто.

Щорба. Хорошо, извольте-съ.

Славскій (*расписываясь*). А вотъ Негрову не дадутъ, у него бенефисъ безъ фейерверка. (*Смѣясь*.)

Щорба. Поскорѣе, господа. Репетицію пора.

Вержбицкій. Г. Негровъ, распшитесь. Вы два раза опоздали на репетицію... остается сорокъ рублей.

Негровъ. Хорошо.

Вержбицкій. Распшитесь. (*Негровъ расписывается*.) Зернышкины, пожалуйте. Вамъ тридцать пять. Впередъ взято пятнадцать рублей, вычтеть три рубля серебромъ. Вотъ семнадцать рублей, да пятьдесятъ копѣекъ за рѣзку бенефисной доски Карлу Карлычу, одинъ рубль пять копѣекъ за переписку ролей—всего восемнадцать рублей пятьдесятъ пять копѣекъ. (*Анна Васильевна расписывается*.) Расписались? Вотъ. Ну-съ! А вашъ мужъ больше не служить.

¹ Полбенефисы причиняютъ большой вредъ провинціальнымъ театрамъ. На описываемомъ театрѣ набиралось въ годъ до 140 полбенефисовъ. Когда сдѣлать дѣльную репетицію? Есть ли возможность набрать хороша піесы, тѣмъ болѣе что все лучшее заявляется въ пользу дирекціи? *Асторъ*.

Зернышкинъ. А?

Анна Васильевна. Не служить?.. (*Бросаясь съ жезлом Щорба.*) Батюшка Александръ Ивановичъ, за что же это?

Ляпуновъ. Александръ Ивановичъ, за что же вы лишаете его хлѣба?

Щорба. Не могу-съ. Театръ—не богадѣльня. Онъ всегда, Богъ знаетъ какую чужь несетъ. Промашу разъ пшеницу уложили, уложили-съ... черезъ него.

Ляпуновъ. Хористомъ оставьте.

Щорба. Не могу-съ!

Анна Васильевна (*мужу*). Ну что стоабоомъ стоимъ, проси! Сашка!.. Александръ Ивановичъ, вѣкъ Бога молитъ!.. (*Ловитъ его руки.*)

Зернышкинъ. Мми!..

Щорба. Не могу-съ, не могу-съ! Довольно того, что васъ держуть.

Анна Васильевна. Батюшка! Охъ, горькая доля! (*Про себя:*) Ужь задамъ же я тебѣ, Сашка!

Проходцевъ (*Саша, тихо*). Александра Яковлевна, ну-съ?..

Саша. Господи, наставь меня.... Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ!

Проходцевъ. Ну, какъ хотите! (*Негрову:*) Вы когда возвратите роли?

Негровъ. Когда угодно. Сейчасъ.

Ляпуновъ. Александръ Ивановичъ, да нешто разерять васъ семь рублей, что получаетъ Зернышкинъ? Гдѣ ему найдти мѣсто: старикъ.

Щорба. Не могу-съ. У меня не бѣшевыя деняги.

Ляпуновъ. Знаете кто вы?

Щорба. Кто?

Ляпуновъ (*помолчавъ*). Людоѣдъ вы! Зернышкинъ, пойдемъ въ Астрахань чай пить. Пойдемъ! ну ихъ!... (*Проходцеву:*) А ты.... что? Забылъ какъ сапоги мѣй чистить, забылъ суфлерскую дыру? Скоты вы! Что смотреть? (*Щелкнувъ пальцами.*) Не выгоните! Нуженъ да и контрактъ есть! Что взялъ, а! Пойдемъ! (*Тащитъ съ собой Зернышкина.*)

Проходцевъ. Ругается, Александръ Ивановичъ.

Щорба. Успокойтесь, онъ и меня обругалъ. Ужь такой.

Вержбицкій. Крошкинъ, распшитесь. Вамъ пять рублей прибавки. (*Крошкинъ благодаритъ Щорбу.*)

Негровъ (*про себя*). Что мнѣ дѣлать? Это надо отдать хозяйкѣ. Надо вѣхать... съ чѣмъ? За что я гублю себя въ этой жизни?... Но каковъ же этотъ Кромкинъ? Я не повѣрю, чтобъ она.... О, еслибъ я былъ увѣренъ въ ней!

Кашина (*проходя*). Я поправляю. Помиритесь.

Негровъ. Я сегодня увѣжаю.

Кашина (*рветъ платокъ*). А! (*Отходитъ*.)

Михалѣвичъ. На что вы рѣшились, Федоръ Сергѣвичъ?

Негровъ. Не знаю.

Михалѣвичъ. Вотъ..... у меня..... пятьдесятъ рублей; могу дать на три мѣсяца. Весной надо сестрамъ посылать. Позжайте въ Пензу, тамъ набираютъ труппу; постомъ въ Москву, въ *Блую залу*....

Негровъ. Благодарю. Я никогда не забуду! Не помните лихомъ. (*Уходитъ*.)

Славскій. Обругалъ всѣхъ и ушелъ.

Щорба. Что же вы?... Козляковъ, Зернышкина, начинайте! Михалѣвичъ, играйте.

Михалѣвичъ. Сейчасъ. (*Уходитъ въ оркестръ*.)

Саша (*тихо матери*). Я не могу.

Анна Васильевна. Что-о? Раздѣвайся.

Саша. Господи!... (*Скидаетъ саломъ, и остается въ короткомъ платьѣ. Полька*.)

Щорба. Кромкинъ, подите-ка сюда.

Кромкинъ. Что угодно-съ?

Щорба. Пожалуста въ газетахъ, мимоходомъ, что вотъ, молъ, изъ труппы выбылъ раченьемъ дирекціи лишній соръ.... понимаете?

Кромкинъ. Могу-съ, съ удовольствіемъ.

Славскій. Что вы шепчетесь? Кромкинъ пойдемъ въ кондитерскую; до насъ далеко.

Кромкинъ (*смыкая и потирая руки*). Вечеромъ къ Ольгѣ, Карлъ Карлычъ, а? Жива душа—калачика просить!

Козляковъ (*канканяруя, Зернышкиной*). Начинайте же!

ДѢЙСТВІЕ ТРЕТЬЕ.

Комната I-го дѣйствія. На столѣ мертвая Маня, закрытая отъ зрителя занавѣскою, сквозь которую виденъ красноватый свѣтъ восковой свѣчи. На другомъ столѣкъ сальная свѣча. Шумъ вьюги.

I.

Анна Васильевна, Саша и Яковъ Петровичъ. (Анна Васильевна чиститъ у столика лампаду; Яковъ Петровичъ сидитъ у занавѣски; Саша читаетъ молитвенникъ. Молчаніе.)

Анна Васильевна. Что же, Федотычъ придетъ?

Саша. Сказалъ посаѣ крестивъ, у Ивановыхъ крестивы. (Молчаніе.)

Анна Васильевна. Ему надо полтинникъ, за гробъ рубль, попамъ.... охъ, Господи помилуй!

Яковъ Петровичъ (шепчетъ). Маня, Маня....

Саша. Батюшка, а батюшка! Вы бы уснули.

Яковъ Петровичъ. А?

Саша. Вы бы уснули.

Яковъ Петровичъ. Да.... я всевозможно.... Маня.... (Молчаніе.)

Анна Васильевна. Чего сидѣть такъ, въ самомъ дѣлѣ Яковъ Петровичъ. А?

Анна Васильевна. Дѣломъ занялся бы, вотъ что!

Яковъ Петровичъ. А что?

Анна Васильевна. Какъ, а что? Что у тебя на умѣто, я не понимаю! Сѣлъ бы піесу росписалъ, что просилъ Михаловичъ, все деньги. (Молчаніе.) Наконецъ вѣтъ терпѣнія! Слышишь ли, что тебѣ говорятъ? Вѣдь на полу денегъ не выгладить, сколько ни гляди. Уморилъ дочку-то. Вѣдь теперь душа ея здѣсь, смотритъ на отца, саушаетъ, а ты....

Яковъ Петровичъ (приподнимаясь). Смотритъ?

Анна Васильевна. Чтобы пойдти къ Алексѣю Васильичу да низенько поклониться! Самъ плохъ, такъ не подастъ Богъ. Можетъ и опять примутъ (тихо), коли милая доченьки будетъ угодно.

Саша. О!... (Молчаніе.)

Анна Васильевна. Посмотрю я на васъ: вамъ ровно горюхъ къ стѣнѣ!

Саша (про себя.) Отчего не я умерла!...

Анна Васильевна (мужу.) Что у тебя языкъ отсохъ, что ли?

Яковъ Петровичъ. Что?

Анна Васильевна. Тьфу! А отецъ еще! Тебѣ бы все шкаликъ тянуть. Отецъ! Денегъ осталось всего два рубля, хоронить нечѣмъ, а онъ дыка не вяжеть!

Яковъ Петровичъ. Два рубля?

Анна Васильевна. Да ты никакъ совсѣмъ рѣхнулся. Я вотъ возьму да и брошу васъ, дѣлайте что хотите. Есть ли у тебя совѣсть-то? Живи вѣкъ въ грязи да бѣдности, работай для васъ до одури. Другая бы, на мѣствѣ дочки-то, пороги обила просивши, а мы сидимъ ручки сложа!

Саша. Маменька... не браните меня....

Анна Васильевна. Глупа ты, вотъ что. Ты думаешь, легко мнѣ кулаками вколачивать въ васъ разумъ? Развѣ ты не видишь, что и намъ не служить тутъ? По міру идти, что ли? Вонъ Котовъ-то... замерзъ... долго ли!

Саша. Маменька! Я все для васъ готова, все... въ кухарки пойду... только дайте мнѣ подумать, маменька... дайте подумать... подумать....

Анна Васильевна. О чемъ тутъ думать? Тебя не на худое учать: тебя просятъ по-человѣчески разговаривать съ нимъ. Ну, дурачь его. Не злодѣйка вѣдь я, мать! (Мужу:) Одѣвайся-ка, да сходимъ къ нему, это лучше будетъ.

Саша. Маменька!

Анна Васильевна. Небось, что ты! Ужь я знаю....

Саша (тихо). Господи, Господи!...

Яковъ Петровичъ. Анна Васильевна... ужь лучше....

Анна Васильевна. Ну что?

Яковъ Петровичъ. Иди одна ты, а то я... испорчу?...

Анна Васильевна. То-то, дитятко, тебя ничего не заставь! Вона выюга-то какая шумить, извольте для нихъ тащиться! (Одѣвается.) А вы, ангелика-царевна, посидите да хоть поглядите за дорогимъ папенькою. Свѣчу-то жечь нечего, коли не будешь писать: погасите! О-охъ! (Уходитъ.)

II.

Яковъ Петровичъ и Саша.

Яковъ Петровичъ (*тихо*). Ушла?

Саша. Ушла. Что ты, батюшка, такое? Богъ не оставитъ насъ!

Яковъ Петровичъ. Маялась, маялась она.... Голубушка моя! Нужда-то, нужда.... На, Шура, съѣшь: *она* не увидитъ, мнѣ дали (*даетъ ей яблоко*). Я не виноватъ. Богъ свидѣтель, не виноватъ.

Саша. Въ чемъ, батюшка?

Яковъ Петровичъ. Она не встанетъ, не встанетъ.... Я убилъ ее, по моей винѣ лежитъ она. Маяя, Маяя....

Саша. Батюшка, полно! Она ангелъ. На землѣ тяжело жить.

Яковъ Петровичъ. Шура, простиъ Богъ?

Саша. Богъ все прощаетъ и всѣхъ любитъ. Можетъ изъ Мани дурная бы дѣвушка вышла, а теперь у нея крылья выросли.

Яковъ Петровичъ. Милая ты у меня! Птичка ты приунывая.... За что тебя *она* била? За что ты терпишь? Уйди бы, Шура....

Саша. Какъ уйди? что вы!

Яковъ Петровичъ. Ты лучше знаешь, я человекъ старый, изъ ума выжилъ! Только, какже она.... (*Молчаніе*.) Не забудь ты отца своего, Шура, помни! Шура, мнѣ съ тобою хорошо! Ты не оставляй меня.... Мавю Господь возлюбилъ, крылушки выросли, улетѣла отъ грѣха. (*Слѣется. Молчаніе*.) Нѣтъ, благодарю, не хочу.

Саша. Что ты говоришь?

Яковъ Петровичъ. Что? Мнѣ показалось.... Мнѣ кто-то.... (*тихо*) вина давалъ.

Саша. Господь съ тобою! Выпей святой воды.

Яковъ Петровичъ. Мнѣ сегодня что-то очень худо. (*Пьетъ воду*.) Зачѣмъ ты вина подбавила.

Саша. Что ты!

Яковъ Петровичъ. Да. Это у меня во рту. А мѣста

не дадутъ.... не дадутъ.... (*Опускаетъ голову.*) Шура, ты мнѣ ~~ниги~~ не давай, ради Бога не давай.

Саша. У насъ его и нѣтъ. Лягъ лучше.

Яковъ Петровичъ. Да. Какъ же это Котовъ-то замёрзъ.... такъ на могилкѣ и вапши?

Саша. На могилѣ. Очень онъ любилъ сына.

Яковъ Петровичъ. Да. Доля-то! Ничкомъ на могилѣ.. Погибаешь ни за что. (*Молчаніе.*) Мѣста не дадутъ.... Легкое ли дѣло, съ губернаторомъ разговариваетъ, а мы что? Дыкомъ шитая мелкота.

Саша. Не говори этого, бабушка. Знаешь, когда надъ тобой смѣются, у меня дѣлается лихорадка.... я за тебя умереть готова. Что жъ? Было время, ты трудилась, кормилъ, теперь ты старъ.... кажется, пора и покончиться. Вотъ Федоръ Сергѣичъ обѣщаль хлопотать о мѣстѣ губернатки, а буду учить дѣтей, и мы будемъ счастливы. Онъ спасетъ насъ....

Яковъ Петровичъ. Нѣтъ. Засмѣютъ: актриса.... замѣютъ. Не хорошо мнѣ сегодня.... (*быстро:*) сними со стола, оними!

Саша. На столѣ ничего нѣтъ. Что ты видишь?

Яковъ Петровичъ (*помолчавъ*). Отказали.... а мнѣ вѣдь жаль.... всего жаль.... каждого рабочаго жаль! Каждый кирпичекъ жаль! Помнишь, какъ мы вѣзали въ Полтаву? Теплыя ночи, привалы, огоньки.... спимъ на землѣ, фуры стоятъ.... звѣзды.... а днемъ жарко, купаться.... Охъ, старъ я, Шура! Всѣ умерли.... одинъ Лапуновъ.... И Павелъ Степановичъ умеръ. А славный былъ, Шура! Вотъ же не смѣлася. Обласкалъ, денегъ далъ. Я тогда, Шура, бутафоромъ служилъ: бѣгаешь бываю по всему городу, чтобы достать какую-нибудь вещь къ піесѣ. Всякій-то изъ актеровъ обругаетъ.... Жилъ далеко, съ огородниками, лукомъ на огородахъ кормился. Когда не хватало актеровъ, рольки давали. И праздникъ, и горе это было!... Слышу: пріѣхалъ. Всѣ это нарядились, вычистились. *Отелло* назначили. Охъ, и боялся я! На репетиціи ничего, только какъ закричалъ онъ, Шура, „крови, крови!“—я обомлѣлъ: поѣдетъ онъ меня, думаю; гдѣ я ему возьму крови? Подожу къ нему тихонько: нѣтъ, говорю, Павелъ Степановичъ, крови.. Засмѣялись, а тамъ и помани онъ меня пальчикомъ. Приди, говорить, ко мнѣ. Пришелъ я, ни живъ,

ни мертвъ. Воротацки сдѣлааь новыя изъ бумаги, всю ночь не могъ унуть.... Посадила оъ меня; то да другое, да такъ ласково. Я и разкажи ему все. „Любишь театр?“ спрашиваетъ. „Люблю-сь. Привычка.“ Чаемъ напоилъ. Когда уходилъ отъ него, оъ и сунъ мнѣ въ руку комочекъ. Вышелъ на улицу, развернулъ да и обомѣвалъ: пятьдесятъ рублей далъ, Шура, по старому счету!

Саша. Добрый! (*Про себя.*) Слава Богу, разговорилась.

Яковъ Петровичъ. Ты слушай. Когда увѣжалъ, дѣлали ему наши обѣдъ на сценѣ. Кто поважнѣе, всѣ были: Млотковскій, Соленикъ, Марксъ. Изъ-за кулисъ я все видѣлъ. Подпили это они, очень. Павелъ Степанычъ увидалъ меня и вытасилъ. „Пей“, говоритъ. „Не пью-сь.“—„Врешь, пей! За меня пей.“ Выпилъ.—„Еще пей!“ Напоилъ меня.—„Цѣлуй, говоритъ, меня. А ты, говоритъ, панъ Млотковскій говоритъ: коли хочешь, чтобы я прѣхалъ опять къ тебѣ, прибавь Зернышкину жалованье и давай роли!“ Такой право! И прибавили, Шура... Жизнь мнѣ стала слаще послѣ его ласки! (*Молчаніе.*) За что жь другіе-то смѣются? А вѣдь это... у меня тоже душа, не парь! Иной разъ отвѣтилъ бы, да вѣдь свяжутъ, и въ полицію! Всякій трунить... Боюсь я за тебя, Шура. Не по тебѣ у насъ... Шура, тебя надо бы лѣчить; ты кашляешь.

Саша. Вотъ еще лѣчить! Что ты!

Яковъ Петровичъ. Молочкомъ тебя надо поить.

Саша (*слѣпясь.*) Ты живую хоронишь!

Яковъ Петровичъ. Ты теперь одна у меня радость. Ты умрешь, и я не жилецъ. Никто меня не любить. Когда мнѣ было десять лѣтъ, чуть помню, я игралъ съ одною дѣвочкой, Таней тандоркой... А то больше никто не любилъ! Вы съ Маней улыбались мнѣ въ колыбели, когда хворалъ, молились.. (*Утираетъ слезы.*)

Саша (*обнимая.*) Милый мой!

Яковъ Петровичъ. Я знаю, тебѣ тяжело нашего. Шляпку нагдысь купилъ тебѣ,—зашушукали... доброе имя пачкаютъ. Вотъ Кромкивъ... Ты училась, книжки читала. Я ничего, Шура, не читалъ, роли только. Я вѣдь изъ простыхъ, отъ горничной. У князя былъ свой театръ; оъ произвелъ матушку въ актрисы, вольную далъ. Какъ умеръ, все продали съ аукціону. Вотъ съ тѣхъ поръ и маюсь... Ты

вотъ не жалуешься, а тоска гложетъ сердце, жизнь коретить. Вотъ что! Я помню, ты еще десяти лѣтъ хотѣла умереть...

Саша. Полаю, батюшка! Чтò мнѣ!

Яковъ Петровичъ. Хуже теперь. Прежде лучше. Новый-то годъ какъ встрѣчали! Всѣ вмѣстѣ. Поставятъ на сценѣ два стола: одинъ для большихъ, другой—нашъ. Музыка играетъ. Тамъ шампанское пьютъ, а мы простое да крымское. Танцы пойдутъ. То-то время было! Много я перевидалъ. Восемь разъ былъ въ *Бллой залъ*, три раза пѣшкомъ. Кто побогаче, сидятъ это за столиками, чаемъ либо закуской занимаются; другіе ходятъ такіе скучные... нашъ братъ, значить, голышъ. Кто въ чемъ... помню, одинъ все ходилъ въ тулупъ и соломенной шляпѣ. Ну, угостить кто-нибудь; знакомые попадутся. Дверь скрипнетъ, гость войдетъ—душа такъ и упадетъ: вотъ, думаешь, трупцу набирать. Сейчасъ это руки въ карманъ, въ усъ ве дуешь—князь тамаханскій! А сердце-то ровно зайчій хвостикъ, потому хлѣба купить не на что, поучешь у извожиковъ. А какъ завербуютъ, вотъ веселье-то: чаю тутъ, и закуски, и сапоги новые; кутить, такъ что фу!

Саша. Много ты перенесъ!

Яковъ Петровичъ. Ничего, привыкъ. Суфлеромъ сидѣлъ два года на голой землѣ. Подполье не было вымощено, ну и сидѣлъ такъ на мерзлой землѣ, окоченѣешь весь... А ничего! Помнишь, Шура, какъ я игралъ Василя Темнаго, а ты маленькаго Іоанна въ Басенкѣ?

Саша. Еще бы! Мнѣ-то не помнитъ!

Яковъ Петровичъ. А вѣдь я славно игралъ Василя. Въ новомъ костюмѣ, слѣпой... славно! Вотъ Котовъ, царство ему небесное, огорчилъ онъ меня разъ! Только, хотѣлъ сѣсть на тронъ, а кресло брыкъ долой! Мнѣ и не въ домекъ, что онъ въ антрактѣ придвинулъ нарочно, пошутить хотѣлъ. Богъ съ нимъ! Покажи-ка, Шура, ту книжку. Въ сумдукъ-то, гдѣ роли.

Саша. Сейчасъ.

Яковъ Петровичъ. Ты ее обернула?

Саша. Обернула

Яковъ Петровичъ. То-то; а то трется.

Саша (*подавая книгу*). На!

Яковъ Петровичъ. Вотъ, слушай, слушай: „Г. Зер-

мышкинь, занимая ампула простаковъ и имѣя небольшія способности, могъ бы быть необходимымъ актеромъ, но обычай являться на сцену не въ своемъ видѣ губить его.“ Слышишь, Шура? Это вѣдь, Шура! мою фамилію будешь читать черезъ тысячу лѣтъ! Вотъ... да! Что жь... и Павелъ Степановичъ пилъ. Не пишутъ нынче, Шура. Шура, вѣдь теперь нѣтъ *Релертуара*?

Саша. Нѣтъ, давно уже не издають.

Яковъ Петровичъ. Какъ же не писать!.. не хорошо. Совсѣмъ не пишутъ? нигдѣ?

Саша. Совсѣмъ. О стоиливыхъ театрахъ только.

Яковъ Петровичъ. Какже!.. Я работаю, играю... и не писать! Нѣтъ, хуже нынче! Не хорошо. Не хорошо. Шура?

Саша. Да, батюшка.

Яковъ Петровичъ. Наше искусство вѣдь великое дѣло. Я спервоначала думалъ грѣхъ, потѣшка дьяволу. Былъ въ Саратовѣ священникъ, умный такой. На исповѣди онъ мнѣ и говорить: нѣтъ, говорить, грѣха; это великое искусство, говорить, вы учите народъ. Понимаешь, Шура? мы вѣдь учимъ народъ, да! Сними-ка нашу афишу, дай сюда (*Сама снимаетъ со стѣны двухъязычную афишу.*) Слушай-ка:

„Актерами полтавской театральной труппы, въ пользу „неимѣющихъ бенефиса, при участіи пріѣхавшаго изъ „С.-Петербурга артиста-пѣвца Площинскаго (изъ Евреевъ). „съ квартетомъ пѣвчихъ, выражающихъ своими голосами „инструментальные звуки кларнета, флейты, фагота и „скрипки, безъ всѣхъ вспомогательныхъ инструментовъ, „Еврей Площинскій, прославившій себя во многихъ мѣстахъ „Россіи и получившій лестные отзывы с.-петербургской „публики доставлялъ удовольствіе посѣтителемъ Петров- „скаго вокзала, гдѣ между прочимъ извѣстный Беранже „сказалъ ему:

„Еврей Площинскій съ смысловыми

Извѣстенъ вамъ—рожокъ и скрипка, и кларнетъ

Онъ замѣнитъ однимъ лишь горломъ, да губами,

И въ этомъ у него соперниковъ здѣсь нѣтъ.

„Представлено будетъ: *Волшебное кукарку или Бабушкина курочка.*“¹

¹ Списано въ точности съ афиши 1859 г. *Асторъ.*

Буквы-то, Шура, а? Никто такъ не вырѣжетъ. Говорили, что безъ струекъ лучше: какже можно! со струиками лучше. Ужь я знаю. Ишь. *Ба-буш-ки-на курочка*. Двѣ ночи вырѣзалъ. На нашу долю тогда досталось тридцать семь рублей. Сборъ огромный былъ. Тридцать рублей отдали за тебя въ пансіонъ, салопчикъ сшили. Шура, а я могъ бы хорошо играть, право. Боюсь только. Когда аплодируютъ кому... какія-то волны поднимаютъ, ей Богу. Когда играютъ *фугу*... я не знаю... у меня волосы шевелятся, желтыя волны заливаютъ, голова растеть, кружится.. (*Молчаніе*.) Ошикаютъ... Алмазовъ въ одночасье умеръ, что оставили; троихъ дѣтей оставилъ... Вотъ дѣло-то какое, да. Нѣтъ, отецъ Семенъ правъ: великое дѣло.

Саша. Нынче много образованныхъ поступаютъ на сцену.

Яковъ Петровичъ. Загоняютъ ихъ, Шура! Де первой нужды. Вотъ Федоръ Сергѣичъ что вялъ? Тебя не защитилъ, а только самъ погибъ... Уѣзжаетъ онъ?

Саша (*тихо*.) Уѣзжаетъ.

Яковъ Петровичъ. Только вотъ какъ же это.. Анна Васильевна говоритъ: Богу не молится? А?.. (*Молчаніе*.) Какъ это вдругъ сдѣлалось... О чемъ же ты плачешь? Шура, а? Не плачь... Шура, ты его любишь? Добрая моя... Ну, хочешь я схожу къ нему?

Саша (*обнимаѧ*.) Голубчикъ, нѣ надо, не надо! Не ходи. Онъ никогда не узнаетъ.

Яковъ Петровичъ. Какъ же? Любишь, любишь... а онъ и не знаетъ.

Саша. Пусть будетъ счастливъ съ кѣмъ захочетъ.

Яковъ Петровичъ. Охъ, Шурочка, не надо было учить тебя. Говорилъ! Ахъ, Шура! что-то тебѣ сулится? Кабы за хорошаго человека замужъ... А знаешь, Шура, честный человекъ безъ мысаи не ходитъ часто, гдѣ дѣвушка... Онъ тебѣ ничего не говорилъ? .

Саша. Ничего.

Яковъ Петровичъ. О чемъ же вы говорили?

Саша. Мало-ли? О Петербургѣ, о театрѣ, о книгахъ... У него много книгъ.

Яковъ Петровичъ. Да. Что жь, не думаетъ ли онъ... что ты какая-нибудь... Нѣтъ, я пойду къ нему, спрошу... Что же что образованный? только хвастать: умный, образованный... Я спрошу: отчего мучить тебя? Не ходи,

не завлекай... скажи прямо: не люблю... А то это... за что обижать дѣвучку?.. (*Глянувъ съ ужасомъ на Маню, не договариваетъ.*) Ты... ничего не видишь?

Саша. Что ты?

Яковъ Петровичъ (*дрожа*). Ничего... Это смерть...

Саша. О, не говори этого!

Яковъ Петровичъ. Я не знаю... не хорошо... Вотъ уже съ недѣлю мнѣ страшно... сплю какъ воробей.. какіе-то голоса.. душить... я ничего не могу разобрать, въ головѣ шумить. А то волны, волны зеленая, желтая... растеть, растеть... а туловище такое маленькое. Руки и ноги дрожать.. Шура, ты знаешь, сегодня ночью шумѣло что-то здѣсь, и восковыя свѣчи горѣли по угламъ... Шура, что если я съ ума сойду? (*Вдругъ.*) Не надо! Не надо!

Саша. Батюшка, успокойся! Батюшка!

Яковъ Петровичъ. Это ты, Шура. Да... Какая вьюга! Котовъ-то замерзъ, знаешь? Синій, я думаю... Шура, у тебя есть деньги?

Саша. Только пяточокъ, батюшка.

Яковъ Петровичъ. Пяточокъ? Этого мало.

Саша. На что тебѣ?

Яковъ Петровичъ (*ласково*). Шура...

Саша (*съ ужасомъ*). Батюшка, зачѣмъ это!

Яковъ Петровичъ. Только рюмочку.

Саша. Выпей чаю лучше, и лягъ. Помолись Богу... Я приготовлю. Хорошо?

Яковъ Петровичъ. Хорошо. (*Саша уходитъ.*)

Ш.

Яковъ Петровичъ (*одинъ*). Хорошая она. Пяточокъ мало... А въ гувернантки, вѣтъ... Видно праздникъ, звонять. Это метель. Что же это она-нейдетъ? (*Глядя на Маню*) Лежитъ. Какой красный огонекъ!.. Со святыми Господи упокой ее! (*Потирая лобъ*). Гдѣ я это видѣлъ, гдѣ видѣлъ? Видѣлъ... „И былъ потъ его, какъ капли крови, которыя падали на землю.“ Въ бѣлой одеждѣ, ночью, бѣгутъ по лицу кровинки... Синій лежитъ... какъ она... Чѣмъ я виновать? Другіе всѣ и въ еботахъ ходятъ, а Шура въ обрванномъ салопикѣ... А что если оживетъ? Что... она... скажетъ?.. Выпить бы за упокой ея души. Хорошо... Каѣмъ

лампадка... серебряная!.. (*Беретъ лампадку.*) Выпить... я... да... много... выпить... (*Прячетъ ее за пазуху и направляется къ дверямъ. Входитъ Саша.*)

IV.

Яковъ Петровичъ. Саша (*съ чайничкомъ*).

Саша. Батюшка, не ходи.

Яковъ Петровичъ (*роняетъ лампадку, въ ужасъ*).
Святъ... святъ... святъ! (*Обводитъ комнату глазами.*) Это... ты Шура... сказала?

Саша. Я, батюшка. Не ходи. Вотъ чай.

Яковъ Петровичъ. Я... думалъ... Да, да! Шура, не гяди такъ! Уйди, уйди! Что я хотѣлъ?.. Я не виноватъ, Шура, вѣришь ли мнѣ? Я не помнилъ, что дѣлалъ... Господи. Господи! (*На колѣняхъ.*) Шура, милая Шура, прости меня! прости! Я не знаю, я ничего не помнилъ... Шура!.. Скажи, что прощаешь, скажи хоть словечко!

Саша. Да ты ни въ чемъ не виноватъ.

Яковъ Петровичъ. Спрячь лампадку, спрячь! голу-бушка!

Саша. Батюшка, что-то нехорошо съ тобою. (*Про себя*).
О, когда бы Федора Сергѣича увидать поскорѣй!

Яковъ Петровичъ. Шура, милая, тошно мнѣ... умру я... Шура, только рюмочку! Не могу... не могу же я, Боже мой, не могу! У меня что-то красное въ глазахъ... Шура, только рюмку. Шура! Я... я... я... Волны... Шура... (*Кричитъ.*) Давай! Я тебя убью! Водки! (*Хватая стулъ.*) Водки. (*Роняетъ стулъ и рыдаетъ.*) Я... Господи, что же мнѣ дѣлать? Что дѣлать? Что со мною? У меня черепъ лопнетъ...

Саша. Батюшка!.. Опомнись... Это я... Шура...

Яковъ Петровичъ. Шура?.. Ну, что? а?.. Что, Шу-рочка?

Саша. Выпей чаю, Христось съ тобою!

Яковъ Петровичъ (*смыкась*). Старъ я, Шуручка... (*Пьетъ чай.*) Слышала, Котовъ-то замерзъ? Я лягу, Шура.

Саша. Усни, батюшка. Вотъ такъ, ложись.

Яковъ Петровичъ (*лежа*). Роль-то надо писать.

Саша. Я за тебя напишу, спи!

Яковъ Петровичъ. Я маленькій, Шура, жилъ въ убор-

ной... топилъ печи... дразнили: Яшка бѣлаваъ, деревенскій жбаъ... Шура, ты не спишь?

Саша. Нѣтъ.

Яковъ Петровичъ. Огня не позволяли зажигать... сожжешь театръ... Мать въ больницѣ умерла... Славно она пѣла „лучивушку“. Въ потьмахъ жилъ... темно... сыро... „Лучивушку“... *(Засыпаетъ.)*

Саша. Уснулъ. Слава Богу! Какой день! Хорошо Мать! Какое у нея свѣтлое лицо, точно ангелъ.. Надо писать. *(Готовитъ все для письма.)* А мнѣ еще многое надо сдѣлать... Кромѣ меня никому. *(Пишетъ.)* Завтра опять на репетицію, опять спектакль... опять и опять... *(Кашляетъ.)* Не могу. Грудь стѣснено. Послѣ. *(Сидитъ съ опущенными руками.)* Онъ утромъ придетъ прощаться. Онъ думаетъ, что я похожа на нихъ... Знать не измѣнится жизнь. Легко умереть или вѣтъ? Зароютъ въ мерзлую землю, снѣгъ завесеть... и никто не вспомнитъ, никто!.. Господи, защити меня! *(На колѣняхъ.)* Покажи, что я привадежу только одному тебѣ и что никто, кромѣ тебя, не можетъ мною повѣлывать... *(Встаетъ.)* Уснулъ. *(Гаситъ свѣчу. Темно.)* Ахъ, кабы утро поскорѣй! Боже мой, какъ я люблю его! Какъ я люблю его! *(Садится въ углу и засыпаетъ. Тихо.)*

Яковъ Петровичъ *(во снѣ)*. Спасибо. Хорошо. *(Молчаніе.)* Дай еще... *(Молчаніе. Просыпается.)* Шура! *(Приподымается, взоръ прямо падаетъ на Маню; въ ужасъ.)* Что... что... Господи! Господи!.. наставь... Господи!.. Я не хочу... не стану... Боже милостивый! Не допусти меня до этого, не допусти... помани царя Давида и кротость его! А весело... Ты говоришь весело? Да. Но гдѣ? гдѣ? Я вспоминаю, вспоминаю... вспоминаю... гдѣ.. Она прячетъ въ шкапикъ... Чѣмъ разломать? Въ кухнѣ ножикъ... да... *(Уходитъ оцупью и скоро возвращается съ ножомъ.)* Всѣ ушли. Никого. Вотъ... *(Дожаетъ шкапикъ и вынимаетъ бутылъ.)* У, сколько! Все, все... *(Пьетъ безъ отдыха, шатается и роняетъ бутылъ.)* Хорошо... вотъ... легко... дармовдѣ... а... вотъ... Огонь... горитъ... горитъ... а-а-а... воды... а-а-а... *(Глаза дико блуждаютъ и останавливаются на лицѣ Мани, освещенномъ восковою свѣчю. Дрожитъ въ ужасъ.)* Глядитъ... Встаетъ... *(усполюющимъ голосомъ.)* Маня, прости меня! А!.. *(Тяжелю падаетъ на полъ. Съ минутою тихо.)*

Саша (*просыпаясь*.) Кажется звали. Должно-быть ма-
гушка пришла. (*Зафисгаетъ сѣчу*). Что это?! Батюшка!
Боже мой, овъ пилъ! Батюшка!... Скажи слово... голубчикъ!
(*Входитъ Негровъ, за нимъ вскорѣ Анна Васильевна.*)

V.

Саша, Негровъ, Анна Васильевна и Яковъ Петро-
вичъ.

Саша. Федоръ Сергѣичъ... смотрите... что... у насъ страш-
ное: смотрите!.. Овъ не дышетъ!.. Смотрите! Съ нимъ ударъ.
Скорѣе доктора, кровь... Батюшка! скажите хоть слово,
одно слово!.. (*Онъ встаетъ съ сверхъестественнымъ уси-
ліемъ, безсвязно лепечетъ и судорожно вытягивается.*)

Саша (*тихо, съ холоднымъ отчаяніемъ*). Умеръ.

Анна Васильевна (*входя*). Что?

Негровъ. Тите! Здѣсь двѣ могилы.

Анна Васильевна. Умеръ?.. Что, милая дочка? Лю-
буйся! Алексѣй Васильичъ выгналъ меня.

Саша. Маменька... я кровью кашляю... (*показываетъ ей
платокъ.*)

Негровъ. Кровь!

Саша (*улыбаясь*). Я спасена!..

Негровъ. О, это не возможно! ты будешь жить, будешь-
У тебя нѣтъ семьи, опоры, я буду трудиться для тебя,
потому что люблю тебя!

Саша (*съ восторгомъ*). Любишь! Любишь!.. Жизнь... ра-
дость... Господи! (*Заканчивается.*) Вѣдь не поздно. Кля-
нись, я чиста... Увези меня... дальше... Въ семнадцать лѣтъ
не умирають, не правда ли? не умирають? (*Съ рыданіемъ.*)
Люби меня... меня некому любить!

Л. САМСОНОВЪ.

0

РАЗЛИЧНЫХЪ СИСТЕМАХЪ ПОДАТЕЙ.

11. Общій взглядъ на разнообразіе податей.

Представленный нами обзоръ различнаго рода податей показываетъ, до какой степени разнообразны источники государственныхъ доходовъ. Несмотря на это ихъ разнообразіе, всѣ виды ихъ однако, болѣе или менѣе, совмѣщаются въ каждомъ бюджетѣ. Было бы слишкомъ долго раскрывать подробно причины, которыми обуславливается это разнообразіе, и разъяснять всѣ обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ была устанавливаема та или другая подать: скажемъ только, что принятіе известной податной системы еще не служитъ доказательствомъ того, чтобъ она найдена была болѣе другихъ удобною въ экономическомъ отношеніи. Правительства часто устанавливаютъ ту, а не другую систему единственно потому, что надѣются легче избѣгнуть сопротивленія со стороны общества, которое всегда не охотно встрѣчаетъ новую подать. Съ другой стороны, причиною разнообразія податей служили отчасти личные интересы лицъ и сословій, отъ которыхъ зависѣло распредѣленіе податей и налоговъ. Такъ, поземельная собственность должна была первая повести бремя податной повинности, сперва натуральной, а потомъ и денежной; но по мѣрѣ того какъ землевладѣльцы становились сословіемъ

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* №№ 8, 10 и 11.

господствующимъ, весьма естественно, что они старались мало-по-малу переложить это бремя на движимую собственность. Отсюда главное начало косвенныхъ податей и, съ тѣмъ вмѣстѣ, ихъ чрезвычайнаго разнообразія.

Ко всемъ разнообразнымъ податамъ, нами перечисленнымъ, можно было бы прибавить еще нѣкоторыя государственныя учрежденія, сами по себѣ не имѣющія фискальной цѣли, но тѣмъ не менѣе доставляющія правительству иногда значительный доходъ. Главнѣйшею изъ такихъ статей дохода должно признать управление почтъ. Деньги, получаемыя отъ содержанія почтъ, нѣкоторыми поставляются также въ число общественныхъ сборовъ, и, по нашему мнѣнью, весьма справедливо, потому что часть портовыхъ денегъ дѣйствительно обращается въ чистый доходъ казны.

Наконецъ, нѣкоторые экономисты, въ особенности Американецъ Карей ¹, въ число налоговъ, и притомъ самыхъ обременительныхъ, поставляютъ всякую регламентацію, которою стѣсняется свободное обращеніе цѣнностей и частный кредитъ, въ особенности посредствомъ предоставленія привилегій извѣстнымъ банкамъ, каковы лондонскій и французскій. Дѣйствительно, выгоды, извлекаемыя отъ учрежденій стѣсняющихъ кредитъ, можно считать податью, и притомъ самую раззорительную для общества, потому что этимъ парализуется развитіе цѣлхъ отраслей промышленности и всякой производительности.

Принятое повсемѣстно разнообразіе въ податяхъ имѣетъ важныя неудобства. Главное состоитъ въ томъ, что нѣкоторыми изъ податей облагаются непомѣрно такіе источники доходовъ, которые требовали бы сбереженія; иныя же напротивъ покровительствуютъ такимъ доходамъ, которые могутъ нести налогъ безъ всякаго общественнаго вреда. Бывали примѣры, что отъ иныхъ податей само правительство получало слишкомъ незначительную пользу,—не болѣе 30 процентовъ всего сбора. Подобныя явленія, не разъ и не въ одной странѣ, приводили правительство и общество къ мысли о необходимости финансовыхъ реформъ; но народныя привычки и предрасудки полагали этому непреодолимыя препятствія. При неизбѣжности государственныхъ расходовъ, почти нѣтъ возможности отмѣнить ни одной, даже самой неудобной, подати безъ того, чтобы не установить въ замѣнъ ея другую, новую; а всякая новая подать, какъ бы удобна ни была, предвѣ-

¹ Carey, *Principles of social science.*

щаетъ важныя неудовольствія. Поэтому-то не одно правительство удерживалось отъ приведенія въ исполненіе полезныхъ финансовыхъ предначертаній, единственно потому, что народъ свыкся со старою системою податей, хотя она и неудобна. На этомъ основаніи кто-то и высказалъ правило, что лучшая подать есть та, которая давно существуетъ.

Мы не можемъ огласиться съ подобнымъ заключеніемъ; напротивъ, мы признаемъ чистымъ предразсудкомъ это безконечное разнообразіе податей, этотъ обычай брать, прямымъ или косвеннымъ образомъ, подать со всего: съ личности, съ собственности движимой и недвижимой, съ умственныхъ способностей, съ ихъ избытка, равно какъ и съ ихъ недостатка, съ доходовъ, съ барышей, съ заработковъ, съ производства, обращенія и сбыта произведеній, съ вывоза товаровъ и ввоза, съ переходовъ собственности изъ однихъ рукъ въ другія, наконецъ иногда—съ самыхъ страстей. Но мало того, что податью облагаются всѣ предметы безъ исключенія: одинъ и тотъ же предметъ облагается нѣсколькими пошлинами, только въ различныхъ видахъ. Вычислено, что во Франціи, напримѣръ, подать съ вина, при различныхъ его переходахъ отъ производителя до потребителя, взимается 16 разъ подъ различными формами.

Великобританія первая подала примѣръ благоразумныхъ финансовыхъ реформъ, вопервыхъ, облегченіемъ тяжелыхъ для рабочаго класса налоговъ на многіе предметы потребленія, и вторыхъ, установленіемъ строго уравнительной подати съ дохода. Эти реформы всего яснѣе доказали, что умѣренная, но правильно распределенная подать гораздо доходнѣе, нежели подать возвышенная, но не уравнительная, и что въ этомъ случаѣ интересы правительства и интересы народа совершенно тождественны. Опытъ доказываетъ именно, что подать ограничиваетъ потребленіе въ прямомъ отношеніи къ ея возвышенности, и тѣмъ самымъ уменьшаетъ казенный доходъ, а пониженіе подати, напротивъ, увеличивая потребленіе, увеличиваетъ и доходъ казны. При возвышенныхъ тарифахъ на сахаръ въ Англіи, съ 1820 по 1824 годъ, ежегодное потребленіе его не превышало 3 милліоновъ фунтовъ и правительство получало не болѣе 300 и 400 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Съ пониженіемъ же тарифа въ 1825 году, по предложенію Гускисова, потребленіе сахара увеличилось втрое противу прежняго, и самый доходъ казны увеличился, возвышаясь постепенно въ слѣдующей пропорціи:

	Потребленіе.	Доходъ казн.
1824 годъ	8,2 милл. фун.	420,000 фун. стер.
1825 —	11,0 — —	315,000 — —
1828 —	17,1 — —	440,000 — —
1830 —	22,6 — —	578,000 — —
1840 —	28,7 — —	922,000 — —

Въ продолженіе 4-хъ лѣтъ, съ 1842 по 1846 годъ, по предложенію Роберта Пила, тарифы понижены были на $7\frac{1}{2}$ милліоновъ фунтовъ стерл.; а между тѣмъ въ 1847 г. доходъ казны, именно по тѣмъ статьямъ, по которымъ понижены были пошлины, оказался возвышеннѣе прежняго. Вообще, весь доходъ съ таможенныхъ пошлинъ, въ прежнее время, именно до 1825 года, составлялъ 18,2 милліоновъ фун. стер. Съ этого времени и до 1852 г., тарифъ пониженъ былъ всего на 8,8 милл. фун. стер.; а между тѣмъ таможенный доходъ въ 1853 г. возвысился до 20,9 милл. ф. стерл. Но всего разительнѣе послѣдствіе реформы оказалось на почтахъ. Въ 1839 году, портовая плата уменьшена въ восьмеро противъ прежней. До реформы, статья эта приносила казнѣ 1.569.000 фун. стер. Тотчасъ послѣ реформы, доходъ понизился, но не болѣе какъ до 500.000 фунтовъ; чрезъ пятьнадцать же лѣтъ, онъ составлялъ уже 1.195.000 фун. ¹, не говоря о томъ, сколько новой жизни и силы придамо народной дѣятельности облегченіе сообщеній. Предпріятыя, по предложеніямъ Гладстона, подобныя же реформы, по недавности своей, еще не успѣли представить столь же положительныхъ результатовъ, но тѣмъ не менѣе успѣли уже доказать достаточно, что правительство получаетъ отъ пониженія тарифовъ существенную выгоду.

Примѣръ Великобританіи не останется и для другихъ бесполезнымъ. Рано или поздно, всѣ должны будутъ признать истину, что каждый плательщикъ обязанъ участвовать въ общественныхъ расходахъ не болѣе, какъ въ мѣру своихъ средствъ; что лучшею финансовою системою должно считать совсѣмъ не ту, которая доставляетъ казнѣ *maximum* дохода, возбуждая въ народѣ *minimum* неудовольствій; что правительства вовсе не обладаютъ неисчерпаемыми средствами, а распоряжаются только частью народныхъ средствъ, и что поэтому самое благоприятное условіе для государ-

¹ Приводимые факты такъ извѣстны, что не требуютъ доказательствъ; но цифры, сюда относящіяся, въ статистическихъ сочиненіяхъ сообщаются различно; поэтому считаемъ нужнымъ пояснить, что цифры нами взяты изъ сочиненія г. Гарнье: Joseph Garnier, *Éléments des Finances*, Paris, 1858, Guillaumin.

ственнаго дохода есть соразмѣрность и относительная легкость налоговъ.

Но пока истины эти еще не признаны всѣми и повсемѣстно, весьма естественно, что въ системахъ податей господствуетъ несообразность, и естественно также, что сознаніе этой несообразности приводитъ къ различнымъ предположеніямъ о способахъ, какими слѣдуетъ измѣнить существующія нынѣ системы, и замѣнить ихъ другими, удобнѣйшими. Главнѣйшими изъ такихъ предположеній были предположенія о подати *прогрессивной* и о подати *единственной* (*impot unidue*). О первой мы говорили уже въ 1 главѣ нашего труда¹; о послѣдней скажемъ нѣсколько словъ сейчасъ

12. О подати единственной. Теорія г. Вальраса.

Мысль о *единственной* подати не новая, но особенному обсужденію подвергнута была она два года тому назадъ, на международномъ ученомъ конгрессѣ, который собранъ былъ въ Лозаннѣ, для рѣшенія различныхъ вопросовъ, предложенныхъ на конкурсъ швейцарскимъ Кантономъ де-Во. Вопросы касались собственно податей и, между прочимъ, подати единственной.

Возможно ли привести всѣ различныя подати, заимствованныя современными финансовыми системами изъ прошедшаго времени, къ *единственной* подати?

Если это возможно, то желательно ли?

Въ послѣднемъ случаѣ, справедливо ли отнести единственную подать къ капиталу, или къ доходу?

Должна ли подать единственная быть пропорціональною или прогрессивною?

Въ отвѣтъ на эти вопросы, одинъ изъ членовъ конгресса, *Г. Марія Пасторъ*, бывшій министръ финансовъ въ Испаніи, предложилъ свою систему единственной подати. По этой системѣ, подать не основана ни на капиталѣ ни на доходѣ, а составляетъ родъ подушнаго оклада, раздѣленнаго на три категоріи, и соразмѣряется не со средствами плательщиковъ, а съ выгодами и услугами, которыми они пользуются отъ правительства, и съ неизбѣжными при этомъ государственными расходами.

Г. Вальрасъ высказалъ съ своей стороны мнѣніе, что если слѣдовать строго научному взгляду, то единственную подать должно было бы наложить собственно на поземель-

¹ См. *Русскій Вѣстникъ* № 8.

ный доходъ, и что такая мѣра не представила бы затрудненій въ исполненіи, и даже не составила бы вреда для земледѣлія; но что, съ тѣмъ вмѣстѣ, она была бы ничѣмъ инымъ какъ конфискаціею поземельной собственности въ пользу правительства, и слѣдовательно была бы нарушеніемъ правъ собственности. На этихъ основаніяхъ, г. Вальрасъ призналъ вопросъ о единственной подати такою задачею, разрѣшеніе которой невозможно.

Г. Эмиль Жирарденъ доказывалъ, что единственная подать должна быть податію съ капитала, а не съ дохода. Основываясь на опредѣленіи Монтескье, что подать есть пожертвованіе частью достоянія для обезпеченія остальнаго, г. Эмиль Жирарденъ выводилъ отсюда, что подать должна быть реальною (réel), а не личною, и для соблюденія справедливости, должна быть пропорціональною и, слѣдовательно, единственною; какъ подать реальная и единственная, она будетъ соразмѣрна съ истиннымъ народнымъ достояніемъ, нисколько не коснется неимущихъ, и слѣдовательно будетъ податію самою уравнительною и, съ тѣмъ вмѣстѣ, самой удобною для взиманія, однимъ словомъ—самою справедливою теоретически и самою удобною практически.

Г. Фигерола вышелъ изъ опредѣленія, что подать есть вознагражденіе государства за обезпеченіе безопасности и правъ каждаго. На этомъ основаніи, подать, по его мнѣнію, должна быть личною и, при этомъ, для соблюденія полной справедливости, непременно должна клониться къ единству. Теперешній порядокъ вещей, укоренившійся отъ времени и сроднившійся съ народными обычаями, не можетъ быть сразу уничтоженъ; но возможно постепенное упрощеніе податей, съ цѣлію довести ихъ, наконецъ, до единства. Въ примѣръ г. Фигерола приводилъ финансовую администрацію Испаніи. До 1855 года, въ Испаніи было болѣе двухъ сотъ различнаго рода податей, а нынѣ тамъ не болѣе 15.

Въ общихъ выводахъ съ мнѣніемъ Фигеролы соглашался Г. Паскаль Дюпра; но по мнѣнію его, единственная подать съ бѣльшимъ удобствомъ можетъ быть наложена на доходъ. Въ особенности онъ былъ противъ подати съ капитала. Эта послѣдняя, по его мнѣнію, слишкомъ исключительна въ томъ отношеніи, что можетъ взиматься лишь съ матеріальной собственности, и вовсе не коснется источниковъ дохода, которые состоятъ въ производительномъ употребленіи умственныхъ силъ. Кромѣ того, подать съ капитала будетъ поражать собственно людей бережливыхъ, обладаю-

щихъ орудіями всякаго производительнаго труда, и не коснется тѣхъ, кто тратитъ свои доходы по мѣрѣ ихъ по-двемія.

Г. Гарнье если не склонялся рѣшительно въ пользу единственной подати, во всякомъ случаѣ выразилъ желаніе, чтобы теперешнее разнообразіе податей уступило мѣсто системѣ менѣе сложной; подать, въ строгомъ смыслѣ единственная, по его мнѣнію, возможна только при весьма умѣренныхъ общественныхъ расходахъ. Что же касается вопроса, должна ли единственная подать лежать на капиталѣ, или на доходѣ, г. Гарнье доказывалъ, что на практикѣ это совершенно одно и то же, ибо важность капиталовъ оцѣняется не иначе какъ по ихъ доходамъ. Онъ замѣтилъ притомъ, что предположеніе г. Маріа Пасторъ о подати личной, соразмѣрной съ выгодами, доставляемыми правительствомъ частнымъ лицамъ, и предположеніе г. Жирардена о подати съ капитала, весьма близко подходятъ къ подати съ дохода.

Г. Кламажеранъ, парижскій адвокатъ, сравнивъ косвенныя подати, по природѣ своей многообразныя, съ прямыми, склоняющимися къ единству, вывелъ, подобно прочимъ, заключеніе о неудобствѣ многообразныхъ податей. Между прочимъ, онъ указалъ счастливые результаты, приобретенныя Англією посредствомъ подати съ дохода, и Соединенными Штатами Америки, посредствомъ подати съ капитала.

Изъ всѣхъ членовъ конгресса одинъ *г. Секретанъ* возсталъ противу единственной подати, и старался представить финансовыя удобства, которыя будто заключаются въ многообразіи податей съ капитала и съ дохода. Онъ даже сдѣлалъ предложеніе, чтобъ конгрессъ опредѣлилъ, что замѣна различныхъ податей на единственную не только не возможна, но и не желательна.

Конгрессъ однако, послѣ продолжительныхъ разсужденій, большинствомъ голосовъ опредѣлилъ: 1) что существующее разнообразіе податей въ современныхъ финансовыхъ системахъ можетъ быть приведено постепенно къ незначительному числу, а со временемъ и къ подати единственной; 2) что необходимымъ условіемъ для этого преобразованія должно быть всеобщее распространеніе просвѣщенія; 3) что для соблюденія полной справедливости, подать должна касаться всѣхъ элементовъ богатства, не исключая ни капитала ни доходовъ; и что, наконецъ, 4) для легчайшаго осуществленія предполагаемой системы, необходимо просвѣщать предварительно общественное мнѣніе распространеніемъ здравыхъ началъ политической экономіи.

Изъ всѣхъ взглядовъ, предложенныхъ въ Лозаннѣ, наиболѣе всѣхъ заинтересовала теорія г. Вальраса. Она замѣчательна по новостямъ нѣкоторыхъ соображеній, относящихся къ поземельной собственности, капиталамъ и труду, также по нѣкоторому ея сходству съ теоріею физиократовъ, съ которыми впрочемъ г. Вальрасъ далеко несогласенъ.

Взглядъ г. Вальраса подробно изложенъ въ особенномъ сочиненіи, которое издано имъ вскорѣ послѣ лозаннскаго конгресса¹. Постараемся изложить сущность этого взгляда, со всѣми его основаніями.

Источникъ народнаго богатства, разсуждаетъ г. Вальрасъ, состоитъ изъ трехъ элементовъ: 1) поземельной собственности, 2) личныхъ способностей человѣка, и 3) искусственныхъ капиталовъ. Каждый изъ этихъ элементовъ представляетъ источникъ дохода въ особенномъ смыслѣ, и подчиненъ особннымъ законамъ. Доходы эти, оцѣненные на деньги, Вальрасъ называетъ: доходъ отъ поземельной собственности — *фермажель*; доходъ отъ личныхъ способностей — *заработокель*; наконецъ, доходъ отъ капиталовъ — *процентель*. *Фермажель* весьма часто заключаетъ въ себѣ не только чистый доходъ отъ поземельной собственности, но и вознагражденіе за капиталъ, употребленный на улучшеніе почвы; равнымъ образомъ, и *заработки* часто заключаютъ въ себѣ, выгоду, и вознагражденіе за капиталы употребленные на воспитаніе. Но впрочемъ въ такомъ случаѣ капиталы такъ сродняются съ землею или съ человѣкомъ, сливаются съ нимъ такъ нераздѣльно, что доходъ отъ нихъ слѣдуетъ тѣмъ же законамъ, какъ чистая рента, или обыкновенный заработокъ.

Доходъ, самъ по себѣ, разлагается на три отдѣльные элемента: на *чистый доходъ*, на *премію погашенія* и на *страховую премію*.

Не каждый доходъ заключаетъ въ себѣ всѣ эти три элемента. Земля напримѣръ не подлежитъ ни ущербу, ни истребленію: поэтому, доходъ съ нея есть доходъ чистый, и не заключаетъ въ себѣ ни преміи погашенія, назначенной собственно для поддержанія капитала въ цѣлости, ни страховой преміи назначенной для обезпеченія капитала отъ различныхъ случайностей. *Личныя способности* напротивъ составляютъ капиталъ, существованіе котораго ограничивается продолженіемъ жизни, капиталъ пожизненный; онъ притупляется отъ времени, а со смертію человѣка, и со-

¹ *Théorie critique de l'impôt précédée de souvenirs du congrès de Lausanne.*

вершею прекращаются. Кроме того, развитіе ихъ требуетъ времени и расходовъ, ибо въ младенчествѣ человѣкъ не способенъ работать, а между тѣмъ требуетъ содержанія; наконецъ, съ каждымъ человѣкомъ можетъ послѣдовать печальное качество, или даже скоропостижная смерть. Поэтому, доходъ съ личныхъ способностей нуждается во всѣхъ трехъ элементахъ дохода. То же самое должно сказать и объ искусственныхъ капиталахъ: они также подлежатъ ущербу и потерямъ.

На этомъ-то основаніи, поземельная собственность приносить, обыкновенно, не болѣе какъ 3% или 4% дохода, искусственные капиталы приносятъ отъ 5% и до 7%, а личные способности не менѣе 12% или 15%. При переходѣ собственности отъ одного владѣльца къ другому, покупатель платитъ только за чистый доходъ, и поэтому высота чистаго дохода во всѣхъ трехъ видахъ капитальной собственности одинакова. Еслибы доходъ съ какого-нибудь вида собственности, напримѣръ съ домовъ, въ сравненіи съ другими доходами, возвысился, тогда послѣдовалъ бы приливъ капиталовъ къ постройкамъ домовъ, и доходъ отъ нихъ въ скоромъ времени сравнялся бы съ прочими.

Доходъ, по отношенію къ цѣнѣ капитальной собственности, бываетъ выше или ниже, другими словами,—капиталъ (считая въ томъ числѣ землю и личные способности) даетъ болѣшій или меньшій процентъ,—смотря по степени общественнаго благосостоянія. Чѣмъ выше благосостояніе общества, тѣмъ процентъ ниже, и наоборотъ. Иначе сказать, доходы цѣнятся дорого, когда общество бѣдно, и напротивъ цѣнятся дешево, когда общество богато.

Этотъ законъ выдерживается по отношенію ко всякаго рода источникамъ дохода, но относительное положеніе землевладѣльца, капиталиста въ тѣснѣйшемъ смыслѣ слова, и работника бываетъ при этомъ не одинаково.

Каково бы ни было положеніе общества, количество земли остается вѣчно неизмѣннымъ. Предложеніе ея ни въ какомъ случаѣ не увеличивается, напротивъ спросъ на нее увеличивается, по мѣрѣ увеличивающагося благосостоянія. А отсюда слѣдуетъ то, что при возрастающемъ благосостояніи общества, землевладѣлецъ становится богаче, безъ всякихъ съ своей стороны усилій и пожертвованій. И цѣнность земли и количество ренты возвышаются одновременно, независимо отъ того, что процентъ, по отношенію къ капитальной собственности вообще, понижается. Возьмемъ для примѣра собственность оцѣненную въ 30.000 и приносящую, считая по 5 на 100, всего дохода 1.500. Если цѣнность собствен-

ности возвышается до 40.000, и процент понизится до 4%, то *фермажс* все-таки возвысится до 1.600. Или, если цѣнность собственности возвысится до 50.000, съ пониженіемъ процента до 3½%, то цѣна *фермажса* будетъ еще выше прежней, и составитъ 1.750. Такимъ же точно образомъ, наоборотъ, землевладѣлецъ становится бѣднѣе, при упадающемъ благосостояніи общества. Цѣнность капитальной собственности и количество дохода уменьшаются одновременно.

Капиталы искусственные, или всякаго рода произведенія, происходятъ отъ труда и бережливости. При процвѣтающемъ благосостояніи, предложеніе ихъ увеличивается въ постепенности превышающей спросъ; при упадкѣ происходитъ противное. Отсюда слѣдуетъ то, что при возрастающемъ благосостояніи общества, богатство капиталиста уменьшается: и капиталъ получаетъ меньшую цѣнность, вслѣдствіе Билія капиталовъ вообще, и доходъ уменьшается, вслѣдствіе общаго пониженія процента. Наоборотъ, при упадкѣ общества, капиталистъ становится богаче, вслѣдствіе уменьшенія общей цѣны капиталовъ и доставляемаго ими дохода.

Что касается личныхъ способностей, то человѣкъ родится и производителемъ и потребителемъ вмѣстѣ. Отсюда Вальрасъ заключаетъ, что при всякомъ положеніи общества, процвѣтаетъ ли оно или упадаетъ, предложеніе труда равно его запросу. А вслѣдствіе этого, увеличивается ли или уменьшается общая цифра человѣческаго капитала и дохода имъ доставляемаго, при возрастаніи или упадкѣ общественного благосостоянія, частное богатство того, кто обладаетъ этимъ капиталомъ, остается безъ измѣненія. Другими словами, возвышается или понижается общественное благосостояніе, положеніе работниковъ, въ томъ и другомъ случаѣ, не улучшается и не дѣлается хуже.

Подать не должна касаться капиталовъ, а только дохода. Слѣдовательно она должна быть основана или на *фермажсас* или на *процентас*, или на *заработкас*.

Подать съ поземельнаго дохода или *фермажса*, какъ мы уже показали выше, падаетъ, по мнѣнію Вальраса, собственно на капиталъ, а не на доходъ, и есть въ сущности, конфискація вѣкоторой доли части поземельнаго имущества частныхъ лицъ, произведенная правительствомъ въ пользу. Это мнѣніе принадлежитъ собственно г. Деотью де-Траси, и Вальрасомъ заимствовано у него. Въ доказательство, де-Траси приводитъ слѣдующій примѣръ. Положимъ говорить оъ, известное имущество принести пять тм

сячь дохода, и следовательно стоить сто тысячъ. На другой же день послѣ того, какъ правительство рѣшится взять себѣ пятую часть поземельнаго дохода въ видѣ подати, и когда, вслѣдствіе того, дохода будетъ оставаться только четыре тысячи, никакой покупщикъ не дастъ за это имѣніе болѣе оомидесяти тысячъ, ибо цѣнность капитала измѣняется его доходами. Отсюда ясно, что взятіе пятой части дохода, въ видѣ подати, совершено равносильно отнятію пятой части самой капитальной собственности. И съ другой стороны, столь же ясно, что отъ этой конфискаціи страдаютъ только тѣ владѣльцы, въ чьихъ рукахъ было имѣніе во время установленія подати. Послѣдующіе владѣльцы, къ которымъ перешло имѣніе чрезъ продажу или чрезъ наслѣдство, не теряютъ ничего, и ничѣмъ не жертвуютъ, ибо они получаютъ только то, что осталось въ дѣйствительности. Излишекъ, который былъ у ихъ предшественника, и который былъ у него отнятъ посредствомъ подати, для нихъ не существуетъ точно также, какъ не существуетъ для насъ все, что ихъ предшественникъ расточилъ, или вообще потерялъ какими-нибудь способомъ.

Соглашаясь съ соображеніями г. Дюстота де-Траса, Ваальрасъ прибавляетъ съ своей стороны, что цѣнность земли и поземельныхъ доходовъ, при возрастающемъ благосостояніи странъ возвышается, и владѣлецъ обогащается независимо отъ всякаго труда и сбереженій. А отсюда слѣдуетъ, во первыхъ то, что землевладѣльцы скоро вознаграждаютъ конфискацію, которой, подъ видомъ подати, было подвергнуто ихъ имущество; а во вторыхъ то, что правительство, конфисковавъ, положимъ, пятую долю достоянія землевладѣльцевъ, чрезъ нѣсколько поколѣній, оказывается владѣльцемъ уже не пятой, а гораздо меньшей доли частной поземельной собственности. Однимъ словомъ, подать съ поземельнаго дохода влетитъ за собою, по мнѣнію г. Ваальраса, непременно слѣдующія послѣдствія:

1. Землевладѣльцы, современное установленію подати, лишаются ужъ пользы правительства, а именно, половины своего достоянія и половинѣ доходовъ.
2. По переходѣ имѣній въ другія руки, посредствомъ продажи, дара или наслѣдства, поземельная подать никѣмъ не уплачивается.
3. При возвышеніи ценъ, вслѣдствіе развивающагося благосостоянія, прежніе владѣльцы вознаграждаютъ своей первоначальной убытокъ; новыя получаютъ значительное приращеніе достоянія, безъ всякаго съ своей стороны труда;

а правительство остается собственникомъ, примѣрно, только третьей части поземельной собственности.

Иныя происходятъ послѣдствія, когда подать наложена на *заработки*. Подать не сдѣлаетъ труда ни болѣе полезныя, ни болѣе рѣдкя; она не измѣнитъ ни предложенія, ни спроса: сдѣловательно, подобно тому какъ подать съ поземельнаго дохода ляжетъ исключительно на землевладѣльца, такъ подать съ заработка будетъ падать исключительно на работника. Но личныя способности тѣмъ отличаются отъ поземельной собственности, что онѣ не могутъ переходить отъ одного лица къ другому; сверхъ того, цѣнность личнаго капитала не измѣняется, процвѣтаетъ ли общество или упадаетъ. Поэтому, отнятое податью у работника остается потеряннымъ для него безвозвратно.

Какія послѣдствія должна влечь за собою подать, когда она будетъ падать исключительно на *проценты* отъ искусственныхъ капиталовъ? Повесутъ ли въ этомъ случаѣ ущербъ, подобно землевладѣльцамъ, только современные капиталисты, тогда какъ наследники ихъ останутся свободны отъ подати? или, подобно работникамъ, капиталисты будутъ терпѣть въ своихъ доходахъ убытокъ невозмездимый? По мнѣнію г. Вальраса, не произойдетъ ни того и другаго. Искусственные капиталы, по тому самому что суть искусственные, могутъ быть свободно уменьшаемы и умножаемы; въ этомъ состоитъ ихъ отличие отъ капиталовъ поземельнаго и человеческого, ибо послѣдніе, какъ капиталы природныя, существуютъ въ опредѣленномъ природою количествѣ. Цѣнность поземельной собственности и личныя способности зависятъ отъ отношенія между спросомъ и предложениемъ; цѣнность искусственныхъ капиталовъ зависитъ, напротивъ, и отъ того, сколько стоило ихъ производство. Если продажная цѣнность капиталовъ не покрываетъ издержекъ производства, то производство ихъ естественнымъ образомъ прекратится, что совершенно во власти производителей. Отсюда происходитъ, что какъ скоро проценты будутъ обложены налогомъ, они найдутъ возможность освободиться отъ нея и отнести ее на счетъ другихъ. Представимъ капиталиста, употребившаго 60.000 на покупку дома, съ доходомъ въ 3.000. Если изъ дохода возмется у него одна тысяча на подать, послѣдствіемъ должно быть, повидимому, уменьшеніе дохода до 2.000, и уменьшеніе капитала до 40.000. Но на дѣлѣ произойдетъ другое. Если скоро капиталъ, производство котораго стоило 60.000, будучи обращенъ на домъ, понижается до 40.000, тогда никто не станетъ дѣлать построекъ. Чтобы выйти изъ затрудненія, домо-

владельцы возвысятъ плату за квартиры до 4000, и изъ нихъ 1.000 обратятъ на подать. Они останутся, такимъ образомъ, по прежнему при доходѣ въ 3.000 и сохранять прежнюю цѣнность капитала въ 60.000. Однимъ словомъ, прямая подать, наложенная на проценты съ искусственныхъ капиталовъ, обратится непременно въ подать косвенную, и изъ подати на производство обратится въ подать на потребленіе. Кто же эти потребители? Конечно тѣ же землевладельцы, капиталисты и работники, поколику каждый, въ мѣру своихъ средствъ, потребляютъ произведенія.

Г. Вальрасъ подробно объясняетъ неудобства подати съ потребленія, въ сравненіи съ податями на поземельную собственность и на трудъ. Подать съ поземельной собственности, говоритъ онъ, временно поражаетъ капиталъ землевладельца, подать съ труда поражаетъ трудъ постоянно; однако этимъ только и ограничиваются ихъ послѣдствія; даѣе они не поражаютъ народнаго богатства, они поражаютъ единственно лица плательщиковъ. Но при косвенной подати съ потребленія или, что то же, при прямой подати съ процента, лица, обложенныя податью, освобождаются отъ нея, а общественные доходы ею поражаются. Вслѣдствіе экономическаго закона, которому подчинены производство и потребленіе, подать съ потребленія падетъ отчасти на землевладельцевъ, и отчасти на работниковъ. Какъ потребитель, будетъ платить подать и капиталистъ, но его положеніе относительно выгодноѣе, потому что проценты съ его капитала не уменьшаются, тогда какъ доходы землевладельца и работника терпятъ отъ подати ущербъ. Такимъ образомъ, прямая подать съ процента или косвенная съ потребленія, обращается въ двойной налогъ съ землевладельца и съ работника. Землевладельцу развитіе благосостоянія можетъ еще со временемъ общать вознагражденіе, но работникамъ уже никакого.

Опытомъ доказано, говоритъ Вальрасъ, что косвенныя подати вообще весьма неудобны въ практическомъ отношеніи: онѣ сопряжены съ большими издержками для казанъ и для плательщиковъ съ большими несправедливостями, и кромѣ того, поощряя контрабанду, ведутъ къ безнравственности. Наконецъ, совершенно невозможно достигнуть того, чтобы всѣ предметы потребленія обложены были податью соразмѣрною ихъ цѣнности; поэтому, по большей части, она и взимается собственно съ жизненныхъ припасовъ. Но при такомъ условіи, подать является вовсе несправедливою: ибо каждое лицо, какія бы ни были его средства,

почти въ одинаковой мѣрѣ потребляетъ жизненные припасы; поэтому каждое лицо будетъ уплачивать и подати въ одинаковой мѣрѣ съ другими, тогда какъ это будетъ вовсе несообразно его относительному участию въ обществѣ въ доходахъ.

Никакая даже комбинація косвенныхъ податей съ прямыми не можетъ, по мнѣнiю Вальраса, устроить неудобствъ и несправедливостей, сопряженныхъ съ податью на потребление. По естественному порядку вещей, все-таки только поземельный доходъ и въ особенности *трудъ* будутъ въ дѣйствительности подлежать подати.

Сообразно съ этими основанiями, разсуждаетъ Вальрасъ и о подати единственной. Главнымъ вопросомъ здѣсь представляется: слѣдуетъ ли основать подать на доходъ, или на капиталъ?

По мнѣнiю Вальраса, при отвѣтѣ на этотъ вопросъ, самое отличiе подати съ дохода отъ подати съ капитала обыкновенно понимается неправильнымъ, можно сказать даже—превратнымъ образомъ. По настоящему, то, что считается обыкновенно податью съ дохода, слѣдовало бы называть податью съ капитала, и на оборотъ. Конечно, съ самыми первыми началами экономической науки несогласно было бы брать подать съ капитала. Это значило бы парализовать самые источники дохода, и вести къ уничтоженiю богатства, кромѣ того, трудно и вообразить, чтобы можно было взять у землевладельца $\frac{1}{100}$ его собственности, у капиталиста $\frac{1}{100}$ его дома или парохода, у работника $\frac{1}{100}$ его личныхъ силъ. Но съ другой стороны, если опредѣлить подать съ дохода въ томъ смыслѣ, какъ ее обыкновенно понимаютъ, это значило бы установить величайшую несправедливость.

Представимъ три лица, изъ которыхъ каждое пользуется доходомъ въ 5,000 франковъ. Первое изъ нихъ—землевладелецъ, владеющiй недвижимымъ имѣнiемъ въ 200,000 фр.; другое—капиталистъ имѣющiй 100,000 фр., отданныхъ на проценты; третье—чиновникъ на государственной службѣ, получающiй 5000 фр. годоваго содержанiя; по издержкамъ, употребленнымъ на приготовленiе этого чиновника къ занимаемому имъ мѣсту, капиталъ личныхъ его способностей можетъ быть оцененъ въ 50,000 фр. Соображаясь съ системою подати съ дохода, слѣдовало бы взимать съ каждаго изъ трехъ лицъ подать одинаковую. Но можно ли сравнивать землевладельца, капиталъ котораго по природѣ своей неистребимъ, и притомъ обладаетъ свойствомъ увеличивать свою цѣнность отъ одного времени, можно ли

сравнивать такого капиталиста съ владѣльцомъ капитала искусственнаго, подлежащаго многимъ невыгоднымъ шансамъ, а тѣмъ болѣе, можно ли сравнивать его съ тѣмъ, чей капиталъ, какъ капиталъ чисто личный, есть собственность пожизненная, неспособная перейти къ наследникамъ? Очевидно, въ экономическомъ отношеніи, доходы въ 5,000 фр., получаемые каждымъ изъ этихъ трехъ лицъ, никакъ не могутъ быть признаваемы равными между собою. Только первое изъ этихъ лицъ можетъ расходовать весь свой доходъ безъ ущерба капиталу; но у остальныхъ двухъ, часть дохода, а именно, у одного 2500, а у другого 3750 фр., ради сохраненія самаго капитала, должна быть вычтена на премію погашенія и на премію страховую. Однимъ словомъ, въ строгомъ логическомъ смыслѣ, эти 2.500 и 3.750 фр. принадлежатъ не доходу, а капиталу, такъ какъ онъ безъ нихъ существовать не можетъ; если бы капиталистъ и чиновникъ потребовали каждый свои 5.000 безъ остатка, они тратили бы уже капиталъ, а не доходъ. И такъ, если хотѣть, чтобы такъ называемая подать съ дохода была справедлива, необходимо, чтобы, при опредѣленіи ея, вычеты были изъ дохода премія погашенія и премія страховая; другими словами, чтобы при подати съ дохода былъ принятъ въ соображеніе капиталъ, и подать опредѣлена была пропорціонально капиталу, а не доходу.

Единственную подать, опредѣляемую съ этой точки зрѣнія, г. Вальрасъ готовъ признать вполне рациональною, но только если соблюдаемы будутъ при этомъ нѣкоторые ограниченія, условливаемые различнымъ свойствомъ самихъ капиталовъ. Подать еще не будетъ распределена равномерно, если и землевладѣлецъ, и капиталистъ, и чиновникъ будутъ обложены каждый податію пропорціональною цифрамъ ихъ капиталовъ. Мы желаемъ обложить всѣ доходы, то-есть доходы отъ всѣхъ капиталовъ. Что такое земельный доходъ? Это *рента*. Следовательно мы облагаемъ ренту. Что такое доходъ отъ искусственныхъ капиталовъ? Это *проценты*, и мы облагаемъ проценты. Что такое доходъ отъ личныхъ силъ и способностей? Вы вѣроятно отвѣтите, что это *трудъ*; но позвольте, доходъ отъ личныхъ силъ и способностей есть трудъ для трудящагося, но онъ есть свободное время для человѣка празднаго. Следовательно, если вы облагаете трудъ, вы должны облагать и праздное время; а если не облагаете празднаго времени, то не должны облагать и труда. Въ приведенномъ выше примѣрѣ; чиновникъ изъ своего личнаго капитала извле-

клетъ доходъ своимъ трудомъ. Но землевладелецъ и капиталистъ владѣютъ также личнымъ капиталомъ, и также извлекаютъ изъ него выгоду или доходы, хотя другого рода; доходъ ихъ—свободное время, которымъ они пользуются. Итакъ, если трудъ чиновника оцѣняется въ 5.000 франковъ, то почему же не оцѣнить и праздное время землевладельца и капиталиста въ 5.000? Или, если доходъ, получаемый съ личного капитала землевладельцемъ и капиталистомъ, освобождается отъ подати, то почему не освободить и доходъ служащаго?

Всѣ доходы вообще бывають двухъ родовъ: подлежащіе и не подлежащіе имѣть. Къ доходамъ послѣдняго рода принадлежатъ тѣ, которые потребляются непосредственно самими владѣльцами капиталовъ, производящихъ эти доходы. Такъ, напримѣръ, доходъ отъ парка, разведеннаго владѣльцемъ для собственнаго удовольствія, доходъ съ дома, занимаемаго самымъ хозяиномъ. По самому строгому логическому сравненію, совершенно къ тому же разряду относится и доходъ отъ личныхъ силъ и способностей, когда онъ употребляется на путешествіе ради собственнаго удовольствія, на различныя развлечения и вообще на всякія занятія, за исключеніемъ производительнаго труда. Спрашивается: справедливо ли освобождать всѣ эти доходы отъ подати, на томъ одномъ основаніи, что они потребляются владѣльцами непосредственно? Они не вывозятся на рынокъ, не чрезъ это не лишаются своей цѣнности. И такъ, судя по строгой справедливости, нѣтъ основанія освобождать отъ подати ни паркъ, принадлежащій землевладельцу, хотя бы онъ служилъ для удовольствія хозяина, ни домъ, занимаемый самимъ домовладельцемъ. Наконецъ, тому же самому правилу должно подлежать и пользованіе личнымъ капиталомъ въ свое удовольствіе, другими словами—все праздное время, которымъ пользуется землевладелецъ или капиталистъ. Тотъ же другой могли бы справедливо быть освобождены отъ подати за пользованіе своимъ личнымъ капиталомъ только тогда, когда бы его совсѣмъ не имѣли, то-есть когда бы не имѣли подобно работникамъ въ своемъ распоряженіи двѣнадцать часовъ времени въ сутки, способныхъ къ употребленію на производительный трудъ. Однимъ словомъ, если возьмемъ старый примѣръ, по строгой справедливости слѣдуетъ, облаживъ служащаго, облажить, на одномъ съ нимъ основаніи, и землевладельца и капиталиста, независимо отъ того, что послѣдніе два облажены еще сверхъ сего податью,—одна въ соразмѣрности съ его поземельною собственностью, другой—въ соразмѣрности съ его искуственными

капиталомъ. Если землевладелецъ съ своей ренты обязанъ платить 200 франковъ подати, капиталистъ съ своихъ процентовъ облаженъ податью во сто франковъ, а служащій изъ получаемого имъ вознагражденія за трудъ долженъ отдавать на подать 50 франковъ; то, по всей справедливости, эти 50 франковъ должны быть спрошены и у землевладельца, и у капиталиста, и первый изъ нихъ долженъ заплатить всего не 200, а 250 фр., и послѣдній—не 100, а 150 фр. подати. А справедливѣе всего было бы, по мнѣнiю г. Вальраса, совершенно освободить отъ подати личныя силы и способности, оставивъ подать только на *фермабахъ* и *процентахъ*. Личный капиталъ чрезъ это былъ бы подведенъ подъ одинакiя для всѣхъ льготы, а между тѣмъ земля и искусственныя капиталы облажены были бы въ полной соразмѣрности своимъ доходамъ. Такая система, по мнѣнiю Вальраса, если бы исполненiе ея было возможно, поставила бы политическую экономiю въ совершенное согласiе съ самою высшею моральною философию, сообразно съ которою личныя способности, дарованiя и силы должны быть признаваемы за святую и неприкосновенную собственность каждаго.

Тѣмъ не менѣе однако, такая подать, идеальна справедливая изъ теорiи, непримѣнима на практикѣ. Причина этому—въ изложенномъ выше законѣ, по которому подать съ поземельнаго дохода равняется конфискаци имуществъ, поражающей только современныхъ землевладельцевъ, а подать съ искусственныхъ капиталовъ остается всею недостаточною, по присущей капиталамъ способности слагать съ себя бремя подати на другихъ. Такимъ образомъ, и при освобожденiи работниковъ отъ платежа, подать все-таки не достигла бы уравнительности. Подать съ процентовъ обратилась бы на подать съ потребленiя, и ее уплачивали бы отчасти землевладельцы, независимо отъ подати, которою они уже облажены, и, главнымъ образомъ работники. Предлагаемая система единственной подати, основанной на доходѣ пропорциональномъ капиталу, была бы выдержана вполнѣ только тогда, когда отъ платежей освобождены были бы не только доходы съ личныхъ силъ, но и проценты отъ искусственныхъ капиталовъ, другими словами—когда подать оставлена была бы единственно на поземельномъ доходѣ. Но приведенiе такой системы въ исполненiе, говоритъ г. Вальрасъ, несбыточно уже потому, что на нее никогда не согласятся землевладельцы. И за это вовсе нельзя ихъ винить въ эгоизмъ, или равнодушия къ общественнымъ интересамъ. Напротивъ, слишкомъ странно было бы требо-

вать отъ нихъ, чтобъ они охотно согласились на теорію, которая намѣрена лишить ихъ вдругъ капитала въ 20, а можетъ быть въ 30 и болѣе миліардовъ.

Однимъ словомъ, по мнѣнію г. Ваальраса, одинаково будетъ далека отъ полной справедливости въ примѣненіи теорія единственной подати, будетъ ли она предполагать подать съ капитала, или подать съ дохода. Рѣшеніе этой задачи, можетъ быть, когда-нибудь и состоится, но не скоро.

Въ этомъ заключительномъ выводѣ г. Ваальраса мы находимъ неоспоримо истиннымъ то, что невозможно изобрѣсти единственную подать, уравнительность которой соблюдема была бы съ математическою точностью. Но невозможность достиженія этой точности не должна вести къ заключенію, что бесполезно стараться объединить подати. Возможно большее или меньшее приближеніе къ единству, посредствомъ упрощенія оуществующей нынѣ системы многообразія, и посредствомъ замѣны тѣхъ изъ теперешнихъ податей, которыя неудобнѣе другихъ, податью съ дохода, хотя бы въ такихъ границахъ, какія, съ нѣкотораго времени, приняты въ Англїи.

Достиженіе подати единственной, по нашему мнѣнію, недоступно не только вслѣдствіе причинъ, которыя съ такою тонкостью старается подмѣтить г. Ваальрасъ, въ самомъ раздѣленіи неточниковъ народнаго богатства между производителями, но и, главное, вслѣдствіе того, что единственная подать оказалась бы слишкомъ незначительною, и не соответствующею широкимъ размѣрамъ государственныхъ расходовъ. Будетъ ли отвесена эта подать къ капиталу или къ доходу, она коснется, по необходимости, только тѣхъ капиталовъ и доходовъ, которые видимы, и которые могутъ быть оценены безъ затрудненія; а это обстоятельство должно слишкомъ ограничить итогъ цѣнностей, служащихъ основаніемъ подати, не говоря уже о томъ, что чрезъ это нарушится и справедливость.

Нельзя не сказать также, что подать единственная можетъ производѣствовать естественному развитію народнаго благосостоянія. Въ дѣлѣ подати, какъ и во всякомъ другомъ, единство можетъ вести къ централизаціи и регламентаціи, съ которыми трудно согласить свободу производителейъ сама. Ихъ характеръ состоитъ именно въ безконечномъ разнообразіи; ихъ жизнь обнаруживается въ чрезвычайно имобилизаціи цѣнностей, въ учащенныхъ преобразованіяхъ ихъ въ новые и новые виды, въ постоянныхъ переходахъ ихъ изъ однихъ рукъ въ другія. Подать,

вслѣдствіе того, по необходимости вынуждена бываетъ достигать ее, такъ сказать, *на лету*. Трудно было бы согласить характеръ неподвижности, свойственный подати единственной, съ движеніемъ, свойственнымъ экономической свободѣ; а коль скоро единство можетъ вести хотя къ малѣйшему стѣсненію состязанія и того свободного обращенія, которыя суть необходимыя условія экономической жизни, то, по мнѣнію нашему, лучше отказаться отъ единства, нежели гнаться за нимъ при столь невыгодныхъ условіяхъ.

Общественный бытъ основанъ на элементахъ разнорядныхъ: общество состоитъ изъ одного цѣлаго и многихъ частныхъ лицъ, изъ общественной силы и личной свободы, наконецъ изъ людей и предметовъ. Это двучленіе отражается на всѣхъ общественныхъ учрежденіяхъ; поэтому, оно неизбѣжно должно обнаруживаться и въ подати. Ей всегда должны быть существенны два свойства: единство и разнообразіе; подавлять одно изъ этихъ свойствъ ради другаго, было бы одинаково противно общественнымъ и личнымъ интересамъ. Вѣрнѣе всего, конечно, придерживаться единства, но должно придерживаться его не столько, на сколько оно можетъ быть согласено съ совершенно свободнымъ обращеніемъ и развитіемъ всѣхъ производительныхъ силъ. Такимъ образомъ, подати могутъ быть общія, какъ-то съ лица¹ и поземельной собственности, и сверхъ того спеціальныя, какъ-то съ табаку, вина и т. под.

Извѣстно, что предположеніе о подати единственной съ земли, къ которому близко подходитъ г. Вальрасъ, принадлежало школѣ физиократовъ. Весьма естественно, что школа эта, полагая поземельный доходъ единственнымъ элементомъ богатства, заключала отсюда, что и средства на общественныя расходы должны быть почерпнаты исключительно изъ земли же. Но такой взглядъ ошибоченъ. Несправедливо было бы откладывать существующія подати съ цѣлью возложить все бремя ихъ на одно сословіе, съ исключеніемъ прочихъ. Во всякомъ случаѣ, исполненіе такой мысли не осталось бы безъ вреднаго вліянія на земледѣліе, а въ послѣдствіи незначительно отразилось бы и на другихъ отрасляхъ промышлен-

¹ Подъ названіемъ подати съ лица мы не разумѣемъ подати, известной у насъ подъ названіемъ подушнаго оклада, а отъзвучивающія французской школой разумѣемъ подати съ различныхъ расходовъ, взимаемыя прямо съ лицъ, дѣлающихъ эти расходы. Весьма интересную на счетъ этихъ податей статью написалъ г. Парье (Parieu): *Journal des Economistes*, Avril 1862.

ности. Сельское хозяйство не может процветать без поддержки; если отнять у него большую часть доходов, это отняло бы у землевладельцев охоту делать сбережения, и употреблять их на улучшение своего хозяйства. Сельское хозяйство чрезъ это было бы задержано въ своемъ развитіи, а задержка сельской промышленности неминуемо отразилась бы въ скоромъ времени и на вѣсѣ другикъ.

Единственная подать съ доходовъ представляетъ въ теоретическомъ отношеніи менѣе неудобствъ, но она встрѣчаетъ важныя препятствія въ примѣненіи. Невозможность привести въ извѣстность все доходы повела бы къ совершенному освобожденію многихъ изъ нихъ отъ подати, и такимъ образомъ подать оказалась бы неуразумительною и тягостною для облагаемыхъ. Окладъ каждой подати, даже самой удобной, имѣетъ предѣлы, выше которыхъ она дѣлается неудобною; въ случаѣкомъ возвышенной подати съ доходовъ неудобство то, что для плательщиковъ было бы затруднительно вносить ее аккуратно, въ извѣстные сроки. За все мы тѣмъ однако, мы полагаемъ, подать съ дохода должна получить современно большее значеніе, и ею удобно могутъ быть замѣнены многія изъ существующихъ податей, взиманіе которыхъ слишкомъ сложно, и коварно, не самому существованию своему, слишкомъ непропорціональны.

Что касается до единственной подати съ капиталовъ, она во многихъ отношеніяхъ соответствуетъ подати съ доходовъ, ибо цѣнность капиталовъ опредѣляется въ мѣру ихъ доходности; следовательно, все сказанное о подати съ дохода можетъ быть примѣнено и къ подати съ капиталовъ.

Мы находимъ вполне справедливыми соображенія г. Вальраса о различномъ свойствѣ капиталовъ поземельнаго, индустриальнаго и личнаго, и согласны съ заключеніемъ, что несоразмерно облагать одинаковою податью землевладельца, капиталиста и служащаго, на томъ основаніи, что каждый изъ нихъ получаетъ по 5.000 дохода. Доходъ первого дѣйствительно можетъ весь быть почитаемъ чистымъ доходомъ, тогда какъ у послѣднихъ часть полного дохода должна быть отчислена на погашеніе и обезпеченіе капитала. Но намъ кажется, что г. Вальрасъ заходитъ слишкомъ далеко, когда утверждаетъ, что никакая подать, прямая или косвенная, не можетъ быть ни равною ни пропорціональною, и что какая бы ни была принята система, по естественному порядку вещей одна только ферма и трудъ могутъ быть доступны для подати.

Никакая подать, взятая сама по себѣ, не достигаетъ совершенной уравнительности и пропорциональности, — это правда. Но что же отсюда слѣдуетъ? Не болѣе какъ то, что наука должна отказаться отъ мысли найти единую подать, которая была бы въ то же время абсолютно-совершенная, и что для избѣжанія неудобствъ, необходимо допустить, до некоторой степени, разнообразіе податей. А иначе пришлось бы всѣ разсужденія о податяхъ признать совершенно бесполезными, и допустить, что самая наука объ этомъ предметѣ лишена смысла, и ни къ чему не ведетъ, такъ какъ всякая подать одинаково удобна, или, что все равно, одинаково неудобна.

Точно то же должно сказать и о мысли, что одни только фермажи и трудъ доступны для подати. Отвѣченно эта мысль справедлива. Можно пожалуй взять еще строже, и сказать, если угодно, еще съ болѣею справедливостію, что самые фермажи недоступны для подати, а доступны для нея одинъ только трудъ, ибо только то можетъ быть взято въ видѣ подати, что производится трудомъ. Не всякое подобное заключеніе, справедливое въ метафизическомъ смыслѣ, совершенно лишено экономического и практическаго значенія. Гораздо сообразнѣе съ экономической наукой сказать, что всякая подать отзывается болѣе или менѣе на всѣхъ отрасляхъ промышленности, производя на нихъ то же самое вліяніе, какое производитъ возвышеніе цѣнъ. При умѣренной подати, спросъ на произведеніе можетъ оставаться безъ измѣненія, при возвышенной онъ уменьшается, наконецъ, при подати непомерно высокой спросъ на произведенія можетъ прекратиться совершенно. Очевидно, что съ этимъ вѣдомъ, всякая подать ложится окончательно на потребленіе. Поэтому, вѣрнѣйшимъ указателемъ, до какой степени подать удобна или неудобна, можетъ служить степень вліянія ея на потребленіе. Вотъ истина, имѣющая экономическое значеніе, ибо она ведетъ къ заключенію, что лучшая подать есть та, которая не ограничиваетъ потребленія и не стѣсняетъ производства, то-есть подать возможно меньшая.

Что касается въ частности до подати съ труда, то никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ Вальраса, будто отъ нея не измѣняется ни предложеніе труда, ни спросъ на него. Намротивъ, то и другое можетъ быть сильно потрясено податію. Работники, на первыхъ порахъ установленія подати, могутъ требовать болѣе возвышенной платы за трудъ, соразмѣрно съ положеніемъ на нихъ податію; а это въ экономическомъ отношеніи будетъ значить, что предложеніе

труда уменьшилось. Капиталисты въ тоже время могутъ отказать работникамъ, собственно вслѣдствіе требуемой возвышенной платы; а это будетъ значить, что спросъ на трудъ уменьшился. Подобное положеніе можетъ потомъ повлечь за собой реакцію: рабочіе, доведенные до крайности предложить снова свой трудъ, и за цѣну уже низкую той, какая существовала до установленія подати. Наконецъ, подать на трудъ можетъ, вопреки мнѣнію Вальраса, сдѣлать его даже въ буквальный смыслъ болѣе рѣдкимъ. Конечно въ самый день установленія подати, число рабочихъ рукъ останея тоже самое, какое было и наканунѣ; но со временемъ, подобная подать, дѣйствуя неблагоприятно на благосостояніе рабочаго класса, можетъ уменьшить его численность, и слѣдовательно сдѣлаетъ трудъ болѣе рѣдкимъ.

Ошибка Вальраса истекаетъ изъ парадоксальности его основной мысли, будто цѣнность личнымъ капиталовъ остается недоступна никакому вліянію, и работникъ, при процвѣтаніи общества равно какъ и при его упадкѣ, остается въ одинаково выгодномъ и невыгодномъ положеніи, на томъ основаніи, что каждый человекъ родится и производителемъ и потребителемъ вѣстѣ. Последнее положеніе справедливо, но выведенное изъ него заключеніе тогда было бы вѣрно, когда бы каждый человекъ потреблялъ именно столько же, сколько онъ производитъ. Но къ счастью, въ природѣ находимъ не то: человекъ надѣленъ силами, далеко превышающими личныя его нужды. Съ другой стороны, самое понятіе о личныхъ нуждахъ условно: одинъ довольствуется малымъ, другой желаетъ большаго, асообразно съ этимъ самый трудъ можетъ быть по произволу уменьшаемъ и увеличиваемъ. Однимъ словомъ личные капиталы вовсе не осуждены, какъ полагаетъ Вальрасъ, на вѣчное однообразіе, и ихъ упадокъ и возвышеніе, вопреки его парадоксальному мнѣнію, стоить въ особенно тѣсной связи именно съ благосостояніемъ и упадкомъ общества. Чтобы убѣдиться въ этомъ, слѣдуетъ только обратить вниманіе на то, какъ много зависитъ спросъ на трудъ, а слѣдовательно и его цѣнность, отъ приращенія искусственныхъ капиталовъ: чѣмъ болѣе капиталовъ, тѣмъ выше цѣнность труда, это истина неоспоримая. Еслибы общественное благосостояніе могло оставаться безъ вліянія на цѣнность личнымъ капиталовъ, или, что тоже, на цѣнность труда: тогда матеріальный и моральный прогрессъ былъ бы пустымъ словомъ. Прогрессъ есть именно слѣдствіе того обобщаго воздѣйствія, которое оказываютъ съ одной стороны, трудовая, соединенное съ

бережливостью, на увеличеніе капиталовъ, и съ другой стороны, увеличеніе капиталовъ — на возбужденіе труда и возвышеніе его цѣнности.

Столь же парадоксальная мысль и о томъ, будто поземельная подать есть известный видъ *конфискаціи*. Всякая подать, въ томъ числѣ и поземельная, есть отчужденіе известной доли частныхъ доходовъ въ распоряженіе правительства, и если называть это отчужденіе конфискаціею, то мы не видимъ причинъ, почему изъ всѣхъ податей одна поземельная заслуживаетъ этого названія. Постоянная подать съ домовъ въ этомъ случаѣ особенно сходится съ поземельною. Вальрасъ не называетъ ея конфискаціею потому, что хозяинъ дома можетъ отвести подать на счетъ жильцовъ. Нѣтъ сомнѣній, что это будетъ желаніемъ хозяина, но успѣхъ зависитъ будетъ отъ отношенія между предложеніемъ и спросомъ; если спросъ на квартиры не будетъ благопріятствовать домохозяину, одного желанія его отвести подать на жильцовъ будетъ недостаточно, и следовательно, она вынужденъ будетъ, по крайней мѣрѣ, часть подати принять на себя. Съ другой стороны, Вальрасъ самъ допускаетъ, что развитіе народнаго благосостоянія, въ послѣдствіи, можетъ вознаградить ущербъ, понесенный землевладѣльцемъ отъ подати. Спрашиваемъ: откуда это вознагражденіе? Конечно, отъ возвышенія цѣны на сельскія произведенія. А откуда это возвышеніе? Конечно, отъ увеличенія спроса. Итакъ, здѣсь и тамъ, и для землевладѣльца и для домохозяина, возможность отвести подать на счетъ другихъ является совершенно одинаковою, потому что и тамъ и здѣсь она будетъ совершенно зависеть отъ спроса, а не отъ характера самой ответственности.

Въ заключеніе, не можемъ не замѣтить, что главный недостатокъ теоріи Вальраса есть, во первыхъ, желаніе опредѣлить съ математическою точностію такія явленія, которыя, по природѣ своей, недоступны точному математическому опредѣленію, и во вторыхъ, — слишкомъ поспѣшная обобщенія. Въ примѣръ перваго можно указать на ошибку, которой онъ считаетъ нужнымъ подвергнуть правдое время, не занятое трудомъ, и всякаго рода личныя удовольствія. Спрашиваемъ: доступны ли эти явленія ариѳметически-экономическимъ вычисленіямъ? А въ примѣръ слишкомъ поспѣшныхъ обобщеній можно указать слѣдующее.

Когда лицо, обложенное податью ищетъ вѣроятность отвести ее на другихъ, Вальрасъ считаетъ лицо плательщика уже окончательно отъ нея освобожденнымъ. Конечно,

это неосновательно. Пусть лице плательщика имѣть возможность отвѣсти подать на другихъ, но прежде нежели онъ успѣетъ сложить подать съ себя, она можетъ быть для него весьма чувствительною.

Поземельная подать чувствительная для владѣльца, современнаго ея установленію, дѣлается нечувствительною для новаго владѣльца, ибо при покупкѣ имѣнія вычитается часть капитальной цѣнности, соразмѣрная подати, которая лежитъ на землѣ. Вальрасъ отсюда заключаетъ уже рѣшительно, что поземельная подать, разъ внесенная, въ послѣдствіи *никогда* не уплачивается.

Искусственные капиталы, какъ самыя подвижныя, легче другихъ могутъ избѣгать прямой подати. Основываясь на этомъ, Вальрасъ заключаетъ, что искусственные капиталы вовсе недоступны для подати.

Трудъ гораздо съ меньшею легкостію, чѣмъ капиталъ, можетъ перелгать съ себя подать на другихъ. Вальрасъ, основываясь на этомъ, дѣлаетъ заключеніе, что взятое податью съ труда потеряно для трудящагося уже безвозвратно.

Полагаемъ, этихъ примѣровъ достаточно для того, чтобъ убѣдиться, какъ легко, при подобномъ взглядѣ, приходитъ къ выводу, далеко не согласнымъ съ естественнымъ порядкомъ вещей.

И ГЕЧЕВИЧЪ.

21 июля 1882 г.

Г. Варшава.

КАКЪ ИЗДАЮТСЯ У НАСЪ КНИЖКИ О РАСКОЛѢ

III.

Три челобитныя справщика Савватія, Саввы Романова и монаховъ Соловецкаго монастыря. Три памятника изъ первоначальной исторіи старообрядства. Спб. 1862.

Челобитныя раскольниковъ—памятники весьма важныя для исторіи раскола, и особенно для изученія раскольничьихъ мѣтвѣй въ первыя времена существованія раскола. Изданіе ихъ, повтому, дѣло не лишнее, и читатели интересующіеся расколомъ, конечно, съ удовольствіемъ встрѣтили выходъ въ свѣтъ книжки, заглавіе которой мы выписали. Въ ней напечатана знаменитая Соловецкая челобитная, давно уже извѣстная, частію изъ печатнаго раскольничьяго сборника, довольно распространеннаго, частію изъ православныхъ полемическихъ сочиненій (напримѣръ изъ отвѣтовъ Никифора). Челобитная Савватія была извѣстна доселѣ весьма немногимъ, и повтому нельзя не благодарить издателя за обнародованіе этого любопытнаго памятника. Что же касается челобитной Саввы Романова, то безъ сомнѣнія никто и не слыхивалъ о ея существованіи до самого того времени, какъ возвѣстало о ней заглавіе книжки. Мы по крайней мѣрѣ прежде всего снѣхали по-

знакомиться съ такимъ интереснымъ открытіемъ. Что же оказалось? Оказалось, какъ и слѣдовало ожидать, что это вовсе не челобитная, а историческое сказаніе о *поданіи челобитной Саввы Романова*, какъ свидѣтельствуеъ предисловіе къ этому сказанію (стр. 58), или же, какъ гласитъ подлинное заглавіе сказанія, „о поданіи челобитной инокѣми Сергіемъ, Саватіемъ и прочими самодержцамъ Іоанну Алексѣевичу и Петру Алексѣевичу о древлецерковныхъ законѣхъ и Никоновыхъ ловинахъ“. Такимъ образомъ въ подлинномъ заглавіи памятника вовсе нѣтъ и имени Саввы Романова; въ предисловіи говорится о подачѣ челобитной Саввы, но вовсе не обѣщается самая челобитная; а въ заглавіи книжки просто-на-просто возвыщается челобитная Саввы Романова, наряду съ челобитными Савватія и Соловецкой. Кажется, книжку издавали три человѣка, не своясь между собою: одинъ отыскалъ раскольничьи рукописи; другой смастерилъ къ намъ предисловія, не потрудившись какъ слѣдуетъ прочесть рукописи; третій придумалъ заглавіе, также не потрудившись выкнутъ въ содержаніе и рукописей и предисловія. Какъ иначе объяснить такую путаницу въ извѣстіяхъ объ одномъ и томъ же памятникѣ въ одной и той же книжкѣ?

Но этимъ не кончилась исторія съ исторіей Саввы Романова въ новой книжкѣ г. Кожанчикова. Въ предисловіи къ книжкѣ утверждается, что исторія о *поданіи челобитной Саввы Романова* составлена самимъ Саввой: „очевидецъ возстанія старообрядцевъ въ 1682 г., стрѣлецъ (?) Савва Романовъ передаетъ подробности его въ простомъ, но художественномъ разказѣ, который мы помѣщаемъ въ настоящемъ изданіи“ (стр. 5). Но при самомъ бѣгломъ чтеніи помѣщеннаго въ изданіи разказа, не трудно замѣтить, что это вовсе не тотъ разказъ Саввы Романова, который извѣстенъ всѣмъ занимающимся исторіей раскола. Они различны уже по самому заглавію: сочиненіе Саввы называется „исторія о вѣрѣ и челобитки о стрѣльцахъ“, а вовсе не сказаніемъ „о поданіи челобитной“. Да и самъ составитель помѣщеннаго сказанія прямо говоритъ въ заключеніи: „написана сія повѣсть самовидцемъ всего сего дѣла правовѣрнымъ христіяниномъ Саввою Романовымъ. Отъ него же здѣ мало сокращеніе въ словесахъ, а не въ дѣлѣ самомъ, переписано“ (стр. 142—143). Мы опять при-

ходимъ къ мысли, что авторъ предисловія не потрудился прочесть „помѣщенного въ настоящемъ изданіи“ разказа, хотя и рѣшается говорить о немъ тономъ знатока съ читателями: имаче онъ не назвалъ бы его подлиннымъ сочиненіемъ Саввы Романова, да еще „простымъ, но художественнымъ“, равно какъ и самого Савву не назвалъ бы стрѣльцомъ, когда въ „разказѣ“ онъ прямо названъ „посадскимъ человѣкомъ изъ Овчинной слободы“.

А между тѣмъ, ужъ если суждено было, подѣ имеемъ челобитвой Саввы Романова, явиться сказанію о возмущеніи раскольниковъ и стрѣльцовъ въ 1682 г., то нельзя не пожалѣть, что издано не подлинное, весьма замѣчательное сочиненіе Саввы, а сокращеніе его или, правильнѣе, искаженіе. Сократитель сказалъ несправедливо, будто онъ переписалъ сочиненіе Саввы только „мало сокращеннѣе въ словахъ, а не въ дѣлѣ самомъ“. Нѣтъ, онъ коснулся и самого дѣла, опустилъ нѣкоторыя нелишнія значенія подробности подлиннаго разказа. Напримѣръ, Савва такъ разказываетъ о чтеніи челобитвой въ Титовскомъ стрѣлецкомъ приказѣ: „Взята на съезъ собою, и челобитную, и благословившеся у старца, и поидоша вси въ приказъ. Пятисотенной же Иванъ, и сотенной Михайло Артемьевъ, и инии, подумавше, послаша деищниковъ по слободамъ, и созваша всѣхъ стрѣльцовъ на съѣзжую избу. Они же окоро сошедшеся, и посадскихъ тутъ много было, и заставивша сотеннаго ихъ полку челобитную чести съ слухъ встать. Сотенной же не искусенъ божественному писанію, чтетъ, и рѣчь съ рѣчью не раздѣляетъ, и туло вораздо и невнятно отъ него глаголетъ. Они же перестать ему велѣли, и много поискаша—и нѣсть такого человѣка! И принудиша ту Савву чести. Онъ же исперва отрицался; они же съ моленіемъ понудиша его. Онъ же начатъ чести и толкомъ ереси разказывать. Они же прилежно слушахъ, мнози же и плакаху.“ А въ сокращеніи этотъ любопытный разказъ передается слѣдующимъ образомъ: „Пріемшу же благословеніе у старца, и прочу братію поидша съ собою, съ челобитвою поидоша въ приказъ, и созваша всѣхъ стрѣльцовъ. Тамо же и посадскихъ людей много прииде, и понудиша онаго же паки Савву челобитну предъ встѣми прочести. И егда чтыаше ю, и ереси толкуа сказоваше, вси со ушю ту прилѣжно слушаху, мнози же и плакаху“ (стр. 76—77). Въ другомъ мѣстѣ Савва разказы-

ваетъ, что происходило утромъ, въ день коронаціи государей Ивана и Петра Алексѣевичей, которую раскольники требовали совершить по старымъ книгамъ, какъ и объявлялъ имъ Хованскій, приказавшій Никитѣ даже приготовить для обѣдни семь просфоръ со старыми печатами. „По утру рано, во воскресный день, бысть голака велія въ Титовѣ приказѣ, и придоша ко отцамъ служилые люди, и сказаша, попъ-де-новикъ у нихъ споруется отъ писанія, у нихъ-де противъ его некому спорить, и дѣло-де худить, и покосить старую вѣру. Ревнители же благочестія идоша къ нему. Онъ же училъ по кормчей книгѣ; а егда видѣ ихъ пришедшихъ, да и замолчалъ, а самъ рекъ: время-де мнѣ обѣдню служить. Никита же отецъ повелѣ нѣкоей искусной вдовицѣ просвиры испечи и повесе ихъ въ соборъ. Народи же московскіи вси собравшеся и ждуще царей государей, и тѣснота бѣ велія въ людехъ, и другъ друга давляху утѣшенія ради; и не доиде отецъ Никита не токмо до боярина, но и до соборныя церкви, и возвратися ко отцамъ и рече имъ: простите отцы святіи, никоими мѣрами не допустилъ народъ до соборныя церкви, и я просвиры назадъ принесъ. Они же тѣ просвиры раздаша вѣрнымъ, благословенія ради. И въ той день сотвориша царемъ государемъ вѣнчаніе“. Въ сокращенномъ сказаніи любопытное обстоятельство о попѣ новикѣ совсѣмъ опущено, и весь оригинальный разказъ Саввы передаетъ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „Наставши недѣли, отцы уготоваша просфиры, священникъ Никита вземъ, идаше въ соборъ, и не возможно никако въ церковь вйти и до боярина дойти, множества ради шедшагося безъ числа народа, и до церкви бо не доиде, возвратися вспять. Въ той день совершися вѣнчаніе царемъ“ (стр. 88). Примѣровъ подобнаго рода сокращеній и пропусковъ можно было бы представить не мало ¹.

Что же касается самаго изложенія, нельзя не согласиться, что въ сокращеніи языкъ гораздо правильнѣе нежели въ подлинномъ разказѣ Савва. Видно, что сократитель принадлежалъ къ числу грамотниковъ, и притомъ довольно поздняго времени. Но тѣмъ не менѣе за это именно исправленіе

¹ Больше значительныя отсылки на стр. 77. 84, 86—87, 116.

„въ словахъ“ и должно назвать сокращенное изложеніе разказа Саввы искаженіемъ. Сократитель уничтожилъ въ немъ наивность и простоту разказа, которыя сообщаютъ ему своего рода художественность, тотъ особенный, если можно такъ выразиться, раскольническій букетъ, который такъ нравится знатокамъ въ нѣкоторыхъ раскольничьихъ сочиненіяхъ, и составляетъ самую характеристическую ихъ особенность. Какъ очевидецъ и ближайшій участникъ описанныхъ событій, Савва не могъ относиться къ нимъ спокойно и безпристрастно: разказъ его носитъ очевидныя слѣды предубѣжденія въ пользу своей партіи и своихъ личныхъ отношеній къ дѣлу. Но въ тоже время онъ носитъ и яркую печать современности: въ немъ какъ живые являютъ предъ нами разные лица, принимавшія участіе въ дѣлѣ, съ ихъ оригинальными рѣчами и не менѣе оригинальными обычаями и отношеніями, и особенно ясно выступаетъ личность самаго разказчика. Понятно, что въ сочиненіи такого рода важны бываютъ и самыя, повидимому, ничтожныя мелочи, и всякая передѣлка его, съ цѣлю исправленія слога, будетъ непростительнымъ искаженіемъ. Это имело и случилось съ сокращеніемъ исторіи Саввы Романова. Сократитель замѣняетъ нѣкоторыя слова подлиннаго разказа другими, которыя казались ему, какъ надобно думать, болѣе соответствующими требованіямъ историческихъ сочиненій; но между тѣмъ эти слова, во время описываемыхъ событій, совсѣмъ не находились въ обыкновенномъ употребленіи. Напримѣръ, вмѣсто *служивые люди* онъ употребляетъ *воинствѣ люди*, вмѣсто *власти*—*архіереи*, вмѣсто *святѣйшій патріархъ*, или *святѣйшій владыко*—*честный патріарше*, *великій архіерее* и т. п. Измѣненія повидимому ничтожны; но ими отнимается у разказа характеръ современности, это сейчасъ и чувствуется изъ чтеній. Точно также сократитель почелъ долгомъ измѣнить саимкомъ простыя, обиходныя слова и выраженія. Вмѣсто *отецъ Никита*, говоритъ *священникъ Никита*; вмѣсто *Васильюшко*—*Василіе*; вмѣсто: *нестатное то дѣло*, онъ выражается: *невозможно сему дѣлу состоятися*, или выраженіе: *да вѣдь ему на царей-государей не кабала эвъ взять*, онъ замѣняетъ такую, вовсе не разговорною фразой: *обаце не можеть онъ на государей письменной крѣпости о селѣ взя-*

ти. Опять ничтожныя повидимому измѣненія, но онѣ лишаютъ разказъ простоты и наивности. Тѣмъ менѣе исправитель могъ стерпѣть въ разказѣ Саввы нѣкоторыя выраженія вульгарныя и дѣйствительно не слишкомъ приличныя. Когда раскольники, подъ предводительствомъ своихъ „отцовъ“, шли въ кремль съ челобитной, то, по сокращенному разказу, народъ смотря на нихъ говорилъ: сихъ иноковъ *утробъ истонченны*, не яко нынѣшнихъ новаго закона учителей; у Саввы народъ выражается гораздо проще: *не толсты-де брюха-те у нихъ*, не какъ у нынѣшнихъ новаго закона учителей. И въ другомъ мѣстѣ: „тогда вышелъ попъ-чрево велие имый, книгу въ рукахъ держа, и рече“; у Саввы опять сказано гораздо проще: „да вышелъ попъ, брюхо велико-толсто, и сталъ говорить.“ Еще примѣръ. Савва разказываетъ, какъ вступилъ въ преніе съ раскольниками Холмогорскій епископъ Аѳанасій: „и обросился изъ кути говебный песь, Холмогорскій епископъ пустобродъ, а имя ему не въ памяти учинилося, и нача громко говорити, а рѣчей не слышать. Никита же воспрети ему: что ты, нога, выше головы ставишия? я-де не съ тобой говорю, но съ святѣйшимъ патріархомъ. И отведе его мало рукою“. Въ передѣланномъ сказаніи этотъ разказъ переданъ въ смягченныя выраженія, всѣ боже крупныя изреченія уничтожены (стр. 123). Но вѣдь онѣ и сообщаютъ соль раскольничьимъ сочиненіямъ, свой особенный, оригинальный характеръ. Возьмемъ еще куріозный разказъ о дракѣ, производившей на красномъ крыльцѣ у стрѣльцовъ и раскольниковъ съ московскими священниками, которыхъ стрѣльцы по приказанію Хованскаго „кулаками сбили съ верху“. Въ исправленномъ разказѣ о Хованскомъ замѣчено только что онъ „съ гнѣвомъ бравяше поповъ, кабацкими ярыжками нарицаѣя“; но у Саввы приведены подлинныя слова боярина, съ выраженіями болѣе крупными, правда совершенно неудобными для печати, но совершенно умѣстными въ раскольничьей рукописи, и очень хорошо характеризующими боярина Ивана Андреевича, и отношенія его, да и всѣхъ вообще бояръ того времени, къ низшему духовенству. Вообще, исправленія и перемѣны, особенно же постоянное стремленіе втиснуть въ правильную, почти періодическую форму рѣчи свободный и простой разказъ Саввы, болшею частію состоящій изъ раз-

говоровъ, встрѣчаются едва не на каждой страницѣ сокращенія. Приведемъ изъ подлиннаго сказанія одно, особенное живое мѣсто. Послѣ неудачной бесѣды Нижегородскаго митрополита съ Саввой въ крестовой палатѣ, „патріархъ (такъ разказываетъ Савва) закричалъ на митрополита и велѣлъ молчать: видитъ онъ, что неладно говорить. И митрополитъ за властей схоронился въ кутъ, да искусенько изъ за властей выглядываетъ, и Савву спозываетъ, и велѣлъ Новгородскому митрополиту спросить его имени. И онъ спросилъ его: какъ-де тебя зовутъ? И я ему оказался Васильемъ. И Нижегородской митрополитъ призвалъ стрѣльца Титова приказу, да про него же спросилъ: откуда-де сей у васъ челоѣкъ? И онъ ему сказалъ: нашего-де полка первыя сотни сотникъ. „А какъ зовутъ?“—„А зовутъ-де Васильемъ.“—„Знаю-де я его, бывалъ-де онъ у насъ, и нашъ-де онъ выкормленникъ, да нынѣ нашъ врагъ сталъ“. А новгородской митрополитъ много съ нимъ говорилъ отъ божественныхъ писаній, и говоритъ ему: я-де и самъ, Васильюшко, прежде сего много сумнѣлся о семъ дѣлѣ, и нынѣ-де во мнѣ сумнѣніе великое... И Хованскійи выборные пошли къ патріарху къ благословенію; а ревнители правовѣрью ни единый не пошелъ. Единъ лишь Павелъ пришелъ къ патріарху. Патріархъ же протянулъ руку, хочетъ благословить поновому; Павелъ же сталъ говорить: нѣтъ-де, государь святѣйшій патріархъ, будешь-де благословишь ты меня постарому, и я-де радъ отъ тебя благословеніе воспринять. Патріархъ же рекъ: когда-де будетъ время, тогда и благословлять стану постарому, а нынѣ-де еще не почалъ. И тако поидоша вонъ изъ крестовой бояринъ и выборные. Бояринъ же нача Павла во главу дѣловати: не зналъ-де я, малый, тебя до сей поры“. А вотъ какъ передается тоже самое въ сокращенномъ разказѣ. „Тогда патріархъ на архіерея крикнулъ, и велѣлъ ему молчати; архіерей же за прочихъ властей сохранился, и оттуда искусенько выглядываше, Савву познавая, и призвавъ стрѣльца Титова полка, вопросы о Саввѣ: откуда, рече, сей челоѣкъ и како зовется? Отвѣща ему онъ: нашего полка первыя сотни сотникъ, именемъ Василій. Архіерей глагола: знаю азъ его, бывалъ ивъ нашъ выкормленникъ, но нынѣ врагъ намъ сотворися. Велико-новгородскій же митрополитъ не мало съ Саввою отъ святыхъ писаній разглаголь-

отвоаямъ. Послѣди ему глагола: азъ, Василій, и самъ много прежде о семъ дѣлѣ сумнихся, и нынѣ еще во мнѣ сомнѣніе веліе... Посемъ Хованскій и выборные къ патриарху пошли на благословеніе, а содержатели благочестія не идоша; единъ токмо Павелъ пришелъ къ патриарху. Тогда онъ простеръ руку, хотя его благословити поковому. Павелъ же глагола: государь честный патриархъ, аще благословиши мя по старому, то воспріиму благословеніе отъ тебе. Патриархъ рече: когда будетъ время, тогда и благословляти буду постарому, а нынѣ еще не начахъ тако. И идоша вси изъ крестовой. Боляринъ же нача Павла во главу цѣловати, похваляя и глагола: не знахъ ты до сего времени“ (стр. 108—109). Сравнивъ оба разказа, никто конечно не усумнится назвать послѣдній совершеннымъ искаженіемъ перваго. И такое-то искаженное повѣствованіе предлагается теперь читающей публикѣ, подъ именемъ подлиннаго сочиненія Саввы Романова!

Но въ предисловіи къ новой книжкѣ не мало и другихъ диковинокъ. На какихъ нибудь пяти страничкахъ оно представляетъ такую спутанность понятій о расколѣ и столько противорѣчій, что перечислить всѣ красоты его въ этомъ родѣ было бы довольно затруднительно, еслибы только имѣлась въ этомъ какая-либо надобность. Укажемъ, впрочемъ, нѣкоторыя изъ нихъ.

Предисловіе разсуждаетъ о значеніи челобитныхъ въ исторіи раскола. И вотъ какими громкими фразами открывается это разсужденіе. „Челобитными началъ расколъ свою исторію (?): на нихъ сосредоточился весь тотъ духъ противленія преобразованіямъ Никона, который заявили въ началѣ защитники старой вѣры.“ А чрезъ нѣсколько строкъ говорится: „начиная такимъ мирнымъ, строго-обдуманнмъ путемъ (то-есть челобитными) свое дѣло, защитники старой вѣры ошиблись въ расчетахъ... Ограниченныя, умѣренныя требованія, высказанныя вначалѣ, естественнымъ образомъ должны были съ той поры принять характеръ упорнаго сопротивленія. Они его и приняли: въ посланіяхъ Аввакума духъ противоборства отгнѣнился характеромъ всеобщаго отрицанія и доведенъ до озлобленности“ (стр. 1—3). Итакъ, въ раскольничьихъ челобитныхъ сосредоточился весь духъ противленія, и въ то же время онѣ имѣютъ характеръ примирительный, характеръ спокойствія

и строгой обдуманности!.. Когда эти строго обдуманые и примирительные „адресы“ (какъ иначе называются челобитныя въ предисловіи) не достигли своей цѣли, тогда уже въ расколѣ является характеръ упорнаго сопротивленія, обнаружившійся первоначально въ посланіяхъ Аввакума. Но будто послѣ Аввакума ужь и не было челобитныхъ? Да когда же и явились важнѣйшія изъ нихъ? И развѣ не извѣстно автору предисловія, что нѣкоторыя изъ челобитныхъ составлены во время открытыхъ возстаній раскола противъ церковной и гражданской власти, и находились съ ними въ самой тѣсной внутренней связи?

А вотъ что говорится въ предисловіи о сравнительномъ характерѣ челобитныхъ. „Эти прошенія или, лучше сказать, адреса естественнымъ образомъ имѣютъ между собою *поразительное сходство*, какъ въ самой сущности изложенія, такъ равно и въ послѣдующей судьбѣ своей“. Относительно послѣдующей судьбы челобитныхъ авторъ предисловія нашелъ поразительное сходство между ними въ томъ, что „всѣ челобитныя были адресованы прямо къ самому царю Алексѣю“, и что „всѣ они были отданы царемъ на разсмотрѣніе особой комиссіи (?), извѣстной подъ именемъ московскаго собора 1666 года“. Если изъ числа челобитныхъ исключить поданную стрѣльцами, то первое замѣчаніе будетъ, пожалуй, справедливо. Но соборъ 1666 или, правильнѣе, 1667 года, разсмотрѣніемъ всѣхъ челобитныхъ совѣмъ не занимался и не имѣлъ порученія заниматься: разсмотрѣніемъ двухъ поданныхъ передъ тѣмъ царю челобитныхъ — Никиты и Лазаря, какъ всѣмъ извѣстно, было поручено заняться Симеону Полоцкому, а соборъ только разсмотрѣлъ и одобрилъ составленное Полоцкимъ опроверженіе ихъ—книгу *Жезлъ Правленія*¹. А что касается поразительнаго сходства челобитныхъ въ самой сущности изложенія, то авторъ не показалъ, въ чемъ именно состоитъ оно; напротивъ, въ концѣ предисловія онъ самъ же разсуждаетъ о различномъ ихъ характерѣ. Эти разсужденія въ свою очередь не менѣе оригинальны. Авторъ утверж-

¹ Вѣроятно еще ранѣе Полоцкаго, написалъ разборъ Никитинои челобитной извѣстный ученый Грекъ Паисій Лигаридъ. Его сочиненіе изобилуетъ тѣмъ же витійствомъ, каковымъ онъ вообще отличался, и по всей вѣроятности не осталось безъ вліянія на трудъ Семена Полоцкаго.

даетъ, впервыхъ, что челобитная Савватія „между всѣми извѣстными и предлагаемыми настоящимъ изданіемъ (будто это одно и тоже?), была первою по времени“, и что „челобитная Никиты явилась черезъ четыре года послѣ той, которая подана была Савватіемъ“, и даже служить будто бы „только дополненіемъ и въ некоторымъ подкрѣпленіемъ этой послѣдней“. Любопытно было бы знать, откуда взялъ авторъ такіа точныя указанія о времени составленія челобитныхъ. Выраженіе Савватія: „Въ прошломъ 168 году сосланъ я за то, что извѣщалъ вамъ“ и пр., не даетъ никакого основанія къ тому, чтобъ изданную теперь его челобитную считать написанною за четыре года до Никитиной; напротивъ, сколько мы знаемъ, эта послѣдняя, равно какъ челобитная Лазаря, были первыми раскольническими челобитными, по крайней мѣрѣ изъ извѣстныхъ доселѣ ¹, и назвать челобитную Никиты дополненіемъ и подкрѣпленіемъ Савватіевой значить не имѣть понятія ни о той ни о другой: такъ мало между ними общаго. Въ чемъ же, далѣе, поставляетъ авторъ отличительный характеръ извѣстныхъ ему челобитныхъ? Челобитная Савватія, по его мнѣнію, *слово за словомъ, буква за буквой отмѣчаетъ всѣ исправленія въ старыхъ книгахъ*, по временамъ давая мѣсто и догматическимъ толкованіямъ. Въ послѣднемъ отношеніи, прибавляетъ онъ, эта челобитная уступаетъ всѣмъ другимъ, но въ значеніи обличенія уклоненій въ словѣ и буквѣ, эта—единственная, и служить образцомъ всѣхъ позднѣйшихъ обличеній подобнаго рода“ (стр. 5—6). Еслибы дѣйствительно было такъ, какъ утверждаетъ авторъ предисловія, то трудъ Савватія былъ бы колоссальный и огромныхъ размѣровъ, а не ограничивался бы въ сколько-нибудь листами; напротивъ, его челобитная указы-

¹ Аввакумъ въ автобіографіи замѣчаетъ, что еще въ самомъ началѣ Никоновыхъ преобразованій, онъ, Аввакумъ, вмѣстѣ съ Давидомъ подавъ царю выпускки о сложеніи перстѣ и о поклоненіи: „много писано было, онъ же не вѣмъ гдѣ скрылъ ихъ,—взятыся Никому отдавъ“. Это и была по всей вѣроятности первая раскольничья челобитная; потому являлось ихъ не мало. Къ числу такихъ, конечно принадлежало и писаніе Савватія „о книжномъ исправленіи“. И если можно допустить, что эта первая челобитная его, за которую онъ и сосланъ, писана раньше Никитиной, то ужъ никакъ нельзя сказать о второй, которая издана теперь, и которая писана изъ сымаки.

вааетъ даже гораздо меньше измѣненій въ новыхъ книгахъ, нежели другія, для которыхъ никакимъ образомъ она не могла служить и образцомъ въ этомъ отношеніи. Несправедливо и то, что своими догматическими толкованіями она уступаетъ всѣмъ другимъ: по достоинству заключающихся въ ней богословскихъ разсужденій она не ниже, если только не выше другихъ, по крайней мѣрѣ оны въ высшей степени оригинальны. Еще лучше фантазируетъ авторъ предисловія по поводу Соловецкой челобитной. Минуя всѣ другія его замѣчанія, достаточно указать на то, что по его мнѣнію, челобитная эта „положила первую основу народнаго недовольства, направленнаго противъ иноземцевъ, которые исказятъ и превратятъ народный духъ, испортятъ и обездолятъ народные нравы и обычаи“; что она, равно какъ и другія челобитныя раскольниковъ, „ясно предвидѣла Петра съ его Нѣмцами...“ И все это говорится на томъ основаніи, что въ челобитныхъ встрѣчаются жалобы на Грековъ, пріѣзжавшихъ въ Россію, къ которымъ Никонъ обращался за совѣтами, въ своей преобразовательной дѣятельности, и которыхъ вообще раскольники признавали и признаютъ отступившими отъ православія. Конечно, и Греки иностранцы; но что общаго между ними и Нѣмцами Петра?

Съ такимъ-то знаніемъ дѣла издана въ свѣтъ и новая книжка о расколѣ. Не удивительно послѣ этого, если у насъ будутъ пользоваться успѣхомъ заграничныя изданія раскольничьихъ сочиненій, изданія, также не облачающія въ издателяхъ большаго знакомства съ расколомъ. Чтобы съ успѣхомъ противодѣйствовать этимъ послѣднимъ изданіямъ, необходимы серьезныя и обстоятельныя изданія памятниконъ богатой раскольничьей литературы, послѣ тщательнаго выбора и въ сопровожденіи основательныхъ объясненій. Такъ, что касается челобитныхъ, ихъ слѣдовало бы издать всѣ, какія извѣстны, не исключая и челобитныхъ Никиты и Лазаря¹, и издать въ хронологическомъ

¹ Кромѣ челобитныхъ Никиты, Лазаря, Савватія и Соловецкой мы имѣемъ еще челобитную инокъ Авраамія, современника и ученика Аввакумова, довольно обширную и очень любопытную. Она, также какъ и другія, обращаетъ главное вниманіе на мнимыя поврежденія въ вѣрѣ, вмененныя законовоками исправленіями; но кромѣ того обращаетъ вниманіе

порядкѣ. Тогда они составили бы дѣйствительно любопытный матеріалъ для изученія раскола, по нимъ можно было бы прослѣдить въ нѣкоторой степени его догматическую сторону и измѣненія, какимъ она подвергалась съ теченіемъ времени, что очень важно для характеристики раскола. Первые извѣстныя намъ челобитныя Никиты и Лазаря признають отступленіемъ отъ вѣры и православія самыя мелочныя и ничтожныя перемѣны въ словахъ и буквахъ старыхъ книгъ. Напечатано: *какъ дѣтораждаети* вмѣсто *какъ отроча рождаети*; *припѣвающе* вмѣсто *пѣсь* *приносице*; *Богородицу* вмѣсто *Богородице*, *въковъ* а не *въколъ*, и все это, по ихъ мнѣнію, „головная ересь.“ Достаточно для нихъ найдти въ новой книгѣ подобнаго рода перемѣну, чтобы поставить ее на видъ царю съ такимъ замѣчаніемъ: „и то, государь, напечатано аподинаріева ересь, и несторіева, и маркеллова“; или: „и то, государь, напечатано отъ различныхъ ересей, отъ аріанскія ереси, и отъ несторіевы, и отъ аподинаріевы“. Почему и какъ здѣсь соединилось столько ересей, этого они не считаютъ нужнымъ объяснять или доказывать. Все это было совершенно въ характерѣ первыхъ расколоучителей, и вполне соответствуетъ тому времени лихорадочной дѣятельности, когда противники Никона во всемъ, что онъ ни дѣлалъ, готовы были видѣть всевозможныя ереси, не будучи при томъ въ состояніи подумать, почему то или другое ересь, и вообще дать себѣ какой-либо отчетъ въ своей дѣятельности. Прошло три - четыре года, расколъ не ослабѣлъ, напротивъ утвердился глубже, но въ немъ является уже нѣкотораго рода спокойствіе, сознательность: въ Соловецкой челобитной не повторяются уже такія мелочи, какъ у Никиты и Лазаря ¹, она сходит-

и на современныя отношенія церковнаго и гражданскаго правительства къ раскольникамъ, на нѣкоторыя современныя событія въ русскомъ государствѣ, объясняя ихъ съ извѣстной точки зрѣнія и т. п. Преобладающій характеръ ея—глубокая вражда и ненависть къ церкви, и особенно къ патріарху Никону, съ которымъ Авраамій былъ землякъ, точно также, какъ протополь Аввакумъ, и котораго не любилъ столько же, какъ и этотъ послѣдній.

¹ Есть, правда, и въ Соловецкой челобитной замѣтки въ родѣ слѣдующей: „напечатали: спасе нашъ отчаянныя; а отчаянныя, государь, бѣсы именуется, а намъ до послѣдняго издыханія Христосъ Богъ нашъ отчаяться не повелѣлъ.“ Но такихъ замѣтокъ въ ней очень мало.

ся съ ними только въ повтореніи важнѣйшихъ положеній раскольничьей догматики—о персто сложеніи, крестѣ осьмиконечномъ и т. д. Еще замѣчательнѣе то обстоятельство, что въ ней ни одно положеніе не оставлено уже безъ доказательствъ, иногда хорошо подобранныхъ, и очень ловко построенныхъ, съ искусными діалектическими приѣмами. Можно было бы указать и другія стороны, съ которыхъ представляются раскольническія челобитныя любопытными памятниками. Обратимъ вниманіе только на то, какъ въ челобитныхъ между прочимъ отражались и личныя качества самихъ челобитчиковъ.

Савватій, напримѣръ, до постриженія въ монашество, былъ царскимъ дьякомъ; служилъ въ Tobольскѣ, и въ Москвѣ въ сибирскомъ приказѣ, и, какъ самъ увѣрялъ государя, служилъ усердно ¹. Въ 1660 году онъ присталъ къ раскольникамъ, и вздумалъ подать государю челобитную на справщиковъ „о книжномъ неисправленіи“. Какъ старый дьякъ, въ приказахъ посѣдѣлый, онъ въ своей челобитной вѣроятно обратилъ вниманіе главнымъ образомъ на мнимыя грамматическія ошибки справщиковъ. Царь отдалъ его челобитную на разсмотрѣніе двумъ властямъ: чудовскому и бого-явленскому архимандритамъ. Они разсмотрѣли челобитную, потолковали съ самимъ Савватіемъ, и довели, что самъ онъ пишетъ о книжномъ неисправленіи „грамматическаго дѣла неумѣючи“. Савватія сослали въ Кириловъ Бѣлозерскій монастырь. Оттуда-то и пишетъ онъ теперь другую челобитную, въ защиту противъ такого тяжкаго извѣта, будто неумѣетъ онъ грамматическаго дѣла. Онъ объясняетъ государю, что билъ ему челомъ не о грамматическомъ дѣлѣ, а извѣщалъ про то, что справщики портятъ книги, и плевели въ нихъ сѣють. Въ челобитной онъ повторяетъ это не одинъ разъ, относясь повидимому совершенно равнодушно къ грамматическому дѣлу. „Только, государь, у нихъ и отвѣту было, что грамматикою путали, говорили, неумѣючи въ богословіи и въ иномъ отвѣту дати. А по на-

¹ „Работашка къ вамъ, великому государю, не малая была моя, потому что сибирское дѣло мнѣ было за обычай, до тѣхъ мѣстъ въ Сибири и въ Москвѣ у него былъ не малое время, и зналъ въ чемъ вамъ, великому государю, поработать, а за своимъ ни за чѣмъ не ходилъ; для чего послалъ, то и дѣлалъ, убиваясь о вашемъ государствѣ, яко горяща“ (стр. 52).

шму, государь, извѣту, ничѣмъ до грамматики коснулся, да не грамматичнымъ дѣломъ вамъ, великому государю, на нихъ извѣщаль; по приказной если человекъ бывалъ, и ваше государево дѣло по своей мѣрѣ знаемъ, что къ дѣлу пристойтъ, то и говоримъ, а что къ дѣлу не пристойтъ, о томъ умолчалъ. А власти мнѣ то поставили въ невѣдѣніе, а справщиковъ въ разумъ и во оправданіе, яко грамматикою путали... Обвинили меня тѣмъ, до чего и дѣло не достало. Аще бы я и слѣда не умѣлъ грамматики, да зла никакого не сотворилъ; а справщики будто и умѣютъ грамматику, да пакости ею многія творять“ (стр. 34—35). Между тѣмъ весьма замѣтно, что въ этомъ именно пунктѣ и заключалось самое чувствительное оскорбленіе, нанесенное Савватию: онъ не могъ перенести равнодушно, что его стараго, опытнаго дьяка заподозрили въ незнаніи грамматическаго дѣла, и во всей челобитной его слышится это чувство оскорбленной чести приказнаго человека, и желаніе доказать, что оскорбленіе нанесено совершенно несправедливо. Онъ постоянно клонитъ рѣчь къ тому, что сами власти и справщики ничего не смыслятъ въ грамматикѣ. О властяхъ онъ замѣтилъ въ одномъ мѣстѣ, что имъ и „неколи умѣть довольно грамать“. А справщиковъ часто награждаетъ подобнаго рода насмѣшливыми замѣтками: „Напрасно, государь, насъ безпомощныхъ за грамматику ихъ разорять: мелка грамматика ихъ; добро грамматика, кто умѣеть ея совершенно. А съ ихъ грамматикой точно книгамъ пагубы, а людямъ соблазнъ... Гдѣ, государь, ни прибавятъ букву, или двѣ, то все не дѣломъ, точно книги портятъ... Света ихъ съ ума несовершенная ихъ грамматика!“ Съ другой стороны, онъ старается доказать, что самъ, напротивъ, обладаетъ глубокими познаніями въ грамматикѣ. Его челобитная наполнена именно грамматическими объясненіями и даже правилами, и, что особенно любопытно, эти объясненія и правила выводятся вовсе не изъ законовъ языка, а основаны на высшихъ соображеніяхъ, большею частію богословскихъ. И какъ наивны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти серьезныя разглагоудствія стараго дьяка о грамматикѣ! „Многое испортили справщики, говоритъ онъ, одною просодією оксією, кикъ отняли ее отъ предлогу и учали полагати среди рѣчи. Гдѣ глаголется: *по чину*, рекше *по уставу*, тамо просодію

оксію прежде сего полагали надъ предлогомъ, надъ *покоемъ* (п) и надъ *ономъ* (о), а нынѣ ее полагаютъ среди тое рѣчи, надъ *червями* (ч) и надъ *и:* и будетъ, якоже бѣ *починутьи* отъ трудовъ, или сна мало пріяти. А гдѣ глаголется *на родъ*, сирѣчь на козѣно, или на племя, просодию оксію прежде сего полагали тамо надъ предлогомъ же, надъ *на;* а нынѣ ея полагаютъ среди тоя рѣчи, надъ *руками* и надъ *ономъ*, и тако будетъ *народъ*, рекше множество людей, и прочая такожде... Ей, государь, и въ томъ смутился, еже просодіи превращаютъ по чужимъ пословицамъ“ (стр. 40, 41). Въ другомъ мѣстѣ онъ жалуется на справщиковъ за то, что, по примѣру Грековъ, стали писать во многихъ рѣчахъ вмѣсто слова (о) *землю* (з) и вмѣсто *земли—слово:* „Ей, государь, смутился, и книги тѣмъ портятъ: гдѣ глаголется *зъ Богомъ, зъ душою, зъ дѣвою, зъ бодаемъ, израиль,* тамо въ *земли* мѣсто *слово* полагаютъ, печатаютъ: *съ Богомъ, съ душою, съ дѣвою, съ бодаемъ.* Трудно сего и глаголати. А *израиль* въ нашемъ славенскомъ языкѣ зѣло не пригоже“. Дальше у него слѣдуетъ примѣръ еще непригоже... (стр. 36—37). Не всѣ однакоже замѣчанія Савватія такъ куріозны; есть между ними и такія, которыя обнаруживаютъ въ немъ довольно тонкую ообразительность. Въ заключеніе мы приведемъ изъ его челобитной одинъ примѣръ въ этомъ родѣ. Онъ доказываетъ, что въ новыхъ книгахъ незаконно напечатали во многихъ мѣстахъ: *былъ еси*, вмѣсто: *бывше* и *бысть*. „Въ ведѣлю 4 во пасѣ, въ синаксарѣ, было напечатано: егда обратеть Ісусъ по исцѣленіи разслабленнаго во святилици и глагола ему: се здравъ *бысть*, къ тому не согрѣшай; а нынѣ въ Синаксарѣ напечатали: се здравъ *былъ еси*, къ тому не согрѣшай, *яко бы пакы по исцѣленіи не здравъ бысть разслабленный.* А иудѣи и гаупѣ того учинили: въ славникѣ, егда первое обрѣте Ісусъ разслабленнаго при купели на одрѣ лежаща, тако же соврали, напечатали, яко глагола ему Ісусъ: возми одръ свой и ходи, се здравъ *былъ еси*, къ тому не согрѣшай. *А онъ до Христа здравъ не бывалъ, а по исцѣленіи болѣныи не бѣ...* Или прежде сего печатали отъ лица Богородицы: и дверь спасенія мірови *бысть*; а нынѣ тое же рѣчи къ лицу ея напечатали: *была еси* мірови спасеніе, *яко ѿсе бы древле спасала, а нынѣ нѣтъ.* Также, государь, истинно много въ тропарехъ и

кондакахъ печатають: *былъ еси* помощникъ, *былъ еси* заступникъ... Въ богословныхъ, государь, книгахъ пишутъ: яко *бѣше* неопредѣленная рѣчь, при Бозѣ глаголется, искиви и присносущное; а *бысть* при человекѣхъ и при ивыхъ тварехъ, отвелѣжь наста что, — обаче отъ начатка и то присносущное; а *былъ еси* всегда глаголется мимощедшее, яко здѣ или идѣ *былъ*... Непшуютъ себѣ, яко по грамматикѣ, втораго ради лица, за *бѣше* и за *бысть* удобно глаголати *былъ еси* и *бывалъ еси*: и грамматика въ сихъ не потреба“ (стр. 25—27).

Н. С—НЪ.

ДА, ИЛИ НѢТЬ?

По поводу статьи Н. П. Семенова, *Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи*, помѣщенной въ № 8 *Русскаго Вѣстника*, за 1862 годъ.

Когда любишь — такъ скажи
Когда не любишь — откажи.
(Народная пѣсня.)

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ членовъ бывшихъ редакціонныхъ комиссій Ю. Ф. Самаринъ, помѣстилъ въ журналъ *Сельское Благоустройство* статью подъ названіемъ „Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи.“ Статья г. Самарина не обнаруживаетъ никакихъ постороннихъ тенденцій, не страдаетъ ни отъ славянофильской терминологіи, ни отъ гоньбы за эффективными оборотами доказательствъ, но относится къ вопросу здраво и безпристрастно и обнаруживаетъ тщательное изученіе разсматриваемыхъ фактовъ. Трудъ г. Самарина начинается весьма подробнымъ сравненіемъ между крѣпостною зависимою въ Пруссіи и крѣпостнымъ правомъ въ Россіи, то-есть заключаетъ въ себѣ именно то, чему другой членъ редакціонныхъ комиссій, г. Семеновъ, посвящаетъ въ настоящее время особую статью. Что же это значитъ? Можетъ-быть, г. Семеновъ нашелъ въ статьѣ г. Самарина неискренности, пропуски, или не согласенъ съ его взглядомъ, и старается, хотя нѣсколько и

поздно, просвѣтить почтенѣйшую публику. Лучше поздно нежели никогда, и публика должна за такое ретроспективное вразумленіе, и въ особенности за обращеніе къ печатной гласности, благодарить бывшаго дѣятеля редакціонныхъ комиссій, не пренебрегающаго подѣлиться своими мыслями съ людьми не посвященными, а можетъ-быть даже и расположеннаго выслушать ихъ возраженія. Но г. Семеновъ во всемъ согласенъ съ г. Самаринымъ, и сѣдуетъ за нимъ какъ одинъ ударъ маятника за другимъ, какъ дымъ за выстрѣломъ, какъ хвостъ за кометою, и, да не осердится на насъ г. Семеновъ! какъ Санчо-Панчо за Донъ-Кихотомъ. Онъ не только не опровергаетъ его, но на словахъ его основываетъ всѣ свои свѣдѣнія о ходѣ крестьянскаго дѣла въ Пруссіи, и даже не вполнѣ пользуется тѣмъ что въ статьѣ г. Самарина дѣйствительно очень хорошо разработано. Мы возвратимся еще къ тѣмъ мѣстамъ этой статьи, которыя заслуживаютъ быть приведенными на память, но теперь зададимъ себѣ вопросъ, для чего же писалъ г. Семеновъ свою параллель освобожденія крестьянъ въ Россіи и въ Пруссіи? Между прусскою системою и нашею нѣтъ никакого сходства, тогда какъ онъ нашелъ бы большое сходство между нашимъ Положеніемъ о крестьянахъ и тѣмъ, которое было введено графомъ Киселевымъ въ Молдавію, и которое такъ справедливо оцѣнено Я. А. Соловьевымъ въ его интересной статьѣ „О поземельномъ владѣніи въ Россіи“ помѣщенной въ *Отечественныхъ Запискахъ* 1858 года. Освобожденіе крестьянъ въ Пруссіи шло путемъ медленнымъ, запутаннымъ, со множествомъ переходныхъ періодовъ; узаконенія, касавшіяся этого предмета, выходили въ разное время, и тѣмъ затрудняли развязку, которую, благодаря нѣмецкому регулированію, и до сихъ поръ нельзя еще назвать совершенно оконченною, между тѣмъ какъ у насъ дѣло разрѣшено однимъ смѣлымъ и твердымъ ударомъ. Можетъ-быть г. Семеновъ хотѣлъ выставить преимущество принятой у насъ системы? Въ такомъ случаѣ, онъ былъ бы совершенно правъ, и мы сказали бы ему самое искреннее спасибо; но онъ этого не сдѣлалъ, имѣя или не имѣя на то причины. Во всякомъ случаѣ такова была его свободная воля, и мы не вправѣ осуждать его.

Если однако въ статьѣ, предназначенной по заглавію для

сравненія, вѣтъ этого сравненія, то невольно приходитъ въ голову, не было ли тутъ другаго умысла.

Г. Семеновъ не юный нигилистъ, котораго волнуетъ капля яду, не крѣпостникъ-помѣщикъ, который радуется виду има свое въ печати; онъ человѣкъ письменный и дѣловой, слѣдовательно знаетъ, что пишетъ и что дѣлаетъ, и ужъ наша будетъ вина, если мы не сумѣемъ поваять значенія его словъ и не будемъ въ силахъ разъяснить цѣль его статьи.

Итакъ, потрудимся, посмотримъ повнимательнѣе, прочтемъ и перечтемъ статью нѣсколько разъ: можетъ-быть намъ, простодушнымъ, и удастся разрѣшить вопросъ, для чего она написана. Случается часто, что текстъ какой-нибудь обязательной академической рѣчи не представляетъ ничего особеннаго, означаетъ мысли неоспоримыя, факты почти всѣмъ извѣстные, и потому кажется безцѣльнымъ и безцвѣтнымъ, между тѣмъ какъ глубина учености, новыя наблюденія, тонкія замѣчанія, всѣ сокровища ума и знанія закупаются въ примѣчаніяхъ и дополненіяхъ, которыми обыкновенно пренебрегаютъ поверхностные читатели. То же самое можетъ встрѣтиться и въ журнальной статьѣ: итакъ пересмотримъ всѣ примѣчанія, чтобы не оставить у себя на совѣсти ни малѣйшаго упрека. Два первые изъ нихъ — только указанія на, статьи гг. Самарина и Бѣлаева; но третье не лишено интереса, и мы выписываемъ его вполнѣ съ дипломатическою точностію:

„Изъ правъ принадлежащихъ дворянскому сословію въ Россіи, говоритъ г. Семеновъ, *исключительнымъ* было одно: *власть крѣпостными людьми*; ово упразднилось съ ихъ освобожденіемъ; затѣмъ а) *право вступать въ государственную службу* дворянство раздѣляетъ съ купеческимъ сословіемъ (53 ст. III т. Св. Зак. изд. 1857 г.) и притомъ лицамъ всѣхъ другихъ сословіи открыть, посредствомъ образованія въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, входъ въ сословіе дворянъ, съ пріобрѣтеніемъ чина или знака отачія; б) *право выборовъ* принадлежить, по нашимъ законамъ, въ разныхъ степеняхъ, всѣмъ сословіямъ, и каждое имѣетъ свои отдѣльные выборы; в) *право изытія отъ телесныхъ наказаній*, по состоянію, распространяется у насъ и на другія сословія, до купцовъ первыхъ двухъ гильдій включительно (приложеніе къ 19 ст. XV т. Св. Зак.), и сверхъ того

многія другія лица подлежатъ особо этому изъятію; наконецъ г) *право не считается въ подушномъ окладѣ дворянство раздѣляетъ съ сословіемъ почетныхъ гражданъ* (601 ст. IX т. Св. Зак.). Итакъ руское дворянство не имѣетъ вывѣ ни одного исключительнаго права, а пользуется равными правами всѣхъ другихъ сословій въ государствѣ.

Мы сдѣлали эту длинную выписку для того чтобы показать, что мы вполне согласны, какъ съ вѣрностью приводимыхъ въ ней фактовъ, такъ и съ основательностію выведеннаго изъ нихъ заключенія. Итакъ, по мнѣнію г. Семёнова, наше дворянство есть только почетное названіе; оно не пользуется никакими исключительными правами, которыя могли бы возбуждать зависть къ нему въ другихъ сословіяхъ, не подвергается той опасности застою и внутренней порчи, которая угрожаетъ каждому замкнутому кружку, какъ бы обширенъ онъ ни былъ; словомъ сказать, со дня отміны крѣпостнаго права, наше дворянство въ сущности перестало быть классомъ привилегированнымъ, и есть только высшій слой общества, который всегда самъ собою отдѣляется отъ массы, несмотря ни на какое провозглашеніе равенства, и къ которому всегда примыкаютъ всѣ обладающіе богатствомъ, знаніемъ, талантомъ, властію и проч. Если у насъ въ Россіи, классъ занимающійся торговлею и промышленностію не сближался съ дворянскимъ слоемъ общества, то причиною тому была вовсе не гордость или исключительность этого слоя, но собственная грубость и такъ-сказать безграмотность того класса, о которомъ мы говоримъ. Во всѣхъ же случаяхъ, когда образованіе не проводило между ними рѣзкой черты, мы напротивъ того видѣли и видимъ весьма легкое сближеніе. Такъ бывало даже при существованіи крѣпостнаго права, на основаніи котораго дворянство было сословіемъ привилегированнымъ. Эта привилегированность не дѣлала нашего дворянства ни классомъ исключительнымъ, ни классомъ замкнутымъ. Въ доказательство стоить только взять списокъ дворянъ, или войти въ залъ дворянства любой губерніи, чтобъ увидѣть, какъ легко былъ доступъ въ это сословіе. Самое законодательство сохранило объ этомъ фактѣ весьма знаменательное свидѣтельство. Въ статьѣ 209-й IX т. Св. Зак. сказано: „уволеннымъ изъ крѣпостнаго состоянія и возведеннымъ въ дворянское достоинство,

равно и потомкамъ ихъ до третьяго поколѣнія, запрещается приобретать-чрезъ куплю, дареніе, или инымъ какимъ-либо образомъ населенныя имѣнія, въ коихъ они сами, или отцы, или дѣды ихъ по отцу, были записаны по ревизіямъ, а также и крѣпостныхъ людей безъ земли, когда сіи люди приписаны, или были приписаны къ тѣмъ населеннымъ имѣніямъ.“ Еслибы подобный случай былъ не только невозможнымъ, но даже слишкомъ рѣдкимъ явленіемъ, то конечно для предупрежденія его не было бы издано общаго закона. Притомъ нельзя не обратить вниманія и на то обстоятельство, что мотивъ этого постановленія совершенно не таковъ, какимъ онъ можетъ показаться съ перваго взгляда; цѣлю закона было не стѣснить права новыхъ людей среди дворянскаго сословія, ибо имъ не запрещалось покупать всякія другія населенныя имѣнія, но только охратить прочіихъ лицъ крѣпостнаго состоянія записанныхъ съ ними въ одной ревизской сказкѣ, и не подвергнуть ихъ необходимости признать своимъ господиномъ прежняго товарища по рабству.

Если доступъ въ бывшее привилегированное дворянское сословіе былъ легокъ, то и лишеніе этой привилегіи, хотя не въ юридическомъ, то въ фактическомъ смыслѣ, то-есть на самомъ дѣлѣ, было чрезвычайно легко, и встрѣчалось безпрерывно. Дворянинъ, который не владѣлъ населеннымъ имѣніемъ, не пользовался этою привилегіей *de facto*,— а такихъ дворянъ было весьма много, едва ли не болѣе чѣмъ пользовавшихся ею; и прочимъ дворянамъ попасть въ ихъ разрядъ было весьма не трудно: стоило только просрочить уплату въ опекурскій совѣтъ. Вспомнимъ о множествѣ селеній состоявшихъ изъ дворянъ, объ учебныхъ карабинерныхъ полкахъ, гдѣ между рядовыми было двѣ трети потомственныхъ дворянъ, которые уже конечно не могли возбудить зависти своими привилегіями, и т. д.

Впрочемъ, все это дѣла давно минувшихъ дней, кото, мы перейдутъ скоро въ область исторіи. Для насъ важно выяснить настоящее положеніе дворянства среди другихъ сословій, и понять настоящее его значеніе. Г. Семеновъ дѣлаетъ заключеніе, что дворянство не есть теперь сословіе привилегированное, то-есть не имѣетъ никакихъ особенныхъ юридическихъ преимуществъ или исключительныхъ

политическихъ правъ. Мы уже выразили наше согласіе съ этимъ заключеніемъ, и повторяемъ теперь, что мы столько съ нимъ согласны, но даже болѣе чѣмъ согласны.

Намъ могутъ возразить, что дворяне, хотя и не имѣютъ какъ справедливо замѣтилъ г. Семеновъ, никакихъ особенныхъ личныхъ привилегій, однако пользуются нѣкоторыми, привилегіями по имуществу, то-есть какъ помѣщики. Дѣйствительно, только одни потомственные дворяне имѣютъ право покупать населенныя имѣнія, то-есть совокупность земель, предоставленныхъ въ собственное пользованіе крестьянъ, а равно и тѣхъ, которыя находятся въ распоряженіи ихъ по отношенію къ тому способу пользованія, какой они укажутъ помѣщику, то-есть захотятъ ли они сами обрабатывать эти поля на счетъ помѣщика по урочному положенію, или перейдя на денежную повинность, позволить ему дѣйствительно распорядиться этими землями, какъ онъ самъ пожелаетъ. Во всякомъ случаѣ, эта привилегія должна быть точнѣе выражена слѣдующимъ образомъ: помѣщикъ не имѣетъ права продать повинности съ угодій отдѣленныхъ отъ его помѣстья въ пользованіе крестьянъ, ни остальной части этого помѣстья находящейся по буквѣ закона въ полномъ его распоряженіи, тому покупателю, который предложитъ за нихъ наибольшую цѣну, если этотъ покупатель не записанъ въ дворянскую родословную книгу. Намъ кажется, что подобная привилегія очень походитъ на сервитутъ или на ограниченіе имущественныхъ правъ.

Мы сказали, что мы болѣе нежели согласны съ г. Семеновымъ въ его взглядѣ на личные права дворянства. Объяснимъ это нарѣчіе *болѣе*. Сейчасъ отдѣльное нами указаніе на ограниченіе имущественныхъ правъ отчасти уже объясняетъ нашу мысль; но мы можемъ указать и на ограниченіе правъ личныхъ, которое упустилъ изъ виду г. Семеновъ. Сказавъ, что „русское дворянство не имѣетъ ни одного исключительнаго права, а пользуется разными правами всѣхъ другихъ сословій въ государствѣ“, онъ впалъ въ маленькую неточность,—именно, вмѣсто эпитета *разными*, слѣдовало сказать *нѣкоторыми* правами всѣхъ другихъ сословій въ государствѣ. Такъ напримѣръ, дворяне не имѣли права наниматься въ рекруты, въ то время когда г. Семеновъ писалъ свою статью, и это право дано имъ въ послѣдствіи манифестомъ о послѣднемъ рекрутскомъ наборѣ;

дворяне и теперь не имѣютъ права посылать, подобно государственнымъ крестьянамъ, мѣщанамъ, купцамъ, военнымъ, духовнымъ и ученымъ, депутатовъ при производствѣ сѣдствія надъ членами своего сословія; наконецъ, личная поголовная служба обязательна для дворянъ, потому что право участвовать въ дѣлахъ, или имѣть голосъ въ постановленіяхъ дворянскаго собранія, принадлежитъ дворянину лишь въ такомъ случаѣ, *когда онъ имѣетъ по крайней мѣрѣ чинъ четырнадцатаго класса, полученный во время действительной службы, а не при опредѣленіи въ оную или при отставкѣ.* (Св. Зак. т. III, кн. II, ст. 34, пунктъ 4-й), тогда какъ члены всѣхъ другихъ сословій имѣютъ право голоса въ своихъ совѣщаніяхъ и выборахъ безъ предварительнаго очищенія себя службою. На основаніи этого ограниченія сѣдowało бы дворянскія собранія называть собраніями офицеровъ и чиновниковъ изъ дворянъ имѣющихъ недвижимую собственность.

Если съ отмѣною крѣпостнаго права, дворянство не только, какъ справедливо замѣтилъ г. Семеновъ, утратило свои привилегіи, но еще осталось при старыхъ и новыхъ сервитутахъ, то какое же значеніе имѣютъ тѣ многорѣчивыя воззванія нѣкоторыхъ литераторовъ, — *и не однихъ литераторовъ*, — чтобы дворяне отказались отъ своихъ правъ, стали среди народа, подали ему руку, сблизились съ народомъ и пр.? — Требованіе сближенія съ народомъ въ славянофильскомъ смыслѣ относится не къ однимъ дворянамъ; но обращеніе этого требованія къ дворянамъ въ смыслѣ отреченія отъ какихъ-то привилегій есть чистая бессмыслица, ибо единственная личная привилегія, которою они могутъ пожертвовать, есть право изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, но и это великодушіе повело бы къ полному всеобщему равенству лишь въ такомъ случаѣ, если бы другія сословія и званія, пользующіяся такимъ же изъятіемъ, согласились отъ него отказаться, на что они вѣроятно не согласятся, и къ чему по крайней мѣрѣ еще ни кто не приглашалъ ихъ. Попытка разыграть у насъ комедію версальской ночи 4-го августа 1789 года, есть затѣя чисто ребяческая, указывающая лишь на несостоятельность и незрѣлость образованія.

Во всякомъ случаѣ, составляло ли дворянство въ прежнее время исключительно привилегированное сословіе или

нѣтъ, — споръ объ этомъ не можетъ теперь имѣть практическаго значенія, хотя и не лишень въ некоторой степени теоретической занимательности. Извѣстно, что враги привилегій были вмѣстѣ съ тѣмъ и врагами дворянства, ибо видѣли въ немъ обладателей, хотя и не замкнутыхъ въ тѣсный и недоступный кружокъ, одной изъ самыхъ ненавистныхъ и самыхъ губительныхъ привилегій, — права одного человѣка располагать по произволу личностію и имуществомъ другаго для достиженія своихъ матеріальныхъ выгодъ. Негодованіе, возбужденное этимъ правомъ не всегда было разборчиво, не различало того способа, которымъ многія лица пользовались, или вѣрнѣе сказать почти не пользовались этимъ правомъ, смѣшивало хорошія побужденія съ дурными, доброту и умѣренность съ алчностью и жестокостію, пожертвованія съ корыстолюбіемъ и т. д.; но мы должны извинить людямъ, которые уважались этимъ благороднымъ негодованіемъ, всѣ ихъ ошибки, ибо онѣ происходили изъ чистаго и высокаго побужденія содѣйствовать прекращенію крѣпостнаго права. Много не справедливаго было высказываемо противъ дворянства на словахъ и на бумагахъ, но всѣ эти несправедливости, даже всѣ пристрастныя сужденія, можно и должно простить изъ уваженія къ горячему чувству человѣколюбія, къ высокому стремленію возстановить человѣческія права для десяти милліоновъ людей, и обратить ихъ изъ полуневольниковъ въ полноправныхъ гражданъ. Слова и дѣйствія противниковъ дворянства имѣли въ то время смыслъ и вели къ достойной цѣли. Какое же значеніе могутъ имѣть они теперь, когда, по справедливому заключенію г. Семенова, дворянство перестало быть привилегированнымъ сословіемъ? Очевидно, или никакого, или какое-нибудь особенное, основанное не на логическихъ выводахъ, или человѣколюбивыхъ чувствахъ, но на тенденціяхъ совершенно непонятныхъ. Извѣстно, что иные господа, особенно изъ Французовъ, часто называютъ хорошую квартиру, тонкое бѣлье, мягкую мебель, собственный экипажъ и проч. привилегією, и стараются устроить такъ чтобы никто этой привилегіи не имѣлъ. Существуютъ цѣлыя политическія теоріи, теперь правда уже устарѣлыя, о томъ, какимъ способомъ можно сдѣлать, чтобы никто этой привилегіи не имѣлъ, — никто, разумѣется, кромѣ руководителей въ ихъ примѣненіи. Мы съ своей

стороны желаемъ, чтобъ удобства жизни все болѣе и болѣе распространялись на всѣ слои общества, но никакъ не думаемъ, чтобъ они для всѣхъ могли принять одинаковую форму. Для крестьянина, привыкшаго ходить въ лаптяхъ, толстые смазанные дегтемъ сапоги составляютъ, безъ сомнѣнiя, большое удобство, но едва ли они покажутся удобными для того, кто привыкъ носить Пелевскiя ботинки, которыя въ свою очередь показали бы крестьянину крайне неудобными. Примеровъ можно привести безчисленное множество, и всѣ они поведутъ къ подтвержденiю лишь той истины, что между отрицанiемъ исключительныхъ привилегiй и стремленiемъ къ дикому равенству—дѣлая бездну; и тѣ, которые въ настоящее время ратуютъ противъ дворянства, или простодушно не замѣчаютъ этой бездны, или коварно притворяются что не видятъ ея. Полагаемъ, что г. Семеновъ не принадлежитъ къ числу ни тѣхъ, ни другихъ.

Выразимъ мысль вашу короткими словами: мы признаемъ и цѣнимъ выше всего равноправность, но отвергаемъ равенство, какъ источникъ обмана, вражды и насилiй. Ты былъ аристократъ, говорилъ Фуке Тенвиль, слѣдовательно ты виноватъ; ты пользовался крѣпостнымъ правомъ, ты помѣщикъ, говорятъ нѣкоторые бюрократы, слѣдовательно жалоба твоя несправедлива. Подобныя рѣшенiя ведутъ конечно къ равенству; но ведутъ ли они къ равноправности, —это другое дѣло.

Крѣмъ сознательныхъ ревнителей безусловнаго равенства, которые желали бы срѣзать все что нѣсколько выдается надъ массою, есть много людей не столь дикихъ и кровожадныхъ, которые продолжаютъ говорить и дѣйствовать противъ дворянства, вслѣдствiе принятаго однажды направленiя, подъ влiянiемъ рутины, и по непривычкѣ судить своимъ собственнымъ разсудкомъ объ общественныхъ вопросахъ и о потребностяхъ настоящаго времени. Ихъ можно сравнить съ тѣмъ усерднымъ, но не совершенно трезвымъ музыкантомъ, который, не обращая вниманiя на знаки капельмейстера, что концертъ оконченъ, продолжалъ гудѣть на контрабасѣ, и извинялся тѣмъ, что инструментъ большой, силу забралъ, и остановиться невозможно. Дѣйствительно, бывають случаи, что противъ воли артиста инструментъ забираетъ силу, и во всякомъ дѣлѣ остановиться вовремя не маловажная заслуга.

До сихъ поръ мы говорили только о тѣхъ сужденіяхъ которыя относились къ личнымъ правамъ нашего дворянства; намъ остается анализировать тѣ мнѣнія, которыя вызываются его экономическимъ положеніемъ. Извѣстно, что дворянство заключаетъ въ себѣ большинство, и при томъ огромное большинство личныхъ поземельныхъ собственниковъ. Другія сословія могутъ также владѣть землею какъ полною личною собственностію, и дѣйствительно ею владѣютъ, но число такихъ собственниковъ, по отношенію къ числу собственниковъ дворянъ, весьма еще не значительно, и вотъ почему нападеніе на собственниковъ вообще, и на самый принципъ собственности, возможны подъ личиною нападенія на дворянство и на такъ-называемыхъ помѣщиковъ. Отражать такого рода нападенія довольно трудно, потому что нападающій никогда вполнѣ не высказывается, и слова его служатъ ему только какъ бы фальшивою демонстраціей. Съ какою бы ясностію и убѣдительностію вы ни опровергали эти слова, онъ самъ, и люди раздѣляющіе его образъ мыслей, не только не признаютъ себя побѣжденными, но еще подсмѣиваются надъ вами, что вы такъ серьезно хлопчете доказать неосновательность того, что они говорили только для виду и едва ли не для шутки. Основной своей мысли они никогда не высказываютъ, почитаютъ ее неопровержимой истиной, непонятною для людей стараго вѣка, и какъ бы не желаютъ профанировать ее передъ людьми непосвященными. Если вы въ спорѣ съ ними сами отыщете ключъ ихъ позиціи, и не развлекаясь выставляемыми противъ васъ мелкими софизмами, поведете ваше нападеніе на самое основаніе ихъ системы, тогда на этотъ случай у нихъ готова отговорка: мы-де связаны матеріальными препятствіями, не можемъ говорить вполнѣ того что думаемъ; но еслибъ эти препятствія были устранены, еслибы мы свободно могли высказаться, то мы сообщили бы вамъ такія новыя и высокія истины, что вы развѣ только по тупоумію или по упрямству не покорились бы нашей системѣ. Секретъ этой новой системы давнымъ-давно извѣстенъ; лѣтъ двадцать пять тому назадъ, онъ прошелъ по всемъ французскимъ газетамъ; изложенъ въ тысячи заборныхъ брошюръ и многотомныхъ писаній, съ діалектическою ловкостію выставленъ на удивленіе зѣвакъ въ извѣстномъ

сочиненіи г. Прудона о собственности, которое, въ своей очередь, есть не иное что какъ переработка старой книги Брассо, носившей то же самое *пикантное* названіе. Въ короткой журнальной статьѣ мы конечно не пустимся въ опроверженіе этой извѣстной системы; но мы должны сказать о ней нѣсколько словъ по отношенію къ предмету насъ занимающему. Всѣ публицисты и даже философы прежняго времени принимали собственность за основное, неизбѣжное условіе общественной жизни, а потому и не трудились ни надъ изсаждованіемъ принципа собственности, ни надъ составленіемъ точнаго и строгаго ея опредѣленія. Прудонъ замѣтилъ этотъ промахъ, или лучше сказать, эту небрежность, и выписавъ всѣ опредѣленія права собственности какія могъ собрать, рѣзко выставилъ ихъ діалектическіе недостатки. Любители новизны съ восторгомъ подхватили его слова, и украшались его фразами какъ нарядомъ новѣйшаго фасона; социалисты и агитаторы, съ которыми однако Прудонъ не вполнѣ сходился, поняли выгоду, которую они могутъ извлечь изъ подобнаго сочиненія. Такимъ образомъ составила и разросся тотъ говоръ, въ которомъ и заключается вся слава Прудона. Что касается до насъ, то мы, нисколько не увлекаясь этою мнимою славой, признаемъ за Прудонъ весьма важную заслугу, которая гораздо важнѣе его минутной славы, именно ту, что онъ своими нападеніями на опредѣленія права собственности, заставилъ основательно пересмотрѣть эти опредѣленія, выбросить изъ нихъ все постороннее и случайное, и такимъ образомъ отыскать дѣйствительное основаніе этого права и выяснитъ необходимость его въ общественной жизни. Вся сила Прудона заключается въ теоретической діалектикѣ; что же касается до практическихъ выводовъ и примѣненій, то ихъ несостоятельность вполнѣ сознается и послѣдователями Прудона, по крайней мѣрѣ тѣми, которые посеріознѣе, и они-то всѣми силами стараются замаскировать тѣ выходы, которыя иногда позволяетъ себѣ ихъ своеправный учитель. Наши доморощенные прудонисты не взяли себѣ этого въ толкъ, и такъ какъ теоретическая сторона скучна, то они обращаются къ сторонѣ практическихъ примѣненій, не замѣчая, что это-то и есть именно та слабая сторона, отъ которой и самъ Прудонъ, и

сколько-нибудь мыслящіе послѣдователи его готовы отказаться, и о которой самое напоминаніе тяжело и непріятно для нихъ. Мы конечно не можемъ пускаться здѣсь въ разборъ и опроверженіе Прудовыхъ софизмовъ противъ права собственности, да и не находимъ въ томъ нужды. Право собственности не есть только право; оно неизбежное условіе человѣческаго общественнаго быта, какъ тяготѣніе есть неизбежное условіе міра физическаго. Ньютонъ нашелъ, но не предписалъ закона тяготѣнія; такъ точно и законодатели выражаютъ и обставляиваютъ извѣстными формами право собственности, но не могутъ ни создать его, ни уничтожить. Если при постройкѣ зданія, моста, или при сооруженіи какой-нибудь значительной машины, вы недостаточно разочтете дѣйствіе тяжести, и позволите себѣ распорядиться вопреки ея закону, ваше зданіе рано или поздно покосится или вовсе разрушится, и машина ваша не пойдетъ въ дѣйствіе; если, при опредѣленіи гражданскихъ отношеній положительнымъ законодательствомъ, вы не примете въ надлежащее соображеніе законъ собственности, то рано или поздно въ живомъ организмѣ гражданского общества откроются язвы, изцѣленіе которыхъ будетъ или крайне затруднительно или даже вовсе невозможно. Въ этомъ случаѣ, останется только не примѣнять произвольнаго закона на практикѣ, и это еще будетъ самымъ лучшимъ исходомъ; но такой исходъ возможенъ только при условіи молодости и свѣжести силъ народныхъ, хотя и тутъ болѣзненные признаки будутъ неизбежны, и самыя силы потратятся напрасно въ бесполезной борьбѣ, которую такъ легко было бы предотвратить, не дѣлая законодательныхъ усилій достигъ невозможнаго. Вотъ все что мы скажемъ пока противъ отрицателей права собственности, чтобы показать какъ мы смотримъ на ихъ теорію,—и насъ конечно не упрекнутъ въ противорѣчій, если мы прибавимъ, что, не смотря на всю несостоятельность принципа отрицанія собственности вообще и личной поземельной собственности въ особенности, принципа этого, по нашему мнѣнію, презирать не должно, потому что онъ представляетъ повѣрку многихъ частныхъ положеній постановленныхъ ошибочно, и какъ всякое отрицаніе служить къ отрезыванію отъ заносчивыхъ выводовъ, обуздываетъ слишкомъ пылкое воображеніе, возвращая его на путь логическаго процесса, и

во всякомъ случаѣ занимаетъ въ наукѣ безполезное мѣсто. Убѣжденій насиловать не должно, и если вы проникнуты извѣстными убѣжденіями, то не хитрите, не прикидывайтесь то филантропомъ, то народолюбцемъ, то государственнымъ мужемъ, а назовите себя просто агентомъ какихъ-нибудь прельстившихъ васъ доктринъ, и тогда въ вашихъ рѣчахъ будетъ по крайней мѣрѣ вѣрная послѣдовательность. Вы не встрѣтите въ настоящее время матеріальнаго препятствія къ выраженію вашего согласія и сочувствія съ самыми парадоксальными теоріями; но прикинетесь же ими, и сознавайте ясно какого символа вѣры вы держитесь. А чтобъ уважить вашъ символъ, даже не соглашаясь съ нимъ, необходимо видѣть его передъ собою вполнѣ, въ настоящемъ его костюмѣ, а не въ формѣ гауленій, литературнаго казачества, не въ формѣ романтическихъ сценъ изобрѣтаемыхъ не знающими дѣйствительной жизни любителями эффектовъ, не въ формѣ недобросовѣстнаго поклоненія мудрости крестьянскихъ сходокъ и одобренія общиннаго землевладѣнія съ его передѣлами, потому только что оно заключаетъ въ себѣ отрицаніе личной собственности; еще менѣе того въ формѣ мелкихъ канцелярскихъ интригъ противъ охраненія поземельной собственности отъ захвата, отъ поврежденій, отъ погравъ и порубокъ, противъ установленія практическихъ правилъ о размежеваніи, о наймѣ рабочихъ, или въ формѣ уклоненія отъ исполненія своихъ обязанностей нѣкоторыми мировыми посредниками, или одностороннихъ рѣшеній постановляемыхъ нѣкоторыми губернскими присутствіями. Если вы хотите, чтобъ уважали ваши убѣжденія, то прежде всего уважайте ихъ сами, и не занимайте общественныхъ должностей предназначенныхъ для поддержанія начала, вами не признаваемаго, не торгуйте своею совѣстью изъ-за власти, изъ побужденій личнаго мщенія, или изъ-за дѣтскаго желанія заслужить одобреніе петербургскихъ литературныхъ, и не однихъ литературныхъ, вигилантовъ: поступая такъ какъ вы поступаете, вы похожи на магометанскаго муллу, который пошелъ бы въ католическіе священники, оставаясь въ то же время мусульманиномъ.

Намъ могутъ возразить, что люди проникнутые убѣжденіемъ въ справедливости признаваемаго ими начала стараются проводить его всѣми средствами. Вотъ въ этомъ-то

и заблужденіе! Никогда человекъ, имѣющій дѣйствительно глубокое убѣжденіе, следовательно человекъ честный, не станетъ ни себя унижать, ни оскорблять достоинства того что онъ признаетъ истиннымъ, прибѣгая къ обману и къ такимъ средствамъ, въ которыхъ нельзя сознаться открыто честному человекъ. Никогда добрая цѣль не достигалась дурными средствами, и лучшій пробный камень для всякаго политическаго ученія есть выборъ того способа, которымъ оно можетъ быть приведено въ исполненіе. Кто стыдится названія коммуниста, а между тѣмъ старается въ тихомолку разными побочными мѣрами нарушать и ослаблять право собственности, тотъ, безъ сомнѣнія, поступаетъ очень дурно. Средины тутъ быть не можетъ: должно или признавать право собственности и охранять его, или не признавать, и отказаться отъ дѣятельности при такомъ общественномъ порядкѣ, который можетъ держаться лишь на твердомъ основаніи этого права. Между этими двумя крайностями остается мѣсто только для воровства и мошенничества, и въ общемъ ходѣ дѣла—совершенно все равно, для себя ли кто воруетъ носовые платки или для своихъ пріятелей, или для лицъ имъ покровительствуемыхъ.

Мы позволили себѣ это длинное отступленіе, потому что колеблющіяся понятія объ обязанностяхъ лицъ, черезъ которыхъ совершается на практикѣ разрѣшеніе крестьянскаго вопроса въ настоящее время, значительно задерживаютъ успѣхъ дѣла, и въ особенности вредятъ крестьянскому сословію. Вопреки всѣмъ возгласамъ крѣпостниковъ и алармистовъ, примѣненіе Положеній на практикѣ идетъ довольно быстро и безъ тѣхъ явленій, которыми хотѣли напугать наше общество господа надѣявшіеся удержать крѣпостное право. Нѣтъ однако сомнѣнія, что эта реформа совершалась бы не только несравненно быстрѣе, но и несравненно выгоднѣе для обѣихъ сторонъ, еслибы лица, увлекаемая посторонними соображеніями, источникъ которыхъ мы старались объяснить выше, держались твердо смысла закона, и при исполненіи своихъ обязанностей не вносили въ столь важное дѣло шаткости и неопредѣленности, и въ однихъ не возбуждали неосновательныхъ и невозможныхъ надеждъ, а въ другихъ, къ сожаелію, не всегда неосновательныхъ опасеній. Поселяя такимъ образомъ взаимное недовѣріе, они особенно вредятъ крестьянамъ, сбиваютъ ихъ съ толку до такой

степени, что тѣ часто отказываются отъ очевидныхъ выгодъ, чтобы не лишиться какихъ-то невозможныхъ будущихъ благъ.

Кромѣ того, проведеніе тенденцій противъ права собственности опасно въ настоящую минуту по отношенію къ ожидаемому всеобщему преобразованію судоустройства. Если будущіе судьи будутъ также настроены какъ и тѣ лица, о которыхъ мы говорили, то послѣдствія будутъ несравненно обширнѣе нежели отнятіе у много помѣщика нѣсколькихъ десятинъ земли, или лишеніе его нѣсколькихъ рублей оброка. Крестьянская реформа кончится, и матеріальные интересы придутъ сами собой въ равновѣсіе; но если въ судебную практику, воля цѣль которой есть поддержаніе права собственности, проникнуть неблагоприятныя этому праву тенденціи, то вся экономическая дѣятельность будетъ парализована, и зло это отзовется общимъ разслабленіемъ всѣхъ силъ государства.

Возвратимся однако къ статьѣ г. Семенова. Въ ней есть много ученыхъ соображеній объ *экспроприации, традиціи, Литовско-польской статутѣ, правѣ угодій, сервитутахъ*, и вообще она обнаруживаетъ знакомство съ юридическими тонкостями или по крайней мѣрѣ съ сочиненіями покойнаго Неволлина, которыя въ ней и цитированы. Хотя юридическія соображенія г. Семенова не отличаются ни новостью, ни полнотою, но мы не можемъ не обратить вниманія на слѣдующія его слова: „Наконецъ выкупъ надѣла земли есть единственный исходъ изъ всѣхъ неопредѣлительныхъ отношеній. Онъ одинъ совершенно соответствуетъ духу нашего законодательства, которое признаетъ за правительствомъ только одно право располагать частною собственностію: отчуждать ее въ извѣстныхъ, закономъ опредѣленныхъ, случаяхъ (575 ст. 1 ч. и 40 ст. 2 ч. X т. Св. Зак. Изд. 1857) но отнюдь не присваиваетъ ему права входить за стороны въ договоръ или налагать по произволу сервитуты на частныя имущества.“

Что же это такое? Кто это пишетъ? Чей это отсталой, опальный, недовольный голосъ? Нѣтъ, это не голосъ крѣпостника-помѣщика, не голосъ человѣка привыкшаго не уважать законъ и обратившагося къ нему, лишь когда его собственный карманъ затронуть,—это голосъ стараго юри-

ста, голосъ члена редакціонныхъ комиссій. Да, какъ это вы кажется невѣроятнымъ, но это дѣйствительно написалъ самъ г. Семеновъ, и мы приводимъ слова эти вполнѣ, для того чтобы насъ не упрекнули въ умышенномъ перерывѣ фразы; но главное дѣло тутъ въ началѣ, именно въ толкованіи права отчужденія.

Напрасно коснулся г. Семеновъ вопроса объ *экспроприации*: это пунктъ весьма щекотливый; съ нимъ нужно обращаться съ большою осторожностію, а ея-то и не соблюдая г. Семеновъ. Впервыхъ, онъ самъ говоритъ *въ известныхъ, закономъ определенныхъ, случаяхъ*; но законъ обратнаго дѣйствія имѣть не можетъ, что должно быть известно такому ученому юристу, какъ г. Семеновъ. Ввторыхъ, еслибъ онъ прочелъ статьи *Свода Законовъ* слѣдующія за 575-й, на которую онъ ссылается, и дѣйствительно изучилъ смыслъ нашего законодательства объ обязательномъ отчужденіи, то увидѣлъ бы, что по закону требуется оцѣнка особыми комиссіями (мѣстными, оцѣночными, а не общими редакціонными), предварительная уплата полной стоимости, да еще съ надбавкой, а не съ вычетомъ пятой части этой стоимости. Здѣсь ошибка въ томъ, что вмѣсто плюса употребленъ минусъ,—ошибка, которую часто дѣлаютъ плохіе математики; а отъ юриста нельзя требовать, чтобы онъ былъ хорошимъ математикомъ и наоборотъ; это было бы очевидно несправедливо. Мы желаемъ быть справедливыми къ г. Семенову, и стараемся отклонить отъ него ту тѣнь, которую онъ на себя набрасываетъ своею неосторожною ссылкой на законъ по отчужденіи. Неужели г. Семеновъ не знаетъ, что всѣ коммунисты основываютъ свою теорію отрицанія права собственности именно на законѣ объ экспроприации? Вотъ въ чемъ заключается ихъ разсужденіе: если каждое правительство, говорятъ они, имѣетъ право занимать частную собственность для общепольныхъ предпріятій съ уплатою ея стоимости, то оно слѣдовательно имѣетъ право занять всю частную собственность. Въ этомъ заключается первая половина ихъ софизма. А вотъ и вторая: каждое правительство можетъ собирать подати въ томъ размѣрѣ, какъ почло бы оно нужнымъ; слѣдовательно, говорятъ они, оно можетъ взять себѣ всю ту сумму, которая причиталась бы въ вознагражденіе за отнятую частную собственность. Эти два: *слѣдовательно, чрезвычайно*

интересны и доказываютъ къ какимъ нецѣпостямъ можетъ привести теорія достиженія пользы большинства различными средствами. Подобная аргументація столь же логична какъ и слѣдующая: судьи имѣютъ право приговаривать нѣкоторыхъ гражданъ къ сылку въ каторжную работу, слѣдовательно судьи могутъ сослать въ каторжную работу все государство, кромѣ, разумется, самихъ себя, ибо никто въ своемъ дѣлѣ судьей быть не можетъ.

Вотъ въ какую плохую компанію попалъ г. Семеновъ отъ непослѣдовательности въ своихъ дѣйствіяхъ. То онъ говоритъ какъ крѣпостникъ, то заходитъ въ теоретическія владѣнія коммунистовъ, и все это потому, что старался оставить мысль свою доказательствами, для нея вовсе непригодными. Мысль эта найдена, наконецъ, нами на 833-й страницѣ, среди множества постороннихъ и вставочныхъ разсужденій, и выражена какъ бы мимоходомъ, почти незамѣтно. Для чего же такъ трудился г. Семеновъ, почему онъ прямо и откровенно не высказалъ ея, даже просто не выставилъ въ заглавіи? Она заключается въ слѣдующемъ: *Г. Семеновъ предлагаетъ обязать помещиковъ, продавать крестьянамъ землю по требованію сихъ послѣднихъ.* Къ чему же тутъ было завязать изъ Пруссіи; это дѣло можно было обдѣлать и дома. Вотъ оправдать его, это другой вопросъ. Оправдать его очень трудно, а этого-то именно и хотѣлось автору, и не удалось, несмотря на всѣ его хлопоты, несмотря на всѣ его юридическія познанія и даже несмотря на цитаты изъ сочиненій гг. Самарина, Бѣляева и Неволдина.

Всякая мѣра можетъ имѣть одно изъ двухъ основаній: теоретическое, или практическое, или наконецъ оба вмѣстѣ. Мы уже видѣли, на какихъ теоріяхъ можетъ быть основано обязательное отчужденіе поземельной собственности, и желали бы только знать, объявляетъ ли себя г. Семеновъ ихъ противникомъ или ихъ агентомъ. Мы не предполагаемъ послѣдняго, а потому и должны сказать, что его предложеніе лишено теоретическаго основанія, ибо этимъ основаніемъ можетъ въ настоящемъ случаѣ служить лишь теорія, что земля не принадлежитъ никому, а плоды ея всѣмъ. Посмотримъ, нѣтъ ли причинъ практическихъ и притомъ такихъ, что мы должны будемъ согласиться съ мнѣніемъ человѣка, который, какъ ни слабъ въ теоріи, имѣ-

еть однако полное право на признаніе за нимъ титула практика по крестьянскому вопросу.

Положимъ, что при существующемъ законномъ порядкѣ, который г. Семеновъ находитъ неудовлетворительнымъ, крестьяне, желая купить свой надѣлъ, собрали свидующую для того сумму наличными деньгами, привесли ее къ помѣщику, и просятъ совершить на ихъ имя купчую крѣпость. Можно смѣло сказать, что въ огромномъ большинствѣ случаевъ помѣщикъ согласится. Но онъ имѣетъ право отказать имъ, свидовательно такое исключеніе возможно. Разсмотримъ послѣдствія такого несогласія для крестьянъ, для самого помѣщика, и, наконецъ, вникнемъ въ вѣроятныя причины столь невѣроятнаго отказа.

Крестьяне, имѣя въ рукахъ денежный капиталъ, легко могутъ употребить его такимъ образомъ, чтобъ онъ давалъ имъ тѣ шесть процентовъ, которые они обязаны платить помѣщику. Объ этомъ, кажется, спорить никто не станетъ. Можетъ-быть имъ хочется сдѣлаться собственниками той земли, которая находится въ ихъ вѣчномъ пользованіи. Но развѣ они уже не собственники de facto безъ этого громкаго названія? Они могутъ дѣлать съ землею все что имъ угодно, передѣлывать ее между собою, строить на ней что хотятъ, продавать ее другъ другу, даже постороннимъ лицамъ, принимая ихъ въ свое общество, и наконецъ продавать ее самому помѣщику-собственнику, если онъ заплатитъ имъ за отказъ пользованія. Они не могутъ только продавать этой земли сосѣднимъ помѣщикамъ и закладывать ее въ частныя руки. Но развѣ у насъ государственныя крестьяне имѣютъ такое право въ отношеніи къ землямъ, которыя они почитаютъ своими, и даже къ такимъ, которыя дѣйствительно принадлежатъ имъ наследственно, на помѣстномъ правѣ, какъ у всѣхъ одноворцевъ? Бываютъ случаи, что крестьянинъ вынужденный обстоятельствами, но только не экономическими, а другого свойства, бросаетъ свою землю, и удаляется неизвестно куда; но чтобы крестьянинъ продавалъ землю, принадлежащую ему въ личную собственность,—это дѣло неслыханное. Предположеніе, что цѣлое сельское общество можетъ имѣть въ виду возможность, въ случаѣ нужды, продать свою землю—лишено всякаго практическаго смысла. Если крестьяне желаютъ въ настоящее время выкупать землю находящуюся

у нихъ въ пользованіи, то это болѣе всего съ цѣлью избавить отъ запутанности обязательныхъ отношеній, а только благодаря ей, выкупъ имѣетъ для крестьянъ нѣкоторую привлекательность; во всѣхъ же другихъ отношеніяхъ онъ въ ихъ глазахъ—излишняя роскошь. Итакъ, если помѣщикъ откажетъ крестьянамъ въ выкупѣ, то они нисколько этимъ не огорчатся, ибо ровно ничего не теряютъ при вѣчномъ пользованіи, и по ихъ мнѣнію, ничего не приобретаютъ при выкупѣ, а только, какъ мы okazaли, избавляются отъ запутанности обязательныхъ отношеній, которая и безъ того должна сама собою прекратиться.

Совершенно обратно вопросъ о выкупѣ представляется на практикѣ для помѣщиковъ. Сохраняя номинальное право собственника на землю предоставляемую въ вѣчное пользованіе крестьянамъ, помѣщикъ, весьма естественно, желаетъ обратить это право въ дѣйствительное, измѣнивъ форму принадлежащаго ему капитала изъ недвижимой въ движимую, и тѣмъ самымъ получить полное право располагать имъ, то-есть другими словами, помѣщику естественно желать продать землю крестьянамъ. Мы допустили, однако, предположеніе, что помѣщикъ не согласенъ на такую продажу или, точнѣе сказать, мы и разсматриваемъ именно тотъ случай, когда помѣщикъ откажетъ крестьянамъ въ согласіи на выкупъ ихъ полеваго надѣла, ибо отказать въ согласіи на выкупъ усадебнаго надѣла онъ права не имѣетъ не только по Положенію но уже на основаніи высочайшихъ рескриптовъ за нѣсколько лѣтъ предшествовавшихъ обнародованію Положенія. Допустимъ, однако, что онъ отказалъ имъ. Мы видѣли, что для крестьянъ этотъ отказъ не сопряженъ ни съ малѣйшимъ лишеніемъ, и должны сознаться, что не видимъ для помѣщика никакихъ выгодъ, которыя могли бы возбудить зависть къ нему въ комъ бы то ни было, кромѣ г. Семенова предложившаго стѣснить поземельную собственность этимъ новымъ неслыханнымъ сервитутомъ. Мы должны напомнить читателямъ не слѣшкомъ твердо знакомымъ съ Положеніемъ о крестьянахъ, что помѣщикъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ сохранить обязательную работу или барщину повинность, если сами крестьяне того не пожелаютъ, и что здѣсь слѣдовательно весь вопросъ состоитъ въ замири

капитала вѣчными процентами или вѣчныхъ процентовъ капиталомъ. Слѣдовательно, и намъ остается разсматривать только правильность отношенія между этими двумя величинами.

Помѣщикъ отказывается принять капиталъ вмѣсто получаемой имъ ежегодно суммы представляющей проценты со стоимости его земли. Какое значеніе можетъ имѣть такой отказъ? Очевидно, только одно: денежный капиталъ этотъ менѣе того, который онъ могъ бы получить изъ другаго разчета процентовъ. Въ настоящее время, это отношеніе выражается шестипроцентною капитализаціей, ибо таковы наши законные проценты; но со временемъ переѣна въ экономическихъ отношеніяхъ можетъ подать поводъ къ измѣненію въ отношеніяхъ законодательныхъ, какъ мы уже неоднократно видѣли на практикѣ, при вкладахъ и ссудахъ по кредитнымъ учрежденіямъ, и помѣщикъ можетъ слѣдовательно предполагать, что шестипроцентная капитализація замѣнится пяти-, четырехъ-, или даже трехъ-процентною капитализаціей, то-есть, что денежный капиталъ удвоится. Въ такомъ ожиданіи нѣтъ ничего слишкомъ эксцентрическаго, ибо извѣстно, что въ долгій промежутокъ времени цѣнность земли возрастаетъ, а цѣнность денежныхъ знаковъ напротивъ того падаетъ. Кромѣ того, самая цифра денежной повинности, на которой долженъ быть основанъ расчетъ капитала, можетъ быть измѣнена при всякой системѣ, по просьбѣ помѣщика, черезъ двадцать лѣтъ со дня обнародованія Положеній, на основаніи 186 ст. Мѣст. Под. великор. губ., и соответствующихъ ей другихъ статей прочихъ мѣстныхъ положеній. Эта переобработка даетъ надежду исправить тѣ неточности, которыя могли вкрасться при столь обширномъ трудѣ, какъ одновременное установленіе денежныхъ повинностей за поземельныя угодья во всѣхъ мѣстностяхъ столь обширнаго государства какъ Россія. Наконецъ, есть еще одно обстоятельство, и притомъ весьма важное, которое можетъ имѣть, и дѣйствительно имѣть, вліяніе на верасположеніе къ выкупу со стороны нѣкоторыхъ помѣщиковъ: это—та форма платежа, которая допускается, если крестьяне, какъ то постоянно и бываетъ, прибѣгаютъ за ссудою къ правительству. Выкупныя бумаги стоятъ въ настоящее время значительно выже номинальной своей цѣнности, и помѣщикъ

довольный размахомъ денежной повинности за свои земли и удовлетворяющийся шестипроцентною капитализаціей, конечно будетъ роптать, если его заставить противъ воли взять по номинальной цѣнѣ бумаги стоящія въ дѣйствительности почти вдвое менѣе, и притомъ приносящія не шесть, а только пять процентовъ съ своей номинальной цѣнности. Вотъ въ этомъ-то обстоятельствѣ и скрывается огромное различіе въ послѣдствіяхъ обязанности выкупа для крестьянъ и для помѣщика. Первые ни въ какомъ случаѣ ничего не теряютъ, но еще выигрываютъ отъ уменьшенія повинности на одну пятую долю, а послѣдній лишается почти половины капитала, при низкомъ состояніи курса выкупныхъ бумагъ. Но курсъ этотъ *можетъ-быть* поднимется? А тогда, *можетъ-быть*, и помѣщикъ согласится на выкупъ. Заставлять въ настоящее время насильно брать бумаги вмѣсто земли или денегъ, значитъ еще болѣе подрывать цѣнность этихъ бумагъ, и совершенно лишать землевладѣльцевъ собственности, даже не въ пользу крестьянъ, которые будутъ уплачивать въ казну капиталъ и проценты настоящими, ходячими деньгами, а въ пользу спекуляторовъ, которые скупаютъ эти бумаги за безцѣнокъ. Имѣлъ ли эту цѣль въ виду г. Семеновъ?

Кромѣ упадка бумагъ, обязательный для помѣщиковъ выкупъ заключаетъ въ себѣ еще одно анти-юридическое и анти-общественное обстоятельство, именно: преждевременную насильственную ликвидацію, и нарушеніе контракта между землевладѣльцами и кредитными учрежденіями. Положимъ, что теорія нарушенія контрактовъ, и провозглашеніе необязательности даннаго слова при экономическихъ сдѣлкахъ нашли въ нашей шаткой литературѣ ученыхъ защитниковъ въ лицѣ гг. Кавелина и Громеки; но теорія насильственной уплаты, или ликвидаціи до наступленія срока кредитнаго обязательства, никѣмъ еще не была проповѣдуема, и честь этой инициативы всецѣло принадлежитъ г. Семенову; безъ всякаго умаленія чьимъ-либо участіемъ, даже со стороны французскихъ теоретиковъ извѣстнаго времени. Вотъ въ чемъ заключается это открытіе: А занялъ у В деньги съ условіемъ уплаты капитала малыми долями въ продолженіи 33 и даже 37 лѣтъ; по новой теоріи, третье лице С (крестьяне) имѣютъ право заставить А заплатить капи-

таль разомъ, т. е. ликвидировать долгъ прежде того срока, на который была заключена сдѣлка. Если не таковъ смыслъ предложенія г. Семенова, то другаго мы отыскать въ немъ не въ силахъ.

Мы уже указали на несоотвѣтственность между предложеніемъ г. Семенова и тѣми юридическими основаніями, которыми онъ старается подкрѣпить его, а также и на тѣ теоріи, съ которыми оно имѣетъ непосредственную логическую связь. Теперь мы должны сказать, что по отношенію къ практикѣ, предложеніе его должно имѣть сѣдующее послѣдствіе: въ огромномъ большинствѣ случаевъ, оно не найдетъ никакого примѣненія, а нѣкоторымъ землевладѣльцамъ причинитъ значительный вредъ, и еще болѣе поколеблетъ понятіе неприкосновенности права собственности, и безъ того слишкомъ слабо развитое въ нашемъ народѣ. Этого ли практическаго результата добивался г. Семеновъ?

Въ исторіи государства наступаютъ иногда такіа эпохи, что исправленіе стараго зла, укореившагося не только обычаями, но освященнаго уже закономъ, не возможно безъ нѣкотораго нарушенія правильности экономическихъ отношеній, сложившихся на основаніи этого закона. Такое нарушеніе права собственности оправдывается не теорією выгодъ большинства, не ученіемъ утопистовъ о благой цѣли, но необходимостію предупрежденія еще бѣльшаго зла, устраниенія еще болѣе обширнаго нарушенія права собственности, и даже общественной безопасности. Мѣры, въ которыя облекается подобная реформа, должны быть такъ обдуманы, чтобы въпервыхъ онѣ сопровождались наименьшими потерями, а вовторыхъ, чтобы экономической порядокъ имѣ нарушенный, пришелъ какъ можно скорѣе въ правильное равновѣсіе. Мы не станемъ говорить о томъ, въ какой степени Положенія о крестьянахъ удовлетворяютъ этимъ условіямъ. Во всякомъ случаѣ Положенія эти законодательный фактъ, и намъ остается только желать, чтобы реформа ими опредѣляемая, скорѣе перешла въ область фактовъ вполне совершившихся. Можно еще приискать нѣкоторое оправданіе тому перевѣсу, который данъ интересамъ пользователей надъ интересами собственниковъ; но никакими софизмами нельзя защитить попытку г. Семенова вполне уничтожить право этихъ послѣднихъ,

и вмѣсто возстановленія равновѣсія совершенно опрокинуть экономическую машину.

Мы обѣщались возвратиться къ статьѣ г. Самарина и указать на замѣчательныя въ ней мѣста, но предѣлы нашей замѣтки не позволяютъ намъ пускаться въ подробный разборъ ея, и мы ограничиваемся выпискою одного мѣста о прусской королевской канцеляріи и ея вліяніи на законодательство и администрацію во времена Штейна. *Сельское Благоустройство*, кн. 1-я стр. 141, статья Ю. Самарина: „О крѣпостномъ правѣ въ Пруссіи“¹⁾ Вотъ это мѣсто:

„Первоначально кабинетъ былъ не болѣе какъ королевская канцелярія... Члены кабинета, изъ секретарей превратились въ государственныхъ совѣтниковъ, которые, при докладѣ проектовъ и отчетовъ поступавшихъ изъ министерствъ, имѣли полную возможность возбуждать сомнѣнія, противодействовать видамъ министровъ и проводить собственные идеи. Къ собственно-служебному антагонизму между министрами и членами кабинета присоединилась сословная вражда. Министерскія должности замѣщались исключительно изъ дворянъ, а мѣста совѣтниковъ¹ болѣею частію были заняты людьми неродословными, вышедшими изъ среднихъ слоевъ общества. Они выдавали себя за представителей либерализма, тогда какъ въ сущности, они были представителями чиновничьяго направленія и канцелярскаго взгляда на вещи. Но всего вреднѣе и хуже было то, что совѣтники, не принимая дѣятельнаго участія въ управленіи, не несли никакой отвѣтственности ни за подаваемые ими совѣты, ни за направленіе, сообщаемое ими дѣламъ, переходившимъ черезъ ихъ руки. Королевская власть покрывала ихъ безгласное участіе, а исполненіе и вся тяжесть отвѣтственности падала на министровъ, вынужденныхъ руководствоваться видами, часто противоположными ихъ собственнымъ убѣжденіямъ.“

Скажемъ въ заключеніе, что г.—Семеновъ не можетъ упрекнуть насъ въ томъ, что мы относились къ статьѣ его поверхностно и небрежно. Читатели видѣли какъ тщательно и подробно мы изучали ее и въ частяхъ, и въ цѣломъ; но несмотря на всѣ наши усилія, мы не могли выяснить себѣ, съ какою цѣлію статья эта была написана. Чтобы не

¹ То-есть членовъ той канцеляріи, которая обращалась въ кабинетъ.

упрекнули насъ хотя въ малѣйшемъ неважаніи, мы рассмотримъ даже послѣднюю изъ послѣднихъ строчекъ,—ту, которая стоитъ ниже подписи имени г. Семенова. Въ этой строчкѣ значится: *декабря 29-го 1861 года*. Нельзя ли вывести какого-нибудь заключенія, въ пользу г. Семенова, изъ сближенія этого числа съ числами предыдущихъ или послѣдующихъ законодательныхъ явленій по крестьянскому дѣлу? Самымъ замѣчательнымъ фактомъ въ этомъ отношеніи представляется высочайше утвержденное мнѣніе государственнаго совѣта 27-го іюня 1862 года о распространеніи содѣйствія правительства на выкупъ крестьянскаго надѣла въ имѣніяхъ состоящихъ на издѣльныхъ повинностяхъ. Мѣрою этою дана возможность владѣльцамъ имѣній, гдѣ хозяйство основано на запашкѣ, дѣйствительно распоряжаться этою запашкой по своему усмотрѣнію, а не по произволу крестьянъ, и хотя съ пожертвованіемъ болѣе нежели пятой части стоимости крестьянскаго надѣла, выйти изъ-подъ ихъ хозяйственной опеки. Прежде нежели проектъ этой мѣры утвержденъ былъ законодательнымъ порядкомъ, онъ конечно обсуждался и рассматривался въ разныхъ инстанціяхъ, и слѣдовательно имѣлъ своихъ защитниковъ и своихъ противниковъ. Мы помнимъ, какъ общественное мнѣніе было сильно заинтересовано положительнымъ рѣшеніемъ этого вопроса, а теперь видимъ, что г. Семеновъ повѣрялъ въ те время бумагъ свои тенденціи, и должны благодарить судьбу, что его усилія не были награждены успѣхомъ.

В. РЖЕВСКІЙ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

СОРОКЪ ВТОРАГО ТОМА.

НОЯБРЬ.

	<i>Стр.</i>
✓ Европа въ концѣ XVIII вѣка. Статья четвертая. <i>С. М. Соловьева.</i>	7
✓ Семейныя записки. (Окончаніе.) <i>Толычовой.</i>	30
Поземельный кредитъ и переселеніе иностранныхъ ка- питаловъ. <i>Густава де-Молинару.</i>	82
✓ Воспоминаніе о П. Я. Чаадаевѣ. <i>М. Н. Лонгинова.</i>	119
✓ Шестая часть свѣта. Разказъ. <i>А. В. Голицынскаго.</i>	161
✓ О даровомъ ученіи и легкомъ приобрѣтеніи дворян- скаго званія. <i>Д. П. Скуратова.</i>	205
О различныхъ системахъ податей. <i>Д. В. Гечевича.</i>	223
✓ Поездка въ Горную Шотландію. <i>В. Д.</i>	267
Французскіе суды. <i>М. Н. Заруднаго.</i>	296
✓ Безъ роду и племени. Романъ Вильки Колинза. Сцена IV. Переводъ съ англійскаго.	335
✓ Питеръ Граймсъ. Разказъ въ стихахъ изъ Крабба. <i>Д. Е. Мина.</i>	415
✓ Разказы госпожи де-Гаспаревъ. <i>К. П.</i>	426

ДЕКАБРЬ.

О кредитѣ. По поводу вопроса объ учрежденіи позе- мельныхъ банковъ. <i>П. В. Свистунова.</i>	466
✓ Чешская деревня. <i>А. С. Троянскаго.</i>	541
Камель преткновенія. <i>Ольги Н.</i>	560
✓ Занятія Пушкина. Къ матеріялаъ для его біографіи. <i>Я. К. Грота.</i>	636
Муридизмъ и газаватъ въ Дагестанѣ по объясненію Ша- миля. <i>А. Рунновскаго</i>	646
✓ Безъ роду и племени. Романъ Вильки Колинза. Сцена IV. Переводъ съ англійскаго.	686
✓ Провинціальный актеръ. Драма въ 3-хъ дѣйствіяхъ. <i>Л. Н. Самсонова.</i>	734
О различныхъ системахъ податей. <i>Д. В. Гечевича.</i>	776
✓ Какъ издаются у насъ книжки о расколѣ. III. <i>Н. С—на.</i>	800
Да или нѣтъ? По поводу статьи г. Семенова, „Осво- божденіе крестьянъ въ Пруссіи“, помѣщенной въ № 8 <i>Русскаго Вѣстника</i> , за 1862 годъ. <i>В. К. Ржевскаго.</i>	816

AUG 23 1937

LEATHER — FULL CHROME

Digitized by Google

